

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 08191261 4

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

INDEXEL

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. Катковъ

ТОМЪ СТО СОРОКЪ ПЕРВЫЙ.

МОСКВА

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ)

На Страстномъ Бульварѣ

1879

4362

ЭМПИРИЗМЪ И ДОГМАТИЗМЪ *

ВЪ ОБЛАСТИ МЕДИУНИЗМА

IX.

Въ сеансахъ со Слэдомъ Цѣльнеръ видѣлъ не разъ и появленіе рукъ,—феноменъ который наблюдали и о которомъ писали весьма многіе, между прочимъ и Круксъ, и Вагнеръ, и я. (*Медиумическія Явленія*, стр. 340.)

Цѣльнеръ разказываетъ объ этомъ слѣдующее: (*W. Abh. II*, стр. 340). „Почти при всѣхъ сеансахъ, въ то время когда руки Слэда и присутствующихъ лежали на столѣ и были видимы, а ноги Слэда были направлены въ сторону и также могли быть наблюдаемы, мы чувствовали подъ столомъ прикосновеніе рукъ, а иногда при тѣхъ же условіяхъ руки эти были, хотя и кратковременно, видимы нами. Я желалъ поэтому сдѣлать опытъ который бы представилъ еще болѣе убѣдительное доказательство существованія подобныхъ рукъ. Съ этою цѣлью я предложилъ Слэду поставить подъ столъ фарфоровый сосудъ наполненный до краевъ пшеничною мукой, и выразить его „духамъ“ желаніе чтобъ они прежде прикосновенія къ намъ погрузили свои руки въ муку. При

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 48.

этихъ условіяхъ видимые слѣды прикосновенія должны были остаться на нашемъ платкѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ руки и ноги Слэда могли быть подвергнуты осмотру, чтобы видѣть не пристаала ли къ нимъ мука. Слэдъ тотчасъ же согласился на мое предложеніе. Я взялъ большую фарфоровую чашку, около одного фута въ поперечникѣ и дюйма въ два глубины, наполнилъ ее равномерно до краевъ мукою и поставилъ подъ столъ, не обращая на первый случай вниманія на то что изъ этого выйдетъ. Мы около пяти минутъ продолжали наши магнетическіе опыты и руки Слэда во все время оставались у насъ на виду на столѣ, какъ вдругъ я почувствовалъ что мое правое колено подъ столомъ сильно охватила и сжала большая рука; это прикосновеніе продолжалось около секунды, и въ ту минуту какъ я сообщилъ объ этомъ присутствующимъ и хотѣлъ встать, чашка съ мукою, безо всякаго видимаго къ ней прикосновенія, была выдвинута изъ-подъ стола по полу фута на четыре. На моемъ платкѣ оказалась мучной отпечатокъ большой сильной руки, а на поверхности муки находилась углубленный оттискъ пяти пальцевъ, въ которомъ видны были всѣ тончайшія складочки кожи. Руки и ноги Слэда были тотчасъ осмотрѣны и на нихъ не оказалось ни малѣйшаго слѣда муки, а сравненіе его собственной руки съ оттискомъ на мукѣ показало что послѣдній значительно больше.“

Это навело Цѣльнера на мысль для полученія болѣе прочныхъ отпечатковъ употребить закопченную бумагу, наклеенную на доску. Такая бумага была положена подъ столъ и на ней получилась отпечатокъ, но уже не руки, а голый лѣвой ноги. Немедленный осмотръ ногъ Слэда показалъ что сажки на чулкахъ его не было и чулки не имѣли разрѣза снизу („какъ это предполагали“, замѣчаетъ Цѣльнеръ, „нѣкоторые изъ лейпцигскихъ людей науки. Лица эти съ довѣріемъ принимали наши наблюденія въ незначительныхъ видахъ, а въ этомъ случаѣ, въ дѣлѣ точнаго наблюденія, не стѣснялись поучать насъ отъносительно соблюденія самыхъ грубыхъ элементарныхъ правилъ“).

„Чтобы предупредить, пишетъ Цѣльнеръ далѣе (стр. 347), всѣ подобныя сомнѣнія, а также и тѣ попытки объясненія котóрыя почти столь же чудесны какъ самі факты, я предложилъ Слэду опыты долженствовавшій легко удалиться съ точки зрѣнія гипотезы четырехмѣрности пространства.

Если наблюдаемые нами дѣйствія производятся разумными существами, присутствующими въ абсолютномъ пространствѣ на мѣстахъ находящихся по направлению четвертаго измеренія близъ мѣстъ занимаемыхъ Славомъ и нами въ трехмѣрномъ пространствѣ (существами которыя по этому самому должны оставаться для насъ невидимыми), то для насъ внутренность закрытой со всѣхъ сторонъ *тремѣрной* фигуры должна быть доступна такъ же легко какъ доступна для насъ внутренность площади ограниченной замкнутою линіей...

„Чтобы констатировать наблюдениемъ такой фактъ, я взялъ мою самую кулачную двойную складную аспидную доску (book-plate), т.-е. двѣ доски соединенныя вмѣстѣ съ одного ребра шарниромъ и открывающіяся подобно книгѣ. Въ отсутствіи Слава я наклеилъ на обѣ доски со внутренней стороны по полулисту моей собственной писчей бумаги и покрылъ ее, непосредственно предъ засѣданіемъ, колотью. Я сложилъ затѣмъ доску и замѣтилъ Славу что если моя теорія существованія въ природѣ разумныхъ четырехмѣрныхъ существъ имѣетъ основаніе, то эти существа легко могутъ и въ закрытой внутренности доски произвести тѣ отпечатки которые до сихъ поръ получались на открытыхъ поверхностяхъ. Славъ усмѣхнулся и отвѣтилъ что это окажется совершенно невозможнымъ. Самъ его „духи“, которыхъ онъ спросилъ, были сначала ловидимому поражены моимъ предложеніемъ, но потомъ отвѣчали обыкновенною осторожною фразой, написавъ ее на аспидной доскѣ: „Мы это попробуемъ“ („We will try it“). Къ большому моему удивленію Славъ согласился чтобъ я положилъ закрытую сложную двойную доску на время засѣданія къ себѣ на колѣни. Такимъ образомъ во время сеанса я ее могъ видѣть на половину, а до этого со времени покрытія бумага конотью я не выпускалъ ее изъ своихъ рукъ. Мы сидѣли у стола въ ярко освѣщенной комнатѣ минутъ съ пять, соединивъ по обыкновенію свои руки съ руками Слава на поверхности стола, какъ вдругъ я почувствовалъ два раза, однажды вслѣдъ за другимъ, какъ доска на моихъ колѣняхъ была нажата; при этомъ я ничего однакоже не видалъ. Три стука въ столъ уведомили что все кончено, и когда я открылъ доску, то внутри на одной изъ сторонъ находилась отпечатокъ правой, а на другой сторонѣ оттискъ лѣвой ноги, той же самой которая отпечаталась и въ предыдущіе два вечера“.

„Предоставляю судить самимъ моимъ читателямъ насколько возможно для насъ послѣ подобныхъ фактовъ считать Савда обманщикомъ или фокусникомъ“ (стр. 347 и слѣд.).

Къ этому я имѣю возможность прибавить что недавно моему другу, профессору Н. П. Вагнеру, удалось получить здѣсь аналогичный феноменъ въ одномъ кружкѣ, гдѣ не присутствовало никакого *профессиональнаго* медиума и не было ни малѣйшаго разумнаго основанія заподозрить подлинность явленій. Отпечатокъ произошелъ въ этомъ случаѣ такъ же какъ и у Цѣльнера на заколоченой бумагѣ, наклеенной на внутреннихъ сторонахъ окардной аспидной доски, причемъ обѣ сложеныя вмѣстѣ половинки этой доски были скрѣплены между собою печатами. На одной изъ сторонъ отпечаталась не вполнѣ отчетливо нога, а на другой рука. Оттискъ послѣдней настолько ясенъ что мѣстами видны всѣ подробности строенія кожи. Но всего замѣчательнѣе то что отпечатавшаяся рука представляетъ *только характерныя особенности* строенія которыя свойственны были рукѣ одной дѣвцы умершей за нѣкоторое время предъ тѣмъ: лица знавшія эту дѣвицу *немедленно признали отпечатавшуюся руку какъ принадлежащую ей*. Между этими лицами были притомъ и такія которыя вовсе не знали о способѣ происхожденія отпечатковъ и считали ихъ естественными еще при жизни упомянутой дѣвцы *.

Возражая противъ реальности медиумическихъ явленій, часто ссылаются на условія при которыхъ эти явленія происходятъ. Условія эти находятъ неблагоприятными для наблюденія и упрекаютъ наблюдателей въ томъ что они не изучали явленій при совершенно другихъ условіяхъ поставленныхъ ими самими.

Удалось сказать по этому поводу: „Люди науки почти всегда полагаютъ что при этихъ изслѣдованіяхъ они уже съ самаго начала могутъ предписывать условія, и если подъ этими условіями ничего не происходитъ, то они видятъ тутъ обманъ или заблужденіе. Но они хорошо знаютъ что при всѣхъ другихъ изслѣдованіяхъ явленій природы не сами они налагаютъ тѣ существенныя условія безъ соблюденія которыхъ никакой омытъ не удастся. Условія эти указываются терпѣли-

* Подробный разказъ объ этомъ наблюденіи печатается въ майской книжкѣ журнала *Psychische Studien* за текущій годъ.

вымъ вопрошаніемъ природы.“ (*Медиумическія Явленія. Русскій Вѣстникъ* 1875, ноябрь, стр. 323.) Цёлльверъ естественно держится такого же мнѣнія. Отвѣчая на вопросъ: насколько мы въ правѣ и насколько разумно при новыхъ явленіяхъ ставить условія при которыхъ эти явленія должны произойти, онъ говоритъ (*W. A. II, 350*) слѣдующее: „Для развитія на поверхности тѣлъ электричества отъ тренія необходима сухость воздуха. То обстоятельство что эти опыты не удаются во влажномъ воздухѣ опредѣляетъ условія опыта, и это очевидно не могло быть установлено а priori, а выведено изъ тщательнаго наблюденія тѣхъ обстоятельствъ при которыхъ природа представляетъ намъ въ извѣстныхъ случаяхъ упомянутое явленіе. Въ томъ-то и заключается искусство и остроуміе наблюдателя что онъ, не мѣшая своимъ произволомъ ходу явленія, дѣлаетъ наблюденія такъ чтобы выведенная изъ нихъ заключенія исключали возможность ошибки и заблужденія. Развѣ тѣмъ лицамъ которыя первыя утверждали реальность паденія метеорныхъ камней можно было бы предписать условія при которыхъ они должны были наблюдать эти паденія? Вступая въ новую область, надобно постоянно имѣть въ виду слова Вирхова, сказанныя имъ на собраніи естествоиспытателей въ Мюнхенѣ въ его рѣчи *О свободѣ науки въ современномъ государствѣ*: „Если что „отлучаетъ меня, то это именно сознаніе моего незнанія. „Такъ какъ я, мнѣ кажется, довольно ясно сознаю чего я „именно не знаю, то каждый разъ когда мнѣ приходится „вступитъ въ область для меня новую, я говорю себѣ: *тебѣ „приходится теперь учиться снова.*““

Съ этимъ не можетъ не согласиться каждый разумный исследователь, но Цёлльверъ тутъ же поясняетъ даже что самъ Вирховъ совсѣмъ однакоже не послѣдовалъ своему правилу, когда дѣло коснулось опытовъ со Сладомъ, и предложилъ ему условія о которыхъ А. Н. Аксаковъ высказалъ въ журналѣ *Psychische Studien* (1878 стр. 11) между прочимъ слѣдующія цитуемыя Цёлльверомъ (*W. A. II, стр. 351*) слова:

„Вотъ ученый, который, не зная еще азбуки явленій дѣлающихся предметомъ его изслѣдованія, уже налагаетъ на нихъ свои собственные условія! Развѣ такой способъ можетъ быть одобренъ и даже терпимъ при разработкѣ какой-либо отрасли естествознанія?!... Это—первый ложный шагъ! И при

томъ каковы были эти условія? Свэдъ долженъ былъ позволить профессору Вирхову связать свои ноги и руки и посадить наблюдателя футахъ въ двухъ отъ стола. Это—условія требуемыя нѣмецкимъ ученымъ, имѣющимъ большую извѣстность, а между тѣмъ какъ они не логичны и не доказательны! Допустимъ въ самомъ дѣлѣ что Свэдъ согласился бы на нихъ и сейчасъ тѣмъ не менѣе удался бы. Г. Вирховъ первый, а за нимъ и всѣ, пришли бы къ заключенію что Свэдъ былъ *плохо связанъ*, а наблюдатель *плохо наблюдалъ* и что искусство фокусника превзошло остроуміе ученаго.“

Но въ томъ-то и дѣло что при терпѣливомъ и добросовѣстномъ отношеніи наблюдателя къ вопросу подобныя условія становятся ненужными или такъ-сказать удовлетворяются сами собою. Такъ случилось напиримѣръ у Цзальнера и его друзей относительно положенія наблюдателя не у стола, а въ сторонѣ, какъ того желалъ Вирховъ и требуютъ нерѣдко многіе другіе. Цзальнеръ разказываетъ объ этомъ слѣдующее: „Свэдъ предложилъ намъ самъ наблюдать *прямо* зрѣніемъ движеніе стекляннаго колокола, поставленнаго подъ столомъ, и убѣдиться въ томъ что движеніе это происходитъ безъ его прикосновенія. Для этой цѣли мы сѣли (надобно замѣтить что опыты надъ движеніемъ стекляннаго колокола подъ столомъ дѣлались у Цзальнера и прежде, но въ то время когда присутствующіе всѣ сѣдѣли у стола) въ разстояніи футовъ четырехъ отъ стола. Свѣчами, соответственно поставленными, пространство подъ столомъ было такъ освѣщено что мы могли удобно наблюдать что тамъ происходило. Стеклянный колоколъ поставили подъ столомъ и притомъ ближе къ сторонѣ обращенной къ намъ, приблизительно на линіи проведенной чрезъ обѣ ближайшія къ намъ ножки стола. Свэдъ сѣдѣлъ на противоположной сторонѣ, помѣстивъ ноги подъ свой стулъ, что намъ было хорошо видно. Такимъ образомъ ноги его находились футахъ въ трехъ разстояніи отъ колокола. Чрезъ нѣкоторое время колоколъ вдругъ началъ сильно двигаться безо всякаго прикосновенія со стороны Свэда. Принявъ косвенное положеніе, онъ началъ кататься на своемъ нижнемъ краѣ, описывая кругъ. Стальной шарикъ (подвѣшенный внутри колокола) ударялъ при этомъ по колоколу, скользя по внутренней поверхности его стеклянныхъ стѣнокъ“ (W. Abh. II, стр. 338).

X.

Окончивъ изложеніе наиболѣе выдающихся наблюденій сѣдлаемыхъ и описанныхъ Цѣллнеромъ, я воспользуюсь случаемъ чтобы сообщить кое-что изъ видѣннаго мною по части медиумизма въ сентябрѣ 1875 года въ Лондонѣ и Брюсселѣ. Вскорѣ послѣ возвращенія я написалъ тогда статью которая и была напечатана въ журналѣ *Psychische Studien* (1876, стр. 6 и 64), но не появлялась до сихъ поръ въ русской печати. Передаю мой разказъ въ сокращенномъ видѣ.

Пріѣхавъ въ сентябрѣ въ Лондонъ, я уже нашелъ тамъ моего друга, А. Н. Аксакова, и во все время мы были почти неразлучны. Мы видѣли тамъ, между прочимъ, гжу Кети Ленкенъ, прежнюю миссъ Фоксъ, въ присутствіи которой, какъ извѣстно, произошло появленіе первыхъ медиумическихъ стуковъ въ Рочестерѣ въ Соединенныхъ Штатахъ. Гжа Ленкенъ не профессиональный медиумъ. Она совершенно поглощена домашнею жизнью и воспитаніемъ двухъ маленькихъ сыновей.

Въ своей частной жизни она окружена медиумическими явленіями и когда съ нею разговариваешь, безъ всякаго сенса, при полномъ дневномъ свѣтѣ, нерѣдко появляются весьма опредѣленные стуки принимающіе участіе въ разговорѣ. Эти стуки, происходящіе въ присутствіи гжи Ленкенъ, замѣчательно громки и имѣютъ большею частью особый характеръ: они бывають обыкновенно двойные. Мы услышали эти звуки при первомъ посѣщеніи гжи Ленкенъ въ утреннее время. Стуки раздавались въ полу; но когда гжа Ленкенъ положила руку на полурастворенную дверь, сѣдлаемую изъ тонкой доски, и желала чтобы произошли стуки, то они раздались тотчасъ же въ двери и даже согласно съ выраженнымъ желаніемъ непосредственно подъ моимъ ухомъ, когда я приложилъ его къ поверхности двери... Въ другой разъ, мы сидѣли за столомъ, на которомъ горѣла лампа; настоящаго сенса не было и гжа Ленкенъ была занята разливаніемъ чаю, какъ вдругъ снова раздались стуки. Они слышались и въ полу, и въ столѣ, и были въ этотъ разъ до такой степени сильны что столъ положительно каждый разъ содрогался, и удары въ немъ, еслибъ ихъ и не слышать, легко можно было

бы ощущать по его содроганіямъ. Въ то время какъ мы продолжали еще пить чай, я почувствовалъ какъ вѣжные пальцы касаются моихъ кофѣвъ подъ столомъ, между тѣмъ какъ гжа Ленкенъ оставалась совершенно пассивною, точно такъ же какъ это было и во время стуковъ. Немного погодя мы услышали шорохъ раздираемаго листа газетной бумаги, который случайно лежалъ подъ столомъ, и я почувствовалъ что мою руку трогаютъ этою бумагой... Подъ столъ положенъ былъ теперь листъ лической бумаги и цвѣтной карандашъ, съ одного конца синій, съ другаго красный. Хотя я и не выражалъ какихъ-либо подозрѣній, но гжа Ленкенъ показала мнѣ предварительно свои ноги, сбросивъ на минуту туфли. На ней были обыкновенныя бѣлые чулки. Во все время она оставалась настолько неподвижною и сидѣла настолько отодвинувшись отъ стола что нельзя было подозрѣвать ея прямого участія въ происходившемъ. Лампа во все время продолжала горѣть на нашемъ столѣ. При этихъ условіяхъ послышался черезъ нѣсколько мгновеній шорохъ писанія, и на одной половинѣ бумаги оказались написанными красными, а на другой синими буквами слова: God bless you.

Позже я имѣлъ случай снова слышать замѣчательные стукі происходящіе въ присутствіи гжи Ленкенъ. Это было на вечеръ „Британскаго Общества Спиритуалистовъ.“ Въ ярко освѣщенной комнатѣ, наполненной гостями, раздались стукі, какъ скоро гжа Ленкенъ этого пожелала. Между прочимъ, эти стукі раздавались въ тонкихъ досчатыхъ стѣнкахъ шкала... Изъ всего того что я видѣлъ въ присутствіи гжи Ленкенъ я долженъ вывести заключеніе что явленія ея окружающія чрезвычайно объективны и убѣдительны. Для самаго закоренѣлаго, но добросовѣстнаго скептика было бы достаточно слышать упомянутые стукі чтобъ оставить въ сторонѣ всѣ ухищренія объяснить ихъ чревоушчаніемъ, движеніемъ сухожилій и т. п.

Другой медиумъ, замѣчательные сеансы котораго мы имѣли случай видѣть,—это извѣстный Уильямсъ. Мои наблюденія сдѣланныя въ его присутствіи показываютъ какъ легко можно прити къ слишкомъ послѣшнымъ заключеніямъ, если берешься судить не имѣя достаточнаго запаса опытности...

Вечеромъ былъ у Уильямса обыкновенный лубличный сеансъ, къ которому допускается всякій залагившій полкроны. Я пошелъ туда одинъ и нашелъ залу почти пустою.

Немного позже явилось еще пять личностей, которыя очевидно были всѣ знакомы съ Уильямсомъ. Сеансы происходили въ темной комнатѣ, и явленія были очень сильны и разнообразны, но всѣ они показались мнѣ чрезвычайно подозрительными; въ неизвестномъ мнѣ помѣщеніи, окруженномъ чужими, я разумѣется не чувствовалъ себя въ увѣренности и не могъ не сомнѣваться... Я пришелъ отъ Уильямса домой подъ самымъ неприятнымъ впечатлѣніемъ, полный подозрѣнія что въ теченіе цѣлаго вечера я былъ игрушкой компаніи людей хорошо знакомыхъ между собою, но неизвестныхъ мнѣ. Чтобы отвѣтить на вопросъ, происходятъ ли настоящія медиумическія явленія у Уильямса (хотя бы тѣ которыя я видѣлъ у него на дому и были поддѣльны), мы, Аксаковъ и я, пригласили Уильямса къ себѣ и устроили съ нами пять сеансовъ въ нашей гостиницѣ. Только при одномъ изъ этихъ сеансовъ (и притомъ неудачномъ) присутствовалъ одинъ нашъ знакомый Русскій; во всѣхъ остальныхъ четырехъ сеансахъ мы были только троимъ: Уильямсъ, Аксаковъ и я. Изъ этихъ четырехъ засѣданій два были таковы что они не оставили болѣе мѣста сомнѣнію. Сеансы происходили въ комнатѣ гдѣ жилъ Аксаковъ. Три сеанса—и между ними два болѣе удачныхъ—были днемъ, причемъ единственное находившееся въ комнатѣ окно завѣшивалось такъ что въ комнатѣ было совершенно темно. Комната была маленькая, съ одною только дверью, ведущею въ свѣтлый корридоръ; въ комнатѣ находилась лишь обыкновенная мебель, всегда помѣщаемая въ комнатахъ отелей. Между этою мебелью даже не было шкала. Стѣны были покрыты обоями, и мы хорошо видѣли что онѣ не представляютъ ничего подозрительнаго. Съ обѣихъ сторонъ комната прилежала къ двумъ другимъ жилымъ комнатамъ, изъ которыхъ одну занималъ я самъ. Начало каждаго сеанса происходило за маленькимъ столикомъ, причемъ мы оба держали Уильямса крѣпко за обѣ руки и соединяли также наши руки вмѣстѣ. Въ послѣднихъ трехъ засѣданіяхъ Уильямсъ сидѣлъ сначала у столика, а потомъ въ такъ-называемомъ „кабинетѣ“, который былъ образованъ просто изъ моего лаеда, развѣшаннаго наискось въ углу комнаты.

Я не буду здѣсь описывать подробно каждое засѣданіе, а разкажу только о болѣе рѣзкихъ явленіяхъ. Въ то время какъ мы сидѣли у стола, крѣпко держа Уильямса,

различные предметы были перемесены къ намъ съ комода. Комодъ этотъ стоялъ за спиною Уильямса въ разстояніи футовъ четырехъ отъ него. Уильямсъ оставался при этомъ совершенно неподвижнымъ. Есаибъ онъ былъ даже настолько свободенъ чтобы могъ сидя дѣйствовать руками, то упомянутые предметы все-таки были бы для него недоступимы. Въ первомъ засѣданіи лицо Аксакова вдругъ подверглось прикосновенію чего-то мягкаго. Это былъ, какъ мы узнали послѣ, его шелковый шарфъ, лежавшій на комодѣ въ шаялѣ и явившійся къ намъ вмѣстѣ съ нею. Въ самомъ дѣлѣ, тотчасъ послѣ, шаяла надѣлась на голову Аксакова, а потомъ, согласно выраженному маю желанію, немедленно перешла на мою голову. Въ другое засѣданіе, при томъ же самомъ положеніи сидящихъ, подыался на воздухъ музыкальный ящикъ который стоялъ на нашемъ столѣ и игралъ. Ящикъ этотъ, продолжая играть, нѣсколько времени оставался въ воздухѣ, какъ это было слышно по звукамъ; потомъ онъ на нѣкоторое время опустился на мое правое плечо, обращенное къ Уильямсу, между тѣмъ какъ я продолжалъ держать Уильямса влѣвъ крѣлко. Въ другой разъ съ упомянутого выше комода и при томъ же положеніи сидящихъ явились къ намъ на столѣ, и частью были даны намъ въ руки, различные предметы: сличечница, которая оказалась при этомъ открытою, платяная щетка и дорожные ремни.

Въ то время какъ Уильямсъ находился въ кабинетѣ, т.-е. сидѣлъ за моимъ развѣшаннымъ ледомъ, крѣлко связанный, явленія были еще гораздо страннѣе и преимущественно въ двухъ послѣднихъ сеансахъ. Въ то время какъ мы сидѣли еще за столомъ, мы услышали голоса „Питера“ и „Джона Кинга“. Эти личности, какъ извѣстно, обыкновенно появляются въ сеансахъ Уильямса, и послѣднюю изъ нихъ обыкновенно не только можно слышать, но и видѣть. Голосъ „Джона Кинга“ представляетъ почти противоположность голосу „Питера“: „Джонъ“ говоритъ басомъ и весьма скоро. Голосъ этотъ пригласилъ насъ начать сеансъ при помощи кабинета. Тогда мы зажгли на нѣкоторое время свѣчу. Уильямсъ сѣлъ на низенькій стулъ за завѣской и былъ привязанъ за шею и за руки, связанные вмѣстѣ, къ гвоздямъ нарочно вбитымъ для этой цѣли въ стѣну; для завязки служила бѣлая тесемка. Въ послѣднемъ засѣданіи предосторожности были еще строже: мы ввинтили въ стѣну нѣсколько маталическихъ ко-

лечь, обвязали шею медиума тесемкой, обвязали также кускомъ тесемки его руки около суставовъ выше кисти, причемъ тесьма гладко была обвита три раза вокругъ каждой руки и затѣмъ руки были связаны вмѣстѣ. Идущіе отъ нихъ и отъ шеи концы мы продѣли въ упомянутыя кольца и провели тесемки къ нашему столу, гдѣ я во все время засѣданія держалъ ихъ въ моей лѣвой рукѣ. Каждый разъ завязки были находимы по окончаніи сеанса совершенно невредимыми. Въ послѣднемъ засѣданіи три оборота вокругъ суставовъ рукъ остались плоскими и чистыми, а я держа тесемки, могъ чувствовать всѣ движенія медиума. Только при началѣ Уильямсъ потянулъ нѣсколько туго натянутую тесемку къ себѣ. Это было вѣроятно въ то время когда онъ впадалъ въ медиумическій сонъ и сдѣлалъ при этомъ какое-либо движеніе. Позже и вообще во все время когда происходили явленія, медиумъ оставался совершенно покойнымъ на своемъ мѣстѣ. Мы двое продолжали сидѣть за своимъ столикомъ, обратившись лицомъ къ „кабинету“. Столикъ стоялъ въ разстояніи футовъ трехъ отъ висѣщаго лада.

Изъ того что произошло въ предпослѣднемъ сеансѣ упомяну о слѣдующихъ характерныхъ моментахъ. Послѣ того какъ свѣча была погашена, мы опять услышали черезъ нѣкоторое время голоса „Питера“ и „Джона“. Голоса эти, какъ вообще было при засѣданіяхъ, доходили до насъ, какъ намъ казалось, изъ различныхъ мѣстъ комнаты: они раздавались то непосредственно вблизи насъ, то издали и очень часто совсѣмъ не съ той стороны гдѣ сидѣлъ медиумъ, а совершенно въ другомъ направленіи. Затѣмъ мы увидѣли нѣсколько свѣтящихся точекъ въ воздухѣ и вслѣдъ за этимъ появилась фигура „Джона Кинга“. При этомъ явленіи замѣчается сначала небольшой фосфорическій зеленоватый свѣтъ, который быстро становится ярче и ярче, освѣщая при этомъ бюстъ „Джона“ все болѣе и болѣе. Тогда замѣтно что свѣтъ этотъ выходитъ изъ какого-то свѣтящагося предмета который фигура держитъ въ рукѣ. Довольно явственно видно при этомъ мужское лицо съ густою черною бородой; голова фигуры обвита бѣлымъ турбаномъ и видимая верхняя часть тѣла облечена въ бѣлую одежду. Фигура эта появлялась внѣ „кабинета“, ближе къ намъ. Каждый разъ мы видѣли ее въ теченіе только нѣсколькихъ мгновеній; потомъ свѣтъ быстро погасалъ, фигура исчезала въ темнотѣ, а черезъ нѣсколько

мгновенно появлялась снова. Голосъ „Джона“ слышенъ при этомъ на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ видна фигура, большею частью однакоже, хотя не всегда, въ тѣ моменты когда фигура невидима. „Джонъ“ спросилъ насъ: что онъ долженъ сдѣлать? и Аксаковъ сказалъ ему чтобъ онъ поднялся до потолка комнаты и сказалъ намъ оттуда вѣсколько словъ. Вполнѣ согласно съ этимъ желаніемъ фигура появилась вдругъ немного выше нашего стола и потомъ плавно поднялась кверху до потолка, который довольно ярко освѣтился свѣтомъ исходящимъ изъ предмета помѣщеннаго въ рукѣ фигуры. Въ тотъ моментъ когда „Джонъ“ былъ совсѣмъ наверху, раздались его слова, обращенныя къ намъ: „ладно ли?“ (Will that do?)

„Питеръ“, со своей стороны, хотя и оставался невидимымъ, но говорилъ и дѣйствовалъ въ темнотѣ постоянно. Онъ переносилъ различные предметы, трогалъ насъ и т. п. Однажды вдругъ чужая рука взяла меня за пальцы руки и начала поднимать мою руку кверху. Слѣдуя этому движенію, я принужденъ былъ встать, вытянуться во весь ростъ и поднять мою руку вертикально. Въ этотъ моментъ пальцы моей поднятой руки подверглись прикосновенію, состоявшему въ томъ что чужая рука нѣскольکو разъ *сверху* ударила слегка по концамъ моихъ поднятыхъ пальцевъ. Не лишнее замѣтить что медиумъ значительно ниже меня ростомъ и, даже будучи свободнымъ, не привязаннымъ, могъ бы сдѣлать со мной то что я описываю лишь взмогившись на стулъ или столъ.

Какъ уже сказано, мы сидѣли у столика напротивъ развѣшаннаго лаеда. За нашими спинами, въ разстояніи около четырехъ футовъ, стоялъ умывальный столикъ, а на немъ находились, между прочимъ, графинъ съ водою и стаканъ. Вдругъ въ темнотѣ услышали мы надъ нашими головами звонъ стекла, происходившій, очевидно, отъ столкновенія двухъ стеклянныхъ предметовъ. Вслѣдъ затѣмъ громко раздалось быстрое наливаніе воды въ стаканъ и стаканъ былъ поданъ Аксакову, а графинъ мнѣ. Въ то время какъ я держалъ графинъ въ своей рукѣ, я чувствовалъ какъ верхнюю часть его тронули нѣскольکو разъ. Въ этотъ моментъ мы вдругъ услышали что медиумъ въ своемъ углу шевелится и стонетъ, и тотчасъ же раздался голосъ „Питера“, заявившій что ему надо дать напиться „своему медиуму“. Графинъ тотчасъ удалился изъ моей руки. Мы услышали движеніе и

нѣсколько неясныхъ звуковъ голоса пробуждающагося медиума и въ то же самое время голосъ „Питера“. Затѣмъ послышался громкій глотокъ воды и графинъ тотчасъ же олять возвратился ко мнѣ въ руку. Во время всего описаннаго, точно такъ же какъ и въ теченіе всего засѣданія, мы могли, независимо отъ завязокъ, не разъ констатировать слухомъ (насколько то возможно) что Уильямсъ постоянно находился въ своемъ углу, между тѣмъ какъ голоса „Джона“ и „Питера“ говорили около насъ, въ кабинета. Иной разъ движенія медиума или звуки имъ издаваемые слышались почти одновременно съ голосомъ „Джона“ или „Питера“.

Въ послѣднемъ нашемъ засѣданіи мы также видѣли „Джона“. Его видъ былъ таковъ же какъ въ предыдущій день, но появился онъ на этотъ разъ не предъ нами, а въ сторонѣ. Фигура была обращена лицомъ почти къ Уильямсу и находилась отъ него въ разстояніи пяти или шести футовъ. Если предположить что Уильямсъ могъ встать до известной степени, насколько это позволяли ему завязки, то все-таки между нимъ и „Джономъ“ осталось бы нѣсколько футовъ разстоянія. Одинъ разъ Уильямсъ закашлялъ въ своемъ углу и голосъ „Джона“ раздавшійся гораздо ближе къ намъ тотчасъ же замѣтилъ: „мой медиумъ кашляетъ“. Я просилъ „Джона“ показаться мнѣ какъ можно ближе, и вслѣдъ затѣмъ фигура появилась непосредственно предо мною въ разстояніи не болѣе 1 или 1½ фута отъ меня, почти совсѣмъ надъ нашимъ столомъ. Я видѣлъ ясно живые, блестящіе глаза „Джона“. Онъ нѣсколько разъ слегка кивнулъ головой и тотчасъ же исчезъ въ темнотѣ. Что касается „Питера“, то и на этотъ разъ, какъ и прежде, онъ не оставался безъ дѣла, между прочимъ онъ звонилъ колокольчикомъ въ воздухъ, и этотъ звонъ раздавался нѣсколько разъ позади насъ. Когда „Питеръ“ спросилъ, что надо сдѣлать, то Аксаковъ выразилъ желаніе чтобъ онъ взялъ съ комода бумагу и карандашъ и что-нибудь написалъ. Комодъ былъ олять болѣе чѣмъ на четыре фута разстоянія отъ Уильямса и оставался недосыгаемъ для него даже и въ томъ случаѣ еслибъ Уильямсъ могъ высвободить свои руки. Вскорѣ мы услышали шорохъ писанія происходившаго ловидимому въ воздухъ, почти у самаго уха Аксакова. „Питеръ“ спросилъ наши фамиліи, написалъ ихъ и лотомъ, продолжая разговоръ, обращался къ намъ уже не иначе какъ называя насъ по

фамиліямъ. По окончаніи писанія бумага была отдана Аксакову, а карандашъ мнѣ. Аксаковъ положилъ бумагу на стулъ, стоявшій близь нашего столика. Когда голосъ „Питера“ еще разъ спросилъ что сдѣлать, то Аксаковъ отвѣчалъ чтобъ онъ („Питеръ“) дѣлалъ что ему вздумается. Вслѣдъ за тѣмъ мы услышали ладеніе чего-то на полъ, между тѣмъ какъ голосъ „Питера“ высказалъ замѣчаніе что стулъ бесполезно стоитъ у стола. Въ самомъ дѣлѣ, ощупывая рукой Аксаковъ убѣдился тотчасъ же что стула около стола болѣе не было. Вскорѣ послѣ этого сеансъ былъ оконченъ, и когда мы зажгли свѣчу, то нашли что стулъ этотъ *стоилъ* на постели въ самомъ дальнемъ углу комнаты, противоположномъ „кабинету“ въ которомъ сидѣлъ Уильямсъ. Въ этомъ положеніи онъ находился въ разстояніи футовъ 15 отъ насъ и футахъ въ 20 отъ Уильяма. Стулъ былъ перенесенъ чрезъ это разстояніе безо всякаго шума, ни за что не задѣвъ. На листѣ бумаги мы нашли четко написанными твердымъ почеркомъ наши имена и кромѣ нихъ слѣдующія слова: „Мы сдѣлали для васъ что сумѣли; ступайте и будьте благодарны. Питеръ“. (We have done our best for you; go and be thankful. Peter.)

Въ Лондонѣ мы познакомились съ однимъ господиномъ которому я обязанъ рекомендаціей въ Брюссель къ одному капитану бельгійской службы г. Бувье, 13лѣтній сынъ котораго одаренъ замѣчательными медиумическими способностями. При проѣздѣ на обратномъ пути чрезъ Брюссель я воспользовался этою рекомендаціей и посѣтилъ семейство Бувье. Хотя это и не былъ день въ который у Бувье еженедѣльно происходили медиумическіе сеансы, но Бувье были настолько любезны что устроили сеансъ нарочно для меня. Гжа Бувье разказала мнѣ что у нея было три сына, изъ которыхъ старшій и есть теперешній медиумъ. Два остальные сына были близнецы и одинъ изъ нихъ умеръ за нѣсколько времени предъ этимъ. Гжа Бувье ровно ничего не знала о спиритизмѣ, но случившееся несчастье заставило ее обратиться къ одной ея родственницѣ, лишущему медиуму. Чрезъ этого медиума она была извѣщена что ея старшій сынъ медиумъ. Тогда въ семействѣ начались сеансы, и въ самомъ дѣлѣ, частью во время сеансовъ, частью же совершенно независимо отъ нихъ, стали происходить въ присутствіи молодаго Бувье различныя странныя явленія. Вскорѣ послѣ того

известному медиуму, гжѣ Фай, случилось прѣхать въ Брюссель и дать сеансъ въ домѣ Бувье. Послѣ этого сеанса медиумическимъ путемъ было сообщено что явленія подобныя происходящимъ въ присутствіи гжи Фай могутъ быть и въ присутствіи молодого Бувье. Въ семействѣ Бувье начали тогда устраивать весьма удачныя сеансы въ томъ родѣ какъ пришлось видѣть мнѣ. Различныя лица имѣли случай присутствовать на этихъ сеансахъ и, какъ бываетъ обыкновенно, пытались давать явленіямъ объясненія исключающія необходимость допущенія медиумизма. Параллельно развитію этихъ объясненій совершенствовались въ семействѣ Бувье способы ставить молодого медиума въ такое положеніе въ которомъ для него не было бы возможности производить явленія искусственно.

Въ моемъ присутствіи мальчикъ былъ „обезвреженъ“ (я употребляю это выраженіе какъ отвѣчающее удачному англійскому выраженію „secured“) слѣдующимъ образомъ: кисти его рукъ были обвиты подотыяною тесемкой и тесемки завязаны; узлы ея были прошиты и пришиты къ рукавамъ платья. Затѣмъ обѣ руки были связаны вмѣстѣ позади тѣла и одинъ рукавъ пришитъ къ другому. Курточка медиума спереди также была зашита и слѣдовательно не могла быть скинута. Медиумъ сѣлъ на низенькій стулъ у стѣны, обратясь спиной къ стѣнѣ, въ которую было ввернуто нѣсколько металлическихъ колець. Руки медиума связанные назадъ были привязаны къ одному изъ колець; къ другому кольцу мальчика привязали тесьмой за шею; обѣ ноги были также связаны вмѣстѣ въ двухъ мѣстахъ,—непосредственно надъ ступнями и немножко повыше колѣнъ, и привязаны къ стулу. Стѣна у которой стоялъ стулъ, уголъ комнаты гдѣ медиумъ сидѣлъ и прилегающія къ этому углу часть соседней комнаты были мною внимательно осмотрѣны и не найдено ничего подозрительнаго. Сидящій медиумъ былъ отдѣленъ отъ насъ ширмами. Ширмы эти состояли просто изъ четырехъ или пяти деревянныхъ рамъ оклеенныхъ обоями. Посреди одной изъ ширмъ на высотѣ около 1½ футовъ находилось маленькое отверстіе такой величины чтобы чрезъ него удобно было просунуть руку. Отверстіе это закрывалось заматъсочкой. Высота ширмъ была около шести футовъ и пространство надъ ними оставалось совершенно открытымъ. Во все время въ комнатѣ горѣла височая керосиновая лампа и стеариновая

свѣча, такъ что комната была освѣщена довольно ярко. Послѣ каждаго явленія ширмы тотчасъ быстро открывалась, такъ что я, глядя туда со свѣчей, каждый разъ могъ видѣть положеніе медиума, постоянно оказывавшееся неизмѣннымъ: всѣ узлы и тесемки остались въ цѣлости. Во время явленій медиумъ этотъ не впадаетъ въ трансъ, какъ это бываетъ со многими другими медиумами: онъ сохраняетъ свое нормальное состояніе и увѣряетъ что видитъ движеніе предметовъ, но не замѣчаетъ ничего приводящаго ихъ въ движеніе. Каждое явленіе начинается немедленно какъ только ширма закрыта.

Не принимая на себя отвѣтственности въ томъ что сохраняю дѣйствительно тотъ порядокъ въ которомъ явленія происходили, я опишу видѣнное въ тотъ вечеръ. Колокольчикъ поставленный на кофѣнн медиума тотчасъ пришелъ въ движеніе. Новый кусокъ доски, два проводочные гвоздя и молотокъ были также положены къ нему на кофѣнн и вскорѣ раздались удары молотка, но вбить гвоздь въ доску однакоже не удалось. Мнѣ было пояснено присутствующими что до сихъ поръ для этого опыта употребляли другую дощечку, постоянно одну и ту же, и что причина неудачи кроется вѣроятно въ новой доскѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ только взяли прежнюю доску, удары молотка сдѣлались несравненно сильнѣе и чрезъ нѣсколько мгновеній одинъ изъ проводочныхъ гвоздей былъ вбитъ въ дощечку такъ что прошелъ насквозь. Дощечка была толщиной около $\frac{3}{4}$ дюйма. На кофѣнн медиума положили листъ бумаги и карандашъ. Для того чтобы листъ не могъ быть подмѣненъ, я написалъ на немъ по-русски свое имя. Когда ширмы были закрыты, то послышался тотчасъ шорохъ писанія и на бумагѣ, между прочимъ, оказалась написанною по-французски фраза: „мы не Русскіе“. Тогда я написалъ свое имя по-французски на этомъ же листѣ, и за ширмами опять было написано на немъ же нѣсколько словъ. По окончаніи писанія въ первый разъ карандашъ оказался продѣтымъ въ петлю курточки медиума; во второй разъ онъ находился у него во рту. Стаканъ наполненный водой былъ поставленъ къ медиуму на кофѣнн на дощечкѣ; рядомъ со стаканомъ положили пряникъ, и тотчасъ половина воды оказалась вылитой, а пряникъ былъ во рту у медиума. На ту же дощечку положили спичку и сигару; спичка тотчасъ же была зажжена и юмша держалъ во рту

закурившую сигару; затѣмъ поставили на дощечку колокольчикъ, онъ тотчасъ зазвонилъ и былъ высунуть въ отверстіе сдѣланное на ширмѣ и упомянутое выше. При этомъ можно было видѣть на мгновеніе руку которая держала и двигала колокольчикъ. Когда я просунулъ мою руку черезъ это отверстіе, то немедленно ощутилъ теплую живую дѣтскую руку, которая ощупывала мою. Ручка эта долустила меня взять ея мизинецъ между моими пальцами и продержатъ нѣсколько мгновеній. Я выразилъ желаніе чтобы палецъ исчезъ въ моей рукѣ, но онъ былъ потихоньку вытянуть изъ моихъ пальцевъ. Основываясь на этомъ, можно было бы думать что я имѣлъ дѣло не съ матеріализованною, а съ матеріальною рукой, но когда немедленно вслѣдъ затѣмъ отворили ширму, то медиумъ оказался сидящимъ, полпрежнему крѣпко связаннымъ и въ прежнемъ положеніи. При этомъ надобно замѣтить что А. Н. Аксаковъ, который былъ въ Брюсселѣ у Буве нѣсколькими недѣлями позже и также присутствовалъ на сеансѣ, ощупалъ за ширмами, при подобныхъ же условіяхъ, какъ я, не маленькую ручку, похожую на руку медиума, а большую руку.

Г. и гжа Буве, не имѣя повидимому никакихъ матеріальныхъ выгодъ отъ сеансовъ, чистосердечно интересуются медиумическими явленіями, а по своему общественному положенію они стоятъ выше подозрѣній.

Замѣчу что издатель *Psychische Studien*, А. Н. Аксаковъ, прибавилъ отъ себя къ моей только-что приведенной статьѣ слѣдующее замѣчаніе: „Я чувствую себя обязаннымъ присоединить и мое свидѣтельство къ свидѣтельству моего друга, профессора Бутлерова. Я подтверждаю всѣ явленія происшедшія въ присутствіи Уильямса и молодого Буве, котораго я имѣлъ удовольствіе видѣть также во время моего проѣзда черезъ Брюссель. Кроме того, я могу прибавить что появленіе „Джона Кинга“ было констатировано въ домѣ г. Крукса самимъ г. Круксомъ, въ то время когда гжа Круксъ держала свою руку на плечѣ Уильямса спавшаго за занавѣской“ (*Psychische Studien*, 1876 стр. 73).

Не такъ давно въ посвященныхъ медиумизму повременныхъ изданіяхъ разказывалось о томъ какъ Уильямсъ вмѣстѣ съ другимъ медиумомъ были будто бы уличены въ Голландіи въ поддѣлкѣ явленій. Въ сеансѣ въ которомъ это произошло медиумы, какъ оказывается, были оставлены въ

темнотѣ совершенно свободными. Была ли тутъ дѣйствительная поддѣлка или нѣтъ, но нельзя не удивляться тѣмъ лицамъ которыя вздумали устраивать сеансъ съ предоставленіемъ медиумахъ полной свободы, дурачить, если захотятъ, присутствующихъ. Что касается меня, то я могу повторить только то что сказано Цѣллеромъ и уже было приведено выше: „Факты которые были наблюдаемы мною и подтверждены другими точными наблюдателями, будутъ стоять твердо, хотя бы они не повторялись болѣе и хотя бы Сладъ (въ моемъ случаѣ—Уильямсъ) превратился потомъ въ обманщика и фокусника.“

Интересно сооставить видѣнное мною съ тѣмъ что изложено въ протоколѣ составленномъ шестью Русскими, имѣвшими сеансъ тоже съ Уильямсомъ и другимъ медиумомъ, гжой Оливъ, въ Лондонѣ, въ томъ отелѣ гдѣ жилъ одинъ изъ путешественникъ присутствовавшихъ на сеансѣ. Протоколъ этого сеанса напечатанъ въ книгѣ профессора Д. И. Менделѣева *Матеріалы для сужденія о спиритизмѣ*, въ отдѣлѣ публичныхъ чтеній, на страницѣ 367й и слѣдующихъ. Аналогія описанныхъ тамъ явленій съ видѣнными мною очевидна. Безполезно приводить здѣсь упомянутый протоколъ, но интересно указать на отношеніе къ нему моего почтеннаго противника-сотоварища. Я уже замѣтилъ выше что ученые отрицатели обыкновенно игнорируютъ то что стоитъ внѣ возраженій и придирокъ съ ихъ стороны, но въ то же время они готовы съ особеннымъ усердіемъ публично и печатно подтверждать тѣ факты подлинность которыхъ можетъ быть залозорѣна, гдѣ есть, такъ-сказать, возможность свалить вину на защитниковъ реальности медиумическихъ явленій. Мы имѣемъ здѣсь блестящій примѣръ подобнаго рода. Мой почтенный противникъ восклицаетъ: „Тѣмъ лучше, еслибы побольше такихъ документовъ!“ А потомъ онъ рѣшается на весьма неосторожное замѣчаніе: „*Впечатлѣніе протоколъ производитъ ясное, отчетливое; не вѣрить просто слѣшко,—дѣло было ведено серьезно.*“ Все это, разумѣется, говорится въ виду найденной имъ возможности объяснить явленіе обманомъ, поддѣлкой, тѣмъ что во время сеанса была будто бы отворена дверь ведущая въ сосѣдную комнату, и черезъ нее вошли помощники медиумовъ надѣлавшіе проказъ. Каминъ оказывается тоже въ подозрѣніи, а также быть-можетъ и лаятая шкаль. Въ комнатѣ гдѣ происходили наши сеансы

съ Уильямсомъ не было ни другой двери, ни камина, ни пла-
таваго шкала. Единственная дверь веда, какъ уже сказано,
въ свѣтлый корридоръ и была нами заперта и завѣшана.
Еслибы, несмотря на замокъ, сумѣли отворить ее во время
сеанса, то падающій въ нее свѣтъ немедленно выдавалъ бы
входящаго. Окно, также единственное, обращенное на улицу,
тоже было завѣшано. Впрочемъ и комната находилась вы-
соко, — помнитса въ четвертомъ этажѣ. Пусть почтенный
противникъ нашъ попробуетъ приложить и къ нашимъ на-
блюдениямъ свой методъ объясненія. Впрочемъ онъ найдетъ
быть-можетъ что намъ было бы *слишкомъ вѣрить*, что у насъ
дало было ведено не серьезно. Наконецъ вѣдь можно предпо-
ложить просто, безъ дальнихъ толкованій, что помощникъ
Уильямса *какъ-нибудь, такъ что ни я, ни Аксаковъ того не*
замѣтили, пробрался къ намъ въ комнату. Могу сказать
одно: и такому объясненію я не удивился бы. Въ недавнемъ
своемъ письмѣ по поводу узловъ г. Ливчака профессоръ
Вагнеръ пишетъ: „Когда я разказывалъ одному спирито-
фобу что руки и ноги медиума были связаны, а медиумиче-
ское явленіе все-таки произошло, — *ну что жъ?* не затрудняясь
отвѣчать бойкій спиритобозъ, *медиумъ можетъ его произвести съ*
помощію спины. Таковъ общій законный путь объясненія меди-
умическихъ явленій. Сперва руки, затѣмъ нижнія конечности
тѣла, а наконецъ и спина.“ Притомъ, самъ почтенный
сотоварищъ-противникъ нашъ сказалъ въ своемъ лублич-
номъ чтеніи (стр. 373) что „спиритизмъ помрачаетъ здравый
смыслъ людей, сбиваетъ ихъ съ толку“. И я вполнѣ согла-
шусь съ этимъ, прибавивъ только что это отнесется одина-
ково какъ къ тѣмъ которые вѣрятъ безъ критики, такъ и
къ тѣмъ которые отрицають, хотя бы даже имъ приходи-
лось доходить до *спины*.

Нашъ новѣйшій критикъ, г. А. В. Г., вѣроятно также не
минуешь необходимости подобныхъ объясненій, если захо-
четъ сохранять во что бы ни стало свои „установленныя
воззрѣнія“ и если будетъ продолжать обсуждать наблюденія
сдѣланныя надъ медиумическими фактами не на основаніи
добросовѣстнаго ознакомленія съ этими наблюденіями, а на
основаніи мимоветнаго взгляда, свысока брошеннаго на одну
изъ книгъ и одну изъ статей.

Еслибы г. А. В. Г. рѣшился серьезно познакомиться съ
предметомъ, то его убѣжденія едва ли сохранились бы,

потому что и къ нему можно приложить слова Перти, изменивъ только имя: „человѣкъ науки, какимъ мы считаемъ г. А. В. Г., несмотря на его заблужденіе въ этомъ дѣлѣ, рѣшительно не могъ бы судить столь превратно, еслибъ онъ сколько-нибудь ознакомился съ тѣмъ что происходитъ въ области спиритуализма“. Вѣрнѣе всего что предвидя упомянутую выше необходимость, г. А. В. Г., по обычаю отрицателей, примется усердно игнорировать медиумизмъ и всѣ извѣстія о немъ. Во всякомъ случаѣ ему отрезана теперь возможность прикрываться научными приемами и приходится сознаться откровенно, хотя бы то своимъ молчаніемъ, что, не ограничиваясь однимъ Цѣльверомъ, онъ отрицаетъ всѣ наблюденія касающіяся медиумическихъ фактовъ, какъ бы они ни были обставлены и кѣмъ бы ни были сообщены.

На прощанье нѣсколько словъ лично г. А. В. Г. Наши съ вами шансы совсѣмъ неравны: за все то что я сообщаю, за свои убѣжденія, я отвѣчаю полною подписью своего имени. Такъ поступаетъ и большинство другихъ сторонниковъ медиумизма, такъ поступаютъ обыкновенно и ваши научные противники. Для чего же вы, г. А. В. Г., прячетесь за безличныя начальныя буквы?... Если вамъ захотѣлось говорить, то имѣйте достаточно прямоты и такта чтобы скрѣпить вами сказанное своею подписью такъ же какъ дѣлаемъ это мы. Сдѣлать это вамъ тѣмъ легче что вы стоите на сторонѣ мѣтѣя которому пока еще руколаещетъ и большинство научное, и большинство ненаучное. Не изъ скромности же въ самомъ дѣлѣ вы не дали своей подписи! Приглашая васъ подписаться, я, правда, совсѣмъ не имѣю въ виду возвеличить ваше имя. За вашу статью оно сохранится въ исторіи медиумизма въ сонмѣ тѣхъ аделтовъ естествознанія которые въ видахъ „истины“ не хотятъ замѣчать явленій природы, какъ скоро эти явленія не подходятъ подъ шаблонъ ихъ „установленныхъ воззрѣній“.

Впрочемъ, кто знаетъ? Быть-можетъ вы, г. А. В. Г., серьезно обратившись къ изученію вопроса, увеличите собою рядъ уже не малое число ученыхъ, которые, убѣдившись въ реальномъ существованіи медиумическихъ явленій и не останавливаясь предъ непопулярностью своего убѣжденія, прямо высказываютъ его, потому что проникнуты искреннимъ желаніемъ провозгласить истину на общую пользу. Они, эти ученые, всѣми силами своего разсудка убѣждены въ томъ

что вовсе не ошибаются и стоятъ на сторонѣ дѣйствительнаго прогресса и знанія. Къ ихъ счастью, есть не мало лицъ которыя даже и отвергая медиумическія явленія находятъ тѣмъ не менѣе что служить истинѣ сообразно собственному (хотя бы даже и ошибочному) убѣжденію всегда почетно.

XI.

Крайне поучительно обратиться къ прошлому времени и посмотрѣть съ какимъ затрудненіемъ водворились между учеными и развитою частью публики теоріи и мнѣнія сдѣлавшіяся нынѣ ходячею истиной. Я уже не стану указывать на общеизвѣстные примѣры Коперника, Галилея и множество другихъ, приводимыхъ напримѣръ Уаллесомъ въ его книгѣ: *Научный видъ сверхъестественнаго*. Но вотъ что сообщаетъ Цзальнеръ относительно Ньютона: (*Wissenschaftliche Abhandlungen*, т. II, стр. 908): „Позволю себѣ указать на слѣдующія слова профессора Карла Неймана (въ его *Началахъ теоріи Ньютона и Галилея*): „Мысль Ньютона о взаимномъ притяженіи небесныхъ тѣлъ такъ укоренилась съ теченіемъ времени что мы едва ли способны найти въ ней что-либо странное; но бросимъ взглядъ на письмо Гюйгенса, человека стоявшаго на высотѣ своего времени и сдѣлавшаго важныя самостоятельныя изслѣдованія, а слѣдовательно и умѣвшаго цѣнить мысли и открытія другихъ. Мы увидимъ тогда какъ глубоко мысль Ньютона расходилась съ представленіемъ его современниковъ. Мысль Ньютона о взаимномъ притяженіи, говорится въ письмѣ Гюйгенса къ Лейбницу, считаю я нелпюю и удивляюсь какъ человекъ подобный Ньютону могъ сдѣлать столько трудныхъ изслѣдованій и вычисленій не импюющихъ въ основаніи ничего лучшаго какъ подобную мысль.“

Крайне рельефный примѣръ представляеть также постепенное развитіе убѣжденія въ томъ что на земаю могутъ падать метеорные камни. Исторія этого развитія приводится Цзальнеромъ подробно (*Wiss. Abh.* т. II, стр. 226 и слѣд.) изъ книги извѣстнаго физика Хладни *Объ огненныхъ метеорахъ и проч.*, изданной въ Вѣнѣ въ 1819 году. Въ книгѣ этой находится, между прочимъ, исторія первыхъ изслѣдованій надъ паденіемъ метеорныхъ камней. Заглавія нѣкоторыхъ отдѣловъ этой исторіи очень характерны и говорятъ сами

за себя, на примѣръ: древнѣе уже знали этотъ родъ явленій природы; позднѣйшее невѣрѣе, доходившее за немногими исключеніями до оубсесточенія; продолжающееся невѣрѣе и нападки которыя пришлось перенести автору (Хладви,—когда онъ первый вооружился противъ отрицанія).

Разказываютъ (Цёлльнеръ, стр. 235) что знаменитый Лапласъ, будучи президентомъ Французской Академіи Наукъ, заявилъ однажды что обсужденіе вопроса о дѣйствительности паденія метеоритовъ неприлично и недостойно собранія столь знаменитыхъ ученыхъ.

Изъ уломянутой исторіи нарисанной Хладви мы приведемъ здѣсь нѣкоторыя мѣста.

„Уже въ древнія времена не сомнѣвались что при появленіи огненныхъ метеоровъ каменистыя и желѣзныя массы падаютъ иногда съ неба....“ „Но пришло время, когда естествознаніе сдѣлало значительные успѣхи, и тутъ именно вдругъ вздумали бросить и счесть глупостью все то что не подошло подъ самодѣльный масштабъ. Трудно понять какимъ образомъ многочисленныя старыя и новыя извѣстія о камняхъ съ громомъ въ видѣ огненныхъ метеоровъ падавшихъ съ неба не обратили на себя ранѣе вниманія физиковъ, не заставили ихъ точнѣе изслѣдовать предметъ и сравнить между собою имѣющіяся извѣстія. Еслибъ они это сдѣлали безъ предубѣжденія, то очень скоро, и совершенно независимо отъ объясненій этого явленія, привуждены были бы считать паденіе такихъ массъ за фактъ доказанный исторически. Нѣкоторые изъ физиковъ оказались однако же настолько любящими истину что передавали факты не стѣсняясь, хотя и не умѣли ихъ объяснить“.... „Обыкновенно же легко отдѣлывались отъ вопроса тѣмъ что въ случаяхъ когда появлялось извѣстіе о происшествіяхъ подобнаго рода предпочитали извращать факты (примѣровъ этого было достаточно) или просто отрицать ихъ, лишь бы не, взять на себя труда произвести точныя изслѣдованія. Невѣрѣе заходило такъ далеко что даже большинство метеорныхъ массъ хранившихся въ публичныхъ музеяхъ было выброшено изъ оласенія показаться вслѣдствіе допущенія возможности такихъ случаевъ смѣшными или быть сочтенными за непросвѣщенныхъ.“

Хладви говорилъ объ этомъ предметѣ съ Лихтенбергомъ, которому „все дѣло показалось весьма страннымъ и онъ заявилъ профессору Гардиану и другимъ что ему при чтеніи моего

(Хладни) сочиненія сначала было такъ неловко, какъ будто бы камень попалъ ему самому въ голову; онъ подумалъ тогда что лучше было бы еслибъ я вовсе не писалъ этой книги. Позже однакоже онъ убѣдился....“ „Самому мнѣ, продолжаетъ Хладни, сначала все казалось до того страннымъ и до того несогласнымъ съ господствующими воззрѣніями что я даже затруднялся издать свою статью, но одѣлавъ это тѣмъ же мѣсяце, не убоявшись что мой постулокъ сначала будетъ сочтенъ смѣшнымъ и пошлымъ“.... „Когда статья моя появилась, то многіе называли ея содержаніе гаулюстью, какъ я того и ожидалъ. Въ *Новой Общей Нѣмецкой Библиотекѣ* было сказано что мои увѣренія вовсе не заслуживаютъ опроверженія“... „Все-таки однакожь не всѣ естествоиспытатели были проникнуты непоколебимымъ убѣжденіемъ въ томъ что на землѣ отнюдь ничто не можетъ уласть извнѣ. Изъ числа тѣхъ которые въ сущности были согласны со мною я могу назвать теперь весьма почтенныхъ людей: фонъ-Цаха, Ольберга и Вернера. Но съ самаго начала я не называлъ ничего имени и не говорилъ никому даже о Лихтенбергѣ, потому что предпочиталъ нести на одномъ себѣ упрекъ въ погрѣшеніи противу физики, просвѣщенія и научнаго правовѣрія и не хотѣлъ подвергать ему другихъ. Притомъ я былъ твердо убѣжденъ что истина во всякомъ случаѣ пробьется сквозь всѣ противорѣчія....“

„За границей предметъ этотъ обратилъ на себя вниманіе прежде всего въ Англіи....“ „Прошло довольно много времени прежде чѣмъ во Франціи стали вѣрить что нѣчто можетъ падать къ намъ съ неба, и Пикте старался сначала тщетно убѣдить другихъ въ дѣйствительности такого явленія....“ „Онъ сообщаетъ что заговорилъ объ этомъ предметѣ съ нѣкоторою робостью...“ „Подобная робость обнаруживалась тогда у многихъ писателей потому что допуская паденіе чего-либо съ неба, они боялись показаться смѣшными....“ „Вскорѣ потомъ небо подтвердило истину особенно крупнымъ происшествіемъ этого рода: 26 апрѣля 1803 года, близъ L'Aigle, въ Нормандіи, былъ замѣченъ огненный метеоръ и съ грохотомъ ушло отъ 2 до 3 тысячъ метеорныхъ камней. Мэръ мѣстечка донесъ объ этомъ официально, но большинство не хотѣло этому вѣрить. Въ одной парижской газетѣ было высказано даже сожалѣніе объ общинѣ имѣющей мѣра настолько непросвѣщеннаго что онъ можетъ вѣрить подобнымъ неслѣностямъ....“ „Наконецъ по справедливому выраженію

Бенценберга,— „просвѣщеніе отрицавшее паденіе метеоритовъ уступило мѣсто большому просвѣщенію допускавшему это паденіе“....

„Читатели мои, — прибавляетъ Цёлльнеръ, изъ этихъ словъ, сказанныхъ знаменитымъ физикомъ Хладни 59 лѣтъ тому назадъ, могутъ видѣть справедливость того что было написано „разумными четырехмѣрными существами“ г. Слвада на аспидной доскѣ въ декабрѣ 1877 года: „людскія сомнѣнія не могутъ измѣнить факта, но фактъ измѣнитъ эти сомнѣнія. („Men's doubts cannot change a fact, a fact will change men's doubts“.)

Аналогія между судьбой метеоритовъ и судьбой медиумическихъ явленій очевидна, и я считаю себя въ правѣ, не особенно рискуя, поручиться что и признанію послѣднихъ придется пройти въ будущемъ тѣ самыя фазы которыя для метеоритовъ уже принадлежатъ теперь къ области прошедшаго. Послѣдняя изъ нихъ обозначена у Хладни заглавіемъ: *Окончательное общее признаніе* (дѣйствительности явленій). Тутъ, между прочимъ, говорится слѣдующее: „Съ тѣхъ поръ какъ многими изслѣдованіями и новыми случаями этого рода паденіе метеоритовъ доказано, едва ли кому изъ настоящихъ физиковъ, или просто людей имѣющихъ понятіе объ исторической критикѣ, можетъ еще придти на умъ сомнѣваться.“

Примѣръ метеорныхъ камней только одинъ изъ многихъ уроковъ прошедшаго. Не даромъ Уэллсъ рѣшился сказать: „Я утверждаю, не опасаясь противорѣчія, что люди науки всѣхъ временъ *ошибались каждый разъ*, когда, руководясь *априорическими* основаніями, отвергали заявленные наблюдателямъ факты. *On miracles and modern spiritualism.* By Alfred Russel Wallace, author of *The Malay Archipelago, Contributions to the theory of natural selection etc. etc.* London 1875, стр. 16). Относясь къ дѣлу безъ предубѣжденія, приходится удивляться не тому что многочисленныя и согласныя свидѣтельства компетентныхъ лицъ о медиумическихъ явленіяхъ находятъ довѣріе, а тому что уроки прошедшаго такъ мало пошла въ прокъ образованному міру. Уроковъ этихъ достаточно чтобъ ясно показать неослабленнымъ всю опротечивость априорическаго отрицанія.

XII.

До сихъ поръ въ русской печати весьма мало говорилось о значеніи медиумическихъ явленій по отношенію къ тѣмъ выводамъ которые изъ нихъ вытекаютъ болѣе или менѣе прямо и на которыхъ главнымъ образомъ сосредоточиваются ихъ интересъ и сила. Значеніе это, разумѣтся, сознавалось ясно въ большинствѣ случаевъ, но оно было, такъ-сказать, оставляемо про себя. Профессоръ Вагнеръ впрочемъ опредѣленно, хотя и кратко, указалъ на него въ своей статьѣ *Медиумизмъ*. Вотъ его слова: „Подъ этимъ названіемъ (психизма) я разумѣю вообще стремленіе человѣка опредѣлить и разобрать существованіе собственной души. Это инстинктивное стремленіе было, какъ извѣстно, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ... „Существуетъ ли нѣтъ другой міръ или все ограничивается міромъ чувствъ, безсмертна ли душа или она только продуктъ матеріи и разрушается вмѣстѣ съ тѣломъ послѣ смерти?..“ „Медиумическія явленія заключаютъ въ себѣ разрѣшеніе этого вопроса. Они даютъ категорическій отвѣтъ на него.“ (*Русскій Вѣстникъ* 1875 года, октябрь, стр. 868—870.) Вторая статья, обѣщанная профессоромъ Вагнеромъ, въ которой онъ, повидимому, намѣревался рассмотреть медиумизмъ именно съ этой точки зрѣнія, къ сожалѣнію, не появлялась.

Изъ числа нашихъ ученыхъ ненатуралистовъ серьезно и также ясно относился къ этой сторонѣ вопроса покойный московскій профессоръ философіи П. Д. Юркевичъ. Въ статьѣ объ его философскихъ трудахъ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1874 года) высказано В. С. Соловьевымъ слѣдующее: „Если основныя метафизическія воззрѣнія его находили себѣ твердую почву въ исторической дѣйствительности религіи и, разумѣтся, преимущественно христіанства, то болѣе частныя его воззрѣнія на природу и назначеніе человѣческаго духа, вполнѣ согласныя въ существѣ съ христіанскимъ ученіемъ, получали, по его мнѣнію, ближайшее фактическое подтвержденіе въ нѣкоторыхъ особенныхъ явленіяхъ возникшихъ въ послѣднее время. Я разумѣю явленія такъ-называемаго спиритизма, въ достовѣрности которыхъ Юркевичъ былъ убѣжденъ и отъ которыхъ многого ожидалъ въ будущемъ.“

Я считаю совершенно правильнымъ высказанное о Юркевичѣ и досказанное А. Н. Аксаковымъ въ его статьѣ *Медиумизмъ и философія* (Русскій Вѣстникъ 1876 года, январь, стр. 469): „Юркевичъ, какъ философъ, въ отношеніи своемъ къ спиритизму не стоялъ особнякомъ, не поддавался какимъ-либо личнымъ умозрѣніямъ и увлеченіямъ, но, признавая его факты и ихъ значеніе, остался вѣренъ той наукѣ которая не измѣняетъ высшимъ требованіямъ человѣческой природы.“

Но если у насъ, надо сознаться, только съ нѣкоторою робостью касались въ печати этой стороны медиумизма, то въ Германіи сравнительно быстро обратила на себя вниманіе и она, хотя вообще вопросъ о медиумическихъ явленіяхъ занялъ тамъ видное мѣсто только въ послѣднее время.

Выше, въ началѣ этой статьи, я сказалъ про Германію что бросанье грязью со стороны нѣкоторыхъ газетъ въ ходу и тамъ, но тамъ вообще далеко больше чѣмъ у насъ оказывается и такихъ людей которые печатно выступили въ защиту вопроса, и такихъ которые при всемъ своемъ скептицизмѣ умѣютъ относиться къ другимъ довольно безпристрастно. Между такими защитниками вопроса, учеными натуралистами, особенно видное мѣсто занимаютъ два профессора философіи: Францъ Гофманъ и Эммануэль Германъ фонъ-Фихте, особенно послѣдній, посвятившій медиумизму довольно объемистую брошюру подъ названіемъ: *Der neuere Spiritualismus, sein Werth und seine Täuschungen. Leipzig F. A. Brockhaus. 1878.* Ниже мы возвратимся къ ней, теперь же замѣтимъ что вопросъ нашель въ Германіи и другихъ защитниковъ въ разныхъ лагеряхъ. Я упоминалъ уже напри- мѣръ о брошюрахъ барона Гелленбаха, а теперь напомнимъ еще о брошюрѣ пастора Гентцеля: *Spiritistische Geständnisse eines evangelischen Geistlichen. Leipzig, 1877,* и о появившійся недавно тоже въ видѣ особой брошюры лекціи Морица Вирта, студента философіи, читанной въ академическо-философскомъ обществѣ въ Лейпцигѣ. * Не мѣшало бы нашимъ

* Очень недавно, когда эта статья моя была уже написана, появилась еще въ Лейпцигѣ брошюра Dr. Эдуарда Вегенера (*Zum Zusammenhang der Sein und Denken*), въ которой авторъ не безъ остроумія пытается связать законъ сохраненія энергіи съ возникновеніемъ сознанія и приходитъ, на основаніи своихъ механическихъ соображеній, къ заключенію о самостоятельномъ существованіи человѣческаго духа отдѣльно отъ тѣла и о реальности чет-

г. журналистамъ и другимъ различнымъ просвѣтителямъ публики кое-чему поучиться у этого нѣмецкаго студента философіи. Содержаніе чтенія Вурта заключается главнымъ образомъ въ изложеніи гипотезы Цѣльнера и его опытовъ. Но интересно въ особенности видѣть какъ отнесся авторъ къ журналистамъ старающимся держать публику въ олеѣ, сообщая ей изъ области знанія исключительно то что имъ нравится и такъ какъ имъ нравится. Въ предисловіи авторъ обращается къ нѣмецкимъ студентамъ и вотъ что говоритъ онъ между прочимъ: „Наука существуетъ въ концѣ-концовъ для общества, а общество составляетъ широкое жизненное основаніе дающее наукѣ матеріальныя условія существованія и тѣ головы которыя ее разрабатываютъ. Въ интересъ общества знакомиться съ успѣхами науки, но этому стремленію лишь немногіе могутъ удовлетворять самостоятельно...“ „Такимъ образомъ между дѣйствительными представителями науки и между массою публики является разрядъ посредниковъ...“ „Между этими послѣдними во всѣ времена не было недостатка и въ такихъ которые превращали свое высокое назначеніе въ нѣчто совершенно противоположное...“ „Во-первыхъ, злоупотребляютъ довѣріемъ съ которымъ публика разчитываетъ на правдивость и знаніе тѣхъ которые являются предъ нею чтобы знакомить ее съ состояніемъ науки и съ ея новостями. Во-вторыхъ, надобно указать и на ту опасность что дурные посредники своими невѣжествомъ и безсовѣстностью могутъ значительно повредить той связи между наукой и публикой которая составляетъ жизненное условіе для обѣихъ сторонъ“.... „Вездѣ, гдѣ бы ни представился такой случай (злоупотребленія), постараемся открывать публикѣ глаза и показывать ей въ настоящемъ свѣтѣ тѣхъ которые хотятъ быть ея вожаками, на дѣлѣ же ведутъ ее къ заблужденію.“ (стр. IV. и V.)

Симпатія автора не на сторонѣ научныхъ догматиковъ, у которыхъ „горе несчастному факту вломившемуся вдругъ въ законченную область нашихъ свѣдѣній о мірозданіи, правиль-

вертаго измѣренія пространства. Допуская медиумическіе факты, Вегенеръ заключаетъ свою брошюру слѣдующими словами: „Мы стоимъ предъ величайшимъ открытіемъ не только нашего столѣтія, но и всѣхъ временъ; новый открывающійся намъ міръ есть четырехмѣрный міръ духа“.

нѣе, о вполнѣ извѣстномъ намъ мірозданіи. Если этотъ фактъ является предъ нами и воочію, мы его не видимъ, мы отрицаемъ его; мы знаемъ вѣдь какъ устроенъ міръ, а слѣдовательно знаемъ и то что фактъ этотъ не можетъ существовать“ *. Авторъ очевидно съ достаточною трезвостью смотритъ на дѣло, чтобы симпатизировать не догматикамъ, а эмпирикамъ, для которыхъ фактъ представляетъ самое высшее изъ того что вообще достигается человѣческими познаниемъ. „Эмпирикъ, правда, не ожидаетъ съ математическою необходимостью наступленія вычисленнаго имъ явленія; онъ подождетъ прежде чтобы убѣдиться, явится оно или нѣтъ; онъ останется доволенъ даже и въ томъ случаѣ если вмѣсто ожидаемаго явленія произойдетъ другое новое или даже не будетъ вовсе никакого. И настолько соприкасаются противоположности что скептическій эмпирикъ будетъ первый способенъ и готовъ признать новое явленіе, если оно дѣйствительно совершится. Чье же міровоззрѣніе (спрашиваетъ авторъ) научнѣе: догматическое ли, выдающее факты и отрицающее ихъ, или эмпирическое, ихъ наблюдающее и признающее“... „Конечно и эмпирикъ не обратитъ вниманія на шумъ изъ пустяковъ и онъ слѣдуетъ правилу не увеличивать числа гипотезъ сверхъ необходимости; но если эта необходимость представляется, то вопросъ: дѣйствительно ли существуетъ она или нѣтъ, и будетъ для эмпирика главнымъ, а не вопросъ о томъ, сколько прежнихъ „законовъ“ придется выбросить за бортъ....“

Студентъ оказывается здѣсь весьма согласнымъ съ профессоромъ. Вотъ что говоритъ Гофманъ (*Psychische Studien*. 1878, стр. 78); „Позволительно надѣяться что нѣмецкіе ученые, и преимущественно натуралисты, антропологи и психологи, наконецъ приступятъ къ серіозному изученію такъ называемыхъ медиумическихъ явленій и къ оцѣнкѣ ихъ объясненій появившихся до сихъ поръ. Это такъ же точно не можетъ быть сдѣлано безъ собственныхъ наблюденій и опытовъ какъ и любое физическое или химическое изслѣдованіе. Полная, ничѣмъ не стѣсняемая свобода изслѣдованія, какую ученые располагаютъ въ другихъ областяхъ, должна быть предоставлена имъ и здѣсь. Имъ нельзя будетъ

* Нельзя не вспомнить восклицанія Крукса: „тѣмъ хуже для фактовъ!“ См. мою статью: *Медиумическія Явленія*, стр. 306.

поставить въ упрекъ, какъ бы скептически и предусмотрительны они ни были, входя въ кругъ этихъ совершенно особенныхъ изслѣдованій. Не должно быть допускаемо одно: апіорическое отрицаніе, стремленіе все лопать и обсудить съ перваго взгляда. Именно такое отношеніе ученыхъ давало поводъ къ самому рѣзкому порицанію со стороны убѣдившихся въ реальности медиужическихъ явленій, тѣмъ болѣе что у этихъ послѣднихъ апіоричность вообще не имѣетъ большаго кредита и впереди стоитъ набаюденіе.“ Другой профессоръ не менѣе студента порицаетъ отношеніе къ вопросу извѣстной части печати. Вотъ слова Фихте о нѣмецкой журналистикѣ, прилагающіяся съ такимъ же или бѣдшимъ еще правомъ и почти ко всей нашей повременной печати: „Нѣмецкая журналистика играла до сихъ поръ въ этомъ вопросѣ роль достойную сожалѣнія. За немногими исключеніями у нея нашлись яротивъ него въ запасѣ только злобное поруганіе и клевета; несмотря на свое полное незнаніе предмета, она еще хочетъ при этомъ играть роль защитницы науки и просвѣщенія“ (стр. 53“). „Когда у людей не хватаетъ доказательствъ, замѣчаетъ Гелленбахъ, они начинаютъ браниться; не умѣя сладить сами, они клочутъ полдцію“ (*Mr. Slade's Aufenthalt in Wien*, стр. 38). За подобными примѣрами и у насъ вѣдь дѣло не станетъ!

Но возвратимся къ опытно-психологической, если можно такъ выразиться, сторонѣ вопроса. Вплотнѣ ясною и опредѣленною является она въ упомянутой брошюрѣ Фихте, содержаніе которой уже предчувствуется по эпиграфу заимствованному имъ изъ Гаусса: „Поневоля приходишь къ убѣжденію въ пользу котораго и безъ научныхъ доказательствъ говорить многое, а именно: что рядомъ съ этимъ матеріальнымъ мірозданіемъ существуетъ еще другое, духовное, одаренное такимъ же разнообразіемъ какъ и міръ въ которомъ мы живемъ. Намъ предстоитъ быть причастными тому міру.“ „Къ аксіомамъ вышней науки, говоритъ Фихте (стр. 10), относится то что сознаніе, а слѣдовательно и существованіе сознательной личности, возможно *единственно только* при условіи существованія для этой цѣли особыхъ органовъ—мозга и нервной системы. Съ уничтоженіемъ или угнетеніемъ этихъ органовъ уничтожается тотчасъ и сознаніе. Поэтому мысль о продолженіи сознательнаго существованія (по смерти) встрѣчаетъ именно вышѣ самая рѣзкія сомнѣнія,

хотя, строго говоря, основанія этихъ сомнѣній лежатъ совсѣмъ не въ природѣ вопроса, а лишь въ твердо укоренившихся, почти непреоборимыхъ апріорныхъ допущеніяхъ, которыя принимаются за строго доказанныя истины лишь потому что одинъ повторяетъ ихъ за другимъ“.... „Нѣтъ никакого противорѣчія въ томъ допущеніи что сознаніе и процессъ его могутъ существовать въ другихъ формахъ и подъ другими условіями кромѣ тѣхъ которыя представляетъ намъ наша чувственная организація“.... „Весь вопросъ долженъ напротивъ считаться открытымъ и разрѣшимымъ только путемъ опытныхъ изслѣдованій, произведенныхъ безъ предубѣжденія.“

Вотъ какъ стоитъ вопросъ о фактахъ для самого Фихте (стр. 29): „Хотя для самого меня установлено прочно далеко не все изъ того что утверждаетъ спиритуализмъ и хотя изъ этого послѣдняго придется многое отложить въ сторону, но все-таки я долженъ сознаться что главныя истины—самыя важныя и рѣшительныя выводы этого ученія,—я считаю, согласно съ логическими законами индукціи и аналогіи, вполнѣ доказанными на опытномъ основаніи.“ Фихте замѣчаетъ также (стр. 21) что „высшій спиритуализмъ утверждаетъ главнымъ образомъ возможность того что въ просторѣчии весьма неопредѣленно и неудачно называется *явленіемъ души*. Если допустить реальность этихъ явленій, то они будутъ неотразимымъ фактическимъ доказательствомъ продолженія нашего личнаго *самосознательнаго* существованія. А такое фактическое вполнѣ осязательное доказательство не можетъ конечно не имѣть большой цѣны для того времени которое именно впадо въ отрицаніе безсмертія и въ гордой самоувѣренности *сильнаго ума* думаетъ что уже счастливо оставило позади себя подобныя суевѣрія...“ „Съ этой точки зрѣнія вопросъ получаетъ рѣшительный интересъ и даже культурно-историческое значеніе.“

По мнѣнію Фихте, (стр. 31, 32) „всѣ апріорные доводы въ пользу продолженія существованія нашей личности по смерти не могутъ идти въ сущности далѣе того что показываютъ мыслимость, даже вѣроятность этого существованія, и ослабляютъ противопологаемыя этимъ доводамъ сомнѣнія. Само по себѣ это важно и имѣетъ значеніе, но недостаточно. Здѣсь, какъ и вообще во всякомъ фактическомъ вопросѣ, нужны доказательства основанныя на *фактахъ*, на твердо установ-

ленной, неиспоримой *реальности*. Только такимъ образомъ упомянутая возможность восходить на стелень несомнѣнной *дѣйствительности*. Еслибы такіа фактическіа доказательства были найдены и упомянутая дѣйствительность вполнѣ доказана сообразно съ логическими началами опытнаго естествознанія, то это было бы, утверждаю я (Фихте), такимъ результатомъ съ которымъ *по внутренней силѣ и значенію не сравнися бы ни одинъ изъ встрѣчающихся во всей исторіи цивилизаціи*. Старинный вопросъ о назначеніи человѣка былъ бы такимъ образомъ положительно рѣшенъ, и все сознаніе человечества стало бы ступенью выше. Человѣкъ *зналъ бы то что открывалось ему до сихъ поръ лишь въ области вѣрованія, предчувствій и теплыхъ надеждъ, онъ зналъ бы что онъ членъ вѣчнаго духовнаго міра, въ которомъ будетъ продолжаться его жизнь, что временное существованіе его на землѣ составляетъ лишь дробную часть будущей вѣчной жизни, что ему только тамъ сдѣлается доступно пониманіе его назначенія*. Приобрѣтя это глубокое убѣжденіе, человечество прониклось бы совершенно новымъ воодушевляющимъ пониманіемъ своей жизни, *идеализмомъ сильными фактами*. Это равнялось бы полной переработкѣ человѣка по отношенію къ его сущности и дѣятельности, было бы такъ - сказать „*возрѣженіемъ*“... „Тотъ кто потерялъ, замѣчаетъ также Фихте (стр. 5), полную убѣренность въ вѣчности и въ сверхчувственномъ назначеніи человѣка, кто считаетъ то и другое мечтой, тотъ потерялъ путеводную звѣзду своей дѣятельности на землѣ.“

Въ статьѣ *Spiritualistische Memorabilien*, помѣщаемой въ *Psychische Studien* 1879 года (см. стр. 10), Фихте говоритъ что хорошо понималъ рискованность обнародованія своей брошюры. „Весьма серіозныя соображенія заставили меня (показываетъ онъ на стр. 30й этой брошюры) выступить публично съ результатами моего изслѣдованія столь противными современному направленію. Я тѣмъ менѣе намѣренъ скрывать ихъ что дѣло идетъ здѣсь объ обнаруженіи угрожающихъ симптомовъ нашего времени. Говоря это, я высказываю то что именно нынѣ нѣкоторые, и даже ученые, стремятся предать забвенію.“ „*Кто потерялъ внутреннюю убѣренность въ своемъ вѣчномъ назначеніи, вѣру въ вѣчную жизнь, будетъ ли то отдѣльная личность, цѣлый народъ или извѣстная эпоха, у того вырванъ съ корнемъ источникъ всякой воодуше-*

вляющей силы, способности къ самопожертвованію, къ цивилизаціи. Онъ дѣлается тѣмъ чѣмъ и долженъ тогда быть, эгоистическимъ, чувственнымъ существомъ, погруженнымъ единственно въ заботы самосохраненія. Его культура, его просвѣщеніе имѣеть тогда цѣлю лишь служить на помощь и украшеніе этой чувственной жизни или по крайней мѣрѣ устранивать то что можетъ вредить ей.“

Говоря о теоретической допустимости существованія духовнаго міра и его воздѣйствіи на нашъ вещественный міръ, Фихте напоминаетъ „пророческія“ слова Канта и соглашается съ ними вполне (стр. 4): „*Современемъ будетъ еще доказано* что душа человѣческая и въ этой жизни находится въ постоянной связи съ нематеріальными существами міра духовъ и что она дѣйствуетъ на нихъ и получаетъ отъ нихъ впечатлѣнія, но не сознаетъ ихъ пока все идетъ хорошо“. „Кантъ соглашается и съ тѣмъ, замѣчаетъ Фихте, что этотъ міръ и тотъ міръ представляютъ два состоянія переходяція одно въ другое *постепенно безъ перерыва*.“ Какъ на доводъ въ пользу защищаемыхъ имъ мнѣній, Фихте указываетъ еще (стр. 36, 37 и 38) и на значительное внутреннее сходство проявляющееся у различныхъ народовъ въ понятіяхъ о томъ мірѣ и объ этомъ, и въ отношеніяхъ къ усопшимъ, несмотря на то что эти народы далеко отдѣлены и пространствомъ, и временемъ, и нравами и религіей. „Это не абстрактное блѣдное „вѣрованіе“ въ неопредѣленное безсмертіе, которое трудно себѣ представить... тутъ вездѣ вѣра въ будущую жизнь тѣсно связана и, можно сказать, питается убѣжденіемъ въ продолжающемся взаимодействіи между нами и міромъ духовнымъ... Этотъ замѣчательный историческій фактъ съ его внутреннимъ значеніемъ не укрылся отъ Шопенгауера, и онъ видитъ въ немъ подтвержденіе правильности вѣрованія въ существованіе духовъ. Китайскіе разказы о духахъ, замѣчаетъ онъ (Шопенгауеръ), совершенно похожи на наши. Нерѣдкіе разказы греческихъ и римскихъ писателей о томъ же предметѣ имѣють совершенно тотъ же основноі характеръ какъ и позднѣйшіе разказы христіанскаго времени. Если вспомнить, кромѣ того, что Римскій народъ допускалъ существованіе домашнихъ духовъ (шанес), между которыми онъ различалъ даже, подобно христіанскому ученію, добрыхъ и злыхъ; то мы должны сознаться что у Римскаго народа, вообще довольно

бываго фантазіей, склоннаго къ реализму, вѣри въ духовъ носила совершенно тотъ же отпечатокъ какъ и въ Средніе Вѣка. Трудно, такимъ образомъ, сомнѣваться въ общихъ источникахъ и причинахъ происхожденія этихъ вѣрованій. Было бы, конечно, опротечливо считать положительнымъ подтвержденіемъ реальности предмета то обстоятельство что представленія и разказы объ этихъ вещахъ обнаруживаютъ известное согласіе, но точно также было бы опротечливо и противоположное увѣреніе что это согласіе *случайное* и изъ него ничего нельзя вывести. Напротивъ, надобно спросить себя, какая причина могла вызвать столь постоянное, а потому навѣрное и *не случайное* явленіе? Антропология показываетъ намъ что для объясненія здѣсь и нельзя въ самомъ дѣлѣ найти другой причины кромѣ той которая всегда принималась простою вѣрой и простымъ разсудкомъ: причина эта *объективная*, она заключается въ постелевыхъ фактическихъ подтвержденіяхъ связи существующей между тѣмъ и этимъ міромъ.“

Въ самомъ дѣлѣ, есть ли возможность утверждать добросовѣстно и серьезно что всѣ эти, вездѣ и всюду распространенныя, всегда сохранявшіяся сходныя убѣжденія всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ представляютъ не болѣе какъ плодъ заблужденія и суевѣрій? Множество разказовъ, достаточно засвидѣтельствованныхъ, обставленныхъ историческою достовѣрностью, говорящихъ въ пользу существованія за гробомъ и о возможности взаимодѣйствія между тѣмъ и этимъ міромъ,—неужели всѣ они сводятся къ обману чувствъ и только? А факты напращивающіеся такъ-сказать сами собою, помимо присутствія всякихъ медиумовъ, и ведущіе къ тѣмъ же заключеніямъ,—развѣ не найдутся они въ памяти каждаго? У однихъ добыты они собственнымъ личнымъ наблюденіемъ, другимъ переданы близкими, вполнѣ надежными людьми. И все это проходящее чрезъ всю исторію человѣческаго рода должны мы не вѣдать, признать несуществовавшимъ и несуществующимъ. Но рѣшитель признать факты съ ихъ выводами, какъ дѣлаютъ это Фихте и другіе лоборники тѣхъ же идей, и все явится въ другомъ, новомъ освѣщеніи: факты оставаемыя до сихъ поръ безъ вниманію окажутся опредѣленною законною частью стройнаго цѣлаго, доле великаго цикла явленій.

Справедливо указываютъ что невѣріе и отрицаніе явились естественными, полезными подготовителями почвы для

возникновенія твердой опирающейся на факты утѣренности въ существованіе духовнаго міра. Невѣріе и отрицаніе оканчиваютъ теперь свою роль и должны уступить мѣсто трезвому званію. Безъ нихъ, сдѣло вѣра, люди бѣжали отъ явленій какъ чего-то страшнаго, враждебнаго, демонскаго, или преклонялись предъ ними какъ предъ божественнымъ, неисловѣдимымъ. Теперь пришло время наблюдать и изучать. Не отрицаніемъ побѣдимъ мы суевѣрія, а силой знанія, силой фактической истины.

Судя о медиумизмѣ по различнымъ краткимъ извѣстіямъ, Фихте сначала составилъ себѣ о немъ неблагоприятное мнѣніе и не былъ склоненъ знакомиться съ нимъ ближе; но обстоятельства доставили ему случай къ такому знакомству, и онъ счелъ себя тогда *обязаннымъ* не отвернуться отъ случая. Онъ „увидѣлъ тогда (см. стр. 41) что несмотря на значительное число и внутреннее разнообразіе явленій несомнѣнно существуетъ между ними въ этой области тѣсная связь, опредѣленная аналогія, постепенность отъ низшаго, менѣе развитаго, до высшаго, полнаго дѣйствительнаго значенія. То что сначала казалось само по себѣ страннымъ или отталкивающимъ представилось въ связи съ другимъ, сходнымъ но болѣе допустимымъ, какъ имѣющее извѣстную степень вѣроятности“. Таково болѣе или менѣе бываетъ дѣйствительно впечатлѣніе каждаго проходящаго эту школу. Непрерывность, аналогія и постепенность медиумическихъ явленій, отъ мельчайшихъ до наиболѣе развитыхъ, не ускользнуть отъ каждаго серьезнаго наблюдателя; онѣ заставляютъ его, такъ-сказать мириться съ характеромъ явленій и въ тѣхъ случаяхъ когда этотъ характеръ (что встрѣчается нерѣдко) бываетъ какъ бы несоотвѣтствующимъ важности и серьезности вытекающаго изъ явленій главнаго вывода. Но дѣло въ томъ что этотъ главный выводъ всегда одинъ и тотъ же: *существованіе духовнаго міра и принадлежность къ нему нашего собственнаго духа*, выводъ совершенно независимый отъ того, отвѣчаетъ ли нѣтъ характеръ явленій наблюдаемыхъ нами въ данномъ случаѣ тѣмъ готовымъ представленіямъ о мірѣ духовномъ которыя у насъ всегда найдутся въ запасѣ, какъ скоро мы допустимъ существованіе этого міра. Ожидать тамъ разнообразія еще большаго чѣмъ въ нашемъ чувственномъ мірѣ мы конечно въ правѣ; мы должны допустить тамъ и градацію отъ низшаго до высшаго. Еслибы

намъ и удавалось констатировать прямымъ наблюденіемъ только существованіе низшаго, то это тѣмъ не менѣе достаточно разрѣшаетъ въ утвердительномъ смыслѣ вопросъ о самомъ существованіи духовнаго міра. Множество фактовъ говорятъ однакоже вопреки довольно распространенному мнѣнію и обычному возраженію въ пользу того что совѣмъ нерѣдко не одно низшее приходитъ въ соприкосновеніе съ человѣкомъ.“*

Постепенно восходя по лѣстницѣ медиумическихъ фактовъ, наблюдатель констатируетъ на первой ступени движенія неодушевленныхъ предметовъ и звуки (преимущественно стук), то и другое происходящее помимо сознательной воли и активнаго участія присутствующихъ (движенія нерѣдко и помимо прикосновенія). На второй ступени замѣчаютъ что явленія вообще управляются опредѣленными самостоятельными волею и разумностью, независимыми отъ воли присутствующихъ. Такъ напримѣръ условными движеніями и стуками обозначаются буквы, складываются фразы въ которыхъ даже идетъ иногда рѣчь о фактахъ бывшихъ до того совершенно неизвѣстными присутствующимъ. Далѣе приходится наблюдать временное возникновеніе органовъ человѣческаго тѣла, преимущественно рукъ, осязаемыхъ, а часто и видимыхъ участниками опытовъ. Сюда же должно причислить и разныя свѣтотыя явленія. Появляющіяся руки тоже явно подчиняются разумности и самостоятельной волѣ. Онѣ совершаютъ опредѣленные цѣлесообразныя движенія, берутъ и

* При этомъ я позволяю себѣ напомнить сказанное мною лѣтъ пять тому назадъ (въ статьѣ *Медиумическія Явленія* стр., 803): „Все дѣйствительно существующее подлѣжитъ знанію, а увеличеніе массы знанія можетъ только обогащать, а не упразднять науку. Если человѣчество когда-либо признавало факты, а потомъ въ осмѣленіи самоинѣнія стадо отрицать ихъ, то возвратъ къ признанію реально-существующаго будетъ шагомъ впередъ, а не назадъ. Но именно нужно чтобъ это признаніе совершилось въ силу строгаго наблюденія, изученія, проверки опытомъ, чтобы пришаи къ нему руководясь *положительными научными методами*, такъ же какъ приходятъ къ признанію каждаго явленія природы. Заявляя о дѣйствительности существованія медиумическихъ фактовъ, мы желаемъ приложенія этого метода, зовемъ не къ слѣпому вѣрованію, по примѣру давно прошедшихъ лѣтъ, а къ знанію, — не къ отреченію отъ науки, а къ расширенію ея области.“

передаютъ предметы, лишутъ и т. п. Наконецъ, слѣдуетъ появленіе человѣческихъ лицъ и даже цѣлыхъ фигуръ, матеріализованныхъ призраковъ, иногда постепенно возникающихъ и такъ же постепенно исчезающихъ на глазахъ наблюдателей. *

Я хорошо понимаю что все это звучитъ для неподготовленнаго человѣка какъ страница изъ *Тысячи и одной ночи* или пожалуй даже какъ бредъ сумасшедшаго, но тѣмъ не менѣе это реальные факты, въ которыхъ дана возможность убѣдиться каждому *тѣрпеливому и добросовѣстному* наблюдателю. Задача науки переработать эти новыя данныя или, правильнѣе, переработать ее, по совѣту Риманна, подобно съ ними. Плохую услугу оказываютъ истинному знанію тѣ кого характеризуетъ Фихте, говоря что онъ, считая себя „знающими, а потому и непогрѣшимыми, отрицаютъ право на существованіе у всего того что загадочно, не объяснено, а потому и неудобно для нихъ.“

Мы видѣли какой выводъ вообще вытекаетъ изъ данныхъ наблюденія и опыта. Выводъ этотъ вполнѣ законенъ. Существованіе самостоятельныхъ разумныхъ индивидуумовъ, одаренныхъ всѣми тѣми атрибутами которые свойственны духовной сторонѣ человѣческой жизни, индивидуумовъ не облеченныхъ въ грубую, вѣсомую плоть и кровь, для насъ это фактъ. Были ли такіе индивидуумы дѣйствительно людьми, какъ увѣраютъ они сами, это ** можетъ пожалуй и подлежать сомнѣнію. Такое сомнѣніе выражено, напримѣръ Круксомъ, какъ было объ этомъ уже упомянуто выше въ одномъ изъ примѣчаній. Это сомнѣніе ничуть однакоже не мѣшаетъ Круксу вполнѣ признавать не разъ видѣнный имъ фактъ матеріализаціи полной человѣческой фигуры. Конечно, весьма мало подготовленъ мой читатель къ извѣстію что къ числу лицъ выразившихъ подобное сомнѣніе, идущее даже еще дальше, принадлежитъ и нашъ

* Более подробную классификацію медиумическихъ явленій см. у Крукса (*Researches in the phenomena of spiritualism*. By William Crookes F. R. S. London, 1874 года, стр. 86 и также въ *Psychische Studien* 1874 года.

** Это вѣроятно въ виду фактовъ подобныхъ, напримѣръ, полученію отпечатковъ руки, со всѣми признаками руки лица извѣстнаго но уже умершаго. (См. выше.)

главный поборникъ медиумизма А. Н. Аксаковъ. Вотъ его собственныя слова: „Одно для меня вѣрно, это—реальность медиумическихъ фактовъ и то что если человѣку дано узнать когда-либо тайны своего существованія, то онъ придетъ къ удовлетворительному разрѣшенію этого вопроса именно путемъ изученія медиумическихъ явленій во всей ихъ полнотѣ. Такъ какъ эти явленія лежатъ въ природѣ вещей, то ихъ нельзя ни задержать, ни подавить, ни уничтожить. Они могутъ, напротивъ, лишь развиваться, идти обычнымъ путемъ прогресса. То что уже совершилось обѣщаетъ превысить въ будущемъ всякія ожиданія.... Самый замѣчательный фактъ въ ряду объективныхъ медиумическихъ явленій есть временное образованіе человѣческихъ фигуръ. Фактъ этотъ для насъ доказанъ, но было бы преждевременно дѣлать изъ этого тотъ выводъ который съ перваго взгляда кажется наиболѣе простымъ и вѣрнымъ, а именно—что предъ нами совершается появленіе отшедшей души и что въ этомъ мы имѣемъ неопровержимое доказательство личнаго безсмертія. Выводъ этотъ еще не оправдывается глубокимъ и критическимъ изученіемъ фактовъ“ (*Psychische Studien*, 1878 стр. 7).

Я со своей стороны скажу однакоже, согласно съ мнѣніемъ Фихте и большинства другихъ, что убѣдившись посредствомъ фактовъ въ возможности существованія всѣхъ атрибутовъ нашего духовнаго „я“ безъ облеченія этого я въ грубую тѣлесную оболочку и помимо того допущенія что матеріализованныя фигуры были дѣйствительно людьми мы тѣмъ не менѣе должны заключать съ *высокою степенью* вѣроятности что наше сознательное духовное существованіе продолжается и по разрушеніи грубой тѣлесной оболочки.

„Такимъ образомъ, говоритъ Фихте (стр. 101), старинное изреченіе, давно сдѣлавшееся тривіальнымъ, „memento mori“, превращается въ новое болѣе серьезное—„memento vivere“, то-есть: помни что ты навѣрное будешь жить, но твое будущее состояніе прямо опредѣляется общимъ результатомъ здѣшней жизни, каковъ бы онъ ни былъ—радостью для тебя или нѣтъ. Этотъ выводъ спиритуализма не маловаженъ, особенно въ такое время которое издавна привыкло вычеркивать заботу о будущемъ мірѣ изъ списка своихъ повседневныхъ интересовъ“.... „Тотъ кто свободно научнымъ

путемъ дошелъ до положительныхъ убѣжденій относительно этой высшей проблемы жизни, не имѣть права молчать въ такомъ важномъ вопросѣ и въ виду настоятельной потребности его разрѣшенія. Сознаніе этой обязанности заставило и меня выйти изъ привычнаго круга тихихъ научныхъ занятій и высказать мое непредубѣжденное мнѣніе въ вопросѣ имѣющемъ важное значеніе для современной цивилизаціи.“ (Стр. 102.)

И въ нашей литературѣ раздаются подчасъ голоса высказывающіе подобныя мысли. Вотъ глубоко прочувствованныя слова одного изъ даровитѣйшихъ писателей нашихъ.

„Статья моя *Приговоръ* касается основной и самой высшей идеи человѣческаго бытія,—необходимости и неизбежности убѣжденія въ безсмертіи души человѣческой“.... „Безъ вѣры въ свою душу и ея безсмертіе бытіе человѣка неестественно, невысказуемо и невыносимо.... На мой взглядъ, въ весьма уже, въ слѣдствіе уже большой части интеллигентнаго слоя русскаго.... все болѣе и болѣе и съ чрезвычайною прогрессивною быстротою укореняется совершенное невѣріе въ свою душу и ея безсмертіе....“ „Безъ высшей идеи не можетъ существовать ни человѣкъ, ни нація. А высшая идея на землѣ *лишь одна* и именно—идея о безсмертіи души человѣческой, ибо всѣ остальные *высшія* идеи жизни, которыми можетъ быть живъ человѣкъ, *лишь изъ нея одной вытекаютъ*.“ Говоря объ изображенномъ имъ убійцѣ, авторъ нашъ поясняетъ: „Предъ нимъ неотразимо стоятъ самые высшіе, самые первые вопросы: для чего жить, когда уже онъ созналъ что по-животному жить отвратительно, ненормально и недостаточно для человѣка? И что можетъ въ такомъ случаѣ удержать его на землѣ? На вопросы эти разрѣшенія онъ получить не можетъ и знаетъ это, ибо хотя и созналъ что есть, какъ онъ выражается, *гармонія утлаго*, но я-то, говорить онъ, ея не понимаю, понять никогда не въ силахъ, а что не буду въ ней самъ участвовать, то это ужъ необходимо и само собой выходитъ. Вотъ эта-то ясность и докончила его. Въ чемъ же бѣда, въ чемъ онъ ошибся? Бѣда единственно лишь въ потерѣ вѣры въ безсмертіе....

„Любовь къ человѣчеству даже совсѣмъ невысказуема, непонятна и *совсѣмъ невозможна безъ совѣстной вѣры въ безсмертіе души человѣческой*.... Самоубійство при потерѣ идеи о безсмертіи становится совершенною и неизбежною

даже необходимостью для всякаго человѣка чуть-чуть под-
нявшагося въ своемъ развитіи надъ скотами. Напротивъ, без-
смертіе, обѣщая вѣчную жизнь, тѣмъ крѣпче связываетъ че-
ловѣка съ землей. Тутъ казалось бы даже противорѣчіе: если
жизни такъ много, т.-е. кромѣ земной и бессмертная, то для
чего бы такъ дорожить земною-то жизнью? А выходитъ имен-
но напротивъ: ибо только съ вѣрою въ свое бессмертіе че-
ловѣкъ постигаетъ всю разумную цѣль свою на землѣ.... Сло-
вомъ, идея о бессмертіи, это—сама жизнь, живая жизнь, ея
окончательная формула и главный источникъ истины и пра-
вильнаго сознанія для человѣчества“ (*Дневникъ Писателя*.
1876 года стр. 319 и слѣд.).

Почти то же чтò говорится здѣсь про нашъ русскій интел-
лигентный слой находимъ мы сказаннымъ у Фихте про
большинство „образованныхъ“ вообще, т.-е., которые до-
вольствуются господствующимъ среднимъ уровнемъ обра-
зованія. Если у нихъ есть болѣе или менѣе глубокая потреб-
ность вѣрить, то они встрѣчаютъ безпрестанныя противорѣ-
чія между выводами разсудка и вѣрою; они *колеблются* по-
стоянно между желаніемъ и невозможностью для нихъ вѣрить
что все то чтò они считаютъ положительно дознаннымъ
*прямо противорѣчитъ допущенію безсмертія или по мень-
шей мѣрѣ не представляетъ никакихъ основаній благоприят-
ствующимъ этому допущенію.* И едва ли я (продолжаетъ
Фихте) заблуждаюсь, утверждая что большинство нашихъ
такъ-называемыхъ образованныхъ или *мыслящихъ* людей
находится, болѣе или менѣе сознательно, именно въ состо-
яніи упомянутаго колебанія и безызвѣстности по отноше-
нію къ важнѣйшему изъ всѣхъ вопросовъ культуры“ (стр. 5).

„Среди такого шатанія, продолжаетъ Фихте (стр. 52), весьма
поучительно выслушать мнѣніе о сущности спиритуализма
и его *истинномъ* значеніи отъ лица которое составило свое
убѣжденіе на основаніи двадцатилѣтнаго серьезнаго занятія
предметомъ.“ Дѣло идетъ здѣсь о докторѣ Георгѣ Блѣде,
личности весьма извѣстной и заслуженной между нѣмец-
кими жителями Соединенныхъ Штатовъ, бывшемъ главнымъ
редакторѣ одной ньюйоркской нѣмецкой газеты и о его
статьѣ напечатанной въ 1877 году въ берлинской газетѣ *Die
Gegenwart.*“

Привожу здѣсь выдающіяся мѣста этой статьи. перелеча-
танной въ *Psychische Studien* 1877 года (стр. 559 и слѣд.):

„Новѣйшій спиритуализмъ, если называть вещь ся употребительнымъ именемъ, представляетъ, по убѣжденію моему, *величайшее движеніе текущаго столѣтія*. Движеніе это назначено служить исходною точкой и основаніемъ новаго, истиннаго и во всѣхъ отношеніяхъ плодотворнаго преуспѣванія человечества. Я высказываю это убѣжденіе какъ результатъ почти двадцатилѣтняго серьезнаго занятія предметомъ и вполнѣ сознаю что вызову у однихъ сострадательную усмѣшку, у другихъ недовѣрчивое покачиваніе головою. Одни сочтутъ меня за честнаго мечтателя, а другіе быть-можетъ даже за американскаго изобрѣтателя *humbug*'овъ... Спиритуализмъ представляетъ естественную и необходимую реакцію противъ матеріализма, сдѣлавшагося общимъ достояніемъ современнаго цивилизованнаго міра и основаніемъ всѣхъ его стремленій... Спиритуализмъ сражается тѣмъ же оружіемъ какъ и матеріализмъ: онъ не теорія, не апріорное заключеніе, не мечта метафизики; основаніемъ ему служатъ факты и опытъ. Опираясь на нихъ, новѣйшій спиритуализмъ разчитываетъ что новая наука „о духѣ“ сдѣлается нераздѣльною частью естествознанія. Эта новая наука представляетъ не опроверженіе, а пополненіе существующей науки...

„Великая задача новѣйшаго спиритуализма, способная продвинуть весь свѣтъ, заключается въ восстановленіи того сознанія связи и единства человѣка съ духовнымъ міромъ которое утрачено образованнымъ человечествомъ. Этотъ духовный міръ относится къ матеріальному міру какъ причина къ дѣйствию, какъ сущность къ явленію. Утративъ сознаніе уломянутой связи, цивилизованный міръ остался, правда, способнымъ къ изумительному развитію матеріальныхъ условій благосостоянія, но въ то же время онъ впалъ въ тѣ заблужденія къ которымъ неизбѣжно приводитъ отрицаніе духовнаго назначенія всего живущаго. Послѣдствіями этихъ заблужденій видимо болѣеть все современное человечество во всѣхъ формахъ своей общественной и индивидуальной жизни. Исправить его можетъ лишь рожденіе вновь того сознанія что назначеніе человечества идеально и простирается за предѣлы грубой матеріи. Условіе же возникновенія этого сознанія заключается не въ сдѣломъ вѣрованіи, а въ знаніи основанномъ на фактахъ, въ научномъ убѣжденіи что индивидуальная личность человѣка продолжаетъ существовать духовно за предѣлами мимолетной земной жизни. Дока-

зять это, сдѣлать упомянутое знаніе общимъ достояніемъ челоѳчества,—вотъ въ чемъ заключается ближайшая и великая задача новѣйшаго спиритуализма.

Истинно активное сознаніе этой задачи и необходимости ея разрѣшенія составляетъ тайну нессыхаемо быстро всемірнаго распространенія духовнаго движенія о которомъ идетъ рѣчь. Это послѣднее обстоятельство является неопровержимымъ доказательствомъ его благовременности и жизнениости новѣйшаго спиритуализма... Онъ всеміренъ по той простой причинѣ что удовлетворяетъ челоѳческой потребности столь же древней какъ само челоѳчество. Онъ не только оживаетъ вѣрованіе въ міръ духовный и въ существующую для людей возможность сносіться съ нимъ, но дѣлаетъ ихъ достояніемъ знанія, возводя возможность на степень достовѣрности. Вѣрованіе это никогда не изсякало вовсе и сохранялось у всѣхъ народовъ, но теперь, когда новѣйшая наука возвеличила значеніе матеріи до всемогущества и дошла такимъ образомъ до крайняго *нигилизма*, явилась въ лицѣ новѣйшаго спиритуализма необходимая реакція противъ отрицанія... Хотя уже сотни разъ спиритуализмъ считали уничтоженнымъ и внутри, и снаружи, но изо всѣхъ битвъ онъ выходилъ съ новыми силами и представилъ этимъ самое лучшее доказательство заключающейся въ немъ самой способности самоочищенія и возрожденія. А способность эта свойственна истинѣ, и только ей одной.

„Отъ своихъ противниковъ спиритуализмъ требуетъ одной только справедливости. Само по себѣ это, конечно, не много, но и это немногое считается излишнимъ его научными врагами. А между тѣмъ имъ слѣдуетъ возразить прежде всего что спиритуализмъ стоитъ не на шаткой почвѣ теоріи и умствованій, а на твердомъ основаніи факта и опыта. Всѣ тѣ изъ его научныхъ изслѣдователей которые руководились великимъ и мудрымъ изреченіемъ Фарадея, сказавшаго что всякій добросовѣстный естествоиспытатель долженъ выкинуть изъ своего словаря слово *невозможно*, всѣ они безъ исключенія сдѣлались убѣжденными послѣдователями и защитниками спиритуализма.“ *

То значеніе медиумизма о которомъ сейчасъ шла рѣчь не обойдено и Цзальнеромъ. Предлагая свою теорію для объ-

* Что же касается людей отрицающихъ а priori и глаумящейся бессмысленной толпы, то имъ, говоритъ Баѣде, „мы просто укажемъ

ясненія того, *какъ* могутъ происходить нѣкоторыя мѣдунмическія явленія, онъ съ самаго начала для отвѣта на вопросъ *почему*, долженъ былъ допустить существованіе „разумныхъ четырехлѣпныхъ существъ“. Теперь, во второй части *Научныхъ Статей* Цѣльнеръ выразилъ свой взглядъ сначала косвенно, въ цитуемой имъ статьѣ изъ газеты *Байрейтскіе Листки*, съ которою онъ очевидно согласенъ, а потомъ и прямо, посвятивъ этой сторонѣ вопроса нѣсколько словъ, достаточно обрисовывающихъ его убѣжденія.

Въ *Байрейтскихъ Листкахъ* находимъ, между прочимъ, слѣдующее: (*Wissenschaftliche Abhandlungen* т. 2, стр. 403 и слѣд.): „Религія, если дать ей самое общее опредѣленіе, представляетъ не что иное какъ живое убѣжденіе въ *реальности идеала*, убѣжденіе равномерно проникающее умъ и чувство и связующее ихъ воедино... На вопросъ, существуетъ ли нынѣ у большинства какая-нибудь религія, проникнуты ли сколько-нибудь его дѣла и постулки божественнымъ духомъ, трудно отвѣтить утвердительно... Должно ли однако человечество для пробужденія ослабѣвшей религіозной жизни отказаться отъ источника своего главнаго могущества, отъ *разума и науки*? Мы далеки отъ такого требованія.“ Выходъ представляется здѣсь, по мнѣнію автора статьи, въ сліяніи *вѣры и знанія*, и въ этомъ признаетъ онъ „всемирно-историческую истинную задачу нашего вѣка“.

Отъ своего лица Цѣльнеръ высказывается въ концѣ второго тома *Научныхъ Статей* (стр. 1.185 и 1.187). Онъ ожидаетъ что „разумъ откроетъ людямъ путь къ дѣйствительной религіозности и къ истинному духу христіанства“, что „путь этотъ будетъ очищенъ отъ плевалъ крайнихъ ученій и отъ доктринарныхъ фразъ“, что требовавшееся прежде для вѣры „принесеніе въ жертву разума сдѣлается болѣе не нужнымъ“.

„Сознаніе нашей ограниченности, замѣчаетъ Цѣльнеръ, представляетъ нелеколебимый аргументъ въ пользу оправданія *вѣры въ возможность существованія другаго міра*, который всегда останется недоступнымъ для нашихъ тѣлесныхъ чувствъ“, а въ силу „устраненія понятія о „чудѣ“ какъ

на древнюю легенду передающую одно изреченіе оракула: Es traten einst zu gleicher Zeit ein Weiser und ein Narr in den Tempel. Der Weise untersuchte erst und urtheilte dann, Der Narr urtheilt sofort und untersuchte gar nicht“.

о явленіи расходящемся съ законами природы *нравствен-
ная* высота христіанства заблеститъ во всемъ ея величіи,
проливая утѣшеніе въ сокрушенныя сердца.“

Наломившая о пыткахъ и кострахъ, съ которыми встрѣча-
лось распространеніе *новыхъ* истинъ, Цѣльнеръ говоритъ
(стр. 1.186): „Эти печальныя явленія не имѣютъ ничего об-
щаго съ религіей, моралью или съ содержаніемъ новыхъ уче-
ній, если взять ихъ самихъ по себѣ. Эти явленія условли-
ваются единственно склонностью человѣчества ко злу, про-
являющеюся въ видѣ стремленія къ господству, тирании,
угнетенію слабого, для того чтобъ удовлетворить собствен-
ному эгоизму и тщеславію. Доказывается это и политиче-
скимъ „правовѣріемъ либерализма“ и „правовѣріемъ науки“.
Научнымъ „правовѣрнымъ“, такъ же какъ и всякимъ другимъ
имъ подобнымъ, нѣтъ дѣла до *истины*. Они хлочутъ
только о сохраненіи своего любимаго міра идей и своего
развившагося съ теченіемъ времени комфорта.“

„А въ томъ нѣтъ, по мнѣнію Цѣльнера (стр. 1.184—85),
ни малѣйшаго сомнѣнія что нынѣшніе „либералы“, „прогрес-
систы“ и „матеріалисты“ съ радостью сдѣлали бы то же самое
что когда-то дѣлалъ католицизмъ. Триста лѣтъ тому назадъ
это совершалось „во славу Божию“ (*in majorem Dei gloriam*),
а нынѣ „во славу науки“. Актеры тѣ же; измѣнились только
декораціи.“

Не во славу истинной науки, ставящей впереди всего
фактъ, прибавляю я отъ себя, а во славу „догматизма“, по-
грязшаго въ аліоріическомъ отрицаніи.

Я кончилъ. Многимъ статья моя вѣроятно доставитъ лиш-
ній случай поглумиться, а между моими учеными собратами
быть-можетъ олятъ кто-нибудь „подниметь перо въ защиту
истины“, нелогично открываемой спекулятивнымъ путемъ
при помощи игнорированія данныхъ наблюденія и опыта. Но
что бы тамъ ни было, я могу оставаться совершенно покой-
нымъ и съ полнымъ довѣріемъ ждать будущаго, зная что на
моей сторонѣ союзники—вполнѣ нелобѣдимые факты. Мнѣ
остается развѣ только пожалѣть о тѣхъ чьи сужденія рано
или поздно будутъ признаны опрометчивыми и ненаучными,
потому что не отвѣчаютъ *фактической* (а не *догматической*)
истинѣ.

А. БУТЛЕРОВЪ.

25го февраля 1879 года.

С.-Петербургъ.

ЛѢСЪ И ЗНАЧЕНІЕ ЕГО ВЪ ПРИРОДѢ *

А) ФИЗИЧЕСКІЯ СВОЙСТВА ЛѢСА (продолженіе).

Влажность лѣснаго воздуха абсолютная и относительная.—Какой процентъ выпавшей на лѣсъ атмосферной влаги достигаетъ лѣсной почвы.—Гигроскопическое состояніе лѣса въ разныя времена года.—Разсмотрѣніе вопроса о вліяніи лѣса на увеличеніе атмосферныхъ осадковъ. — Мнѣнія по этому предмету. — Теоретическіе доводы указывающіе на это вліяніе.—Наблюденія относительно количества осадковъ выпадающихъ на лѣсной площади сравнительно съ открытымъ полемъ.

XI.

Намъ предстоитъ теперь рассмотреть вліяніе лѣса на *влажность* какъ лѣснаго воздуха, такъ и почвы. Независимо отъ вліянія какое имѣетъ большее или меньшее количество содержащихся въ воздухѣ водяныхъ паровъ на образованіе водяныхъ осадковъ, то-есть дожда, снѣга, града и тумана, влажный воздухъ еще имѣетъ ту особенность что въ высшей степени умѣряетъ крайности температуры. Многочисленныя наблюденія, произведенныя въ различныхъ странахъ согласно свидѣтельствуютъ что сухость воздуха имѣетъ слѣдствіемъ сильное нагреваніе почвы дѣтвомъ и днемъ и быстрое остываніе ея зимою и ночью. Известно, что среди лѣта раскаленная степь Сахары иногда ночью, благодаря чрезвы-

* Русскій Вѣстникъ 1878 года № 2, 1879 года №№ 1 и 2.

чайной сухости воздуха, остываетъ такъ быстро что уснувшіе путешественники на сѣдующее утро оказываются погибшими отъ холода, а на иныхъ мѣстахъ образуется даже ледъ. То же самое замѣчается иногда и въ нашихъ южно-русскихъ степяхъ, а именно въ мѣстахъ лишенныхъ воды и поэтому особенно страдающихъ дѣтомъ отъ сухости воздуха. Такимъ образомъ оказывается что влажность воздуха играетъ роль какъ бы одежды для нашего земнаго шара, препятствующей быстрому и чрезмѣрному его охлажденію; безъ влажности наши зимы и ноца были бы несравненно холоднѣе, уже не говоря о томъ что жизнь животныхъ и растеній сдѣлалась бы невозможною. „Есаибы, говорить Тиндалъ, вся влажность содержащаяся въ атмосферѣ надъ поверхностью Англіи исчезла хотъ на одну ночь, то вслѣдствіе мороза погибло бы множество растеній.“ И дѣйствительно, опытыя изслѣдованія Тиндала, Вильда и другихъ доказали что водяные пары сильно задерживаютъ лучистую теплоту, и чѣмъ воздухъ ближе къ насыщенію водяными парами, тѣмъ непрозрачность его для лучей теллорода становится больше, другими словами: тѣмъ болѣе атмосфера задерживаетъ теплоту доходящую изъ солнца до земли и обратно исходящую изъ земли, благодаря ея лучеиспусканію.

Изъ сказаннаго явствуетъ что водяные пары не только способствуютъ увеличенію влажности даваой мѣтности, но вліяютъ и на ея температуру. Если будетъ доказано что воздухъ въ дѣсу обладаетъ болѣею влажностью, то доказано будетъ также что теченіе воздуха направленное изъ дѣса въ поле измѣняетъ не только влажность, но и температуру находящейся надъ полемъ массы воздуха, а потому вліяніе дѣса на окрестности должно быть особенно замѣтно.

Но говоря о влажности дѣсваго воздуха, мы по обыкновенію должны различать *абсолютную* влажность, то-есть количество водяныхъ паровъ содержащееся въ данный моментъ въ извѣстномъ объемѣ воздуха, отъ влажности *относительной*, то-есть отъ отношенія количества водяныхъ паровъ дѣйствительно содержащагося въ воздухѣ къ тому количеству которое должно было бы содержаться, еслибы воздухъ при *данной температурѣ* былъ насыщенъ водяными парами. Отношеніе это, какъ извѣстно, выражается въ процентахъ и принимается что воздухъ въ достаточной мѣрѣ содержитъ водяные пары, если

относительная влажность его не ниже 70⁰/₀. * Чѣмъ температура воздуха выше, тѣмъ бѣльшаго количества водяныхъ паровъ требуетъ онъ для своего насыщенія; обратно: при пониженіи температуры воздуха, даже незначительное количество содержащейся въ немъ влажности уже достаточно для его насыщенія, а при дальнѣйшемъ охлажденіи происходитъ осажденіе газообразныхъ водяныхъ паровъ въ видѣ дождя, снѣга, тумана. Понятно поэтому что по одному количеству содержащихся въ данное время въ воздухѣ водяныхъ паровъ о влажности воздуха никакого вѣрнаго заключенія вывести нельзя, такъ какъ степень влажности зависитъ и отъ температуры воздуха; понятно также что въ климатическомъ отношеніи, а равно и касательно жизни растений и животныхъ *относительная* влажность воздуха несравненно важнѣе *абсолютной*.

Наблюденія надъ влажностью воздуха въ лѣсу и на открытомъ мѣстѣ на баварскихъ станціяхъ производились посредствомъ двухъ психрометровъ Аугуста, раздѣленныхъ на десятые доли градуса, по два раза въ день: въ 8 часовъ утра и 5 часовъ полудни. Результаты этихъ наблюденій сводятся къ слѣдующему:

1) Въ продолженіе цѣлаго года *абсолютная* влажность лѣснаго воздуха оказалась на весьма незначительную величину большею чѣмъ влажность воздуха въ открытомъ полѣ.

2) Столь же незначительная разница оказалась изъ наблюденій въ разныя времена года и даже въ отдѣльные мѣсяцы.

3) По этой причинѣ лѣсъ оказываетъ на *абсолютное* количество содержащейся въ воздухѣ влаги весьма незначительное вліяніе, хотя по причинѣ большей сырости лѣсвой почвы можно бы, повидимому, ждать инаго результата. Но вслѣдствіе низшей температуры лѣснаго воздуха сравнительно съ воздухомъ открытаго мѣста (о чемъ подробно говорено было въ предыдущей нашей статьѣ) и испареніе въ лѣсу должно быть меньшее, тѣмъ бодрѣ что воздухъ

* Vivenot предлагаетъ называть воздухъ *умѣренно-сухимъ*, если относительная влажность его ниже 70⁰/₀ и выше 56⁰/₀, и *весьма сухимъ*, если влажность ниже 55⁰/₀, обратно: *умѣренно-влажнымъ* при 71—85⁰/₀ и *очень-влажнымъ* при 86—100⁰/₀. Dr. R. Vivenot, *Über die Messung der Luftfeuchtigkeit zur richtigen Würdigung der Klimats*. Wien 1864.

тамъ спокойнѣе и вѣтъ быстрыхъ смѣнъ различныхъ массъ воздуха. По этой причинѣ мы, собственно говоря, должны были бы ожидать что абсолютная влажность лѣснаго воздуха будетъ даже *ниже* влажности на открытомъ полѣ; но не нужно забывать что сильное испареніе листовнаго локрова содѣйствуетъ испаренію влаги содержащейся въ лѣсной почвѣ.

4) Напротивъ, *относительная* влажность лѣснаго воздуха *постоянно выше* таковой же на открытомъ полѣ, и разность на баварскихъ станціяхъ простиралась отъ 3 до 9 процентовъ.

5) Разность эта особенно замѣтна на высоко лежащихъ мѣстностяхъ. По этой причинѣ тамъ дождь, снѣгъ, роса и туманъ случаются особенно часто, а изъ этого явствуетъ, что лѣсъ имѣетъ особенную важность на горныхъ возвышенностяхъ.

6) Въ лѣтніе мѣсяцы разница между относительною влажностью воздуха въ лѣсу и въ полѣ особенно велика—почти вдвое больше чѣмъ въ остальные времена года.

7) Наибольшая относительная влажность воздуха какъ въ лѣсу, такъ и въ полѣ оказывалась въ октябрѣ и ноябрѣ (88%), наименьшая же въ маѣ (76,7%). Въ продолженіе же дня бѣльшая влажность имѣла мѣсто въ 8 часовъ утра, меньшая въ 5 часовъ пополудни.

8) Различіе между относительною влажностью лѣснаго и полевого воздуха утромъ и пополудни особенно замѣтно было въ лѣтніе мѣсяцы (съ апрѣля до сентября включительно), такъ въ іюль мѣсяцѣ вечернія наблюденія показали бѣльшую влажность лѣснаго воздуха на цѣлыхъ 11%, утреннія дали разность лишь на 9,1%.

9) Суточные измѣненія относительной влажности лѣснаго воздуха гораздо меньше чѣмъ на полѣ; въ теплые мѣсяцы измѣненія эти вообще достигаютъ бѣльшей величины (амплитуды) чѣмъ въ холодное время года*.

Баварскія наблюденія подтверждаются наблюденіями произведенными Фотра съ іюня 1875 до іюля 1876 года близъ Эрменоввила внутри сосноваго лѣса и на песчаной равнинѣ близъ онаго: между тѣмъ какъ надъ лѣсомъ (12 metr. выше

* Ebermayer, *Die physikalischen Einwirkungen des Waldes auf Luft und Boden*, Berlin 1873, pgg. 143—154.

ною) влажность воздуха = 63%, на равнинѣ она оказалась лишь 53%*.

Недавно обнаруженные результаты четырехлѣтнихъ наблюдений произведенныхъ Faurat и Sartiaux (1874—1877) посредствомъ гигрометровъ помѣщенныхъ надъ кроной лиственного лѣса на 7 метровъ, а хвойнаго лѣса на 3 метра, показываютъ почти такую же разность между относительною влажностью лѣснаго и полевого воздуха какъ и баварскія наблюдения: разница простирается для лиственного лѣса отъ 1% до 5%, а для хвойнаго—отъ 7% до 13%. Подобно какъ на баварскихъ станціяхъ и французскія наблюдения показываютъ особенно большія разности между относительною влажностью воздуха лѣса и поля въ лѣтніе мѣсяцы: юль, августъ или сентябрь (для лиственного лѣса отъ 3—4%, для хвойнаго 6—10%). Больше значительныя разности замѣченныя Фотра въ хвойномъ лѣсу вѣроятно объяснить можно тѣмъ что надъ его кроною гигрометръ помѣщенъ былъ мѣне высоко чѣмъ надъ лѣсомъ лиственнымъ**.

Изъ сказаннаго явствуетъ значеніе лѣса въ гигрометрическомъ отношеніи. Мы сказали уже что для климатологій относительная влажность воздуха гораздо важнѣе абсолютной; но оказывается что именно въ этомъ отношеніи лѣсъ имѣетъ особенно важное значеніе. Если, какъ мы видѣли, относительная влажность лѣснаго воздуха постоянно выше чѣмъ воздуха полевого, то онъ и ближе къ точкѣ насыщенія и вѣроятность водяныхъ осадковъ въ лѣсу больше какъ относительно болѣе частаго тамъ выпаденія дождя, снѣга, росы и тумана, такъ и относительно количества этихъ осадковъ. Повтому лѣсъ содѣйствуетъ влажности данной мѣстности, и въ особенности въ то время года когда она всего болѣе въ этомъ нуждается, то-есть лѣтомъ, такъ какъ именно въ это время воздушныя теченія направляемыя изъ лѣса въ поле и обратно бывають особенно сильны. Лѣсной воздухъ перешедшій въ поле дѣлаетъ воздухъ послѣдняго влажнѣе и тѣмъ самымъ предохраняетъ поля отъ сильнаго лучеиспусканія ночью, а весною и осенью—отъ утреннихъ росъ. Основываясь на означенномъ вліяніи лѣса въ теплые

* Hann, *Zeitschrift der öster. Gesellschaft für Meteorologie*, Bd. XII, pg 65; также *Revue Scientifique*, 1876, № 11 pg 260.

** Lorenz, *Wald, Klima und Wasser* 1878, pg 146—147.

лѣсны (съ мая до сентября), говоритъ Эбермайеръ, мы можемъ вывести заключеніе что вслѣдствіе обезлѣсенія обнимающаго значительное пространство относительная влажность воздуха въ теплѣйшее время года, а слѣдовательно и въ болѣе жаркихъ странахъ, должна существенно измѣняться; что въ этотъ періодъ времени водяные осадки должны сдѣлаться рѣже и менѣе обильными,—что естественно обуславливаетъ меньшую влажность почвы, а также и уменьшеніе изобилія ключей. На равнинахъ и въ мѣстностяхъ на равной высотѣ находящихся, вредныя послѣдствія обезлѣсенія касательно количества дождей будутъ гораздо менѣе значительны чѣмъ въ горныхъ странахъ или же въ мѣстностяхъ лежащихъ на разной высотѣ относительно моря.“

Такъ какъ влажность лѣснаго воздуха особенно благоприятна для лѣсной растительности лѣтомъ, то количество испареній молодыхъ деревьевъ, произрастающихъ въ лѣсу близъ старыхъ, благодаря листовенному покрову послѣднихъ, будетъ значительно менѣе чѣмъ еслибъ эти деревья росли на открытой мѣстности. Въ особенности же это относится къ гористой мѣстности, гдѣ, какъ мы видѣли, лѣсной воздухъ отличается своею влажностью. Поэтому растенія, пересаженныя отсюда въ безлѣсную или же малолѣсную равнину разомъ подвергаются вліянію совершенно новыхъ физическихъ условій, а потому весьма часто погибаютъ.

Слѣдствіемъ болѣе относительной влажности лѣснаго воздуха бываетъ и то что въ лѣсу не только свободная поверхность воды (какъ напримѣръ многочисленныя тамъ находящіяся лужи, болота и пр.), но и вода задерживаемая лѣсною почвенною растительностью (мхами, травою и пр.) испаряется несравненно медленнѣе, чѣмъ на открытомъ мѣстѣ, по той причинѣ что количество испаряющейся жидкости зависитъ не только отъ температуры, но и отъ относительной влажности окружающаго воздуха и уменьшается съ увеличеніемъ послѣдней. А если такъ, то лѣсная почва является какъ бы магазиномъ, откуда медленно, но постоянно могутъ получать воду источники.

XII.

Для сужденія о вліянїи лѣса въ гигрометрическомъ отношеніи намъ необходимо прослѣдить: какое количество атмосферной влаги выпадаетъ на площадь занимаемую лѣсомъ сравнительно съ открытымъ полемъ и *какое количество ея дѣйствительно достигаетъ лѣсной почвы.*

Благодаря листовому покрову и множеству сплетающихся вѣтвей, значительное количество атмосферной влага задерживается листовою, ею поглощается или же опять испаряется; остальное же количество выпадающее на лѣсную почву достигаетъ оной съ гораздо меньшею скоростью. Последнее обстоятельство особенно важно потому что влага имѣетъ возможность долѣе оставаться на поверхности и всасываться въ нее, а также въ покрывающія лѣсную почву растенія, мхи и перегной, между тѣмъ какъ на открытомъ полѣ, на которое дождевыя капли упадаютъ со значительною силой, оны или образуютъ лужи, скоро испаряющіяся, или же малые ручейки, которые, соединяясь вмѣстѣ, не только быстро стекаютъ въ болѣе низменное мѣсто, но часто уносятъ съ собою и плодородную землю. Лѣсная же почва, вслѣдствіе вышесказаннаго, медленно всасываетъ въ себя влагу и последняя гораздо менѣе испаряется чѣмъ на открытомъ мѣстѣ, тѣмъ болѣе что и температура лѣсной почвы ниже.

Для наблюденій количества атмосферныхъ осадковъ (дождя и снѣга) внутри и внѣ лѣса, каждая изъ баварскихъ станцій снабжена двумя дождемѣрами, площадь отверстія коихъ равна 1 [□] футу, а дѣленія скалы каждый разъ показываютъ какъ высоту слоя выпавшей на эту поверхность влаги (въ парижскихъ линіяхъ), такъ и количество оной (въ париж. куб. дюймахъ). Оба дождемѣра на каждой станціи установлены на высотѣ 7' отъ поверхности земли; дождемѣръ въ лѣсу находится подъ деревьями сплетшимися своими вѣтвями. Если изъ количества влаги дождемѣра установленнаго на полѣ вычтемъ количество влаги выпавшее въ то же время на лѣсной дождемѣръ, то получимъ количество атмосферныхъ осадковъ удерживаемое листовымъ покровомъ. Но это предполагаетъ что на площадь занимаемую лѣсомъ выпада-

еть такое же количество влаги какъ и на открытомъ полѣ (въ какой мѣрѣ это справедливо—будетъ сказано подробно послѣ), а въ торыхъ, что вся влага не дошедшая до отверстия лѣснаго дождемѣра удержана была листвою; въ дѣйствительности же значительное количество выпавшаго дожда по древеснымъ вѣтвямъ и стволамъ стекаетъ внизъ и достигаетъ лѣсной почвы. Это количество можетъ быть узнано, если вокругъ ствола дерева, надъ концъ установленъ дождемѣръ, устроенъ будетъ металлическій сосудъ, въ который собирается стекшая по стволу влажность.

Какой процентъ выпавшей влаги достигаетъ лѣсной почвы и сколько удерживается листвою и опять испаряется? Отвѣтъ на эти вопросы мы можемъ дать весьма неопредѣленный, какъ по причинѣ малаго количества наблюдений, такъ и потому что результатъ ихъ зависитъ отъ весьма различныхъ условій. Понятно что чѣмъ сильнѣе и продолжительнѣе дождь, чѣмъ тяжеле его капли, тѣмъ съ болѣею силою ударяютъ онѣ о поверхность листвы и легко могутъ устранять встрѣчаемое препятствіе и достигнуть лѣсной почвы. Напротивъ, мелкій или же кратковременный дождь весь остается на листвѣ и вовсе почти не увлажняетъ лѣсной почвы. Но, независимо отъ этого процентъ достигшей лѣсной почвы влаги зависитъ отъ многихъ причинъ: а) отъ большаго или меньшаго количества дожда выпадающаго въ одинъ разъ въ данномъ мѣстѣ; б) отъ породы деревьевъ и формы листвы, следовательно отъ остающихся между ними свободныхъ промежутковъ; в) отъ возраста деревьевъ, отъ болѣе или менѣе роскошной ихъ листвы и качества сплетающихся между собою вѣтвей; д) отъ способа насажденія деревьевъ, отъ болѣе или менѣе правильности остающихся между ними промежутковъ и отъ направленія оныхъ относительно господствующихъ вѣтровъ, при коихъ случаются дожди; е) на получаемые изъ наблюдений результаты можетъ оказать значительное вліяніе и время самыхъ наблюдений: если вообразимъ себѣ что въ одномъ мѣстѣ наблюденія производились въ то время когда преобладали сильные жары и долговременная засуха, прерываемая непродолжительными и мелкими дождями, между тѣмъ какъ другой рядъ наблюдений произведенъ былъ въ продолжительную сырую погоду, когда испареніе происходило въ ничтожномъ размѣрѣ, а между тѣмъ

ливни бывали и часты, и продолжительны, то понятно что результаты получаются совершенно различные.

Изъ наблюдений произведенныхъ на баварскихъ станціяхъ Эбермайеръ вычислилъ (какъ среднее изъ четырехлѣтнихъ наблюдений) что лѣсъ, вообще говоря, задерживаетъ 26 процентовъ упавшей на занимаемую имъ площадь влаги, и стало-быть до лѣсной почвы достигаютъ лишь 74%. Въ частности же въ сосновомъ лѣсу 73%, въ буковомъ 83, 78 и 78%. * Изъ наблюдений Круча въ Тарандѣ нельзя вывести никакой опредѣленной величины: между тѣмъ какъ при весьма маломъ дождѣ ($\frac{1}{2}$ " высоты) лѣсной почвы достигаютъ лишь 9%, а 91% всей выпавшей влаги остается на древесной кронѣ, первое количество быстро увеличивается съ количествомъ дождевой массы, такъ что при дождѣ отъ 1"—7" лѣсной почвы достигаетъ отъ 18%—57%, а при сильныхъ ливняхъ даже 80%—90%. ** Breitenlohner изъ наблюдений произведенныхъ имъ въ Моравіи въ теченіе сентября мѣсяца 1877 года выводитъ что при слабыхъ дождяхъ крона буковаго лѣса удерживаетъ 62%, сосноваго же лѣса 95% выпавшаго дождя; при сильныхъ же дождяхъ соответственно получаютъ 27% и 78%. *** Изъ послѣднихъ двухъ чиселъ первое довольно близко подходитъ къ результату полученному Эбермайеромъ, второе же весьма много разнится. Наблюдения произведенныя обоими Беккреями близъ Montargis съ осени 1865 до лѣта 1866 года показываютъ что крона поглощаетъ 40% упавшаго дождя, **** между тѣмъ какъ недавно обнаруженныя одиннадцатилѣтнія наблюдения сдѣланныя въ лѣсномъ институтѣ въ Нанси даютъ 8,5%—17%. † Всѣ эти числа, какъ мы уже сказали, болѣе дѣйствительной величины, такъ какъ лѣсной почвы достигаетъ и дождь стекающій по стволамъ.

Съ перваго раза казалось бы что лиственный лѣсъ менѣе допускаетъ осадковъ до почвы чѣмъ хвойный; на дѣлѣ же оказывается противное, по той причинѣ что, начиная съ осени до середины весны, лиственный лѣсъ остается обнажен-

* Ebermayer. l. c. pgg. 194 и 212.—226.

** Lorenz, *Wald, Klima und Wasser*, München 1878, pg. 107.

*** *Centralblatt für das gesammte Forstwesen*, Januarheft 1878.

**** *Comptes Rendus*, т. LXIV, pg. 19. (Изъ какой породы состоитъ лѣсъ—не обозначено.)

† Lorenz, l. c. pg. 108.

вымъ и позволяетъ атмосфернымъ осадкамъ проникнуть внутрь его, между тѣмъ какъ почва въ хвойныхъ лѣсахъ постоянно остается защищенною. Сюда еще присоединяется легкое таяніе на солнцѣ оставшагося на иглахъ снѣга и испареніе его. Поэтому подъ старыми соснами или елками, по причинѣ многочисленныхъ вѣтвей, снѣгу встрѣчается меньше.

Такъ какъ почти четвертая доля выпадающихъ атмосферныхъ осадковъ вовсе не достигаетъ лѣсной почвы, то можно бы думать что послѣдняя должна менѣе содержать влажности чѣмъ почва открытаго поля; но не слѣдуетъ забывать что и испареніе послѣдней несравненно быстрее (какъ показалъ Эбермайеръ—почти въ $6\frac{1}{2}$ разъ). Кроме того, какъ увидимъ послѣ, внутри лѣса могутъ образоваться осадки какихъ надъ кроною и на полѣ не бываетъ. Но уже вслѣдствіе далеко меньшаго количества испаренія влаги въ лѣсу почва должна была быть несравненно влажнѣе полевой, есаубы, вслѣдствіе постоянного и весьма сильнаго испаренія листвы, очень значительное количество воды чрезъ корни деревьевъ не возвращалось обратно воздуху.

Баварскія наблюденія доставили еще слѣдующіе результаты касательно водяныхъ осадковъ въ лѣсу:

1) Известный метеорологическій законъ, по которому, по мѣрѣ поднятія почвы надъ уровнемъ моря, количество дождя и снѣга выпадающаго въ теченіе года увеличивается, подтвердился относительно какъ лѣса, такъ и относительно открытаго поля. Поле песчаное, если находится на возвышенности, по этой причинѣ обладаетъ большою производительностью чѣмъ на низменности.

2) Между тѣмъ какъ число дождливыхъ дней уменьшается начиная съ запада къ востоку, число снѣжныхъ дней, напротивъ, увеличивается.

3) Съ поднятіемъ надъ уровнемъ моря число дождливыхъ и снѣжныхъ дней увеличивается; число послѣднихъ впрочемъ болѣе первыхъ. *

Основываясь на этомъ, мы можемъ объяснить себѣ какого рода атмосферные осадки и въ какое именно время года всего полезнѣе для лѣсной растительности, такъ какъ не одно лишь

* Ebermayer, l. c. pg. 192—196. Это согласно съ выводами братьевъ Schlagintweit (см. *Untersuchungen über die physikalische Geographie der Alpen*. Leipzig 1850, pg. 425.

количество этихъ осадковъ способствуетъ растительности вообще, но и извѣстное распредѣленіе оныхъ по временамъ года. Такъ, на примѣръ, если хлѣбныя наши растенія при началѣ своего роста пользуются обильною влагой, а потомъ страдаютъ сухостью, то слѣдствіемъ этого будетъ обильная солома и тощее зерно; обратное явленіе получится если растенія, начавшія свой ростъ во время засухи, второй періодъ своего роста совершать при обильной влажности. Что касается лѣса, то помимо необходимой для его существованія температуры почвы и воздуха, онъ нуждается въ значительной влажности почвы, такъ какъ при оживленіи растительности весною до листопада испареніе происходитъ въ громадныхъ размѣрахъ. Но понятно что чѣмъ вылавшая на лѣсную почву влага менѣе испарится и болѣе успеетъ проникнуть въ почву, тѣмъ болѣе питаніе растеній посредствомъ корней и движеніе соковъ будетъ облегчено. Поэтому наиболѣе выгодными для произрастанія лѣсовъ являются не лѣтніе ливни, при которыхъ въ весьма короткій промежутокъ времени выпадаетъ огромное количество воды, которое также быстро стекаетъ и сравнительно мало всасывается въ землю, а мелкіе, но продолжительные дожди, выпадающіе весною и осенью. Въ особенности же полезень бываетъ нашимъ лѣсамъ снѣжный покровъ, медленно тамъ таящій весною; вода медленно всасывается лѣсною почвой и доставляетъ ей обильный запасъ для питанія растеній именно въ то время года, когда послѣднія особенно нуждаются во влажности. Такимъ образомъ атмосферная влага осаждающаяся въ холодное время года (осенью, зимою и при началѣ весны) для лѣса важнѣе чѣмъ лѣтніе осадки. „Мнѣніе, будто лѣтніе дожди для лѣсной растительности необходимы, говоритъ Воейковъ, лишено основанія. Хотя нельзя отрицать вліянія лѣтнихъ дождей на лѣса, какъ и вообще на растительность, но тѣмъ не менѣе осадки въ холодное время года, въ особенности же въ видѣ снѣга, гораздо важнѣе... Рано ли или поздно выпалъ снѣгъ, онъ всегда оттаиваетъ весною, когда пробудившаяся растительность въ особенности нуждается въ водѣ. Постоянный снѣжный покровъ зимою есть главная причина существованія лѣсовъ въ сѣверной Россіи и Швеціи, несмотря на то что годовое количество водяныхъ осадковъ гораздо менѣе чѣмъ въ западной Европѣ. На югѣ, въ степи, количество выпадающаго снѣга гораздо меньше и даже выла-

ній случается вѣтромъ и сносится въ ложбины, между тѣмъ какъ мѣста выше лежація остаются безъ снѣга.. Изученіе Поволжья и восточнаго Кавказа показало намъ близкое отношеніе между разведеніемъ озимой ржи и лѣсовъ. Въ мѣстахъ имѣющихъ холодную зиму (ниже 0°), снѣжный покровъ необходимъ для того чтобы почва могла быть весной хорошо увлажена. Лѣтніе дожди не могутъ вознаградить снѣга, по причинѣ ихъ неправильности и значительнаго количества воды вдругъ выпадающей на земаю и скоро стекающей безъ пользы для почвы. Въ южныхъ странахъ потребны правильные зимніе дожди для разведенія озимыхъ лѣбовъ. Если этихъ дождей недостаточно, то хлѣба будутъ расти хорошо, но лѣсъ существовать не будетъ, какъ напримѣръ на Алшеровскомъ полуостровѣ. Тамъ повсюду сѣется озимая пшеница, дающая весьма недостаточную, но вѣрную жатву, такъ какъ пшеница нуждается во влажномъ поверхностномъ слое. Если же осадки осенью и зимою становятся обильнѣе, то можетъ произрасти и лѣсъ, какъ напримѣръ близъ Ленкорана...“ *

Вышеизложенные законы являются особенно благоприятными для лѣсовъ средней и сѣверной полосы Россіи, несмотря на континентальный характеръ страны и на то что количество ежегодно выпадающей атмосферной влаги гораздо меньше чѣмъ въ западной Европѣ. Вслѣдствіе именно этого континентальнаго характера, средняя годовая температура, а равно и зимняя температура понижается не только съ юга на сѣверъ, но и съ запада къ востоку, а потому и число снѣжныхъ дней и продолжительность снѣжнаго покрова должны увеличиваться. Если прибавить къ этому Уральскую возвышенность, способствующую осажденію атмосферной влаги привносимой юго-западнымъ пассатомъ, то можно объяснить себѣ обиліе лѣсовъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ окраинъ Европейской Россіи.

XIII.

Приступаемъ къ обсужденію вопроса, весьма важнаго и любопытнаго, о которомъ говорено было много и за и противъ; это—вопросъ о такъ-называемомъ *притяженіи влаги лѣсомъ*, другими словами вопросъ о томъ: выпадаетъ ли на

* *Zeitschr. f. Meteorologie*, т. VI, pg. 243—244.

занимаемую лѣсомъ площадь болѣе или менѣе влаги сравнительно съ равнымъ по площади открытымъ полемъ? Независимо отъ важности этого обстоятельства въ физическомъ отношеніи, какъ могущаго разъяснить намъ нѣкоторые вопросы чисто метеорологическіе, оно касательно занимающаго насъ вопроса имѣетъ особенное значеніе: еслибы было доказано что лѣсъ дѣйствительно можетъ увеличить количество выпадающихъ на его площадь атмосферныхъ осадковъ, тогда вліяніе лѣса на гигроскопическое состояніе занимаемой имъ почвы, а равно и окрестныхъ полей выяснилось бы само собою.

Многими высказано было убѣжденіе въ дѣйствительномъ вліяніи лѣса на увеличеніе атмосферныхъ осадковъ; иные даже, основываясь на этомъ свойствѣ, старались доказать пользу лѣса въ климатическомъ и сельско-хозяйственныхъ отношеніяхъ; но все это высказывалось скорѣе какъ *убѣжденіе*, какъ доводы аргюіи, а не какъ выводы изъ теоретическихъ или же эмпирическихъ данныхъ, которыя одни должны быть взяты въ соображеніе, когда дѣло идетъ о вопросѣ столь важномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ столь трудномъ.

Мы постараемся изложить предметъ по возможности полно и главное—объективно, безъ предвзятой идеи. Сначала рассмотримъ мнѣнія разныхъ ученыхъ и покажемъ степень ихъ основательности; затѣмъ изложимъ теоретическіе доводы указывающіе на увеличеніе количества водяныхъ осадковъ выпадающихъ на лѣсную площадь, сравнительно съ таковою же безлѣсною площадью, а потомъ покажемъ въ какой мѣрѣ дѣйствительныя наблюденія подтверждаютъ эти теоретическія заключенія.

Шахтъ, указывая на то что въ лѣсныхъ странахъ атмосфера обыкновенно влажная и что тамъ дожди и росы олодотворяютъ почву, полагаетъ что „подобно тому какъ громоотводы привлекаютъ электрической токъ, такъ и лѣса притягиваютъ къ себѣ дождь, который, уладая, не только ихъ освѣжаетъ, но и распространяетъ свои благотворія на сосѣднія поля. Представляя обширную поверхность для испаренія, лѣсъ доставляетъ обильную и освѣжающую росу не только той почвѣ гдѣ растеть, но и окружающей...“ Сравненіе лѣса съ громоотводомъ очевидно голословное и не подкрѣплено Шахтомъ никакими доказательствами. Затѣмъ въ примѣчаніи говорятъ: „Разказываютъ что на островѣ

Ферро было знаменитое лавровое дерево, которое доставляло жителямъ острова воду для литья. Вода непрерывно капала съ его листьевъ и собиралась въ цистерны. Каждое утро морской вѣтерокъ пригонялъ облака которыя притагивались огромною вершиной этого чуднаго дерева и здѣсь сгущались въ жидкость.“ *

По наблюденіямъ Буссенго въ южно-американскихъ степяхъ, несмотря на бездождіе, сгущеніе водяныхъ паровъ въ лѣсахъ въ ясныя ночи бываетъ столь сильно что они постоянно слпадаютъ съ листьевъ въ видѣ дождя, а при хорошемъ освѣщеніи можно замѣтить стокъ воды съ вѣтвей. **

Съ своей стороны Маршъ приводитъ фактъ подобный описанному и подмѣченный Ванъ-Леннекомъ въ Малой Азіи, къ востоку отъ Токата: „Эта страна имѣетъ надъ уровнемъ моря до 3.000 футовъ. Здѣсь по преимуществу растутъ дубы и бываетъ весьма великъ... Несмотря на то что въ продолженіе цѣлой недѣли стояли туманы, почва была вездѣ совершенно суха, но дубовые листья въ это время имѣли влагу, вѣтви и стволы деревьевъ были также болѣе или менѣе влажны. Со многихъ деревьевъ вода стекала по стволу и увлажняла почву у ихъ корней. Въ двухъ мѣстахъ нѣсколько деревьевъ образовали около себя каждое свой особый маленький потокъ воды, потому эти потоки соединялись вмѣстѣ и пересѣкали дорогу такъ что путешественники должны были переходить черезъ грязь; но, какъ я сказалъ, на всемъ остальномъ пространствѣ почва была совершенно суха. Скопленная деревьями влага была недостаточна обильна чтобы капать прямо съ листьевъ, но стекала на землю только по вѣткамъ и стволамъ деревьевъ. Далѣе мы встрѣтили на нашемъ пути рощу; у корня каждаго дерева съ сѣверной стороны былъ кусокъ льда,—видно что вода, стекая съ дерева, замерзала по мѣрѣ того какъ достигала земли.“ *** Здѣсь не сказано въ какое время года произведено было наблюденіе. Впрочемъ можно предполагать что стволы деревьевъ съ сѣверной стороны могли долго пред-

* Маршъ, *Человѣкъ и природа*, перев. Невѣдомскаго, 1866, pg. 198.

** Boussingault, *Cours d'Agriculture*; также *Pogg. Ann.* 1865, № 4, pg. 545.

*** *Ibidem.*

охранять ледъ отъ таянiя и что благодаря этому температура въ лѣсу сравнительно была столь низка что пары, въ прикосновенiи съ деревьями, могли быстро осаждаться, стекать по стволамъ и при прикосновенiи съ землею замерзнуть.

Мартъ также признаетъ за лѣсомъ способность сгущать водяные пары и вслѣдствiе этого увеличивать количество осадковъ. „Надлѣсный слой воздуха, говоритъ онъ, легко осаждаетъ влагу обратно на лѣсъ въ видѣ дождя, тумана или росы. Теплыя влажныя теченiя воздуха проходящiя изъ другихъ пространствъ, приближаясь къ лѣсу, охлаждаются менѣе нагрѣтою лѣсною атмосферой и вслѣдствiе этого заключающаяся въ нихъ влага осѣдаетъ на лѣсъ. Къ такому же послѣдствiю ведетъ и тотъ фактъ что лѣсъ механически препятствуетъ движенiю тумановъ и дождевыхъ облаковъ, которые, будучи задержаны, скопляются и сгущаются въ дождь. Итакъ, лѣса болѣе способны чѣмъ безлѣсныя пространства ветоюшко удерживать въ своемъ районѣ и сохранять существующую уже влагу, но также привлекать къ себѣ и скоплять ту влагу которая заносится вѣтрами съ другихъ мѣстъ и заставлять ее осѣдать дождемъ или иначе... Такое отношенiе лѣсовъ ко влагѣ ведетъ къ тому послѣдствiю что лѣсныя пространства имѣютъ болѣе частые и болѣе обильные дожди и вообще болѣе влажны чѣмъ безлѣсныя. Это замѣчанiе относится собственно не къ однимъ только лѣсамъ, но и къ соседнимъ съ ними открытымъ мѣстамъ, такъ какъ атмосфера прилегающихъ къ лѣсу открытыхъ мѣстъ, по причинѣ большой подвижности и измѣнчивости воздуха, заимствуетъ отъ лѣсной атмосферы ея характеристическiя черты, ея свѣжесть и влажность.... На соседнихъ съ лѣсомъ открытыхъ мѣстахъ полевая растительность зеленѣетъ и цвѣтетъ въ то время когда вдали отъ лѣса она вянетъ по причинѣ недостатка дождя и росы. По ночамъ растенiя постоянно освѣжаются росами, въ которыхъ никогда не бываетъ недостатка близъ лѣса, по причинѣ влажности лѣснаго воздуха, а въ извѣстныя времена года ихъ орошаютъ скопляющiеся надъ лѣсомъ дожди и туманы.“ *

Гогенштейнъ основывается на томъ что воздухъ въ лѣсу влажнѣе чѣмъ на открытомъ полѣ и что слѣдовательно, ис-

* Ibidem 200—201.

падающіе паровые пузырьки, не встрѣчая теплаго и сухаго воздуха который могъ бы способствовать ихъ разрѣженію, а напротивъ большую влажность атмосферы, увеличиваются въ объемѣ, а потому, при прочихъ равныхъ обстоятельствахъ, на лѣсную площадь выпадетъ большее количество атмосферной влаги. Вслѣдствіе же большаго испаренія листовнаго лѣса, на послѣдній должно выпасть болѣе дождя чѣмъ на ровную площадь хвойнаго лѣса. Затѣмъ Гогенштейль указываетъ на то что лѣсъ, вслѣдствіе механическаго сопротивленія оказываемаго движущемуся облаку, способствуетъ осажденію дождя, подобно тому какъ задерживаютъ облака цѣпи горъ. Последнее замѣчаніе очевидно приложимо лишь къ весьма высокимъ деревьямъ или же къ облакамъ несущимся весьма низко, съ чѣмъ согласенъ и Нёрдлингеръ.* „Соображенія эти, говоритъ онъ, дѣлаютъ вѣроятнымъ предположеніе что лѣса увеличиваютъ количество дождей, но не доказываютъ этого несомнѣнно, такъ какъ мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ числовыхъ данныхъ относительно колебаній температуры лѣснаго воздуха и его влажности.“ **

Бергеръ для рѣшенія этого вопроса обращаетъ вниманіе на чередованіе между собою луговъ и лѣсовъ. „На равнинѣ, говоритъ онъ, температура воздуха въ продолженіи дня быстро увеличивается и также быстро уменьшается начиная снизу вверхъ; ночью же происходитъ явленіе обратное: охлажденіе внизу слѣдуетъ быстро и медленно сверху, что и подтверждается наблюденіями Пикте. Если нагрѣтый воздухъ содержитъ въ себѣ влагу, то послѣдняя не легко обращается въ жидкое состояніе на равнинѣ; но при чередованіи равнинъ и роцъ сгущеніе водяныхъ паровъ происходитъ легко, потому что они, благодаря холодному и плотному слою лѣснаго воздуха, принуждены будучи подниматься вверхъ надъ послѣднимъ, достигаютъ вслѣдствіе этого вышнихъ и болѣе холодныхъ слоевъ и легко сгущаются. Съ другой стороны, сгущеніе водяныхъ паровъ сопровождается освобожденіемъ скрытаго теплорода, вслѣдствіе чего сила поднятія еще болѣе увеличивается, а потому и сравни-

* Nördlinger, *Klimatisches Erfluss der Waldungen*, Krit. Blätter für Forst-und Jagdwissenschaft. Bd. 44, pg. 182.

** Hohenstein, *der Wald.* etc, Wien 1860, pgg. 13—14.

тельно не обширная нагрѣтая поверхность можетъ оказаться достаточною. Если граничащая съ нею болѣе холодная площадь такова что можетъ отдавать свою ваагу, то сгущеніе паровъ и осадки произойдутъ тѣмъ легче. Все это, говоритъ Бергеръ, приводитъ насъ къ заключенію что весьма обширная охлаждающая поверхность (*abkühlende Stelle*) можетъ оставаться безъ вліянія на сгущеніе паровъ, между тѣмъ какъ подобная поверхность средняго размѣра можетъ весьма этому способствовать. Лѣсъ самъ по себѣ не увеличиваетъ осадковъ, а способствуетъ этому чередованіе между лѣсомъ и подемъ, между листовымъ покровомъ и оголеннымъ пространствомъ. Подобно тому какъ облака днемъ указываютъ плавающимъ по Океану близость земли даже прежде лота и подзорной трубы; подобно тому какъ горы ночью и утромъ являются намъ чистыми и безоблачными, между тѣмъ какъ къ полудню надъ ними начинаютъ появляться тучи, къ вечеру усиливающіяся, но опять исчезающія къ полуночи; подобно тому какъ изъ долинъ днемъ восходящій потокъ воздуха увоситъ вверхъ къ облакамъ ваагу, которая при наступленіи ночи опять опускается внизъ, — такъ и влага, поднимавшаяся съ площади находящейся между двумя лѣсными насажденіями и носившаяся днемъ надъ лѣсною площадью, опять опускается ночью или прямо на древесную листву, или же изъ ближнихъ полей переносится туда воздушными теченіями.“*

Противъ этой теоріи Бергера можно, по нашему мнѣнію, сдѣлать слѣдующія возраженія: 1) Если для осадченія паровъ въ капельно-жидкое состояніе необходимо поднятіе надъ лѣсомъ, то не видно причины почему выгоднѣе чтобы послѣдній былъ *весьма малымъ*. Напротивъ, чѣмъ меньше лѣсъ, тѣмъ вѣроятнѣе что воздушное теченіе легче проникнетъ внутрь его, а не поднимется вверхъ, не говоря уже о томъ что въ большинствѣ случаевъ малый лѣсъ есть вмѣстѣ и рѣдкій и малорослый, а въ обоихъ случаяхъ поднятіе надъ нимъ теплаго и влажнаго воздуха произведетъ меньшее дѣйствіе чѣмъ движеніе надъ обширнымъ, густымъ и высоко-рослымъ лѣсомъ; 2) если поднятіе поверхъ лѣса обуславли-

* Berger, *Wald und Witterung*, Poggend. Ann. 1865, № 4, pgg. 558—559.

вается по Бергеру холоднымъ и плотнымъ воздухомъ лѣснымъ (ибо такъ должно понимать выраженіе *abkühlende Stelle*: надъ озеромъ или рѣкой теплomu воздуху не изъ чего подниматься), то понятно что поднятiе совершится тѣмъ легче чѣмъ больше будетъ разность температуры между лѣснымъ и полевымъ воздухомъ, а это, какъ мы уже сказали прежде,* зависитъ отъ обширности площади занимаемой лѣсомъ и отъ непрерывности его; 3) еще бoльшую роль играетъ это обстоятельство касательно влажности: чѣмъ обширнѣе и гуще будетъ лѣсъ, тѣмъ количество поднимающихся съ кроны его испареній будетъ больше и вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе потребной для этого скрытой теплоты, охлажденіе самой кроны и лежущагося надъ нею столба воздуха будетъ значительнѣе, а слѣдовательно и увеличится вѣроятность перехода водяныхъ паровъ въ капельно-жидкое состояніе. Поэтому, соглашаясь съ мнѣніемъ Бергера касательно важности чередованія лѣсовъ съ открытыми полями, мы полагаемъ однакоже что незначительныя по объему лѣсныя площади касательно увеличенія водяныхъ осадковъ мѣже полезны чѣмъ обширныя лѣсныя насажденія.

Въ подтвержденіе сказаннаго мы можемъ привести слова Шумахера: ** „Постоянное испареніе, говоритъ онъ, причиною въ лѣсахъ низшую температуру. *Большіе лѣса* обуславливаютъ мѣстные вѣтры, при болѣе нагрѣтой почвѣ холодный лѣсной воздухъ притекаетъ къ теплымъ мѣстамъ въ равнинѣ; подобныя теченія важны по той причинѣ что предварительно принимаютъ въ себя изъ лѣса много водяныхъ паровъ. Вѣтры носящіеся надъ *большими* лѣсами воспринимаютъ также низкую температуру и большее количество влаги... Близкія къ лѣсу лажити по обыкновенію подвержены болѣе сильнымъ дождямъ, потому что лѣсъ дѣйствуетъ на обаака разряжающимъ образомъ (*der Wald wirkt entladend auf die Wolken*). При движеніи надъ лѣсомъ насыщеннаго влажностію теченія, значительная доля водяныхъ паровъ, вслѣдствіе пониженія температуры этой воздушной массы, переходитъ въ капельно-жидкое состояніе и падаетъ въ видѣ дождя. Близъ обширныхъ лѣсовъ полоса частыхъ и сильныхъ дождей рѣдко простирается за предѣлами

* *Russkij Vѣstnik* 1879, № 2, pgg. 524—533.

** Schumacher, *Die Physik des Bodens*, 1864, pgg. 315—317.

лѣса; при мѣтѣ же обширныхъ лѣсахъ эта полоса можетъ переходить и за этотъ предѣлъ и простираться на близкія къ лѣсу лажиты.“

Наблюденія произведенныя на баварскихъ станціяхъ не могли служить Эбермайеру матеріаломъ для рѣшенія вопроса, въ какой мѣрѣ лѣсъ способствуетъ атмосфернымъ осадкамъ. Основываясь на теоретическихъ соображеніяхъ касательно разницы температуры и влажности лѣснаго воздуха относительно полевого, Эбермайеръ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) На равнинахъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, лѣсъ имѣетъ лишь весьма незначительное вліяніе на количество дождя; по мѣрѣ же возвышенія мѣстности надъ уровнемъ моря, это вліяніе лѣса увеличивается, а потому оно въ этомъ отношеніи для горныхъ странъ важнѣе, чѣмъ для равнинъ. Влѣдствіе этого обезлѣсеніе равнины не будетъ имѣть существеннаго вліянія на уменьшеніе атмосферной влаги; истребленіе же лѣсовъ на возвышенныхъ мѣстахъ будетъ имѣть слѣдствіемъ уменьшеніе количества ежегодно выпадающихъ дождей. 2) Вліяніе лѣса на количество водяныхъ осадковъ въ лѣтнее полугодіе гораздо значительнѣе, чѣмъ въ зимнее; зимою лѣсъ, повидимому, и въ этомъ отношеніи имѣетъ весьма малое значеніе или же почти никакого не имѣетъ. Поэтому обезлѣсеніе страны на уменьшеніе количества дождей окажетъ существенное вліяніе въ теплое время года. 3) Вліяніе лѣса на южныя, теплыя страны значительнѣе, чѣмъ на холодныя; внутри материковъ, гдѣ влажность воздуха и годовое количество атмосферныхъ осадковъ бывають меньше, а лѣтній жаръ больше, лѣсъ играетъ болѣе важную роль, чѣмъ въ странахъ прибрежныхъ. Касательно означеннаго количества Ирландія и Великобританія легче могутъ обойтись безъ лѣса, чѣмъ Германія и гораздо легче чѣмъ Россія. *

Независимо отъ эмпирическихъ данныхъ, кои сообщены будутъ ниже, можно указать на теоретическіе доводы, заставляющіе предполагать что на лѣсную площадь атмосферныхъ осадковъ должно выпадать болѣе, чѣмъ на открытомъ полѣ. Доводы эти, по нашему мнѣнію, слѣдующіе:

1. Не подлежитъ сомнѣнію что воздухъ въ лѣсу и надъ лѣсомъ относительно влажнѣе, чѣмъ полевой воздухъ, и слѣ-

* Ebermaier, l. c. pgg. 202—203.

довательно ближе къ точкѣ насыщенія. Воздушныя теченія ишющія мѣсто въ лѣсу и надъ нимъ, перемѣшивая между собою воздушныя слои различной температуры и влажности, способствуютъ скорѣйшему переходу паровъ въ воду и осажденію ихъ именно на лѣсной площади.

2. Весьма вѣроятно лѣтомъ, въ особенности послѣ продолжительныхъ жаровъ, дождевыя капли, прежде достиженія ими почвы открытаго поля встрѣчая восходящій потокъ теплаго воздуха, не только встрѣчаютъ препятствіе къ паденію, но и въдствие сравнительно высокой температуры движущихся имъ на встрѣчу воздушныхъ слоевъ вовсе разрѣшаются и снова переходятъ въ газообразное состояніе. Явленіе это часто приходится всякому наблюдать лѣтомъ: изъ темной, но довольно высоко несущейся тучи спускаются внизъ сѣрыя, дождевыя полосы; полосы эти, сначала довольно широкія и объемистыя, постепенно суживаются по мѣрѣ приближенія къ землѣ и часто, не достигнувъ оной, вовсе исчезаютъ, въдствие разрѣшенія водяныхъ капель, въ особенности же при восходящихъ теплыхъ теченіяхъ, поднимающихся съ песчаной почвы. Это явленіе особенно часто наблюдается въ южной Австріи, Венгріи, Галиціи и въ Новороссійскомъ краѣ. * Напротивъ, дождевыя капли ниспадающія на лѣсъ встрѣчаютъ холоднѣйшій столбъ воздуха и не разрѣшаются.

3. Ниспадающія надъ занятою лѣсомъ площадью дождевыя капли не только встрѣчаютъ холодныя но и болѣе влажныя

* „Всякій житель Одессы, говоритъ г. Палимпсестовъ, конечно, не разъ былъ свидѣтелемъ, какъ несущаяся на городъ туча и лишкомъ низаивающаяся надъ моремъ, вдругъ, если только она не несется ураганомъ, встрѣчая раскаленную атмосферу города, или поднимается надъ нимъ, бросивъ нѣсколько капель, или сворачиваетъ въ сторону, задѣвъ городъ, какъ говорится, крыломъ. Идущія тучи на нашъ городъ съ запада или сѣверо-запада, если не несетъ ихъ сильный вѣтеръ, также большею частію обходятъ городъ и которыми-нибудь изъ лимановъ проносятся въ море, мимо Одессы.. Въ окрестностяхъ города есть мѣстность (*Большой Фонтанъ*, выдающаяся въ море мысомъ и съ одной стороны ишющая песчаную равнину) гдѣ сравнительно еще менѣе выпадаетъ дождей чѣмъ въ самой Одессѣ, захватываемой дождями стремящимися въ лиманы или направляющимися по ложбинѣ ихъ въ море“... (Палимпсестовъ, *Перемѣнилъ ли климатъ на югъ Россіи?* Русскій Вѣстникъ 1864 г. 600—601.)

слои воздуха и на пути осаждаютъ на себя водяные пары, вслѣдствіе чего дождевыя капли увеличиваются въ объемѣ. Это въ особенности имѣетъ мѣсто при дождяхъ случающихся при затишьѣ и послѣ продолжительныхъ жаровъ.

4. Когда послѣ продолжительной жаркой и сухой погоды слѣдуетъ дождь, то влага испаряющаяся на площадь лѣса, благодаря листьѣ и сучьямъ, въ лѣсу испаряется быстрѣе, чѣмъ это имѣетъ мѣсто на дугахъ или лажитахъ, потому именно что деревья не вдругъ охлаждаются, но долгое время сохраняютъ температуру высшую, чѣмъ температура дождевыхъ капель. Но испарившаяся такимъ образомъ дождевая вода, при своемъ поднятіи вверхъ, встрѣчаетъ болѣе холодный воздухъ, вслѣдствіе чего олять переходитъ въ капельно-жидкое состояніе, олять падаетъ на листь и сучья, олять испаряется и т. д. и это продолжится до тѣхъ поръ пока температура деревьевъ мало будетъ отличаться отъ температуры упдающихъ на нихъ дождевыхъ капель. Съ перваго раза казалось бы что вслѣдствіе подобнаго послѣдовательнаго процесса испаренія количество выпадающей на лѣсъ влаги не должно бы быть болѣе того которое выпадаетъ на ровную площадь открытаго поля. На самомъ же дѣлѣ этотъ болѣе продолжительный дождь препятствуетъ тому быстрому испаренію воды какое видимъ мы на полѣ, если вслѣдъ за дождемъ наступаетъ ясная погода. Туманъ висящій долгое время надъ лѣсомъ задерживаетъ солнечные лучи, а потому, даже при прочихъ равныхъ обстоятельствахъ, количество доставшихся лѣсной площади атмосферныхъ осадковъ будетъ значительнѣе чѣмъ въ открытомъ полѣ. *

5. Вѣтеръ приносящій къ намъ дождевыя облака частію проникаетъ внутрь лѣса и испаряетъ находящуюся тамъ влагу, частію же носится поверху лѣса и производя аспирацію, заставляетъ лѣсную влагу подниматься вверхъ и присоединяться къ общей массѣ; но подобное поднятіе и испареніе по необходимости сопровождается охлажденіемъ не только количества паровъ притекшихъ изъ лѣса и составляющихъ такъ-сказать его собственность, но и охлажденіемъ прочей массы водяныхъ паровъ, вслѣдствіе чего облегчается переходъ ихъ въ капельно-жидкое состояніе.

6) На горной возвышенности лѣсъ, благодаря своей вышинѣ

* Lorenz, l. c. pg. 141—142.

представляетъ движущейся массѣ облаковъ и влажнаго воздуха болѣе сильное механическое сопротивленіе, чѣмъ сама возвышенность. Часть влажности облаковъ и тумановъ осаждается въ лѣсу по причинѣ низкой температуры встрѣчаемой туманными лузырьками при соприкосновеніи съ листвою, сучьями и стволами. Грагамъ полагаетъ что сосна и ель, благодаря твердымъ и лучкообразнымъ своимъ игламъ, особенно сильно притягиваютъ къ себѣ несущіеся мимо ихъ малѣйшіе туманные лузырьки. *

7) При провиканіи влажнаго вѣтра въ лѣсъ, онъ встрѣчаетъ сопротивленіе отъ древесныхъ стволовъ, вѣтвей и листьевъ, вслѣдствіе чего переходъ водяныхъ паровъ облегчается, тѣмъ болѣе что затишь господствующее въ лѣсу съ одной стороны препятствуетъ испаренію, а съ другой облегчаетъ паденіе водяныхъ капель. Какъ велико это затишь въ лѣсахъ, явствуетъ изъ того обстоятельства что внутри ихъ слышны бываютъ незначительные даже звуки на весьма большихъ разстояніяхъ. ** Въ особенности же затишь лѣса вліяетъ на образованіе внутри лѣса росы, для которой, какъ извѣстно, спокойное состояніе воздуха составляетъ необходимое условіе. ***

8) Въ теплое время года дождевыя облака обыкновенно бываютъ сильно электризованы и, какъ извѣстно, электрическое напряженіе особенно велико предъ началомъ дождя. Изъ новѣйшихъ же опытовъ Маскара явствуетъ что вода въ металлическомъ сосудѣ или же влажная земля подъ вліяніемъ электричества испаряется гораздо быстрѣе (даже вдвое) чѣмъ при обыкновенномъ состояніи и что это дѣйствіе (которое можно предвидѣть а priori, взявъ въ расчетъ взаимное отталкиваніе одинаково наэлектризованныхъ частицъ) не зависитъ отъ рода самаго электричества. По всѣмъ вѣроятностямъ, дѣйствіе громаднаго атмосфернаго электричества на испареніе высокоствольныхъ растеній должно быть гораздо сильнѣе. **** Облако висящее надъ лѣсомъ элек-

* Ebermayer, l. c. pg. 202

** Маршъ, l. c. pg 177—178.

*** Graeger, *Sonnenschein und Regen*, 1870, pg 119.

**** Mascart, *Influence de l'électricité sur l'évaporation* въ „*Les Mondes*“, par Moigno, 1878, № 12, pgg 461—463. „L'excès d'évaporation qui résulte de l'influence de l'électricité, заключаетъ Mascart,

тризуетъ деревья чрезъ вліяніе и усиливаетъ ихъ испареніе, вслѣдствіе притяженія двухъ противоположно наэлектризованныхъ тѣлъ, пары изъ лѣса поднимаются вверхъ и, встрѣчая холодный слой воздуха, сгущаются и падаютъ въ видѣ дождя.

9) Другая часть паровъ достигаетъ облака и производитъ медленное разряженіе его электричества. Паровые пузырьки облака, прежде сильно наэлектризованные и взаимно другъ друга отталкивавшіе, теперь сближаются, падаютъ другъ на друга и вслѣдствіе тяжести упадаютъ внизъ на лѣсъ и на ближайшія къ нему поля.

10) Все сказанное нами преимущественно относится къ лѣтнему времени. Что касается зимняго, то при началѣ осени температура и влажность лѣса мало отличаются отъ такихъ же лѣтомъ, а потому явленіе произойдетъ прежнее. При наступленіи же холодовъ и зимою, влажные (юго-западные) и относительно теплые вѣтры, проникая въ лѣсъ, въ прикосновеніи съ холодными стволами и вѣтвями также и свѣгомъ лежащимъ на иглахъ хвойныхъ растений и на спающихъ вѣтвяхъ, остываютъ и осаждаютъ свою влажность въ формѣ свѣга, дождя или тумана на площади занятой лѣсомъ, между тѣмъ какъ внѣ лѣса осадковъ не будетъ. Весною же, какъ извѣстно, температура воздуха на открытомъ полѣ увеличивается весьма быстро, между тѣмъ какъ въ лѣсу господствуетъ еще весьма низкая температура. По этой причинѣ соприкосновеніе теплаго и влажнаго воздуха съ холодными деревьями весной именно въ лѣсу, болѣе чѣмъ въ какое-либо другое время года, причинитъ осажденіе паровъ, и количество осадковъ въ лѣсу весной будетъ болѣе чѣмъ на безлѣсномъ пространствѣ и разниця будетъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ выше находится лѣсъ сравнительно съ открытымъ полемъ.

Посмотримъ теперь въ какой мѣрѣ эти теоретическія заключенія оправдываются наблюденіями:

По 42лѣтнимъ наблюденіямъ произведеннымъ въ Прагѣ,

n'est sans doute pas limité au cas où les forces électriques en jeu sont relativement considérables. comme dans mes expériences. Ce doit être un phénomène général dont il y a lieu de tenir compte, si l'on veut apprécier le rôle de l'électricité dans la nature sur la production des vapeurs par les eaux, par le sol et par les végétaux."

среднее годовое количество выпадающаго дождя—14" (париж.), между тѣмъ какъ количество выпадающее въ Pürglitz (мѣстечкѣ лежащемъ нѣсколько миль западнѣе Праги, среди обширнаго лѣса)—15",60. Весной тутъ выпадаетъ дождя на 14%, а лѣтомъ—на 16% болѣе чѣмъ въ Прагѣ. Разница эта, замѣчаетъ Фрицше, вѣроятно еще оказалась бы болѣе значительною, еслибы лѣсъ близъ Pürglitz былъ не смѣшанный (на половину лиственный, на половину хвойный), а весь лиственный. *

Наблюденія произведенныя въ 1862 году въ Винѣ и въ трехъ близъ лежащихъ станціяхъ (Mauer, Kaltenleutgeben и Josephsdorf) недалеко отъ лѣса (Wienerwald) показали увеличеніе годовыхъ осадковъ: въ Mauer на 18%, Kaltenleutgeben на 23%, а Josephsdorf на 24% противъ годоваго количества выпадающаго въ Винѣ. Замѣтимъ однакоже что двѣ послѣднія станціи находятся выше надъ уровнемъ моря чѣмъ Вина, и кромѣ того на горахъ, а послѣднее обстоятельство, какъ мы сказали выше, само по себѣ вліяетъ на увеличеніе количества дождя. **

Въ 1857—1858 годахъ сдѣланы были наблюденія въ Гиссенѣ, лежащемъ на открытой равнинѣ, и на двухъ другихъ близкихъ станціяхъ, изъ коихъ одна находилась внутри обширнаго лѣса, а другая на восточной его оконечности; обѣ станціи находятся выше надъ уровнемъ моря чѣмъ Гиссенъ на 156' и 480'. Дождемѣры имѣли одинаковые размѣры и конструкцію и помѣщаемы были на 6'—8' надъ землею. Кривыя выражающія количество дождя выпавшаго въ продолженіе года на этихъ мѣстахъ весьма мало отличались другъ отъ друга, между тѣмъ какъ не только отъ близости лѣса, но и отъ сравнительно высшаго мѣстоположенія станцій надлежало бы ожидать иного результата. *** Для устрaненія разныхъ постороннихъ вліаній на результатъ наблюденій, Hann советуетъ избрать станцію на равнинахъ находящіяся и преимущественно такіа, гдѣ лѣсъ со всѣхъ сторонъ окруженъ

* C. Fritsche, zur Frage über den Einfluss des Waldes auf den Regen, Zeitschr. f. Meteor. Bd. II, pg. 233.

** Das Klima von Wien, Wiener-Zeitung, 1862, pg. 739.

*** Zeitsch. f. Meteor., Bd. II, pg. 232. Прибавимъ что и Blodget не замѣтилъ разницы между количествомъ дождя выпадающаго въ степяхъ Сѣверной Америки и на пограничныхъ лѣсныхъ мѣстностяхъ. (Climatology of the United States, 1857, pg. 483.)

открытымъ полемъ, а потому на послѣднемъ по различнымъ направленіямъ относительно лѣса могутъ быть помѣщены дождемѣры.

Наблюденія обоихъ Беккрелей, произведенныя въ 1865—1866 годахъ близъ Montargis, показываютъ что количество атмосферныхъ осадковъ выпадавшихъ близъ лѣса и вдали отъ него относятся между собою какъ 730: 585. „Эти данныя, говоритъ Беккрель (старшій), должны быть принимаемы во вниманіе при вопросѣ касательно вліянія обезлѣсенія на климатъ; вопросъ этотъ сложный, такъ какъ вліяніе это зависитъ не только отъ расположенія лѣсовъ, то-есть отъ защиты представляемой ими противъ теплыхъ и холодныхъ вѣтровъ, но и отъ качествъ почвы и ея физическихъ свойствъ“ *.

Наблюденія Круча подтверждаютъ результаты Беккрелей: оказывается что прохожденіе вѣтровъ надъ лѣсомъ увеличиваетъ въ нихъ количество влаги. Изъ двухъ дождемѣровъ которые употреблялъ для своихъ изслѣдованій Кручъ, одинъ находился внутри лѣса, а другой внѣ его, такъ что только сѣверные и восточные вѣтры (очень мало влажные для мѣстности наблюденій) доходили къ этому дождемѣру уже пройдя надъ лѣсомъ. Въ продолженіе четырехгодичнаго періода, первый дождемѣръ получалъ въ среднемъ выводъ 23,1 дюймовъ, а второй 17,6 дюймовъ. Такимъ образомъ разница въ пользу дождемѣра находившагося въ лѣсу оказывается на цѣлую четверть. ** Результаты наблюденій на Саксонскихъ станціяхъ также показываютъ что лѣса вліяютъ на количество дождей: „Станція Hinterhermsdorf доказываетъ ясно, говоритъ Кручъ, что обширные находящіеся близъ нея лѣса обуславливаютъ многочисленныя осадки, потому что лѣсной воздухъ, у котораго ни восходящіе теплые потоки, ни общія воздушныя теченія влаги не отнимаютъ, всегда бываетъ сырѣе; при прохожденіи же чрезъ лѣсъ воздушныя массы различной температуры и влажности смѣшиваются взаимно, а вслѣдствіе этого каждый разъ происходятъ осадки“ **.

Начиная съ 1874 года Фотра (sous-inspecteur des forêts) неоднократно сообщалъ Парижской Академіи Наукъ резуль-

* *Comptes Rendus*, T. L. XIV, pg. 19.

** Кравчинскій, *вопросъ о вліяніи лѣса на климатъ*, Лѣсной Журналъ 1876, вып. 6й, стр. 43; также *Krit. Blätter*, pg, 184.

*** *Tharander Jahrbuch*, 1870, Bd. XX, 2, pg. 99, sgg.

таты своихъ наблюденій надъ влажностью и количествомъ осадковъ въ лѣсу сравнительно съ открытымъ полемъ. Изъ наблюденій произведенныхъ имъ въ лѣсу близъ Hallatte (Oise) оказалось (въ 1874) что количество дождя выпадающаго надъ лѣсомъ (лиственнымъ) болѣе чѣмъ въ полѣ. Съ цѣлью убѣдиться, имѣетъ ли и сосна такую же *сгущающую способность* (pouvoir condensateur), онъ поставилъ два дождемѣры, одинъ въ Эрменонвильскомъ лѣсу, на высотѣ 12 метровъ надъ соснами, а другой, на такой же высотѣ, на песчаной равнинѣ прилегающей къ этому лѣсу. Въ 1875 году количество собраннаго дождя надъ деревьями=840, а надъ равниной=757 миллиметровъ, слѣдовательно 83 милл. или болѣе десятой доли—въ пользу лѣса хвойнаго, между тѣмъ какъ для лиственнаго лѣса (въ Hallatte) разница простиралась лишь на одну двадцатую долю. *

Весьма недавно Gautrat и Sartiaux обнародовали результаты четырехлѣтнихъ своихъ наблюденій произведенныхъ въ Hallatte'скомъ лѣсу (его протяженіе=5.000 гектаровъ). Дождемѣры помѣщались въ лѣсу надъ лиственными деревьями (молодымъ дубомъ и букомъ) на высотѣ 7 метровъ, а надъ соснами на высотѣ 3 метровъ. На разстояніи 300 метровъ отъ лѣса установлены были дождемѣры приблизительно на такой же высотѣ. Въ продолженіе четырехъ лѣтъ (1874—1877) количество осадковъ надъ лѣсомъ *постоянно оказывалось болѣе чѣмъ въ открытомъ полѣ*; наибольшая разность для лиственнаго лѣса оказалась=28, для хвойнаго же=67 милл. Нѣтъ сомнѣнія что разницы эти оказались бы еще болѣе значительными, еслибы сарады не были такъ высоко помѣщены надъ деревьями. Этой же причинѣ слѣдуетъ приписать болѣе шее повидимому вліяніе хвойнаго лѣса надъ лиственнымъ. **

Изъ всего нами сказаннаго можно заключить что мнѣніе касательно вліянія лѣса на увеличеніе количества атмосферныхъ осадковъ имѣетъ основаніе, такъ какъ оно подтверждается и теоретическими доводами и наблюденіями. Но если такъ, то это указываетъ намъ еще на одну сторону климатическаго вліянія лѣса—именно на увлажненіе ближайшихъ къ нему мѣстъ. Дѣйствительно, допустимъ, по Эбермайеру,

* *Revue Scientifique*, 1876, № 11, pg. 260.

** *Observations météorologiques, faites de 1874 à 1878 par M. Gautrat*. Paris 1878 (изданіе Министерства Земледѣлія и Торговли).

что на лѣсную почву выпадаетъ лишь 74% того количества влаги которая выпала на лѣсную площадь. Но вычисленіе это, какъ мы уже видѣли, сдѣлано было на основаніи предположенія что количество осадковъ выпадающее на лѣсъ и на открытое поле не одно и то же и сама величина 74% получена была Эбермайеромъ изъ разности между количествомъ воды оказавшимся въ дождемѣрѣ помѣщенномъ въ полѣ и таковымъ же находящимся въ лѣсу. Но если послѣдній способствуетъ увеличенію водяныхъ осадковъ, то мы выводимъ отсюда что испареніе лѣсныя должно быть весьма значительное и что она играетъ роль многочисленныхъ выпаривающихъ воду резервуаровъ. Испаренія же эти, благодаря многочисленнымъ воздушнымъ теченіямъ, стремящимся уравнивать разность между температурою и гигроскопическимъ состояніемъ лѣснаго и полевого воздуха, большею частію опять переносятся на ближайшія къ лѣсу поля и тамъ осаждаются въ видѣ росы. Это обстоятельство мы должны принять во вниманіе при обсужденіи вопроса: въ какой мѣрѣ справедливо мнѣніе что лѣсъ сушитъ почву? который разсмотрѣнъ будетъ нами въ послѣдствіи. Означенное вліяніе лѣса на его окрестности признаетъ и Fritsche, который вообще скептически относится къ увеличенію лѣсомъ количества осадковъ: „Лѣса, говоритъ онъ, благодаря значительному своему испаренію влаги, обнаруживающемуся нашему глазу въ видѣ такъ называемаго куренія лѣса, способствуютъ увеличенію осадковъ на его окрестностяхъ.“ * Послѣднее признаетъ и Маршъ, которому не могли быть извѣстны новѣйшія наблюденія, подтверждающія дѣйствіе лѣса на количество осадковъ: „Вліяніе лѣса на атмосферическія осадженія, говоритъ онъ, нельзя считать совершенно несомнѣннымъ и мы не можемъ рѣшительно утверждать, увеличивается или уменьшается отъ ихъ истребленія ежегодное количество дождей, хотя и теоретическія соображенія и большинство ученыхъ находятся на сторонѣ того мнѣнія что въ лѣсныхъ пространствахъ бываетъ болѣе дождей, чѣмъ въ безлѣсныхъ. Впрочемъ есть одинъ важный выводъ относительно метеорологическаго вліянія лѣсовъ, который несомнѣненъ и безспоренъ: внутри себя и близъ своихъ окраинъ лѣса поддерживаютъ въ атмосферѣ болѣе постоянную степень влажности, чѣмъ какая замѣчается

* *Zeitschr. f. Meteorologie*, Bd. II, pg. 234.

въ отѣрытыхъ мѣстахъ. Едва ли также не менѣе безспорно что они благопріятствуютъ учащенію дожда и если не увеличиваютъ количества атмосферныхъ осадковъ, то по крайней мѣрѣ уравниваютъ ихъ распредѣленіе по различнымъ частямъ года“. * Означенное вліяніе лѣса признаютъ также Эбермайеръ и Ганнъ: „Если вліяніе лѣса на количество дожда и не столь велико, какъ обыкновенно полагаютъ, говоритъ Эбермайеръ, и если лѣсъ сравнительно съ горами играетъ лишь второстепенную роль, то никоимъ образомъ нельзя вовсе отрицать этого вліянія“. ** Еще рѣшительнѣе высказывается Ганнъ: „Великое значеніе лѣсовъ, говоритъ онъ, заключается именно въ томъ что осадки становятся болѣе многочисленными, сухость воздуха уменьшается, а также становится меньше и жаръ, который, благодаря изоляціи почвы, (не доускаетъ стуженія осадковъ и обуславливаетъ значительные періоды засухъ. Вліяніе лѣса тѣмъ болѣе имѣть значеніе, чѣмъ влажнѣе воздухъ и чѣмъ ежегодное количество выпадающихъ дождей по мѣрѣ углубленія внутри материковъ становится меньше, нагрѣваніе же лѣтомъ увеличивается“. *** Эти слова извѣстнаго метеоролога имѣютъ для насъ тѣмъ болѣшій вѣсъ что вся его статья, какъ явствуетъ изъ вступленія, имѣетъ въ виду критику часто преувеличенныхъ мнѣній касательно вліянія лѣсовъ на количество атмосферныхъ осадковъ.

Я. ВЕЙНБЕРГЪ.

* Мартъ, I. с. pg. 208—209.

** Ebermayer, I. с. pg. 202.

*** Hann, *Wald und Regen, Zeitschr. f. Meteor.* Bd. II, pg. 133.

НОВАЯ КНИГА

О ГУССѢ И ГУССИТСКИХЪ ВОЙНАХЪ

Huss et la guerre des Hussites, par Ernest Denis.

Вопросъ о Гуссѣ и могучемъ движеніи возбужденномъ въ XV вѣкѣ его проловѣдью не перестаетъ занимать историковъ. Событіе это въ теченіе слишкомъ долгаго времени было умышленно представляемо въ самомъ извращенномъ видѣ. Особенно позаботились объ этомъ его современники, писатели католической партіи, между которыми первое мѣсто принадлежало знаменитому Энею Сильвію Пикколомини, окончившему свою жизнь на папскомъ престолѣ. Послѣ славнаго, но непродолжительнаго своего торжества, гусситство было подавлено и наступила страшная реакція; дѣло шло о томъ чтобъ истребить всѣ его слѣды; католическіе монахи обходили города и села, усердно сожигая сколько-нибудь благопріятныя ему сочиненія и вообще всякія книги писанныя на чешскомъ языкѣ; той же участи подвергались и документы хранившіеся въ мѣстныхъ архивахъ. Обвинитель достигъ ловидимому вполнѣ своей цѣли: обвиняемому не оставлено было ничего чѣмъ онъ могъ бы подкрѣпить свое оправданіе, и не удивительно если среди самихъ Чеховъ

начало мало-по-малу складываться понятие о войнах XV века как о безумной и чудовищной оргии. Такъ продолжалось до исхода прошлаго столѣтїа, когда вслѣдъ за безразсудными и торопливыми реформами императора Иосифа II засіяли первые лучи возрожденїа Чешской націи. Съ тѣхъ поръ ученые ея не переставали заниматься изслѣдованїями исторїи гусситства, сознавая все болѣе и болѣе ясно ло мѣрѣ того какъ знакомились они съ нею во всѣхъ подробностяхъ сколько содержитъ она лестнаго для ихъ національной гордости; они приступили къ обнародованїю документовъ, тщательно отыскивали все чтѣ уцѣлѣло отъ подозрительнаго ока инквизиторовъ, рылись въ архивахъ германскихъ, французскихъ и итальянскихъ. Въ наше время покойный „исторїографъ чешскихъ чиновъ“ Палацкій сформировалъ около себя цѣлую школу талантливыхъ изслѣдователей, которые трудились подъ его руководствомъ. Благодаря ему, Томеку и другимъ, возникла между прочимъ обширная литература о гусситскомъ періодѣ чешской исторїи, которая освѣтила этотъ періодъ совершенно новымъ свѣтомъ. Ученое движеніе о которомъ мы говоримъ не замедлило отразиться и на Германїи: и тамъ появилось не мало превосходныхъ изслѣдованїй о томъ же предметѣ и о многихъ изъ нихъ, если далеко не о всѣхъ, можно сказать что авторы ихъ, несмотря на національное соперничество, не поколебались усвоить точку зрѣнїя чешскихъ писателей.

Французы не принимали почти никакого участїа какъ въ этомъ, такъ и вообще во всемъ чтѣ касается славянства. Незная славянскихъ языковъ, они не могли составить себѣ самостоятельнаго понятїа о его судьбахъ. Только въ самое послѣднее время обнаруживается у нихъ весьма счастливая перемена въ этомъ отношенїи. Къ такимъ писателямъ какъ г. Альфредъ Рамбо, которому принадлежитъ честь что онъ прежде чѣмъ кто-либо изъ его соотечественниковъ началъ знакомиться съ нашею исторїей изъ первыхъ рукъ, и какъ г. Луи Лежеръ, который хотя еще не написалъ ни одного обширнаго сочиненїа, успѣлъ однако доказать достаточное свое знакомство съ русскимъ языкомъ и различными славянскими нарѣчїями, * присоединился нынѣ г. Эрместъ Дери, авторъ

* Въ то время какъ мы пишемъ эти строки пришло извѣстїе что г. Луи Лежеръ издалъ *Исторїю Австро-Венгерской монархїи*, но книга эта еще не получена нами.

замѣчательной монографіи заглавіе коей выписано нами выше. Онъ долго жилъ въ Богеміи, отлично изучилъ и чешскую, и нѣмецкую литературу о Гуссѣ и гусситскихъ войнахъ, обращая къ самимъ источникамъ и, не довольствуясь этимъ, посѣщалъ мѣстности гдѣ происходили подвиги Жижки и Прокола. Повидимому нельзя сомнѣваться что во многихъ отношеніяхъ книга его изображаетъ одно изъ наиболее знаменательныхъ историческихъ событій именно въ томъ видѣ въ какомъ представляется оно въ настоящее время на основаніи всѣхъ новѣйшихъ изслѣдованій. Даже нѣмецкая ученая критика, имѣющая право быть очень требовательною, замѣчаетъ что съ этой точки трудъ г. Эрнеста Дени не оставляетъ желать ничего лучшаго. Полагаемъ что при такихъ достоинствахъ книги будетъ далеко не лишнимъ дѣломъ познакомить съ нею нашихъ читателей.

I

Послѣ всего что писано до сихъ поръ о Гуссѣ и о событіяхъ вызванныхъ его проповѣдью и мученическою смертью, этотъ великій эпизодъ не только въ чешской, но и въ общевропейской исторіи можно считать достаточно разъясненнымъ, хотя все еще не вполне. Многія частности остаются загадочными, и нужно ожидать что дальнѣйшія изслѣдованія прольютъ на нихъ свѣтъ; но не къ однимъ только частностямъ относится это замѣчаніе. Самая личность Іоанна Гусса и направление въ которомъ онъ дѣйствовалъ возбуждаютъ пререканія. Въ западно-европейской литературѣ сложилось о немъ убѣжденіе какъ объ одномъ изъ предвозвѣстниковъ реформации XVI вѣка; согласно этому взгляду Гуссу отводятъ мѣсто между Вилкелфомъ, который выступилъ съ обвиненіемъ католицизма, когда умы еще не были подготовлены къ тому, и Лютеромъ который одержалъ побѣду, потому что общественное сознаніе уже достаточно созрѣло для его ученія. Въ подобномъ мнѣніи есть много справедливаго и никто не думаетъ отрицать историческаго сродства гусситства съ протестантизмомъ. Но какъ извѣстно, существуетъ другой взглядъ утверждающій что если гусситское движеніе приняло такой характеръ который послѣдѣе сблизилъ его съ протестантизмомъ, то самъ знаменитый чешскій проповѣдникъ не

имѣлъ въ виду ничего подобнаго, что онъ не думалъ сочинять какіе-либо новые догматы и ратовать противъ авторитета Римской церкви во имя правъ личнаго разума. Представителями этого воззрѣнія въ нашей литературѣ явились гг. Новиковъ и Гильфердингъ. Оба они указывали на тѣсную связь ученія Гусса съ православною славянскою церковью, которая существовала въ Чехіи до конца XI вѣка, подверглась затѣмъ разгрому, но преданія коей сохранились преимущественно въ простомъ народѣ и выражались въ оппозиціи латинства. Г. Новиковъ шелъ шагкомъ далеко, а именно: утверждалъ что даже въ XIV вѣкѣ была въ Чехіи организованная православная партія; г. Гильфердингъ сомнѣвался въ этомъ, но полагалъ что свѣды православія еще не исчезли тамъ; что во всякомъ случаѣ оно наложило такую печать на религиозныя вѣрованія народа что, переставъ быть православнымъ, онъ не могъ примириться въ католицизмъ со многими составлявшимъ существенное его отлечіе. Отсюда-то и возникла проповѣдь Гусса. Это былъ протестъ подавленной въ Чехіи восточной церкви противъ латинства. Но слѣдуетъ ли считать Гусса православнымъ? Г. Гильфердингу не приходила мысль отвѣчать утвердительно на такой вопросъ: нельзя, говорилъ онъ, дѣлать подобнаго предположенія относительно Гусса уже потому что Гуссъ не имѣлъ точнаго понятія о восточной церкви, хотя очень интересовался ею и разспрашивалъ про нее православныхъ, съ которыми приходилось ему встрѣчаться.

Со своей точки зрѣнія г. Гильфердингъ превосходно характеризовалъ Гусса. Этимъ истинно-праведнымъ человекомъ владела, по словамъ его, только одна мысль — исполнить вѣрно нравственный законъ христіанства. Воспитанный въ средневѣковой схоластикѣ, онъ принималъ на вѣру многія ея положенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ положенія эти, противъ которыхъ возставала и восточная церковь, такъ поражали его своимъ противорѣчіемъ истинному смыслу Евангелія что лишь только мысль его останавливалась на нихъ, онъ не колебался облачать ихъ несостоятельностью. Догматически онъ не въ силахъ былъ опровергнуть ихъ, но правдивый внутренній голосъ говорилъ ему что нельзя помириться съ ними. „Таковъ былъ складъ ума у этого человѣка, замѣчаетъ г. Гильфердингъ:—путаясь въ оковахъ схоластики, которая всецѣло господствовала въ тогдашнее время, онъ

теоретически недоумѣваетъ надъ спорными вопросами, но выводитъ каждый изъ нихъ на нравственную почву, и тутъ уже прямо рѣшаетъ ихъ.“ И рѣшенія эти почти всегда оказываются въ такомъ смыслѣ въ какомъ не могла бы возражать противъ нихъ и восточная церковь.

Приведенный нами взглядъ нашего покойнаго ученаго былъ неоднократно ослабляемъ, и между прочимъ въ самой Чехіи выразилъ несогласіе съ нимъ писатель съ такимъ авторитетомъ какъ Палацкій. Особенно не хотятъ присоединиться къ нему всѣ тѣ которые указываютъ на непосредственную связь между гусситствомъ и протестантизмомъ. Если Гуссъ, говорятъ они, порицалъ многія постановленія католической церкви съ точки зрѣнія христіанской нравственности, то развѣ прежде Викасъ, а позднѣе Лютеръ не становились также именно на эту почву? Совершенно справедливо что Гуссъ не принималъ на себя роли проповѣдника какого-нибудь новаго церковнаго ученія, не противопоставлялъ догматамъ западнаго католицизма какихъ-либо другихъ, сочиненныхъ имъ самимъ, но нѣтъ основанія утверждать будто онъ твердо держался преданій и будто въ этомъ состоитъ главное его отдаленіе отъ позднѣйшихъ протестантовъ. О какихъ преданіяхъ идетъ тутъ рѣчь? Латинская церковь также опиралась на преданія, но, ослабляя ихъ, Гуссъ не могъ ссылаться на преданія церкви восточной,—не могъ потому что имѣлъ объ этой церкви лишь смутныя понятія. Весьма естественно что въ борьбѣ своей съ Римомъ онъ выставлялъ Св. Писаніе единственнымъ мѣриломъ истины, исключительнымъ источникомъ вѣры: только въ немъ, говорилъ онъ, сохранился первообразъ той церкви Христовой, отъ которой уклонилась позднѣйшая церковь: поэтому Св. Писаніе должно быть высшею нормой вѣры и жизни какъ для каждаго отдѣльнаго христіанина, такъ и для всей церкви вообще. Но и Лютеръ со своими послѣдователями думалъ не иначе. Неправедливо утверждаютъ также будто Гуссъ, отличался этимъ отъ протестантовъ, не давалъ въ дѣлахъ вѣры простора чистому разуму: напротивъ, онъ неоднократно повторялъ что всегда готовъ отказаться отъ своего мнѣнія, если кто убѣдитъ его въ ложности этого мнѣнія словами Св. Писанія или доказательствами чистаго разума; изъ всѣхъ его сочиненій видно что онъ допускалъ—хотя конечно не въ одинаковой мѣрѣ—три источника познанія истины: Св. Писаніе,

разумъ и опытъ чувствъ. Слѣдовательно протестанты не безъ основанія ставятъ его въ ряды своихъ предшественниковъ. Если, по мнѣнiю нѣкоторыхъ писателей, онъ, не отдавая себѣ яснаго отчета, шелъ по пути который былъ намѣченъ для Чешскаго народа господствовавшимъ нѣкогда въ его оредѣ православiемъ, а по мнѣнiю другихъ началъ дѣло которое долженствовало быть довершено Лютеромъ, то это потому что положительный характеръ его ученiя выразился лишь въ одномъ: онъ считалъ идеаломъ церкви образъ первобытнаго христанства, сохранившiйся въ Св. Писанiи; только этотъ образъ всегда имѣлъ онъ въ виду когда говорилъ о церковной реформѣ. Отсюда могъ быть выходъ въ ту и другую сторону: одни изъ послѣдователей Гусса могли примкнуть къ протестантизму, а другiе искать сближенiя съ восточною церковью.

Но у г. Гильфердинга были еще болѣе вѣскiя доказательства въ пользу его взгляда. Главнѣйшимъ изъ нихъ представляется конечно то что патрiаршiй синодъ Константинопольскiй торжественно призналъ гусситское исповѣданiе тождественнымъ съ вѣрою православной церкви. Выражено это было въ соборномъ дѣланiи, въ которомъ мы читаемъ между прочимъ: „Церковь Христова не сомнѣвается, судя по дошедшимъ до нея извѣстiямъ, что какъ скоро вы рѣшились противостать опаснымъ новизнамъ Рима, то вы будете съ нею согласны во всемъ, при посредничествѣ Св. Писанiа, истиннѣйшаго судiи. Ибо хотя прежде и доходили до насъ недобрыя о васъ слухи, будто вы не римскимъ вымысламъ противитесь, а скорѣе во многомъ противоборствуете древнимъ преданiямъ католической христанской церкви; однако съ недавняго времени мы удостоверились что вы, такъ-сказать, возрождаетесь и приступаете къ общему христанскому ученiю и истинному благочестию, что вы не только не покидаете Матери (церкви), но томитесь сожигаемые вождѣльнiемъ истинной Матери которой вы еще ищете.... Итакъ, вождѣльные братья и сыны, если дѣло таково какъ мы слышимъ и надѣемся, послѣшите единенiемъ съ нами.“ Высокая важность этого документа очевидна сама собою. Слѣдуетъ однако замѣтить что Гуссъ погибъ на кострѣ въ 1415 году, а упомянутое соборное посланiе появилось въ 1451, то-есть 36 лѣтъ спустя; въ этотъ промежутокъ времени Чехи непрерывно вели войну, въ которой дѣло шло для нихъ столько

же о религіозномъ сколько и національномъ вопросѣ; подъ названіями „таборитовъ“ и „сиротъ“ выдвинулась впередъ партія доходившая до крайняго радикализма въ религіи и до коммунизма въ общественныхъ теоріяхъ; этой партіи и обязаны были Чехи преимущественно своими побѣдами, но на ряду съ нею была другая, которая вовсе не хотѣла разрывать связь съ церковными преданіями и построить церковь на радикальныхъ началахъ. Положеніе этой партіи между Римскою куріей, отказывавшеюся отъ всякаго соглашенія съ нею, и тѣми изъ ея соотечественниковъ которые шли по пути совершенно отвратившему ихъ отъ католицизма, было крайне затруднительно, но, какъ увидимъ ниже, взоры ея все-таки обращались къ Риму, а не къ Византіи, такъ что было бы ошибочно предполагать будто бы она сдѣлала какія-нибудь серіозныя попытки для сближенія съ восточною церковью.

Наконецъ еще одно и очень вѣское доказательство въ пользу упомянутого нами выше взгляда, это—путешествіе предпринятое въ 1413 году другомъ и сподвижникомъ Гусса, Геронимомъ Пражскимъ, въ Литву и Русь. Оно послужило однимъ изъ главныхъ обвиненій противъ него на Констанцскомъ соборѣ. Въ обвинительныхъ пунктахъ говорилось что Геронимъ, посѣтивъ Витебскъ и Плесковъ, оказывалъ явное предпочтеніе православію, преклонялся предъ образами и мощами святыхъ чествуемыхъ восточною церковью, утверждалъ что русская вѣра есть вѣра истинная, называлъ Русскихъ хорошими христіанами. Геронимъ призналъ на соборѣ справедливость означенныхъ обвиненій и заявилъ что онъ готовъ отстаивать приписываемыя ему мнѣнія. „Итакъ, замѣчаетъ г. Гильфердингъ, православная церковь, когда съ нею встрѣтился ближайшій другъ и сотрудникъ Гусса, была имъ тотчасъ опознава какъ представляющая въ дѣйствительности то къ чему онъ стремился въ своемъ исканіи вѣры.“ Нашъ ученый выражаетъ мысль что еслибъ Геронимъ нѣсколько ранѣе предпринялъ свое путешествіе, то быть-можетъ оно отразилось бы важными послѣдствіями на ученіи Гусса подъ влияніемъ тѣхъ свидѣній о православной церкви которыя онъ получалъ бы отъ своего друга. Но уже было поздно. Гуссу и Герониму не суждено было свидѣться. Во всякомъ случаѣ фактъ о которомъ говорили мы сейчасъ важнѣе, хотя едва ли достаточно этого факта чтобы придти

къ положительному выводу. Справедливо выставая его значеніе, г. Гильфердингъ говоритъ: „какъ бы то ни было, мы полагаемъ что даже и въ концѣ своей жизни, несмотря на похвѣдку Иеронима, Гуссъ не имѣлъ возможности опредѣлительно узнать ученіе православной церкви, и что его сочувствіе къ ней основывалось на смутномъ гаданіи, но не на окончательномъ догматическомъ рѣшеніи.“

Все это показываетъ что вопросъ о характерѣ проповѣди Гусса остается спорнымъ. То мнѣніе что Гуссъ не былъ реформаторомъ въ такомъ смыслѣ какъ основатели протестантскихъ и другихъ сектъ, что во взглядахъ своихъ онъ сходился съ ученіемъ православной церкви и что послѣдователи его должны были весьма естественно придти къ мысли о сближеніи съ нею, имѣть многое за себя, но не столько чтобы отстранены были всякія противъ него возраженія. Интересно какъ взглянулъ на этотъ вопросъ французскій авторъ монографіи о которой мы говоримъ,—интересно тѣмъ болѣе что, какъ видно изъ его изложенія, онъ вообще вполнѣ безпристрастенъ и къ тому же отлично знаетъ чешскую и нѣмецкую литературу относящуюся къ его предмету. Исследованіе г. Гильфердинга читалъ онъ въ чешскомъ переводѣ. Иногда г. Э. Дени рассуждаетъ такъ какъ будто совершенно склоняется ко взглядамъ выраженнымъ нашимъ покойнымъ ученымъ. Онъ доказываетъ что „восточная церковь оставила въ Чехіи болѣе пречныя сѣмь чѣмъ думаютъ обыкновенно,“ что преданія ея были столь сильны что „поддерживали въ народѣ духъ оппозиціи Римскому двору и порождали религиозные толки тревожившіе палъ“; онъ рѣшительно возстаётъ противъ мнѣнія будто Гуссъ былъ послѣдователемъ Виклефа. Если обвиненіе такого рода тяготѣло надъ чешскимъ проповѣдникомъ, то тутъ нужно видѣть уловку его враговъ, дѣйствовавшихъ такъ искусно что они внушили эту мысль не только своимъ современникамъ, но укоренили ее даже до нашего времени. „Конечно, говоритъ авторъ, Гуссъ и его друзья внимательно читали и изучали сочиненія Виклефа; быть-можетъ это ускорило кризисъ, указало чешскимъ проповѣдникамъ нѣкоторыя послѣдствія ихъ доктринъ, сообщило ихъ усиліямъ нѣсколько болѣе догматическій характеръ; но если все это отразилось на ихъ дѣятельности, то не этимъ дѣятельность ихъ была вызвана. Виклефъ былъ лишь предложомъ, а не причиной столкновенія, долженствовавшего

неизбѣжно возникнуть между тѣми которые хотѣли возвратить церковь къ первобытной ея чистотѣ, и тѣми которые отстаивали злоупотребленія и свои привилегіи.“ Французскій авторъ подробно остановился, какъ увидимъ ниже, на одномъ обстоятельстве, могущемъ также служить отчасти въ пользу мнѣнія г. Новикова и Гильфердинга, а именно: на попыткѣ князя Литовскаго Витовта произвести единеніе православной и католической церкви съ помощію гусситства,—попыткѣ, возникшей у него послѣ того какъ онъ принималъ Геронима Пражскаго, бесѣдовалъ съ нимъ, и послѣ того такъ Геронимъ выразилъ сочувственное свое отношеніе къ православію. Привода всѣ эти факты, г. Эрнестъ Дени не присоединяется однако къ тѣмъ выводамъ относительно Гусса которые сдѣланы были въ нашей литературѣ, хотя взглядъ его на чешскаго проповѣдника во многомъ сходенъ со взглядомъ г. Гильфердинга: только послѣдствія у него другія. „Читая все писанное доселѣ о Гуссѣ, говоритъ онъ, нельзя не изумляться противорѣчіямъ не только въ сужденіяхъ объ ученіи, но даже въ томъ какъ нужно понимать и излагать это ученіе. Для нѣкоторыхъ писателей Гуссъ почти протестантъ; по мнѣнію же другихъ онъ лишь въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ вопросахъ отстраивался отъ римскаго католицизма (третье мнѣніе, какъ мы видѣли выше, указываетъ на его связь съ восточнымъ православіемъ). Разногласіе это объясняется двоякимъ образомъ: во первыхъ, Гуссъ неоднократно колебался, мнѣнія его мѣнялись и можно придти къ совершенно различнымъ результатамъ изучая съ особеннымъ вниманіемъ то или другое изъ его сочиненій. Это былъ не столько человѣкъ интеллигенціи сколько человѣкъ чувства; у него не было ничего общаго съ философами которые, исходя изъ извѣстнаго принципа, не отступаютъ предъ какими бы то ни было выводами; онъ дѣлаетъ оговорки, старается согласовать противорѣчія и очень часто среди его колебаній трудно уловить окончательное его мнѣніе. Большею частью судили о немъ не столько по его словамъ и по его дѣламъ сколько по тѣмъ послѣдствіямъ которыя можно было извлечь изъ его принциповъ. Нѣтъ ничего страннаго въ этомъ: подобная ошибка тѣмъ болѣе естественна что она основана не на какихъ-либо химерическихъ предположеніяхъ, а на событіяхъ вызванныхъ его ученіемъ.“ Авторъ разбираемый нами книги совершенно согласенъ съ тѣми которые утверждаютъ что Гуссъ не имѣлъ въ виду

никаких нововведений, что онъ и выступилъ бордомъ за идею свободы, за полный просторъ человеческого разума въ дѣлахъ вѣры, что цѣлью его было лишь осуществить въ церкви идеалъ христіанской нравственности, но съ другой стороны стремясь къ этой цѣли онъ предоставлялъ каждому право толковать Евангеліе руководствуясь только своимъ разумомъ. Отсюда могли возникнуть самыя различныя направленія. Нельзя сомнѣваться что еслибы Гуссъ остался живъ, то отнесся бы со строгимъ порицаніемъ къ таборитамъ; онъ не захотѣлъ бы признать въ нихъ своихъ послѣдователей, но тѣмъ не менѣе табориты имѣли полное право утверждать что ведутъ прямо отъ него свое происхожденіе. Гуссъ говорилъ на примѣръ что не слѣдуетъ повиноваться приказаніямъ папы и даже постановленіямъ собора если они противорѣчатъ христіанскому закону; но кто будетъ судьей этого? Тутъ былъ прямой переходъ къ протестантскому принципу свободнаго истолкованія Евангелія, и табориты явились приверженцами его, хотя самъ Гуссъ вовсе не намѣревался идти такъ далеко.

Изъ сказаннаго нами видно какъ смотреть г. Эрнестъ Дени на чешскаго проповѣдника. Онъ не отрицаетъ что слѣды православія сохранившіеся въ Богеміи имѣли вліяніе на ученіе Гусса, но въ сущности ученіе это могло быть истолковано и въ ту, и въ другую сторону; оно такъ мало касалось догматовъ и держалось такихъ общихъ началъ что способно было и породить секты въ родѣ протестантскихъ, и привести къ сліянію съ восточною церковью. Разсмотрѣніе событій послѣдовавшихъ за смертью Гусса должно показать въ какой степени справедливы этотъ взглядъ.

II.

Г. Гильфердингъ доказывалъ что было бы въ высшей степени несправедливо считать Гусса бойцомъ за принципъ національности, старавшимся возбудить своихъ соотечественниковъ противъ преобладанія Нѣмцевъ. Такого же мнѣнія держится и г. Эрнестъ Дени. Оба они ссылаются на многозначительныя слова Гусса по этому поводу: „Говорю по совѣсти что еслибы я зналъ чужеземца, откуда бы то ни было, который по добродѣтели своей болѣе любитъ Бога и стоитъ

за добро чѣмъ мой родной братъ, то онъ былъ бы мнѣ милѣе брата; а потому добрые священники Англичане мнѣ милѣе чѣмъ недостойные священники чешскіе, и добрый Нѣмецъ мнѣ милѣе чѣмъ злой братъ.“ Гуссъ, конечно, содѣйствовалъ тому чтобъ отвята была у Нѣмцевъ привилегія отдававшая совершенно въ ихъ руки Пражскій университетъ, но участіе его въ этомъ событіи отнюдь не было выдающимся. Главною своею задачею считалъ онъ проповѣдь Слова Божія, а все остальное имѣло въ его глазахъ лишь второстепенное значеніе. Если же при жизни его и еще болѣе послѣ мученической его кончины вопросъ религіозный былъ тѣсно связанъ съ вопросомъ національнымъ, если Чехи съ одинаковымъ одушевленіемъ ололчились на борьбу какъ за ученіе прелоданное имъ Гуссомъ, такъ и за права своей народности, то это было слѣдствіемъ особыхъ условій въ которыхъ находилась Богемія.

„Великимъ несчастіемъ, восклицаетъ одинъ изъ современныхъ нѣмецкихъ историковъ, слѣдуетъ считать то что Богемія—сердце Германіи—досталась въ обладаніе славянскаго племени.“ Нѣмцы старались всячески исправить эту, какъ полагали они, несправедливость судьбы. Между ними и Чехами шла узорная борьба, въ которой эти послѣдніе хотя и отстаивали, но далеко не вполнѣ свою самостоятельность. Германскій элементъ мало-по-малу заживалъ страну. Особенно господствовалъ онъ въ городахъ, гдѣ почти исключительно изъ него состояло такъ-называемое среднее сословіе. Конечно, между торговымъ и промышленнымъ людемъ находилось не мало и Славянъ, но они были осуждены на подчиненную роль, были устраняемы отъ муниципальнаго управленія и на каждомъ шагѣ стѣсняемы въ своей дѣятельности привилегіями Нѣмцевъ. Зло чувствовалось чрезвычайно сильно еще при Карлѣ IV, о которомъ во многихъ отношеніяхъ справедливо говорятъ что онъ сдѣлалъ очень много для Богеміи. Ему принадлежитъ, между прочимъ, учрежденіе Пражскаго университета, который вскорѣ затмилъ университетъ Оксфордскій и началъ услѣшно соперничать со знаменитымъ университетомъ Парижскимъ. Но по мысли Карла онъ предназначался главнымъ образомъ для того чтобъ окончателно содѣйствовать въ Богеміи торжеству католицизма. Государь о которомъ мы говоримъ былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ поборниковъ католической церкви; при немъ духовенство приобрѣло полную воз-

возможность упрочить свое господство, оно пользовалось огромными выгодами и раслуцственностью своих правовъ вызывало противъ себя въ Богеміи точно такія же нареканія какъ и въ остальной Европѣ. Органомъ этого-то духовенства долженствовалъ служить Пражскій университетъ, ему предстояло заботиться объ упроченіи римской церковной доктрины, но и въ его средѣ Нѣмцы успѣли обезпечить за собою преобладаніе. Подача голосовъ по университетскимъ дѣламъ происходила въ немъ по націямъ, причемъ каждой націи принадлежалъ одинъ голосъ. Университетъ дѣлился на четыре націи: Чеховъ, Саксонцевъ, Баварцевъ и Поляковъ, но такъ какъ въ числѣ Поляковъ большинство составляли Силезцы, т.е. природные Нѣмцы или отнѣченные Славяне, то въ сущности Чехи находились въ меньшинствѣ одного голоса противъ трехъ нѣмецкихъ. Благодаря имъ не осуществилась дѣла которую имѣлъ въ виду Карлъ IV. Они сдѣлали университетъ центромъ оппозиціи противъ существовавшаго порядка вещей,—оппозиціи необыкновенно вліятельной, потому что почва для нея была какъ нельзя лучше подготовлена: сохранившіеся сады православія, внушавшіе народу инстинктивное отчужденіе отъ многого чего требовало лажство, постоянно усиливавшаяся вражда къ Нѣмцамъ, честолюбіе дворянства жаловавшагося на то что королевская власть старалась его унижить и завидовавшаго духовенству, недовольство рыцарскаго сословія, бѣдствія испытываемыя крестьянами,—все это соединялось вмѣстѣ и угрожало катастрофой. Поводомъ ко взрыву послужила проповѣдь Іоанна Гусса. Такое броженіе возбуждено было ею во всѣхъ классахъ общества что король Вячеславъ IV (сынъ и преемникъ Карла) вынужденъ былъ сдѣлать уступки, хотя его отнюдь нельзя было считать приверженцемъ знаменитаго проповѣдника. Важнѣйшею изъ этихъ уступокъ была отмена привилегій которыя уславивали господство нѣмецкаго элемента въ университетѣ. Нѣмцы—и профессоры и студентны—послѣшили покинуть Прагу. „Многіе изъ нихъ переселились въ Лейпцигъ, говоритъ г. Эрнестъ Дени, но не все: значительная часть избрала своимъ мѣстопребываніемъ Эрфуртъ, Кельнъ, Гейдельбергъ и содѣйствовала возникавшему тамъ процвѣтанію высшихъ учебныхъ заведеній. Ни одно изъ нихъ не приобрѣло впрочемъ такого значенія чтобы вліяніе его простиралось на всю Германію, ни одно не служило, такъ-сказать,

столицей ученаго и литературнаго міра. Ихъ дѣятельность ограничивалась сферою тѣхъ или другихъ провинцій, но эта умственная децентрализація не только не причиняла вреда общему развитію Германіи, но, создавая на различныхъ пунктахъ ученые центры, была одною изъ главнѣйшихъ причинъ всесторонняго прогресса этой страны и сообщала ея цивилизаціи особый, въ высшей степени замѣчательный характеръ. Протекая вѣка прежде чѣмъ Нѣмцы уяснили себѣ благодѣтельные результаты уломанутаго нами событія; Нѣмцы же удалившіеся въ XV столѣтіи изъ Праги питали непродолимую ненависть къ Гуссу и Чехамъ и старались распространять о нихъ самые ненавистные слухи въ Европѣ. Пражскій университетъ утратилъ съ тѣхъ поръ общеевропейское значеніе, которымъ онъ пользовался при Карлѣ IV, и сдѣлался учрежденіемъ національнымъ, вполнѣ чешскимъ. Другая и не менѣе славная роль предстояла ему: онъ становится средоточіемъ борьбы въ которую Чешская нація не колебалась вступить и съ ланскою властью и съ Германскою имперіей.

Здѣсь позволяемъ себѣ сдѣлать одно замѣчаніе о книгѣ г. Эрнеста Дени. Первые ея главы, въ которыхъ авторъ говоритъ о Гуссѣ и состояніи чешскаго общества наканунѣ переворота, не могутъ вполнѣ удовлетворить читателя; картина недостаточно рельефна, многое въ ней не освѣщено надлежащимъ образомъ, но за то періодъ борьбы изложенъ съ большимъ талантомъ, обличаетъ мастерскую и опытную руку, такъ что даже въ вѣмецкой литературѣ, не имѣющей недостатка въ замѣчательныхъ изслѣдованіяхъ о гусситствѣ, эта часть разбираемой нами монографіи вызвала почти безусловныя похвалы. Мы можемъ сдѣлать въ ней шагъ за шагомъ за дѣятельностью различныхъ партій въ Чехіи, возникшихъ почти немедленно послѣ того какъ пронеслась громовая вѣсть о казни Гусса. Партіи эти, какъ увидимъ, умѣли дѣйствовать съ рѣдкимъ единодушіемъ противъ непріятеля, но тѣмъ не менѣе постоянно существовала между ними глубокая рознь. Въ теченіе всей борьбы или лучше сказать геройскаго періода этой борьбы первое мѣсто между ними принадлежало партіи крайней, главная заслуга которой, по выраженію нашего автора, состояла въ томъ что она умѣла „вызвать изъ земли легионы и своимъ героизмомъ сплести страну“. Объясняется это многими при-

чинами и между прочимъ тѣмъ что во главѣ ее стоялъ человекъ который какъ при жизни своей, такъ и по смерти до самаго послѣдняго времени служилъ предметомъ ненависти для однихъ и восторженнаго поклоненія для другихъ. Мы говоримъ о Жижкѣ. Лѣтописецъ рассказываетъ что, спустя болѣе столѣтій послѣ того какъ сошелъ онъ въ могилу, императоръ Фердинандъ прїѣхалъ въ городъ Чаславъ, увидѣвъ большой желтый крестъ надъ могиальнымъ камнемъ и спросилъ кто погребенъ тутъ; никто однако не отважился назвать ему покойнаго; онъ самъ прочелъ надпись и, пораженный начертаннымъ на ней именемъ Жижки, воскликнулъ: „это скверное животное наводило ужасъ на людей при своей жизни и даже по смерти не даетъ имъ покоя“. Фердинандъ тотчасъ уѣхалъ изъ Часлава, хотя прежде того имѣлъ намѣреніе переночевать тамъ. Вотъ съ какимъ чувствомъ смотрѣли католики на вождя таборитовъ, и только среди католическаго народонаселенія Богеміи сохранилась о немъ добрая память, ибо, помимо релігіозныхъ вѣрованій, населеніе это цѣнило и цѣнитъ въ немъ одного изъ героев своей борьбы за національную независимость. Всѣ писатели одинаково изображаютъ его наружность: онъ былъ невысокаго роста и нѣсколько сутуловатъ; его могучія плечи, широкая грудь, несоразмѣрно большая голова съ коротко обстриженными волосами, длинные черные усы, суровый взглядъ уцѣлѣвшаго его глаза (другаго лишился онъ въ ранней молодости)—все это ясно говорило объ одной изъ тѣхъ энергическихъ натуръ которыя идутъ впередъ не останавливаясь ни предъ чѣмъ, которыя не отстраняютъ только встрѣчающіяся на ихъ пути препятствія, но испровергаютъ и уничтожаютъ ихъ. Это былъ фанатикъ въ полномъ смыслѣ слова. „Жижка принадлежалъ къ разряду людей, говоритъ авторъ разбираемой нами книги, непоколебимо убѣжденныхъ что безусловная истина воплотилась въ нихъ; они совершаютъ свой путь предаваясь жестокостямъ даже не изъ врожденной злобы, а по призванію; со взорами обращенными въ небо они какъ бы не замѣчаютъ что стоятъ по колѣна въ крови.“ О Жижкѣ сохранилось много легендъ: утверждали, напримѣръ, будто сестра его была соблазнена монахомъ и будто въ этомъ нужно искать разгадку его ненависти къ католическому духовенству, но люди распускавшіе подобныя басни очевидно не понимали характера такого человѣка,

менѣе всего способнаго увлекаться личными побужденіями и расчетами. Неоднократно пытались подкупить его; цесарь Сигизмундъ предлагалъ ему должность губернатора Богеміи, главное начальство надъ арміею и громадное жалованье, но Жижка не искалъ почестей; въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сразу сосредоточивалась въ его рукахъ почти неограниченная власть, и онъ не хотѣлъ воспользоваться ею чтобы хоть сколько-нибудь обезпечить положеніе своихъ терпящихъ крайнюю нужду родственниковъ. Это были лучшія свойства Жижки, ибо въ другихъ отношеніяхъ и между прочимъ какъ политикъ онъ оказался далеко не на высотѣ своего призванія. Онъ былъ созданъ исключительно для борьбы, для того чтобы воспламенять народныя массы и водить ихъ къ побѣдамъ. Военный его геній обезпечилъ ему мѣсто въ ряду лучшихъ полководцевъ всѣхъ временъ. Геній этотъ выражался прежде всего въ рѣдкомъ умѣнн организовать войско. Жижка пользовался для этого тѣми людьми которые находились у него подъ рукою и тѣмъ оружіемъ къ которому они издавна привыкли. Кавалерія была вооружена у него тяжелыми желѣзными молотами разбивавшими каски, а пѣхота длинными кольями, иногда даже простыми косами; только позднѣе нѣкоторымъ солдатамъ роздали были ружья,—Жижка едвали не первый оцѣнилъ важность огнестрѣльнаго оружія и заботился о томъ чтобы было у него возможно болѣе артиллеріи. Боевыя свои колонны онъ дѣлалъ гораздо болѣе густыми чѣмъ практиковалось это въ прежнее время, и силу отпора которую они представляли непріятелю увеличилъ тѣмъ что придумалъ для нихъ такъ сказать подвижныя укрѣпленія. Мы подразумѣваемъ здѣсь телѣги, игравшія столь важную роль въ гусситскихъ войнахъ. Телѣги эти приковывались одна къ другой цѣпами и окружены были досками, изъ-за которыхъ стрѣлки направляли свои удары. Въ битвы онъ служили войску укрѣпленнымъ лагеремъ, а во время похода сѣдовали за нимъ въ извѣстномъ порядкѣ, такъ что въ случаѣ нужды тотчасъ же можно было улотребить ихъ въ дѣло; возницы ихъ отличались замѣчательнымъ искусствомъ и умѣли въ совершенномъ порядкѣ производить самыя сложныя передвиженія.

Жижкѣ представилось не мало случаевъ доказать что онъ былъ не только замѣчательнымъ организаторомъ, но и превосходнымъ тактикомъ. Огромныя непріятельскія силы дѣлѣ

ствовази противъ него и ни разу не потерпѣлъ онъ пораженія. Въ XV вѣкѣ онъ какъ бы инстинктивно угадалъ тайну современнаго намъ военнаго искусства: необычайная быстрота въ передвиженіяхъ, тщательное изученіе мѣстности, умѣнье выбирать наиболѣе выгодныя стратегическія позиціи и сосредоточивать въ данную минуту всѣ свои силы въ одномъ пунктѣ чтобы раздавить ими врага,—вотъ что составляло тайну его необычайныхъ успѣховъ. Въ послѣдствіи онъ потерялъ и другой свой глазъ, совершенно ослѣвъ, но и это не остановило его подвиговъ: самъ ничего не видя, говорить Палацкій, онъ хотѣлъ все видѣть глазами своихъ помощниковъ и сообщалъ имъ искусство идти по его слѣдамъ. Жижка создалъ цѣлую школу; въ XV и XVI столѣтіяхъ всюду старались подражать ему; уже въ то время военные писатели избирали войны Жижки предметомъ спеціальнаго изученія и одна изъ такихъ диссертацій дошла до насъ.

Центромъ таборитовъ, если можно такъ выразиться, ихъ столицей служилъ старинный городъ Градице, получившій названіе Табора. Вотъ какъ описываетъ это мѣсто г. Э. Деан, не упустившій случая посвятить его: „Ничто не поражаетъ столь сильно послѣ монотонныхъ окрестностей Прага какъ великолѣпная лаворама Табора. Городъ расположенъ на вершинѣ горы, которая только съ одной стороны соединяется весьма узкимъ перешейкомъ съ окружающею мѣстностью; со всѣхъ другихъ она представляетъ крутыя неприступныя скалы; въ глубинѣ рва течетъ Лужница. Переѣхавъ чрезъ нее по мосту и миновавъ массивныя стѣны, предъ которыми столько разъ разбивались усилія имперскихъ армій, вдругъ переносишься всецѣло въ XVI вѣкъ; лишь очень немногіе дома позднѣйшей постройки нарушаютъ гармонию этого впечатлѣнія. Ни въ какомъ изъ другихъ чешскихъ городовъ не сохранился лучше чѣмъ въ Таборѣ характеръ эпохи Возрожденія; надо замѣтить что Таборъ сдѣлался городомъ въ настоящемъ смыслѣ слова уже послѣ войны, а въ разгаръ ихъ онъ оставался не болѣе какъ укрѣпленнымъ лагеремъ; Эней Сильвій посвятилъ его по восстановленіи мира, но и тогда, по его словамъ, онъ еще вполне сохранялъ свой воинственный и грозный характеръ. Дома строились гдѣ попало, безо всякаго плана; лутешествениаку и теперь не трудно заблудиться тамъ въ лабиринтъ безвыходныхъ улицъ. Бродя по нимъ не можешь освободиться отъ цѣлаго ряда воспоминаній: вотъ

камни на которыхъ священники таборитовъ совершали обряды, а вотъ удивившія статуи Пикардовъ, которыхъ истребила непреклонная суровость чешскихъ луританъ; иногда изъ-за знаній взоръ обвиняетъ обширный горизонтъ луговъ, лѣсовъ и деревень... Среди этой разстилающейся зелени путешественникъ старается угадать мѣста ознаменованныя геройскимъ самопожертвованіемъ воиновъ, отстаивавшихъ съ мечомъ въ рукахъ неприкосновенность родной земли. "Таборъ, какъ мы сказали сейчасъ, служилъ главнымъ лагеремъ Жижки. Необычайное зрѣлище представляла собою эта армія. Главнымъ ея отличіемъ была крайне суровая дисциплина; можно положительно сказать что до Жижки не было въ Европѣ войска болѣе дисциплинованнаго. Уже познѣе, въ XVII вѣкѣ, другой подобный примѣръ мы видимъ въ луританахъ Кромвеля. Самый широкій просторъ мысли, ничѣмъ не стѣсняемое право толкованія Евангелія соединялись съ безусловнымъ повиновеніемъ вождямъ. Всѣ „приверженцы Слова Божія“ раздѣлены были на двѣ группы: одни сражались, а другіе работали и снабжали сражающихся припасами; и тѣ, и другіе одинаково участвовали въ походахъ съ женами и дѣтьми. „Присутствіе въ арміи женщинъ и дѣтей, говоритъ авторъ разбираемой нами книги, долженствовало повидимому причинять промежденія и беспорядки, но чтобъ избѣгнуть ихъ была еще усилена строгость дисциплины; не рѣдко женщины вмѣстѣ съ мужьями дрались героически противъ непріятеля; лѣтописецъ разказываетъ о нихъ что это были настоящія гieny на полѣ битвы; враги страшались ихъ даже несравненно болѣе чѣмъ солдатъ; было въ появленіи ихъ что-то необыкновенное, веселѣющее, дѣйствовавшее чрезвычайно сильно на воображеніе.“ Ссоры, ругательства были строго запрещены въ арміи; тотъ кто ранитъ или убьетъ товарища подлежалъ смертной казни безъ различія званія; не допускались въ лагерь пьяницы, бродяги и „агуны“; непотребныхъ женщинъ изгоняли оттуда съ позоромъ; не дозволялось предаваться какимъ бы то ни было играмъ. Это была чисто демократическая армія, хотя было въ ней не мало рыцарей; люди рыцарскаго происхожденія занимали мѣста офицеровъ, не потому что они принадлежали къ благородному сословію, а потому что обладали свѣдѣніями недоступными простолюдинамъ. Во всѣхъ отношеніяхъ господствовало полнѣйшее равенство. Жижка строго наблюдалъ за этимъ точно такъ же

какъ былъ неумолимъ относительно дисциплины, источникомъ коей долженствовало быть религиозное одушевление. „Если, говорилъ онъ войску, мы будемъ неуклонно соблюдать установленныя правила, то Господь сохранитъ насъ и окажетъ намъ помощь. Обнаживъ мечъ свой во имя Божіе, мы обязаны вести себя какъ подобаетъ добрымъ христіанамъ, жить въ страхѣ Господнемъ, предать не колеблясь на Его волю наши нужды, надежды, желанія и ожидать отъ Него награды за гробомъ.“

Такова была партія таборитовъ въ военномъ и социальномъ отношеніи. Что касается религиозныхъ вопросовъ, то она порвала всякую связь съ католическою церковью и не отступала предъ тѣми положеніями которыя въ послѣдствіи выработалъ Кальвинъ,—иногда шла даже далѣе его. Всѣ были равны гражданскими правами, всѣмъ должны принадлежать одинаковыя права и въ домѣ церкви; никакой церковной іерархіи, свободное проповѣдываніе Слова Божія каждымъ изъ вѣрующихъ; изъ всѣхъ таинствъ только два—крещеніе и причащеніе. Говоря объ организаціи таборитовъ, г. Гильфердингъ давалъ ей слѣдующее объясненіе: въ устройствѣ этого братства, какъ онъ его называетъ, проявились, по мнѣнію его, славянскія начала, давно уже подавленные въ Чехіи, но не совсѣмъ, и какъ бы снова воскресшія въ эту знаменательную эпоху. Отличительною чертой славянскихъ началъ считалъ г. Гильфердингъ отсутствие всякой со словной розни, а такъ какъ именно не было даже и признаковъ ея въ средѣ таборитовъ, то нашъ ученый полагалъ что Чехи не создавали чего-либо новаго, а лишь возвращались къ старинному строю своей жизни. Таборское братство приняло характеръ всенародной общины, но къ сожалѣнію, говорить г. Гильфердингъ, продолжалось это не долго; вскорѣ опять восторжествовала германская общественная организація со своею сословною исключительностью; она уже успѣла пустить такіе глубокіе корни въ странѣ что совершенно потрясти ее оказалось невозможнымъ. „Таборское братство, продолжаетъ г. Гильфердингъ, стало все болѣе и болѣе суживаться, такъ сказать, въ особую демократическую партію; отъ нея все рѣже отдѣлялись привилегированныя сословія, притягивая вновь въ кругъ своихъ старыхъ исключительныхъ интересовъ большую часть тѣхъ изъ своихъ членовъ которые сперва прикнули къ таборитамъ, и принимая со своей стороны

характеръ консервативной партіи.“ По этому поводу можно замѣтить что едва ли слѣдуетъ объяснять славянскими началами внутреннее устройство таборской общины; скорѣе вытекало оно изъ тѣхъ религиозныхъ воззрѣній какія усвоили себѣ табориты. Въ ученіи ихъ было много мистическаго, они стремились къ тому чтобы возсоздать царствіе Божіе на землѣ; повятно что при этомъ должно было исчезать рѣшительно всякое различіе между членами братства: развѣ позднѣе нѣкоторыя крайнія протестантскія секты не имѣли точно такого же характера? Въ средѣ таборитовъ все было еглаго: люди не различествовали между собою не только принадлежностію къ тому или другому сословію, но ни происхожденіемъ, ни состояніемъ; женщина была вполне эманципирована, и ей не возбранялось толковать Евангеліе и обращаться съ проповѣдью къ вѣрующимъ,—неужели и тутъ проявлялись славянскія начала? Правда, г. Гильфердингъ замѣчаетъ что съ теченіемъ времени таборская община искажилась и мало-по-малу сдѣлалась представительницей самой отчаянной демократіи, такъ что, говоритъ онъ, „читая о ея подвигахъ, думаешь что дѣло идетъ о якобинцахъ и социалистахъ революціонной Франціи.“ Но едва ли справедливо проводить столь рѣзкую черту между таборитами прежними и послѣдующими; въ сущности всегда одно и то же направленіе одушевляло ихъ, и если въ самомъ началѣ крайности ихъ ученія и ихъ общественнаго быта не выступали такъ рельефно, то усложнялось это обстоятельствами. И затѣмъ, когда же и вслѣдствіе какихъ причинъ началось это перерожденіе таборитовъ изъ „всенароднаго“ славянскаго братства въ демократическую и даже социалистическую секту? Г. Гильфердингъ, какъ мы видѣли сейчасъ, возлагаетъ вину на привилегированныя сословія, которыя начали все болѣе и болѣе обособляться отъ таборитовъ и создали противоположность интересовъ тамъ гдѣ сперва не существовало ее почти вовсе; но и съ этимъ трудно согласиться. Несомнѣнные факты доказываютъ что между одною частью населенія, признававшею своимъ вождемъ Жижку, и другою, во главѣ коей стоялъ Пражскій университетъ, между партіей таборитовъ и партіей которую называютъ обыкновенно чашниками (утраквистами) существовала съ начала до конца глубокая рознь. Они дѣйствовали съ необычайнымъ единодушіемъ, когда приходилось съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать

драгоценнѣйшіе интересы страны; у нихъ было настолько политическаго смысла чтобы подъ давленіемъ необходимости забывать о своихъ несогласіяхъ и не отступать предъ весьма важными взаимными уступками; между ними происходили перемирія, но не было настоящаго мира. Нѣтъ поэтому основанія утверждать что таборское братство могло принять характеръ всеародной общины.

Послѣ того какъ мы познакомились съ партией представившею одну изъ сторонъ чешскаго движенія, необходимо остановиться на другой которая въ противоположность ей являлась умѣренною. Объ этой парти чешскій историкъ Толлькъ говорить что она „не переставала питать обманчивую надежду что Римская церковь признаетъ истину ея вѣрованій или по крайней мѣрѣ допуститъ ихъ исповѣданіе и откроетъ ей свои врата не принуждая ее къ отступничеству.“ Она дорожила свободою проповѣдью Слова Божія, она отстаивала право свободнаго толкованія Евангелія, но лишь настолько чтобы этимъ путемъ устранить тѣ постановленія Римской церкви которыя въ Евангеліи не находили оправданія; она вовсе не намѣревалась предоставить полный произволъ разуму и преданіе имѣло великую важность въ ея глазахъ. Причащеніе подъ обоими видами,—вотъ что было у нея общаго съ таборитами, но не говоря уже о таинствахъ она сохраняла многіе изъ католическихъ обрядовъ, соблюдала католическіе праздники и посты, допускала монашескіе обѣты и т. д. Главнымъ авторитетомъ этой консервативной партіи въ дѣлахъ вѣры служилъ богословскій факультетъ Пражскаго университета, столицей ея—Прага, а массу ея приверженцевъ составляли дворянство и мѣщанское торговое сословіе (разумѣется за исключеніемъ Нѣмцевъ). Какъ мы уже замѣтили сейчасъ, разнь между умѣренною и крайнею партіями обнаружилась съ того момента какъ онѣ выступили на сцену, но среди окружавшихъ ихъ опасностей онѣ сознавали неотложную необходимость совместнаго образа дѣйствій; вслѣдствіе того усвоена была ими общая программа изложенная въ такъ-называемыхъ *четырехъ пунктахъ* (quatuor puncta pro quibus se Boemi contra regem opposuerunt). Программа эта гласила что чашники и табориты ставятъ цѣлью своихъ домогательствъ свободную проповѣдь Слова Божія, причащеніе подъ обоими видами, секуляризацию церковныхъ имуществъ и право кары за грѣхи оскорбляющіе

общественную совѣсть и народныя вѣрованія. Программа была одинаковая у обѣихъ партій, но истолковывали онѣ ее далеко не одинаково. „Принимать все что не противно Евангелію, отвергать все что не содержится въ Евангеліи. Повидимому, говорит г. Э. Дени, это двѣ формулы одного и того же мнѣнія, а между тѣмъ, придерживаясь одной изъ нихъ, табориты сдѣлались совершенно протестантами и придерживаясь другой утраквисты остались почти католиками.“

Если въ Таборѣ не господствовало полного согласія и изъ массы приверженцевъ Жижки выдѣлялись многіе которые шли гораздо далѣе чѣмъ онъ, то и между утраквистами не обнаруживалось единства. Была партія ультра-умѣренная, всѣ желанія коей ограничивались лишь тѣмъ чтобы допущено было причащеніе подъ обоими видами; другая же, во главѣ коей стоялъ въ послѣдствіи знаменитый Рокицана, строго держалась четырехъ пунктовъ, не дѣлая изъ нихъ уступокъ ни въ какую сторону. И это разногласіе приняло рѣзкій характеръ лишь съ теченіемъ времени. Въ началѣ тщательнаго были устранимы спорные вопросы ради того чтобы съ единодушіемъ встрѣтить непріятеля. Только съ той минуты какъ усилие Чеховъ увѣнчались блестящими успѣхами умѣренная партія начинаетъ оказывать противодѣйствіе тому радикализму который вносили табориты въ область религіозныхъ вѣрованій и общественнаго устройства.

III

Роль дворянскаго сословія Чехіи въ первое время борьбы была безупречна. Оно всячески старалось спасти Гусса отъ участи угрожающей ему на Констанцскомъ соборѣ. Представители знатнѣйшихъ фамилій обращались къ императору Сигизмунду съ письмами содержащими рѣзкія для него предостереженія. „Не можемъ, говорили они, относиться равнодушно ко всему что касается твоей чести, ибо ты—предлагаемый наследникъ чешской короны. Если Гуссу не возвращена будетъ свобода, то произойдутъ великія бѣдствія и для твоего величества, и для всей Богеміи. Нарушивъ охранную грамоту данную тобою Гуссу, ты заставишь многихъ не полагаться на твои обѣщанія, и объ этомъ поговариваютъ уже всюду.“ Получивъ извѣстіе о казни проповѣдника,

дворяне заключили въ сентябрѣ 1415 года оборонительную и наступательную лигу, обязавшись отстаивать главнѣйшія начала реформы. Это было весьма важное событіе: оно открывало собою совершенно новый періодъ въ судьбахъ Чехіи, ибо если до тѣхъ поръ и находилось уже въ странѣ огромное число приверженцевъ Гусса, то не было между ними никакой прочной связи, а теперь получили они организацию и имѣли во главѣ своей вѣятельныхъ вождей. Надо замѣтить что г. Э. Дени относится вообще весьма недоброжелательно къ чешскому дворянству. „Относительно его роли, говоритъ онъ, я не могу согласиться съ Палацкимъ, который выставляетъ эту роль вообще въ весьма выгодномъ свѣтѣ. Дворяне присоединившіеся къ движенію не оставались чужды личнымъ расчетамъ, имѣли въ виду воспользоваться обстоятельствами для своихъ выгодъ. Если—такъ разсуждали они—правительство склонится на сторону новыхъ ученій, то оно вынуждено будетъ прибѣгнуть къ секуляризациі церковныхъ имуществъ, и тогда несомнѣнно имущества эти перейдутъ къ намъ; если же вздумаетъ оно отстаивать старый порядокъ вещей, то возгорится война, понадобятся наши услуги, мы продадимъ ихъ не дешево и всѣ земли прилегающія къ нашимъ землямъ перейдутъ въ наше распоряженіе.“ Трудно допустить чтобы чешское дворянство такъ вѣрно разчло съ самаго начала всѣ послѣдствія приготовлявшихся событій и нельзя считать убѣдительнымъ аргументъ г. Э. Дени, когда онъ восклицаетъ: отчего же подъ конецъ войны почти всѣ церковныя имущества очутились въ рукахъ дворянъ? Для того чтобы совершилось какое-нибудь событіе вовсе не нужно чтобы оно было задумано заранее.

Обстоятельства были благоприятны для начинавшагося движенія, между прочимъ, потому что на престолѣ чешскомъ сѣлъ въ то время сынъ Карла IV, Вячеславъ. Объ этомъ государѣ составились самыя противоположныя мнѣнія. Нѣмцы и католики обвиняли его въ томъ что онъ своею апатіей допустилъ развиться перевороту, выставляли его человѣкомъ ко всему равнодушнымъ и развратнымъ, но нареканія такого рода очевидно преувеличены. Вячеславъ отличался немаловажными достоинствами: онъ былъ отлично образованъ, обладалъ краснорѣчіемъ, любилъ народъ, относился съ большимъ вниманіемъ къ его нуждамъ, но не было у него двухъ качествъ особенно необходимыхъ для хорошаго правителя—

энергіи и послѣдовательности въ намѣреніяхъ и поступкахъ. Иногда вдругъ обнаруживалъ онъ лихорадочную дѣятельность, работалъ съ утра до ночи, а затѣмъ по мѣсяцамъ какъ бы не хотѣлъ знать о томъ что происходитъ въ государствѣ и предавался любимому своему занятію — охотѣ. Страстный охотникъ онъ проводилъ цѣлые дни въ обширныхъ лѣсахъ окружавшихъ его замки, держалъ стаи собакъ въ своихъ комнатахъ, такъ что, по словамъ лѣтописца, комнаты эти ложились скорѣе на исарню чѣмъ на царское жилище; ужвряють будто сулругу его загрызъ одинъ изъ тѣхъ огромныхъ борзыхъ псовъ которыхъ онъ отыскивалъ и скупалъ повсюду въ Европѣ. Нравственность его никогда не стояла высоко; по временамъ овлаживала имъ страсть къ необузданному разгулу, ночью появлялся онъ со своими друзьями на улицахъ Праги, останавливалъ прохожихъ, оскорблялъ ихъ, а затѣмъ наступали припадки горькаго раскаянія. „Вообще, говоритъ г. Э. Деви, образъ Вячеслава раздвоится предъ нами: мы видимъ человека серьезнаго, благодушнаго, справедливаго и наряду съ этимъ человека раздражительнаго, почти бѣшенаго, исполненнаго самыхъ страшныхъ капризовъ.“ Именно потому что онъ не умѣлъ пользоваться властью и часто компрометтировалъ ее, Вячеславъ былъ чрезвычайно чутокъ ко всему въ чемъ видѣлъ неуваженіе къ своей власти, попытку не сообразоваться съ нею. Это обнаружилось между прочимъ на каждомъ шагѣ въ его отношеніяхъ къ католическому духовенству и къ Гуссу: онъ оскорблялся тѣмъ что Римская курія отваживалась въ его владѣніяхъ принимать мѣры противъ проповѣдника, преслѣдовать его какъ отлученнаго отъ церкви, и бралъ его подъ свою защиту; но когда гусситы въ свою очередь поднимали голову и начинали дѣйствовать самымъ смѣло, онъ тотчасъ же обрушился на нихъ со всею силой своего гнѣва. Въ такомъ важномъ, напримеръ, вопросѣ какъ вопросъ о привилегіяхъ Нѣмцевъ въ Пражскомъ университетѣ Вячеславъ высказался сначала очень рѣзко противъ національной партіи. „Ты и твой другъ Геронимъ, воскликнулъ онъ Гуссу, главные зачинщики смуты; если вы не образумитесь, я велю васъ сжечь.“ Гуссъ сдѣлался тѣло болѣе послѣ этого тагостнаго свиданія съ Вячеславомъ, но не успѣлъ еще онъ оправиться отъ своего недуга какъ въ королѣ уже наступила перемѣна подъ вліяніемъ совершенно

других впечатлѣній. Въ послѣдніе годы его жизни религиозное и національное движеніе распространилось уже по всему королевству. Вячеславъ сошелъ въ могилу въ ту самую минуту когда война сдѣлалась неизбежною. „И хорошо онъ сдѣлалъ что умеръ, говорить г. Девн: не будучи въ состояніи стать рѣшительно на сторонѣ лалской власти противъ своего народа или на сторонѣ своего народа противъ лалской власти, онъ оставался бы безсильнымъ зрителемъ борьбы. Несмотря на всѣ его недостатки, Чехи сохранили о немъ хорошее воспоминаніе, ибо во многихъ важныхъ обстоятельствахъ онъ помогалъ національному дѣлу одержать верхъ надъ элементомъ чужеземнымъ.“

Другое дѣло его братъ Сигизмундъ. Не даромъ между братьями существовала глубокая антипатія. Императоръ Сигизмундъ не могъ также похвалиться энергіей, но въ то время какъ у Вячеслава слабость характера соединялась съ извѣстнымъ добродушіемъ, онъ былъ преисполненъ лукавства и достигъ наконецъ того что никто не подагался на его слово. Въ глазахъ Чеховъ онъ навсегда сдѣлался ненавистенъ тою ролью которую разыгралъ относительно Гусса на Констанцкомъ соборѣ. По смерти короля Вячеслава ему суждено было занять чешскій престолъ. Конечно, не такой человекъ могъ остановить волны грознаго потока. Констанцкому собору, который еще не разошелся въ то время, раточалъ онъ увѣренія что положить конецъ ереси и надѣялся что въ благодарность за это соборъ займется коренными реформами въ церковномъ устройствѣ, хотя тотъ вовсе не обнаруживалъ подобнаго намѣренія; чешскому дворянству оставшемуся вполнѣ вѣрнымъ католицизму онъ писалъ письма въ которыхъ побуждалъ его къ рѣзкому отпору новымъ идеямъ, а другую часть дворянства успокоивалъ льстивыми обещаніями и старался оправдать предъ нимъ свой прежній образъ дѣйствій. Вся бѣда въ томъ, говорилъ онъ, что Гуссъ прежде чѣмъ явиться на соборъ не повидался съ нимъ; послѣ того какъ подвергся онъ заточенію, было уже трудно спасти его; дворянское сословіе должно знать что если обнажить оно мечъ, то врагомъ его будетъ вся католическая Европа; неужели откажется оно навлечь бѣдствія подобной войны на свое отечество? Да и къ чему вмѣшиваться ему въ церковныя дѣла? Только духовныя лица компетентны въ вопросѣ о томъ какія реформы необходимы для улучшенія

правовъ духовенства. Вскорѣ однако Сигизмундъ измѣнилъ тонъ подъ вліяніемъ возникшаго у него убѣжденія что силы гусситовъ вовсе не такъ велики какъ предполагалъ онъ въ началѣ и рѣшился прибѣгнуть къ оружію.

Въ исторіи чешскихъ войнъ XV вѣка представляются нѣсколько различныхъ періодовъ: прежде всего Сигизмундъ хотѣлъ подавить движеніе съ помощью враждебныхъ ему элементовъ въ самой странѣ или, какъ выражается авторъ разбираемой нами книги, поработить Богемію при посредствѣ самой Богеміи; затѣмъ, когда это не удалось, слѣдуетъ рядъ крестовыхъ походовъ противъ этой страны, въ которыхъ принимаетъ участіе почти вся Германская имперія, и наконецъ Чехи, вмѣсто того чтобъ обороняться, прибѣгаютъ сами къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Война возбуждена была религиознымъ одушевленіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ она преслѣдовала національные интересы. Тотчасъ послѣ того какъ ополчились Чехи на защиту своихъ вѣрованій и своихъ правъ, они поспѣшили раздѣлаться съ нѣмецкимъ народонаселеніемъ которое свило себѣ гнѣзда въ городахъ и составляло тамъ вліятельную и зажиточную часть средняго сословія. Вслѣдствіе того что множество документовъ вовсе утрачены, а другіе еще скрыты въ архивахъ, трудно прослѣдить какимъ образомъ города становятся вполнѣ чешскими, но самый фактъ несомнѣнъ; Нѣмцы переселялись толпами въ сосѣднія германскія земли, или же старались заставить забыть о своемъ происхожденіи, принимали нравы и обычаи и языкъ окружающихъ ихъ туземцевъ. „Является вопросъ, говорить г. Э. Дени: былъ ли выгоденъ подобный переворотъ для Богеміи? На первыхъ порахъ онъ породилъ конечно значительную неурядицу, подорвалъ развитіе промышленности и торговли; нѣмецкое мѣщанство отличалось привычками трудолюбія и порядка, укоренившимися въ немъ въ теченіе вѣковъ и которыя не могли быть тотчасъ же унаследованы новою буржуазіей. Одно время торговая дѣятельность почти совсѣмъ прекратилась, народонаселеніе стало уменьшаться, нищета сдѣлалась всеобщая. Но Чехія безропотно переносила эти бѣдствія ради великой цѣли которую она имѣла въ виду — спасенія своей національности. И дѣйствительно если это вторженіе нѣмецкаго элемента продолжалось полпрежнему и не было прервано насильственнымъ путемъ, то Славяне по верховьямъ

Эльбы постигла бы втроем такая же участь какой подверглись они на низовьях этой рѣки. Одновременно съ преслѣдованіемъ нѣмецкихъ поселенцевъ происходило разрушеніе католическихъ монастырей и церквей, которые въ Богеміи отличались такимъ великолѣпиемъ и изяществомъ архитектуры какъ въ рѣдкой изъ другихъ странъ Европы; очень немногіе изъ нихъ уцѣлѣли во время войнъ; въ нѣкоторыхъ провинціяхъ не сохранилось отъ нихъ даже развалинъ и ничто не напоминаетъ путешественнику о великолѣпныхъ зданіяхъ описанія коихъ встрѣчаются у лѣтописцевъ. Особенно отличались въ этомъ дѣлѣ разрушенія солдаты Жижки, руководившіея тѣмъ же чувствомъ которое позднѣе одушевляло англійскихъ пуританъ. Самъ Жижка преслѣдовалъ и другую цѣль: монастыри, по большей части укрѣпленные, служили пристанищемъ и опорой для войскъ католической партіи, въ монахахъ эти войска имѣли самыхъ надежныхъ своихъ агентовъ, а монастырскія сокровища шли на удовлетвореніе ихъ нуждъ.

Военныя дѣйствія Сигизмунда завершились полнѣйшею неудачей. Онъ выказалъ себя столь же плохимъ полководцемъ сколько былъ плохимъ политикомъ. Въ этотъ первый періодъ борьбы въ Чехіи находилось не мало элементовъ враждебныхъ гусситству, которыми онъ могъ бы воспользоваться для своихъ цѣлей, но у него не хватало умѣнья сплотить ихъ и онъ даже способствовалъ ихъ разединенію. Единственнымъ результатомъ похода императора было то что гусситы, испробовавъ свои силы въ открытомъ полѣ, прониклись самоувѣренностью, которой до тѣхъ поръ недоставало имъ. Табориты и чашники направили съ этой минуты всю свою энергію къ тому чтобы сломить въ странѣ всякое противодѣйствіе ихъ власти; Богемія очутилась совершенно въ ихъ рукахъ, и нечего было ломышлять о томъ чтобы безъ посторонняго вмѣшательства произвести въ ней переворотъ. Тотчасъ по отступленіи Сигизмунда установлено было въ этой странѣ временное правительство изъ 20 членовъ, выбранныхъ такъ что каждая изъ партій имѣла между ними своихъ представителей, и правительство это было облечено чрезвычайно широкимъ полномочіемъ. Повсюду въ Европѣ успѣхи гусситовъ производили чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Сначала германскіе князья не смущались ими или даже были рады что Сигизмундъ очутился въ затрудни-

тѣльномъ положеніи, но скоро и у нихъ открылись глаза на опасность. То въ чемъ они видѣли въ первое время лишь мѣстный бунтъ угрожаемо потрясеніями которыя могли не ограничиться предѣлами только Богеміи. Что если ученіе Гусса распространится и въ нѣмецкихъ земляхъ? Ово уже имѣло тамъ не мало приверженцевъ, между прочимъ въ Вѣнѣ, съ тѣхъ поръ какъ Іеронимъ Пражскій успѣлъ привлечь къ нему нѣкоторыхъ профессоровъ тамошняго университета. Въ Венгріи гусситство лустило корни; въ Магдебургѣ нѣкто Бремеръ, прибывшій изъ Праги, такъ сильно дѣйствовалъ на толпу своею проповѣдью что мѣстныя власти послѣдили сжечь его; въ Баваріи, Тюрингіи казни сѣдовали одна за другою; въ Ренсбургѣ гусситы имѣли явильно организованную церковь; правительство потребовало тамъ ото всѣхъ жителей свыше десятилѣтняго возраста торжественнаго заявленія о вѣрности ихъ католицизму. Особенно страшны были прокламаціи таборитовъ, проникнутыя крайне демократическимъ духомъ, которыя, распространяясь въ низшихъ слояхъ народа, пораждали въ нихъ опасное броженіе. Въ виду всего этого германскіе князья убѣдились что пора имъ выступить на сцену и поправить дѣло полорченное съ самаго вачала саабодушіемъ и двуличною политикою императора. Не сообразили они только того что Германія очень мало пригодна для подобной роли. „Она переживала, говоритъ Ранке, гораздо болѣе тяжкіе процессы чѣмъ тотъ который достигъ ее въ XV вѣкѣ, но никогда внутренняя неурядица не принимала еще такихъ размѣровъ. Германія представляла собою анархическую федерацію владѣтельныхъ княжествъ и республикъ. Каждый заботился лишь о себѣ и въ этомъ отношеніи императоръ былъ не лучше другихъ. Всякое чувство солидарности интересовъ исчезло, повсюду междуусобія, повсюду война, но нѣтъ войска способнаго дѣйствовать противъ непріятели, ибо нельзя было назвать войскомъ скопища кое-какъ вооруженныхъ горожанъ и лишенныхъ всякой дисциплины толпы рыцарей.“ Этимъ безпорядочнымъ силамъ приходилось имѣть дѣло съ народомъ возставшимъ почти поголовно на защиту своихъ правъ, одушевленнымъ пламеннымъ патріотизмомъ и выставившимъ изъ своей среды цѣлый рядъ искусныхъ и энергическихъ вождей: не сѣдовало ли предвидѣть заранѣе на чьей сторонѣ останется перевѣсъ? Чехи прославились чудесами предпріимчивости, энергіи и

мужества; авторъ разбираемой нами книги не безъ основанія называетъ походы ихъ противъ Германіи „фантастическими“; походы эти дѣйствительно представляли нѣчто вполнѣ необыкновенное, но справедливость требуетъ замѣтить что блестяшіе ихъ результаты объясняются въ значительной мѣрѣ тѣмъ плачевнымъ состояніемъ въ какомъ находилась Германія. Невольно является здѣсь сравненіе съ революціоною Франціей конца прошлаго вѣка: Зибель впервые указалъ на ту зависимость въ которой побѣдоносныя дѣянія Французовъ находились отъ розни и соперничества европейскихъ государствъ и то же самое слѣдуетъ замѣтить о борьбѣ между Чехами и священною Германскою имперіей.

Мы не остановимся здѣсь подробно на героической оборонѣ Чеховъ противъ многочисленныхъ ихъ враговъ, которымъ счастье солутствовало также мало какъ и Сигизмунду. А между тѣмъ въ началѣ они не сомнѣвались въ успѣхѣ; имъ удалось собрать многочисленное войско, которое, по увѣренію лѣтописцевъ, въ первомъ походѣ простиралось до 200.000 человекъ; во главѣ ихъ стоялъ одинъ изъ талантливыхъ германскихъ князей—Фридрихъ Гогенцоллернскій, много содѣйствовавшій избранію Сигизмунда императоромъ и получившій отъ него за это Бранденбургское курфиршество. Ничто однако не помогло. Результаты всѣхъ нашествій на Богемію слѣдуетъ назвать не только неудачными, но даже позорными для крестоносцевъ. Они лишь укореняли все болѣе и болѣе распространявшееся мнѣніе о мелобѣдности народа который своими подвигами приковывалъ къ себѣ вниманіе Европы.

IV.

Но борьба съ непріателемъ—лишь одна часть задачи; предстала другая и еще болѣе важная—устройство Чехіи какъ въ церковномъ, такъ и политическомъ отношеніи. Здѣсь требовалось тѣсное еднородіе, котораго къ сожалѣнію не существовало. Отсутствие его происходило не столько изъ какихъ-либо эгоистическихъ лобужденій различныхъ партій, сколько изъ противоположности ихъ принциповъ; напротивъ, въ критическія минуты эти партіи умѣли дѣйствовать въ полномъ согласіи и сознавали необходимость взаимныхъ

устулокъ. Одинъ изъ тогдашнихъ историковъ, Надеръ, говоритъ что табориты и чашваки вели между собой упорную борьбу, но при наступленіи опасности тотчасъ же забывали о ней: „старые враги, по словамъ его, подобно Ироду и Палату, становились друзьями“. Съ одной стороны нужно считать это обстоятельство весьма благоприятнымъ, ибо оно свидѣтельствовало о патріотизмѣ и глубокомъ практическомъ смыслѣ Чеховъ, а съ другой казалось тревожнымъ, заставляя предполагать что какъ скоро минуетъ опасность то развѣ сдѣлается непримаримомъ.

Великое счастье для народа переживающаго трудный кризисъ состоитъ въ томъ чтобы найти человѣка который былъ бы надежнымъ руководителемъ его судебъ. Такого вождя не было у гусситовъ. Жижка при всѣхъ огромныхъ своихъ талантахъ никогда не возвышался надъ ролью предводителя известной партіи; тотъ же упрекъ можно сдѣлать и Рокицки, о которомъ будемъ говорить ниже. По мнѣнію чешскихъ историковъ только одинъ человѣкъ былъ бы достоинъ высокаго призванія служить вождемъ Чешскаго народа—Николай изъ Гусениць, другъ и сподвижникъ Гусса. „Долгое время, говоритъ г. Дени, имя его было предано почти полному забвенію; оно уломинается лишь немногими изъ дѣтописцевъ, и даже теперь, послѣ того какъ историческая критика пролила яркій свѣтъ на событія гусситскихъ войнъ Николай все еще не оцѣненъ надлежащимъ образомъ и вниманіе читателей гораздо охотнѣе останавливается на Жижкѣ чѣмъ на немъ.“ Все показываетъ однако что онъ обладалъ качествами необходимыми для государственнаго человѣка въ настоящемъ смыслѣ этого слова, что ему удалось бы, быть-можетъ, явиться примирителемъ между партіями и создать нѣчто прочное. Къ сожалѣнію онъ сошелъ въ могилу именно въ такое время когда его услуги были особенно необходимы для его соотечественниковъ.

Возникалъ планъ отъ котораго ожидали чрезвычайно важныхъ послѣдствій. Давно уже Богемія находилась въ хорошихъ отношеніяхъ къ Польшѣ, и при Владиславѣ IV былъ даже заключенъ оборонительный и наступательный союзъ между этими странами; онѣ поддерживали между собою дѣятельныя торговыя сношенія, въ Пражскомъ университетѣ обучалось немало Поляковъ, которые усвоили себѣ ученіе Гусса и распространяли его въ своемъ отечествѣ, такъ что оно имѣло тамъ

многочисленныхъ пражерженцевъ. Все это объясняетъ почему гусситы рѣшились искать тѣснаго общенія съ Польшей и отправляли къ королю Ягайлу посольство съ предложеніемъ ему чешской короны; Ягайло отвѣчалъ однако отказомъ даже когда эта попытка повторилась. Тогда гусситы обратили взоры на двоюроднаго его брата Витовта, великаго князя Литовскаго. Витовтъ былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ политиковъ своего времени, питалъ широкіе и отважные планы; онъ постоянно стремился создать изъ Литвы могущественное государство, но важнымъ препятствіемъ служило здѣсь то что подданные его не связаны были единствомъ вѣры, что значительная ихъ часть исповѣдывала православіе и что симпатіи этихъ православныхъ людей естественно склонялись къ Московскому государству. Твердость религиозныхъ вѣрзавій отнюдь не составляла отличительной его черты: изъ язычниковъ обратился онъ въ православіе, потомъ сдѣлался католикомъ, но и послѣ того обнаруживалъ вѣротерпимость граничившую съ индеферентизмомъ, такъ что, по словамъ извѣстнаго историка Каро, * не только католики и православные пользовались его расположеніемъ, но даже языческая Тмудь могла думать что въ немъ еще не угасъ духъ отцовъ. Именно въ то время когда на Констанцскомъ соборѣ обсуждались вопросы имѣвшіе столь важное значеніе для католической церкви, православное духовенство Литвы старалось подѣйствовать на Витовта. „Рече Григорій митрополитъ, нарицаемый Цамблакъ, князю Витовту: что ради ты, княже, въ вѣрѣ лядьской, а не во правой вѣрѣ крестьянской? и отвѣща ему Витовтъ: аще хоцещи не томко единого мене вадѣти въ своей вѣрѣ православной, но и всѣхъ людей невѣрныхъ моего земаи Литовскія, то иди въ Римъ и имѣй прю съ паломо и съ его мудрецы; аще ихъ не препрещи, то имамъ вси люди своя въ вѣру нѣмецкую правратити.“ Такъ объясняетъ лѣтописецъ путешествіе православныхъ епископовъ не въ Римъ, а въ Констанць, гдѣ они дѣйствительно находились, но участія въ преніяхъ не принимали, ибо еще до прибытія ихъ туда вопросъ о причащеніи подъ обоими видами былъ отвергнутъ соборомъ. Сохранилось извѣстіе что осужденіе Гусса считали при дворѣ Витовта вопіющею несправедливостію. Подъ вліяніемъ событій доказавшихъ что ученіе знамени-

* Caro, *Geschichte Polens*, III, 184—186.

таго проповѣдника не только не погибло, но охватило цѣлую страну, которая мужественно отстаивала его противъ многочисленныхъ враговъ, у Витовта явилась мысль воспользоваться гусситствомъ какъ средствомъ для соединенія православной и католической церкви. Онъ надѣялся такимъ образомъ положить конецъ вѣроисповѣдному разлицю своихъ подданныхъ, создать національную церковь. Но для этого Витовтъ считалъ необходимымъ склонить къ своимъ планамъ короля Ягайло, которому они также могли быть весьма выгодны въ политическомъ отношеніи. И Польша, и Литва одинаково вели упорную борьбу съ Нѣмецкимъ орденомъ, который являлся орудіемъ германскихъ завоевательныхъ стремленій противъ Славянъ: установить тѣсную связь между славянскими народами на почвѣ религіи не значило ли поставить твердый олотъ противъ германизма? Необыкновенно сильное впечатлѣніе которое порождено было слухами объ этомъ замыслѣ въ Германіи доказываесть какое придавали ему тамъ значеніе. Лишь только сдѣлалось извѣстнымъ что Ягайло поддается увѣщаніямъ Витовта и что въ Прагу прибылъ отъ него посолъ Рачинскій для переговоровъ, императоръ Сигизмундъ сталъ расточать невѣроятныя усилія чтобы помѣшать задуманному дѣлу. Еще болѣе старался въ томъ же смыслѣ курфирстъ Бранденбургскій. Дворъ Ягайло сдѣлался центромъ всевозможныхъ дипломатическихъ интригъ, такъ что можно было подумать, говорить Каро, что судьбы гусситства рѣшались тамъ, а не въ Прагѣ. Интриги оставались однако безъ результата, главнымъ образомъ потому что именно въ это время военныя дѣйствія Чеховъ были какъ нельзя болѣе успѣшны и сильно влияли на Польскаго короля. Витовтъ былъ убѣжденъ что можетъ вполне положиться на него и задумалъ въ широкихъ размѣрахъ исполненіе своего плана: онъ лобудилъ Татаръ и Турокъ напасть на Венгрію, придвинулъ значительное войско къ границамъ Ордена, принялъ чешскую корону и назначилъ своимъ намістникомъ въ Богеміи племянника Ягайло, Сигизмунда Корибутовича, который съ увлеченіемъ приступилъ къ возложенной на него задачѣ. „Поляки никогда не покинутъ Чеховъ, повторялъ онъ, потому что они одинаковаго съ ними происхожденія и языкъ у нихъ общій.“ Нужно ли говорить насколько всѣ эти событія ухудшили и безъ того уже незавидное положеніе Германской имперіи? Она не могла справиться и съ

одними Чехами, а теперь Чехи грозили выступить противъ насъ въ союзъ съ Польшей и Литвой.

Задумавъ свой грандіозный планъ, Витовъ одѣлалъ одну важную ошибку,—онъ не имѣлъ повидимому точнаго понятія о положеніи партій въ Чехіи и не предвидѣлъ въ какія отношенія онъ стаетъ къ Корибуту. Въ началѣ приѣмъ сдѣланный этому намѣстнику Литовскаго князя былъ самый радушный, но не прошло много времени какъ онъ очутился среди безвыходныхъ затрудненій. Дѣло въ томъ что разладъ между гусситами усилился болѣе чѣмъ когда-нибудь; умѣренная партія съ негодованіемъ видѣла что даже въ Прагѣ, служившей главнымъ ея оплотомъ, одерживаютъ верхъ демократическія тѣсенціи. Власть перешла тамъ въ руки человека принадлежавшаго нѣкогда къ духовному званію—Іоанна изъ Желива. За недостаткомъ свѣдѣній, говорить г. Дени, трудно судить въ чемъ состояла его программа, но повидимому онъ почти цѣлкомъ заимствовалъ ее у таборитовъ. Онъ не пытался какъ-то осуществить въ Прагѣ идеи коммунистическаго устройства, но все показываетъ что цѣлью его было сосредоточить въ рукахъ мелкихъ людей управленіе городомъ, всегда считавшееся достояніемъ зажиточнаго мѣщанства. Іоаннъ былъ виновникомъ того что вліяніе на дѣла перешло къ собранію въ которомъ рабочій людъ Нового Мѣста пользовался преобладающимъ голосомъ и парализовалъ дѣятельность богатыхъ торговцевъ Старого Мѣста. Человекъ предприимчивый, не скрывавшій что все его симпатіи на сторонѣ низшихъ слоевъ общества, готовый жертвовать собою, но вмѣстѣ съ тѣмъ далеко не чуждый личнаго честолюбія; краснорѣчивый и умѣвшій производить впечатлѣніе на толпу, онъ распорядился всѣмъ, хотя не занималъ никакой опредѣленной должности. Всѣ серьезныя и зажиточныя люди находились въ смущеніи, говорить лѣтописецъ. У того же лѣтописца встрѣчается слѣдующее воззваніе къ Прагѣ: „О, благородный городъ, въ прежнее время не чернь управляла тобой; теперь же граждане наиболѣе именитые своимъ происхожденіемъ, богатствомъ и добродѣтелями или устранины отъ дѣлъ, или осуждены на изгнаніе; портные, башмачники наполняютъ городской совѣтъ и не мало въ немъ даже иностранцевъ, а также крестьянъ собравшихся неизвестно откуда.“ Въ первое время всѣ партіи обнаруживали одинаковое намѣреніе поддерживать Корибута, и Жижка обратился даже по этому

приводу съ весьма краснорѣчивымъ увѣщаніемъ къ своимъ приверженцамъ, но продолжалось это не долго. Корибуту надлежало сдѣлать выборъ: не обладая качествами необходимыми для того чтобы господствовать надъ партіями, онъ долженъ былъ присоединиться къ какой-либо изъ нихъ, и весьма естественно что задумалъ искать опоры въ партіи которую руководило дворянство и вообще высшіе классы общества. Уполномоченный Витовтомъ отнюдь не желалъ быть поборникомъ идей таборитовъ, но какъ только это обнаружилось, табориты стали въ непріязненныя къ нему отношенія. Жижка началъ тѣмъ что отдался отъ него, а потомъ уже вовсе не скрывалъ своей къ нему вражды. Съ другой стороны пала Мартинъ V и императоръ Сигизмундъ не щадили усилій чтобы порвать связь которая установилась между Польско-Литовскимъ государствомъ и Богеміей; чтобы достигнуть этой цѣли, они обѣщались даже оказывать поддержку нѣмецкимъ рыцарямъ. Быть-можетъ Витовтъ упорствовалъ бы въ своихъ планахъ еслибъ извѣстія изъ Праги не производили на него тягостнаго впечатлѣнія. Онъ убѣждался все болѣе что при раздорѣ существовавшихъ тамъ партій Корибуту не удастся утвердить свою власть. Слѣдствіемъ всего этого было сближеніе между Сигизмундомъ, Ягайло и Витовтомъ. Въ мартѣ 1423 года происходило свиданіе между ними, на которомъ они уладили свои несогласія; гусситы привезены были въ жертву; Витовтъ отозвалъ Корибута и писалъ имъ что не было другаго намѣренія какъ возвратить ихъ въ лоно католической церкви, что такъ какъ намѣреніе это рушилось вслѣдствіе ихъ упорства, то онъ предоставляетъ ихъ на произволъ судьбы, не желаетъ ради ихъ навлечь на себя вражду всего христіанскаго міра, но что если вздумаютъ они раскаяться въ своихъ заблужденіяхъ, то онъ предлагаетъ имъ свое посредничество для примиренія съ Римомъ. Настоящіе же отношенія польско-литовскаго правительства къ гусситамъ выразились въ томъ что всѣмъ Полякамъ проживавшимъ въ Богеміи было приказано немедленно выѣхать изъ этой страны, всякій возвращавшійся оттуда подвергался строгому допросу въ трибуналѣ инквизиціи, чешскія книги были безусловно запрещены, и какъ профессора, такъ и студенты Краковскаго университета получили приказаніе торжественно отречься отъ всякаго сочувствія къ ученію Гусса-

Авторъ разбираемой нами книги справедливо придаетъ весьма важное значеніе этому эпизоду въ исторіи гусситства. „Одно время, говоритъ онъ, гусситы могли не безъ основанія надѣяться что, вступивъ въ союзъ съ Польшей и Литвой, они будутъ въ состояніи образовать могущественное славянское государство, но искусство Римскаго двора, разочарованіе Витовта, особенно же ловкій образъ дѣйствій польскихъ епископовъ и польскаго дворянства разрушили, эти надежды. Это былъ критическій моментъ не только въ исторіи гусситства, но также и въ исторіи Польши. Польша окончательно отстранила отъ себя православныхъ Славянъ, которые могли бы быть естественными ея союзниками; съ тѣхъ поръ поставленная между Германіей, чуждою ей по національности, и восточными Славянами, чуждыми ей по религіознымъ вѣрованіямъ, она оставалась изолированной и беспомощною и ни испытанная въ бояхъ храбрость ея дворянства, ни личныя достоинства нѣкоторыхъ изъ ея королей не могли восторжествовать надъ опасностями положенія добровольно созданнаго ею для себя. Не слѣдуетъ забывать что она была главною виновницею тѣхъ успѣховъ которыми ознаменовалось наступательное движеніе Нѣмцевъ противъ славянскихъ племенъ.“ Въ этихъ словахъ выражена неоспоримая истина, но мы прибавимъ къ нимъ отъ себя что Польша выступила на путь долженствовавшій привести ее къ гибели съ той минуты какъ она приняла католицизмъ и тѣсно связала свои судьбы съ судьбами западной Европы. Трудно сказать произошла ли бы коренная для нея перемѣна еслибы восторжествовалъ планъ Витовта о соединеніи церквей посредствомъ гусситства; послѣдствія его могли бы быть благотворны въ томъ только случаѣ, еслибы гусситство, у котораго, какъ предполагаютъ у насъ многіе, были точки соприкосновенія съ православіемъ, привело ее къ восточной церкви. Но случилось ли бы именно такъ? Тутъ нужно довольствоваться лишь предположеніями, тѣмъ болѣе шаткими что и планъ Витовта не выяснился достаточно определенно.

Неудачный исходъ сношеній съ Польшей еще усилилъ распрю въ средѣ гусситовъ. Съ этой минуты они представляютъ собою въ полномъ смыслѣ слова два враждебные лагера. Партія которую называютъ обыкновенно умѣренною, партія руководимая лицами высшихъ классовъ общества

напрягала всѣ усилія чтобъ упрочить за собою власть и не останавливалась для этого предъ отчаянными средствами. Еще при Корибутѣ удалось ей произвести переворотъ, вслѣдствіе коего управляеміе Прагой перешло въ ея руки: Иоаннъ, о которомъ упоминали выше, былъ приглашенъ въ городскую совѣтъ, но встрѣтилъ тамъ лишь своихъ враговъ, которые позвали палача и приказали отрубить ему голову. Умѣренная партія слѣдила организовать; она искала вождя и за неимѣніемъ лучшаго обратилась къ Сигизмунду, съ которымъ начались у нея дѣятельные переговоры. Если таковоъ былъ ея образъ дѣйствій, то Жижка со своей стороны не допускалъ и мысли даже о малѣйшей уступкѣ изъ тѣхъ требованій которыя составляли программу таборитовъ: на короля Сигизмунда нечего надѣяться, говорилъ онъ, ибо король достаточно обнаружилъ свое коварство; бессмысленно рассчитывать и на возможность соглашенія съ Римскою куріей, ибо никогда не признаетъ она то что составляло сущность гусситства; всѣ подобныя попытки равносильны измѣнѣ и каждый честный патріотъ обязанъ энергически противиться имъ. Отсюда недалеко было до междоусобія и междоусобіе дѣйствительно возгорѣлось. Жижка выступилъ противъ своихъ противниковъ; этотъ „ангелъ-истребитель“, какъ величали его въ его собственномъ лагерѣ, прошелъ по нѣсколькимъ провинціямъ, оставляя позади себя слѣды разрушенія и крови; до сихъ поръ еще сохранились среди Чеховъ легенды о его безчеловѣчныхъ подвигахъ. Онъ полагалъ что этотъ страшный урокъ подѣйствуетъ на враждебную ему партію, но ярость его пробудилась съ новою силой когда онъ убѣдился что противники таборитовъ отнюдь не отказались отъ своихъ замысловъ. Разочаровавшись въ своихъ надеждахъ на короля Сигизмунда, они рѣшились сгруппироваться вокругъ другаго вождя: то былъ Корибутъ, тотъ самый Корибутъ который не задолго предъ симъ вынужденъ былъ покинуть Богемію. Въ 1424 году явился онъ въ Прагу и привѣтъ былъ тамъ съ большимъ торжествомъ, хотя положеніе его отнюдь не было столь завидно какъ прежде. Въ 1422 году власть его была признана сеймомъ, вмѣщавшимъ въ себѣ представителей всего народа; онъ носилъ титулъ намѣстника великаго князя Литовскаго, теперь же онъ былъ не болѣе какъ представителемъ извѣстной партіи и Витовтъ отрекался отъ всякой солидарности съ нимъ. „Духъ нашъ удрученъ тяжкою

скорбью, писалъ Витовтъ герцогу Померанскому, сердце наше надорвано слезами и рыданиями. Легче было бы намъ подвергнуться нападению со стороны явнаго врага чѣмъ со стороны Корибута, котораго мы привыкли считать какъ бы своимъ сыномъ. Призываю въ свидѣтели Бога, читающаго въ сердцахъ людей и отъ взора коего ничто не скрыто, что не съ нашего согласія и не по нашему совѣту Корибуть отважился на столь нечестивое и ужасное дѣло.“ Какова бы ни была роль Витовта въ этомъ дѣлѣ, все-таки Корибуту сильно вредило то обстоятельство что онъ не могъ открыто сомѣлаться на поддержку со стороны своего могущественнаго родственника. Табориты рѣшительно не хотѣли слышать о немъ. Жижка двинулся противъ Праги, осадилъ ее и клялся разрушить этотъ „новый Вавилонъ“. Смятеніе и ужасъ распространились въ городѣ. Не разчитывая на успѣхъ обороны, жители старались умиловить страшнаго вождя и послали для переговоровъ съ нимъ Рокицану, который впервые среди этихъ критическихъ обстоятельствъ играетъ видную роль. Онъ такъ искусно выполнялъ ее что Жижка отступилъ отъ Праги; чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, вождь таборитовъ сомель въ могилу похищенный заразительною болѣзью свирѣпствовавшей тогда въ Богеміи.

Смерть Жижки имѣла весьма важныя послѣдствія и прежде всего для его собственной партіи. Эта партія заключала въ себѣ не мало разнородныхъ элементовъ которые были сдерживаемы лишь энергическою волей суроваго полководца; теперь наступаетъ разложеніе въ ея средѣ, которое съ теченіемъ времени будетъ все болѣе усиливаться. Возникаетъ новая партія такъ-называемыхъ „сиротъ“, которая дѣйствуетъ въ тѣсной связи съ таборитами, но соприкасается съ нею главнымъ образомъ своими социальными и политическими стремленіями, своими требованіями полнаго равенства, тогда какъ относительно религіозныхъ вѣрованій она склоняется скорѣе на сторону утраквистовъ. Вообще же 1424 годъ—годъ смерти Жижки—былъ критическимъ годомъ для таборитовъ. Чума свирѣпствовала въ городахъ и селахъ, а чума эта была слѣдствіемъ крайней нищеты. Цѣлый рядъ войнъ не могъ не подорвать благосостоянія народонаселенія; много возросло до неслыханныхъ прежде размѣровъ; крестьяне были непрерывно отрываемы отъ работъ требованіями военной службы, а тѣ которые оставались дома съ отчаяніемъ видѣли что всѣ

труды съ пропадали даромъ, ибо тамъ гдѣ проходили всѣска бесполезно было и помышлять объ уборкѣ хлѣба. Очень понятно что эти дѣйствія порождали сильное разочарованіе въ народъ, которому его вожди вмѣстѣ съ проповѣдью Евангелія тоаковали о полномъ равенствѣ, обольщали его картиною такого общественнаго устройства при которомъ исчезнетъ разиціе между богатыми и бѣдными. „Въ началѣ борьбы, говоритъ одинъ историкъ, явились люди возвѣщавшіе конецъ всѣмъ лишеніямъ, всѣмъ страданіямъ, освобожденіе отъ всѣхъ удручающихъ человѣчество золъ. Но какъ далека была дѣйствительность отъ этихъ обманчивыхъ мечтаній! Тѣ же самые которые провозглашали когда-то что не слѣдуетъ платить десятину доховенству и подати помѣщикамъ требовали теперь и подати, и десятину; тѣ же самые которые вопили что все имущество должно быть общимъ устраняли теперь своихъ собратьевъ отъ дѣлежя; они обѣщали бѣднымъ и угнетеннымъ невозбранное пользованіе лѣсами, всадами, полями и всякими угодыми, и ничто однако не измѣнилось сравнительно съ прежнимъ.“

Но какъ ни тягостно было положеніе Чеховъ, именно въ эту минуту когда, по словамъ автора разбираемой нами книги, угрожала странѣ такая же анархія въ какой находилась Германія, они проявили еще разъ необычайное одушевленіе и энергію. То была послѣдняя вспышка, почти затмившая по своему геройству даже то что было совершенно ими прежде.

V.

Вождемъ народа во второмъ періодѣ гусситскихъ войнъ является Проколъ, котораго называютъ обыкновенно Проколомъ Великимъ, въ отиачіе! отъ его соименника Прокола Малаго, бывшаго предводителемъ партіи „сиротъ“. Подобно Николаю изъ Гусеницъ и Жижкѣ онъ принадлежалъ по происхожденію къ мелкому дворянству; въ молодости много путешествовалъ, посѣтилъ нѣсколько европейскихъ государствъ, былъ въ Иерусалимѣ, а по возвращеніи на родину вступилъ въ духовное званіе. Это не помѣшало ему по смерти Жижки стать во главѣ таборитовъ. На новомъ поприщѣ Проколъ обнаружилъ замѣчательные таланты, хотя вообще относительно военнаго генія уступалъ своему предшествен-

ваку и къ тому же задача его была легче,—ему нечего было заботиться объ устройствѣ арміи: армія была готова, испытана въ бояхъ и снабжена всѣмъ необходимымъ. Во всякомъ случаѣ мы видимъ въ немъ чрезвычайно способнаго полководца, которому Чехи обязаны были цѣлымъ рядомъ блестящихъ своихъ подвиговъ.

Характеристика Прокола въ книгѣ г. Эрнеста Деки какъ вельза болѣе удачна. Отличительною чертой этого вождя, говоритъ авторъ, служить то что онъ велъ войну противъ воли. Постоянно и страстно преслѣдовалъ онъ одну завѣтную цѣль — заключить миръ, но такой миръ который обезпечилъ бы Чехамъ право самостоятельнаго устройства ихъ собственныхъ дѣлъ. Для этого, по твердому его убѣжденію, представлялось только одно средство—вмѣсто оборонительной вести наступательную войну. Чехи мужественно защищались отъ нападений но это не пораждало никакихъ положительныхъ для нихъ результатовъ; противники отступали, собирались съ новыми силами и опять начинали угрожать странѣ. Еслибы продолжалось такое положеніе дѣлъ, то послѣдствія его были бы самыя гибельныя для Чеховъ, несмотря на все ихъ геройство. Надлежало разомъ покончить дѣло, надо было перенести войну въ предѣлы самихъ враговъ, распространить тамъ смутеніе и ужасъ, предписать миръ въ которомъ отказывали гусситамъ.

Событія доказали что Проколъ былъ вполне способенъ выполнить первую часть этой задачи. Онъ могъ дать войнѣ такой оборотъ что Германія, по выраженію автора разбираемой нами книги, „испустила наконецъ болѣзненный вопль и трелетная, изнеможенная готова была преклониться предъ еретиками“. Труднѣе былъ вопросъ о мирѣ. Тутъ выступала на сцену партія и самъ Проколъ былъ не болѣе какъ чело-вѣкомъ одной изъ этихъ партій. По убѣжденіямъ своимъ онъ принадлежалъ къ самой крайней изъ нихъ. Онъ не только не хотѣлъ дѣйствовать въ согласіи съ дворянствомъ и зажиточнымъ мѣщанскимъ сословіемъ, но всѣ его помыслы были обращены на то чтобъ утвердить въ Богеміи вполнѣ демократическое устройство. Онъ предвидѣлъ что встрѣтитъ при этомъ энергическое сопротивленіе со стороны высшихъ классовъ общества и чтобы преодолѣть его рассчитывалъ преимущественно на войско. Такимъ образомъ война—вотъ что лежало въ основѣ всѣхъ плановъ этого человѣка,

поглощеннаго, какъ говоритъ г. Эрнестъ Дени, мыслью о мирѣ—война за предѣлами Богеміи и война внутри ея.

Вотъ почему умѣренная партія относилась далеко не сочувственно къ отважнымъ планамъ Прокопа. Она также желала мира, но на совершенно другихъ условіяхъ чѣмъ предводитель таборитовъ. Впрочемъ въ средѣ ея господствовало глубокое разединеніе: одна часть, составлявшая меньшинство, готова была отказаться отъ многого что составляло сущность ученія Гусса; сюда принадлежали всѣ тѣ которые принимали это ученіе скорѣе увлеченные общимъ потокомъ чѣмъ по глубокому убѣжденію, всѣ тѣ которые тяготились порядкомъ вещей выбившимъ ихъ изъ обычной колеи и жаждавшихъ мира во что бы то ни стало и на какихъ бы то ни было условіяхъ. Именно во главѣ ихъ и занялъ мѣсто Корибутъ. Онъ разчитывалъ что если удастся ему соединить вокругъ себя это меньшинство и ту часть общества которая осталась вѣрна палской власти, то онъ будетъ располагать силами вполне достаточными для успѣха. Онъ отправилъ къ папѣ Мартину V письмо, въ которомъ убѣждалъ его принять Богемію въ лоно католической церкви; „гусситъ и революціонеръ не по собственному выбору, а по стеченію обстоятельствъ“; говоритъ о немъ г. Э. Дени, онъ отнюдь не считалъ церковную реформу своимъ кровнымъ дѣломъ и утѣшалъ себя мыслью что измученные борьбой Чехи пойдутъ охотно на всякую сдѣлку.

Но не такъ думала партія чашниковъ вообще, представителемъ коей въ описываемое время былъ Рокицана. Авторъ разбираемой нами книги произноситъ слѣдующій приговоръ объ этой замѣчательной личности: „О Рокицанѣ существуетъ много различныхъ мнѣній; если всѣ историки одинаково отдають справедливость его блестящимъ способностямъ и уму, то нѣкоторые изъ нихъ видятъ въ немъ лишь честолюбца, пожертвовавшаго интересами своей партіи чтобы сдѣлаться архіепископомъ Пражскимъ, а другіе, не отрицая его ошибокъ, не сомнѣваются въ его искренности. Въ сущности Рокицана никогда не отступалъ отъ главныхъ основаній ученія Гусса и краснорѣчіе, энергія, твердость съ которыми онъ защищалъ ихъ, мужество обнаруженное имъ когда онъ поплатился за свои мнѣнія гоненіями и ссылкой, наконецъ ожесточенная ненависть къ нему католическаго духовенства—все это показываетъ что утраквисты имѣли въ немъ достой-

наго вождя. Ошибка его заключалась лишь въ томъ что онъ считалъ себя необходимымъ: ему казалось что только онъ одинъ способенъ отстоять Чешскую церковь отъ притязаній лалской власти и вмѣстѣ съ тѣмъ обуздать радикаловъ. Такимъ образомъ онъ смѣшивалъ интересы гусситства со своими собственными интересами и былъ убѣжденъ что, заботясь о своемъ личномъ возвышеніи, трудится вмѣстѣ съ тѣмъ для общаго дѣла. Онъ не приносилъ въ жертву убѣжденій честолюбію, но до такой степени смѣшивалъ ихъ что нельзя сказать чего онъ желалъ болѣе: торжества гусситства или того чтобы быть архіепископомъ Праги. Рокицана поставилъ себѣ задачей держаться буквально четырехъ пунктовъ относительно которыхъ было нѣкогда соглашеніе между утраквистами и таборитами; * онъ не отступалъ отъ нихъ ни на шагъ; въ нихъ видѣлъ онъ всю сущность гусситства, не понимая что это значило истолковывать его въ слишкомъ тѣсномъ смыслѣ. Онъ былъ искренній патріотъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ изворотливый и тонкій дипломатъ. *Nic multis placuit, placeat tibi rector Olupri*, гласитъ надпись на его гробницѣ. Дѣйствительно, онъ угождалъ или по крайней мѣрѣ желалъ угождать многимъ; исторія не считаетъ его измѣнникомъ, но не отводитъ ему мѣста въ ряду героев.“ Рокицанѣ не трудно было восторжествовать надъ партіей которая шла за Корибутомъ и готова была почти безусловно подчиниться лалской власти; онъ открыто, въ проповѣди, заклеимилъ ея замыслы и призывалъ народъ воспрепятствовать имъ; въ Прагѣ произошли смуты; Корибутъ былъ схваченъ и посаженъ подъ арестъ. Съ этой минуты кончается его историческая роль.

Рокицанѣ хотѣлось бы именно въ это время приступить къ осуществленію своего плана, то-есть посредствомъ переговоровъ вырвать у Римской куріи согласіе на полную автономію Чешской церкви и онъ вовсе не раздѣлялъ воинственнаго одушевленія Прокола, но если Проколу удалось соблазнить другой оборотъ событіямъ и соединить всѣхъ гусситовъ для отчаянной борьбы, то причиною этого была Германія. Въ 1427 году вознамѣрилась она снова испробовать свои силы въ крестовомъ походѣ противъ Чеховъ. Душою его былъ лалскій легатъ кардиналъ Винчестеръ, котораго изобразилъ Шекспиръ въ одной изъ своихъ хроникъ. Никогда

* Объ этихъ четырехъ пунктахъ сказано нами выше.

еще нѣмецкое войско не было такъ многочисленно какъ въ этотъ разъ. Серюзная опасность угрожала Чехамъ и по обыкновенію заставила ихъ забыть свои раздоры. „Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль сряду, говоритъ одинъ историкъ, проходила черезъ Прагу полчища таборитовъ и сиротъ; горожане не безъ страха смотрѣли на этихъ воиновъ, но до такой степени одно чувство—ненависть ко врагу—поглощало и тѣхъ и другихъ что все обошлось благополучно: не было ни ссоръ, ни безпорядковъ.“ Крестовый походъ Нѣмцевъ опять—таки кончился тяжкимъ для нихъ пораженіемъ и Проколь воспользовался этою минутою торжества чтобы перенести войну въ сосѣднія съ Богеміей страны. Такъ сильно было общее одушевленіе что онъ съ увѣренностію рассчитывалъ на громадный успѣхъ и надежды не обманули его. Съ 1428 года начинается наступательное движеніе Чеховъ, которое покрыло ихъ славой. Мы не можемъ разказывать о немъ здѣсь подробно, не будемъ слѣдить за подвигами гусситовъ въ Австріи, Силезіи, Баваріи, Тюрингіи, Франконіи, Саксоніи и въ другихъ даже болѣе отдаленныхъ областяхъ, но подвиги эти были таковы что долго потомъ одно воспоминаніе о нихъ приводило въ трепетъ Нѣмцевъ. Въ виду какой-нибудь бѣды они говорили: „ужь лучше это чѣмъ нашествіе гусситовъ“. Паническій страхъ охватилъ не только народонаселеніе, но и войска; достаточно было распространиться слуху о приближеніи Проккола чтобы всѣ помышляли не объ оборонѣ, а лишь о спасеніи. Вотъ на примѣръ характеристическое описаніе битвы при Домажацѣ, битвы сопровождавшейся одною изъ наиболѣе блестящихъ побѣдъ Чеховъ—которое мы находимъ у автора разбираемой нами книги: „Въ срединѣ дня 14го августа 1431 года замѣчено было въ нѣмецкомъ лагерѣ приближеніе гусситовъ; они были еще на цѣлую милю разстоянія, но уже слышался скрилъ ихъ телѣгъ и по временамъ вѣтеръ доносилъ звуки ихъ воинственныхъ гимновъ. Кардиналъ Юліанъ (замѣстившій Винчестера) взобрался на холмъ откуда можно было обозрѣть окрестность, а маркграфъ Бранденбургскій приказалъ одной части своихъ войскъ отодвинуться къ высотамъ находившимся нѣсколько позади ихъ. Лишь только началось это передвиженіе, остальные войска увидѣли въ немъ измѣну, безумный страхъ овладѣлъ ими, полки напугаютъ одинъ на другой, солдаты бросаютъ оружіе и бѣгутъ. Тщетно началь-

вики стараются обуздать ихъ, никто ихъ не слушаетъ и они сами увлечены толпой. Беспорядокъ еще усиливается при входѣ въ ущелье,—это настоящій хаосъ, сцены невыразимаго ужаса и смятенія. Изъ 4.000 повозокъ успѣли спасти не болѣе 300; всѣ остальные были захвачены побѣдителемъ, а также множество лушекъ, ружей, всякаго рода припасовъ и снарядовъ. Кардиналъ-легатъ потерялъ въ этой суматохѣ свою красную мантию и палскую булаву, которою всѣ върующіе призывались ополчиться противъ еретиковъ... „Мы упомянули здѣсь лишь объ одномъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ эпизодовъ войны, но и при другихъ встрѣчахъ между противниками повторялось то же самое. Гусситы давали жестоко чувствовать свое превосходство: они вели истребительную войну въ настоящемъ смыслѣ слова, цѣлые города были сожигаемы и разрушаемы ими. Среди этихъ бѣдствій Нѣмцы проникались мыслью что развѣ чудо можетъ спасти ихъ; распространился слухъ будто Іоанна д'Аркъ хотѣла придти къ нимъ на помощь и обратилась къ гусситамъ съ письмомъ слѣдующаго содержанія: „Думаете ли вы остаться безнаказанными? Развѣ вы не понимаете что если Богъ не остановилъ до сихъ поръ ваши нечестивыя усилія, то это потому что Онъ приготовляетъ для васъ кару тѣмъ болѣе суровую чѣмъ болѣе вы будете предаваться святотатственнымъ неистовствамъ? Говорю вамъ что еслибы не была я занята войною съ Англичанами, то давно уже выступила бы противъ васъ; но если вы не раскаяетесь, то, поразивъ Англичанъ, направлю противъ васъ оружіе чтобъ уничтожить ваше упорное и безсмысленное суевѣріе, вырвать изъ васъ жизнь или заставить васъ отказаться отъ ереси.“ Письмо признано теперь подложнымъ, но оно ходило тогда по рукамъ, въ него вѣрили, полагались на содержавшіяся въ немъ обѣщанія, и уже одно это свидѣтельствуетъ о настроеніи умовъ въ Германіи.

Настроеніе это было таково что сами враги Чеховъ заговорили о мирѣ. Они убѣдились наконецъ въ невозможности подавить этотъ народъ силою и рѣшились испробовать путь взаимнаго соглашенія и уступокъ. Да и чтò же другое оставалось имъ? На кого и на чтò могли бы они разчитывать для продолженія борьбы, не приносившей имъ ничего кромѣ тяжкихъ пораженій?

На императора Сигизмунда? Событія доказали какъ мало можно было полагаться на его заявленія и обѣщанія. Съ

годами и подъ вліяніемъ неудачъ въ характерѣ его, а же и прежде не отличавшемся особенными достоинствами, произошла рѣзкая перемена къ худшему и лично онъ не внушалъ никому довѣрія. Но быть-можетъ имперія ложимо своего главы имѣла достаточно силъ чтобы преодолѣть прелатства? Никто не предавался этому самообольщенію. Безсиліе Германіи обнаружилось въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ. Затѣмъ, позволительно ли было надѣяться что духовенство положить конецъ страшной смутѣ, вызванной прежде всего бѣдственнымъ положеніемъ церкви? Но сами представители этого духовенства заявляли что подобная задача ему не по силамъ. „Нужно найти лѣкарство и какъ можно скорѣе, писалъ изъ Германіи кардиналь-легатъ Юліанъ; только мысль о предстоящемъ соборѣ удерживаетъ народонаселеніе сосѣднихъ съ Богеміей областей присоединиться къ еретикамъ.“ „Здѣшнее духовенство, говорилъ онъ въ другомъ письмѣ, находится въ совершенномъ разложеніи, что и служитъ причиною крайняго раздраженія противъ него мірянъ; слѣдуетъ опасаться что если оно не измѣнитъ свой бытъ и свои нравы, то народъ подобно гусситамъ совершенно отшатнется отъ него.“ Если рѣчь заходила не о Германіи только, но вообще о Европѣ, то и Европа была не въ состояніи помочь дѣлу. Вопервыхъ, какъ соединить европейскія государства для общей дѣлы, а затѣмъ развѣ въ предѣлахъ ихъ не обнаруживались тоже зловѣщіе признаки? Манифесты гусситовъ проникали повсюду. Г. Эрвастъ Дени разказываетъ довольно подробно о томъ что происходило, вопримѣръ, подъ вліяніемъ ихъ во Франціи: въ Бургундіи возмущенія крестьянъ слѣдовали одно за другимъ; „мятежники, по словамъ лѣтописца, утверждали что достаточно было бы двухъ священниковъ для цѣлой области и вообще выражали такія требованія что еслибы эта ересь не была подавлена казнями, то въ связи съ чешскимъ нечестіемъ она породила бы много зла“; въ Дофинѣ толпы народа искавши себѣ прибѣжища въ горахъ явно исповѣдывали гусситскія вѣрованія и собирая складчиной деньги посылали ихъ Чехамъ; епископъ Аррасскій писалъ что „съ необычайными усиліями охраняетъ онъ свою паству отъ гусситской ереси, которая очень распространяется въ его епархіи.“ То же самое происходило въ Италиі и Испаніи. По общему убѣжденію продолжать борьбу при такихъ обстоятельствахъ зна-

чело бы навлечь на католическое общество неисчислимыя бѣдствія, и вотъ почему со всѣхъ сторонъ раздавались вопли о мирѣ, о мирѣ во что бы то ни стало. Вся западная Европа жаждала его и сама папская власть была убѣждена что только въ мирѣ заключается для нея спасеніе. „Она рѣшилась, говорить г. Дени, на громадную, несмысленную до тѣхъ поръ уступку—вступить въ переговоры съ еретиками, тогда какъ еще недавно заявляла что никакое соглашеніе невозможно и требовала безусловной покорности.“

VI.

Преемникъ палы Мартина, Евгений IV, назначилъ кардинала Юліана Цезарина председателемъ собора который долженъ былъ собраться въ Базель. Приглашительныя письма получены были въ Богеміи въ послѣднихъ числахъ 1431 года и по поводу ихъ начались переговоры между вліятельнѣйшими изъ гусситовъ и посланцами кардинала Юліана. Гусситы заявляли слѣдующія требованія: чтобы на соборѣ предоставляемо было имъ свободно выражать свои мнѣнія всакій разъ когда они сочтутъ это нужнымъ; чтобы не приступаемо было къ обсужденію никакого другаго вопроса прежде чѣмъ будетъ рѣшенъ тотъ въ которомъ они непосредственно заинтересованы; чтобы предоставляемо было имъ почетное мѣсто; чтобы предназначенныя для нихъ охранныя письма не могли быть отмѣнены никакимъ декретомъ, постановленіемъ или буллою; чтобы при разсмотрѣніи извѣстныхъ „четырехъ пунктовъ“ соборъ руководствовался Евангеліемъ, посланіями апостоловъ, а также тѣми соборными постановленіями и словами отцовъ церкви которыя основаны исключительно на Евангеліи; чтобы можно было безпрепятственно изобличать всѣ злоупотребленія; чтобы гусситы во время пребыванія своего въ Базель имѣли право безпрепятственно совершать богослуженіе въ своихъ жилищахъ и чтобы въ городѣ не допускались никакія непотребства оскорбляющія христіанскую нравственность. Всѣ эти требованія были уважены, но до какой степени охотно видно изъ того что переговоры длились очень долго и что лишь годъ спустя послѣ начатія ихъ гусситы приступили къ выбору своихъ уполномоченныхъ. Между этими уполномочен-

ными находились: Рокицана, Проколь Великій, Вильгельмъ Костка изъ Постулицъ, Николаа изъ Пельгримова, Петръ Пайнъ и др., всего около пятидесяти человекъ. Въ январѣ 1433 года прибыли они въ Базель, гдѣ прелаты постарались оказать имъ самый радушный пріемъ. Лишь только разнесся слухъ что пришло отправленное за ними судно, какъ вся набережная покрылась толпами любознательныхъ. „Въ публикѣ, разказываетъ Эней Сильвій, который самъ былъ вѣроятно между зрителями, находилось не мало и членовъ высшаго духовенства, желавшихъ поскорѣ увидѣть представителей столь воинственной націи. Мушны, женщины, дѣти, люди всякаго возраста и званія тѣснились на улицахъ и даже взбирались на крыши домовъ. Особенно Проколь привлекалъ общее вниманіе: вотъ человекъ, слышалось со всѣхъ сторонъ, который нанесъ поражение столькимъ арміямъ, разрушилъ столько городовъ, истребилъ столько народа, человекъ одинаково грозный и для соотечественниковъ, и для враговъ, вождь непобѣдимый, неутомимый, предприимчивый и храбрый.“

Кардиналъ Юліанъ и его сотрудники видимо заботились о томъ чтобы произвести самое благопріятное впечатлѣніе на гусситовъ. Все было дѣлаемо съ этою цѣлью. Строгія мѣры были приняты противъ нарушителей общественнаго порядка, запрещены игры и танцы, непотребнымъ женщинамъ не позволялось показываться на улицахъ. Гусситы такъ энергически и такъ основательно клеймили раслуцненность католическаго духовенства, что и съ этой стороны старались выказаться предъ ними въ наиболѣе благопріятномъ свѣтѣ: священникамъ было внушено строго исполнять свои обязанности и вести безупречный образъ жизни. Во всемъ этомъ было однако очень мало искренности. Соборъ съ самаго начала постановилъ себѣ задачею не дѣлать никакихъ существенныхъ уступокъ гусситамъ, а лапа шель даже далѣе: согласившись на совмѣстное съ ними обсужденіе спорныхъ вопросовъ, онъ вдругъ отмѣнилъ свое рѣшеніе, приказавъ собору разойтись и не состоялось это только потому что прелаты заявили твердую готовность продолжать начатое дѣло помимо папской воли. Они ловили однако всѣ невыгоды подобнаго образа дѣйствій. Гусситы могли возразить имъ: вы хотите чтобы мы преклонились предъ авторитетомъ Римской церкви, но развѣ папа не высшій предста-

итель этого авторитета? Развѣ не повинуюсь его приказаніямъ вы не должны считать самихъ себя такими же еретиками какими считаете насъ? Чтò было отвѣчать на такіе вопросы? Положеніе собора становилось въ высшей степени затруднительнымъ, и чтобы выдти изъ него онъ прибѣгнулъ къ угрозамъ противъ палы, что не задумается его низложить. Евгений IV уступилъ, но этотъ эпизодъ не предвѣщалъ ничего хорошаго въ будущемъ.

Мы не будемъ вдаваться въ подробности о ходѣ совѣщаній на Базельскомъ соборѣ, въ которыхъ гусситы выказывали себя съ весьма выгодной стороны, доказавъ что они умѣли также хорошо владѣть словомъ какъ и оружіемъ. Въ рядахъ ихъ противниковъ были люди извѣстные своею ученостію и краснорѣчіемъ, но гусситы не уступали никому изъ нихъ. „Еще и теперь, говорить г. Э. Дени, нельзя пересчитывать безъ нѣкотораго удивленія рѣчи чешскихъ ораторовъ. Конечно, онѣ отличаются прежними схоластическими приемами—множествомъ подраздѣленій, безконечными повтореніями, длиннотами, изысканностью аргументаціи; все это утомляетъ читателя, непривычнаго къ богословскимъ словопреніямъ, но если оставить въ сторонѣ несовершенство формъ условливаемаго тогдашнею эпохой, то невольно удивляешься таланту и учености гусситовъ. Рѣчи ихъ смѣло выдерживаютъ сравненіе съ произведеніями Жерсона, * а если сопоставить ихъ съ замѣчательнѣйшими диспутами происходившими въ XVI вѣкѣ, напримѣръ съ лейпцигскимъ диспутомъ Лютера и Экка, то чешскіе реформаторы и тутъ выступать въ весьма выгодномъ для себя свѣтѣ. Сильнѣе своими пристрастными приговорами ввелъ въ заблужденіе многихъ историковъ; несомнѣнно что на Констанцскомъ соборѣ гусситство было защищено гораздо искуснѣе чѣмъ католицизмъ.“ Засѣданія собора длились уже болѣе трехъ мѣсяцевъ и все-таки не сдѣлано было ни одного шага впередъ; обѣ партіи были столь же далеки отъ соглашенія какъ въ первый день; раздоръ между ними даже усилился. Соборъ пред-

* Іоаннъ Жерсонъ, Петръ д'Айли и Николай Клеманжисъ, знаменитые профессора Парижскаго университета, считались свѣтланами церкви (*Luminaria ecclesiae*). Двое первыхъ изъ нихъ засѣдали на Констанцскомъ соборѣ и были главными виновниками осужденія Гусса.

ложилъ наконецъ выбрать изъ своей среды депутатовъ которые отправились бы въ Прагу и вступили бы въ переговоры непосредственно съ тамошнимъ сеймомъ. Съ перваго взгляда подобное предложеніе казалось очень страннымъ: въ Базелѣ находились ученѣйшіе и вліятельнѣйшіе представители гусситства, и если дѣло не могло быть улажено съ ними, то не было кажется причины ожидать лучшаго успѣха когда примутъ въ немъ участіе всѣ чешскіе чины,—но соборъ преслѣдовалъ при этомъ хитрую цѣль. Во время совѣщаній не трудно было замѣтить что между гусситами нѣтъ тѣснаго согласія. Далеко не одинаково толковали они даже тѣ „четыре пункта“ которые составляли ихъ общую программу. „Вы не совсѣмъ сходитеесь съ сиротами?“, спросилъ кардиналъ Юліанъ Прокола.—„Да, не во всемъ.“—„А съ чашниками?“—„И ихъ ученіе не всегда тождественно съ нашимъ.“—„Всѣ вы, продолжалъ кардиналъ, не желая лорывать связь съ Римскою церковью, хотите чтобы соборъ призналъ за вами право утвердить у себя самостоятельную церковь, но для этого собору нужно имѣть точныя свѣдѣнія, какъ вы понимаете ее, каково ваше исповѣданіе относительно многихъ важнѣйшихъ вопросовъ вѣры.“ Кардиналъ предлагалъ на разсмотрѣніе гусситовъ двадцать восемь пунктовъ, требуя отъ нихъ опредѣленнаго отвѣта, но отвѣта не послѣдовало по той причинѣ что между таборитами и утраквистами не состоялось соглашенія. Уломянутое обстоятельство указало собору какъ надлежало ему дѣйствовать: выбранная имъ коммиссія, отправившись въ Богемію для переговоровъ, должна была внимательно изучить тамъ положеніе партій, вслѣдствіи заботиться о томъ чтобы усиливать существовавшую между ними рознь, довести ихъ по возможности до явнаго разрыва и подготовить такимъ образомъ торжество лапской власти.

Задача эта была весьма успѣшно исполнена уполномоченными отъ собора. Свѣдѣнія собранныя ими на мѣстѣ заключались въ слѣдующемъ: огромное большинство народа крѣпко стоитъ за таинство причащенія подъ обоими видами и относительно этого нельзя ожидать уступки. Но затѣмъ рѣзко различаются между собою три партіи: одни очень желали бы примириться съ церковью, и малѣйшая снисходительность оказанная имъ будетъ ими принята съ признательностью; другіе тоже обнаруживаютъ миролюбивое настро-

еіе, но несомнѣнно что церковь встрѣтитъ въ нихъ отчаянныхъ враговъ если не удовлетворитъ требованія выраженыя съ самаго начала гусситскаго движенія въ четырехъ пунктахъ; наконецъ третьи только для виду, чтобъ отклонить отъ себя нареканія въ упорствѣ, соглашаются вести переговоры, а въ сущности всегда хотѣли и хотятъ порвать всякую связь съ Римомъ; смирить ихъ можно лишь оружіемъ. Этими словами были вполнѣ вѣрно характеризованы такъ-называемая крайняя умѣренная партія (не задолго предъ тѣмъ поставившая во главѣ своей Корибута), чашники и табориты. Съ перваго взгляда кажется, говорили легаты, что слѣдовало бы опереться на первую изъ означенныхъ партій, но это неудобно, потому что она недостаточно многочисленна и къ тому же слишкомъ непопулярна. Благоразуміе требуетъ поэтому держаться чашниковъ, сдѣлать имъ кое-какія уступки чтобы побудить ихъ къ покорности, а въ послѣдствіи, когда обстоятельства измѣнятся къ лучшему, отнять у нихъ то что будетъ имъ даровано. Такова была программа уполномоченныхъ собора въ переговорахъ съ Чешскимъ сеймомъ; они продолжали то что уже было начато въ Базелѣ, требовали отъ гусситовъ точнаго формулованія ихъ исповѣданія, но всякая подобная попытка возбуждала лишь новые раздоры. Даже относительно четырехъ пунктовъ гусситы не были согласны между собою: рѣчь въ которой Рокцана старался истолковать ихъ возбудила рѣзкія возраженія со стороны присутствовавшихъ на сеймѣ таборитовъ.

Буря сколлаялась между прочимъ противъ этихъ послѣдствій. Чашники задались мыслью что еслибы не табориты, то имъ удалось бы выговорить весьма выгодныя условія для Чешской церкви; благодаря этой партіи переговоры не придутъ быть-можетъ ни къ какому результату, и чего же слѣдуетъ ожидать тогда? Возгорятся новыя войны, Чехія будетъ доведена до крайней степени истощенія и все это для того чтобы въ концѣ-концовъ восторжествовали демократическія тенденціи, воплотившіяся въ таборитахъ. Если Проколь снова хочетъ довести дѣло до кровавой развязки, то не съ цѣлью ли захватить диктаторскую власть? Вотъ что слышалось со всѣхъ сторонъ въ рядахъ дворянства и мѣщанскаго сословія; католики со своей стороны усердно вторили этимъ рѣчамъ: они увѣрили что готовы принести всевозможныя жертвы для восстановленія мира, что было бы огромною ошибкой

со стороны чашничковъ препираться о вопросахъ которые при несомнѣнной будто бы податливости Базельскаго собора могутъ быть разрѣшены ко взаимному удовольствію, тогда какъ нужно сосредоточить всѣ усилія противъ партіи торжество коей повергао бы страну въ безвыходную анархію. На этой почвѣ состоялось соглашеніе между непримиримыми до тѣхъ поръ противниками. Въ мартѣ 1434 года дворяне заключили лигу, дворяне не только гусситскаго исповѣданія, но и католики; цѣлью этой лиги было оказывать другъ другу взаимную поддержку и принимать мѣры для восстановления порядка въ странѣ, но никто не сомнѣвался что главнымъ образомъ была она направлена противъ таборитовъ. Члены лиги послѣдили собрать многочисленную армию. Прежде всего озаботились они совершенно подчинить себѣ Прагу. Народонаселеніе Нового Мѣста влоднѣ преданное Проколу было приглашено оказать повиновеніе лигѣ, и когда со стороны его послѣдовалъ отказъ, то на улицахъ возгорѣлась борьба, окончившаяся полною побѣдой дворянства.

Событіе это показало Проколу что дѣло можетъ быть рѣшено теперь не иначе какъ оружіемъ. Обѣ стороны, сознавая важность предстоявшаго столкновенія, энергически готовились къ нему. Распря между ними рѣшена была 31го мая 1434 года въ кровавой битвѣ при деревнѣ Липавѣ. Подъ начальствомъ Прокола находилось 18.000 человекъ, но несмотря на эти значительныя силы онъ потерпѣлъ страшное пораженіе и погибъ самъ вмѣстѣ со многими другими предводителями таборитовъ. Объ ожесточеніи противниковъ свидѣтельствуеетъ то обстоятельство что, какъ увѣряютъ дѣтолосцы, число убитыхъ простиралось до 16.000. Это былъ совершенный разгромъ партіи игравшей столь видную роль въ гусситскомъ движеніи, разгромъ вызванный не какими-нибудь случайными обстоятельствами, а свидѣтельствовавшій о томъ глубокомъ разложеніи которое господствовало въ ея средѣ. „Нѣкоторые историки утверждаютъ, говоритъ г. Дени, что не слѣдуетъ слишкомъ преувеличивать значеніе Липавской битвы, что табориты даже и послѣ нанесеннаго имъ пораженія удержали за собой нѣсколько укрѣпленныхъ мѣстъ въ Богеміи, Моравіи, Силезіи и Венгріи, что еще не всѣ ихъ полчища были истреблены и что они могли еще причинить не мало затрудненій своимъ врагамъ. Все это такъ, но несомнѣнно что послѣ упомянутаго событія радикальная партія окон-

чательно утратила свое обаяніе и неспособна была вліять на ходъ событій: она невольна и съ затаенною враждою вынуждена была подчиниться имъ.⁶⁶

Если чашники радовались своей побѣдѣ, то едва ли еще не большій восторгъ возбудила она между католиками. Въ присутствіи всѣхъ прелатовъ засѣдавшихъ на Базельскомъ соборѣ отслужено было торжественное молебствіе; императоръ Сигизмундъ писалъ папѣ что отнынѣ не можетъ быть сомнѣнія въ успѣшномъ окончаніи дѣла. Но дикованія значительно охладѣли, когда чрезъ нѣсколько же недѣль послѣ Липанской битвы обнаружилось что между побѣдителями было не мало такихъ которые вовсе не намѣрены были дѣйствовать въ смыслѣ реакціи всему что совершилось послѣ 1415 года. Рокицана находился въ ихъ главѣ. Онъ полагалъ что теперь не только не можетъ быть рѣчи объ уступкахъ притязаніямъ папской власти, но напротивъ нужно возвысить требованія. Въ прежнее время чашники склонялись къ уступкамъ потому что страшались своихъ союзниковъ, таборитовъ, желали по возможности отстраниться отъ всякой солидарности съ ними, но какъ скоро табориты были подавлены, ничто не мѣшало имъ оставаться съ непреклонною энергіей существенныя основы своихъ вѣрованій. Одного только не хотѣлъ понять Рокицана: что какъ бы ни возбуждала мало симпатій партія таборитовъ, какъ бы ни были предосудительны ея принципы, она представляла собой силу, и что лишившись ея содѣйствія было гораздо труднѣе чѣмъ прежде вести борьбу съ папствомъ. Еслибы борьба эта продолжалась, то еще неизвѣстно на чьей сторонѣ была бы окончательная побѣда. Къ счастью этого не случилось: не случилось не потому чтобы католики сѣчи благоразумнымъ не доводить дѣло до крайности,—они говорили о необходимости прибѣгнуть къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ и преслѣдовали своею неутомимою ненавистью Рокицану,—но въ эту критическую минуту посредникомъ между двумя враждующими сторонами явился императоръ Сигизмундъ. Ему давно уже хотѣлось подчинить себѣ Богемію, которая столько лѣтъ сряду не признавала его власти; онъ лелѣялъ мысль что если окажется поддержку гусситами, то они явятся ревностными его слугами и царствованіе его будетъ безмятежно. Вотъ почему въ то время какъ Базельскій соборъ не обнаруживалъ ни малѣйшей податливости, императоръ расточалъ самыя усложни-

тельные обѣщанія чашникамъ: онъ ручался что Богемія будетъ пользоваться полною автономіей въ церковныхъ дѣлахъ, что причащеніе подъ обоими видами будетъ обезпечено всѣмъ утраквистамъ, что во главѣ чешскаго духовенства займетъ мѣсто приверженецъ гусситскаго исповѣданія и т. п. Уполномоченные собора возмущались этою уступчивостію Сигизмунда, находили его образъ дѣйствій „неприличнымъ“ (indecens), неприличнымъ потому что онъ не могъ выловить своихъ обѣщаній, но Сигизмундъ извинялся предъ ними тѣмъ что иначе нельзя было дѣйствовать при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Въ сущности же они могли совершенно положиться на него: „Императоръ заявилъ легатамъ, разказываетъ Эней Сильвій, что стремится противъ воли къ соглашенію съ гусситами онъ имѣетъ въ виду возвратить себя какимъ бы то ни было образомъ свое законное наслѣдіе (то-есть чешскій престолъ), а поздѣе, когда утвердитъ свою власть, онъ заставитъ Чеховъ вернуться къ истинной христіанской религіи.“ Такимъ образомъ однихъ обнадеживалъ императоръ тѣмъ что все вліяніе его будетъ направлено на возстановленіе католицизма, а другихъ что гусситство найдетъ въ немъ надежнаго покровителя. Задолго до іезуитовъ онъ уже предугадалъ іезуитскую политику. Ему главнымъ образомъ слѣдуетъ приписать что между гусситами и Базельскимъ соборомъ состоялось наконецъ соглашеніе, выраженное въ такъ-называемыхъ компактатахъ, которые были торжественно обнародованы 5го іюля 1436 года. Въ этотъ день съ ранняго утра толпы народа покрывали главную площадь и прилегавшія къ ней улицы въ Иглау, гдѣ находилась тогда резиденція императора. Вскорѣ прибылъ Сигизмундъ и занялъ приготовленный для него престолъ; германскіе князья, между коими первое мѣсто принадлежало Альберту австрійскому, держали на подушкахъ скипетръ, корону и другіе атрибуты его власти; по правую руку отъ императора сидѣли легаты собора, а по лѣвую представители гусситовъ съ Рокицаною во главѣ ихъ; напротивъ возвышался не менѣе великолѣпный престолъ императрицы. Обнародованіе компактатовъ произошло съ большою торжественностью, по установленному церемоніалу, при радостныхъ восклицаніяхъ народа.

Такимъ образомъ окончилась долгая и кровавая борьба, имѣвшая огромное значеніе не для Богеміи только, но и для всей Европы. При взглядѣ на компактаты можетъ показаться

са что любовь въ этой борьбѣ осталась за Чехами. Они получили удовлетвореніе по главнѣйшимъ пунктамъ. Базельскій соборъ призналъ за ними право свободной проповѣди, причащенія подъ обоими видами, допустилъ ограниченіе власти духовенства и т. д., словомъ все то что было особенно дорого партіи дѣйствовавшей подъ руководствомъ Рокицаны. Чехи вели борьбу не только за религіозныя свои вѣрованія, но и за свою національность, и въ этомъ отношеніи они получили обезпеченіе: было постановлено что иностранцы не будутъ допускаемы къ должностямъ на государственной службѣ. Многое слѣдовательно было достигнуто, но въ сущности какъ все это представлялось шаткимъ. Было между прочимъ не мало весьма важныхъ вопросовъ: напримѣръ вопросы о томъ что гусситы допускали къ причащенію младенцевъ, о различныхъ католическихъ обрядахъ которые были какъ бы умышленно оставлены въ сторонѣ изъ опасенія усилить раздоръ, въ надеждѣ что со временемъ они разрѣшатся сами собой, но на чемъ опиралась подобная надежда? „Вообще, говорить г. Девн, компактаты были основаны на цѣломъ рядѣ изворотовъ и недомолвокъ, но развѣ, если было умолчано объ извѣстныхъ спорныхъ пунктахъ, это значило что ихъ не существуетъ вовсе? У католической церкви было много средствъ нарушить состоявшееся соглашеніе какъ скоро она сочтетъ это удобнымъ, и что могли бы гусситы противопоставить ей? Общанія императора Сигизмунда? Но развѣ они имѣли для католиковъ какую-нибудь обязательную силу и развѣ Сигизмундъ не обнадеживалъ общаніями и ихъ? Все дѣло въ томъ что гусситы добросовѣстно, открыто пошли на встрѣчу противнику который исполненъ былъ относительно ихъ затаенныхъ мыслей; они вдались въ обманъ, съ ними поступили какъ съ малолѣтними дѣтьми и католики не замедлили конечно воспользоваться ихъ грубою ошибкой. Планъ католическаго духовенства былъ какъ нельзя болѣе простъ: держаться буквы письменнаго соглашенія и не обращать никакого вниманія на общанія гусситамъ Сигизмунда. Можно было предвидѣть заранее что гусситы, согласившіеся на миръ именно подъ вліяніемъ этихъ общаній, будутъ протестовать: тогда соборъ обвинилъ бы ихъ въ томъ что они нарушаютъ принятыя ими на себя обязательства. Связавъ своихъ противниковъ и не будучи самъ связанъ ничѣмъ, онъ сталъ бы мало-по-малу отсту-

лать назадъ до тѣхъ поръ пока пала, державшійся въ сторонѣ отъ компактатовъ, не вмѣшался бы въ распрю и не отмѣнилъ бы всѣ привилегіи дарованныя гусситамъ.“ Дѣйствительно, для характеристики тогдашняго положенія дѣлъ чрезвычайно важно то обстоятельство что пала Евгений IV никогда и не думалъ утверждать чешскихъ компактатовъ; онъ предоставилъ въ этомъ отношеніи свободу собору, но Базельскій соборъ, точно такъ же какъ прежде него соборъ Констанцскій, тѣтветно стремился утвердить принципъ своего полномочія въ противоположность принципу полномочія палы. Окончательное рѣшеніе долженствовало принадлежать Римскому первосвященнику, а онъ не произнесъ ни одного слова которое служило бы официальнымъ подтвержденіемъ автономіи Чешской церкви.

Сознавая выгоды своего положенія, католики съ самаго начала стали дѣйствовать такъ какъ будто компактатовъ и не существовало. Они возстановляли свои монастыри, изгоняли изъ церквей священниковъ причащавшихъ свою паству изъ чаши, съ ожесточеніемъ нападали въ проповѣдяхъ на гусситство. „Прага уже совершенно измѣнила свой видъ, лишетъ Эней Сильвій, въ городѣ этомъ снова водворилась истинная церковь, государи и князья поздравляютъ Сигизмунда что онъ старается возвратить все къ прежнему порядку вещей и имя его сдѣлалось славнымъ въ христіанскомъ мірѣ.“ Прошло лишь два года послѣ обнародованія компактатовъ, и даже та партія которую называли крайне умѣренною, которая столь усердно ратовала нѣкогда за соглашеніе съ Римомъ, стала говорить о необходимости возобновить борьбу.

VII.

И борьба возгорѣлась. Гусситы нашли себѣ чрезвычайно способнаго вождя въ лицѣ Юрія Подѣбрадскаго, который среди смутныхъ обстоятельствъ и вслѣдствіе услугъ уже оказанныхъ имъ странѣ былъ избранъ Богемскимъ королемъ въ 1458 году, — въ томъ самомъ году когда Эней Сильвій Пикколomini возложилъ на себя папскую тиару. „Ни тотъ, ни другой изъ нихъ, говоритъ г. Деви, не были фанатиками и не любили прибѣгать къ насилію. Пала Пій II, въ то время когда онъ еще назывался Энеемъ Сильвіемъ, велъ чрезвычайно

тревожную жизнь; ученый и дипломатъ, основательный знатокъ древней литературы и человекъ принимавшій дѣятельное участіе во многихъ важныхъ событіяхъ, онъ научился среди приключеній своей молодости и интригъ зрѣлаго возраста снисходительности и терпимости. Юрій, болѣе важный полководецъ и искусный политикъ чѣмъ богословъ и философъ, отличался благороднымъ и великодушнымъ характеромъ; возвышенный образъ мыслей не допускалъ его подчиняться страстямъ окружавшаго его общества; онъ искренно хотѣлъ примирить Чеховъ съ папскою властью и не пренебрегалъ ничѣмъ чтобы заслужить довѣріе Пія II; со своей стороны папа тоже былъ не прочь отъ соглашенія, тѣмъ болѣе что еслибы соглашеніе состоялось, ничто не помѣшало бы ему выполнить любимый свой планъ—направить всѣ силы Европы противъ Турокъ и отвѣять у нихъ Константинополь. И тѣмъ не менѣе Юрій и Пія II вовлечены были въ междоусобную войну. Иначе не могло и быть: папа пересталъ бы быть папой еслибы допустилъ существованіе церкви которая признавала его авторитетъ, но со значительными ограниченіями, не считала этотъ авторитетъ высшимъ и непреложнымъ во всемъ что касается вѣры.“ Такою была логика вещей что никто другой какъ исполненный миролюбія и терпимости Эней Сильвій, другъ гуманистовъ, одинъ изъ блестящихъ представителей начинавшейся въ Италіи эпохи Возрожденія, вынужденъ былъ отиѣвять компактакты и потребовать отъ Чеховъ безусловнаго подчиненія своей власти. Могъ ли слѣдовательно этотъ вопросъ быть рѣшенъ иначе какъ новою ожесточенною войною? Юрій Побѣдоградъ велъ ее съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Вообще царствованіе этого „перваго еретика на одномъ изъ престоловъ западной Европы“, какъ выразился о немъ Гильфердингъ, можно назвать блестящимъ въ полномъ смыслѣ слова. Онъ умѣлъ высоко поставить Чехію въ ряду европейскихъ государствъ. Но едва ли не самые опасные его враги находились въ предѣлахъ той страны которую онъ былъ призванъ управлять. Однимъ изъ результатовъ переворота происходившаго въ Богеміи, начиная съ первой четверти XV вѣка, было чрезвычайное усиленіе аристократіи. Дворянское сословіе, завладовавшее вѣкогда властію и богатству католическаго духовенства, воспользовалось религиозными войнами чтобы захватить огромную часть церковныхъ имуществъ, но продол-

жительное междуцарствіе въ то время когда Чехи не признавали Сигизмунда послужило этому сословію для того чтобы наложить свои руки и на королевныя земли. При заключеніи компактатовъ Сигизмундъ обязался узаконить за нимъ эти захваты. Могуществу королевской власти нанесенъ былъ такимъ образомъ сильный ударъ. Аристократія заботилась конечно о томъ чтобы не только упрочить свое выгодное положеніе, но и расширить свои права. Это удалось ей съ теченіемъ времени, уже послѣ смерти Юрія Подѣбрадскаго. Мы видимъ что въ XVI вѣкѣ политическое устройство Чехіи носить олигархическій характеръ: власть сосредоточена главнымъ образомъ въ сеймахъ, а преобладаніе въ этихъ сеймахъ принадлежитъ дворянству; сеймъ избираетъ короля, и до тѣхъ поръ пока не произойдетъ это избраніе король не имѣетъ никакихъ правъ въ какомъ бы близкомъ родствѣ ни находился онъ со своимъ предшественникомъ. Каждый государь при вступленіи своемъ на престолъ подписываетъ такъ называемую „избирательную калитуляцію“ гарантирующую привилегіи сословія. Король не можетъ установить помимо сейма никакого налога, да и вообще для всѣхъ законодательныхъ его мѣръ требуется согласіе этого представительнаго собранія. Въ послѣдствіи дѣло дошло до того что сеймы присваивали своимъ рѣшеніямъ обязательную силу закона даже въ томъ случаѣ если эти рѣшенія не удостоивались королевской санкціи. Не ограничиваясь законодательною сферой сеймы непрерывно выѣшивались собственно и въ управленіе, требовали присяги себѣ отъ чиновниковъ, оспаривали у короля право замѣщать по его выбору высшія государственныя должности. „Король, говоритъ г. Э. Дени, избираемый сеймомъ, связанный избирательною калитуляціей, превратился мало-по-малу въ безсильнаго президента совѣта министровъ, назначеніе коихъ принадлежитъ не ему, которыхъ онъ не могъ смѣнить и которые являлись лишь орудіями дворянскаго большинства сеймовъ.“ Все это совершилось не вдругъ,—послѣднее слово этой реформы относится къ концу XVI вѣка, но еще при Юрії Подѣбрадскомъ дворянство стремится выступить на луть должествовавшій привести его къ означенному нами результату, и повятно какъ должно было оно относиться къ такому способному и энергичному правителю какимъ былъ Юрій. Власть его была для чешской аристократіи невыносимо тягостна. Аристократія

прибѣгла противъ него къ вооруженному возстанію тѣмъ бо-
лѣе опасному что она нашла себѣ союзниковъ въ Венгер-
цахъ. Эти внутренніе кровавые раздоры совершенно ослаби-
ли несчастную страну: Богемія уже не можетъ быть само-
стоятельнымъ государствомъ, сначала ищетъ она опоры въ
Польшѣ, избравъ королемъ своимъ Владислава, а затѣмъ
отдаетъ престолъ свой государямъ изъ Габсбургскаго дома.

Все это отразилось самыми губительными послѣдствіями и
на судьбѣ гусситской церкви. Не забудемъ что аристократія
взалась за оружіе противъ Юрія Подѣбрадскаго не для за-
щиты только своихъ привилегій, но и за права лалскаго
престола: между дворянами-католиками и гусситами возникла
тѣсная солидарность. Все это было дурнымъ предзнаменова-
ніемъ для гусситства. Съ конца XV вѣка начинается види-
мый его упадокъ: въ 1485 году, когда Владиславъ Поль-
скій царствовалъ въ Богеміи, на сеймѣ въ Кутной Горѣ
католики вели переговоры съ послѣдователями Гусса уже
какъ равные съ равными: обѣ стороны обязались соблюдать
терпимость во взаимныхъ отношеніяхъ и держаться зна-
менитыхъ компактатовъ, хотя эти компактаты, отмененные
вѣкогда Шемъ II, и теперь не были подтверждены папою
Александромъ VI Борджіей. Время шло и мало-по-малу поло-
женіе гусситскаго духовенства становилось все болѣе невы-
носимымъ; трудно было ему пополнять свои ряды: епископы
призванные стоять въ его главѣ склонялись къ католицизму
и не поставляли священниками лицъ которыя держались та-
инства причащенія подъ обоими видами. Кончилось дѣло
тѣмъ что въ XVI вѣкѣ гусситы-чашники во множествѣ при-
соединяются къ латинской церкви или усваиваютъ себѣ уче-
нія Лютера и Кальвина. Такова была судьба чашниковъ;
что касается до таборитовъ, то вѣрованія ихъ отразились
въ такъ-называемой общинѣ Чешскихъ или Моравскихъ
Братьевъ, которая была основана въ XV вѣкѣ Петромъ
Хельчицкимъ; существенное отличіе ея отъ таборитовъ со-
стояло лишь въ томъ что тѣ распространяли свое ученіе ме-
чомъ, а Хельчицкій проповѣдывалъ противъ всякаго наси-
лія, безусловно отрицалъ войну, не признавалъ другихъ
средствъ кромѣ чисто-нравственныхъ, основанныхъ на любви
и соблюденіи христіанскаго закона.

Авторъ разбираемой нами книги останавливается на во-
просѣ: принесло ли какую-либо пользу Чешскому народу

движеніе которое вызвано было въ немъ проповѣдью Іоанна Гусса? На это можетъ быть только одинъ отвѣтъ, ибо факты слишкомъ краснорѣчиво говорятъ сами за себя. Въ религиозномъ отношеніи движеніе о которомъ мы говорили не привело ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, а въ отношеніи политическомъ Чехи также не извлекли изъ него пользы: именно съ этого времени и начинается упадокъ ихъ государства; имъ не удалось оградить себя сколько-нибудь надежнымъ образомъ отъ преобладанія нѣмецкаго элемента; участь народа значительно ухудшилась, крестьяне не только находятся въ тяжелой матеріальной зависимости отъ дворянства, но даже утрачиваютъ личную свою свободу. „Въ XVI вѣкѣ, говоритъ г. Дена, рабство сдѣлалось обыкновенною долею крестьянъ, какъ свидѣлствуютъ объ этомъ между прочимъ два поразительныхъ факта: во-первыхъ, значительное число увольнительныхъ свидѣтельствъ (отпуски на волю), о которыхъ не было и слышно въ прежнее время, а во-вторыхъ, декретъ 1531 года, воспрещавшій господамъ удерживать простолюдиновъ желавшихъ получить образованіе. Въ сущности Богемія представляетъ собою такое зрѣлище что не было въ ней ни короля, ни народа, а были только господа и крѣпостные.“ Гусситское движеніе, несмотря на могучіе порывы которыми оно ознаменовалось, осуждено было на безсиліе, потому что цѣли его не были достаточно опредѣленны. Если принять мнѣніе нѣкоторыхъ изъ нашихъ ученыхъ что въ основѣ его лежали преданія сохранившіяся отъ существовавшаго нѣкогда въ Чехіи православія, то вѣдь никакъ нельзя сказать о немъ чтобъ оно имѣло задачей возвратитъ къ православію Чешскій народъ. Не можемъ не остановиться здѣсь на одномъ обстоятельстве, о которомъ упоминали уже выше, а именно: о посланіи Константинопольской патріархіи къ Чехамъ. Посланіе это относится къ 1452 году, а гусситское движеніе въ смыслѣ открытой борьбы обнаружилось въ 1415 году, тотчасъ по смерти Гусса: въ теченіе цѣлыхъ 37 лѣтъ сразу гусситы и восточная церковь и не помышляли о сближеніи между собою. Если было такъ много общаго между ними, то чѣмъ объяснить столь поразительный фактъ? Отвѣчаютъ на это что между гусситами были крайнія секты, отвергавшія всякія церковныя преданія, что благодаря имъ въ Константинополѣ смотрѣли подозрительно и на гусситство вообще, что только послѣ разгрома

нанесеннаго этимъ сектамъ могло разсѣяться недоумѣніе. Но развѣ тѣ изъ гусситовъ которые не вдавались въ крайности и не хотѣли порывать связь съ преданіями предпринимали что-нибудь чтобы сблизиться съ восточною церковью? Мы видимъ дѣятельные переговоры ихъ съ Римомъ, но ничто не указываетъ на сношенія ихъ съ Константинополемъ. Только послѣ заключенія компактатовъ, послѣ того какъ чашники убѣдились какъ мало можно имъ полагаться на Римскую курію, обращаютъ они взоры къ Византии; впрочемъ даже и это сказано нами слишкомъ сильно, ибо развѣ только незначительная ихъ часть выступаетъ на новый путь. Вообще весь эпизодъ о которомъ мы говоримъ представляется невыясненнымъ и загадочнымъ. Палацкій (пользуемся выпиской изъ его книги помѣщенной у Гальфердинга) разказываетъ о немъ слѣдующимъ образомъ: „Первая попытка сблизенія *осталась въ совершенной тѣнотѣ*; что однако предложеніе Чеховъ о присоединеніи къ Греческой церкви скоро получило извѣстность и сочувствіе, это доказывается во первыхъ *угрозою* выраженною въ Римѣ 25 мая 1447 года чешскими посланцами отъ имени всего королевства—что Чехамъ не удостоиваемымъ вниманія и отвергаемымъ латинскою церковью *не останется ничего другаго* какъ отрекшись отъ Рима обратиться въ другую сторону, а затѣмъ таинственными словами сказанными Петромъ изъ Младеновицъ, который 17го мая 1448 года говорилъ папскому легату въ Прагѣ что если Римъ не утвердитъ Рокицану архіепископомъ и не признаетъ причащенія подъ обоими видами, то онъ, легатъ, прежде чѣмъ вернуться въ Римъ услышитъ про Чеховъ удивительныя вещи. *Кажется* дѣйствительно что предложеніе вышло первоначально отъ той партіи чашниковъ къ которой принадлежалъ этотъ личный другъ Гусса, и которая съ 1437 года управлялась избранными администраторами Пражской гусситской консисторіи. Эта консисторія имѣла свое мѣстопребываніе въ Славянскомъ монастырѣ, который за сто лѣтъ предъ тѣмъ основанъ былъ Карломъ IV въ Новомъ Городѣ Пражскомъ. Этотъ монастырь, не потерпѣвшій никакого вреда во время гусситскихъ бурь, хранилъ дотошъ многочисленныя остатки и воспоминанія восточнаго обряда въ немъ господствовавшаго.“ Въ этомъ разказѣ поражаетъ прежде всего что мысль о сблизеніи съ восточною церковью выставляется

гусситами въ видѣ угрозы, чтобы побудить Римъ къ уступкамъ, но затѣмъ, когда существенныхъ уступокъ не послѣдовало, мы рѣшительно не знаемъ въ какой мѣрѣ серьезно намѣревались они выполнить свою угрозу. Намъ неизвѣстно кто такой былъ посланецъ гусситовъ Константинъ Ангеликъ или Англикъ прибывшій отъ нихъ въ Византию; неизвѣстно отъ кого имѣлъ онъ полномочіе вести переговоры и въ чемъ это полномочіе состояло. Все это тѣмъ болѣе странно что посланіе Константинопольской патриархіи адресовано ко всему гусситскому народу, какъ-будто патриархія убѣдилась „черезъ присутствіе благочестиваго іерея“ (то-есть Ангелика) что всѣ Чехи готовы обратиться къ православію. * „Мы знаемъ, замѣчаетъ Гильфердингъ, что православная церковь вообще была мало склонна къ сдѣлкамъ съ иновѣрными исповѣданіями и твердо отстаивала неприкосновенность своего ученія, не допуская никакихъ уступокъ по политическимъ разчетамъ“: отсюда онъ дѣлаетъ выводъ что Константинопольская патриархія дѣйствительно убѣдилась въ православіи гусситовъ. Не сомнѣваемся въ искренности ея убѣжденій, но позволительно усомниться, были ли эти убѣжденія основательны, ибо не имѣемъ предъ собою тѣхъ данныхъ на которыхъ они опирались. Что касается политическихъ разчетовъ, то какъ бы мало ни соображалась съ ними Константинопольская церковь, не забудемъ что время когда появилось посланіе было самое страшное для нея: Турки стучались во врата Царьграда, гибель угрожала Византийской имперіи и восточному христіанству...

Если съ одной стороны гусситство не обнаружило явной, осозательной наклонности сдаться съ православіемъ, то съ другой оно не выступило и на тотъ луть который привелъ бы его, какъ позднѣйшихъ лютеранъ и кальвинистовъ, къ совершенному разрыву съ Римомъ. Мы не касаемся причинъ этого явленія, но лишь указываемъ на него въ подтвержде-

* Посланіе начиналось такъ: „Святая Константинопольская церковь, мать всѣхъ православныхъ и -наставница, всѣмъ и каждому славнымъ братьямъ и сынамъ во Христѣ возлюбленнымъ изъ Чеховъ—высокой общины города Праги и благороднымъ мужамъ и храбрымъ начальникамъ, духовнымъ мужамъ, учителямъ и всѣмъ церковнымъ предстоятелямъ, а также гражданамъ и должностнымъ лицамъ“ и т. д.

нѣ того что было замѣчено нами выше о неопредѣленности задачъ гусситства. Оно имѣло вѣчто общее съ православіемъ, въ немъ заключались ученія которыя въ послѣдствіи проповѣдывали Лютеръ и Кальвинъ и оно же упорно домогалось возстановить связь между собою и Римомъ—все это совмѣщалось въ немъ и этимъ объясняется его несостоятельность. Отъ того и приговоры о немъ различны. У насъ видать въ гусситствѣ отчаянную попытку Чешскаго народа вырваться изъ оковъ западнаго міра, возвратиться къ православію и къ славянскимъ началамъ гражданскаго быта, а въ западной Европѣ величаютъ его какъ предвѣстіе религіознаго перелома восторжествовавшаго въ XVI вѣкѣ....

А. К—Й.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О МІНУВШЕЙ ВОЙНѢ

I.

Адріанополь.

Характеръ мѣстности отъ Мустафа-Паши до Адріанополя.—Панорама Адріанополя издали.—Предмѣстіе Ильдеримъ.—Каменный мостъ.— Главная улица, устройство лавокъ, торговля и промышленность.— Превращеніе лавокъ въ кабачки.—Собаки, мальчишки и нищіе.— Характеръ и пестрота уличнаго населенія.—Кто лучше?—Конакъ.— Женщины христіанки и Турчанки.—Улица Хаджи-Шерифъ-бей и ея достопримѣчательности.— Домъ Хаджи-Шерифъ-бея и вообще устройство городскихъ турецкихъ домовъ стараго и новаго пошиба.—Аферы грековъ съ турецкою собственностью.—Въ ожиданіи пріѣзда Великаго Князя.—Почетный караулъ.—Лавочка для обновленія фесокъ.—Пушки и фортъ.—Въѣздъ Великаго Князя въ Адріанополь.—Внутреннее убранство конака.—Адріанопольскіе трактиры и рестораны.—Встрѣча съ соотечественницей.—Цирюльня и анекдотъ съ часами.—Турецкія бани.—Нѣчто о „восточной красотѣ“ турецкихъ женщинъ.—Турецкая паломинація.—Джамія Селима.—Турецкій пѣвецъ-духовный.—Внутренность джаміи Селима и ея освѣщеніе. Адріанопольскій базаръ и его товары.—Характеристика купцовъ Турокъ, Евреевъ, Армянъ и Грековъ.—Загородная роща и ея назначеніе.—Развалины стараго сераля.—Что увидѣла отъ пороховаго взрыва и слѣды ужаснаго пожара.—Небезопасность загородныхъ и ночныхъ прогулокъ.—Пожаръ въ казармахъ.—Адріанополь пять мѣсяцевъ спуста по занятіи его русскими войсками.—Отношеніе къ намъ мѣстныхъ Турокъ.—Армяно-турецкій театръ.—Армянская ода въ честь Русскихъ.—Какъ смотрятъ на насъ адріанопольскіе Греки.

Мѣстность по сторонамъ дороги ведущей отъ города Мустафа-Паши къ Адріанополю напоминаетъ самыя обыкновенныя русскіе виды. Такъ и кажется будто страдаешь гдѣ-нибудь по Тверской губерніи, и одни лишь громадныя обозы турецкихъ бѣглецовъ, не знающихъ куда имъ теперь идти, да иногда

трупы на дорогѣ напоминають что это не Тверская губернія, а Турція.

Еще версть за десять до Адрианополя на горизонтѣ начинаютъ бѣлѣть четыре стройныя ивы минаретовъ при джаміи Селима. Затѣмъ вскорѣ открывается ширекій видъ на обширныя сады и роци наломанные раскидистыми чинарами, киларисами и пирамидальными томолями. Потомъ вѣзвогромадный фортъ съ трехъярусною оборокой; за нимъ другой и третій форты сильныхъ профилей, и въ этихъ ностройкахъ еще издали на первый взглядъ уже чувствуется прочность, разчитанная на долговременность защиты. Справа тоже отдѣльные укрѣпленія видѣются изъ-за деревьевъ. Но вотъ, наконецъ и панорама цѣлаго города.

Издали Адрианополь довольно красивъ, чему много способствуютъ его сады и многочисленныя минареты. Городъ широко раскинулся по обширному пологому холму, на высшей точкѣ котораго величественно возвышается громадная джамія Селима I, съ ея трехъярусными минаретами и полусферическимъ главнымъ куполомъ, гдѣ ярко горитъ на солнцѣ золотой полумѣсяцъ. Эта мечеть принадлежитъ къ числу самыхъ великолѣпныхъ храмовъ мусульманскаго міра. По своему положенію на высшей точкѣ адрианопольскаго холма, она господствуетъ надъ всѣмъ городомъ распростершимся у ея подножія и придаетъ ему особенную характерность. Все остальное какъ бы склоняется ницъ предъ ея дивнымъ, стройнымъ величіемъ.

Въѣзжаемъ въ городъ—нищета и убожество. Впрочемъ это еще не самый городъ, а только его окраина которая навывается Иадеримъ. Домики строены на живую руку изъ деревяннаго дранья и глинны; окна, крыши, балкончики, стѣны, ворота—все это въ крайнемъ и давнишнемъ залущеніи. Во дворахъ и на улицѣ ужасная грязь—глубокая, липкая, толкая, и въ ней валяются вздувшіеся трупы животныхъ. Справа повсюду. Греки и отчасти Болгары уже открыли въ самомъ предмѣстьѣ кое-какія лавченки гдѣ продають сахаръ, чай, табакъ, вино и свѣчи.

Вотъ большой каменный мостъ на нѣсколькихъ аркахъ, и по срединѣ его, справа, кіоскъ или бесѣдка изъ камня же, напоминающая по архитектурѣ нѣчто въ родѣ часовни, какія вѣрѣдко встрѣчаются на мостахъ и при дорогахъ въ католическихъ странахъ. Въ кіоскѣ бѣлая мраморная доска съ

рельефомъ турецкою надписью, вѣроятно има строителя и годъ постройки, а можетъ-быть и какой-нибудь подходящий стихъ изъ Корана. На обоихъ концахъ моста стоятъ наши часовые отъ 16й пѣхотной дивизии. Генералъ Скобелевъ 2й, сберегая силы и здоровье своихъ войскъ, не оставилъ ихъ бивуакировать подъ городомъ, а расположилъ полки въ предместьяхъ и частью въ самомъ городѣ, на квартирахъ, гдѣ люди получили наконецъ на нѣсколько дней вполне необходимый и возможно удобный отдыхъ.

Адрианополь судя по первому впечатанію такая же азиатская мерзость какъ и всѣ прочіе видѣнные нами турецкіе города. Надо сознаться что и проживъ въ немъ мы не имѣли повода измѣнить къ лучшему наше общее, только-что высказанное мною мнѣніе.

Втягиваемся въ главную улицу, которая въ силу того что она главная нѣсколько шире и чище остальныхъ узкихъ и темныхъ закоулковъ. Здѣсь уже помню что называется бойкое мѣсто. По сторонамъ улицы—почти сплошной рядъ лавченокъ, напоминающихъ своею животрепещущею постройкой наши балаганные „ряды“ на ярмаркѣ узьданаго средней руки городишки. Многія изъ этихъ лавокъ носятъ громкое названіе „магазиновъ“ и щеголяютъ вывѣсками на французскомъ языкѣ, хотя бѣольшая часть этихъ надписей находится въ явномъ разладѣ съ французскою орфографіей,—совершенно тоже что и у насъ въ какомъ-нибудь захолустьѣ. Въ Систовѣ въ настоящее время подобныя лавченки стали куда лучше и даже благообразнѣе.

Торговая здѣсь производится можно сказать совсѣмъ на улицѣ, потому что рѣдкое изъ торговыхъ помѣщеній имѣетъ переднюю стѣну и входную стекольчатую дверь. Передняя деревянная стѣна здѣсь, обыкновенно, либо раздвижная, либо створчатая, либо же, наконецъ, откидная на петляхъ вверхъ и служить въ теченіе торговаго времени для родомъ навѣса надъ входомъ. Предъ вами небольшая лѣсенка въ двѣ-три ступеньки, ведущая на досчатый помостъ въ родѣ эстрады, служащій основаніемъ для небольшой клѣтушки, которая отгорожена отъ сосѣднихъ клѣтушекъ досчатыми стѣнками. Тутъ собственно и помѣщается лавка, снабженная иногда прилавкомъ и товарными полками. То же самое и въ ремесленныхъ заведеніяхъ. Такимъ образомъ все что дѣлается въ лавкахъ и мастерскихъ, всю ихъ торговлю и работу вы мо-

жесте совершать совершенно свободно, какъ еслибы все это происходило предъ вами на театральномъ сценѣ. Замѣчательная особенность: съ приходомъ Русскихъ, почти каждая лавка, за исключеніемъ истинно турецкихъ — будь это табачная, носательная, салонная, посудная, парфюмерная или цирюльня — все равно, обратилась въ маленькій кабачокъ. Провырные Греки и Армяне, чѣмъ бы они ни торговали, тотчасъ же сочли нужнымъ повмѣстивать въ своихъ лавченкахъ столы и столики покрытые скатертями и заставленные бутылками съ виномъ, ракіей и мастикой, пряностями и фруктами, тортами, каймакомъ и ауртомъ, * сдобными медовыми пирожками и разными разностями съдобнаго свойства. Тутъ у нихъ и брѣются, и пьютъ кофе *à la franca* или *à la turca* и закусываютъ, и курятъ, и читаютъ стамбульскія газеты, и торгуются, и коммисіонерствуютъ, и деньги мѣняютъ, ибо каждая лавка кромѣ своей коренной специальности есть еще и ивьяльная. Все это гомонить, кричить, заываетъ прохожихъ, ругается между собой и килить, килить жизнью аачущю лаживы, оборота, „гешефта“, и потому какъ въ лавкахъ, такъ и на улицахъ съ утра до вечера народу, какъ говорится, нетолченая труба. Тутъ вѣчная толкотня, вѣчное снованіе взадъ и впередъ лѣшихъ и конныхъ, кто на осаѣ, кто на мулѣ, кто на маленькой турецкой лошади. Голодныя собаки и рѣзвыя уличныя дѣти то и дѣло тычутся подъ ноги, визжать, теребить другъ друга, а мальчишки кромѣ того и драстуютъ къ проходящимъ съ предложеніемъ почистить имъ сапоги, или волять, простирая ручки: „калитанъ! давай помагаль!“ При этомъ множество нищихъ, какъкъ и убогихъ обонхъ половъ и всѣхъ возрастовъ, такъ что отъ нихъ отбоя вѣтъ. Эта толча я нерѣдко доходитъ до давки, въ особенности если что-нибудь „казуное“ случайно привлечетъ избыточное вниманіе толпы и если еще при этомъ немилосердно заскрыпятъ несмазанными колесами неуклюжія арбы запряженныя буйволами и обыкновенно слѣдующія цѣлою вереницей, или если въ узкомъ мѣстѣ улицы сѣются колесами дѣйствительныя извозничьи каруццы, которыя никакъ не могутъ разъѣхаться безъ того чтобъ „арабаджи“ (извозчики) не переругались другъ съ другомъ всласть и не исхлытали однаъ другаго бичами. Улицы и площадки, особенно у

* Славки вареныя и егущенныя до плотности масла.

лавокъ и фонтановъ, лодны самаго разнообразнаго, разнообразнаго и пестраго народа. Тутъ попадаются наши солдатики и казаки, какъ-то сразу освоившіеся съ городомъ и его обстановкой; тутъ же на каждомъ шагѣ встрѣчаете вы представителей цѣлыхъ трехъ частей свѣта: Европы, Азии и Африки. Вотъ, напримѣръ, типичныя рыжія бакенбарды кафтчататаго Англійчанина, вотъ наивный Французъ, шествоющій непрѣменно съ ленточкой Почетнаго Легіона въ петличкѣ сюртука; вотъ горячо и страстно жестикулирующій Италіанецъ и флегматично сосущій грошевую сигарку блѣлокурый сынъ Германіи; блѣлый Полякъ съ подмаршвинными усами, въ чамаркѣ и конфедераткѣ и непрѣменно съ хамстомъ; вотъ малоазійскіе Курды, Арабъ изъ Йемена, Феллакъ изъ Египта, задумчивые Сирійцы, медлительные Персіане, повурые Болгары въ смужковыхъ шалкахъ, вертлявые Греки въ блѣлыхъ „фустанеллахъ“, ловкіе и статные Албанцы, въ узорчатыхъ курткахъ—все это являетъ собою самую пеструю смѣсь роскоши и нищеты, гдѣ верѣдкѣ встрѣчаешь бархатныя лохмотья нѣкогда разшитыя золотомъ и шелками, а нынѣ, изодранныя, сливляныя, залачканныя грязью. Однако же среди всей этой пестроты разноплеменныхъ типовъ и костюмовъ какъ-то сразу отлчается истаго Турка, будетъ ли онъ въ старозавѣтномъ лильемъ халатѣ и чалмѣ, или въ европейскомъ костюмѣ и красной фескѣ; отлчается Турка по его прирожденной степенности и нѣкоторой медлительности манеръ и походки. Вообще мусульмане и Азіятцы, судя по внѣшности, кажутся какъ-то сдержаннѣе, спокойнѣе и солиднѣе чѣмъ здѣшній международный сбродъ изъ западной Европы. Но за то юркіе Греки, Жидки да Армяне смываютъ и тычутся предъ глазами словно неотвѣзныя юльскія мухи надъ сахаромъ. На перебой другъ предъ другомъ лѣзутъ и пристають они къ вамъ съ разными „секретными“ и несекретными предложеніями и грошевыми товарами, такъ что право не знаешь которому же наконецъ изъ представителей этихъ трехъ народностей должно отдать преимущество въ юркости, назойливости, лаутоватости и въ умѣньи ловко обдѣлывать свои темныя дѣлашки. Впрочемъ Греки въ этомъ отношеніи будутъ кажется „почище“ всѣхъ, потому что, надувая васъ на какомъ-нибудь дрянномъ товаришкѣ, „Грекось“ дружелюбно, но безцеремонно похлопываетъ васъ по плечу, сладко улыбаются, крестится и, тыча въ вашу и

свою грудь грязнымъ указательнымъ перстомъ, выразительно и якобы по-русски приговариваетъ гнусавымъ голосомъ: „оудица религионъ! оудица религионъ!“ (то-есть мы съ тобой, дескать, одней вѣры), вѣроятно разчитывая что „варваръ Московъ“ задобренный такимъ аргументомъ вѣрнѣе и легче подается на удочку.

На главной улицѣ, въ глубинѣ обширнаго двора, возвышается двухъэтажное каменное зданіе кошака, служившее мѣстомъ жительства адрианопольскому валѣ. Всѣ канцеляріи и отдѣлы управленія вилайета, казначейство, конюшни, типографія, тюрьма и караульная казарма помѣщались тутъ же, въ надворныхъ каменныхъ флигеляхъ, очищенныхъ теперь, равно какъ и самый кошакъ, въ ожиданіи пріѣзда Великаго Князя, для расквартированія Его Высочества, свиты и штаба дѣйствующей арміи. Этотъ пріѣздъ долженъ былъ состояться 14го же января, въ день вступленія въ Адрианополь отряда генерала Карцова и пѣхотнаго авангарда генерала Гурко. Въ ожиданіи встрѣчи русскаго Главнокомандующаго, переднія мѣста всѣхъ лавокъ, всѣ открытыя окна и балконы домовъ на главной улицѣ были перелоднены женщинами, преимущественно Гречанками и Армавками, среди которыхъ попадались очень милыя и даже вполнѣ красивыя лица. Турчанки встрѣчались какъ очень рѣдкое исключеніе и то не на балконахъ, а на улицѣ. Закутанныя въ бѣлыя кисейныя чадры и въ зеленые либо въ черныя шерстяныя бурнусы, оны тихо, словно печальныя тѣни, пробирались стороной у самыхъ стѣнъ, очевидно идя куда-то по своимъ дѣламъ и не обращая ни малѣйшаго вниманія на уличную толпу и на пришельцевъ, воиновъ вражеской арміи.

Пройдя мимо второй адрианопольской джаміи, носящей имя Мурада I, мы свернули съ главной улицы надѣво въ боковую, которая называется улицей Хаджи-Шерифъ-бей, по имени хозяина лучшаго изъ находящихся на ней домовъ. Эта улица въ началѣ столь же широка какъ и главная, и столь же полна промышленнымъ, торговымъ элементомъ. По отношенію къ главной, она почти то же самое что у насъ въ Петербургѣ Большая Морская по отношенію къ Невскому. Тутъ даже есть французскій магазинъ, торгующій колоніальными, парфюмерными и кондитерскими товарами, гдѣ въ разчетъ на гастрономическія приправы къ нашей скудной походной

кухнѣ мы купили между прочимъ двѣ банки трюфелей, которые потомъ, увы, оказались протухшими до окончателной гнилости, какъ и большая часть товаровъ этого магазина, несмотря на его разрисованныя этикетки и французскую фирму.

Въ улицѣ Хаджи-Шерифъ-бей останавливается на себѣ вниманіе мраморный фонтанъ пріютившійся подъ широкимъ куполообразнымъ навѣсомъ изящнаго кіоска, у входа въ узкій закоулокъ ведущій къ одной изъ старыхъ мечетей, которая въ свою очередь представляетъ для художника богатѣйшій матеріалъ: нѣкоторыя части ея пристроены полуобрушились, штукатурка почти сплошь пообвалилась, и всѣ части этихъ стѣнъ, карнизовъ и террасъ заросли густыми прихотливо-роскошными побѣгами плюща и другихъ лазучихъ растений, которыя, несмотря на январь мѣсяць, ласкаютъ глазъ своею нѣжностью, свѣжею зеленью. Эта мечеть находится по правую сторону улицы Хаджи-Шерифъ-бей, а по лѣвую высится обширное каменное зданіе стараго караванъ-сарая, обращеннаго на время войны въ складъ военныхъ матеріаловъ и разграбленнаго мѣстными христіанами по уходѣ Турокъ, еще до появленія кавалеріи генерала Струкова. Здѣсь же почти рядомъ съ караванъ-сараемъ помѣщаются мраморныя восточныя бани, съ которыми мы всѣ рѣшили познакомиться непосредственнымъ образомъ въ тотъ же вечеръ.

Генералу Карцову и его штабу была отведена квартира въ домѣ самого Хаджи-Шерифъ-бея, изъ оконъ котораго открывался съ одной стороны видъ на грандіозную джамію Селима, а съ другой—на весь южный и юго-западный конецъ города. Здѣсь мы въ первый разъ познакомились съ характеромъ неразореннаго богатаго турецкаго дома, устроеннаго впрочемъ на полуевропейскую ногу.

Старозавѣтные турецкіе дома, стоящіе въ глубинѣ дворовъ или лучше сказать земельныхъ участковъ, огороженныхъ со всѣхъ сторонъ высокимъ каменнымъ заборомъ, строились обыкновенно въ одинъ этажъ, и у зажиточныхъ хозяевъ, судя по видѣннымъ нами образцамъ, надворныя постройки дѣлались на три отдѣльные флигеля, сообразно чему и весь земельный участокъ разбивался на три отдѣльные же двора. Первый дворъ и первый флигель, самая парадная, показная часть такого старозавѣтнаго дома, предназначался для помѣ-

ценія самого хозяина и дая пріема его гостей; второй дворъ и фангель составлялъ гаремную половину, а третій служилъ помѣщеніемъ для прислуги, кухонь, кладовыхъ, амбаровъ, конюшенъ и прочихъ принадлежностей благоустроеннаго хозяйства. Изящный же домъ Хаджи-Шерифъ-бея былъ выстроенъ по европейскому образцу, въ три этажа, причемъ въ нижнемъ этажѣ помѣщалась мужская часть прислуги, домочадцевъ и родственниковъ хозяина; въ среднемъ этажѣ самъ хозяинъ и парадныя пріемныя комнаты, а въ верхнемъ—гаремная половина съ женскою прислугой. Эта послѣдняя половина состояла изъ разныхъ отдѣльныхъ комнатокъ и чуланчиковъ, расположенныхъ очень удобно и уютно такимъ образомъ что каждыя двѣ-три комнатки составляли какъ бы совершенно отдѣльную квартиру, соединенную посредствомъ одной общей но не парадной внутренней лѣстницы съ помѣщеніемъ самого хозяина. Тутъ же въ двухъ или трехъ свѣтлыхъ конуркахъ были устроены маленькія бани или мыльня съ мраморными ваннами и кранами для холодной и горячей воды. Каждая такая квартира служила отдѣльнымъ помѣщеніемъ для каждой изъ жень Хаджи-Шерифъ-бея. Такимъ образомъ, въ случаѣ ссоры, ревности или при потребности уединенія, если эти дамы не желали быть вмѣстѣ, то могли и вовсе не видѣться, даже почти не встрѣчаться одна съ другою. Въ нижнемъ этажѣ обширныя, полутемныя мраморныя сѣни, изъ которыхъ нѣсколько дверей вели въ отдѣльныя помѣщенія мужскихъ домочадцевъ и слугъ, а широкая деревянная лѣстница, съ рѣзными деревянными же перилами, являлась лѣстницей парадною для входа гостей, и подымалась только до средняго этажа, который представлялъ собою двѣ большія продолжныя залы съ четырьмя боковыми гостиными. Въ одной изъ залъ помѣщалась столовая, устроенная по-европейски, то-есть съ обѣденнымъ столомъ на высокихъ ножкахъ, а въ одной изъ гостиныхъ былъ кабинетъ хозяина; другая гостиная снабжена европейскою мебелью, остальные же двѣ отдѣльны по-восточному, то-есть большіе сплошныя диваны вдоль стѣнъ и низенькіе инкрустированные столики (софра). Печи и каминъ, за исключеніемъ большого кухоннаго очага внизу и маленькихъ печурокъ для варки кофе на женской половинѣ, совершенно отсутствовали во всемъ домѣ, гдѣ каждая комната согрѣвалась посредствомъ особаго „мангала“, то-есть большой мѣдной жаровни довольно

изящнаго рисунка, стоявшей на полу по среднѣй комнатѣ. Паркетные полы были сплошь устланы тонкими, узорчато-слетельными дыновками, а потоки и стѣны расписаны масляными красками живописью въ турецкомъ вкусѣ. Тутъ встрѣчались виды горъ, долины и дворцовъ, корабли и мечети и кипарисовыя рощи съ огромными розовыми букетами, большими райскими птицами, такими же яблочками, вишнями и маленькими человечками. Ни пропорціональности размѣровъ между всеми этими изображеніями, ни перспективы вовсе не существовало: райская птица, напримѣръ, сидѣла на вѣткѣ розы, подъ которою стоялъ маленькій домикъ и гуляли маленькіе человечки. Но все вмѣстѣ выходило ничего себѣ и даже не было лишено своеобразной, вѣсколько дѣтски-наивной прелести. Большія широкія окна, украшенныя кисейными занавѣсками, даютъ всемъ этимъ заламъ и гостинымъ много свѣта, а благодаря высокимъ потолкамъ здѣсь всегда есть достаточно свѣжаго, чистаго воздуха. При домѣ устроенъ прелестный садикъ съ кипарисами, лаврами, виноградными бесѣдками, цвѣточными клумбами и довольно глубокимъ каменнымъ бассейномъ, въ которомъ можно купаться въ жаркую пору. Словомъ сказать, домъ Хаджи-Шерифъ-бея, со всеми его удобствами, представлялъ чуть не идеаль турецкаго благоустроеннаго дома въ полуевропейскомъ, полуазиатскомъ вкусѣ, и мы всѣ почувствовали себя въ немъ особенно хорошо и привольно послѣ бивуачныхъ лишеній на свѣжныхъ вершинахъ Траяна и ночлеговъ въ разоренныхъ турецкихъ хатахъ или въ убогихъ болгарскихъ „кештахъ“. Въ первый разъ послѣ долгихъ мѣсяцевъ гряди, нужды и лишеній попали мы въ такую обстановку, и только тотъ кому довелось самому переиспытать все это пойметъ чувство того довольства которое мы испытывали въ чистыхъ, свѣтлыхъ хоромахъ Хаджи-Шерифъ-бея.

Самъ Шерифъ-бей съ семействомъ уѣхалъ въ Стамбулъ, едѣвая общему потоку мусульманскаго бѣгства. Вмѣсто него тутъ хозяйничаетъ теперь богатый Грекъ Алеко Асекиларось, встрѣтившій нашего генерала на крыльцѣ дома. Этотъ Асекиларось говоритъ по-французки и потому мы могли узнать отъ него много небезынтересныхъ свѣдѣній о положеніи адрианопольскихъ дѣлъ въ послѣднее время. Онъ сообщаетъ между прочимъ что этотъ домъ пріобрѣтенъ имъ только за тысячу лиръ, что на наши деньги составляетъ 5.579 рублей

26½ металлическихъ коп. (дира=5 руб. 67 коп.), но приобрести условнымъ образомъ, съ тѣмъ что становится полною его собственностью только въ томъ случаѣ если Шерифъ-бей не возвратится болѣе сюда на жительство, что впрочемъ можетъ послѣдовать только когда Адрианополь будетъ отторгнутъ отъ Турціи въ силу будущаго мирнаго договора; въ противномъ же случаѣ Шерифъ-бей возвращаетъ Асекиляросу тысячу диръ съ извѣстными процентами и домъ опять поступаетъ въ собственность прежняго хозяина. Не показываетъ ли эта сдѣлка что сами Турки плохо вѣрятъ въ возможность своего возвращенія въ Румелию или по крайней мѣрѣ сильно въ ней сомнѣваются и потому слѣдуетъ заблаговременно, хоть за ничтожную цѣну, продать свою недвижимую собственность?

Тотъ же Асекилярось, который, какъ и всѣ Греки вообще, удивительно ладокъ на всякія новости и умѣетъ узнать и провухать все что угодно и изображаетъ собою какос-то ходячее всевѣднїе, между прочимъ разказалъ намъ что 7го января было сообщено по телеграфу изъ Порты въ Адрианополь чтобы всѣмъ гражданскимъ и военнымъ управленїямъ, забравъ что можно изъ дѣлъ, военныхъ запасовъ и оружія, немедленно послѣшить въ Стамбулъ, а городъ оставить Русскимъ. Вслѣдствіе этого бѣжало все что лишь могло или успѣло. Но въ силу самаго послѣдняго, такъ - сказать прощальнаго распоряженія адрианопольскихъ властей, въ городъ было оставлено пятьсотъ молодыхъ охотниковъ изъ Черкесовъ и разнаго турецкаго бездомнаго сброда, которые должны были при первомъ извѣстїи о приближенїи Русскихъ къ окрестностямъ Адрианополя зажечь городъ и, насколько успѣютъ, перерѣзать христіанскихъ жителей безъ различїя народностей. Спасло христіанъ только внезапное появленїе кавалерїи генерала Струкова 8го января, послѣ полудня, вслѣдствіе чего оставленные пять сотенъ охотниковъ тотчасъ же удрали. Но въ городъ все же осталось еще достаточное число разныхъ бродягъ, бѣглыхъ и разсѣявшихся солдатъ изъ разныхъ отрядовъ и башу-бузуковъ, которые бродятъ по окрестностямъ да по городскимъ базарамъ, прося милостыню, а гдѣ можно то и поворовываютъ; не прочь, конечно, при удобномъ случаѣ и пограбить. Оттого-то христіанское населенїе и радо такъ яриходу Русскихъ, въ надеждѣ что Русскіе водворятъ у нихъ порядокъ, обезпечатъ жизнь и

имущество. За невозможностью вывезти массы оружія и снарядовъ сложенныхъ въ арсеналѣ стараго серала, одного изъ старѣйшихъ и монументальныхъ зданій Адрианополя, турецкія власти предъ выѣздомъ своимъ изъ города взорвали сераль на воздухъ. Орудія тоже не всё успѣли они увезти съ собой: шесть осадныхъ пушекъ и цѣлый понтонный паркъ остались на желѣзнодорожной станціи, 27 армстронговныхъ орудій затолкано въ Марицѣ и изъ нихъ четыре орудія уже вытащены нашими солдатами.

Въ ожиданіи пріѣзда Великаго Князя мы переодѣлись и верхами отгравались на станцію желѣзной дороги, которая расположена верстахъ въ четырехъ за городомъ. Здѣсь былъ выставленъ почетный караулъ отъ Преображенскаго полка. Глядимъ и просто глазамъ не вѣримъ: тѣ ли это солдаты? Дѣйствительно, къ удивленію нашему, молодцовая рота предстала не только въ бодромъ, но, относительно говоря, даже въ щеголеватомъ видѣ. Вотъ что значитъ однѣ лишь сутки отдыха! Люди пообчистились, помылись, побрились, а главное выспались въ мѣру. Говорятъ будто солдатики предназначенные въ почетный караулъ снарядились сами, позаимствовавшись товарищъ отъ товарища кто салогамъ, кто шинелью, кто форменною фуражкой, кое-чѣмъ изъ амуниціи, и вышло ничего-себѣ, все какъ слѣдуетъ, по формѣ, словно бы вчерашнихъ „каликъ переходжихъ“ (какъ сами они себя въ шутку окрестили) и во вѣки не бывало! До прихода полѣзда еще оставалось около часа времени, которымъ мы и воспользовались для обозрѣнія ближайшей окрестности. Вокругъ станціи возникъ маленькій барачный городокъ: гостиницы, таверны, лавченки. Одна изъ послѣднихъ, около которой стояла порядочная кучка мушкетѣвъ въ сѣролейскихъ костюмахъ и красныхъ фескахъ, остановила на себѣ болѣе прочихъ наше вниманіе. На ея открытомъ прилавкѣ было выставлено до полудюжины мѣдныхъ тумбочекъ имѣвшихъ видъ усѣченныхъ конусовъ. Господа стоявшіе у прилавка подавали хозяину свои фески, а тотъ наляпывалъ ихъ на тумбочки и покрывалъ мѣдными же кострюльками, форма и размѣры которыхъ соответствовали тумбочкамъ. Кострюльки предъ этою операціей нагрѣвались на особой раскаленной чугушной плитѣ, и чуть лишь феска наляпанная на тумбочку покрывалась кострюлькой, изъ-подъ послѣдней начиналъ куриться паръ, а черезъ минуту владѣ-

лець фески получалъ свой вынаренный и выглаженный головной уборъ въ совершенно свѣжемъ, обновленномъ видѣ, и все это удовольствіе стоило не болѣе одного ластра (3½ копѣекъ). Оказалось что всѣ эти господа—служащіе при желѣзной дорогѣ и прихорашиваются для встрѣчи Великаго Князя. Въ послѣдствіи не мало подобныхъ же лавченокъ встрѣчали мы и въ самомъ городѣ, гдѣ около нихъ постоянно торчатъ кучки мушинъ въ ожиданіи обновления своихъ фесокъ. Здѣсь же, неподалеку отъ вокзала, увидѣли мы и орудія, и повтоный паркъ, о которыхъ повѣдалъ намъ Алеко Асекиларось. Дѣйствительно, орудія замѣчательныя и совсѣмъ новенькія, англійской работы и очень изящной отдѣлки; жаль только что безъ затворовъ, которые увезены въ Константинополь. Тутъ же брошено множество разснаряженныхъ орудійныхъ передковъ и полевыхъ лафетовъ, тоже совершенно новенькихъ, какъ съ иглочки, если можно такъ выразиться. Самыя же пушки и саряды увезены адрианопольскими властями. Въ нѣсколькихъ десяткахъ саженой отъ станціонныхъ зданій въ открытомъ полѣ возвышается шестисторонній редутъ. Что за великолѣпная постройка!... Это цѣлый фортъ, на 12 орудій, съ трехъярусною обороной, съ каменною обшивкой эскарпа, съ отличными траверсами и блиндированными помѣщеніями для гарнизона, и все это такъ хорошо приспособлено одно къ другому, такъ соображено съ условіями мѣстности, такъ прочно построено и даже изящно отдѣлано (просто хотъ на выставку!) что этотъ редутъ нельзя не признать изящнѣйшимъ образцомъ сооруженій такого рода. И это укрѣпленіе, какъ и всѣ прочія, сказываютъ, было насыпано болгарскими руками, разумѣется изъ-подъ неволи, по принужденію, только теперь, за нѣсколько дней до нашего прихода. Нельзя не отдать Туркамъ полной справедливости въ отличномъ и толковомъ умѣньи возводить полевая фортификаціонная постройки, и хорошо что они ихъ покинули безъ обороны, а то вѣроятно много и много пришлось бы намъ еще потрудиться надъ этими фортами.

Во второмъ часу полудни подошелъ къ станціи великокняжескій поѣздъ, и Его Высочество, выйдя изъ вагона, направился къ ротѣ почетнаго караула. Можно было замѣтить что бодрый молодецкій видъ людей даже приятно удивилъ Главнокомандующаго, который къ тому же давно не

видѣлъ гвардію, ушедшей въ Забакаанскій походъ вскорѣ послѣ взятія Телаша.

— Спасибо, Преображенцы! Вы дошли до Адрианополя какъ словно на парадъ! весело привѣтствовалъ ихъ Великій Князь и отлустивъ почетный караулъ, направился верхомъ къ городу. Мы примкнули къ свитѣ вмѣстѣ съ офицерами лейбъ-гвардіи Уланскаго Его Величества и Гродненскаго гусарскаго полковъ, тоже выѣхавшими верхами для встрѣчи Главнокомандующаго, у котораго такимъ образомъ составила огромная свита. Шоссеиная дорога шла мимо обширныхъ тутовыхъ плантацій и садовъ наполненныхъ громадными чинарами, орѣховыми деревьями и тополями. Вступивъ въ городское предмѣстье, мы вскорѣ прослѣдовали по двумъ большимъ каменнымъ мостамъ, съ кіосками по срединѣ, изъ которыхъ одинъ распростерся надъ рѣкою Ардой, а другой надъ Марицей. Разливъ былъ въ полнейшій силѣ, и обѣ рѣки выступившія изъ береговъ подъ самыя стѣны набережныхъ построекъ шумно и быстро катили свои мутныя волны. При слухѣ со втораго моста возвышалась арка слащій одлетенная миртовыми вѣтвями и украшенная преимущественно греческими флагами (голубыя и бѣлыя полосы); по срединѣ ея подъ зеленымъ миртовымъ крестомъ выставленъ былъ литографированный портретъ Государя Императора, а по бокамъ его начертаны голубою краскою на бѣлыхъ лентахъ привѣтственныя надписи по-гречески. Великаго Князя встрѣчало все городское духовенство въ облаченіи, съ крестами, и городская депутація отъ мусульманскихъ и христіанскихъ жителей съ хлѣбомъ-солью. Послѣ привѣтственной рѣчи крестный ходъ и депутаты повернули въ городъ, предшествуя русскому Главнокомандующему и его свитѣ, позади которой слѣдовали кареты второстепенныхъ лицъ турецкаго посольства пріѣхавшаго изъ Казанлыка вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ. На дверцахъ каждой кареты были нарисована роза — знакъ того что это экилажъ придворный. Впрочемъ сами послы Серверъ и Намыкъ остались еще позади, въ дорогѣ, и должны были пріѣхать въ Адрианополь только 16 января вмѣстѣ съ походнымъ гофмаршаломъ нашей главной квартиры генералъ-лейтенантомъ Галломъ. Сдѣлано это было за тѣмъ что Великій Князь не желалъ подвергать престарѣлыхъ латей неудобствамъ быстрыхъ и длинныхъ переходовъ какими слѣдовалъ самъ отъ Казанлыка до Семена-Тырнова.

Толпы народа скорѣе изъ любопытства чѣмъ отъ радости наполняли улицы и площади; иногда въкоторыя кучки тамъ и сямъ привѣтствовали появленіе кортежа криками, но вообще эта встрѣча далеко уже не была столь задумчива, неудержимо восторженна какъ систовская и тырновская, быть-можетъ потому что здѣсь большинство населенія не болгарское. Можно сказать безошибочно что привѣтственные крики раздавались только въ кучкахъ Болгаръ и иногда Армянъ; Греки же хотя и выставили арку, болѣе кажется для доказательства что это городъ греческій, но встрѣчали молча, равнодушно, такъ же какъ и Турки. Вообще въ большинствѣ населенія видимо проявлялась какая-то недоувѣрчивая сдержанность: дескать посмотримъ напередъ чѣмъ-то еще все это кончится, и чувство такого рода, насколько я могъ замѣтить, положительно преобладало. Главная улица изъ конца въ конецъ прорѣзываетъ весь Адрианополь, дѣлая одинъ лишь небольшой двуколѣнчатый загибъ около турецкаго кладбища, переломленнаго высокими деревьями и мраморными памятниками, которые наши солдаты очень характерно прозвали „болванками“. Начиная отъ этого кладбища городъ уже принимаетъ преимущественно торговый, промышленный характеръ. Здѣсь на каждомъ шагѣ лавки, лавочки, лавченки, здѣсь же и главный крытый базаръ и кромѣ того множество кабацковъ, кофеенъ и трактирчиковъ, между которыми красуется „Страннопримница Тракія“, и во всѣхъ этихъ заведеніяхъ открыто идетъ жесточайшая игра въ домино, карты и кости, причемъ главный контингентъ игроковъ составляютъ Греки и Армяне, которые вообще являются преобладающимъ элементомъ городского населенія.

Наконецъ кортежъ Великаго Князя вступилъ въ обширный дворъ адрианопольскаго конака. Этотъ послѣдній представляетъ изъ себя довольно мрачное зданіе, благодаря своему запущенному, грязному виду. Ворота и главный подъѣздъ были украшены разными флагами, между которыми замѣчались и русскіе государственные цвѣта. Деревянная внутренняя лѣстница сплошь была устлана краснымъ сукномъ и „гарпирована“ по бокамъ въ видѣ непрерывной гирлянды лучками миртовъ и киларисными вѣтками. Эта лѣстница улируется непосредственно въ широкія стекольчатыя двери ведущія въ какое-то полутемное, сараеобразное помѣщеніе—не то зала, не то громаднѣйшій широкій корридоръ, проходящій

вдоль всего верхняго этажа и освѣщенный только съ одного конца широкимъ окошкомъ съ нѣсколькими выбитыми стеклами. Здѣсь по угламъ стояло два-три небольшіе дивана съ подомленными ножками, нѣкогда крытые бархатомъ, нынѣ совершенно выцвѣтшимъ, потертымъ и пооборвавшимся. Этотъ сарай, какъ говорятъ, служилъ для адрианопольскихъ вали парадною приемною залой. Въ немъ, какъ въ самой большой комнатѣ конака, была потомъ устроена столовая главной квартиры. Изъ сарая нѣсколько дверей, прикрытыхъ вмѣсто лортьеръ какими-то грязными, стеганными суковными одѣялами темнокаштановаго цвѣта, ведутъ въ отдѣльные кабинеты и гостиныя, изъ которыхъ самая парадная является удивительную смѣсь роскоши и неряшества: великолѣпный коверъ во весь полъ, и стѣны кое-какъ покрашенныя охрой; на высокихъ окнахъ роскошнѣйшія длинныя драпировки изъ тяжелой узорчатой шелковой матеріи, а по срединамъ комнаты маленькая переносная печка изъ листового желѣза, какія у насъ употребляютъ въ рабочихъ баракахъ, съ колѣчатой желѣзною трубой, обмазанною глиной; на потолкѣ трещины и колоты, по угламъ лагутина; мебель крытая дорогимъ штофомъ, и при этомъ вмѣсто лортьеръ все такія же грязныя одѣяла какъ и въ сарайной приемной залѣ.

Мы съ утра ничего еще не ѣли и потому направились на розыски какого-нибудь порядочнаго ресторана. Какъ на лучшія заведенія этого рода намъ указали на двѣ гостиницы, „Америка“ и „Румелия“. Но, увы, жестоко обманулись наши расчеты и надежды на адрианопольскихъ Дюссо и Борелей!. Грязныя, чадныя столовыя комнаты были переполнены голловымъ офицерствомъ. На столахъ предъ каждымъ приборомъ стояло жиденькое блѣднокрасное вино разлитое въ небольшія стаканы, вино очень плохое и кислое; салфетки грязныя, вилки и ножи тоже; изъ кухни на весь домъ несетъ чадомъ жаренаго постнаго масла, отъ котораго даже подъ стекломъ закопѣлъ висящій на стѣнѣ портретъ греческаго короля Георга. Здѣсь, по греческому обыкновению, всѣ вообще блюда приготавливаются на „барабанскомъ“, какъ произносятъ Греки, то-есть на прованскомъ маслѣ, а иногда, за неимѣніемъ его, и просто на деревянномъ, которое у насъ извѣстно подъ именемъ лампаднаго. Къ довершенію всего нигдѣ на Балканскомъ полуостровѣ не умѣютъ очищать этотъ продуктъ, вслѣдствіе чего и оливковое, и деревянное

масло отзывается особеннымъ, далеко не приятнымъ запахомъ и вкусомъ, а потому ко всемъ этимъ котлетамъ и бифстекамъ на „барабанскомъ“ масле надо имѣть большую привычку чтобы находить ихъ вкусными. Тутъ не помогаетъ даже и голодъ, служащій, какъ извѣстно, лучшею приправой обѣда. Но и содрали же съ насъ за обѣдъ такъ какъ не драли даже и Румыны въ Плоештахъ; а когда одинъ изъ насъ сталъ укорять хозяина-Грека въ безбожномъ дневномъ грабежѣ, то увертливый Грекъ пустилъ въ ходъ обычный аргументъ на счетъ „бѣдщина религіонъ“ и распространился на ломаномъ французскомъ языкѣ о своей симпатіи къ Русскимъ, о нашей національной щедрости и богатствѣ—что, дескать, значитъ для васъ заплатить лишній золотой бѣдному Греку, угнетенному турецкимъ игомъ и исповѣдующему съ вами „бѣдщина религіонъ“. Ну и конечно заплатили. Ничего не подѣлаешь!

Но заплативъ дорого, ушли мы все-таки полуголодными и, отъ нечего дѣлать, отправились гулять по главной улицѣ, къ конаку. Какъ разъ противъ самаго конака, надъ входомъ въ какой-то каменный домъ грязно-желтаго цвѣта, одинъ изъ насъ случайно прочелъ *русскую* вывѣску, на которой было написано: *С.-Петербургскій трактиръ*. Это показалось и куріозно, и заманчиво. Рѣшили общимъ голосомъ—зайти и посмотреть что за трактиръ такой, неужели и въ самомъ дѣлѣ русскій? Не Грекъ ли какой изъ Таганрога или Балаклавы, ради прихода нашихъ войскъ, вздумалъ щегольнуть предъ нами русскою вывѣской: авось-либо подадутся на эту удочку?

Подымаемся во второй этажъ, и вдругъ—о, удивленіе!—съ верхней площадки на встрѣчу намъ раздается голосъ:

— Добро пожаловать, господа офицеры!.. Милости просимъ!.. Очинно ради гостямъ дорогимъ!..

Глянули мы вверхъ—и просто глазамъ не вѣримъ. Соотечественница, самая настоящая, несомнѣнная соотечественница стоитъ, перегнувшись черезъ деревянные перила, и осклабляется широкою русскою улыбкой. Широкія румяныя щеки, свѣтлорусые волосы, сѣрые глаза, носъ уточкой—однимъ словомъ, все какъ свидуетъ, то-есть самое заурядное, но не лишнее миловидности, лицо простой русской женщины изъ какихъ-нибудь пригородныхъ мѣщанокъ.

— Вы здѣсь какими судьбами?! чуть не всё разомъ вежливо воскликнули мы въ одинъ голосъ.

— А мы, значить, тугошныя... хозяева будемъ... Пожалуйте въ горницу-сь!

— Вы это какъ же? съ какимъ-нибудь отрядомъ что ли пришли сюда? спросили мы, предполагая въ нашей хозяйкѣ жену какого-нибудь маркитанта.

— Нѣ-вѣтъ-сь... Мы не съ отрядомъ; мы тугошныя, говорю вамъ... адрианопольскіе, трахтиръ содержимъ.

— И дивно вы здѣсь?

— Да вотъ ужь одиннадцатый годъ пошелъ.

— И ничего? живете?

— Живемъ... Богъ грѣхамъ терпитъ... Грѣхъ пожаловаться.

— И Турки не обижали?

— Нѣ-вѣтъ... Это зачѣмъ же? Слава тѣ Господи, обиды ни отколь не видѣли. Пожалуйте-сь!. Чайку не прикажете ли?

Зашли мы; да и какъ не зайти ради соотечественницы? Русская женщина въ Адрианополь, да еще адрианопольская жительница—явленіе не совсѣмъ-то заурядное. Но еще болѣе удивились мы, когда она представила намъ своего супруга—господина Розенберга, или Розенблюма, что-то въ этомъ родѣ. Супругъ оказался пожилымъ, невзрачнымъ человѣчкомъ несомнѣннѣйшаго еврейскаго происхожденія, и хотя по-русски говоритъ довольно бойко, но съ сильнымъ польско-еврейскимъ произношеніемъ: бороду, впрочемъ, пробриваетъ и видомъ своимъ походитъ на какого-нибудь отставнаго ротнаго цирюльника или портнаго изъ полковой швальни. Потомъ изъ разговоровъ оказалось что онъ „выхрестъ“, пріѣхалъ въ Адрианополь такъ-себѣ, счастья искать—„затаво сшто зжить надо, гхлѣбы куштить надо“—и что жену его зовутъ Аннушкой. Эта милая Аннушка подава намъ борщи и битки, такъ что мы пообѣдали вторично, и хотя все это было далеко не изысканнаго приготовленія, но все же лучше чѣмъ въ разныхъ „Америкахъ“ и Румелияхъ“, хотя бы уже и потому что не на „барабанскомъ“ маслѣ. Аннушка сама стряпала на кухнѣ. Какая причина, какая судьба толкнула ее, чистокровную Русачку, выходить замужъ за этого Розенблюма и какимъ вѣтромъ занесло ихъ сюда, въ Адрианополь, тогда какъ, по ея словамъ, „мы-ста смоленскіе“,—это ужь Богъ вѣсть... Оба они отвѣчали на это какъ-то уклончиво, да и мы не особенно любопытничали. Розенблюмъ предложилъ намъ замѣчательно хорошаго вина; мягкое, но крѣпкое и густое, золотисто-прозрачное и ароматное, оно соотвѣтствовало лучшимъ сор-

тамъ кипрскихъ винъ, и нашъ хозяинъ сообщилъ намъ „по закрету“ что когда по выѣздѣ адрианопольскихъ властей, христiane, между прочимъ, разбили винный погребъ вали, то онъ, Розенблюмъ, приобрѣлъ себѣ добрый запасецъ этого вина у одного сосѣда, и что у вали былъ прекрасный погребъ для угощенія за парадными обѣдами господъ консуловъ и знатныхъ иностранцевъ. Въ Аннушкиномъ трактирѣ, сравнительно съ греческими „Америками“, взяли съ насъ очень не дорого—съ виномъ что-то около восьми франковъ съ каждаго, такъ что Еврей Розенблюмъ оказался несравненно добросовѣстнѣе и безкорыстнѣе здѣшнихъ потомковъ Семи-стокаловъ, Аристидовъ et cetera, etc.

Сговорившись отправиться въ турецкія бани, мы зашли предъ тѣмъ въ армяно-французскую цирюльню постричься. Французскою она слыветь здѣсь потому что выѣска на ней французская и что самъ хозяинъ кое-какъ изъясняется по французски, навязывая своимъ посѣтителемъ „французскіе“ духи и мыло константинопольскаго происхожденія. Здѣсь бритье и стрижка производятся посредствомъ особыхъ при-емовъ, причемъ вамъ моютъ голову теплою водою съ мыломъ и для просушки обертываютъ ее, какъ чалмой, длинными мохнатыми полотенцами, а бородобрѣй, приступая къ дѣйствію, подноситъ къ вашему горлу мѣдный тазъ съ полукруглою по размѣру шеи вырѣзкой на одномъ краю, наполненный влѣвевнымъ мыломъ, которымъ и начинаетъ натирать ваши щеки не кисточкой, а просто рукой, что безъ сомнѣнія весьма патріархально-просто, но для мало-мальски безгнѣваго человѣка не особенно пріятно. Эта цирюльня памятна мнѣ по пролажѣ моихъ карманныхъ часовъ. Начиная стричься, я снялъ съ себя мундиръ, въ боковомъ карманѣ котораго остались часы. Къ сожалѣнію, я хватился ихъ уже выйдя на улицу, но почти тутъ же, сразу, едва ли успѣвъ сдѣлать какихъ-нибудь десять шаговъ. Тотчасъ же возвращаюсь и заявляю хозяину о пролажѣ, прося его поискать на полу, быть-можетъ де какъ-нибудь случайно выпали. Поиски однако ни къ чему не привели. Армянинъ-хозяинъ очень любезно и невозмутимо объявилъ мнѣ что искать даже не для чего, потому что часы, по всей вѣроятности, пропали.

— Но при снятіи мундира они были при мнѣ, я знаю, я твердо помню, возвратилъ я.

— Очень можетъ статься что и были: не смѣю спорить, покорно согласился хозяинъ.

— Въ такомъ случаѣ они пропали здѣсь, въ вашей цирюльнѣ.

— Очень можетъ быть что и здѣсь... Мало ли тутъ ходитъ разнаго народа! За всѣми не углядишь!

— Но при насъ, кажется, никого посторонняго не было?

— За то *посль васъ* могли придти и уйти посторонняе... Что вы хотите! Это въ порядкѣ вещей: городъ, monsieur, большой, а потому и воровство большое.

Дѣйствительно большое и притомъ очень наглое. На этомъ аргументѣ почтеннаго Армянина и пришлось усложниться.

Турецкія бани разочаровали насъ, какъ и все остальное въ этомъ городѣ, въ этой „турецкой Москвѣ“, какъ его называютъ. Мнѣ уже довелось однажды быть въ турецкой банѣ, въ Ловчѣ, куда мы всѣ нарочно ѣздили мыться изъ-подъ Плевны. Но какъ тамъ, такъ и здѣсь одинаково мерзко. Это не бани, а какія-то насквозь проколтѣлыя каменные труппы, съ неровнымъ плитвымъ поломъ и мраморными скамейками, темныя, мрачныя. Слабый свѣтъ едва лишь проникаетъ туда сквозь нѣсколько маленькихъ круглыхъ отверстій въ потолкахъ, покрытыхъ стеклянными колпаками. Пару въ этихъ баняхъ нѣтъ никакого; дымъ вѣетъ глаза, смрадный керосиновый кагацедъ безъ стекла поставленный въ нишѣ колтатъ и смердитъ невыносимо, на полу грязная салякоть и въ добавокъ ко всѣмъ этимъ удовольствіямъ повсюду ходитъ сквозной вѣтеръ, такъ что ничего нѣтъ легче какъ схватить себѣ тутъ простуду. О грязи въ предбанной залѣ, равно какъ на стѣнахъ и потолкахъ въ самой банѣ нечего и говорить. Отъ стѣнъ вообще надо, здѣсь держаться подалеже, такъ какъ по нимъ ползаютъ отвратительныя мокрицы и стоножки. Вообще мы только удивлялись и разводили руками, вспоминая при этомъ разныя поэтическія описанія восточныхъ бань которыя доводилось иногда читать во время одно у разныхъ путешественниковъ „баснолицевъ“. Въ дѣйствительности ничего подобнаго нѣтъ, да нѣтъ никакихъ основаній предполагать чтобы и было когда-либо.

Это то же самое что и описанія „восточныхъ красавицъ“ турецкаго происхожденія. Настигая безчисленные обозы турецкихъ бѣглецовъ, много и не разъ приходилось намъ видѣть турецкихъ женщинъ и въ чадрахъ, и безъ оныхъ, хотя, надо

замѣтить, что чадра точно такъ же какъ нашъ вуаль позволяетъ не только видѣть черты лица, но даже способствуетъ въ некоторой мѣрѣ въ ихъ пользу, и однакоже, милостивое женское личико встрѣчалось намъ какъ довольно рѣдкое исключеніе, да и то по большей части красивыя женщины оказывались женами и дочерьми помаковъ (потурчившихся Болгаръ) или Черкешенками.

Нельзя сказать чтобы черты лица Турчанскъ были дурны; напротивъ, онѣ очень правильны (иногда развѣ вредятъ имъ черезчуръ развитыя широкія скуды), а изгибъ черныхъ, нѣсколько впрочемъ подмадеванныхъ бровей и каріе либо сѣрые глаза безъ сомнѣнія могли бы сообщать этимъ чертамъ еще большую прелесть, еслибы цвѣтъ лица Турчанокъ не былъ такъ мертво-блѣдень. Ихъ лица словно бы вытѣлены изъ воска. Будучи отъ природы преимущественно блѣокуроыми, съ рыжеватымъ отливомъ, Турчанки большею частью безобразятъ себя окраскою своихъ волосъ въ неестественный желто-красный цвѣтъ, для чего у нихъ въ употребленіи какая-то краска, называемая *кини*, которою онѣ окрашиваютъ себя также и ногти, а иногда даже и зубы. Отъ сидячей жизни у нихъ является наклонность къ преждевременной чрезмѣрной полнотѣ (за исключеніемъ, конечно, сельскихъ рабочихъ женщинъ) и вѣроятно тѣ же условія замкнутой, малоподвижной жизни вліяютъ даже на физическій складъ гаремныхъ женщинъ, разумѣя подъ этимъ имеемъ не привозныхъ рабынь, куленныхъ на невольничьихъ рынкахъ, а женщинъ родившихся и выросших въ гаремѣ. Онѣ большею частью малорослы, низкостанны, коротконоги и въ добавокъ ко всему этому почти всѣ безъ исключенія косошлы, что является уже несомнѣннымъ послѣдствіемъ вѣчной привычки сидѣть поджавъ подъ себя скрещенныя ноги. Причѣмъ послѣдствій этой же причины мы легко можемъ наблюдать на нашихъ собственныхъ лортовыхъ подмастерьяхъ. Привитая съ дѣтства косошлость, особенно при низкомъ станѣ, дѣлаетъ походку гаремныхъ женщинъ весьма не граціозною, перевалистою съ боку на бокъ, что называется, утивою. Да и кромѣ того на отсутствіе граціи не мало вліяетъ самый уличный костюмъ турецкой женщины: какая-то безобразно скроенная хламиды, „фередже“, въ родѣ широкаго бурвуса, доходящая только до щиколки и потому вовсе не прикрывающая косошлость. Неоднократно видѣвъ все это

воочію, пришавсь по неволѣ прити къ заключенію что пресловутая не разъ воспѣтая „восточная красота“ турецкихъ женщинъ тоже принадлежитъ къ области мнѳовъ и богатой фантазіи досужихъ „баснописцевъ“.

Было уже темно, когда мы возвращались изъ бани, и тутъ, къ немалому удивленію, увидѣли что городъ иллюминированъ, какъ оказалось потомъ въ честь пріѣзда Великаго Князя. Турецкая иллюминація состоитъ изъ точно такихъ же плашекъ и шкаликовъ какъ и въ нашихъ провинціальныхъ городахъ, гдѣ не заведено еще газоваго освѣщенія. Но было и нѣчто такое что сообщало этой иллюминаціи особенную, своеобразную и, надо сказать, повѣстическую прелесть, которую мы замѣтили только возвратившись домой. Какъ я сказалъ уже, изъ оконъ дома Хаджи-Шерифъ-бея открывались прелестные виды, съ одной стороны на мечеть Селима, съ другой на весь южный и юго-западный концы города. Балкончики трехъярусныхъ минаретовъ Селима, равно какъ и всѣ остальные минареты многочисленныхъ мечетей, разбросанныхъ по широкому пространству всего города, были увѣнчаны огненными каемками искрящихся звѣздочекъ. На чудномъ фонѣ глубоко темносиняго неба, при отсутствіи луны, эти огненные каемки, сверкающія въ вышинѣ надъ темною массой городскихъ зданій, производили очаровательный эффектъ, тѣмъ болѣе что контуры самыхъ минаретовъ совершенно исчезали во мракѣ и такимъ образомъ казалось будто огненные вѣнды ничѣмъ не поддерживаемые висятъ въ самомъ воздухѣ. Здѣсь мы замѣтили что мечеть Селима освѣщена не только снаружи, но и внутри. Вслѣдствіе этого было рѣшено сейчасъ же отправиться и посмотрѣть что тамъ дѣлается.

— Иллюминація прелества, замѣтилъ по дорогѣ одинъ изъ насъ:—но... все-таки это не хорошо и признаюсь до сихъ поръ я гораздо лучше думалъ о Туркахъ.

— Что не хорошо? спросилъ его.

— Да то что они зажгли эти огни на мечетяхъ.

— Почему же нѣтъ, если городъ празднуетъ пріѣздъ Великаго Князя?

— Такъ-то такъ, да все же... Вѣдь еслибы нашъ врагъ, предположимъ, вступилъ въ Москву, не зажгли жь бы мы иллюминацію на Иванѣ Великомъ и не освѣтили бы торжественнымъ образомъ кремлевскихъ соборовъ!

Мы всё поняли чувство подсказавшее нашему товарищу такое мнѣніе и всё согласились съ его взглядомъ.

Долго блуждали мы по мечетнымъ дворикамъ и площадкамъ узорчато выложеннымъ разноцвѣтными мраморными плитами и все не могли попасть куда слѣдуетъ. Фонтаны въ темнотѣ меланхолически плескали своими струйками подъ навѣсами темныхъ кіосковъ; мраморныя колоннады поддерживающія своды открытыхъ галлерей вокругъ мечети казались рядомъ какихъ-то фантастическихъ великановъ; внутри храма одиноко раздавалась чей-то высокій, сильный и чистый теноръ, выводившій протяжныя тоскливыя тоны, словно тяжкіе вздохи изъ глубины страдающей груди, мѣшая ихъ съ миморнымъ речитативомъ. Чтò за своеобразный мотивъ! Онъ совершенно чуждъ европейскимъ звукамъ, но полонъ дикой силы и прелести. Онъ почти весь построенъ на полутонахъ. Въ немъ и тоска, и страстность, и мечтательность... Не знаю и самъ почему только этотъ мотивъ вызвалъ въ моемъ воображеніи широкую картину знойной азиатской пустыни, гдѣ вѣроятно и рождались когда-то эти завывающіе звуки.

Но какъ же, наконецъ, проникнуть въ джамію? Толкнулись въ одну дверь—залерто, въ другую—залерто. На наше счастье попадаются на встрѣчу какіе-то офицеры.

— Вы вѣрно входъ ищете, господа? спрашиваютъ. — Ступайте вотъ за уголъ направо, первая дверь по галлерей, тамъ отперто.

Мы поблагодарили и освѣдомились чтò тамъ такое происходитъ.

Оказалось что нѣсколько генераловъ пожелали видѣть внутреннее освѣщеніе джаміи. Муалы согласились очень охотно, заявивъ что это удовольствіе будетъ стоить сто франковъ, собственно какъ плата за освѣтительный матеріалъ; и когда грамъ былъ освѣщенъ, то муалы простерли свою любезность еще далѣе и показали примѣрное богослаженіе.

Мы отыскали указанную дверь и, приподнявъ тяжелую завѣсу, вошли въ знаменитую джамію. Съ перваго же взгляда мусульманскій храмъ поражалъ громадностью своихъ размѣровъ. Онъ сіялъ безчисленнымъ множествомъ мерцающихъ лампадъ, которыя рядами и фестонами были подвѣшены подъ одинъ громадный желѣзный обручъ спускавшійся изъ глубины купола на канатахъ; вокругъ него и въ разныхъ другихъ

мѣстахъ храма сіадо нѣсколько подобныхъ же обручей, только меньшихъ размѣровъ; изъ-подъ каждой полукруглой арки, словно огнистыя подпизи ожерелья, мерцали, покачиваясь, ряды маленькихъ лампадокъ; въ вышинѣ, надъ мѣстомъ которое соотвѣтствуетъ нашему алтарю, горѣтъ разноцвѣтными огнями цѣлый букетъ шаровидныхъ лампаоновъ, а надъ нимъ на нѣсколько аршинъ еще выше одиноко и томя свѣтилъ матовый полумѣсяцъ—эмблема мусульманства.

Всѣ внутреннія стѣны и карнизы джаміи испещрены вязью благочестивыхъ надписей и арабесками частью мозаичными частью кафельными; полъ мраморный, въ разноцвѣтную каѣтку, и мѣстами покрытъ цыновками очень тонкой изящной работы. По самой срединѣ храма журчитъ фонтанъ въ небольшомъ мраморномъ бассейнѣ, а надъ нимъ на нѣсколькихъ колонкахъ устроенъ родъ эстрады окруженной рѣзными перилами, куда ведетъ особая лѣсенка. На этой эстрадѣ, поджавъ подъ себя ноги, возсѣдалъ лѣвецъ въ бѣлой чаамѣ, молодой и красивый мужчина, а предъ нимъ, на низенькомъ створчатомъ люлитрѣ, лежалъ *Коранъ*—громадная книга, писанная на пергаментѣ. Въ восточной сторонѣ храма, которая соотвѣтствуетъ нашему алтарю, въ стѣнѣ находится большая мраморная ниша, „мехрабъ“, по бокамъ которой стоитъ пара громадныхъ канделябръ; вдоль же самой стѣны, у оконъ, поставлены такіе же низенькіе люлитры какъ и на эстрадѣ предъ лѣвцомъ и на нихъ локоятся такіе же развернутые *Кораны*. Нѣсколько благочестивыхъ козвнопременныхъ мусульманъ сплотились тѣснымъ полукругомъ предъ „мехрабомъ“ и, сидя на собственныхъ пяткахъ, безъ туфель, клали частые поклоны, склоняясь лбомъ на простертыя впередъ ладонями книзу руки. Въ этой молитвѣ сопровождаемой одинокомъ лѣвцемъ на эстрадѣ и состояло все богослуженіе. Но болѣе всего удивило меня въ мусульманскомъ храмѣ то что онъ построенъ совершенно по образцу храмовъ христіанскихъ, то-есть крестообразно. Почему это такъ? я не сумѣю дать отвѣтъ надлежащій и точный.

На слѣдующій день утромъ, взявъ съ собою толмача-Болгарина, мы отправились бродить по базару, который наши офицеры прозвали турецкимъ пассажемъ. Это длинное, въ нѣсколько сотъ аршинъ, сводчатое зданіе, которое тянется вдоль главной улицы, обѣдленное снаружи всевозможными лавченками, а внутри представляющее собою крытый широ-

кій корридоръ, куда свѣтъ проникаетъ только сверху, сквозь особыя окрашенныя синькой отверстія въ сводчатомъ потолкѣ, такъ что внутри базара всегда царитъ нѣкоторый голубоватый полусвѣтъ и прохлада. Полъ этого корридора вымощенъ булыжникомъ и щебнемъ, такъ что по немъ можно ѣздить не только верхомъ, но даже и въ экипажахъ. Здѣсь постоянно толпится множество празднаго народа, такъ какъ базаръ служитъ мѣстомъ не одной только кулди и продажи, но и главнымъ резервуаромъ всевозможныхъ новостей, слуховъ, извѣстій, замѣняя собою для Турокъ наши газеты. По обѣ стороны корридора тянутся тѣснымъ, непрерывнымъ рядомъ лавки со всевозможными товарами, гдѣ торгуютъ преимущественно Армяне. Собственно восточные товары являются тутъ въ образѣ мѣдныхъ кофейниковъ, кушавовъ, тазовъ, разныхъ жестяныхъ и гончарныхъ изделий, да еще въ видѣ шелковыхъ и кисейныхъ матерій, суконныхъ салфетокъ, скатертей и подушекъ, очень красиво расшитыхъ разноцвѣтными шелками, сафьянныхъ туфель весьма дубоватой работы, глиняныхъ трубокъ, кальяновъ, длинныхъ жасминовыхъ чубуковъ, разныхъ фесокъ и т. п. Попадаются также бархатные либо атласные костюмы, женскія куртки-арнаутки, платья и халаты роскошно расшитые золотыми и серебряными узорами, къ которымъ, впрочемъ, по цѣнѣ и приступа нѣтъ. Одинъ изъ насъ, желая прицѣпиться, спросилъ у кулца-Армянина что стоить подобный бархатный костюмъ и получилъ отвѣтъ что цѣна ему лятьсотъ полуимперіаловъ. Мы пожелали ему счастья въ торговлѣ и умнаго покупателя, но болѣе къ подобнымъ вещамъ уже не прицѣплялись. Тутъ же по базару шныряютъ всевозможные разнощники и продавцы воды, лимонадовъ, халвы, шербетовъ, громадныхъ яфскихъ апельсиновъ, каменныхъ фисташекъ и грецкихъ орѣховъ. Кулцы турецкаго происхожденія, весьма впрочемъ немногочисленные, чинно сидятъ, поджавъ подъ себя ноги, предъ своими лавками на низенькихъ диванахъ и на спросъ о цѣнѣ того или другаго товара объявляютъ настоящую цѣну сразу, не торгуясь и не запрашивая ни одного лишняго піастра,—черта замѣчательной коммерческой честности и прамудрости. И когда кулець-Турокъ видитъ что дѣло съ покупателемъ идетъ у него на ладъ, онъ съ благодушною серіозностью самъ свертитъ ему папироску и угоститъ турецкимъ кофе въ мамень-

къ фарфоровой чашечкѣ. Кофе тутъ у нихъ вообще какъ-то всегда подъ рукой. Кромѣ названныхъ восточныхъ товаровъ, все остальное—самая заурядная европейская дрянь, въ родѣ той что продается въ нашихъ табачныхъ лавочкахъ; мундштучки, портмоне, портсигары, хлыстики, зонтики, томлаковыя серьги, кольца, стеклянныя буссы и т. л. Базаръ открытъ только до трехъ часовъ дня—таковъ уже обычай. За четверть часа до срока, изъ конца въ конецъ проходятъ два базарные глашатаи и громкимъ голосомъ на раслѣвъ выкликаютъ что время близится къ урочному часу, тогда публика начинаетъ удаляться, а купцы запираютъ лавки; базарные же глашатаи становятся у входовъ, чтобъ уже никого болѣе не впускать, и ровно въ три часа тяжелыя, окованныя желѣзомъ ворота замыкаются желѣзными болтами, засовами, перекаладинами и кромѣ того еще запираются громадными висячими замками до слѣдующаго утра. Торговая же уличная и лавочная внѣ базара продолжается до сумерекъ. Намъ пришлось сдѣлать нѣсколько необходимыхъ покупокъ и, надо сознаться, что благодаря Грекамъ и Армянамъ это было самое неприятное изъ всего испытаннаго нами въ Адрианополѣ. Не дай Богъ вообще имѣть съ ними какое бы то ни было дѣло! Наши доморощенные Жидки гораздо лучше и честнѣе. Я вообще не изъ ихъ поклонниковъ, но тутъ пришлось и Жидка ломать добрымъ словомъ. Армяне и Греки имѣютъ обыкновеніе запрашивать и торговаться, такъ что куда предъ вами всѣ ваши толкучники съ ихъ заламываніями, вазойливыми зазываніями и возвращеніями покупателя въ лавку! Но и кромѣ того, сторговавъ что-нибудь, въ особенности у Грека, гледи за нимъ что называется *въ оба*, а то какъ разъ подмѣнить показную и уже сторгованную вами вещь на такую же, только визшаго сорта и наилучшаго качества, и учинить это такъ ловко что замѣтишь обманъ только дома, когда развернешь покулку. Здѣсь не разъ пришлось мнѣ вспомнить одну очень мѣткую характеристику всѣхъ этихъ „восточныхъ человекъ“, слышанную мною однажды въ Ростовѣ-на-Дону отъ одного очень умнаго русскаго купца: „Одинъ Цыганъ, говорилъ онъ, двухъ Русскихъ надуетъ, одинъ Жидъ двухъ Цыганъ надуетъ, одинъ Армянинъ двухъ Жидовъ надуетъ, одинъ Грекъ десятихъ Армянъ надуетъ! Судите же по этому сколько Русскихъ онъ надутъ долженъ!“ Окончивъ покупки, мы

лавали „арабджи“ и поѣхали за городъ, посмотреть на остатки стараго серала, взорваннаго Ахметъ-Эюбомъ наканунѣ вступленія въ Адрианополь генерала Струкова, такъ какъ не было возможности вывести громадныя склады оружія, снарядовъ и пороха помѣщавшіеся въ этомъ зданіи. Путь къ сералу лежитъ мимо предестной платановой или чинаровой роши, которая раскинулась своими великанами-деревьями по плоской визмеяной луговинѣ и служить мѣстомъ лѣтнихъ загородныхъ прогулокъ для мѣстныхъ жителей, преимущественно же, какъ говорятъ, для мусульманокъ, которыя по известнымъ днямъ наѣзжали сюда цѣлыми гаремами погулять по шелковой муравѣ, полежать въ тѣни раскидистыхъ чинаровъ, покушать шашыка зажареннаго тутъ же на воздухѣ, отвѣдать мороженнаго и шербетовъ, посмотреть на фокусниковъ и жонглеровъ, послушать военную музыку или бродячихъ артистовъ и насладиться занимательными разказами бродячаго сказочника-импровизатора. Среди роши есть и кофейный домъ, и встрада для оркестра, и разныя бесѣдки, и обелески какіе-то, и фонтанъ, и ручей текущій неподалеку; но главное, эти чудные старорослые платаны, которые придаютъ всему этому уголку истинно поэтическую прелесть.

Старый сералъ занимаетъ громадную площадь, сплошь обнесенную каменнымъ заборомъ. Надъ главными воротами этого забора построена казарма, въ которой теперь помѣщается нашъ караулъ; за заборомъ первый дворъ, лустой и весьма обширный, а внутри его новая, нынѣ почти разрушенная стѣна, за которою находился второй дворъ куда вель особый проходъ между двухъ лавильионовъ, очень изящной архитектуры, насколько можно судить по ихъ разрушеннымъ остаткамъ. Во второмъ дворѣ помѣщался домъ или вѣрнѣе замокъ, съ центральною круглою башней, которая послѣ взрыва уцѣлѣла только одною своею половиною. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ замка стоятъ развалины осбаго дворца, гдѣ во времена могущества и славы первыхъ султановъ помѣщались гаремъ и бани. Кое-гдѣ можно еще видѣть остатки мозаичныхъ кафельныхъ стѣнъ, слѣды стѣнной живописи, разныя надписи и арабески, шифры султанскіе, букеты и гирлянды. Больше всего уцѣлѣли бани съ мраморными полами, стѣнами и потолками, которыя, судя по остаткамъ, представляли нѣчто дѣйствительно изящное и

говорящее въ пользу пресловутой „роскоши Востока“. По странной случайности на половину уцѣлѣла часть еще одного особаго зданія, вѣроятно серальскихъ службъ, гдѣ послѣднее время помѣщался одинъ изъ пороховыхъ складовъ, тоже уцѣлѣвшій. Мы заглянули туда и увидѣли ящики металлическихъ и бумажныхъ патроновъ, а также пороховые боченки. Крышка съ одного изъ нихъ на половину была собита. Мы захватили пригоршню пороха чтобы посмотреть насколько искусны Турки въ его производствѣ; но это оказалось не турецкій, а чистѣйшій англійскій порохъ, мелкій, отлично подпорованный и не оставляющій на рукѣ ни малѣйшаго слѣда угольной пыли. Еслибы такой порохъ да въ наши боевые заряды!... Въ бумажныхъ патронахъ онъ былъ точно такого же качества. На нѣкоторыхъ ящикахъ рядомъ съ турецкими надписями стоятъ какія-то англійскія помѣтки и годъ 1877. По всему видно что „просвѣщенные мореплаватели“ соблюдали свой нейтралитетъ какъ нельзя болѣе строго и отмѣнно честно. Кромѣ бабъ и этого какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшаго склада все остальное представляетъ жалкія руины. Мѣстность вокругъ центрального замка сплошь засыпана кирличнымъ щебнемъ; немного далѣе лежитъ цѣлый обломокъ стѣны въ нѣсколько сотъ лудовъ; ближайшія деревья опалены, разщеплены, изуродованы силою взрыва, а нѣкоторыя и совсѣмъ сорваны съ корня. Повсюду валяются патронныя латунныя гильзы, пули, осколки полопавшихся гранатъ; свинецъ облекавшій эти снаряды снаружи разлился по землѣ цѣлыми лепешками; видно какъ и куда онъ текъ въ расплавленномъ состояніи. Не снаряженные гранаты и бомбы лежатъ громадными кучами; но за то ружья, преимущественно системы Снейдера, сложенные въ правильныя четырехстороннія груды, каждая шаговъ двадцать въ длину, представляютъ изъ себя безобразную массу перегорѣвшихъ, частью славившихся между собою стволовъ и штыковъ. Какова же должна была быть сила жара чтобы сталь могла расплавиться до такой степени! Вообще суда по этимъ остаткамъ здѣсь погибло разнаго казеннаго имущества на нѣсколько милліоновъ франковъ. Но болѣе всего жаль самый сераль, который являлъ собою одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ древняго турецкаго зодчества.

Загородныя прогулки однако далеко не безопасны. По окрестнымъ полямъ рыщетъ не мало всякаго вооруженнаго

сброда—Черкесовъ, башу-бузуковъ и бѣглецовъ изъ регулярныхъ турецкихъ войскъ. Голодные и холодные, полные совершенно естественнаго чувства злобы и мести, они скитаются въ одиночку какъ звѣри по разнымъ лустырямъ и далеко не прочь подстрѣлить при удобномъ случаѣ проклятаго гура. Въ окрестностяхъ Адрианополя что и дѣло раздаются одиночные выстрѣлы и стонуть лули, одна изъ которыхъ свистнула откуда-то и мимо нашей каруццы. По ночамъ не совѣшь-то безопасно и въ самомъ городѣ, въ особенности по глухимъ закоулкамъ. Въ эту ночь стрѣляли изъ оконъ по двумъ нашимъ офицерамъ, которые, громыхая саблями, безпечно возвращались изъ трактира къ себѣ домой по лустыряному и темному переулку въ первомъ часу ночи, когда весь Адрианополь уже спитъ глубочайшимъ сномъ и только одна безчисленная собака завываетъ на всю окрестность.

16го января утромъ нашему отряду назначено было выступить на Демотику. Около шести часовъ утра мы были разбужены звуками ружейныхъ выстрѣловъ раздававшихся тамъ и сямъ по улицамъ. Было еще совѣшь темно. Мы выглянули въ окно чтобъ узнать причину этой перестрѣлки и вдругъ увидѣли что цѣлая половина неба охвачена яркимъ заревомъ пожара. Отраженіе этого свѣта трепетно играло на минаретахъ Селима, окрашивая ихъ въ огненно-розовый цвѣтъ. Можно было предположить что Турки сдѣлали внезапное нападеніе на городъ и зажгли его. Мы стали быстро одѣваться чтобы поспѣшить къ сборному пункту отряда; казачій конвой нашего генерала уже сдѣлалъ на сосѣднихъ дворахъ своихъ лошадей; слышно послали развѣздъ на развѣдку, что горитъ и гдѣ идетъ перестрѣлка? Но чрезъ двѣ-три минуты къ намъ приближалъ въ халатѣ заспанный Алеко Асекилярскъ и объяснилъ что все это значить. Оказалось что въ Адрианополь существуетъ обыкновеніе оповѣщать жителей о пожарѣ ружейными выстрѣлами: кто первый замѣтилъ огонь тотъ и стрѣляетъ; сосѣдъ услышавшій выстрѣлъ выглядываетъ въ окно узнать причину и тоже стрѣляетъ сію же минуту; отъ него перенимаетъ этотъ сигналъ другой, отъ другаго третій и такимъ образомъ подымается по всемъ кварталамъ перестрѣлка, а чрезъ пять-десять минутъ уже полгорода на ногахъ и слышитъ къ мѣсту пожара. На этотъ разъ оказалось что горятъ за городомъ казармы, гдѣ былъ располо-

жень на ночлегъ одинъ изъ баталіоновъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка. Люди послѣ длиннаго, тяжелаго перехода пришли позднимъ вечеромъ усталые, измученные, перезабітіе, затопили въ казармахъ каминныя и улеглись спать, а ночью вдругъ и загорѣлось. Мудренаго нѣтъ ничего, такъ какъ здѣсь повсюду очаги устраиваются на плоскости пола и горяція полѣнья никакою рѣшеткой не ограждаются отъ непосредственнаго съ нимъ соприкосновенія; да кромѣ того глина которою обмазывается внутренность очага зачастую трескается отъ жара и чрезъ это огонь получаетъ возможность пробираться къ деревяннымъ брусьямъ нерѣдко составляющимъ скелетъ каминныхъ стѣнокъ. За время нашего похода въ деревняхъ случалось не мало пожаровъ именно вслѣдствіе этой причины. Къ несчастію пожаръ адрианопольскихъ казармъ не дешево обошелся Московцамъ: говорятъ что нѣсколько человекъ задохлись въ дыму, не успѣвъ выскочить вовремя; сгорѣло знамя, часть оружія и много вещей солдатскихъ.

Въ восемь часовъ утра нашъ отрядъ выступилъ по назначенію.

Довелось мнѣ еще разъ посѣтить Адрианополь спустя пять мѣсяцевъ. По дѣламъ службы я ѣхалъ въ Фидиллополь, и такъ какъ стамбульскій поѣздъ приходитъ въ Адрианополь около шести часовъ вечера, а уходитъ далѣе только на слѣдующій день утромъ, то и пришлось, хочешь не хочешь, просидѣть на перепутьѣ болѣе полусутокъ. Смотрю: въ пассажирской залѣ виситъ театральная афишка составленная по-русски. Читаю: „Армянскій театръ, Бить-Базаръ № 31, 1878 года, 21го іюня (3го іюля) въ среду. *Картежникъ*, комедія въ одномъ дѣйствіи.“ Любопытно, надо отправиться, тѣмъ болѣе что нужно же какъ-нибудь убить время до ночи. Въ городѣ нашлись знакомые, свои же конечно Русскіе, и такъ какъ въ афишѣ значилось что начало въ восемь часовъ вечера „по адрианопольскому времени“, то мы и отправились пока бродить по улицамъ. Въ виду большого спроса и расширившихся съ приходомъ Русскихъ потребностей торговля въ Адрианополь оживилась еще болѣе: многія лавки и магазины приобрѣли благоприличный видъ, да и товары въ нихъ появились хорошаго качества, весьма разнообразныя, а раз-

ныя увеселительныя заведенія расплодилось какъ грибы послѣ дождя; количество всевозможныхъ кабачковъ тоже не уменьшилось, напротивъ, ихъ поразвелось тутъ кажется еще больше чѣмъ въ первые дни по приходѣ арміи. Въ „Америкѣ“ и въ „Румелии“ завелось не только сносные повара и свѣжіе продукты, но и цѣлые оркестры вѣнскихъ Нѣмокъ, которыя поютъ „Café-Schwester“, „Постильона“ и играютъ на скрилицахъ, флейтахъ и на барабанахъ; появилась какая-то зала „Byzance“, гдѣ поетъ и пляшетъ въ числѣ прочихъ вѣкая Француженка удивительно похожая на цаллю; смоленская наша соотечественница Аннушка, съ супругомъ своимъ Разенблюмомъ тоже процвѣтаютъ и открыли цѣлый увеселительный садъ съ куллетами, фокусами и иллюминаціями; отовсюду несутся и скрещиваются въ воздухѣ звуки скрипокъ и ролей—ну, словомъ, Румынія да и только! Все это напоминаетъ Букурешть и Пасешты, и какъ тамъ во время оно, такъ и здѣсь теперь золотой дождь нескончаемо льется и льется на городъ. Русскіе освоились съ Адрианополемъ такъ словно бы совсѣмъ у себя дома: солдаты, ничтоже сумаяса, объясняются по-каковски-то и съ Турками, и съ Греками, и съ Армянами, вызывая всѣхъ ихъ заодно общимъ именемъ „братушекъ“ и ужъ кто ихъ знаетъ какъ только прискоровились понимать другъ друга. Населеніе видимо очень довольно чѣмъ-то и относится къ нашимъ самымъ дружелюбнымъ образомъ. Но что всего замѣчательнѣе такъ это отношенія къ намъ *счеришнимъ* нашихъ враговъ Турокъ (разумѣя тѣхъ которые рѣшились не взирая на нашъ приходъ остаться въ Адрианополѣ)—эти чуть ли не дружелюбнѣе всѣхъ прочихъ мѣстныхъ жителей: ни тѣни вражды ни недобвѣрія; напротивъ, полное уваженіе, почтеніе и расположение. „Москѡвъ бунъ... Гхарошъ... ейи-адамъ! шерифъ-адамъ! джессуръ-юрекаю!“ * нерѣдко приходится слышать отъ турецкихъ простолюдиновъ. И дѣйствительно: дисциплиною, порядкомъ нашихъ войскъ и ихъ человѣчностью отношеній къ жителямъ мы смѣло можемъ гордиться.

Въ три четверти восьмага часа мы уже сидѣли въ армянскомъ театрѣ. Партеръ помѣщается въ саду, на чистомъ воздухѣ; цѣна за входъ въ первыя мѣста два франка, въ остальные франкъ, и садикъ полнешенекъ народа: тутъ

* Добрый человекъ, честный, храбрый.

налицо почти всѣ наши и офицеры, и чиновники, а наипаче интенданты, да „товарищи“; видѣются на заднемъ планѣ и нѣсколько десятковъ казаковъ да солдатиковъ; тутъ же рядомъ и въ перемежку съ нашими сидятъ и курятъ Турки и Армяне, и всѣ прочіе, какъ восточные, такъ и западные чело-вѣки. Куріозный занавѣсъ въ этомъ театрѣ: судя по изобра-женной на немъ картинѣ, я думалъ было что здѣсь даются представленія какихъ-нибудь религиозныхъ мистерій, но вдругъ вмѣсто того вылархиваетъ изъ-за кулисъ въ видѣ лигала-цы почти раздѣтая носатенькая дѣвица и дрыгая ножками начинаетъ подъ звуки оркестра весьма развязно напѣ-вать „Chicot-chicot“, да напѣвать не по-французски, а къ наивысшему удивленію по-турецки! Преуморительно выхо-дить это турецкое „шико“, въ особенности какъ вспомнишь притомъ что на занавѣси изображено жертвоприношеніе Иса-ака съ румянымъ и толстымъ ангеломъ удерживающимъ съ небесъ руку Авраама готовую совершить закланіе. Подви-заются на здѣшнемъ театрѣ преимущественно Армяне, а жек-скій персоналъ весь исключительно армянскаго происжде-нія; играютъ же частію по-турецки, частію по-армянски и больше все одюактыя пьесы, комедійки да оперетки пере-веденныя съ французскаго. Я сохранилъ пару афишекъ этого театра и ради куріоза привожу ихъ теперь въ подлинникѣ, во всей такъ-сказать ихъ неприкосновенности.

Картежникъ, комедія въ одномъ дѣйствіи.

Донъ Педро..... г. Сисагъ.
 Луиза, невѣста Педро..... дца Сиравушъ.
 Цезарь, слуга Педро..... г. Чепраздъ.
 Полицейскій..... г. Холась.
 Воръ..... г. Берберъ.

Чашка чаю, комедія въ одномъ дѣйствіи.

Контръ Армадъ..... г. Сисагъ.
 Контесса Каролина..... дца Сиравушъ.
 Фридерикъ, слуга..... г. Берберъ.
 Этіенъ, газетопродаватель..... г. Чепраздъ.

Куплеты:

Шико-шико—пропоетъ дѣвица Кохаригъ.

Дѣвица *недовольна своимъ носомъ*—пропоетъ на русскомъ языкѣ госпожа Хряча.

Шансонъ политикъ—пропоеетъ дѣвица Асдхигъ.

Насильная невеста—пропоеетъ дѣвица Сиранушъ.

Куллета изъ *Прекрасной Елены* и дуэта изъ *Мадамъ Анго* пропоеютъ господа Хряча и дѣвица Аспругъ.

Тавецъ *Рублиме* исполнитъ вся трупила.

Всѣ эти дѣвицы Хрячи и Сирануши довольно милостивы собою, хотя въ роли „контессы“ походятъ болѣе на перотскихъ кухарокъ; за то когда дѣло доходитъ до „дуэты“ и до „куллеты“, то тутъ ужъ онѣ всалуски стараются превзойти другъ дружку развязностію тѣлодвиженій и елико-возможною откровенностію костюмовъ. Что же до мужскаго персонала, то первый любовникъ былъ откровенно не представительнъ, а г. Челраздъ дѣйствительно недурной комикъ.

Тутъ же во время антракта какой-то „газетопродаватель“ шѣсть съ афишами на завтрашній спектакль gratis раздавалъ лубликѣ особые листки, на которыхъ была отпечатана армянская ода съ переводомъ на русскій языкъ слѣдующаго содержанія:

Честъ и слава
 Воинамъ русскимъ,
 Устрашившимъ
 Варваровъ гордыхъ
 И спасавшимъ
 Честъ Креста
 Отъ несносныхъ
 Тяжкихъ игъ.

Дѣти, внуки героевъ русскихъ,
 Достойны вы чести—вѣнда,
 Не щадили трудъ и кровь
 За вѣру и отечество.

Честъ и слава
 Воинамъ русскимъ, и т. д.
 О, герои изъ героевъ!
 Нелобѣдимые войны
 Не оставили варварамъ
 Могилы святыхъ предковъ!

Честъ и слава
 Воинамъ русскимъ, и т. д.

Здѣсь же въ театрѣ я встрѣтился съ нашимъ бывшимъ квартирнымъ хозяиномъ, Грекомъ Асекиларосомъ. Стѣли мы съ нимъ за пивной столикъ и разговорились. Алеко Асекиларосъ видимо недоволенъ что Адрианололъ остается за

Турціей и для такого недовольства у него есть достаточная, хотя чисто личная причина: ему придется разстаться со своею дешевою покулкою и возвратить домъ прежнему владѣльцу, Хаджи-Шерифъ-бею. По этой причинѣ онъ недоволенъ и Саяз-Стефанскимъ договоромъ, и Берлинскимъ конгрессомъ, и такъ какъ турецкіе Греки ставятъ выше всего свой личный интересъ, а въ Адрианополѣ есть не мало такихъ же которые, подобно Асекиларосу, воспользовались удобнымъ случаемъ приобрести за ничто, хотя и условнымъ образомъ, весьма значительное турецкое имущество, то здѣсь въ большинствѣ наиболѣе состоятельнаго и стало-быть вліятельнаго греческаго населенія существуетъ недовольство на предстоящее возвращеніе къ прежнимъ турецкимъ порядкамъ, тѣмъ болѣе что за время пребыванія Адрианополя подъ русскою властью его населеніе уже достаточно успѣло испытать на себѣ вліяніе русскихъ порядковъ.

— При васъ мы только стали дышать, говорилъ мнѣ Асекиларосъ,—дышать во всѣхъ отношеніяхъ: вы заставили очистить городъ отъ его нечистотъ и зловонія, вы предупредили развитіе заразы, которую мы всѣ еще отъ праѣдовъ привыкли считать неизбѣжнымъ послѣдствіемъ каждой войны и которой, признаюсь, и теперь ожидали съ ужасомъ; вы завели чистоту и порядокъ на улицахъ и базарахъ, освѣтили какъ слѣдуетъ по ночамъ наши улицы, завели хорошую военную полицію, словомъ, сдѣлали какъ нельзя болѣе свѣосными условія жизни въ городѣ, о чемъ до вашего прихода никто и не мечталъ у насъ при турецкихъ порядкахъ. Теперь нѣтъ ни воровства, ни разбоевъ, тогда какъ прежде рѣдкія сутки проходили безъ того и другаго, такъ что вечеромъ не безопасно было выйти изъ дома въ одиночку и безъ оружія, а теперь мы свободно гуляемъ съ семействами до двухъ, до трехъ часовъ ночи; прежде рѣдкая недѣля проходила безъ того чтобы не случилось гдѣ-нибудь ночнаго убійства, а теперь объ этомъ даже забыли и думать. Кромѣ того, посмотрите сами, до какой степени присутствіе вашихъ войскъ подняло общее наше благосостояніе, какъ оно оживило торговлю, и промышленность! Адрианополь прежде былъ очень скучнымъ, монотоннымъ городомъ, а теперь жизнь ключомъ кипитъ повсюду, веселье, звуки,—вотъ Армяне, комедіи представляютъ, а вѣдь прежде объ этомъ и не мечталось. Но главное, при васъ мы забыли о томъ что значить

затка, бакнишь; мы теперь избавлены отъ безчисленнаго множества мелкихъ и незаконныхъ лоборовъ въ пользу любаго околадочнаго администратора и его чаушей; мы съ довѣріемъ обращаемся къ суду вашихъ властей, потому что всегда находимъ у нихъ судъ скорый и справедливый и неубыточный. Сами Турки воздаютъ вамъ за это хвалу; не только христіане, но и они почувствовали на самихъ себѣ что значить благо истиннаго и разумно свободнаго существованія и—признаться ли ужъ до конца?—мы, Греки, съ затаеннымъ неудовольствіемъ и недовѣріемъ встрѣчали ваше пришествіе въ Адрианополь, а теперь.... теперь мы съ сожалѣніемъ и страхомъ помышляемъ о томъ времени когда вы должны будете насъ покинуть и думаемъ про себя: Господи, какъ бы устроить такъ чтобъ этого не случилось!

Ужъ не знаю насколько въ этомъ панегирикѣ моего почтеннаго бывшаго хозяина было сахарной лести, на которую Греки тоже мастера не послѣданей руки, но что наше присутствіе сопровождаемое потоками русскаго золота сильно подвело благосостояніе города, что мы водворили въ немъ, по возможности, чистоту и полицейскій порядокъ, это несомнѣнно и чтобъ убѣдиться въ томъ достаточно пройти по базарамъ и улицамъ, такъ что быть-можетъ Асекуласоръ и правъ, увѣряя будто многіе и многіе пожалѣютъ когда намъ придется наконецъ покинуть Адрианополь.

II

Отъ Адрианополя до моря Эгейскаго.

Выступленіе изъ Адрианополя.—Пустыня.—Ноча гъ въ Эмиран и нашъ хозяинъ Армянинъ.—Судъ не по-турецки.—Отъ Эмираи до Демотики.—Общій видъ Демотики.—„Калимера-сась“.—Наша квартира.—Архимандритъ Герасимъ, его дѣятельность и разказы о истинныхъ отношеніяхъ.—Какъ была занята Демотика разъярѣннѣ корнета Муллера.—Уличная жизнь въ Демотикѣ.—Городская мечеть и приходская церковь.—Прокамація великаго визира къ Богарамъ.—Подземная тюрьма для государственныхъ преступниковъ.—Занятіе Деде-Агача.—Картинный видъ на Эгейское море.—Курioзная встрѣча.

16го января, въ 8 часовъ утра, мы выступили изъ Адрианополя на Демотику. Предстоявшій намъ путь дѣлился на два перехода съ ночлегомъ въ деревнѣ Эмираи. Дождь и

слякоть. По главной Адрианопольской улицѣ одновременно двигаются войска отрядовъ Скобелева и Карцова. Драгунскій эскадронъ попалъ не на ту дорогу, просунулся было впередъ, потомъ вскачь поворотилъ назадъ. Это обстоятельство произвело нѣкоторое замѣшательство, что называется кавардакъ (слово, судя по его созвучіямъ, вѣроятно восточнаго происхожденія) въ тѣсной улицѣ наполненной народомъ и движущимися колоннами войскъ и обозовъ. На лицахъ жителей ясно изображалось недоумѣніе—впередъ или назадъ мы движемся? Впрочемъ замѣшательство не продолжалось и десяти минутъ: драгунскій эскадронъ отыскалъ свою дорогу и движеніе колоннъ продолжалось въ стройномъ порядкѣ. На пути къ желѣзнодорожной станціи встрѣтились намъ двѣ придворныя турецкія кареты съ изображеніемъ на дверцахъ вмѣсто герба распустаншейся розы; въ каретахъ сидѣли лица турецкаго посольства. Перейдя полотно желѣзной дороги и прослѣдовавъ мимо покинутого форта, а за тѣмъ мимо развалинъ старинной мечети, мы вступили въ пустыню. Окружавшія насъ пространные поля были лишены всѣхъ признаковъ культуры; земля прекрасная, но невоздѣланная, и если служить на пользу человѣку, то развѣ въ качествѣ пастбища. Эта безжизненная оголенная пустыня тянулась вплоть до Эмирли. Ни впередъ, ни по сторонамъ не видать никакихъ признаковъ жилья; желѣзная дорога, со своими телеграфными столбами, осталась далеко влѣво, и въ той сторонѣ во все время нашего пути безпрестанно раздавались одиночные ружейные выстрѣлы. Такая безлюдная пустынность являлась весьма характерною, чисто турецкою особенностью: во всемъ свѣтѣ, чѣмъ ближе къ столицамъ или вообще къ большимъ городамъ тѣмъ населеннѣе и воздѣланнѣе является окружающая мѣстность; здѣсь же совсѣмъ наоборотъ: жизнь процвѣтаетъ только въ отдаленныхъ, преимущественно горныхъ захолустьяхъ и тущобахъ, вдали не только отъ городовъ, но даже отъ проѣзжихъ дорогъ, словомъ, тамъ гдѣ есть возможность наиболѣе укрыться отъ мудировъ, мубашировъ, мухтаровъ, залтіевъ и вообще мѣсмуровъ,* являющихъ собою нѣчто въ родѣ саранчи среди христіанскихъ населеній. Какимъ раемъ земнымъ, какою

* Окружныхъ начальниковъ, нарочныхъ посланцевъ, оборщиковъ податей, помѣйскихъ и вообще чиновниковъ.

жизнью цѣлой Европы могла бы явиться эта страна при правильномъ экономическомъ развитіи, при увѣренности жителей въ своихъ гражданскихъ правахъ, въ обезпеченности своей жизни, труда и достоинства!...

Дождь лилъ не переставая; слякотная дорога обратилась въ какую-то кашлю и вскорѣ совсѣмъ исчезла среди бурныхъ полей. Къ довершенію всѣхъ удовольствій нашего странствованія, проводники-Греки, желавшіе провести насъ кратчайшимъ путемъ, сбились съ дороги и такимъ образомъ вмѣсто того чтобы быть въ Эмирли къ часу дня, мы едва-едва попали туда въ шестомъ часу полудни, иззябшіе, измокшіе, усталые, голодные и лотому злые.

Намъ отвели помѣщеніе въ особой усадбкѣ, расположенной на сѣверномъ концѣ селенія и арендуемой какимъ-то молодымъ очень красивымъ Армяниномъ, въ сѣромъ пиджакѣ „à la franca“ и въ щегольской вишневаго цвѣта фекѣ. Стѣны нашей комнаты которая служила селямникомъ, то-есть пріемною молодого Армянина джентльмена, были оклеены литографированными картинками и политипажами изъ какого-то сатирическаго италіанскаго журнальца, являвшими преимущественно сюжеты довольно скабрзнаго свойства какъ въ изображеніяхъ, такъ и въ подписяхъ подъ ними. Самъ хозяинъ былъ очень любезенъ, предупредителенъ и разговорчивъ; онъ говоритъ по-французски, какъ и всѣ почти жители Константинополя, то-есть плохо, но настолько что понимать его можно; онъ кромѣ того добрый человекъ, потому что, несмотря на ближайшее сѣдство Турокъ, не стѣснился приютить у себя бѣгянку изъ Іени-Загры съ двумя дочерьми, которая за то страдаетъ ему, обидѣ, прибираетъ комнаты, стережетъ гусей и вообще присматриваетъ за хозяйствомъ. Это была вдова зарѣзаннаго въ томъ 1877 года іени-загрскаго Болгарина; ея старшая дочь пятнадцатилѣтняя „учителька“ народной школы — замѣчательная красавица. Она говоритъ что большинство іени-загрскихъ дѣвушекъ были учительками въ своемъ городѣ и округѣ; а послѣ разгрома достигшаго ихъ городъ вслѣдъ за отступленіемъ генерала Гурко большая часть изъ нихъ пошла въ лавъ и увезены для продажи на малоазійскіе рынки.

„Мея Богъ спасъ, чудо Божіе“, отвѣчала она, скромно потупивъ глаза, на вопросъ о томъ какимъ образомъ удалось

ей избѣжать судьбы своихъ товарокъ; но намъ сдается, чуть ли не перекупилъ ее у Черкесовъ нашъ хозяинъ-Армянинъ, вмѣстѣ съ матерью и маленькою сестренкой. Впрочемъ и за то ему спасибо, такъ какъ, повидимому, судьба этихъ трехъ несчастныхъ все же гораздо легче чѣмъ тѣхъ которыя попали на малоазійскіе рынки.

Эмирли—деревня турецкая, одна изъ немногихъ которыя не были покинуты жителями,—быть-можетъ потому что предъ ихъ глазами проходили караваны турецкихъ эмигрантовъ, причѣмъ они вочію могли видѣть въ какомъ положеніи находятся несчастные бѣглецы. Вскорѣ послѣ нашего прибытія въ усадьбу явились въ вадѣ депутации нѣсколько Турокъ, съ жалобой что христіане, пользуясь приходомъ Русскихъ, отбиваютъ у нихъ въ полѣ табуны и стада. Одному изъ насъ было поручено разобрать это дѣло. Христіане-Греки азартно и слезно доказывали что лошади и коровы принадлежатъ имъ, но были де отняты у нихъ Турками; Турки же не менѣе слезно утверждали противное; и тѣ и другіе требовали возвращенія спорнаго имущества, просили разсудить ихъ по справедливости, не представляя впрочемъ ни съ той, ни съ другой стороны никакихъ существенныхъ доказательствъ въ свою пользу, кромѣ голословныхъ увѣреній, сопровождаемыхъ божбою. Предстояло творить въ нѣкоторомъ родѣ Соломоновъ судъ, а потому положеніе судьи и сѣдователя было довольно затруднительно. Вмѣстѣ съ хозяиномъ-Армяниномъ и нашимъ отряднымъ переводчикомъ онъ выбралъ одного изъ наиболѣе азартныхъ крикуновъ-Грековъ и, отвѣда его въ отдѣльный сарай, спросилъ, какимъ образомъ Турки отбили у нихъ табуны и стадо, разновременно или сразу?

— О, сразу! сразу!.. Налетѣли на вашу деревню и сразу все ограбили!

— А какъ давно это было?

— Давно было; еще лѣтомъ прошлаго года.

— И съ тѣхъ поръ больше не грабили?

— Постоянно грабили, всегда, каждый день, до самаго прихода Русскихъ.

— Тогда какъ же ты говоришь что они весь скотъ вашъ забрали сразу?

Грекъ какъ бы оторопѣлъ, но лишь на одно мгновеніе.

— Ну да! Скотъ взяли сразу, а другое добро грабили постоянно!

Увели этого Грека, разъединивъ его съ товарищами, и на мѣсто его привели въ сарай другаго, который показалъ почти то же самое; разница выходила только въ томъ что Турки забрали скотъ всего лишь двѣ ведра назадъ, а до того времени жили де мирно, согласно съ христианами и никакого грабежа или обиды никто отъ нихъ не видѣлъ.

Этого было совершенно достаточно для полаго убѣжденія въ неправотѣ Грековъ. И табуны, и стадо, очевидно, были турецкія и именно принадлежащія жителямъ Эмираи, такъ какъ эти жители оставались при своихъ хозяйствахъ. Поэтому было рѣшено весь скотъ возвратити Туркамъ. Но надо было видѣть впечатлѣніе произведенное на тѣхъ и другихъ такимъ рѣшеніемъ! Турки стояли словно ошеломленные, словно бы не вѣрили ни глазамъ, ни ушамъ своимъ, но вслѣдъ затѣмъ, почтительно приложивъ руки къ сердцу и ко лбу, ушли съ глубокимъ поклономъ, видимо удивленные рѣшеніемъ „глугра“ и въ то же время проникнутые уваженіемъ къ чувству его справедливости; Греки же подыали чисто жидовскій гвалтъ, оради всѣ вмѣстѣ, сильно жестикулировали руками, крестились и укоризненно качали головами, дескать хороши же вы христиане коли потворствуете Туркамъ! Хозяинъ-Армянинъ тоже казался отчасти озадаченнымъ.

— C'est bon, mais ce n'est pas à la turque, говорилъ онъ, ухмыляясь.— Не по-турецки, совсѣмъ не по-турецки!

— Но вѣдь скотъ-то былъ турецкій? спросилъ его:— скажите по совѣсти. Вѣдь вамъ, какъ мѣстному жителю, это конечно извѣстно ближе.

— Разумѣется, турецкій, подтвердилъ онъ:— Греки только хотѣли воспользоваться присутствіемъ Русскихъ чтобы подъ щизъ покровительствомъ присвоить его себѣ.

— Такъ какъ же, по-вашему, надо было рѣшать?

— О, я не говорю что рѣшеніе дурно; я говорю только что оно совсѣмъ не по-турецки.

— То-есть что же это значитъ объясните пожалуйста. Какъ же, вы предполагаете, на нашемъ мѣстѣ рѣшили бы Турки?

— Какъ рѣшили бы Турки? А очень просто: имущество спорное, формальныхъ доказательствъ нѣтъ, ну и конфисковали бы его въ пользу казимъ, чтобы ни тѣмъ, ни другимъ не обидно было.

Послѣ этого мнѣ стало вполнѣ понятно почему турецкіе поселенцы были такъ поражены столь неожиданнымъ для нихъ

рѣшеніемъ. Какъ оказалось изъ дальнѣйшаго объясненія съ хозяиномъ-Армяниномъ, они только за тѣмъ и судиться къ намъ пришли что рѣшили между собою: пускай же наше добро лучше ужъ достается Москову чѣмъ Грекамъ!

17го января въ 8½ часовъ утра выступили изъ Эмираи въ Демотику. Мороза нѣтъ, но пасмурно и вѣтрево: погода очень сиверкая, ноги забнутъ. Хуже всякаго мороза! Снѣгу нѣтъ уже вовсе; окрестныя поля рыже-зеленоватаго цвѣта столь же пустынно какъ и вчера и столь же голы—полное отсутствіе культуры. Изрѣдка попадаются кое-какія деревца, но это уже далеко не та могучая растительность какую встрѣчали мы на Балканѣхъ и особенно въ Долинѣ Розъ; тутъ, напротивъ, деревья какія-то малорослыя, жиденькія, такъ что глядя на нихъ сдается будто страдаешь не на югѣ, а гдѣ-нибудь въ сѣверныхъ пустыняхъ. Общій видъ всей этой мѣстности отчасти напоминаетъ Бассарабію къ югу отъ Кишенева: такія же воднисто всхолмленныя возвышенности; такая же чахлая и рѣдкая растительность, та же невоздѣланность громаднѣхъ, пустующихъ втулѣхъ пространствъ и то же самое безлюдье. На пути намъ попало лишь одно небольшое селеніе Эльбургасъ, на рѣкѣ Бакчѣ. Моста не существуетъ, но такъ какъ глубина рѣки не превышаетъ трехъ-четырехъ футовъ, то мы съ казаками и частию лѣхоты перешли на тотъ берегъ въ бродъ, остальная же лѣхота переправлялась на возахъ мѣстныхъ жителей; арбы запряженныя буйводами и нагруженныя солдатами слѣдовали въ линію одна за другою и, высадивъ на томъ берегу своихъ пассажировъ, возвращались за новыми. Такимъ образомъ круговая переправа шла быстро, безъ перерывовъ и задержекъ и была въ особенноти выгодна тѣмъ что избавляла лѣхотинцевъ отъ необходимости промокать въ водѣ, что при такой сиверкой погодѣ не для каждаго сошло бы безъ простуды. На всемъ пространствѣ отъ Эмираи до Демотики дороги, можно сказать, нѣтъ, а то что называется здѣсь дорогою до такой степени толко и тяжело, что лошади наши, слѣлавъ 25ти-верстный переходъ, изморились болѣе чѣмъ на иномъ 60ти-верстномъ пути при мало-мальски свосной дорогѣ.

Поднявшись на одинъ изъ болѣе высокыхъ холмовъ, мы увидѣли нашъ Старо-Ингерманландскій полкъ расположившійся на привалѣ. Съ этого мѣста открывается широкій, красивый видъ на Демотику и ея окрестности. По склонамъ

скалистой горы таятся полуразрушенныя стѣны и башни древняго кремля, а самая вершина увѣнчана большою отдѣльно стоящею башней. Остроконечная крыша главной городской мечети возвышается надъ кровлями всѣхъ остальныхъ построекъ и издали представляется совершенно въ видѣ египетской пирамиды. Самый городъ, захватывая своими зданіями лишь нѣкоторую часть кремля, дѣлится ниже его каменныхъ стѣнъ по околу скалистой горы, коей подошва, тоже украшенная частію древнихъ укрѣпленій и башней, омывается рѣкой Кызыль-Дере, впадающею не подалеку въ Марицу. Разливъ обѣихъ рѣкъ широко затопилъ тутовую плантацію, которая примыкаетъ къ самому городу. Полюбовавшись этою картиною, мы тронулись далѣе и чрезъ часъ уже вступили въ Демотику. Строенія, улицы, лавки, все тотъ же обще-восточный типъ. Христіане смотрятъ прямо въ лицо, весело улыбаются, крестятся и снимаютъ шалки; Турки, напротивъ, глядятъ мрачно или стараются казаться равнодушными, какъ бы не замѣчая нашего присутствія. Изъ оконъ и изъ-за приподнятыхъ рѣшетокъ восточныхъ бельведеровъ-фонариковъ выглядываетъ множество женщинъ и дѣвушекъ; цѣлыя изъ нихъ кланяются и махаютъ платками; изъ одного окошка высунулась прелестная черноглазая малютка, дѣтъ пяти—и крестится, и смѣется, и кланяется, и кричитъ намъ своимъ звонкимъ голоскомъ: „калимѣра-сась! калимѣра-сась“.*

Христіане видимо рады нашему приходу. Намъ отвели квартиру въ довольно обширномъ одноэтажномъ турецкомъ домѣ, который нѣсколько дней тому назадъ былъ покинутъ хозяевами бѣжавшими въ Константинополь. Домъ жилищный, съ тѣнистою открытою галлерей выходящею въ садъ, напоенный зелеными миртами, молодыми кипарисами и розовыми кустами, на которыхъ не всѣ еще листья увяли, въ каумбахъ цвѣтутъ фіалки и душистый левкой,—это въ январѣ-то мѣсяцѣ! Къ полудню появилось солнышко и разомъ пригрѣло землю такъ что сдѣлалось даже нѣсколько жарко. Вскорѣ къ генералу Карцову явился съ визитомъ намѣстникъ Демотійской митрополіи съ греческимъ архимандритомъ Герасимомъ, который, проживъ 18 лѣтъ въ Россіи, выучился говорить и писать по-русски не только правильно,

* По-гречески—здравствуйте.

но даже литературно, причемъ ему далеко не чуждо знакомство съ нашею словесностью въ творенiяхъ Пушкина, Грибоедова, Кольцова, Лермонтова и Гоголя; что же касается нашей духовной литературы, то она знакома ему очень близко. Отецъ Герасимъ жилъ и въ Кiевѣ, и въ Петербургѣ, но большую часть своей жизни въ Россiи провелъ въ Москвѣ, о которой вспоминаетъ съ теплымъ сердечнымъ восторгомъ. Выступъ съ этими духовными лицами явилось трое представителей городского Греко-Армяно-Болгарскаго общества и старшiй мулла, заявившiй что демотицкiе мусульмане, рѣшившiеся по его убѣжденiю остаться въ городѣ, покорно отдаются покровительству русскаго войска. Съ содѣйствиемъ отца Герасима и подъ его предсѣдательствомъ еще до нашего прибытiя было организовано городское управленiе, гдѣ онъ вообще сдѣлался для насъ самымъ полезнымъ, необходимымъ человѣкомъ по всякимъ сношенiямъ съ разноплеменными здѣшними жителями. Благодаря ему, отрядъ въ изобилiи былъ снабженъ фуражемъ, виномъ, хлѣбомъ и мясомъ, устроилось правильное хлѣбопеченiе, подъ лазаретъ отведено прекрасное помѣщенiе въ обширномъ зданiи греческой семинарiи; всѣ офицеры размѣщены по удобнымъ чистымъ квартирамъ; солдаты тоже расположились по обывательскимъ домамъ безъ особеннаго обремененiя хозяевъ; для войскъ открылись бани, являющiяся величайшимъ благодѣянiемъ въ военное время; словомъ сказать, это былъ золотой человѣкъ, которому всѣ мы отъ души и не разъ выражали большое спасибо. Онъ часто посѣщалъ генерала Карцова и много разказывалъ о мѣстномъ краѣ, о его бытѣ, промышленности и отношенiяхъ къ Туркамъ. По его свидѣтельству, турецкiя безобразiя продолжались въ Демотику до 8 января, а въ особенности свирѣпствовали они въ день Рождества Христова, когда Турки здорово-живешь вѣшали христiанъ около православной церкви на стѣнахъ и балконахъ.

Поборы съ христiанъ на военныя издержки, гонѣнiя ихъ на работы и подводная повинность превосходили всякую мѣру возможности, въ Демотику нѣтъ никакихъ европейскiхъ консуловъ и потому Турки дѣйствовали, не стѣняясь дипломатическою заботой, „que dirá l'Europe“. За одно только Туркамъ спасибо, что они не влускали въ городъ Черкесовъ, потому что Черкесы, исключительно посвятившiе

себя въ послѣднее время повольному грабежу, не давали спуска никому и ничему, разоряя безразлично какъ христіанъ, такъ и Турокъ. Поэтому на всѣхъ городскихъ выездахъ до самой минуты удаленія мусульманъ изъ Демотики стояли турецкіе военные караулы специально съ тою цѣлю чтобы силою прельстивъ Черкесамъ пробираться въ городъ. За то вся окрестная страна страдала отъ нихъ ужаснымъ образомъ: не только христіанскія, но и многія турецкія деревни были разграблены; той же участи подвергались монастыри, церкви и даже нѣкоторыя мечети. Черкесы, по словамъ отца Герасима, весьма плохіе мусульмане и потому мечеть вовсе не составляетъ для нихъ святыни, какъ скоро около нея можно погрѣть руки; если они и фанатики, то развѣ въ отношеніи грабежа и разбоя который составляетъ единственный общественный принципъ ихъ гражданскаго строя. Грабежъ — это такъ-сказать ихъ религія, ихъ символъ вѣры, и потому это племя окончателно не способно къ культурѣ и промышленности. Нынѣ благодаря грабежу Черкесы обогатились, но до сего времени, пока въ странѣ существовала хоть тѣнь гражданской власти и порядка, жизнь ихъ вращалась въ крайней нищетѣ и убожествѣ; они никогда не задавали себѣ труда воздѣлывать отведенные имъ поля и огороды на лучшихъ земляхъ, а жили по преимуществу лишь тѣмъ что удавалось имъ украсть у поселянъ турецкихъ и христіанскихъ. Поэтому и тѣ и другіе равно ненавидѣли и презирали Черкесовъ. 8го января всѣ власти и зажиточные мусульмане покинули Демотику; остались лишь тѣ кто не имѣлъ средствъ и возможности выѣхать, и эти послѣдніе сразу почувствовали что съ той минуты роли ихъ и христіанъ вполнѣ перемѣнились. Старшій мулла, рѣшившійся остаться кажется по причинѣ тяжкой болѣзни одного изъ своихъ сыновей, первымъ дѣломъ явился къ тому же митрополитскому намѣстнику и вручилъ себя, свою семью, свои домъ и все оставшееся въ городѣ мусульманство его христіанскому покровительству. И дѣйствительно, благодаря милости намѣстника и отца Герасима, христіане, въ періодъ времени съ 8го января до появленія Русскихъ, не посягнули на единого Турка. „Да, роли перемѣнились, Турки смирились духомъ, говорилъ намъ отецъ Герасимъ: но чего стоить имъ это смиреніе! Оно кулачено цѣною сознанія

своего безсилія, цѣной униженія османской гордости и самолюбія предъ христіанскою райей, предъ гаурами; Турки глубоко оскорблены этимъ въ душѣ, и горе намъ если они опять возвратятся сюда господами! Они никогда не простятъ намъ и страшно выместятъ на насъ свое униженіе!....“

Городъ Демотики первоначально былъ занятъ небольшимъ развѣдомъ гвардейскихъ драгунъ, подъ командою прикомандированнаго къ лейбъ-гвардіи Драгунскому полку корнета лейбъ-гвардіи Кирасирскаго Его Величества полка Сергѣя Миллера. По моей просьбѣ, С. А. Миллеръ разказалъ мнѣ объ этомъ эпизодѣ слѣдующее:

12го января, въ 10 часовъ утра, изъ Адрианополя былъ отправленъ въ долину Нижней Марицы сборный драгунскій дивизионъ, по эскадрону отъ полковъ лейбъ-гвардіи Драгунскаго и Ковно-Гренадерскаго, подъ командою полковника Дубовскаго. Этотъ дивизионъ, двигаясь въ южномъ направленіи, долженъ былъ служить авангардомъ отряду генерала Карцова, имѣвшему цѣлью своего наступленія городъ Демотику и Деде-Агачъ, портъ на Эгейскомъ морѣ. „Около одиннадцати часовъ утра, разказывалъ корнетъ Миллеръ, мы прошли ливію адрианопольскихъ укрѣпленій и ввѣрили себя проводнику. Вскоръ стали раздаваться по сторонамъ отдѣльные ружейные выстрѣлы—результатъ взаимной охоты другъ на друга Болгаръ и Турокъ. Намъ пришлось пройти рядъ деревень населенныхъ исключительно Турками. Чуть лишь приближались мы къ какой-либо изъ подобныхъ деревень какъ въ ней непременно раздавался ружейный выстрѣлъ и вслѣдъ за нимъ моментально слышалась стогъ сѣна или соломы, что очевидно служило для обитателей условнымъ сигналомъ предвѣрявшимъ о приближеніи Русскихъ. Можно думать что это дѣлалось съ цѣлью дать жителямъ время припрятать свое оружіе: и дѣйствительно, въ каждой деревнѣ не мало встрѣчалось намъ Черкесовъ и бани-бузуковъ вполнѣ безоружныхъ; но ихъ верховыя лошади, верѣдко даже застѣланные, стояли тутъ же или паслись около. Нѣтъ сомнѣнія что еслибы намъ пришлось отступить, то всѣ эти конники встрѣтили бы насъ уже не безоружными и далеко не такимъ мирнымъ образомъ. Около четырехъ часовъ дня мы остановились въ турецкой деревнѣ Клаисели, гдѣ и расположились на ночлегъ, освѣтивъ разъ-

здами впереди лежащую мѣстность верстъ на пятнадцать. Судя по картѣ, вправо отъ дороги, то-есть къ западу отъ насъ, должна протекать Марица, параллельно которой идетъ на югъ желѣзная дорога. И въ дѣйствительности на глазъ выходило такъ: правѣе дороги видѣлась рѣка которую проводникъ называлъ Марицей, а за нею—желѣзная дорога. Отъ Адрианополя до Демотики нѣтъ въ Марицѣ ни одного брода; повтому сводно - драгунскій дивизионъ считалъ свой правый флангъ совершенно обезлеченнымъ отъ отступающей арміи Сулеймана, которая, какъ предполагалось, должна слѣзть къ Демотицѣ и къ Кудели-Бургасу, чтобы раньше насъ захватить въ свои руки узелъ желѣзныхъ дорогъ Демотико - Деде - Агачской и Стамбуло - Адрианопольской. Но въ семь часовъ вечера полковнику Дубовскому пришлось убѣдиться что проводникъ повелъ его дивизионъ вовсе не тою дорогою какою было нужно, что рѣка Марица, которую драгуны незамѣтно для себя перешли по мосту еще въ Адрианополь, оказалась теперь влѣво отъ дороги, а правѣе находилась довольно длинный протокъ или рукавъ этой рѣки, извѣстный подъ именемъ Малой Марицы и всегда проходимый въ бродѣ почти на всемъ своемъ протяженіи. Такимъ образомъ драгуны, какъ говорится, повисли на воздухѣ, будучи отдѣлены отъ лѣхоты непроходимую Большою Марицей, въ двадцати пяти верстахъ отъ Адрианополя и какъ разъ на пути возможнаго отступленія арміи Сулеймана. Рѣшено было исправить ошибки движеніемъ впередъ. Корветъ Миллеръ со взводомъ лейбъ-драгунъ получилъ приказаніе слѣзть рекогносцировку желѣзнодорожной станціи Демотики, которая значилась по картѣ узломъ дорогъ, занять ее и по возможности удержаться тамъ до утра, пока не подойдетъ сводный дивизионъ, а въ случаѣ невозможности удержаться, взорвать желѣзнодорожный мостъ; самому же, сообразуясь съ обстоятельствами, либо вернуться къ дивизиону, либо перебраться на лѣвый берегъ Марицы къ лѣхотѣ.

Ровно въ полночь Миллеръ выступилъ изъ деревни Килсели. Ночь была очень темна, такъ что въ нѣсколькихъ вѣстахъ люди уже не могли видѣть другъ друга. Впередъ сажень на пятнадцать былъ высланъ проводникъ и съ нимъ четыре драгуна, въ видѣ авангарда; за ними гуськомъ слѣдовали еще четверо, для поддержанія связи развѣзда съ

авангардомъ, чтобы не потерять его изъ вида; связь эта поддерживалась частыми окликами другъ друга въ лоуголоса. Курить не позволялось. Проводникъ въ потьмахъ нѣсколько разъ сбивался съ дороги, и драгуны попадали въ болото, изъ котораго съ трудомъ выбирались на дорогу. Во избежаніе шума и лаа собакъ разъѣздъ обходилъ деревни, тѣмъ болѣе что по дорогѣ лежали преимущественно турецкія селенія. Рискованное положеніе разъѣзда въ районѣ предполагаемаго отступленія Сулеймана заставляло крайне внимательно прислушиваться къ малѣйшему постороннему звуку и шуму, потому что зрѣніе окончательно отказывалось служить въ такую непроглядную темень. Послѣ двухъ съ половиною часовъ хода по мягко-грунтовому просеку проводникъ вывелъ драгувъ на шоссеую дорогу, пролежавшую въ видѣ дамбы по болотистому пространству, и около трехъ часовъ ночи они подошли къ станицѣ Урли, которая была осмотрѣна Миллеромъ съ нѣсколькими стѣшенными людьми изъ его разъѣзда. Одинъ изъ служащихъ при желѣзной дорогѣ сообщалъ Миллеру что за день до его появленія въ Урли пришелъ поѣздъ изъ Стамбула на которомъ пріѣхалъ какой-то черкесскій полковникъ съ двадцатью отборными всадниками черкесской гвардіи султана съ цѣлью сдѣлать рекогносцировку на Адрианополь. Пока производилась эта рекогносцировка, поѣздъ подъ парами оставался въ ожиданіи на станицѣ, куда вскорѣ вернулся въ большомъ волненіи черкесскій полковникъ, услѣдшій узнать что русскіе разъѣзды уже испортили путь между Урли и Адрианополемъ; онъ тотчасъ же сѣлъ со своею свитой на поѣздъ и отправился обратно. Отъ того же чиновника желѣзнодорожной службы было узнано что всѣ наши карты въ отношеніи дамбаго района мѣстности не вѣрны, такъ какъ узелъ желѣзныхъ путей находится вовсе не въ Демотикѣ, а въ Кудели - Бургазѣ, Демотика же является первою станицей на Деде-Агачской вѣтви, въ двадцати пяти верстахъ отъ Кудели-Бургаса; онъ же сообщалъ что на станицѣ Демотика наканунѣ сошли съ рельсовъ два локомотива, вслѣдствіе чего путь былъ испорченъ и вѣроятно еще не исправленъ, а въ ожиданіи его исправленія на станицѣ остаются 150 вагоновъ переломанныхъ турецкими бѣглецами, что турецкій полковникъ, отправившись на Константинополь, принужденъ былъ вернуться въ Кудели - Бургазъ,

такъ какъ онъ узналъ о появленіи русскихъ развѣдочъ на станціи Павло, вслѣдствіе чего и рѣшился отправиться по Деде-Агачской вѣтви, въ надеждѣ пересѣсть въ Деде-Агачѣ на пароходъ и такимъ образомъ добраться черезъ Дарданельскій проливъ въ Константинополь, но теперь по всей вѣроятности находится еще въ Демотики. „Надежда захватить подвижной составъ, разказывалъ намъ корнетъ Миллеръ, была очень соблазнительна, хотя до Демотики оставалось еще 45 верстъ пути, да и черкесскій полковникъ съ его свитою въ лагнѣ у драгунскаго развѣзда тоже не мало дразнилъ воображеніе, а потому порвавъ телеграфную проволоку мы немедленно же двинулись впередъ, прямо вдоль полотна желѣзной дороги, какъ по ближайшему пути.“ За невозможностію прохода по желѣзнодорожнымъ мостамъ, не имѣющимъ сплошной настилки, пришлось двѣ рѣчки переходить въ бродъ, глубиною по брюхо лошадамъ; наконецъ въ половинѣ седьмого часа утра пришли на станцію Кулели-Бургасъ, гдѣ было узнано что по слухамъ въ Демотики не должно быть много войска. Порвавъ проволоку, двинулись впередъ, послѣ чего вскорѣ развѣздъ донесъ что по горному хребту замѣтно сильное движеніе пѣхоты и кавалеріи. Предполагая что это Сулейманъ, который вѣроятно пришелъ уже въ Демотику и теперь слѣдуетъ на Кулели-Бургасъ, къ узлу дорогъ, корнетъ Миллеръ приказалъ взорвать большой мостъ на Марициѣ, но къ счастью, взрывъ динамита оказался неудачнымъ и мостъ уцѣлѣлъ. Между тѣмъ колонны и цѣль усмотрѣнныя на хребтѣ при звукѣ этого взрыва, раздавшемся подобно пушечному выстрѣлу, тотчасъ же пустились бѣжать вразсылку. Хотя узелъ дорогъ былъ теперь въ нашихъ рукахъ, такъ что задачу развѣда можно было считать оконченною, но корнетъ Миллеръ все-таки рѣшился продолжать рекогносцировку на Демотику и потому, оставивъ въ Кулели-Бургасѣ особый наблюдательный постъ, быстро двинулся далѣе. Дорогой объяснилось что такое были колонны усмотрѣнныя давеча на горномъ хребтѣ. Вооруженные христіане жители окрестныхъ деревень соединились для самозащиты противъ бродячихъ шаекъ башки-бузуковъ, за одну изъ коихъ былъ ими принятъ издали и развѣздъ Миллера; съ этою цѣлью они заняли хребетъ, но когда услышали гулъ взрыва, то подумали что это гдѣ-нибудь по близости находится турецкое войско съ пушками и бросились бѣжать куда попало. Въ одиннадцать часовъ

утра Миллеръ прибылъ на станцію Демотики, гдѣ узналъ что локомотивы были подвзяты и путь исправленъ еще вчера (12го числа), что тогда же въ три часа по-полудни два поѣзда съ эмигрантами ушли къ Деде-Агачу, что городъ Демотика не занятъ непріятелемъ, но что тамъ находится не мало бѣглецовъ изъ разбитыхъ таборовъ. Рѣшившись довести свою рекогносцировку до конца, Миллеръ подошелъ къ городу. На встрѣчу ему выѣхало нѣсколько жителей, которые просили его обождать немного вступленіемъ въ городъ чтобы дать горожанамъ, только-что узнавшимъ о прибытіи Русскихъ, возможность сдѣлать гостямъ парадную, торжественную встрѣчу. Минуть десять спустя, нѣсколько тысячъ жителей, христіанъ и Турокъ, запрудили собою большую дорогу. Вскорѣ изъ среды этой разстулпившейся на обѣ стороны толпы выступила духовная процессія съ крестами, иконами и рилидами и остановилась не доходя нѣсколько шаговъ до русскаго развѣзда. Тутъ изъ процессіи выдвинулся впередъ мусульманскій мулла и съ глубокимъ поклономъ поднесъ корнету Миллеру ключъ отъ крѣпостныхъ воротъ, на серебряномъ блюдѣ, а депутація горожанъ всѣхъ сословіи и исповѣданій вручила ему бѣлое знамя и просила принять отъ нея хлѣбъ-соль въ знакъ радушія и полного довѣрія къ Русскимъ.

Намѣстникъ митрополита благословилъ крестомъ и окропилъ святою водою русскихъ воиновъ, затѣмъ сказалъ по-гречески нѣсколько пріветственныхъ словъ, переведенныхъ архимандритомъ Герасимомъ, и наконецъ провозгласилъ многолѣтіе Государю Императору, причемъ отецъ Герасимъ крикнулъ по-русски ура! дружно подхваченное всею массою народа; при этихъ крикахъ духовенство высоко поднимало надъ головами кресты, иконы и рилиды. Въ это время выступила изъ толпы съ радостными слезами на глазахъ молодая дѣвушка-Болгарка, которая сказала пріветственное слово и подала Миллеру лавровый вѣнокъ. „Нашъ домашній очагъ, сказалъ отецъ Герасимъ,—наше достоиніе, ваша честь, свобода и жизнь въ опасности отъ произвола и насилія черкесскихъ шаекъ проходящихъ чрезъ нашъ городъ на пути своего бѣгства. Вы пришли насъ оградить и защитить,—пріветствуемъ васъ. Не оставляйте же насъ! Добро пожаловать!“

„Тяжелое чувство подняла во мнѣ эти слова, рассказывалъ намъ Миллеръ. — Съ одной стороны сознаніе нравственной обязанности не оставлять безъ защиты городъ отдающійся

покровительству Русскаго Государя, съ другой, ничтожность силъ моего разъязда. Что тутъ дѣлать?" Конечно, долгъ и честь оружія требовали не покидать этихъ несчастныхъ, на долю которыхъ выпало не мало страха, безлокойствъ и невзгодъ за послѣднее время. Миллеръ отвѣчалъ что „нашъ Августѣйшій Монархъ еще въ самомъ началѣ войны повелѣлъ своей арміи ограждать спокойствіе и защищать права жителей; поѣтому мы остаемся въ городѣ и насколько хватить силъ будемъ въ случаѣ надобности защищать его до прибытія дальнѣйшихъ нашихъ войскъ. Вашими молитвами, владыко, да поможетъ намъ Богъ исполнить свою обязанность“.

Эти слова, тутъ же переведенныя архимандритомъ на греческій языкъ, произвели въ толпѣ радостное волненіе сопровождавшееся громкими кликаніями, среди которыхъ лейбъ-драгуны двинулись въ городъ, предшествуемые духовною процессіей. Проводивъ ее до митрополіи, Миллеръ пришелъ въ конакъ, гдѣ уже собрался, по его распоряженію, временный городской совѣтъ изъ представителей всѣхъ мѣстныхъ народностей. До прихода своихъ старшихъ начальниковъ Миллеръ утвердилъ его въ качествѣ органа административной власти, а затѣмъ первымъ дѣломъ озаботился сейчасъ же устроить гражданскую стражу изъ христіанъ и обезоружить находившихся въ городѣ бродячихъ аскеровъ. Но для послѣдняго дѣла надо было предварительно очистить улицы отъ запрудившей ихъ толпы, почему и были высланы глашатаи прокричать по всему городу чтобы жители расходились по домамъ и занимались своимъ дѣломъ, такъ какъ интересы мирнаго населенія безъ различія народностей и вѣры найдутъ себѣ защиту и огражденіе. Въ теченіе дня было обезоружено 220 человекъ и въ томъ числѣ 14 Черкесовъ, которые впрочемъ, завидя драгунъ, побросали свое оружіе и копей, а сами разбѣжались, пользуясь извѣстными закоулками города.

Въ виду усиленныхъ просьбъ жителей о защитѣ ихъ отъ возможнаго появленія новыхъ черкесскихъ шаекъ, Миллеръ послалъ донесеніе о занятіи имъ Демотики и о положеніи города какъ командиру дивизіона, такъ и на лѣвую сторону Марицы, гдѣ по его предположенію должна была находиться пѣхота приблизительно въ такомъ же разстояніи какъ и дивизіонъ, то-есть верстахъ въ 45ти, а кромѣ того отправилъ еще особое донесеніе и въ Адрианополь генералу Скобелеву 2му, какъ начальнику авангарда. Затѣмъ, объѣхавъ окраины

всего города, онъ избралъ на одномъ изъ городскихъ выѣздовъ удобное для обороны строеніе, которое предполагалъ занять слѣдующими драгунами, въ случаѣ появленія черкесовъ, и весь городъ оцѣплялъ постами вооруженной гражданской стражи; сверхъ сего, по всѣмъ дорогамъ версты на полторы впередъ были выдвинуты четыре пары конныхъ часовыхъ. Всѣ эти распоряженія Миллера вызвали въ отношеніи его живую благодарность городского совѣта, причѣмъ старшій мулла выразилъ что „слезы радости и благодарности тысячи огражденных отъ насилій семействъ турецкихъ, при появленіи лучей исходящихъ отъ солнца Россіи, суть драгоценныя и неподдѣльные алмазы ихъ общей признательности молодому представителю русской силы и порядка.“

Въ полночь прибылъ въ городъ драгунскій разѣздъ посланный полковникомъ Дубовскимъ для отысканія Миллера. Полагали что онъ со взводомъ незамѣтно прошелъ ночью мимо Черкесовъ, которые днемъ конечно его замѣтили, отрѣзали ему отступление и т. п., тѣмъ болѣе что отъ него не получалось пока никакого донесенія, которое между тѣмъ не дошло своевременно потому что посланный провалился съ лошадыю на лаохомъ мосту и былъ принужденъ ночевать въ какой-то деревушкѣ, о чемъ узналось потомъ лишь на третью сутки. Отъ прибывшаго разѣзда Миллеръ узналъ о рѣшеніи принятомъ полковникомъ Дубовскимъ, что если къ утру о немъ, Миллерѣ, не будетъ никакихъ извѣстій, то дивизіонъ направится обратно въ Адрианополь, гдѣ перейдетъ на лѣвый берегъ Марицы, такъ какъ предполагалось что Миллеръ въ виду серьезной опасности перешелъ вплавъ черезъ рѣку.

14го января, въ четвертомъ часу дня, городъ былъ обрадованъ вѣстью съ аванпостовъ о приближеніи дивизіона. Миллеръ выѣхалъ на встрѣчу, передалъ полковнику Дубовскому бѣлое знамя и ключъ, которые были представлены 17го числа генералу Карцову, при вступленіи въ городъ его отряда. *

Подъ вечеръ мы отправились осматривать городъ, который хотя и носить на себѣ все тотъ же обще-восточный тилъ, но значительно чище прочихъ городовъ видѣнныхъ

* Корнетъ Миллеръ за занятіе Демотики награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4й ст. съ мечемъ и бантомъ.

нами доселѣ. Здѣсь и улицы вообще шире, и дома, за исключеніемъ двухъ-трехъ кварталовъ, менѣе скучены между собою; нерѣдко попадаются домики съ совершенно европейскою наружностью, освѣженные зеленою небольшою садакомъ гдѣ раскидисто растутъ каштаны и чинары. Кое-гдѣ видѣются даже французскія вывѣски портнаго, саложника, часовщика; рядомъ—кофейни и цирюльни, изъ которыхъ однѣ посѣщаются исключительно мусульманами, а другія христіанами; первые неподвижно сидятъ съ поджатыми подъ себя ногами на низенькихъ диванахъ и безмолвно предаются кейфу среди дыма и урчанья каляновъ; вторые кучками сидятъ à la française, то-есть по-европейски, вокругъ небольшихъ столиковъ, поливая мѣстное вино и кофе. Рестораны снабжающія мѣстный людъ разными свѣдами устроены по образцу всѣхъ восточныхъ лавокъ, гдѣ наружная деревянная стѣна откидывается на петляхъ вверхъ, служа завѣсомъ отъ дождя и солнца, а кухня помѣщается сподна на плитѣ устроенной въ переднемъ прилавкѣ; желающіе закутить покушаютъ въ одной изъ сосѣднихъ лавокъ хлѣбъ, въ другой ракію или вино и ѣдятъ на улицѣ стоя предъ прилавкомъ-кухней. Здѣсь приготовляются преимущественно „кабачки“ начиненные говядиною съ рисомъ, рыба жареная на оливковомъ маслѣ, артишоки, пилавъ, вареная баранина и говяжьи битки въ видѣ маленькихъ шариковъ, съ сильною примѣсью луку и перцу, жареные тоже на оливковомъ маслѣ. Мы попробовали кое-чего изъ произведеній этой кухни, и оказалось ничего, довольно вкусно. Побродивъ по улицамъ, мы посѣтили главную городскую мечеть и потомъ греческую приходскую церковь. Высокое квадратное зданіе мечети съ пирамидальною крышею не отличается никакими особенностями архитектурнаго стиля и производило бы самое прозаическое впечатлѣніе еслибы не громадный лаюцъ роскошно покрывшій своею зеленою всю сѣверную стѣну и часть крыши. Не мало вѣковъ нужно было этому растенію чтобы достигнуть нынѣшняго его состоянія. Никогда и видѣть не видалъ я подобнаго. Этотъ лаюцъ, какъ бы приросшій къ самой стѣнѣ, идетъ отъ земли вверхъ сажени на двѣ однимъ толстымъ совершенно одеревѣлымъ стволомъ болѣе фута въ поперечникѣ и затѣмъ начинаетъ развѣтвляться въ разныя стороны толстыми и тоже одеревѣлыми сучьями; словомъ это цѣлое громадное дерево которое

не могло не показаться диковинымъ для насъ, сѣверякъ, привыкшихъ видѣть площадь не болѣе какъ жиденькимъ ковриковымъ растеніемъ. Внутренность мечети совершенно луста и лишена всякихъ украшеній, если не считать за таковыя черныхъ круговъ намазеванныхъ на стѣнахъ, въ коихъ громадными бѣлыми буквами начертано по-арабски имя Аллаха. Мечеть стоитъ посреди городской площади, приходская же греческая церковь прячется въ закоудахъ, нѣсколько въ сторонѣ отъ главной улицы; она окружена высокою каменною стѣною окрашенною въ черный цвѣтъ и покрыта черепичною кровлею, безъ куоловъ, даже безъ замѣтнаго креста, лоходя своею архитектурой на нѣчто въ родѣ нашихъ казенныхъ хлѣбныхъ амбаровъ, какъ впрочемъ и большая часть православныхъ церквей въ Европейской Турціи. Благодаря этой высокой черной стѣнѣ съ низенькою дубовою окованною желѣзомъ дверью, все это печальное снаружи зданіе валомиваетъ скорѣе мрачный острогъ чѣмъ храмъ христіанскій. Эта церковь одна изъ немногихъ въ Турціи не подвергшихся грабежу и оскверненію. На образѣхъ иконостаса сохранились серебряныя ризы и вѣнчики на которые навѣшаны бѣлые кружевные уборы въ родѣ нашихъ узорчатыхъ полотенецъ. Здѣсь были образа всѣхъ святыхъ наиболѣе чтимыхъ Греками, а именно: Царя Константина и Елены, Іоанна Предтечи, архидіакона Стефана, великомученика Георгія и Θεодора Стратилата, изъ коихъ послѣдній здѣсь всегда изображается верхомъ на бѣломъ конѣ, такъ же какъ и Георгій.

По выходѣ изъ церкви на одной изъ сосѣднихъ площадекъ у главной улицы наше вниманіе случайно остановилось на приклеенномъ къ стѣнѣ печатномъ объявленіи. Оказалось что это была прокламація великаго визира Ибрагимъ-Эдгемъ-паша къ Болгарамъ, отъ 15го ноября 1877 года. Я сталъ громко читать ее, и около насъ тотчасъ же образовалась кучка слушателей Болгаръ и Грековъ. Въ прокламаціи говорилось о томъ благодѣствіи которымъ искони вѣковъ наслаждались Болгары подъ кроткою отеческою властью Оттоманскаго правительства, вслѣдствіе чего они приглашались оставаться подъ нею впредъ для пользованія благами турецкой конституціи.

Слушатели-Болгары при каждой подобаго рода сентиментальной фразѣ дружно разражались пролическимъ смѣхомъ и желчными замѣчаніями:

— О, да! благополучіе! благоденствіе! говорили они, указывая на фонари и перила балконовъ:—вотъ тутъ, наприхѣръ, какъ ловѣсили разомъ трехъ человекъ на этой перекладинѣ, было одно благополучіе, а тамъ вонъ другое, а здѣсь вотъ третье,—много, много тутъ и благоденствія, и благополучія было много!...

Мнѣ захотѣлось сохранить себѣ на память это куріозное произведеніе, и когда одинъ изъ нашихъ слутчиковъ саблей сталъ срѣзывать прокламацію со стѣны, то надо было видѣть при этомъ чистый дѣтскій восторгъ и наивную радость всѣхъ этихъ Болгаръ и Грековъ захолапавшихъ въ ладоши и вдругъ разразившихся громкими криками. Сами они по собственному почину никогда не дерзнули бы прикоснуться подобнымъ образомъ къ манифесту исходящему отъ „негова пресвѣтаго высочества великыя визирь.“ *

* Привожу какъ куріозъ этотъ документъ сполна, въ переводѣ сдѣланномъ по моей просьбѣ штатнымъ переводчикомъ полевого штаба, П. В. Оджаковымъ:

„Воззваніе его высочества великаго визиря ко всѣмъ Болгарамъ, подданнымъ его императорскаго величества Султана. Болгаре! Уже много вѣковъ благоденствуете вы подъ отеческою властью Оттоманскаго правительства, наслаждаясь полною свободой и обезпеченіемъ вашей народности, вѣры и личныхъ правъ. Тѣ чисто братскія отношенія въ какихъ вы живете съ вашими соотечественниками - мусульманами и та свобода которою мы пользуетесь въ занятіяхъ торговлей и хозяйствомъ, являютъ міру образецъ единой, совершенно благополучной, счастливой семьи. Міръ былъ свидѣтелемъ тѣхъ успѣховъ которые, благодаря заботамъ и содѣйствію императорскаго правительства, вы дѣлали по общенародному посвященію, земледѣлію, искусствамъ; міръ былъ свидѣлемъ и того участія которое вы принимали въ управленіи дѣлами вашей страны. Во всѣхъ вашихъ благонамѣренныхъ предпріятіяхъ и дѣлахъ вамъ оказывалась вся помощь, дѣлались всѣческія облегченія, какія лишь находились подъ руками и во власти правительства. Его величество султанъ, августѣйшій вашъ государь, въ правѣ ожидать отъ васъ все болѣе и болѣе великихъ доказательствъ вашей вѣрности и преданности; между тѣмъ нѣкоторые изъ васъ, повѣривъ словамъ зложделателей и мятѣжниковъ, уклонились отъ истинно-правого, благоприличнаго пути и принялись за бунтъ и злодѣянія. Такимъ поведеніемъ они привели въ содроганіе и удивленіе весь міръ и своими насильствами противными чувству человечности оскорбили и опечалили сердце его

Затѣмъ насъ провели въ кремль, гдѣ рядомъ съ церковью

императорскаго величества султана, вашего великодушнаго благодѣтеля. Впрочемъ еслибъ эти простодушные люди только оглядѣлись вокругъ себя, то они увидѣли бы и поняли что тѣ народы которые кажутся имъ живущими въ совершенномъ благополучіи, на самомъ дѣлѣ, напротивъ того, претерпѣваютъ наибольшія страданія, будучи лишены притомъ всякой свободы. Да и кромѣ того, слова „соплеменность“, „народность“, которыми барабанятъ въ ихъ уши, суть не что иное какъ грязное надувательство. Еслибы простодушные, заблудившіеся люди поняли это, то они, подобно прочимъ своимъ соотечественникамъ, сознали бы околѣ драгоценно то отеческое управленіе подѣ коимъ они живутъ, и тогда, конечно, ни на волосъ не свернули бы съ пути вѣрности и правоты, не содѣлались бы причиною и орудіемъ разоренія своего края. Но слава Богу и хвала вамъ! Объявляю это всѣмъ что количество подобныхъ зложелателей крайне ничтожно въ сравненіи съ громадною численностью народа вашего.

„Болгары! Вѣрные подданные его величества! Да будетъ вамъ извѣстно что вашъ августѣйшій государь настолько милостивъ, настолько благъ и справедливъ что не находитъ достойнымъ отнять свою царскую благодать и милость ото всего вообще вѣроподданнаго ему народа Болгарскаго, который онъ любитъ какъ своихъ дѣтей; не находитъ же этого достойнымъ по той простой причинѣ что лишь самая ничтожная горсть сего народа, аимъ изъ простоты и невѣжества свернула съ праваго пути ведущаго къ благоденствію. Не только не сниметъ онъ, говорю, милость и любовь свою съ Болгарскаго народа, но еще готовъ удостоить помилованія всѣхъ преступниковъ которые, сознавъ свое заблужденіе, бросятся просить милости. Поэтому всѣхъ тѣхъ изъ вашей среды кто устрашась тяжести злодѣяній содѣянныхъ нѣкоторыми изъ вашихъ соотечественниковъ, покинули свои обиталища и бѣжали въ Баканы,—я по высокой царской заповѣди приглашаю возвратиться въ ихъ дома. Конституція дарованная недавно обезпечиваетъ каждому его настоящее и будущее. Нынѣ больше чѣмъ когда-либо всѣ вѣрные подданные его величества найдутъ и помощь, и защиту, и покровительство у правительственныхъ чиновниковъ, изъ коихъ каждый кто позволилъ бы себѣ причинить какое-либо зло вѣрнымъ царскимъ подданнымъ подвергнется карѣ закона. Болгаре! Вамъ надлежитъ нынѣ воспользоваться сими моими обѣщаніями, а которые не сдѣлаютъ этого и станутъ упорствовать, заставляя своихъ женъ и дѣтей мыкаться въ нищетѣ, то да будетъ грѣхъ на ихъ душѣ за тѣ тяготы и страданія отъ коихъ имъ предстоитъ гибель въ эту земную пору!

„Царьградъ, 1877, ноября 15 дня. Великій визирь Ибрагимъ-Эдгежъ.“

и зданіями греческой митрополіи помѣщаются турецкія тюрьмы устроенныя въ стѣнахъ и тайникахъ древней крѣпости. Тюремы для преступниковъ-мусульманъ находятся въ подвалахъ, гдѣ хотя очень скверно, но въ сравненіи съ мѣстомъ заточенія христіанъ все еще сносно; христіанская же тюрьма для „государственныхъ“ преступниковъ являетъ собою нѣчто ужасное въ прямомъ смыслѣ слова. вмѣсто входа въ эту послѣднюю тюрьму ведетъ слуховое окно пробитое на высотѣ около аршина отъ земаи, вынѣ заткнутое соломой и плотно заставленное деревяннымъ заслономъ; самая же тюрьма представляется въ видѣ темнаго колодца, какъ говорятъ до 15 аршинъ глубиною, куда преступниковъ опускали на веревкахъ. Тамъ они и умирали, если не удавалось откутиться. Намъ открыли слуховое окно и я попытался было заглянуть туда со свѣчей, но тотчасъ же долженъ былъ съ омерзѣніемъ отшатнуться, до такой степени потянуло вдругъ изъ глубины отвратительнымъ смрадомъ. Сказываютъ что тамъ на двѣ и до сихъ поръ лежатъ трупы, а послѣдніе изъ заключенныхъ были спасены жителями лишь по занятіи города корпусомъ Миллеромъ.

20го января, еще не зная что перемиріе уже заключено, генералъ Карповъ направилъ 2ю стрѣлковую роту Старо-Ингерманландскаго полка для занятія Деде-Агача. Ради этой дѣли еще наканунѣ позвнимъ вечеромъ военный инженеръ штабсъ-капитанъ Ивановъ привелъ изъ Адрианополя въ Демотику небольшой желѣзнодорожный поѣздъ. Деде-Агачъ представлялъ для насъ интересъ, во первыхъ, какъ портъ на Эгейскомъ морѣ, какъ оконечный пунктъ особой желѣзнодорожной вѣтви, пунктъ весьма важный въ стратегическомъ смыслѣ, особенно въ виду возможной войны съ Адгаичанами и восторыхъ потому что тамъ была сосредоточена значительная часть подвижнаго желѣзнодорожнаго состава съ нѣсколькими локомотивами, въ которыхъ мы крайне нуждались для передвиженія силъ и заласовъ нашей арміи. Отправить поѣздъ ночью было рисковано, такъ какъ состояніе пути не было намъ извѣстно; повтому мы тронулись на разсвѣтѣ. При 2й стрѣлковой ротѣ находился: ея командиръ, штабсъ-капитанъ Яковлевъ, и его субалтеръ-офицеръ, поручикъ Зубынинъ; штабсъ-капитанъ Ивановъ съ двумя-тремя солдатами все время слѣдовалъ на тендерѣ, управляла механизмомъ паровоза за неимѣніемъ машиниста.

Не доходя двухъ верстъ до станціи лоѣздъ остановился: впереди была видна лѣхотная турецкая цѣль, а въ нѣкоторомъ разстояніи за нею въ видѣ резервовъ небольшія сомкнутыя части. Наши люди тотчасъ же высадились изъ вагоновъ. Штабъ-капитанъ Яковаевъ рассыпалъ цѣль въ обѣ стороны отъ полотна дороги и подавъ сигналъ наступленія. Цѣль тронулась впередъ, а за ней на высотѣ резерва подвигался тихимъ ходомъ и нашъ лоѣздъ. Мы не открывали огня, волевыхъ, по дальности разстоянія, а восторыхъ потому что рѣшили предоставить первый выстрѣлъ Туркамъ. Противникъ повидимому приготовился къ дѣлу, даже усилилъ нѣсколько свою цѣль, но когда мы приблизились почти на разстояніе вѣрнаго стрѣльцоваго выстрѣла, непріятельская цѣль по сигналу вдругъ повернула назадъ и медленно стала отходить къ порту, не открывая однако огня. Мы продолжали двигаться за ней и вскорѣ безъ выстрѣла заняли довольно обширный районъ желѣзнодорожной станціи и самое зданіе свой, гдѣ была оставлена на всякій случай небольшая часть людей, остальная же часть роты продолжала наступленіе къ порту. Въ это время видно было какъ турецкіе солдаты слышно удалялись въ лодкахъ на тунисскій пароходъ, который быстро развелъ лары и ушелъ въ море. Остальная часть Деде-Агачскаго гарнизона вѣсть съ его комендантомъ (какъ оказалось вскорѣ, майоромъ) сѣла на другой пароходъ стоявшій у берега и почему-то медлившій отплытіемъ. Между тѣмъ портъ былъ уже занятъ нами, и штабъ-капитанъ Ивановъ послалъ сказать коменданту чтобъ онъ либо уходилъ съ пароходомъ въ море, либо сдавался, такъ какъ въ противномъ случаѣ мы начнемъ непріязненныя дѣйствія. Не прошло и десяти минутъ послѣ этого предваренія какъ и второй пароходъ ушелъ изъ порта. Такимъ образомъ Деде-Агачъ достался намъ безъ выстрѣла. Мѣстный гражданскій мудиръ въ полной парадной формѣ тотчасъ же явился съ депутаціей отъ жителей и въ изъявленіе полной покорности поднесъ Иванову ключъ отъ порта. Европейскіе консулы почему-то сочли нужнымъ поднять надъ своими домами національные флаги, а Англичанинъ съ Австрійцемъ попытались даже протестовать противъ занятія нами порта на томъ основаніи что перемиріе де уже заключено. На это имъ отвѣчали вѣжливо, но твердо и рѣшительно что намъ о перемирії ничего еще неиз-

вѣстно, что мы дѣйствуемъ на основаніи распоряженій своего начальства, въ которыя и не можемъ допустить ничего посторонняго вмѣшательства; что же касается интересовъ иностранныхъ подданныхъ находящихся подъ ихъ консульскимъ покровеніемъ, то эти интересы будутъ уважены и вполнѣ ограждены нашимъ оружіемъ и что, наконецъ, если господамъ консуламъ угодно, то мы приглашаемъ ихъ войти въ качествѣ членовъ въ немедленно учреждаемый нами временный городской совѣтъ изъ представителей всѣхъ сословій и вѣроисповѣданій. Консулы поблагодарили и воспользовались нашимъ предложеніемъ. Такимъ образомъ и этотъ дипломатическій громъ оказался громомъ далеко не изъ тучи. Турецкій мудиръ, о которомъ жители отзывались съ хорошей стороны, не заявивъ никакихъ жалобъ на его управленіе, былъ оставленъ нами временно исполнять свою должность.

Въ городкѣ найдены большіе хлѣбные запасы, а на станціи пять локомотивовъ и 170 вагоновъ, которые въ тотъ же день были постепенно отправлены въ Демотику и Адрианополь съ необходимымъ комплектomъ машинистовъ, кочегаровъ и кондукторовъ нашедшихся въ Деде-Агачъ, а на слѣдующее утро сюда прибылъ весь 2й баталіонъ Старо-Имгерманландскаго полка, подъ начальствомъ майора Духновскаго, съ частью казачковъ, и окончательно утвердился въ портѣ. 22го января къ намъ было прислано формальное извѣщеніе о перемиріи, заключенномъ 19го числа, и Деде-Агачскій портъ, войдя въ районъ отмежеванный для русской арміи, остался временно за нами.

Деде-Агачъ нельзя пока назвать городомъ въ настоящемъ смыслѣ слова; это такъ-сказать зародышъ города, которому въ будущемъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ широкое развитіе, въ особенности если когда-нибудь уничтожатся турецкіе порядки. Въ настоящее время въ немъ можно насчитать десятка три - четыре домовъ, по большей части сколоченныхъ на живую руку, изъ которыхъ нѣсколько лучшихъ и наиболѣе удобныхъ заняты разными европейскими консульствами, портовымъ начальствомъ да желѣзнодорожными чиновниками; въ остальныхъ помѣщаются одинъ магазинъ tutti frutti, со всевозможною дрянью европейской промышленности, и нѣсколько мелкихъ лавочекъ да кабачковъ-содержимыхъ исключительно Греками. Затѣмъ если упомянуть

разныя стационарныя и портовые строенія, техническія мастерскія, складочныя сараи и рядъ хлѣбныхъ магазиновъ на пристани, то получится довольно полное представленіе о Деле-Агачѣ, построенномъ на плоскомъ низменномъ берегу Эгейскаго моря. Возвышенности отходятъ отъ берега на нѣскольکو верстѣ въ глубь страны, къ западу. Дома разбиты безо всякаго плана, гдѣ кому казалось лучше; поэтому и улицы въ настоящемъ смыслѣ этого слова здѣсь почти нѣтъ. Въ разныхъ мѣстахъ предъ домами и въ кое-какихъ садикахъ попадаются нѣскольکو раскидистыхъ старорослыхъ деревьевъ, но растительности вообще говоря мало. За то видъ на Эгейское море представляетъ собою нѣчто вполне достойное восхищенія,—прекрасную, единственную въ своемъ родѣ картину! Погода въ этотъ день была сухая, съ холоднымъ вѣтромъ, но воздухъ при совершенно ясномъ небѣ отличался замѣчательною чистотой и такъ-сказать кристальною прозрачностью, благодаря чему не только разные кораблики, какъ предметы ближайшіе къ нашему глазу, но даже очертанія дальнихъ береговъ и острововъ совершенно ясно и отчетливо видѣлись въ морѣ на громадныхъ разстояніяхъ. Шумно прыдали на берегъ волны и разсыпались между крупными валунами, съ грохотомъ вращая мелкую разноцвѣтную гальку перемѣшанную съ массою миловидныхъ ракушекъ. Подъ безпрестанными налетами порывистаго вѣтра море рѣбало сильною зыбью и ходило по немъ такъ-называемые барашки или зайчики: то гребни волнъ игриво сверкали на солнцѣ жемчужно-бѣлою пѣной. Все море было окрашено какимъ-то особеннымъ зеленымъ цвѣтомъ, но не яркаго оттѣнка, который чѣмъ дальше тѣмъ все больше переходилъ въ серебристую лазурь, почти незаметно сливавшуюся съ чертой горизонта. Изъ пространствъ этого моря въ разныхъ мѣстахъ выдавались одни за другими изящныя силуэты гористыхъ архипелажскихъ острововъ: къ западу видѣлся былъ Тазосъ и смутнымъ, чуть замѣтнымъ очеркомъ обозначался Святой Мысъ горы Аеонской; прямо на югъ сурово и гордо вздымался къ небу изъ водной черты ближайшій къ намъ островъ Самотраки, за нимъ южнѣе—Имбро, еще далѣе—Лемносъ; нѣскольکو восточнѣе, почти на одной высотѣ съ Имбро и Самотраки, видѣлась оконечность Галлополійскаго полуострова, спадавшая къ морю высокими террасообразными

уступами. Всѣ эти берега казались окрашенными въ дымчато-лиловый цвѣтъ, который въ ближайшихъ изъ нихъ являлся съ бурнымъ и синеваато-фіолетовымъ оттѣнкомъ, а въ остальныхъ чѣмъ далѣе и далѣе уходили они въ перспективу морскаго пространства тѣмъ легкіе переливы ихъ лиловатыхъ тоновъ становились все мягче, свѣтлѣе, слабѣе... Они какъ бы таяли и расплывались, подобно легкимъ облакамъ, въ прозрачномъ солнечномъ воздухѣ. Все это вмѣстѣ—море и острова, съ ихъ перспективами и красками—было предельно какъ хорошо, живописно и полно поэзіи!

На возвратномъ пути изъ Деде-Агача въ Демотику мнѣ памятна одна довольно куріозная встрѣча. На одной изъ промежуточныхъ станцій поѣздъ остановился минутъ на пятнадцать. Было холодно; хотѣлось хотя немного погрѣться и потому мы воспользовались этимъ временемъ чтобы выпить по чашкѣ горячаго кофе *à la turca*. Въ станціонной лавчкѣ, ова же и кофейня, стояли нѣсколько офицеровъ и солдатъ, — все это торопилось чего-нибудь выпить, закусить, купить и расплатиться. Спросивъ себя чашку кофе, я выложилъ на ладонь сколько-то мелкаго серебра и знаками пригласилъ хозяина Грека получить что слѣдуетъ. Грекъ безцеремонно заграбасталъ въ лапу всю мою мелочь и уже готовился опустить ее въ свой карманъ какъ вдругъ на его кулакъ наложилъ руку какой-то худощавый черноволосый господинъ довольно высокаго роста, одѣтый по-европейски въ какое-то палъто табачно-зеленаго цвѣта.

— Это животное васъ обманываетъ, очень вѣжливо обратился онъ ко мнѣ по-французски:—позвольте мнѣ разчитать-ся съ нимъ какъ слѣдуетъ и возвратитъ вамъ остальное.

Конечно, оставалось только поблагодарить и воспользоваться столь любезнымъ предложеніемъ.

Незнакомецъ заставилъ сконфуженнаго торговца разжать кулакъ, отсчиталъ ему полліастра ($2\frac{1}{2}$ копѣйки), остальное же подавалъ мнѣ съ извиненіемъ что между его соплеменниками, къ сожалѣнію, водятся наглые мошенники „на которыхъ вамъ господамъ Русскимъ конечно уже многократно приходилось наталкиваться“.

Мы разговорились. Незнакомецъ-Грекъ оказался человекомъ питающимъ большое сочувствіе къ Русскимъ, что, сказать кстати, между нынѣшними „цивилизованными“ Греками большая рѣдкость. Онъ заявилъ о себѣ какъ о медикѣ

практикующемъ нынѣ въ этихъ мѣстахъ и сообщилъ что въ юности жилъ въ Явинѣ, много странствовалъ по Элиру, Фессалии, Македоніи и знавалъ въ прежнее время вѣсколькихъ Русскихъ, которые оставили въ немъ самыя свѣтлыя и благодарныя воспоминанія. Между прочими онъ назвалъ и Константина Николаевича Леонтьева, бывшего нашего консула на Востокѣ.

Я сообщилъ ему на это что знаю Константина Николаевича и даже считаю себя въ числѣ его добрыхъ знакомыхъ. Незнакомецъ очень обрадовался этому и, горячо пожимая мнѣ руку, просилъ передать Леонтьеву его поклоны.

— Скажите ему, говорилъ онъ,—что я часто воспоминаю о немъ, да и не одинъ я, а многіе, многіе у насъ хранятъ о немъ самую добрую, сердечную память.

Я вынулъ записную книжку чтобы вписать въ нее имя незнакомца.

— Меня зовутъ Полихроніадесъ, сообщилъ онъ.

— Одиссей? невольно воскликнулъ я, вскинувшись на него любопытнымъ взоромъ.

— Да, Одиссей, подтвердилъ онъ, въ крайнемъ изумленіи,— Одиссей... Но... позвольте, какимъ образомъ вы знаете мое имя?

— О, что касается этого, то я вамъ скажу что имя Одисея Полихроніадеса извѣстно многomu множеству грамотныхъ людей въ Россіи.

— Въ Россіи... въ Россіи, повторилъ онъ почти машинально и даже съ нѣскольکو тревожнымъ недоумѣніемъ,—мое имя въ Россіи... Возможно ли?!...

— Вѣдь вы Загорскій Грекъ? продолжалъ я.

— Да, дѣйствительно я изъ Загорья... Но какимъ образомъ все это вамъ извѣстно?

— Очень просто: это имя принадлежитъ герою цѣлаго романа, цѣлой прелестнѣйшей эпопеи изъ эллинскаго быта, которая влечатана въ одномъ изъ нашихъ литературныхъ журналовъ и называется „Приключенія Одиссея Полихроніадеса, Загорскаго Грека“.

Докторъ былъ такъ пораженъ этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ что мнѣ показалось будто даже испугался отчасти.

— Боже мой!... Цѣлаго романа... Цѣлой эпопеи, бормоталъ онъ, уставая на меня широко раскрытыми глазами.—Вотъ

сюрпризъ-то для бѣднаго Одиссея!... Безвѣстенъ у себя на родинѣ и знаменитъ въ Россіи... И кто же авторъ этого романа?

— Константинъ Николаевичъ Леонтьевъ.

— О! воскликнулъ Одиссей и кромѣ этого восклицанія съ минутой не могъ ничего больше выговорить.

— Скажите, началъ онъ снова, послѣ минутнаго раздумья, съ нѣскольکو застѣвчивою улыбкой:—вопросъ который я хочу сдѣлать быть-можетъ нѣскольکو щекотливъ, но... для меня лично онъ слѣшкомъ близокъ и интересенъ... Скажите откровенно, не стѣсняясь, въ какомъ свѣтѣ представленъ герой этого романа?

— Въ самомъ симпатичномъ, могу васъ въ этомъ смѣло увѣрить и оттого-то мнѣ такъ пріятна наша неожиданная встрѣча.

Докторъ еще разъ пожалъ мнѣ руку.

— Передайте же, прошу васъ, сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ,—передайте мой гаубокій поклонъ господину Леонтьеву и мою сердечную горячую благодарность за его добрую память и доброе слово о бѣдномъ, ничтожномъ Одиссее... О, какъ я сожалею теперь что лишень возможности прочитать это произведеніе! Какое это для меня несчастіе что я не знаю по-русски.

Звонокъ кондуктора положилъ конецъ нашему разговору и прекратилъ эту любопытную встрѣчу. Поездъ тронулся, но Одиссей Полихроніадесъ долго еще посылалъ мнѣ поклоны и махалъ своею барашковою шалкой.

ВСЕВОЛОДЪ КРЕСТОВСКІЙ.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ О ТРАКІИ *

VI.

Я сказалъ что положеніе Адрианопольскаго консульства было безъ прибавленія блестящее, когда я пріѣхалъ имъ управлять въ концѣ 1864 года. Мнѣ предшествовали одинъ за другимъ замѣчательные консулы: Стулицъ, Шипкинъ и Золотаревъ. Стулицъ и Золотаревъ уже умерли оба, а г. Шипкинъ теперь посланникомъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

Они всѣ трое были очень вліятельные и способные люди, во вовсе не были похожи другъ на друга, ни воспитаніемъ ни характеромъ, ни родомъ ламати которую они оставили въ странѣ. Гг. Шипкинъ и Золотаревъ были люди свѣтскіе, молодые, съ хорошима средствами, благовоспитанные, приспособленные уже для настоящей дипломатической службы при посольствахъ и съ широкою дорогою впереди. Стулицъ былъ человекъ не богатый, семейный, довольно грубый пожалуй, и даже видомъ своимъ походилъ гораздо менѣе на дипломата чѣмъ на храбраго и суроваго армейскаго полковника.

Блѣдный и сухой, но крѣпкій съ виду, бѣлокурый, съ одними усами безъ бороды, взглядъ строгій и покойный... Я его видѣлъ въ Петербургѣ. Онъ тогда былъ не то чтобы въ опалѣ, а

* См. *Руск. Вѣстн.* № 3.

какъ бы подъ свѣдѣніемъ; его вліяніе и неслышанная популярность возбуждали противъ него цѣлую коалицію иностранцевъ, и наше тогдашнее посольство, поддавшись ихъ внушеніямъ, удалило Стулина временно изъ Адрианополя. Стулинъ похвально въ Петербургъ и оправдался. Это было именно въ то время когда я только-что поступилъ на службу въ Петербургъ. Объ исторіи его говорили въ министерствѣ, но такъ какъ обо всемъ говорятъ въ Петербургѣ, мимоходомъ, пусто, легко и съ шуточками.

Иначе относились къ этому дѣлу христіане во Эракии: тамъ смотрѣли на Россію, на чиновниковъ русскихъ, на службу Русскаго Царя серьезно, говорили о нихъ скорѣе уже съ трагическимъ или элическимъ отбѣскомъ чѣмъ съ комическимъ.

Наше юмористическое балагурство, наше легкомысліе въ разговорахъ о государственныхъ дѣлахъ и государственныхъ дѣтеляхъ тамъ неизвѣстно. На Востокѣ совсѣмъ не тому и не надъ тѣмъ смѣются надъ чѣмъ смѣются у насъ. Остроумія тамъ мало; остроты и насмѣшки тамъ не забавны, не остры; это, конечно, иногда очень скучно въ общественной жизни; но есть однако въ этомъ недостатокъ и прекрасная сторона, — нѣкоторая простота и серьезность взгляда на государственныя отношенія, на службу казенную и тому подобныя предметы. Тамъ, напримѣръ, постичь не могли бы какъ это можно такъ подтрунивать надъ чинами и орденами какъ дѣлаютъ у насъ именно тѣ которые ими украшены. Если кто-нибудь и окажется тамъ въ этомъ отношеніи настолько искреннимъ приверженцемъ равенства, что ордена и чины ему не желательны и непріятны, какъ выраженія монархизма, то онъ будетъ чувствовать къ нимъ враждебное чувство серьезнаго характера, но никакое шлыпяніе à la Щедринъ чиновниковъ съ ихъ знаками отличія на Востокѣ и въ голову не придетъ. Въ этомъ отношеніи большинство восточныхъ христіанъ больше сходно съ нашими прежними дворянами, которые гордились своею службой, заслугами, орденами, которые готовы были, какъ говорили у насъ насмѣшники, „спать въ орденахъ“, а не стыдились ихъ и не подтрунивали надъ ними, какъ дѣлаютъ у насъ теперъ.

Прибавлю еще что въ Адрианополь въ то время всѣ самыя вѣзательныя лица города были люди самаго охранительнаго

направленія,—какъ Болгары, такъ и Греки,—и всё болѣе или менѣе русской партіи. Понятное дѣло, какимъ восторженнымъ тономъ они говорили о Ступинѣ, котораго боялись не только Турки, но и мѣстные консулы изъ католиковъ, всё эти богатые и безчисленныя *Бадетти* и несмѣтные *Вернацци*, которыми кишилъ православно-турецкій городъ (объ этихъ *Бадетти* и *Вернацци* я поговорю послѣ подробнѣе).

— *Le grand consul! Omegasъ проксеносъ!* Такъ звали христіане Ступина.

Радость была велика, когда узнали что Ступинъ оправдался въ Петербургѣ, что его повысили, назначили генеральнымъ консуломъ въ Тавризъ (въ Персію) и пожаловали даже ему землю въ одной изъ отдаленныхъ губерній нашихъ (въ аренду или собственность — не знаю). Разказывали съ гордостью будто бы самъ князь Горчаковъ по поводу обвиненій взводимыхъ на Ступина выразился такъ: „Я никогда не повѣрю чтобы русскій консулъ дѣлалъ все то въ чемъ его обвиняютъ. Все это клевета!“ При этомъ съ тонкою таинственностью во взглядѣ восточные люди прибавляли одобрительно: „*Не хочеть дядя Горчаковъ вѣрить!*“

Въ чемъ же обвиняли Ступина *враги* и за что такъ любили его *доброжелатели* Россіи во *Фракіи*?

Въ Эпирской хроникѣ моей *Одиссей Полихроніадесъ* я кратко и мимоходомъ описалъ Ступина подъ именемъ *Бунина*.

Объ этомъ Бунинъ разказываетъ нѣкто Хаджи-Хамамджи, фракіійскій кулець и ораторъ. Хаджи-Хамамджи тоже лицо безъ прикрасы списанное съ дѣйствительности. Это точно былъ *фракіійскій* негодіантъ *Хаджи-Кириаджи*, родомъ *Фессалиецъ*, и одинъ изъ самыхъ пріятныхъ, добрыхъ, умныхъ и занимательныхъ Грековъ, извѣстныхъ мнѣ въ Турціи. Онъ былъ богатъ и, несмотря на легкомысліе свое, доходившее иногда до ребячества, благодаря уму, начитанности своей и богатству, былъ очень вліятеленъ. И онъ умеръ недавно. „Проходить образъ міра сего“, образъ этого восточнаго міра, знакомаго намъ и привычнаго... Посмотримъ что будетъ теперь при новыхъ обстоятельствахъ и новыхъ людяхъ!

Чтобы не повторять одного и того же по разнымъ сочиненіямъ, я лучше „цитую“ самъ себя. Когда я писалъ эту часть *Полихроніадеса* Хаджи-Кириаджи былъ еще живъ и я не могъ въ исторіи полу-вымышленной на его по имени назвать, ни Ступина.

Вотъ что говорить про консула Бунина еракіітскій ораторъ. Онъ сравниваетъ, между прочимъ, родъ его энергіи съ энергіей французскихъ консуловъ.

„Хаджи-Хамамджи откашлянулся, расправилъ бакенбарды и, ставъ величественно посреди комнаты, продолжалъ рѣчь короткую видно я на мигъ прервалъ моимъ приходомъ.

„— Итакъ, я сказалъ (началъ онъ, дѣлая томные глаза и все играя бакенбардами), я сказалъ что Русскіе бываютъ нѣсколькихъ, и даже очень многихъ сортовъ. Прежде всего *Великіе Русскіе*, потомъ *Малые Русскіе*, иначе называемые у насъ на Дунаѣ *И Хохолыдсы*. Есть еще Русскіе—Германцы; люди не плохіе, подобные Дибичу Забалканскому, и наконецъ есть еще... особые Русскіе, издадека откуда-то изъ Уральскихъ горъ, *Уральскій Россійскій*. Таковъ былъ на примѣръ у насъ не господинъ Петровъ, который тамъ недавно, а его предѣвственникъ, господинъ Бунинъ... Я даже спрашиваю себя, зачѣмъ это *Бу-нинъ...-нинъ?*... Настоящій Русскій долженъ быть *онъ и онъ*... Прежде всего *онъ*. Этого господина *Бу-нинъ* не имѣлъ въ себѣ того нѣкоего тонкаго и вмѣстѣ съ тѣмъ властительнаго вида который имѣютъ всѣ благородные Великоруссы, даже и тѣ изъ нихъ которые не богаты. Таковъ былъ, на примѣръ, предѣвственникъ господина Бунина, генеральный консулъ мсье Львовъ. При немъ о господинѣ Бунинѣ никто не слышалъ у насъ; онъ жилъ въ глухомъ и безвыходномъ переулкѣ, и какъ Львовъ заговорить съ нимъ, онъ вотъ такъ (Хаджи-Хамамджи вытянулся и руки по швамъ). А какъ уѣхалъ Львовъ и назначили его... Что за диво! думаю я, Бунинъ тамъ... Бунинъ здѣсь... Бунинъ наполняетъ шумомъ весь городъ... Бунинъ въ высокой косматой шалкѣ... У Бунина по положенію четыре каваса-Турка, въ турецкихъ расшитыхъ одеждахъ съ ножами... да! А сверхъ положенія десять охотниковъ изъ Грековъ, въ русской одеждѣ и въ военныхъ фуражкахъ. Бунинъ идетъ къ пашѣ—пять человекъ направо впередъ, пять человекъ надѣво... а Бунинъ самъ въ большой шалкѣ. Мсье Бунинъ здѣсь, говорю я, мсье Бунинъ тамъ! Сегодня онъ съ беями другъ и пируетъ съ ними; завтра онъ видитъ что бей слишкомъ обидѣлъ Болгарина-поселянина; онъ беретъ самого бея, связываетъ его, сажаетъ на телегу и со своимъ кавасомъ шлетъ въ Порту связаннаго. и Турки молчатъ! Сегодня Бунинъ болгарскую школу устрѣждаетъ; завтра Бунинъ ѣдетъ самъ встрѣчать новаго греческаго консула, котораго назначили нарочно для борьбы противъ него, противъ панславизма въ тѣхъ краяхъ, и самъ приготовляетъ ему квартиру. Сегодня Бунинъ съ пашой другъ, онъ охотится съ нимъ вмѣстѣ; вѣтъ и льетъ вмѣстѣ... „Паша мой!“ Завтра онъ мчится въ узданный городъ самъ верхомъ съ двумя кавасами и Греками-охотниками; входитъ внезапно въ засѣданіе меджлиса. Мудиръ встаетъ. Разъ, два!

дѣвъ пощечины мудру, и Бунинъ на коня и домой. И съ генералъ-губернаторомъ олять: „Паша мой! лаша мой!“ „Что такое? что за вещь?“ Вещь та что мудиръ прибиль одного Болгарина, русскаго подданнаго; а лаша сашкомъ долго не брааль никакихъ мѣръ для наказанія мудира. Повимаете? „Мы съ лашой все-таки друзья! Зачѣмъ мнѣ на него сердиться? Ояъ безсидеть для порядка, для строгаго исполненія трактатовъ, обезпечивающихъ жизнь, собственность, честь и подсудность иностранннхъ подданныхъ, — такъ я самъ буду своихъ защищать!“ А? что скажете вы, не Уральскія это горы?..

„Такъ, кончивъ разказъ свой, спросилъ Хаджи-Хамамджи съ удовольствіемъ, какъ бы сочувствуя этому уральскому духу Бунина.

„Исаакидесь былъ тоже очень доволенъ этимъ и сказалъ:

„— Такихъ людей здѣсь надо!

„Но Несторида замѣтилъ на это такъ:

„— Что тутъ дѣлать Уральскимъ горамъ, добрый вы мой Хаджи-Хамамджи! У насъ Бреше изъ Парижа такой же..

„Хаджи-Хамамджи выслушалъ его, приклонивъ къ нему ухо, и вдругъ, голнувъ ногой, воскликнулъ:

„— Не говорите мнѣ о Французахъ! Извольте! Скажите мнѣ, Бреше льетъ *раки* съ бѣями турецкими, такъ что до завтрака ояъ болѣе византійскій политикъ, а послѣ завтрака болѣе Скикъ?

„— Нѣтъ, не льетъ; ояъ почти и не видитъ у себя Турокъ, сказалъ Несторида.

„— Извольте! воскликнулъ Хаджи-Хамамджи: — А мсѣ Бунинъ льетъ. Бунинъ льетъ! Бреше сидитъ у порога простой и бѣдной хижинки за городомъ, входитъ въ семейныя дѣла болгарскаго или греческаго земледѣльца или лодочника, миритъ его съ женой... Отвѣчайте, я васъ прошу!

„— Ну, нѣтъ, конечно.... отвѣчали Исаакидесь и Несторида.

„— Извольте! А мсѣ Бунинъ сидитъ у бѣднаго греческаго и у бѣднаго болгарскаго порога и гворитъ мужу: „Ты братъ (видите *братъ*, *братъ*!) тоже скотиной быть не должень и жену напрасно не обижай, а то я тебя наставаю на луть мой, и лойдешь ты по истинѣ моей“... Извольте! Бреше строитъ самъ православный храмъ въ селѣ подгородномъ? Бреше везеть ли самъ тачку? Рсетъ ли землю доплатой для этого храма?... Я за васъ отвѣчу—нѣтъ! У Бреше домъ полонъ ли друзей изъ Болгаръ и Грековъ?... Я вамъ отвѣчу—нѣтъ! Къ Бреше просятъ ли въ кавасы разоренныя сыновья богатыхъ беевъ, которыхъ имель однихъ когда-то трепетали мы всѣ?... Проятся ли въ кавасы обѣдѣвшія дѣти тѣхъ самыхъ янычаръ на которыхъ султанъ Махмудъ до того былъ гнѣвенъ что на каменномъ большомъ мосту рѣки Марицы, при въздѣ въ Адрианополь, обламывалъ

граненныя главы столбовъ, украшавшихъ мостъ, когда онъ проѣзжалъ по мосту этому? Да! чтобы даже эти граненныя главки не нанюжили ему чаапы и колпаки янычарскихъ могиль... а къ Бунину просятся!!.

„Хаджи-Хамиджи кончалъ и съѣлъ отдохнуть на минуту, Всѣ молчали въ раздумьи.“

Во всемъ этомъ разказѣ нѣтъ ничего преувеличеннаго. Я самъ слышалъ все это отъ многихъ людей въ Адрианополь: отъ драгомана нашего, Грека Эммануила Сакелларіо, отъ его двоюроднаго брата Алеко; отъ Болгарина доктора Найденовича; отъ Хаджи-Кириаджи, который дѣйствительно звалъ Стулина *Уральскимъ* Русскимъ и былъ еще не такъ восторженно доволенъ имъ, какъ другіе, потому что предпочиталъ дипломатовъ *тонкихъ по формамъ*.

Когда я пріѣхалъ въ Адрианополь вездѣ были еще видны слѣды Стулина; всѣмъ были ляматны и дороги разказы и анекдоты про его выходки, про его смѣлость, умъ и вліяніе. Никогда не оскорбляя грубо Грековъ и тѣмъ болѣе высшее духовенство ихъ, онъ поддерживалъ болгарскія требованія въ разумныхъ и умѣренныхъ предѣлахъ, поддерживалъ болгарскія школы, хлопоталъ о славянскомъ богослуженіи въ нѣкоторыхъ церквяхъ. Дружась и сближаясь съ богатыми турецкими мѣстными бѣгами, онъ этимъ самымъ умѣлъ приносить и христіанамъ иногда косвенную пользу въ разныхъ дѣлахъ. Старымъ Туркамъ, несмотря на весь нашъ историческій съ ними антагонизмъ, Русскіе люди *старого* смѣла вообще очень нравятся.... Имъ нравилась патриархальная простота и доброта Стулина, соединенная съ суровостью и энергіей. Стулинъ былъ гостепріимецъ и ласковъ съ ними. И Туркамъ и христіанамъ Оракіи нравилась простота обращенія, доступность Стулина и вмѣстѣ съ тѣмъ нравилась и та нѣсколько воинственная важность и пышность которую онъ умѣлъ себѣ придавать вслѣдствіи этими турецкими кавасами и полурусскими вооруженными охотниками *въ два ряда*, съ которыми онъ дѣлалъ визиты.

Имъ нравилось (и основательно!) въ этомъ человѣкѣ барское соединеніе вѣншепей почти азіятской эффектности съ душевною простотой... Имъ нравилась истинно старо-русская эта черта.. Это и мужику русскому очень нравится. Ненавистно и тяжело и чуждо и восточному человѣку и русскому

мужику — холодное, сухое *дубетльменство*, притворно-вѣжливое, простое только съ виду.

Стулинъ оставилъ, говорю я, много слѣдовъ въ Адрианополѣ. Въ центрѣ города есть *Святогробское* Иерусалимское подворье. Желая доставить больше возможности Болгарамъ молиться въ церкви по-славянски, онъ выхлопоталъ отъ Иерусалимскаго патрiарха особое разрѣшенiе по которому Святогробское подворье дѣлалось чѣмъ-то въ родѣ консульской церкви, церковью для семейства русскаго консула. Литургiя совершалась на половину по-гречески, на половину по-славянски; Апостолъ и Евангелiе всякiй разъ читались на обоихъ языкахъ, на клиросѣ пѣли болгарскiе и греческiе мальчики русскимъ, а не восточнымъ напѣвомъ. Сама супруга г. Стулина обучала ихъ нашему пѣнiю съ помощью фортепианъ. Правда адрианопольскiе Болгары при самомъ началѣ этого устройства не очень охотно ходили въ церковь Иерусалимскаго подворья. Но это ужъ не вина Стулина; это дѣль небольшая его ошибка. Надо правду сказать, многiе изъ насъ, Русскiхъ, не совсемъ такъ понимали Болгаръ при началѣ ихъ церковнаго движенiя. Мы думали что они гораздо простодушнѣе, гораздо искреннѣе въ своемъ *чисто мистическомъ* желанiи слышать Слово Божiе на родномъ языкѣ (или лучше сказать на церковно-славянскомъ, все-таки болѣе греческаго имъ понятномъ). Мы думали о нихъ *сентиментальнѣе* чѣмъ нужно было думать, намъ казалось что если только заложить въ какой-нибудь церкви по-славянски, то Болгары и будутъ счастливы.

Но движенiе болгарское было, разумѣется, съ самаго начала не въ рукахъ простаго народа, въ самомъ дѣлѣ довольно набожнаго, но въ рукахъ купцовъ, докторовъ и учителей „мудрыхъ яко зми“, но на „голубей“ не похожихъ, и при всей своей недоучености весьма „либеральныхъ“ въ идеалѣ своемъ.

Стулинъ, лично самъ богомольный русскiй человекъ, вѣроятно, любилъ литургiю православную, прежде всего для молитвы, для извѣстнаго удовлетворенiя сердца. Онъ былъ именно изъ тѣхъ русскiхъ людей которые, разъ понявъ хоть сколько-нибудь греческiй языкъ, съ чувствомъ и на этомъ языкѣ готовы слушать церковное богослуженiе, и не только слушать, но готовы даже и вспоминать безпрестанно при этомъ что все или почти все въ *нашемъ* православи: догматы, уставы, богослуженiе, поученiя великихъ отцовъ взято

съ этого самаго языка Византійцевъ. Болгары же очень скоро стали говорить про Іерусалимское подворье: „На что намъ это? Это не собственная, не національная, не болгарская церковь, это церковь русская!“

Но это, повторяю, уже не вина Ступина, это только лютая ошибка; онъ думалъ что Болгары проще сердцемъ и въ самомъ дѣлѣ прежде всего хотять понимать слова и молиться!

За то для тѣхъ русскихъ консуловъ которые чувствовали потребность бывать въ церкви не только для народа, но и для себя, Іерусалимское подворье было большимъ утѣшеніемъ, въ особенности *русское пѣніе!*

Я знаю что другимъ невозможно съ полною силою передать то чувство которое волнуетъ насъ при нѣкоторыхъ воспоминаніяхъ... Я думаю что и родъ чувства, и сила его передаются другимъ удачно лишь музыкой или стихотворною рѣчью, къ которой теперь, мнѣ кажется, люди совсѣмъ утратили способность... Что значитъ для другаго *это Іерусалимское Подворье въ Адрианополь?..* Но для меня это живой образъ и живое чувство *лучшихъ дней.*

Я все помню. Помню архимандрита, высокаго, чернаго, худого, которымъ и я былъ недоволенъ, и всѣ... Добрый Кириллъ, митрополитъ Адрианопольскій, звалъ его по-славянски „хладный человекъ“. Потомъ патріархъ его смѣнилъ. Жилъ тутъ при храмѣ старикъ Грекъ, сѣдой, низенькій, иконолисецъ и пѣвчій, въ церкви всегда стоялъ по старинному въ чалмѣ, то-есть въ фескѣ обвязанной темнымъ платкомъ. Сидялъ онъ ее только въ самыя торжественныя минуты литургіи. Мнѣ нравилось что я безъ шапки, а онъ въ шапкѣ; мнѣ все кажется тогда нравилось... Я очень беспокоился всегда о томъ, не горюеть ли старикъ что ему за русскимъ пѣніемъ остается мало простора для тѣхъ страныхъ и безконечныхъ греческихъ трелей къ которымъ онъ привыкъ, и радовался когда онъ каждый разъ пѣлъ по-своему въ носъ и такъ крикливо причастную молитву. Я даже нарочно, чтобъ утѣшать его, дѣлалъ ему изрѣдка визиты и хвалилъ его плохія иконы...

Дѣтей и отроковъ пѣвчихъ я помню также хорошо; я лица ихъ вижу, кака была на какомъ одежда я помню. Вотъ изъ всѣхъ силъ старается угодить мнѣ громкимъ пѣніемъ маленькій Грекъ Костаки; онъ мнѣ тезка: онъ очень милъ собой,

бѣлокурый. Изрѣвка оглядывается на меня: „одобреть ли консуль?“ Вотъ сынъ того самаго стараго лѣвчаго въ чашѣ, этоть больше брываетъ, курчавый, тахій, скромный. Вотъ ужасно дурнолицый мальчикъ; голова острая, лицо темное, узкое, глаза непонятные, страшные какіе-то. Это Болгаринъ сынъ знаменитаго интригана Куру-Кафы, одно время вождя Болгаръ-унитовъ въ Адрианополь; но мы таки и отца переманили на свою сторону, и сыночка перевезли къ себѣ изъ унитской церкви, гдѣ онъ долго лѣлъ.

Я ошибся сказавъ что маѣ все нравилось. Нѣтъ, одно мнѣ очень не нравилось: мнѣ было очень противно что всѣ эти дѣти болгарскихъ и греческихъ горожанъ были одѣты европейскими пролетаріями. На хорошенькомъ Костѣти сѣрая жакетка; у лѣвческаго сына долгополый черный сюртукъ, и его отроческая шея обмотана самымъ безобразнымъ огромнымъ чернымъ галстукомъ; маленькій страшный Куру-Кафы тоже въ одеждѣ „интеллигенціи“ и воротникъ его сквернаго сюртука очень саденъ.... (Можетъ-быть теперь онъ *депутатомъ* въ Болгаріи.... Кто знаетъ?)

Гораздо милѣе городскихъ дѣтей и чище съ виду были маленькіе сельскіе Болгары, которыхъ иногда заранѣе приласалъ откуда-то заботливый драгоманъ нашъ, чтобъ они преемственно учились здѣсь лѣтъ по-русски. Эти сельскія дѣти были очень оригинальны и опрятны; въ національной одеждѣ изъ несокрушимаго темнаго сукна домашней работы, съ бараньими шалочками, которыя мы имъ приказывали въ церкви снимать, они стояли такъ скромно и чинно, склонивъ до половины свои обритыя головки.... Но не знаю отчего они скоро куда-то исчезли, а городскіе пролетаріи наши оставались намъ вѣрны и лѣлы.

Въ большіе праздники впрочемъ и они были одѣты получше. При церкви были маленькіе старые стихари, нарочно для нихъ сшитые, кажется еще при Стуливѣ. Архимандритъ иногда одѣвалъ ихъ въ эти стихари, на Пасху напримѣръ. Но изъ экономіи это дѣлалось рѣдко. Я мучился чтобы стихарики эти были свѣтлѣе, складнѣе сшиты и красивы и чтобы дѣти-лѣвчае надѣвали ихъ всегда. Я обращался тогда къ нашимъ посольскимъ дамамъ, просилъ старыхъ шелковыхъ платьевъ, но не допросился.... Кому, впрочемъ, до этого дѣло?.. Я сказалъ что свое чувство передать другимъ очень трудно...

Ступицъ, однако, не зная меля, передалъ мнѣ многія изъ чувствъ своихъ нагадно, своими созданіями...

Когда эти, съ виду положимъ и изуродованные, но все-таки греческіе и болгарскіе единовѣрные мнѣ мальчишки подъ копейку обѣди такъ громко восклицали: „Тебе поемъ, Тебе благословимъ, Тебе благодаримъ, Господи, и молимитися, Боже нашъ!“ восклицали тѣмъ самымъ напѣвомъ который мы привыкли слышать въ Москвѣ, Орлѣ или Калугѣ, то сердце невыразимо веселилось и въ самомъ дѣлѣ хотѣлось славить и благодарить Бога за то что слышишь это радостное родное пѣніе среди города мечетей, пестрыхъ шальваръ и шелковичныхъ садовъ! Замѣчу что Болгарамъ привыкшимъ къ напѣву греческому этотъ русскій напѣвъ не очень нравился.

Было еще одно мѣсто около Адрианополя—болгарское село Демердешъ, гдѣ сохранились видимые памятники жизни и дѣятельности Ступица. Тамъ есть домъ, построенный имъ для себя въ родѣ дачи и въ послѣдствіи перешедшій во владѣніе болгарскаго училища, и есть церковь также имъ воздвигнутая.

Это село Демердешъ до Ступица было не село, а простая болгарская деревня. До нея не болѣе получаса скорой ходьбы отъ Адрианополя. Надо пройти два старыхъ моста, чрезъ узкую Тунджу и широкую Марицу. Сейчасъ за послѣднимъ мостомъ, направо, стоитъ нѣсколько большихъ развѣсистыхъ старыхъ толодей (не серебристыхъ и не пирамидальныхъ, а другихъ какихъ-то); около этихъ прекрасныхъ деревьевъ, въ широкой тѣни которыхъ часто отдыхали пѣшеходы и разволаны, я помню, иногда огонь какіе-то бѣдные люди, лесчаная дорога расходится въ двѣ стороны. Правѣе, чрезъ обширныя плантаціи шелковицы, идетъ широкій луть въ большое село Карагачъ; налѣво пропаладетъ за кустами другая дорога, поуде и поспиреннѣе первой... Эта дорога въ Демердешъ.

Карагачъ несравненно богаче, чище и... противнѣе. Это маленькій городъ, много „архонтскихъ“ *бѣлыхъ* богатыхъ домовъ; это Сокольники или Петровскій Паркъ Адрианополя... Тамъ отдыхаетъ жаркимъ лѣтомъ послѣ коммерческихъ трудовъ, политикуетъ и толстѣетъ скучная мѣстная *путукратія* всѣхъ исповѣданій (кромѣ мусульманскаго), католики, Евреи, можетъ-быть есть и Армяне, но больше всего католики. Есть и православные дома. Болгарскія хижины лѣво-

начальнаго селенія совсѣмъ почти не видны за высокими купеческими постройками... объ нихъ забывается... Есть даже католическое кладбище. Карагачъ вовсе не похожъ на деревню. При богатыхъ этихъ домахъ есть впрочемъ очень хорошіе сады; цвѣты цвѣтутъ; есть красивые, свѣже-раскрашенные прохладные кіоски съ мраморными фонтанами, которые *иногда заставляють бить для гостей...* Когда я заѣхалъ къ одному иновѣрному торговцу (родомъ Англичанину, но подчинившемуся всѣмъ мѣстнымъ обычаямъ), хромая, толстая супруга его и весьма не интересная его дочка повели меня тотчасъ же въ кіоскъ. У нихъ кіоскъ былъ маленькій, старый, полукруглый какой-то, не такой хорошій какъ у краснаго, высокаго аполлектическаго Бертоме Бадетти (прусскаго и датскаго *consul honoraire*) и не такой какъ у блѣднаго, низенькаго и очень толстаго Петраки Вернадца (итальянскаго *consul honoraire*). Мы сѣли... Вдругъ старый кіоскъ задрожалъ, заходилъ, затрепеталъ весь надъ нами... Я изумился... Вижу, хозяйка спокойна... что такое?... Предъ нами взвился фонтанъ. А за слиной нашею все что-то ходитъ и ходитъ, все стучитъ и стучитъ... И кіоскъ тоже такъ и ходитъ, „старазитъ“, какъ говорятъ австрійскіе кельнеры на тѣхъ пароходахъ Ллойда которые поплосе, трещать и трещутъ во время непогоды и волны...

Вся эта возня и весь этотъ шумъ были затѣяны хозяйкой въ честь русскаго гостя. Вплоть за стѣной кіоска какая-то водовозная лошадь работала надъ какимъ-то колесомъ... а „жемчужный фонтанъ“ билъ предо мной совсѣмъ по-восточному!

Вотъ Карагачъ. Надо сознаться что и наша единовѣрная и единоплеменная „интеллигенція“ съ точки зрѣнія поэзіи въ томъ же родѣ. Даже досадно на эти фонтаны и благоухающіе цвѣты, когда видишь предъ собой какого-нибудь „epicier“ въ старыхъ панталонахъ, въ жилетѣ и „en manches de chemise!“ Это ужасно! Ламартинъ былъ произдомъ въ Карагачѣ и остановился у Петраки Вернадца... Неужели онъ не страдалъ?... онъ, который написалъ *Граціеллу* и *Озеро!*... Нѣтъ, онъ страдалъ здѣсь въ глубинѣ души ...и эта душа его отдыхала, вѣроятно, только на чемъ-нибудь азіятскомъ или на темномъ Болгаринѣ, смиренно лашущимъ за деревней въ синей чалмѣ, или на какомъ-нибудь турецкомъ всадникѣ, у котораго шальвары свѣтлоглубые, а куртка пунцовая

и откладные рукава летать на скаку въ обѣ стороны.. Пусть всадникъ тиранъ, а пахарь жертва.. Ламартинъ и тогда еще, въ началѣ сороковыхъ годовъ, совѣтовалъ европейскимъ державамъ приступить къ раздѣлу Турціи. Онъ говорилъ (въ концѣ своего *Путешествія на Востокъ*) что у Турокъ много личныхъ достоинствъ, утраченныхъ христианами въ теченіе вѣковой зависимости; но государство Турецкое разстроено глубоко и должно пасть; онъ дѣлилъ сѣверную, европейскую часть Турціи между Россіей и Австріей; южныя: африканскую и азіатскую части ея вручалъ Великобританіи и Франціи... Онъ предлагалъ не совсѣмъ то что мы видимъ теперь, но почти то же самое. Люди съ сильнымъ воображеніемъ гораздо дальновиднѣе чисто практическихъ людей; несчастье ихъ именно въ томъ что они ловимають все слишкомъ рано.

Ламартинъ предлагалъ раздѣлъ Турціи; но не потому ли, между прочимъ, заботился онъ объ освобожденіи свѣжихъ народностей Востока что ему европейская прогрессивная буржуазія опротивѣла до нельзя и довела его даже до перехода въ лагерь социалистовъ.

Онъ предлагалъ Европейцамъ дѣлать социалистическіе опыты на этой дѣвственной почвѣ Востока; опыты, по его мнѣнію, очень опасные и трудные въ старыхъ государствахъ Запада... Ламартинъ быть-можетъ надѣялся что при ближайшемъ соприкосновеніи новѣйшихъ западныхъ ученій съ восточною мистикой и азіатскою патріархальностью произойдетъ нечто подобное тому что случилось у барона Мюнгаузена съ лошадью и съѣвшимъ ее волкомъ. Баронъ Мюнгаузенъ, какъ извѣстно, пріѣхалъ въ Россію въ саняхъ одиначкой. Дорогой попалъ на него огромный волкъ. Когда этотъ волкъ былъ уже настолько близко что ускакать отъ него не оставалось надежды, баронъ нагнулся; волкъ въ порывѣ бѣшенства перескочилъ черезъ него, впился въ задъ лошади и началъ ее ѣсть. Баронъ его долго не трогалъ, но когда волкъ дошелъ уже до головы лошади и, пожирая ее до тла, мало-по-малу самъ на ея мѣсто входилъ въ постромки, баронъ вдругъ ударилъ его кнутомъ. Волкъ испугался, рванулся впередъ и... попалъ въ лошадиный хомутъ... Баронъ Мюнгаузенъ продолжалъ стегать его и волкъ прекрасно довезъ его до города.

Конечно, Ламартину нравилось на Востока именно все *не-европейское* и онъ, вѣроятно, надѣялся что если именно *крайнее*, самое передовое, еще не выяснившееся на самомъ Западѣ перенести сюда, въ эти пастырскія и столь живописно ускувшія страны, то произойдетъ нѣчто дивное и восхитительное... Европа (совокупность державъ)—волкъ; Турція (какъ государство) — лошадь. Европа, умертвивъ Турцію, попадетъ сама въ азиатскія постромки и станетъ опять живописна и поэтчна, какъ она была въ старину, хотя и въ новѣй формѣ...

Отрицательная страна надеждъ и пророчествъ французскаго поэта-политика осуществляется на нашихъ глазахъ; что же касается положительной... возникновенія чего-то новаго, консервативно-творческаго, живописно-движущагося впередъ, то до сихъ поръ мы этого не видимъ.

Сама Россія во всемъ, начиная отъ общей политики и кончая бытовымъ вліаніемъ своимъ, является на развалинахъ Турціи до сихъ поръ не особою, независимою и своеобразною силой, а лишь самую скромною представительницей обще-европейскихъ идей, европейскихъ интересовъ, западныхъ обычаевъ и вкусовъ...

Но это видимъ теперь *мы!* А раньше, не только въ то время, когда Русскія войска, союзныя сутану, угрожали Египетскому вице-королю и Ламартинъ смотрѣлъ на нихъ задумчиво на берегахъ Босфора, но и позднѣе, въ то время когда нашъ Стулинъ господствовалъ въ той самой восточной Румелии, изъ которой насъ удаляютъ теперь въ награду за нашъ европеизмъ, тогда ему точно было обо многомъ можно мечтать...

И можно ручаться что Стулинъ, этотъ простой русскій человекъ, мечталъ много о Востока, живя и молясь въ уединенномъ, зеленомъ и уныломъ Демердешѣ... Для того чтобы мечтать, особенно о судьбахъ отчизны своей, вовсе не нужно быть знаменитымъ поэтомъ.

Я увѣренъ что и Ламартину всѣ эти Европейцы въ Азіи, всѣ эти тяжелые, тулые и лукавые коммерсанты Карагача были очень противны сравнительно съ его идеаломъ; но для Ламартина была во всѣхъ этихъ Бадетти и Вернацца одна черта которая могла ему нравиться и какъ политику, а въ иныя минуты даже какъ поэту. Все это горячіе, повидимому вѣрующіе католики. Это могло быть Ламартину пріятно.

Но что могъ чувствовать при встрѣчѣ съ этими скучными людьми русскій человекъ? Они скучны въ обществѣ; они враги въ политикѣ.

Когда русскій человекъ посѣщалъ пріятнаго соперника, занимательнаго лашу или умнаго и живаго Англичанина, ему было весело, и онъ могъ забыть на время всю эту международную борьбу. Когда этотъ самый русскій человекъ посѣщалъ скучные, однообразные дома по-европейски уже образованными Болгаръ и Грековъ, онъ видѣлъ на стѣнахъ ихъ пріемныхъ портреты нашихъ государей, портреты Паскевичей и Дибичей, онъ видѣлъ преданность Россіи, довѣріе къ себѣ... И острота скуки его, истинно страдальческой, смягчалась уваженіемъ, услаждалась любовью... Онъ забывалъ что есть иная, собственная жизнь, живая, страстная, полная ума, и сидя долго-долго въ темномъ углу на длинной и покойной турецкой софѣ, при свѣтѣ нагорѣвшей сальной свѣчки, онъ бесѣдовалъ съ преданнымъ хозяиномъ о прежнему „страхѣ янычарскомъ“, о надеждахъ на Россію, и шансахъ неизбежной борьбы; собиралъ дустыя и почти всегда вѣрные свѣдѣнія, принималъ верѣдко въ высшей степени полезныя совѣты... а единовѣрные дамы въ платочкахъ—мать, сестра, теща, дочери—почтительно безмолвствовали, зѣвали и часто даже засыпали по другимъ болѣе отдаленнымъ угламъ... Вообще замѣчу что дѣлается гораздо легче, когда хозяйка дома Болгарка или Гречанка, уйдетъ изъ комнаты и оставитъ всѣхъ одного съ дѣловымъ и умнымъ своимъ мужемъ.

Главные представители европейской колоніи, богатые, зажиточные негодяи—почетные консулы; они имѣютъ флаги и мушкетеры для праздниковъ. Они всѣ консулы и вице-консулы: Дави, Бельги, Голландіи, *прежней* Пруссіи, *прежней* Италіи и т. д.. Ихъ очень много, всѣ они родня и различить ихъ сначала трудно: Бертоме Бадетти, Петраки Вернацца, Франсуа Бадетти, Франсуа Вернацца, Алтуанъ Вернацца, Фредерикъ Вернацца, Петраки Бадетти, Бертоме Вернацца, Жоржъ Бадетти, Жоржъ Вернацца.

Православные люди Адрианополья ихъ ненавидѣли. Въ двадцатыхъ годахъ, во время борьбы Грековъ за независимость, Турки убивали тѣхъ изъ христіанъ которыхъ они подозрѣвали въ ссучествіи движенію. Случалось что на улицѣ раздавались раздрающіе крики или самихъ избиваемыхъ, или

можетъ-быть ихъ матерей, женъ и дѣтей. Ислуганная женщины и дѣти католическихъ семействъ бросались къ окнамъ, но отцы Бадетти и Вернацца отзывали ихъ, говоря равнодушно: „оставьте, это ничто, это *Rolèes r'ajunt*“; по-гречески съ неправильнымъ произношеніемъ „*типотэ! тус ролэусъ кѳтунэ!*“ вмѣсто *кѳтунэ*. (*Ролэу*—христіане, такъ звали въ старину всѣхъ христіанъ *Румелии*, не отличая Болгаръ отъ Грековъ.)

Этого *типотэ* (ничего!) не могли простить имъ тѣ именно православные которые къ намъ, Русскимъ, особенно благоволили; они звали европейскую колонию „Мышинымъ гвѣздомъ“, *тѳ поттикондэу!*

Что же было дѣлать намъ, Русскимъ? Что было дѣлать Стулицу въ этомъ *гнѣздѣ*, въ этомъ очагѣ враждебной намъ пропаганды? Въ городѣ эти люди, въ пестрой толпѣ цыганскаго населенія, не такъ бросаются въ глаза; въ Карагачѣ они на первомъ планѣ.

Стулицъ поэтому одному уже могъ предпочитать скромный и тихій Демердешъ, и я согласенъ съ его вкусомъ. Карагачъ—противное лаутократическое предмѣстье; Демердешъ настоящая деревня. И при мнѣ тутъ было просто, а во время Стулицкаго господства было вѣроятно еще проще. Вокругъ унылое, ровное поле; какіе-то баштаны сзади; недалеко гдѣ-то въ сторонѣ бѣдное сельское кладбище; маленькіе кресты, болотце какое-то зеленое-презеленое, свѣжее, и около болотца и кладбище. Много большихъ тополей съ бѣловатыми и сѣрыми стволами, что-то въ родѣ нашихъ осинъ, только гораздо красивѣе. Кустики... По'свѣжему болотцу тихо ходятъ аисты, и лягушки кричатъ въ канавкахъ точно такъ же какъ у насъ въ Россіи. Въ другомъ мѣстѣ болѣе людномъ ихъ крикъ не привлекъ бы вниманія, но въ этой тишинѣ, среди ровнаго и унылаго поля, около бѣднаго кладбища „безымянныхъ“ людей, вблизи этихъ „сѣрыхъ“ болгарскихъ хижинъ, крытыхъ старою черепицей, здѣсь эту лѣсію, знакомую еще съ дѣтства, слушаешь такъ охотно.

На правую руку отъ деревни, у дороги въ городъ стоятъ развалины покинутой небольшой мечети. Бѣдный минаретъ, на который еще можно было въ мое время всходить, дворъ обнесенный грубою и полуразрушенною каменною оградой; на дворѣ съ весны густая высокая трава.

Сколько разъ, живя въ Демердешѣ (въ самомъ Стулинскомъ домѣ) уходилъ я сидѣть на этотъ заросшій романтической дворъ, и сколько я тамъ передумалъ и сочинилъ такого что никогда напечатано не было и не будетъ!.. Сколько я мечталъ (не о себѣ самомъ только, о нѣтъ!) о Славянствѣ, о судьбахъ Россіи... Думалъ о нашихъ художникахъ, которые тогда на Востокъ совсѣмъ не ѣздили... Воображалъ вотъ такую картину: что-нибудь въ родѣ Демердеша; сѣроватое поле, съ одной стороны чудные, бѣловатые съ лятнышками, толстые, сочные стволы тополей (не пирамидальныхъ; эти какъ-то сухи, искусственные точно; они хороши лишь издали, возносясь высоко надъ моремъ другой зелени...); у подножія тополей желалъ бы видѣть болотную зелень, и чтобы она была какъ можно зеленѣе, веселѣе, ярче. Молодой Болгаринъ залучиво лашетъ плугомъ на волахъ. На головѣ его темносиняя чадма; пальвары и куртка темныя. По плечамъ изъ-подъ чадмы падаютъ русыя кудри. Онъ распахиваетъ новую почву жизни, которой урожай еще неизвѣстенъ... А сзади—это сельская старая и покинутая по безплодью мечеть: мусульмане вымираютъ, эти камни, этотъ дворъ безгласный, заросшій такъ густо, такъ таинственно! Сколько было бы души въ этой простой картинѣ, сколько историческаго смысла! Я желалъ бы еще, если возможно, чтобы на сырой зелени бодотца было нѣсколько желтыхъ цвѣтовъ, а гдѣ-нибудь около разваливъ мечети цвѣлъ бы самый яркій, самый красный дикій макъ...

Такъ я мечталъ безплодно, но невыразимо наслаждаясь этими мечтами, въ этомъ миломъ Демердешѣ... Одно ужъ то было блаженствомъ что здѣсь очень рѣдко появлялись члены какой бы то ни было „интеллигенціи“, враждебной или дружеской, все равно съ точки зрѣнія изыщнаго!... *право* все равно!..

Можетъ-быть я ошибаюсь, но все-таки повторю: я *впрямую* что и бѣдный Стулинъ мечталъ здѣсь въ Демердешѣ о чемъ-то. Быть-можетъ я мечтаю картинкѣ; но думать что практической и пожилой человекъ, похожій съ виду на храбраго армейца, мечтать не можетъ, было бы также глупо какъ предполагать съ другой стороны что я напримѣръ не могъ хорошо служить и распорядиться отъ того что въ свободные часы сидѣлъ и ходилъ размышляя и сочиняя одинъ по двору покинутой мечети...

Если у дѣловаго человѣка видно въ дѣлахъ его творчество, видна изобрѣтательность, то конечно у него есть и воображеніе... У Стулина воображеніе было; это видно по всему: мнѣ говорили друзья его что онъ одно время хотѣлъ все Евангеліе переложить русскими стихами.. Бѣдный, бѣдный Стулинъ! Сколько начинаній, сколько борьбы и какая ранняя смерть!..

Въ Демердешѣ онъ построилъ себѣ домъ и церковь для болгарскихъ селянъ и зажилъ было тутъ чѣмъ-то въ родѣ властнаго, но слособнаго и полезнаго русскаго помѣщика.

Домъ этотъ не великъ и не малъ, средній въ два этажа; на дворѣ по-русски: ворота, ставни, крыша выкрашены были (въ мое время) тѣмъ темно очень темнокраснымъ или красновато-коричневымъ цвѣтомъ, которымъ любятъ красить на Востокѣ иногда даже цѣлые дома; на Аѳонѣ почти на всѣхъ дѣсныхъ, особыхъ келліяхъ этимъ цвѣтомъ выкрашены двери, навѣсы, столбы на балконахъ и т. д....

Церковь тоже скромная; насколько помню снаружи чуть ли не голубоватая; полъ глиняный, иконостасикъ не богатый, обыкновенный, *тамошній*, просто масляными красками пестровато раскрашенный.

Эта церковь стоила Стулину много хлопотъ; у селянъ денегъ было мало; Турокъ бей какой-то чему-то мѣшалъ: деньги дали друзья Россіи и консульство; бей Стулинъ угощалъ и уговаривалъ; наконецъ уговорилъ.

Тутъ-го онъ самъ лопатой рылъ землю и самъ тачку возилъ.

Намъ, преемникамъ его, было пріятно бывать въ этой церкви; я даже Великимъ Постомъ любилъ увѣзжать говѣть сюда изъ города съ однимъ только кавасомъ-Туркомъ въ небесно-голубой одеждѣ, глулымъ, худымъ какъ щелка, но добрымъ и преданнымъ Али... (живъ ли онъ несчастный?)

Голубой и по своему вѣрующій Али не портилъ мнѣ позвѣи говѣнья, такъ какъ могъ ее испортить и видомъ своимъ да и взглядами секретными, скрытыми отъ толпы, даже блаженный другъ консульства Манолаки Сакарларіо полагавшій на примѣръ что я вѣрить въ безсмертіе не могу, потому что я медицинѣ учился.

Мнѣ было весело молиться на глиняномъ полу Демердешской церкви съ простыми Болгарами; что же должеъ былъ чувствовать иногда самъ Демердешскій строитель, воинственныи этотъ Стулинъ?..

Я думаю, ему тамъ иногда было очень отрадно, со своею семьей въ своемъ домѣ, съ болгарскими мужиками и въ церкви имъ самимъ воздвигнутой, въ виду той распавшейся мечети о которой я писалъ, вблизи отъ всѣхъ этихъ тополей и зеленыхъ уголковъ, гдѣ точно какъ у русскаго барина въ родимой сажаакѣ за садомъ такъ громко и привѣтливо, такъ восторженно въ иные дни квакали лягушки!

Конечно и въ Демердешѣ не во всемъ была одна лишь злоба, не всегда царила любовь и единеніе православныхъ сердець!... Не все только травочка зеленѣла, не все только лягушечки квакали... И тутъ жили люди и жили даже чрезъ этого самаго легендарнаго Стулина. Но какъ жились?..

Я говорилъ что у демердешскихъ Болгаръ недоставало денегъ для постройки церкви и Стулинъ выхлопоталъ имъ займы для этого довольно значительную сумму у богатыхъ горожанъ единоуврцевъ. Я вспоминаю при этомъ съ улыбкой какъ нашъ вѣрный драгоманъ Грекъ все тотъ же Маволаки Сакелларіо при мнѣ уже все ворчалъ, что демердешскіе Болгары подъ разными предлогами не платятъ ему денегъ, взятыхъ ими у него для этой церкви при посредничествѣ Стулина. Болгарскіе мужики лукавы; они понимали что Маволаки не хочетъ судиться съ ними у Турокъ чтобы не унизить память Стулина этимъ скандаломъ, и не платили. Помаю, сидитъ Маволаки блѣдный, бритый, съ усами, хитрый, востроглазый такой, сидитъ въ своемъ тепломъ поношенномъ, нескладно-европейскомъ пальто и тихо злится; а противъ него тоже сидитъ старикъ демердешскій Болгаринъ (Брайко), нѣчто въ родѣ солиднаго мироѣда средней руки, въ опрятной курткѣ и шальварахъ изъ толстой коричневой абы и въ бараньей шалкѣ, тоже хитрый, тоже съ выдержкой, тоже съ жесткими усами и тоже смиряется. А блѣдный Маволаки между Цицалой и Харибдой; тутъ деньги, *денъги*, котормя онъ такъ любилъ и которыя ему очень нужны, а тамъ тѣнь Стулина, призракъ „великаго консула“, „великой Росці“, которую онъ тоже такъ чтитъ и любить... Такъ и не судилася, по крайней мѣрѣ при мнѣ; идеализмъ побѣждалъ корысть у этого человѣка, въ которомъ хитрый кулець удивительно сочетался съ глубоко-убѣжденнымъ политикомъ.

Что этотъ главный помощникъ Стулина, въ одно и то же время ученикъ и совѣтникъ его, былъ дѣйствительно таковъ,

въ этомъ можетъ болѣе всего убѣдить одинъ отвѣтъ о немъ данный тѣмъ г. Геровымъ, Болгаринкомъ, который такъ долго былъ русскимъ вице-консуломъ въ соседнемъ Филипполѣ и игралъ такую значительную роль въ борьбѣ Болгаръ противу Грековъ.

Я спросилъ однажды у г. Герова: можно ли довѣрять Маюлаки? Я спросилъ это не потому что я самъ Маюлаки не вѣрилъ; мы всѣ, *консуловъ пять подѣ рядѣ, лѣтъ двадцать* ему вѣрили; но мнѣ хотѣлось знать въ силахъ ли самый умный Болгаринъ отдать хоть въ чемъ-нибудь справедливость Греку, а хотѣлъ испытать самого Герова.

Онъ отвѣтилъ очень остроумно:

— Наши простые Болгаре, сказалъ онъ,—убѣждены что у змѣи есть подѣ кожей ноги; но она выпустить ихъ не можетъ, потому что тотчасъ же издохнетъ. Вотъ Маюлаки; и у него подѣ кожей есть *греческія ноги*, но онъ ихъ выпустить никогда не можетъ, такъ онъ сроднился съ Русскимъ консульствомъ.

Если ужъ Болгаринъ Геровъ отдалъ хотя бы и такую язвительную справедливость Греку Маюлаки, то мы вѣдь не Болгаре... И если кулець и Грекъ Маюлаки, знаясь, вѣроятно такъ сильно на демердешскихъ селянъ за долгій неплатежъ, все-таки ногъ никакихъ змѣиныхъ не выпускалъ изъ уваженія къ *идеѣ*, то это наглядно доказываетъ какія психическія чудеса могла бы творить на Востокѣ Россія, еслибы она всегда стояла на правильной, на *Ступинской* почвѣ и рѣже бы сбивалась на общевропейскій, губительный для насъ стиль!

К. ЛЕОНТЬЕВЪ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

АНДРЕЙ ТОВІАНСКІЙ *

ЕГО ЖИЗНЬ, УЧЕНІЕ И ПОСЛѢДОВАТЕЛИ

(ПО НОВЫМЪ ИСТОЧНИКАМЪ)

II.

25го сентября 1841 года Мицкевичъ пригласилъ польскихъ эмигрантовъ проживавшихъ въ Парижѣ на богослуженіе, которое имѣло быть въ соборѣ Notre Dame de Paris чрезъ два часа, въ половинѣ девятаго часа утра, для принесенія Господу Богу благодарственнаго молебствія „за излитыя на нихъ милости“. **

Въ назначенное время и мѣсто собралось довольно много Поляковъ разныхъ партій и всѣ съ удивленіемъ увидѣли посреди собора импровизованный алтарь, у котораго служилъ шшу почетный каноникъ собора въ ассистенціи двухъ другихъ канониковъ; органы играли „Veni Creator“; Товіанскій и Мицкевичъ причащались. По окончаніи богослуженія Товіанскій пригласилъ присутствовавшихъ послѣдовать за нимъ

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 24.

** *Współdział A; Mickizw. sprawie A. Towiański I, 7—8.*

въ уголь собора близь главныхъ дверей и тамъ въ поаголоса сказалъ свидующее слово: *

„Возлюбленные братья, позвольте мнѣ въ этой святынѣ сказать вамъ слово, такъ какъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ мнѣ это невозможно, и послѣ приобщенія Святыхъ Таинъ, присту- лить къ которому сегодня слодобилъ меня, недостойнаго, Гос- лодь, утѣшить васъ словомъ радости... Я пришелъ сюда что- бы съ вами познакомиться, чтобы съ вами сблизиться, чтобы дѣйствовать съ вами заодно... Я не привошу вамъ ни чело- вѣческой мудрости, ни учености, которыми вы обладаете болѣе меня... Я пришелъ только возвѣстить вамъ свою мис- сию... Давно уже сердце мое горячо желало объявить вамъ что пробилъ часъ милосердія Божія; но это мнѣ не было до- селѣ дозволено; только теперь настала минута, когда мнѣ свыше повелѣно возвѣстить вамъ что мы вступили въ но- вую эпоху, въ эпоху милости... Пусть это выраженіе „свыше“ не удивляетъ васъ, возлюбленные братья, ибо все и всегда не иначе совершается на свѣтѣ: когда злоба челоувѣческая дой- детъ до послѣдняго предѣла, тогда премудрый Промыслъ истощивъ свое терпѣніе, принимаетъ спасительныя мѣры и все въ началѣ должно быть основано и закончено въ судѣ высочайшей Премудрости на небѣ, чтобы потомъ спустити, съ предѣловъ духа въ область реальной и практической жи- зни... Представьте предъ очами вашими всю исторію рода челоувѣческаго, Ветхій и Новый Заветъ, и повсюду и всегда вы найдете то же самое. То же самое должно совершиться и нынѣ въ нашемъ обществѣ, съ тою только разницею что въ стари- ну оно совершалось путемъ продолжительныхъ революцій, а нынѣ совершится внезапно и быстро. А нынѣшній день, въ который вы сюда приглашены, есть день великій и знамени- тельный въ цѣломъ развитіи огромнаго дѣла въ которомъ народъ нашъ, столь страстно нами любимый, найдетъ для себя независимость и счастье. Итакъ, я пришелъ возве- стить вамъ что вскорѣ всѣ наши страданія прекратятся и что всѣ страданія рода челоувѣческаго, происходяція отъ

* Слово Товіанскаго напечатано по-польски и по-французски тамъ же II, 286—98. Описаніе этого собранія въ письмахъ Хэллоэ- скаго къ Домейкѣ, отъ 9го октября 1841 года (ibid. I, 9) и Евстахія Янушкевича къ его невестѣ, отъ 5го числа того же мѣсяца (ibid. II, 166), а также въ брошюрахъ *Витвицкаго* (*Przeegl Poznanski* 1858, XXV, 159) и *В. Голэмбѣскаго*, стр. 63.

насилія и силы матеріальной, мимують: Евангеліе распростра- нить повсюду власть свою, будетъ обнаруживаться не въ словахъ и формахъ, а въ сердцахъ всѣхъ и народы будутъ пользоваться свободою... Я пришелъ призвать васъ къ участию въ этомъ великомъ дѣлѣ, васъ первыхъ слугъ его, на что да- ютъ вамъ безспорное право ваши страданія, труды и жерт- вы... Да, вскорѣ увидимъ все это собственными глазами; эта блаженная эпоха предвѣщена нашему поколѣнію. Въ нашемъ доколѣніи призваннѣя Провидѣніемъ лица займутъ свои посты и разовьютъ и приведутъ въ исполненіе все что имъ поручено... Вотъ что я имѣлъ вамъ сказать. Но такъ какъ это пред- метъ весьма обширный, то нынѣшнее наше собраніе будемъ считать только началомъ нашихъ конференцій: въ слѣдую- щихъ, если изволите почтить меня, какъ и сегодня, благо- склоннымъ присутствіемъ, рассмотримъ этотъ вопросъ по- дробнѣе. Предлагаю вамъ, возлюбленные братья, скромныя свои услуги, опытъ всей своей жизни и все что только по- лезнаго можно сдѣлать при моемъ посредствѣ. Не ищите однако во мнѣ знаній и талантовъ, которыми сами обладаете. Не знаю почему я призванъ величайшимъ милосердіемъ Божи- имъ къ миссіи которую начинаю исполнять при васъ. Я ни- когда не выйду изъ предѣловъ моего призванія и не престану на своемъ постѣ жертвовать собою и трудиться для васъ... Считаю священнѣйшею своею обязанностию засвидѣтель- ствовать предъ вами что во всемъ этомъ дѣлѣ ни на мину- ту я не буду думать о себѣ, ибо это мнѣ воспрещено, и не получу никакой даже малѣйшей личной выгоды; и еслибы кто изъ васъ намечалъ въ моемъ поведеніи, публичномъ или частномъ, что-нибудь нечистое или противное моимъ сло- вамъ, зываю къ каждому чтобы тотчасъ пресѣкъ вить мо- акъ грѣшныхъ дней. Этимъ я кончу сегодняшнее слово и прибавлю только что для болѣе легкаго ознакомленія съ важнымъ предметомъ о которомъ говорю, вы будете имѣть, возлюбленные братья, трудъ мною написанный и обна- родываемый путемъ печати. Теперь же, призывая васъ къ участию въ великомъ дѣлѣ, могу торжественно заявить что *дѣло Божіе уже начато!*"

Это слово позже было переведено на французскій языкъ самимъ Товіанскимъ со значительными дополненіями. *

* *Acte de l'annonce de Dieu dans l'église metropolitains Notre*

По окончаніи слова, Товіанскій лалъ ниць на земаю и со слезами и въ самомъ сильномъ волненіи восклицуалъ: „Боже милосерды! Хвала, хвала Тебѣ за это начало исполненія воли Твоей! Благослови это начало и приведи насъ къ назначенной цѣли, къ полному исполненію воли Твоей!“

„Громкая молитва и слезы многихъ изъ присутствовавшихъ закончили этотъ актъ возвѣщенія дѣла Божія.“

Такъ разказываетъ самъ Товіанскій о впечатлѣніи произведенномъ на польскую эмиграцію первымъ его публичнымъ словомъ. Почти то же говоритъ очевидецъ этой сцены Хелховскій: * „стоявшіе ближе къ Товіанскому быаи взволнованы. Я видѣалъ Евстахія Янушкевича съ красными отъ слезъ глазами; плакали также и яны, но не всѣ“. А самъ Янушкевичъ писалъ ** о Товіанскомъ: „онъ говорилъ 40 минутъ съ большою мудростію, скромностію и вдохновеніемъ“... При этомъ онъ разказываетъ слѣдующій анекдотъ: „Удивительно что хотя здѣсь не позволяется свѣтскому чело-вѣку говорить въ храмѣ слово, никто того не запретилъ Товіанскому, и когда соборный швейцаръ доложилъ священнику что Товіанскій собирается говорить, тотъ отвѣчалъ: „пустъ говорить! чело-вѣкъ который только - что привимаалъ тѣло и кровь Христову не можетъ сказать ничего дурнаго.“—„А если ему воспрелятствуютъ?“—„Кто, восклицуалъ священникъ, осмѣлится ему прелятствовать? Я самъ буду стоять при немъ.“

По словамъ же В. Голембѣвскаго ***, слово Товіанскаго произвело не большое впечатлѣніе на слушателей. Но каково бы ни было это впечатлѣніе, о Товіанскомъ заговорили всѣ польскіе эмигранты въ Парижѣ. Одни изъ нихъ увѣрвали въ его признаніе и считали его новымъ мессією, посланнымъ къ нимъ Богомъ; другіе видѣли въ немъ орудіе ада; а третьи наконецъ называли его шарлатаномъ и злоственнымъ обманщикомъ ****. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ пріятель Мицкевича, Степанъ Витвицкій. Къ нимъ же вскорѣ

Dame de Paris, le 27 septembre 1841 (напечат. въ Цюрихѣ въ 1877 году и перепечат. во II т. *Współudz. A. Mick.* 288—293).

* *Współudział* etc. I, 10.

** *Ibid.* II, 166.

*** О. с. 63.

**** Письмо Хелховскаго I с.

присоединились еще двое из трех первых посадователей Товіанскаго, поэтъ Горецкій и г. Собанскій, по случаю, какъ рассказываетъ Витвицкій *, случаю:

„Товіанскій хотѣлъ напечатать какое-то сочиненіе, изъ котораго можно было бы лучше узнать то что онъ проповѣдывалъ. Въ рукописи онъ показалъ его тремъ своимъ ученикамъ, причемъ заявилъ что такъ приказалъ ему написать Господь Богъ; но когда немного спустя онъ принесъ совсѣмъ новую редакцію, повторяя при этомъ что такъ приказалъ написать Господь Богъ, Горецкій тотчасъ спохватился и замѣтилъ что Богъ не нуждается въ поправкахъ, такъ какъ Онъ сумеетъ сразу продиктовать безошибочно, и не только немедленно оставилъ Товіанскаго, но даже тотчасъ сталъ разглашать что все это комедія или сумашествіе, не болѣе. Прибавимъ что сочиненіе которое такимъ образомъ Господь Богъ дважды приказывалъ готовить къ печати куда-то исчезло и вовсе не было обнародовано. Вскорѣ послѣ того, хотя не такъ шумно и не сразу, отсталъ отъ „учителя (mistra)“ Собанскій. Итакъ изъ трехъ учениковъ остался одинъ Мицкевичъ.“

За то Мицкевичъ одинъ дѣйствовалъ за многихъ. Оставивъ прежнихъ своихъ друзей-католиковъ, не признававшихъ Товіанскаго „новымъ посланцемъ Божиимъ“, онъ искалъ новыхъ связей и былъ въ этомъ отношеніи чрезвычайно дѣятеленъ. Повсюду онъ говорилъ съ жаромъ о Товіанскомъ. Вдохновенный имъ, онъ предсказывалъ прішествіе мужа предопредѣленія, который спасетъ угнетенные народы и прежде всего Поляковъ и Евреевъ; онъ предсказывалъ что это наступитъ такъ скоро что еще наши старцы и между ними генералъ Князевичъ дождутся освобожденія отечества, что съ тѣхъ поръ, благодаря этому мужу, будетъ господствовать справедливость во всемъ мірѣ.

Въ это время прибылъ въ Парижъ главный агентъ Товіанскаго, его шурина, докторъ Гуттъ. Своею ревностью онъ придавалъ Мицкевичу еще болѣе смѣлости **.

Но усердная агитація Мицкевича не приносила ожидаемыхъ плодовъ и тогда Товіанскій сдѣлалъ новую попытку. 8го декабря 1841 года онъ обратился съ печатнымъ воззва-

* *Przepl. Pozn.* 1858, XXV, 160.

** *Witwicki* въ *Przepl. Pozn.* I. c.

нѣмъ къ эмигрантамъ въ которомъ приглашалъ ихъ пребыть въ старинную, заброшенную церковь St. Séverin въ отдаленномъ кварталѣ Парижа, близъ моста St. Michel, Это воззваніе начинается словами: „Со временемъ станетъ явнымъ и повѣстнымъ каждому то что доннѣ Богъ держитъ въ тайнѣ“. Затѣмъ напоминаетъ имъ о милосердіи Божиемъ, которое имѣетъ излиться на Поляковъ чрезъ его посредство и зываетъ ихъ къ покаянію; а далѣе читаемъ: „Пресвятая Королева короны Польской показала особое благоволеніе къ старинной заброшенной часовнѣ въ самомъ бѣдномъ кварталѣ Парижа и съ чудотворномъ образъ виленьскома Остромбрамскома спъшитъ туда для спасенія своего народа“. Туда призывалъ Товіанскій Поляковъ приготовить ся „къ великому часу, который милосердый Богъ назначилъ для открытія глубины мысди своей челоуѣку“. „А прежде чѣмъ пробьетъ этотъ часъ, нужно чтобы предъ Господомъ сталъ въ полной готовности *Легионъ Господній*, оживленный однимъ огнемъ, соединенный однимъ огнемъ, легионъ который Господь укрѣпитъ своею силой и предопредѣлитъ на великіе подвиги въ дѣлѣ Своемъ.“

Изъ двусмысленныхъ словъ воззванія ревностные католики могли заключить что въ церкви Св. Северина находится настоящій чудотворный образъ виленьскій Остромбрамскій; но каково было ихъ разочарованіе, когда они узнали что это была копія, сдѣланная художникомъ Ванковичемъ, * не задолго предъ тѣмъ прибывшимъ въ Парижъ! Такимъ образомъ и эта мистификація не удалась.

Вскорѣ Товіанскій долженъ былъ прекратить демонстраціи въ церквахъ, такъ какъ парижскій архіепископъ, Діониссій, увѣдомленный о предосудительныхъ его поступкахъ префектомъ полиціи, приказалъ священникамъ Парижа быть осмотрительными въ отношеніи къ нему и не допускать вторженія сценъ бывшихъ въ соборѣ Notre Dame de Paris и въ церкви St. Séverin. **

Приходилось ограничиться частными бесѣдами и возложить надежду на агитаторскую дѣятельность Мицкевича, который въ этомъ отношеніи былъ неутомимъ. Онъ ходилъ ко всѣмъ

* *Przeegl. Pozn.* XXV, 161

** Письмо парижскаго архіепископа къ префекту полиціи — *Wspóludział* I, 12.

сколько-нибудь выдающимся лицамъ въ польской эмиграціи, всячески соблазняятъ ихъ и повсюду разглашаютъ что независимость Польши будетъ вскорѣ восстановлена, но не путемъ революціи и возстанія, а волею Божіею, чудомъ, что для возвѣщенія воли Божіей и грядущихъ великихъ событій прибылъ въ Парижъ Товіанскій, что напрасны всѣ партіи, напрасны всѣ усилія эмиграціи: ни вся она, ни отдѣльныя лица входящія въ составъ ея не примутъ никакого участія въ возрожденіи Польши,—эмиграція должна быть только уведомена о великомъ дѣлѣ.

Мицкевичъ повсюду объявлялъ что въ его квартирѣ по воскресеньямъ будутъ происходить конференціи въ присутствіи Товіанскаго, и приглашалъ всѣхъ на эти конференціи. При этомъ онъ предостерегалъ что Богъ приказалъ Товіанскому набрать изъ эмиграціи небольшой *священный легионъ* изъ сорока четырехъ лицъ, а потому слѣдуетъ слѣзнуть записываться въ этотъ легионъ у него, Мицкевича, такъ какъ по достиженіи этого числа никто больше не будетъ принимаемъ.

Чтобы попасть на конференціи, нужно было пройти черезъ руки Мицкевича. Предварительно онъ подвергалъ каждаго строгому испытанію, употреблялъ все свое краснорѣчіе чтобъ овладѣть его умомъ; требовалъ отреченія отъ разума, отъ личныхъ убѣжденій, мѣсто которыхъ должна занять слѣпая вѣра; съ необыкновеннымъ энтузіазмомъ онъ говорилъ о Товіанскомъ, и наконецъ прибѣгалъ къ магнетизму: онъ садился обыкновенно противъ лица съ которымъ бесѣдовалъ, такъ что касался его кофѣями, долго держалъ его за руки и постоянно смотрѣлъ ему пристально въ глаза. Кто выдержалъ всѣ эти испытанія и кого онъ считалъ достойнымъ этой милости, тотъ получалъ доступъ на конференцію.

Предъ назначеннымъ часомъ Товіанскій обыкновенно скрывался въ одной изъ комнатъ квартиры Мицкевича, между тѣмъ какъ любопытные собирались въ гостиной. Позже онъ выходилъ къ нимъ, показывая видъ яко бы пришелъ изъ города, и привѣтствовалъ новыхъ слушателей, которыхъ представлялъ ему Мицкевичъ. Первая конференція была весьма бурная, и много на ней было сдѣлано возраженій. Вторую конференцію Товіанскій началъ словами: „Братья! я пришелъ не съ тѣмъ чтобы вести диспутъ съ вами, ибо истины которыя вамъ возвѣщаютъ святы. Кто хочетъ

позвать ихъ, пусть сначала смирится, падеть на колѣна, исповѣдается и только тогда придетъ ко мнѣ, и я ему открою ихъ“... Но по прошествіи нѣсколькихъ минутъ всеобщаго молчанія онъ прибавилъ: „Братья! я къ вашимъ услугамъ. Спрашивайте, и я буду отвѣчать вамъ“.

Вопросовъ и возраженій дѣлали много на каждой конференціи. На нѣкоторые изъ нихъ Товіанскій отвѣчалъ; но его отвѣты были темные и не усложнительные: было видно что онъ или не понималъ задаваемыхъ ему вопросовъ, или не хотѣлъ отвѣчать на нихъ ясно. Притомъ важнѣйшія возраженія опровергалъ Мицкевичъ, предварительно испрашивая на то позволенія Товіанскаго и заявляя что чувствуетъ напѣtie Св. Духа.

На третьей или четвертой конференціи, когда Товіанскій совѣтовалъ всѣмъ приходящимъ къ нему исповѣдываться, одинъ изъ слушателей задалъ ему такой вопросъ: „Ты много говоришь объ испорченности римско-католической церкви, и слова твои убѣдительно, ты приказываешь исповѣдываться—хорошо; но если я скажу духовнику на исповѣди то что слышалъ изъ устъ твоихъ, онъ, какъ слуга церкви, не дастъ мнѣ разрѣшенія въ грѣхахъ; если же я утаю, то исповѣдь будетъ недействительна. Какъ же мнѣ сѣдуетъ поступить въ такомъ случаѣ?“ На это Товіанскій отвѣчалъ: „Братъ! если ты искренно желаешь исповѣдаться, то приходи ко мнѣ и я дамъ тебѣ духовника какого нужно“.

Возраженія и вопросы которые дѣлали Товіанскому чрезвычайно сдружили Мицкевича. Онъ говорилъ что тутъ не школа философскихъ диспутовъ, что прийдя на конференцію нужно слушать и вѣрить. Намъ самимъ, — говоритъ Владиславъ Голембѣвскій, * разказъ котораго мы повторили дословно, — когда выходя изъ второй конференціи мы просили увѣдомить о слѣдующей, Мицкевичъ съ необыкновеннымъ жаромъ отвѣчалъ: „если ты не вѣруешь, то лучше не приходи, ибо нашъ разумъ недостаточенъ чтобъ убѣдить тебя“.

Заемствуемъ еще нѣсколько любопытныхъ подробностей о Товіанскомъ и его конференціяхъ изъ того же источника. **

Товіанскій былъ средняго роста, немного лысый; черты его лица были неправильны и не производили никакого впечат-

* *Mickiewicz odstoniony i Towiańszczyzna*, 63—65.

** *Ibid.* 65—67.

гнѣва; его движенія, особенно рукъ и ногъ, были неуклюжи и лишены всякаго достоинства. Онъ носилъ длинный сюртукъ бронзоваго цвѣта, застегнутый на груди, со стоячимъ воротникомъ. Только Мицкевичъ, называвшій Товіанскаго новымъ мессіей, могъ съ восторгомъ говорить о его краснорѣчій; но краснорѣчіемъ нельзя назвать боатовню мистическую, бессмысленную, улещренную провинціализма и причудливыми выраженіями, а въ писаніяхъ новаго мессіи не только видно незнаніе грамматики, но часто нѣтъ даже простаго смысла.

На первыхъ двухъ конференціяхъ Мицкевичъ и слушатели называли Товіанскаго *братомъ*, но съ третьей начали титуловать *учителемъ* (mistrz). Какъ только собралось болѣе 20 учениковъ, конференціи были закрыты, вѣроятно потому что Мицкевичъ, имѣя зародышъ секты, полагалъ что она сама собою легко распространится, безъ компрометирующихъ учителя конференцій. Желających вступить въ кружокъ Товіанскаго онъ подвергалъ попрежнему строгому испытанію и старался узнать ихъ чувства, склонности, страсти и даже пороки; а позже даже исповѣдывалъ ихъ и такимъ образомъ узнавалъ сокровеннѣйшія ихъ помышленія. Наконецъ неопиты, прежде чѣмъ предстануть предъ лицомъ Товіанскаго, должны были отречься отъ разума, воспоминаній и убѣжденій и покаяться слѣпо всему вѣрить. „На что вамъ науки, а что вамъ знанія“, говорилъ Мицкевичъ; „то что услышите изъ устъ Товіанскаго замѣните вамъ все“. Затѣмъ слѣдовало представленіе Товіанскому. Онъ говорилъ съ каждымъ отдѣльно, обѣщалъ великія милости отъ Господа, великое предназначеніе; каждаго онъ признавалъ великимъ человекомъ; въ каждаго вступалъ какой-нибудь духъ: въ одного духъ Св. Петра, въ другого духъ Цезаря, въ третьяго духъ Фемистокла и т. д. Въ комъ были военныя склонности, тому обѣщалъ что будетъ знаменитымъ генераломъ; людямъ самолюбивымъ обѣщалъ высшія государственныя должности; нѣкоторымъ онъ даже запрещалъ трудиться, такъ какъ трудъ вреденъ для ихъ духа. Новолосвященные отличались въ началѣ горячею апостольскою дѣятельностью; они вербовали въ свой кружокъ преимущественно умалишенныхъ, которыхъ было значительное число въ эмиграціи. По словамъ Товіанскаго, они пользовались особою Божіею милостью, въ нихъ вступали великіе духи и только простые смертные не

могутъ понимать ихъ. Въ *Священномъ Легионѣ* было въ началѣ нѣсколько сумасшедшихъ.

Такъ разказываетъ о зачаткахъ товiанизма одинъ изъ первыхъ посѣтителей конференцій происходившихъ у Мицкевича, и мы не вправѣ не вѣрить ему, такъ какъ его брошюра, изданная въ Парижѣ въ 1844 году, во время процвѣтанiя товiанизма, не вызвала никакихъ опроверженiй. При томъ же она отличается такою искренностiю и правдивостiю и сообщаетъ такія подробности что невольно возбуждаетъ къ себѣ довѣріе. Нѣкоторыя изъ этихъ подробностей подтверждаются документами, недавно изданными въ Парижѣ. Такъ Мицкевичъ писалъ Игнатию Домейкѣ въ Америку: „Богъ послалъ намъ чрезвычайнаго человека, орудіе дивныхъ милостей. То что я уже знаю отъ него столь велико что стоило бы ѣхать въ Америку и возвратиться изъ Америки чтобы слышать подобныя вещи... По моему убѣжденiю, это величайшій философъ, мудрецъ и политикъ нашего вѣка. Съ той минуты какъ я встрѣтился съ нимъ для меня уже окончилась эмиграція: столь я полонъ надежды что Богъ вскорѣ чуднымъ образомъ насъ воздвигнетъ.... Великое дѣло вскорѣ начнется на свѣтѣ... Богъ произведетъ переворотъ въ Европѣ и новый порядокъ вещей будетъ установленъ Польшею.“ * А въ письмѣ къ ксендзу Александру Бловецкому ** Мицкевичъ такъ отзывается о Товiанскомъ: „Товiанскій никому не навязываетъ своего убѣжденiя... Его правило никогда ни съ кѣмъ не разсуждать. Кто желаетъ отъ него совѣта, получить; кто хочетъ препираться, тому не нужно видаться съ нимъ“.

Великій Постъ Товiанскій проводилъ въ одиночествѣ, только изрѣдка и на короткое время видаясь съ Мицкевичемъ. По приказанiю „учителя“, Мицкевичъ долженъ былъ 17го марта, въ десять часовъ утра, собрать у себя „братьевъ“ и, прочитавъ имъ подъ хоругвию Христа, нарочно привезенною изъ Нантерра, воззваніе Товiанскаго, *отрѣчься вмѣстѣ съ ними сатаны*. На это собраніе должно было прибыть много людей „доброй воли“ и въ числѣ ихъ французскій мистикъ Пьерръ-Мишель. *** А 3го апрѣля Товiанскій писалъ Мицке-

* *Współudział* I, 14—15.

** Тамъ же 16: *Do księdza A. Śelowieckiego w Wersalu, Paryż, 25 Lutego 1842.*

*** *Ibid.* I, 16—17.

вичу щобъ онъ вмѣстѣ съ полковникомъ Карломъ Ружицкимъ отправился въ великій четвергъ къ князю Адаму Чарторыйскому и вручилъ ему ноту и воззваніе Товіанскаго къ эмиграціи. * Нѣтъ сомнѣнія что Мицкевичъ непрекословно исполнялъ приказанія своего „учителя“; но къ какимъ результатамъ это приводило, неизвѣстно.

1го мая Мицкевичъ, какъ профессоръ въ Collège de France, съ товарищами по службѣ отправился въ Тюильри для поздравленія короля Лудовика-Филиппа съ днемъ его тезоименитства. Вмѣстѣ съ нимъ пробрался во дворецъ Товіанскій и едва только въ приемныхъ залахъ былъ задержанъ. Его приверженцы придали этому случаю важное значеніе. **

3го числа того же мѣсяца на засѣданіи Польскаго Историко-Литературнаго Общества Мицкевичъ, бывший его предсѣдателемъ со смерти извѣстнаго поэта и историка Нѣмцевича (1841 года), сказалъ рѣчь. *** Въ началѣ ея онъ представилъ по-своему положеніе эмиграціи и ея призваніе: „Главное наше призваніе состоитъ не въ томъ чтобы мы давали отечеству совѣты и наставленія; не за тѣмъ оно насъ послало, не въ томъ оно отъ насъ нуждается. Долго ли же мы будемъ, лишучи и совѣтуя, ждать? пока всѣ вымеремъ? Столькихъ уже мы проводили рѣчами, а рѣчи эти были такъ печальны, такъ мрачны, какъ будто бы мы провожали наше отечество и вмѣстѣ съ нимъ сами шли въ могилу. Довольно замыкаться въ прошломъ, скрывать сердце свое; настали нныя времена, нужно все снять съ себя, раскрыть, показать голую душу и въ ней все найти; ибо знайте что вы уже ничего не имѣете: имя, почести, саны давно съ васъ содраны и далеко прочь брошены...“ Далѣе Мицкевичъ предсказывалъ, что приблизились времена, что снизошло великое милосердіе Божіе: настала часъ воскресенія отечества... Вы ждали мессіи, а мессія былъ между вами.“ Онъ даже сравнилъ эмигрантовъ съ галилейскими дѣвами, пришедшими искать во гробъ воскресшаго Христа, и прибавилъ: „Возстало изъ мертвыхъ отечество ваше—оно посреди васъ“. Чтобы увидѣть его, нужно поднятись до него духомъ. Закончилъ свою рѣчь

* Ibid. 20.

** Witwicki (*Przeegl. Pozn.* XXV, 162). — L'Homme de l'époque (*Współudz.* II, 260).

*** *Współudz.* I, 23—26.

словами: „Не будемъ ни на что оглядываться, отбросимъ всякія соображенія. Между нами нѣтъ разницы возраста, почестей происхожденія, богатствъ: всѣ мы равны, ибо на всѣхъ насъ одинаковое помазаніе. Людямъ вѣщимъ слѣдуетъ идти впереди братьевъ, указывать пути народовъ; но теперь мало этого: нужно предчувствіе обратить въ дѣйствіе, такъ работать духъ свой чтобъ его вдохновеніе было дѣломъ. Отнынѣ вы увидите меня всегда тамъ куда буду вести васъ, подставляя собственную грудь. Пришелъ часъ когда вдохновеніе должно быть дѣломъ, а дѣло вдохновеніемъ; ибо въ дѣлѣ Божіемъ, какъ въ грозѣ, одинъ только ударъ: между молніей и ея ударомъ нѣтъ предѣла.“

Не одинаковое впечатлѣніе произвела на слушателей эта мистическая рѣчь польскаго поэта: люди болѣе серіозные, понимавшіе ея неумѣстность, были раздражены, но за то послѣдователи Товіанскаго и люди склонные къ мистицизму были въ восторгѣ: вскорѣ послѣ этой рѣчи укомплектовалось заповѣдное число Товіанщиковъ — 44. Большею частью это были уроженцы Литвы и давнишніе пріятели Мицкевича. По способностямъ и заслугамъ самое видное мѣсто между товіанщиками занимали Ружицкій, Гоцинскій и Словацкій.

Карлъ Ружицкій, по собственнымъ его словамъ *, служилъ въ польскомъ войскѣ съ 1809 по 1827 годъ; въ 1831 году онъ былъ главою возстанія на Волыни, а потомъ переселился во Францію, гдѣ пользовался всеобщимъ уваженіемъ эмигрантовъ. Это былъ человекъ правдивый, храбрый воинъ, примѣрный патріотъ и ревностный католикъ. Говорятъ что его военнымъ лозунгомъ было *Слава Богу* и что его корпусъ вмѣсто знамени имѣлъ образъ Богородицы **: Онъ былъ однимъ изъ первыхъ послѣдователей Товіанскаго и игралъ важную роль въ его кружкѣ. Проникшись совершенно его ученіемъ и чистосердечно признавъ въ немъ новаго мессію, посланнаго Богомъ для спасенія человѣчества и возрожденія Поляковъ, Ружицкій навсегда остался самымъ горячимъ его приверженцемъ и самымъ ярлымъ его защитникомъ ***.

* Ibid. II, 273.—Срв. его же Pamiętnik pułku jazdy wołyńskiej 1831.

** Письмо ксендза Эдуарда Дунскаго къ парижскому архіепископу изъ Цюриха отъ 3 декабря 1850 года. Ibid. 145.

*** Какъ это видно изъ всеподданнѣйшаго его прошенія государю императору, отъ 27 декабря 1856 года. Ibid. 274—282.

Северинъ Гоцинскій уроженецъ Кіевской губерніи, одивъ изъ извѣстнѣйшихъ польскихъ поэтовъ новаго времени, особенно прославившійся поэмю *Канѣвскій Замокъ* (1828), товарищъ и другъ знаменитаго поэта Богдана Залѣскаго и литературныхъ критиковъ Мохнацкаго и Грабовскаго, принималъ самое дѣятельное участіе въ возстаніи 1830—1831 годовъ, а по усмиреніи этого возстанія поселился въ Парижѣ. Онъ былъ также однимъ изъ первыхъ и самыхъ ревностныхъ последователей Товіанскаго. Мрачная фантазія поэта, его идеализація Наполеона I и вѣра въ „воскресеніе“ Польши родили его съ Товіанскимъ. Къ нему онъ относился съ величайшимъ уваженіемъ и приписывалъ ему свое нравственное возрожденіе*.

Позже нихъ, именно въ іюль 1842 года, вступилъ въ кружокъ товіанщиковъ Юлій Словацкій, осларивавшій у Мицкевича литературное первенство. Онъ былъ уроженцемъ Подольской губерніи, а воспитаніе получалъ въ Виленскомъ университетѣ. Съ 1828 года былъ на службѣ въ Варшавѣ и въ началѣ возстанія 1830—1831 годовъ писалъ революціонныя лѣсны. Отчаявшись въ успѣхѣ возстанія и боясь кары, онъ уѣхалъ въ мартѣ 1831 года за границу и болѣе не возвращался на родину. Байронистъ въ душѣ, онъ странствовалъ по Европѣ, былъ въ Египтѣ и Малой Азіи и нигдѣ не находилъ душевнаго спокойствія; повсюду его преслѣдовало разочарованіе, недовольство собою и людьми. Въ 1839 году онъ окончательно поселился въ Парижѣ. Хотя ему было тогда только 30 лѣтъ, онъ пользовался уже громкою извѣстностью, какъ авторъ нѣсколькихъ замѣчательныхъ трагедій и поэмъ, содержаніе которыхъ большею частью заимствовалъ изъ исторіи Польши и Литвы. Съ эмигрантами онъ не ладилъ, а съ Мицкевичемъ враждовалъ. Считаая себя равнымъ съ нимъ по таланту, онъ не могъ простить ему его надменныхъ отзывовъ объ его произведеніяхъ. Неизвѣстно, какимъ образомъ онъ сошелся съ Товіанскимъ и примирился съ Мицкевичемъ. Это сближеніе намъ кажется впрочемъ весьма естественнымъ: Словацкій, жившій постоянно въ фантастическомъ мірѣ, имъ самимъ созданнымъ, мечтательный, разочарованный, былъ способенъ другихъ

* *Dziela Seweryna Goszczyńskiego* (w Wrocławiu 1852) t. I, str. XI—XII.

увлечься мистицизмом Товіанскаго. И онъ увлекся имъ со всею страстностью своей натуры, какъ видно изъ послѣднихъ его произведеній. Товіанщики на него много разчитывали; но по независимости характера онъ не могъ долго выдержать подчиненныхъ отношеній къ Мицкевичу, выдѣлился изъ общаго кружка и составилъ свой собственный.

Умеченный успѣхомъ среди польской эмиграціи, Товіанскій сталъ помышлять о пропагандѣ между Французами и въ этомъ смыслѣ написалъ 15 іюня инструкцію для своихъ послѣдователей: *

„Распространять слово Господне за предѣлами кружка чтобы оно просвѣтило Францію, войти въ сношенія съ братомъ Французомъ и не скрывать отъ него ни чувствъ, ни мыслей.. *Говорить что Господь смилостивится сначала надъ Франціей, а потомъ надъ славянскими народами.* Въ этомъ заключается верхъ политики. Къ такому сближенію, къ такому истинному братству призываются чистые Французы...“

Изъ инструкціи Товіанскаго видно что онъ съ большою разчетливостью старался дѣйствовать прежде всего на самолюбіе Французовъ. Но исполнители его предписаній дѣйствовали съ меньшею осмотрительностью и слишкомъ увлекались ревностію къ „дѣлу“. Больше всѣхъ увлекался Мицкевичъ, какъ видно изъ слѣдующаго разказа объ аудіенціи которую онъ имѣлъ у парижскаго архіепископа Affre, по просьбѣ польскихъ ксендзовъ, надѣявшихся на возвращеніе его въ лоно католической церкви. **

Выставивъ себя самымъ правотѣрнымъ католикомъ, Мицкевичъ приступилъ къ инквизиторскому допросу архіепископа. „Считаешь ли себя хорошимъ епископомъ?“ спрашивалъ онъ. Удивленный архіепископъ отвѣчалъ: „Такого хорошаго мнѣнія о себѣ не имѣю; но что васъ поражаетъ во мнѣ?“—„Я былъ недавно, говорилъ Мицкевичъ, на засѣданіи такъ-называемаго католическаго инстатута; какой-то молодкосось раздушенный, надменный, читалъ какую-то плохую статейку, а ты, пастыръ, похвалялъ его лублично.“—„Что дѣлать, г. Мицкевичъ, спокойно возразилъ архіепископъ,

* Ibid. I, 26—27.

** Ibid. 30—31: разказъ ксендза Іеронима Кайсевича, который вмѣстѣ съ ксендзомъ Дунскимъ испытывалъ Мицкевича въ католическомъ правотѣріи.

вѣра нынѣ такъ ослабла что мы поощряемъ всякое усиліе къ добру.“— „Правда, тамъ тебя не было, пастырь, замѣтилъ грубо Мицкевичъ; а потомъ, какъ ты проводишь время? Издаешь книжонки; положимъ, онѣ хороши, но въ концѣ-концовъ и свѣтскій человѣкъ, знающій хорошо катехизисъ, могъ бы написать подобныя. А что хуже, ты безпрестанно пишешь то къ префекту, то къ министрамъ; Господи Боже, развѣ такое занятіе тебѣ подобаетъ? найми себѣ писца для такого маранія, а самъ заботься о епископскихъ обязанностяхъ.“ Архіепископъ вмѣсто того чтобы придти въ негодованіе, кротко спросилъ: „Итакъ, что же я по-твоему долженъ дѣлать?“ Мицкевичъ говорилъ ему еще съ жаромъ и съ большею дерзостью: „Католическая церковь въ Польшѣ преслѣдуется спизматиками; а ты со своими коллегами откалкнулся ли когда въ ея защиту? скажу бодрѣе: не разъ случается что въ этомъ городѣ ваши духовныя дѣти убиваютъ другъ друга на улицахъ; а стараетесь ли вы обезоружить ихъ, какъ дѣлали въ подобныхъ случаяхъ великіе епископы давнихъ вѣковъ?“— „Скажи же, наконецъ, повторилъ архіепископъ, чего ты отъ меня требуешь?“ Мицкевичъ, какъ обыкновенно новаторы, сильные и неумѣренные въ критикѣ и слабые когда приходится представить программу, отвѣчалъ на это: „Я простой мірянинъ, а ты епископъ: молись Духу Святому и уразумѣешь что дѣлать. Но непремѣнно сдѣлай что-нибудь такое чтобы народъ ладалъ на колѣна предъ тобой когда ты выходишь на улицу, просилъ у тебя благословенія и, получивъ таковое, вѣрилъ что сталъ лучшимъ и въ дѣйствительности сдѣлался лучшимъ. Слодобись этого и будешь настоящимъ епископомъ. Прощай!“ и съ этими словами вышелъ.

Послѣ этого разговора архіепископъ такъ добродушно отозвался ксендзу Кайсевичу о Мицкевичѣ: „Вашъ поэтъ—человѣкъ экзальтированный, но у него добрыя намѣренія, а потому не отвергайте его и будьте съ нимъ терпѣливы“. Но съ тѣхъ поръ польскіе ксендзы отступились отъ Мицкевича какъ отъ неисправимаго еретика.

Около этого времени неожиданно скончался привѣтъ Орлеанскій. Товіанщичи начали разглашать что „учитель“ предсказалъ его смерть, какъ это извѣстно близкимъ къ нему людямъ. Они утверждали даже что Товіанскій можетъ воскресить привѣца Орлеанскаго, о чемъ уже два раза писалъ королю, но что король, убитый горемъ или же не довѣряя чудотвор-

ной силѣ новаго мессіи, отвергъ его предложеніе. Товіанскій предсказывалъ также что король Лудовикъ-Филиппъ умретъ въ теченіе года. *

Эти предсказанія дошли до свѣдѣнія префекта полиціи, и онъ, считая вреднымъ дальнѣйшее пребываніе Товіанскаго въ Парижѣ, гдѣ въ то время усердно работали клубы коммунистовъ и социалистовъ, приказалъ ему, 13го іюля, немедленно выѣхать изъ Франціи; ** но Товіанскій только 18го числа покинулъ Парижъ и отправился въ Бельгію. Предъ отъѣздомъ онъ простился со своими послѣдователями посланіемъ, *** въ которомъ говоритъ сначала что покидаетъ ихъ „по приказанію Пресвятой Королевы“, а вслѣдъ за тѣмъ признается что *долженъ уступить насилію*, самъ не замѣчая такого бросающагося въ глаза противорѣчія.

„Стойте твердо тою же стѣной которую мы соорудили для Бога и Его святаго дѣла, стойте среди всеобщаго еще наводненія и исправляйте неизбежныя ущербы подъ тѣми же знаменіями подъ которыми мы обрѣли отечество и минутой радости“ и т. д. Не много утѣшенія должны были найти товіанцики въ такихъ туманныхъ и противорѣчивыхъ выраженіяхъ своего „учителя“, покидавшаго ихъ въ далеко не благопріятныхъ обстоятельствахъ. Когда при прощаніи они спрашивали его, скоро ли вернутся въ Польшу, онъ отвѣчалъ: черезъ двадцать, тридцать, а можетъ-быть и болѣе лѣтъ, такъ какъ Пресвятая Богородица, разгнѣвавшись на эмиграцію, за то что она не приняла его ученія, осудила ее на болѣе продолжительное изгнаніе. **** Въ противорѣчіи съ этими словами находится письмо Товіанскаго къ Мицкевичу изъ Senlis отъ 27го іюля, † въ которомъ онъ говоритъ что „пора пришла, когда источникъ свѣта Божія влодѣвъ открылся“, что „приближается время милосердія Божія.“

Изгнаніе Товіанскаго изъ Парижа было тяжелымъ ударомъ для его послѣдователей, какъ они сами признаются въ прошеніи къ министру внутреннихъ дѣлъ, отъ 7го августа: †*

* W. Gołombowski 67—8.

** Pieniązek 93.

*** Współdział I, 32—3.

**** W. Gołombowski 68.

† Współdział I, 34—5.

†* Ibid. II, 175—7; I, 37—8.

„Каждый из нас чувствует его отсутствие какъ величайшее наказаніе которое приходилось намъ испытывать въ жизни и безъ того полной жестокихъ испытаній.“ Въ надеждѣ что министръ разрѣшитъ Товіанскому вернуться въ Парижъ, они „ручались за чистоту его намѣреній и его поведенія“. По ихъ выраженію, „его слово примиряло ихъ съ Богомъ, съ самими собою и съ тяжкими ихъ обязанностями; оно утверждало ихъ въ чувствахъ христіанскихъ и польскихъ, оно врачевало болѣзнь тѣла и души“.— „Мы признали это слово, продолжаютъ они, словомъ истины и жизни; мы признали Андрея Товіанскаго однимъ изъ тѣхъ людей которыхъ Провидѣніе посылаетъ народамъ въ величайшія элохи своего милосердія.“ Несмотря однако на такую горячую защиту Товіанскаго и на ручательство сорока ляти лицъ (сорока четырехъ мужчинъ и одной женщины, жены Мицкевича), ему не было дозволено возвратиться во Францію.

Изъ подписей на этомъ прошеніи видно что кружокъ Товіанскаго былъ тогда въ полномъ комплектѣ и что на сорокъ четыре члена приходилось двадцать три военныхъ; въ числѣ остальныхъ было четыре студента, три поэта, одинъ князь (Ромуальдъ Гедройць), одинъ графъ (Северинъ Пильховскій) и одинъ инженеръ.

Потерпѣвъ неудачу въ Парижѣ, Мицкевичъ обратился къ Бельгійскому королю съ просьбой о допущеніи его на аудіенцію для представленія ему „официальнаго акта о личности Андрея Товіанскаго (то-есть вышеломянутаго прошенія къ французскому министру внутреннихъ дѣлъ)“, якобы для пользы самого короля. * Но и эта просьба Мицкевича была оставлена безъ послѣдствій.

Несмотря на эти неудачи, кружокъ Товіанскаго, сильно тосковавшій по немъ и дѣйствовавшій весьма вяло, побуждалъ Мицкевича обратиться снова въ совѣтъ министровъ или къ королю; но онъ не рѣшался. На него самого нашло большое уныніе. Онъ чувствовалъ всю тяжесть своего положенія и свою безпомощность *въ борьбѣ со зломъ*. Сношенія съ Французами не удавались. Тяжелые сны его тревожили. **

* Ibid. I, 38—9.

** Письмо Мицкевича къ Товіанскому отъ 11го сентября 1842 года (ibid. 39—40).

Каково было положеніе товiанщиковъ по отъѣздѣ изъ Парижа ихъ „учителя“ видно изъ письма Мицкевича къ Игнатию Домейкѣ, отъ 22го октября: *

„Нашъ учитель оставилъ здѣсь кружокъ учениковъ. Мы выставлены на штурмъ цѣлой эмиграціи. Все смѣшалось. Князь Чарторыйскій и его партія считаютъ насъ сумасшедшими, демократы—партизанами Москвы, а военные—узурпаторами ихъ ранговъ. Пишутъ, кричатъ, а мы молчимъ. Война сосредоточилась въ стѣнахъ церкви: тамъ всѣ собираются. У Св. Роха ксендзы говорятъ польскія проловѣды противъ насъ, какъ противъ еретиковъ, и люди которые никогда не заглядывали въ костель приходятъ съ молитвенниками чтобы сдѣлать противъ насъ манифестацію. А я увѣряю тебя что нигдѣ нѣтъ такой молитвы какъ въ нашемъ кружкѣ, и такой благодати ни на кого Богъ не изливаетъ. Какъ ты это лойдешь? Прочти Евангеліе отъ Іоанна, и тамъ найдешь нашу исторію. И познай духомъ, если можешь, что учитель нашъ не ураздмляетъ закона, но его дополняетъ и созидаетъ третій этажъ церкви, не разрушая нижнихъ, а утверждая ихъ. Уже Израиль начинаетъ съ нами соединяться, усматривая злоху своего возвращенія ко Христу, и протестанта имѣемъ, ** который пошелъ съ нами пасть у алтаря Богородицы, и глухая вѣсть уже пошла по Парижу. Но немвогимъ даво почувствовать и уразумѣть то что совершается. Ксендзы наши, Кайсевичъ и Дунскій противъ насъ. Витвицкій пресѣдуетъ насъ какъ еретиковъ. Богданъ (Залѣскій) избѣгаетъ насъ со страхомъ. Надѣмся что Богъ ихъ просвѣтитъ. Всѣ прежнія связи рвутся и дивно переплетаются. Не удивляйся что Хелховскій насъ проклинаетъ. *** Семейство моей жены боится насъ, и мы совсѣмъ перестали видаться. Французскому правительству наши наговорили на меня, если не обвинили. Судя по всему тому что здѣсь дѣлается, удивляюсь что правительство еще меня не изгнало... Богу только извѣстно что

* Ibid. 46—7.

** Здѣсь идетъ рѣчь о прозелитахъ изъ Евреевъ и протестантовъ.

*** Одинъ изъ первыхъ и ревностнѣйшихъ учениковъ Товiанскаго, продавшій свою мебель и поселившійся въ гостиницѣ чтобы быть менѣе зависимымъ и менѣе прикованнымъ къ мѣсту, по собственному его выраженію (ibid. 9).

будеть дальше; навѣрно не кончится словами. Если по возвращеніи не найдешь меня въ живыхъ, то возьми на свое лечение одного изъ моихъ дѣтей“.... Посылая при этомъ копію прошенія министру, Мицкевичъ замѣчаетъ: „Увидишь по подписямъ удивительное собраніе лицъ которыя прежде не были между собою знакомы, а теперь живутъ однимъ духомъ и одно сердце въ нихъ бьется; всѣ тѣ имена которыя прочитаешь на кофѣнахъ слушали учителя, а многіе въ растяжку падали на земаю къ ногамъ его!“

Нѣсколько позже (3го ноября) Мицкевичъ писалъ Товіанскому: * „Наши ксендзы въ ослабленіи постоянно кричатъ на насъ, аристократы въ органѣ Замоискаго насъ чернятъ, демократы-студенты,—да простить имъ Богъ!—ругаютъ не вѣдая чтò творять“.... А въ письмѣ къ И. Домейкѣ, отъ 21 числа того же мѣсяца, ** читаемъ: „Я могъ бы быть несмѣляемымъ профессоромъ (inamovible), еслибы принялъ французское подданство, но я не хочу этого сдѣлать, потому что всѣ мы, ученики Андрея, находимся въ тяжеломъ положеніи, будучи преслѣдуемы земляками и въ подозрѣніи у правительства. Я не могу думать о своей выгодѣ, когда другіе въ опасности. Да будетъ воля Божія! Могутъ лишить меня должности или изгнать.“

Тѣмъ не менѣе *кружокъ* (Koło) Товіанскаго по его отзывѣ изъ Парижа окончательно организовался. Онъ былъ раздѣленъ на *семерки* (siódemki) изъ 7 меньшихъ духовъ подъ начальствомъ 8го высшаго духа. *** Начальники семерокъ назывались *стражами* (stróże). Они были подчинены Мицкевичу, *напѣстнику* (zastępca) Товіанскаго, титуловавшагося *учителемъ* (mistrz). Члены кружка назывались *братьями* (bracia) или слугами дѣла Божія (słudzy sprawy Bożej) или *слугами Господними* (słudzy Pańscy). **** Дѣлами кружка завѣдывало *правленіе* (urząd) называющееся иногда *правленіемъ Божіимъ* (urząd Boży), или *правленіемъ дѣла Божья* (urząd sprawy Bożej). Оно состояло изъ Мицкевича, котораго Товіанскій называлъ *братомъ въцимъ* (brat wieszcz), и Карла Ружицкаго, котораго онъ титуловалъ *братомъ*

* Ibid. 51.

** Ibid. 52.

*** Golembiowski, 69.

**** Ibid. 107—176.

оождемъ дѣла Божія (brat wódz sprawy Bożej). * Иногда Мицкевичъ приглашалъ на совѣщаніе нѣкоторыхъ самыхъ довѣренныхъ стражей, обязывавшихся держать въ тайнѣ то что было между ними говорено и что было имъ поставлено. ** Прямыхъ указаній на дѣйствія этого правленія сохранилось мало. 5го августа 1843. Товіанскій писалъ изъ Брюсселя что настала пора связанія *правленіемъ Божиимъ* (przez uzząd Boży) тоновъ духа и земли, бывшихъ дотола раздѣленными. *** 16 марта 1845 года Мицкевичъ *отъ имени правленія* (od uzządu) далъ стражамъ слѣдующую инструкцію: ****

I. Стражи приглашаются напомнить братьямъ по семеркамъ трудъ который въ прошломъ году исполнилъ кружокъ, приступая къ св. причащенію. Нынѣ братья приглашаются:

1) Провести шесть дней великой недѣли въ *духовномъ постѣ*, избѣгая всякихъ разговоровъ которые не были бы въ связи со святѣйшимъ предметомъ которымъ нынѣ мы заняты.

2) Молиться ежедневно Св. Дарамъ, какъ видимому тѣлу Христову.

3) Предать забвенію все что могло быть поводомъ ко взаимному недоразумѣнію и обратить все вниманіе на самихъ себя, испытывая собственную совѣсть, насколько каждый согрѣшилъ, задерживая усовершенствованіе своего духа, насколько попрадалъ благодать Св. Духа и чрезъ то согрѣшилъ противъ Св. Духа. (На подобный грѣхъ церковь до сихъ поръ не обращала вниманія.)

4) Чтеніе IV книги о подражаніи Іисусу Христу много можетъ облегчить братьямъ уразумѣніе тайны волащенія, которая есть плодъ высочайшей любви, какую Христосъ показалъ; а размышляя о тайнѣ волащенія Христова, будемъ стараться чтобы Богъ сподобилъ насъ со всею сердечною теплою причаститься Св. Тайнъ въ день Воскресенія Господа, дабы мы могли какъ можно скорѣе соединиться духомъ и тѣломъ съ нашимъ Учителемъ; забудемъ что мы сыны земли, что мы Поляки и, помня что мы ничто сами

* *Współudział* II, 40—1.

** *Ibid.* I, 273—4.

*** *Ibid.* 107.

**** *Ibid.* 214—5.

по себѣ и что мы сильны только у Бога и чрезъ Бога, постараемсѣ соединить души наши съ духомъ Христа, съ духомъ Учителя: ибо только такое причащеніе принесетъ дѣйствительную пользу въ будущей жизни.

II. Исловѣдываться братья могутъ въ какомъ угодно храмѣ, но къ причащенію приступимъ всѣ вмѣстѣ за раннею мшою у „Инвалидовъ“.

III. Братъ Адамъ проситъ братьевъ чтобы въ субботу, въ четыре часа полудни они помолились въ церкви о испосланіи благодати Божіей на *правление которое Богъ установилъ среди насъ* (aby urząd który Bóg postawił wśród nas łaską swą zasilić naszą).

Семерки сами выбирали себѣ *стражей* которые были ихъ блюстителями и наставниками; Мицкевичъ не вмѣшивался въ ихъ частныя дѣла, но только иногда приглашалъ къ себѣ на совѣщаніе братьевъ изъ семерокъ, выслушивалъ ихъ *духовные рапорты* (raport duchowy) и выспытывалъ на *исповѣди* ихъ мнѣніе о себѣ. * Мицкевичъ не оставалъ ихъ устными и письменными наставленіями, а иногда обращался къ нимъ со словомъ и самъ Товіанскій. Такъ 27 мая 1843 года Мицкевичъ письменно побуждалъ семерки къ самостоятельности, ** совѣтуя не полагаться на дѣятельность „учителя“ и его намѣстника: каждый долженъ готовиться къ исполненію воли Божіей по первому данному знаку; нужно постоянно совершенствоваться; на такую духовную работу лучше всего посвящать утро.

Разъ (10 сентября 1843 года, изъ Лозанны) отозвался самъ Товіанскій къ семеркамъ: *** въ весьма туманныхъ выраженіяхъ онъ рекомендуетъ самостоятельность, а въ другой разъ чрезъ Ромуальда (Янушкевича?) приказалъ Мицкевичу проповѣдывать по семеркамъ умерщвленіе плоти. ****

Стражи были посредниками между Мицкевичемъ и семерками: они передавали подчиненнымъ имъ братьямъ его приказанія † и письма полученные отъ Товіанскаго; †* они руко-

* Ibid. 87.

** Ibid. 89, 94.

*** Ibid. 111—112.

**** Ibid. 198—199.

† *Współdział* I, 136.

†* Ibid. 228, 262.

водили занятіями братьевъ по инструкціямъ даннымъ Мицкевичемъ; * они представляли ему отчетъ въ своихъ дѣйстви-яхъ; ** Мицкевичъ призывалъ ихъ на совѣщанія, и въ чемъ онъ съ ними вполнѣ соглашался то передавалось семеркамъ для исполненія.

Иногда стражи собирались на совѣщанія между собою. Важнѣйшія дѣла на такихъ совѣщаніяхъ рѣшались посред-ствомъ баллотировки. *** Обязанности стражей въ отношеніи къ братьямъ были весьма тяжелыя: „На стражѣ семерки ле-житъ тяжелый крестъ и большая отвѣтственность предъ Богомъ,“ говоритъ Товіанскій. **** „Воля Божія гнететъ брата-стража этимъ крестомъ, а нами предоставляется ему всякая свобода. Онъ имѣетъ право для укрѣпленія себя въ жертвѣ, которую приноситъ по обязанности, призвать брата, въ ко-торомъ признаетъ силу духа и симпатію, и въ немощи сво-его духа или тѣла довѣрить ему исправленіе своей должно-сти, а братья семерки думаютъ только объ одномъ—о хлѣбѣ насущномъ.“ Братья обращались къ своимъ стражамъ за со-вѣтами. † Стражи не только руководили занятіями брать-евъ, †* но даже исповѣдывали ихъ. †**

Братья, трудившіеся обыкновенно въ семеркахъ, †*** сходи-лись изрѣдка на *общія собранія кружка*, происходившія не у Мицкевича, а въ особо нанятомъ съ этою цѣлью помѣще-ніи. †† На этихъ собраніяхъ Мицкевичъ давалъ наставленія братьямъ и излагалъ имъ ученіе Товіанскаго. Первое собра-ніе кружка, насколько можно судить по изданнымъ актамъ, происходило въ ноябрѣ 1842 года въ день Св. Андрея, то-есть въ именины Товіанскаго. На этомъ собраніи Мицкевичъ за-явилъ что со времени появленія между братьями учителя никто изъ нихъ иначе не дѣйствовалъ какъ въ духѣ и тонѣ учителя, и что въ этомъ духѣ и тонѣ заключается спасеніе

* Ibid. 214—5.

** Ibid. 166.

*** Ibid. 183.

**** Ibid. II, 6.

† Ibid. I, 138.

†* Ibid. 214.

†** Ibid. 152.

†*** Ibid. 113.

†† Въ 1847, на улицѣ *Saint-Charles*. Ibid. II, 97.

душѣ и отечества. * На общія собранія созывалъ Мицкевичъ братьевъ когда ему казалось нужнымъ или когда приказывалъ Товіанскій. Такъ, когда появилось въ печати воззваніе князя Святополка Пяста Мирскаго, помилованнаго императоромъ Николаемъ и принявшаго православіе, воззваніе приглашавшее эмигрантовъ возвращаться по его примѣру на родину, товіанцики на общемъ собраніи 27 марта 1843 подписали актъ въ которомъ обвиняли его въ измѣнѣ Польскому народу и Славянскому племени и въ неблагодарности ко Франціи давшей ему убѣжище у себя; ** а на другомъ собраніи, 11 апрѣля, *** по тому же случаю, Мицкевичъ назвалъ 27 марта днемъ чрезвычайно важнымъ въ исторіи кружка.

По возвращеніи отъ Товіанскаго изъ Швейцаріи, Мицкевичъ сказалъ длинное слово на общемъ собраніи кружка 1го ноября 1843. **** Въ этомъ словѣ онъ передавалъ братьямъ наставленія Товіанскаго, объяснялъ его ученіе, сообщалъ любопытныя свѣдѣнія о его образѣ жизни.

„Его путешествіе, говорилъ Мицкевичъ, есть великій неустанный трудъ.... Случилось мнѣ совершенно за ничто приобрести коляску и я хотѣлъ взять ее для учителя, хотѣлъ также предупредить объ его пріѣздѣ въ одно мѣстечко, чтобъ онъ нашелъ уже готовую квартиру. Это не удалось. Когда же я сказалъ ему объ этомъ, онъ сильно опечалился что я, какъ онъ выразился, такъ мало еще понимаю дѣло: „Еслибы я, котораго вы называете вашимъ учителемъ“, сказалъ онъ, „ѣздилъ въ коляскѣ, то позже каждый изъ васъ не грѣшилъ бы, требуя для себя того же; еслибы ты приготовлялъ для меня квартиру, то почему же бы и самъ ты, какъ намѣстникъ учителя, не имѣлъ права желать чтобъ и для тебя приготовлялъ также кто-нибудь? Богъ не будетъ отъ васъ требовать ничего болѣе того въ чемъ я даю вамъ примѣръ. Дай Богъ чтобы вы могли сдѣлать болѣе; но столько же сдѣлать есть ваша обязанность.“

„Нѣтъ такой мелочи, отъ обуви до квартиры учителя, которая не была бы разчитана, обсуждена съ точки зрѣнія

* Ibid. 65.

** Ibid. 79—80.

*** Ibid. 81—2.

**** Ibid. 113—120.

дѣла. О всемъ онъ помнитъ, все самъ устраиваетъ. Путешествуя, какъ знаете, съ нѣсколькими особами, часто онъ цѣлую ночь ходитъ по дождю съ вещами по мѣстечку, пока найдетъ квартиру вполне удобную. Уговаривается съ хозяиномъ, торгуется, ни въ чемъ не уступаетъ, въ малѣйшей вещи соблюдаетъ тонъ. Бывало содержатель гостиницы со всею семьей прокаиваетъ ихъ, потому что послѣ уговора о квартирѣ случались гости предлагавшіе гораздо высшую цѣну; но при отъѣздѣ прощались всѣ съ ними со слезами. Въ счетахъ, которые обыкновенно онъ улачивалъ каждый вечеръ, не разъ я удивлялся необыкновенно умѣреннымъ требованіямъ хозяевъ..“

Случалось что кружокъ не собирался по нѣсколькимъ мѣсяцевъ по болѣзни Мицкевича или другимъ причинамъ. Тогда братья падали духомъ или предавались мірскимъ занятіямъ. Узнавалъ объ этомъ Товіанскій и приказывалъ Мицкевичу собрать кружокъ и дать ему приличное наставленіе. Въ подобныхъ случаяхъ Мицкевичъ не щадилъ ни братьевъ, ни самого себя. Таково его слово 21го ноября 1844 года.* Въ немъ онъ укоряетъ братьевъ что они не стремятся къ *реализаціи духа*, а живутъ попрежнему, поддерживаютъ прежнія свѣтскія сношенія, ссорятся, интригуютъ и т. п. Со смиреніемъ онъ признавалъ себя не лучше другихъ и вѣрилъ словамъ Товіанскаго что онъ, Мицкевичъ, только тогда началъ служить Богу когда не оставалось ему никакихъ средствъ на землѣ. И въ этомъ словѣ онъ выставляетъ Товіанскаго образцомъ для подражанія. „Его жизнь была безпрестранною реализаціей духа“ и въ подтвержденіе этого Мицкевичъ приводитъ слѣдующій любопытный разказъ самого Товіанскаго: „Мнѣ не было дозволено имѣть слуги который готовилъ бы мнѣ кушавье, пока я самъ не научилъ его. Этотъ слуга моя жена, которая въ кухнѣ при занятіяхъ хозяйствомъ умѣетъ уже соблюдать такой тонъ что я могу съ нею разговаривать о самыхъ высокихъ предметахъ. Не разъ цѣлый день я обдумывалъ какъ сѣдуетъ шить салогги, по нѣсколькимъ часамъ я молился какъ кулить гонтовые гвозди для отца, чтобы все это было въ правдѣ (!). Бывъ чиновникомъ, когда происходила тяжба между Жидомъ и холопомъ, я просиживалъ утра въ костелѣ, и потомъ требовалось величайшаго труда чтобы

* Ibid. 192—8.

сбѣть меня съ результата къ какому я пришелъ въ молитвѣ..“ Далѣе разказывалъ Товіанскій, какъ поссорившись съ родителями онъ готовилъ овсянку или варилъ яйца для больной жены и, отправляясь въ судъ въ мундирѣ при шпагѣ, носилъ ей лодъ плащомъ кушанье. Часто встрѣчали его товарища и смѣялись, а онъ *сносилъ все въ тонѣ и побѣждалъ тономъ.*

29 ноября 1844 года кружокъ праздновалъ годовщину польскаго возстанія. По этому случаю Мицкевичъ сказалъ слово * которое имѣло довольно важныя послѣдствія для него самого и для кружка: онъ говорилъ объ отношеніи Поляковъ къ Русскимъ и къ Славянамъ.

„Вы знаете, началъ онъ, что сегодня годовщина вашей народной революціи. День этотъ празднуютъ Поляки, и мы его празднуемъ въ новомъ тонѣ, въ духѣ будущаго. Революція была такимъ же дѣломъ какъ и наше дѣло. Она произошла изъ напряженія и породила раздраженіе. Полнаго тона любви Христовой и силы на какую Христосъ имѣетъ теперь право не было... Еще не настало для того время... Богъ приготовилъ большое дѣло и сослалъ новаго духа. Мы называемъ это *дѣломъ* (вргава) по словамъ Евангелія, гдѣ Христосъ говоритъ: „Исполнилъ Я, Отче, *дѣло* которое Ты Мнѣ поручилъ.“ И вотъ теперь для исполненія нашего дѣла мы должны проникнуться любовью Христовою къ братьямъ Славянамъ,—любовію чистою, искреннею, правдивою, безразчетною, безкорыстною. Мы должны полюбить чистое и доброе въ Россіи какъ любимъ друзей, и въ духѣ этой любви дѣйствовать *милость съ Русскими.* Если они не почувствуютъ этой любви, то не почувствуютъ и силы и будутъ насъ угнетать. *Этотъ чистый тонъ вышелъ изъ пламенной души учителя, и духомъ его обнаружится въ жертвахъ и дѣлахъ. Онъ уже работаетъ въ Россіи и влилъ этотъ духъ въ другихъ. Нынѣшній день назначенъ для того чтобы каждый изъ насъ перенялъ этотъ тонъ учителя..“*

Затѣмъ, прочтя всеподданѣйшее прошеніе Северина Пильовскаго къ Русскому императору, Мицкевичъ продолжалъ: „И вотъ я чувствую тутъ, какой теперь тонъ Поляка къ Русскому. Когда бы кто говорилъ въ этомъ тонѣ къ Русскому императору и съ любовью и силой предсталъ предъ

* Ibid. 200—4.

нимъ, я призналъ бы въ немъ орудіе Божіе. Слѣдуетъ предстать въ тоѣ правды, а не ненависти, показать себя мужемъ, а не червякомъ. Червяка ползущаго съ затаеннымъ ядомъ каждый имѣеть право растереть.“ Для такой миссіи созрѣлъ одинъ только Пильховскій, а потому Мицкевичъ поклонился ему въ ноги въ знакъ особаго къ нему уваженія. Тѣмъ же отвѣтилъ ему Пильховскій.

На общемъ собраніи кружка въ великую среду, 19 марта 1845 года, * Мицкевичъ объяснялъ ученіе Товіанскаго о *духъ земли и духъ зла*, причемъ замѣтилъ что старшая семья духовъ земли называется Израидемъ, въ какомъ бы тѣлѣ они не находились, что эта семья въ теченіе вѣковъ дала три поколѣнія: Израиля-Еврея, Израиля-Француза, и Израиля-Славянина, и что *послѣ Христа, полнѣйшаго идеала духа, величайшимъ духомъ былъ Наполеонъ*, „человѣкъ великій какъ свѣтъ“, по выраженію одного изъ его маршаловъ.

Отправляясь къ Товіанскому для личныхъ съ нимъ объясненій, Мицкевичъ собралъ кружокъ 16 мая того же года. ** На этомъ собраніи онъ объявилъ что учитель далъ новый токъ, требующій послѣднихъ усилій для взаимнаго единенія братьевъ въ духѣ, тѣлѣ и поступкахъ, и высказалъ надежду что прежнія ссоры и недоразумѣнія между братьями прекратились. Выбравъ въ свои намѣстники Карла Ружицкаго, Мицкевичъ пожаловалъ *медаль* брату Радецкому, недавно постулившему въ кружокъ. При этомъ онъ сказалъ слѣдующія слова: „Вамъ извѣстно что этотъ внѣшній знакъ есть обѣтъ (ślub), свидѣтельствующій о направленіи духа соотвѣтственному тому въ какомъ учитель завязалъ кружокъ. Чей духъ проникся любовью и надеждой спасенія въ вывѣшней злохѣ тотъ сочетался (zaślubił się) съ учителемъ, а этотъ знакъ возбуждаетъ и подкрѣпляетъ его воспоминаніемъ о томъ состояніи въ какомъ онъ былъ когда почувствовалъ на себѣ руку Господню. Братъ Радецкій уже давно сочетался съ учителемъ. Эту медаль съ благословеніемъ учителя передаю тебѣ, братъ. Ты глубоко чувствуешь свою духовную обязанность. Не однимъ свидѣтелемъ, а уже помощникомъ въ трудахъ нашихъ ты долженъ быть не только въ духѣ, но въ словѣ и дѣлѣ...“

* Ibid. 216—23.

** Ibid. 231—5

На медали о которой здѣсь говорится было изображеніе Пресвятой Богородицы. * Она называлась *медалью дѣла Божія* (medal sprawy Bożej). Ея значеніе такъ мистически объяснялъ Товіанскій: ** „На этомъ знакъ представленъ зачатокъ дѣла Божія. Богородица въ два на ши чудеснымъ образомъ явилась человѣку съ лучами силы Божіей, обращенными къ землѣ для спасенія человѣка; этимъ чудомъ она призвала человѣка къ слѣдованію по покинутому пути Христову, на которомъ только и есть спасеніе для него. Этотъ знакъ пусть побуждаетъ васъ къ исполненію вашихъ христіанскихъ обязанностей...“ Раздача медалей испытаннымъ и заслужившимъ довѣріе братьямъ происходила торжественно въ присутствіи другихъ братьевъ и съ соблюденіемъ извѣстныхъ обрядовъ. Сохранилось описаніе такой церемоніи при раздачѣ медалей четыремъ братьямъ (Гоцинскому, Болевскому, Ключковскому и Раевскому) 3го іюня 1843 года. *** Сначала Мицкевичъ объяснилъ какое значеніе имѣетъ медаль для лицъ получающихъ ее: „Медаль есть знакъ даннаго обѣта служенія дѣлу. Можно дать обѣтъ и служить очень хорошо, не имѣя медали. Медаль не налагаетъ на пріемающаго новыхъ обязанностей и не даетъ ему никакого преимущества; но она возлагаетъ на него бѣольшую отвѣтственность. Какъ въ таинствѣ брака благословеніе священника есть только печать даннаго обѣта, скрѣпляющая взаимную отвѣтственность двухъ душъ, такъ и принятіе медалей есть торжественное подтвержденіе обѣта вступленія въ подобную же духовную связь. Съ тѣхъ поръ исчезаетъ личность, и единичный духъ сливается съ духомъ кружка. Кто возвышается тотъ разжигаетъ, кто лагаетъ тотъ угашаетъ общее пламя. Заслуги и грѣхи духовные каждаго брата составляютъ благое или злое приобрѣтеніе цѣлаго кружка.“

Затѣмъ Мицкевичъ подъ знаменемъ товіанщиковъ произнесъ слѣдующую молитву:

„Исусе Христе! Ты что привнесъ на землю огонь съ неба чтобы согрѣть и вознести къ Отцу души людскія, Ты что постоянно страдаешь за насъ подъ тяжестью креста, посылая вывѣтъ Духа изливающаго на насъ благодать Твою,

* Ibid. 225.

** Ibid. II, 155—259.

*** Ibid. 93. Cnf. 91—97.

дай намъ вступить на крестъ вмѣсто Себя и прими молитву нашу.... А Ты духъ учителя нашего, смиренный, пламенный, сильный, провидательный, помоги мнѣ поваять на братьевъ моихъ какъ ты ваялъ на насъ“...

Наконецъ, раздавъ медали и поцѣловавъ каждого въ голову, Мицкевичъ сказалъ: „Не только ваше удивленіе, но самыя лица ваши ругаются мнѣ за любовь вашу. Вижу теперь васъ въ вашей официальной одеждѣ которую имѣете на все теченіе дѣла. Будьте увѣрены что та любовь зародышъ которой засіяла между нами есть величайшая на свѣтѣ сила и величайшій двигатель человѣчества.“

На этой церемоніи присутствовало по два депутата отъ семерокъ. Они были сильно взволнованы, плакали, обнимали и цѣловали другъ друга. Одинъ изъ братьевъ поцѣловалъ руку Мицкевича, а получившіе медали обнимали его ноги. Самъ Мицкевичъ, по собственнымъ его словамъ, былъ утомленъ этимъ „труднымъ обрядомъ, требовавшимъ большого присутствія духа“. *

Для объясненія словъ сказанныхъ Мицкевичемъ 19 марта 1845 о Наполеонѣ приведемъ его посланіе къ кружку отъ 20 апрѣля 1844. **

„Намъ призваннымъ возвѣститъ слово Христово въ снѣгъ время уже, братья, возвыситься къ общенію съ духомъ силы, съ духомъ Наполеона. Онъ чаще и сильнее всѣхъ духовъ дѣйствовалъ словомъ на землѣ, а нынѣ духомъ возвѣщаетъ намъ слово. Доселѣшняя работа наша духовная должна была приготовить насъ къ этой молитвѣ новаго закона. Ибо какъ общеніе со Христомъ не есть философское или историческое размышленіе о дѣяніяхъ и особѣ Спасителя, не есть половское восхваленіе Христа, но стремленіе дѣлаго духа къ Христу, то и мы должны почувствовать общеніе съ Наполеономъ посредствомъ молитвы къ нему, посредствомъ живаго общенія съ его духомъ духъ нашъ начнетъ принимать образъ и подобіе его.“ Въ собраніи кружка 4 мая того же года Мицкевичъ предложилъ весьма оригинальнымъ образомъ праздновать годовщину смерти Наполеона ***. „Завтрашній день есть годовщина смерти

* Ibid. 97.

** Ibid. 163—4.

*** Ibid. 164—5.

Наполеона. Въ этотъ день его духъ, увольняясь изъ тѣла, изъ утѣ матеріи, узрѣлъ все свое прошлое и будущее, а также прошлое и будущее всѣхъ братьевъ съ которыми трудился на землѣ, позналъ всѣ средства которыя шлѣзъ въ себѣ и около себя, цѣлую громаду добра которое могъ совершить на землѣ, исполняя мысль Божию, и все зло которое вслѣдствіе неисполненія этой мысли размножилоь и усилилось на землѣ. Съ этого дня началась мука великаго духа, страданіе изъ отвращенія къ злу и желаніе служить добру. Это страданіе и это желаніе великій духъ можетъ явить на землѣ только чрезъ посредство духовъ людей находящихся съ нимъ въ общеніи. *Станемъ духомъ нашимъ при смертномъ ложѣ на островъ Св. Елены въ ту минуту, когда великій духъ разставался съ землею.* Въ минутѣ страданія есть минута соединенія съ нимъ. А 1го іюня Мицкевичъ написалъ для кружка слѣдующую инструкцію *.

„Семь первыхъ дней этого мѣсяца (считая и нынѣшній день), а именно шесть утръ, начиная отъ завтрашняго, посвятимъ приготовленію себя къ службѣ во Франціи. Будемъ стараться соединить въ себѣ тою любви слугъ Христовыхъ съ тою силою воиновъ Наполеона. Ежедневно каждый изъ братьевъ будетъ въ церкви и на одномъ изъ мѣстъ посвященныхъ Наполеону. Въ шестый день, въ праздникъ Тѣла Божія, всѣ на мѣшъ примемъ въ духъ св. причащеніе, молясь: Господи, воллоти въ насъ двойнаго духа. На другой день, седьмой, стоя предъ Господомъ легионовъ, призовемъ каждый изъ насъ, *во имя Наполеона*, нашу совесть чтобъ она намъ отвѣтила, готовы ли мы къ службѣ во Франціи. Кто изъ насъ духомъ услышитъ отвѣтъ: „вотъ мы слуги Господни!“ тотъ будетъ имѣть доказательство что исполнилъ работу этихъ семи утръ.“

Мицкевичъ не только чистосердечно вѣрилъ въ возможность общенія съ духомъ Наполеона, но даже разказывалъ какъ онъ самъ *видѣлъ* духъ Наполеона и *говорилъ* съ нимъ.

Вотъ что онъ писалъ Товіанскому въ декабрѣ 1842 года **: „Ночью съ 7го на 8е число, послѣ молитвы ко Пресвятой Богородицѣ, я почувствовалъ вблизи себя Христа въ образѣ

* Ibid. 168—9.

** Ibid. 61—2.

Esse Noto, хотя о томъ прежде не думалъ, и вскорѣ послѣ того замѣтилъ звѣздочку, большую искру; такіа искры я подчасъ вижу, но эти была большей величины и горѣла яснѣе и я почувствовалъ также вблизи себя духъ Наполеона. Начали въ духѣ моемъ, безо всякаго съ моей стороны приготовленія, слезаться слова, которыя тебѣ выписываю. Вотъ они: „François, saluez la voix que vous allez entendre, car vous devez entendre et reconnaître la voix qui parle du fond de cette parole écrite. C'est Lui qui a dicté la parole. Il a dit: annoncez-leur mon arrivée. Dites-leur que je vais descendre. Ils reconnaîtront le son de ma voix. Elle fera tressaillir leurs entrailles. Pour la première fois depuis un quart de siècle, ils se sentiront grand peuple, et bon peuple. Mon nom sera désormais le réparateur, l'immortel, le miraculeux. Il n'y a que moi qui sois en état de réparer mes fautes. Il faut un miracle pour faire vivre la France, consoler l'humanité, illuminer le globe. Je le ferai, Dieu l'a permis.“

Такъ слезались слова въ головѣ Мицкевича. Не довѣря однако себѣ, онъ просилъ искру чтобъ она дала ему знать что въ этихъ словахъ отъ духа и что отъ него самого; но знакъ не былъ данъ. Въ недоумѣніи что дѣлать съ этими словами, Мицкевичъ обращается за совѣтомъ къ Товіанскому, когда и какъ ихъ употребить. При этомъ онъ замѣчаетъ что выраженіе „illuminer le globe“ ему казалось не французскимъ и что онъ написалъ бы *éclaircir le globe*. Въ правильности этого выраженія онъ убѣдился только тогда когда Х. показала ему записаннымъ въ своей памятной книжкѣ это самое слово *illuminer*, которое относилось къ Наполеону и было ей прежде продиктовано, что она скрывала и показала ему только тогда когда онъ разказалъ ей о своемъ видѣніи.

Въ кружкѣ товіанщиковъ была отдѣльная французская *семѣрка*, которая въ послѣдствіи разрослась во французскій *кружокъ*. Позволимъ себѣ остановиться на исторіи этого кружка и вмѣстѣ съ тѣмъ познакомимъ читателей съ пропагандой Мицкевича среди Французовъ.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Товіанскаго изъ Парижа Мицкевичъ вошелъ въ сношенія съ французскимъ обществомъ *l'Œuvre de la miséricorde* основаннымъ въ 1839 году Пьерръ-Машелемъ Вентасомъ (Vintas). Это общество вѣрило что произойдетъ великій переворотъ въ мірѣ и что орудіемъ политиче-

скаго спасенія Французовъ будетъ мнимый сынъ Луовика XVII, жившій въ Лондонѣ подъ именемъ Наундорфа и считавшійся одержимымъ сатаною. Общество вѣрило что состояніе это было только временное, ненормальное, что Наундорфъ поправится, освободится отъ злаго духа и спасетъ Францію. Въ ожиданіи такой перемены оно прекратило съ нимъ всякія сношенія и руководилось своимъ пророкомъ, Пьерръ-Миселемъ. Пьерръ-Мисель образовалъ изъ главныхъ своихъ учениковъ *святую семерку* и издалъ брошюру *Opuscule* съ девизомъ *et renovabis faciem terrae*, въ которой вкратцѣ изложилъ свое ученіе. Позже оно было имъ развито подробнѣе въ *Золотой Книгѣ (Livre d'Or.)* Онъ предсказывалъ близкое господство Святаго Духа и училъ что человекъ есть ладшій ангелъ и что уже настало время когда его духовная природа возьметъ верхъ надъ тѣлесною. Въ его откровеніяхъ Мицкевичъ находилъ много сходнаго съ ученіемъ Товіанскаго. Ихъ бѣлый крестъ безъ распятія былъ точно такой же какъ у Товіанскаго. Католическое духовенство ихъ преслѣдовало такъ же какъ товіанщиковъ, съ которыми они сами пожелали сблизиться. Они не скрывали предъ Мицкевичемъ своихъ тайнъ и обѣщали передать ему всѣ откровенія Пьерръ-Миселя которыхъ не могутъ обнародовать по причинамъ политическимъ. И Мицкевичъ повѣрилъ въ откровенія и чудеса Пьерръ-Миселя, въ искренность и чистоту нѣрвеннѣй его послѣдователей: „это были первые Французы съ которыми, по словамъ Мицкевича, товіанщики сердечно сошлись съ Богомъ“*.

Товіанскій вполне одобрилъ сближеніе своихъ послѣдователей съ учениками Пьерръ-Миселя и объ обществѣ *L'Oeuvre de la miséricorde* выразился что онъ согласно съ мыслью Божіею (*jest w myśl Pańska*)**.

Съ тѣхъ поръ Мицкевичъ сталъ проповѣдывать о *мисіи Поляковъ во Франціи*: „Французы не могутъ болѣе жить тѣмъ что имѣютъ, они это хорошо чувствуютъ и ищутъ силы которая освободила бы ихъ отъ нынѣшнихъ порядковъ; такая сила дана Полякамъ.“ Мицкевичъ разказывалъ что у него

* Ibid. 53—5. Ср. *Przegląd Poznański* 1858, XXV, 186. Объ этомъ обществѣ священникъ *Bouix* издалъ въ Парижѣ въ 1849 году брошюру: *L'Oeuvre de la miséricorde ou la nouvelle secte dévoilée*.

** *Współudział* I, 57.

былъ одинъ знаменитый Французъ, говорилъ ему: „мы видимъ что вы Жиды несаго заплата; уже пора, мы готовы, давайте намъ новую жизнь!“ Но, прибавилъ Мицкевичъ, „пора еще не пришла; Французы хотѣли бы новыхъ идей, но идеи уже никому не помогутъ. Пока Французы не откажутся чистосердечно Польшѣ, не переболѣють ея страданіями и не возстануть противъ вышедшихъ въ ней порядковъ, до тѣхъ поръ ихъ жизнь не пробудится.“*

Въроятно, къ этому „знаменитому Французу“ писано Мицкевичемъ письмо ** въ которомъ читаемъ такіа выраженія: „*Dieu t'a doué d'une organisation forte, capable de porter un grand esprit et proportionnée aux efforts qui te sont demandés. Tu as l'intelligence des maux de l'Eglise, qui sont la source des maux du monde... seul, parmi tous ceux qui sont appelés à l'Oeuvre, tu es appelé à suivre le prophète sur ce chemin... Dieu te réserve les lumières et des secours extraordinaires que tu trouveras sur le chemin à mesure que tu l'auras parcouru dans l'esprit de Jésus-Christ, de son Eglise Sainte, dans l'esprit de l'Oeuvre de la miséricorde qui ouvre une époque nouvelle pour le monde.*“ Изъ послѣднихъ словъ слѣдуетъ заключать что этотъ „знаменитый Французъ“ принадлежалъ къ выше-помянутому обществу.

Но вскорѣ это общество постигъ сильный ударъ: 2го іюля 1843 года Pierre-Michel былъ приговоренъ къ пятилѣтнему тюремному заключенію, и не нашлось между его послѣдователями ни одного который сказалъ бы хотя слово въ его защиту. ***

Но вмѣсто одного потеряннаго союзника Мицкевичъ и товѣанцики приобрѣли двухъ новыхъ, болѣе вліятельныхъ: это были товарищи по службѣ Мицкевича, известные профессора въ Collège de France, *Michelet* и *Edgard Quinet*. Оба они проповѣдывали съ профессорскѣй кафедры мистическіа идеи, подходящія къ ученію Товѣанскаго. *Edgard Quinet* толковалъ о наступающемъ *триумфѣ Христа*, заявлялъ что онъ слѣдуетъ религіи Тюрена, Карла Великаго и Наполеона и отрекается отъ религіи Лудовика XI и Талейрана и т. л. и наконецъ обращался съ воззваніемъ

* Ibid 70.

** Ibid. 72—3.

*** Ibid. 97.

съ къ *génie français*. * А на лекціяхъ историка Michelet рѣшались вопросы о дѣлѣ человеческого существованія, о Творцѣ міра и человѣка, о сошествіи Бога на землю, о Его ученіи и т. л. ** Французское правительство не могло равнодушно смотрѣть на такое злоупотребленіе профессорскимъ словомъ и предложило имъ обоимъ прекратить лекціи. *** Сношенія ихъ съ Мицкевичемъ и его кружкомъ не подлежатъ никакому сомнѣнію. О Мишлѣ Мицкевичъ выражалась что онъ „позаимствовалъ много свѣта“ у товіанциковъ. **** Вліяніе ученія Товіанскаго на Michelet видно какъ въ возрѣніяхъ его на французскую революцію, такъ въ извѣстной его брошюрѣ *Pologne et Russie* (Paris, 1855).

Мицкевичъ надѣялся также завлечь въ свой кружокъ Ламартина, особенно послѣ его рѣчи въ Маконѣ, произведшей сильное впечатлѣніе; † но неизвѣстно насколько въ этомъ успѣлъ.

По мнѣнію Товіанскаго, роль Французовъ въ дѣлѣ Божіемъ была впрочемъ иная чѣмъ роль Поляковъ или, какъ онъ выражался: †* „У братьевъ-Французовъ, по ихъ темпераменту, движеніе духа болѣе легкое; а потому пусть они работаютъ духомъ *горя*, пусть стоятъ въ дѣлѣ духа, а рѣшеніе дѣла духа на землѣ найдутъ у брата Адама, который вмѣстѣ съ своимъ кружкомъ рѣшаетъ о дѣлѣ земли. Пусть братья Французы шествуютъ дѣло въ духѣ, а братья Славяне удерживаютъ это дѣло на землѣ.“ Замѣчательно что смыслъ этихъ мистическихъ словъ Товіанскаго не могъ вполнѣ понять даже Мицкевичъ, который истолковалъ ихъ такъ: „Французъ легко воспринимаетъ, легко порывается, но его нужно довести до того чтобъ онъ выработалъ духовною работою, бѣдствіемъ, трудомъ, *horre*, дѣло духа.“ †**

Благодаря осторожному и разчетливому образу дѣйствій Мицкевича †*** и Товіанскаго, пропаганда между Французами

* Ibid. 86.

** Ibid. 85.

*** Ibid. 86, 98.

**** Ibid. II, 76.

† Ibid. 86.

†* Посланіе Товіанскаго къ семеркамъ изъ Лозанны отъ 10 сентября 1843, *ibid.* 112.

†** Ibid. 113.

†*** Ibid. 152.

велась съ большимъ услѣхомъ: въ началѣ 1844 года было уже нѣсколько французскихъ семерокъ, которыя составляли особый французскій кружокъ. * Къ нему принадлежала одна Француженка сестра Марія, отличающаяся пламенною ревностью къ дѣлу Божию: на первыхъ же порахъ она привала на себя горячую защиту ученія Товіанскаго предъ коендромъ Кайсевичемъ, на котораго, по выраженію Мицкевича, *пустила огненный дождь*. **

Пропаганда между Французами велась не только частнымъ образомъ, но и публично. Съ 22го декабря 1843 года Мицкевичъ сталъ читать въ Collège de France релягиозно-политическія лекціи, изданныя въ 1845 году подъ заглавіемъ *L'Eglise officielle et le Messie*. Это были поэтическія фантазіи, дѣйствующія самолюбію Французовъ и Поляковъ. Указавъ на пробужденіе Славянъ, профессоръ-поэтъ сказалъ: „il est temps... de faire parler l'esprit Slave au génie de la grande nation“. *** Далѣе онъ говорилъ о любви Славянъ, а въ особености Поляковъ, къ Франціи, **** о томъ что только Французы и Славяне (Поляки) способны увлекаться великимъ и божественнымъ; † и что имъ потому принадлежитъ будущее; указывалъ на „liens mystérieux qui attachaient si fortement la France victorieuse à la Pologne souffrante“, †* обвинялъ палу въ недостатокъ сочувствія польскому возстанію, †** заявлялъ о несостоятельности официальной церкви и ея ученія †*** и наконецъ проповѣдывалъ „культъ Наполеона“. *C'est en Pologne que devait naître le culte de Napoléon*, говорилъ онъ. †† По его мнѣнію, *лучшіи комментаріи къ Евангелію составляютъ нѣсколько страницъ продиктованныхъ Наполеономъ на островѣ Св. Елены*. „Наполеонъ понималъ божественную природу Христа и объяснилъ ее лучше всякаго богослова, а именно: онъ говорилъ что Спаситель не былъ богословомъ и что Онъ жилъ

* Ibid. 135.

** Ibid. 134.

*** Les Slaves. Cours professé au Collège de France par A. Mickiewicz, t. V (Paris 1849), p. 5.

**** Ibid. 7.

† Ibid. 36.

†* Ibid. 52.

†** Ibid. 54.

†*** Ibid. 158 sqq.

†† Ibid. 87.

за тѣмъ чтобы дѣйствовать. А со времени Христа Наполеонъ изъ вѣсть христіанъ наиболее дѣйствовалъ, наиболее работалъ, наиболее реализовалъ на землѣ.... Выѣщавшій въ своемъ духѣ все прошлое христіанства онъ реализовалъ его въ своей особѣ. Краснорѣчивый какъ Св. Петръ или Св. Павелъ, простой и строгій въ жизни, какъ священнику перво-бытной церкви, величественный какъ средневѣковой епископъ, онъ чувствовалъ однако что недостаточно обладать всемъ прошлымъ чтобы быть вождемъ совершеннаго человечества: человечество нуждалось въ очагѣ который могъ бы возжечь въ душахъ огни новой любви и новой силы, любви воинствующей и силы побѣдительной. Наполеонъ это позналъ въ послѣднюю эпоху своей жизни, во время мученичества на островѣ Св. Елены...“

Мицкевичъ заключилъ лекцію словами: * „Земная жизнь Наполеона кончена. Какъ глава политической партіи, какъ родоначальникъ династіи, Наполеонъ не существуетъ болѣе. Но кто осмѣлится отрицать здѣсь существованіе и постоянную дѣятельность его духа? Люди благочестивые, воины, государственные люди совѣщаются съ нимъ, размышляя объ его произведеніяхъ и его дѣйствіяхъ. Такое размышленіе не есть ли настоящая молитва? Призваніе вдохновенныхъ артистовъ—возвыситься до области обитаемой этимъ великимъ духомъ, вызвать его и сдѣлать его видимымъ намъ. Наполеонъ архитилъ новаго искусства.“

Кто не узнаетъ въ этихъ словахъ Мицкевича ученія Товіанскаго о Наполеонѣ? На лекціи 19го февраля 1844 года Мицкевичъ возвѣстилъ прішествіе новаго Мессіи, не называя впрочемъ его по имени. Онъ началъ съ общенія человеческого духа съ природою животною и растительною и съ полною вѣрой разказалъ о библейскомъ ослѣ Вааама, о львахъ вырывшихъ могилу для Св. Антонія, о рыбахъ слушавшихъ проповѣди Антонія Падуанскаго и т. п. „Первый лучъ свѣта на этотъ темный вопросъ объ общеніи человеческого духа съ духомъ животныхъ исходитъ отъ племени которое наиболее сохранило интимныя отношенія къ природѣ, отъ того племени которое произвело Задужанскаго, великаго наблюдателя, предшественника Ливнея, отъ того племени которое создало животный эпосъ, въ сравненіи съ

* Ibid. 109.

которымъ *Reinecke Fuchs* и *le roman du Renard* только бѣдныя коліи, отъ того наконецъ племена народная являя котораго почти вся наполнена разговорами съ животными и растениями.“ Повято что здѣсь рѣчь идетъ о Славянахъ.

Этотъ новый свѣтъ, продолжалъ Мицкевичъ, не что иное какъ *Слово эпохи* (le Verbe de l'époque). *Возвѣститъ это слово вѣка* (le Verbe du siècle) онъ считалъ своимъ призваніемъ, задачей своей жизни. * Возвѣщать такое слово могутъ только избранники Божіи. Олицетвореніемъ такого всемірнаго слова (le Verbe du globe entier) былъ Христосъ. ** Александръ Великій былъ воплощеніемъ послѣдняго слова древней Греціи, Юлій Цезарь—древняго Рима. *** Изъ вѣдъ католицизма вышелъ Наполеонъ, самый совершенный человекъ прошлой эпохи, человекъ вполне реализовавшій ее въ своей особѣ и опередившій ее своимъ гениемъ... Онъ принадлежитъ не только Французамъ, но также Италианцамъ, Полякамъ, Русскимъ; онъ мировой человекъ (l'homme du globe), самый совершенный человекъ...“ ****

„Наполеонъ до такой степени сознавалъ свой священный характеръ человека судьбы что на островѣ Св. Елены, за неимѣніемъ священниковъ, предложилъ себя въ духовники своихъ боевыхъ товарищей, чувствуя въ себѣ силу разрѣшать отъ грѣховъ. Въ этотъ моментъ онъ опередилъ современнѣй католицизмъ.“ †

Но только Христосъ былъ образцомъ совершенства; остальные же люди силы (les hommes de force) не выдержали своего характера, пали: „Александръ вслѣдствіе привычекъ животной жизни, Цезарь вслѣдствіе страстей сердца, Наполеонъ вслѣдствіе ошибокъ ума. Наполеонъ пошелъ на сдѣлку съ прошлымъ и, вмѣсто того чтобы слѣдовать къ неизвѣстному за этимъ невидимымъ Богомъ, который былъ въ члѣмъ инымъ какъ гениемъ христіанства и гениемъ Французскаго народа, онъ хотѣлъ легализовать свое положеніе и палъ.“ †*

Все прошлое человечество пало, и его не воскресить.

* Ibid. 194—5.

** Ibid. 199.

*** Ibid. 201—2.

**** Ibid. 202.

† Ibid. 203.

†* Ibid. 203—4.

Нужно отречься отъ прошлаго чтобы вступить въ новую эпоку. Эту новую эпоку создадутъ новые люди. „Какъ первые ученики Христа происходили изъ народа который не имѣлъ болѣе ни своихъ царей, ни своихъ учреждений, ни своего политическаго существованія, который былъ насильственно оторванъ отъ родной земли, отлученъ ото всего земнаго, ото всего съ чѣмъ человекъ разстается съ такимъ трудомъ,—такъ *первымъ признаетъ новое откровеніе племя Славянское*, которое почти ничего не имѣетъ на землѣ и всѣ желанія, всѣ надежды котораго покоятся въ Богѣ; и вотъ почему одна часть этого племени,—народъ который среди Славянскаго племени то же что Французы въ Романскомъ племени, народъ вѣчно волнующійся, вѣчно волнуемый, *народъ Польскій*,—была раздѣлена, стерта съ карты Европы, осуждена на скитаніе по міру... *Эти люди (польская эмиграція); которые ничего не имѣютъ на землѣ, должны первые понять то что со временемъ будетъ царствовать на землѣ. Богъ всегда начинаетъ набирать свою армію и свой дворъ среди нищихъ и невѣждъ (ignorants). Таково Его правило“... **

Въ концѣ лекціи Мицкевичъ обратился къ слушателямъ съ слѣдующими словами: ** „Могъ ли бы я такъ говорить вамъ противъ гордости людей системы, *еслибы я не чувствовалъ съ собою поддержку силы которая происходитъ не отъ людей? Я не ученый: не мнѣ преподавать вамъ таинства новаго откровенія*; но я одна изъ искръ павшихъ отъ свѣтильника, и тѣ которые поймутъ всегда за меня найдутъ, быть-можетъ, легче чѣмъ я Того который есть луть, жизнь и истина. Я былъ призванъ сказать вамъ это. Молю Бога чтобы Онъ далъ словамъ моимъ теплоту и силу, которыя могли бы привести васъ къ источнику всякой теплоты и всякой силы. Радость которую я испыталъ и которая не будетъ у меня отнята, радость сознанія что я былъ призванъ сказать вамъ это, будетъ радостью всей моей жизни и всѣхъ моихъ жизней (*fera la joie de toutè ma vie et do toutes mes vies*); а такъ какъ я говорю не на основаніи книгъ, такъ какъ я не излагаю вамъ системы, то я *объявляю себя предъ лицомъ неба живымъ свидѣтелемъ новаго откровенія, и осмѣливаюсь обратиться къ вамъ изъ васъ — Полякамъ и Французамъ*

* Ibid., 204—7.

** Ibid. 208—9.

которые извѣстно откровеніе, съ просьбою чтобъ они отвѣчали мнѣ какъ люди живые: существуетъ ли оно или нѣтъ?*

Тѣ къ кому относился этотъ вопросъ встали и, поджавъ руку, отвѣчали: да!

За тѣмъ Мицкевичъ снова спросилъ: „Тѣ изъ Поляковъ и Французовъ которые видѣли откровеніе воплощеннымъ, которые видѣли и признали что ихъ учитель (maître) существуетъ, пусть мнѣ отвѣчаютъ: да или нѣтъ!“

И снова подались тѣ къ кому былъ обращенъ вопросъ, и отвѣчали: да!

Тогда Мицкевичъ заключилъ лекцію словами: „А теперь, братья, мой долгъ предъ Богомъ и предъ вами исполненъ. Да дастъ вамъ этотъ моментъ всю радость и всѣ обширныя надежды которыми я преисполненъ“.

На другой день послѣ этой лекціи вотъ что писалъ Мицкевичъ доктору Гутту: * „Благодаря Богу, вчера, 19го числа, одна часть нашей работы исполнена: дѣло и учитель возвышены. Заявивъ предъ слушателями о необходимости новой революціи, я вызвалъ присутствовавшихъ Поляковъ и Французовъ чтобъ они живымъ голосомъ засвидѣтельствовали что откровеніе есть, а потомъ—что воплощенное слово живетъ и что его признали они учителямъ. Братья встали и отвѣчали въ высокомъ тонѣ. Были посторонніе Французы, которые также встали и подтвердили. Одинъ Русскій крикнулъ: это мы носимъ въ насъ самихъ. Остальные слушатели были поражены вызовомъ и смущены. Никто не смѣлъ противорѣчить даже жестомъ. Зала была полна, и многіе стояли у дверей.“

Въ числѣ лицъ на которыхъ лекція Мицкевича произвела сильное впечатлѣніе былъ Edgard Quinet. На другой день послѣ нея онъ возобновилъ свой курсъ по возвращеніи изъ Испаніи. Онъ отзываясь съ большимъ сочувствіемъ о Мицкевичѣ, котораго называлъ *notre cher prophète*, и обративъ вниманіе на его лекцію 19 числа указалъ на Поляковъ какъ на авангардъ Франціи и сказалъ: *ayons le courage de les suivre* и т. п. При этомъ Французы закричали: *Vive la Pologne!* на что Поляки отвѣчали: *Vive la France!* Французы были сильно увлечены словами Кинэ, тованцики торжествовали, а враги ихъ были поражены. **

* *Współudział* I, 141.

** *Ibid.* 142—3.

Наполеонъ и великое призваніе Франціи были предметомъ какъ публичныхъ лекцій Мицкевича, такъ и частныхъ бесѣдъ его съ Французами. Лста ихъ самолюбію, онъ старался возбудить въ нихъ антагонизмъ къ Англичанамъ: онъ предсказывалъ что вскорѣ настанетъ борьба, которая должна показать какой изъ двухъ духовъ, французскій или англійскій, долженъ стать образцомъ, типомъ: въ этой борьбѣ на сторонѣ Англій будуть Россія и аристократія всѣхъ странъ, на сторонѣ Франціи—народы, а потому слѣдуетъ „поднять народный элементъ до власти“ во Франціи и подчинить ему аристократію въ какомъ бы видѣ она ни проявлялась, въ наукѣ, промышленности и т. л.; нужно „искать великихъ людей“, потому что руководителями Франціи могутъ быть только такіе люди какъ Наполеонъ. *

Французскій кружокъ не только быстро увеличивался, но также отличался необыкновенною ревностью, такъ что Мицкевичъ ставилъ его въ примѣръ польскому кружку. ** Особенно былъ въ восторгѣ отъ сестры Alix, „всегда великой въ духѣ и неутомимой въ дѣятельности“ ***. Она читала и объясняла братьямъ *Бестю* Товіанскаго и вообще поступала такъ энергически что всѣ признали ее *настоящимъ вождемъ Французовъ* (prawym wodzem Francuzów). ****

Французы называли Поляковъ *Евреями новаго завета*; самъ Мицкевичъ любилъ сравнивать Поляковъ съ Жидами, говорилъ о *трехъ поколѣніяхъ Израиля—Жидовсколѣ, Французсколѣ и Славянсколѣ*, и излагалъ ученіе Товіанскаго о *трехъ избранныхъ народахъ—Полякахъ, Французяхъ и Евреяхъ*. Поэтому не удивительно что онъ искалъ презелитовъ не только между Французами, но и между Евреями.

Въ ноябрѣ 1842 года вступилъ въ кружокъ товіанщиковъ первый Еврей—братъ Рамъ. По требованію Товіанскаго, надъ нимъ былъ совершеъ обрядъ крещенія, † который въ послѣдствіи былъ признанъ издѣлиемъ. Позже, въ маѣ 1843 года, былъ принятъ еще одинъ Жидъ въ кружокъ товіанщиковъ, но только *гостемъ*. †* Вообще пропаганда между Жидами не

* Ibid. II, 101.

** Ibid. 234, 273; II, 111, 128, 131.

*** Ibid. I, 260, 265.

**** Ibid. II, 19.

† Ibid. I, 55, II, 178, 187.

†* Ibid. I, 88.

удавалась, и только въ августѣ 1845 года, Мицкевичъ рѣшился сдѣлать „воззваніе къ Израилю“, и для этого воспользовался годовщиною разрушенія Иерусалима, которая приходилась на 12 число. * Канунъ этого дня, по его приказанію, братья провели въ постѣ и молитвѣ, ** а въ самый день они отправились подъ его предводительствомъ въ синагогу чтобы раздѣлится съ Жидами ихъ скорбь и возвѣстить имъ что Богъ сжалился надъ Израелемъ и посылаетъ имъ мессію. *** Но напрасно Мицкевичъ разчитывалъ на успѣхъ: онъ потерпѣлъ fiasco, какъ видно изъ письма его къ Товіанскому отъ 16го августа. **** „Въ израильской божницѣ“, пишетъ онъ, „я исполнимъ одну изъ важныхъ работъ — открылъ дорогу братьямъ Французамъ. Здѣшніе Израилиты, можетъ-быть, стоятъ ниже другихъ. Раввинъ былъ въ странномъ негодovanіи за то что я говорилъ ему о скорби Израіля; ибо они хотятъ только наслаждаться жизнью, а скорбѣть дѣло для нихъ весьма трудное... Раввинъ нѣсколько разъ перебивалъ меня и убѣгалъ; но его удерживали; послѣднія мои слова: „Je parle au nom des Synagogues de notre pays dont nous avons entendu les cris déchirants, je parle au nom des Synagogues de l'Orient et de l'univers entier“ нѣсколько заняли присутствовавшихъ Жидовъ.“ Черезъ мѣсяць послѣ того Мицкевичъ извѣщалъ Товіанскаго, † что нашелся въ Парижѣ молодой Жидъ изъ Польши который сильно воспламенился къ дѣлу. „Дѣло его грубое, а потому внутренній огонь обуреваетъ его и повергаетъ его въ болѣзненное состояніе. Вчера (16го сентября) я работалъ съ нимъ, и онъ расчувствовался, получилъ облегченіе и надѣюсь будетъ съ нами.“

Пропаганда ученія Товіанскаго, которую такъ усердно велъ Мицкевичъ, не могла не обратить на себя вниманія какъ польской эмиграціи, такъ и Французскаго правительства. Правойѣрные Поляки видѣли въ ученіи Товіанскаго ересь, подрывавшую основы католицизма, а потому употребляли разные мѣры для ея искорененія. Наиболѣе въ этомъ дѣлѣ

* Ibid. 276.

** Ibid. 278.

*** Ibid. 277.

**** Ibid. 279.

† Ibid. 292.

были заинтересованы польскіе ксендзы. Такъ-называемые „*Zmartwychwstańcy* (воскресшіе изъ мертвыхъ)“, ксендзы Эдуардъ Дукскій и Іеронимъ Кайсевичъ тотчасъ по прибытіи въ Парижъ изъ Рима, гдѣ они учились богословскимъ наукамъ, лѣтомъ 1842 года *, старались сначала добрымъ словомъ убѣдить Мицкевича возвратиться въ лоно католической церкви; когда же въ этомъ не успѣли, рѣшились вступить съ нимъ въ борьбу. ** Особою ревностью въ этомъ отношеніи отличался Кайсевичъ: въ своихъ проповѣдяхъ въ церкви святаго Рока онъ громилъ товіанщиковъ какъ еретиковъ. Нѣ менѣе ревностенъ былъ ксендзъ Петръ Семевко, начальникъ *змартыхвстанцовъ*: получивъ экземпляръ *Бесѣды* Товіанскаго, онъ составилъ сравнительную таблицу догматовъ католической церкви и заблужденій новаго ученія, *** а позже напечаталъ во французскомъ журналѣ *La Voix de la vérité* (1849 года) статью *Le prophète Towiański—encore une secte à dévoiler* и отдѣльно брошюру *Towiański et sa doctrine jugés par l'enseignement de l'Eglise* (1850). Онъ имѣлъ также личныя объясненія съ Товіанскимъ въ Брюсселѣ и съ Мицкевичемъ въ Парижѣ, объясненія которыя повели только ко взаимному раздраженію обѣихъ сторонъ. **** Столь же безуспѣшны были переговоры съ Мицкевичемъ ксендза Губе (1846); при личномъ съ нимъ свиданіи Мицкевичъ представлялъ себя правовѣрнымъ католикомъ; когда же Губе требовалъ отъ него *письменнаго* отреченія отъ всего что противно догматамъ католической церкви въ *Бесѣдѣ* Товіанскаго и въ лекціяхъ которыя онъ, Мицкевичъ, читалъ въ *Collège de Eugene*, братъ *впцій* уклонялся отъ прямаго отвѣта, хотя Губе грозилъ ему что не будетъ допускать до причастія товіанщиковъ и представить на судъ лапы какъ *Бесѣду* Товіанскаго, такъ и мессіаническія лекціи Мицкевича. †

Въ раскрытіи лжи и ереси скрывавшихся въ ученіи Товіанскаго принимали участіе не только духовныя, но и свѣтскія лица. Самымъ тяжелымъ ударомъ для Мицкевича была брошюра его прежняго друга Витвицкаго, искренняго като-

* *Przeegl. Poznański* 1858, XXV, 167.

** *Współudział* I, 29, 31.

*** *Przeegl. Pozn.* XXV, 169.

**** *Ibid.* 172.

† *Współudział* II, 16—17, 22, 24.

лика и Поляка; *Towiańszczyzna wiśtawiona i anekdoty objaśniona* (Paryż 1844). Въ концѣ этой брошюры напечатано воззваніе къ Мицкевичу: * „Ты, который столько лѣтъ называлъ меня другомъ и братомъ... и знаешь меня какъ себя самого, легко поймешь... какъ маѣ было прискорбно и печально писать эту брошюру въ которой я долженъ былъ употребить столько горькихъ словъ противъ тебя, котораго я еще всею душой люблю, хотя ты сталъ уже врагомъ моего Бога, и несказанно жалью, жалью въ тысячу разъ болѣе и сильнѣе чѣмъ еслибы видѣлъ тебя мертвымъ... Если до сихъ поръ я не налагаю публично на твои заблужденія, если даже въ началѣ я старался скрывать ихъ предъ людьми, уменьшать, перетолковывать, то ты тѣмъ не менѣе знаешь что, пользуясь дружественными нашими сношеніями, я не разъ съ первой же минуты устно и письменно предостерегалъ тебя, куда это ведетъ... Но ты пренебрегъ мною, оттолкнулъ меня отъ себя, забылъ все! Ты заблуждался болѣе и болѣе, и я уже не могу узнать тебя. Еще молчать было бы недостойно мужа и христіанина. Ты объявилъ открытую войну Христу, церкви, св. вѣрѣ“...

Витвицкій громко обвинялъ Товіанскаго и Мицкевича въ ереси: „Въ чемъ собственно состоитъ ученіе Товіанскаго—трудно сказать: онъ его называетъ *новыми законами*, а Мицкевичъ также говоритъ на лекціяхъ о новой церкви, новомъ Евангеліи, новой молитвѣ Господней, между тѣмъ какъ въ другихъ случаяхъ они объявляютъ что это не новая религія, а только дополненіе христіанства, какъ христіанство было дополненіемъ прежней религіи.“

Оставляя богословамъ догматическую сторону ученія Товіанскаго, Витвицкій обращаетъ вниманіе только на практическую:

„Товіанскій предсказываетъ немедленный конецъ эмиграціи, немедленное воскресеніе отечества, говоритъ что съ этою счастливою вѣстью онъ нарочно прислалъ Богомъ; но проходятъ мѣсяцы, цѣлые годы, а пророчество не исполняется. Онъ предсказываетъ множество иныхъ событій, напримѣръ, что мужъ судьбы уже на свѣтѣ и что онъ, Товіанскій, имѣетъ для него готоваго коня, что одинъ монархъ (Лудовикъ-Филиппъ) уже свергнутъ съ трона предопредѣленіемъ Божи-

* *Przeegl. Pozn. XXV, 176.*

имъ (а этотъ монархъ до сихъ поръ благополучно царствуетъ), что на художественной выставкѣ въ Парижѣ будетъ портретъ Наполеона, который произведетъ революцію и т. л. Онъ разказываетъ какъ приходили къ нему святые съ неба, Св. Іоаннъ, Св. Казиміръ и другіе, даже Богородица и самъ Христосъ, какъ онъ съ ними по цѣлымъ часамъ разговаривалъ и выспрашивалъ у нихъ обо всемъ о чемъ только хотѣлъ. Но лишь только ушли, онъ слышитъ—куда? Въ *Большую Оперу* и на *балетъ* отдохнуть, какъ говорить, отъ трудовъ духа“ *...

Товіанскаго Витвицкій называетъ *мечтателемъ* (marzyciel), который въ своемъ пылкомъ, склонномъ къ мистицизму воображеніи создалъ себѣ особую вѣру основанную на разныхъ старыхъ и новыхъ заблужденіяхъ, а его учениковъ считаетъ людьми увлекающимися, не имѣвшими прежде никакой религіи.

Вслѣдъ за Витвицкимъ, въ томъ же году, *Владиславъ Гомебескскій* издалъ брошюру *Mickiewicz odstąpiłony i Towiańszczyzna*. Товіанцизмъ онъ называетъ *умственною болѣзnią эмиграціи*, а главнымъ виновникомъ этой болѣзни считаетъ Мицкевича, а потому полагаетъ что было бы вѣрнѣе называть ее *Мицкевичизмомъ*. Ученіе, главнымъ проповѣдникомъ котораго былъ Мицкевичъ, составлено, по его мнѣнію, изъ кусковъ разныхъ религіи и фантазій Сведенборга, плаувиатовъ и т. л. „Не религиозное чувство“, говоритъ онъ въ заключеніе, „не вѣра въ божественную миссію учителя, не желаніе послужить отечеству или человечеству привлекли Мицкевича къ ученію Товіанскаго, а только *гордость* и *самолюбіе*.“

Не оставался равнодушнымъ зрителемъ пропаганды Мицкевича и князь Адамъ Чарторыйскій, глава польской эмиграціи. Онъ обвинялъ Товіанскаго въ распространеніи ереси и въ то же время въ лютворствѣ православію и въ вѣропопданничествѣ, Россіи; на Мицкевича падала вина въ пропагандированіи между эмигрантами столь ненавистнаго князю ученія Товіанскаго. Мицкевичъ былъ вынужденъ устно и письменно защищать себя и своего учителя отъ всѣхъ этихъ обвиненій. **

* Ibid. 174.

** *Współdział*, II, 154. Cnf. I, 299.

Съ своей стороны Мицкевичъ обвинялъ Чарторыйскаго въ потворствѣ клеветамъ на него и Товіанскаго, распростра- няемымъ газетою *Trzeci Maj*. Дѣло происходило такъ:

3го мая 1843 года въ засѣданіи польскаго Историко-Лите- ратурнаго Общества Мицкевичъ сказалъ рѣчь, * въ которой проводилъ ту мысль что *возстановленіе Польши невозможно, если она вполнѣ не разорветъ съ прошлымъ, если она не возродится въ духѣ.* „Не ищите въ книгахъ, въ исторіи, въ каеедрахъ, въ специальныхъ наукахъ, въ дипломатіи средствъ къ вашему возрожденію“, говорилъ онъ; „ищите ихъ въ сердцахъ вашихъ... Еслибы Польша могла быть спасена стой- костью, умомъ и политикой, еслибы ея существованіе было связано со специальными науками и дипломатіей, то почтен- ная семья Чарторыйскихъ давно бы ее спасла...“ Рѣчь свою Мицкевичъ заключилъ слѣдующими словами: „Все будетъ тщетно, пока не возродитесь въ духѣ. Но что же это за воз- рожденіе въ духѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ каждый изъ васъ найдетъ въ глубинѣ своего чувства. Положите за тѣмъ конецъ вашимъ распрямъ и примиритесь; ибо ничего добраго не можетъ быть отъ вашихъ партій, залечатѣльныхъ гор- достью, ненавистью и неволей, которой каждый изъ ихъ чле- новъ долженъ подчиниться.“

Эта рѣчь въ духѣ Товіанскаго произвела тяжелое впечат- лѣніе на слушателей, особенно же на корифеевъ эмиграціи, князя Чарторыйскаго и графа Замойскаго; люди къ нимъ близкіе старались еще болѣе вооружить ихъ противъ Миц- кевича, и въ *Третьемъ Матѣ*, газетѣ считавшейся органомъ Чарторыйскаго и получавшей субсидіи и внушенія отъ графа Замойскаго, появился рядъ статей, въ которыхъ Товіанскій и его ученикъ Мицкевичъ были обвиняемы въ измышленіи и распространеніи еретическаго ученія, подрывающаго като- лическую религію. Чарторыйскій, Замойскій и нѣкоторые дру- гіе члены Историко-Литературнаго Общества, особенно же Витвицкій и Сѣнкевичъ, поддерживали эти обвиненія, и по- тому Мицкевичъ намерся вынужденнымъ отказаться отъ предсѣдательства въ этомъ Обществѣ (6го марта 1844 года). **

Такимъ образомъ Мицкевичъ порвалъ всякую связь съ эмиграціей. Вскорѣ послѣ того онъ былъ удаленъ Француз-

* Ibid. I, 82—5.

** Ibid. 145—9, 161.

скимъ правительствомъ изъ Collège de France: въ маѣ 1844 года министръ народнаго просвѣщенія предложилъ ему добровольно прекратить чтеніе лекцій, обѣщая ему пенсію; но Мицкевицъ отвѣчалъ что „онъ долженъ исполнять свою обязанность“, и тогда министерство уведило его отъ службы въ Collège de France. * Лишенный средствъ къ существованію, Мицкевицъ долженъ былъ принять съ благодарностью ничтожное мѣсто при библіотекѣ арсенала.

Такъ жестоко поплатился Мицкевицъ за свое увлеченіе товіанизмомъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ВИКЕНТІЙ МАКУШЕВЪ.

* Ibid. 158, 4.

ГРАЧЕВСКІЙ КРОКОДИЛЪ

П О В Ъ С Т Ъ

I.

Въ № 154 мѣстнаго *Справочнаго Листка* была напечатана слѣдующая корреспонденція:

„М. г., господа редакторъ! Слѣшу увѣдомить васъ что на дняхъ, не подалеку отъ усадьбы помѣщицы Анфисы Ивановны Столбиковой, при деревнѣ Грачевкѣ, въ камышахъ рѣчки носящей то же названіе, появился крокодилъ. Первое извѣстіе объ этомъ было подано матерью грачевскаго кузнеца Матреной Ивановной Молотовой, которая объявила мѣстному сельскому старостѣ что часовъ въ шесть утра она стирала на рѣкѣ бѣлье, не подалеку отъ того мѣста гдѣ рѣка Грачевка образуетъ песчаную отмель и гдѣ обыкновенно купается племянница Столбиковой Мелитина Петровна. Все было кругомъ тихо. Мелитина Петровна искупавшись ушла домой, какъ вдругъ плававшіе возаъ берега гуси съ крикомъ бросились въ сторону чѣмъ-то перелугавные, подняли оглушительный крикъ, заголосали крыльями и вылетѣли вонъ изъ рѣчки. Удивленная Молотова бросилась къ тому мѣсту, желая убѣдиться, не скрывалось ли что-либо въ камышахъ, но ничего не нашла; въ вѣкоторомъ же разстояніи, по направленію къ лѣсу примыкающему къ камышамъ слышался торолливый трескъ, какъ-будто по камышамъ что-то послѣшило

ловца, желая скрыться, и видно было какъ по напра-
влению этого треска камыши колыхались и распадались напра-
во и налево. Получивъ объ этомъ извѣщеніе, сельскій ста-
роста пригласилъ съ собой сотника и нѣсколькихъ лова-
тыхъ, отправился на мѣсто происшествія и нашелъ что на
подшага не доходя воды камыши сильно помяты, какъ-будто
на мѣстѣ этомъ кто-нибудь или валялся, или лежалъ. Отъ
мѣста этого по тѣмъ же камышамъ по направлению къ дѣсу
шла чуть замѣтная тропа. Староста отправился по этой
тропѣ, но вскорѣ принужденъ былъ воротиться, такъ какъ
тропа исчезла и сверхъ того онъ дошелъ до такой трясины
что втискался по-помятъ и дальнѣйшія изслѣдованія при-
нужденъ былъ прекратить. Составивъ объ этомъ актъ и
скрѣпивъ его по безграмотству приложеніемъ должностной
печати, староста представилъ таковой Рычевскому воло-
стному правленію, но правленіе, не обративъ должнаго на
документъ этотъ вниманія, вмѣстѣ съ другими бумагами
бросило его въ печку. Въ тотъ же день часовъ въ восемь
вечера возвращавшіяся съ покоса крестьянскія дѣвцы де-
ревни Грачевки (числомъ шесть), прохода мимо песчаной
отмели, затѣяли купаться. Дѣвушки раздѣлись и бросились
въ воду. Утомленные дневнымъ зноемъ, онѣ плавали на
спинѣ, брызгались водой, какъ вдругъ изъ камышей, возлѣ
которыхъ онѣ были, раздался пронзительный крикъ и
вслѣдъ затѣмъ щелканье зубами!... Дѣвушки перелугались,
выскочили изъ воды и, боясь подойти къ своему платью ко-
торое лежало какъ разъ возлѣ того мѣста откуда раздался
крикъ, бросились какъ были въ деревню и прямо явились къ
старостѣ. Староста далъ имъ приличное наставленіе и въ
видахъ предупрежденія на будущее время несчастій, строго за-
претилъ жителямъ деревни Грачевки купаться въ рѣкѣ. На
другой день утромъ, на зарѣ, пономарь села Рычей удилъ на
томъ же мѣстѣ рыбу, а когда взшло солнце и клевь пре-
кратился, пономарь задумалъ искупаться. Ничего не слы-
хавшій о происшедшемъ наканунѣ, онъ преспокойно раздѣл-
ся и опустился въ воду. Не умѣя плавать, онъ присѣлъ на
корточкахъ, возлѣ самаго берега и сталъ умывать лицо, какъ
вдругъ что-то ущѣлило его сзади за косичку и вытащило на
берегъ... Что было дальѣ, пономарь не помнитъ, такъ какъ
въ то же мгновеніе потерялъ сознание, въ каковомъ положе-
ніи и былъ найденъ лежащимъ въ камышахъ. Считаю излиш-
нымъ описывать ужасъ которымъ былъ объятъ весь нашъ
околотокъ! Разговорами не было конца. Начали появляться
добавленія... Такъ напримѣръ земскій фельдшеръ Нурьютъ
ходившій на охоту видѣлъ въ рѣкѣ Грачевѣ что-то плыв-
шее въ водѣ, темнокоричневаго цвѣта, сажени въ двѣ дли-
ною, стрѣлялъ въ это чудовище, но повидимому не нанесъ
ему никакого вреда. Рыбакъ Данила Сѣдовъ разставлявшій
ночью сѣтъ и плывшій по этому случаю на маленькомъ
челнокѣ былъ кѣмъ-то опрокинутъ совсѣмъ съ челнокомъ

такъ что насилу выбрался на берегъ. Все это вмѣстѣ взятое увеличивало еще болѣе ужасъ. Къ тому мѣсту гдѣ чаще всего появлялось чудовище былъ приставленъ караулъ; караулили день и ночь, но чудовище какъ нарочно не появлялось. Такъ прошло недѣли двѣ, умы стали успокоиваться; порѣшили что чудовище куда-нибудь перемѣстилось и караулъ былъ снятъ, какъ вдругъ новое происшествіе опять переломило все!... Пропалъ безъ вѣсти мальчикъ лѣтъ семи, сынъ грачевскаго крестьянина Ивана Мотина, Василій, платье котораго было найдено на берегу, на той самой песчаной отмели и возлѣ тѣхъ самыхъ камышей гдѣ столько разъ появлялось чудовище. Сначала думали что мальчикъ купался утонулъ, но есаубъ оъ утонулъ, то найденъ былъ бы трупъ его... Между тѣмъ всѣ средства были употреблены къ отысканію трупа и остались напрасны: бродили сѣтями, пускали горшки съ ладомомъ, но дымящіеся горшки лаяли себѣ по теченію рѣки и нигдѣ не останавливались... * Наконецъ бросили и порѣшили что несчастный былъ жертвою невѣдомаго чудовища!.. Однако надо же было узнать наконецъ что это за чудовище и приискать средства для избавленія себя отъ него!.. Разрѣшеніе всего этого предпринялъ на себя нашъ добрый и просвѣщенный учитель сельской школы г. Знаменскій, въ короткое время успѣвшій приобрести своими неутомимыми педагогическимъ трудами общую любовь и уваженіе, которые, то-есть труды, къ несчастію остаются незамѣченными лишь только однимъ членомъ училищнаго совѣта, не представившимъ даже г. Знаменскаго къ наградѣ. Въ тотъ же день, когда исчезъ ребенокъ и у котораго всѣ средства къ отысканію его оказались тщетными, г. Знаменскій, пригласивъ съ собою сотника и нѣсколькихъ стариковъ, отправился на театръ описанныхъ ужасовъ. Часовъ въ восемь вечера они были уже на песчаной отмели, но, такъ какъ увидели что тамъ купалась Мелитина Петровна, тщательно вытираясь намыленною губкой и погружая въ воду грудь свою, то поаятное чувство скромности заставило ихъ обождать, когда она окончитъ купанье и одѣнется. Дѣйствительно, Мелитина Петровна вышла изъ воды и скрылась въ камышахъ, а немного погодя, уже одѣтая и съ зонтикомъ въ рукахъ она шла по дорогѣ ведущей въ усадьбу тетки Анфисы Ивановны Столбиковой. Тогда г. Знаменскій подошелъ къ тому мѣсту гдѣ купалась Мелитина Петровна, но только-что успѣлъ онъ войти въ камыши какъ вдругъ раздался оглушительный трескъ и что-то послѣшно бултыхнуло въ воду, обдавъ его брызгами и скрывшись подъ водой. Въ это время подбѣжали къ г. Знаменскому сотникъ и старики, но въ камышахъ уже ничего не было! Тѣмъ не менѣе г. Знаменскій началъ изслѣдовать мѣстность съ цѣлью отыскать хоть

* Въ народѣ существуетъ повѣрье что горшокъ съ ладомомъ, лущенный на воду останется надъ трупомъ утопленника.

какіе-нибудь сѣдлы ребенка, но вмѣсто того поднималъ только окурокъ лалироски, а сотникомъ найдены чьи-то пестрые панталоны, парусинный пиджакъ, фуражка, ситцевая рубашка и салюги. Всё это немедленно было предъявлено сотникомъ г. Знаменскому, который и призналъ принадлежность этой одежды сыну священника села Рычей Аскалїодоту Психологову. Ужасъ овладалъ всеми!.. Неужели же и Аскалїодотъ подобно ребенку сдѣлался жертвою чудовища?.. Всѣ немедленно отправились въ село Рычи къ священнику отцу Ивану и ужасъ ихъ увеличился еще болѣе когда они узнали что Аскалїодота не было дома!.. И только вечеромъ когда уже достаточно стемнѣло, г. Знаменскій встрѣтилъ Аскалїодота въ лавкѣ Александра Васильевича Соколова, и хотя Аскалїодотъ и былъ пьянъ, но увидавъ свое платье очень обрадовался и разказалъ подробно что купался въ рѣкѣ Грачевкѣ онъ чуть было не сдѣлался жертвою огромнаго крокодила, отъ котораго спасся единственно благодаря своему превосходному умѣнію плавать и нырять. Крокодилъ, котораго Аскалїодотъ видѣлъ собственными своими глазами, имѣлъ въ длину саженя три, тѣло его на спинѣ покрыто роговыми щитками, по срединѣ представляющими возвышеніе. Языкъ короткій; челюсти вооружены многочисленными зубами имѣющими видъ кыжковъ. Сверху крокодилъ коричнево-бурый, снизу грязно-желтый. Въ водѣ движенія его весьма быстры, такъ что Аскалїодоту стоило большаго труда увертываться отъ его нападеній; на землѣ же движенія эти немного вялы. Увидавъ онъ крокодила въ камышахъ когда самъ былъ въ водѣ, повтому и принужденъ былъ покинуть свою одежду. Крокодилъ долго смотрѣлъ на него разинувъ пасть и какъ бы притѣиваясь въ него, а немного погодя даже ринулся въ воду, но Аскалїодотъ нырнулъ и тѣмъ только избавился отъ пасти крокодила! И такъ, тайна разъяснилась и чудовище надѣлавшее столько ужаса оказалось крокодиломъ! Этимъ заканчиваю я свое письмо, но увѣренъ, г. редакторъ, что въ скоромъ времени вы получите отъ меня болѣе подробное описаніе крокодила, такъ какъ намъ известно что г. Знаменскій принялъ энергичныя мѣры къ поимкѣ хищнаго земноводнаго. Помогите ему Богъ!

II.

Статья эта, писанная, какъ говорятъ, самимъ г. Знаменскимъ, какъ и слѣдовало ожидать, перелопостила весь околодокъ. Далъ знать становому, который немедленно прискакалъ, опросилъ крестьянку Молотову, шесть грачевскихъ дѣвицъ, рычевскаго лономоря, фельдшера Нирьюта, Аскалїодота Психологова и многихъ другихъ и произведенное дознаніе

препроводилъ по принадлежности. Крестьяне принялись ставить вентеря, взадъ и впередъ бродили по рѣкѣ, дѣлали въ камышахъ облаву, но крокодила не было. Редакція *Справочнаго Листка* командировала въ Грачевку спеціального корреспондента, который вѣсть съ г. Знаменскимъ опускалъ въ рѣку какіе-то стальные крючки съ насаженными на нихъ кусками мяса, но всѣ старанія поймать крокодила остались тщетными и корреспондентъ съ чѣмъ пріѣхалъ съ тѣмъ и уѣхалъ. Статья между тѣмъ была перепечатана въ столичныхъ газетахъ и вѣсть о крокодилѣ распространилась. Люди самые невѣрующіе были озадачены такимъ явленіемъ. Началось приисканіе всевозможныхъ объясненій. Одна газета высказалась что это по всей вѣроятности не крокодилъ, такъ какъ крокодилы обитаютъ въ жаркомъ климатѣ, а гигантскій змѣй подобный тому который не такъ давно появлялся у береговъ Норвегіи и который надѣлалъ столько тревоги между естествоиспытателями. Принялись за старыя книги и лорѣшили что змѣй этотъ заслуживаетъ полной вѣры, такъ какъ таковой былъ уже извѣстенъ Грекамъ и Римлянамъ. Плиніи и Виргиліи Максимъ—оба описали подобное земноводное змѣеобразное, плававшее первоначально въ рѣкахъ; разрастаясь же въ громаднѣхъ размѣрахъ, оно уходило въ открытое море, такъ какъ только тамъ находило достаточный просторъ для движенія.

Прочитавъ все это, г. Знаменскій вышелъ изъ себя и немедленно напечаталъ статью въ которой доказывалъ что газета, заговоривъ о Плиніи и Виргиліи, потеряла почву и очутилась въ мірѣ фантазій, что чудовище появившееся въ Грачевкѣ не змѣй, а воистину крокодилъ; что хотя крокодилы и обитаютъ преимущественно въ жаркомъ климатѣ, но изъ этого не слѣдуетъ еще отрицать возможности появленія таковыхъ и въ климатѣ умѣренномъ. Если въ Грачевку, говорилъ онъ, въ прошломъ году забѣжало два лося, а съ годъ тому назадъ была убита альпійская серна; если, наконецъ, у насъ въ Россіи проживаетъ столько иноземцевъ всевозможныхъ климатовъ, въ образѣ ученыхъ инженеровъ, лѣвицъ, танцовщицъ, губернатокъ, поносящихъ холодъ сей страны снѣговъ, но тѣмъ не менѣе обрѣтающихся въ ней обильныя лажити, то почему же не жить у насъ и крокодиламъ! Принимая все это въ соображеніе, онъ протестуетъ противу искаженія факта и восстанавливаетъ истину. Дѣйствительность

присутствія крокодила въ Грачевкѣ подтвердитъ подъ присягой проживающій въ селѣ Рычяхъ почетный гражданинъ Асклиподотъ Психологовъ, который собственными глазами крокодила этого видаъ, описалъ его и, подобно мальчику Василию Мотилу, едва не сдѣлаася жертвою этого хищнаго земноводнаго. Это не змѣя, а крокодилъ!...

Но какъ г. Знаменскій ни хорохорился, а газета продолжала настаивать на своемъ, и обругавъ г. Знаменскаго и Психологова невѣждами и уломанувъ даже извѣстную лобасенку о свиньѣ и апельсинахъ, статью свою о морскихъ чудовищахъ начала съ Гомера, описавъ чудовищнаго змѣя убитаго героемъ греческой мифологiи Геркулесомъ. Затѣмъ, упоманувъ о борьбѣ змѣя съ китомъ видѣнной капитаномъ Древаромъ, о миссіонерѣ Гансѣ Егедѣ, о епископѣ Понтолидагѣ, о змѣѣ выброшенной на одинъ изъ Оркнейскихъ острововъ, имѣвшей щетинистую гриву, кончила статью тѣмъ что докторъ Пикардъ въ Столовомъ заливѣ видѣлъ въ февралѣ 1857 года съ маяка морское чудовище. Оно спокойно расположилось въ морѣ въ 150 шагахъ отъ берега, Пикардъ стрѣлялъ въ него, но далъ промахъ; 14го же апрѣля чудовище приблизилось къ мели, гдѣ вѣроятно хотѣло поиграть на солныцѣ, но было замѣчено шотландскими стрѣлками находившимися въ катерахъ подъ командой лейтенанта Мессиса и сдѣлавшими по животному залпъ, на который оно не обратило и вниманія, но залпы безъ остановки повторявшіеся одинъ за другимъ произвели наконецъ свое дѣйствіе и змѣя началъ ослабѣвать. Тогда, зацѣпивъ его ласть якоремъ, семьдесятъ человекъ съ величайшимъ трудомъ притащили его къ берегу. Здѣсь, какъ бы очнувшись и желая уйти въ море, чудовище начало метаться и рваться и сила ударовъ его хвоста была такъ велика что оно выкидывало вверхъ и разбрасывало большіе прибрежные камни; одинъ такой камень сильно ушибъ человека, а другой выбилъ окно третьяго этажа въ гостиницѣ Каледоніи.

Другая газета объявила что все это вздоръ, что вся эта утка плущена первою газетою съ цѣлю заманить къ себѣ этимъ чудомъ большее число подлищниковъ, и въ доказательство того что подобнаго чуда не существуетъ привела описаніе моряка Фредерика Смита, плававшаго на кораблѣ *Пекинъ* и на основаніи собственныхъ наблюденій объ-

явившаго исторію о морскомъ змѣѣ сказкою. При этомъ Смитъ рассказалъ подробно что подобное чудовище было изловлено вблизи Мудьмеида его моряками, втащено на бортъ и мнимое страшное животное оказалось ни больше ни меньше какъ чудовищная морская поросль, корень которой, покрытый паразитами, на нѣкоторомъ разстояніи представлялся головою, между тѣмъ какъ вызванныя волнами движенія придавали ему видъ животнаго тѣла. Что же касается, прибавляла газета, змѣя найденнаго на берегу одного изъ Оркнейскихъ острововъ, то змѣѣ тотъ оказался исполненною акулою!

Подлепка эта дала мысль *Будильнику* олицетворить ее въ карикатурѣ, которая въ слѣдующемъ же номерѣ появилась въ такомъ видѣ. На балконѣ балагана, вмѣсто роговъ обитаго сказанною газетою, съ перомъ за ухомъ стоитъ ея редакторъ съ огромною головою и кричитъ: Господа! всѣ сюда! Здѣсь чудо не простое, животное морское, отъ головы до хвоста будетъ полная верста!... Сюда! сюда!... Москвичи много хохотали надъ этою карикатурой и номеръ этотъ *Будильника* (другіе номера котораго никто не хотѣлъ брать и даромъ) покупался по 75 коп., а къ вечеру дошелъ до рубля!..

Тѣмъ не менѣе къ г. Знаменскому по поводу грачевскаго крокодила посыпались со всѣхъ сторонъ разные запросы и предложенія. Общество усмиренія строптивыхъ животныхъ даже предложило г. Знаменскому значительную сумму денегъ если онъ живьемъ доставитъ въ Общество крокодила.

Все это, понятно, еще болѣе возбуждало въ г. Знаменскомъ энергію и онъ съ дикорадочнымъ усиліемъ привялся за поимку животнаго. Онъ поилъ мужиковъ водкой; продалъ свою волчью шубу и на вырученныя деньги заказалъ особаго устройства сѣть которая могла бы выдержать не только крокодила, но даже слона, и когда была готова эта сѣть, то онъ опять купилъ три ведра водки и собралъ цѣлый полкъ крестьянъ, которые явились охотно. Въ числѣ явившихся былъ и Аскапидодоть Психологовъ. Онъ хлопоталъ не менѣе другихъ, указывая то мѣсто гдѣ видѣлъ крокодила, гдѣ послѣдній на него бросился и гдѣ именно его преслѣдовалъ. Сѣть залустили, но дѣло кончилось лишь тѣмъ что всѣ перепились, а крокодила все-таки не было, за что Аскапидодоть, подвылившій болѣе другихъ, обругалъ всѣхъ дураками.

Вдругъ пронесся слухъ что крокодилъ пойманъ и находится въ усадьбѣ Анфисы Ивановны Стодбиковой въ особо устроенномъ виваріумѣ и что крокодила этого кормятъ живыми аггатами, которыхъ онъ глотаетъ какъ пилюли по нѣскольку десятковъ въ день. Бросились всѣ къ Анфисѣ Ивановнѣ, конечно въ томъ числѣ и г. Знаменскій, но оказалось что никакого крокодила тамъ не было. Мужики начали толковать что вовсе это не крокодилъ, а просто оборотень. Молва эта пошла въ ходъ, встрѣтила много приверженцевъ и немало погоды сдѣлалась убѣжденіемъ большинства. Начали подсматривать за нѣкоторыми старухами и дѣйствительно двухъ изъ нихъ изловили ночью гдѣ-то въ конопляхъ, и такъ какъ старухи не могли объяснить зачѣмъ именно не въ урочный часъ нелегкая занесла ихъ въ конопли, и такъ какъ онѣ давно уже замѣчены въ колдовствѣ и порчѣ людей, то сначала порѣшили было волостнымъ сходомъ закопать старухъ живыми въ землю, но потомъ сочли возможнымъ наказаніе смягчить и ограничиться только розгами, каковое рѣшеніе было немедленно приведено въ исполненіе и старухъ перепорол.

Поскорбѣвъ о такомъ невѣжествѣ низшей братіи, г. Знаменскій распродалъ значительную часть своего скуднаго имущества и желая поближе познакомиться съ привычками и образомъ жизни крокодиловъ, а равно вычитать гдѣ-нибудь способъ ловли таковыхъ и вспомнивъ при этомъ что крокодилами въ особенности изобилуетъ Египеть, г. Знаменскій немедленно отправился на почту и выписалъ путешествіе по Нижнему Египту и внутреннимъ областямъ Дельты Рафаловича, но какъ на смѣхъ въ книгѣ этой о крокодилахъ не упоминается ни до слова и деньги употребленныя на локулку путешествія пропали безслѣдно. Г. Знаменскій схватился за попавшійся ему случайно первый томъ Дарвина въ переводѣ Бекедова, но и въ этой книгѣ про крокодиловъ ничего не упоминается. Тогда г. Знаменскій приваялся за каталогъ Вольфа и съ слѣдующею же почтой на цѣныхъ 15 рублей выписалъ себѣ книгъ, заглавія которыхъ по его соображеніямъ непременно должны были послужить ему руководствомъ для разрѣшенія предпринятой имъ на себя задачи, и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшился впредь до полученія этихъ книгъ относительно ловки крокодила ничего не предпринимать.

III.

Если вѣсть о грачевскомъ крокодилѣ перелезла даже ученые общества, то само собою разумѣется вѣсть эта болѣе всѣхъ должна была поразить Анфису Ивановну Столбикову, во владѣнiяхъ которой онъ появился и услѣлъ уже столько накураасить. Хотя Анфиса Ивановна не имѣла никакого понятiя ни о морскихъ змѣяхъ, ни объ ужасахъ производимыхъ крокодилами, но тѣмъ не менѣе она сознавала инстинктивно что тутъ дѣло что-то не ладно и немедленно собралась въ село Рычи къ священнику отцу Ивану, съ цѣлю посоветоваться съ нимъ что ей дѣлать и что такое именно крокодилъ. Отца Ивана на грѣхъ не было дома, а былъ дома только сынъ его Аскалiодотъ. Хотя старушка его и не долюбивала за что-то, но имѣя въ виду что *вътрогонъ* этотъ (такъ называла Столбикова Аскалiодота) чуть было не сдѣлался жертвою крокодила, она рѣшилась поразспросить его о случившемся и выпытать отъ него насколько крокодилъ этотъ страшенъ и насколько нужно его опасаться. Аскалiодотъ предложилъ старухѣ чаю, усадилъ ее въ мягкое кресло, и усѣвшись противъ нея на стулъ, наговорилъ ей такихъ ужасовъ что даже водосъ становилась дыбомъ, и по словамъ его крокодилъ вышелъ ни дать ни взять похожимъ на то чудовище которое обыкновенно рисуется на картинахъ изображающихъ Страшный Судъ и которое своею огненною пастью цѣлыми десятками пожираетъ грѣшниковъ.

Увидавъ нечаянно въ окошко проходившаго мимо пономаря, того самаго котораго крокодилъ вытащилъ за косичку на берегъ, Анфиса Ивановна подозвала его, но и пономарь ничего утѣшительнаго ей не сообщилъ, а объявилъ что отъ страха у него до сихъ поръ трасутся и руки, и ноги, и что во всемъ тѣлѣ онъ чувствуетъ такую ломоту какъ будто у него всѣ кости поломавы и ломяты, а въ концѣ-концовъ показавъ косичку объяснилъ что отъ прежней у него и лодовины не осталась. Анфиса Ивановна растерялась лучше прежняго и рѣшилась проѣхать къ г. Знаменскому. Аскалiодотъ проводилъ старушку до экипажа, посадилъ ее, застегнулъ фартукъ тарантаса и Анфиса Ивановна отправилась.

Г. Знаменскій, какъ только узналъ цѣль посѣщенія Анфисы Ивановны, тотчасъ прочелъ ей письмо Общества усмиренія строптивыхъ животныхъ и статьи газетъ о морскихъ чудовищахъ и сверхъ того далъ ей честное слово что какъ только получить отъ Вольфа книги о крокодилахъ, то тотчасъ же явится къ ней почитать объ нихъ, и кончилъ тѣмъ что появленіе крокодила въ Грачевкѣ есть великое бѣдствіе грозящее превратить дамбу мѣстность въ пустыню.

Анфиса Ивановна все это выслушала и вдругъ почувствовала что ей какъ будто что-то подкатило лодъ сердце, почему въ ту же минуту оставила г. Знаменскаго и прямо отправилась къ земскому фельдшеру Нирьюту. Осмотрѣвъ старуху, фельдшеръ объявилъ ей что относительно ея здоровья положительно нѣтъ никакой опасности, что у нея просто легочное спазматическое состояніе аорты и что онъ дастъ ей амидгалину, отъ котораго все это пройдетъ; относительно же крокодила Нирьютъ высказалъ свое удивленіе что Мелитина Петровна продолжаетъ купаться и именно на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ онъ постоянно появляется. При этомъ онъ совершенно основательно замѣтилъ что если крокодилъ намѣревался поглотить Асклиподота, мушкетера довольно рослаго и плотнаго, то по всей вѣроятности поглотить даму для него будетъ несравненно легче, не говоря уже о томъ что тѣло Мелитины Петровны, какъ вообще дамское, безъ сомнѣнія вѣжливѣе и слаще грубаго тѣла Асклиподота. Анфиса Ивановна приняла калли, но услышавъ что крокодилы глотаютъ людей, послѣшила увѣхать отъ фельдшера и снова завернула къ священнику отцу Ивану.

Къ счастью на этотъ разъ она застала его дома. Но Анфиса Ивановна была уже такъ настращена что даже не обращала ни малѣйшаго вниманія на успокоительныя рѣчи отца Ивана и только твердила что въ появленіи крокодила она усматриваетъ гнѣвъ Божій и что этого всего еще мало по грѣхамъ нашимъ, такъ какъ куда ни посмотришь повсюду пьянство, развратъ; жены бросаютъ мужей своихъ, мужья женъ; дѣти колотятъ родителей; повсюду поджоги, воровство...

— Все это такъ, перебилъ ее отецъ Иванъ, — но все-таки исторія о крокодилѣ преувеличена, и я увѣренъ что это просто былъ сомъ. Въ нашей рѣкѣ, продолжалъ онъ, — сомовъ

очень много. Мать случалось ловить сомовъ пуда въ четыре и болѣе и я самъ не разъ видѣлъ какъ сомы ловили и гасали не только утокъ, но и гусей.

— Да вѣдь вашъ же сынъ, твердила Анфиса Ивановна, — рассказывалъ что видѣлъ крокодила и что насилу даже улыбалъ отъ него....

— У страха глаза велики, утѣшалъ отецъ Иванъ. — Сынъ мой малый трусоватый и очень не мудро что со страху принялъ сома за крокодила....

-- А дьячка-то за косичку тоже сомъ вытаскивалъ?

Тутъ ужъ отецъ Иванъ ничего не могъ сказать и невольно замолчалъ.

На возвратномъ пути изъ села Рычей въ свою усадьбу Анфиса Ивановна встрѣтила Ивана Максимыча. Онъ шелъ по дорогѣ и подгонялъ прутикомъ корову еде-еде тащившую ноги.

Иванъ Максимычъ былъ старикъ лѣтъ пятидесяти, съ красивымъ носомъ и прищуренными глазами. Когда-то при откулахъ служилъ онъ цѣловальникомъ, въ настоящее же время занимается лортьяжествомъ и торговлею масомъ, поставая таковое окрестнымъ помѣщикамъ. Прежде ходилъ въ длиннополыхъ сюртукахъ, въ настоящее же время вслѣдствіе проникнувшей въ село Рычи цивилизаціи, а нѣкоторымъ образомъ ловивуясь и правилами экономіи, носить коротенькіе лиджаки и въ тѣхъ же видахъ заправляетъ павталовы за салюги. Водки однако, какъ бы слѣдовало человѣку цивилизованному, Иванъ Максимычъ не пьетъ, и почему суждено ему таскать при себѣ красный носъ — остается тайной. Нѣтъ ни одного человѣка въ околоткѣ, нѣтъ ни одного ребенка который не зналъ бы Ивана Максимыча. Онъ всегда говорилъ прибаутками, часто употреблялъ въ разговорахъ: *съ волкомъ двадцать, сорокъ пятнадцать, съ кургузые, одинъ безъ хвоста* и т. п. И повтому какъ только бывало завидать его идущимъ въ фуражкѣ надѣтой на затылокъ, такъ сейчасъ же говорили: „Вонъ съ волкомъ двадцать идетъ!“ Иванъ Максимычъ былъ мѣстною ходячею газетой. Рыская по вѣстямъ окрестнымъ деревнямъ и разыскивая коровъ доживающихъ послѣдніе дни свои съ гуманною цѣлю поскорѣе закончить ихъ страданія, онъ все видѣлъ и все зналъ, рассказывалъ все видѣнное и слышанное довольно оригинально и потому болтовня его слушалась довольно охотно, хотя и была однообразна.

Увидавъ Ивана Максимыча, Анфиса Ивановна приказала кучеру остановиться.

— Слышалъ? проговорила Анфиса Ивановна, подозвавъ къ себѣ Ивана Максимыча.

— Насчетъ чего это? спросилъ онъ, снимая фуражку и подходя къ тарантасу.

— О крокодилъ-то?

— О, насчетъ крокодильныхъ дѣловъ-то! проговорилъ онъ, заливаясь смѣхомъ, причеми глаза его сузились еще болѣе, а ротъ раставулся до ушей, обнаживъ искрошенные зубы. — Вотъ гдѣ грѣха-то куча! Большущій вишь, желтопузый, съ волкомъ двадцать!...

— Какъ? подхватила Анфиса Ивановна. — Развѣ ихъ двадцать?

— Сорокъ, пятнадцать, всѣ кургузые, одинъ безъ хвоста...

— Кургузые?... развѣ ты видѣлъ? добивалась Анфиса Ивановна.

— Вотъ грѣха-то куча! продолжалъ между тѣмъ Иванъ Максимычъ, даже и не подозрѣвая ужаса Анфисы Ивановны. — Должно ухарскій какой-нибудь!... Вѣдь этакъ чего добраго, крокодилъ-то пожалуй насчетъ проглатыванія займетса... и всѣхъ насъ-то!..

Анфиса Ивановна махнула рукой и приказала ѣхать. Домой Анфиса Ивановна воротилась чуть живая, и несмотря на то что по приѣздѣ привяла тройную порцію калель, она чувствовала что сердце ея совершенно замираетъ. Она бросилась въ комнату Мелитины Петровны чтобы хоть отъ нея почерпнуть что-либо успокоивающее, но Мелитина Петровна, увидавъ тетку съ челчикомъ съѣхавшимъ съ затылка и съ шалью тащившеюся по полу, только расхохоталась и ничего успокоительнаго не сказала.

Анфиса Ивановна легла спать, положила возлѣ себя горючкую Домну, а у дверей спальни лакея Поталыча, чего прежде никогда не дѣлала, и несмотря на это долго не могла заснуть, а едва заснула какъ тутъ же изъ-подъ кровати показался крокодилъ и, обвивъ хвостомъ славшую на полу Домну, приподнял свое туловище по направленію къ кровати и разинувъ огненную пасть проглотилъ Анфису Ивановну!

IV.

Участокъ Анфисы Ивановны былъ не особенно большой, но за то на немъ было все что вамъ угодно: и заливные дуга, и лѣсъ, и прекрасная рѣка изобиловавшая рыбой и превосходная глина изъ которой выдѣлывались горшки почитавшіеся лучшими въ околоткѣ, а земля была до того плодородна что никто не запомнитъ чтобы на участкѣ Анфисы Ивановны былъ когда-нибудь неурожай. Домикъ Анфисы Ивановны былъ тоже небольшою, но онъ смотрѣлъ такъ уютно, окруженный зеленью сада, что невольно привлекалъ взоръ каждаго проезжавшаго и проходившаго. Въ саду этомъ не было ни одного чахлаго дерева, напротивъ все задорилось и росло самымъ здоровымъ ростомъ, обильно снабжая Анфису Ивановну и яблоками и грушами, и вишней... Люди склонные къ зависти ругали Анфису Ивановну на чемъ свѣтъ стоитъ.

— Вѣдь это чортъ знаетъ что такое, прости Господи! горячились они.—Ну посмотри сколько яблоковъ, сколько вишни! У меня въ саду хоть бы одна вишенка, а у этой старой карги вишня осыпная!... А какова пшеница-то!... И на кой чортъ, спрашивается, ей все это нужно!...

Но Анфиса Ивановна даже и не подозрѣвала что яблоки ея порождали всеобщую зависть и жила себѣ преспокойно въ своей Грачевкѣ, окруженная такими же стариками и старухами какъ и она сама.

Анфиса Ивановна была старушка лѣтъ семидесяти, маленькаго роста, сутуловатая, сухая, съ горбатымъ носомъ старавшимся какъ-будто изо всей мочи лопухать чѣмъ пахнетъ подбородокъ Анфисы Ивановны. Зубовъ у Анфисы Ивановны не было, но несмотря на это она все-таки любила покушать и пожевать. Жеваньемъ она ограничивалась только въ тѣхъ случаяхъ когда не могла проглотить недостаточно разжеваннаго. Такъ расправляясь она съ яблоками, грушами, мясомъ и высосавъ сокъ украдкой вынимала оставшее изъ рта и украдкой же бросала подъ столъ. Въѣдствие этого у того мѣста гдѣ кушала Анфиса Ивановна прислуга всегда находила комки непроглоченной пищи; таковые же комки попадались за диванами, комодами и другою мебелью.

Тѣмъ не менѣе однако Анфиса Ивановна была старушка чистоплютная, любившая даже при случаѣ щегольнуть своими старыми нарядами и турецкими шальми. Память Анфиса Ивановна утратила совершенно; ничего не помнила что было вчера, за то все что было лѣтъ тридцать, сорокъ тому назадъ она помнила превосходно. Когда-то Анфиса Ивановна была замужемъ, но давно уже овдовѣла и, овдовѣвъ, въ другой разъ замужъ не выходила. Поговаривали что въ этомъ ей не было никакой надобности, такъ какъ по сосѣдству проживалъ какой-то капиталъ тоже давно умершій, но все это было такъ давно и Анфиса Ивановна была такъ стара что даже трудно вѣрилось чтобъ Анфиса Ивановна могла когда-нибудь быть молодою и увлекательною. Дѣтей у Анфисы Ивановны ни при замужествѣ, ни послѣ такового не было. Она была совершенно одна, такъ какъ племянница Мелитина Петровна прѣѣхала къ старухѣ очень недавно и не болѣе какъ за мѣсяць до начала настоящаго разказа.

Прислуга Анфисы Ивановны отличалась тѣмъ что у каждаго служащаго была непременно какая-то старческая слабость къ своему дѣлу. Такъ на примѣръ экономка Дарья Федоровна была помѣшана на вареньяхъ и соленьяхъ. Буфетчикъ, оныя же и лакей, Поталычъ только и зналъ что обметалъ лыль и перетиралъ посуду и каждая вещь имѣла у него собственное свое имя. Такъ на примѣръ одинъ стаканъ назывался у него Ваняткой, другой Николкой; кружка же изъ которой обыкновенно пила Анфиса Ивановна называлась Анфиской. Горничная Домна не на шутку тосковала когда ей нечего было штопать; прикащикъ же Захаръ Зотычъ былъ рѣшительно помѣшанъ на веденіи конторскихъ книгъ и разныхъ отчетовъ и вѣдомостей. Всѣ эти старики и старухи жили при Анфисѣ Ивановнѣ съ молодыхъ лѣтъ и ничего нѣтъ удивительнаго что всѣ они сжились такъ что трудно было бы существовать одному безъ другаго. Всѣмъ имъ было ассигновано жалованье, но никогда и никто его не спрашивалъ, потому что никому деньги не были нужны. Жалованья этого такимъ образомъ накопилось столько что еслибы всѣ служащіе вздумали одновременно потребовать его, то Анфисѣ Ивановнѣ нечѣмъ было бы расплатиться. Но жалованья никто не требовалъ и Анфиса Ивановна даже и не помышляла о выдачѣ такового. Да и зачѣмъ? Каждый

имѣлъ все что ему было нужно и каждый смотрѣлъ на погребъ и кладовыя Анфисы Ивановны какъ на свою собственность, какъ на нѣчто общее, принадлежащее всѣмъ имъ, а не одной Анфисѣ Ивановнѣ; зачѣмъ же тутъ жалованье?...

V.

До пріѣзда въ Грачевку племянницы Мелитины Петровны жизнь въ Грачевкѣ текла самымъ мирнымъ образомъ. Анфиса Ивановна вставала рано, умывалась и начинала утреннюю молитву. Молилась она долго, стоя почти все время на коленяхъ. Затѣмъ вмѣстѣ съ эконожкой Дарьей Федоровной садилась пить чай, во время котораго являлся иногда управляющій Зотычъ, при появленіи котораго Анфиса Ивановна всегда чувствовала нѣкоторый трепетъ, такъ какъ появленіе управляющаго почти всегда сопровождалось какою-нибудь неприятностью.

— Ты что? спросить бывало Анфиса Ивановна.

— Да что? Дьяволъ-то энтотъ вѣдь опять прислалъ.

— Какой дьяволъ?

— Да мировой-то!

— Опять?

— Опять.

— Зачѣмъ?

— Самихъ васъ въ камеру требуетъ и требуетъ чтобы вы подписались на повѣсткѣ.

И Зотычъ подаетъ повѣстку.

— Что же мнѣ дѣлать теперь?

— Говорю, пожалуйте на него предводителю. Надо же его унять; вѣдь этакъ онъ, дьяволъ, васъ до смерти затаскаетъ!

— Да зачѣмъ я ему словадобилась?

— Да по Тришкинскому дѣлу...

— Какое токое Тришкинское дѣло?

— О самоуправствѣ. Тришка былъ долженъ вамъ за корову сорокъ рублей и два года не платилъ. Я по вашему приказанію свезъ у него съ загонъ горохъ, обмолотилъ его и продалъ. Сорокъ рублей получилъ; а остальные ему отдалъ.

— Значитъ квитъ! возражаетъ Анфиса Ивановна.

— Когда вотъ отсидите въ острогѣ тогда и будетъ квитъ!

— Да вѣдь Тришка былъ долженъ?

- Долженъ.
 — Два года не платилъ?
 — Два года.
 — Ты ничего лишняго не взялъ?
 — Ничего.
 — Такъ за что же въ острогъ?
 — Не имѣли вишь права приказывать управляющему...
 — Я кажется никогда тебѣ и не приказывала...
 — Нѣтъ ужъ это дудки, приказывали.
 — Что-то я не помню, фантазировать старуха.
 — Нѣтъ, у меня свидѣтели есть. Коли такое дѣло, такъ я свидѣтелей представляю... Что же мнѣ изъ-за вашей глупости въ острогъ идти что ли!.. Нѣтъ, покорно благодарю.
 — Да за что же въ острогъ-то?
 — А за то что вы не имѣли никакого права приказывать мнѣ продать чужой горохъ... Это самоуправство...
 — Да вѣдь ты продавалъ!
 — А приказъ былъ вашъ.
 — Стало-быть меня въ острогъ?
 — Похоже на то!
 — Такъ это выходитъ процессъ! перебиваетъ его Анфиса Ивановна.

И побѣднѣвъ какъ полотно она запрокидывается на спинку кресла. Слово процессъ пугаетъ ее даже болѣе острога. Она лишилась аплетита и ложилась въ постель. Но случаи подобныя описанной случались весьма рѣдко, а потому настолько же рѣдко возмущалась и вселенный порядокъ жизни.

Налившись чаю Анфиса Ивановна отправлялась въ садъ и бесѣдовала съ садовникомъ, отставнымъ драгуномъ Брагинымъ, у котораго тоже была слабость цѣлый день колотиться въ саду, мотыжить, подчищать и подлушивать. Съ нимъ заводила она разговоръ про разные баталіи; старый драгунъ оживлялся и, опираясь на долоту, начиналъ разказывать про битвы въ которыхъ онъ участвовалъ. Анфиса Ивановна слушала со вниманіемъ не сводя глазъ съ Брагина, качала головой, хмурила брови, а когда дѣло становилось чрезчуръ уже жаркимъ, она блѣднѣла и начинала послѣшню креститься.

Наговорившись вдоволь съ Брагинымъ, Анфиса Ивановна возвращалась домой, садилась въ угольной комнатѣ къ окошечку и призвавъ Домну начинала съ ней бесѣдовать. Въ бесѣдахъ этихъ большею частію воспоминалось прежнее житье-

быть и иногда рѣчь заходила о капитанѣ, но тяжелыя воспоминаія дней этихъ (капитанъ, говорятъ, ее очень билъ) какъ-то невольно обрывали нить разговора и Анфиса Ивановна говорила обыкновенно:

— Ну, не будемъ вспоминать про него. Дай Богъ ему царство небесное и пусть Господь проститъ ему все то что онъ мнѣ натворилъ!

Во время разговоровъ этихъ Анфиса Ивановна вазала обыкновенно носки. Вязаніе носокъ было ея любимымъ занятіемъ и такъ какъ у нея не было родныхъ которыхъ она могла бы снабжать ими, то она дарила носки предводителю, исправнику, становому и другимъ. Но при этомъ соблюдалась рани. Такъ, напримеръ, предводителю вазала она тонкіе носки, исправнику потолще, а становому вовсе толстые. Анфиса Ивановна даже подарила однажды дюжину носокъ архіерею, но связала ихъ не изъ витока, а изъ шелку, за что архіерей по просьбѣ Анфисы Ивановны посвятилъ въ стихарь рычскаго причетника.

Къ двѣнадцати часамъ Поталычъ накрывалъ уже на столъ, раза два или три обходя всѣ комнаты и обтерѣвъ пыль. Столъ для обѣда онъ всегда ставилъ круглымъ и прежде чѣмъ поставить его всегда смотрѣлъ на вѣнечный въ потолокъ крючокъ для люстры, чтобы столъ былъ по срединѣ комнаты. Въ половинѣ перваго миска была уже на столѣ и Поталычъ отправлялся къ Анфисѣ Ивановнѣ и проговаривалъ: *кушайте пожалуйста*. Во время обѣда Поталычъ всегда стоялъ позади Анфисы Ивановны, приложивъ тарелку къ правой сторонѣ груди. Поталычъ въ это время принималъ всегда торжественный видъ, поднималъ голову и смотрѣлъ прямо въ макушку Анфисы Ивановны. Но несмотря однако на этотъ торжественный видъ онъ все-таки не бросалъ своей привычки ходить безъ галстука, въ суконныхъ мягкихъ туфляхъ и вступать съ Анфисой Ивановной въ разговоры.

— Ну чего смотрите! чего трете! проговаривалъ онъ оскорбленнымъ голосомъ, замѣтивъ что Анфиса Ивановна разглядываетъ и вытираетъ тарелку. — Небось ужъ не подамъ грязной; двадцать разъ перетиралъ...

— У меня ужъ такая привычка! оправдывалась Анфиса Ивановна.

— Пора ужъ бросить ее!... Что вы Англичанка что ли какая что тарелки-то чистыя вытираете.

Если же Анфисъ Ивановнѣ случалось какимъ бы то ни было образомъ разбить стаканъ или рюмку, то Поталычъ положительно выходилъ изъ себя.

— Что у васъ рукъ что ли нѣтъ! Ну что вы посуду-то колотите! Маленькія что ли! И глядя на собранные осколки онъ начиналъ причитывать:—Эхъ, ты моя Сонька, Сонька! Сколько лѣтъ я тебя берегъ и ходилъ, всегда тебя въ уголокъ буфета рядомъ съ Анфиской ставилъ, а теперь кончилось твое житье!

— Ну, будетъ тебѣ, Поталычъ! перебиваетъ его Анфиса Ивановна.—Полю тебѣ плакать-то! воѣ тамъ будемъ рано или поздно!

И бывало вздохнетъ.

Послѣ обѣда Анфиса Ивановна отправлялась въ свою уютную чистенькую комнатку и, олутившись въ кресло, предавалась дремотѣ, послѣ чего приказывала обыкновенно заложить лошадей и отправлялась или кататься, или въ село Рычи къ отцу Ивану. Но поѣздки эти удавались ей не всегда и очень часто Домна, ходившая къ кучеру съ приказаніемъ заложить лошадей, возвращалась и объявляла что кучеръ закладываетъ лошадей не хочетъ.

— Это отчего?

— Некогда, говорить.

— Что же онъ дѣлаетъ?

— Табакъ съ золой перетираетъ. Нюхать, говорить, мнѣ нечего, а я, говорить, безъ табаку минуты быть не могу.

— Да что онъ съ ума сошелъ что ли? сердится Анфиса Ивановна.—Ступай и скажи ему чтобы сію минуту закладывалъ; что до его табаку мнѣ дѣла нѣтъ; что дескать барыня гнѣвается и требуетъ чтобы лошади были заложены.

— Ну что? спрашиваетъ Анфиса Ивановна возвратившуюся Домну.

— Не ѣдетъ.

— Что же онъ говорить?

— Не поѣду, говорить, безъ табаку; хоть сейчасъ расчетъ давай!

— Такъ я же его сейчасъ и разочту! вскрикиваетъ Анфиса Ивановна и обратясь къ Домнѣ говоритъ ласково:—Домашенька, сходи, душенька, къ Зотычу и скажи ему чтобъ онъ привезъ конторскую книгу. Домна уходитъ, а Анфиса Ивановна принимается ходить по комнатѣ и осматривать

на каретникъ въ надеждѣ что кучеръ оломится и посты-
шить исполнить ея приказаніе, но каретникъ попрежнему
не растворялся. Являлся Зотычъ съ книгою и присловялся
къ притоакъ: „Ну вотъ молъ я, чего тебѣ еще книга сло-
вадобилась!“

— Захаръ Зотычъ! начинается Анфиса Ивановна.—Кучеръ
выходить у меня изъ повиновенія и потому сейчасъ же ра-
зочти и чтобъ его сегодня же здѣсь не было. Слышишь?

— Слышу.

— Такъ вотъ разочти.

— Денегъ пожадуйте.

— Развѣ въ конторѣ нѣтъ?

— Откуда же онѣ будутъ въ конторѣ-то?

— Сосчитай сколько ему приходится.

Зотычъ развертываетъ книгу и находитъ ту страницу на
которой записанъ кучеръ Абакумъ Трофимычъ. Онъ указы-
ваетъ пальцемъ: на, молъ, смотри.

— Онъ сколько получаетъ въ мѣсяцъ?

Зотычъ молча указываетъ пальцемъ.

— А давно онъ живетъ?

Зотычъ передвигаетъ палецъ и указываетъ сколько лѣтъ
живетъ кучеръ. Оказывается что живетъ онъ 38 лѣтъ.

— Сколько же ему приходится? спрашиваетъ Анфиса Ива-
новна уже немного потише и Зотычъ снова передвигаетъ
палецъ и указываетъ на итогъ.

— Да ты что мнѣ все пальцемъ-то тычешь! говоритъ Ан-
фиса Ивановна.—Что у тебя языкъ что ли отвалился что ты
не можешь мнѣ отвѣтить. Ну сколько же приходится?

— За вычетомъ полученныхъ въ разное время кучеру при-
ходится получить 286 руб. 40 коп., отвѣчаетъ Зотычъ и смо-
трить на Анфису Ивановну какъ будто желая сказать: что,
ловко?

— Такъ въ конторѣ денегъ нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Ну хорошо, ступай! Я денегъ найду и тогда пришаю за
тобой.

Ладно, думаетъ Зотычъ и уходитъ и видитъ какъ въ сѣ-
няхъ кучеръ Абакумъ Трофимычъ, сядя на какомъ-то отруб-
кѣ и ущемивъ колѣнками какую-то стулу, преспокойно рас-
тираетъ себѣ табакъ и даже не взглянулъ на проходившаго
мимо съ книгою подъ мышкой управляющаго.

Но въ большинствѣ случаевъ кучеръ непрекословно закладывалъ лошадей и отправлялся съ барыней по указаннымъ направленіямъ. Абакумъ всегда усаживался на козлахъ какъ можно покойнѣе, клалъ свои локти на козла и почти вовсе не правилъ лошадьми, отъ чего очень часто случалось что проѣзжая околицы, тарантасъ задними колесами зацѣплялъ за веревы и выворачивалъ ихъ вонъ.

— Ты вовсе не смотришь куда ѣдешь! вскрикнетъ бывало Анфиса Ивановна.

— Какъ же я назадъ-то смотрѣть могу! возразитъ Абакумъ.— Чудное дѣло! Точно у меня глаза-то въ затылкѣ.

И начнеть бывало свой носъ словно трубку набивать табакомъ. Очень часто табакъ этотъ вѣтромъ относало прямо въ глаза Анфисѣ Ивановнѣ и она говорила:

— Послушай, ты какъ-нибудь поосторожнѣй нюхай, а то твой табакъ мнѣ прямо въ глаза летитъ!

— Это ничего! отвѣчаетъ кучеръ.— Табакъ даже нарочно въ глаза пускаютъ. Отъ этого зрѣніе прочищается.

Послѣ ужина Анфиса Ивановна послѣшно отправлялась въ спальную, гдѣ Домна успѣла уже приготовить для барыни постель. Помолвившись и перекрестивъ постель, дверь и окна, чтобы никто не вѣзъ, Анфиса Ивановна укладывалась и свернувшись въ клубочекъ засыпала, а съ нею вмѣстѣ засыпала и вся усадьба. И тогда-то среди этой воцарившейся безмолвной тишины охватившей всю усадьбу, среди этой темной молчаливой ночи успѣвшей бережно укутать своимъ густымъ покрываломъ все окружающее, выходилъ изъ своей кобуры страдавшій бессонницей ночной сторожъ Карлъ, шагъ переваливаясь по разнымъ направленіямъ усадьбы и неустанно колотилъ своею колотушкой вплоть до самаго разсвѣта!..

VI

Такъ проживала Анфиса Ивановна нѣсколько десятковъ лѣтъ, какъ вдругъ за мѣсяць до начала настоящей ловѣсти, часовъ въ шесть вечера, подъѣхала къ дому Анфисы Ивановны телѣжка запряженная парой лошадей. Изъ телѣжки вышла въ какомъ-то рыженькомъ бурнусѣ съ небольшимъ сакъ-вожемъ на рукѣ молодая свѣженькая дамочка. Вбѣжавъ на крыльцо, она весело спросила Поталыча: дома ли Анфиса

Ивановна? и узнавъ что дома, вошла безъ церемоніи въ залу и увидавъ въ залѣ старушку съ любопытствомъ смотрѣвшую въ окно на подѣхавшую лару, сейчасъ догадалась что старушка эта Анфиса Ивановна. Приѣхавшая послѣднѣю подѣхала къ ней и обнявъ старушку отрекомендовалась что она ея племянница Мелитина Петровна Скрабина и принялась напоминать ей о себѣ. Мелитина Петровна передала что она дочь ея покойнаго брата Петра Ивановича, которую она, Анфиса Ивановна, разъ только видѣла и то тогда когда Мелитина Петровна была еще груднымъ ребенкомъ. Что годъ тому назадъ она вышла замужъ за штабсъ-капитана Скрабина, который служилъ при взятіи Ташкента подъ начальствомъ генерала Чернаева, нынѣ отправился въ Сербію добровольцемъ, посоветовавъ ей на время войны ѣхать къ тетущкѣ Анфисѣ Ивановнѣ, что она и исполнила. Затѣмъ Мелитина Петровна разказала что въ вагонѣ встрѣтилась она съ Аскапидотомъ Психологовымъ, доѣхала съ нимъ отъ желѣзной дороги до села Рычей, а затѣмъ попросила улатить ямщику два рубля, такъ какъ выхода изъ вагона она потеряла свой портъ-моне. Анфиса Ивановна улатила деньги и приказала подать чаю. Мелитина Петровна вышла на балконъ, пришла въ восхищеніе отъ клумбы розановъ, воткнула въ косу одинъ цвѣтокъ, жадно вдыхала ароматичный воздухъ и объявила что лѣтомъ только и можно жить въ деревнѣ, причемъ кстати обругала петербургскій климатъ. За чаемъ, который пили тоже на балконѣ, Мелитина Петровна разказала что всю дорогу, начиная отъ Москвы и до послѣдней станціи желѣзной дороги, она только и говорила съ Аскапидотомъ Психологовымъ что объ ней и потому она теперь какъ будто знакома съ ней уже нѣсколько лѣтъ; знаетъ ея привычки, образъ жизни и употребить все стараніе чтобы быть ей пріятною и заслужить ея расположеніе. Говоря все это Мелитина Петровна намазывала на хлѣбъ масло, подкладывала въ чашку сахаръ, попросила Дарью Федоровну наливать ей чай покрѣпче и держала себя такъ какъ будто и въ самомъ дѣлѣ нѣсколько лѣтъ знакома уже съ Анфисой Ивановной. Послѣ чая, узнавъ что на рѣкѣ есть удобное мѣсто для куланья, завязала въ узелокъ лодотенце, мыло, мочалку и, попросивъ указать ей мѣсто, отправилась кулаться. Ужинала Мелитина Петровна съ аллетитомъ, хвалила кушанья, а отъ варенца подававшагося вмѣсто пирожнаго пришла въ

восторгъ и объявила что за такой варенецъ надо заплатить въ Петербургѣ никакъ не менѣе трехъ рублей.

Уложивъ Мелитиву Петровну спать, Анфиса Ивановна собрала въ свою спальную и Дарью Федоровну, и Домну и вмѣстѣ съ ними начала припоминать подробности посѣщенія брата Петра Ивановича.

— Вотъ я не припомню хорошенько, говорила Анфиса Ивановна, — былъ ли въ то время братъ Петръ Ивановичъ женатымъ или вдовцомъ.

— Кажись вдовцомъ! прошептала Дарья Федоровна.

— Ой женатымъ! подхватила Домна. — Я помню что съ нимъ пріѣзжала какая-то дама, красивая, высокая, румяная...

— Это была не жена, а кормилица!

— Нѣтъ, жена. Я какъ теперь помню, была имъ отведена угольная комната и они въ одной комнатѣ спали... и кровать была одна, накрытая кисейнымъ пологомъ отъ комаровъ.

— Ты все перелутада, Домна! говоритъ Анфиса Ивановна. — Кровать съ пологомъ мы устраивали для архіерея, когда онъ ночевалъ у насъ.

— А гдѣ же дама-то спала?

— Съ архіереемъ не было никакой дамы.

— Съ кѣмъ же дама пріѣзжала?

И старухи умолакали и углублялись въ воспоминанія. Но какъ онѣ ни хлопотали, ничего припомнить не могли и, напротивъ, спутались еще болѣе и въ воспоминаніяхъ этихъ Петръ Ивановичъ то оказывался холостымъ, то женатымъ и пріѣзжавшимъ вмѣстѣ съ женой, но безъ ребенка, то вдовцомъ съ кормилицей и ребенкомъ. То представлялся онъ имъ хромымъ, то гусаромъ съ длинными усами, стройнымъ, левкимъ и лихимъ. Наконецъ дошло до того ужъ что Петръ Ивановичъ никогда даже и не пріѣзжалъ и что Мелитива Петровна все наврала и никогда въ Грачевкѣ груднымъ ребенкомъ не была... Позвали Потапыча; стали спрашивать его: не припомнить ли онъ, пріѣзжалъ ли лѣтъ двадцать тому назадъ Петръ Ивановичъ съ кормилицей и съ груднымъ ребенкомъ? Потапычъ тутъ же припомнилъ.

— Да какъ же! почти вскрикнулъ онъ. — Извѣстно пріѣзжалъ съ ребенкомъ и съ кормилицей. Еще помните разъ, опасая объѣда, ребенокъ потянулъ за скатерть и всю посуду переколотилъ!

— Такъ, такъ, такъ, затараторили старухи и въ ту же минуту въ ихъ ламата воскресла вся картина прїѣзда Петра Ивановича со всѣми ея мельчайшими подробностями. Вспомнили что дѣйствительно дѣтъ двадцать тому назадъ Петръ Ивановичъ прїѣзжалъ въ Грачевку вдовцомъ съ ребенкомъ и кормилицей и прогостилъ недѣли три. Что кормилица была очень красивая, бѣлая, стройная, чернобровая и спала вмѣстѣ съ ребенкомъ въ угольной комнатѣ, а Петръ Ивановичъ въ гостиной, на диванѣ. Но какого пола былъ ребенокъ— они рѣшительно припомнить не могли, а такъ какъ на часахъ пробило уже двѣнадцать часовъ ночи и всѣ они уже дремали, то порѣшили что вѣроятно ребенокъ былъ дѣвочка, такъ какъ отецъ ужь никоимъ образомъ при крещеніи ребенка не назвалъ бы мальчика Мелитиной, ибо Мелитина имя женское.

На слѣдующій день Анфиса Ивановна по случаю прїѣзда племянницы встала ранѣе обыкновеннаго и произвела даже нѣкоторое измѣненіе въ своемъ туалетѣ, накрывъ голову какимъ-то чепцомъ, который называла она *уборомъ*. Но несмотря на то что старуха была на ногахъ ранѣе обыкновеннаго, Мелитина Петровна все-таки предупредила ее и успѣла уже сходить на рѣку и искупаться, обойти весь садъ, попокатать съ Брагиннымъ и побывать на гончарномъ заводѣ. Мелитина Петровна была въ восторгѣ и отъ Грачевки, и отъ сада, гончарнымъ же заводомъ осталась недовольна и объявила что горшки на немъ выдѣлываются допотопнымъ образомъ и что въ настоящее время имѣются очень простыя и удобныя приспособленія, посредствомъ которыхъ горшки выдѣлываются несравненно скорѣе и лучше. За чаемъ Мелитина Петровна расспрашивала старуху о средствахъ окрестныхъ крестьянъ, на какомъ они надѣлѣ, на большомъ или маломъ, и есть ли въ этой мѣстности заводы или фабрики. Она высказала при этомъ свою любовь къ заводскому дѣлу, объяснила что на заводахъ и фабрикахъ народъ гораздо развитѣе, что хлѣбопашество развиваетъ въ человѣкѣ мечтательность и идею, тогда какъ машины, перерабатывая лѣнъ, шерсть, бумагу, шелкъ и т. л., вмѣстѣ съ тѣмъ незамѣтно перерабатываютъ и человѣческій мозгъ. Она разказала что какъ-то случилось ей быть въ Шуѣ и что она пришла въ восторгъ отъ народа. Затѣмъ она спросила есть ли въ Грачевкѣ школа и, узнавъ что школы никакой не имѣется

она высказала свое сожалѣніе и слегка коснулась что вообще въ Россіи необходимо ввести обязательное обученіе; что по имѣющимся свѣдѣніямъ у насъ на восемьдесятъ четыре челоѣка приходится только одинъ учащійся, что начальныхъ школъ у насъ всего 22.400 и что поэтому увлекаться оптимизмомъ намъ не къ лицу, а надо думать объ умноженіи начальныхъ школъ, причемъ не забывать и женскаго образованія, о которомъ даже и думать не начинали.

Послѣ чая Мелитина Петровна принялась за устройство своей комнаты и Анфиса Ивановна присутствовавшая при этомъ не мало удивилась что Мелитина Петровна ставитъ кровать какъ-то наискось комнаты; но племянница объяснила ей что непременно слѣдуетъ ложиться головой къ сѣверу, такъ какъ по увѣренію германскихъ врачей этимъ устраняются многія болѣзни, и что теорію эту объясняютъ они вліаніемъ земнаго магнетизма на человѣческой организмъ.

Анфиса Ивановна все это слушала и чувствовала что въ головѣ у нея творится что-то недоброе, но болѣе всего поразила ее кровать, такъ что съ кровати этой она не слускала глазъ и все думала: какъ же это такъ выходитъ что спать надо наискось комнаты, а не вдоль стѣнки. Затѣмъ Анфиса Ивановна, какъ и всякая женщина вообще любившая подемонстрировать что у кого есть, начала разглядывать костюмъ Мелитины Петровны и нашла что платьишко на ней не мурзевое и хотя и украшалось разными бантиками и оборочками, но тѣмъ не менѣе все-таки мизерное и то же самое въ которомъ была вчера; что ботинки хотя и варшавскія, но все-таки рыженькія, съ довольно значительными изъясцами и со столбчатыми коблуками. Все это наводило Анфису Ивановну на мысль что мужъ Мелитины Петровны долженъ быть одного поля ягода съ калитаномъ и вѣроятно сорви-голова коли уѣхалъ на *сраженіе*.

Уставивъ кровать, Мелитина Петровна открыла свой чемоданикъ и вынувъ изъ него нѣсколько книгъ поставила ихъ на столъ и объявила Анфисѣ Ивановнѣ что если ей угодно нѣкоторыя изъ этихъ книгъ она ей прочтетъ; что книги очень интересныя и въ особенности расхваляла *Тайны Мадридскаго двора*, *Евгенію* и *Донъ-Карлоса*. Но Анфиса Ивановна была занята не книгами, а искоса поглядывала на чемоданикъ, гдѣ кромѣ какихъ-то товельскихъ книжечекъ перевязанныхъ бичевкой какъ-будто ничего не видѣлось.

Анфиса Ивановна спросила племянницу отчего не ставитъ она на столъ и тѣхъ книжекъ которыя перевязаны бичевой, но Мелитина Петровна объяснила что тоненькія книжечки учебныя, изданныя комитетомъ грамотности, и тутъ же послѣдила закрыть и залереть чемоданъ ключомъ, который и сунула въ карманъ своего платья.

Устроивъ комнату, Мелитина Петровна спросила, далеко ли отъ нихъ почтовая станція на которой принимаются письма, и узнавъ что таковая находится въ селѣ Рыцахъ и что почта отходить сегодня часовъ въ шесть вечера, очень обрадовалась и объявила что сегодня же отправить въ Петербургъ письмо, а когда Анфиса Ивановна спросила племянницу зачѣмъ пишетъ она въ Петербургъ если мужъ ея находится *на сраженіяхъ*, Мелитина Петровна отвѣтила что мужу съ этою почтой она писать не будетъ, а будетъ писать одному петербургскому знакомому. Послѣ обѣда Мелитина Петровна попросила у тетки бумаги и все нужное для письма, кстату выпросила и три рубля денегъ на покупку почтовыхъ марокъ, и разцѣловавъ за все это тетку ушла въ свою комнату писать письма, а Анфиса Ивановна по обыкновенію удалилась въ свою спальную. Но на этотъ разъ старушка не успѣла въ кресло подремать, а призвавъ къ себѣ Домну, начала передавать ей по секрету все видѣнное и слышанное. Анфиса Ивановна сообщила что Мелитина Петровна умѣетъ дѣлать горшки, очень любить фабрики и заводы на которыхъ выдѣлываютъ человѣческіе мозги и что спитъ не вдоль стѣнки, а вискось комнаты. Домна же въ свою очередь передала что вчера она хотѣла было приготовить Мелитинѣ Петровнѣ ночную сорочку и просила ключъ отъ чемодана, но Мелитина Петровна ей ключей не дала; что у племянницы ничего-то ровнехонько нѣтъ и что платье только одно и есть. Что же касается до бѣлья, то такового всего - навсѣ двѣ сорочки, два полотенца и штуки четыре носовыхъ платковъ. Разказъ этотъ еще болѣе убѣдилъ Анфису Ивановну что мужъ Мелитины Петровны одного поля ягода съ капитаномъ и по всей вѣроятности спустилъ все приданое жены, такъ какъ Анфиса Ивановна очень хорошо помнитъ что у покойнаго брата Петра Ивановича было 500 душъ, которыя и должны были перейти къ Мелитинѣ Петровнѣ. Затѣмъ Домна передала что и ее тоже Мелитина Петровна разспрашивала о мужикахъ, хорошо ли

они живутъ, много ли грамотныхъ, довольны ли они своимъ положеніемъ; на что она, Домна, отвѣтила ей что дѣло ея дѣльчье и что она объ этихъ дѣлахъ ничего не знаетъ.

Когда Анфиса Ивановна вышла изъ спальни, то она была очень удивлена узнавъ отъ Поталыча что Мелитина Петровна ушла лѣшкомъ въ Рычи. Анфиса Ивановна сдѣлала Поталычу выговоръ что онъ не распорядился заложить лошадей, но старый сауга объявилъ что Мелитина Петровна отъ лошадей отказалась и объявила что она любитъ ходить лѣшкомъ и никогда на лошадяхъ ѣздить не будетъ. Часовъ въ восемь вечера Мелитина Петровна воротилась и передала теткѣ что письмо она отправила, что была въ лавкѣ Александра Васильевича Соколова, купила тамъ табакъ и гильзъ для палиросъ и что встрѣтила въ лавкѣ учителя Знаменскаго и своего полутчика Асклипидота Психологова. Село Рычи ей очень понравилось, причемъ Мелитина Петровна не безъ провіи замѣтила что село это имѣетъ видъ цивилизованнаго мѣстечка, такъ какъ на базарной площади есть нѣсколько лавокъ, трактировъ, кабаковъ и даже блестятъ двѣ, три золотыя вывѣски съ надписями: *Складъ вина такого-то князя, складъ вина такого-то графа*, и кончила разказъ тѣмъ что въ селѣ напали на нее собаки и какъ она ни отмахивалась зонтикомъ, а все-таки они оборвали ей хвостъ. Тѣмъ не мѣнѣ однако Мелитина Петровна была очень довольна что побывала въ селѣ Рычахъ и объявила что платье свое она сегодня же приведетъ въ надлежащій порядокъ. Анфиса Ивановна полѣняла племянницѣ что она не приказала себѣ заложить лошадей, но Мелитина Петровна объявила и ей то же что и Поталычу, что она любитъ ходить лѣшкомъ и на лошадяхъ ѣздить не будетъ. И Мелитина Петровна, выпросивъ у Домны иголку съ ниткой, принялась чинить свое платье.

VI.

На слѣдующій день явился Асклипидотъ Психологовъ. Онъ былъ въ пестрыхъ клѣтчатыхъ панталонахъ водевильнаго пошиба, гороховомъ коротенькомъ лиджакѣ и въ луговой шляпѣ надѣтой на екренъ. Встрѣтивъ Анфису Ивановну, онъ расшаркался по театральному, выкинулъ ногами какой-то курбетъ и объявилъ что такъ какъ ему отлично

известно что Анфиса Ивановна его не долюбливаетъ (хотя бы напротивъ ей слѣдовало любить его, такъ какъ онъ ея крестный сынъ), то онъ и является съ визитомъ не къ ней, а къ своей бывшей полутчичѣ Мелитинѣ Петровнѣ. Давъ Асклиподоту приложиться къ ручкѣ, Анфиса Ивановна спросила его о здоровьѣ отца Ивана, на что Асклиподотъ, сдѣлавъ въ воздухѣ рукою жестъ, объявилъ что отца онъ сегодня не имѣлъ еще чести видѣть, такъ какъ онъ въ церкви, но что по всей вѣроятности онъ здоровъ, потому что попы никогда не хвораютъ и постоянно здоровы. Затѣмъ Асклиподотъ сообщилъ Анфисѣ Ивановнѣ что онъ опять возвратился подъ отчий кровъ, что въ учительской семинаріи въ которой онъ учился произведенъ коренной переворотъ, и онъ, убѣдившись что при такихъ переворотахъ въ семинаріи той учиться не стоить, счелъ за благо покинуть сказанный храмъ наукъ и возвратиться сюда. Затѣмъ вошла Мелитина Петровна. Асклиподотъ быстро вскочилъ со стула и очень развязно и крѣпко пожалъ ей руку. Анфиса Ивановна оставила ихъ однихъ и удалилась въ свою комнату. Мелитина Петровна, замѣтивъ это, тотчасъ же догадалась что посѣщеніе Асклиподота вѣроятно старухѣ не лонутру. Асклиподотъ пробылъ однако у Мелитины Петровны довольно долго, надымилъ табакомъ полну комнату и набросалъ на полъ столько окурковъ, что Поталычъ насилу даже собралъ ихъ. О чемъ бесѣдовали они—неизвестно, такъ какъ говорили они почти шепотомъ, а какъ только въ комнату входилъ Поталычъ съ крыломъ и полотенцемъ, такъ немедленно или умолкали совершенно, или же начинали говорить о погодѣ. Предъ прощаньемъ Мелитина Петровна увела Асклиподота въ свою комнату и довольно долго и тамъ говорила съ нимъ о чемъ-то. Наконецъ Асклиподотъ ушелъ, но встрѣтившись въ залѣ съ Анфисею Ивановною снова выкинулъ ногами курбетъ и, грозя пальцемъ, проговорилъ:

— Грѣхъ вамъ, мамашенька, что вы не любите своего крестничка! Богъ васъ за это строго накажетъ!..

„Хорошо, толкуй!“ подумала про себя Анфиса Ивановна и когда Асклиподотъ ушелъ, прибавила обращаясь къ левянничѣ:

— И въ кого только зародился такой *вѣтрогонъ*, непонимаю!..

Черезъ нѣсколько дней Домаа, ходившая въ Рычи къ обѣдѣ, сообщила Анфисѣ Ивановнѣ что Мелитина Петровна, тоже

бывшая въ церкви, стояла рядомъ съ Асклиподотомъ и долго съ нимъ болтала и смѣялась; наконецъ отецъ Иванъ, замѣтивъ это, выслалъ изъ алтаря дьякона и приказалъ объявить имъ что если они хотятъ смѣяться и болтать, то чтобы вышли изъ церкви и не мѣшали бы другимъ молиться. Дьяконъ все это объявилъ имъ басомъ, и Асклиподотъ тотчасъ же вышелъ, а Мелитина Петровна осталась въ церкви и начала усердно молиться и что послѣ обѣда отецъ Иванъ сказалъ коротенькую проповѣдь о томъ что такое храмъ Божій, что такое литургія и какъ вѣрующіе и почитающіе Бога должны держать себя въ храмѣ Его. Обо всемъ этомъ разказала Анфисѣ Ивановнѣ и сама Мелитина Петровна, похвалила отца Ивана и высказала при этомъ что она никакъ не ожидала чтобы въ деревнѣ сельскій священникъ былъ въ состояніи сдѣлать такое замѣчаніе, да еще *барыню*, и сверхъ этого наскоро сообразить на эту тему такую прекрасную проповѣдь какую онъ сказалъ.

Все это вышестъ взятое не совсѣмъ-то приходилось по вкусу Анфисѣ Ивановнѣ и пріѣздъ племянницы сдѣлался ей въ тягость, но Мелитина Петровна была не изъ тѣхъ которыя не замѣтили бы этого и не сумѣли бы поправить дѣла. Мелитина Петровна вскорѣ оказалась женщиной не только укладистой, но даже весьма предупредительною и любезною. Не прошло и двухъ дней какъ Мелитина Петровна сумѣла уже угодить Анфисѣ Ивановнѣ и приготовила ей къ обѣду такіе сырники что Анфиса Ивановна чуть не объѣлась ими. Узнавъ затѣмъ что Анфиса Ивановна очень любитъ квасъ и что хорошаго квасу никто здѣсь варить не умѣетъ, она потребовала себѣ ржаныхъ сухарей, сахару и сдѣлала сухарный квасъ, разала его по бутылкамъ, въ каждую бутылку положила по три изюминки, и когда квасъ собрался, угостила имъ Анфису Ивановну. Асклиподотъ больше не локзывался. А когда Мелитина Петровна, прочитавъ присланный мировымъ судьей заочный приговоръ, которымъ Анфиса Ивановна по извѣстному намъ *Тришкинскому процессу* приговорена къ четырехдневному аресту, съзвдаивъ къ мировому судѣ, объяснила ему что Анфису Ивановну сажать подъ арестъ не возможно и привезла старухъ мировую съ Тришкой, то Мелитина Петровна окончательно уже овладѣла сердцемъ своей тетки, которая въ ту же минуту порѣшила что Мелитина Петровна *славная бабенка*. Анфиса Ивановна раздѣловала

племянницу, примирилась съ судьей и немедленно принялась ему вязать носки изъ самой тонкой бумаги, причемъ Мелитина Петровна научила ее такъ сводить пятки какъ никогда Анфиса Ивановна не сводила.

Мелитинъ Петровнѣ было лѣтъ двадцать съ небольшимъ: это была женщина небольшого роста, тоненькая, съ приятнымъ веселымъ личикомъ, съ лаутовскими глазками, весьма бойкая, говорливая и съ прелестными каштановыми волосами. Шивильновъ она не носила, но роскошные волосы свои зачесывала назадъ и завязывала ихъ такимъ изящнымъ бантомъ что всякій шивильновъ только испортилъ бы натуральную красоту волосъ. Весь недостатокъ Мелитины Петровны заключался въ ея костюмѣ, но Анфиса Ивановна какъ только убѣдилась что племянница ея *славная бабенка*, такъ тотчасъ же подарила ей все нужное и даже прекраснаго барежу. Приподнося послѣдній, Анфиса Ивановна съ улыбкою объявила племянницѣ что барежъ этотъ она даритъ ей за *Тришкинскій процессъ*. Мелитина Петровна разцѣловала тетку, выпросила у нея еще пятьдесятъ рублей на отѣлку, отправилась въ Рычи и, закупивъ въ модномъ магазинѣ Семена Осиповича Голубева всевозможныхъ лентъ, прошивочекъ и нѣсколькочуживъ пуговицъ и выпросивъ вмѣстѣ съ тѣмъ у знакомаго намъ Ивана Максимовича швейную машину, которая по увѣренію его *шьетъ съ волкомъ двадцать*, принялась все подаренное кроить и шить. Анфиса Ивановна хотѣла было пригласить извѣстную въ околodкѣ модистку Авдотью Игнатьевну, но Мелитина Петровна объявила что она сдѣлаетъ все сама, и дѣйствительно немного погодя у нея былъ уже новый гардеробъ изъ нѣсколькихъ простенькихъ платьевъ сшитыхъ со вкусомъ и весьма ликантно выказывавшихъ всѣ ея физическія достоинства. Анфиса Ивановна не мало дивилась новому покрою платьевъ, что рукава и юлка дѣлаются изъ одной матеріи, а лифъ совершенно изъ другой, что пуговицъ проласть, а петель нѣтъ и застегивать нечего, что бантъ, который въ доброе старое время прикалывался къ волнующейся груди и взорамъ передавалъ трепеть ея, нынѣ пришивается къ сидѣнию. Но тѣмъ не менѣе платья наша она миленькими, а главное идущими къ хорошенькому личику Мелитины Петровны. Мелитина Петровна подошла къ зеркалу, полюбовалась собою и снова разцѣловала тетку. Мелитина Петровна не кокетка,

но она женщина; а какая женщина не испытываетъ тайнаго удовольствія въ увѣренности что она можетъ нравиться!..

Окончивъ работу, Мелитина Петровна прочла Анфисѣ Ивановнѣ *Донъ-Карлоса* и *Тайны Мадридскаго Двора*, и старуха осталась въ восторгѣ, въ особенноти отъ послѣднихъ, и внутренно сравнивала себя съ Изабеллой, а покойнаго капитана съ маршаломъ Примомъ.

Не менѣе Анфисы Ивановны полюбили Мелитину Петровну не только вся дворня, но даже и окрестные крестьяне. Мелитина Петровна умѣла со всѣми поладить и всякому угодить. Александръ Васильевичъ Соколовъ безпрекословно отгускалъ ей въ долгъ табакъ и гильзы и разныя конфеты, которыя она раздавала крестьянскимъ дѣтямъ. Извѣстный капиталистъ Кузьма Васильевичъ Чурносоевъ, ругавшій всѣхъ обращающихся къ нему съ просьбой дать займы денегъ, ссудилъ ее однажды серіей въ 50 рублей; портной Фаларетъ Семеновичъ, постоянно пьяный и избитый, при встрѣчѣ съ Мелитиной Петровной бросалъ фуражку вверхъ и кричалъ ура. Даже самъ церковный староста, узнавъ что Мелитина Петровна очень любитъ свѣжую осетрину съ ботвиньемъ, слеталъ въ губернскій городъ и привезъ ей живаго осетра аршина въ два длиной. Въ нѣсколько дней услѣла она познакомиться почти со всѣми бабами и мужиками и почти у всѣхъ побывала въ избахъ. Съ бабами толковала она о коровахъ, о телятахъ, о томъ какую вообще жалкую участь терпитъ баба въ крестьянской семьѣ; съ мужиками, о подушныхъ окладахъ, о нуждахъ ихъ, о господствѣ капитала надъ трудомъ, о волостныхъ суждяхъ и сходкахъ, о безграмотности старшинъ и грамотности волостныхъ писарей. Съ крестьянскими дѣвушками она купалась, не умѣвшихъ учила плавать и нырять и говорила что купанье очень полезно и что поэтому необходимо пользоваться нашимъ короткимъ лѣтомъ чтобы на зиму заластись здоровьемъ. Иногда же она просила собравшихся на купанье дѣвушекъ уйти и оставить ее одну.

Итакъ, Анфиса Ивановна успокоилась совершенно, и удивившись что племянница ее не изъ таковскихъ которыя нарушаютъ чье-бы то ни было спокойствіе, зажила попрежнему, не только не стѣсняясь ея присутствіемъ, но даже изрѣдка сѣтуя что племянница такъ мало сидитъ съ ней и большую часть дня проводить вѣдъ дома. Еще тревожило

старуху то обстоятельство что Мелитина Петровна уходя всегда запирала свою комнату ключомъ, какъ будто боялась что ее обокрадутъ, а равно и то что несмотря на большую переписку которую ведетъ Мелитина Петровна она ни разу не писала мужу и не получала ни одного письма изъ Сербіи. Она даже разъ рѣшилась спросить ее объ этомъ.

— Ужь ты не въ ссорѣ ли съ мужемъ-то? замѣтила она.

— Нисколько.

— Что-же онъ тебѣ ничего не пишетъ! Я этого не позволяю. Ну какъ не уведомить жеху что вотъ, дескать, я жива и здорова, желаю и о тебѣ узнать что-нибудь! А то на люди! Уѣхалъ себѣ на сраженья и ни слова!... Ужь онъ у тебя, милая моя, тюкнуть не любить ли?

— Что это значить тюкнуть?

— Выпить то-есть?

— Онъ пьетъ, но очень мало.

— То-то, проговорила Анфиса Ивановна.—А то у меня былъ одинъ знакомый капитанъ, продолжала она вздохнувъ,— такъ тотъ бывало такъ натюкается что ничего не помнить. Вытаращить бывало глаза, да такъ цѣлый день и ходить и то того кулакомъ треснуть, то другаго.... Это, говорить, чтобы рука не отекала!

На этомъ и кончился разговоръ, и хотя Анфиса Ивановна въ сущности ничего не узнала относительно обоюднаго молчанія супруговъ, но все-таки имѣя въ виду что штабсъ-капитанъ Скрябинъ не *тюкаетъ*, она успокоилась. И такъ, въ Грачевкѣ все пришло было въ надлежащій порядокъ, какъ вдругъ появился крокодилъ и появленіемъ своимъ надѣламъ извѣстную уже намъ суматоху.

VIII.

Несчастная Анфиса Ивановна думала того ужаснаго сна который былъ уже описанъ нами не спала всю ночь и разбудивъ Домну напрасно старалась въ разговорахъ съ нею хоть сколько-нибудь забыть ужасную дѣйствительность. О чемъ бы старушка ни говорила, какъ бы далеко ни удалялась отъ тяготившей ее мысли, а все-таки разговоръ незамѣтно сводился къ одному и тому же знаменателю. Среди разговоръ этихъ иногда склоняла ее дремота, она забывалась, во

тревожное забытiе это походило на тотъ мучительный сонъ которымъ доктора успокаиваютъ измученнаго больного давая ему морфiй. Только - что сомкнетъ Анфиса Ивановна свои отяжелѣвшiя вѣки какъ ей представляется что она приказываетъ Зотычу обнести свою усадьбу высокою кирличною стѣной съ желѣзными воротами, но Зотычъ требуетъ на покупку материаловъ денегъ, а денегъ нѣтъ и послѣднiя отдачи Мелитинѣ Петровнѣ на отдѣлку лататьевъ... То представляется ей что стѣна уже готова и что около залертыхъ желѣзныхъ воротъ ходитъ Браганъ съ ружьемъ и Анфиса Ивановна довольна и напѣваетъ: *и на штыкъ у часоваго горитъ полночная луна*.... Но вдругъ наверху стѣны показывается крокодилъ; какъ-то разгорячившись оглядываетъ овъ внутренность двора и затѣмъ, упираясь четырьмя лапами, начинаетъ спускаться внизъ, а Аскапiодотъ почтительно приподнявъ шаль говоритъ ей: „Вотъ видите, мамашенька, я говорилъ вамъ что Богъ накажетъ васъ за то что вы не любите своего крестничка!“...

За то какъ только начало свѣтать и какъ только утренная зоря заглянула въ окно возвѣщая о появленiи солнца и какъ только защебетали подъ окномъ неутомимые воробьи, такъ Анфиса Ивановна вздохнула свободнѣе и по мѣрѣ того какъ мракъ ночи бѣднѣлъ предъ свѣтомъ дня, уменьшалось и тревожное настроенiе старушки. Она уснула и на этотъ разъ проспала спокойно часовъ до восьми утра.

Тѣмъ не менѣе однако Анфиса Ивановна чувствовала себя не хорошо, хотя и принимала усердно калли фельдшера Нирьюта. Съ Мелитиной Петровной о крокодилѣ она не говорила ничего, потому что вчера еще обидѣлась на нее за то что Мелитина Петровна вмѣсто успокоительнаго слова только расхохоталась глядя на ея свалившiйся челюкъ и тащившуюся по полу шаль. Она только посоветовала лаеманницѣ не ходить кулаться, на что Мелитина Петровна сначала спросила о причинѣ, а затѣмъ узнавъ что причиною является крокодилъ, который можетъ ее проглотить, разцѣловала тетку, назвала ее трусихой и объявила что она крокодила не боится и если бы захотѣла, то давнымъ бы давно поймала его за хвостъ. Затѣмъ снова разцѣловавъ старуху, она сообщила что сейчасъ идетъ въ Рычи на почту, а вечеромъ прочтетъ ей романъ *Всадникъ безъ головы*, который вѣроятно ей попра-

вится. Немного погодя она проходила уже по двору въ своемъ хорошенькомъ холстинковомъ платьѣ, красиво подобравъ юбку, такъ чтобы дать возможность желающимъ вдоволь насмотрѣться на щегольски обутую ножку и на тонкій тѣлеснаго цвѣта чулокъ. Затѣмъ она распустила зонтикъ и скрылась за воротами.

Услыхавъ отъ племянницы что еслибы та захотѣла, то давно бы поймала крокодила, Анфисѣ Ивановнѣ пришло въ голову послать за г. Знаменскимъ и посовѣтовать ему обратиться за помощью къ Мелитинѣ Петровнѣ, тѣмъ болѣе что не далѣе какъ вчера г. Знаменскій прочелъ ей письмо, въ которомъ за доставку крокодила ему обѣщаютъ громадныя деньги. Но только-что хотѣла она послать за г. Знаменскимъ, какъ онъ появился въ комнатѣ съ цѣлою кипой газетъ подъ мышкой.

Это былъ мущина лѣтъ тридцати, высокій, длинный, со владою грудью, зеленый, худой, съ чрезвычайно болѣзненнымъ видомъ и съ глазами какъ у сухаго соленого леща. Платье сидѣло на немъ какъ на вѣшалкѣ, а такъ какъ онъ ходилъ какъ обыкновенно ходятъ семинаристы, съ какою-то перевалкой, то фалды сюртука его раскачивались свободно направо и налево. Онъ былъ въ крайне раздраженномъ состоянiи, отчего и безъ того уже болѣзненное лицо его со владыми щеками и шишковатыми скулами имѣло видъ совершенно мертваго человѣка.

Извинившись предъ Анфисой Ивановной что онъ беспокоитъ ее своимъ посѣщенiемъ, объяснилъ что, шатаясь съ утра по берегамъ рѣки Грачевки, рѣшилъ зайти къ ней немного отдохнуть. Проговоривъ это, онъ сильно закашлялся и добавилъ что онъ очень усталъ, а главное раздраженъ всѣми тѣми нечлѣвостями которыми наполняются въ настоящую минуту газеты по поводу крокодила. И проговоривъ это, онъ съ досадою швырнулъ газеты и совершенно невозможный опустился въ кресло. Анфиса Ивановна очень обрадовалась приходу г. Знаменскаго, приказала подать закуску и передала ему немедленно слова Мелитины Петровны. Но г. Знаменскій не обратилъ даже вниманiя на разговорное Анфисой Ивановной и объявилъ что у Мелитины Петровны завидный характеръ, такъ какъ она надо всѣмъ шутить и смѣется, и что о поимкѣ крокодила онъ не заботится, что крокодилъ его рукъ не минуетъ, и что какъ толь-

ко получить онь отъ Вольфа книги, то крокодилъ будетъ лойманъ, объ этомъ нечего и толковать! Но будто бѣситъ его болѣе всего то обстоятельство что газеты точно сговорились и доказываютъ что въ Грачевкѣ не крокодилъ, а какая-то гигантская змѣя, что такое нахаальство подмываетъ его ѣхать и въ Москву, и въ Петербургъ для крупныхъ объясненій съ авторами этихъ недобросовѣстныхъ статей. Затѣмъ онь олять закашлялся, а немного погодя, отдохнувъ отъ кашля, высказалъ свое глубокое презрѣніе къ тѣмъ людямъ которые такъ легко относятся къ печатному слову и ради какого-то гаулаго гаерства затемняютъ истину искаженіемъ фактовъ.

За закуской, отъ которой впрочемъ г. Знаменскій отказался объявивъ что ему теперь не до ѣды, Анфиса Ивановна сообщила ему что по словамъ Ивана Максимовича, крокодиловъ не одинъ, а двадцать, что они прибыли изъ Петербурга всѣ кургузые, а одинъ безъ хвоста. Услыхавъ это, г. Знаменскій расхохотался и объяснилъ старухѣ что крокодилъ только одинъ, за это онь ручается, а что Иванъ Максимовичъ всегда говорить съ волкомъ двадцать. Вспомнивъ дѣйствительно поговорку Ивана Максимовича, разсмѣялась въ свою очередь и Анфиса Ивановна и не мало удивилась что вчера, встрѣтившись съ Иваномъ Максимовичемъ, она и забыла совершенно про его манеру говорить. Затѣмъ г. Знаменскій успокоилъ Анфису Ивановну еще и тѣмъ что если она не будетъ ходить на рѣку и въ камыши и ограничится прогулками по саду и по дому, то ей нечего опасаться быть проглатанною крокодиломъ, такъ какъ животное это ни въ садъ обнесенный заборомъ, ни въ домъ никоимъ образомъ не поидеть. Послѣ этого, собравъ всѣ свои газеты, г. Знаменскій распростился съ Анфисой Ивановной и, повторивъ еще разъ что крокодилъ его рукъ не минуетъ, зашагалъ по дорогѣ ведущей въ село Рычи.

Посѣщеніе это подѣйствовало на Анфису Ивановну несравненно благотворнѣе капель пролисаныхъ фельдшеромъ Нарыотомъ, такъ что старушка совершенно успокоилась, выкинула за окно лузырекъ съ каплями и отправилась въ садъ потолковать съ Брагинымъ о войнѣ 12 года.

Предъ обѣдомъ возвратилась Мелитина Петровна и разказала теткѣ что на обратномъ пути ей встрѣтилася Знаменскій, остановилъ ее среди поля и, ухвативъ ее крѣпко

за руку, принялась читать ей газетныя статьи о морскихъ чудовищахъ и, окончивъ чтеніе, принялась ругать авторовъ этихъ статей, не понимающихъ что Грачевка не Норвегія, ни Оркнейскіе острова, что онъ не калитанъ Древаръ и не епископъ Повтолидагъ, а учитель Знаменскій, и кончила тѣмъ что объявляла ей: если дѣло этимъ не кончится, то онъ перестрѣляетъ всѣхъ этихъ писателей искажающихъ истину.

— Ну что же ты? спросила Анфиса Ивановна.

— Я прозвала его. *Донъ - Кихотомъ* и посоветовала ему зайти къ фельдшеру Нирьюту.

И Милетина Петровна, весело расхохотавшись, принялась обнимать и цѣловать тетку и обѣщала ей прочесть когда-нибудь *Донъ-Кихота*, такъ какъ Анфиса Ивановна думала что это какой-нибудь генералъ тоже сражающійся въ Сербіи.

Вечеромъ Милетина Петровна начала чтеніе *Всадника безъ головы*, и чтеніе это такъ заинтересовало Анфису Ивановну что она прослушала до двѣнадцати часовъ ночи и только въ первомъ часу улеглась въ постель совершенно спокойная что крокодиловъ только одинъ, да и тотъ въ домъ зайти не можетъ.

IX.

Однажды вечеромъ пришелъ къ Анфисѣ Ивановнѣ отецъ Иванъ. Анфиса Ивановна очень обрадовалась увидавъ своего любимого священника, послѣшила усадить его на самое мягкое кресло и распорядилась на счетъ чая. Отецъ Иванъ объявлялъ старухѣ что онъ пришелъ къ ней провести вечеръ, что его гложетъ какая-то тоска и что онъ не знаетъ куда дѣваться ему съ этою тоской. При этомъ онъ разказалъ старухѣ что ему сильно нездоровится, но что онъ боится лечь въ постель и именно потому что не увѣренъ встанетъ ли онъ съ этой постели, или нѣтъ. Анфиса Ивановна посоветовала обратиться къ фельдшеру Нирьюту, но услышавъ отъ отца Ивана что такихъ болѣзней фельдшера лечитъ не умѣютъ и что единственный врачъ подобныхъ болѣзней есть милосердый Богъ, Анфиса Ивановна замолчала и смекнула что дѣйствительно отецъ Иванъ что-то выглядить плохо.

— Что же съ вами? спросила старуха съ участіемъ.

Отецъ Иванъ вздохнулъ и передалъ что вчера получилъ оны изъ Москвы отъ одного тамошняго священника, съ которымъ полѣтка тому назадъ вмѣстѣ учился въ семинаріи, весьма непріятное письмо.

Анфиса Ивановна спросила было что лишутъ ему, но отецъ Иванъ содержавіа письма не передалъ и олятъ повторилъ что ему тяжело, что ему скучно, и что на него нападаетъ тоска. Анфиса Ивановна почувствовала что беседа не ладится и потому очень обрадовалась когда въ комнату вошла Мелитина Петровна вся раскрасѣвшаяся и усталая, со *Справочнымъ Листкомъ* въ рукахъ. Связь поспѣшно шпалю и поздоровавшись съ теткой и съ отцомъ Иваномъ, Мелитина Петровна объявила что привнесла очень утѣшительную новость.

— Про крокодила что ли? почти вскрикнула старуха.

— Нѣтъ, не про крокодила, а про Сербію! заговорила Мелитина Петровна.—Сербы одержали побѣду и разбили Турокъ на голову.

Анфиса Ивановна пригорюнилась, потому что ей гораздо было бы пріятнѣе послушать что-нибудь про крокодила нежели про Сербію. Мелитина Петровна принялась читать извѣстіе сообщающее какъ генералъ Черняевъ взялъ штурмомъ турецкій лагерь при Бабиной Главѣ: Отецъ Иванъ слушалъ со вниманіемъ, и когда чтеніе было окончено, перекрестился.

— Помогли имъ Господи! проговорилъ оны. — Пора наконецъ избавиться имъ и вообще балканскимъ христіанамъ отъ невыносимо тяжелаго турецкаго ига. Благодареніе и нашимъ русскимъ добровольцамъ, взявшимъ за орудіе и отправившимся въ ряды Сербовъ. Сербское дѣло есть общее дѣло всѣхъ турецкихъ христіанъ. Оно настолько же сербское, насколько болгарское, герцеговинское, боснійское, оно настолько даже и русское, такъ какъ и предки наши вышли оттуда и оттуда же озарилъ насъ божественный свѣтъ христіанскаго ученія.

— А про мужа твоего ничего не напечатано? спросила Анфиса Ивановна.

— Мужъ мой мелкій офицеръ, возразила Мелитина Петровна,—последняя слица въ колесницѣ...

— Все-таки оны можетъ отличиться...

— Конечно можетъ, леребила ее Мелитина Петровна.— Когда отличится, тогда и прочтемъ, а пока еще вѣтъ ничего.

Усѣлись за чай, но только-что Дарья Федоровна принялась было разливать какъ на дворѣ посыпалась колокольчикъ. Колокольчиковъ Анфиса Ивановна тоже любавалась не на шутку, такъ какъ звукъ этихъ колокольчиковъ всегда сопровождался прибытіемъ или становаго, или исправника, которыхъ Анфиса Ивановна хотя и задабривала носками, но все-таки не долюбивала. Къ колокольчику сталъ прислушиваться и отецъ Иванъ, а когда въ передней хлопнула дверь и посыпалась чьи-то грубые шаги, то отецъ Иванъ даже и пошелъ было справиться о пріѣхавшемъ, но встрѣтился въ дверяхъ съ Поталычемъ.

— Кто это? спросила Анфиса Ивановна.

— Сотникъ изъ Рычей, за батюшкой пріѣхалъ, проговорилъ Поталычъ, показавъ глазами на отца Ивана.

Отецъ Иванъ вышелъ и немного погодя возвратясь объявилъ что къ нему пріѣхалъ становой и просить его къ себѣ.

— Вѣроятно мертвое тѣло! замѣтила Медитина Петровна.

— Нѣтъ, должно-быть не мертвое...

И отецъ Иванъ распроставшись съѣлъ вмѣстѣ съ сотникомъ на чайку и уѣхалъ.

Немного погодя онъ былъ уже дома.

Становой пилъ чай и бесѣдовалъ съ Аскапидотомъ.

— Извините что заставилъ дожидаться! проговорилъ отецъ Иванъ, поздоровавшись со становымъ.

— Ничего, отвѣчалъ становой.—Мы здѣсь съ Аскапидотомъ Иванычемъ бесѣдовали. Онъ угостилъ меня чемъ.

— Закусить чего-нибудь не угодно ли?... Водочки можетъ-быть..

— Я ужъ предлагалъ, перебилъ Аскапидотъ отца.—Они отказались.

— Это потому что хозяина не было дома, проговорилъ становой.—Безъ хозяина какъ-то неловко, а теперь другое дѣло, можно и водочки.

— Вотъ еще какія китайскія церемоніи! замѣтилъ Аскапидотъ.

— Подай-ка водки да чего-нибудь закусить! проговорилъ отецъ Иванъ обращаясь къ сыну.—Тамъ въ шкалу есть колбаса, сухари, сыръ,—неси все сюда. Еще груздочковъ принеси... Грузди хоть и не завидные, говорилъ отецъ Иванъ обращаясь къ становому,—но за то свѣженкіе, недавно посолелые, самъ собиралъ.

Аскалиподоть вышелъ изъ комнаты.

— А вы ко мнѣ по службѣ? робко спросилъ отецъ Иванъ.

— Да, по дѣлу.

— Что такое случилось?

— Особеннаго ничего, но все-таки дѣло несомнѣнно пріятное.

— Ужь не насчетъ ли сына что-нибудь? проговорилъ отецъ

Иванъ, понизивъ голосъ.

— Да, насчетъ его.

— Олять новая шалость?

— Да, олять.

— Сердце мое чувствовало... На дняхъ получилъ я письмо изъ Москвы отъ одного священника...

И вынувъ изъ кармана письмо отецъ Иванъ подалъ его становому.

— Не по этому ли дѣлу? спросилъ старикъ, стараясь скрыть наворачившіяся на глаза слезы.

Становой пробѣжалъ письмо.

— Да, по этому! проговорилъ становой возвращая письмо.

— Что же мнѣ дѣлать?

— Я совѣтовалъ бы вамъ какъ-нибудь замать это дѣло.

— Конечно, конечно.

— Съ сыномъ-то вы говорили что-нибудь? спросилъ становой.

— Нѣтъ, ничего. Тяжело какъ-то говорить мнѣ съ нимъ объ этомъ... А вы?

— Съ какой стати! Я хотѣлъ съ вами переговорить...

— Благодарю васъ.

Въ комнату вошелъ Аскалиподоть съ подносомъ на которомъ стояли водка и закуска.

— Ну-съ, вотъ вамъ и закуска и водка! началъ Аскалиподоть поставивъ подносъ на столъ.— Не принести ли еще вина какого-нибудь... У насъ кажется есть хересъ и коньякъ... За стаканомъ вина, продолжалъ Аскалиподоть,—бѣсѣда идетъ оживленнѣе, человекъ получаетъ краснорѣчіе...

— Что же, привеси... перебилъ его отецъ Иванъ.

— Я такъ и зналъ! подхватилъ Аскалиподоть,—я такъ и зналъ что батюшка прикажетъ и вина подать... Онъ тоаько со мной скулитса, а когда пріѣзжаютъ гости, то завѣтнаго ничего нѣтъ... Сколько разъ говорилъ я отцу: Батюшка, обѣдъ безъ вина, все одно что мущина безъ женщины... такъ нѣтъ!

И проговоривъ это Аскапидотъ налилъ три рюмки водки.
— Прощу! проговорилъ онъ обращаясь къ становому и къ отцу, показывая на рюмки.

Становой взглянулъ на отца Ивана.

— Покорѣннѣе прощу! проговорилъ старикъ.

Всѣ выпили.

— Прекрасно! превосходно! замѣтилъ Аскапидотъ.— Это будетъ позфективѣ чаю. Ну-съ, вы теперь побесѣдуйте, а я сію минуту привесу хересь и коньякъ.

И Аскапидотъ вышелъ въ сѣни и встрѣтивъ тамъ кухарку принялся обвинять ее и приглашать идти въ чуланъ за хересомъ.

— Какой тамъ еще хересь! отбивалась кухарка.

— Ну, иди что ли!

— Не пойду я...

— Угощу и тебя...

— Не надо, ну тѣ!...

Немого погодя и хересь и коньякъ стояли уже на столѣ, но Аскапидотъ видимо скучалъ и по всему было замѣтно что ему хотѣлось уйти. Наконецъ онъ всталъ и выпивъ рюмку водки сказалъ:

— Теперь я кажется свободенъ. Хозяинъ дома, налицо и я вѣроятно могу оставить васъ.

— Онъ вамъ не нуженъ? спросилъ отецъ Иванъ станового.

— Нисколько.

— Такъ ступай!..

Аскапидотъ расшаркался, надѣлъ фуражку и вышелъ изъ комнаты.

Давно уже стемнѣло, а отецъ Иванъ все еще бесѣдовалъ со становымъ. Но о чемъ говорили они, никто не слышалъ, только стряпуха, войдя какъ-то неожиданно въ комнату, видѣла что отецъ Иванъ сидѣлъ облокотясь на столъ, и что по сѣдымъ усамъ его текли слезы. На столѣ были разложены бумаги, одну изъ которыхъ читалъ становой, но что было написано въ этой бумагѣ неизвѣстно, потому что какъ только вошла стряпуха, такъ становой читать пересталъ. Часомъ въ двѣнадцать ночи становому были поданы лошади и онъ сталъ прощаться съ отцомъ Иваномъ.

— Вы бы переночевали! останавливалъ его старикъ.— Ночь темная, какъ разъ въ оврагъ попадете.

— Нельзя. Къ разсвѣту я долженъ быть въ городѣ, говорилъ становой, укладывая въ портфель бумаги.

— Такъ вы совѣтуете мнѣ ѣхать?

— Да это было бы вѣрнѣе. Сами вы лучше устроите... Только вы пожалуста наблюдайте чтобы сыръ вашъ никуда не скрылся... Помните что я отдалъ вамъ его на поруки.

И распростившись еще разъ съ отцомъ Иваномъ ставовой сѣлъ въ тарантасъ и уѣхалъ.

Въ селѣ Рычахъ въ это время давно уже всё спали и только на краю села, возлѣ покосившейся избушки, на крышѣ которой торчалъ длинный шестъ съ привязанною къ нему трапцедой, сидѣло нѣсколько мужиковъ и съ ними Аскалиодоть. Онъ былъ уже пьянъ и, заломивъ на бекрень фуражку, о чемъ-то горячо разсуждалъ, размахивая руками и хлопая мужиковъ по плечамъ. Мужики были тоже замѣтно выпивши и грустили.

— Вотъ и еще горе! говорилъ одинъ изъ нихъ.—Въ третьемъ году Господь градомъ посылалъ, въ прошломъ году неурожай, а теперь вишь крокодилъ какой-то завелся, народъ мотать началъ!..

— На васъ не одного, а сотню крокодиловъ напустить надо!.. подхватилъ Аскалиодоть.

— За что же это? загадали мужики.

— А за то что всё вы ослы!.. продолжалъ Аскалиодоть.— Васъ всѣхъ надо сначала въ баню, выстирать хорошенько, а послѣ бани всѣхъ перелоротъ чтобы вы поумнѣе были, а потомъ ужъ и напуститъ на васъ крокодики чтобъ они изъ васъ остающую дурь высосали.

— Что-то ты больно чудно говоришь, Склионъ Иванычъ! замѣтилъ одинъ изъ мужиковъ.

— Не Склионъ, а Аскалиодоть, подхватилъ послѣдній.— Такой святой былъ, празднуется онъ 3го июля и въ этотъ же знаменательный день умеръ Іоаннъ Скоропадскій, гетманъ малороссійскій... Вотъ что, голова съ мозгомъ!

— Тяжелыя времена подошли, нечего сказать!.. проговорилъ одинъ изъ мужиковъ.—Благодареніе Господу что еще въ нынѣшнемъ году урожай хорошій, а то хотъ душиться такъ въ ту же пору.

— А все-таки не поправимся! началъ другой.—Все мало будетъ, даромъ что урожай... Въ прошломъ году за землю не заплачено, за нынѣшній тоже... скотинушку распродали... станутъ выскивать за землю—ничего и не останется...

— А ты не плати! замѣтилъ Аскалиодоть.

- Какъ такъ?
- Ты что, росписку что ли давалъ?
- Росписокъ скажемъ что нѣтъ...
- Ну и говори что всё залагалъ!
- А мировой-то?
- И мировому говори: чисто, молъ, заплачено.
- Значить солгать по-твоему. Да вѣдь это пожалуй и опасно будетъ.
- Нѣтъ, такъ-то что-то будетъ неладно! подхватили мужики.
- А не ладно такъ плати! У господъ да у кулцовъ карманы что у половъ доагривыхъ,—много вѣзетъ, толкай знай!
- Такъ-то пожалуй доживемъ до того что и земаи давать не будутъ...
- Еще бы! подхватилъ Аскалїодоть.—И не дадутъ, съ кашей будутъ ѣсть ее.
- Чтò?
- Ничего, такъ, про себя!
- И Аскалїодоть хотѣлъ сказать еще что-то, но посыпался колокольчикъ, а немного погодя мимо бесѣдовавшихъ промчался становой въ тарантасѣ, съ сотникомъ на козлахъ.
- Зачѣмъ становой прїѣзжалъ? спросили мужики.
- Къ отцу! отвѣчалъ Аскалїодоть.
- Аль чтò случилось?..
- Случилось.
- Чтò такое?
- Пожаръ. Изъ колодца выкинуло и соломою тушить стали!
- Чудакъ голова! заговорили мужики.
- Голова на плечахъ, такъ и ноги въ сапогахъ! замѣтилъ Аскалїодоть.
- Сапоги-то на тебѣ, только отцовскіе! проговорили мужики.
- Доброму вору все влору! проговорилъ Аскалїодоть вставая съ завалины.—Ну чтò же? добавилъ онъ ероша волосы.—Угощеніе будетъ или нѣтъ? Коли будетъ, такъ прочту вамъ пожалуй побаску, а нѣтъ, такъ чортъ съ вами, домой пойдутъ!..
- Поздно, пожалуй цѣловальникъ отпереть побойтся!..
- Становой уѣхалъ, кого бояться-то!
- А коли отпереть такъ поидемъ! проговорили мужики тоже поднимаясь.—Только побаски-то твои что-то чудны больво. Кабы отецъ Иванъ послушалъ ихъ, онъ бы тебѣ матри вихры-то натеребилъ!

Аскалиподоть захохоталъ и снова надѣвъ на бекрень фуражку сталъ вмѣстѣ съ мужиками кричать сидѣльцу чтобъ отпиралъ кабакъ. Послышался изнутри стукъ, показалась въ дверяхъ сонная фигура сидѣльца и всѣ вошли въ кабакъ.

Только на разсвѣтъ возвратился Аскалиподоть домой и не мало удивился, увидавъ своего отца укладывающимъ небольшой чемоданъ въ телѣжку запряженную парой лошадей, на козлахъ которой сидѣлъ работникъ.

— Далеко? спросилъ Аскалиподоть отца.

Старикъ взглянулъ на сына. Онъ стоялъ предъ отцомъ въ фуражкѣ на бекрень съ растопыренными ногами и съ руками засунутыми въ карманы полосатыхъ панталонъ; сюртукъ былъ весь выпачканъ, галстукъ развязанъ.

— Аскалиподоть! Аскалиподоть! проговорилъ отецъ Иванъ, — Чтò съ тобой!

— Нѣтъ, серьезно. Вы далеко? доспрашивалъ Аскалиподоть.

— Далеко, мой другъ. Тороплюсь къ лѣвзду чтобъ ѣхать въ Москву.

— Разговять тоску! подхватилъ Аскалиподоть. — Счастливы вы человекъ.

— Нѣтъ, мой другъ, напротивъ, я очень несчастный.

— Счастливы! Возьмите меня съ собой!..

Но отецъ Иванъ сѣлъ уже на телѣжку, простился съ сыномъ, помолился на церковь и съ глазами полными слезъ выѣхалъ со двора.

Работница разказала Аскалиподоту что отецъ Иванъ долго поджидалъ его, часто выходилъ на крыльцо; что проводивъ ставового онъ долго ходилъ по комнатѣ, тяжело вздыхалъ и плакалъ; спать не ложился совершенно, а когда стало свѣтать, призывалъ къ себѣ работника и приказалъ заложить себѣ лошадей. Аскалиподоть все это выслушалъ, а когда работница кончила, спросилъ:

— А хересу хочешь?

Работница вдругъ закрыла лицо фартукомъ.

— Хочешь?

— Ну васъ, отстаньте!

— Хочешь? приставалъ Аскалиподоть.

— Отстаньте, говорятъ.—Лучше ступайте да выспитесь.

— Можно и это. Иди приготовь постель.

Работница зашагала по ступелькамъ комыльца и ушла въ домъ, за ней пошатываясь послѣдовалъ и Аскалиподоть.

X.

Въ то же самое утро, только-что Анфиса Ивановна проснулась въ спальню къ ней вошла Домна и объявила что ночью что-то приходило въ садъ и что садовникъ Брагинъ не хочетъ болѣе жить въ такомъ страшномъ мѣстѣ и просить сегодня же разчесть его. Анфиса Ивановна даже обмерла со страху и не замѣтила какъ книга вывалилась изъ ея рукъ. Домну била лихорадка. Позвали Брагина. Онъ вошелъ въ комнату мрачный и нахмуренный, а болѣе всего перепуганный.

— Что такое еще случилось? чуть не со слезами спросила Анфиса Ивановна.

— Я и самъ не знаю что! проговорилъ Брагинъ.—Но только оставаться у васъ я болѣе не могу. Я такихъ страховъ никогда не видывалъ.

— Да что такое? говори ради Бога.

— А вотъ что. Должно-быть такъ часу во второмъ ночи вышелъ я изъ своей сторожки и послышалось какъ будто кто-то идетъ по кустамъ сирени. Я стою и слушаю.... Шумъ раздавался и вмѣстѣ съ тѣмъ слышался какъ будто какой-то шелоть, словно какъ кто шилъ, и трескъ сухихъ сучьевъ. Я подумалъ себѣ: безпретвѣнно крестьянскіе ребяташки пришли малину воровать либо смородину; дай думаю изловлю хоть одного. Воротился въ сторожку, обулъ валенки, взялъ дубикъ и лопель. Около сирени остановился, слушаю: все тихо, ничего не слышать. А ночь была темная, хоть глазъ выколи. Я лопель по дорожкѣ къ малинѣ, какъ вдругъ направо отъ меня что-то блеснуло. Я остановился, смотрю, а напротивъ-то меня, въ кустахъ-то, два огненныхъ глаза, да прямо такъ на меня и смотрятъ.... Я такъ и присѣлъ, да какъ крикну *караулъ*.... и въ ту же секунду глаза потухли, и по кустамъ лопель такой трескъ и шумъ что я отродясь такого не слыживалъ.

— Крокодилъ! въ одинъ голосъ вскрикнули старухи.

— Такъ ты его видѣлъ? спросила Анфиса Ивановна.

— Я только видѣлъ два огненныхъ глаза.

— А когда ты закричалъ *караулъ*, ты видѣлъ какъ онъ бросился?

— Я вамъ говорю что ночь была темная, а трескъ я слышалъ, а потомъ немного погода я слышалъ какъ затрещалъ плетень, какъ будто кто-нибудь черезъ него перепрыгнулъ... На крикъ мой прибѣжалъ Карлъ съ колотушкой. Я разказалъ ему все какъ было дѣло, но только что отошли мы съ нимъ отъ этого мѣста какъ въ акаціяхъ опять послышался трескъ.... Тутъ ужъ мы давай Богъ ноги и прямо въ людскую.

— Это непременно крокодилы и непременно самка съ самцомъ! проговорила Анфиса Ивановна.—Кажется Знаменскій говорилъ мнѣ что объ эту лору они кладутъ яйца.... Ты не смотрѣлъ, яицъ тамъ не было?

— Утромъ мы всѣ туда ходили и ничего окромя двухъ окурковъ тамъ не было.

— И никакихъ слѣдовъ незамѣтно?

— Какіе же тамъ могутъ быть слѣды.... Трава точно была помята, а слѣдовъ никакихъ.... А вотъ плетень точно погнутъ и какъ разъ на томъ самомъ мѣстѣ откуда раздался трескъ. Воля ваша, Анфиса Ивановна, а вы меня разочтите, а у васъ не останусь.

Анфиса Ивановна чуть не со слезами на глазахъ принялась упрашивать Брагина не покидать ее, объяснила ему что только на него одного и надежда, такъ какъ онъ человѣкъ военный, доказавшій на службѣ свою храбрость, и дѣло кончилось тѣмъ что Брагинъ разчувствовался и рѣшился остаться, съ тѣмъ однако непременнымъ условіемъ что спать онъ будетъ не въ садовой сторожкѣ, а въ людской, вмѣстѣ съ другими.

Какъ только Анфиса Ивановна одѣлась, такъ въ ту же минуту, даже не помолвившись Богу, отправилась разказать о случившемся племянницѣ, но комната ея была еще залерта и Мелитина Петровна спала еще самымъ безмятежнымъ сномъ.

Въ это самое время къ экономкѣ Дарьѣ Федоровнѣ, сидѣвшей въ своей комнатѣ, вошелъ Иванъ Максимовичъ и помолвившись на образа, предъ которыми теплилась лампадка, присѣлъ на сундукъ.

— А я насчетъ говяжьихъ дѣловъ пришелъ справиться, проговорилъ онъ.—Корову зарѣзалъ ухарскую—оторви хвостъ! Сорокъ - пятнадцать дадь!

— Ужъ не знаю, нужна ли говядина-то! сказала экономка.

- Кухарка сказывала что вся похарчилась.
- Если похарчилась, такъ значитъ вези.
- Насчетъ задку, а то можеть и передокъ ничего?
- Нѣтъ, заднюю часть, самую лучшую.
- Говядина и толковать нечего—первый сортъ, изъ Петербурга, съ овцу... Постомъ и то не грѣхъ воть... съ волкомъ двадцать.... Ну а насчетъ крокодилаго-то, какъ дѣла идутъ?

Дарья Федоровна махнула рукой и разказала все случившееся ночью.

— Вотъ гдѣ грѣха-то куча! проговорилъ Иванъ Максимовичъ, заливаясь смѣхомъ.— Съ волкомъ двадцаты!..

Иванъ Максимовичъ покачалъ головой.

— А у батюшки-то, отца Ивана, началъ онъ немного погодя,—вчера насчетъ полицейскаго занимались, ставовой былъ.

— Чтѣ еще случилось?

— Насчетъ, вишь, петербургскаго что-то! Скорпионъ что ли онъ проывается, сывъ-то его....

— Ну?

— Сотникъ мнѣ разказывалъ.... Вишь, онъ въ Москвѣ съ пріятелемъ жилъ на одной квартирѣ.... ну и занялся по слесарному мастерству, насчетъ значитъ замочныхъ дѣловъ, да и того.... на чугунку и маршь!.. Пріятель-то слохватился, а денегъ-то нема.

— Неужто украалъ? спросила Дарья Федоровна.

— Украсть значитъ не украалъ, а такъ выходитъ по-пріятельски, по карманной части занялся, а чтобы тамъ въ Москвѣ не получить насчетъ шейнаго или затылочнаго, такъ онъ сюда тягу.... А въ изъ Москвы-то по почтовому отдѣленію бумагу съ овцу прислали, читали вишь всю ночь и то до конца не дочитали.... а какъ только разсвѣтало такъ отецъ Иванъ въ Москву, да денегъ вишь съ волкомъ двадцать ваялъ. Вотъ гдѣ грѣха-то куча!.. Насчетъ значитъ тушенія поѣхалъ хлопотать, чтобы ухарскій-то по острожному департаменту не угодила....

Возвратясь въ Рычи, Иванъ Максимовичъ зашелъ въ лавку Александра Васильевича Соколова и передалъ слышанное имъ отъ Дарьи Федоровны, и не прошло часа времени какъ въ Рычахъ всѣмъ ужь было извѣстно что въ саду Анфисы Ивановны прошлою ночью садовникъ Брагинъ видѣлъ двухъ

крокодиловъ, самца и самку, собиравшихся класть яйца. Вѣсть эта дошла и до г. Знаменскаго, услѣдовавшаго уже кое-что прочесть изъ полученныхъ отъ Вольфа книгъ, и хотя относительно ловли крокодиловъ онъ ничего подходящаго къ дѣлу не почерпнулъ, но тѣмъ не менѣе, обдумавъ серьезно предпринятое имъ, онъ составилъ довольно подробный планъ дѣйствій, каковымъ и порѣшилъ руководствоваться. Онъ убѣдился что слобы до сего времени употреблявшіеся имъ для поимки крокодила не достигали цѣли и потому оказались непримѣнимыми. Мужики которыхъ онъ обыкновенно приглашалъ, подъ конецъ наливались всегда до того что теряли всякое сознаніе и забывали не только про крокодила, но даже не помнили что именно творилось съ ними самими!... Следовательно чтобы достигнуть цѣли необходимо было придумать что-нибудь другое: подыскать людей которые относились бы къ дѣлу съ подобающею строгостію и которые не наливались бы до положенія ризъ. Только тогда, при такой обстановкѣ, можно будетъ ожидать благопріятныхъ результатовъ.

Какъ только г. Знаменскій додумался до этого, такъ въ ту же минуту вспомнилъ онъ недавно прочтенную имъ въ *Сынъ Отечества* статью объ ученыхъ обществахъ Германіи, Англіи и Франціи. Онъ вспомнилъ что вѣчто подобное происходило на сѣздахъ нѣмецкихъ естествоиспытателей; что ежегодные сѣзды эти стали все болѣе и болѣе принимать характеръ увеселительныхъ собраній, такъ что специальная цѣль въ сравненіи съ празднествами играла лишь незначительную роль. Повтому сдѣлалось необходимымъ устроить отдѣльные частные сѣзды посвященные какой-нибудь отдѣльной отрасли естествознанія. Какихъ результатовъ достигло этимъ общество естествоиспытателей, ясно доказываетъ происходившій въ университетскомъ городѣ Іенѣ, подъ предсѣдательствомъ профессора Цителли изъ Мюнхена, сѣздъ нѣмецкихъ антропологовъ и геологовъ. Ни Фирховъ изъ Берлина, ни Декенъ и Шафгаузенъ изъ Бонна, ни Фрасъ и Хельдеръ изъ Штутгарта, ни Кольманъ и Иогансъ Ранке изъ Мюнхена, никто изъ нихъ на сѣздѣ этомъ не помышлялъ объ увеселеніяхъ, а напротивъ со всею энергіей пресѣдовали предпринятую ими на себя задачу. Итакъ, ясно что сѣдуетъ воспользоваться примѣромъ нѣмецкихъ ученыхъ и образовать общество съ извѣстною специальною цѣлью.

Разработавъ и обдумавъ эту мысль, г. Знаменскій отправился осуществлять ее въ лавку Александра Васильевича Соколова. На счастье г. Знаменскаго, вся интеллигенція села Рычей какъ разъ была въ то время въ лавкѣ и бесѣдовала о появившихся въ саду Столбиковой крокодилахъ. Тутъ былъ и фельдшеръ Нирьютъ, и извѣстный капиталистъ Кузьма Васильевичъ Чурносозъ, Иванъ Максимовичъ, ветеринаръ Калитонъ Аванасьевичъ, дяконъ Космодинскій, словомъ всѣ которые съ нѣкоторымъ успѣхомъ могли бы въ предлагаемомъ обществѣ если не олицетворить, то по крайней мѣрѣ принять на себя видъ Фирховозъ, Шафгаузенозъ, Кольманозъ и другихъ.

Поздоровавшись со всѣми, г. Знаменскій объяснилъ цѣль своего прихода. Ясно и толково изложилъ онъ что дѣло о крокодилахъ оставлять въ такомъ положеніи въ какомъ находится оно въ данную минуту невозможно, что если оставить его безъ преслѣдованія, то результатомъ этой бездѣятельности очень вѣроятно будетъ то что крокодилы пологать лица и въ скоромъ будущемъ залопотать не только данную мѣстность, но, чего добраго, всю Россію и обратятъ страну эту въ нѣчто похожее на Египеть. Онъ удачно разказалъ при этомъ тѣ ужасы которыми наполняютъ крокодилы вообще всю Африку, вспомнилъ разказъ Стенли какъ, при переправѣ черезъ рѣку Маагаразу, крокодилъ схватилъ за горло осла и какъ ни билось несчастное животное, и какъ ни старались вытащить его за веревку привязанную къ шеѣ, оселъ былъ увлеченъ и скрылся подъ водой. Передалъ какъ на озерѣ Мугигева тотъ же Стенли видѣлъ какъ верховье озера отъ западнаго до восточнаго берега кишело крокодилами и что и озеро Рузизи тоже наполнено ими; прибавилъ что многое о крокодилахъ онъ могъ бы разказать имъ изъ разныхъ путешествій, но что исполнить это когда-нибудь послѣ... Всѣ слушали съ жадностію разказы г. Знаменскаго, но составить изъ среды своей общество видимо робѣли, предполагая что общество это можетъ не понравиться начальству, Иванъ же Максимовичъ прямо высказалъ свое опасеніе какъ бы за все это не досталось *насчетъ шейнаго и затылочнаго*. Въ томъ же смыслѣ высказался и Александръ Васильевичъ Соколовъ, но боялся онъ не *насчетъ шейнаго*, а *насчетъ цѣлости лавки*. Капиталистъ Кузьма Васильевичъ Чурносозъ услыжавъ про общество надудся какъ мышь на крулу

и въ ту же минуту ухватиася за карманъ. Г. Знаменскій выходилъ изъ себя доказывая что общество ихъ не общество червоныхъ вдетовъ, что правительство не только не пресѣдуетъ общество съ благонамѣренными цѣлями, но напротивъ поощряетъ ихъ, привелъ имъ нѣсколько примѣровъ того и въ концѣ концовъ указалъ имъ на Пензенскую губернію, гдѣ губернаторъ поощрялъ общества трезвости... Но ни губернаторъ, ни другіе примѣры не дѣйствовали. Пришлось послать за водкой!... Изъ лавки перебрались въ телашку. Принесли водку, Александръ Васильевичъ накрошилъ колбасы почему-то завалавшейся года три и бесѣда пошла. Водка подѣйствовала, и къ вечеру, хотя и съ нѣкоторыми отступленіями отъ правилъ общества антропологовъ, тѣмъ не менѣе общество къ великому удовольствію г. Знаменскаго сформировалось. Всѣ наши мѣру эту необходимою, всѣ сознали что крокодиловъ такъ оставлять невозможно и что начальство пожалуй спасибо не скажетъ, узнавъ что не было принято своевременно никакихъ мѣръ къ искорененію бѣдствія въ самомъ его зародышѣ. Одинъ только Иванъ Максимовичъ не пившій водки все толковалъ насчетъ *затылочнаго* и на отрѣзъ отказался отъ участія въ обществѣ. Г. Знаменскій скромно отказываясь отъ званія предсѣдателя предложилъ выбрать въ эту должность фельдшера Нирьюта, какъ человѣка все-таки знакомаго съ естественными науками. Нирьютъ былъ единогласно выбранъ. Затѣмъ приняты членами: Чурносозъ, Соколовъ, Калитовъ Аванасьевичъ и другіе, въ секретари г. Знаменскій предложилъ дьякона, пишущаго почти безъ грамматическихъ ошибокъ.

Прослышавъ что въ лавкѣ Соколова устраивается какое-то общество и что поятъ водкой, народъ началъ подваивать и предлагать себя въ члены. Явился портной Филаретъ Семеновичъ пьяный, безъ шалки и весь въ крови; прокричалъ ура! и предложилъ себя въ члены, но его тутъ же выгнали вонъ. Подѣхалъ торговецъ красными товарами Гусевъ съ пономаремъ села Рычей, которые въ ту же минуту и были выбраны въ члены. Словомъ, къ вечеру общество насчитывало у себя болѣе тридцати членовъ. Г. Знаменскій торжествовалъ. Общество составилось, оставалось только дать этому обществу названіе. Учредитель и почетный предсѣдатель г. Знаменскій предложилъ назвать его „Обществомъ ревнителей

пополненія естественной исторіи вообще и поимки грачевских крокодиловъ въ особенности“. Названіе это было принято единогласно при восторженныхъ крикахъ и всѣ принялись за качаніе учредителя, председателя и членовъ. Председатель Нирьютъ предложилъ выпить за процвѣтаніе и успѣхъ общества. Предложеніе было принято съ восторгомъ. Торжество началось и впрямь продолжилось бы до слѣдующаго дня еслибы членъ Соколовъ не оттащавъ за волосы пріѣхавшаго съ Гусевымъ пономаря. Драка эта немного освѣжила общество; принялись разнимать дравшихся, и когда благоприятные результаты были достигнуты, всѣ порѣшили что на первый разъ довольно и разошлись по домамъ.

. XI

Отецъ Иванъ былъ старикъ лѣтъ шестидесяти, бѣлый какъ лунь, благообразный, серьезный, худой, высокаго роста, съ пріятнымъ лицомъ и человекъ весьма почтенный и уважаемый въ околоткѣ. Онъ имѣлъ камлавку, набодренникъ, наперсный крестъ и Анну; былъ нѣсколько лѣтъ благочиннымъ, но въ настоящее время по старости лѣтъ отъ должности этой отказался и занимался только своимъ приходомъ. Служилъ отецъ Иванъ каждый праздникъ, служилъ благообразно, торжественно. Проловѣди говорилъ рѣдко, но если когда говорилъ, то проловѣди его были всегда продуманы, прочувствованы и такъ какъ каждое просто сказанное слово его дышало правдой, то оно и западало глубоко въ душу каждаго слушающаго. Говорилъ онъ просто, но тѣмъ не менѣе простота эта какъ бы подавляла торжественностію истины и имѣла какую-то особенно убѣждающую силу, дѣйствовавшую и на массу и на каждаго отдѣльно...

Насколько отецъ Иванъ былъ примѣрнымъ пастыремъ настолько былъ онъ и примѣрнымъ хозяиномъ. Онъ самъ за всѣмъ присматривалъ и потому домъ его былъ полная чаша и между священниками онъ слылъ за богатаго человека. И дѣйствительно, у отца Ивана деньги были и онъ этого не скрывалъ; не таился съ ними какъ таятся другіе, не клалъ ихъ украдкой въ банкъ, но старался деньгами сво-

ими приноситъ дѣйствительную пользу. Но уваженіе прихожанъ отецъ Иванъ заслужилъ не одними деньгами. Его любили болѣе всего за то что онъ былъ человѣкъ сердца.

Отецъ Иванъ былъ вдовецъ. Когда умерла его жена, у него остались дочь и сынъ. Дочери было шестнадцать лѣтъ, а сыну восемь. Оставшись одинъ съ двумя дѣтьми, старикъ сначала оробѣлъ, но робость эта мало-по-малу уступила разсудку. Дочь Серафима принялась за домашнее хозяйство, а сына своего Аскапидота отецъ Иванъ отвезъ въ духовное училище. Мальчикъ имѣлъ хорошія способности и сначала пошелъ хорошо, такъ что пріѣзжая домой привозилъ отцу всегда хорошія отмѣтки. Серафима тоже попривыкла къ хозяйству, и отецъ Иванъ мало-по-малу успокоился.

Прошелъ годъ. Встрѣтилась надобность возобновить въ церкви стѣнную живопись. Отецъ Иванъ отправился въ городъ разыскивать живописца. Въ губернскомъ городѣ отрекомендовали ему художника Жданова, молодого человѣка только что кончившаго курсъ въ Московской школѣ живописи. Отецъ Иванъ отправился къ нему, разказалъ что нужно сдѣлать для церкви и поладившись съ нимъ возвратился домой довольный и счастливый. Недѣли черезъ двѣ пріѣхалъ и живописецъ съ тремя подмастерьями. Отецъ Иванъ предложилъ ему остановиться въ его домѣ и вскорѣ пустая церковь наполнялась громомъ отъ уставляемыхъ подмостей и стукомъ молотковъ. Когда все было готово и по зыблвшимся подмосткамъ можно было взобраться подъ самый куполь, Ждановъ нарядился въ блузу и полѣзъ наверхъ съ кистями и красками. Работа шла успѣшно, и отецъ Иванъ, любясь искусствомъ нанятаго имъ художника, почти не выходилъ изъ церкви и все смотрѣлъ черезъ кулакъ на плафонъ и засматривался до того что воротясь домой не могъ поворотить шеи. Ждановъ, сверхъ того что былъ отличный художникъ, оказался и превосходнымъ человѣкомъ. Ему было лѣтъ 25 не болѣе; онъ имѣлъ старуху мать, которую содержалъ своими трудами и которая жила въ городѣ, въ собственномъ небольшомъ домикѣ оставленномъ ей мужемъ. По вечерамъ отецъ Иванъ любилъ бесѣдовать со Ждановымъ, и изъ этихъ бесѣдъ старикъ убѣдился что Ждановъ человѣкъ дѣльный, честный и съ добрымъ сердцемъ. Ждановъ тоже полюбилъ отца Ивана и всю семью. Такъ прошло нѣсколько недѣль.

Однажды Ждановъ, желая попытать свои силы въ портретной живописи, попросилъ какъ-то Серафиму позволить ему сдѣлать ея портретъ. Она согласилась, и вотъ Ждановъ принялся за портретъ и нерѣдко работая заглядывался на пріятное и симпатичное лицо дѣвушки. Отецъ Иванъ куда-то въ это время уѣзжалъ, а когда онъ возвратился и когда увидалъ совершенно уже оконченный портретъ дочери, онъ даже руками всплеснулъ.

— Боже мой! да это живая! Превосходно, превосходно!..

— Вамъ нравится? скромно спросилъ Ждановъ.

— Еще бы!

— Такъ давайте мѣняться. Я вамъ отдамъ копію, а вы мнѣ оригиналь.

Старикъ былъ пойманъ. Но такъ какъ Ждановъ ему нравился и онъ успѣлъ полюбить его какъ сына и такъ какъ по наведеннымъ справкамъ оказалось что и сердечко Серафимы Ивановны было не совсѣмъ равнодушно къ молодому живописцу, то въ концѣ концовъ дѣло покончилось полнымъ согласіемъ. Дали знать старухѣ Ждановой. Последняя, какъ только прочла письмо сына, такъ тутъ же отъ радости заплакалась, въ одну минуту наняла себѣ подводу, плакала всю дорогу и къ крыльцу дома отца Ивана пріѣхала вся въ слезахъ. У Серафимы въ это время была ея подруга, рябая и кривая дѣвушка; увидавъ ее въ слезахъ старуха Жданова зашлась слезами и крѣпко обнявъ дѣвушку завопила:

— Ангель, красавица, херувимъ писанный!..

Но когда объяснили старухѣ что это не невѣста и когда подвели къ ней Серафиму, застыдившуюся и раскрасѣвшуюся, то старуха зашлась еще пуще, упала лицомъ на плечо Серафимы и положительно вымочила ее слезами.

— Эхъ, мать-то твоя какая слезливая! проговорилъ отецъ Иванъ, похлопывая Жданова по плечу.

Кривую и рябую дѣвушку такъ и прозвали съ того времени „херувимъ писанный“.

Когда живопись въ церкви была окончена, лѣса разобраны и церковь была вымыта и убрана какъ слѣдуетъ, вошелъ отецъ Иванъ въ сопровожденіи дочери и Жданова. Онъ остановился посреди церкви и сказалъ: „Домъ Отца Моего домою молитвы наречется. Да, это правда. Достоинъ сокрушенія тотъ кто войдя въ храмъ молитвы не почувствуетъ потреб-

ности въ молитвѣ. Я молю да благословитъ Всевышній и всѣ святые Его, лики коихъ изображены здѣсь, васъ, дѣти мои, вышѣ и присно и во вѣки вѣковъ.“ И подзвавъ къ себѣ причетвика овъ приказалъ ему подать епитрахиль, надѣвъ которую проговорилъ:

— А теперъ поблагодаримъ Господа помогшаго намъ окончить труды наши.

И овъ началъ благодарственный молебень.

Въ тотъ день когда въ Рычахъ праздновалось поновленіе храма, было совершено и бракосочетаніе Серафимы со Ждановымъ. Посаженною матерью была Анфиса Ивановна, а недѣли чрезъ двѣ послѣ свадьбы молодые вмѣстѣ со старухой Ждановой, которая очень много плакала разставаясь съ отцомъ Иваномъ, уѣхали въ губернскій городъ.

Такъ шель годъ за годомъ. У Серафимы родился ребенокъ, который конечно привелъ въ восторгъ и родителей, и отца Ивана. Между тѣмъ и Аскапидотъ кончилъ курсъ въ училищѣ съ грѣхомъ пополамъ, и съ грѣхомъ же пополамъ былъ принятъ въ семинарію. Отецъ Иванъ помѣстилъ сына къ зятю, просилъ посматривать за мальчикомъ, а сыну совѣтовала учиться хорошенько.

Затѣмъ отецъ Иванъ возвратился въ свои Рычи и принялся за свои обычныя занятія. Но овъ чувствовалъ что старѣеть, что спина его какъ-то сгибается, что ноги плохо ходятъ, что сонъ становится безлокойнымъ, энергія слабѣеть, а что всего обиднѣе, что голова его какъ будто не та что была прежде!... И его тянуло на покой! Сидя на своемъ пчельникѣ овъ часто думалъ: „Богъ дастъ кончить Аскапидотъ курсъ, и если будетъ у него призваніе ко священству передамъ ему свое мѣсто. Я все для него приготовилъ, а мнѣ все, легче быть хорошимъ пастыремъ и учителемъ прихода своего. Обезлеченному матеріально легче говорить правду и дѣлать добро, а я утѣшаясь дѣятельностію сына уйду сюда. Я не буду мѣшать молодому хозяйству, я знаю что молодежь жаждетъ самостоятельности; знаю и понимаю это. Такъ ребенокъ едва стулившій на ноги силится уже ходить, а если падаетъ, то ползетъ. Подъ тѣнью этихъ деревьевъ, вблизи этого храма я выстрою себѣ келью и удаюсь. Я все отдамъ дѣтямъ и оставлю себѣ малое. Пусть дѣти наслаждаются плодами трудовъ моихъ. Я трудился для нихъ, а не для себя!...“

Несмотря однако на то что ноги у отца Ивана ходили плохо, что голова была какъ будто другая, онъ все-таки не переставалъ трудиться. Ему было только скучно, его тяготило одиночество, и онъ сталъ часто ѣздить въ городъ къ дѣтямъ, но каждый разъ возвращался домой еще болѣе скучнымъ. Дочь Серафима утѣшала его, но сынъ учился плохо и объяснялъ это отцу тѣмъ что профессора будто его притѣсняютъ, а Ждановъ говорилъ между тѣмъ что Асклипидотъ отбивается отъ рукъ, никого не слушаетъ и даже дѣлаетъ дерзости тѣмъ кто даетъ ему совѣты и просилъ отца Ивана взять отъ него Асклипидота и передать въ другія руки. Отецъ Иванъ помѣстилъ сына къ одному изъ профессоровъ семинаріи и Асклипидотъ какъ будто остепенился, но все-таки экзамена не выдержалъ и въ другой классъ не перешелъ. Прошло еще мѣсяца три и профессоръ прислалъ отцу Ивану письмо, въ которомъ просилъ взять отъ него Асклипидота, такъ какъ послѣдній ничего не слушаетъ и нѣсколько разъ напивался пьянымъ. Отецъ Иванъ поѣхалъ въ городъ, думалъ было подѣйствовать на сына строгостью, но Асклипидотъ надѣлалъ отцу дерзостей. Асклипидота снова помѣстили ко Жданову, но не прошло и мѣсяца какъ Асклипидотъ былъ исключенъ изъ семинаріи. Извѣстіе это поразило старика, онъ слегъ въ постель, и пролежалъ недѣли три, а когда оправившись отъ болѣзни онъ пріѣхалъ въ городъ, то увидалъ сына въ форменной фуражкѣ желѣзно-дорожнаго служащаго. Асклипидотъ весело встрѣтилъ отца и объявилъ что онъ служить конторщикомъ на одной изъ соседнихъ станцій, получаетъ въ мѣсяць 25 рублей, имѣетъ *перми* на безплатный проѣздъ по линіи (такъ что гуляй себѣ сколько хочешь), надѣется въ скоромъ времени получить должность помощника начальника станціи и что онъ совершенно доволенъ своимъ мѣстомъ. Отцу Ивану хотя и не понравилось что сынъ его остался неучемъ, но дѣлать было нечего и приходилось покориться печальнымъ обстоятельствамъ. Онъ сшилъ ему хорошее платье, теплое пальто, далъ денегъ и со слезами на глазахъ просилъ Асклипидота не убивать отца, подумать о собственной своей будущности и служить хорошенько на вновь избранномъ имъ поприщѣ. Мечты отца Ивана видѣть своего сына священникомъ села Рычей не осуществились, но старикъ утѣшалъ себя тѣмъ (старики всегда ухитряются разыскать что-нибудь утѣши-

тельное въ поступкахъ дѣтей своихъ) что Аскалиодотъ, не имѣя призванія къ священству, пожалуй хорошо даже сдѣлалъ что избралъ себѣ иную дорогу. Мѣсяца чрезъ два Аскалиодотъ увѣдомилъ отца что мѣсто помощника онъ получилъ, что жалованье хотя и то же, но все-таки назначеніе это есть шагъ впередъ, прислалъ ему свою фотографическую карточку въ форменной фуражкѣ на бекрень и смотрящимъ куда-то вверхъ, и звалъ къ себѣ старика погостить. Старикъ отправился, пробылъ у сына нѣсколько дней и возвратился домой совершенно довольный и счастливый. Но счастье это было непродолжительно. Не получая отъ сына мѣсяца два писемъ, отецъ Иванъ отправился на станцію, но на станціи уже не было Аскалиодота, и начальникъ станціи сообщалъ отцу Ивану что въ кассѣ былъ недочетъ, что въ недочетѣ этомъ подозрѣвается Аскалиодотъ тайно скрившійся, и что во избѣжаніе форменнаго дѣла онъ растрату внесъ изъ собственныхъ своихъ денегъ, которыя и просилъ ему возвратить. Старикъ уплатилъ начальнику сто рублей, поблагодарилъ его и, возвратясь домой, опять слегъ въ постель. Мѣсяца четыре не получалъ онъ отъ сына никакихъ извѣстій и даже не зналъ гдѣ онъ находится, какъ вдругъ неожиданно, нежданно Аскалиодотъ явился къ отцу. Старикъ глазамъ не вѣрилъ, но все-таки обрадовался и, крѣпко обнявъ сына, зарыдалъ какъ ребенокъ. Аскалиодотъ передалъ что это время онъ жилъ у какого-то помѣщика, приготовлялъ сына его въ гимназію, но такъ какъ сынъ помѣщика оказался совершенною тулицей, то онъ, Аскалиодотъ, не желая брать денегъ даромъ, мѣсто это бросилъ. Затѣмъ Аскалиодотъ высказалъ намѣреніе ложить нѣкоторое время съ отцомъ, а осенью просилъ его опредѣлить въ учительскую семинарію, такъ какъ онъ желаетъ быть народнымъ учителемъ. Отецъ Иванъ опять утѣшился. Сынъ нашелся, онъ проведетъ съ нимъ все лѣто, а осенью онъ отвезетъ его въ какую-нибудь учительскую семинарію и сынъ его будетъ учителемъ. Отецъ Иванъ устроилъ сыну комнату въ которой когда-то жила Серафима, выписалъ ему книгъ, обновилъ его жалкій костюмъ и о прошломъ не было помину. Между тѣмъ прихожане стали приходять къ отцу Ивану съ жалобами на Аскалиодота что онъ очень уже озорничаетъ, не даетъ прохода ни бабамъ, ни дѣвкамъ, наливается пьянъ, всѣхъ ругаетъ, богохульничаетъ и обижаетъ стариковъ. Отецъ

Иванъ позвалъ сына и началъ говорить ему что человекъ готовящійся быть народнымъ учителемъ не долженъ вести себя такъ какъ ведетъ онъ себя. Асклипидотъ отвѣчалъ насмѣшкой и даже не далъ отцу докончить правоученія. Осенью отецъ Иванъ повезъ сына въ учительскую семинарію гдѣ Асклипидотъ и пробылъ года два и не окончивъ курса снова явился въ Рычи.

На этотъ разъ Асклипидотъ прибылъ уже въ Рычи совершенно возмужалымъ. Онъ отпустилъ себѣ бороду, носилъ выуклыя синія очки, волосы закидывалъ назадъ и хотя курса и не кончилъ, но все-таки чувствовалъ себя вполне готовымъ быть народнымъ учителемъ. Онъ разказалъ отцу о звуковомъ методѣ, о дѣтскихъ садахъ, о географическихъ играхъ, о методѣ Фрѣбеля, много говорилъ о наглядномъ обученіи и кончилъ тѣмъ что попросилъ отца сѣздить въ земскую управу и похлопотать объ опредѣленіи его въ какую-нибудь народную школу. Отецъ Иванъ сѣздилъ къ предсѣдателю управы, и благодушный предсѣдатель далъ отцу Ивану слово при первой же открывшейся вакансіи помѣстить его сына. Асклипидотъ поблагодарилъ отца и въ ожиданіи вакансіи поселился въ его домѣ.

Въ это самое время, какъ намъ уже извѣстно, отцу Ивану опять пришлось выручать сына, для чего онъ по совѣту становаго и отправился въ Москву.

XII.

Отецъ Иванъ проѣздилъ болѣе недѣли, воротился домой вечеромъ и засталъ Асклипидота сидящимъ на крылечкѣ.

— А, батюшка!... вскрикнулъ онъ увидавъ подѣхавшаго отца.—Вотъ и вы наконецъ. А ужъ мы заждались васъ... Ну что, благополучно ли сѣздили?

Отецъ Иванъ слѣзъ съ тележки и перекрестился на церковь.

— Благополучно, отвѣчалъ отецъ,—усталъ только, спина болитъ!

— Сходите въ баньку, натритесь перцовкой и все пройдетъ!...

— Меня ужъ въ Москвѣ натерли хорошо. Долго помнить буду... такую дади баню...

— Что такъ? спросилъ Аскалиодотъ.

Но отецъ не отвѣчалъ и вошелъ въ домъ. Войдя въ залу онъ снова перекрестился и изнеможенный отъ дороги опустился на кресло, приказавъ подать себѣ чаю...

— Вы бы лучше водки выпили! посоветовалъ Аскалиодотъ. Но видя что отецъ не въ духѣ, послѣдшилъ спросить:— ну что въ Москвѣ новенькаго?

— Да вотъ новенькое: былъ я въ Москвѣ у твоего пріятеля Скворцова, у котораго ты сломалъ замокъ и украдъ 200 рублей съ чѣмъ-то, отдалъ ему пятьсотъ и привезъ отъ него заявленіе что деньги о пропажѣ которыхъ онъ объявилъ онъ нашелъ.

— Подлецъ! проговорилъ Аскалиодотъ.

— Это ужъ второй разъ плачу. Первый разъ заплатилъ на станціи, а теперь вотъ въ Москвѣ; но мнѣ не денегъ жалко, а позоръ убиваетъ меня...

— Какой же тутъ позоръ! замѣтилъ Аскалиодотъ:—это просто ребяческая шалость, тѣмъ болѣе что я обоимъ писалъ имъ что деньги отдамъ.

— Да, я читалъ твое письмо къ Скворцову, въ которомъ ты пишешь что какъ только умреть твой отецъ... Ну, да будетъ толковать объ этомъ. Завтра поѣду къ становому и отвезу ему заявленіе Скворцова.

— Что же вамъ безлокоитъся, къ становому могу съѣздить и я.

— Нѣтъ, ужъ я самъ.

— Я думаю, началъ Аскалиодотъ,—скажетъ на Скворцова подать просьбу за клевету...

— За какую клевету? спросилъ отецъ Иванъ.

— Очень просто. Въ кражѣ денегъ онъ уличалъ меня, а теперь пишетъ что деньги нашелъ.... Значитъ клевета....

— Нѣтъ ужъ, клеветой этою мы обижаться не будемъ....

Аскалиодотъ замолчалъ. Подали чай.

— А у насъ здѣсь новость! проговорилъ Аскалиодотъ.

— Что такое?

— Общество составилось.

— Не трезвости ли? спросилъ старикъ.—Ужъ не ты ли учредителемъ?

— Нѣтъ-съ. Общество ревнителей къ положенію естественной исторіи вообще и къ поимкѣ грачевскихъ крокодиловъ въ особенности.

— Какую же роль играешь ты въ этомъ обществѣ?

— Я, никакой...

— Кто же устроилъ это общество?

— Знаменскій. Все бреднями по рѣкѣ бродятъ. Сегодня я послалъ къ нимъ за рыбой: цѣлое ведро карасей прислалъ.. Не прикажете ли уху сварить?

Отецъ Иванъ невольно разсмѣялся.

— А крокодила-то поймали? спросилъ онъ повеселѣвъ.

— Теперь ужь два оказывается.

— Какъ два?

— Двухъ видѣли: самца и самку въ саду Анфисы Ивановны. Теперь ищутъ тамъ ихъ яйца. Говорятъ, всю малину поломали!

Отецъ Иванъ разсмѣялся снова.

Послѣ ужина отецъ Иванъ ушелъ въ свою комнату и, утомленный отъ дороги, скоро уснулъ, а Аскалиодотъ вышелъ со двора, приказавъ работнику не запирать калитки.

Ночь была превосходная, одна изъ тѣхъ волшебныхъ ночей которыя даже обыкновенные ландшафты превращаютъ во что-то восхитительное и которыя, вдохновляя художниковъ подобныхъ Куинджи заставляютъ ихъ переносить эти ночи на полотно. Все что дается подъ лучами палащаго солнца, среди пыльной душной атмосферы кажется вамъ не заслуживающимъ вниманія, ничтожнымъ, даже пошлымъ, вдругъ при свѣтѣ луны, окутанное мягкими тѣнями, останавливаетъ на себѣ вашъ взоръ и восхищаетъ васъ. Вы заглядываетесь невольно и на полуразвалившуюся избушку, и на болото заросшее камышомъ, и на вѣтрениую мельницу съ растопыренными крыльями, и на группу ветель растущихъ гдѣ-нибудь вдоль ручья, и на развалившійся плетень огорода.. и невольно останавливаетесь предъ картиной... Вы одни, потому что въ деревняхъ ложатся рано, вамъ никто не мѣшаетъ, вы мечтаете и только изрѣдка мечты ваши прерываются или крикомъ цалли слетѣвшей съ болота, или фырканиемъ слутанной на выгонѣ лошади... Вы останавливаетесь, прислушиваетесь и слышите какъ гдѣ-то далеко звенитъ колокольчикъ то чуть слышно, то громче, смотря по вѣтру... а тамъ въ сторонѣ стонутъ мельничныя колеса и шумитъ падающая на нихъ вода!...

Въ такую-то ночь на одномъ изъ коволянниковъ села Рычей чернѣлось что-то прижавшись къ повалившемуся летяму заросшему долухамъ. Чернѣвшееся можно было сначала принять за кучу мусора, но такъ какъ куча эта иногда шевелилась и издавала по временамъ сдержанный шелоть, то и можно было догадаться что это не куча, а люди, и что люди эти были между собою очень вѣжны, такъ какъ шелоть по временамъ прерывался продолжительными поцѣлуями и вздохами.... Сверхъ этого, такъ какъ одинъ голосъ былъ поглубже, а другой повѣжнѣе, можно было заключить что группа эта состояла изъ мущины и женщины.

— Озорникъ вы, больше ничего! шелталъ женскій голосъ.

— Говорать тебѣ что люблю! шелталъ мужской голосъ.

— Люблю какъ чорта въ угау! перебилъ женскій шелоть.

— А ты лучше вылей! говорилъ мущина...

— Нѣтъ, я больше лить не стану, я и такъ пьяна.

— Пей! Бутылка еще не вся, а ты знаешь что на дѣтъ бутылки и богатство, и счастье, и любовь!.

— Ужь вы наговорите, васъ только послушай. Ужь я разъ послушала васъ, а теперь всю жизнь свою плакаться буду....

Погубили меня дѣвку...

Послышалось бульканье.

— Пей!

— Ну васъ, отстаньте!

— Пей подъ ножомъ Прокола Лялунова!

— А вы тише кричите-то! Вишь Лялунова какого-то придумали!

— Пей, а остальное вылью я.

— Приставать больше не будете?

— Не буду.

— И кто только выдумалъ эту водку!

Послышался глотокъ.

— Теперь я вылью! проговорилъ мущина и послышалось бульканіе и на этотъ разъ весьма продолжительное и слышно было какъ бутылка стукнула объ зубы.

— Вишь, шелталъ женскій голосъ,—прямо изъ бутылки сосеть! Тоже мальчишекъ учить собирается.... учитель, нечего сказать.... Ну ужъ еслибъ у меня дѣти были....

— погоди, будутъ! перебилъ ее мущина.

— Я бѣ ужъ къ вамъ въ ученье ихъ не отдала....

Скоро шелоть снова замолкъ и снова ночная тишина

воцарилась въ окрестности.... Луна закатилась за облако и серебристый блескъ ея замѣнился тѣнью.

— Ну, прощайте! слышался женскій голосъ.

— Прощай, ангелъ души моей, божественная царица!

— Ну ужь какая есть!.... Живеть!.... А вы лучше скажите мнѣ зачѣмъ вы въ Грачевку ходите?

— Нужно.

— Это съ вашей стороны очень даже гадко, обманывали же дитя на мнѣ, а теперь...

— Сказано женою.

— Нѣтъ ужь я вижу что не туда вы смотрите.... Вы меня погубили а.... Кто теперь захочетъ взять меня.... Кому теперь нужна я....

— Надѣйся на меня!

— Обманываете вы все.... Я кромѣ васъ никого не любила....

— Украшаютъ тебя добродѣтели, до которыхъ другимъ далеко.... Ну прощай, кажется свѣтасть!..

— Прощайте, прошепталъ женскій голосъ.

— Прощай.

— Только видно и жди отъ васъ!

— Будь въ надеждѣ и жди, а мнѣ надо идти домой, отецъ изъ Москвы сердитый аки левъ прѣхалъ.

И простившись мушкетеръ ушелъ, а возлѣ ллетня поросшаго долухами слышался женскій плачь, сначала тихій, болѣзненный, а затѣмъ перешедшій въ вопль надрывающій душу....

Утромъ отецъ Иванъ опять заложилъ телѣжку и отправился къ становому, квартира котораго была верстахъ въ тридцати отъ Рычей. Воротився онъ уже вечеромъ усталый и измученный, а главное огорченный. Онъ позвалъ къ себѣ Аскалиподота.

— Дѣло плохо, проговорилъ старикъ.

— Какое дѣло?

— Какъ какое? твое, по которому я ѣздилъ къ становому. Говорятъ, дѣло это такъ кончиться не можетъ, такъ какъ это кража со взломомъ.

— Да вѣдь Скворцовъ сообщилъ что никакой кражи нѣтъ! проговорилъ Аскалиподотъ.

— Все-таки должно быть слѣдствіе.

— Какъ же теперь быть?

— Становой говоритъ что теперь все зависитъ отъ прокурора, а такъ какъ прокуроръ очень друженъ съ предво-

дителемъ, то я и хочу просить Анфису Ивановну съѣздить къ предводителю, который кстату теперь у себя въ деревнѣ, и попросить его поговорить съ прокуроромъ.

— Видно безъ старыхъ барынь ни одно дѣло не обходится, замѣтилъ Аскапидотъ.

На другой день отецъ Иванъ опять поѣхалъ, но на этотъ разъ поѣздка его была не дальная, такъ какъ онъ отправился въ Грачевку къ Анфисѣ Ивановнѣ.

Анфиса Ивановна была очень рада видѣть отца Ивана и въ ту же минуту начала его разспрашивать хорошо ли онъ съѣздилъ въ Москву. Отецъ Иванъ разказалъ ей про свою поѣздку, а когда передалъ дѣло по которому онъ ѣздилъ, Анфиса Ивановна даже перепугалась.

— Неужели это правда? проговорила она.

Но отецъ Иванъ послѣдшилъ оправдать своего сына, объяснивъ что все это тяжелая ошибка, что деньги въ послѣдствіи нашлись, что Аскапидотъ сдѣлался невинною жертвою этой ошибки, а подъ конецъ перешелъ къ тому что онъ, зная хорошія отношенія Анфисы Ивановны съ предводителемъ, рѣшился попросить ее съѣздить къ предводителю и похлопотать о сынѣ. Онъ подробно передалъ ей въ чемъ именно дѣло и о чемъ именно она должна просить предводителя. Такъ какъ Анфиса Ивановна давно уже кромѣ Рычей никуда не ѣздила, то предстоявшая поѣздка ее сначала перепугала, но когда отецъ Иванъ сообщилъ ей что предводитель въ настоящее время находится не въ городѣ, а у себя въ имѣніи, которое отъ Грачевки всего верстахъ въ десяти, Анфиса Ивановна успокоилась и даже нѣкоторымъ образомъ была польщена тѣмъ что къ ней обратились съ просьбой по столь важному дѣлу. Она даже забыла про крокодиловъ и дала отцу Ивану слово что завтра же поѣдетъ къ предводителю и почти увѣрена что послѣдній исполнитъ ея просьбу.

— Только я объ одномъ прошу васъ, проговорила она.—Память у меня плохая, да и не умѣю я называть всѣхъ этихъ новыхъ крючкотворовъ, такъ прошу васъ написать мнѣ на бумажкѣ о чемъ я должна говорить и просить, а то я все перелутаю и перемѣшаю. Только напишите пожалуйста по крупнѣе, а то глаза что-то плохо видать.

Отецъ Иванъ исполнилъ просьбу.

Какъ только священникъ ушелъ, такъ Анфиса Ивановна въ ту же минуту позаботилась предупредить кучера Абакума

что завтра утромъ она ѣдетъ къ предводителю, и чтобы поэтому онъ заранѣе натеръ себѣ табакъ и чтобы приготовить карету. Но Абакумъ, успѣвшій уже промочать что тутъ дѣло пахнетъ не табаконъ, а поѣздкой къ предводителю, у котораго производится всегда отличное угощеніе вѣсьмъ пріѣзжающимъ съ гостями кучерамъ, принялся немедленно за приготовленія. Затѣмъ Анфиса Ивановна сдѣлала распоряженія о своемъ туалетѣ и вынула изъ комода дюжину тонкихъ носковъ, которые она связала было для судьи за Тришкинскій процессъ, и завернувъ ихъ аккуратно въ розовую бумажку положила на видное мѣсто чтобы не забыть.

— Говорятъ, вы къ предводителю завтра? спросила Мелитина Петровна входя въ комнату тетки.

— Да, мой другъ, отвѣчала Анфиса Ивановна.—Ты меня пожалуста извини что я не беру тебя съ собою, но это потому..

— Чтѣ вы, чтѣ вы! перебила ее племянница.—Къ чему эти извиненія, мнѣ даже и некогда, потому что сегодня мнѣ придется многое сдѣлать.

— Ну и прекрасно. А то мнѣ придется говорить съ предводителемъ о важныхъ дѣлахъ.

— Чтѣ такое случилось?

— Ничего особеннаго... тамъ въ Москвѣ... Отецъ Иванъ просилъ...

— Ахъ, это вѣроятно по дѣлу о деньгахъ... Я думала что-нибудь другое. Да, кстати, прибавила Мелитина Петровна.—Смотрите, хорошенько расфрантитесь.. вы встрѣтите у предводителя большое общество... Я слышала что сегодня должны быть туда исправникъ, прокуроръ и другія служащія лица.

— Ты почему знаешь это?

— Иногда самыя высокія тайны познаются чрезъ ничтожныхъ людей, такъ случилось и теперь.

Мелитина Петровна всю ночь писала письма, и всю ночь Карлъ видѣлъ огонь въ ея комнатѣ.

XIII.

На слѣдующій день, часовъ въ девять утра, предъ крыльцомъ Грачевскаго дома происходило нѣчто весьма необыкновенное. У крыльца толпилась не только вся дворня Анфисы Ивановны, но даже замѣчалось нѣсколько бабъ и мужиковъ

а въ особенностяхъ ребятишекъ прибѣжавшихъ изъ деревни Дѣло въ томъ что у крыльца запряженная въ шесть лошадей стояла желтая карета, на стоячихъ рессорахъ и на огромнѣйшихъ колесахъ. Карета эта, помнившая царя Гороха, походила скорѣе на огромную тыкву, болтавшуюся на какихъ-то крюкахъ прикрѣпленныхъ къ колесамъ. На козлахъ этой тыквы въ зеленомъ армякѣ и въ рыжей шляпѣ съ павлиньимъ перомъ воссѣдалъ Абакумъ и держалъ въ рукахъ цѣлую кучу вожжей, а впереди форейторомъ на люгавой лѣгой лошадекѣ садовникъ Брагинъ. Для Брагина Абакумъ тоже розыскалъ было какой-то кафтанъ, но старый драгунъ напрямикъ отказался надѣться въ этотъ балахонъ, а надѣлъ свой мундиръ съ нѣсколькими медалями на груди. Костюмъ этотъ хотя и не походилъ на форейторскій, но въ виду торжественности поѣзда не только не портилъ общей картины, но даже нѣкоторымъ образомъ дорисовывалъ ее. На крыльцѣ стоялъ Поталычъ. На немъ была гороховая ливрея съ нѣсколькими коротенькими калюшонками, красный воротникъ которой доходилъ до ушей, а на головѣ огромная треугольная шляпа. Онъ свысока посматривалъ на окружающую толпу, какъ будто сожалѣя что люди эти такъ мало видѣли что даже простая карета удивляетъ ихъ, тогда какъ для него все это штука очень обыкновенная. Наконецъ показала и Анфиса Ивановна. На ней была турецкая шаль одного цвѣта съ каретой, роскошный челець и барежевое платьѣ такихъ огромныхъ размѣровъ что старуха едва помѣщалась на крыльцѣ. Въ рукахъ она держала розовый свертокъ съ носками. Какъ только Анфиса Ивановна показала, такъ Поталычъ въ ту же секунду ловко подскочилъ къ каретѣ, отворилъ дверку, откинулъ десятка два подножекъ и посадивъ барыню, снова защелкалъ подножками, махнулъ дверкой и хотѣлъ было крикнуть *пошелъ!* но не крикнулъ, потому что спихъ съ себя дверкой шляпу, которая къ общему удовольствію публики и очутилась подъ каретой. „Скверная примѣта!“ подумала про себя Анфиса Ивановна вспомнивъ разказъ Брагина про Наполеона съ котораго подъ Москвой тоже слетѣла шляпа. Шляпа однако вскорѣ была надѣта; Поталычъ взобрался на заятки и уцѣпившись обѣими руками за болтавшіеся ремни крикнулъ *пошелъ!* и поѣздъ тронулся. Въ воротахъ однако онъ долженъ былъ остановиться, потому что Абакумъ, *не имѣвшій глазъ въ затылкѣ*, по обыкновенію

зацѣпилъ заднимъ колесомъ за столбъ, и такъ какъ столбъ былъ врытъ прочно, то и не подался, а пришлось относить задъ кареты. Сбѣжался народъ и экипажъ былъ поставленъ на трактъ.

Выѣхавъ изъ воротъ, лошади затрусили рысцою и карета локатилась по гладкой дорогѣ въ село Хованщину, имѣнне предводителя. День былъ жаркій, красное солнце лекло немилосердо, лыль поднималась облаками и слѣдовала за каретою. Брагинъ, отвыкшій ѣздить верхомъ, отчаянно махалъ и локтями, и ногами, и какъ будто раскаивался что сѣлъ на коня. Однако ѣхать было необходимо и карета дребезжа и колыхаясь катилась себѣ по дорогѣ. Вдругъ сзади кареты раздался голосъ Поталыча, кричавшаго что есть мочи: стой! стой!... Карета остановилась. Оказалось что отъ сильной траски у Поталыча опять свалилась шляпа, и покуда онъ бѣгалъ поднимать ее, перелутались лошади и пришлось ихъ распутывать. Распутавъ лошадей, поѣздъ тронулся, но начали отвинчиваться разные гайки и пришлось опять въ сколько разъ останавливаться и завинчивать таковыя. Абакумъ слѣзалъ съ козель, и такъ какъ въ карманахъ кареты ключа не было, то пришлось завинчивать гайки руками, чуть не зубами, что и заняло довольно много времени. Анфиса Ивановна, сидя въ каретѣ и выглядывая изъ нея словно воробей изъ скворечни, сердилась и ворчала. Но на ворчанье это рѣшительно никто не обращалъ вниманія.

— Скоро что ли? спрашивала она.

— Чего?

— Да Хованщина-то?

— Вотъ это отлично! проговорилъ Абакумъ.—Только благослови Господи отъѣхали отъ дому, а ужъ вы про Хованщину заговорили!

Гайки однако были подвинчены, и карета поѣхала. Анфиса Ивановна услокоилась и прислонившись къ спинкѣ кареты даже задремала, но дремота эта вскорѣ была нарушена раздавшимся опять-таки сзади неистовымъ крикомъ Поталыча. Оказалось что залятки отвалились прочь и Поталычъ, залутавшій было ремни за руки, тащился за каретою, едва не лишившись совершенно рукъ. Кое-какъ распутали отекшія руки Поталыча, но такъ какъ залятокъ уже не существовало, а козлы отаичались лишь вышиной, а не шириной, то и пришлось посадить Поталыча въ карету, рядомъ съ Анфи-

сой Ивановной, что въ сущности вышло весьма эффектно, принимая въ соображеніе треугольную шляпу надѣтую полерекъ и ливрею съ краснымъ воротничкомъ. Карета заколыхалась, поладавшіеся мужики принялись кланяться и Анфиса Ивановна, думая что поклоны эти адресуются ей, тогда какъ въ сущности они посылались Поталычу, видимо была довольна и углубившись въ карету принялась мечтать о предстоящемъ свиданіи съ предводителемъ и о важности возложеннаго на нее порученія; но мечты эти поминутно прерывались шляпой Поталыча, которою онъ долбилъ Анфису Ивановну прямо въ високъ.

— Скинь ты свою дурацкую шляпу! разсердился наконецъ Анфиса Ивановна.—Ты мнѣ всѣ виски продалбилъ!

— Куда жь мнѣ телерь дѣвать ее! вскрикнулъ Поталычъ, справедливо обиженный тѣмъ что шляпу назвали дурацкою.

— Сними и держи на колѣняхъ.

Поталычъ снялъ шляпу и положилъ на колѣни.

Дорога пошла подъ горку и карета покатилаь шибче. Мимо оконъ мелькали поля засѣянные хлѣбомъ, среди которыхъ кое-гдѣ правильными квадратами бѣлѣла покрытая цвѣтами греча. Анфиса Ивановна всѣмъ этимъ любовалась и забыла даже про дурную примѣту которую видѣла она въ свидѣвшейся съ Поталыча шляпѣ.

XIV.

Мелитина Петровна не ошиблась: дѣйствительно, у предводителя были уже прокуроръ, исправникъ, жандармскій офицеръ, мировой судья и непремѣнный членъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Все это общество вмѣстѣ съ предводителемъ и женой его сидѣло на большой крытой террасѣ уставленной разными оранжерейными растениями. На одномъ концѣ террасы былъ роскошно сервированъ столъ съ гастрономической закуской и винами, къ которому иногда и подходило общество подкрѣпиться и закусить. На небольшомъ столикѣ нѣсколько поодаль стояли сигары и папиросы. Общество расположилось группами и бесѣдовало.

Товарищъ прокурора былъ мужчина средняго роста, съ продолговатымъ сухимъ лицомъ, оловянными презрительными

глазами и тонкими поджатыми губами—тилъ петербургскаго чиновника изъ правовѣдовъ. Онъ носилъ бакенбарды какими обыкновенно украшаютъ себя прокуроры, а слѣдовательно и товарищи ихъ; усы брилъ и одѣвался какъ вообще одѣваются прокуроры. Онъ сидѣлъ развалился на креслѣ и покачивая ногой. Въ утѣдѣ звали его „Я полагалъ бы“, потому что оканчивая на судѣ свои заключенія, онъ говорилъ всегда: *въ силу всего вышеприведеннаго я полагалъ бы...* причеиъ всегда какъ-то особенно напиралъ на слогъ *галъ*. Когда *Я полагалъ бы* говорилъ на судѣ, то онъ говорилъ такъ какъ будто противъ всего сказаннаго имъ никакихъ возраженій быть не можетъ; причеиъ хлопалъ себя по колѣнкѣ ладовью, вертелъ въ рукахъ карандашъ, и когда пріостанавливался, то ставилъ карандашомъ на лежавшемъ листѣ бумаги точку и точку эту довольно долго развѣртывалъ. Походку *Я полагалъ бы* имѣлъ увѣренную, твердую и когда говорилъ не на судѣ, а въ обществѣ, то говорилъ не разговорнымъ языкомъ, а отборными фразами, очень громко и съ нѣкоторою прокурорскою интонаціей, но не имѣя въ рукахъ карандаша, видимо смущаяся и въ такихъ случаяхъ прибѣгалъ къ ногтямъ, на которые постоянно и смотрѣлъ очень близко, поднося ихъ къ глазамъ. Товарищъ прокурора пилъ изъ маленькой рюмочки англійскую горькую и закусывалъ лимбургскимъ сыромъ.

Исправникъ, тоненькій, рыженькій мущина, сидѣвшій постоянно какъ-то перевивъ одну ногу за другую, былъ въ синихъ панталонахъ, бѣломъ жилетѣ съ форменными пуговицами, со Станиславомъ на шеѣ, носилъ усы и бакенбарды по военному. Говорилъ онъ скоро, причеиъ часто мигалъ и дѣлалъ руками такіе жесты которыми хотѣлъ какъ будто еще болѣе убѣдить васъ что онъ говорить вамъ правду и желаетъ вамъ всего лучшаго. Онъ имѣлъ привычку шмыгать цѣпочку и закручивать усы, хотя въ сущности въ его наружности ничего военнаго не было. Исправникъ всегда имѣлъ при себѣ кабинетный портретъ губернатора, который всѣмъ показывалъ, говоря: „вчера губернаторъ прислалъ мнѣ свой портретъ, посмотрите какая прекрасная фотографія... Красивый мущина!“ Исправникъ пилъ рябиновую и закусывалъ икрой.

Жандармскій офицеръ былъ человекъ среднихъ лѣтъ, но молодившійся и довольно красивой наружности, вслѣдствіе чего дамы называли его *Опаснымъ Василькомъ*. Онъ былъ большой руки франтъ. Воротникъ его виць - мундира былъ

вышивною не болѣе какъ въ яалець, что давало возможность значительно выставлять на видъ какъ сѣтъ бѣлые воротнички рубашки, всегда торчавшіе безукоризненно, почему мировой судья увѣрялъ что жандармскій офицеръ носить воротнички бумажные и мѣняетъ ихъ разъ пять въ день. Какъ и большая часть его сослуживцевъ, онъ старался казаться въ высшей степени деликатнымъ, предупредительнымъ и съ самыми изящными манерами. На красивыхъ рукахъ онъ носилъ множество дорогихъ перстней; когда вынималъ изъ своего щегольского серебрянаго портсигара паллросу онъ спрашивалъ даже курящихъ не обезпечить ли онъ дымомъ и когда закуривалъ паллросу всегда какъ-то особенно живописно оттопыривалъ мизинецъ кончавшійся длиннымъ-предлиннымъ и заостреннымъ ногтемъ. Салогъ онъ не носилъ, а носилъ лишь лаковые штабеты съ луговичками; видъ-мушкетръ его былъ изъ самаго тонкаго сукна и вообще весь костюмъ самаго безукоризненнаго качества. Жандармскій офицеръ лизъ по-дамски, по полу-рюмкѣ алашу и закусывалъ редисой.

Мировой судья былъ человекъ тоже среднихъ лѣтъ, брюнетъ съ весьма симпатичнымъ лицомъ; носить бороду, въ которой кос-гдѣ пробивается сѣдина и ходить съ палкой. Петръ Ивановичъ говоритъ тихо, баритономъ, серьезно, безъ улыбки и всегда что-нибудь сочинить. На немъ шелковый лѣтній лиджакъ цвѣта *бѣръ-фре*, такія же панталоны, башмаки и соломенная шляпа отъ Лемерсье съ большими полями. Вообще смотреть баринкомъ, и хотя товарищъ прокурора *Я полгалъ бы* заглаза и хорохорится про него, но при немъ умолкаетъ и смиряется. Такъ какъ мировой судья слегка пораженъ параличомъ, то ходить онъ тихо, прихрамывая на лѣвую ногу и выдѣлывая какія-то судорожныя движенія пальцами лѣвой руки. Онъ постоянно придумываетъ разные анекдоты, а такъ какъ передаетъ онъ ихъ весьма серьезно, то многіе вѣрятъ въ справедливость слышаннаго и въ свою очередь передаютъ другимъ за истину. Мировой судья не пьетъ ничего, а только ѣстъ бѣлый хлѣбъ съ масломъ и сыромъ и при этомъ третъ рукой лобъ.

Непремѣнный членъ, или какъ онъ самъ себя называетъ— *article indispensable* — сухой, высокій, съ длинною сѣдою бородой, стриженный подъ гребешокъ, видный, съ выразительнымъ умнымъ лицомъ, живой, разговорчивый и весьма

любезный. На немъ простенькій сѣрый пиджакъ, одинаковый съ ланталонами, и бѣлая драгунская фуражка. Онъ смотритъ кавалеристомъ, манеры у него пріятныя. Всѣ съ нимъ дружны, шутятъ, но чувствуютъ его авторитетъ. Ему ни почемъ проекакать цѣлую недѣлю на телѣжкѣ, сряду нѣсколько ночей переночевать по избамъ. Носовой платокъ онъ кладетъ не въ карманъ, а за лазуху, отъ чего лѣвая сторона у него всегда немного оттопырена. Когда горячится, послѣшню скребетъ пальцами голову, кашляетъ и плюетъ какъ изъ пистолета. Непремѣнный членъ льетъ все и всѣмъ закусываетъ.

Вся компанія помѣщалась на крытой террасѣ предводительскаго дома и раздѣлившись на группы вела бесѣду. Исправникъ шмурыгалъ цѣлочкою и завинтивъ одну ногу за другую говорилъ съ прокуроромъ, дѣлалъ руками жесты, между тѣмъ какъ товарищъ прокурора смотрѣлъ на свои ногти и стрывисто кивая головою размахивалъ ногой. Жандармскій офицеръ принявъ граціозную позу говорилъ съ хозяйкою дома. Предводитель ходилъ по балкову и подходя то къ той, то къ другой группѣ жаловался что онъ не имѣетъ ни одной свободной минуты, что въ земской управѣ члены приходятъ въ присутствіе часа въ три, что работаетъ онъ одинъ, что не дальше какъ сегодня подписалъ пятьсотъ бумагъ и что на слѣдующіе выборы его никакими калачами не заманятъ на эту должность; а мировой судья, сидѣвшій рядомъ съ непремѣннымъ членомъ и опираясь подбородкомъ на трость, сообщалъ по секрету что онъ знаетъ изъ вѣрнаго источника что жандармскій офицеръ воротнички носитъ бумажные, и какъ только почувствуетъ что воротничокъ немного помядся, слѣзшитъ въ одно мѣсто и тамъ надѣваетъ новый, а старый бросаетъ, и что воротнички эти выписываетъ онъ изъ Москвы сотнями.

Какъ однако ни былъ обыкновененъ происходившій на террасѣ разговоръ, но тѣмъ не менѣе во всемъ обществѣ проглядывало что-то не совсѣмъ обычное. Въ разговорахъ часто упоминалось о какихъ-то подметныхъ письмахъ и какихъ-то брошюркахъ. При этомъ исправникъ разказалъ въ довольно забавной формѣ что не дальше какъ сегодня онъ, надѣвая на Рычевской станціи пальто, лежавшее все время въ тарягасѣ, нашель въ карманѣ брошюрку политическаго содержанія съ надписью: книга сія принадлежитъ исправнику.

Пріѣздъ Анфисы Ивановны породилъ въ обществѣ цѣлый рядъ догадокъ и предположеній. Всѣхъ занималъ вопросъ: зачѣмъ пріѣхала Анфиса Ивановна, такъ какъ всѣмъ было извѣстно что Анфиса Ивановна давнымъ-давно никуда не выѣзжала кромѣ церкви и отца Ивана. Попытали было узнать что-нибудь отъ Поталыча, но Поталычъ, услѣвшій уже выпить и закутить, на всѣ вопросы отвѣчалъ только: *не могу знать*, и больше ничего не говорилъ. Кучеръ Абакумъ тоже ничего не зналъ.

Пріѣздъ Анфисы Ивановны болѣе всѣхъ потревожилъ жандармскаго офицера и исправника, которые не шутя ломали головы стараясь отгадать причину пріѣзда, но какъ они ни ломали головы, а пришлось ограничиваться лишь одними догадками, да и догадки эти были крайне сбивчивы, такъ какъ одинъ говорилъ что вѣроятно Анфиса Ивановна пріѣхала похлопотать насчетъ поимки крокодиловъ, другой же объ отсрочкѣ земскихъ платежей, такъ какъ предводитель былъ въ то же время и предсѣдателемъ управы. Только одинъ мировой судья увѣрялъ что Анфиса Ивановна пріѣхала съ единственною цѣлью познакомиться съ *Опаснымъ Василькомъ*, прослышавъ про его красоту и изящныя манеры и даже посоветовалъ жандармскому офицеру приударить за вдовушкой и принять въ сосраженіе что у нея превосходное имѣніе и что жить ей по всей вѣроятности остается очень не долго.

Немного погодя жена предводителя положила конецъ всѣмъ догадкамъ и объявила цѣль пріѣзда Анфисы Ивановны.

Всѣ успокоились, и прокуроръ, знавшій уже это дѣло заранѣе, объявилъ что въ виду заявленія потерпѣвшаго, содержаніе котораго ему уже извѣстно чрезъ становаго, а также во вниманіе къ просьбѣ Анфисы Ивановны, онъ полагалъ бы возможнымъ дѣло это прекратить. Анфиса Ивановна очень обрадовалась и принялась благодарить прокурора.

Послѣ обѣда все общество олять перешло на террасу, и Анфиса Ивановна со всѣми подробностями стала передавать исторію крокодиловъ. Разказъ этотъ болѣе всѣхъ заинтересовалъ исправника. Онъ подсѣлъ къ Анфисѣ Ивановнѣ; а когда старушка кончила, принялся успокоивать ее.

— А что, скажите пожалуйста, ваша племянница Мелитина Петровна? спросилъ исправникъ.

— Она ничего! отвѣчала старуха.

— Она дома?

— Нѣтъ, куда-то ушла.

— Да, но все-таки она въ Грачевкѣ? не уѣхала?

— Куда же ей уѣхать! Вѣдь мужъ ея на сраженіяхъ.

— Получаетъ она отъ него письма?

— Вообразите, ни одного!

— А она мнѣ очень понравилась! проговорилъ мировой судья, подходя потихоньку къ Анфисѣ Ивановнѣ.—Я имѣлъ удовольствіе видѣть ее у себя въ камерѣ.

— Ахъ, Боже мой, почти вскрикнула Анфиса Ивановна всплеснувъ руками.—Вотъ память-то!... Я и забыла поблагодарить васъ за *Тришкинскій процессъ*!...

Петръ Ивановичъ сконфузился.

— Помните, за что же!... бормоталъ онъ.—Если ужъ вы непременно хотите благодарить, то благодарите Мелитиву Петровну, а не меня.

— Такъ это васъ Мелитана Петровна защищала на судѣ? спросилъ непримѣнный членъ.

— Она.

— Молодецъ, право молодецъ-барыня. Очень сожалею что я не имѣю удовольствія быть съ нею знакомымъ, а то бы я всѣ ея пальчики разцѣловалъ, ножки бы разцѣловалъ и изъ ея башмачка вылилъ бы за ея здоровье шампанскаго... Вы пожалуста, сударыня, передайте это Мелитивѣ Петровнѣ.

— Непременно, непременно! шутила Анфиса Ивановна.

— А она кстати очень хорошенькая! замѣтилъ мировой судья.

— Да, она славная бабенка, подтвердила Анфиса Ивановна.

Послѣ чаю Анфиса Ивановна собралась было домой, но и хозяинъ и хозяйка стали улаживать чтобъ она осталась переночевать и хорошенько отдохнула. Приглашеніе было такъ радушно что старуха согласилась переночевать, только съ условіемъ чтобы на нее не очень сердились если она пораньше другихъ уйдетъ спать.

— Слава Богу! проговорилъ исправникъ на ухо прокурору.—Я очень радъ, что она остается ночевать.

— Да, это вышло очень кстати.

Немного погодя къ крыльцу предводительскаго дома было подано два тарактаса, въ которыхъ, со всѣми распростившись, уѣхали исправникъ, прокуроръ и жандармскій офицеръ.

XVI.

Въ тотъ же самый день общество ревнителей имѣло свое засѣданіе и было порѣшено съ наступленіемъ сумерекъ открыть дѣйствія. Осмотрѣли всѣ снасти которыя предназначались для ловли, а именно: двѣ сѣти изъ толстой бичевы, три проволочки, пять бредней, восемь крючковъ, пять большихъ черпаковъ, которыми предполагалось вытаскивать изъ сѣти крокодиловъ, и нѣсколько багровъ. Всѣ эти снасти оказались наилучшаго достоинства. По вопросу о томъ какой именно тактики держаться при употребленіи этихъ снастей и вообще о способѣ ловли крокодиловъ было говорено очень много. Рѣшили одною сѣтью перегородить рѣчку ловыше того мѣста гдѣ чаще всего показывался крокодилъ, другую же сѣть опустить въ воду и тянуть по направленію къ сѣти преграждающей рѣчку. Такимъ образомъ пространство это и съ той и съ другой стороны будетъ перегороджено сѣтями. Но такъ какъ крокодилы могутъ выскакивать изъ воды въ камыши и обратно изъ камышей въ воду, то въ камышахъ разставить верховыхъ вооруживъ ихъ желѣзными вилами и топорами.

Затѣмъ приступили къ распредѣленію каждому члену его обязанностей съ цѣлю избѣжать толкотни и суеты: чтобы каждый членъ не совался туда куда его не спрашиваютъ, чтобы верховые, напримѣръ, не дѣлали въ воду тянуть сѣть, а лѣшіе не удалялись на мѣста предназначенныя верховымъ. Распредѣленіе это возбудило много шума и споровъ. Никому не хотѣлось дѣлать въ воду, подвергая себя явной опасности быть проглатаннымъ крокодиломъ, а другіе, напротивъ, не хотѣли быть въ цѣли, гдѣ стоя на довольно далекомъ разстояніи они рисковали ничего не видѣть и даже быть забытыми при раздачѣ водочной порціи. Много спорили, много шумѣли, но наконецъ и это дѣло уладилось и каждому члену было назначено что именно онъ долженъ былъ дѣлать. Г. Знаменскій, говорившій и хлопотавшій болѣе всѣхъ, былъ въ совершенномъ изнеможеніи, а такъ какъ и остальные члены тоже помучались, то общество и порѣшило послать за водкой и подкрѣпить свои силы. Съ появленіемъ водки общество оживилось еще болѣе.

Къ этому времени въ собраніе прибылъ какой-то неизвѣстный, объявившій что онъ членъ общества усмиренія строптивыхъ животныхъ и имѣетъ порученіе по силѣ возможности оказать обществу ревнителей свои услуги къ достиженію предпринятой цѣли. Собраніе, чувствуя себя справедливо польщеннымъ, предложило прибывшему выпить водки и изложило выработанную программу. Программу эту неизвѣстный одобрилъ и только выразилъ сожалѣніе что забыли садъ Анфисы Ивановны, на который однако слѣдовало бы обратить вниманіе, такъ какъ въ саду томъ и именно въ кустахъ акаціи крокодилы однажды появлялись и были усмотрѣны садовникомъ Брагинымъ и ночнымъ сторожемъ Карпомъ. Собраніе спохватилось что дѣйствительно столь важный пунктъ имъ былъ совершенно забытъ, и когда послѣшило пополнить этотъ пробѣлъ, то пріѣхавшій членъ предложилъ свои услуги, объявивъ что пунктъ этотъ займетъ онъ. Собраніе поблагодарило и предложило ему двустольное ружье, но ученый отказался и, вынувъ изъ жилетнаго кармана свистокъ и свистнувъ въ него оглушительнымъ свистомъ, объявилъ что для него совершенно достаточно этого, такъ какъ извѣстно что крокодилы боятся свистковъ. Г. Знаменскій былъ этимъ очень удивленъ, но когда ученый объяснилъ что открытіе это принадлежитъ новѣйшему времени, то г. Знаменскій почувствовалъ къ пріѣхавшему еще болѣе уваженія. Затѣмъ неизвѣстный предложилъ разставить по камышамъ нѣсколько волчьихъ калкановъ, такъ какъ въ Африкѣ по берегамъ озера Гамбо съ успѣхомъ де употребляется этотъ способъ ловли крокодиловъ. Затѣмъ рѣшено было что ловля должна начаться съ наступленіемъ сумерекъ. Членъ общества Александръ Васильевичъ Соколовъ, какъ человекъ практическій, сверхъ возложенной на него собраніемъ обязанности въ числѣ прочихъ быть у сѣти преграждающей рѣчку, рѣшился въ то же время воспользоваться случаемъ и сдѣлать коммерческую операцію. Убѣдившись изъ прежнихъ попытокъ общества что во время ловли крокодиловъ попадалось въ сѣти огромное количество лещей и судаковъ и сверхъ того имѣя въ виду что подъ вліяніемъ страха никому изъ владѣльцевъ рѣчки не только не приходило въ голову запретить пользованіе рыбой, за право ловли которой до этого обыкновенно взималась плата, а напротивъ въѣ даже поощряли къ тому общество,

Александръ Васильевичъ немедленно распорядился заготовленіемъ кадушекъ и соли. Все это онъ приказалъ перевезти на берегъ къ тому мѣсту гдѣ будетъ производиться ловля крокодиловъ, чтобы буде крокодиловъ не окажется, то имѣть подъ руками все необходимое для соаки леща и судака, которыхъ онъ не безъ основанія разчитывалъ сбыть выгодно въ виду имѣющаго наступить Успенскаго поста. Александръ Васильевичъ отлично зналъ когда на ходу гвоздь, стручокъ, пряникъ, фотонафтиль, карамель, подкова, осетръ, и потому ничего нѣтъ удивительнаго что онъ и въ данную минуту сейчасъ смекнулъ что тутъ убытка не будетъ и потому строго приказалъ своей сулругѣ и сыну быть на мѣстѣ, нанять двухъ-трехъ бабъ и не дремать при соакѣ. Онъ разчитывалъ заготовить одного малосола, вопервыхъ, потому что до Успенскаго поста времени остается *не сколько* и лещу некогда будетъ *пустить духъ*, а вовторыхъ, и по той причинѣ что *объ эту пору публика болѣе какъ-то уважаетъ малосоля, чѣмъ крепкую соль*. Александръ Васильевичъ съ такимъ усердіемъ занялся этимъ дѣломъ что часамъ къ пяти вечера четыре большія кадушки и мѣшокъ соли были уже уложены въ телѣгу и телѣга въ сопровожденіи сулруги Соколова, сына его и трехъ бабъ, которымъ за труды было обѣщано дать мелкой рыбешки на уху отправились по направленію къ деревнѣ Грачевкѣ.

Немного погодя къ лавкѣ Соколова стали подваливать и члены общества, а часамъ къ шести всѣ были въ сборѣ, и лѣшіе, и верховые, и телѣга для перевозки снастей. Такъ какъ всѣ снасти и орудія сохранялись въ лавкѣ Соколова, то каждому и было роздано то что выпало ему на долю; и затѣмъ перекрестившись, толпа эта человекъ въ тридцать, къ которой присоединилось еще человекъ сорокъ мужиковъ, двинулась къ Грачевкѣ.

XVII

Почти одновременно съ этимъ отецъ Иванъ усѣвшійся у раствореннаго окна своего дома началъ вмѣстѣ съ Аскалію-дотомъ пить чай. Старикъ былъ не въ духѣ. Онъ думалъ о результатѣ поѣздки Анфисы Ивановны къ предводителю, и такъ какъ онъ получилъ уже свѣдѣніе что Анфиса Ивановна сегодня же поѣхала въ Хованщину, то и поджидалъ съ

минуты на минуту посланнаго съ отвѣтомъ. Въ это самое время у крыльца раздаеся стукъ подѣхавшаго экипажа. Аскалпідотъ выглянулъ въ окно.

— Кто это? спросилъ отецъ Иванъ.

— Кажется исправникъ! проговорилъ Аскалпідотъ.

Отецъ Иванъ послушавъ на встрѣчу пріѣхавшему и попросивъ его въ гостиную усадилъ на диванъ и предложилъ чаю. Исправникъ поблагодарилъ и объявилъ что отъ чаю онъ не прочь и выльетъ стаканъ. Исправникъ былъ видимо смущенъ, но все-таки бойко разказалъ что онъ пріѣхалъ сюда прямо отъ предводителя, передалъ о прибытіи Анфисы Ивановны и о томъ что старуха осталась ночевать въ Хованщинѣ. Отецъ Иванъ былъ тоже смущенъ не менѣе исправника, и потому разговоръ не клеился. Наконецъ исправникъ обратился къ отцу Ивану, какъ-то особенно быстро зашмурыгавъ цѣлочкой, проговорилъ что онъ пріѣхалъ къ нему по очень неприятному дѣлу, но которое по всей вѣроятности кончится или ничѣмъ, или какими-нибудь пустяками. Старикъ поблагодарилъ какъ подобаетъ.

— Что такое? спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Вашъ сынъ дома?

— Дома.

— Мнѣ бы хотѣлось поговорить съ нимъ.

— Ужь не по дѣлу ли о кражѣ двухсотъ рублей?

— Нѣтъ, нѣтъ, перебилъ исправникъ.— То дѣло можно считать оконченнымъ, такъ какъ товарищъ прокурора, бывший одновременно со мною у предводителя, далъ Анфисѣ Ивановнѣ слово дѣло то замять.

— Стало-быть есть еще другое дѣло? едва проговорилъ отецъ Иванъ.

Исправникъ завянулъ одну ногу за другую, зашмурыгалъ цѣлочкой и принялся успокоивать отца Ивана, но все-таки попросилъ позвать къ нему Аскалпідота. Отецъ Иванъ кликнулъ сына, но такъ какъ Аскалпідотъ не являлся, то старикъ пошелъ самъ за нимъ, но Аскалпідота въ домѣ не оказалось. Пославъ батрака разыскивать его, отецъ Иванъ возвратился къ исправнику и попросилъ сообщить ему дѣло по которому онъ пріѣхалъ. Въместо отвѣта исправникъ подавалъ отцу Ивану бумагу. Дрожащими руками старикъ надѣлъ очки и развернувъ бумагу подошелъ къ окну; но едва прочелъ онъ первую страницу, какъ пошатнулся и почти

упалъ на кресло. Исправникъ подбѣжалъ къ нему и снова началъ его утѣшать и увѣрять что все это пустяки, что во всемъ этомъ Аскалиодотъ по всей вѣроятности окажется лишь орудіемъ другихъ и что такъ убиваться не изъ чего!..

— Боже мой! шелталъ между тѣмъ старикъ.—Какъ же не убиваться-то когда въ бумагахъ этой говорится объ обществѣ распространенія преступныхъ сочиненій, о проагандѣ, о томъ чтобы въ квартирѣ сына произвести обыскъ, арестовать его... говорится и о племянницѣ Анфисы Ивановны Мелитинѣ Петровнѣ.

— Да, и о ней! проговорилъ исправникъ.

— И бѣдная старуха знаетъ это?

— Нѣтъ, она ничего не знаетъ и я очень радъ что она осталась ночевать у предводителя, такъ какъ и въ ея домѣ тоже будетъ обыскъ и туда поѣхалъ уже жандармскій офицеръ.

— Что же намъ дѣлать теперь! гаухимъ голосомъ проговорилъ отецъ Иванъ.

Исправникъ объявилъ на это что какъ ему ни тяжело, какъ ни грустно, но что онъ обязанъ обыскать квартиру Аскалиодота. Отецъ Иванъ всталъ, указалъ комнату сына, и когда исправникъ съ понятыми удалился въ нее, отправился въ гостиную, сѣлъ на кресло и взглянувъ на портретъ Серафимы зарыдалъ какъ ребенокъ.

Комната Аскалиодота была обыскана. Въ столѣ были найдены какія-то брошюрки, какіе-то черновые аппелляціонныя жалобы и все это было описано, опечатано и обо всемъ оказавшемся составленъ актъ. Забравъ все это съ собою исправникъ заглянулъ было въ гостиную, но увидавъ рыдавшего отца Ивана махнулъ рукой и вышелъ. На крыльцѣ встрѣтился ему батракъ и объявилъ что онъ обѣгалъ все село, но нигдѣ не нашелъ Аскалиодота. Исправникъ отпустилъ понятыхъ, сѣлъ въ тарантасъ и приказалъ ѣхать въ Грачевку, въ усадьбу Анфисы Ивановны. Тарантасъ загремѣлъ и вскорѣ скрылся изъ виду.

Почти то же самое происходило и въ усадьбѣ Анфисы Ивановны, съ тою только разницей что Зотычъ, Домна и Дарья Федоровна, съ наступленіемъ сумерекъ и изъ боязни крокодила забившись въ залу, долго не впускали въ домъ пріѣхавшаго жандармскаго офицера, объясняя что самой барыни вѣтъ дома и потому ему здѣсь дѣлать нечего, и только тогда

уже, когда онъ догадался объявить что пріѣхалъ ловить крокодиловъ, старики рѣшились отпереть дверь. Мелитины Петровны тоже дома не оказалось, и никто изъ прислуги не видалъ куда и когда она ушла. Въ комнатѣ Мелитины Петровны ничего подозрительнаго не было; въ комодѣ и шкафу кромѣ стараго платья въ которомъ она пріѣхала, да худыхъ ботинокъ ничего не оказалось, и только въ одномъ углу комнаты была усмотрѣна большая куча пепла отъ сожженныхъ бумагъ.

— Ловко обработано! проговорилъ жандармскій офицеръ, собирая пепелъ.—Какъ видно волкъ травленный.

Въ это самое время въ комнату вошелъ исправникъ.

— Ну что? спросилъ онъ.

— Смотрите! проговорилъ жандармскій офицеръ торжественно и высоко поднимая горсть съ пепломъ.—Стоитъ дунуть, и все исчезнетъ.

Онъ дунулъ, пепелъ разлетѣлся и дѣйствительно въ рукахъ не осталось ничего.

— *Эйнъ, цвей, дрей и чинеръ пасъ!* проговорилъ исправникъ и всѣ засмѣялись.

— А я такъ нашелъ, проговорилъ немного погодя исправникъ показывая привезенный узелъ.

— Да, вы счастливы! Вамъ даже въ карманъ суютъ брошюрки. Навѣрно она же.

Исправникъ расхохотался.

— Куда же сама-то дѣвалась? спросилъ онъ.

— Неизвѣстно; а вашъ гдѣ?

— Тоже покрыто мракомъ неизвѣстности!

Затѣмъ и здѣсь составленъ былъ актъ, скрѣпленъ подлинкомъ, и прибывшіе отправились въ Рычи на ночевку. Старики снова залегли, и въ домѣ все вскорѣ уснуло...

XVIII.

Между тѣмъ ночь давно наступила, одна изъ тѣхъ ночей когда и небо и земля сливаются въ одно нераздѣльное и когда всякій идущій ступаетъ осторожно изъ боязни слетѣть куда-нибудь въ оврагъ и протягиваетъ впередъ руки изъ той-же боязни на что-нибудь наткнуться, словомъ, одна изъ тѣхъ ночей когда легче слышать нежели видѣть землю. Тучи заволокли все небо и даже на западѣ не оставили той свѣт-

лой полоски, глядя на которую можно было бы опредѣлить гдѣ кончается земля и гдѣ начинается - небо. Тишина была мертвая, такъ что малѣйшій звукъ замиралъ и долго - долго держался въ воздухѣ.

Но за то среди этой темной ночи берега рѣки Грачевки и именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ общество ревнителей производило ловлю крокодиловъ представляли великолѣпную картину достойную кисти художника. По случаю темноты обществу пришлось зажечь нѣсколько костровъ, такъ какъ дѣйствительно безъ этихъ костровъ нельзя было ни снастей разобрать, ни рассмотреть мѣстности. Костры эти, состоявшіе изъ сухаго вадежника и сухаго камыша, багровымъ заревомъ освѣщали окрестность и толившійся вокругъ нихъ народъ и въ какой-то кровавый потокъ обращали доселѣ скромную и тихую рѣку Грачевку. Успѣли уже оцѣнить мѣстность на далекое пространство кольцомъ верховыхъ, на обязанности которыхъ лежало стеречь окрестности и въ случаѣ побѣга крокодиловъ дать сигналъ и преслѣдовать ихъ. Всѣ эти верховые были снабжены желѣзными вилами походившими на трезубецъ Нептуна. Разставили калканы, а г. Знаменскій не смотря на то что на сиду передвигалъ отъ усталости ноги, все-таки послѣдовалъ туда и сюда поощряя и ободряя участвовавшихъ. Сѣть долженствовавшая перегородить рѣку пониже того мѣста гдѣ кулалась Медитина Петровна была уже въ водѣ и къ каждому крылу этой сѣти было приставлено по пяти человекъ. На обязанности ихъ лежало тащить сѣть на берегъ какъ только почувствуютъ они возню запутавшихся въ сѣти крокодиловъ; а для болѣе быстрого и вѣрнаго исполненія этого у каждаго берега было приставлено по одному изъ участниковъ въ лодкахъ. Эти обязаны были съ быстротою молніи въ случаѣ успѣха завести сѣть и при этомъ сильно ботать чтобы помѣшать крокодиламъ выпутаться изъ сѣти и броситься назадъ. Пунктъ этотъ считался самымъ важнымъ стратегическимъ пунктомъ, такъ какъ именно здѣсь, по общему убѣжденію, должна была разыгратъя настоящая драма.

На этомъ-то самомъ мѣстѣ расположился членъ Соколовъ со своими кадушками и солью. Онъ былъ въ самомъ возбужденномъ состояніи. Онъ то подбѣгалъ къ берегу, то къ кадушкамъ, то разставлялъ столы на которыхъ должна была производиться чистка рыбы; то заставлялъ сына своего,

который по молодости лѣтъ собирався было задать лезгача къ толпившимся неподалеку бабамъ и дѣвкамъ, натачивать хорошенько ножи; словомъ, членъ Соколовъ ни минуты не былъ спокоенъ и все упрашивалъ г. Знаменскаго приказать поскорѣе начинать. Между нами членъ этотъ побаивался и того какъ бы владѣльцы рѣки не вздумали прибыть на мѣсто и не отобрали бы рыбу.

Фельдшеръ Нирьютъ тѣмъ временемъ распоряжался погруженіемъ въ воду той сѣти которую должны были тянуть по рѣкѣ къ тому мѣсту гдѣ преграждалась рѣка уже погруженною сѣтью. Чтобы захватить большее пространство воды, Нирьютъ опустилъ сѣть гораздо выше того мѣста гдѣ купалась Мелитина Петровна, и надо отдать справедливость порученіе это исполнилъ блистательно. Во все время пока опускалась сѣть, тишина соблюдалась страшная! Всѣ распоряженія отдавались шелотомъ, и только плескъ воды изрѣдко нарушалъ эту тишину. Сѣть была опущена, и къ каждому ея крылу было приставлено по семи человекъ, на которыхъ была возложена обязанность тянуть сѣть.

Итакъ, то мѣсто рѣки гдѣ чаще всего появлялся крокодилъ было охвачено сѣтями. Но крокодилъ появлялся тоже и въ камышахъ густо покрывавшихъ на далекое пространство берегъ и затѣмъ примыкавшихъ къ лѣсу отдѣляющему деревню Грачевку отъ села Рычей. Надо было заставить крокодиловъ, буде они скрываются въ камышахъ, нырнуть въ воду. Для этого весь противоположный край камышей, начиная отъ самаго лѣса, былъ обставленъ цѣлью загонщиковъ. Загонщики эти держа другъ друга за руки по данному сигналу должны были идти камышами по направленію къ рѣкѣ. Такъ какъ людямъ этимъ болѣе всего грозила опасность и такъ какъ при малѣйшемъ нападеніи крокодиловъ цѣль могла дрогнуть и обратиться въ бѣгство, то для предупрежденія этого необходимо было выбрать командирами цѣли людей наиболѣе храбрыхъ и обладающихъ желѣзною волей. Люди эти не замедлили явиться въ силу того непреложнаго закона что война рождаетъ героевъ. Начальство приняло на себя членъ г. Знаменскій и неизвѣстный членъ общества укрощенія.

Затѣмъ оставалось укрѣпить лѣвый берегъ рѣки, на которомъ хотя и былъ расположена деревня Грачевка, но все-таки крокодилы могли пробраться и бѣжать, преслѣдованіе

же ихъ, по случаю расположенныхъ по берегу огородовъ облепленныхъ лентями, обсаженныхъ ветлами, дѣлалось почти невозможнымъ. Для предупрежденія этого весь лѣвый берегъ былъ тоже уставленъ цѣлью, но такъ какъ членовъ не хватало, то для составленія этой цѣли были приглашены мужики и бабы, которые за два ведра водки охотно согласились принять на себя эту обязанность. Командованіе цѣлью этой г. Заменскій поручилъ Кузьмѣ Васильевичу Чурносову, именно по тому тайному соображенію что Чурносовъ будучи довольно значительныхъ размѣровъ какъ по толщинѣ, такъ и по росту и сверхъ всего этого имѣвшій животъ напоминающій почтовый чемоданъ, представляя собою предметъ неудобопроглатимый. Итакъ всѣ пути для бѣгства крокодиловъ были отрѣзаны. Оставалось подать сигналъ чтобы вся эта машина пришла въ дѣйствіе. Нирьютъ обѣдя всѣ лосты и убѣдившись что все готово и отличается примѣрнымъ порядкомъ и что духъ людей превосходный, возвратился къ той сѣти которую должны были таять по рѣкѣ, взялъ ружье и сдѣлавъ выстрѣлъ на воздухъ, подавъ тѣмъ сигналъ къ открытію дѣйствій. Толпа какъ-будто дрогнула, но не прошло и минуты какъ все снова стихло, но стихло тою зловѣщею тишиной которая охватываетъ невольнымъ трепетомъ, пророка о наступающей грозѣ.... Все замерло!... ни одного возгласа!... ни одного громко сказаннаго слова... Слышалась только отдаленный трескъ камышей—это двигалась цѣль загонщиковъ!... Слышалась тихій плескъ воды—это подвигалась громадная сѣть!... Все локорилось этой воцарившейся тишиной; даже затихъ членъ Соколовъ, забывъ про свои кадучки!... Тихо и торжественно впереди двигавшейся сѣти плылъ на челоука дьяковъ Космодинскій... Онъ плылъ стоя, запрокинувъ подъ шляпу свои длинные волосы и неслышно огребалъ весломъ... Слышно было даже какъ капли съ весла падали въ воду... Вдругъ въ темнотѣ и именно въ цѣли загонщиковъ раздался страшный крикъ.

— Крокодилъ! крокодилъ! кричалъ кто-то.—Спасите! онъ схватилъ меня за ногу, онъ грызетъ ее!...

— Сомкнись! кричалъ неизвестный.

Цѣль загонщиковъ дрогнула, напруживаясь бѣжать, но неизвестный не допустилъ. Онъ былъ впереди, и выбросивъ вонъ сваченнаго крокодила, заставилъ цѣль снова сомкнуться... Стояшіе на берегу насторожились...

— Крокодилъ! раздался вдругъ голосъ.—Крокодилъ и меня схватилъ за ногу...

— Сомкнись! командовалъ неизвестный громовымъ голосомъ.—Сомкнись!...

Но тутъ вдругъ произошло нѣчто совершенно неожиданное. Цѣль загонщиковъ застояла и изъ камышей раздались десятки голосовъ молившихъ о помощи и кричавшихъ что ноги ихъ грызутъ крокодилы...

— Здѣсь цѣлое стадо крокодиловъ! кричали изъ камышей.

— Стадо крокодиловъ!... загремѣло отовсюду.

— Сомкнись! командовалъ неизвестный.

Но никто его уже не слушалъ. Цѣль дрогнула и тѣ что оставались еще не схваченными крокодилами обратились въ бѣгство... Неизвестный разразился бранью, со сжатыми кулаками бросился было останавливать загонщиковъ, но никто его не слушалъ. Разсерженный, разъяренный онъ вмѣстѣ съ г. Знаменскимъ, бросившимъ тоже свой постъ подъ вліяніемъ ужаса, выбѣжалъ на рѣку за подкрѣпленіемъ, но едва достигъ берега какъ вдругъ изъ-подъ ногъ его что-то бросилось въ воду и обдало неизвестнаго брызгами.

— Крокодилъ! завопилъ онъ во все горло отирая лицо платкомъ.

— Гдѣ, гдѣ? допрашивалъ подбѣжавшій г. Знаменскій.

— Да вотъ, здѣсь, выскочилъ изъ-подъ ногъ! указывалъ неизвестный. Но что всего страннѣе что крокодилъ этотъ какъ будто имѣлъ два хвоста!..

— Это ничего не значитъ! задыхаяся проговорилъ г. Знаменскій.—Ничего не значитъ. Я недавно прочелъ что въ нью-йоркскій аквариумъ привезено недавно изъ Японіи нѣсколько экземпляровъ рыбы даже съ тремя хвостами, на чешуѣ которыхъ переливаются въ самыхъ яркихъ отблѣкахъ всѣ семь цвѣтовъ радуги.

— Тутъ! тутъ! завопили въ ту же минуту державшіе сътъ.— Тутъ, тащи! тащи!

И дѣйствительно сътъ заколыхалась, заволилась; лодочки бросились за веревки, завели сътъ на тотъ берегъ гдѣ стояли кадучки члена Соколова, принялись тащить сътъ на берегъ... Народъ хлынулъ къ съти и вмѣсто крокодила весь окутанный водяными растеніями и разными раковинами былъ вытащенъ на берегъ Аскалиподотъ Психологовъ!.. Всѣ ахнули и только одинъ неизвестный сохранилъ полное хладнокровіе, и подойдя къ Аскалиподоту поклонившись проговорилъ:

— Сыщикъ тайной полиціи.

Всѣ изумились.

Между тѣмъ въ камышахъ продолжали раздаваться стоны и крики о помощи. „Спасите!“ раздавалось съ разныхъ сторонъ. „Крокодилы грызутъ насъ!“ Всѣ бросились въ камыши, но каково же было изумленіе толпы, когда на ногахъ раненыхъ, принесенныхъ изъ камышей, оказались не крокодилы, а разставленные волчьи капканы...

XIX

Только на третій день послѣ описаннаго Анфиса Ивановна возвратилась домой. Все случившееся ей уже было извѣстно, такъ какъ исправникъ, прокуроръ и *Опасный Василекъ* послѣ ловли крокодиловъ пріѣзжали къ предводителю и все подробно ей передали. Старушка все-таки ничего не могла понять изъ разказаннаго и все удивлялась зачѣмъ имъ понадобилась Мелитина Петровна и Аскапидодоть Психологовъ, и какъ это такъ случилось, что вмѣсто крокодиловъ попалась въ сѣть Аскапидодоть—стало-быть крокодилы все-таки остались! Не понимала также Анфиса Ивановна куда уѣхала Мелитина Петровна и отчего она не подождала ее и не простилась съ нею. Но болѣе всего удивляло ее зачѣмъ арестовали Аскапидодота, тогда какъ она уладила его дѣло и прокуроръ его *простилъ*. Онъ даже самъ говорилъ ей объ этомъ. Пріѣхавъ домой она все слышанное передала Домнѣ, Дарьѣ Федоровнѣ и Зотычу; но и тѣ тоже не поняли ничего. Но когда Анфиса Ивановна отворила комодъ чтобы спрятать серьги и брошку, которыя надѣвала къ предводителю, и когда съ ужасомъ замѣтила она что шкатулка въ которой сохранились ея брилліанты сломана и что брилліантовъ нѣтъ, Анфиса Ивановна вдругъ прозрѣла.

— Вѣдь брилліантовъ нѣтъ! воскликнула она.

— Гдѣ жь они? подхватили Зотычъ, Домна и Дарья Федоровна.

— И шкатулка сломана. Вѣдь это племянница украла!

Старики переглянулись.

— Она и есть! вскрикнулъ Зотычъ.

И онъ разказалъ что дѣйствительно во время отсутствія Анфисы Ивановны, Мелитина Петровна входила въ ея спальню,

вышла оттуда Домну, заперлась въ спальнѣ на ключъ и долго тамъ пробыла; а когда оттуда вышла, то заперлась олять въ своей комнатѣ и имъ послышался изъ комнаты запахъ дыма; они было перелугались, но Мелитина Петровна вышла къ нимъ въ залу и объявила что дымъ этотъ отъ того что она жгла бумаги, и послѣ этого они уже Мелитину Петровну болѣе не видали. Въ тотъ же самый день Анфиса Ивановна получила съ почты письмо слѣдующаго содержанія:

„Милостивая государыня Анфиса Ивановна. — По встрѣтившимся обстоятельствамъ я нашлась вынужденною тайно покинуть вашъ домъ и прошу васъ извинить меня, что по нѣкоторымъ соображеніямъ мнѣ пришлось васъ обмануть. Но цѣль оправдываетъ средства. Теперь, когда я далеко уже отъ вашего гостепріимнаго крова, мнѣ становится возможнымъ открыть вамъ что я вовсе не ваша племянница, вовсе не Мелитина Петровна и о вашемъ существованіи случайно узнала отъ Аскашлѣдота въ вагонѣ Рязанской дороги. Изъ его же разговоровъ я узнала что у васъ есть племянница Мелитина Петровна, которую вы видѣли еще груднымъ ребенкомъ и мужъ которой воюетъ въ Сербіи, и мнѣ пришло въ голову пріѣхать къ вамъ подъ именемъ племянницы. Я вѣдала совершенно не къ вамъ, совершенно не въ вашу губернію, но рѣшилась измѣнить маршрутъ и пріѣхать къ вамъ для достиженія извѣстныхъ мнѣ цѣлей. Но расчеты мои оказались невѣрными, и я привуждена была перенести свою дѣятельность на почву болѣе благодарную. Такъ какъ мнѣ нужны были деньги, а таковыхъ по тщательному моему розыску у васъ не оказалось, то мнѣ и пришлось распорядиться вашими брилліантами, продавъ которые я выручила лишь пятьдесятъ семь рублей сорокъ двѣ коп., каковыя деньги и употреблены мною на издержки по проѣзду. Не трудитесь меня разыскивать; я не изъ тѣхъ что вмѣстѣ съ лягушками попадаютъ въ свѣтъ. Утѣшаю себя мыслію что прочитавъ это письмо вы не будете сожалѣть о своихъ брилліантахъ, такъ какъ взаимѣвъ ихъ вы получаете спокойствіе вытекающее изъ убѣжденія что крокодиловъ въ имѣніи вашемъ болѣе нѣтъ.“

— Слава тебѣ Господи! проговорила Анфиса Ивановна, набожно крестясь и складывая письмо.

— Что такое? спросили Зотычъ, Домна и Дарья Федорова.

— Крокодиловъ у насъ нѣтъ.

— Ну и слава тебѣ Господи! проговорили старики тоже крестясь.—Да кто же это пишетъ-то вамъ?

— Я и сама не знаю кто, отвѣтила Аяфиса Ивановна и тутъ же забыла про все происшедшее въ эти дни.

Недѣлю черезъ двѣ послѣ этого, въ камерѣ мирового судьи разбиралось дѣло по обвиненію приставомъ 4го стама личнаго почетнаго гражданина Знаменскаго въ распростра-
неніи ложныхъ слуховъ о появленіи будто бы въ рѣкѣ Грачевкѣ крокодиловъ, то-есть слуховъ хоти и не имѣющихъ политической цѣли, но возбуждающихъ безлокойство въ умахъ. Камера была биткомъ набита лубайкой, тутъ были: непрѣмный членъ, Соколовъ, Чурносовъ, Гусевъ, Годубевъ, Иванъ Максимовичъ, Нирьютъ и всѣ члены общества ревнителей. Несчастный Знаменскій, распростудившійся и расхворавшійся, стоялъ весь окутанный шарфами, въ теломъ ваточномъ плащѣ, щелкая зубами отъ бывшей его лихорадки. Лицо его позеленѣло еще болѣе, глаза выкатились и точно хотѣли выскочить изъ предназначеннаго имъ помѣщенія. Судья писалъ приговоръ; все было тихо и только скрилъ судейскаго лера да лобрякиваніе судейскаго знака нарушали эту мертвую тишину. Наконецъ судья пригласилъ всѣхъ встать и объявилъ что, признавая г. Знаменскаго виновнымъ въ распространеніи ложныхъ слуховъ о появившихся крокодилахъ, чѣмъ и возбудилъ безлокойство въ умахъ многихъ окрестныхъ жителей, оны приговорилъ: на основаніи ст. 119 Устава Угол. Суд. и ст. 37 Устава о Нак. над. мировыми судьями личнаго почетнаго гражданина Знаменскаго подвергнуть аресту на пятнадцать дней.

Всѣ выслушавъ приговоръ вышли изъ камеры.

— Чтѣ? разсуждалъ Иванъ Максимовичъ.—Я говорилъ что будетъ *насчетъ затылочнаго и шейнаго...*

Всѣ захохотали.

— Вотъ гдѣ грѣха-то куча! проговорилъ оны.—*Вотъ такъ съ волкомъ двадцать, сорокъ пятнадцать, въ кургузые, одинъ безъ хвоста...* Ну а вы какъ, Кузьма Васильчъ? прибавилъ оны, обращаясь къ Чурносову,—насчетъ денежнаго-то, съ *узгорской-то* получили, аль нѣтъ?... Вѣдь вы, кажись, петербургской-то серію насчетъ заемной комиссіи дали.... хе, хе, хе! Вотъ грѣха-то куча!...

Чурносовъ надудея, запыхтѣлъ и ничего не отвѣтилъ.

— Да чего тамъ толковать-то! проговорилъ Соколовъ.— Она и у меня по лавкѣ забора рублей на тридцать одѣлаала...

Между тѣмъ по окончаніи разбора непремѣнный членъ завернулъ къ мировому судѣ.

— А ты, любезный другъ, горячился непремѣнный, — кажется помѣшался на арестахъ.

— А чтò? хладнокровно спросилъ судья.

— Да какъ же! И Анфису Иванову хотѣлъ подѣ арестъ, и Знаменскаго туда же...

— Вѣдь нельзя же...

— Да не видишь развѣ, человекъ больной, нервный... Ну жалко что я не зналъ о разборѣ этого дѣла... Я бы явился въ твою камеру защитникомъ Знаменскаго.

— И все то же было бы.

— Нѣтъ, постой, любезный другъ... Я вѣдь читалъ статьи про морскихъ чудовищъ! Такъ ты мнѣ вотъ и скажи теперь... Отчего же всѣхъ этихъ миссіонеровъ Гансовъ Егедовъ, елсикоповъ Понтолидаговъ, всѣхъ этихъ ученыхъ и этихъ разныхъ капитановъ Древаровъ, которые чортъ ихъ знаетъ чего только не писали въ газетахъ про морскихъ чудовищъ... этихъ подѣ арестъ не сажаютъ, а Знаменскаго потому что онъ семивариетъ, его сажаютъ!

— Ты писали правду, замѣтилъ судья.

— Нѣтъ врешь! Смиль доказалъ, понимаешь ли, доказалъ что все это вздоръ и что всѣ эти морскія чудовища не что иное какъ водяныя поросли громадныхъ размѣровъ... Вотъ ты бы имъ и послалъ повѣстку, да ихъ-то бы въ арестантскую и засадилъ.

— Они не въ моемъ участкѣ, проговорилъ серьезно мировой судья, и этимъ невозмутимымъ хладнокровіемъ еще болѣе разсердилъ непремѣннаго члена.

— А есаибъ они были въ твоемъ участкѣ?

— Тогда и ихъ бы засадилъ.

Непремѣнный членъ разсердился окончательно.

Въ тотъ же вечеръ Иванъ Максимовичъ былъ въ лавкѣ Соколова, предъ которымъ стоялъ съ ярищурскими своими глазками и говорилъ:

— Однако учителя-то у насъ съ оцуу! Одинъ насчетъ крокодильныхъ дѣловъ, другой насчетъ угорскаго... Этакъ чего добраго и внуки-то наши грамотной коммисіи не познають. Вотъ гдѣ грѣха-то куча!

Иванъ Максимовичъ покачалъ головой...

И. САЛОВЪ.

ПРОРОКЪ*

ПОЭМА ВЪ ДЕСЯТИ ПѢСНЯХЪ

РОБЕРТА ГАМЕРЛИНГА

ПЕРЕВОДЪ О. Б. МИЛЛЕРА

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ

Моіо.

Изо дня въ день неуставно съ утра до вечерняго часа
Съ площади Мюнстера къ людямъ вѣщаль проповѣдникъ
маститый.

Рвенія полный, въ сердцахъ всѣхъ внимающихъ его по-
ученьямъ,

Старець хотѣлъ пробудить къ возвышенной цѣли стре-
мленье:

Къ полной свободѣ въ союзѣ со строгостью жизни святою,
Къ той чистотѣ что могла бы въ самомъ человѣкѣ устроить
Храмъ божества, навсегда устраняющій всякую внѣшность.

* Предпочитаемъ такъ замѣнить заглавіе *Король Сіона* выставленное въ предыдущей книжкѣ и къ какому прибѣгъ переводчикъ чтобъ избѣгнуть библейскаго выраженія *Царь Сіона*. См. *Русскій Вѣстникъ* № 4, 1879 г. *Прим. Ред.*

Трудъ исполнивскій онъ несъ, и порой его силы слабыи,
Но онъ поддерживалъ ихъ лихорадочнымъ нервъ напря-
женьемъ.

Трудъ былъ успѣшенъ его,—и у многихъ сердца возгорѣ-
лись:

Времени духъ ихъ заранѣ къ тому приготовилъ, и часто,
Пламенной рѣчи внимаая, мушны и жены владали
Въ религиозный восторгъ, начинали вѣщать предъ наро-
домъ

И изступленно зывали, по городу бѣгая: „кайтесь!
Кайтесь, да увидите въ царство небесное, въ царство сво-
боды

И чистоты совершенной!“ Сначала надъ ними смѣялись,
Но, съ любопытствомъ ихъ слушая, сами лотомъ заража-
лись

Тѣмъ же священнымъ восторгомъ. О царствѣ грядущемъ
нѣмые

Стали вѣщать, а слѣпые — о знаменьяхъ видѣнныхъ въ
небѣ.

Каждый бродящій по городу нищій и каждый безумный
Благоговѣяе къ себѣ возбуждали своимъ появленіемъ:
Въ каждомъ болтаньи безумца таинственный смыслъ на-
ходили.

Но не одинъ лишь народъ, и дворянъ увлекало теченье;
Много монаховъ, монахинь, оставивши кельи, бѣжало
Къ анабалтистамъ и рвеньемъ тѣмъ же отъ нихъ вдохно-
влялось.

Такъ волновался весь городъ, объятый священнымъ
безумствомъ;

И постоянно въ него прибывали толпы отовсюду.
Зову пророка внимаая, текутъ перекрещенцевъ волны
Черезъ лѣса и болота: текутъ изъ Голландіи дальней,
Изъ Остфризландіи, гдѣ они съ моремъ въ борьбѣ лосто-
янной,

И съ Мекленбургскихъ полей, и съ Нѣмецкаго моря, и съ
Эльбы,

Съ Рейна, съ цвѣтущихъ луговъ, гдѣ широкій Дунай про-
текаетъ,

Съ горныхъ альпійскихъ вершинъ, заселенныхъ лѣвучимъ
народомъ.

Идутъ толпами и порознь къ собратьямъ своимъ по ученью
Въ Мюнстеръ чтобъ новый Сіонъ основать въ его стѣ-
нахъ старинныхъ.

Съ ними пришла и ватага изъ племена вѣчно бродящихъ
И чернокудрыхъ скитальцевъ: они, за женою пророка
Сидяща тайно, ее охраняли какъ свита царицу.

Мюнстеръ, городъ священный! какъ нынѣ онъ вдругъ
измѣнился!

Поодиночкѣ и робко въ немъ бродятъ теперь лютеране,
Какъ и лаяеты съ тѣхъ поръ, какъ былъ обществомъ
города избранъ

Новый совѣтъ, гдѣ засѣли приверженцы всѣ Маттиссона,
Но этотъ самый совѣтъ обладалъ только призракомъ власти:
Въ Мюнстерѣ всемъ управлялъ полноваastically лишь лекаръ
гарлемскій.

Слова созвавъ онъ народъ на обширную ратуши
площадь

И лоучалъ, какъ имъ лучше устроить порядокъ Сіона.

Вдругъ изъ толпы предъ нимъ выступаетъ горбунъ без-
образный,

Съ рыжей щетиною вмѣсто волосъ, назывался онъ Крех-
тингъ;

Богъ его знаетъ, откуда пришелъ онъ, но онъ постоянно
Былъ при толпѣ чернокудрыхъ бродягъ, окружавшихъ
Дивару.

Онъ всегда горячо разсуждалъ на собраньяхъ и нынѣ
Предъ Маттиссономъ предсталъ, негодуя и жадуясь горько
Что имъ, пришельцамъ, тутъ жить тяжело, изъ-за крова и
лицу

Всѣмъ угождая, какъ нищіе, всемъ какъ рабы подчиняясь.
А лютеране межъ тѣмъ и лаяеты живутъ беззаботно
Въ монастыряхъ и дворцахъ, величались надменно предъ
ними.

„Было бы лучше,—сказалъ онъ,—всѣхъ этихъ погразшихъ
во мракѣ

Выслать изъ города вонъ: имъ, врагамъ закоснѣлымъ
Сіона,

Не подобааетъ правами Сіона гражданъ наслаждаться.

Развѣ не близко епископъ? И каждый кто нынѣ не съ
нами,

Тотъ нашъ противникъ и врагъ и предатель, и если нашъ
городъ

Будеть въ осаждѣ, то намъ они будутъ тѣмъ больше опасны.
Помни объ этомъ, пророкъ, и подумай о средствахъ сла-
сенья!“

Такъ горячился горбувъ, выкрикая провозительно рѣзкимъ
Голосомъ каждое слово, и старецъ отвѣтилъ назау
Что онъ войдетъ въ совѣщаніе съ духомъ своимъ и испол-
нить

То что внушитъ ему Богъ, и объ этомъ повѣдаетъ завтра,
Такъ онъ сказалъ и въ глубокомъ раздумьѣ ушелъ отъ
народа.

Но этотъ заутренній голосъ, который онъ чаялъ усамнать,
Не былъ ли, шолотомъ устъ его смуглой жемъ—чародѣйки,
Слящему мужу въ ночи свои думы нерѣдко шелтавшей?

Вотъ наступило и утро грядущаго дня, и по стогнамъ
Ѣдетъ герольдъ объявляя что если въ теченіи трехъ сутокъ
Кто не причислится къ вѣрнымъ, принявши второе кре-
щеніе,

Тотъ да оставитъ немедленно мѣсто святое Сіона!
На городской площади поставили кадку съ водою;
Ротманъ стоитъ передъ нею, съ утра и до ночи усердно
Всѣхъ приходящихъ креститься трикратно водою окропая.
И произноситъ при этомъ слова перекрещенцевъ: „Слово
Плотію стало и въ насъ обитаетъ. Да будетъ надъ вами,
Вновь возрожденными въ духъ, наитіе Господа Бога!“
Три дня прошло, и къ собранію на площадь снова сзываетъ
Гражданъ Сіона пророкъ. Отовсюду толпы потанулись
И Маттиссонъ увидалъ какъ онъ возрасли въ это время.
Тутъ же онъ вѣсть услышалъ что тѣ кто не принялъ кре-
щенія

Мюнстеръ готовы покинуть, къ воротамъ его направляясь.
„Братья!—сказалъ онъ тогда,—издалека пришедшіе! нынѣ
Въ дома Сіона враговъ водворитесь и мирно живите!“
Снова явился предъ нимъ говорливый, назойливый Крех-
тингъ,

Съ голосомъ тонко-пискавнымъ который предъ рѣчью про-
рока,

Тихой и лавной и прочихъ Сіона мужей вдохновенныхъ
Рѣзкимъ звучалъ диссонансомъ, и смѣло спросилъ у про-
рока:

Какъ онъ отнынѣ намѣренъ устроить всѣхъ гражданъ Си-
она?

Какъ содержать и кормить всѣхъ прибывшихъ на помощь
Сіону?

Съ жаромъ возвысивши голосъ, отвѣтилъ пророкъ что на-
стало

Время взаимной любви, святой и высокой, что нынѣ
Каждый проникнуться долженъ святаго ученія словомъ,
Страсти въ себѣ усмирять, устрояясь отъ зла и раздора;
Что и у нихъ, какъ у древнихъ служителей церкви Гос-
подней,

Общею и нераздѣльною всякая собственность будетъ.
„Тысячи лѣтъ передъ нами стоитъ какъ страшилище,—
міра,—

Такъ продолжалъ онъ,—нужда, истомляемая голодомъ и жаж-
дой:

Пугало это страшнѣе войны и ужаснѣе рабства!
Чтобъ положить ей конецъ мы должны уравнивать достоянье;
Жизнію пользуйся каждый! О, да подавится жадный
Жирный обжора кускомъ при мысли что онъ пожираетъ
Мельшаго брата кусокъ! Удрученный глубокою думой,
Какъ это зло устранить, я пришелъ къ заключенью, о бря-
тъ,

Что умертвить самолюбіе можно одною любовью,
Что лишь она улаживаетъ печальную долю страдающаго:
Ибо она для собрата готова на всякую жертву.
Братья и сестры! придите, и если святою любовью
Сердце исполнено ваше, раздѣлимъ все достоянье,
И на себѣ испытаемъ какъ можно съобща наслаждаться
Жизни дарами, дѣля межъ собою труды и заботы
Въ новомъ Сіонѣ, дѣля и утѣхи его и награды.
Пусть принесетъ сюда каждый все то что своимъ назы-
ваетъ,

Въ общее всѣмъ достоянье, и да не увидимъ отнынѣ
Въ пышной одеждѣ много, межъ тѣмъ какъ другой на мо-
розѣ

Зябнетъ въ лохмотьяхъ своихъ, не увидимъ за трапезой
пышной

Вкусъ улаждающихъ свой предъ лицомъ голодающихъ
братевъ:

Каждому платье готово, и всѣ мы отнынѣ какъ братья,
Дѣти единой семьи, будемъ вмѣстѣ сходиться къ обѣду.“

Такъ говорилъ онъ и долго его вдохновенное слово
 Въ душу толпы проливало союза священнаго сладость,
 Строго бичуя укорами живыхъ расточителей пышныхъ,
 Кару небесъ имъ пророка за то что они оставляли
 Предъ воротами своими томиться больныхъ и голодныхъ.
 Пламенной рѣчи слова потрясали сердца предстоящихъ,
 Многие тутъ же отъ нихъ, вдохновившись священнымъ во-
 сторгомъ,

Стали вѣщать и паясать, прославляя блаженство Сіонъ.
 Всѣ заключали другъ друга въ объятія, съ врагами своими
 Всѣ примириться слѣшили, и тутъ предъ глазами пророка
 Въ вѣчной клялися любви и въ союзъ священнаго братства.
 Въ дома свои послѣшивъ, тамъ собрали свое достоянье,
 На площадь все привесали и сложили къ ногамъ Маттисона.
 Все что добыто годами трудовъ,—все запасные свертки
 Золота и серебра,—отдавалось гражданамъ въ кассу.
 Жены, отрекшись отъ всякихъ уборовъ, смосили къ пророку
 Всѣ драгоценныя вещи свои, и кораллы, и перлы.
 Даже и тотъ кто остался холоднымъ и тайную аичность
 Въ сердцѣ хранилъ, уступалъ уваскаемый силой теченья.

Въ улицахъ Мюстера давка и шумъ отъ толпы много-
 людной:

Странники ищутъ пріютовъ назначенныхъ имъ, а граждане
 Не захотѣвшіе быть окрещенными вновь послѣшаютъ
 Городъ родимый покинуть, бросая печальныя взоры
 На оставаемый домъ и со страхомъ взирая на пришельцъ.
 Всюду печаль и смущенье въ толпахъ изгоняемыхъ, всюду
 Слышатся вопли, укору между дѣтьми и отцами,
 Братья негодую расходятся съ братьемъ, отступникомъ въры,
 Мужъ покидаетъ жену, женихъ—дорогую невесту.

Дьяконы, слуги пророка, по улицамъ ходятъ и всюду
 Все что находятъ въ домахъ, собираютъ въ особые склады.
 Крехтингъ, какъ старшій надъ ними, ведетъ это дѣло не
 въ духѣ

Гражданъ смиренныхъ Сіона, а грубо и дерзко хватаетъ
 Все что цѣннѣе изъ рукъ у того кто даетъ добровольно.
 Изъ погребовъ и амбаровъ выносятъ запасы и тутъ же
 Ими возы нагружаютъ: на томъ возвышается гряда
 Ржи и пшеницы въ мѣшкахъ, на этомъ—боченки съ сельдами,
 Масло на томъ, и сыры, и треска, и другіе припасы.
 Даже и кони, и скотъ переписаны всѣ поголовно.

Бдутъ возы и не медалъ назадъ возвращаются къ мѣсту
 Новую кладъ забирать и свозить въ кладовыя Сіона.
 Кто этотъ важный толстакъ, съ подбородкомъ двойнымъ,
 съ золотою

Цѣпью на шеѣ мясистой? Куда онъ стѣшится въ экилажѣ
 Въ свитѣ ливрейныхъ лакеевъ своихъ? То отецъ-настоя-
 тель

Церкви святаго Маврикія. Бѣдный прелатъ! Запоздалъ
 онъ:

Видно чрезъ мѣру глубоко въ бокалъ заглянулъ и, про-
 славши

Данный для выѣзда срокъ, среди бѣлаго дня появилась!
 Возъ провожавшій его нагруженъ дорогами вещами,
 Пухлые пальцы прелата въ перстняхъ драгоценныхъ, на
 шеѣ

Цѣль золотая, а бѣлыя руки, заплывшія жиромъ,
 На животѣ отдыхаютъ... О, бѣдный толстакъ! для чего ты
 Тутъ появился въ толлѣ въ день великаго съ вами раз-
 чета?

Горе тебѣ! вотъ ужъ Крехтингъ лукавый тебя опримѣ-
 тилъ!

Съ вязкимъ поклономъ, съ ужимкой смѣшною, горбунъ
 подбѣгаетъ.

Коней беретъ за узду и ему говорить ухмыляясь:
 „Достопочтенный владыка! желаю вамъ счастья въ дорогѣ!
 Съ миромъ идите отъ насъ, только возикъ свой намъ вы
 оставьте:

Въ Мюнстерѣ нынче устроена община всѣхъ достойнѣй,
 И, по завету пророка, все ваше добро мы отправимъ
 Въ ратушу, гдѣ оно будетъ храниться съ имуществомъ
 гражданъ.

Васъ же, за то что домыкѣ изъ города вы не убрались,
 Общій постигнетъ законъ и затѣмъ потрудитесь намъ вы-
 дать

Все что есть цѣнное съ вами.“—Сказалъ и по данному
 знаку

Вдругъ на прелата набросались Крехтинга слуги и мигомъ
 Патеръ, оциланый ими остался въ своемъ экилажѣ
 Точно лавликъ безъ хвоста и надулся, багровый отъ гнѣва;
 Но получивши свободу, послѣшно покинулъ онъ Мюнстеръ,
 Мщенью небесъ предая и городъ, и всѣхъ изувѣровъ.

Скоро очищенъ былъ Мюнстеръ отъ лютерцевъ и отъ папастовъ;

Анабаптисты, увидя себѣ въ обладаніи мѣстомъ,
Имъ обѣтованнымъ свыше, воспрянули духомъ и вскорѣ
Неудержимый восторгъ замѣнилъ ихъ обычную мрачность.
Между толпами веселыхъ ходилъ Маттисонъ, восхваляя
Гражданъ усердныхъ Сіона за ихъ добровольныя жертвы.
Но средь толпы появилась, сверкая глазами, могучій
Бертъ Книппердоллингъ и крикнулъ: „зачѣмъ мы гоня-

емся только

За воробьями, а лучшую дичь оставляемъ въ локоу?
Въ монастыряхъ и церквахъ—вотъ гдѣ больше всего мы
добычи

Можемъ собрать: тамъ сосуды есть цѣнныя, ризы, ковчеги
И дорогія лампады, и всякаго золота много
Праздно лежащаго тамъ и пригоднаго для переплава.
Что тутъ намъ долго раздумывать, братцы? Пойдемте-ка
въ церкви!“

„Въ церкви!“ толпа закричала, и ей, головою кивая,
Маттисонъ далъ одобренье. Всѣ бросились тотчасъ къ со-
бору.

Бертъ Книппердоллингъ могучей рукою отворилъ его
двери,

И съ Маттисономъ во главѣ вся ватага, шлепъ не сви-
мая,

Шумно вступила въ святилище, гдѣ въ полумракѣ свя-
щенномъ

На двадцати алтаряхъ полукругомъ стоятъ изваянья
Ангеловъ, благоговѣнно возведшихъ глаза свои къ небу,
А со стѣны на толпу взираетъ спокойно и кротко
Ликъ Богоматери дивный, сіяя златымъ одѣяньемъ.

Но всѣхъ святителей лики въ жилищѣ небснаго мира
Были безсильны теперь, и напрасно отъ горняго мѣста,
Пламенный мечъ поднимая, грозилъ херувимъ нечестивымъ!

Сумрачны блѣдныя лики у мраморныхъ евангелистовъ,
Что охраняютъ алтарь—четыре громадныхъ фигуры:
Ликъ обращаая къ толпѣ, оной правой рукою указуютъ
На разогнутую книгу, которую поднималъ лѣвой.

Вспыхнули взоры пророка при взглядѣ на мраморныхъ
стражей;

Ликъ омрачился его и надмурились брови. „Смотрите,—

Такъ онъ сказалъ,—какъ надменно стоятъ эти мертвые
камни,
Какъ они каменнымъ пальцемъ на каменный листъ ука-
зуютъ!

Съ каменныхъ устъ ихъ какъ будто еще раздается въ-
щанье,

Что оживало когда-то сердца человѣковъ! Но нынѣ
Евангелисты ины намъ нужны съ евангелиемъ новымъ.

Вотъ, посмотрите: ихъ каменный перстъ указываетъ на
слово,

Мертвое нынѣ; оно только духъ нашъ страшить и сму-
щаетъ.

Въ формѣ бездушной Господь сталъ идоломъ мертвымъ,
а идоломъ

Демономъ сталъ наконецъ. Отъ него мы избавиться мо-
жемъ,

Если тотъ идоломъ разрушимъ. Судьба не щадитъ и живаго;
Такъ для чего же мы будемъ щадить эти мертвые камни?*

И на ступени взойдя онъ казался гигантомъ, и крик-
нулъ:

„Я разрушаю сей камень и духу дарую свободу!“

Съ пламеннымъ взоромъ могучей рукою толкнулъ изва-
янье,

И оно съ громомъ улоло на каменный полъ и разбилось;

Эхо ладеня ударъ повторило подъ сводами храма,

И задрожали они, и дрогнула съ ними неволью

Анабалтистовъ ватага. Одинъ лишь пророкъ величаво

Между обломковъ стоитъ какъ титанъ угрожающій небу

И незадолго низринувшій къ людямъ боговъ ихъ на землю...

Прежде другихъ Книппердолингъ опомнился и обра-
тившись

Къ прочимъ сказалъ, улыбаясь: „мнѣ жаль этихъ мрамор-
ныхъ куколъ;

Но вотъ серебряныхъ тамъ мы навѣрное рушить не ста-
немъ,

А сохранимъ и изъ нихъ поназдѣлаемъ талеровъ свѣтлыхъ:
Это алостомы все, такъ лускай они по свѣту ходить.“

И съ этимъ словомъ смѣясь онъ сорвалъ съ алтаря укра-
шенье—

Эти двѣнадцать фигуръ, мастерское творенье искусства.

Тутъ, по примѣру его, перекрещенцы стали послѣшно

Все обрывать и снимать что цѣнаше: лампы, сосуды,
Паникадила, кресты и мощей позлащенные раки.
Все это сорвано было и сложено въ кучу, а послѣ
Въ ящикахъ и въ коробахъ снесено въ кладовыя Сіона.
Съ крикомъ неистовымъ вдругъ врывается въ церковь ва-
тага

Черноволосыхъ сыновъ бродячаго племени. Съ ними,
Сидя верхомъ на конѣ, выѣзжаетъ и Крехтингъ горбатый
И, у одной изъ колоннъ алтаря привязавъ свою лошадь,
Началъ бродягъ поощрять довершить истребленія дѣла.
И довершили они! Все что храму служило красую,
Что благоуліемъ въ немъ и величьемъ взоръ поражаало,—
Все это пало отъ рукъ изуверовъ, все было разбито,
Осквернено, исковеркано.—Жалобно съ хоръ загудѣли
Звуки органной трубы, до которой случайно коснулся
Грязной рукою Цыганъ: эти звуки казались безсильнымъ
Воплемъ гиганта въ цѣляхъ подъ бичами свирѣлыхъ пиг-
меевъ!

Вышелъ изъ храма пророкъ и за нимъ Книппердоллингъ.
Съ усмѣшкой

Онъ указалъ на дома окружавшіе зданье собора.
Это все были жилища канониковъ. „Жаль мнѣ,—сказалъ
онъ—

Что улетѣла изъ гнѣздъ эта стая улитавныхъ птишекъ
И утащила съ собою все яйца свои золотыя!
Эти почтенные мужи, набивши добромъ чемоданы
И сундуки, удалились, оставивъ намъ голыя стѣны.
Только одинъ лишь изъ нихъ, не успѣвшій до срока
убраться,
Все что забралъ впопыхахъ, то опять растерялъ на до-
рогѣ.

Вотъ его пышный дворецъ и жилось ему въ немъ преот-
лично!

Мельхиоръ имя ему, онъ изъ знатаго рода фонъ Бюренъ;
Здѣсь, окруженный красотками, жилъ онъ лиры задавая,
Шумно попойки справлялъ и охотой порой занимался.“

Остановился пророкъ, и толпа съ любопытствомъ гля-
дѣла

На величавое зданіе. Потомъ съ Книппердоллингомъ вѣсть
Шумной толпою вступила во внутренность самаго зданья.

Были неслышны шаги ихъ по заламъ покрытымъ ко-
врами;

Стѣны кругомъ украшали картины лѣвнтельныхъ видовъ:
Тамъ отдыхаетъ Диана въ лѣсу, а кругомъ ея свора
Псовъ утомленныхъ, рассыпавшись спитъ; тамъ верхомъ
на бочекѣ,

Весь виноградомъ обвитый, сидитъ, улыбаяся, Бахусъ,
А вокругъ него граціозно танцуютъ веселыя дѣвы;
Тамъ почиваетъ Венера въ красивой бесѣдкѣ на розахъ,
А кулидонъ шаловливый склонился надъ нею и жадно
Смотритъ на прелести спящей. Тутъ были и разныя игры:
Шахматы, кости, а также и скрипки, и флейты, и гусли.
Такъ какъ хозяинъ дворца былъ дворянскаго рода, то были
Тутъ и дослѣхи которые до посвященья въ монахи
Онъ надѣвалъ на себя, упражняясь въ искусствѣ военномъ:
Панцири, шлемы, мечи, листолеты, лищади и шпory.

Изъ дому выходъ былъ въ садъ, разукрашенный пышно
цвѣтами;

Стѣны бесѣдокъ и гротовъ лестрѣбли отъ раковинъ рѣдкихъ
И разноцвѣтныхъ каменьевъ которые въ разныхъ узорахъ
Ихъ украшали; фонтаны пріятною вѣя прохладою
Были среди цвѣтннковъ; въ сторонѣ лавальонъ возвы-
шался,

Весь виноградомъ и лющемъ обвитый; пурпурныя сторы
Окна его закрывали. Когда изумленные лышной
Прелестью зданья вступили въ него перекрещенцы, взоры
Ихъ видали уборы изъ шелковыхъ тканей: мантильи,
Разныхъ цвѣтовъ пояса, золотыя шнуры для вылетенья.
Въ женскую косу, красивыя шитыя жемчугомъ туфли,
Гребни, корсеты изъ красной камки, а въ уютномъ аль-
ковѣ

Скрытое пологомъ алымъ стояло роскошное ложе.

„Въ этомъ пріютѣ жила одна изъ наложницъ прелата,—
Бертъ Книллердоллингъ сказалъ;—у него вѣдъ ихъ нѣ-
сколько было;

Тутъ же хранилъ онъ красотку, къ которой всѣхъ больше
лежало

Сердце его—Габріелю фонъ-Отвицъ: онъ такъ околдовалъ
Этой красавицей былъ что пируя съ своими друзьями
Пилъ изъ ея башмака какъ Полякъ. Да, недавно все-
сильны

Въ Мюнстерѣ были каноники, но они всѣ подчинялись
Водѣ наложницъ своихъ, которыхъ они называли
Ради приличья своею племянницей или сестрою,
И на парадныхъ обѣдахъ, какъ дома хозяйка, имѣла
Главное мѣсто племянница, то-есть наложница эта.“

Много различнаго скарба нашли они въ домѣ прелата;
Но не нашли одного—божественныхъ книгъ; лишь въ кор-
зинѣ

Подлѣ постели прелата лежала дрянная книжонка,
Только какъ видно она не для чтенья служила прелату:
Много листовъ изъ нея было вырвано имъ для чего-то...

Изъ дому вышелъ пророкъ и на улицѣ встрѣтилъ ва-
тагу

Анабаптистовъ которые съ радостнымъ крикомъ, ликуя,
Двухъ монаховъ вели, издѣваясь и тѣпаясь надъ ними.
Кто жь это были? Тѣ самые Павелъ и Петръ что недавно
Выгнаны были съ позоромъ изъ погреба лютерцемъ гру-
бымъ.

„Были сейчасъ мы, — сказалъ тутъ одинъ изъ толпы, — за
рѣкою

Въ монастырѣ опустѣломъ. Когда мы спустились въ под-
валы

Чтобъ посмотрѣть, не осталось ли тамъ позабытыхъ за-
пасовъ

Винъ монастырскихъ, то вдругъ увидали верхомъ на бо-
ченкѣ

Этого вотъ толстакъ: онъ сидѣлъ на отличномъ рейнвейнѣ
Съ кубкомъ въ рукахъ и, смѣясь, предложилъ намъ при-
нять угощенье.

Вся его братья, сказалъ онъ, давно наострила ужь лыжи,
Только одинъ онъ остался хозяиномъ въ этомъ подвалѣ.

Тутъ де ему претолчно и онъ, въ тишинѣ подземелья
Вовсе не слышитъ тревоги волнующей городъ, и радъ бы
Еслибъ его мы оставили тутъ до скончанія міра.

Мы у него передъ носомъ бочки всѣ изъ подвала
Выкативъ взяли съ собой, и за нами пошелъ онъ охотно.

Этого жь вотъ сухопарага мы отыскали случайно:

Въ кельѣ сидѣлъ онъ своей за какою-то старою книгой
И, углубившись въ нее, позабылъ что творится на свѣтѣ.

Только онъ насъ увидалъ какъ сказалъ намъ серьезно:
„читайте:

Вотъ questiones, рѣшить ихъ лишь можетъ глубокая мудрость.

Сарут primum: какое количество ангеловъ можетъ лишь на игольномъ одномъ острiѣ умѣститься? Secundum: Меньше грѣха умертвить челоѵка чѣмъ въ праздникъ работать.

Tertium sarut: достойнѣе будетъ предать лотоленью Грѣшницу, заую колдунью одну, чѣмъ спасти въ наводненье

Жизнь двѣнадцати тысячамъ душъ христіанъ утопавшихъ. " Это и много другаго еще разказали пророку Анабалтисты; но онъ отвернувшись отъ нихъ удалился. Крехтингъ и прочіе начали снова трунить надъ монахомъ: Въ шею толкали его, и дразнили, и дико смѣялись Пьяной его боатовнѣ. Тутъ одивъ изъ ватаги воскликнулъ: „Будь теперь масланица,—потѣшный бы Моріо вышелъ Намъ изъ него, и не нужно бы намъ было изъ лакаи и трыпокъ

Чучело дѣлать дурацкое,—онъ бы его замѣнилъ намъ, И понесли бы его мы по городу всѣмъ на потѣху.“ Крикъ одобренья раздался: „Ну что жь? мы вѣдь можемъ припрятать

Этого лыянаго лолика и сохранить для потѣхи.“ „Нѣтъ, это, братцы, не дѣло,—раздался лискливый и рѣзкій Крехтинга рыжаго голосъ:—забыли вы что ль что еписколъ съ войскомъ наемнымъ идетъ къ намъ и скоро весь городъ обложитъ;

Будетъ ли время тогда заниматься такою потѣхой? Думаю не зачѣмъ вамъ и откладывать эту забаву, А ужъ теперь за нее и приняться, пока на свободѣ: Маттисонъ хмурый ушелъ, а еписколъ съ своими далеко. Вотъ и Ванъ-Штратенъ при насъ, и мои кочевые ребята Всѣ ваацо, такъ зачѣмъ же носы опускать намъ, какъ наши.

Маттисонъ съ Роттманомъ, будто бѣда разразиться готова?“

Такъ онъ сказалъ, и съ восторгомъ его обнимаетъ могучій Бератъ Квиллердоллингъ: „Вотъ это какъ разъ по душѣ мнѣ сказалъ ты!

Знаете ль, братцы, что въ Мюнстерѣ мы ежегодно справляемъ

Эту потѣху: мы дѣлаемъ *Моріо*—кукау изъ пакаи,
И съ торжествомъ его всюду на масляной носимъ по стогамъ.

Но лишь пройдетъ этотъ праздникъ, и мы съ головою тяжелой

И съ облегченнымъ карманомъ очнемся, мы *Моріо* снова
Тащимъ на свѣтъ, какъ преступника, чтобъ наказать лиходѣя.

Судъ учиняемъ надъ нимъ, обвиняя во всякихъ безчинствахъ,

Какъ негодяя и льяницу, какъ нарушителя мира,

Какъ творца и зачинщика всякаго зла между нами;

Судъ произносить надъ нимъ приговоръ, какъ всегда,—на сожженье;

Тутъ мы разводимъ костеръ и бросаемъ въ него лиходѣя.

Вотъ нашъ старинный обычай и онъ сохранился дониндѣ.

Мой же совѣтъ вамъ таковъ: какъ теперь вотъ у насъ
подъ руками

Моріо—этотъ монахъ, то мы и устроимъ потѣху.

Я вѣдь и самъ не изъ тѣхъ что повѣсивши голову ходять!

Я не люблю воздыханій: духъ будрый, веселое сердце—

Вотъ что предъ Господомъ нашимъ хранить мы должны.

Я согласенъ

Съ Крехтивгомъ что этотъ *Моріо* самый для насъ подходящий:

Мы вѣдь и кукау свою калуциномъ всегда наряжали,

И когда пламя ее пожирало, то думалось многимъ:

Еслибъ на мѣстѣ ея былъ одинъ изъ канониковъ нашихъ!

Вотъ и теперь мы, друзья, такую жь потѣху устроимъ:

Судій назначьте ему, а ужъ я обвинителемъ буду,

И ужъ такую ему проложу литанею какой онъ

Отъ роду чай не слышалъ и какъ разъ протрезвится отъ хмѣля!

Только онъ это сказалъ, какъ толпа, подхвативъ калуциновъ

Павла съ Петромъ, посадила съ неистовымъ крикомъ въ телегу

Парой ословъ запряженную и повезла ихъ подъ грохотъ

Трубъ и литавровъ по городу. Слѣдомъ за ними бѣжали

Переодѣтые въ ризы, талары и столы монаховъ,

Взятые ими изъ ризницъ, и кто подражалъ посмѣшавъ

Жестамъ и'лостули ихъ, награждался всеобщемо хвалою.
Но всѣхъ больше похвалъ получилъ отъ толпы Книппер-
доллингъ:

Онъ, въ облаченъ епискола, шелъ величаво и корчилъ
Такъ натурально прелата что всѣ надрывались со смѣха.

Три раза такъ обошла вся процессія площадь и стала
Предъ стульями ратуши, гдѣ на высокой площадкѣ
Съли съ комической важною нѣсколько избранныхъ
судій;

Какъ обвинитель предъ ними предсталъ удалой Книппер-
пердоллингъ.

„Мудрые судьи! сказалъ онъ, — я здѣсь предъ вами
явился,

Чтобъ доказать вамъ что Морю этотъ влоднѣ справедливо
Преданъ суду и стоитъ предъ вами. Его обвиняю

Я какъ безлутнаго льяницу, какъ нарушителя мира,
Какъ лиходѣя, зачинщика всякаго зла между нами.

Вотъ посмотрите на лузо, какое себѣ отрустил онъ:

Это вѣдь Ноевъ ковчегъ! онъ вѣдь всякую тварь ложи-
раетъ,

Только была бъ сварена или изжарена. Чтѣ не логибло
Въ безднѣ морской при потолѣ, то вѣрно въ винѣ пото-
нуо

Въ этомъ ковчегѣ монаха! Сознайся же самъ, несчастный,
Сколько ты бочѣкъ вина уничтожилъ въ теченіе жизни?

Въ Бернѣ мнѣ кто-то сказалъ: три пола выпиваютъ въ
недѣлю.

Два боченка вина, а бывали порой и такіе

Чтѣ, засѣдая въ шинкахъ, пропивали церковную утварь!

Въ этой ли жизни безлутной, въ пирахъ ли своихъ нече-
стивыхъ

Видите вы извуреніе плоти, свершенье обѣта?

Праздную жизнь вы при этомъ ведете, а праздность, из-
вѣстно,

Грѣшную похоть раждаетъ, и вы по шинкамъ засѣдая

Къ жемцивамъ только все льнете, а тѣ, разумѣется, рады:

Этакій сытный монахъ имъ находка,—онъ щедрый пла-
тельщикъ

Имъ за любовь и за ласки! Ну вотъ посмотрите на эту

Толстую тушу, представьте его помоложе; вѣдь славный

Вышелъ бы польъ изъ него — кастелланъ у вдовы благо-
родной!

Право, дивиться нельзя что на двахъ въ Нюренбергѣ
граждане

Всѣ отказались идти на войну, потому что боялись
Женъ своихъ дома оставить однѣхъ, подъ надзоромъ мона-
ховъ...

Бракъ запрещенъ вамъ затѣмъ чтобъ слугитель Господа
Бога

Не былъ слугою жены; но вами взаимну супруги
Править наложница ваша, а то и простая кухарка,
И если эта особа разсердится—горе приходу!

Можетъ ли что быть мерзвѣ какъ пьянаго видѣть мо-
наха,

Или еще лицемѣра который смиренно возводитъ
Къ небу глаза, прикрывая душевную гадость личиной
Святости ложной? Фигляры! вы часто себѣ въ оправданье
Ставите слабость людскую. О, вѣтъ, не она заставляеть
Васъ нарушать свой обѣтъ: вы и клятву-то Богу даете
Съ тѣмъ чтобъ ее нарушать! Было время когда привие-
кала

Страсть къ отреченью людей въ тишину монастырскаго
крова;

Нынѣ же манить туда только лѣнь да житье на локоѣ.
Что собирали когда-то святые слугители церкви,
То расточаютъ все нынѣ слугители грѣшныя чрева,
А чтобъ кошма наполнялась, они продаютъ лицемѣрно
Въращимъ людямъ блаженство, какъ мѣсяцъ въ колодезѣ
лисица

Волку за сыръ продала. Когда индальгенціи Тецель
Несъ продавать, то къ народу зывала: „покулайте:

„Чуть въ сундукъ серебро зазвенитъ,

„Тотчасъ душа въ небеса возлетитъ!“

Такъ чрезъ руки лоловъ наши денежки въ Римъ утека-
ютъ,

Къ лалѣ, въ его сундуки, для его неасытнаго чрева!

Вы о житейскомъ радѣете, пренебрегая духовнымъ.

Какъ вы обѣдню-то служите? Срамъ! вы бормочете только

Подъ носъ себѣ, пропуская слова, и вашей молитвы

Самъ Господь Богъ не пойметъ, да и сами-то вы не пой-
мете,

Ибо забыли латынь и заглохли въ невѣжествѣ пошломъ!

Или вы мните что васъ посвященіе можетъ содѣлать

Изъ придорожныхъ столбовъ свѣтилами церкви Господней?

Дастся ли святость ослу несущему церкви святыню?
Въ вашихъ обителяхъ есть и хранилища книгъ драгоценныхъ,

Собравныхъ въ прежніе годы трудами ученыхъ монаховъ,
Но эти книги для васъ—что мушкатный орѣхъ для коровы!

Можно ль дивиться теперь что повсюду встрѣчаемъ презрѣнныя

Къ вашему сану и къ церкви самой опозоренной вами?...
Поль! отвѣчай что ты можешь сказать намъ въ свое оправданье!"

Такъ заключивъ свое слово, онъ на ухо крикнулъ монаху;

Но беззаботно тотъ спалъ, поникнувъ на грудь головою.
Бернъ Книппердолинъ теперь обратился къ другому монаху:

„Ты, сухопарый товарищъ мясистаго Моріо! видъ твой
Наломиваетъ мнѣ тощихъ коровъ Фараоновскихъ подлѣ
Жирныхъ коровъ, или подлѣ грѣха насыщеннаго тощій,
Алчущій грѣхъ. Не подумай что я уже кончилъ съ реестромъ

Гадостей вашихъ. О, вѣтъ! Ты нисколько не лучше чѣмъ этотъ

Толстый собратъ твой, хотя не имѣешь обширнаго чрева.
Знаю тебя хорошо! Ты изъ той же сосны изъ которой
Можетъ быть сдѣланъ и полъ блюдолизъ, и ялалачъ кровожадный,

Вѣдьмъ сожигатель! Кто можетъ быть мстительнѣйшаго брата?

Такъ какъ для вашего сердца любовь—запрещенное благо,
То тѣмъ сильнѣй и упорнѣе ненависть вами владѣть.
Знаете вы, сколько ангеловъ могутъ сидѣть на иголкѣ,
Кто же вамъ въ томъ не повѣритъ, того вы на пытку влечете

Иль на костръ сожигаете! Руки монаховъ издавна
Ихъ воздвигали во славу Всевышняго; руки монаховъ
Тысячи женъ и мужей возводили на нихъ для сожженья!
Руки монаховъ низвергали въ темницы мужей просвѣтленныхъ!

Руки монаховъ недавно избиди шесть тысячъ несчастныхъ
Анабаптистовъ въ Голландіи.... О, если дьяволъ и черенъ,
То ужь конечно ему въ этомъ цвѣтѣ монахъ не уступить!"

Тутъ обвинитель умолкъ, и въ толпѣ предстоящихъ
раздадся
Крикъ одобренья. Межъ тѣмъ, предводимое Крехтингомъ
рыжимъ,
Племя Цыганъ разложило огромный костеръ по срединѣ
Площади и вокругъ него залласало, смѣясь и кривляясь.
Съ важной осанкой теперь приподнялся Ванъ-Стратенъ,
который
Избранъ былъ въ главные судьи, и молвилъ: „теперь растолкайте

Этого пьянаго Моріо, пусть приговоръ свой услышитъ!"
Вотъ наконецъ растолкали его и судья громогласно
Вновь повторилъ обвиненье: что пьяница онъ беспросыпный,

И лиходѣй, и обжора, ну, словомъ творецъ и зачинщикъ
Вскаго зла на землѣ; а потомъ, обратившись къ другому,
Онъ подтвердилъ что и тотъ нисколько не лучше собрата,
А потому подвергается съ нимъ одному приговору;
Если жъ они добровольно снимутъ съ себя свои расы
И побросаютъ въ огонь, тогда приговоръ ихъ смягчится.
„Только рѣшайтесь скорѣе,—сказалъ онъ,—не то мы подвергнемъ

Участи Моріо вась сообразно обычаю предковъ."

Петръ, худощавый монахъ, стоялъ молчаливо, бросая
Мрачные взоры кругомъ, но собратъ его, Павелъ, услыша
Свой приговоръ, протрезвился и, скинувъ немедленно расу,
Мокрую всю отъ вина, въ огонь ее бросилъ съ словами:
„Съ Богомъ! ужь если за правду такъ все измѣнилось на
свѣтѣ,

И на монаховъ гоненье, такъ я не хочу быть монахомъ!"
Крикъ одобренья раздадся кругомъ, и Ванъ-Стратенъ
веселый

Снова къ народу сказалъ: „вотъ, послушайте, какъ порѣшу я:

Два у насъ Моріо тутъ; но такъ какъ одинъ обратился,
Между тѣмъ какъ другой сохраняетъ укорство, то долженъ

И приговоръ быть надъ вами двоякій: пусть первый
отыиѣ

Будеть свободенъ и мы, въ награду за подвигъ похвальный,
Желаемъ его, приискавъ невѣсту ему изъ монахинь.

Но вотъ этотъ упрямецъ который такъ смотритъ угрюмо“...
„Нечего съ нимъ толковать! заоралъ тутъ горбунъ изсту-
пленный,—

Бросить его на костеръ! На костеръ это чучело въ рясѣ!“

Но въ этотъ мигъ предъ народомъ явился пророкъ,
окруженный

Сомномъ приверженцевъ вѣрныхъ, проникнутыхъ новымъ
ученьемъ.

Мрачно, сурово взглянулъ онъ; онъ былъ недоволенъ без-
чинствомъ,

И, на площадку взойдя, онъ сказалъ обратившись къ на-
роду:

„Братья, граждане Сіона! не воюемъ и гамомъ довлѣетъ
Праздновать день сей священный, день нашей свободы; но
миромъ

И тихою торжественной! Тайное слово, которымъ
Долженъ былъ быть миръ искулаемъ, еще не вполне со-
вершилось.

Взикните въ сердце свое, отрѣшась суеты и тревоги!

Вижу, во многихъ изъ васъ еще нѣтъ возрожденія духа,

Коего требуетъ дѣло. О, братья, свободнымъ не нужно

Праздновать шумно побѣду, бушуя по улицамъ града,—

Равно еще ликовать,—мы далеки отъ цѣли желанной:

Освободившись внутри, мы еще не свободны снаружи.

Бросьте монаха! пошлемъ его лучше къ епископу въ лагерь.“

„То же хотѣлъ предложить имъ и я, — замѣтилъ Ванъ-
Стратенъ,—

Слушайте жь что я скажу: такъ какъ этотъ монахъ сухо-
ларый

Однимъ угрюмъ и упрямымъ, то его мы веревками свяжемъ

И, на осла посадивши спиною впередъ, шлепаками

Вовъ изъ города выгонимъ въ Тельгетъ, къ епископу въ
лагерь.

Ну, убирайся, дружокъ, а дорогой смекни хорошенько

Сколько упрямыхъ поповъ на ослиной спинѣ умѣстится?“

Тотчасъ исполнили это: связавъ, посадили монаха

Задомъ впередъ на осла и погнали изъ города въ поле.

„Но мы еще не поковчили, — крикнулъ Вавъ-Стратень, — мы бросимъ

Книги монаховъ въ огонь: пусть отъ нихъ лишь останется пепель!“

И полетѣли въ костеръ всѣ бумаги и книги монаховъ, Что лонабрали по кельямъ, и всѣ съ ликоваьемъ слѣдица, Какъ истреблялъ ихъ огонь, и клочки ихъ по вѣтру летѣли.

„Мужи Сиона! хвала вамъ, — такъ началъ пророкъ изъ Гарлема: —

Идолось, духъ нашъ смущающихъ, вы истребили во храмахъ,

Какъ истребляете нынѣ одно изъ орудій лалпизма.

Но не однѣ эти книги должны мы въ конецъ уничтожить, — Нѣтъ, да умолкнетъ отнынѣ и каждое вѣдшее слово, Каждая буква, грязнящая книги страницы иль чистый Свитокъ пергамента, этотъ новѣйшаго вѣка бумажный Столпъ вавилонскій, который, какъ каменный древнїй, приводитъ

Духъ и языки въ смѣшенье. Что пользы въ сихъ томахъ и сверткахъ?

Книжная мудрость мертва: такъ пусть вдохновенное слово Огненной искрой у насъ пробѣжитъ по сердцамъ, оживая Дремающій духъ и откроетъ намъ истину, слящую нынѣ Своимъ вѣковымъ, непробуднымъ въ доскахъ перелетовъ тяжелыхъ.

Прочь этотъ хламъ непригодный! пусть пламя его уничтожить!

Бросьте всѣ книги въ огонь, какія найдете въ Сионѣ!“

Долго пророкъ говорилъ, и сильнѣе костеръ разгорѣлся. И, повинувась велѣнью гарлемскаго лекаря, стали Граждане книги сносить отовсюду съ усердїемъ рыанымъ. Въ залахъ монастырей, покинутыхъ слѣшно, осталось Множество книгъ драгоценныхъ и фолиантовъ старинныхъ, Тщательно многіе годы колпвшихся тутъ и хранимыхъ Въ пользу науки, — все это фанатиковъ грубыя руки На площадь нынѣ несутъ чтобъ огнемъ на костръ уничтожить!

Рыанѣ всѣхъ хлопоталъ Книппердоллингъ съ гигантомъ Тиланомъ:

Цѣлыя груды томовъ и пергаментныхъ свитковъ схвативши Въ мощныя руки, они безпрерывно къ костру приносили.

Иначе дѣйствовалъ Крехтингъ: съ толпою бродягъ черно-
кудрыхъ

Въ ратушу бросился онъ и все что хранилось въ архивѣ:
Кулчія крѣпости, акты, условія займовъ, подрядовъ,—

Все чѣмъ содержится только порядокъ и строй управ-
ленья,—

Все пожираетъ огонь при неистовыхъ крикахъ и смѣхѣ
Дикой и буйной толпы. Всѣхъ какъ будто объяло стрем-
ленье

Все истреблять и губить! Вотъ и школьникъ. люкуя бро-
саетъ

Книжку свою на костеръ, и учитель его, увлеченный
Общимъ угаромъ, несетъ весь запасъ своихъ книгъ на сож-
женіе.

Пламя бушуетъ сильнѣй, получая все новую лицу,
Высится къ небу столбомъ и шипитъ, и трещитъ, и лорою
Что-то гудитъ въ немъ тоскливо, какъ-будто бы стонуть
тамъ души

Книгъ пожираемыхъ пламенемъ! Тлѣютъ листы извиваясь,
Точно ихъ дьяволовъ пальцы крутятъ, безпощадно терзая!
Предъ костромъ на высокой площадкѣ крыльца помѣ-
стился

Маттисомъ и доставая книгу за книгой изъ груди,
Съ гнѣвомъ бросаетъ въ огонь. „О, сколько тутъ листь-
евъ!—сказалъ онъ

Съ горькой улыбкой,—и сколько писемъ лустословныхъ!
все это

Листья съ древа познания; но какъ оно бѣдно плодами!“
Книгу взявши одну, онъ открылъ и прочелъ: „*Теофраста
Тайныя силы растений и камней.* Но развѣ мы сами
Не обладаемъ избыткомъ таинственныхъ силъ? но лишь
даромъ

Въ насъ пропадають онѣ! Въ огонь Теофраста!“ И снова
Книгу другую беретъ и читаетъ: „*О славныхъ дѣяньяхъ
Александра Великаго въ Персіи, въ царствѣ Индійскомъ,*
Польза какая намъ знать, какія дѣянья свершилъ онъ,
Если, читая о нихъ, мы за печкой сидимъ, получая
Только согбенную спину да слабыя ноги? Пустое!
Кто исполняетъ свой долгъ, тотъ великъ какъ и всякій
великій!

Прочь эту книгу! Въ огонь короля Македоняня! А это:

Commentarius... диспутъ ученыхъ педантовъ, въ которомъ
Двое грызутся, бросая другъ другу лативскія рѣчи...

Прочь ихъ туда же, въ оговъ! Ага! *Quintessentia rerum*,
Школа премудрости древней и новой въ толковомъ порядкѣ..
Бѣдный лисака! ему никогда и не снилось что мудрость
Намъ нужна для другаго и больше полезнаго дѣла,
Чѣмъ для того чтобы стоять ей въ толковомъ порядкѣ
на полкахъ!

Крѣпость Петра: основанье священнаго римскаго папства,
Тутъ же и *Зеркало Лютера, какъ онъ боролся съ папизмомъ..*
Все лишь одна болтовня! И донынѣ толла слабоумныхъ
Въ двери стучится сѣней, когда внутренность храма от-
верста!

Прочь, на костерь болтуновъ! пусть пламя пожретъ ихъ
обоихъ!“

Тутъ ему Крехтинъ съ усмѣшкою подалъ красивую
книгу

Съ множествомъ разныхъ картинокъ изъ миеологiи—это
Были: *Теоренья Назона, боговъ и богинь приключенья,*
Очень искусно съ латинскаго переведенныя въ римазъ,—
„Басни и сказки!—съ презрѣньемъ воскликнулъ пророкъ,—
пустословье,

Чуждое мысли глубокой, раставье для духа и сердца!“
Такъ онъ сказалъ и хотѣлъ уже бросить въ огонь сочи-
ненье;

Но въ этотъ мигъ подошелъ къ нему блѣдный мечтатель,
Юноша-мужъ съ благородной осанкой и взоромъ глубокимъ,
Лейденскій выходець Янъ и, схвативъ его руку, восклик-
нулъ:

„Стой, о пророкъ! не усиливай пламя костра черезъ мѣру,
Чтобъ не пожрало оно и невиннаго вмѣстѣ съ виновнымъ,
Чтобы съ Вавилономъ порочнымъ не ладъ и Сіонъ обнов-
ленный!

Другъ мой! оставь намъ лѣвца! и пусть пребываютъ въ
Сіонѣ

Басни и лѣсни повтовъ! Измѣнчива истина въ мiрѣ,
Но не измѣнчивы басни и слово поэта правдиво.
Пусть пожираетъ огонь что мертво и что отжило вѣкъ
свой,

Но не должны истребляться творенья великихъ повтовъ!
Лампы свѣтація ночью гаси съ наступленіемъ утра,

Но преклонись предъ днемъ, котораго лучъ благодатный
 Радостнымъ свѣтомъ печальный монашества мiръ озаряетъ.
 Къ намъ черезъ Альпы принесъ онъ сознанье прекраснаго
 въ жизни!

Жги, Маттисонъ, что мертво, но не трогай того что да-
 руетъ
 Новую жизнь! Эти боги ужь были низвергауты въ пла-
 мень,—

Въ немъ божество ихъ погибло, но красота ихъ осталась,—
 Пламень ея не погрозилъ, и всѣ силы ея сохранились!
 Нынѣ намъ свѣтять они какъ образы прелести дивной,
 Вновь изъ могилы возставшіе, полные свѣжести новой.
 Другъ мой! оставь намъ лѣвцовъ какъ наследіе въ бѣдно-
 сти нашей!

Пусть утѣшаютъ нашъ духъ ихъ прелестныя лѣсны и
 сказку!“

Маттисонъ, былъ пораженъ какъ стрѣлой его смѣлою
 рѣчью:

Духъ закаленный его, не привыкшій встрѣчать возраженье,
 Былъ глубоко возмущенъ. „Вотъ и видно, — воскликнулъ
 онъ гнѣвно, —

Что слишкомъ долго бродилъ ты съ толпой скомороховъ
 безлутныхъ!

Да, безлутны они, какъ и вся имъ подобная сволочь—
 Комедіанты, лѣвцы, плясуны, риемолаеты; безлутны
 Всѣ пачкуны, что маляютъ кистами или рѣжутъ рѣзцами:
 Въ красныхъ словахъ или въ образахъ взору пріятныхъ
 рисуютъ

Намъ красоту, создаютъ изящные храмы, но сами
 Всаческой мерзости полны и грязнутъ въ порокахъ душою!
 Вотъ, посмотрите, какъ встарь Вавилонъ своимъ баескомъ
 гордился,

И посмотритъ, какъ нынѣ на палскомъ престолѣ кичится
 Пышная дрянь въ сочетаньи съ позоромъ, достойнымъ
 презрѣнья!

Кровию тайныхъ убійствъ обаграется въ Римѣ тиара!
 Вотъ потому-то и я, истребляя орудія лалства,
 Съ нимъ истребляю и это раставіе духа въ Сионъ!“

Юноша вслыхнулъ и, слова сдержавъ его руку, вос-
 кликнулъ:

„Развѣ ты хочешь чтобъ міръ снова сдѣлался мрачною
пустыней

Лишь для того чтобы чары прекраснаго не увлекали
Сердца къ пороку и злу? Какъ и ты я душой устремляюсь
Къ чистой, божественной жизни! Но жить навсегда отчуж-
деннымъ

Отъ обаянья красотъ возвышающихъ душу и сердце,
Я и въ рай не желалъ бы! И если не можешь съ усердьемъ
Къ высшему благу ты слить и невинныя радости жизни,
То не мечтай о себѣ что ты міру несешь избавленье,
Новый устроишь Сіонъ, святую обитель блаженства!
Тихо и вѣчно одинъ сидѣлъ ты въ печальной коморкѣ,
Мысли свои устремляя къ одному только полюсу жизни,
И созерцанья твои лишь въ кругу его тѣсномъ вращались:
Я же скитался всегда и мечтой далеко уносился,
Болѣе теплое солнце мнѣ сердце и кровь согрѣвало,
Болѣе ясное небо духовный туманъ разгоняло.

Такъ предо мною вполнѣ открылся міръ духа и сердца.
Я къ одному лишь стремлюсь: я надѣюсь въ священномъ
союзѣ

Здѣсь на землѣ наконецъ увидать добродѣтель и радость!
Вотъ какъ различны мы оба въ мечтаньяхъ и царствѣ
Сіона!

Вмѣстѣ съ тобою я шелъ до сихъ поръ, о, учитель герман-
скій!

Нынѣ жъ нашъ луть раздвоился: новее знамя въ Сіонѣ
Я поднимаю отнынѣ для честнаго боя съ тобою,
И да рѣшить ужь судьба, кто изъ насъ закосятъ въ зл-
бужденьи!“

Такъ онъ сказалъ, и толпа съ изумленьемъ и страхомъ
внимала

Юноши смѣлымъ рѣчамъ противъ чтимаго всѣми пророка.
Всѣхъ поразилъ его взоръ огневой и видъ величавый,
И уже многихъ умы, увлеченные тайною чарой,
Втайнѣ склонялись къ нему. Поблѣднѣлъ престарѣлый
учитель,

Дико сверкалъ его взоръ подъ густыми бровями, и члены
Дрожь потрясала. Но вотъ поднимаетъ онъ руку, давая
Знакъ чтобъ толпа замолчала и что говорить онъ желаетъ..

Вдругъ вполыхахъ прибѣгаютъ гонцы и ему возвѣ-
щаютъ
 Что ужъ епископа рать недалеко и съ Мюнстерскихъ
 башень
 Передовые отряды ужъ видны и близятся къ стѣнамъ,
 Что многочисленна рать, что ее подкрѣпляютъ отряды
 Кельна и Клеве и даже къ лалистамъ примкнулъ люте-
 ранскій
 Гессенъ и, ставъ подъ знамена епископа, двинулся въ поле.
 Страшно толпа взволновалась. Пророкъ погрузился въ
 раздумье;
 Долго молчалъ; наконецъ его взоры опять загорѣлись;
 Выпрямивъ ставъ свой высокій, онъ голосомъ громкимъ
 промолвилъ:
 „Мужи Сіона! ужъ близится врагъ чтобъ борьбой и побѣдой
 Могъ утвердить я въ Сіонѣ завѣтъ мнѣ назначенный
 свыше,
 Могъ просвѣтить его истиной всѣхъ ослѣпленныхъ въ Сіонѣ.
 Если надъ внѣшнимъ врагомъ одержать мнѣ удастся побѣду,
 То, устыдаясь, предо мною и внутренній врагъ усмирится.
 Вѣдайте, братья мои, что съ тѣхъ поръ какъ я прибылъ
 въ сей городъ,
 Совѣ лишь одинъ только разъ мнѣ смежилъ утомленные
 вѣжды;
 Время едва находя омочить распаленныя губы,
 Съ раннаго утра до вечера я говорилъ поучая,
 Чтобъ пробудить и устроить въ сердцахъ вашихъ царство
 Сіона,
 Мозгъ мой горѣлъ какъ въ огнѣ, ибо дѣло велико и трудно
 Къ коему призванъ я Богомъ... Но слово пророка въ Сіонѣ
 Нынѣ хотять посрамить будто должны его откровенья“!..
 Голоеъ пресѣкъся его и онъ олустился безсильный
 На руки Ротмана. Но онъ оправился скоро и снова
 Взоры его загорѣлись. „Мужи Сіона!—сказалъ онъ,—
 Часъ борьбы наступаетъ; заprite ворота, возьмите
 Ваше оружье и ждите: я завтра предъ солнца закатомъ
 Вамъ возвѣщу что Всевышній пошлетъ мнѣ въ своемъ
 откровеньи.
 Ждите съ терпѣніемъ часа, въ который Господь вамъ
 покажетъ,

Какъ поведеть къ торжеству Онь меня и всѣхъ вѣрныхъ
Сіона,

Какъ предъ вами прославится вѣщее слово пророка!

И маковеньемъ руки распустилъ онь собранье. Волною
Съ площади хлынулъ народъ въ полумракѣ вечернемъ съ
тревогой

Новаго дня ожидая, и всѣ въ оживленной бесѣдѣ

Духъ свой старались подвять въ ожиданьи борьбы пред-
стоящей.

Ө. МИЛЛЕРЪ.

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КНИГА ПЯТАЯ

ПРО И CONTRA

I.

С г о в о р ь.

Гжа Хохлакова опять встрѣтила Алешу первая. Она торопилась: случилось вѣчто важное: истерика Катерины Ивановны кончилась обморокомъ, затѣмъ наступила „ужасная, страшная слабость, она легла, завела глаза и стала бредить. Теперь жаръ, послали за Герценштубе, послали за тетками. Тетки ужь здѣсь, а Герценштубе еще нѣтъ. Всѣ сидятъ въ ея комнатѣ и ждутъ. Что-то будетъ, а она безъ памяти. А ну если горячка!“

Воскликая это гжа Хохлакова имѣла видъ серьезно-испу-гаемый: „это ужь серьезно, серьезно!“ прибавляла она къ ка-ждому слову, какъ будто все что случалось съ ней прежде было не серьезно. Алеша выслушалъ ее съ горестью; началъ было излагать ей и свои приключенія, но она его съ пер-выхъ же словъ прервала: ей было некогда, она просила по-сидѣть у Lise и у Lise подождать ее.

— Lise, милѣйшій Алексѣй Федоровичъ, зашептала она ему почти на ухо,—Lise меня странно удивила сейчасъ, но и умилила, а потому сердце мое ей все прощаетъ. Представьте, только что вы ушли, она вдругъ искренно стала раскаиваться что надъ вами будто бы смѣялась вчера и сегодня. Но вѣдь она не смѣялась, она лишь шутила. Но такъ серьезно раскаивалась, почти до слезъ, такъ что я удивилась. Никогда она прежде серьезно не раскаивалась когда надо мною смѣялась, а все въ шутку. А вы знаете она поминутно надо мною смѣется. А вотъ теперь она серьезно, теперь все пошло серьезно. Она чрезвычайно цѣнитъ ваше мнѣнiе, Алексѣй Федоровичъ, и если можете то не обижайтесь на нее и не имѣйте претензiи. Я сама только и дѣлаю что щажу ее, потому что она такая умненькая, — вѣрите ли вы? Она говоритъ сейчасъ что вы были другомъ ея дѣтства, — „самымъ серьезнымъ другомъ моего дѣтства“, — представьте себѣ это самымъ серьезнымъ, а я-то? У ней на этотъ счетъ чрезвычайно серьезные чувства и даже воспоминанiя, а главное эти фразы и словечки, самая неожиданная эти словечки, такъ что никакъ не ожидаешь, а вдругъ оно и выскочитъ. Вотъ недавно о соснѣ напрымѣръ: Стояла у насъ въ саду въ ея первомъ дѣтствѣ сосна, можетъ и теперь стоитъ, такъ что нечего говорить въ прошедшемъ времени. Сосны не люди, онѣ долго не измѣняются, Алексѣй Федоровичъ. „Мама, говорить, я помню эту сосну какъ со сна,—то-есть „сосну какъ со сна“—это какъ-то она иначе выразилась, потому что тутъ путаница, сосна слово глубое, но только она мнѣ наговорила по этому поводу что-то такое оригинальное что я рѣшительно не возьмусь передать. Да и все забыла. Ну до свиданья, я очень потрясена и навѣрно съума схожу. Ахъ Алексѣй Федоровичъ, я два раза въ жизни съума сходила и меня дѣлили. Стулайте къ Lise. Ободрите ее какъ вы всегда прелестно это сумѣете сдѣлать. Lise, крикнула она, подходя къ ея двери,—вотъ я привела къ тебѣ столь оскорбленнаго тобою Алексѣя Федоровича и онъ нисколько не сердится, увѣряю тебя, напротивъ удивляется какъ ты могла подумать!

— Мерси маман, войдите Алексѣй Федоровичъ.

Алеша вошелъ. Lise смотрѣла какъ-то сконфуженно и вдругъ вся покраснѣла. Она видимо чего-то стыдилась, и какъ всегда при этомъ бываетъ, быстро-быстро заговорила со-

всѣмъ о постороннемъ, точно этимъ только постороннимъ она и интересовалась въ эту минуту.

— Мама мнѣ вдругъ передала сейчасъ, Алексѣй Федоровичъ, всю исторію объ этихъ двухстахъ рубляхъ и объ этомъ вамъ порученіи... къ этому бѣдному офицеру... и разказала всю эту ужасную исторію какъ его обидѣли, и знаете, хоть мама разказываетъ очень не тоаково... она все перескакиваетъ... но я слушала и плакала. Что же, какъ же, отдали вы эти деньги и какъ же теперь этотъ несчастный?..

— То-то и есть что не отдали, и тутъ цѣлая исторія, отвѣтилъ Алеша съ своей стороны какъ бы именно больше всего озабоченный тѣмъ что деньги не отдали, а между тѣмъ Lise отлучно замѣтила что и онъ смотритъ въ сторону и тоже видимо старается говорить о постороннемъ. Алеша присѣлъ къ столу и сталъ разказывать, но съ первыхъ же словъ онъ совершенно пересталъ конфузиться и увлекъ въ свою очередь Lise. Онъ говорилъ подъ вліяніемъ сильнаго чувства и недавняго чрезвычайнаго впечатлѣнія и разказать ему удалось хорошо и обстоятельно. Онъ и прежде, еще въ Москвѣ, еще въ дѣтствѣ Lise, любилъ приходить къ ней и разказывать то изъ случившагося съ нимъ сейчасъ, то изъ прочитаннаго, то вспоминать изъ прожитаго имъ дѣтства. Иногда даже оба мечтали вмѣстѣ и сочиняли цѣлыя повѣсти вдвоемъ, но большею частью веселыя и смѣшныя. Теперь они оба какъ бы вдругъ перенеслись въ прежнее московское время, два года назадъ. Lise была чрезвычайно растрогана его разказомъ. Алеша съ горячимъ чувствомъ сумѣлъ нарисовать передъ ней образъ „Илюшечки“. Когда же кончилъ во всей подробности сцену о томъ какъ тотъ несчастный человекъ толталъ деньги, то Lise всплеснула руками и вскричала въ неудержимомъ чувствѣ:

— Такъ вы не отдали денегъ, такъ вы такъ и дали ему убѣжать! Боже мой, да вы хоть бы любѣжали за нимъ сами и дсгнали его...

— Нѣтъ Lise, такъ лучше что я не любѣжалъ, сказалъ Алеша, всталъ со стула и озабоченно прошелся по комнатѣ.

— Какъ лучше, чѣмъ лучше? Теперь они безъ хлѣба и погибнуть!

— Не погибнуть, потому что эти двѣсти рублей ихъ все-таки не минуютъ. Онъ все равно возьметъ ихъ завтра. Завтра-то ужъ навѣрно возьметъ, проговорилъ Алеша шагая въ

раздумья.— Видите ли, Lise, продолжалъ онъ вдругъ остановясь предъ ней,—а самъ тутъ сдѣлалъ одну ошибку, но и ошибка-то вышла къ лучшему.

— Какая ошибка и почему къ лучшему?

— А вотъ почему, это человѣкъ трусливый и слабый характеромъ. Онъ такой измученный и очень добрый, Я вотъ теперь все думаю: чѣмъ это онъ такъ вдругъ обидѣлся и деньги растолталъ, потому что, увѣряю васъ, онъ до самаго послѣдняго мгновенія не зналъ что растолчетъ ихъ. И вотъ мнѣ кажется что онъ многимъ тутъ обидѣлся... да и не могло быть иначе въ его положеніи... Волервыхъ, онъ уже тѣмъ обидѣлся что слишкомъ при мнѣ деньгамъ обрадовался и предъ мною этого не скрылъ. Еслибъ обрадовался да не очень, не показалъ этого, фасоны бы сталъ дѣлать, какъ другіе принимая деньги, кривляться, ну тогда бы еще могъ снести и принять, а то онъ ужъ слишкомъ правдиво обрадовался, а это-то и обидно. Ахъ Lise, онъ правдивый и добрый человѣкъ, вотъ въ этомъ-то и вся бѣда въ этихъ случаяхъ! У него все время пока онъ тогда говорилъ голосъ былъ такой слабый, ослабленный, и говорилъ онъ такъ скоро-скоро, все какъ-то хихикалъ такимъ смѣшкомъ, или уже плакалъ... право онъ плакалъ, до того онъ былъ въ восхищеніи... и про дочерей своихъ говорилъ... и про мѣсто что ему въ другомъ городѣ дадутъ... И чуть только излилъ душу, вотъ вдругъ ему и стыдно стало за то что онъ такъ всю душу мнѣ показалъ. Вотъ онъ меня сейчасъ и возненавидѣлъ. А онъ изъ ужасно стыдливыхъ бѣдныхъ. Главное же обидѣлся тѣмъ что слишкомъ скоро меня за своего друга принялъ и скоро мнѣ сдался; то бросался на меня, лугалъ, а тутъ вдругъ только что увидѣлъ деньги и сталъ меня обнимать. Потому что онъ меня обнималъ, все руками трогалъ. Это именно вотъ въ такомъ видѣ онъ долженъ былъ все это униженіе почувствовать, а тутъ какъ разъ я эту ошибку сдѣлалъ, очень важную: Я вдругъ и скажи ему что если денегъ у него не достанетъ на переѣздъ въ другой городъ, то ему еще дадутъ, и даже я самъ ему дамъ изъ моихъ денегъ сколько угодно. Вотъ это вдругъ его и поразило: зачѣмъ дескать и я выскочилъ ему помогать? Знаете, Lise, это ужасно какъ тяжело для обиженнаго человѣка когда всѣ на него стануть смотрѣть его благодѣтелями... я это слышалъ, мнѣ это старецъ говорилъ. Я не знаю какъ это выразить, но я это часто и самъ видѣлъ.

Да я вѣдь и самъ точно также чувствую. А главное то что хоть онъ и не зналъ до самаго послѣдняго мгновенія что растолчетъ кредитки, но все-таки это предчувствовалъ, это ужь неперемѣнно. Потому то и восторгъ у него былъ такой сильный что онъ предчувствовалъ... И вотъ хоть все это такъ скверно, но все-таки къ лучшему. Я такъ даже думаю что къ самому лучшему, лучше и быть не могло...

— Почему, почему лучше и быть не могло? воскликнула Lise съ большимъ удивленіемъ смотря на Алешу.

— Потому, Lise, что еслибъ онъ не растолталъ, а взялъ эти деньги, то прида домой чрезъ часъ какой-нибудь и заплакалъ бы о своемъ униженіи, вотъ чтò вышло бы неперемѣнно. Заплакалъ бы и пожалуй завтра пришелъ бы ко мнѣ чѣмъ свѣтъ и бросилъ бы можетъ-быть мнѣ кредитки и растолталъ бы какъ давеча. А теперь онъ ушелъ ужасно гордый и съ торжествомъ, хотъ и знаетъ что „погубилъ себя“. А стало-быть теперь ужь ничего нѣтъ легче какъ заставить его принять эти же двѣсти рублей не далѣе какъ завтра, потому что онъ ужь свою честь доказалъ, деньги швырнулъ, растолталъ... Не могъ же онъ знать когда толталъ что я завтра ихъ ему олять привесу. А между тѣмъ деньги-то эти ему ужасно какъ вѣдь нужны. Хотъ онъ теперь и гордъ, а все-таки вѣдь даже сегодня будетъ думать о томъ какой помощи онъ лишился. Ночью будетъ еще сильнѣе думать, во свѣ будетъ видѣть, а къ завтрашнему утру пожалуй готовъ будетъ ко мнѣ бѣжать и прощенья просить. А я-то вотъ тутъ и явлюсь: „Вотъ, дескать, вы гордый человекъ, вы доказали, ну теперь возьмите, простите насъ“. Вотъ тутъ-то онъ и возьметъ!

Алеша съ какимъ-то улоевіемъ произнесъ: „Вотъ тутъ-то онъ и возьметъ!“ Lise захолопала въ ладошки.

— Ахъ, это правда, ахъ, я это ужасно вдругъ поняла! Ахъ Алеша, какъ вы все это знаете? Такой молодой и ужь знаетъ чтò въ душѣ... Я бы никогда этого не выдумала...

— Его, главное, надо теперь убѣдить въ томъ что онъ со всѣми нами на равной ногѣ, несмотря на то что онъ у насъ деньги беретъ, продолжалъ въ своемъ улоевіи Алеша,—и не только на равной, но даже на высшей ногѣ...

— „На высшей ногѣ“—предество, Алексѣй Федоровичъ, но говорите, говорите!

— То-есть я не такъ выразился... про высшую ногу... но это ничего, потому что...

— Ахъ ничего, ничего, конечно ничего! Простите, Алеша, милый... Знаете, я васъ до сихъ поръ почти не уважала... то-есть уважала, да на равной ногѣ, а теперь буду на высшей уважать... Милый, не сердитесь что я „острю“, подхватила она тотчасъ же съ сильнымъ чувствомъ.—Я смѣшная и маленькая, но вы, вы.... Слушайте, Алексѣй Федоровичъ, нѣтъ ли тутъ во всемъ этомъ разсужденіи нашемъ, то-есть вашемъ... нѣтъ, ужъ лучше нашемъ... нѣтъ ли тутъ презрѣнія къ нему, къ этому несчастному... въ томъ что мы такъ его душу теперь разбираемъ, свысока точно, а? Въ томъ что такъ навѣрно рѣшили теперь что онъ деньги приметъ, а?

— Нѣтъ, Lise, нѣтъ презрѣнія, твердо отвѣтилъ Алеша, какъ будто уже приготовленный къ этому вопросу,—я ужъ объ этомъ самъ думалъ идя сюда. Разсудите какое ужъ тутъ презрѣніе, когда мы сами такіе же какъ онъ, когда всѣ такіе же какъ онъ. Потому что вѣдь и мы такіе же, не лучше. А еслибъ и лучше были, то были бы все-таки такіе же на его мѣстѣ... Я не знаю какъ вы, Lise, но я считаю про себя что у меня во многомъ мелкая душа. А у него и не мелкая, напротивъ, очень деликатная... Нѣтъ, Lise, нѣтъ тутъ никакого презрѣнія къ нему! Знаете, Lise, мой старецъ сказалъ одиъ разъ: за людьми сплосъ надо какъ за дѣтми ходить, а за иными какъ за больными въ больницахъ...

— Ахъ, Алексѣй Федоровичъ, ахъ, голубчикъ, давайте за людьми какъ за больными ходить!

— Давайте, Lise, я готовъ, только я самъ не совѣмъ готовъ; я иной разъ очень нетерпѣливъ, а въ другой разъ и глазу у меня нѣтъ. Вотъ у васъ другое дѣло.

— Ахъ, не вѣрю! Алексѣй Федоровичъ, какъ я счастлива!

— Какъ хорошо что вы это говорите, Lise.

— Алексѣй Федоровичъ, вы удивительно хороши, но вы иногда какъ будто ледантъ... а между тѣмъ, смотришь, во все не ледантъ. Подите посмотрите у дверей, отворите ихъ тихонько и посмотрите не подслушиваетъ ли маменька, прошептала вдругъ Lise какимъ-то нервнымъ, торопливымъ шепотомъ.

Алеша пошелъ, пріотворилъ двери и доложилъ что никто не подслушиваетъ.

— Подойдите сюда, Алексѣй Федоровичъ, продолжала Lise, краснѣя все болѣе и болѣе,—дайте вашу руку, вотъ такъ.

Слушайте, я вамъ должна большое признаніе сдѣлать: вчерашнее письмо я вамъ не въ шутку написала, а серьезно...

И она закрыла рукой свои глаза. Видно было что ей очень стыдно сдѣлать это признаніе. Вдругъ она схватила его руку и стремительно поцѣловала ее три раза.

— Ахъ, Lise, вотъ и прекрасно, радостно воскликнулъ Алеша.—А я вѣдь былъ совершенно увѣренъ что вы написали серьезно.

— Увѣренъ, представьте себѣ! отвела вдругъ она его руку, не выпуская ее однако изъ своей руки, краснѣя ужасно и смѣясь маленькимъ, счастливымъ смѣшкомъ,—я ему руку поцѣловала, а онъ говоритъ: „и прекрасно“. Но упрекала она несправедливо: Алеша тоже былъ въ большомъ смятеніи.

— Я бы желалъ вамъ всегда нравиться, Lise, но не знаю какъ это сдѣлать, пробормоталъ онъ кое-какъ, и тоже краснѣя.

— Алеша, милый, вы холодны и дерзки. Видите ли-съ. Онъ изволилъ меня выбрать въ свои супруги и на томъ успокоился! Онъ былъ уже увѣренъ что я написала серьезно, какво! Но вѣдь это дерзость—вотъ что!

— Да развѣ это худо что я былъ увѣренъ? засмѣялся вдругъ Алеша.

— Ахъ, Алеша, напротивъ ужасно какъ хорошо, вѣжно и со счастьемъ посмотрѣла на него Lise. Алеша стоялъ все еще держа свою руку въ ея рукѣ. Вдругъ онъ нагнулся и поцѣловалъ ее въ самыя губки.

— Это что еще? Что съ вами? вскрикнула Lise. Алеша совсѣмъ потерялся.

— Ну простите если не такъ... Я можетъ-быть ужасно гауло... Вы сказали что я холоденъ, я взялъ и поцѣловалъ.. Только я вижу что вышло гауло...

Lise засмѣялась и закрыла лицо руками.

— И въ этомъ плащѣ! вырвалось у ней между смѣхомъ, но вдругъ она перестала смѣяться и стала вся серьезная, почти строгая.

— Ну, Алеша, мы еще подождемъ съ поцѣлуями, потому что мы этого еще оба не умѣемъ, а ждать намъ еще очень долго, заключила она вдругъ.—Скажите лучше за что вы берете меня, такую дуру, большую дурочку, вы такой умный, такой мыслящій, такой замѣчающій? Ахъ, Алеша, я ужасно счастлива, потому что я васъ совсѣмъ не стою!

— Стѣйте, Lise. Я на дняхъ выйду изъ монастыря совсѣмъ. Выйдя въ свѣтъ надо жениться, это-то я знаю. Такъ и онъ мнѣ велѣлъ. Кого жь я лучше васъ возьму... и кто меня кромѣ васъ возьметъ? Я ужь это обдумывалъ. Впервыхъ, вы меня съ дѣтства знаете, а ввторыхъ, въ васъ очень много способностей, какихъ во мнѣ совсѣмъ нѣтъ. У васъ душа веселѣе чѣмъ у меня; вы, главное, невиннаѣ меня, а ужь я до многого, до многого прикоснулся... Ахъ, вы не знаете, вѣдь и я Карамазовъ! Чтѣ въ томъ что вы смѣтаетесь и шутите, и надо мной тоже, напротивъ смѣитесь, а такъ этому радъ... Но вы смѣтаетесь какъ маленькая дѣвочка, а про себя думаете какъ мученица...

— Какъ мученица? Какъ это?

— Да, Lise, вотъ давеча вашъ вопросъ: нѣтъ ли въ насъ презрѣнія къ тому несчастному, что мы такъ душу его атомируемъ,—этотъ вопросъ мученической... видите я никакъ не умѣю это выразить, но у кого такіе вопросы являютъ, тотъ самъ способенъ страдать. Сидя въ креслахъ, вы ужь и теперь должны были много передумать...

— Алеша, дайте мнѣ вашу руку, чтѣ вы ее отнимаете,—проговорила Lise ослабленнымъ отъ счастья, улавлившимъ какимъ-то голоскомъ.—Послушайте, Алеша, во чтѣ вы одѣнетесь какъ выйдете изъ монастыря, въ какой костюмъ? Не смѣитесь, не сердитесь, это очень, очень для меня важно.

— Про костюмъ, Lise, я еще не думалъ, но въ какой хотите, въ такой и одѣнусь.

— Я хочу чтобъ у васъ былъ темносиній бархатный пиджакъ, бѣлый лилейный жилетъ и луговая сѣрая мягкая шапка... Скажите, вы такъ и повѣрили давеча, что я васъ люблю, когда я отъ лисьма вчерашняго отреклась?

— Нѣтъ, не повѣрилъ.

— О, несносный человѣкъ, несправимый!

— Видите, я зналъ что вы меня... кажется любите, но я сдѣлалъ видъ что вамъ вѣрю что вы не любите, чтобы вамъ было... удобнѣе...

— Еще того хуже! И хуже и лучше всего. Алеша, я васъ ужасно люблю. Я давеча какъ вамъ прійти загадала: спрошу у него вчерашнее лисьмо, и если онъ мнѣ спокойно вынетъ и отдастъ его (какъ и ожидать отъ него всегда можно),—то значить что онъ совсѣмъ меня не любитъ, ничего не чувствуетъ, а просто гаулый и недостойный мальчикъ, а я по-

гибля. Но вы оставили письмо въ кельѣ и это меня ободрило: не правда ли, вы потому оставили въ кельѣ, что почувствовали что я буду требовать назадъ письмо, такъ чтобы не отдавать его? Такъ ли? Вѣдь такъ?

— Охъ, Lise, совсѣмъ не такъ, вѣдь письмо-то со мной и теперь, и давеча было тоже, вотъ въ этомъ карманѣ, вотъ оно.

Алеша вынулъ смѣясь письмо и показалъ ей издали.

— Только я вамъ не отдамъ его, смотрите изъ рукъ.

— Какъ? Такъ вы давеча солгали, вы монахи и солгали?

— Пожалуй солгалъ, смѣялся и Алеша, — чтобы вамъ не отдавать письма солгалъ. Оно очень мнѣ дорого, прибавилъ онъ вдругъ съ сильнымъ чувствомъ и опять покраснѣвъ, — это ужъ на вѣки и я его никому никогда не отдамъ!

Lise смотрѣла на него въ восхищеніи.

— Алеша, зазелетала она опять, — посмотрите у дверей, не подслушиваетъ ли мамаша?

— Хорошо Lise, я посмотрю, только не лучше ли не смотреть, а? Зачѣмъ подозрѣвать въ такой низости вашу мать?

— Какъ низости? Въ какой низости? Это то что она подслушиваетъ за дочерью, такъ это ея право, а не низость, вспыхнула Lise. — Будьте увѣрены, Алексѣй Федоровичъ, что когда я сама буду матерью и у меня будетъ такая же дочь какъ я, то я непременно буду за нею подслушивать.

— Неужели, Lise? это не хорошо.

— Ахъ, Боже мой, какая тутъ низость? Еслибъ обыкновенный свѣтскій разговоръ какой-нибудь и я бы подслушивала, то это низость, а тутъ родная дочь заперлась съ молодымъ человѣкомъ... Слушайте, Алеша, знайте, я за вами тоже буду подсматривать, только что мы обвиняемся, и знайте еще что я всѣ письма ваши буду распечатывать и все читать... Это ужъ вы будьте предувѣдомлены...

— Да, конечно если такъ... бормоталъ Алеша, — только это не хорошо...

— Ахъ, какое презрѣніе! Алеша, милый, не будемъ ссориться съ самого перваго раза, — я вамъ лучше всю правду скажу: это конечно очень дурно подслушивать и ужъ конечно я не права, а вы правы, но только я все-таки буду подслушивать.

— Дѣлайте. Ничего за мной такого не подглядите, засмѣялся Алеша.

— Алеша, а будете ли вы мнѣ подчиняться? Это тоже надо заранѣе рѣшить.

— Съ большою охотой, Lise, и непременно, только не въ самомъ главномъ. Въ самомъ главномъ, если вы будете со мной несогласны, то я все-таки сдѣлаю какъ мнѣ долгъ велить.

— Такъ и нужно. Такъ знайте что и я, напротивъ, не только въ самомъ главномъ подчиняться готова, но и во всемъ уступаю вамъ и вамъ теперь же клятву въ этомъ даю,—во всемъ и на всю жизнь, вскричала пламенно Lise,— и это со счастьемъ, со счастьемъ! Мало того, клянусь вамъ что я никогда не буду за вами подслушивать, ни разу и никогда, ни одного письма вашего не прочту, потому что вы правы, а я нѣтъ. И хоть мнѣ ужасно будетъ хотѣться подслушивать, я это знаю, но я все-таки не буду, потому что вы считаете это неблагороднымъ. Вы теперь какъ мое свидѣніе... Слушайте, Алексѣй Федоровичъ, почему вы такой грустный всѣ эти дни, и вчера и сегодня; я знаю что у васъ есть хлопоты, бѣдствія, но я вижу, кромѣ того, что у васъ есть особенная какая-то грусть,—секретная можетъ-быть, а?

— Да, Lise, есть и секретная, грустно произнесъ Алеша.— Вижу что меня любите коли угадали это.

— Какая же грусть? О чемъ? Можно сказать? съ робкою мольбой произнесла Lise.

— Потомъ скажу, Lise... послѣ... смутился Алеша.—Теперь пожалуй и вполнѣтъ будетъ. Да я пожалуй и самъ не сумѣю сказать.

— Я знаю, кромѣ того, что васъ мучаютъ ваши братья, отецъ?

— Да, и братья, проговорилъ Алеша какъ бы въ раздумьи.

— Я вашего брата Ивана Федоровича не люблю, Алеша, вдругъ замѣтила Lise.

Алеша замѣчаніе это отвѣтилъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ, но не поднималъ его.

— Братья губятъ себя, продолжалъ онъ,—отецъ тоже. И другихъ губятъ вмѣстѣ съ собою. Тутъ „земляная карамазовская сила“, какъ отецъ Паисій намедни выразился,—земляная и нечестовая, необходимая... Даже носится ли Духъ Божій вверху этой силы—и того не знаю. Знаю только что и самъ я Карамазовъ... Я монахъ, монахъ? Монахъ я, Lise? Вы какъ-то сказали сію минуту что я монахъ?

— Да, сказала.

— А я въ Бога-то вотъ можетъ-быть и не вѣрую.

— Вы не вѣруете, что съ вами? тихо и осторожно проговорила Lise. Но Алеша не отвѣтилъ на это. Было тутъ, въ этихъ слишкомъ внезапныхъ словахъ его нѣчто слишкомъ таинственное и слишкомъ субъективное, можетъ-быть и ему самому неясное, но уже несомнѣнно его мучившее.

— И вотъ теперь, кромѣ всего, мой другъ уходитъ, первый въ мѣрѣ человѣкъ, землю покидаетъ. Еслибы вы знали, еслибы вы знали, Lise, какъ я связанъ, какъ я спаянъ душевно съ этимъ человѣкомъ! И вотъ я останусь одинъ... Я къ вамъ приду, Lise... Впредь будемъ вмѣстѣ...

— Да, вмѣстѣ, вмѣстѣ! Отвынѣ всегда вмѣстѣ на всю жизнь. Слушайте, поцѣлуйте меня, я позволяю.

Алеша поцѣловалъ ее.

— Ну теперь ступайте, Христосъ съ вами! (и она перекрестила его). Ступайте скорѣе къ нему пока живъ. Я вижу что жестоко васъ задержала. Я буду сегодня молиться за него и за васъ. Алеша мы будемъ счастливы! Будемъ мы счастливы, будемъ?

— Кажется будемъ, Lise.

Выйдя отъ Lise Алеша не заблагодарилъ пройти къ гжѣ Хохлаковой и не простясь съ нею направился было изъ дому. Но только что отворилъ дверь и вышелъ на лѣстницу, откуда ни возьмись предъ нимъ сама гжа Хохлакова. Съ перваго слова Алеша догадался что она поджидала его тутъ нарочно.

— Алексѣй Федоровичъ, это ужасно. Это дѣтскіе лустаки и все вздоръ. Надѣюсь вы не вздумаете мечтать... Глулости, глулости и глулости! накинулась она на него.

— Только не говорите этого ей, сказалъ Алеша,—а то она будетъ взволнована, а это ей теперь вредно.

— Слышу благоразумное слово благоразумнаго молодаго человѣка. Понимать ли мнѣ такъ что вы сами только потому соглашались съ ней что не хотѣли, изъ состраданія къ ея болѣзненному состоянію, противорѣчіемъ разсердить ее?

— О нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, я совершенно серьезно съ нею говорилъ, твердо заявилъ Алеша.

— Серіозность тутъ невозможна, немыслима, и вопервыхъ, я васъ теперь совсѣмъ не приму ни разу, а вовторыхъ, я уйду и ее увезу, знайте это.

— Да зачѣмъ же, сказалъ Алеша, — вѣдь это такъ еще не близко, года полтора еще можетъ-быть ждать придется.

— Ахъ Алексѣй Федоровичъ, это конечно правда и въ полтора года вы тысячу разъ съ ней поссоритесь и разоидетесь. Но я такъ несчастна, такъ несчастна! Пусть это все лустаки, но это меня сразило. Теперь я какъ Фамусовъ въ послѣдней сценѣ, вы Чацкій, она Софья, и представьте я нарочно убѣжала сюда на лѣстницу чтобы васъ встрѣтить, а вѣдь и тамъ все роковое произошло на лѣстницѣ. Я все слышала, я едва устояла. Такъ вотъ гдѣ объясненіе ужасовъ всей этой ночи и всѣхъ давешнихъ истерикъ! Дочкѣ любовь, а матери смерть. Ложись въ гробъ. Теперь второе и самое главное: что это за письмо которое она вамъ написала, покажите мнѣ его сейчасъ, сейчасъ!

— Нѣтъ не надо. Скажите какъ здоровье Катерины Ивановны, мнѣ очень надо знать.

— Продолжаетъ лежать въ бреду, она не очулась; ея тет-ки здѣсь и только ахаютъ и надо мной гордятся, а Герцештубе пріѣхалъ и такъ испугался что я не знала что съ нимъ и дѣлать и чѣмъ его спасти, хотѣла даже поелать за докторомъ. Его увезли въ моей каретѣ. И вдругъ въ довершеніе всего вы вдругъ съ этимъ письмомъ. Правда все это еще черезъ полтора года. Именемъ всего великаго и святаго, именемъ умирающаго старца вашего покажите мнѣ это письмо, Алексѣй Федоровичъ, мнѣ, матери! Если хотите, то держите его лапцами, а я буду читать изъ вашихъ рукъ.

— Нѣтъ не покажу, Катерина Осиповна, хотя бы и она позволила я не покажу. Я завтра приду и если хотите я съ вами о многомъ переговорю, а теперь—прощайте!

И Алеша выбѣжалъ съ лѣстницы на улицу.

II.

Смердаковъ съ гитарой.

Да и некогда было ему. У него блеснула мысль еще когда онъ прощался съ Lise. Мысль о томъ: какъ бы самымъ хитрѣйшимъ образомъ поймать сейчасъ брата Дмитрія отъ него очевидно скрывающагося? Было уже не рано, былъ часъ третій пополудни. Всѣмъ существомъ своимъ Алеша стремился въ монастырь къ своему „великому“ умирающему, но потребность видѣть брата Дмитрія переси-

лила все: въ умѣ Алеши съ каждымъ часомъ нарастало убѣжденіе о неминуемой ужасной катастрофѣ готовой совершиться. Въ чемъ именно состояла катастрофа и что хотѣлъ бы онъ сказать сію минуту брату, можетъ-быть онъ и самъ бы не опредѣлялъ. „Пусть благодѣтель мой умереть безъ меня, но по крайней мѣрѣ я не буду укорять себя всю жизнь что можетъ-быть могъ бы что спасти и не спасъ, прошелъ мимо, торопился въ свой домъ. Дѣлая такъ по его великому слову сдѣлаю“...

Планъ его состоялъ въ томъ чтобы захватить брата Дмитрія печально, а именно: перелѣзть какъ вчера черезъ тотъ плетень, войти въ садъ и засѣсть въ ту бесѣдку. „Если же его тамъ нѣтъ, думалъ Алеша, то не сказавшись ни Оомѣ, ни хозяйкамъ, притаиться и ждать въ бесѣдкѣ хотя бы до вечера. Если онъ попрежнему караулить приходъ Грушеньки, то очень можетъ-быть что и придетъ въ бесѣдку...“ Алеша впрочемъ не разсуждалъ слѣшкомъ много о подробностяхъ плана, но онъ рѣшилъ его исполнить хотя бы пришлось и въ монастырь не попасть сегодня...

Все произошло безъ помѣхи: онъ перелѣзъ черезъ плетень почти въ томъ самомъ мѣстѣ какъ вчера и скрытно пробрался въ бесѣдку. Ему не хотѣлось чтобы его замѣтили: и хозяйка, и Оома (если онъ тутъ) могли держать сторону брата и слушаться его приказаній, а стало-быть или въ садъ Алешу не лустить, или брата предупредить вовремя что его ищутъ и спрашиваютъ. Въ бесѣдкѣ никого не было. Алеша сѣлъ на свое вчерашнее мѣсто и началъ ждать. Онъ оглядѣлъ бесѣдку, она показалась ему почему-то гораздо болѣе ветхою чѣмъ вчера, дрянною такою показалась ему въ этотъ разъ. День былъ впрочемъ такой же ясный какъ и вчера. На зеленомъ столѣ отпечатался кружокъ отъ вчерашней, должно-быть расплескавшейся рюмки съ коньякомъ. Пустыя и непригодныя къ дѣлу мысли, какъ и всегда во время скучнаго ожиданія, дѣзли ему въ голову: напримѣръ, почему онъ войдя теперь сюда сѣлъ именно точь-въ-точь на то самое мѣсто на которомъ вчера сидѣлъ, и почему не на другое? Наконецъ ему стало очень грустно, грустно отъ тревожной неизвѣстности, Но не просидѣвъ онъ и четверти часа, какъ вдругъ, очень гдѣ-то вблизи, послышался аккордъ гитары. Сидѣли или только сейчасъ усѣлся кто-то шагахъ отъ него въ двадцати, никакъ не дальше, гдѣ - нибудь въ

кустахъ. У Алеши вдругъ мелькнуло воспоминаніе что уходя вчера отъ брата изъ бесѣдки онъ увидѣлъ, или какъ бы мелькнула предъ нимъ вѣтвь у забора садовая, зеленая, визенькая старая скамейка между кустами. На ней-то стало-быть и усѣлись теперь гости. Кто же? Одинъ мужской голосъ вдругъ заплѣлъ сладенькою фистулой кулаеть, аккомпанируя себя на гитарѣ:

Нелобѣдимою силою
Привержень я къ милою
Господи пом-и-и-и-и-и
Ее и меня!
Ее и меня!
Ее и меня!

Голосъ остановился. Лакейскій теноръ и вывертъ лѣва лакейскій. Другой, женскій уже голосъ вдругъ произнесъ ласкательно и какъ бы робко, но съ большимъ однако жеманствомъ.

— Что вы къ намъ долго не ходите, Павелъ Федоровичъ, что вы насъ все презираете?

— Ничего-съ, отвѣтилъ мужской голосъ, хотя и вѣжливо, но прежде всего съ настойчивымъ и твердымъ достоинствомъ. Видимо преобладалъ мущина, а заигрывала женщина. „Мущина—это кажется Смердаковъ, подумалъ Алеша, по крайней мѣрѣ по голосу, а дама, это вѣрно хозяйки здѣшняго домика дочь, которая изъ Москвы пріѣхала, платье со шлейфомъ носить и за суломъ къ Марѣ Игнатьевнѣ ходить...“

— Ужасно я всякій стихъ люблю если складно, продолжалъ женскій голосъ.—Что же вы не продолжаете? Голосъ заплѣлъ снова:

Царская корона
Была бы моя милая здорова
Господи пом-и-и-и-и
Ее и меня!
Ее и меня!
Ее и меня!

— Въ прошлый разъ еще лучше выходило, замѣтилъ женскій голосъ.—Вы спѣли про корону: „была бы моя милочка здорова.“ Этакъ вѣжливѣе выходило, вы вѣрно сегодня позабыли.

— Стихи вздоръ-съ, отрѣзалъ Смердаковъ.

— Ахъ вѣтъ, я очень стишокъ люблю.

— Это чтобы стихъ-сь, то это существенный вздоръ-сь. Разсудите сами: кто же на свѣтъ въ риему говоритъ? И еслибы мы стали всѣ въ риему говорить, хотя бы даже по приказанію начальства, то много ли бы мы рассказали-сь? Стихи не дѣло, Марья Кондратьевна.

— Какъ вы во всемъ столь умны, какъ это вы во всемъ произошли? ласкался все болѣе и болѣе женскій голосъ.

— Я бы не то еще могъ-сь, я бы и не то еще зналъ-сь, еслибы не жребій мой съ самаго моего сыздѣтства. Я бы на дуэли изъ листоleta того убилъ который бы мнѣ произнесъ что я подлець, потому что безъ отца отъ Смердачей произошелъ, а они и въ Москвѣ это мнѣ въ глаза тыкали, отсюда благодаря Григорію Васильевичу переползло-сь. Григорій Васильевичъ попрекаетъ что я противъ рождества бунтую: „ты дескать ей ложесна разверзъ.“ Оно пусть ложесна, но я бы дозволялъ убить себя еще во чревѣ съ тѣмъ чтобы лишь на свѣтъ не происходить вовсе-сь. На базарѣ говорили, а ваша маменька тоже разказывать мнѣ лустилась по великой своей неделикатности что ходила она съ калтуномъ на головѣ, а росту была всего двухъ аршинъ съ *малымъ*. Для чего же съ *малымъ*, когда можно просто съ малымъ сказать какъ всѣ люди произносятъ? Слезно выговорить захотѣлось, такъ вѣдь это мужицкая такъ-сказать слеза-сь, мужицкія самыя чувства. Можетъ ли русскій мужикъ противъ образованнаго человѣка чувство имѣть? По необразованности своей онъ никакого чувства не можетъ имѣть. Я съ самаго сыздѣтства какъ услышу бывало „съ малымъ“, такъ точно на стѣну бы бросился. Я всю Россію ненавижу, Марья Кондратьевна.

— Когда бы вы были военнымъ юнкерочкомъ или гусаричкомъ молоденькимъ, вы бы не такъ говорили, а саблю бы вынули и всю Россію стали бы защищать.

— Я не только не желаю быть военнымъ гусаричкомъ, Марья Кондратьевна, но желаю напротивъ уничтоженія всѣхъ солдатъ-сь.

— А когда непріятель придетъ, кто же насъ защищать будетъ?

— Да и не надо вовсе-сь. Въ Двѣнадцатомъ году было на Россію великое нашествіе императора Наполеона французскаго перваго, отца нынѣшнему и хорошо, кабы насъ тогда покорили эти самыя Французы: Умная нація покоряла бы

весьма глупую-сь и присоединила къ себѣ. Совсѣмъ даже была бы другіе порядки-сь.

— Да будто они тамъ у себя такъ ужь лучше нашихъ? Я иного нашего щеголочка на трехъ молодыхъ самыхъ Англичанъ не промѣляю, нѣжно проговорила Марья Кондратьевна, должно-быть сопровождая въ эту минуту слова свои своими томными глазками.

— Это какъ кто обожаетъ-сь.

— А вы и сами точно иностранецъ, точно благородный самый иностранецъ, ужь это я вамъ чрезъ стыдъ говорю.

— Если вы желаете знать, то по разврату и тамошніе и наши всѣ похожи. Всѣ шельмы - съ, но съ тѣмъ что тамошній въ лакированныхъ салогахъ ходитъ, а нашъ яодаецъ въ своей нищетѣ смердитъ, и ничего въ этомъ дурнаго не находитъ. Русскій народъ надо пороть-сь, какъ правильно говорилъ вчера Федоръ Павловичъ, хотя и сумашедшій онъ человекъ со всѣми своими дѣтьми-сь.

— Вы Ивана Федоровича, говорили сами, такъ уважаете.

— А они про меня отнесли что я воюющій лакей. Они меня считаютъ что я бунтовать могу; это они ошибаются-сь. Была бы въ карманѣ моемъ такая сумма и меня бы здѣсь давно не было. Дмитрій Федоровичъ хуже всякаго лакея и поведениемъ, и умомъ, и нищетою своею-сь и ничего-то онъ не умѣетъ дѣлать, а напротивъ отъ всѣхъ почтенъ. Я положимъ только бульфонщикъ, но я при счастья могу въ Москвѣ кафе-ресторанъ открыть на Петровкѣ. Потому что я готовлю специально, а ни одинъ изъ нихъ въ Москвѣ, кромѣ иностранцевъ, не можетъ подать специально. Дмитрій Федоровичъ голоштанникъ-сь, а вызови онъ на дуэль самаго первѣйшаго графскаго сына и тотъ съ нимъ поидеть-сь, а чѣмъ онъ лучше меня-сь? Потому что онъ не въ примѣръ меня глупѣе. Сколько денегъ просвисталъ безъ всякаго употребленія-сь.

— На дуэли очень я думаю хорошо, замѣтила вдругъ Марья Кондратьевна.

— Чѣмъ же это-сь?

— Страшно такъ и храбро, особенно коли молодые офицерики съ листолетами въ рукахъ одинъ противъ другаго палятъ за которую-нибудь. Просто картинка. Ахъ кабы дѣвицы пускали смотрѣть, я ужасно какъ хотѣла бы посмотрѣть.

— Хорошо коли самъ наводитъ, а коли ему самому въ

самое рыло наводить, такъ оно тогда самое глупое чувство-сь. Убѣдите съ мѣста Марья Кондратьевна.

— Неужто вы любѣжали бы?

Но Смердяковъ не удостоилъ отвѣтить. Послѣ минутнаго молчанія раздался опять аккордъ и фистула зацѣпась по-свѣдшимъ куластомъ:

„Сколько ни стараться
Стану удаляться,
Жизнью наслажда-а-аться
И въ столицѣ жить!
Не буду тужить.
Совсѣмъ не буду тужить,
Совсѣмъ даже не намѣремъ тужить!“

Тутъ случилась неожиданность: Алеша вдругъ чихнулъ; на скамейкѣ мигомъ притихли. Алеша всталъ и пошелъ въ ихъ сторону. Это былъ дѣйствительно Смердяковъ, разодѣтый, напомаженный и чуть ли не завитой, въ лакированныхъ ботинкахъ. Гитара лежала на скамейкѣ. Дама же была Марья Кондратьевна, хозяйкина дочка; платье на ней было свѣтло-голубое, съ двухъаршиннымъ хвостомъ; дѣвушка была еще молодецкая и не дурная бы собой, но съ очень ужъ круглымъ лицомъ и со страшными веснушками.

— Братъ Дмитрій скоро воротится? сказалъ Алеша какъ можно спокойнѣе.

Смердяковъ медленно приподнялся со скамейки; приподнялась и Марья Кондратьевна.

— Почему жь бы я могъ быть извѣстенъ про Дмитрія Федоровича; другое дѣло кабы я при нихъ сторожемъ состоялъ? тихо, раздѣльно и пренебрежительно отвѣтилъ Смердяковъ.

— Да я просто спросилъ не знаете ли? объяснилъ Алеша.

— Ничего я про ихнее пребываніе не знаю, да и знать не желаю-сь.

— А братъ мнѣ именно говорилъ что вы-то и даете ему знать обо всемъ что въ домѣ дѣлается и обѣщались дать знать когда придетъ Аграфена Александровна.

Смердяковъ медленно и невозмутимо вскинулъ на него глазами.

— А вы какъ изволили на сей разъ пройти, такъ какъ ворота здѣшнія ужъ часъ какъ на щеколду затворены? спросилъ онъ пристально смотря на Алешу.

— А я прошелъ съ переулка черезъ заборъ прямо въ бесѣдку. Вы надѣюсь извините меня въ этомъ, обратился онъ къ Марьѣ Кондратьевнѣ,—мнѣ надо было захватить скорѣе брата.

— Ахъ можемъ ли мы на васъ обижаться, протянула Марья Кондратьевна, польщенная извиненіемъ Алеши,—такъ какъ и Дмитрій Ѳедоровичъ часто этимъ манеромъ въ бесѣдку ходять, мы и не знаемъ, а онъ ужъ въ бесѣдкѣ сидитъ.

— Я его теперь очень ищу, я очень бы желалъ его видѣть или отъ васъ узнать гдѣ онъ теперь находится. Повѣрьте что по очень важному для него же самого дѣлу.

— Они намъ не сказываются, пролетѣла Марья Кондратьевна.

— Хотя бы я и по знакомству сюда приходилъ, началъ вновь Смердяковъ,—но они и здѣсь меня безчеловѣчно стѣснили безпрестаннымъ спросомъ про барина: что дескать, да какъ у нихъ, кто приходитъ и кто такъ уходитъ, и не могу ли я что иное имъ сообщить? Два раза грозилъ мнѣ даже смертию.

— Какъ это смертию? удивился Алеша.

— А для нихъ развѣ это что составляетъ-сь, по ихнему характеру, который сами вчера изволили наблюдать-сь. Если говорятъ Графену Александровну пролушу и она здѣсь переночуетъ—не быть тебѣ первому живу. Боюсь я ихъ очень-сь, и кабы не боялся еще лучше того, то заявить бы долженъ на нихъ городскому начальству. Даже Богъ знаетъ что произвести могутъ-сь.

— Намедни сказали имъ: „въ стулѣ тебя истолку“, прибавила Марья Кондратьевна.

— Ну если въ стулѣ, то это только можетъ быть разговоръ.... замѣтилъ Алеша.—Еслибъ я его могъ сейчасъ встрѣтить, я бы могъ ему что-нибудь и объ этомъ сказать....

— Вотъ что единственно могу сообщить, какъ бы надумался вдругъ Смердяковъ.—Бываю я здѣсь по всегдашнему сосѣдскому знакомству и какже бы я не ходилъ-сь? Съ другой стороны Иванъ Ѳедоровичъ чѣмъ свѣтъ сегодня послали меня къ нимъ на квартиру въ ихнюю Озерную улицу, безъ письма-сь, съ тѣмъ чтобы Дмитрій Ѳедоровичъ на словахъ непременно пришли въ здѣшній трактиръ-сь на площадь, чтобы вмѣстѣ обѣдать. Я пошелъ-сь, но Дмитрія Ѳедоровича я на квартирѣ ихней не засталъ-сь а было ужъ восемь

часовъ: „Быль, говорятъ, да весь вышелъ“,—этими самыми словами ихъ хозяева сообщили. Тутъ точно у нихъ заговоръ какой-сь, обоюдный-сь. Теперь же можетъ-быть они въ эту самую минуту въ трактиръ этомъ сидятъ съ братомъ Иваномъ Федоровичемъ, такъ какъ Иванъ Федоровичъ домой обѣдать не приходилъ, а Федоръ Павловичъ отобѣдали часъ тому назадъ одни и теперь почивать легли. Убѣдительноше однако прошу чтобы вы имъ про меня и про то что я сообщилъ ничего не говорили-сь, ибо они ни за что убиты-сь.

— Братъ Иванъ звалъ Дмитрія сегодня въ трактиръ? быстро переспросилъ Алеша.

— Это точно такъ-сь.

— Въ трактиръ *Столичный городъ*, на площади?

— Въ этотъ самый-сь.

— Это очень возможно! воскликнулъ Алеша въ большомъ волненіи.—Благодарю васъ, Смердаковъ, извѣстіе важное, сейчасъ пойду туда.

— Не выдавайте-сь, проговорилъ ему вельдъ Смердаковъ.

— О нѣтъ, я въ трактиръ явлюсь какъ бы печально, будьте покойны.

— Да куда же вы, я вамъ калитку отопру, крикнула было Марья Кондратьевна.

— Нѣтъ, здѣсь ближе, я опять черезъ лаетень.

Извѣстіе страшно потрясло Алешу. Онъ луснулся къ трактиру. Въ трактиръ ему входить было въ его одеждѣ неприлично, но освѣдомиться на лѣстницѣ и вывзвать ихъ, это было возможно. Но только что онъ подошелъ къ трактиру какъ вдругъ отворилась одно окно и самъ братъ Иванъ закричалъ ему изъ окна внизъ.

— Алеша, можешь ты ко мнѣ сейчасъ войти сюда или нѣтъ? Одолжишь ужасно.

— Очень могу, только не знаю какъ мнѣ въ моемъ латѣ.

— А я какъ разъ въ отдельной комнатѣ, стулай на крыльцо, а сбѣгу на встрѣчу....

Черезъ минуту Алеша сидѣлъ рядомъ съ братомъ. Иванъ былъ одинъ и обѣдалъ.

III.

Братья знакомятся.

Находилась Иванъ однако не въ отдѣльной комнатѣ. Это было только мѣсто у окна, отгороженное ширмами, но сидѣвшихъ за ширмами все-таки не могли видѣть посторонніе. Комната эта была входная, первая, съ буфетомъ у боковой стѣны. По ней поминутно шмыгали половые. Изъ посѣтителей былъ одинъ лишь старичокъ отставной военный, и пилъ въ уголку чай. За то въ остальныхъ комнатахъ трактира происходила вся обыкновенная трактирная возня, слышались призывные крики, откулориваніе пивныхъ бутылокъ, стукъ бильярдныхъ шаровъ, гудѣлъ органъ. Алеша зналъ что Иванъ въ этотъ трактиръ почти никогда не ходилъ и до трактировъ вообще не охотникъ; стало-быть именно потому только и очутился здѣсь, подумалъ онъ, чтобы сойтись по условію съ братомъ Дмитріемъ. И однако брата Дмитрія не было.

— Прикажу я тебѣ ухи аль чего-нибудь, не чаемъ же вѣдь ты однимъ живешь крикнулъ Иванъ, ловидимому ужасно довольный что заучилъ Алешу. Самъ онъ ужъ кончилъ обѣдъ и пилъ чай.

— Ухи давай, давай потомъ и чаю, я проголодался, жессо проговорилъ Алеша.

— А варенья вишневого? Здѣсь есть. Помнишь какъ ты маленькій у Полѣнова вишневое варенье любилъ?

— А ты это помашь? Давай и варенья, я и теперъ люблю.

Иванъ позволилъ пелового и приказалъ уху, чай и варенья.

— Я все помню Алеша, я помню тебя до одинадцати лѣтъ, мнѣ былъ тогда лятнадцатый годъ. Пятнадцать и одинадцать, это такая разница что братья въ эти годы никогда не бываютъ товарищами. Не знаю любилъ ли я тебя даже. Когда я уѣхалъ въ Москву, то въ первые годы я даже и не вспоминалъ объ тебѣ вовсе. Потомъ когда ты самъ попалъ въ Москву, мы разъ только кажется и встрѣтились гдѣ-то. А вотъ здѣсь я уже четвертый мѣсяцъ живу и до сихъ поръ мы съ тобой не сказали слова. Завтра я уѣзжаю и думаю сейчасъ здѣсь сидя: какъ бы мнѣ его увидать чтобы протиться, а ты и идешь мимо.

— А ты очень ждалъ меня увидать?

— Очень, я хочу съ тобой познакомиться разъ навсегда и тебя съ собой познакомить. Да съ тѣмъ и проститься. По моему всего лучше знакомиться предъ разлукой. Я видѣлъ какъ ты на меня смотрѣлъ всѣ эти три мѣсяца, въ глазахъ твоихъ было какое-то безпрерывное ожиданіе, а вотъ этого-то я и не терплю, оттого и не подошелъ къ тебѣ. Но въ концѣ я тебя научился уважать: твердо дескать стоитъ человекъ. Замѣть, а хогъ и смѣюсь теперь, но говорю серьезно. Видь ты твердо стоишь, да? Я такихъ твердыхъ люблю на чемъ бы тамъ они ни стояли и будь они такіе маленькіе мальчуганы какъ ты. Ожидающій взглядъ твой сталъ мнѣ вовсе подконецъ не противенъ; напротивъ, полюбилъ я наконецъ твой ожидающій взглядъ.... Ты кажется почему-то любишь меня Алеша?

— Люблю Иванъ. Братъ Дмитрій говорить про тебя: Иванъ—ногица. Я говорю про тебя: Иванъ—загадка. Ты и теперь для меня загадка, но вѣчто я уже осмыслилъ въ тебѣ и всего только съ сегодняшняго утра!

— Чтò жъ это такое? засмѣялся Иванъ.

— А не разсердишься? засмѣялся и Алеша.

— Ну?

— А то что ты такой же точно молодой человекъ какъ и всѣ остальные двадцатитрехлѣтніе молодые люди, такой же молодой, молоденькій, свѣжій и славный мальчикъ, ну желторотый наконецъ мальчикъ! Чтò не очень тебя обидѣлъ?

— Напротивъ поразилъ совладеніемъ! весело и съ жаромъ вскричалъ Иванъ.—Вѣришь ли что я, послѣ давешняго нашего свиданія у ней, только объ этомъ про себя и думалъ, объ этой двадцатитрехлѣтней моей желторотости, а ты вдругъ теперь точно угадалъ и съ этого самого начинаешь. Я сейчасъ здѣсь сидѣлъ и знаешь что говорилъ себѣ: Не вѣруй я въ жизнь, разувѣрся я въ дорогой женщинѣ, разувѣрся въ порядкѣ вещей, убѣдись даже что все напротивъ беспорядочный, проклятый и можетъ-быть бѣсовскій хаосъ, порази меня хоть всѣ ужасы человѣческаго разочарованія,—а я все-таки захочу жить и ужъ какъ припалъ къ этому кубку, то не оторвуешь отъ него пока его весь не осию! Впрочемъ къ тридцати годамъ навѣрно брошу кубокъ, хоть и не долюю всего и отойду... не знаю куда. Но до тридцати моихъ лѣтъ, знаю это твердо, все побѣдитъ моя молодость,—всякое раз-

очарованіе, всякое отвращеніе къ жизни. Я спрашивалъ себя много разъ. Есть ли въ мірѣ такое отчаяніе чтобы побѣдило во мнѣ эту изступленную и неприличную жажда-быть жажду жизни, и рѣшилъ что кажется лѣтъ такого, то-есть опять-таки до тридцати этихъ лѣтъ, а тамъ ужъ самъ не захочу, мнѣ такъ кажется. Эту жажду жизни иные частотичные опляки-моралисты называютъ часто ледаю, особенно поэты. Черта-то она отчасти Карамазовская, это правда, жагда-то эта жизни несмотря ни на что, въ тебѣ она тоже непременно сидитъ, но почему жъ она подаала? Центростремительной силы еще страшно много на нашей планетѣ Алешка. Жить хочется и я живу, хотя бы и вопреки логики. Пусть я не вѣрю въ порядокъ вещей, но дороги мнѣ клейкіе, распу-скающіеся весной листочки, дорого голубое небо, дорогъ иной человекъ котораго иной разъ, повѣришь ли не знаешь за что и любишь, дорогъ иной подвигъ человѣчскій, въ кото-рый давно уже жажда-быть перестала и вѣрить, а все-таки по старой памяти чтить его сердцемъ. Вотъ тебѣ уху при-кесли, кушай на здоровье. Уха славная, хорошо готовить. Я хочу въ Европу съѣздить Алеша, отсюда и поѣду; и вѣдь я знаю что поѣду лишь на кладбище, но на самое, на самое дорогое кладбище, вотъ что! Дорогіе тамъ лежать, покойники, каждый камень надъ ними гласитъ о такой горячей мину-щей жизни, о такой страстной вѣрѣ въ свой подвигъ, въ свою истину, въ свою борьбу и въ свою науку что я, знаю заранѣе, поѣду на землю и буду цѣловать эти камни и пла-кать надъ ними,—въ то же время убѣжденный своимъ сердцемъ моимъ что все это давно уже кладбище и никакъ не болѣе. И не отъ отчаянія буду плакать, а лишь просто потому что буду счастливъ пролитыми слезами моими. Собственными умилениемъ улыюсь. Клейкіе весенніе листочки, голубое небо люблю я, вотъ что! Тутъ не умъ, не логика, тутъ нутромъ, тутъ чревомъ любишь, первыя свои молодыя силы любишь... Понимаешь ты что-нибудь въ моей ахивѣ, Алешка, аль нѣтъ? засмѣялся вдругъ Иванъ.

— Слишкомъ понимаю Иванъ: нутромъ и чревомъ хочется любить,—прекрасно ты это сказать, и радъ я ужасно за то что тебѣ такъ жить хочется, воскликнулъ Алеша.—Я думаю что всѣ должны прежде всего на свѣтѣ жить полюбить.

— Жизнь полюбить больше чѣмъ смыслъ ея?

— Непремѣнно такъ, полюбить прежде логику, какъ ты говоришь, непремѣнно чтобы прежде логики, и тогда только я и смыслъ пойму. Вотъ что мнѣ давно уже мерещится. Положена твоего дѣла сдѣлана, Иванъ, и приобретена: ты жить любишь. Теперь надо постараться тебѣ о второй твоей половинѣ и ты спасеся.

— Ужь ты и спасаешь, да я и не погибалъ можетъ-быть! А въ чемъ она вторая твоя половина?

— Въ томъ что надо воскресить твоихъ мертвецовъ которые можетъ-быть никогда и не умирали. Ну давай чаю. Я радъ что мы говоримъ, Иванъ.

— Ты а вижу въ какомъ-то вдохновеніи. Ужасно я люблю такіа professions de foi вотъ отъ такихъ... послушниковъ. Твердый ты человекъ, Алексѣй. Правда что ты изъ монастыря хочешь выйти?

— Правда. Мой старецъ меня въ міръ посылаетъ.

— Увидимся еще стало-быть въ міру-то, встрѣтимся до тридцати-то лѣтъ, когда я отъ кубка-то начну отрываться. Отецъ вотъ не хочетъ отрываться отъ своего кубка до семидесяти лѣтъ, до восьмидесяти даже мечтаетъ, самъ говорилъ, у него это слишкомъ серьезно, хоть онъ и шутъ. Сталъ на сладострастіи своемъ и тоже будто на камнѣ... хотя послѣ тридцати-то лѣтъ правда и не на чемъ пожалуй стать, кромѣ какъ на этомъ... Но до семидесяти подло, лучше до тридцати: можно сохранить „оттѣнокъ благородства“ себя надуть. Не видалъ сегодня Дмитрія?

— Нѣтъ не видалъ, но я Смердакова видѣлъ. И Алеша рассказалъ брату наскоро и подробно о своей встрѣчѣ съ Смердяковымъ. Иванъ сталъ вдругъ очень озабоченно слушать, кое-что даже переспросилъ.

— Только онъ просилъ меня брату Дмитрію не сказывать о томъ что онъ о немъ говорилъ, прибавилъ Алеша.

Иванъ нахмурился и задумался.

— Ты это изъ-за Смердакова нахмурился? спросилъ Алеша.

— Да, изъ-за него. Къ чорту его, Дмитрія я дѣйствительно хотѣлъ было видѣть, но теперь не надо... неохотно проговорилъ Иванъ.

— А ты въ самомъ дѣлѣ такъ скоро уѣзжаешь, братъ?

— Да.

— Что же Дмитрій и отецъ? Чѣмъ это у нихъ кончится? тревожно промолвилъ Алеша.

— А ты все свою канитель! Да а-то тутъ что? Сторожь а что ли моему брату Дмитрію? раздражительно отрѣзалъ было Иванъ, но вдругъ какъ-то горько улыбнулся: Каиновъ отвѣтъ Богу объ убитомъ братѣ, а? Можетъ-быть ты это думаешь въ эту минуту? Но чортъ возьми не могу же я въ самомъ дѣлѣ оставаться тутъ у нихъ сторожемъ? Дѣла кончилъ и вѣду. Ужь не думаешь ли ты что я ревную къ Дмитрію, что я отбивалъ у него все эти мѣсяцы его красавицу Катерину Ивановну Э, чортъ, у меня свои дѣла были. Дѣла кончилъ и вѣду. Дѣла давеча кончилъ, ты былъ свидѣтелемъ.

— Это давеча у Катерины Ивановны?

— Да, у ней, и разомъ развязался. И что жь такое? Какое мнѣ дѣло до Дмитрія? Дмитрій тутъ ни при чемъ. У меня были только собственные дѣла съ Катериною Ивановною. Самъ ты знаешь напротивъ что Дмитрій велъ себя такъ какъ будто былъ въ разговорѣ со мной. Я вѣдь не просилъ его висколько, а онъ самъ мнѣ торжественно ее передалъ и благословилъ. Это все смѣху подобно. Нѣтъ, Алеша, нѣтъ, еслибы ты зналъ какъ я себя теперь легко чувствую! Я вотъ здѣсь сидѣлъ и обѣдалъ и вѣришь ли хотѣлъ было спросить шампанскаго, чтобъ отпраздновать первый мой часъ свободы. Тѣфу, полгода почти,—и вдругъ разомъ, все разомъ сваялъ. Ну подозрѣвалъ ли я даже вчера что это, если захотѣть, то ничего не стоить кончить!

— Ты про любовь свою говоришь, Иванъ?

— Любовь, если хочешь, да я влюбился въ барышню, въ институтку. Мучилась съ ней и она меня мучила. Сидѣлъ надъ ней... и вдругъ все слетѣло. Давеча я говорилъ вдохновенно, а вышелъ и расхохотался,—вѣришь этому. Нѣтъ, я буквально говорю.

— Ты и теперь такъ это весело говоришь, замѣтилъ Алеша, взглядываясь въ его въ самомъ дѣлѣ повеселѣвшее вдругъ лицо.

— Да почему же я зналъ, что я ее вовсе не люблю! Хе-хе! Вотъ и оказалось что нѣтъ. А вѣдь какъ она мнѣ нравилась! Какъ она мнѣ даже давеча нравилась когда я рѣчь читалъ. И знаешь ли и теперь нравится ужасно,—а между тѣмъ какъ легко отъ нея уѣхать. Ты думаешь я фанфарону?

— Нѣтъ. Только это можетъ-быть не любовь была.

— Алешка, засмѣялся Иванъ,—не лускайся въ разсужденія о любви! Тебѣ неприлично. Давеча-то, давеча-то ты выско-чаль, ай! Я еще и забылъ поцѣловать тебя за это... А му-чила-то она меня какъ! Во истину у надрыва сдѣлалъ. Охъ, она знала что я ее люблю! Любила меня, а не Дмитрія, ве-домо настаивалъ Иванъ.—Дмитрій только надрывалъ. Все что я давеча ей говорилъ истинная правда. Но только въ томъ дѣло, самое главное, что ей нужно можетъ-быть лѣтъ пят-надцать аль двадцать чтобы догадаться что Дмитрія она во-все не любитъ, а любить только меня котораго мучаетъ. Да пожалуй и не догадается она никогда, несмотря даже на се-годняшній урокъ. Ну и лучше: всталъ да и ушелъ на вѣки. Котати что она теперь? Что тамъ было когда я ушелъ?

Алеша разказалъ ему объ истерикѣ и о томъ что она ка-жется теперь въ безпамятствѣ и въ бреду.

— А не вретъ Хохлакова?

— Кажется нѣтъ.

— Надо справиться. Отъ истерики, впрочемъ, никогда и никто не умиралъ. Да и пусть истерика, Богъ женщинѣ по-салаз истерику любя. Не пойду я туда вовсе. Къ чему лѣзть опять.

— Ты однакоже давеча ей сказалъ что она никогда тебя не любила.

— Это я нарочно. Алешка, прикажу-ка я шампанскаго, выпьемъ за мою свободу. Нѣтъ, еслибы ты зналъ какъ я радъ!

— Нѣтъ, братъ, не будемъ лучше пить, сказалъ вдругъ Алеша,—къ тому же мнѣ какъ-то грустно.

— Да, тебѣ давно грустно, я это давно вижу.

— Такъ ты непременно завтра утромъ пойдешь?

— Утромъ? я не говорилъ что утромъ... А впрочемъ мо-жетъ и утромъ. Вѣрнись ли, я вѣдь здѣсь обѣдалъ сегодня единственно чтобы не обѣдать со старикомъ, до того онъ мнѣ сталъ противенъ. Я отъ него отъ одного давно бы уѣхалъ. А ты что такъ безлокоишься что я уѣзжаю. У насъ съ тобой еще Богъ знаетъ сколько времени до отъѣзда. Цѣ-лая вѣчность времени, безсмертіе!

— Если ты завтра уѣзжаешь, какаа же вѣчность?

— Да насъ-то съ тобой чѣмъ это касается? засмѣялся Иванъ,—вѣдь свое-то мы успѣемъ все-таки переговорить, свое-то для чего мы пришли сюда? Чего ты глядишь съ

удивленіемъ? Отвѣчай: мы для чего здѣсь сошлись? Чтобы говорить о любви къ Катеринѣ Ивановнѣ, о старикѣ и Дмитріѣ? О заграничѣ? О роковомъ положеніи Россіи? Объ императорѣ Наполеонѣ? Такъ ли, для этого ли?

— Нѣтъ, не для этого.

— Самъ понимаешь, значитъ, для чего. Другимъ одно, а намъ, желторотымъ, другое, намъ прежде всего надо предвѣчные вопросы разрѣшить, вотъ наша забота. Вся молодая Россія только лишь о вѣковѣчныхъ вопросахъ теперь и толкуетъ. Именно теперь какъ старики всѣ полѣзли вдругъ практическими вопросами заниматься. Ты изъ-за чего вотъ три мѣсяца глядѣлъ на меня въ ожиданіи? Чтобы допросить меня: „какъ вѣруешь, али вовсе не вѣруешь“,—вотъ вѣдь къ чему сводились ваши трехмѣсячные взгляды, Алексѣй Оседровичъ, вѣдь такъ?

— Пожалуй что и такъ, улыбнулся Алеша.—Ты вѣдь не смѣешься теперь надо мною, братъ?

— Я-то смѣюсь? Не захожу я огорчить моего братишку, который три мѣсяца глядѣлъ на меня въ такомъ ожиданіи. Алеша, взгляни прямо: я вѣдь и самъ точь-въ-точь такой же маленькій мальчикъ какъ и ты, развѣ только вотъ не послушникъ. Вѣдь русскіе мальчики какъ до сихъ поръ орудуютъ? Иные то-есть? Вотъ, напримѣръ, здѣшній возмущій трактиръ, вотъ они и сходятся, засѣли въ уголъ. Всю жизнь прежде не знали другъ друга, а выдуть изъ трактира, сорокъ лѣтъ опять не будутъ знать другъ друга, ну и что жъ, о чемъ они будутъ разсуждать пока поймали минутку въ трактирѣ-то? О міровыхъ вопросахъ, не иначе: есть ли Богъ, есть ли безсмертіе? А которые въ Бога не вѣрують, ну тѣ о социализмѣ и объ анархизмѣ заговаряютъ, о передѣлкѣ всего человѣчества по новому штату, такъ вѣдь это одинъ же чортъ выйдеть, все тѣ же вопросы, только съ другаго конца. И множество, множество самыхъ оригинальныхъ русскихъ мальчиковъ только и дѣлають что о вѣковѣчныхъ вопросахъ говорятъ у насъ въ наше время. Развѣ не такъ?

— Да, настоящимъ Русскимъ вопросы о томъ: есть ли Богъ и есть ли безсмертіе, или, какъ вотъ ты говоришь, вопросы съ другаго конца, конечно первые вопросы и прежде всего, да такъ и надо, проговорилъ Алеша все съ тою же тихою и испытующею улыбкой взглядываясь въ брата.

— Вот что, Алеша, быть русскимъ человѣкомъ иногда вовсе не умило, но все-таки глупѣе того чѣмъ теперь закидываютъ русскіе мальчики и представить нельзя себя. Но я одного русскаго мальчика, Алешку, ужасно люблю.

— Какъ ты это славно подвелъ, засмѣялся вдругъ Алеша.

— Ну говори же, съ чего начинать, приказывай самъ, съ Бога? Существуетъ ли Богъ что ли?

— Съ чего хочешь, съ того и начинай, хоть съ „другаго конца“. Вѣдь ты вчера у отца провозгласилъ что нѣтъ Бога, пыталъ поглядѣть на брата Алеша.

— Я вчера за обѣдомъ у старика тебя этимъ нарочно дразнилъ и видѣлъ какъ у тебя разгорались глазки. Но теперь я вовсе не прочь съ тобой переговорить и говорю это очень серьезно. Я съ тобой хочу сойтись, Алеша, потому что у меня нѣтъ друзей, попробовать хочу. Ну, представъ же себя, можетъ-быть и я принимаю Бога, засмѣялся Иванъ, для тебя это неожиданно, а?

— Да конечно, если ты только и теперь не шутишь.

— Шутишь. Это вчера у старца сказали что я шучу. Видишь, голубчикъ, былъ одинъ старый грѣшникъ въ восемнадцатомъ столѣтіи который изрекъ что, еслибы не было Бога, то слѣдовало бы его выдумать, *s'il n'existait pas Dieu il faudrait l'inventer*. И дѣйствительно человѣкъ выдумалъ Бога. И не то странно, не то было бы дивно что Богъ въ самомъ дѣлѣ существуетъ, но то дивно что такая мысль — мысль о необходимости Бога — могла зачѣсть въ голову такому дикому и злому животному каковъ человѣкъ, до того она свята, до того она трогательна, до того премудра и до того она дѣлаетъ честь человѣку. Что же до меня, то я давно уже положилъ не думать о томъ: человѣкъ ли создалъ Бога или Богъ человѣка? Не стану я разумѣется тоже перебирать на этотъ счетъ всѣ современныя аксіомы русскіхъ мальчиковъ, всѣ слашья выведенныя изъ европейскихъ гипотезъ; потому что тамъ что гипотеза, то у русскаго мальчика тотчасъ же аксіома и не только у мальчиковъ, но пожалуй и у ихнихъ профессоровъ, потому что и профессора русскіе весьма часто у насъ теперь тѣ же русскіе мальчики. А потому обхожу всѣ гипотезы. Вѣдь у насъ съ тобой какаѣ теперь задача? Задача въ томъ чтобы я какъ можно скорѣе могъ объяснить тебѣ мою суть, то-есть что я

за человѣкъ, во что вѣрую и на что надѣюсь, вѣдь такъ, такъ? А потому и объявляю что принимаю Бога прямо и просто. Но вотъ однако что надо отмѣтить: если Богъ есть и если онъ дѣйствительно создалъ землю, то, какъ намъ совершенно извѣстно, создалъ онъ ее по эвклидовой геометріи, а умъ человѣческой съ понятіемъ лишь о трехъ измѣреніяхъ пространства. Между тѣмъ находились и находятся даже и теперь геометры и философы и даже изъ замѣчательнѣйшихъ которые сомнѣваются въ томъ чтобы вся вселенная, или еще обширнѣе, — все бытіе было создано лишь по эвклидовой геометріи, осмѣливаются даже мечтать что двѣ параллельныя линіи которыя по Эвклиду ни за что не могутъ сойтись на землѣ, можетъ-быть и сошлись бы гдѣ-нибудь въ безконечности. Я, голубчикъ, рѣшилъ такъ что если я даже этого не могу понять, то гдѣ жъ мнѣ про Бога понять. Я смиренно сознаюся что у меня нѣтъ никакихъ способностей разрѣшать такіе вопросы, у меня умъ эвклидовскій, земной, а потому гдѣ намъ рѣшать о томъ что не отъ міра сего. Да и тебѣ совѣтую объ этомъ никогда не думать, другъ Алеша, а лучше всего насчетъ Бога: есть ли Онъ или нѣтъ? Все это вопросы совершенно не свойственныя уму созданному съ понятіемъ лишь о трехъ измѣреніяхъ. Итакъ принимаю Бога и не только съ охотой, но, мало того, принимаю и премудрость Его, и цѣль Его, — намъ совершенно ужъ неизвѣстная, вѣрую въ порядокъ, въ смыслъ жизни, вѣрую въ вѣчную гармонию въ которой мы будто бы всѣ сольемся, вѣрую въ слово къ которому стремится вселенная и которое само „бѣ къ Богу“ и которое есть само Богъ, ну и прочее и прочее и т. д. въ безконечность. Словъ-то много на этотъ счетъ надѣлано. Кажется ужъ я на хорошей дорогѣ — а? Ну такъ представь же себѣ что въ окончательномъ результатѣ я міра этого Божьяго — не принимаю и хоть и знаю что онъ существуетъ, да не допускаю его вовсе. Я не Бога не принимаю, пойми ты это, а міра имъ созданнаго, міра-то Божьяго не принимаю и не могу согласиться принять. Оговорюсь: я убѣжденъ какъ младенецъ что страданія заживутъ и сгладятся, что весь обидный комизмъ человѣческихъ противорѣчій исчезнетъ какъ жалкій миражъ, какъ гауссенькое измышленіе малосильнаго и маленькаго какъ атомъ человѣческаго эвклидовскаго ума, что наконецъ въ міровомъ финалѣ, въ моментъ вѣчной гар-

новѣ случится и явится вѣчто до того драгоценное что хватить его на всѣ сердца, на утоленіе всѣхъ негодованій, на искушеніе всѣхъ злодѣйствъ людей, всей прошитой ими ихъ крови, хватить чтобы не только было возможно простить, но и оправдать все что случилось съ людьми,—пусть, пусть это все будетъ и явится, но я-то этого не принимаю и не хочу принять! Пусть даже параллельныя линіи сойдутся и я это самъ увижу: увижу и скажу что сошлись, а все-таки не приму. Вотъ моя суть Алеша, вотъ мой тезисъ. Это ужъ я серьезно тебѣ высказалъ. Я нарочно началъ этотъ нашъ съ тобой разговоръ какъ глупѣ нельзя начать, но довелъ до моей исповѣди, потому что ее только тебѣ и надо. Не о Богѣ тебѣ нужно было, а лишь нужно было узнать чѣмъ живетъ твой любимый тобою братъ. Я и сказалъ.

Иванъ заключилъ свою длинную тираду вдругъ съ какимъ-то особеннымъ и неожиданнымъ чувствомъ.

— А для чего, ты началъ такъ какъ „глупѣ нельзя начать?“ спросилъ Алеша задумчиво смотря на него.

— Да во первыхъ, хоть для руссизма: русскіе разговоры на эти темы всѣ ведутся какъ глупѣ нельзя вести. А вторыхъ, опять-таки чѣмъ глупѣ тѣмъ ближе къ дѣлу. Чѣмъ глупѣ, тѣмъ и яснѣе. Глупость коротка и не хитра, а умъ шляется и прячется. Умъ подлець, а глупость пряма и честна. Я довелъ дѣло до моего отчаянія и чѣмъ глупѣ я его выставилъ, тѣмъ для меня же выгоднѣе.

— Ты мнѣ объяснишь для чего „міра не принимаешь?“ проговорилъ Алеша.

— Ужъ конечно объясню, не секретъ, къ тому и велъ. Братиска ты мой, не тебя я хочу развратить и сдвинуть съ твоего устоя, я можетъ-быть себя хотѣлъ бы исцѣлить тобою, улыбулся вдругъ Иванъ совсемъ какъ маленькій кроткій мальчикъ. Никогда еще Алеша не видалъ у него такой улыбки.

IV.

Б у в т ь.

— Я тебѣ долженъ сдѣлать одно признаніе, началъ Иванъ: я никогда не могъ понять какъ можно любить своихъ ближнихъ. Именно ближнихъ-то по моему и невозможно любить, а развѣ лишь дальнихъ. Я читалъ вотъ какъ-то и гдѣ-то про

„Іоанна Милостиваго“ (одного святаго) что онъ когда къ нему пришелъ голодный и обмерзшій прохожій и попросилъ согрѣть его легъ съ нимъ вмѣстѣ въ постель, обаявъ его и началъ дышать ему въ горящійся и зловонный отъ какой-то ужасной болязни ротъ его. Я убѣжденъ что онъ это сдѣлалъ съ надрывомъ, съ надрывомъ жи, изъ-за заказанной долгою любовью, изъ-за натащенной на себя элитиміи. Чтобы полюбить человека надо чтобы тотъ спрятался, а чуть лишь покажетъ лицо свое—пропала любовь.

— Объ этомъ не разъ говорилъ старецъ Зосима замѣтилъ Алеша, онъ тоже говорилъ что лицо человека часто многомъ еще неопытнымъ въ любви людямъ мѣшаетъ любить. Но вѣдь есть и много любви въ человечествѣ и почти лодобной Христовой любви, это я самъ знаю Иванъ...

— Ну я-то пока еще этого не знаю и понять не могу и безчисленное множество людей со мной тоже. Вопросъ вѣдь въ томъ отъ дурныхъ ли качествъ людей это происходитъ, или ужъ оттого что такова ихъ натура. По моему Христова любовь къ людямъ есть въ своемъ родѣ невозможное на землѣ чудо. Правда, Онъ былъ Богъ. Но мы-то не боги. Положимъ, я напримѣръ глубоко могу страдать, но другой никогда вѣдь не можетъ узнать до какой степени я страдаю, потому что онъ другой, а не я, и сверхъ того рѣдко человекъ согласится признать другаго за страдальца (точно будто это чужъ). Почему не согласится, какъ ты думаешь? Потому напримѣръ что отъ меня дурно пахнетъ, что у меня глупое лицо, потому что я разъ когда-то отдалъ ему ногу. Къ тому же страданіе и страданіе: унижительное страданіе, унижающее меня, гонимъ напримѣръ еще допуститъ во мнѣ мой благодѣтель, но чуть ловыше страданіе, за идею напримѣръ, нѣтъ, онъ это въ рѣдкихъ развѣ случаяхъ допуститъ, потому что онъ напримѣръ посмотритъ на меня и вдругъ увидитъ что у меня, вовсе не то лицо какое по его фантазіи должно бы быть у человека страдающаго за такую-то, напримѣръ, идею. Вотъ онъ и лишаетъ меня сейчасъ же своихъ благодѣлій и даже вовсе не отъ злого сердца. Нищіе, особенно благородные нищіе, должны бы были наружу никогда не показываться, а просить милостыню чрезъ газеты. Отвѣечно еще можно любить ближняго и даже иногда издали, но вблизи почти никогда. Еслибы все было какъ на сценѣ, въ балетѣ, гдѣ нищіе, когда они появляются, приходятъ въ шикарныхъ ло-

мотьяхъ и рваныхъ кружевахъ и просятъ милостыню, грациозно танцую, ну тогда еще можно любоваться ими. Любо-ваться, но все-таки не любить. Но довольно объ этомъ. Мнѣ надо было лишь оставить тебя на мою точку. Я хотѣлъ заговорить о страданіи человѣчества вообще, но лучше ужъ остановимся на страданіяхъ однихъ дѣтей. Это уменьшитъ размѣры моей аргументаціи разъ въ десять, но лучше ужъ про однихъ дѣтей. Тѣмъ невыгоднѣе для меня разумѣется. Но вопервыхъ, дѣтокъ можно любить даже и вблизи, даже и грязныхъ, даже дурныхъ лицомъ (мнѣ однако же кажется что дѣтки никогда не бываютъ дурны лицомъ). Вотъ вторыхъ, о большихъ я и потому еще говорить не буду что, кромѣ того что они отвратительны и любви не заслуживаютъ, у нихъ есть и возмездіе: они съѣли яблоко и познали добро и зло и стали „какъ боги“. Продолжаютъ и теперь ѣсть его. Но дѣточки ничего не съѣли и пока еще ни въ чемъ невиновны. Любишь ты дѣтокъ Алеша? Знаю что любишь и тебѣ будетъ понятно для чего я про нихъ однихъ хочу теперь говорить. Если они на землѣ тоже ужасно страдаютъ, то ужъ конечно за отцовъ своихъ, наказаны за отцовъ своихъ съѣвшихъ яблоко,—но вѣдь это разсужденіе изъ другаго міра, сердцу же человѣческому здѣсь на землѣ неловящее. Нельзя страдать неловящему за другаго, да еще такому неловящему! Подивись на меня Алеша, я тоже ужасно люблю дѣточекъ. И замишь себя, жестокіе люди, страстные, плаотоадные, Карамазовцы, иногда очень любятъ дѣтей. Дѣти, пока дѣти, до семи лѣтъ, налпримѣръ, страшно отстоятъ отъ людей: совсѣмъ будто другое существо и съ другою природою. Я зналъ одного разбойника въ острогѣ: ему случалось въ свою карьеру, избивая цѣлыя семейства въ домахъ, въ которые забирался по ночамъ для грабежа, зарѣзать заодно нѣскольکو и дѣтей. Но сидя въ острогѣ онъ ихъ до странности любилъ. Изъ окна острога онъ только и дѣлалъ что смотрѣлъ на играющихъ на тюремномъ дворѣ дѣтей. Одного маленькаго мальчику онъ приучилъ приходиться къ нему подъ окно и тотъ очень сдружился съ нимъ... Ты не знаешь для чего я это все говорю Алеша? У меня какъ-то голова болитъ и мнѣ грустно.

— Ты говоришь съ страшнымъ видомъ, съ безпокойствомъ замѣтилъ Алеша,—точно ты въ какомъ безуміи.

— Кстати, мнѣ недавно разказывалъ одинъ Болгаринъ въ Москвѣ,—продолжалъ Иванъ Федоровичъ какъ бы и не слушаа брата,—какъ Турки и Черкесы тамъ у нихъ въ Болга-

риі повсемѣстно злодѣйствуютъ, оласаясь поголовнаго возстанія Славявъ,—то-есть жгутъ, рѣжутъ, насилуютъ женщннъ и дѣтей, прибываютъ арестантамъ уши къ забору гвоздями и оставляютъ такъ до утра, а по утру вѣшаютъ — и проч., всего и вообразить невозможно. Въ самомъ дѣлѣ, выражаются иногда про „звѣрскую“ жестокость человѣка, но это страшно несправедливо и обидно для звѣрей: звѣрь никогда не можетъ быть такъ жестокъ какъ человѣкъ, такъ артистически, такъ художественно жестокъ. Тигръ просто грызетъ, рветъ и только это и умѣетъ. Ему и въ голову не вошло бы прибывать людей за уши на ночь гвоздями, еслибы онъ даже и могъ это сдѣлать. Эти Турки между прочимъ съ сладострастіемъ мучили и дѣтей, начиная съ вырѣзанія ихъ кинжаломъ изъ чрева матери, до бросанія вверхъ грудныхъ младенцевъ и подхватыванія ихъ на штыкъ въ глазахъ матерей. На глазахъ-то матерей и составляло главную сладость. Но вотъ однако одна меня сильно заинтересовавшая картинка. Представь: грудной младенецъ на рукахъ трелепущей матери, кругомъ вошедшіе Турки. У нихъ затѣялась веселая штука: они ласкаютъ младенца, смѣются чтобъ его разсмѣшить, имъ удается, младенецъ разсмѣялся. Въ эту минуту Турокъ наводитъ на него пистолеть въ четырехъ вершкахъ разстоянія отъ его лица. Мальчикъ радостно хохочетъ, тавется ручонками чтобъ схватить пистолеть и вдругъ артистъ спускаетъ курокъ прямо ему въ лицо и раздробляетъ ему голову... Художественно, не правда ли? Кстати, Турки говорятъ очень любятъ сладкое.

— Братъ, къ чему это все? спросилъ Агаша.

— Я думаю что если дьяволъ не существуетъ и, стало-быть, создалъ его человѣкъ, то создалъ онъ его по своему образу и подобию.

— Въ такомъ случаѣ равно какъ и Бога.

— А ты удивительно какъ умѣешь оборачивать словечки, какъ говорить Полоній въ *Гамлетъ*, засмѣялся Иванъ. Ты поймалъ меня на словѣ, пусть, я радъ. Хорошо же твоѣ Богъ, коль его создалъ человѣкъ по образу своему и подобию. Ты спросилъ сейчасъ для чего я это все: я, видишь ли, любитель и собиратель нѣкоторыхъ фактиковъ и вѣрннш ли записываю и собираю изъ газетъ и разказовъ откуда попало, нѣкотораго рода анекдотики и у меня уже хорошая коллекція. Турки конечно вошли въ коллекцію, но это все ино-

странцы. У меня есть и родныя штучки и даже получше турецкихъ. Знаешь, у насъ больше битые, больше розга и плеть, и это національно: у насъ прибитые гвоздями уши немислимы, мы все-таки Европейцы, но розги, но плеть это нѣчто уже наше и не можетъ быть у насъ отнято. За границей теперь какъ будто и не бьютъ совсѣмъ, нравы что ли очистились, али ужь законы такіе устроились что человекъ человека какъ будто ужь и не смѣетъ посячь, но за то они вознаградили себя другимъ и тоже чисто національнымъ какъ и у насъ и до того національнымъ что у насъ оно какъ будто и невозможно, хотя впрочемъ кажется и у насъ прививается, особенно со времени религіознаго движенія въ нашемъ высшемъ обществѣ. Есть у меня одна прелестная брошюрка, переводъ съ французскаго, о томъ какъ въ Женевѣ, очень недавно, всего лѣтъ пять тому, казнили одного злодѣя и убійцу, Ришара, двадцатитрехлѣтняго кажется малюга, раскаявшагося и обратившагося къ христіанской вѣрѣ предъ самымъ эшафотомъ. Этотъ Ришаръ былъ чей-то незаконнорожденный котораго еще младенцемъ лѣтъ шести подарили родители какимъ-то горнымъ швейцарскимъ пастухамъ и тѣ его взростили чтобъ употреблять въ работу. Родъ овъ у нихъ какъ дикій звѣреокъ, не научили его пастухи ничему, напротивъ, семи лѣтъ уже посылали пасти стадо, въ мокреть и въ холодъ, почти безъ одежды и почти не кормя его. И ужь конечно такъ дѣлая никто изъ нихъ не задумывался и не раскаявался, напротивъ считалъ себя въ полномъ правѣ, ибо Ришаръ подаренъ имъ былъ какъ вещь и они даже не находили необходимымъ кормить его. Самъ Ришаръ свидѣтельствуетъ что въ тѣ годы онъ, какъ блудный сынъ въ Евангеліи, желалъ ужасно поѣсть хоть того мѣсива которае давали откармливаемымъ на продажу свиньямъ, но ему не давали даже и этого и били когда онъ кралъ у свиней, и такъ провелъ онъ все дѣтство свое и всю юность до тѣхъ поръ пока возросъ и укрьплившись въ силахъ пошелъ самъ воровать. Дикарь сталъ добывать деньги поденною работою въ Женевѣ, добытое пропивалъ, жилъ какъ извергъ и кончилъ тѣмъ что убилъ какого-то старика и ограбилъ. Его схватили, судили и присудили къ смерти. Тамъ вѣдь не сентиментальничаютъ. И вотъ въ тюрьмѣ его немедленно окружають пасторы и члены разныхъ Христовыхъ братствъ, благотворительныя дамы и проч. Научили они его въ тюрьмѣ

читать и писать, стали толковать ему Евангеліе, усовѣщевали, убѣждали, напирали, лилици, давили, и вотъ онъ самъ торжественно сознается наконецъ въ своемъ преступленіи. Онъ обратился, онъ написалъ самъ суду что онъ извергъ и что наконецъ-таки онъ удостоился того что и его озорилъ Господь и послалъ ему благодать. Все взволновалось въ Женевѣ, вся благотворительная и благочестивая Женева. Все что было высшаго и благовоспитаннаго ринулось къ нему въ тюрьму; Ришара цѣлуютъ, обнимаютъ: „ты братъ нашъ, на тебя сошла благодать!“ А самъ Ришаръ только плачетъ въ умиленіи: „да, на меня сошла благодать! Прежде я все дѣтство и юность мою радъ былъ корму свиней, а теперь сошла и на меня благодать, умираю во Господѣ!—„Да, да Ришаръ, умри во Господѣ, ты пролилъ кровь и долженъ умереть во Господѣ. Пусть ты невиновенъ что не зналъ совѣсть Господа, когда завидовалъ корму свиней и когда тебя били за то что ты крадъ у нихъ кормъ (что ты дѣлалъ очень не хорошо, ибо красть не позволено),—но ты пролилъ кровь и долженъ умереть.“ И вотъ наступаетъ послѣдній день. Разслабленный Ришаръ плачетъ и только и дѣлаетъ что повторяетъ ежеминутно: „Это лучший изъ дней моихъ, я иду къ Господу!“—„Да, кричатъ пасторы, судьи и благотворительныя дамы, „это счастливѣйшій день твой, ибо ты идешь къ Господу!“ Все это движется къ эшафоту вслѣдъ за позорною колесницей въ которой везутъ Ришара, въ экилажахъ, лѣшкомъ. Вотъ достигли эшафота: „умри братъ нашъ, кричатъ Ришару, умри во Господѣ, ибо и на тебя сошла благодать!“ И вотъ покрытаго поцѣлуютъ братьевъ, брата Ришара втащили на эшафотъ, положили на гильотину и оттяпали-таки ему по-братски голову за то что и на него сошла благодать. Нѣтъ, это характерно. Брошюрка эта переведена по-русски какими-то русскими лютеранствующими благотворителями высшаго общества и разслана для просвѣщенія народа русскаго при газетахъ и другихъ изданіяхъ даромъ. Штука съ Ришаромъ хороша тѣмъ что національна. У насъ хоть нецѣло рубить голову брату потому только что онъ сталъ намъ братъ и что на него сошла благодать, но, повторяю, у насъ есть свое, почти что не хуже. У насъ историческое, непосредственное и ближайшее наслажденіе истязаніемъ битья. У Некрасова есть стихи о томъ какъ мужикъ съчетъ лошадь кнутомъ по глазамъ, „по кроткимъ глазамъ“. Этого кто жь

не видалъ, это руссизмъ. Онъ описываетъ какъ слабосильная лошадевка, на которую навалили слишкомъ, завязавъ съ возомъ и не можетъ вытащить. Мужикъ бьетъ ее, бьетъ съ острейшимъ, бьетъ наконецъ не понимая что дѣлаетъ, въ опьяненіи битва съчетъ больно, безчисленно: „Хоть ты и не въ силахъ, а вези, умри да вези!“ Кляченка рвется и вотъ онъ начинаетъ съць ее, беззащитную, по плачущимъ, по „кроткимъ газамъ“. Въ себя она рванула и вывезла и пошла вся дрожа, не дыша, какъ-то бокомъ, съ какою-то припрыжкой, какъ-то неестественно и поворно, — у Некрасова это ужасно. Но вѣдь это всего только лошадь лошадей и самъ Богъ далъ чтобъ ихъ съць. Такъ Татары намъ растояковали и кнутъ на память подарили. Но можно вѣдь съць и людей. И вотъ цинтагентный образованный госнодивъ и его дама съкутъ собственную дочку, младенца семи лѣтъ розгами, — объ этомъ у меня подробно записано. Пашенька радъ что прутья съ сучками, „садче будетъ“, говоритъ онъ, и вотъ начинается „сажать“ родную дочь. Я знаю наверно, есть такіе съкуціе которые разгорячатся съ каждымъ ударомъ до сладострастія, до буквального сладострастія, съ каждымъ последующимъ ударомъ все больше и больше, все прогрессивнѣе. Съкутъ минуточку, съкутъ наконецъ ладъ минуточку, съкутъ десять минуточекъ, дальнѣе, больше, чаще, садче. Ребенокъ кричитъ, ребенокъ наконецъ не можетъ кричать, задыхается: „лала, лала, палочка, палочка!“ Дѣло какимъ-то чортовымъ неприличнымъ случаемъ доходить до суда. Нанимается адвокатъ. Русскій народъ давно уже называлъ у насъ адвоката — „аблакать — нанятая совѣсть“. Адвокатъ кричитъ въ защиту своего кліента. „Дѣло дескать такое простое, семейное и обыкновенное, отецъ постѣкъ дочку и вотъ къ стыду нашихъ дѣей дошло до суда!“ Убѣжденные присяжные удаляются и выносятъ оправдательный приговоръ. Публика реветъ отъ счастья что оправдали мучителя. — Э-ахъ меня не было тамъ, я бы рывкнулъ предложеніе учредить стипендію въ честь имени истязателя!.. Картички прелестныя. Но о дѣткахъ есть у меня и еще получше, у меня очень очень много собрано о русскихъ дѣткахъ Алеша. Дѣвчоночку маленькую, пятнадцатую, возненавидѣли отецъ и мать „почтвеннѣйшіе и чиновные люди, образованные и воспитанные“. Видишь, я еще разъ положительно утверждаю что есть особенное свойство у

многихъ въ человечествѣ—это любовь къ истязанію дѣтей, но однихъ дѣтей. Ко всемъ другимъ субъектамъ человеческого рода эти же самые истязатели относятся даже благосклонно и кротко какъ образованные и гуманные европейскіе люди, но очень любятъ мучить дѣтей, любятъ даже самихъ дѣтей въ этомъ смыслѣ. Тутъ именно незащищенность этихъ созданій и соблазняетъ мучителей, ангельская доверчивость дитяти, которому некуда дѣться и не къ кому идти, — вотъ это-то и распалаетъ гадкую кровь истязателя. Во всякомъ человѣкѣ конечно таится звѣрь, — звѣрь гнѣбности, звѣрь сладострастной распалемости отъ криковъ истязуемой жертвы, звѣрь безудержу слушennaго съ цѣли, звѣрь нажитыхъ въ развратѣ болѣзней, подагръ, больныхъ печенокъ и проч. Эту бѣдную лютлившюю дѣвочку эти образованные родители подвергали всевозможнымъ истязаніямъ. Они били, сѣкли, лилали ее ногами не зная сами за что, обратили все тѣло ея въ сиваки; наконецъ дошли и до вышей утонченности: въ холодѣ, въ морозѣ забирали ее на всю ночь въ отхожее мѣсто и за то что она не просилась ночью (какъ будто лютлившій ребенокъ, спящій своимъ ангельскимъ крѣпкимъ сномъ еще можетъ въ эти дѣта научиться проситься)—за это обмазывали ей все лицо ея же каломъ и заставляли ее ѣсть этотъ калъ, и это мать, мать заставляла! И эта мать могла спать когда ночью слышались стоны бѣднаго ребеночка залертаго въ подломѣ мѣстѣ! Понимаешь ли ты это, когда маленькое существо, еще не умѣющее даже осмыслить что съ ней дѣлается, бьетъ себя въ подломѣ мѣстѣ, въ темнотѣ и въ холодѣ, крошечнымъ своимъ кулачкомъ въ надорванную грудку и плачетъ своими кровавыми незаобивыми, кроткими слезками къ „Боженькѣ“, чтобы тотъ защитилъ его, — понимаешь ли ты эту ахинею, другъ мой и братъ мой, послушникъ ты мой Божій и смиренный, понимаешь ли ты для чего эта ахинея такъ нужна и создана! Безъ нея, говорятъ, и пробыть бы не могъ человѣкъ на землѣ, ибо не позналъ бы добра и зла. Для чего познавать это чортово добро и зло когда это столького стоитъ? Да вѣдь весь міръ познанія не стоитъ тогда этихъ слезокъ ребеночка къ „Боженькѣ“. Я не говорю про страданія большихъ, тѣ яблоко съѣли и чортъ съ ними, и пусть бы ихъ всѣхъ чортъ взялъ, но эти, эти! Мучаю я тебя, Алетка, ты какъ будто бы не въ себѣ. Я перестану если хочешь.

— Ничего, я тоже хочу мучиться, пробормоталъ Алеша.

— Одну, только одну еще картинку, и то изъ любопытства, очень ужъ характерная, и главное только что прочелъ въ одномъ изъ сборниковъ нашихъ древностей, въ *Архивъ*, въ *Старикъ* что ли, надо сравниться, забылъ даже гдѣ и прочелъ. Это было въ самое мрачное время крѣпостнаго права, еще въ началѣ столѣтій, и да здравствуетъ Освободитель народа! Былъ тогда въ началѣ столѣтій одинъ генералъ, генералъ со связями большими и богатѣйшій помѣщикъ, но изъ такихъ (правда и тогда уже кажется очень не многихъ) которые, удаляясь на покой со службы, чуть чуть не бывали увѣрены что выслужили себѣ право на жизнь и смерть своихъ подданныхъ. Такіе тогда бывали. Ну вотъ живетъ генералъ въ своемъ помѣстьи въ двѣ тысячи душъ, чванится, третируетъ мелкихъ сосѣдей какъ приживальщиковъ и шутовъ своихъ. Псарня съ сотнями собакъ и чуть не сотня псарей, всѣ въ мундирахъ, всѣ на коняхъ. И вотъ дворовый мальчикъ, маленькій мальчикъ, всего восьми лѣтъ, пустилъ какъ-то играя камнемъ и зашибъ ногу любимой генеральской гончей. „Почему собака моя любимая охромѣла?“ Докладываютъ ему что вотъ дескать этотъ самый мальчикъ камнемъ въ нее пустилъ и ногу ей зашибъ „А, это ты, оглядѣлъ его генералъ, взять его!“ Взяли его, взяли у матери, всю ночь просидѣлъ въ кутузкѣ на утро чѣмъ свѣтъ выѣзжаетъ генералъ во всемъ парадѣ на охоту, сѣлъ на коня, кругомъ него приживальщички, собаки псаря, ловчіе, всѣ на коняхъ. Вокругъ собрана дворня для лазиданія, а впереди всѣхъ мать виновнаго мальчика. Выводятъ мальчика изъ кутузки. Мрачный, холодный, туманный осенній день, знатный для охоты. Мальчика генералъ велитъ раздѣть, ребеночка раздѣваютъ всего донага, онъ дрожитъ, обезумѣлъ отъ страха, не смѣетъ ликнуть... „Гони его!“ командуетъ генералъ, „бѣги, бѣги!“ кричатъ ему псаря, мальчикъ бѣжитъ... „Ату его!“ вопитъ генералъ и бросаетъ на него всю стаю борзыхъ собакъ. Затравилъ въ глазахъ матери и псы растерзали ребенка въ клочки!.. Генерала кажется въ олеку взяли. Ну... что же его? Разстрѣлять? Для удовольствіи нравственнаго чувства разстрѣлять? Говори Алешка!

— Разстрѣлять! тихо проговорилъ Алеша, съ блѣдною перекосившеюся какою-то улыбкой поднавѣвъ взоръ на брата.

— Bravo! завопилъ Иванъ, въ какомъ-то восторгѣ,—ужъ коли ты сказалъ значитъ... Ай да схимаикъ! Такъ вотъ какой у тебя бѣсенокъ въ сердечкѣ сидитъ, Алешка Карамазовъ!

— Я сказалъ неаѣлость, но...

— То-то и есть что но... кричалъ Иванъ. Знай, послушайтъ, что неаѣлости слишкомъ нужны на землѣ. На неаѣлостяхъ мѣръ стоитъ и безъ нихъ можетъ-быть въ немъ совсѣмъ ничего бы и не произошло. Мы знаемъ что знаемъ!

— Что ты знаешь?

— Я ничего не понимаю, продолжалъ Иванъ какъ бы въ бреду,—я и не хочу теперь ничего понимать. Я хочу оставаться при фактѣ. Я давно рѣшилъ не понимать. Если я захочу что-нибудь понимать, то тотчасъ же измѣню факту, а я рѣшилъ оставаться при фактѣ...

— Для чего ты меня испытываешь? съ надрывомъ горестно воскликнулъ Алеша,—скажешь ли мнѣ наконецъ?

— Конечно скажу, къ тому и велъ чтобы сказать. Ты мнѣ дорогъ, я тебя упустить не хочу и не уступлю твоему Зосимѣ.

Иванъ помолчалъ съ минуту, лицо его стало вдругъ очень грустно.

— Слушай меня: я взялъ однихъ дѣтокъ, для того чтобы вышло очевидно. Объ остальныхъ слезахъ человѣческихъ которыми пролита на вся земля отъ коры до центра — я ужъ ни слова не говорю, я тему мою нарочно сузилъ. Я клош и признаю со всѣмъ приближеніемъ что ничего не могу понять для чего все такъ устроено. Люди сами, значить, виноваты: имъ давнѣе былъ рай, они захотѣли свободы и похитили огонь съ небеси сами зная что станутъ несчастны, значить нечего ихъ жалѣть. О, по моему, по жалкому, земному эвклидовскому уму моему, я знаю лишь то что страданіе есть, что виновныхъ нѣтъ, что все одно изъ другаго выходитъ прямо и просто, что все течетъ и уравнивается,—но вѣдь это лишь эвклидовская дичь, вѣдь я знаю же это, вѣдь жить по ней я не могу же согласиться! Что мнѣ въ томъ что виновныхъ нѣтъ и что все прямо и просто одно изъ другаго выходитъ, и что я это знаю—мнѣ надо возмездіе, иначе вѣдь я истреблю себя. И возмездіе не въ безконечности гдѣ-нибудь и когда-нибудь, а здѣсь уже на землѣ, и чтобъ я его самъ увидалъ. Я вѣровалъ, я хочу самъ и видѣть, а если къ тому часу буду уже мертвъ, то пусть воскресятъ меня, ибо если все безъ меня произойдетъ, то будетъ слишкомъ обидно. Не для того же я страдалъ чтобы собой, злодѣйствами и страданіями моими унавожить кому-то будущую гармонию. Я хочу видѣть своими глазами какъ лань ляжетъ подлѣ льва и какъ за-

рѣзанный встанетъ и обниметъ съ убившимъ его. Я хочу быть тутъ когда всѣ вдругъ узнаютъ для чего все такъ было. На этомъ желаніи ждутся всѣ религіи на землѣ, а я вѣрую. Но вотъ однако же дѣтки и что я съ ними стану тогда дѣлать? Это вопросъ который я не могу рѣшить. Въ сотый разъ повторяю—вопросовъ множество, но я взялъ однихъ дѣтокъ, потому что тутъ неотразимо ясно то что мнѣ надо сказать. Слушай: если всѣ должны страдать чтобы страдаіемъ купить вѣчную гармонію, то при чемъ тутъ дѣти, скажи мнѣ пожалуйста? Совсѣмъ не понятво для чего должны были страдать и они и зачѣмъ имъ покупать страдаіями гармонію? Для чего они-то тоже попали въ матеріаль и унавозили собою для кого-то будущую гармонію? Солидарность въ грѣхѣ между людьми я понимаю, понимаю солидарность и въ возмездіи, но не съ дѣтками же солидарность въ грѣхѣ, и если правда въ самомъ дѣлѣ въ томъ что и они солидарны съ отцами ихъ во всѣхъ злодѣйствахъ отцовъ, то ужъ конечно правда эта не отъ міра сего и мнѣ непонятна. Иной шутникъ скажетъ пожалуй что все равно дѣтя выростетъ и услѣдетъ нагрѣшить, но вотъ же онъ не выросъ, его восьмилѣтняго затравили собаками. О, Алеша, я не богохульствую! Понимаю же я какво должно-быть сотрясеніе вселенной когда все на небѣ и подъ землею солется въ одинъ хвалебный гласъ и все живое и жившее воскликнетъ: „Правъ Ты Господи, ибо открылись пути Твои!“ Ужь когда мать обниметъ съ мучителемъ, растерзавшимъ лсами сына ея и всѣ трое возгласятъ со слезами: „Правъ Ты Господи“, то ужъ конечно настанетъ вѣнецъ познанія и все объяснится. Но вотъ тутъ-то и залятая, этого-то я и не могу принять. И пока я на землѣ, я слѣшу взять свои мѣры. Видишь ли, Алеша, вѣдь можетъ - быть и дѣйствительно такъ случится что когда я самъ доживу до того момента, али воскресну чтобъ увидать его, то и самъ я пожалуй воскликну со всеми смотря на мать обнявшуюся съ мучителемъ ея дитяти: „Правъ Ты Господи!“ но я не хочу тогда восклицать. Пока еще время слѣшу оградить себя, а потому отъ высшей гармоніи совершенно отказываюсь. Не стоить она слезинки хотя бы одного только того замученнаго ребенка который билъ себя кулачкомъ въ грудь и молился въ зловошной кокурѣ своей неискуленными слезками своими къ „Боженькѣ!“ Не стоить потому что слезки его остались неискуленными. Онѣ должны

быть искуплены, иначе не можетъ быть и гармоніи. Но чѣмъ, чѣмъ ты искупишь ихъ? Развѣ это возможно? Неужто тѣмъ что они будутъ отомщены? Но зачѣмъ мнѣ ихъ отмщеніе, зачѣмъ мнѣ адъ для мучителей, что тутъ адъ можетъ поправить когда тѣ уже замучены. И какая же гармонія если адъ: я простить хочу и обнять хочу, я не хочу чтобы страдали больше. И если страданія дѣтей пошли на исполненіе той суммы страданій которая необходима была для покупки истины, то я утверждаю заранѣе что вся истина не стоить такой цѣны. Не хочу я наконецъ чтобы мать обнималась съ мучителемъ растерзавшимъ ея сына сами! Не смѣетъ она прощать ему! Если хочетъ пусть проститъ за себя, пусть проститъ мучителю материнское безмѣрное страданіе свое; но страданія своего растерзаннаго ребенка она не имѣетъ права простить, не смѣетъ простить мучителя, хотя бы самъ ребенокъ простиалъ ихъ ему! А если такъ, если они не смѣютъ простить, гдѣ же гармонія? Есть ли во всемъ мірѣ существо которое могло бы и имѣло право простить? Не хочу гармоніи, изъ-за любви къ человѣчеству не хочу. Я хочу оставаться лучше со страданіями неотомщенными. Лучше ужъ я останусь при неотомщенномъ страданіи моемъ и неутоленномъ негодованіи моемъ, *потѣ бы я былъ и не правъ*. Да и слишкомъ дорого оцѣнили гармонію, не по карману нашему вовсе столько платить за входъ. А потому свой билетъ на входъ слѣшу возвратить обратно. И если только я честный человѣкъ, то обязанъ возвратить его какъ можно заранѣе. Это и дѣлаю. Не Бога я не принимаю Адеша, я только билетъ Ему почтительнѣе возвращаю.

— Это бунтъ, тихо и потулившись проговорилъ Алеша.

— Бунтъ? Я бы не хотѣлъ отъ тебя такого слова, провикновенно сказалъ Иванъ. Можно ли жить бунтомъ, а я хочу жить. Скажи мнѣ самъ прямо, я зову тебя, — отвѣчай: Представь что это ты самъ возводишь зданіе судьбы человѣческой съ цѣлью въ финалѣ осчастливить людей, дать имъ наконецъ миръ и покой, но для этого необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь одно только крохотное созданище, вотъ того самаго ребеночка бившаго себя кулачкомъ въ грудь и на неотомщенныхъ слезкахъ его основать это зданіе, согласился ли бы ты быть архитекторомъ на этихъ условіяхъ, скажи и не лги!

— Нѣтъ, не согласился бы тихо проговорилъ Алеша.

— И можешь ли ты допустить идею что люди, для которых ты строишь, согласились бы сами принять свое счастье на неоправданной крови маленького замученного, а приняв остаться на вѣки счастливыми?

— Нѣтъ, не могу допустить. Братъ, проговорилъ вдругъ съ засверкавшими глазами Алеша, ты сказалъ сейчасъ: есть ли во всемъ мѣрѣ Существо которое могло бы и имѣло право простить? Но существо это есть и оно можетъ все простить всѣхъ и вся и за все, потому что Само отдало неповинную кровь свою за всѣхъ и за все. Ты забылъ о Немъ, а на Немъ то и созиждется зданіе и это Ему воскликнуть: „Правъ Ты Господи, ибо открылись пути Твои.“

— А, это „Единый безгрѣшный“ и Его кровь! нѣтъ, не забывъ о Немъ и удивлялася напротивъ все время какъ ты Его долго не выводилъ, ибо обыкновенно въ спорахъ всѣ ваши Его выставляютъ прежде всего. Знаешь Алеша, ты не смѣлся, а когда-то сочинилъ поэму, съ годъ назадъ. Если можешь потерять со мной еще минутъ десять, то я бѣ ее тебѣ разказалъ?

— Ты написалъ поэму?

— О нѣтъ, не написалъ, засмѣялся Иванъ и никогда въ жизни я не сочинилъ даже двухъ стиховъ. Но я поэму эту выдумалъ и заломнилъ. Съ жаромъ выдумалъ. Ты будешь первый мой читатель, то-есть слушатель. Зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ автору терять хоть единого слушателя, усмѣхнулся Иванъ. Разказывать или нѣтъ?

— Я охочу слушать, произнесъ Алеша.

— Поэма моя называется „Великій Инквизиторъ“,— вещь невѣрная, но мнѣ хочется ее тебѣ сообщить.

(Продолженіе пятой книги въ слѣдующемъ №.)

Ф. ДОСТОЕВСКИЙ.

• НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Алексій Веселовскій: *Этюды о Мольерѣ. Тартюфъ, исторія тѣла и пьесы.* Москва, 1879.

„Каждый человекъ умѣющій читать составляетъ еще одного лишняго читателя для сочиненій Мольера“, сказалъ извѣстный Сентъ-Бѣвъ. Положеніе это оправдалось по отношенію въ Россіи. „Симпатіи къ Мольеру, проявившіяся на нашемъ театрѣ съ первыхъ дней его зарожденія (въ числѣ первыхъ же пьесъ репертуара Ф. Г. Волкова мы встрѣчаемъ *Тартюфа* и *Мизантропа* на ряду съ драмами Лессинга и комедіями Гольберга), съ тѣхъ поръ никогда не ослабѣвали“, говоритъ г. Веселовскій, и продолжаетъ: „послѣ цѣлыхъ двухъ столѣтій ушедшихъ на поклоненіе напыщенной ложноклассической трагедіи, на благоговѣніе предъ такими образцами которые для блага драмы пришлось научиться забывать, пора помянуть добромъ тотъ неподдѣльный разцвѣтъ драматической поэзіи который принесла съ собою, наравнѣ съ шекспировскою трагедіей, реалистическая комедія Мольера, пора сознать что живые образцы этой комедіи были предтечами общественнаго направленія новаго театра, и что въ исторіи нашей національной комической сцены она была

родовачальниками Бригадировъ, Стародумовъ, Чацкихъ и Горюхиныхъ. Тутъ конечно важны не личныя симпатіи того или другаго русскаго комика,—не то что фонъ-Визинъ воспитался на Мольеровской школѣ, что Гоголь, по настояніямъ Пушкина, сдѣлалъ для Мольера исключеніе въ своемъ равнодушномъ отношеніи къ литературамъ Запада, что Грибоедовъ находился подъ впечатлѣніемъ трагедъ Альцеста создавая Чацкаго,—важно то что правдивое разоблаченіе всей общественной кривды въ комедіи для всѣхъ ихъ было узаконено надежнымъ примѣромъ Мольеровской сатиры.“ Въ концѣ Мольеровскаго творчества и совершеннѣйшими его произведеніями г. Веселовскій признаетъ *Тартюфа*, *Донъ-Жуана* и *Мизантропа*. „Эта трилогія положила разъ навсегда основаніе тѣсной связи комедіи съ дѣйствительною жизнью, честному служенію сценическаго слова лучшимъ ея интересамъ. У каждой изъ трехъ названныхъ пьесъ есть своя внутренняя исторія. Историческій обзоръ источниковъ и постепеннаго развитія основной темы показываетъ намъ каждый разъ что данное произведеніе явилось заключительнымъ звеномъ въ цѣлѣй цѣли воплощеній изстари намѣченнаго типа, что оно имѣетъ свое определенное, органически необходимое мѣсто въ этомъ непрерывномъ рядѣ. Обзоръ этотъ учитъ насъ сводить произведенія разныхъ эпохъ и часто разныхъ народовъ въ одну группу и слѣдить за процессомъ постепенной разработкѣ известной идеи.“ Предметомъ своего настоящаго труда г. Веселовскій избралъ „именно такую *сокровенную исторію*“ первой части Мольеровской трилогіи, исторію Тартюфа. „Несмотря на безконечное столкновеніе мнѣній за и противъ комедіи, на постоянно возникающія мнѣнія и догадки, составляющія немаловажный отдѣлъ Мольеровской литературы“, авторъ „не встрѣчалъ еще ни одной монографіи которая, обставивъ *Тартюфа* современною общественною средой, вмѣстѣ съ тѣмъ свела бы всѣ добытыя по сию пору данныя о его происхожденіи, коснулась рзворѣчія теорій, попыталась опредѣлить источники, заимствованія и роль самостоятельнаго творчества.“ Трудъ этотъ принялъ на себя г. Веселовскій. Кромѣ „всѣхъ сколько-нибудь существенныхъ явленій въ соответствующей литературѣ“, онъ пользовался при составленіи своей монографіи нѣкоторыми рукописями Парижской Национальной Библіотеки и „цѣнными указаніями такого

Нестора всѣхъ современныхъ мольеристовъ какъ г. Поль Лакруа, радушно налутствовавшій своего младшаго собрата.“

Исслѣдованіе г. Веселовскаго раздѣляется на четыре части. Въ первой онъ описываетъ французское общество середины XVII столѣтія, роль и нравы духовенства, іезуитство и яansenизмъ; во второй части излагается исторія тѣла шлократа; въ третьей части разбираются устные и литературные источники *Тартюфа*; въ четвертой—исторія пьесы. Мы постараемся въ бѣгломъ очеркѣ передать читателямъ результаты и выводы къ которымъ приходитъ авторъ.

Г. Веселовскій прежде всего знакомитъ насъ съ положеніемъ французскаго общества современнаго появленію Тартюфа. „Долгія тревоги гражданской войны, продержавшей всю Францію въ теченіе почти цѣлаго столѣтія въ хромическомъ возбужденіи и водоворотѣ страстей, постепенно улегались. Вездѣ сказывалась жажда отдыха, стремленіе найти болѣ покойный складъ жизни который уничтожилъ бы прежнее чувство небезопасности и открылъ (бы) просторъ общественнымъ, мирнымъ занятіямъ и наслажденіямъ. Жизнь на аванпостахъ или на большой дорогѣ, уличныя схватки, партизанскіе набѣга и томянія осаднаго сидѣнія должны были тѣмъ живѣе вызвать стремленіе къ теплому угау, вѣгъ, веселью. Тамъ гдѣ господствовали недавно сильныя и порывистыя страсти, превращавшія баричей и церковныхъ сановниковъ въ смѣлыхъ гверильясовъ, облекая подчасъ ихъ виновственныя ложденія оттѣнкомъ суровой лозии, складывался новый бытъ который выше всего ставилъ утонченность и смягченіе всего слишкомъ рѣзкаго, шероховатаго. Легкое, иногда притворно-наивное, чаще же просто вѣтрое отношеніе къ жизни возводилось въ принципъ, а съ тѣхъ поръ какъ въ молодомъ королѣ все сильнѣе начала сказываться игра страстей, которую не въ силахъ былъ сдержать никакой надзоръ, эта вѣтрость, прикрытая ликантнымъ покровомъ тайной интриги, стала идеальной сущностью всей свѣтской жизни. Съ перерождающимся обществомъ нужно было переродиться и его ластырямъ: въ салонной атмосферѣ или въ образованныхъ буржуазныхъ сферахъ не было мѣста стариннымъ, угловатымъ и грубо-чувственнымъ прелатамъ какихъ рисуется намъ равняя французская сатира, или воиствующимъ интриганамъ-фрондѣрамъ, такъ легко переходившимъ отъ аатара къ уличной свѣчѣ. Самъ собою складыв-

вался, по плечу обществу, тиль необыкновенно приличнаго, искусства и вкрадчиваго духовника, умѣющаго соединить съ благочестіемъ свѣтскость пріемовъ, съ ломыслами оalebъ—мысли совершенно земныя, съ заботами о дѣлахъ церкви—тонкую дипломатію чисто-государственнаго свойства. Въ обществѣ, осѣдлавшемъ послѣ долгой неурядицы, занятомъ саишкомъ трудною для него работою собиравія силъ, была потребность въ руководителяхъ этого внутренняго процесса, и *руководство совѣстью, direction de conscience*, отвѣчавшее на этотъ запросъ, никогда такъ не процвѣтало какъ имѣло въ эту пору. Стоя ли въ центрѣ крупныхъ интригъ, залравая ли дѣлами семейными, искусство проповѣдники и духовные отцы захватывали себѣ первенствующее значеніе, кротко повторяя что они призваны возродить въ наши дни свѣтлыя традиціи первыхъ временъ апостольскихъ. Чѣмъ строже было увѣщаніе, чѣмъ суровѣе звучала аскетическая мораль, тѣмъ болѣе приходилась она кстати какъ правая приправа къ однообразію наслажденій. Мало-по-малу церковь, особенно въ дни проповѣди талантливыхъ ораторовъ, дѣлалась мѣстомъ модныхъ сборищъ; свѣтское общество сходилось сюда точно на смотрины, не забывая, подъ шумъ обличеній, обдѣлывать тутъ же свои житейскія, особенно любовныя дѣла. Такъ въ *Roman bourgeois* Фюртьера мы видимъ какъ сборъ пожертвованій, совершаемый въ церкви свѣтскими красавицами, служилъ для молодежи поводомъ къ сближенію съ ними, и изъ-за благосклонности героини романа между ея обожателями происходило въ церкви горячее соревнованіе. Обычный пріемъ тогдашнихъ проповѣдниковъ, рѣдко касавшихся метафизически-богословскихъ вопросовъ и предпочитавшихъ рисовать въ рѣчахъ своихъ обличительные портреты того или другаго сколько-нибудь выдающагося лица, придавалъ проповѣди интересъ спектакля. О модномъ преловѣдникѣ говорили какъ о виртуозѣ, изъ-за него держали пари со сторонниками другаго оратора; въ салонахъ говорили объ ихъ успѣхахъ какъ о представленіи новой пьесы, и считалось хорошимъ тономъ самодовольно сказать: *j'y étais*. Во дни особой *attraction* церковь дѣйствительно представляла собою что-то въ родѣ зрительной залы театра; толпа, являвшаяся на самобичеваніе, была разряжена; дамы приходили въ открытыхъ платьяхъ, съ обнаженными плечами и грудью, часто даже въ маскахъ. Обычай сдывать въ кѣдра

церкви неудавшихся или полуразоренныхъ сыновей зажиточныхъ семействъ наполняя ряды служителей церкви цѣлыми толпами бездѣльничавшей молодежи которая искала въ титулъ аббата или каноника только права, на получеіе известнаго дохода или на приличную роль въ обществѣ, оказывавшуюся иногда чрезвычайно благодарною, если ищущіе возвышенія обладали достаточною долей умѣнья и проворливости. Нося известный церковный титулъ не было нужды приписываться къ какому-нибудь опредѣленному приходу; даже связавъ свою свободу служеніемъ какой-нибудь провинціальной лавствѣ можно было подолгу не являться въ свой приходъ, и современники свидѣтельствуютъ что никогда въ Парижѣ не было такъ велико число духовныхъ лицъ самовольно покинувшихъ свою приходскую дѣятельность въ провинціи и тунеядствовавшихъ въ столицѣ. Здѣсь они по своему пользовались привольемъ: или безстыдно вели разгульную жизнь заодно со свѣтскою молодежью, щеголяя своими пороками, или же прикрывали свои похождения благочестивою маскою. Подобныя фанфароны цинизма, конечно, представляли собою все-таки лишь слишкомъ крайнее выраженіе стремленій и помысловъ, господствовавшихъ въ клерикальномъ мірѣ. Но если даже въ лицѣ своихъ выдающихся представителей, людей въ родѣ Боссеюта и Бурдау, считавшихъ порой необходимымъ закрывать глаза на многое что творилось предъ ними, церковь находила возможнымъ и полезнымъ для себя компромиссъ съ существующимъ порядкомъ вещей, то это умѣнье принаравливаться, смягчать, оправдывать и покрывать погрѣшности и слабости еще естественнѣе будетъ встрѣтись въ среднихъ клерикальныхъ сферахъ, болѣе охваченныхъ жизненными волненіями. Въ умѣнья освящать сѣбаки съ совѣстью заключалась одна изъ главнѣйшихъ причинъ ихъ успѣха въ обществѣ, и потому-то съ такимъ горячимъ сочувствіемъ встрѣтили онѣ наплывъ казуистическихъ ученій приходившихъ на французскую почву, при живомъ содѣйствіи іезуитскихъ переводчиковъ, въ формѣ литературныхъ испанскихъ и итальянскихъ трактатовъ о наиболѣе важныхъ вопросахъ вѣры и нравственности. Самые титулы любимыхъ припавыхъ и туземныхъ сочиненій этого рода: *Удобная набожность* (*La Dévotion aisée*), *Рай открытый сотнею легкихъ набожныхъ подвиговъ* (*Le Paradis ouvert par cent dévotions faciles*) и т. д.

как нельзя болѣе подходила къ самой сущности господствовавшихъ вокругъ идей. Нужно было именно сдѣлать общедоступною и привлекательною набожность, которая, бывало, отлугивала вѣрующихъ своимъ суровымъ характеромъ. Легкая и сговорчивая мораль казуизма находила оправданіе и отговорку для всѣхъ сколько-нибудь неблаговидныхъ душевныхъ движеній или поступковъ мірянина, священника, аббата. То отдѣляла душевный міръ отъ брэнной и грѣховной тѣлассной оболочки, она усложнивала совѣсть согрѣшившаго тѣмъ что лишь тѣломъ согрѣшилъ онъ, душа же осталась чиста, то наоборотъ очищала и извиняла проступокъ добрымъ и невиннымъ намѣреніемъ, съ которымъ онъ былъ первоначально задуманъ, то благомъ и интересами церкви покрывала она все что подходило подъ житейское понятіе объ эксплуатаціи божьяго, захватъ и присвоеніе имущества, погони за наслѣдствами, фабрикацію завѣщаній и т. д. Нарушеніе клятвы, клевета, дуэль, убійство, находили у казуистовъ удобное оправданіе, и искусившійся въ диалектикѣ авторъ-іезуитъ не затруднялся разъяснить своему читателю къ какимъ ухищреніямъ долженъ онъ прибѣгать если хочетъ выйти невредимо изъ того или другаго затрудненія. Естественно что наиболѣе горячее сочувствіе этой морали и примѣненіе ея на дѣлѣ слагалось среди той части духовенства которая всего ближе стояла къ зажиточнымъ слоямъ общества, сильнѣе предававшимся жаднѣ наслажденій. Еще радостнѣе должна была привѣтствовать ее та масса празднаго люда которая, какъ мы видали, наполовину принадлежала къ церкви, наполовину же жила обычною жизнью свѣтскихъ гулякъ. Многие изъ этихъ людей почти не числились въ рядахъ церковно-служителей, но предъявляли право на свойственное имъ привилегированное положеніе и безнаказанность. Это были именно каноники состоявшіе подъ нѣкоторымъ надзоромъ епархіальныхъ капитуловъ, но еще не принявшіе обѣтъ священства и потому свободно врацавшіеся въ общество. Въмѣсто траурнаго общецерковнаго костюма, сутаны, кожанаго пояса, уродливой шляпы, они нерѣдко ходили подѣ стать къ свѣтскимъ щеголямъ въ „короткихъ платьяхъ, съ разноцвѣтными бантами изъ левтъ, въ лиловыхъ плащахъ, длинныхъ чулкахъ, башмакахъ съ пряжками, и завивали себѣ „волосы“. Встрѣтившись съ подобною личностью въ обществѣ, трудно было признать въ ней духовную особу. Услыхъ

такихъ представителей воинствующаго священства возможно было главнымъ образомъ въ слишкомъ мирскихъ семьяхъ, преданныхъ свѣтской пустотѣ. Обширный кругъ узко-набожныхъ, аскетически-настроенныхъ семействъ, живущихъ по старинѣ, — въ которомъ числа не было святошамъ хоронящимся отъ свѣта или презирающимъ его, живя по-прежнему въ немъ, — этотъ кругъ оставался бы вовсе внѣ клерикальнаго вліянія. Для порабощенія этой важной части общества необходимы были другіе приемы. Одно лишь утонченное, художественное притворство могло согласить порывъ къ жизненнымъ наслажденіямъ съ разчитанною личиною святости. Все прошлое французскаго общества давало въ этомъ отношеніи превосходную школу для неопитовъ притворства. Крупные характеры вліятельныхъ и могущественныхъ инокритовъ, вырѣзываясь изъ этого сумрачнаго прошлаго, могли служить имъ готовыми примѣрами. Внутреннія волненія религіозныхъ и гражданскихъ войнъ дали мощный толчокъ развитію притворства и въ болѣе низменныхъ общественныхъ сферахъ. Въ то время какъ такая высоко-даровитая личность какъ Ретцъ могла въ грандіозныхъ размѣрахъ морочить довѣрчивое общественное мнѣніе, въ средѣ знати и богатаго мѣщанства снова появилось множество лицемѣровъ-лигмеевъ, довольствовавшихся и болѣе скромною обстановкой. Личина благочестія надѣвалась и снималась, по мѣрѣ надобности, какъ модный нарядъ. Но не въ однихъ только семьяхъ лояльно зараженныхъ ханжествомъ старались дѣйствовать подобные люди; они умѣли втираться и тамъ гдѣ могли основать всѣ шансы своего успѣха на отношеніяхъ къ какой-нибудь одной личности, наиболѣе вліятельной въ семьѣ, преимущественно избирая своими жертвами женщинъ; опираясь на ихъ помощь, они вскорѣ деспотически руководили всѣмъ въ домѣ. Язва этого паразитизма укоренялась въ обществѣ все глубже, встрѣчая въ своемъ развитіи могущественное содѣйствіе такого крупнаго общественнаго фактора какъ іезуитскій орденъ. Организация его пропаганды прямо налагала на его дѣятелей обязанность неослабно пролагать ей пути въ кругъ зажиточныхъ семействъ и, какъ указываютъ противники ордена, тѣхъ изъ его членовъ которые недостаточно усердно хлопотали о приобрѣтеніи выгодныхъ пожертвованій и завѣщаній, рѣзко порицали, называли разрушителями ордена; виновнаго подвергали вертелу яростному гоненію. Связь между одиночными пропаган-

дистами придавала ихъ дѣйствіямъ стройность и систему, и обезпечивала ихъ отъ всякихъ враждебныхъ вліаній. Существованіе въ ту пору особыхъ обществъ составленныхъ іезуитами съ цѣлю руководить пропагандой въ различныхъ общественныхъ слояхъ не отвергается и самими іезуитскими авторитетами. Такъ отецъ Раленъ свидѣтельствуетъ о томъ что въ пору предшествовавшую появленію Тартюфа составлялось тайное религиозное общество подъ руководствомъ іезуитовъ; въ него входили духовныя и свѣтскія лица; St. Vincent de Paulъ былъ также одно время его членомъ; цѣлю общества были „добрыя дѣла“, а успѣхъ его будто бы былъ такъ великъ что вызвалъ подражаніе даже во враждебномъ яansenистскомъ лагерѣ. Но и помимо этого общества, обычная въ іезуитскомъ быту филиалія представляла готовую основу для устройства и распространенія любой интриги. Гдѣ бы ни дѣйствовалъ отдѣльный представитель ордена, онъ всегда зналъ что опирается на помощь цѣлыхъ десятковъ такихъ же какъ онъ воиновъ братства. Въ критическую минуту обнаруживалось что у него есть опора и въ судѣ, и въ администраціи, и при дворѣ; самыя сложныя пружины пускались немедленно въ ходъ. Лица одаренныя всеми необходимыми задатками успѣха достигали артистическаго совершенства въ умѣньи сочетать цѣлый рядъ интригъ съ необыкновеннымъ благоуханіемъ святости. Разъ заручившись только руководствомъ совѣти въ женской части семьи, подобный авантюристъ находился уже на вѣрной дорогѣ къ своей цѣли. Общественная мораль, чрезвычайно сговорчивая въ дѣлахъ подобнаго рода, много облегчала это обличіе *директора* съ женщинами и вліаніе его на нихъ. Никого не удивляло если этотъ человекъ совершенно свободно навязывалъ замужней женщинѣ всѣ свои вкусы, заботился о ея домашнемъ хозяйствѣ, о закулкахъ и работахъ, сопровождалъ ее на прогулку, въ театръ, въ баню (*au bain*), на воды, въ путешествіе, катался въ ея экипажѣ. Въ тѣни таинственности, гдѣ всѣ мелочи были предусмотрены впередъ, колошилось не меньше любовныхъ интригъ чѣмъ въ разгульномъ быту свѣтскихъ аббатовъ. Длинный рядъ примѣровъ взятыхъ прямо изъ жизни той эпохи показываетъ съ какою легкостью возникали лоскъ появленія мольеровской лѣсы указанія на оригиналы главнаго героя, на первообразъ знаменитой сцены его съ Эльмирой,—указанія чрезвычайно правдоподобныя. Когда не

дѣйствовало убѣжденіе, въ особенноти съ молодыми дѣвушками, развѣтжившійся паразитъ (какъ ни страннымъ можетъ это показаться) считалъ себя въ правѣ пустить въ ходъ одинъ изъ обыкновенныхъ приемовъ свѣтскихъ ухаживателей,—обѣщаніе жениться. Казуистика послѣдняя освятить пригодность этой новой уловки. Іезуитъ Салласъ написалъ специальное разсужденіе доказывавшее что есаи, въ случаѣ особаго откровенія, Богъ разрѣшитъ ему тѣмъ самымъ сложить съ себя монашескій обѣтъ безбрачія, іезуитъ можетъ жениться. Опираясь на подобные доводы, но не считая себя обязаннымъ принимать буквально всѣ ихъ послѣдствія, ловкій искатель приключеній пріобрѣтавъ лишьае стратегическое средство, а потому насъ не могутъ удивлять даже въ первоначальномъ ланѣ мольтеровской лѣсы толки Оргоновыхъ домашнихъ о предстоящей *женитьбѣ* героя, тогда еще не снѣваго сутаны. Недовольство господствомъ аки въ мірѣ церкви, совершенно поработенномъ іезуитами, съ каждымъ годомъ увлекало все большее число начитанныхъ и даровитыхъ людей въ ряды приверженцевъ явсенизма.“

У явсенистовъ господствовала другая крайность. Они старались отрѣшиться отъ всего что наломаномъ земаю съ ея суетой, дразгами и злобой. Въ видѣ противовѣса нараждалось аскетическое отношеніе къ жизни. „Женщина, вѣтреная и пустая, представлялась нерѣдко сосудомъ искушенія, и въ наставленіяхъ молодымъ проповѣдникамъ имъ запрещалось даже говорить съ женщинами, причемъ приводилась въ назиданіе примѣръ Карла Борромея не говорившаго вадивѣ даже съ сестрой своей. Явсенистамъ становились въ тягость все мірское веселье, всѣ общественныя развлечения которымъ предавались всѣ вокругъ ихъ и въ которыхъ они такъ часто видѣли зачинщиками враговъ своихъ, придворныхъ іезуитовъ. Театра, литературы, искусства не существовало для нихъ вовсе, такъ какъ они саишкомъ дѣйствовали на развитие страстей которыя необходимо подавлять въ человекѣ всѣми усиліями. Въ саду Поръ-Рояля, гдѣ гуляли отшельники, можно было разводить различныя растенія, но отнюдь не цвѣты,—такъ далеко заходило стараніе уберечься отъ всего что сколь ко-нибудь могло возбудить грѣховныя мысли въ человекѣ. Удивительно ли послѣ этого видѣть какъ два такіе крупные представителя обоихъ враждебныхъ церковныхъ лагерей какъ Боссюэтъ и Паскаль сойдутся въ своемъ протестѣ

противъ вреда театра, какъ они будутъ указывать въ немъ тѣ же самыя стороны въ которыхъ, по ихъ мнѣнью, сосредоточивается его опасность. Въ мелкихъ житейскихъ вопросахъ происходила еще чаще такая же встрѣча понятій и приемовъ. Духовникъ—паразитъ и старецъ Поръ-Роая съ одинаковымъ жаромъ отчуждались отъ міра и высказывали къ нему презрѣніе,—но одинъ изъ нихъ сберегалъ въ тайникѣ души широкое пристрастіе къ этому міру, тогда какъ другой былъ укрепленъ въ своей нетерпимости. Смиженіе понятій, возникшее вслѣдствіе этого, сталоюилось почти неразъяснимымъ, и въ немъ прежде всего слѣдуетъ искать объясненіе того страннаго явленія что обѣ боровшіяся партіи могли въ послѣдствіи приписывать другъ другу честь доставленія оригинала святоши для Мольеровской комедіи. Чуждаясь въ принципѣ нахальнаго внимательства въ частную и семейную жизнь, яansenизмъ не уберется однако же и тутъ отъ отдаленныхъ случаевъ пронырливости и страсти вѣять. Закулисная хроника современной жизни, къ чести яansenистовъ, не выводитъ ихъ предъ нами вовсе въ роли паразитовъ торгующихъ набожностію, устраивая подъ сурдиною свои дѣла; но она назоветъ нѣсколькихъ *directeurs de conscience* которые царили надъ совѣстію и дѣйствіями своихъ кліентовъ съ неограниченностію любого іезуитскаго диктатора; она покажетъ намъ нѣсколькихъ изъ нихъ чрезвычайно ладкими на чувственность и сластолюбіе, обращающими исповѣдальню въ мѣсто для ухаживанія за красивыми прихожанками, и собиравшими ихъ у себя подъ различными предлогами.“

Таково было положеніе давнее Мольеру поводъ для сочиненія *Тартюфа* и матеріалъ для самаго тѣла. Мы съ удивленіемъ оставовидись на первой части труда г. Веселовскаго, ибо эта прекрасная характеристика эпохи всего лучше помогаетъ читателю уяснить себѣ происхожденіе и значеніе комедіи Мольера, имѣвшей такое громадное значеніе въ смыслѣ обличенія современнаго автору строя французской жизни. Намъ думается что г. Веселовскій, подробно обрисовавъ общество XVII вѣка, поставивъ насъ на порогѣ комедіи, какъ бы наканунѣ ея появленія, сдѣлалъ бы лучше еслибы прямо перешелъ затѣмъ къ разсмотрѣнію исторіи пьесы и вопроса о томъ кто былъ оригиналомъ для *Тартюфа*. Взятвизъ этого авторъ заставляетъ читателя, живо заинтересовавшагося бытомъ и характерами

XVII вѣка, внезапно перенестись изъ эпохи Лудовика XIV ко временамъ Овидія и долгое время сѣднть за развитіемъ „добродѣтельной личности старой развратницы“, за однимъ изъ „боковыхъ теченій въ развитіи типа Тартюфа“. Общая экономія изслѣдованія г. Веселовскаго не только не пострадала бы, но, напротивъ, несомнѣнно бы выиграла отъ перестановки его частей. „Исторія типа“, вѣзывающаяся теперь кнпкомъ между характеристикю Мольтеровской эпохи и анализомъ плесы, съ гораздо большимъ удобствомъ могла бы составить первую, какъ бы вводную часть монографіи. Не будемъ возбуждать спора о томъ составляетъ ли фигура старой развратницы, прикрывающей свои темныя дѣлшпки личною лажобности, совершенно самостоятельный образъ или же только „боковое теченіе“ въ развитіи главнаго мужскаго типа, типа Тартюфа; не будемъ также спорить по вопросу о „преемственности“ изучаемаго г. Веселовскимъ типа, и о томъ насколько „всѣ видоизмѣненія его которыя по особенностямъ замысла входятъ въ связь съ Тартюфомъ могли подготовить его или оказать какое бы то ни было вліяніе на работу Мольтера“. Споръ на этой почвѣ сводился бы почти исключительно къ различію въ личнымъ воззрѣніяхъ и взглядахъ. Нѣтъ ничего легче какъ подбирать аналогіи въ литературныхъ произведеніяхъ совершенно различныхъ эпохъ, и указывать даже на сходство цѣлыхъ фразъ, мыслей и оборотовъ. Нѣтъ ничего труднѣе какъ возвести такіа аналогіа на стелень доказательства. Мы совершенно согласны съ тѣмъ когда историкъ литературы сѣднть по памяткамъ за развитіемъ и видоизмѣненіями извѣстнаго типа. Этюдъ этотъ очень интересенъ, и мы съ любопытствомъ переходимъ въ галерею типовъ собранныхъ г. Веселовскимъ отъ *Дипсы* Овидія къ фигурамъ возникающей французской и испанской литературы, къ *Dit de Richaut*, *Roman de la Rose*, къ *Целестинъ* Фернандо Рохаса, къ *Масеттн* Матюрена Ренье, къ цѣлому ряду фигуръ и типовъ французскихъ фабаіо, фарсовъ и сатиръ, италянскихъ новеллъ и комедій. Г. Веселовскій обладаетъ большою начитанностью, хорошо знакомъ съ источниками, пользовался многими изъ нихъ на самомъ мѣстѣ, въ рукописяхъ. Повторяемъ, галерея его типовъ очень интересна. Но типы эти не развиваются одинъ изъ другаго; они только сѣднуетъ одинъ за другимъ, иногда стоятъ рядомъ.

Задавшись цѣлю „установить преемственность тѣла“ и опредѣлить—что Мольеръ „дѣйствительно заимствовалъ и въ чемъ онъ шелъ по чужимъ сабдамъ“, г. Веселовскій въ концѣ своего историческаго обзора самъ сознается что „связь и сознание солидарности“ между сатириками различныхъ эпохъ не идетъ „даже общей основной цѣли и не наноситъ ущерба самостоятельной работѣ каждой отдѣльной личности.“ Выраженіе Мольера; *je prends mon bien où je le trouve* служить, по мнѣнію г. Веселовскаго, виной тому что „масса все еще привыкла считать Мольера прежде всего эксплуататоромъ чужихъ замисловъ, отъявляемымъ эклектикомъ.“ На самомъ дѣлѣ Тартюфъ Мольера представляетъ явленіе совершенно самостоятельное, и если монографію г. Веселовскаго можно сдѣлать въ чемъ-либо упрекъ, то послѣдній заключался бы въ томъ что авторъ недостаточно подчеркнул эту самостоятельность и независимость въ творчествѣ Мольера. Отмеченный отъ влохи Мольера данною „исторіей тѣла“, вынеся изъ этой исторіи мысль о „преемственности“, и вѣсколько тераясь въ массѣ подробностей касающихся „устныхъ источниковъ“ Тартюфа, читатель не безъ труда убѣждается наконецъ въ значеніи которое авторъ отводитъ непосредственному творчеству Мольера въ созданіи анализуемой имъ комедіи. Разобравъ цѣлый рядъ анекдотовъ и мнѣній о заимствованіи Мольеромъ той или другой черты изъ дѣйствительныхъ событий, а также о томъ кто служилъ *портретомъ* для Тартюфа, г. Веселовскій приходитъ къ заключенію „что матеріалы для задуманнаго Мольеромъ тѣла были разсыяны повсюду въ окружающемъ его обществѣ“, что писатель „могъ свободно набирать въ немъ необходимыя краски“ и что „портретъ, какъ будто передававшій черты только одного опредѣленнаго лица, могъ съ такою же легкостію быть отнесенъ къ самымъ разнообразнымъ оригиналамъ. Русская литература даетъ въ этомъ отношеніи чрезвычайно подходящій примѣръ въ исторіи разнообразныхъ комментариевъ къ одному изъ классическихъ ея произведеній,—*Горе отъ ума*. Ктѣ не знаетъ какое множество томчайшихъ съ виду указаній трактуютъ о томъ съ кого списаны многія дѣйствующія лица пьесы, кто изображенъ въ лицѣ Молчалина, Загорѣцкаго и т. д. Съ авторомъ нерѣдко даже горячо спорили, увѣряя его въ точности своихъ догадокъ, а между тѣмъ онъ нерѣдко не имѣлъ даже понятія о существованіи называемыхъ ему лицъ. Этотъ

еще свѣжій примѣръ объясняетъ намъ то что случилось сто лѣтъ тому назадъ съ комедіей Мольера. "Изъ современныхъ Мольеру лицъ которыя могли заключать въ себѣ „наиболѣе родовыхъ чертъ даннаго типа," г. Веселовскій останавливается на двухъ: „мелкомъ аферистѣ Шарли“ и „модномъ проповѣдникѣ, аббатѣ Рокеттѣ“, такъ какъ „близость фабулы комедіи съ подлинною судьбой этихъ лицъ и особое единодушіе въ показаніяхъ современниковъ являютъ мѣриломъ для оцѣнки ихъ роли въ генезисѣ поэтическаго образа. Что касается заимствованій литературныхъ, то указавъ на три или четыре фразы напоминающія схожія мѣста Рабле, Бокаччіо, *Золотой Легенды* и Матюрена Ренье, на нѣсколько отголосковъ изъ собственныхъ произведеній Мольера (сцена любовной ссоры между Маріанной и Валеромъ, контрастъ нравственныхъ правилъ Клеанта и Тартюфа), г. Веселовскій находитъ въ комедіи „чрезвычайно малое число прямо усвоенныхъ чертъ и, взамѣнъ того, на каждомъ шагу слѣды духовной солидарности Мольера съ его соратниками“. Авторъ отмѣчаетъ точки соприкосновенія нѣкоторыхъ сценъ *Тартюфа* съ Аретиновымъ *Hipocriso* и повелюей Скаррона, то обстоятельство что Матюрень Ренье долженъ быть признавъ „наставникомъ“ Мольера въ умѣннн создавать живые сатирическіе образы, и затѣмъ съ особенною подробностію останавливается на специфической чертѣ, отличающей мольеровскаго Тартюфа отъ безличнаго типа ханжи и притворщика. Черта эта заключается въ томъ что героя комедіи необходимо было показать „во всеоружіи современной богословской казуистики, дать зрителю взглянуть въ тѣ хитро сплетенныя головныя построенія которыми онъ оправдываетъ свои дѣйствія и которыя старается внушить изумленной Эльмиръ. Тартюфъ долженъ, помимо своихъ общечеловѣческихъ сторонъ, носить опредѣленные признаки воинствующаго французскаго клерикала XVII столѣтія, владѣть всѣмъ обильнымъ запасомъ двусмысленныхъ доктринъ устанавливавшихся въ широкихъ размѣрахъ тѣ „слѣпки съ небомъ“ о которыхъ онъ такъ мастерски говоритъ“. Доказавъ выписками подробное знакомство Мольера съ сочиненіями Паскаля, въ которыхъ изъ собственныхъ сочиненій иезуитовъ собраны матеріалы для ихъ изобличенія, г. Веселовскій опровергаетъ теорію Лакура, по которой Тартюфъ будто бы направлень *противъ* яansenистовъ, внушень иезуитами, и зака-

звалъ Мольеру Лудовикомъ XIV. По мнѣнію г. Веселовскаго Мольеръ стоялъ *en* партій „со сдержанностью настоящаго обвинителя правовъ, и выставяя слабость всѣхъ ихъ. Еслибы мы опредѣляли что яansenизмъ привлекалъ всѣ его симпатіи, то и это оказалось бы невѣрнымъ. Со многими убѣжденіями яansenистовъ онъ совершенно не сходился, и его любовь къ жизни, неостывшая несмотря на горечь разочарованія, не могла примириться съ холодною безстрастностью ихъ идеаловъ. Мольеру и Паскалю свойственна была та мораль честныхъ людей, *moralé des honnêtes gens*, которую Сель-Бевъ такъ мѣтко назвалъ сущностью мольеровскаго жизненнаго идеала, и оба они ратовали во имя ея.“

Мы заключаемъ нашъ отчетъ, и не будемъ касаться послѣдней части монографіи, содержащей болѣе или менѣе извѣстную всѣмъ исторію гоненія на льесу Мольера. Книга г. Веселовскаго читается съ большимъ интересомъ, и судя по заглавію *Этюды о Мольерѣ* вѣроятно составляетъ лишь первую часть цѣлаго ряда подобныхъ же монографій. Можно надѣяться что въ этихъ послѣдующихъ этюдахъ авторъ не будетъ уже имѣть основанія пестрить свое изложеніе такими словами какъ „ипокритъ“, „ипокритство“, „девятка“, „импульсъ“, и т. д., неприятно дѣйствующими на слухъ русскаго читателя. Намъ казалось по мѣстамъ что даже русскіе обороты г. Веселовскаго могли бы вызвать со стороны критики упрекъ въ нѣкоторой неясности. Для примѣра мы можемъ указать на выраженіе „хитрослзетекныя *головныя* построенія“ (стр. 163), и на довольно странный по-русски оборотъ „видѣть *со сдержанностью*“ (стр. 175). Число такихъ цитатъ можно было бы дополнить нѣсколькими другими, еслибы мы не опасались утопить этими подробностями вниманіе читателей.

II.

С. Смирновъ: *Исторія Московской Духовной Академіи до ея преобразованія, 1814—1870.* Москва, 1879.

30 августа 1814 года, въ самый день своего тезоименитства, Императоръ Александръ I подписалъ указъ въ которомъ изъяснены были намѣренія государя о воспитаніи духовнаго юношества и сдѣлано указаніе на открытіе Московскаго учебнаго округа. „Первый учебный курсъ Александровъ-

ской Академіи конченъ, образовавшій учителей для второго курса С.-Петербургскаго округа и открытія вновь Московскаго; но я желаю чтобы комиссія обратила свое вниманіе какъ на сихъ новообразованныхъ учителей, такъ и на самыя училища, чтобъ устроить ихъ въ прямомъ смыслѣ училищами истинны. Просвѣщеніе, по своему значенію, есть распространеніе свѣта и конечно должно-быть того который *во тьмѣ свѣтитса и тьма его не обгьтг.* Сего то свѣта держась во всѣхъ случаяхъ, вести учащихся къ истиннымъ источникамъ и тѣми способами коимъ Евангеліе очень просто, но премудро учить; тамъ сказано что Христосъ есть *путь, спасеніе и животъ*; слѣдовательно внутреннее образованіе юношей къ дѣятельному христіанству да будетъ единственною цѣлю сихъ училищъ. На семъ основаніи можно будетъ создать то ученіе кое нужно имъ по ихъ состоянію, не опасаясь злоупотребленія разума который будетъ подчиненъ освѣщенію Вышнему. Я удостовѣряю что комиссія духовныхъ училищъ, призвавъ Спасителя въ помощь, употребить всѣ свои усилія къ достиженію цѣли, безъ которой истинной пользы ожидать нельзя." Въ сентябрѣ сдѣланы были приемныя экзамены, а 1 октября 1814 года открылась Московская Духовная Академія. „Приступая къ изображенію ея исторіи“, говоритъ авторъ, „мы не можемъ не замѣтить въ этой исторіи поразительнаго явленія: въ продолженіе всего періода мы усматриваемъ въ ней единство духа и направленія образованія, и это отъ того что почти съ самаго основанія ея и до конца періода она находилась подъ водительствомъ одного вождя—великаго святителя Московскаго Филарета. Въ 1815 году еще въ санѣ архимандрита видимъ его ревизоромъ Академіи; въ 1818 году, когда онъ былъ въ санѣ епископа Ревельскаго, ему дано то же порученіе, которое повторилось и въ 1820 году, когда онъ былъ Тверскимъ архіепископомъ. Въ 1821 году онъ вступилъ на кафедру святителей московскихъ и управлялъ Академіей почти до конца 1867 года. Такимъ образомъ можно сказать что исторія Академіи въ теченіе пятидесяти шести лѣтъ имѣла одинъ періодъ.“ И дѣйствительно, имя митрополита Филарета встрѣчается почти на каждой страницѣ книги отца Смирнова, а прочитавъ ее, читатель сознаетъ что авторъ имѣлъ полное основаніе посвятить свой трудъ его „памяти“. Помимо своего спеціальнаго значенія въ качествѣ чрезвычайно подробнаго и добросо-

Известно составленнаго собранія матеріаловъ для исторіи духовнаго просвѣщенія въ Россіи, *Исторія Московской Духовной Академіи* представляетъ еще особый интересъ благодаря множеству чрезвычайно любопытныхъ частныхъ касавшихся дѣятельности митрополита Филарета. Мы узнаемъ здѣсь совершенно новыя стороны этой громадной дѣятельности, видимъ покойнаго владыку за экзаменаторскимъ столомъ, узнаемъ его взгляды на искусство точно и правильно выражаться на русскомъ языкѣ, его воззрѣнія на учебное и воспитательное дѣло. Съ этою стороною труда отца Смирнова постараемся мы по преимуществу познакомить читателей. Прежде всего уяснимъ себѣ составъ учившихся въ Академіи.

На первые два академическіе курса (1814 и 1816 гг.) въ студенты Московской Духовной Академіи поступали только воспитанники изъ духовныхъ семинарій Московскаго учебнаго округа, то-есть изъ семинарій: Московской, Вязанской, Владимірской, Вологодской, Калужской, Костромской, Рязанской, Тульской, Ярославской; съ началомъ третьяго курса (1818 года) и до 1842 года, въ который послѣдовало открытіе Казанской Духовной Академіи, поступали въ Московскую Академію воспитанники изъ десяти семинарій Казанскаго учебнаго округа, именно изъ семинарій: Астраханской, Вятской, Иркутской, Казанской, Нижегородской, Оренбургской, Пензенской, Пермской, Тамбовской и Тобольской. Въ мѣсяцъ или юнѣ курсоваго года изъ правленія Академіи рассылаемы были въ подвѣдомственные семинаріи предписанія съ требованіемъ присылки въ Академію отъ одного до пяти изъ лучшихъ воспитанниковъ окончившихъ богословскій курсъ въ семинаріяхъ. Сверхъ этихъ молодыхъ людей, присылаемыхъ изъ семинарій по требованію Академіи, въ послѣднюю являлись во всѣ курсы ея съ желаніемъ учиться „воолонтеры“, изъ которыхъ нѣкоторые оказывались нерѣдко лучшими присылаемыхъ по требованію. Въ числѣ „воолонтеровъ“ не мало было учителей духовныхъ училищъ, вдовыхъ діаконовъ и священниковъ, а также монаховъ. Съ сороковыхъ годовъ въ Академію стали поступать студенты семинарій Петербургскаго и Кіевскаго округовъ. Между студентами являются Бѣлоруссы, Малороссы, Грузины, Осетины. По воссоединеніи уніатовъ, въ 1846 году въ первый разъ явились на экзамень четверо воспитанниковъ бывшихъ греко-унитскихъ семинарій. Когда митрополиту Филарету сдѣ-

ламо было представленіе о результатѣ пріемныхъ испытаній, онъ въ своей резолюціи между прочимъ писалъ: „присланныхъ изъ семинарій Литовской и Полоцкой, хотя и оказавшихся слабо приготовленными, по снисхожденію и любви къ симъ чадамъ воссоединенныхъ церквей, принять въ число студентовъ и на содержаніе Академіи, а начальству донести какъ они оказались и по какимъ уваженіямъ приняты. Симъ чте-ремъ студентамъ объявить что въ принатіи ихъ дѣйствова-ла не одна справедливость, но и снисхожденіе, дабы они потщились оправдать настоящее расположеніе начальства. Несомнѣваюсь что отецъ ректоръ и прочіе члены Академіи сво-имъ благорасположеніемъ и попеченіемъ вскорѣ уничтожатъ для нихъ трудность незнакомаго мѣста и будутъ постоянно подкрѣплять и поощрять ихъ на пути усовершенія.“ Изъ иноземцевъ съ пятидесятихъ годовъ стали обучаться въ Академіи Греки, Сирійцы, Болгары, Сербы, Черногорцы, причеиъ въ силу Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго въ 1857 году, иностранцамъ оказывалось возможное снисхожде-ніе „какъ на пріемныхъ и выпускныхъ экзаменахъ, такъ и во время прохожденія наукъ“, безъ стѣсненія правилами устава. Главный и почти исключительный элементъ студен-ческаго общества составляли всегда воспитанники изъ ду-ховнаго званія; лица изъ другихъ сословій въ рѣдкіе курсы можно было встрѣтить. „Любопытно“, говоритъ авторъ, „что имѣя въ виду цивилизовать новопоступившихъ провинціаль-ныхъ студентовъ, начальство Академіи размѣщало студен-товъ большею частію такъ чтобы въ каждой комнатѣ студен-ческой жила по одному или по два студента изъ уроженцевъ московскихъ. Эта мѣра оказывала полезное дѣйствіе и спо-собствовала уничтоженію или по крайней мѣрѣ ослабленію провинціализма въ произношеніи, и умѣно держать себя въ обществѣ.“ Отсутствие этого послѣдняго умѣнія было въ пер-вое время такъ велико что обратило на себя вниманіе ревизора Тульской и Рязанской семинарій, извѣстнаго О. А. Голубин-скаго, вызвавъ у него слѣдующее замѣчаніе въ отчетѣ о ре-визіи (1828 года): „многіе изъ учениковъ въ наружныхъ тѣло-движеніяхъ и обращеніи показываютъ незнаніе правилъ благо-приличія и вѣжливости. Хорошо было бы еслибъ еще въ учи-лицѣ учителя внушали имъ сіи правила; причеиъ они могутъ имѣть пособіемъ сокращенное изложеніе оныхъ, помѣщенное въ грамматикѣ Бантышъ-Каменскаго.“ Въ книгѣ отца Смир-

нова приведена любопытная характеристика уроженцевъ различныхъ губерній; она не принадлежитъ самому автору, но въ свою очередь почерпнута имъ изъ записокъ одного изъ воспитанниковъ второго курса Академіи:

„Собранные изъ разныхъ губерній, мы, въ теченіе года, успѣли познакомиться и вызывать другъ друга хорошо. Пословица говорить: что городъ, то коровъ; что деревня, то обычай. Такъ и мнѣ казалось что всё моего времени провинціалы въ Академіи чѣмъ-нибудь своеобразнымъ отличались какъ отъ насъ, Москвичей, такъ и между собою. Изъ наблюдений своихъ надъ товарищами, а частію и надъ прочими студентами, старшими и младшими насъ курсомъ, я вотъ какое вывелъ заключеніе: Туляки—умны, но жестоки и коварны; Калужане—тихихъ способностей, мягкосердечны и добры; Рязанцы—даровиты и рьяны, но духа словно республиканскаго; Владимірцы—ума гибкаго, но какъ-то слабодушны и вялы; Ярославцы—рьянаго ума, вкрадчивы и льстивы; Востромичи—сильныхъ способностей, великодушны, но хитры; Воложжане—способностей мягкихъ и прамедусны. О Москвичехъ не говорю: самъ Москвичъ и Москвичи есть всякіе. А если ужъ надобно что сказать въ отличительную ихъ черту, то скажу: „Москвичи остры, лаутоваты и насмѣшники.“ Подъ вліяніемъ „луризма“, а иногда „неизвѣстнымъ побужденіемъ“ начальство Академіи измѣняло фамиліи нѣкоторыхъ изъ новопоступившихъ студентовъ, если эти фамиліи казались почему-нибудь „неблагозвучными“. Телятьевъ переименованъ въ Нордова, Дагаевъ — въ Сахарова, Бехтѣевъ — въ Разумовскаго, Пулькинь — въ Сивайскаго, Некаюдовъ — въ Николаевскаго. Одинъ студентъ по фамиліи Пьянковъ переименованъ былъ въ Собріевскаго, отъ латинскаго *sobrius*, трезвый; переименованіе это называло ему впослѣдствіи множество хлопотъ въ Пермской губерніи (откуда онъ былъ родомъ), при полученіи наслѣдства: Собріевскому на первыхъ порахъ просто было отказано судомъ въ полученіи наслѣдства, аѣло дошло до Синода и послѣдній опять утвердилъ за Собріевскимъ прежнюю фамилію Пьянкова. Иные студенты впрочемъ сами просили объ измѣненіи ихъ фамиліи. Съ такою просьбой обратился къ начальству Академіи студентъ Димитрій Халуйскій; ходатайство его было удовлетворено, и онъ сталъ называться Правдинъ. „Отдѣльный міръ въ цѣломъ мірѣ сту-

дентовъ составляли монахи, которымъ назначалось особое помѣщеніе и трапеза. Большая часть изъ такихъ студентовъ вслѣдствіе самоуглубленія и релігіозной настроенности еще во время ученія давали обѣтъ иночества и принимали постриженіе; въ нѣкоторыхъ сознание высокости иноческой жизни такъ бывало сильно что студентъ оставалъ науку и уходилъ въ пустыню. Но были и такіе примѣры что студентъ, послѣ подачи прошенія о постриженіи его въ монашество, и даже послѣ утвержденія этого прошенія Св. Синодомъ, приходилъ въ размышленіе, одумывался и отказывался отъ своего намѣренія. "Любовь къ иноческой жизни старались возбуждать въ студентахъ начальствующіе - монахи; но, говоритъ авторъ, „уважая студента изъ тѣснаго и колдоватнаго міра въ дою жизни уединенной, они не всегда строго справлялись съ положенными закономъ лѣтами для принятія монашества, за что подвергались замѣчаніямъ отъ высшаго начальства.“ Получивъ въ 1840 году указъ Синода о томъ что представленіе его о постриженіи одного изъ студентовъ Академіи не можетъ быть уважено, такъ какъ студентъ этотъ не достигъ еще положенныхъ лѣтъ, митрополитъ Филаретъ далъ слѣдующую резолюцію: „Очень жаль что академическое правленіе не привело должнаго труда сообразить представленіе съ закономъ, и сдѣлало неприятность себѣ, мѣ и просителю, заслуживающему покровительство и поличеніе. Неужели оно думаетъ что моя должность повѣрять цифры и буквы, и что мое время не нужно для занятій нѣскольکو болѣе важныхъ?“ Крѣпко привязанный къ иночеству и самъ образецъ истиннаго монаха, митрополитъ Филаретъ съ особенною любовью смотрѣлъ на молодаго человека отрекавшагося отъ міра; почти всякому студенту постригавшемуся въ монахи онъ дарилъ что-нибудь изъ своей собственной одежды—рясу, поясъ, четки, а если въ монахи постригался бакалавръ, то митрополитъ оказывалъ ему щедрое пособіе. „Съ теченіемъ времени“, говоритъ отецъ Смирновъ, „стремленіе къ монашеству постоянно ослабѣвало въ мірѣ студенческомъ и ослабѣло наконецъ до того что изъ цѣлаго курса не выходило иногда ни одного монаха. Такъ было въ курсѣ 1852 года; два воспитанника этого курса приняли монашество уже послѣ, когда состояли на службѣ. Въ послѣднее время стали повтораться такіа явленія что поступающіе въ число студентовъ вдовы священники и діаконы кончали курсъ не

привавъ монашества, чего прежде не допускалось. Съ ведавлаго времени мы видимъ и такіе примѣры что учились въ Академіи въ качествѣ студентовъ священники и діаконы иныяшіе жель“.

Пріемные экзамены до 1850 года были вообще не строги, и мы находимъ въ книгѣ отца Смирнова куріозный образецъ познаній съ которыми являлись на эти экзамены. Въ 1834 году въ числѣ прочихъ держалъ экзаменъ студентъ ватской семинаріи Б. Въ латинскомъ экскромплѣ его *Θ. А. Голубинскій* встрѣтилъ выраженіе: *Splen dicit Apostolus*. „Послѣ долгихъ соображеній не могли объяснить себѣ значеніе этого выраженія, профессоръ пригласилъ автора и потребовалъ отъ него объясненія непонятной фразы. Тотъ сказалъ что это выраженіе значитъ: *то же* говорить Апостолъ. Какимъ же это образомъ? спросилъ профессоръ. Студентъ объяснилъ что въ латинской грамматикѣ Амвросія въ правилахъ о родахъ существительныхъ сказано *lien* селезенка, *splen*—*тоже*. Такое разрѣшеніе недоумѣнія имѣло сабдствіемъ то что Б. не былъ принять въ Академію. Онъ поступилъ въ число братства лавры, получилъ вскорѣ санъ іеромонаха и долгое время служилъ тамъ, сохранивъ за собою до конца жизни прозваніе: *splen*.“ Тѣмъ строже производились выпускные и переходные экзамены, на которыхъ, начиная съ 1821 года, въ теченіе 46 лѣтъ почти ежегодно присутствовалъ митрополитъ Филаретъ. „На этихъ испытаніяхъ постороннему наблюдателю представилась бы такая школа ученія которая въ одинъ разъ обогатила бы его множествомъ свѣдѣній энциклопедическихъ. вмѣстѣ съ чувствомъ невольнаго смущенія, которое такъ естественно имѣть испытуемому предъ лицомъ гениальнаго испытателя, въ испытуемомъ рождалась вскрываемая радость любознательности при вниманіи къ лившейся рѣкою рѣчи Филарета. Но что говорить объ испытуемыхъ! Наставники Академіи съ напряженнымъ вниманіемъ ловили каждое его слово, которое глубоко западало въ душу, рѣшая трудные вопросы науки. Одинъ изъ знаменитыхъ наставниковъ Академіи, профессоръ философіи *Θ. А. Голубинскій*, всякій разъ собиралъ это сокровище, записывая каждое слово Филарета во время испытанія, и въ потребныхъ случаяхъ извлекалъ изъ этихъ записей установившіяся, окрѣпшіи взглядъ на вопросы, для многихъ неудоборѣшимые. Онъ признавался, и всякій раздѣлялъ его мнѣніе, что

издававшаяся изъ устъ Филарета рѣчь до такой степени была правильна и сильна что слушая ее какъ бы внимаешь чтенію замѣчательной ученой книги, наполненной запасомъ свѣдѣній глубокихъ. Со строгою тонкостью, не допуская лишняго слова, дѣлалъ святитель вопросы и внушалъ испытаннымъ что отвѣты должны отличаться точностію и простотой, безъ уклоненія къ мыслямъ не близкимъ къ вопросу, безъ лишнихъ фразъ, залутовающихъ дѣло. Одинъ изъ воспитанниковъ Академіи (1820 года) даетъ объ этихъ экзаменахъ такое свидѣтельство: вопросы Филарета были всегда интересны, прямо относящіяся къ дѣлу. Довольно было терпѣнія у него выслушивать отвѣты слабые, легкіе, побочные; обличенія и опроверженія его болѣею частью безпристрастны, всегда основательны, неопровержимы. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ разрѣшить вопросъ умами студентовъ и профессоровъ, причемъ Филаретъ прибавленіями къ возраженію увеличивалъ важность отвѣта, наконецъ дѣло покрывалъ самъ владыка, давая на свой вопросъ отвѣтъ полный, ясный, блестящій.“ Экзамены происходили два раза въ годъ: предъ Рождествомъ и предъ лѣтними каникулами. Первые экзамены были частные, „домашніе“, безъ присутствія на нихъ постороннихъ лицъ, а предъ ваканціей, кромѣ такихъ же частныхъ испытаній, ежегодно бывали публичные экзамены. За недѣлю и болѣе до экзаменовъ митрополиту обыкновенно представляемы были правленіемъ Академіи конспекты по всѣмъ предметамъ пройденнымъ въ теченіе учебнаго года, а предъ публичнымъ экзаменомъ конспектъ предметовъ для открытаго испытанія. Митрополитъ довольно строго пересматривалъ эти конспекты и дѣлалъ на нихъ иногда замѣчанія; въ особенности выражалъ онъ всегда желаніе чтобы конспекты для открытаго испытанія составлены были съ полнымъ вниманіемъ и осторожно, такъ какъ они предназначались къ печатанію. Въ 1833 году къ публичному испытанію была представлена бакалавромъ всеобщей словесности, А. Нечаевымъ, статья „о геніи“. Митрополитъ далъ резолюцію: „Статья о геніи никого не сдѣлаетъ геніемъ и едва ли чему-нибудь научить въ дѣлѣ. Прибавить другую.“ На конспектъ сѣдующаго года митрополитъ опять сдѣлалъ замѣчаніе относительно программы экзамена по словесности: „По нѣкоторымъ предметамъ назначенное обзорѣніе очень мало, и статьи такіа которыя почти не даютъ случая испы-

тующимъ войти въ дѣло и усмотрѣть ходъ науки. Хорошо ли, напримеръ, весь экзаменъ по словесности ограничить одной идеей высокаго о которой много бываетъ высокопарныхъ толковъ, но которая не чаще оттого встрѣчается на дѣлѣ? Пересмотрѣть о. ректору конспектъ съ нѣкоторыми членами конференціи и стараться дать ему болѣе удовлетворительный видъ, и тогда напечатать“. Въ другой разъ митрополитъ писалъ: „Странно что въ столь ограниченномъ конспектѣ словесности не могли пропустить сатиры и элегіи, какъ будто это крайне нужно для Духовной Академіи.— Слово: *главенство* есть варварское. Оно недавно выдуманно: неужели прежде не умѣли говорить? И недостаточно выражаетъ оно римскій догматъ. Латины говорятъ: *напѣстники Христавъ, преемники Апостола Петра, свидѣлая глаза церкви*: и это точнѣе понимается и опровергается, нежели варварское слово *главенство*, котораго у нихъ нѣтъ. — Чтѣ за *народность* въ церковномъ проповѣданіи? Церковь учитъ *всѣ азмы* однимъ ученіемъ, примѣвая ученіе къ умственному и нравственному состоянію человека, а не кафтану, тулупу и баузѣ. Удерживаюсь сказать вашему конспекту: да. И не хочу сказать: нѣтъ. Возвращаю его для пересмотра.“ Отецъ Смирновъ приводитъ двѣ резолюціи митрополита Филарета изъ которыхъ видно чего онъ требовалъ на испытаніяхъ отъ студентовъ: 1) „при испытаніи наблюдать чтобы испытуемые отвѣчали изъ ума и знанія, а не слѣпо изъ учебныхъ книгъ и записокъ; 2) напомнить студентамъ, хотя сіе само собою должно быть извѣстно, что знаніе главныхъ истинъ, готовое къ отвѣту всякому вопрошающему, есть первое на потребу, которое можетъ быть украшено и дополнено знаніемъ подробностей, но въ которомъ усмотрѣнный недостатокъ не былъ бы покрытъ изученнымъ знаніемъ подробностей въ той или другой части науки.“ Въ какой формѣ происходили испытанія при митрополитѣ Филаретѣ, это записано слѣдующимъ образомъ въ дѣлахъ академической конференціи за 1838 годъ: „студенты вызываемы были лично отъ его высокопреосвященства къ столу, поименно, по три человека, и здѣсь отвѣтствовали на вопросы имъ предлагаемые большею частью преподавателями, а частію его высокопреосвященствомъ. Нѣсколько вопросовъ предложено было отъ его высокопреосвященства вообще испытуемому классу съ вызовомъ къ отвѣту желающихъ, для усмотрѣнія преимуществен-

ной способности и готовности къ отвѣтамъ на вопросы непредвидѣнные.“ Съ 1842 года порядокъ экзаменовъ въсколь-ко измѣнился въ томъ отношеніи что студенты стали отвѣчать по билетамъ, на которыхъ написаны были вопросы. Приведемъ теперь изъ книги отца Смирнова въсколь-ко разказовъ изъ исторіи академическихъ экзаменовъ въ присутствіи митрополита Филарета. Вотъ, на примѣръ, разказъ одного изъ воспитанниковъ седьмаго курса Академіи объ экзаменѣ 1830 года.

„Шла нравственная богословія. Профессоръ этого предмета—профессоръ, архимандритъ Евлампій. Мнѣ данъ вопросъ: о степеняхъ совершенства нравственныхъ дѣйствій христіанскихъ. Параграфъ, который мнѣ надобно было прочитать въ отвѣтъ, изложенъ періодомъ относительнымъ: чѣмъ болѣе, тѣмъ болѣе. Протазисъ имѣлъ по крайней мѣрѣ три члена, столько же и алотазисъ этого длиннаго періода. Мало того: каждый протазисъ и каждый алотазисъ имѣлъ свой текстъ Св. Писанія, какъ бы въ подтвержденіе свое. У меня не были выписаны тексты сіи (я не считалъ ихъ нужными), потому я прочиталъ періодъ безъ текстовъ. Но меня безпрестанно останавливалъ архим. Евлампій, требуя произнесенія текста на каждый членъ періода. Когда же я молчалъ, то Евлампій произносилъ эти тексты самъ; даже сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе: „Доказывайте изреченіями Св. Писанія ваше сужденіе, дабы иначе не подумали что вы рассуждаете произвольно, безъ основаній!“ Въ это время Филаретъ нетерпѣливо взглядывалъ то на меня, то на Евлампія, потомъ когда я протазисилъ періодъ, Филаретъ возбужденно заговорилъ, обращаясь къ Евлампію: „Священнымъ Писаніемъ надобно доказывать полную истину, а не часть ея. Если скажете: „чѣмъ дѣйствія чище по намѣренію и затѣмъ тотчасъ придадите изреченіе Св. Писанія, вы сдѣлаете глупость, потому что будете доказывать слова, а не мысль, которая еще неизвѣстна. Посему вы напрасно сбивали съ толку монаха и навязывали ему вашу бессмыслицу.“ Затѣмъ владыка сталъ слушать другаго. Михаилъ Россовъ читалъ параграфъ о единствѣ закона Моисеева и закона Евангельскаго. Владыка далъ прочитать параграфъ (Россовъ читалъ хорошо и приводилъ всѣ тексты Св. Писанія), потомъ началъ опровергать прочитанное. Въ параграфѣ доказывалось единство законовъ Моисеева и Евангельскаго единствомъ Законодателя, Сына

Божія. Филаретъ на это сказалъ: „Императрица Екатерина написала соляной уставъ и уставъ о губерніяхъ. Слѣдовательно соляной уставъ и уставъ о губерніяхъ суть одинъ и тотъ же законъ?“ Въ параграфѣ доказывалось единство законовъ единствомъ цѣли. Филаретъ сказалъ: „Петербургская дорога ведетъ въ Москву, и Дмитровская дорога ведетъ въ Москву же. Слѣдовательно Петербургская и Дмитровская дорога суть одна дорога?“ Отецъ Евлампій выслушалъ ея несладкій урокъ молча.“

Весьма интересна продолжительная бесѣда которую митрополитъ Филаретъ велъ на публичномъ экзаменѣ 1837 года съ профессоромъ церковной исторіи А. В. Горскимъ. Въ своемъ дневникѣ Горскій передаетъ эту бесѣду въ слѣдующемъ видѣ:

„Нынѣшній день, на испытаніи, мнѣ привелось держать довольно длинный диспутъ со владыкою по предмету лекцій. Послѣ перваго вопроса изъ книги, по предложенію ректора, онъ сталъ слушать представленное для испытанія изъ Новозавѣтной исторіи: о распространеніи и угнетеніи христіанства послѣ апостоловъ до Константина. Открылъ свои замѣчанія тѣмъ что студентъ читаетъ не исторію, а разсужденіе, и что сказанное о побужденіяхъ къ распространенію христіанства относится не къ однимъ тѣмъ временамъ къ которымъ приложено, но и къ другимъ. Прослушавъ краткія замѣчанія о странахъ въ которыхъ вновь христіанство распространилось, началъ дѣлать снова замѣчанія на статью о прелатствіяхъ къ распространенію христіанства, и съ самаго начала—на разнообразное направленіе духа имперіи и духа христіанскаго общества. „Что такое духъ? Могли ли вы сами обнять и исповѣдовать духъ христіанства? Могли ли вмѣстѣ это головы вашихъ студентовъ? Нынѣ странное направленіе въ исторіи; смотрятъ на человѣчество какъ на одного человѣка, усваиваютъ ему то то, то другое общенправленіе. Прекрасный взглядъ на исторію Боссюэтовъ. Въ послѣдствіи другимъ не захотѣлось все сводить къ христіанству; они выдумали каждому вѣку своихъ представителей, каждому народу свою идею. Все это лустаки!“ О нетерпимости иноземныхъ вѣръ въ Римской имперіи сначала сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: „такъ поэтому въ Римской имперіи христіанство не могло быть терпимо? А развѣ всегда была проливается кровь христіанъ?“—Я объяснилъ что по законамъ

Римской имперіи христіане не могли быть терлимы.— „Почему же такъ?“ — Конституція Римской имперіи требовала чтобы соблюдаема была народная религія гражданами имперіи неотмѣнно.— „Что такое конституція? Это понятіе составилось въ концѣ XVIII столѣтія. Никакой конституціи не было. Противъ христіанъ дѣйствовали не по законамъ конституціи, а по эдиктамъ императоровъ, выдаваемымъ по извѣстнымъ обстоятельствамъ, по вліянію извѣстныхъ лицъ. А другіе императоры выдавали даже указы въ пользу христіанъ“. Я отвѣчалъ на это: слово: конституція я употребилъ неправильно. Что касается до указовъ въ пользу христіанства, то христіанство было признано дозволенною религіей только въ III вѣкѣ. Доселѣ положеніе ея, какъ религіи недозволенной, всегда подвергало исповѣдниковъ ея опасности.— „Да былъ ли хоть одинъ законъ постоянный и опредѣленный въ имперіи противъ христіанства?“ Я отвѣчалъ: былъ общій законъ въ имперіи противъ всякой чуждой религіи которая усиливалась насчетъ народной. И по этому закону часто дѣйствовали въ отношеніи къ другимъ языческимъ религіямъ. Этотъ законъ шелъ и противъ христіанъ. Притомъ и эдикты императоровъ противъ христіанъ, колы скоро были выданы и не отмѣнены сенатомъ или послѣдующими императорами, то имѣли силу въ имперіи, хотя послѣдующіе императоры сами вообще не дѣйствовали по нимъ; во народъ возставалъ противъ христіанъ и требовалъ ихъ казни на основаніи этихъ законовъ.— Преосвященный, замѣтивъ что народъ руководствовался въ этомъ случаѣ суетіемъ, а не законами, приказалъ продолжать.

„При дальнѣйшемъ чтеніи этой статьи, онъ началъ нападать съ другой стороны: „къ чему эти теоріи? Надобно излагать историческіе факты“. Послушавъ еще немного, замѣтилъ: „послѣ этого будутъ оправдывать всѣхъ гонителей христіанства. Они дѣйствовали по законамъ; какъ недавно одинъ Жидъ доказывалъ что смерть на Іисуса Христа произнесена по всей справедливости законовъ“.—Я отвѣчалъ на это что настоящее изложеніе о несообразности съ постановленіями Римской имперіи допущенія вѣры христіанской не къ тому направлено чтобы оправдывать гонителей. Напротивъ студентамъ было раскрыто что самые законы эти должны были измѣниться отъ вліянія христіанства, и общество устроиться иначе.

„Когда начали читать о вліяніи философіи на образъ мыслей о христіанахъ, преосвященный олять сдѣлалъ замѣчаніе: „все теоріи. Вы говорите о сектахъ, а о святыхъ мученикахъ какъ говорить не будете?“ Я отвѣчалъ на это что каждую мысль можно подтвердить подлинными словами современныхъ писателей (я разумѣлъ враговъ христіанства, писавшихъ противъ него въ то время). Знаменитѣйшіе изъ мучениковъ будутъ указываемы въ своихъ мѣстахъ. При окончаніи разсмотрѣнія нравственныхъ причинъ, владыка замѣтилъ: „вотъ вы, кажется, главное-то и упустили. Слова-то и не примѣтили. „Главною причиною гоненія противъ христіанства было языческое суевѣріе. А вы о немъ ни слова.“ Я отвѣчалъ на это что объ этомъ сейчасъ будетъ сказано. Причины религіозныя поставлены въ третьемъ разрядѣ.—„Вашимъ разрядамъ, сказалъ владыка, конца не будетъ.“ Послѣ того продолжали спокойно до той статьи въ которой объяснялось какою силой христіанство прелобѣждало всѣ эти разнородныя прелатствія. Здѣсь владыка сдѣлалъ замѣчаніе на вторую мысль въ этой статьѣ раскрываемую, что „эта мысль не къ одному тому времени относится въ которомъ она поставлена, но и къ другимъ,—эта мысль общая.“ Я отвѣчалъ на это что нужно было изложить въ лекціяхъ и эти общія мысли чтобы въ послѣдствіи ихъ не повторять.—Владыка замѣтилъ: „въ каждомъ времени надобно указывать свое частное.“ О гоненіи во время Траяна слушалъ все спокойно. Здѣсь услышалъ и о знаменитыхъ мученикахъ во время этого гоненія. Этимъ закончилось испытаніе.“

Особенное вниманіе обращалось въ Академіи на сочиненія студентовъ. „Не столько отвѣты на повторенія и экзаменахъ давали студенту извѣстное мѣсто въ разрядномъ спискѣ, сколько диссертациі; послѣднюю судьбу его рѣшало такъ-называемое курсовое сочиненіе, которое задавалось на послѣдній годъ курса. Въ первые два года нужно было написать пять сочиненій по философіи, два по словесности и два по гражданской исторіи. Въ третій годъ—одно по догматическому богословію или по гомилетикѣ, одно по церковной исторіи, сверхъ того, двѣ проловіи.“ До 1844 года темы для одного богословскаго и двухъ философскихъ сочиненій задавались на латинскомъ языкѣ котораго не изучали въ Академіи, такъ какъ студенты приносили съ собою вполнѣ удовлетворительное знаніе этого языка изъ семинарій. Сроки для по-

дачи сочиненій были назначаемы, но за этими сроками слѣдили не очень строго; диссертация задавалась на два мѣсяца; она представлялась иногда чрезъ десять, причемъ часто достигала объема пятидесяти листовъ и даже болѣе. „Еще бо́льшія усилія“, говоритъ авторъ, „требовались для написанія курсоваго сочиненія: тутъ студентъ въ теченіи года буквально обложенъ былъ ф. лянтами и разными книгами по предмету сочиненія и, можно сказать, почивалъ на книгахъ. Онъ былъ въ это время недоступенъ, свирѣлъ, особенно если домогался степени магистра.“ Лучшія курсовыя сочиненія, предвзащаемыя къ испытанію, предварительно представлялись митрополиту для прочтенія и „выходили изъ горнила его критики полыми строгихъ замѣчаній“. Для разсмотрѣнія остальныхъ сочиненій послѣ экзаменовъ собиралась конференція подъ предсѣдательствомъ митрополита. Сочиненія прочитывались здѣсь по частямъ, и во время этого чтенія „митрополитъ нерѣдко останавливался читавшаго наставника, спрашивалъ почему въ такомъ-то мѣстѣ допущенъ недостатокъ, требовалъ объясненія той или другой мысли которая представлялась ему темно или не совсѣмъ правильно выраженною, дѣлалъ замѣчаніе наставнику почему онъ не выикъ въ то или другое выраженіе и не научилъ студента выражаться правильнѣе и опредѣленнѣе. Это было причиною того что наставники стали строжайшимъ образомъ пересматривать курсовыя сочиненія, исправляли ихъ со всевозможнымъ вниманіемъ и передѣлывали заново. Но и при этомъ наставнику стоило иногда не мало трудовъ защищать будущаго магистра, несмотря на то что сочиненіе было имъ исправлено и выложено. Еслибы не было такой предварительной полировки сочиненія, то по причинѣ строгой рецензій митрополита выходило бы изъ каждаго курса весьма немного магистровъ“. Митрополитъ Филаретъ не любилъ обширныхъ сочиненій, и по поводу одной диссертации написалъ подъ ея заглавіемъ: „надобно не такъ много писать: разсужденіе не книга, и толстота тетради не есть верхъ совершенства“. По поводу сочиненія іеродіакона Филарета (въ послѣдствіи архіепископъ Черниговскій) *о духѣ и свойствахъ христіанскаго мученичества*, митрополитъ сдѣлалъ слѣдующую резолюцію: „разсужденіе о мученичествѣ и теперь безконечно обширно, и какъ въ отношеніи къ логикѣ, такъ и въ отношеніи къ словесности слабо. Это — принужденное скопленіе

словъ и выраженій, историческихъ обстоятельствъ, выписокъ, а не систематическое произведеніе ума котораго бы всѣ части были направлены къ опредѣленной цѣли. Я прочиталъ около половины онаго (дочитать не имѣю ни времени, ни терпѣнія), но не встрѣтилъ еще ничего что прямо и съ силою было бы направлено къ указанной во вступленіи цѣли, то-есть къ защищенію мученичества отъ нареканій. Послѣ неопредѣленнаго и утомительнаго разказа о гоненіяхъ іудейскихъ, римскихъ, персидскихъ, магометанскихъ, российскихъ—поставлено восклицаніе: *таково начало и происхожденіе мученичества! Маккавеи предуготовили* (сіе слово написалъ отецъ ректоръ) *ветхозавѣтную церковь къ таковымъ же подвигамъ въ новозавѣтной церкви.* На что жъ было готовить ветхозавѣтную церковь къ такимъ подвигамъ которые не въ ней, а въ послѣдующей за нею новозавѣтной церкви совершаться должны? Мнѣ кажется, это не значить очищать сочиненіе отъ логрѣшностей. Про одно магистерское сочиненіе о постахъ православной церкви митрополитъ писалъ ректору: „въ разсужденіи о постахъ не нравится мнѣ вступленіе. Что это такое что всякій юноша ставитъ себя защитникомъ церкви противъ ея враговъ? Для юноши не скромно, для церкви оскорбительно, и цѣли сочиненія не благопріятно. Прежде нежели назидаете ученіемъ о постахъ, вы уже смутили читателя мнѣніемъ что его отвергаютъ и что онъ требуетъ вашей защиты. Не простѣ ли было бы начать тѣмъ что нѣкоторые, соблюдая посты, не довольно знаютъ начало и важность сего установленія, а другіе, не довольно зная сіе, позволяютъ себѣ небреженіе о семъ установленіи, и потому надобно показать истину чтобы вразумить невѣдущихъ и возбудить небрежныхъ?“

Митрополитъ Филаретъ съ необыкновенною внимательностію относился ко всему что касалось Академіи, и книга отца Смирнова полна чрезвычайно любопытными выдержками изъ резолюцій и писемъ митрополита по различнымъ вопросамъ академическаго вѣдомства. Въ 1850 году состоявшій при Академіи духовно-цензурный комитетъ одобрилъ картину изображающую „преподобнаго Сергія съ дѣяньемъ.“ Митрополитъ написалъ на отчетѣ комитета: „представляемъ мнѣ пропущенный цензурнымъ комитетомъ гравированный листъ житія преподобнаго Сергія. Не имѣя времени разсматривать его въ подробности, я замѣтилъ однако неправоности, про-

тивныя церковному чину и искажающія исторію. Надъ подписью: рукоположеніе преподобнаго Сергія въ іеромонаха, картина представляетъ преподобнаго Сергія и архіерея стоящихъ одного по лѣвую, а другаго по правую руку. Въ чинѣ рукоположенія такого положенія рукополагающаго и рукополагаемаго нѣтъ. Рукополагающій стоитъ предъ престоломъ, а рукополагаемый—по правую руку престола въ коленопреклоненномъ положеніи. Надъ подписью: *воскрешеніе отрока* представленъ на картинѣ отецъ отрока съ гробомъ. Исторія показываетъ что отецъ несъ къ преподобному больнаго сына, что сынъ умеръ на пути, но отецъ, по вѣрѣ къ преподобному, не возвратился, а пришелъ прямо съ мертвымъ къ преподобному. Откуда же гробъ? Развѣ отецъ зналъ что сынъ умретъ на пути и залася гробомъ?“

По поводу проекта издавать при Академіи особый журналъ, митрополитъ Филаретъ писалъ ректору: „печатать переводы Св. отцовъ—дѣло весьма хорошее, полезное и достойное всякаго поощренія. Но крошить каждаго Св. отца на части, потомъ смѣшать всѣхъ, и такимъ образомъ печатать,—не знаю похвалите ли это и вы, хотя почти таковъ вашъ проектъ. Въ изданіи періодическомъ, срочномъ это оправдывается журнальною послѣдностью и потребностію разнообразія для журнала: но вы предпринимаете изданіе несрочное; потому оно менѣе терпитъ смѣси, а больше требуетъ порядка. Напримѣръ, въ самомъ началѣ, вы хотите напечатать два слова Григорія Богослова о богословіи. Гдѣ же прочія три? Чѣмъ оправдать можно расторженіе сихъ словъ, очевидно имѣющихъ общее единство и составляющихъ небольшое цѣлое? Еслибы захотѣли издать въ новомъ переводѣ всего Св. Григорія: очень хорошо! Если пять словъ о богословіи: и это хорошо. А два? Не понимаю какъ пришла такая мысль. Или докажете мнѣ превосходство вашего плана, или начертайте другой.“ Разсмотрѣвъ переводъ первыхъ трехъ словъ Св. Григорія Богослова и нѣсколько статей назначенныхъ для помѣщенія въ первой книжкѣ академическаго изданія, митрополитъ Филаретъ написалъ: „благоволять сотрудники дѣла внимательно и благодушно выслушать что скажется, и если оное не по желанію, не охлаждать къ дѣлу, и укрѣпляться и изоощрять вниманіе къ лобъженію затрудненій, да будетъ дѣло полезное и достойное Академіи: 1) Житіе Св. Григорія составлено такъ что съ достоинствомъ

может предшествовать изданію его писаній; 2) переводъ одного слова (Св. Григорія Богослова) и нѣсколько другаго я исправилъ, и отдаю на судъ комитета, къ лучшему ли сіе сдѣлано. Если комитетъ сіе признаетъ, то ему надобно будетъ призвать и то что весь переводъ требуетъ пересмотра. Но комитетъ легко разсудитъ и то что мнѣ нельзя имѣть времени произвести пересмотръ всего перевода. Слѣдственно надобно переводчикамъ и редакторамъ уделить вниманіе. Не думаю чтобъ годилось заставить Св. Григорія говорить: волоній и овецій ластухъ, баистательный Богъ и пр.; 3) Вѣроятно переводчики встрѣчали мѣста особенно затруднительныя и сомнительныя. Такія слѣдовало бы именно указать, чтобы я могъ ими заняться. Ибо, какъ не ловить что мнѣ нельзя сѣсть и ловѣрять строку со строкою перевода и подлинника отъ первой до послѣдней.... 6) О мѣрахъ къ сохраненію благоговія. Нѣтъ ли тутъ галлицизма? Что Нѣмецъ пишетъ, смотря на нѣмецкое воспитаніе, можно ли то всегда буквально переписывать, не оглядываясь на русское воспитаніе, и на то которое у насъ подъ глазами?" Прочитавъ статью *о роскоши*, митрополитъ написалъ: „говорите, если угодно, о роскоши, но какая вамъ нужда въ Сергіевскомъ Посадѣ говорить о Парижѣ?" Въ 1825 году правленіе Академіи представило митрополиту переводъ на русскій языкъ толкованія Іоанна Златоустаго на посланіе къ Римлянамъ. Разсмотрѣвъ переводъ предисловія, митрополитъ написалъ на представленіи: „*Хлопотать. Идти дорогой. Мнѣ кажется вѣтъ нужды подражать площадному языку Библиотеки для Чтенія. Согласившись въ этомъ должны заключить. Кто? мы, вы или они? До посланія къ Коринѳянамъ. Нѣтъ: прежде посланія къ Коринѳянамъ, подобно какъ сочиненіе существуетъ прежде перевода, а не до перевода. Многіе (пророки) послаъ Іоны, Собоуи и встѣж. Что это такое? Многіе послаъ встѣж?—Въ приступъ. Приступъ бываетъ къ городу, а къ посланію вступленія. Обаче—представить Святѣйшему Синоду.*" Указомъ Синода отъ 1825 годѣ поручено Московской Академіи перевести на русскій языкъ Богословіе Св. Іоанна Дамаскина. Поручая этотъ трудъ Академіи, митрополитъ Филаретъ написалъ на указѣ: „въ академическое правленіе для исполненія, которое, надѣюсь, Академія сдѣлаетъ не только по долгу послушанія, съ готовностію, но и съ утѣшеніемъ, по чувству благодарности за довѣріе Святѣй-

шаго Синода къ ея трудамъ. Не излишнимъ почитаю напоминать при переводѣ сей важной книги объ осторожности противъ улобленія слухомъ простонародныхъ и нечистыхъ въ языкѣ словъ и выраженій. Чистый общевразумительный народный языкъ не имѣетъ нужды подражать грязному нарѣчію безграмотныхъ.“ Трудъ перевода раздѣленъ былъ между всеми наставниками Академіи, и въ мартѣ 1840 года представлялъ митрополиту который написалъ на представленіи: „Опыты учать осмотрительности. Налечатаны сдѣланные въ Академіи переводы Св. Златоустаго толкованій на Матѳея и на посланіе къ Римлянамъ. Я прошу печатныхъ экземпляровъ трудившимся, и есть на то благоволеніе Святѣйшаго Синода. Между тѣмъ, слышу, жалуются что переводъ не вездѣ чистъ отъ площадныхъ выраженій. Даже, говорятъ, писано: *Матсей*. Говорю: опечатка; нѣтъ, говорятъ, многократно. Посему предагаю еще рассмотреть сей переводъ (Дамаскина) въ цензурномъ комитетѣ съ обращеніемъ вниманія на вѣрность и на правильность языка, а также и на примѣчанія чтобъ не было лишнихъ или сомнительныхъ. Голубь, думаю, не *благовѣстилъ*, потому что *благовѣститъ* пономарь на колокольнѣ, а *благовѣствовалъ*, или *везѣвѣстилъ конецъ потопа*, и притомъ не *издревле*, ибо это не продолжалось, а было однажды, *древле*, или *въ древности*. Не грѣхъ было бы и переписать болѣе четко, ибо въ представленной рукописи не все могу разобрать“.

Среди множества своихъ занятій митрополитъ Филаретъ находилъ время съ изумительною подробностію входить также и во все касавшееся административнаго управленія Академіей, „Ни одно, особенно не совѣтъ маловажное, дѣло не совершалось безъ его руководства и рѣшенія. Обыкновенно ректоръ предварительно въ частномъ письмѣ, или при личномъ свиданіи докладывалъ ему что правленіе или конференція имѣютъ нужду сдѣлать ему представленіе такого содержанія, причемъ ректоръ пересказывалъ содержаніе дѣла, выслушивалъ отъ митрополита замѣчанія и совѣты, и получалъ предварительное рѣшеніе на имѣющее быть представленіе. Если дѣло велось не такъ, митрополитъ высказывалъ неудовольствіе. Митрополитъ требовалъ однако чтобъ конфиденціальная переписка съ нимъ по дѣламъ академическимъ не была смѣшиваема съ форменными представленіями и не замѣняла ихъ: каждое письменное сношеніе съ нимъ

должно было иметь свой особый характер.“ „Удивляете вы меня, отецъ ректоръ,“ пишетъ митрополиту архимандриту Поликарпу. „Въ одномъ письмѣ два дѣла одного рода: по одному совѣтуетесь со мной, а по другому представляете мимо меня (въ комиссію духовныхъ училищъ). Или отръшите меня отъ Академіи совѣтъ, или оставьте при ней совѣтъ. Иначе нельзя знать за что отвѣтствовать.“ Вниманіе митрополита простиралось даже на вѣдѣніи способъ веденія дѣла, и отецъ Смирновъ приводитъ, между прочимъ, слѣдующую резолюцію: „оставшую часть дѣла возвратить въ академическое правленіе съ тѣмъ чтобы *впредь дѣла были представляемы въ правильно видѣ: ибо сіе дѣло и не связано, и копій съ резолюцій академическаго правленія при немъ нѣтъ.* Отецъ ректоръ присутствовалъ въ духовномъ правленіи, и потому знаетъ какъ составляются дѣла и можетъ научить академическаго секретаря, *если академическій секретарь до сихъ поръ не знаетъ того что знаетъ повѣтчикъ духовнаго правленія.*“ Въ другой разъ митрополиту писалъ: „какъ дѣло представлено безъ обертки, безъ надписи, безъ нумераціи листовъ, безъ хронологическаго порядка бумагъ въ составъ его, то совѣтую конференціи принять мѣры противъ стыда и замѣчанія, которымъ надобно подвергнуться, если Святѣйшій Синодъ найдетъ нужнымъ истребовать оное въ подлинникъ. Посему надобно разумѣть и о прочихъ дѣлахъ.“ Мы долго не кончили бы еслибы намъ предстояло привести изъ книги отца Смирнова всѣ любопытныя подробности относящіяся къ управленію митрополитомъ Филаретомъ Московскою Духовною Академіей. Но мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать здѣсь довольно длинное письмо митрополита къ новоназначенному ректору Академіи, Филарету Гумилевскому. Это образецъ необыкновенной ясности и знанія административнаго дѣла. Въ то же время письмо это служитъ доказательствомъ удивительно гуманнаго отношенія митрополита Филарета къ подчиненнымъ ему лицамъ.

На выпускѣ изъ журнала комиссіи духовныхъ училищъ объ опредѣленіи новаго ректора, митрополитъ 21го января 1836 годадалъ резолюцію, которою требовалъ: 1) произвести освидѣтельствованіе академическихъ суммъ по приходорасходамъ книгамъ и отчетамъ за 1835 годъ; 2) войти въ разсужденіе о растратѣ суммъ по казанскому округу при бывшемъ секретарѣ Доброхотовѣ; 3) отъ секретарей потребовать

реестръ вершинныхъ дѣлъ и донесеніе о состояніи архивовъ; 4) довести о состояніи библіотеки и 5) представить записку о собственности академической. Ученый ректоръ приведенъ былъ въ великое затрудненіе исполнить во всей точности требованія митрополита, тѣмъ болѣе что нѣкоторыхъ дѣлъ въ правленіи на лицо не оказалось, и просилъ отъ него снисхожденія и вразумленія. Митрополитъ написалъ ему въ отвѣтъ:

„Вы требуете, отецъ ректоръ, чтобы я умѣрялъ требованія правды духомъ любви. Хорошо. Согласенъ. Но къ чему сіе клонится? Сказать что дѣла дѣла и въ порядкѣ, когда они не поданы и нѣтъ ихъ, не значить умѣрять правду, но солгать; не сказать ничего нельзя, ибо о томъ идетъ дѣло что дѣла, которыхъ безпорядокъ обнаружился по нѣкоторымъ примѣрамъ, хотятъ привести въ ясный видъ и потомъ въ порядокъ. Безпорядокъ нѣсколькихъ лѣтъ уже открылся начальству и уже сдѣлаю то чего онъ требовалъ, то-есть, предшественникъ вашъ уволенъ: теперь сколько бы дѣлъ безпорядочныхъ ни открылось, другаго послѣдствія уже не будетъ для прикосновенныхъ къ безпорядку; теперь самое безопасное время показать все, какъ есть и потомъ приводить въ порядокъ. А если вы скажете что дѣла дѣла, когда они не поданы и растеряны; но потомъ случится осмотръ, или справка которая откроетъ что они не дѣла: то вы и ваши сотрудники будете отвѣчать подобно вашему предшественнику, и, можетъ-быть строже, за безпорядокъ вторичный и за безпорядокъ утаенный. Итакъ духъ любви говорить, сколько мнѣ слышится что надобно чистотою телерешнаго дѣйствованія беречь васъ и вашихъ сотрудниковъ, отъ чего не будетъ вреда и для вашихъ предшественниковъ, а не надобно уже обличенные грѣхи вашихъ предшественниковъ хитро покрывать и тѣмъ васъ подвергать опасности, когда хитрость обнаружится.

„Вы говорите что нѣкоторыя растеряныя бумаги можно достать изъ семинарскихъ правленій. Сколько работы! Сколько времени! Между тѣмъ вы уже будете виноваты что не даете отчета въ принятіи Академіи. Какъ вы потребуете бумаги, особенно представленія? Въ копіяхъ? Сіи копіи будутъ вѣчнымъ доказательствомъ что подлинныя бумаги растеряны и что вы обманули начальство, донеся о цѣлости. Въ видѣ подлинниковъ, подписанныхъ старымъ числомъ? Да со-

хранить васъ Богъ отъ того чтобы пускаться на такіе подлоги.

„Что же дѣлать?—Составьте:

„1) Реестръ дѣлъ не рѣшенныхъ, какъ требуется.

„2) Реестръ дѣлъ не полныхъ. Если не трудно: хорошо бы на семь реестрѣ сдѣлать отмѣтки, по какимъ дѣламъ, какія бумаги, какъ нужныя, должно истребовать въ коліяхъ изъ другихъ мѣстъ. Такимъ образомъ пополненіе только нужнѣйшихъ дѣлъ не принесло бы много работы, а прочія остались бы не полными безъ опасности для васъ, и безъ повода секретарямъ небрежи о цѣлости прочихъ дѣлъ, подъ предлогомъ старой неполноты.

„3) Реестръ дѣлъ которыхъ въ архивѣ не оказалось.

„За симъ остается одна обыкновенная и ни въ какомъ случаѣ неизбежная забота рѣшить не рѣшенные дѣла.

„Упомянутые реестры должны быть приложены къ донесенію о принятіи Академіи.

„Приучайтесь къ ловятію о точности въ дѣлахъ, которая произвольныхъ мудрованій не допускаетъ безъ опасности быть виновату. Хорошо что я принялъ на себя потребовать отчета въ принятіи Академіи. Еслибы его требовала коммиссія духовныхъ училищъ, какъ и была мысль у нѣкоторыхъ: вы теперь были бы уже виноваты что до сихъ поръ нѣтъ никакого донесенія, которому надлежало быть тотчасъ, по крайней мѣрѣ о вступленіи въ должность и о принятіи наличныхъ суммъ. Наломиваю вамъ что не разъ, вѣроятно, и при васъ наломивалъ предшественнику,—не презирать правила устава, которое велитъ рѣшенія по дѣламъ важнѣйшимъ не приводить въ исполненіе безъ вѣдома архіерея. А какія дѣла важнѣйшія? Для гордаго и не внимательнаго нѣтъ ни одного; а скромно смыслящій узнаетъ ихъ.

„Смысль резолюціи коммиссіи духовныхъ училищъ чтобы привести въ ясность всѣ обстоятельства дѣла и обезпечить недостатокъ суммъ долженъ быть слѣдующій:

„1) Скорѣе опредѣлить по документамъ все количество взыскапія.

„2) Сдѣлать соображеніе, вѣрно ли взыскапіе можетъ быть покрыто наслѣдствомъ Доброхотова.

„3) Если нѣтъ, то разсмотрѣть: на кого дагѣе ласть должно взыскапіе, и представить о удержаніи части жалованья, или о подобномъ обезпеченіи взыскапія.“

Вскорѣ за тѣмъ митрополитъ писалъ ректору Филарету: „въ архивѣ переплетать надобно журналы. Этого не много. А дѣла не переплетаются и тамъ, гдѣ архивы важнѣе вашего. Для денегъ по вѣдшему правленію нужна книга прихода и расхода. А почтовые объявленія зачѣмъ въ нее писать? Не перемудрите. Въ приходѣ надобно записывать что откуда получено, а въ расходѣ что куда послано.

„Нехотѣніе ваше разбирать дѣла о суммахъ мнѣ неловко, и потому ничего сказать о семъ не имѣю.“

На письмо ректора съ предположеніями его относительно взысканія утраченной умершимъ секретаремъ Доброхотовымъ суммы митрополитъ отвѣчалъ:

„Премудростию дѣла Божіихъ занимаетесь вы, отецъ ректоръ, а не умѣете разобратъ премудрости дѣла приказныхъ. Требовать запрещенія на имѣніе, котораго нѣтъ, значитъ приводить въ смѣхъ губернское начальство; требовать запрещенія и ареста имѣнія которое уже находится у васъ подъ арестомъ, значитъ приводить еще въ большій смѣхъ, ибо это значитъ искать рукавицъ которыя у васъ за поясомъ. Мнѣ кажется, это могли бы ловить и сказать вамъ прочіе члены академическаго правленія, еслибы вы ихъ спросили: могъ бы растолковать вамъ и о намѣстникъ, еслибы вы его спросили. Для предосторожности можно было написать въ губернское правленіе о наложеніи запрещенія на имѣніе Доброхотова, *буде таковое имѣется или окажется*: но и это едва ли не напрасно, потому что кажется нечему быть у него кромѣ того что въ вашихъ рукахъ. Не думайте что приказныя дѣла превышаютъ разумъ человѣческой, и что въ нихъ надобно по буквѣ дѣлать и то что противно здравому смыслу; разбирайте, давайте мѣсто разсужденію сочленовъ, совѣтуйтесь; и постулая осмотрительно, берегите достоинство мѣста которому принадлежите. Не примите моихъ словъ за брань: не негодую, а объясняю дѣло, и показываю какъ ему быть надобно.

„По приему Академіи вы много вдругъ дали себѣ дѣла. Вамъ предписано принять отъ всѣхъ рапорты: вы бы ихъ и приняли, и по нимъ довели, а какая оказалась бы нужною дальнѣйшая повѣрка, она пошла бы потомъ исподоволь. Теперь вы и принимаете дѣла, какъ они есть, и въ то же время изслѣдуете прежнія олуценія: отъ того вдругъ много работы; а не дѣлается то чему скорѣе слѣдуетъ быть надлежитъ,

как то: до сихъ поръ нѣтъ свѣдѣнія о состояніи академической собственности, кромѣ однихъ денегъ. Посмотрите 5 пунктъ моей резолюціи 21 января: исполненіе по нему надлежало сдѣлать тотчасъ послѣ освидѣтельствованія суммъ, какъ тамъ и предписано. Если это до сихъ поръ не сдѣлано, и окажется не цѣлостъ: то, можетъ-быть, не ясно будетъ въ ваше или въ прежнее управленіе она произошла. Напоминаю вамъ о исполненіи сего пункта.

„По 6 пункту той же резолюціи о библіотекѣ, и по 7 о дѣлахъ и архивѣ исполните какъ предписано, не пускаясь преждевременно вдаль. Примите донесенія, повѣрьте ихъ общимъ осмотромъ; и донесите съ мнѣніемъ, что ему нужно дѣлать даѣе для подробной повѣрки сихъ донесеній, или для приведенія въ порядокъ предметовъ, о которыхъ говорятъ сіи донесенія.

„Миръ съ вами. Не скучайте затрудненіями. Залущенное приводитъ въ порядокъ обыкновенно затруднительно. Богъ пошлетъ помощь и облегченіе.“

Каковы были отношенія митрополита Филарета къ студентамъ Академіи? Отецъ Смирновъ сообщаетъ по этому вопросу весьма интересный фактъ которымъ мы и закончимъ ознакомленіе читателей съ исторіей Московской Духовной Академіи. „Наканунѣ публичнаго экзамена митрополитъ вечеромъ гулялъ по монастырской стѣнѣ. Когда онъ вышелъ изъ башни находящейся противъ инспекторскаго корлуса, онъ встрѣтилъ студента въ нетрезвомъ состояніи, который твердилъ лекцію, а митрополита не замѣтилъ. Митрополитъ остановилъ его и спросивъ его фамилію, строго сказалъ, какъ онъ смѣлъ оказаться нетрезвымъ и притомъ наканунѣ испытанія. Пораженный страхомъ, студентъ отвѣчалъ что изнемогши отъ двѣнадцатого повторенія лекцій къ экзамену, онъ думалъ укрѣпить силы пріемомъ небольшого количества вина, но неожиданно ослабѣлъ въ силахъ; за тѣмъ улавъ въ ноги митрополиту, сказалъ: владыко святыи! не говорите инспектору что я вамъ попался въ такомъ видѣ. Митрополитъ унынулъ и сказалъ: „люди, готовься къ экзамену; я тебя завтра спрошу.“ Студентъ былъ спрошенъ, отвѣчалъ отлично и окончилъ курсъ магистромъ.“

III.

Бытъ италіянскихъ городовъ, во времена Римской имперіи. Проф. Фридлендера. (Städtewesen in Italien unter den römischen Kaisern, von Prof. Friedländer.)

Подъ этимъ названіемъ появилась въ майской книжкѣ учено-литературнаго журнала, *Deutsche Rundschau*, любопытная статья кенигсбергскаго профессора Фридлендера (Friedländer) рисующая жизнь городовъ древней Италіи—жизнь, погребенную подъ развалинами языческаго міра, но съ которой все болѣе и болѣе знакомятъ насъ вновь изслѣдованія и раскопки послѣднихъ временъ. Многое въ этомъ давно исчезнувшемъ бытѣ чуждо намъ; но многое и знакомо и какъ бы близко; ибо сущность человѣческой природы остается все та же, несмотря на всѣ громадныя преобразованія, вырабатываемыя культурой. Близость города, говоритъ авторъ, сказывалась путнику тремя признаками, встрѣчавшимися ему по дорогѣ: дачами, садами и надгробными памятниками. Обычай проводить за городомъ жаркое время года былъ весьма распространенъ, и повсюду въ здоровыхъ и красивыхъ мѣстностяхъ возвышались среди виллъ городскихъ обывателей дворцы римскихъ сенаторовъ и самого императора. Парки и сады, окружавшіе виллы эти, походили своими подстриженными аллеями и деревьями, искусственными фонтанами и статуями на сады италіянскихъ виллъ нашего времени; но многихъ деревьевъ и растений которыя мы привыкли считать необходимою принадлежностью италіянскаго климата не знали тогда; лимонныхъ и апельсиновыхъ деревьевъ не было тамъ еще вовсе; другія растения только что появились. Персиковыя, абрикосовыя и фисташковыя деревья были водворены лишь въ Имъ вѣкѣ по Р. Х.; а первыя думы обратили на себя вниманіе садоводовъ и естествоиспытателей, появившись въ садахъ Кампаніи во время разрушенія Помпеи. Кромѣ этихъ садовъ, каждый городъ былъ окруженъ пространными огородами, воздухъ которыхъ былъ часто зараженъ испареніями подземныхъ трубъ въ которыя стекали городскія нечистоты. Во время разрушенія Помпеи, земледѣліе и огородничество также какъ и скотоводство находились вѣроятно въ большемъ упадкѣ; это видно изъ

чрезвычайно небольшого числа найденных скелетов животных. Так было найдено в Помпеях от 1861 до 1872 года лишь 7 лошадиных скелетов. В загородных садах разводили преимущественно лилии, розы, левкой и желтофиолы, частью съ целью добывания из них благоуханых эссенций, частью для праздниковъ, во время которыхъ усыпали цвѣтами полы и скамьи и увѣнчивали головы; цвѣтами украшали также дома и гробницы. Огороды снабжали масломъ, виномъ и овощами не только рынки соседняго города, но и отдаленныя мѣстности; изъ Помпеи вывозили вино, калусту, фиги и лукъ. Овощи вмѣстѣ съ вывозимою преимущественно изъ Африки и Египта ливеницей составляли главную пищу, а вино было всеобщимъ напиткомъ; растительное масло замѣняло въ древней итальянской кухнѣ сливочное, употребляемое древними лишь какъ лекарство. Гробницы, возвышавшіяся по обѣимъ сторонамъ большой дороги, были также часто обвѣдены небольшими садиками.

Городскія ворота были большею частью отворены, даже и въ вѣкогда укрѣпленныхъ городахъ. По водвореніи всеобщаго мира, Римская имперія считала невозможнымъ какое-либо паденіе на цевтръ власти—Италію, и увѣнчанныя башнями городскія стѣны, какія были и въ Помпеяхъ, стали лишними и были даже разрушены, ибо мѣшали возрастающему движенію. Улицы были похожи на улицы современныхъ восточныхъ городовъ; въ вѣкоторыхъ были лавки, въ другихъ не было ихъ и послѣднія считались лучшими, какъ напр.: улица Меркурія въ Помпеяхъ извѣстная подъ названіемъ *strada della Signoria*. Улицы эти были пустынные и тихи и не оживлялись рядами оконъ на переднихъ фасадахъ. Лишь изрѣдка видѣлась между стѣнъ залетая дверь или гдѣ-нибудь въ верхнемъ этажѣ закрытое ставнями окно или выступъ въ родѣ балкона. Жилыя комнаты римскаго дома выходили всѣ во внутренний дворъ, откуда и получали свѣтъ (какъ въ наше время *patios* въ Севильѣ.) Въ фасадѣ выходившаго на улицу нижняго этажа оконъ не бывало никогда; они допускались лишь изрѣдка въ верхнихъ этажахъ.

Насколько были тихи и пусты улицы лишеныя лавокъ, настолько шумны и оживлены торговые кварталы. Тутъ всѣ стѣны нижнихъ этажей были застроены пристройками, открытыми спереди во всю ширину и позволявшими видѣть съ

улицы все что происходило въ нихъ. Тутъ были лавки, мастерскія, мѣста для дѣловыхъ сходокъ и ресторации; торговецъ въ раслуценой туникѣ подавалъ здѣсь покупщику товаръ изъ-за каменнаго прилавка; всякаго рода мастеровые работали за своими станками; мелкій людъ закусывалъ въ закопѣлыхъ отъ дыму общихъ кухняхъ; цирюльники брили и стригли почти-что на улицѣ. Въ такихъ же помѣщеніяхъ работали живописцы и ваятели, выставляя на показъ готовые произведения свои; врачи давали совѣты, пускали кровь и дѣлали операціи; школьные учителя заставляли дѣтей хорошо повторять азбуку, или наказывали ихъ при всей лубацкѣ. Въ помѣщеніяхъ врачей и цирюльниковъ часто сходились потолковать о новостяхъ дня.

Улицы были относительно узки, но толкотня въ нихъ не представляла опасности; тротуары были одинаковой ширины съ мостовой и вѣда верхомъ и въ экипажахъ дозволялась лишь въ послѣдніе часы дня, когда уличное движеніе значительно уменьшалось. Вымощены улицы были отлично, гдѣ можно лавой какъ въ Помпеѣ. На ночь лавки закрывались досками и запирались замками и цѣпами. Владѣльцы ихъ спали или въ нихъ, или же въ нанятыхъ въ томъ же домѣ комнатахъ. Какъ въ Помпеѣ, такъ вѣроятно и въ прочихъ городахъ, рѣдко встрѣчались дома выше нежели въ два этажа. Главныя улицы вели отъ городскихъ воротъ къ форуму, служившему площадью и рынкомъ, вымощенному лаитами и окруженному красивыми общественными зданіями, преимущественно храмами, со множествомъ колоннъ и статуй. Вѣда по форуму вѣроятно никогда не допускалась.

Уличныя стѣны были часто покрыты разными объявленіями замѣнявшими газеты. Писаніе этихъ объявленій составляло отдѣльное ремесло. Въ подобныя надписи найденныя въ Помпеѣ написаны одинаковымъ почеркомъ. Въ нихъ говорится о зрѣлищахъ, объ отдаваемыхъ внаемъ квартирахъ, о краденыхъ вещахъ и главнымъ образомъ о предстоящихъ выборахъ въ городскія должности.

Городское управленіе осталось въ монархическія времена почти то же что было и при республикѣ; города сохранили въ первыя времена имперіи право самоуправленія; право же выбирать должностныхъ лицъ осталось за ними и въ послѣдствіи. Выборы производились ежегодно и вызывали всегда большое возбужденіе въ городѣ наломившее нерѣдко бурю

въ стаканѣ воды. Городскія должностныя лица пользовались правомъ носить тогу съ пурпуровою каймой и сидѣть на курульномъ сѣдалищѣ (складной стулъ безъ спинки). Предъ ними шли акторы со связками прутьевъ, но безъ топоровъ, такъ какъ власть ихъ не простиралась на жизнь гражданъ. Состояніе должностныхъ лицъ вѣроятно почти всегда превышало установленный закономъ не высокій цензъ, такъ какъ имъ предстояли большіе расходы. Они обязаны были обычаемъ дѣлать многое для городской общины: воздвигать общественныя зданія, устраивать зрѣлища и кромѣ того вносить въ городскую казну известную сумму въ видѣ „почетнаго вклада“. Сумма эта была болѣе или менѣе велика смотря по величинѣ города и значительности занимаемаго мѣста. Въ Помпей вносилось за высшее мѣсто около 2.000 марокъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ, въ видѣ особеннаго отпущія, избавляли отъ этого взноса, но часто вносили и больше нежели требовалось. Сенатъ или городской совѣтъ, называемый также куріей, состоялъ изъ 100 пожизненныхъ членовъ, декуріоновъ: число ихъ пополнялось бывшими должностными лицами. Хотя званіе декуріона не сопряжено было ни съ какими матеріальными выгодами, его усердно добивались граждане. „Легче въ Римѣ сдѣлаться сенаторомъ нежели въ Помпей декуріономъ“, говоритъ уже Цицеронъ.

Но во второмъ столѣтіи по Р. Х. произошелъ сильный упадокъ въ городскомъ благоустройствѣ. Особенно велико было разстройство финансовъ, вслѣдствіе неломѣрныхъ расходовъ на украшеніе городовъ зданіями. Императоры сочли необходимымъ учредить контроль надъ городскими хозяйствами и стали посылать въ города своихъ комиссаровъ. Мѣстныя городскія власти такимъ образомъ все болѣе и болѣе теряли значеніе. Съ другой стороны, со времени Адріана образовалась длинная іерархія государственной службы открывавшей блестящую карьеру. Чѣмъ болѣе эта служба привлекала къ себѣ, тѣмъ менѣе стало находиться желающихъ занять городскія должности. Многіе начали даже скрывать свое состояніе чтобы непопасть въ декуріоны, такъ что пришлось наконецъ прибѣгать къ принудительнымъ мѣрамъ чтобы пополнить ихъ число.

Вторымъ сословіемъ послѣ декуріоновъ считалась въ городахъ корпорація августаловъ. Къ ней принадлежали тѣ рожденіе, состояніе или занятіе которыхъ не позволяло имъ занять

мѣсто въ сенатѣ, но которые однако возвышались надъ уровнемъ толпы. Августалы составляли религиозное общество, главнымъ образомъ посвященное культу императора, — культу начинавшему и въ провинціяхъ вытѣснять, по примѣру Рима, культъ боговъ. Каждый годъ выбирались старшины общины ихъ, назначаемые декуріонами и называемые севирами. Они должны были приносить жертвы во два посвященные культу императора и устраивать празднества; они тоже вносили извѣстный вкладъ въ городскую кассу, за что и пользовались разными отличіями, изъ которыхъ болѣе всего прельщали ихъ нѣкоторыя почести воздаваемые кромѣ нихъ лишь однимъ членамъ сената.

Налоги на гражданъ для общественныхъ цѣлей едва ли существовали въ то время въ Италіи. Зажиточные люди брали на себя расходы эти и жертвовали такимъ образомъ болѣею частью своего состоянія. Города Италіи не знали впрочемъ въ то время многихъ расходовъ обременяющихъ современныя намъ городскія кассы. Религиозныя культы имѣли свои собственные суммы и доходы; военнаго постоя не было ни въ одномъ италіянскомъ городѣ, исключая Рима. Общинное управленіе не могло стоить многого, такъ какъ высшія должности были безвозмездны, а на низшія имѣлось всегда въ запасъ достаточное число общинныхъ рабовъ. Учебная часть зависѣла сначала вполнѣ, а въ послѣдствіи по болѣею части, отъ щедрости частныхъ лицъ; о врачебной части мы почти ничего не знаемъ. Главныя расходы состояли въ сооруженіи и поддержкѣ городскихъ зданій, садовъ и учреждений, въ устройствѣ празднествъ и увеселеній и въ покупкѣ муки и масла.

Никогда можетъ-быть города Италіи не представляли такого величественнаго и красиваго вида какъ въ то время, благодаря количеству и богатству зданій сооруженныхъ болѣею частью на собственные средства гражданъ. Менѣе богатые изъ послѣднихъ брали на себя мощеніе улицъ, устройство общественныхъ мѣстъ для игрищъ, постройку лавокъ на рынкахъ и т. д. Большое вниманіе было обращено также на достаточное снабженіе городовъ водою для питья и куланія посредствомъ водопроводовъ, колодезь и ключей. Благоустройство этихъ учреждений могло бы пристыдить девятнадцатое столѣтіе — такъ велика была въ то время въ сравненіи съ нашимъ временемъ роскошь чистоты.

Въ частныхъ и общественныхъ баняхъ не было недостатка даже въ селеніяхъ. Устроены онѣ были повсюду съ большимъ удобствомъ и были доступны за самую незначительную плату или даромъ. Одинъ изъ гражданъ Болоньи завѣщалъ городу 87.000 марокъ съ тѣмъ чтобъ одна изъ бань бывала предоставляема ежедневно бесплатно желающимъ; другой гражданинъ, изъ Тиволи, поставилъ своимъ наследникамъ въ условіе предоставить принадлежавшую къ дому его баню общему употребленію. Часто жертвовалось и масло для помазанія во время празднествъ. Отецъ младшаго Плинія, завѣщалъ городу Комо капиталъ отъ 8 до 9.000 марокъ, на проценты котораго должны были выдавать ежегодно въ праздникъ Нептуна масло нужное для участвующихъ въ публичныхъ играхъ и гимнастическихъ упражненіяхъ.

Обычай ежедневной бани служилъ въ то же время предлогомъ для сходбищъ и бесѣдъ въ высокихъ, просторныхъ и разукрашенныхъ помѣщеніяхъ какими были, напримѣръ, бани въ Помпеѣ. Тутъ встрѣчались знакомые, сообщались новости, убивалось праздное время. При баняхъ находились и рестораціи, и онѣ замѣняли современные кофейни.

Частная благотворительность процвѣтала вообще въ то время. Были учрежденія, съ помощію которыхъ недостаточные родители могли воспитать дѣтей своихъ. Одна изъ богатыхъ жительницъ Террачины завѣщала капиталъ въ 200.000 марокъ, на проценты котораго выдавались ежемѣсячно сотнѣ мальчиковъ и дѣвочекъ деньги на покупку муки; первые получали деньги эти до 16, послѣднія до 13 лѣтъ. Въ этомъ возрастѣ дѣвушки выходили обыкновенно замужъ. Со времени Нервы стали и императоры заботиться о воспитаніи бѣдныхъ свободно рожденныхъ дѣтей. Траянъ распространилъ учрежденія эти по всей Италіи; вслѣдствіе этого и представляетъ найденный въ 1872 году на римскомъ форумѣ рельефъ Италію пришедшую съ дѣтьми своими благодарить императора. Но императорскія учрежденія предназначались преимущественно для мальчиковъ.

Существовали также и благотворительныя учрежденія для беспомощныхъ стариковъ. О больницахъ мы знаемъ весьма мало, но по видимому существовали въ началѣ втораго столѣтія общинные врачи, вознаграждаемые изъ городской каассы. Галенъ упоминаетъ также что во многихъ городахъ предоставлялись врачамъ просторныя, свѣтлыя залы для

пользованія въ нихъ больныхъ. Выдавались больнымъ и безвозмездныя лѣкарства, что доказывается завѣщаніемъ одного дрогиста оставившаго своему зятю и наследнику капиталъ и 300 банокъ съ варевьемъ, съ условіемъ выдавать безплатно бѣднымъ больнымъ медовое вино и лѣкарство. Заботились также и о погребеніи умершихъ. Одинъ изъ гражданъ Салины въ Умбріи оставилъ землю для кладбища, для всѣхъ гражданъ и городскихъ обывателей, кромѣ тѣхъ которые занимались постыднымъ ремесломъ гладиатора, и самоубійцъ избравшихъ позорный роль смерти чрезъ повѣшеніе. Вообще надо думать что общественная благотворительность была распространена въ азычскомъ мірѣ гораздо болѣе нежели предполагали до сихъ поръ.

Но повидимому еще болѣе нежели на общественныя увеселенія и празднества. Богатые люди были обязаны приглашать большую часть своей общины и на частныя праздники даваемые ими. Потому всякое торжественное или радостное семейное событіе влекло за собой большія издержки. Праздновалъ ли богатый человѣкъ день своего рожденія, облакалъ ли онъ сына своего въ мужскую тогу, выдавалъ ли замужъ дочь, вступалъ ли въ новую должность или освящалъ сооруженное имъ зданіе—при всѣхъ этихъ случаяхъ долженъ онъ былъ пригласить къ себѣ отъ сотни до тысячи гостей, или же одѣвать имъ, взамѣнъ угощенія, подарокъ.

Общественныя увеселенія состояли обыкновенно въ угощеніи всей общины и въ зрѣлищахъ. Въ первомъ случаѣ накрывались столы на открытомъ воздухѣ и угощеніе бывало безъ сомнѣнія часто полное; такъ въ Амитерно было съѣдено 29го іюня 338 г. по Р. Х., кромѣ хлѣба и вина, два быка и пятнадцать барановъ. Но нерѣдко раздавали на общихъ обѣдахъ этихъ только хлѣбъ и вино, а на покулку остальныхъ кушаній выдавали деньги, иногда же выдавали деньги и при полномъ угощеніи. Декуріоны получали обыкновенно при этихъ случаяхъ по три, августалы по два, а прочіе граждане по одному денарію. Иногда же устраивали родъ лоттереи. Въ Беневенто высшій сановникъ бросалъ однажды въ толпу народа жребіи; выигрыши состояли въ золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ монетахъ, бѣльѣ, платьѣ и другихъ вещахъ. Весьма любимо было, повидимому, угощеніи леченіемъ и медовымъ виномъ; извѣщеніе о такомъ угощеніи дошло до насъ изъ одной надписи найденной въ Ферентинѣ.

Въ паршествахъ этихъ принимали участіе обыкновенно одна мужчины. Но иногда угощались женами почетныхъ лицъ и гражданки. Надпись въ Веи гласитъ что одна изъ мѣстныхъ дамъ давала лиръ матерямъ, дочерямъ и сестрамъ (о женахъ пропущено, вѣроятно по ошибкѣ) декуріоновъ. Но еще роскошнѣе лировъ этихъ бывали нѣрѣдко зрѣлища. Страстно любимыхъ въ Римѣ игръ въ циркѣ почти вовсе не сохранилось слѣдовъ въ остальной Италиі и потому возникло недавно предположеніе что Августъ дозволялъ ихъ лишь въ Римѣ, такъ какъ онѣ вели къ возмущеніямъ и раздорамъ партій. Изъ другихъ увеселеній зрѣлища амфитеатра, звѣринья травля и борьба гладіаторовъ предпочитались театральнымъ представленіямъ. Это видно изъ размѣровъ званій посвященныхъ въ Помпей этого рода развлеченіямъ: большой театръ вмѣщалъ отъ трехъ до четырехъ тысячъ, малый (предназначенный и для концертныхъ исполненій) около 1.500, амфитеатръ же по меньшей мѣрѣ 13.000, вѣроятно же до 20.000 человекъ. Греческія представленія атлетовъ тоже распространились изъ греческаго города Неаполя по другимъ городамъ. Бродячія общества греческихъ артистовъ устраивали и музыкальныя собранія. Кромѣ того можно было слышать въ театрахъ чтецовъ, риторовъ и поетовъ.

Для города считалось тяжелымъ наказаніемъ когда въ немъ воспрещались на время всякія зрѣлища. Сенатъ наказалъ такимъ образомъ Помпею послѣ кровавой стычки происшедшей тамъ во время представленія въ амфитеатрѣ въ 59 году между городскимъ населеніемъ и жителями Ноцеры прибывшими туда въ большомъ числѣ.

Игры продолжались иногда два, три, четыре дня; въ большихъ городахъ выступали на арену по 20, 30, 50 паръ гладіаторовъ, нѣрѣдко въ драгоцѣнномъ вооруженіи; кромѣ того выводились олени, зайцы, быки, волки и медвѣди. Издержки на игры эти были громадыя. Чѣмъ больше дѣлалось на нихъ крови, тѣмъ громче прославляли учредителя ихъ, и ужасныя казни осужденныхъ на смерть посредствомъ дикихъ звѣрей входили тоже въ составъ представленія. Но и театральныя зрѣлища гораздо менѣе дорога давались довольно часто также какъ и борьба атлетовъ.

Римскіе авторы рѣдко и лишь въ скользь упоминаютъ объ италянскихъ городахъ. Но мы тѣмъ не менѣе знаемъ что быть ихъ сауживъ жителямъ столицы повodomъ къ частымъ

насмѣшкамъ. Въ старыхъ римскихъ комедіяхъ часто выводятся на сцену жители маленькихъ городовъ; къ сожалѣнію до насъ дошли лишь одни названія лиесъ этихъ: *Женщины изъ Бриндизи*, *Женщина изъ Сеуцы*, *Женщина изъ Веллетри*. Часто осмѣивались въ нихъ напыщенность и напускная важность должностныхъ лицъ; надменный и торжественно строгій видъ съ которымъ наприимѣръ эдилъ изъ Ареццо веалтъ сломать фальшивую мѣрку торговца или заставляетъ полицейскихъ растоптать блюдо съ рыбой, за которое требовалась слишкомъ высокая плата. Нерѣдко замѣчали что мелочная вражда и зависть гораздо сильнѣе проявлялись въ маленькихъ городахъ нежели въ царственномъ Римѣ. Но за то призывали также что въ прочихъ городахъ Италіи сохранилось болѣе честности, нравственности и строгости правилъ нежели въ столицѣ; особенно хорошею славою пользовались города Ломбардіи, именно Падуа и Бресція. Многие, утомленные тревожною дорогою и стѣснительною жизнью въ Римѣ, стремились къ простотѣ, тишинѣ и дешевизнѣ маленькихъ городовъ. Тамъ можно было жить въ изобиліи на небольшія средства. Тамъ ѣли изъ глиняной посуды и одѣвались въ грубый сивій плащъ съ калитомомъ. Дорогое и неудобное одѣваніе римскихъ гражданъ, тогу, приходилось надѣвать всего раза два въ мѣсяцъ, а многие облекались въ нее лишь разъ въ жизни при положеніи въ гробъ. Вседневная одежда носилась десять лѣтъ къ ряду. Когда въ праздникъ на поросшемъ травой театрѣ давалось представленіе всѣмъ давно знакомой комедіи съ привидѣніями, и дѣти поселянъ испуганные блѣдною маскою призрака людоѣда съ крикомъ прятались въ колѣни матерей, члены сената и простые граждане являлись въ одинаковой одеждѣ, и даже высокочолоставленные эдилы довольствовались въ такіе дни бѣлою туникой. Въ Калуѣ, въ Неаполѣ можно было жить вдали отъ шумныхъ увеселеній и тяжелыхъ обязанностей мирно дѣла время между трудомъ и отдыхомъ. Въ Палестринѣ, Больсенѣ, Сарѣ, Фрозиноне и другихъ предельныхъ здоровыхъ мѣстностяхъ можно было купить отлучный домъ за ту же сумму какую приходилось платить въ Римѣ ежегодно за мрачную ветхую квартиру. Въ собственномъ садикѣ можно было разводить овощи поливая ихъ изъ обильнаго водою колодца; пріятно, восклицаетъ древній поэтъ, имѣть въ какомъ-нибудь уголкѣ собственный клочокъ земли хотя бы онъ былъ такъ малъ что одна лишь ащерица можетъ свободно помѣститься на немъ.

IV.

Leguée (академикъ): Сцены и этюды изъ семейной жизни. *Nos filles et nos fils, scènes et études de famille*, par Ernest Legouvé, de l'Académie Française. Paris, Hetzel.

Нѣсколько строкъ предисловія знакомятъ насъ съ тѣмъ взглядомъ который самъ авторъ имѣетъ на свою книгу. Она посвящаетъ ее тремъ своимъ внукамъ, ибо имъ „обязана она своимъ происхожденіемъ“. „Наши бесѣды“ говоритъ Легуве обращаясь къ своимъ внукамъ, „наши небольшія поѣздки, надежды и опасенія которыя вы мнѣ внушали, случаи изъ нашей семейной жизни, вотъ что дало мнѣ матеріалъ для этого тома. Тутъ есть разказы, есть біографіи, есть этюды по вопросамъ морали, есть сцены въ которыхъ выставляется какой-нибудь подмѣченный мною недостатокъ, есть наконецъ различныя проблемы воспитанія которыя я стараюсь разрѣшить.“ Авторъ называетъ свою книгу *recits intimes* и высказываетъ желаніе чтобъ она понравилась „малымъ“ и привнесла бы пользу „большимъ“.

Дѣйствительно, книга французскаго академика украшена цѣлымъ рядомъ рисунковъ, повидимому наглядно доказывающихъ намѣреніе автора и издателя считать это сочиненіе книгой „для юности“. Едва ли раздѣлать такой взглядъ читатель, ознакомившись съ трудомъ Легуве. Это книга о дѣтяхъ и юношахъ, но она не для дѣтей и не для юношей. Она напоминаетъ превосходные рисунки художниковъ избравшихъ своею спеціальностью писать сцены изъ дѣтской жизни. Картины ихъ могутъ привести въ восхищеніе взрослыхъ, и оставляютъ совершенно равнодушными тотъ возрастъ который онѣ изображаютъ. То же самое впечатлѣніе дѣлаетъ книга французскаго академика. Въ ней есть нѣкоторыя подробности исключительно свойственныя французской жизни, нѣкоторыя приемы исключительно встрѣчающіеся во французской литературѣ, но тѣмъ не менѣе ее прочтеть съ величайшимъ интересомъ каждый интересующійся дѣломъ воспитанія. Быть-можетъ трудъ Легуве возбудитъ даже такой интересъ въ тѣхъ кому его не доставало, заставить внимательнѣе относиться къ тому что прежде казалось мелочами, дастъ поводъ къ цѣлому ряду наблюденій за тѣми или другими проявленіями дѣтскаго характера, побудитъ родителей и воспи-

тателей наблюдать за самими собою. Читатель найдетъ въ ней превосходный стиль, удивительное мастерство разказа, громадный запасъ наблюденій, тонкій анализъ, рядъ блестящихъ и остроумныхъ мыслей. Всѣ эти качества, драгоценныя и привлекательныя для „большихъ“, безслѣдно исчезаютъ для „малыхъ“. Для „дѣтскаго“ и „юношескаго возраста“ существуютъ совершенно иные литературные приемы. Вотъ почему мы думаемъ что книга Легуве будетъ имѣть столь же мало успѣха между „малыми“, сколько она должна будетъ пріобрѣсти его между „большими“. Читатели вѣроятно согласятся съ нами пробѣжавъ тѣ выдержки которыя приведены ниже. Чтобъ избѣгнуть искушенія привести цѣлый рядъ выписокъ, нелюбимо удлинившихъ бы нашъ разборъ, мы ограничиваемся одною большою выдержкою и избираемъ для этой цѣли статью *Les enfants et les domestiques*, посвященную авторомъ - академикомъ товарищу своему, академику Кювиальде-Флѣри. Въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ отрывковъ изъ своей книги, Легуве съ блестящимъ успѣхомъ читалъ эту статью въ публичномъ засѣданіи Французской академіи.

Легуве считаетъ вопросъ объ отношеніяхъ между дѣтми и прислугой весьма сложнымъ. Вопросъ этотъ представляетъ множество различныхъ сторонъ. Онъ иначе долженъ быть поставленъ въ Парижѣ (прибавимъ отъ себя: въ большихъ городахъ вообще), иначе въ провинціи. Возрастъ и полъ дѣтей, положеніе, состояніе и характеръ родителей значительно видоизмѣняютъ вопросъ. Сношенія дѣтей съ прислугой измѣняются и должны измѣняться, смотря потому живетъ ли семья въ отдѣльномъ домѣ или гдѣ-нибудь на третьемъ этажѣ, имѣетъ ли она въ услуженіи десять чело-вѣкъ прислуги или только двухъ. Французское слово *domestiques* происходитъ отъ латинскаго *domestici*, а это послѣднее слово въ свою очередь ведетъ свое начало отъ *domus*. Составляетъ ли прислуга нашихъ дней часть этого *domus*? спрашиваетъ Легуве и, чтобы не расширять чрезъ мѣру предѣлы своего этюда, ограничиваетъ его одною стороною. Онъ хочетъ разсматривать вопросъ только по отношенію къ одному классу, къ среднему сословію, *la bourgeoisie*, и притомъ разсматривать только по отношенію къ дѣвочкамъ. Я постараюсь, говорить онъ, резюмировать общія мысли, возникающія изъ этого вопроса, въ формѣ частнаго случая, а случай этотъ почерпну изъ дневника одной матери. И вотъ предъ нами проходитъ рядъ отрывковъ изъ этого дневника.

10 марта 1869.

Вчера моя маленькая девятилѣтняя дочь пришла ко мнѣ вся въ слезахъ. „Ради Бога! что съ тобою?“ Разказъ и слезы. У меня живетъ уже года два горничная Юлія которою я очень довольна. Она умна, опрятна, дѣятельна; у нея есть маленькая дочь, немного помоложе моей; когда ея мужъ умеръ, всѣ заботы объ этой дѣвочкѣ достались на долю ея одной; она помѣстила ее къ своей матери въ деревню. Дѣвочка эта вдругъ захворала. Юлія получила сегодня утромъ письмо объ этомъ и расплакалась; глядя на слезы своей няни, дочь моя расплакалась также. Юлія сказала что дочь ея быть-можетъ умереть, а она не можетъ съ ней проститься, что дочь ея страдаетъ, а она не можетъ за ней ухаживать. Моя маленькая Маделена, услыжавъ это, прибѣжала ко мнѣ: „отпусти ее! отпусти! она просится только на четыре дня! Ей только хочется взглянуть на свою дѣвочку, поцѣловать ее!“—Скажи ей что я отпускаю ее на десять дней, если ей нужно. Маделена въ радости убѣжала и чрезъ минуту вернулась, опять печальная. „Няня благодарить тебя, мама, но ей нельзя уѣхать. Поѣздка взадъ и впередъ обойдется ей въ восемьдесятъ франковъ, а у нея нѣтъ такихъ денегъ.“ Дочь моя печально усѣлась на скамейку у моихъ ногъ и начала шить. Я также принялась за свое вышиванье. Въ моей головѣ неотвязчиво началъ тѣсниться цѣлый рядъ мыслей объ участи нашихъ прислугъ. Иголка моя мало-по-малу начала двигаться лихорадочно и быстро, совершенно также какъ двигались мысли. Это часто бываетъ такъ. Если человѣкъ быстро идетъ по улицѣ, повѣрьте что часто бѣгутъ мысли, а не ноги.

Я начала раздумывать о томъ какъ тягостно для прислугъ имя матери, это имя столь дорогое для насъ. Для нихъ въ материнствѣ все составляетъ лишеніе, пожертвованіе, огорченіе. Едва успѣвъ поцѣловать своего малютку, не давъ ему ни капли своего молока, ибо для нихъ не существуетъ этого священнаго общенія ребенка съ матерью, они передаютъ бѣдное маленькое существо въ руки чужой женщины которая унесетъ младенца (чѣмъ далѣе тѣмъ лучше, ибо тѣмъ дешевле его содержаніе) и оставитъ матери только одни мученія разлуки. Перенесетъ ли младенецъ путешествіе? не простудятъ ли его? Какъ будутъ за нимъ ухаживать,

какъ станутъ съ нимъ обращаться *тамъ*? Связь между матерью и ребенкомъ устанавливается лишь въ формѣ письма являющагося время отъ времени: „пришлите сахару, мыла, бѣлья, платицы“. У бѣдной матери остается одна радость: шить для своего ребенка. Окончивъ свою работу, она до полуночи сидитъ надъ какою-нибудь крохотною рубашечкой, перекраиваетъ обноски полученныя отъ хозяевъ и отсылаетъ ихъ въ деревню, къ своему ребенку, покрывъ ихъ поцѣлуями, какъ будто поцѣлуи эти будутъ ему переданы. Для насъ нѣтъ больше удовольствія какъ присутствовать при всѣхъ измѣненіяхъ въ лицѣ, при всѣхъ проблескахъ пониманія, при всемъ ходѣ физическаго и нравственнаго развитія нашихъ дѣтей. Мы видимъ какъ въ ихъ глазахъ начинается слезаться взоръ, какъ является улыбка, какъ пробиваются волосы, прорѣзаются зубы, какъ начинается лепетать языкъ. Каждое изъ этихъ явленій доставляетъ намъ надежду, доставляетъ намъ радость. Это простое естественное счастье которое (бы должно быть удѣломъ всѣхъ матерей. Прислуга не знаетъ этого счастья. Ребенокъ не возвращается болѣе къ ней, ибо у нея нѣтъ своего жилища. Прислуга должна, подобно моей Юліи, найти въ деревнѣ какую-нибудь родственницу которая взялась бы воспитывать малютку вмѣсто нея. Мать живущая въ услуженіи не можетъ ни слѣдить за здоровьемъ своихъ дѣтей, ни исправлять ихъ недостатки, ни даже заставить себя любить. А если она узнаетъ, какъ Юлія, что ребенокъ ея боленъ, что онъ умираетъ... она не можетъ... о нѣтъ! Это слишкомъ жестоко! Я не могу вынести этой мысли! Восемьдесятъ франковъ, правда, очень нужны для моего туалета. Я думала въ тридцатый день моего рожденія купить себѣ шляпку которая должна была бы заступаться за мою наружность... Одною шляпкой меньше, однимъ добрымъ дѣломъ больше... я выигрываю при этой замѣнѣ! Маделена! вотъ восемьдесятъ франковъ. Снеси ихъ Юліи и скажи ей чтобъ она ѣхала.—Маделена бросилась меня цѣловать, Юлія—благодарить: я нахожу что я достаточно вознаграждена за мое пожертвованіе.

18го марта.

Юлія возвратилась. Ребенокъ ея внѣ опасности. Какъ она счастлива! Впрочемъ это слово не вполнѣ приложимо къ ней.

Быть-можетъ вслѣдствіе оставшихся еще у нея опасеній, быть-можетъ вслѣдствіе заботъ о будущемъ, но Юлія какъ будто находится подъ какимъ-то гнетомъ. Что съ нею?

25го марта.

Теперь я знаю въ чемъ дѣло. Дѣти великіе посредники между прислугой и нами. Ихъ заставляютъ говорить намъ про то чего желаетъ прислуга, въ надеждѣ на лучшій успѣхъ ходатайства. Прислуга обладаетъ большими дипломатическими способностями, а такъ какъ дѣти съ своей стороны чрезвычайно любятъ участвовать въ какой-нибудь маленькой тайнѣ, то они съ удовольствіемъ берутся за порученную имъ роль и, вслѣдствіе этого, играютъ ее очень хорошо. Моя дочка вчера явилась ко мнѣ съ таинственнымъ выраженіемъ лица, и какъ будто случайно вставила въ разговоръ нѣсколько ловкихъ фразъ. О! Юлія хорошо ее вышколила! Я притворяюсь что не понимаю. Тогда моя дочь принялась за другую систему.

— Представь себѣ, мама! Докторъ сказалъ что бѣдная дочка Юліи никогда не выздоровѣетъ если останется тамъ. Тамъ очень вредный воздухъ, и отъ него дѣлается лихорадка. А здѣсь, у насъ, воздухъ отличный, и мы всѣ здоровы.

— То-есть, Юліи хочется взять свою дочь сюда?

— Ахъ, да, мама! Но она не хочетъ дѣлать это безъ твоего позволенія, а просить тебя объ этомъ не смѣетъ.

— И поручила это тебѣ?

— Да, мама!

— Куда же она ее помѣститъ?

— Она нашла маленькій пансіонъ, очень дешевый, очень хорошій; тамъ прекрасно учатъ и очень ласково обращаются съ дѣтьми.

— Ну что же? отлично!

— Да, но только....

— Ахъ! значить есть еще что-нибудь?

— Да. Ея дочкѣ нельзя будетъ тамъ ночевать...

— Тогда Юліи нельзя взять сюда свою дочь.

— Разумѣется, мама! Это-то ее и огорчаетъ.

— Я понимаю. Но что же дѣлать?

— Она говоритъ что есть средство...

— Какое? почему Юлія мнѣ ничего не сказала?

— Она не смѣетъ.

— Но вѣдь тебѣ она говорить же? Она тебѣ все сказала?
 — О, да!
 — Такъ скажи въ чемъ дѣло.
 — Ахъ, нѣтъ, мама! Юлія мнѣ это запретила.
 — Почему?
 — Она боится что ты не согласишься.
 — Говори только. Потомъ увидимъ.
 — Ну, такъ вотъ видишь, мама, въ чемъ дѣло. О! это средство отлачкое! маленькая Тереза стала бы каждый вечеръ приходить къ намъ ночевать.

— Ночевать? у насъ въ домѣ?
 — Да, съ Юліей, въ ея постелѣ. Она будетъ приходить только спать! А утромъ будетъ уходить, рано, очень рано. Она никому не помѣшаетъ, а ты ее даже и не будешь видѣть. Бѣдная Юлія будетъ такъ довольна! Согласна ты? Я молчала.

— Ты не согласна? О, мама! бѣдная дѣвочка умретъ если останется тамъ! Пожалуйста! мама! милая мама!

У меня не достало силъ отказать этимъ просьбамъ. Черезъ недѣлю дочь Юліи поступитъ въ пансіонъ и будетъ ночевать у своей матери все время пока мы будемъ жить въ деревнѣ. А потомъ?

Что будетъ когда мы опять переѣдемъ въ Парижъ? О, я надѣюсь на Юлію. Она подскажетъ Маделенѣ еще какое-нибудь средство уладить дѣло, Маделена въ свою очередь передастъ его мнѣ, а я... вѣроятно соглашусь опять.

15 октября.

Прошло уже болѣе полугода съ того времени какъ Юлія взяла изъ деревни свою дочь. Въ пансіонѣ отзываются съ большою похвалою о характерѣ и способностяхъ этого ребенка. Только все устроилось нѣсколько иначе нежели было предположено. Маленькая Тереза очень замѣтна въ домѣ. Часто она является ранѣ вечера, и я нѣсколько разъ заставляла ее въ людской за столомъ вмѣстѣ съ другими слугами. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ она постоянно сидитъ вмѣстѣ съ Юліей.... Это нѣсколько выходитъ за предѣлы нашихъ условій. Но Маделена такъ любитъ эту дѣвочку! Въ ея возрастѣ такъ пріятно имѣть сверстницу! Играть одной—все равно что не играть совсѣмъ. Когда я слышу ихъ веселый смѣхъ, когда я вижу съ какимъ усердіемъ онѣ по цѣлымъ

двѣмъ пьютъ въ залуски лаття кулаамъ, когда моя дочь прибѣгаетъ ко мнѣ съ блестящими глазами, вся цвѣтущая и раскраснѣвшаяся, я говорю себѣ что Богъ награждаетъ меня за то что я сдѣлала для Юліи и Терезы.—

Наступаетъ франко-прусская война и осада Парижа. Юлія оказываетъ чудеса распорядительности, находчивости, хладнокровія. Она остается одна въ загородномъ домѣ своихъ хозяевъ, спасаетъ имущество, хлопочетъ съ военнымъ лостоємъ, затѣмъ ѣдетъ въ Бретань къ своей госложѣ. Онѣ живутъ тамъ въ двухъ комнаткахъ, вмѣстѣ обѣдаютъ, носятъ одни лаття. Юлія совсѣмъ позабываетъ свойственную ей раздражительность и обидчивость. Тереза и Маделена живутъ какъ двѣ сестры. По возвращеніи въ Парижъ, отношенія эти продолжаютъ. Юлія вмѣшивается во все что касается Маделены. Слѣдующій отрывокъ дневника знакомитъ насъ съ очень любопытнымъ разговоромъ.

30 іюня.

Я очень смущена вчерашнимъ посѣщеніемъ моей пріятельницы Жюльетты. Она гораздо болѣе вызвааетъ въ свѣтъ нежели я. У нея очень много положительности, здраваго смысла и свѣтскаго ума, и она время отъ времени является дѣлаться имъ и со мной среди моей тихой и мирной жизни. Я называю ее въ шутку разумною вѣтреницей. Она отвѣчаетъ мнѣ: а ты—романтическая разумница. Ты разсуждаешь на основаніи чувствъ; я — женщина практическая. Итакъ, она пріѣхала вчера и прямо задала мнѣ вопросъ:

- Кто это играетъ съ Маделеной?
- Это дочь Юліи.
- Кто такое Юлія?
- Моя горничная.
- Ты позволяешь твоей дочери играть съ дочерью твоей горничной?
- Да.
- Ты напрасно это дѣлаешь.
- Сначала выслушай.—И я разказала ей какъ все было.
- Знаешь ли что все это доказываетъ? Ты три раза была неправа. Тебѣ не слѣдовало позволять выписывать эту дѣвочку, не слѣдовало позволять ей ночевать въ твоемъ домѣ, не слѣдовало позволять ей играть съ твоею дочерью.
- Но подумай только....

— О томъ какъ вы жили въ Бретани? Да, это обстоятельство смягчающее вину. Но людей не оправдываютъ на основаніи смягчающихъ обстоятельствъ. Имъ только уменьшаютъ наказаніе. Все что я могу сдѣлать для тебя, это — признать твою ошибку объяснимою. Но все-таки ты виновата.

Въ эту минуту обѣ дѣвочки проходили мимо насъ. Тереза сказала Маделенѣ „ты“.

— Этого еще не доставало! воскликнула моя пріятельница.—Эта маленькая дѣвочка говоритъ твоей дочери „ты?“

— Да.

— И твоя дочь, разумеется, отвѣчаетъ ей также?

— Да. Имъ двѣнадцатый годъ. Что же ты находишь тутъ дурнаго?

— Что я нахожу дурнаго? То что это ни на что не похоже.

— Но....

— Послушай. Я считаю себя доброю женщиной и вѣдѣю что я добрая хозяйка по отношенію къ моей прислугѣ. Когда мои слуги больны, я ухаживаю за ними; когда у нихъ случается бѣда, я имъ помогаю; когда они въ затрудненіи, я подаю имъ совѣтъ; но я никогда не долущу близости между ими и мною; никогда не долущу фамильярности между моими дѣтьми и прислугою. Мои чувства къ нимъ похожи на фигуратовъ въ трагедіяхъ—ты знаешь что это люди кѣмые. Они всегда готовы дѣйствовать, исполнены самыхъ прекрасныхъ чувствъ, но — они не разговариваютъ.

— Вспомни что Юлія оказала мнѣ дѣйствительныя услуги.

— Тѣмъ хуже! Теперь ты являешься по отношенію къ ней какъ будто обязанною! Мы не можемъ теперь обязываться вашими слугами.

— Юлія принадлежитъ къ избранной породѣ старыхъ слугъ.

— А я утверждаю что прислугу слѣдовало бы мѣнять черезъ полгода.

— Что ты это говоришь?

— Помилуй, это очевидно. Замѣчала ли ты что взявъ новаго саугу, ты въ первые мѣсяцы стараешься найти его недостатки, а потомъ тебѣ часто приходится отыскивать какія въ немъ есть хорошія качества? А вѣдь это объясняется очень просто. Сначала онъ скрываетъ все дурное и показываетъ все хорошее, совершенно какъ новобрачные. Что слѣдуетъ изъ этого? Смѣняя постоянно прислугу, ты будешь постоянно переживать медовой мѣсяцъ.

— Какой ты вздоръ говоришь!

— Напротивъ. Я говорю очень серьезно.

— Но развѣ ты можешь отрицать тысячи примѣровъ доказывающихъ что прежде...

— Прежде и было прежде. Теперь другое время. Прежде слуги составляли часть семьи, родились и умирали въ ней. Теперь они только проходятъ черезъ наши дома; они стали чужими, сдѣлались кочевниками. Прежде слуга жертвовавшій собою за хозяина считалъ что онъ только исполняетъ свой долгъ и находилъ что его подвигъ оплачивается самимъ собою; теперь...

— Теперь, перебила я ее, Академія каждый годъ...

— Я знаю что ты хочешь сказать. Ты говоришь про Монтионовскія преміи раздаваемые Академіей? Значительная часть ихъ приходится на долю старинныхъ слугъ. Но я говорю не про тѣхъ кто получаетъ эти преміи, а про тѣхъ кто ихъ не получаетъ. Ты согласишься что не получившіе составляютъ большинство?

— Разумѣется.

— И что въ этомъ большинствѣ встрѣчается много людей которые, пожалуй, преданы намъ, но преданность ихъ ворчлива, азвительна, часто соединена съ лѣнью. Ахъ, у меня также была старая нянька которая была мнѣ предана! Но она постоянно требовала квитанціи въ этомъ чувствѣ. Помани мое предсказанье. Ты навѣрное услышишь отъ Юліи, и именно по поводу ея дочери, обычную фразу: *послѣ всего что я для васъ сдѣлала!*

— Замолчи, ради Бога. Ты разочаровываешь меня въ конецъ твоимъ здравымъ смысломъ.

— Я говорю не своими словами, а словами моего мужа котораго ты такъ уважаешь.

— Что же говорить твой мужъ?

— Онъ сказалъ мнѣ вотъ что, и я взяла его слова за право. Наши дочери, говоритъ онъ, не принадлежали прежде матерямъ. Сначала онѣ принадлежали кормилицамъ, потомъ нянькамъ, потомъ гувернанткамъ, потомъ ихъ отдавали въ монастырь. Кто въ комедіяхъ Мольера является ихъ совѣтницами? Дорины и Лизетты. Теперь, слава Богу, матери возвратили себѣ своихъ дѣтей. Пусть же онѣ ихъ берегутъ! Вотъ что говоритъ мой мужъ, и я нахожу что онъ совершенно правъ. Теперь я скажу тебѣ откровенно мое мнѣніе.

Можетъ ли твоя дочь остаться подругою Терезѣ? Нѣтъ. Можетъ ли Тереза всегда быть на „ты“ съ Маделеной? Нѣтъ. Должна ли Маделена всегда смотрѣть на Юлію какъ на какую-то тетюшку? Нѣтъ. Ты слѣдовательно была не права установивъ отношенія которыя не могутъ быть продолжительными, и ты будешь вынуждена съ трудомъ и неприяностями разорвать связь которую ты неблагоразумно допустила. Жюльетта уѣхала, а я осталась въ большомъ раздумьи.

На слѣдующій день.

Я получила отъ Жюльетты слѣдующее письмо:

„Вчерашній разговоръ нашъ требуетъ маленькаго дополненія. Я не хочу чтобы ты обвиняла меня въ несправедливости или жестокосердіи. Пойми меня какъ слѣдуетъ. Еще и теперь найдется не одна семья въ которой отношенія между господами и слугами исполнены симпатіи со стороны первыхъ, и не перестаютъ представлять лоднаго уваженія со стороны послѣднихъ. Но это происходитъ, вѣрь мнѣ, отъ того что симпатія господъ сопровождается сдержанностію. Бѣда начинается тамъ, гдѣ является фамиліарность. Когда въ нравахъ были глубоко привиты іерархическія идеи, можно было безъ всякихъ неудобствъ допускать фамиліарность господъ со слугами, ибо послѣдніе всегда помнили положеніе своего хозяина, даже если онъ самъ забывалъ его. Теперь, при господствующимъ идеямъ равенства, уваженіе слугъ обезпечивается лишь добрыми качествами ихъ характера... Если я не ошибаюсь, характеръ твоей горничной не таковъ. Подумай объ этомъ.“

12го августа.

Два небольшія происшествія, случившіяся нѣсколько дней тому назадъ, заставили меня много думать.

Одна очень милая дама, поселившаяся въ нашемъ сосѣдствѣ, привела ко мнѣ двухъ своихъ дочерей. Я была очень рада этому посѣщенію. Дѣвочки ея прекрасно воспитаны; онѣ одинаковыхъ лѣтъ съ Маделеной и мое материнское воображеніе сейчасъ же усмотрѣло въ нихъ подругъ для моей дочери. У дѣтей съ перваго же раза обнаружались взаимныя симпатіи: чрезъ четверть часа онѣ всѣ втроемъ смѣялись и болтали на террасѣ. Это было въ воскресенье. Дочь Юліи по обыкновенію была дома. Она прошла чрезъ салонъ

и присоединилась къ группѣ дѣтей. „Кто эта дѣвочка?“ спросила меня моя новая сосѣдка. Когда я отвѣтила ей, на лицѣ ея явилось выраженіе удивленія и неудовольствія. То же произошло съ дѣвочками. Появленіе Терезы прекратило разомъ ихъ веселую и откровенную болтовню. Гости казались недовольными, Маделена была сконфужена, сама Тереза чувствовала себя стѣсненною. Уходя сосѣдка не выразила мнѣ желанія чтобъ ея дочери опять приходили играть съ моею. Я боюсь что отношенія Терезы къ Маделенѣ были причиной этому. Кто правъ, она или я? Я начинаю безлокоится. Мнѣ очень будетъ жаль если Маделена лишится общества этихъ двухъ дѣвочекъ, а я сама—общества ихъ матери.

Въ слѣдующее воскресенье Тереза пришла домой на нѣсколько дней, по случаю праздниковъ. Маделена начала играть съ нею въ крокетъ. Завязался споръ изъ-за какого-то сомнительнаго удара. Дѣвочки разгорячились, и Тереза, въ которой есть нѣчто изъ вспыльчиваго характера ея матери, дала Маделенѣ отвѣтъ очень похожій на брань. Это, разумѣется, дѣтская выходка, выходка которую позволяютъ между собою всѣ дѣти этого возраста, но она какъ-то особенно поразила меня со стороны Терезы. Чѣмъ болѣе я забываю что она дочь моей горничной, тѣмъ болѣе она должна была бы это помнить. Въ ея поступкѣ есть отсутствіе такта которое почти можно было бы назвать неблагодарностію. Юлія должна была бы внушить ей что отношенія измѣняются съ возрастомъ и что фамильярность, естественная между маленькими дѣвочками, непріятно дѣйствуетъ когда дѣвочкамъ этимъ уже четырнадцать лѣтъ. Сознаться ли мнѣ? съ нѣкотораго времени я замѣчаю въ себѣ появленіе новаго чувства, отъ котораго я не могу отдѣлаться. Я становлюсь нетерпѣливою, замѣчая что Тереза дѣлаетъ въ пансіонѣ болѣе успѣховъ, нежели Маделена со мною; мнѣ бываетъ.... досадно, когда я вижу что она болѣе ловка, болѣе ловаталива, болѣе граціозна нежели Маделена. Мнѣ не было бы оскорбительно если бы насчетъ Маделены было отдано предпочтеніе которой-либо изъ ея подругъ, но я.... раздражаюсь при мысли что дочь моей горничной красивѣе моей дочери. Мнѣ кажется что она не имѣетъ на это права, и происшедшее на дняхъ небольшое недоразумѣніе сильно уязвило мое материнское самолюбіе. Какая-то дама, которую я едва знаю, подошла ко мнѣ и начала говорить мнѣ комплименты

про мою дочь: „Какая прелестная таѣя! какое умное личико! Какое пріятное выраженіе лица!“ Я была въ восторгѣ, но вдругъ замѣчаю что дама ошибается; она приняла Терезу за Маделену. Наконецъ, что самое важное, Маделена слишкомъ часто встрѣчаетъ въ Терезѣ совершенно ласковое послушаніе своимъ желаніямъ и капризамъ. Отсюда являются привычки деспотизма и самолюбія, затрудняющія всякое разумное воспитаніе. Рѣшительно.... Жюльетта права.

13 апрѣля 1872.

Предсказаніе сбылось. Третьяго дня, за столомъ, у Маделены вырвалось выраженіе болѣе чѣмъ вульгарное, почти грубое. Мой мужъ привскочилъ на своемъ стулѣ. „Кто научилъ тебя этому слову?—Я слышала его отъ Терезы.—„Хорошо. Оставь насъ“. Маделена вышла. „Милая моя, сказалъ мнѣ мужъ, эти слова должны вамъ открыть глаза. Это симптомъ. Мы слышали отъ Маделены одно это выраженіе, но Тереза вѣроятно научила ее еще многимъ другимъ. Я долго колебался сказать вамъ мое мнѣніе и мою волю, но теперь нельзя болѣе колебаться. Нужно разомъ прекратить фамиліарныя отношенія между Маделеной и Терезой. Общество слугъ, за рѣдкими исключеніями, дурно отзывается на нашихъ дѣтяхъ, особенно на дѣвочкахъ. Онѣ не только научаются здѣсь словамъ которыя должны быть для нихъ неизвѣстны, но посвящаются въ мысли и дѣйствія, знаніе которыхъ есть уже само по себѣ зло. Вы не подозреваете какіе разговоры часто ведутся за кухоннымъ столомъ, и что за нимъ разказывается. Дочь Юліи, принадлежащая въ одно и то же время къ обществу салона и къ обществу кухни, передаетъ сегодня только сауху, а завтра передастъ быть можетъ и душѣ Маделены такія вещи которыя могутъ.... смутить эту душу, чтобы не употребить другаго выраженія. Нужно удалить дочь Юліи. Устройте это со всею возможною мягкостію, но я требую чтобы это разученіе совершилось быстро и безповоротно“.

На слѣдующій день.

Юлія только что вышла отъ меня.

— Садитесь, сказала я ей, призвавъ ее къ себѣ, садитесь и поговоримъ о серіозномъ дѣлѣ. Что вы думаете дѣлать съ Терезой?

— Я васъ не понимаю, сударыня.

— Терезъ вашей скоро четырнадцать лѣтъ. Въ пансіонѣ ей больше нечему учиться. Ея образованіе окончено, начинается жизнь, нужно подумать объ ея будущности. Что вы думаете съ нею дѣлать?

— Вы сами знаете это, сударыня. Я хочу чтобъ она была горничной барышни. Я хочу чтобъ она всегда жила при ней и при васъ.... Барышня часто ей это обѣщала. Я воспитываю ее въ этой мысли. Я учу ее всему что знаю сама, она работаетъ вмѣстѣ со мной; она начинаетъ причесывать голову почти также хорошо какъ я, а лишетъ гораздо лучше меня. Черезъ два года она будетъ шить платья какъ самая лучшая портниха. Я горжусь тѣмъ что у барышни будетъ такая горничная изъ-за которой всѣ будутъ ей завидовать и которую между тѣмъ никто у нея не переманитъ, потому что она всею душой будетъ предана барышнѣ.

Въ словахъ и тонѣ Юліи была такая простота и искренность что я растрогалась и не безъ колебанія стала продолжать разговоръ.

— Я узнаю въ этомъ вашу преданность, Юлія. Но это мечты. Будущее не нашихъ въ рукахъ. Какая судьба ждетъ мою дочь? Это будетъ зависѣть отъ ея мужа. Кто онъ будетъ? Куда онъ ее увезетъ? Все это вопросы и случайности которымъ мы не можемъ жертвовать судьбой вашей дочери. Я желала бы для нея самостоятельнаго положенія, въ которомъ трудъ могъ бы ее обезлечивать, и я нашла что для нея нужно.

— Что же это такое, сударыня?

— Вы знаете госложу Вотъэ?

— Ту которая чиститъ кружева?

— Да. У нея прекрасное заведеніе, и я думаю помѣстить туда Терезу. Она будетъ учиться подъ руководствомъ опытной мастерицы и отличной женщины, а въ послѣдствіи....

— Но я-то, сударыня, я-то! Мнѣ слѣдовательно нужно будетъ разстаться съ моею дочерью? Потерять ее?

— Вы ее не потеряете.

— Но я не буду ее видѣть! Она будетъ жить у госложу Вотъэ, не будетъ жить со мной!

— Что дѣлать, моя бѣдная Юлія; эта участь всѣхъ матерей. Я также должна буду разстаться съ Маделеной когда она выйдетъ замужъ. Я рѣшусь на это чтобы составить ея

счастье, и вы точно также согласитесь на разлуку для пользы вашей дочери.

— О бѣдная, бѣдная! сказала Юлія, глотая слезы:—какое огорченіе это будетъ для нея! Она такъ любитъ барышню!

— Дружба эта не могла продолжаться за предѣлы дѣтскаго возраста. Различіе ихъ положенія рано или поздно прекратило бы эту связь. Это то же самое что ихъ привычка говорить другъ другу „ты“. Теперь это уже становится... неудобно. Маделена всегда будетъ говорить Терезѣ *ты*, но Тереза....

— Должна говорить ей „вы“! перебила меня Юлія съ горечью.—Это такъ! Это вѣрно!... О! я понимаю! Вы хотите отдать Терезу въ ученье чтобъ удалить ее отъ барышни. Вы совѣститесь ея. Ну что же! Прекрасно! Когда прикажете ей отправляться? Можно ли мнѣ будетъ навѣщать ее по временамъ?

— Вы несправедливы, Юлія. Я вовсе не думаю отнимать у васъ дочь. Лѣтомъ она можетъ пріѣхать къ вамъ на вѣсколько дней.

— Покорно васъ благодарю, сударыня! Я все готовлю... для ея перѣзда.

И Юлія быстро выбѣжала изъ комнаты. Рѣшительный шагъ отдѣлавъ. Но онъ достался мнѣ не легко.

17 сентября.

Сегодня мнѣ было еще труднѣе. Неизбѣжная разлука совершилась. Послѣ отъѣзда Терезы прошло три мѣсяца. Нѣскольکو дней тому назадъ она пріѣхала погостить къ матери. Она не говоритъ болѣе Маделенѣ „ты“; онѣ не играютъ вмѣстѣ. Но онѣ бесѣдуютъ тайкомъ, и случайно услышанное мною слово открыло мнѣ оласность этихъ бесѣдъ.

Я гуляла вечеромъ на террасѣ. Вся прислуга, за исключеніемъ Юліи, сидѣла за ужиномъ въ комнатѣ подвальнаго этажа. Разговоръ ихъ доносился до меня чрезъ раскрытыя окна.

— Знаете, говорилъ нашъ лакей сосѣднему садовнику:—вашъ баринъ-то женится!

— Откуда вы это выдумали?

— Да ужь это вѣрно. Только это секретъ.

— Какъ же вы его узнали?

— Через Терезу. А та узнала отъ барышни, при которой господо разговаривали объ этомъ между собой. У насъ, признаться, давно ужъ было подозрѣніе на этотъ счетъ. Ну, вотъ мы и повыспросили. Сами знаете: развѣ эти дѣвченокки лопцаютъ что онѣ говорятъ? Отъ нихъ можно все выве-
дать.

Я съ негодованіемъ удалилась. Неосторожность Маделены, выпытываніе со стороны слугъ, открытіе тайны—все это меня глубоко оскорбляло. Нашъ сосѣдъ вѣрилъ свой секретъ намъ однимъ. Онъ имѣлъ очень важныя причины держать все дѣло въ тайнѣ, и одно неосторожное слово могло разрушить весь бракъ. Мнѣ въ первый разъ сознательно предсталъ тотъ порокъ въ которомъ такъ часто упрекаютъ слугъ и которому я не хотѣла вѣрить,—эта болѣзненная потребность ихъ знать все что говорится между нами, это необыкновенное искусство пользоваться дѣтми въ качествѣ переопчиковъ. Мой мужъ раздѣляетъ мое негодованіе. Мы призвали Терезу. Едва начали мы упрекать ее и Маделену, какъ вошла Юлія. Услыхавъ въ чемъ обвиняютъ ее дочь, она поблѣднѣла, губы ея задрожали:

— Это только рассказали на мою дочь, воскликнула она. Тереза неспособна на эти сплетни!

— Она сдѣлала это безъ дурнаго намѣренія, сказалъ мой мужъ, но все-таки она сдѣлала это. Она спрашивала объ этомъ Маделену и потомъ пересказала все людямъ.

— Нѣтъ, не она! воскликнула Юлія, и совершенно вышла изъ себя: къ моей дочери придираются! Мою дочь ненави-
дять! Мнѣ кажется что послѣ того что я сдѣлала для васъ...

Затѣмъ послѣдовалъ рядъ жалобъ, упрековъ, обвиненій противъ Маделены, и въ заключеніе фразы:

— Все это ложь!

Едва были произнесены эти слова, какъ Юлія внезапно остановилась и вся покраснѣла.

— Оставьте насъ однихъ, Юлія, холодно сказалъ ей мой мужъ.

Юлія вышла.

— Мой другъ, сказалъ мнѣ мужъ, я знаю что вы очень добры и что я васъ огорчу, но колебанія невозможны. Мы хорошо сдѣлали разлучивъ Маделену съ Терезой. Теперь необходимо разстаться съ Юліей.

— Изъ-за одного слова! воскликнула я. Слово это непро-

ститительно, я согласна, но она уже теперь раскаивается въ немъ и будетъ просить у васъ прощенія, я въ этомъ увѣрена.

— Дѣло не въ словѣ, сказалъ мой мужъ, но въ фактѣ. А фактъ тотъ что вы своею добротой избаловали Юлію. Она была бы превосходною служгой, еслибы вы держали ее на извѣстномъ разстояніи. Но вы обращались съ нею какъ съ другомъ, и она заняла въ домѣ непринадлежащее ей мѣсто. Я знаю изъ какого трогательнаго повода произошло такое положеніе вещей. Но зло тѣмъ не менѣе существуетъ. Нѣсколько мѣсяцевъ проведенныхъ вмѣстѣ съ вами въ Бретани позволили Юліи усвоить себѣ привычки короткости и даже авторитета которыя скоро станутъ нетерпимыми. У нея прекрасное сердце, но очень дурной характеръ. Недостатки характера становятся все сильнѣе вмѣстѣ съ возрастомъ. Она полагаетъ что имѣетъ на Маделену такія же права какъ и вы; она слишкомъ пользуется этими правами; самолюбіе Маделены начинаетъ раздражаться этимъ и скоро будетъ отъ этого страдать. Завтра быть-можетъ намъ пришлось бы сухо и рѣзко отлустить Юлію; сегодня это можетъ быть еще сдѣлано съ ласковымъ выраженіемъ сожалѣнія. Старайтесь ее пощадить, согласуйте вашу естественную благодарность къ ней съ моими желаніями, расплатитесь щедро по счету предъявленному въ выраженіи: *послѣ всего что я для васъ сдѣлала*, но во всякомъ случаѣ разстаньтесь съ Юліей.

На слѣдующій день.

Я продумала цѣлую ночь, утромъ сообщила и мужу мои предположенія. Онъ согласился съ ними. Едва мы разстались съ нимъ, какъ вошла Юлія чтобы причесать меня. Она отлично причесываетъ и любить это занятіе. Въ ея привязанности ко мнѣ мои волосы занимаютъ свое особое мѣсто. Не будучи кокеткой, я могу однако сознаться что у меня прекрасные волосы и они каждое утро извлекаютъ у Юліи восклицанія которыя заставляютъ меня улыбаться... и нравятся мнѣ. Итакъ, сегодня утромъ она вошла въ обычное время и принялась за свое обычное дѣло. Мы молчали, но я видѣла въ зеркалѣ ея фигуру стоявшую за мною. Глаза ея олухли и достаточно показывали какъ она провела ночь. Видъ ея огорченія нѣсколько смутилъ меня. Однако, послѣ нѣкотораго колебанія, я заговорила.

— Вы знаете, Юлія, какъ я къ вамъ расположена...

Гребень выпалъ изъ ея рукъ и, не давъ мнѣ кончить, она воскликнула:

— Вы хотите мнѣ отказать!

— Это не совсѣмъ такъ, Юлія, сказала я, сама подбирая какъ палао свои волосы. Успокойтесь и... поговоримъ.

Но она не могла сдерживаться:

— Вы хотите мнѣ отказать! Я это чувствую! Я въ этомъ увѣрена! О! я вчера была очень виновата! Но вы сердитесь на меня не за это несчастное слово! Тутъ что-нибудь другое! Баринъ меня не любитъ!

— Вы несправедливы, Юлія. Баринъ уважаетъ и цѣнитъ васъ. Выслушайте меня, и вы сами убѣдитесь въ этомъ.

— Извольте, сударыня.

— Бѣдная моя Юлія, у васъ двѣ привязанности, изъ которыхъ одна по необходимости должна быть принесена въ жертву другой. Вы меня любите...

— О да, сударыня, очень люблю! Никому не узнать какъ я васъ люблю!

— Да, но вы еще болѣе любите вашу дочь, не правда ли? и это болѣе чѣмъ справедливо. Теперь, видите ли: помимо вашей воли отсутствіе Терезы дѣлаетъ васъ раздражительною...

— Я всѣми силами стараюсь сдерживаться, сударыня!

— Я вѣрю вамъ. Но вамъ это не всегда удается и ваше сожалѣніе о Терезѣ, ваша нѣжность къ ней выражаются въ словахъ, въ которыхъ вы безъ сомнѣнія раскаиваетесь, но которыя тѣмъ не менѣе... оскорбительны.

— Вы видите, сударыня, баринъ мнѣ отказываетъ!

— Я вамъ говорю что нѣтъ. Слушайте же меня!

— Я слушаю, сударыня, я слушаю. Впрочемъ, то что я вчера сказала было очень дурно, и я заслуживаю наказанія.

— Я вамъ не отказываю, Юлія; я не отсылаю васъ; я просто хочу соединить васъ съ вашей дочерью.

— Какъ, сударыня?

— Заведеніе въ которомъ она учится, очень хорошее заведеніе. Въ немъ можно имѣть вѣрную прибыль. Госпожа Вотъ больна и хочетъ продать свое дѣло. Я покупаю его и передаю вамъ.

— Сударыня!

— Послѣ того что вы сдѣлали для насъ, мы должны обезпечить будущность вашей дочери. Вы не будете съ нею разставаться и окажете ей громадную помощь. Она молода, вы

будете ею руководить. Я знаю васъ. Съ вашимъ умомъ вы удвоите обороты заведенія, и когда Тереза сбѣгается невѣстою....

Бѣдная женщина не могла говорить. Рыданія душили ее. У нея вырывались только какія-то неясныя восклицанія.

— Ахъ, сударыня! О! не даромъ я васъ всегда такъ любила! Но, все равно! Сердце у меня разрывается! Я разчитывала умереть въ вашемъ домѣ! Я хотѣла выходить дѣтей барышни! А теперь мнѣ приходится васъ покидать!

— Покинуть для того чтобы постоянно жить съ вашею дочерью.

— О, да, сударыня! Вы правы! Вы всегда правы и добры. Вы думаете о вашей бѣдной горничной! Вы стараетесь ее утѣшить! Вы плачете вмѣстѣ съ нею! Ахъ, позвольте мнѣ васъ поцѣловать!

И мы разцѣловались, какъ двѣ самыя искреннія пріятельницы. Вошелъ мой мужъ. Юлія поблѣднѣла, но со свойственною ей лорывистостью подошла къ нему и сказала:

— Благодарю васъ, сударь, за все что вы для меня дѣлаете.

— Мы исполняемъ только нашу обязанность, Юлія, отвѣтилъ ей мой мужъ. Повѣрьте что эта развязка самая лучшая. Прежде слуги мечтали о томъ чтобы навсегда остаться въ домѣ ихъ господъ; теперь честолюбіе ихъ должно состоять въ томъ чтобы выдти изъ занимаемаго ими положенія. Времена измѣнились. Каждый долженъ стараться о томъ чтобы принадлежать самому себѣ. Слуга долженъ смотрѣть на свое занятіе какъ на переходное положеніе. Вы проходите чрезъ наши дома чтобы скопить себѣ небольшое достояніе, чтобы доказать вашу честность и преданность, чтобы научиться добру и получить болѣе возвышенныя мысли. Но цѣль ваша—сдѣлаться независимыми. Работать на себя и у себя вотъ вашъ удѣлъ, Юлія, и каждый хорошій слуга не можетъ желать для себя ничего лучшаго.

— Позвольте ли вы мнѣ, сударь, иногда навѣщать барыню?

— Разумѣется! жена моя также будетъ навѣщать васъ, вмѣстѣ со мной и съ Маделеной. Я не желаю чтобы добрыя воспоминанія дѣтства лорвались между нашими дочерьми. Когда ваша дочь будетъ выходить замужъ, я буду свидѣтелемъ со стороны невѣсты, а Маделена будетъ въ числѣ ея подругъ.

Такъ кончилась эта маленькая семейная драма. Не каж-

дый оказался бы такимъ щедрымъ какъ мой мужъ, но каждый можетъ и долженъ выражать свою признательность въ предѣлахъ своихъ средствъ. Простая справедливость требуетъ награды за долгій рядъ годовъ хорошей службы. Что касается вопроса: въ какихъ отношеніяхъ должны быть наши дочери съ нашею прислугой? то я отвѣчаю: чѣмъ менѣе такихъ отношеній, тѣмъ лучше. И въ самомъ дѣлѣ: дѣти наши говорятъ слугамъ все то что скрываютъ отъ насъ; они даютъ имъ то что берутъ у насъ. Приятельница моя совершенно права; мы возвратили себѣ нашихъ дѣтей, сохранимъ же ихъ.

Книга Легуве состоитъ изъ тридцати двухъ отдѣльныхъ главъ. Мы уже выразили мнѣніе что она написана преимущественно для взрослыхъ, хотя нѣкоторыя статьи—*Mademoiselle Lili, Voyage scientifique d'un ignorant autour de sa chambre, la petite fée Bequilette* очевидно разчитаны для чтенія и назиданія дѣтей. Читатель быть-можетъ не согласится съ нѣкоторыми выводами и мыслями французскаго академика, но во всякомъ случаѣ съ интересомъ и пользой прочтаетъ эту во многихъ отношеніяхъ замѣчательную книгу. Ее въ особенности можно рекомендовать вниманію матерей и воспитателей.

V.

Изображеніе и описаніе одежды, домашней утвари, сельскихъ орудіи и военнаго вооруженія древнихъ и новыхъ народовъ. Friedrich Hottenroth: *Trachten, Haus-, Feld-und Kriegsgeräthschaften der Völker alter und neuer Zeit*. Stuttgart, Verlag von G. Weise. Выпускъ второй.

Мы имѣли уже случай указать на появленіе замѣчательнаго изданія Готтенрота * при выходѣ въ свѣтъ перваго его выпуска. Теперь предъ нами лежитъ второй выпускъ, въ которомъ заключаются двѣнадцать листовъ раскрашенныхъ рисунковъ (№ 13—25) и текстъ отъ страницы 17 до 33. Рисунки втораго выпуска представляютъ различныя украшенія и головные уборы Вавилонянъ и Ассирійцевъ, ихъ вооруженіе.

* *Русскій Вѣстникъ*, 1879 г., № 1, *Новости литературы*, стр. 445—46.

посуду, утварь, мебель, повозки, лодки, спецы быта. Затѣмъ слѣдуютъ костюмы и бытъ Евреевъ, Аравитянъ, Мидявъ, Персовъ, Лидійцевъ, Фригійцевъ, Троянцевъ. Объяснительный текстъ относится къ Ассирійцамъ, Вавилонянамъ, Евреямъ, Аравитянамъ и частію къ Мидянамъ и Персамъ. По образцу перваго выпуска читатель найдетъ опять въ текстѣ политулажи, и выкройки описываемыхъ одеждъ. Рисунки также отчетливы и также превосходно раскрашены какъ и въ первомъ выпускѣ. Было бы излишнимъ повторять сказанное уже прежде о пользѣ, достоинствахъ и интересѣ этого изданія, и мы ограничиваемся простымъ указаніемъ на то что всѣ эти качества въ обильной мѣрѣ встрѣчаются и во второмъ выпускѣ прекраснаго труда Готтенрота.

VI.

Изыщныя искусства на Всемирной Парижской Выставкѣ 1878 года.

Les beaux-arts et les arts decoratifs à l'Exposition Universelle de 1878. Paris, 1879. Sous la direction de M. Louis Gonse, rédacteur en chef de la *Gazette des beaux-arts*. 2 тома, съ рисунками.

Два огромные тома въ 500 слѣшкомъ страницъ каждый, количествомъ гравюръ, о-фортовъ, факсимиле съ рисунковъ художниковъ, геліотипій, политулажей въ текстѣ и т. д. Изданіе это предпринято редакціей извѣстной французской *Gazette des beaux-arts* и заключаетъ въ себѣ статьи и обзоры по всѣмъ отраслямъ искусства и художественныхъ ремеселъ собраннымъ въ Парижѣ по случаю Всемирной Выставки 1878 года. Первый томъ посвященъ современному искусству. На первомъ мѣстѣ стоятъ живопись, скульптура и зодчество, затѣмъ слѣдуютъ художественныя ремесла: ювелирные издѣлія и издѣлія изъ драгоценныхъ металловъ, бронзы, мебель, керамика, стеклянные издѣлія, ткани и ковры, переплеты. Въ числѣ приложенныхъ къ тексту картинъ читатель найдетъ, между прочимъ, геліогравюру съ знаменитой картины Макарта *Взъездъ Карла V въ Антверпенъ*, гравюры и о-форты съ картинъ Геннера, Бовна, Дюрана, Кнаусса, Фортунки и т. д. Второй томъ заключаетъ обзорныя художественныхъ произведеній прежнихъ вѣковъ. Читатель встрѣтитъ здѣсь статьи о древне-египетскомъ, греческомъ и римскомъ искусствѣ, о

скульптуръ съ XV по XVII вѣкъ, о художественныхъ ремеслахъ въ Средніе вѣка и эпоху Возрожденія, о старинномъ оружіи, о медаляхъ, объ историческихъ портретахъ, о восточной керамикѣ, о французскихъ фаянсахъ и фарфорахъ XVII и XVIII вѣка, объ японскихъ лаковыхъ издѣліяхъ, о древнемъ мексиканскомъ искусствѣ. Томъ этотъ въ особенности изобилуетъ полиптилами; изъ офортовъ особенно замѣчательны портретъ Моаера изъ коллекции герцога Омальскаго, и портретъ Жюльена работы Ватто. Огромное количество рисунковъ, между которыми многіе само по себѣ представляютъ дѣйствительныя произведенія искусства, и удобная группировка матеріала дѣлаютъ это изданіе весьма полезною справочною книгой для каждаго любителя, и прекраснымъ украшеніемъ для стола.

VII.

Новое художественное изданіе Библии въ картинахъ знаменитыхъ мастеровъ. *Goldene Bibel. Die Heilige Schrift illustriert von den grössten Meistern der Kunstepochen.* Herausgegeben von Alfred von Wurzbach, Stuttgart. Verlag von Paul Neff. 1879.

Иллюстрація библейскихъ повѣствованій издавна составляла задачу за которую съ особенною любовью брались художники всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, начиная съ XV вѣка. Мѣнялись воззрѣнія и приемы искусства, художественные интересы часто отвлекались на другіе предметы. Но Библия постоянно оставалась неисчерпаемымъ родникомъ, дававшимъ жизнь цѣлымъ тысячамъ художественныхъ произведеній, начиная отъ Библии Рафаэля и кончая Библиею Гюстава Дорэ. Значительное число картинъ на библейскіе мотивы носить на себѣ рѣзкій отпечатокъ индивидуальности художниковъ; по временамъ въ этихъ картинахъ сказывается такое исключительное служеніе направленіямъ и вкусамъ эпохи что онѣ представляютъ въ настоящее время только историческій, антикварный интересъ. Съ другой стороны, не проходило почти ни одного столѣтія безъ того чтобы извѣстные и могучіе таланты не соединили своего имени съ изображеніемъ того или другаго библейскаго событія, не обезсмертили бы себя этимъ изображеніемъ. Достаточно припомнить *Распятіе* и *Снятіе со Креста* Рубенса, *Крещеніе* Пуссена, *Страшный*

Судъ Микель - Анжело, Тайную Вечерю Леонардо да-Винчи, Бракъ въ Канъ Галилейской Павла Веронезе, Рождество Спасителя Корежжіо, картины Рафаэля, Тиціана, Рембрандта. Замѣчательно, что почти каждый сильный талантъ всего блистательнѣе выразался въ изображеніи именно какого-либо одного момента изъ Библейской исторіи. Но этого мало. Каждая эпоха представляетъ еще другое явленіе. На ряду съ великими живописцами почти постоянно являлись великіе граверы, переносившіе на мѣдъ и сталь изображенное на полотнѣ, и дѣлавшіе такимъ образомъ великое художественное произведеніе доступнымъ всѣмъ, превращавшіе извѣстную картину въ достояніе всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ. Многія знаменитыя произведенія живописи погибли бы безслѣдно, многія стали бы жертвою времени и его невзгодъ еслибы образы художника не были сохранены рѣзцомъ гравера. Новѣйшія усовершенствованія свѣтотисны приспособленной къ типографскому печатанію сдѣлали возможнымъ появленіе того изданія заглавіе котораго читатели прочтати выше. Изданіе это ставитъ себя цѣлью воспроизвести посредствомъ гелиографіи снимки съ знаменитыхъ гравюръ, передающихъ картины величайшихъ художниковъ. Въ него должно войти сто картинъ раздѣленныхъ по равной части между Вѣтхимъ и Новымъ Завѣтомъ, и эти картины составлять такъ-сказать классическую коллекцію знаменитѣйшихъ произведеній искусства. Каждая картина представляетъ листъ большаго формата и сопровождается роскошно напечатанною страницей которая содержитъ библейскій текстъ на изображенное въ картинѣ событіе. Такъ какъ картины и текстъ представляютъ отдѣльные листы, то для русскихъ пріобрѣтателей этого изданія не можетъ представиться никакого затрудненія отдѣльно собрать и перелести рисунки, съ замѣчательною точностію передающіе свѣтотиснымъ слогомъ малѣйшія подробности оригинала. Рисунки эти неотличимы отъ гравюръ. Въ первомъ выпускѣ, только что появившемся въ свѣтъ, помѣщено два такіе рисунка. Первый изображаетъ *Судъ Соломона*, съ картины Пуссена, второй—*Каина и Авеля*, съ картины Дитриха. Все изданіе должно состоять изъ 50 выпусковъ, изъ которыхъ 25 составляютъ Вѣтхій Завѣтъ, и 25 выпусковъ—Новый Завѣтъ. Въ каждомъ выпускѣ будутъ заключатся двѣ картины. Отдѣльные выпуски не продаются, но подписавшіеся на Вѣтхій Завѣтъ не

обязаны приобрести Новый, и наоборот. Цена изданія весьма умеренная. Она опредѣлена въ *полторы марки* за каждый выпускъ, что по настоящему курсу составляет на русскія деньги *девяносто копѣекъ* за выпускъ. Судя по программѣ изданія и по первому его выпуску, можно повидимому безошибочно сказать что эта Библия въ картинахъ гораздо болѣе будетъ соответствовать домашнему употребленію нежели пресловутая, утомительно эффектная Библия Гюстава Дорэ, вошедшая теперь въ большинство домовъ какъ нечто среднее между килсекомъ и книгою для наизданія.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

19 (31) мая 1879.

Есть много крутыхъ музыкальныхъ пьесъ, гдѣ въ послѣдней части композиторъ какъ бы обманываетъ слушателя: заключительные аккорды, ускоренный темпъ, усиленный тонъ и пр. атрибуты финала ясно указываютъ на окончаніе, слушатель уже подвстаетъ со своего мѣста, готовясь оставить концертную залу, между тѣмъ за такими аккордами вдругъ слѣдуютъ другіе, нерѣдко совершенно неожиданные, какъ бы готовые развиться въ новые мотивы, и опять увлекаютъ, возбуждаютъ вниманіе и не даютъ съ точностью опредѣлить: когда же, съ которымъ аккордомъ дѣйствительный финалъ?...

Совершенно то же совершается теперь съ послѣднею частью великой потрясающей драмы разыгравшейся предъ нашими глазами въ теченіе послѣднихъ трехъ дѣтъ на Балканскомъ полуостровѣ. Сколько разъ уже раздавались аккорды казавшіеся заключительными, сколько разъ уже казалось что настала минута „шалочнаго разбора“, и что „возобновленіе зрѣлища“ не можетъ быть опредѣляемо съ точностью, и вдругъ является какой-нибудь новый звукъ, (не музыкальнаго, но дипломатическаго инструмента) возбуждающій дальнѣйшее развитіе дѣйствія и очевидную возможность возобновленія самой драмы...

Выборъ принца Александра Баттенбергскаго княземъ Сѣверной Болгаріи, назначеніе князя Вогоридиса правителемъ Забалканской Болгаріи, выраженные имъ взгляды на предстоящую дѣятельность, услокоеніе волновавшагося за свою будущность населенія оставляемой во власти султана части Болгаріи, давшее возможность начать возвращеніе русскихъ оккупационныхъ войскъ на родину, казались уже мѣсяць тому назадъ заключительными аккордами. Вслѣдъ за тѣмъ извѣстіе о приѣмѣ султаномъ генералъ-адъютанта Обручева, объ обѣщаніи его величества не вводить своихъ войскъ въ предѣлы Восточной Румелии, что дало возможность окончательно услокоить жителей ея и дать перевѣсъ благоразумной партіи надъ нетерпѣливо воинственною, — еще болѣе заставляетъ считать дѣла конченными и Восточный вопросъ подлежащимъ на этотъ разъ сдать въ архивъ. Можно было думать что для слѣдующаго политическаго обозрѣнія придется уже искать матеріаловъ не въ этомъ обильномъ источникѣ именуемомъ Восточнымъ вопросомъ. Оказывается однако что источникъ неистощимъ...

Не услѣлъ генералъ Обручевъ объявить Болгарамъ такого важнѣйшаго для нихъ рѣшенія султана что турецкія войска не будутъ введены въ ихъ автономную провинцію, рѣшенія во всѣхъ отношеніяхъ мудраго и благодѣтельнаго какъ для самой Порты, такъ и для обѣихъ частей Болгаріи, для спокойствія всего Балканскаго полуострова, а слѣдовательно и всей Европы, — какъ замыслы Турціи принудили Порту разослать ноту дающую обѣщаніямъ султана иное, весьма ослабленное, двусмысленное толкованіе; указывается что обѣщаніе имѣеть значеніе временное, что Porta не только сохраняетъ вполнѣ предоставленное ей Берлинскимъ конгрессомъ право, но и намѣрена имъ воспользоваться даже быть-можетъ въ ближайшемъ времени.

Кому и для чего нужно возбуждать Турецкое правительство къ такимъ писаніямъ, очевидно мѣшающимъ общему услокоенію — финалу драмы? Министръ иностранныхъ дѣлъ въ Лондонѣ послѣдшилъ отвѣтить на этотъ вопросъ, назвавъ султана косвенно конечно непонимающимъ своихъ интересовъ столь блистательно защищенныхъ достопочтенными лордами въ Берлинѣ, причемъ изъявилъ даже нѣкоторое сомнѣніе въ правѣ султана отказываться отъ налагаемыхъ на

него благодарній. Но эта рѣчь лорда Солсбери носила еще въ некоторомъ образѣ характеръ академическій; товарищъ же его въ Вѣнѣ не считалъ нужнымъ маскироваться и высказался напромакъ: на вопросы корреспондента газеты *Globe*, графъ Авраши заявилъ что султанъ обязанъ подчиниться постановленіямъ Берлинскаго конгресса и заятъ Бургась, Ихтиманъ и Балканы; что вообще трактатъ долженъ быть исполненъ въ точности, безо всякихъ послабленій кому бы то ни было; весь тонъ показанія венгерскаго графа предъ корреспондентомъ, представлявшимъ изъ себя нѣчто въ родѣ судебного свидателя, былъ рѣзко враждебенъ русскимъ идеямъ насчетъ будущности Болгаріи.

Въ подобныхъ дѣйствіяхъ англійскихъ и австрійскихъ министровъ нельзя не видѣть желанія поддерживать огонь на Балканскомъ полуостровѣ, не давать ему совсѣмъ потухнуть чтобы послѣ очищенія русскими войсками имѣть подъ рукою готовые предлоги для вмѣшательства.... Иначе нельзя себѣ объяснить этого худо или даже вовсе нескрываемаго неудовольствія по поводу мирнаго улаженія восточно-румелийскихъ тревогъ, возбуждавшихъ все послѣднее время не мало опасеній. Движеніе турецкихъ войскъ въ южную Болгарію сопряжено для Блистательной Порты съ расходами которые при ея теперешнемъ положеніи крайне тягостны и должны отнимать послѣднія средства могущія быть обращенными на другія болѣе неотложныя и полезныя дѣла, это разъ; во вторыхъ, движеніе неизбежно вызоветъ сопротивленіе Болгаръ, а отъ этого до крупныхъ происшествій на всей только что успокоившейся территоріи и до общеевропейскихъ замѣшательствъ одинъ шагъ. Неужели же только изъ-за уязвленнаго дипломатическаго самолюбія, изъ-за не вполне оправдавшихся ликованій на Берлинскомъ конгрессѣ, благородные лорды и графы не хотятъ успокоиться? Или же они въ самомъ дѣлѣ боятся что безъ присутствія турецкихъ войскъ въ предѣлахъ Болгаріи слияніе южной съ сѣвѣрною состоится слишкомъ скоро, пока они не успеютъ еще привасть всѣ мѣры къ парализованію результатовъ этого (рано или поздно все равно неизбежнаго) событія?

Такъ или иначе, но характеръ дипломатическихъ дѣяній руководителей европейской политики какъ будто стремится не допускать финала. Разногласія по вопросу объ удовлетвореніи греческихъ претензій на увеличеніе ея территоріи

насчетъ Турціи тоже растутъ и даже начинаютъ принимать болѣе угрожающій видъ. По новѣйшимъ извѣстіямъ, Аѣнское правительство уже учредило лагерь на десять тысячъ человѣкъ у своей границы и собираетъ другія десять тысячъ въ качествѣ резерва. Положимъ что воинственное бражаніе саблями Грековъ въ теченіе послѣднихъ нѣсколькихъ лѣтъ приучило насъ относиться довольно спокойно ко громамъ исходящимъ изъ Аѣны, да и десять, даже двадцать тысячъ Грековъ едва ли особенно страшны Туркамъ могущимъ, не взирая на всѣ свои испытанныя бѣдствія, выставить противъ нихъ двойное число опытныхъ боевыхъ войскъ; но все же эти раздоры, поддерживаемые Франціею и неблагопріятствуемые Англіею, зародышъ безлокойствъ и продажнй столкновеній на почвѣ Восточнаго вопроса. Чего собственно хочетъ въ этомъ случаѣ Франція — сказать трудно. Не платоническая же дружба къ Греціи руководитъ ею? А между тѣмъ дѣло дошло до натанутыхъ отношеній съ Англіею, и газеты, даже служація органами высшимъ членамъ республиканскаго правительства, съ большою горечью и раздраженіемъ говорятъ объ отношеніяхъ Сентъ-Джемскаго кабинета къ Парижу. Съ непохвальною наивностію Французы сознаются что все это время были на лобѣгущкахъ у лордовъ Беконсфильда и Солсберри, что на Берлинскомъ конгрессѣ служили имъ тѣнью и эхомъ, разчитывая на благодарности, на честную взаимность; что безо всякихъ возраженій допускали и захватъ Кипра, и конвенцію 4го юня 1878 года, отдающую всю почти Турцію въ британскія руки, въ надеждѣ что *честность* и *прямота* французской политики будутъ оценены по достоинству... И что же? вмѣсто благодарности, г. Ваддингтонъ встрѣчаетъ вездѣ противодѣйствіе; французскіе интересы игнорируются; вмѣсто прежнихъ ухаживаній и любезностей, вмѣсто завтраковъ у принцевъ, вмѣсто хвалебныхъ гимновъ въ газетахъ, равнодушное молчаніе или провинцскія опроверженія... Да, наивность поразительная, едва вѣроятная! Безкорыстно служить Англіи, ждать отъ Беконсфильдовъ благодарности, вообще вести иностранную политику государства, руководясь такими сентиментальными принципами, нисходя до роли прислужниковъ, до вражды къ бьющимся за освобожденіе отъ рабства и избіеній и до защиты баша-бузукъ, сапшкомъ явныя доказательства крайней неумѣлости. Въ результатѣ: ни единого союзника, ни

единого дружественно расположеннаго правительства, узав-
ленное самолюбіе...

Заключенная между Австро-Венгріей и Турціей конвенція, о которой мы говорили въ предыдущемъ обзорѣ, вызвала много огорченій и шума внутри Габсбургской имперіи. Эта странная конвенція, алоееозъ дипломатической изобрѣта-
тельности, отнимающая de facto у султана двѣ провинціи и открывающая подходы къ дальнѣйшимъ захватамъ, но принимающая de jure сюзеренныя права императора Оттомановъ, весьма не понравилась народамъ Австріи, особенно Нѣмцамъ; ихъ національная гордость не можетъ помириться съ жалкою ролью временныхъ управляющихъ, дѣйствующихъ съ согласія и отъ имени Турціи въ Босніи и Герцеговинѣ, занятіе коихъ стоило такъ дешево и дешево, они не довольствуются приобрѣтеніемъ, доставшимся безо всякаго повода, безо всякаго права и къ тому же относительно довольно дешево, они хотятъ чтобъ и декорумъ былъ сохраненъ, чтобы не только въ карманъ лопадо, но и тщеславіе было удовлетворено; словомъ, хотятъ чтобы по извѣстному выраженію „капиталъ былъ приобрѣтенъ и честь соблюдена“... Имъ не нравится что въ мечетахъ Босніи будутъ поминать султана, что турецкій флагъ будетъ развѣваться на общественныхъ зданіяхъ, что Туркамъ будутъ возвращены найденныя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ военныя принадлежности, что нѣкоторые пункты будутъ заняты совместно войсками обѣихъ державъ и т. л. Графъ Андраши предвидѣлъ что конвенція эта возбудитъ неудовольствіе австрійскихъ народовъ и потому рѣшилъ не обнародовать ея подъ тѣмъ предлогомъ что она, видите ли, очень оскорбитъ и огорчитъ населеніе Турціи, которое нужно пощадить въ виду испытанныхъ имъ несчастій и не вызывать затрудненій бѣдной Портѣ... И вдругъ, кто бы это могъ подумать! сама же Порта возьми и олубаикуй конвенцію... Мало того, она послала строгій приказъ жителямъ „подъ страхомъ смертной казни не стрѣлять въ войска Австро-Венгріи“, показывая, этимъ свою дѣйствительную власть, свой авторитетъ болѣе страшный жителямъ чѣмъ оружіе гонимовъ... Поднялся шумъ на всемъ пространствѣ Австро-Венгріи, во всѣхъ редакціяхъ закричали лерья, въ руководителей политика посылались упреки, остроты, насмѣшки, противники его воздиковали; но официальное положеніе его, по видимому, не пошатнулось, а австрійскій посолъ въ Кон-

стативололаѣ Зичи и великій визирь съ турецкимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ даже получили отъ императора Франца-Иосифа высшіе ордена. И справедливо. Ибо кто же нынче, въ наше столь практическое время, обращаетъ вниманіе на такія глупости какъ національная гордость, самолюбіе, формы приличія, кто нынче ведетъ счеты съ разными чувствами и идеализаціей; реализмъ, нажива, барышъ—вотъ главныя цѣли, все равно какими путями и въ какой бы формѣ онѣ ни достались: какъ будто поминаніемъ въ мечетяхъ султана, или турецкими флагами хоть на волосъ увеличивается шансъ возвращенія Босніи и Герцеговины турецкому государству? Какъ будто овладѣніе этими провинціями не поставило Австрію въ возможность держать въ своихъ рукахъ Черногорію съ Сербіей, не допускать ихъ единенія, „придавать славянскую гидру стремившуюся обвить благородную венгерскую націю“, и заручиться оловными пунктами для дальнѣйшаго движенія къ Салоникамъ, къ берегу Эгейскаго моря?...

Вѣрные народы Австріи не благодарны въ отношеніи къ своему мадыарскому графу; а если хорошенько выкнутъ въ дѣло, то онъ гораздо больше самого Беконсфильда сдѣлалъ въ пользу своего государства: Боснія съ Герцеговиной уже сами по себѣ больше стоять чѣмъ Кипръ, не говоря о ближайшемъ будущемъ которое безъ сомнѣнія осуществится при содѣйствіи честнаго маклера. Даже должно думать что къ дѣйствіямъ по лутѣ къ конечнымъ австро-мадыарскимъ цѣлямъ будетъ пристулено безъ откладыванія въ долгій ящикъ. Ждутъ только съ нетерпѣніемъ великимъ удаленія всѣхъ до единого русскихъ солдатъ изъ Болгаріи, а для облегченія внутреннихъ прелатствій начали заигрывать съ Чехами, толковать о соглашеніяхъ, примиреніяхъ и т. л., съ тѣмъ конечно чтобы по мимованіи надобности бросить выжатый лимонъ, какъ это уже много разъ и было...

Да, Восточный вопросъ—тема для безконечныхъ вариаций, и не удивительно что мы не можемъ дождаться финальнаго аккорда. Недавно маркизъ Солсбери въ своей парламентской рѣчи сказалъ что въ Берлинѣ удалось предотвратить ладеніе Турецкой имперіи или по крайней мѣрѣ удалить надолго эту катастрофу, и это великое де очастіе для всего міра, потому что катастрофа не можетъ обойтись безъ страшныхъ кровавыхъ сотрясеній. И это взглядъ большинства диплома-

товъ и политиковъ-спеціалистовъ. Намъ же, профанамъ, не понятны подобныя опасенія: еслибы въ международныя отношенія можно было ввести только побольше прямыхъ, честныхъ принциповъ, еслибы нѣкоторые руководители рѣшились поступиться своими слишкомъ корыстными цѣлями, а нѣкоторые своими традиционными враждебными чувствами, тогда, казалось бы, и этотъ, относительно далеко не мировой вопросъ разрѣшился бы безъ тѣхъ кровавыхъ столкновений и катастрофъ о которыхъ такъ краснорѣчиво ораторствуютъ министры ея британскаго величества. И развѣ эти „еслибы“ принадлежатъ къ невозможностямъ?

Наконецъ, послѣднія событія нашей войны 1877—78 годовъ даже безъ этихъ „еслибы“ были близки къ разрѣшенію вопроса, вовсе не угрожая особыми страшными, кровавыми потрясеніями. Здѣсь не мѣсто, да и не время теперь распространяться объ этомъ; мы только напомнимъ читателю нѣсколько словъ изъ послѣдней рѣчи графа Беконсфильда, сказанныхъ въ отвѣтъ на порицаніе его политики герцогомъ Аргайлемъ: „Не могли же мы вести войну съ Россіей, потому что вы (то-есть оппозиція, да и большинство націи) ея не хотѣли (да и не были къ ней готовы, прибавлю я), однако присутствіе британскаго флота въ Мраморномъ морѣ и твердый тонъ нашей дипломатіи въ Петербургѣ сдѣлали свое дѣло: русская армія была остановлена у стѣнъ Константинополя...“ Sapienti sat.

Въ Афганистанѣ Англичане окончили войну и заключили съ Якубъ-ханомъ миръ. Цѣль ихъ достигнута, проходы въ ихъ рукахъ, научная граница установлена, за ея укрѣпленіемъ наискуснѣйшимъ образомъ дѣло не станеть; резидентовъ въ Кабулѣ, Кандагарѣ и Гератѣ они посадятъ и за всѣми вышними сношеніями эмира будутъ слѣдить зорко, не улуская притомъ пролагандировать что и гдѣ возможно во вредъ намъ въ Азіи вообще... Тѣмъ не менѣе будущее сокрыто отъ человѣка и какія границы крѣпче — научныя, естественныя, искусственныя, да и есть ли вообще непреступныя границы — сказать очень трудно...

Самымъ страшнымъ противникомъ всемогущихъ мореплавателей оказались черныя подданные короля Сетсивайо! Да, какіе-то Зулу, о существованіи коихъ знали развѣ ученые географы, Зулу одни не испугались столь грознаго для

другихъ рычаговъ британскаго льва: ни воинственные рѣчи лорда Беконсфильда, ни *присутствіе* флота, ни *твердый тонъ* сэръ-Барталя Фрера, ни подкрѣпленія въ пять тысячъ человекъ до сихъ поръ не подѣйствовали: пришлось назначить генерала Воулзеля съ обширными полномочіями и властью гражданскою и военною, пришлось дать ему еще пять или восемь тысячъ человекъ подкрѣпленій со щедрыми запасами всякихъ потребныхъ снарядовъ и ждать результатовъ можетъ-быть въ теченіе еще нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Итакъ, его величество Кетчивайо или Сетсивайо—единственный пока неустрашимый противникъ лорда Беконсфильда. Исподать ему! Въ концѣ концовъ оно будетъ уничтожено, то-есть буквально *уничтожено* со всѣми своими подданными,—за этимъ филантропическіе „защитники свободы и цивилизаціи“ не постоять,—но все-таки спасибо Зудуямъ: они показали что можно не ладать ницъ предъ всемогущими лордами и бороться съ ними.

Крутой поворотъ торгово-экономической и внутренней политики князя Бисмарка вызвалъ во всей Германіи нѣчто въ родѣ взбаломученнаго моря. Есть масса и сочувствующихъ новой политикѣ, есть противники, лордцатели, предсказатели плачевныхъ результатовъ, и послѣднихъ кажется больше чѣмъ первыхъ. Мы не беремся судить кто правъ и что полезнѣе для Германіи; каждая страна должна лучше знать что ей нужно въ данный моментъ, при данныхъ условіяхъ ея общественнаго положенія; навязываться со своими софтами и логиченіями по меньшей мѣрѣ неумѣстно, тѣмъ болѣе если всѣ эти дѣла, за исключеніемъ таможенныхъ пошлинъ, не имѣютъ прямаго отношенія къ нашимъ домашнимъ дѣламъ. Не такъ разсуждаетъ нѣмецкая печать: она считаетъ почему-то нужнымъ весьма заботиться о положеніи дѣла въ Россіи, разбирать, изслѣдовать, подвергать лодовитѣйшей критикѣ, давать наставленія, но больше всего агать, клеветать съ весьма плохо скрываемою враждебностью... Какъ образецъ подобнаго отношенія къ нашимъ дѣламъ приведемъ нѣсколько словъ изъ *Allgemeine Zeitung*. По поводу нѣкоторыхъ исключительныхъ мѣръ, послѣдовавшихъ за гнуснымъ покушеніемъ 2го апрѣля, нѣмецкая газета говорить: чрезъ день послѣ *несчастной войны*, (?) послѣ *огромнаго дипломатическаго пораженія*, (?) послѣ обвнару-

женныхъ ужасныхъ злоупотребленій и кражъ, само собою объясняется *всобщее* неудовольствіе и озлобленіе, которыя нельзя устранить нѣсколькими генераль-губернаторами и осаднымъ положеніемъ. Мы еслибы и хотѣли, продолжаетъ авторъ нѣмецкой статьи, не можемъ забывать что Россія *уна- шая до полдженія Зулу*, (mit seinem Rückfall ins Zuluthum) числится въ Европѣ и обращенною къ намъ частью лица черты варварства намъ показываетъ. Взгляните только на карту и проведите линію между шестью губерніями подчиненными новымъ генераль-губернаторамъ: изъ Петербурга въ Москву, изъ Москвы въ Варшаву, отсюда подъ острымъ угломъ чрезъ Кіевъ въ Харьковъ, оттуда въ Одессу, те-есть отъ Финскаго залива треугольникомъ къ Вислѣ и Черному морю. *Объ этомъ клинѣ, обитомъ посредствомъ русской Польши въ нѣмецкую землю, слѣдовало бы серьезно подумать; графа Мольтке безъ сомнѣнія давно уже это сдѣлалъ.*

Какая злоба, какая враждебность во всякомъ словѣ! *Послѣ несчастной войны!* Разбитая, поверженная въ прахъ Турція, и побѣдоносная русская армія, совершивъ баснословный переходъ черезъ Балканы, стоящая у воротъ Константинополя, отправившая чуть не всю непріятельскую армію въ лѣвъ, овладѣвшая половиною Турецкой имперіи въ Европѣ и Азіи, сокрушившая твердыни Карса, держащая въ рукахъ судьбу османскаго улорства,—это по нѣмецкимъ понятіямъ *несчастная война!* *Послѣ огромнаго дипломатическаго пораженія.* Въ чемъ же пораженіе, да еще огромное? Румынія, Сербія и Черногорія получили окончательную независимость съ увеличеніемъ ихъ территорій, а послѣдняя и съ морскою приставью; Сѣверная Болгарія de facto тоже независимое княжество со свободно избраннымъ, намъ наибоѣе желательнымъ княземъ во главѣ; Южная Болгарія автономна, управляемая христіанами, имѣющая собственное войско подъ начальствомъ Француза, освобожденная навсегда отъ присутствія пашей и залтвѣвъ; а по обѣщанію султана даже отъ турецкихъ войскъ; имѣющая всѣ шансы скорого возрожденія послѣ всѣхъ постигшихъ ее бѣдствій — раньше или позже — слиться съ Болгарскимъ княжествомъ, наконецъ сама Россія получившая назадъ часть Бессарабіи, послѣдній памятникъ *несчастной* Восточной войны 1853—56 годовъ, получившая Карсъ и Батумъ,—и все это, не взирая на противодѣйствія всей Европы, на угрозы коалиціями, на всяческія махинзціи, на совер-

шенное одиночество, не встрѣчая нигдѣ ни въ комъ поддержки, ни въ друзьяхъ, ни въ маклерахъ, увлекаемая по пути уступчивости, — неужели все это хладно кровно обсуждаемое и взвѣшенное можно назвать дипломатическимъ пораженіемъ, да еще огромнымъ? Дѣйствительно, мы сами роптали, водновались и скорбѣли о Берлинскомъ конгрессѣ и его результатахъ; но намъ это было прости-тельно послѣ столькихъ кровавыхъ жертвъ, послѣ такихъ геройскихъ подвиговъ нашей арміи, послѣ всего выстраданнаго нами въ теченіе двухъ лѣтъ; намъ простительна была и нѣкоторая страстность и горечь въ выраженіи неудовлетворенности, мы пожалуй и теперь недовольны и думаемъ что можно было достигнуть гораздо большаго, если бы.. ну, да оставимъ это, „зачѣмъ тревожить язвы старыхъ ранъ“!.. Да и послѣ Берлинскаго конгресса еще многое достигнуто, и именно — самое важное — въ отноше-ніи къ Забалканской Болгаріи; слѣдовательно, уже не только намъ, заинтересованнымъ, но и постороннему, могущему гораздо хладнокровнѣе относиться къ дѣлу, приписывать Россіи *огромное дипломатическое пораженіе* — чистѣйшая ложь. *Послѣ ужасныхъ злоупотребленій и кражъ.* Увы въ одномъ этомъ мы не можемъ выступить изобличителемъ Нѣмца во лжи... Положимъ что въ Австріи ни одна война не кончилась безъ обнаруженія громадныхъ злоупотребленій, и еще въ 1859 году самъ министръ финансовъ Брукъ и генералъ-интендантъ Эйватеръ покончили самоубійствомъ; положимъ что и во Франціи послѣ увѣренія военнаго министра Лебёфа что все готово „до послѣдней луговицы“ оказались патроны съ пескомъ, башмаки съ картонными подошвами и недостатокъ въ продовольствіи парализовавшій военныя дѣйствія уже въ самомъ началѣ кампаніи 1870 года; положимъ что и у Англичанъ въ Крымскую войну люди гибли отъ недостатковъ разнаго рода, лошади погрызли всѣ свои хвосты, вообще обнаружались злоупотребленія вызвавшія громовыя рѣчи Роббъка въ парламентѣ и слѣдствіе, да и въ войнѣ съ Афганистаномъ и Зудуями сплошь и рядомъ раздавались жалобы на недостатки, особенно перевозочныхъ средствъ, на неумѣлость и нерашливость интендантства и т. п.; но все это намъ ни оправданіемъ, ни утѣшеніемъ служить не можетъ, тѣмъ болѣе что исторія минувшей войны 1853—56 годовъ была еще свѣжа въ ламатахъ у всѣхъ, и усло-

вія были во всякомъ случаѣ благопріятѣе чѣмъ двадцать пять лѣтъ назадъ. Одна Германія до сихъ поръ отличалась образцовымъ порядкомъ и добросовѣтностью по части интендантской, и это происходило оттого что всякій служащій — все равно гражданскій или военный — и въ мирное время считалъ немислимымъ совершить что-нибудь претивозаконное; отъ наивысшихъ представителей власти до наименьшихъ агентовъ ея, всѣ безъ изыятія съ ледантической строгостью должны были исполнять и духъ, и букву закона; подчиненность, дисциплина, отвѣтственность требовались безо всякихъ послабленій. Само собою, искони воспитанные въ такомъ духѣ Нѣмцы и въ интендантствѣ оставались такими же какъ и во всякой другой отрасли общественной дѣятельности. Впрочемъ послѣ войны съ Французами 70—71 года, послѣ золотого, дожда милліардовъ, послѣ безумной спекуляціи и порожденной ею роскоши, нравы въ Германіи пошатнулись, и хроника послѣднихъ лѣтъ о бѣглыхъ кассирахъ, проворовавшихся чиновникахъ, даже выборныхъ, о наглыхъ мопенничествахъ разныхъ воротилъ въ акціонерныхъ обществахъ, о самоубійствахъ вслѣдствіе проигрышей на биржѣ и въ карты и пр., даютъ поводъ сомнѣваться въ незыблемости прежнихъ образцовыхъ порядковъ... Намъ однако, повтораемъ, пора бы, давно пора подумать о радикальныхъ мѣрахъ противъ постыднаго зла, не успокоиваясь на томъ что и у другихъ то же дѣлается.

Что сказать по поводу указываемаго публицистамъ аугсбургской газеты клана вбитаго въ нѣмецкую землю, „о комъ графъ Мольтке безъ сомнѣнія уже давно подумалъ?“ Это напоминаетъ анекдотъ 1870 года, слышанный мною тогда за границей. Когда императоръ Вильгельмъ, послѣ известной нахальной сцены французскаго посла Бенедетти въ Эмсѣ, выѣхалъ въ Берлинъ и уже никакого сомнѣнія въ предстоящей войнѣ не оставалось, онъ вытребовалъ по телеграфу бывшего въ отпуску въ Силезіи генерала Мольтке съ требованіемъ явиться тотчасъ, хотя бы и ночью. Прискакавъ Мольтке въ Берлинъ, и прямо во дворецъ, въ кабинетъ императора.

— Война съ Франціей неизбежна, сказалъ его величество, — дайте-ка мнѣ планъ кампаніи, просмотримъ еще разъ.

Генералъ вынулъ изъ своего кармана ключъ, отперъ стоявшій въ кабинетѣ короля шкалъ, досталъ объемистую тетрадь и подалъ ее своему государю.

Записка начиналась слѣдующими словами: „если мы взглянемъ на изгибъ дѣлаемый рѣкою Вислою и предположимъ что движеніе арміи отъ Диршау къ русскимъ границамъ“ и т. д..

— Но, любезный Мольтке, сказалъ императоръ, прочитавъ первыя строки,—что это вы мнѣ дали? Я у васъ спрашивалъ планъ кампаніи съ Французами, а тутъ рѣчь о Вислѣ и Польшѣ?

— Виноватъ, ваше величество, я ошибся; это не та тетрадь. И досталъ другую, въ которой уже говорилось о Рейнѣ. Si non e vero e ben trovato. Намъ очень хочется думать что все это только остроумный анекдотъ который редація аугсбургской газеты въ наивности приняла за вѣчто-дѣйствительное. Едва ли правительство Германіи, не говоря о тельерешемъ, но и будущее усвоить себѣ взгляды господъ нѣмецкихъ журналистовъ, не могущихъ равнодушно смотрѣть на варварскія черты Россіи; едва ли кливъ образуемый изгибомъ Вислы вызоветъ жертвы „костями бранденбургскихъ мушкетеровъ“, и едва ли полемика возбуждаемая ядовито враждебною Россіи нѣмецкою печатью перейдетъ въ правительственныя сферы...

Находясь теперь за границей и читая на свободѣ здѣшнія газеты, не знаемъ чему больше удивляться: саблѣ ли традиціонно тупой враждѣ, или невѣжеству и тупоумію во всемъ что пишутъ о насъ?

Въ *Голосѣ* было какъ-то напечатано, въ качествѣ статистическаго матеріала, что съ открытіемъ навигаціи по Волгѣ и Камѣ начнется отправленіе задержанныхъ на зиму въ Москвѣ ссыльныхъ, и приведены цифры сколько и когда тысячъ съ какого пункта будетъ двинуто и т. д. Нѣмецкія газеты пишутъ: „до какихъ размѣровъ достигла ссылка въ Сибирь *политическихъ арестантовъ* можно заключить изъ того что въ одной Москвѣ ожидаютъ отправки 11.000 человекъ взятыхъ въ теченіе послѣдняго времени по случаю произведенныхъ вигилистами покушеній“. Чтобы нѣмецкіе читатели не сомнѣвались, дѣлается ссылка на № *Голоса*. Или: „со дня учрежденія генералъ-губернаторовъ отъ 12 до 15 тысячъ человекъ съ недѣлю сосланы въ Сибирь по подозрѣнію въ *политической неблагонадежности*“. Или: „безпораки произведенные пьяною толпой въ Ростовѣ-на-Дону здѣшними газетами переименованы въ *возмущеніе Донскихъ казаковъ считающихъ себя въ правѣ не платить податей по слѣ усиленной службы въ послѣдней войнѣ*.“

Приводимъ только *суть*, безъ вариаций и украшеній...

„На всякій чихъ не наздравствуешься“, говоритъ наша по-
словица; но кое-когда сдѣлавао бы сказать: „здравія желаемъ“. И быть-можетъ наши Французы въ Максимилиановскомъ переулкѣ или редакция достоцитимой *Petersburger Zeitung* лучше сдѣлали бы посвятить въсколко строкъ для сообщенія заграничнымъ читателямъ дѣйствительнаго значенія цифръ отправляемыхъ изъ Москвы осмысленныхъ, или о *возмущеніи Донскихъ казаковъ отказывающихся отъ уплаты податей*, (!!) чѣмъ распыляться въ сладкозвучіи и медоточивости европейскаго концерта, или воскуриваніи еуміама гениальности князя Бисмарка и идоолоклоновичаньи предъ величіемъ Германіи.

Пока наши войска не трогались изъ-за Балканъ, въ Европѣ подозрѣвали что Россія не хочетъ исполнять этого существеннѣйшаго пункта Берлинскихъ постановленій и будетъ постоянно придумывать разные предлоги для продленія оккупации. Вся печать въ Европѣ вариировала на эту тему и чего-чего только ни приписывала нашему коварству и пр. Теперь выступленіе русскихъ войскъ началось и ведется такъ энергически что полагаютъ гораздо раньше 3 августа (21 юля) (последній срокъ) ни единого русскаго солдата уже за Дунаемъ не будетъ. И что же? сознаются друзья наши въ ошибкѣ, отдають справедливость честности въ исповненіи взятыхъ на себя обязательствъ, молчатъ ли по крайней мѣрѣ? Нѣтъ; русская оккупационная армія потому такъ быстро начала выступать что присутствіе ея *оказывается крайне необходимымъ для водворенія внутренняго порядка въ Россіи, что безъ нея, одними наличными войсками, генералъ-губернаторы признали невозможнымъ справиться съ нигилистами*“ и т. д. въ этомъ родѣ. А толла читаетъ и вѣрить... Чего добраго и въ славянскихъ земляхъ сумѣють увѣрить что вся русская армія нужна для борьбы со внутренними беспорядками, чтобы впредь уже не надѣялись и не рассчитывали на Россію...

Вотъ благодарная тема для нашихъ французскихъ и нѣмецкихъ изданій; лучше бы они разъясняли въ Европѣ истинный смыслъ тенденціозныхъ измышленій печатаемыхъ въ иностранныхъ газетахъ о Россіи чѣмъ наоборотъ знакомили иностранцевъ съ тѣмъ что пишутъ петербургскія газеты....

А. ЗИССЕРМАНЪ.

О ПОДПИСКѢ

на

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

1879 года.

Годовое изданіе *Русскаго Вѣстника*, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 1879 году, стоить въ Москвѣ, безъ доставки, ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ 50 КОП., съ доставкой на домъ въ Москвѣ ШЕСТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ и съ почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи СЕМНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи, на углу Большой Дмитровки и Страстнаго бульвара.

Служащимъ можетъ быть дѣлаема разсрочка, за ручательствомъ казначеевъ или начальства.

За заграничную доставку слѣдуетъ высылать кредитными рублями или въ векселяхъ на Москву:

Въ государства входяція въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англию, Францію, Австрію, Бельгію, Германію, Грецію, Данію, Италию, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Португалію, Румынію, Сербію, Европейскую Турцію, Голландію, Черногорію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. 18 р.

Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

МНѢНІЯ ПОСОШКОВА*

О

СУДОПРОИЗВОДСТВѢ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВѢ

I.

„Сила (государства), лишетъ Юрій Крижаничъ, не стоитъ тако въ широкости державы, ни въ твердости градовъ; но много лаче въ добромъ законоставію.... Гдѣ суть добры законы, тамо и домовинны подданники рады живутъ и чужи желать прити. А гдѣ руть законы лакомы, тамо свои властны подданники желать премѣны господарству и часто измѣняютъ, аще могутъ, и чужи болятся прити.“ Говоря о тиранствѣ, о деспотизмѣ („о крутомъ владѣніи и людодерству“), Крижаничъ замѣчаетъ что тиранство заключается не только въ пыткахъ и казняхъ, но и „въ лакомыхъ и людодерскихъ уставахъ“. Онъ упрекаетъ государей въ томъ что они не думаютъ о реформахъ въ законодательствѣ и извиняются тѣмъ что худые законы были созданы не при нихъ, а еще при предкахъ. На государяхъ, по мнѣнію Крижанича, лежитъ въ этомъ отношеніи самая тяжелая отвѣтственность. „Повиновъ бо есть краль знать и разсудить законы, коими строчить свою державу: и аще не знаетъ или не разсудить, вина

* См. Русск. Вѣстн. №№ 6й и 8й 1878 г. и № 3й 1879 г.

остаеть на немъ.“ Худыми законами, говоритъ Крижаничъ, „владѣтели“ разоряють Божіе законоставіе.

Онъ совѣтуеть царю Алексѣю просмотрѣть законы такихъ государствъ которыя отличаются „долговѣчностью и славой“ и извлечь изъ этихъ законовъ лучшее для Россіи. Государь-законодатель, какъ полагаетъ Крижаничъ, заслуживаютъ гораздо большаго уваженія чѣмъ „прегрозныя ратники и дивосильники и новыхъ крадествъ зачалники“, каковы напр. Александръ Великій, Юлій Цезарь, Константинъ Великій, Карлъ Великій и пр., государства которыхъ были „кратковѣчны“.*

Въ тронной рѣчи составленной Крижаничемъ для царя Алексѣя Михайловича Крижаничъ заставляеть царя разсуждать о пользѣ хорошихъ законовъ слѣдующимъ образомъ: „Какимъ образомъ мы можемъ осчастливить народъ? Конечно, мы не можемъ приказать землѣ чтобы она производила плоды, ни морю, чтобы въ немъ водились рыбы. Но мы можемъ дать хорошіе законы, эти орудія хорошей и благополучной жизни, безъ которыхъ никакая народъ не можетъ быть счастливымъ. Гдѣ добрые законы, тамъ благодать Божія, добрая слава человѣческая.“

Крижаничъ крайне недоволенъ судомъ производствомъ въ Россіи и замѣчаетъ: „Нѣсть адда диво, аще для ради тако не праведныхъ судовъ Богъ неустайно казнить Русскій народъ: и не отходить бичъ Божій отъ нашихъ хребтовъ, або мы не престаемъ правды быти и затирати“.**

Пососшковъ не былъ знакомъ съ сочиненіями Крижанича. Но его общія мысли о значеніи хорошо устроеннаго судопроизводства, о пользѣ законодательства вполнѣ согласуются съ нѣкоторыми мнѣніями ученаго „Серблянина“.

Юридическіе вопросы затрогиваются Пососшковымъ въ двухъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ: въ *Отечскомъ Забѣжаніи* имъ посвящена глава шестая („о старомъ подьячествѣ и о судействѣ“); въ *Книгѣ о скудости и богатствѣ* глава третья „о правосудіи“. Многіе отзывы, многія изреченія въ *Забѣжаніи* воспроизводятся почти цѣликомъ въ позднѣйшемъ сочиненіи Пососшкова.

Общій взглядъ Пососшкова на правосудіе выражается слѣдующими словами: „Я по своему мнѣнію судное дѣло и

* I, 381—782.

** I, 294.

управленіе вельми поставляю высоко, паче всѣхъ художествъ на свѣтѣ сущихъ. И того ради никакому человѣку не токмо малосмысленному, но и самому разумному не подобаеъ судейства или начальства искать, но всячески отъ него отлучиться, понеже весьма тяжелоносно оно". * Обязанности судьи въ глазахъ Посошкова имѣютъ нѣкоторымъ образомъ религиозное значеніе. Глава „о правосудіи“ начинается слѣдующими словами: „Богъ—правда: правду Онъ и любитъ. Аще кто восхощетъ Богу угодить, то подобаеъ ему во всякомъ дѣлѣ правда творити; наипаче бо всѣхъ чиновъ надлежитъ судьямъ правда хранили не токмо въ однихъ дѣлахъ, но и въ словахъ живо ничего не говорити, но чтѣ прилично къ правдѣ, то и говорить, а живыхъ словъ судья никогда не говорилъ бы. Понеже судья судитъ именованъ царскимъ, а судъ именуется Божій; того ради всяческой судья подобаеъ ни о чемъ тако не старатися яко о правдѣ, дабы ни Бога, ни царя не прогнѣвати. Буде судья судъ повѣдаетъ неправый, то у царя прииметъ временную казнь, а отъ Бога вѣчную, не токмо на тѣлѣ, но и на душѣ казнь вѣчную понесетъ. А буде судья повѣдаетъ судъ самый правдивый и нелицепріятный по самой истинѣ яко на богатаго, тако на самаго убогаго и безславнаго, то отъ царя будетъ ему честь и слава, а отъ Бога—милость и царство небесное“. ** Несправедливому судѣ, какъ полагаеъ Посошковъ, не поможетъ ни постъ, ни молитва, потому что онъ „улодобится лживому діаволу“. Постоянно судья долженъ молиться о помощи Бога при исполненіи своихъ обязанностей „дабы отъ незнанія своего праваго не обвинить, а виноватаго не оправити“. ***

Иностранцы посѣщавшіе до-Петровскую Русь въ одинъ годось осуждали юридическій бытъ и бюрократію Россіи, говоря подробно о произволѣ, сребролюбіи и чрезмѣрной жестокости судей, о медленномъ ходѣ судопроизводства, о нарушеніи на каждомъ шагѣ права собственности.

И не изъ отзывовъ только иностранцевъ знаемъ мы о злоупотребленіяхъ въ области управленія и судопроизводства. Какъ бы ни были рѣзки отзывы въ сочиненіяхъ Флетчера, Перри и другихъ, не менѣе мрачная картина юридическаго

* Соч. Посошкова, I, 69; *Отеческое Застѣпаніе*, 245.

** Соч. Пос. I, 45.

*** I, 46 и *Отеческое Застѣпаніе*, 221.

быта отражается въ дѣловыхъ бумагахъ времени предшествовавшаго Посомшкову. Г. Чичеринъ въ своемъ сочиненіи *Областные учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ* указывая на злоупотребленія воеводъ и судей, на отчаяніе населенія, доказываетъ при помощи богатаго архивнаго матеріала что даже отзывъ рѣзкаго Флетчера вполне соответствуетъ множеству случаевъ нарушенія закона и правды представителями власти. * Постоянно въ челобитныхъ того времени указывается на то что крестьяне селъ и деревень вслѣдствіе притѣсненій приказныхъ людей „въ конецъ погибаютъ и совсѣмъ до основанія разорены, бредутъ врознь и у многихъ у нихъ лашня замгла“ **, и встрѣчается угроза что все населеніе разбѣжится во всѣ стороны, если правительству не удастся устроить лучшее управленіе и справедливый судъ.

О продажности судей въ Московскомъ государствѣ Крижаничъ пишетъ такъ: „Нѣсть адда диво что на Москвѣ есть тако много воровъ и разбоевъ, и людоморства; но лаче есть диво, како еще люди праведны могутъ на Москвѣ жить. Въ Царѣ-градѣ есть людей зъ двое толико, сколько ихъ есть на Москвѣ: и народы и вѣры много различныя и соврежныя (то-есть взаимно враждебныя): и море есть у граду, да есть легко и мертвеца скрыть въ водѣ, и злодѣйцу убѣжать по водѣ же. А едвако же цѣлы годы преміають да ся въ Царѣ-граду не услышитъ ни лавка вломлена, ни храмъ выграбленъ, ни инъ каковъ разбой. А на Москвѣ ни недѣля не минеть безъ таковыхъ вѣстей.“ Крижаничъ находитъ причину лучшаго суда въ Турціи въ достаточномъ денежномъ вознагражденіи судей. Съ тѣхъ поръ, говоритъ онъ, какъ судьямъ дается приличное жалованье „праведнѣе ся суды судять у Турковъ, неже гдѣ коли индѣ на свѣту. И сіе ся видитъ быть наиваща причина: за что Богъ тако долго терлитъ и презираетъ Турскаго народа нечестіе и иные грѣхи, и прелущаетъ ихъ тако долго кралевать и христіанскіе народы избивать.“ ***

Посомшковъ въ свою очередь горько жалуется на отсутствіе правосудія. „Намъ сіе вельми зазорно“, пишетъ онъ, „не точию у икоземцевъ свойственныхъ христіанству, но и бусурмане

* См. напр. стр. 310 и слѣд.

** Стр. 316.

*** Соч. Крижанича I, 292 и 293.

судъ чинять праведенъ: а у насъ вѣра святая, благочестивая и на весь свѣтъ славная, а судная нукуды негодная, и какіе указы его императорскаго величества ни состоятся, вси ни во что обращаются, но всякъ по своему обычаю дѣлають. И доколеже прямое правосудіе у насъ въ Россіи не устроится и всесовершенно не укоренится оно, то никакими мѣрами отъ обидъ богатымъ намъ быть яко и въ прочихъ земляхъ невозможно, такожде и славы добрыя намъ не важить; понеже всѣ лакости и непостоянство въ насъ чинится отъ неправого суда и отъ нездраваго разсужденія, и отъ неразсмотрительнаго правленія и разбоевъ. И много воровства много чинится и всякія многія обиды содѣваются въ людехъ ни отъ чего иного токмо отъ неправого суда, и крестьяне остава свои дома бѣгутъ отъ неправды, и Россійская земля во многихъ мѣстахъ залуствѣла, и все отъ неправды, и отъ нездраваго и отъ неправого разсужденія. И какія губели ни чинятся, а все отъ неправды!" *

Посошковъ особенно рѣзко осуждаетъ нравственную порчу высшихъ классовъ русскаго общества, чиновнаго люда. Отъ нихъ онъ ожидаетъ главнаго противодѣйствія всякаго рода судебной реформѣ, которую онъ однако считаетъ дѣломъ необходимымъ. Онъ говоритъ: „Яко бо зданія высокаго безъ твердаго основанія не утвердити, тако и правды совершенныя безъ основательнаго изложенія никоими мѣрами уставити не возможно, понеже въ насъ неправда вельми твердо вкоренилась; кто съ кого сможетъ, тотъ того и давить; а кои люди ядовитые, то маломочныхъ вконецъ разоряють; а судьи сильниковъ и ябедниковъ аще и видать что напрасно налапають, а воспретить не смѣють.“ Отъ „сильныхъ людей“, которые „привыкли обижать людей“ Посошковъ ожидаетъ что они „всячески будутъ прелинати“ судебной реформѣ, „дабы не весьма имъ отъ праваго суда притиснутымъ быть, и того ради всячески будутъ тцатися дабы имъ по прежнему мочно было убогихъ и маломочныхъ разорять“. Не только дворянъ, вельможъ, сановниковъ Посошковъ обвиняетъ въ томъ что они пользуются отсутствіемъ хорошаго суда и достаточныхъ законовъ для своихъ личныхъ выгодъ, но и вообще всѣхъ чиновниковъ. Онъ замѣчаетъ: „въ правителяхъ вельми трудная вещь, ежебы ихъ отъ неправды отвратити, и

* Соч. Посошкова I, 87.

правда въ нихъ насадити: понеже неправда въ нихъ весьма вкоренилась и застарѣла и отъ мала до велика всё стали по-ползновенны овые ко взяткомъ и пр.“ Тутъ Посошковъ излагаетъ подробно, какъ многіе указы государя остаются часто безъ исполненія, потому что чиновники не обращаютъ никакого вниманія на распоряженія и намѣренія центральной власти. Онъ далѣе указываетъ на разные примѣры неисполненія обязанностей относительно государственной и военной службы. „И того ради“, жадуется Посошковъ, „всякія дѣла государевы и неслоры и сыски неправы, и указы его императорскаго величества недовѣдываемы; ибо вси правители дворянскаго чина своей братьи знатнымъ нарываютъ, а власть чинуютъ и дерзнованіе токмо надъ самыми маломечными людьми, а нарочитымъ дворянамъ не смѣютъ и слова воспретительнаго изрещи, но какъ кому угодно, такъ то и чинятъ, и за тѣмъ всякія дѣла и неисправны суть.“ Посошковъ сожалеетъ о томъ что государю неизвѣстно о многихъ злоупотребленіяхъ, что сильные люди ему „докладываютъ не прямо и только слово у него великаго государя вытануть, да и дѣлаютъ что хотятъ“, въ крайнемъ озлобленіи онъ замѣчаетъ: „откуда ни посмотришь, нѣтъ у великаго государя прямыхъ радѣтелей, во всё судьи криво ѣдутъ“.

И для государства, и для общества Посошковъ ожидаетъ большой пользы отъ судебной реформы, которою онъ надѣялся подыять уровень нравственности чиновниковъ. „Есаубы“, пишетъ онъ, „Господь Богъ помощь свою низлосаалъ къ намъ, ежебы изъ судей и фискаловъ и изъ прочихъ правителей древаню страсть неправды искоренити, то всякое бы дѣло не токмо царское, но и мірское слоро бѣ было. И о семь азъ мяю: аще и самыя жесточайшія казни высшимъ и нижнимъ судьямъ чинити, а древанго уложенія не измѣнить и всѣмъ дѣламъ новаго регула не учинити, то не можно правдѣ въ приказныхъ дѣлахъ установитися. Видимъ мы вси какъ великій нашъ монархъ о семь трудитъ себя, да ничего не услѣветъ, потому что пособниковъ по его желанію немало: онъ на гору аще и самъ-десять тянетъ, а лодъ гору миллионы тянутъ; то какъ дѣло его слоро будетъ? И аще кого онъ жестоко накажетъ, ажно на то мѣсто сто готовы“ *.

* Соч. Пос. I, 88—95.

Посошковъ довольно часто самъ на себѣ испыталъ произволъ „сильныхъ людей“. Хотя онъ былъ человѣкомъ зажиточнымъ и занималъ не послѣднее мѣсто въ обществѣ, онъ все-таки принадлежалъ къ числу „маломочныхъ“, обижаемыхъ и разоряемыхъ чиновниками, офицерами, вельможами. Онъ въ своихъ сочиненiяхъ говоритъ о нѣсколькихъ случаяхъ несправедливости, жертвою которой онъ былъ самъ. Такъ, напримѣръ, однажды нѣкто калитанъ Маврианъ у слуги Посошкова отнял лошадь и велѣлъ выстѣчь слугу батогами. Лошадь такъ и пропала. Посошковъ не могъ обратиться къ суду; „судъ далекъ сталъ и труденъ“, и расходы при этомъ случаѣ превзошли бы цѣнность лошади. Съ горечью говоритъ онъ объ этомъ фактѣ и что онъ „туть суда не сыскалъ“. „И то стало-быть худой судъ: и того ради надлежитъ всячески потщатися о правомъ судѣ, дабы никто къ Богу не воздыхалъ, и на судью пореченiя никакого бы не являлъ, и чтобъ Богу никто не жаловался, но всякому бѣ человѣку винѣ рѣшенiе бѣ чинить на землѣ, а до небеснаго суда и не допустить бы. И аще судъ у насъ въ Россiи устроится праведный и приступъ къ нему будетъ близостный и не трудный, то никто суду Божiю предавати не будетъ, но кiйждо по винѣ своей и судъ и награжденiе приметъ на землѣ“. *

Однажды князь Дмитрiй Михайловичъ Голицынъ велѣлъ посадить Посошкова въ тюрьму безо всякой причины и онъ тамъ просидѣлъ цѣлую недѣлю. Разказывая объ этомъ случаѣ, Посошковъ замѣчаетъ: „Колми же паче коего мизернаго посадятъ да и забудутъ. И тако многое множество безвинно сидятъ и помираютъ безвременно! А по мелкимъ городамъ многiе и дворяне приводятъ людей своихъ и крестьянъ и отдають подъ караулъ“. ** Разказывая о другихъ случаяхъ какъ безо всякой причины ругали и обижали его калитанъ Невельскiй и полковникъ Порецкiй, Посошковъ замѣчаетъ: „И я аще не весьма послѣднiй человѣкъ, а суда не сыскалъ. Какъ же сыщеть судъ кто мязирате меня? Только что объ обидахъ своихъ жалуйся на служивой чинъ Богу“. ***

Петръ Великiй какъ вельзя лучше сознавалъ эти недостатки юридическаго быта Россiи. Всю жизнь онъ боролся

* Соч. Пос. I, 44.

** Соч. Пос. I, 49.

*** Тамъ же.

съ „неправдою“, хотя успѣхъ его стремленій былъ ничтоженъ. Еще не задолго до своей смерти Петръ въ указѣ о различіи штрафовъ и наказаній за государственныя и партикулярныя преступленія выразился совершенно въ томъ духѣ въ какомъ мыслилъ Посошковъ слѣдующимъ образомъ: „Когда кто въ своемъ званіи погрѣшитъ, то бѣду нанесетъ всему государству яко слѣдуетъ; когда судья страсти ради какой или похлѣбства, а особливо когда лакомства ради погрѣшитъ, тогда первое ставеть всю коллегію тѣяться въ свой фарватеръ (то-есть въ свою дорогу) сводить, оласаясь отъ нихъ извѣта, и увидѣвъ то подчиненные въ какой роспускъ владуть, повеже страха начальничья бояться весьма не стануть, для того повеже начальнику страстному уже наказывать подчиненныхъ нельзя: ибо когда лишь только примется за виноватаго, то оной смѣло ставеть неправду свою покрывать выговорками непотребными, дая очми знать, а цной и на ухо шепнетъ или чрезъ друга прикажетъ что если не поманитъ ему, то онъ доведетъ на него; тогда судья яко невольникъ иривужденъ прикрывать, молчать, полускаты; что же изъ сего послѣдуетъ? не ино что только подчиненныхъ раслутное житіе, безстрашіе, людямъ разореніе еще горшее, прочимъ судьямъ соблазвъ: понеже вида другова неправдою богатацаса и ничего за то наказанія неумущаго, рѣдкой кто не прельстится и тако до малу всѣ въ безстрашіе придуть, людей въ государствѣ разорять, Божій гнѣвъ подвигнуть, и тако лаче партикулярной измѣны можетъ быть государству не точию бѣдство, но и конечное паденіе; того ради надлежитъ въ винахъ званія своего волею и вѣдѣніемъ преступившихъ такъ наказывать, яко бы кто въ самый бой должность свою преступилъ или какъ самаго измѣнника, понеже сіе преступленіе вацше измѣны; ибо о измѣнѣ увѣдавъ, остерегутся, а отъ сей не всякой остережется, но можетъ зѣло гладко подъ кровлею долго теченіе свое имѣть и злой конецъ получить.“*

II.

Въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича много говорится о „посулахъ“ и о наказаніи судей или служащихъ которые ставуть брать взятки. Имъ грозили и денежною пеней, и „торго-

* П. С. З. № 4.460.

вою казнью“, * однако, мы узнаемъ отъ специалиста-эксперта въ вопросахъ бюрократіи того времени, отъ Котошихина, что ничего не помогало и что продажность приказныхъ людей оказывалась зломъ глубоко вкоренившимся. Котошихинъ пишетъ:**

„Хотя и чинятъ крестное дѣлованіе съ жестокимъ проклинательствомъ что посуловъ не имати и дѣлати въ правду по царскому приказу и по Уложенію: ни во что ихъ вѣра и заклинательство, и наказанія не страшатся, отъ прелести очей своихъ и мысли содержати не могутъ, и руки свои ко взятію скоро долущаютъ, хотя не сами собою, однако по задвѣлѣтвицѣ чрезъ жену или дочь, или чрезъ сына и брата и человѣка, и не ставятъ того себѣ во взятые посулы, будто про то и не вѣдаютъ. Однако чрезъ такую ихъ прелесть приводить душа ихъ злоуманіемъ во лучину огня неугасимаго, и не токмо вреждаютъ своими душами, но и царскою, взявъ посулы облыгаютъ другихъ людей злыми словами и не стыдятся того дѣлати потому: кто можетъ всегда приходить къ царю и видѣти часто отъ простыхъ людей? и пр.“

Въ *Книгѣ о скудости и богатствѣ* Посошковъ изъясняетъ надежду что крайнею строгостію можно искоренить неправду. Онъ предлагаетъ разныя мѣры для строгаго надзора надъ судьями и приказными людьми, а далѣе—дѣлаетъ рядъ жестокихъ наказаній. Такъ напримѣръ онъ требуетъ чтобъ особый чиновникъ пользующійся довѣріемъ государя обходилъ всѣ тюрьмы и разспрашивалъ всѣхъ колодниковъ, „не чинятъ ли кому какова наладка и излишней волокиты, и не осудили ль кого не противъ даннаго имъ изложенія, и не взялъ ли кой судья или подъячій излишняго взятка?“ Предлагая чтобы чиновники получали бы вознагражденіе „отъ рублевого дѣла до многотысячнаго“ „по своей работѣ“, Посошковъ продолжаетъ: „А буде кто сверхъ указаго числа лишку хотя малое число что возьметъ, то взять на немъ штрафу за всякую излишнюю копѣйку по рублю. А кто и дастъ указаго числа излишныя, то и на немъ по рублю же за излишнюю копѣйку имать штрафу“. Такимъ образомъ Посошковъ надѣется „всѣмъ судьямъ и приказнымъ людямъ задать страхъ великой и жестокой, чтобы никто гостинцевъ не принималъ бы.... А буде кто покусится взять излишнее въ другой

* П. С. З. № 1, глава X, §§ 5, 6 и слѣд.

** Глава VII, § 38.

разъ, то и штрафъ на немъ взять сугубый: за рубль взять по 200 руб., наказанія на козлѣ, а за третью вину либо смерть, либо въ вѣчную работу къ рудокопнымъ дѣламъ. А еще кой судья и не по взятку, но по дружбѣ или по чьей просьбѣ учинить не по новоизложенному уставу, то безъ всякаго милосердія учинить ему опредѣленный указъ, какъ о томъ уложено будетъ. А еще кто изъ-за взятка нарушитъ тотъ новоизданный уставъ, то мнится мнѣ надлежитъ и домъ его со всемъ разорить и на нѣсколько лѣтъ сотворить его пустъ и прибить на томъ домѣ письмо съ изложеніемъ вины: еже за нарушение правосуднаго изложенія господину того дома учиненъ указъ, а домъ его оставленъ пустъ и живущаго въ немъ нѣсть, но токмо мышеве и нетолпыри да вогнѣжаются въ немъ. И такое штрафованіе будетъ въ роды родовъ памятно. А еще судей малыхъ и великихъ не казнить и великими штрафы ихъ не штрафовать, то и правое изложеніе учиня правды и праваго суда уставить будетъ невозможно. А еще ради установленія правды правителей судебныхъ и много падеть, быть уже такъ. А безъ урону я не чаю установится правдѣ, а прямо рещи, и невозможно правому суду установится, еще сто другое судей не падеть: понеже у насъ въ Руси неправда вельми застарѣла. А не такимъ страхомъ не чаю я того злаго коренія истребить: еще бо каа и земля вельми задернеетъ и дондеже того тернии огнемъ не выжгутъ, то не можно на ней лшеницы сѣяти: тако и въ народѣ злую застарѣлость зломъ надлежитъ и истребляти. А еще не тако, то, по моему мнѣнію, не токмо въ судѣхъ, но и во всякомъ правленіи правды не будетъ“ *.

„Неправда“ была значительною долей слѣдствіемъ прежней системы „кормленія“. Противъ этой системы возсталъ Петръ Великій, желая „искоренити неправду“; во весьма часто ему приходилось наказывать строго тѣхъ которые не могли отказаться отъ прежнихъ пріемовъ сребролюбія и продажности. Ни избобрѣтенія новыхъ должностей, на которыхъ лежала обязанность обличать „неправду“, ни страшныя казни не помогали. Фискалы, прокуроры и пр. трудились неуспѣшно; катастрофа такихъ людей какъ Гагаринъ, Нестеровъ и пр. показывала что Посомковъ справедливо считалъ глубоко вкоренившимся зломъ алчность чиновниковъ.

* Соч. Пос. I, 84—86.

Тѣмъ болѣе можно удивляться тому что Посошковъ совѣтовалъ давать судьямъ не опредѣленное жалованье, а такъ-сказать поштучную плату. Онъ пишетъ: „А судьямъ и всѣмъ приказнымъ людямъ государево жалованье денежное и хлѣбное надежить оставить, чтобы въ томъ жалованьи казна великаго государя напрасно не тратилась. Я чаю что судьямъ и приказнымъ людямъ на всякій годъ тысячь десятка по два-три исходить, а пропадаетъ оно даромъ, ни за одну деньгу гинеть, потому что они немного дѣлають даромъ, а еще бы и даромъ дѣлали, то что великому государю прибыла?“ Посошковъ предлагаетъ чтобы судьи и приказные люди получали „окладъ съ дѣла, по чему съ какого дѣла брать за работу... И такъ надобно усудить чтобы ни самаго малаго дѣла не обойти, чтобы никакого дѣла даромъ не дѣлали и брали бь самое праведное по распоряженію“. Онъ предлагаетъ уменьшать плату въ томъ случаѣ когда условенная работа чиновника не послѣдуетъ къ опредѣленному сроку, „а буде же гораздо заволочить, то и всея своея лишится мзды“ *. Посошковъ надѣялся что чрезъ это челобитчикамъ „будетъ вельмо полезно“. Посошковъ, повидимому, не предвидѣлъ какая вереница злоупотребленій была бы слѣдствіемъ осуществленія его предложенія.

Другимъ неудобствомъ юридическаго быта Россіи до Посошкова и при немъ была медленность хода дѣла. Недобросовѣстность и продажность судей и приказныхъ людей постоянно вызывали жалобы челобитчиковъ на „волокиту“. И въ этомъ отношеніи правительство старалось строгими наказаніями всѣмъ служащимъ, а довольно часто и строжайшимъ наказаніемъ виновниковъ волокиты помочь несчастнымъ жертвамъ чрезмѣрно медленнаго рѣшенія процессовъ. Такъ называемыя „проѣсты и волокиты“ во многихъ указахъ и распоряженіяхъ являются предметомъ крайняго негодованія правительства, ** но какъ видно изъ множества указовъ Петра Великаго на этотъ счетъ, а далѣе изъ жалобъ Посошкова, всѣ старанія правительства устранить это зло оказываются тщетными. ***

* Соч. Пос. I, 81 и 82. См. также первый томъ настоящаго сочиненія, стр. 107.

** См. напримѣръ, Дмитріева: *Ист. судебн. инстанцій и гражд. апелляціоннаго судопроизводства*. Москва, 1859, стр. 426.

*** Нельзя не удивляться тому что ганноверскій резидентъ Веберъ (*Neuerändertes Russland*, I, 153) хвалитъ напротивъ того быстроту

Посошковъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ осуждаетъ судей за то что они весьма часто оставляютъ колодниковъ въ тюрьмѣ долгое время не приступая къ обсужденію и рѣшенію ихъ дѣла. Онъ указываетъ на разные примѣры такого рода, на примѣръ на одинъ случай въ которомъ одинъ человекъ совсѣмъ напрасно былъ посаженъ въ острогъ и тамъ просидѣлъ четыре мѣсяца. „А по правому разсужденію не довелось было и единого дня его держать“; все это, говоритъ Посошковъ, „затѣйки приказныхъ людей, а людямъ Божиимъ такимъ задержаніемъ чинятъ великій убытокъ“. Другой случай: два плотника за то что у нихъ паспортовъ не было были брошены въ Новгородѣ въ тюрьму. Одинъ изъ нихъ просидѣлъ годъ и умеръ, другой по истеченіи двухъ лѣтъ былъ освобожденъ. „И тако говоритъ Посошковъ, многое множество безъ разсмотрѣнія судейскаго людей Божиихъ погибаетъ.“ *

Мы уже прежде видѣли какъ Посошковъ жаловался на то что „въ Россіи людей не берегутъ“ и что множество арестантовъ по тюрьмамъ напрасно хлѣбъ ѣдятъ. ** Главнымъ образомъ ради такого сбереженія Посошковъ совѣтуетъ сыну въ случаѣ занятія послѣднимъ мѣста судьи не откладывать казни преступниковъ приговоренныхъ къ смертной казни. *** Такой же указъ „о недержаніи присужденныхъ къ казни преступниковъ въ тюрьмѣ болѣе мѣсяца“ встрѣчается въ 1683мъ году. ****

Ради сбереженія Посошковъ требуетъ скорого „вершенія“ дѣлъ; ради сбереженія онъ требуетъ чтобы за „малыя вины“ не сажали бы людей въ тюрьму. „Иного, говоритъ онъ, „посадятъ на часъ, да забудутъ, то онъ въ забвеніи просидитъ и годъ мѣста... Отъ неуправленія судейскаго весьма много въ мірѣ пакостей и разоренія чинится и погибаютъ многіе напрасно; ибо многіе въ заключеніи сидя съ голоду и отъ всякія нужды умираютъ безвременною смертию.“ † По раз-

рѣшеній русскихъ судей. Иногда, говоритъ онъ, до тридцати дѣлъ оканчиваются однимъ судьей въ продолженіе одного лишь утренняго засѣданія.

* Соч. Пос. I, 48.

** См. *Иванъ Посошковъ какъ экономистъ*, 101.

*** *Отеч. Зап.*, стр. 234.

**** П. С. З. № 1000.

† Соч. Пос. I, 109.

казанъ Полака Маскѣвича, бывшаго въ Россіи въ началѣ XVII вѣка, даже если кто, напримѣръ, вечеромъ попадался на улицѣ безъ фонаря требуемаго полиціею, то обыкновенно былъ отправляемъ въ тюрьму, гдѣ иногда оставался будто бы всю жизнь. *

Посомковъ, предлагая разныя мѣры противъ волокиты, впрочемъ, какъ кажется, не столько руководствуется правилами гуманности сколько экономическими соображеніями. Лишеніе человѣка свободы, какъ кажется, въ его глазахъ не было столь печальнымъ фактомъ, какъ лишеніе общества работника, ограниченіе производства вслѣдствіе праздности колодниковъ. Онъ пишетъ: „О колодничьемъ сидѣньѣ, мнѣ кажется, надлежитъ предѣль учинить сицевый: буде кто взятъ будетъ въ розыскомъ дѣлѣ, то рѣшить его въ недѣлю и больше что въ двѣ, а въ истцовыхъ дѣлахъ держать больше сутокъ весьма отнюдь не надобно. А буде за сутки будетъ какой судья въ истцовомъ дѣлѣ держать, то кормить того колодника судья своимъ хлѣбомъ; и если учинено будетъ тако, то по нынѣшнему держать долго не будутъ.“ **

Вообще Посомковъ изъ-за экономическихъ соображеній говоритъ противъ наказанія лишеніемъ свободы слѣдующее: „Въ старомъ Уложеніи напечатано еже сажать въ нѣкоторыхъ дѣлахъ за вину въ тюрьму года на три, на четыре и больше, и та статья мнѣ возмилась весьма непристойна. И о чемъ посадить въ тюрьму, да морить лѣтъ пять или шесть, то лучше приложить ему наказанія или инаго какого штрафа, а двѣ житія человѣческаго терять не надобно. Человѣкъ на волѣ будичи имой подѣл себя и постороннихъ человѣкъ пять-шесть или больше можетъ прокормить, а въ тюрьмѣ сидячи и себя прокормити не можетъ, во вмѣсто червя будетъ хлѣбъ ѣсть и во таю претворить безъ прибытку“ ***

Посомковъ требуетъ чтобы всѣмъ судьямъ было вмѣнено въ обязанность „пециса чтобы въ тюрьмахъ колодниковъ не много было.“ „Судьямъ не похвала, говоритъ онъ, что колодниковъ много держать, но та самая честная похвала чтобы ни

* Записки Маскѣвича въ *Сказаніяхъ иностр. о Самозванцѣ*, томъ V, стр. 64.

** Соч. Пос. I, 109.

*** Соч. Посомкова. I, 110.

одного не было.“ „Я не знаю, пишетъ Посошковъ въ *Отеческомъ Заблужденіи*, что за честь судья, еже тюрьму и не одну лопаму насаждаетъ воровъ; и не токмо тюрьмы, но и въ канцеляріяхъ иудѣ насажено такъ много что межъ нихъ и пройти невозможно.“ Онъ находитъ что есаубы колодниковъ было меньше, то можно бы употребить зданія назначенныя для тюремнаго заключенія для болѣе полезныхъ цѣлей. Онъ требуетъ чтобы ни колодниковъ, ни челобитчиковъ не было много въ канцеляріяхъ. „Я не знаю что и въ семь красы еже такъ въ канцеляріяхъ челобитчиковъ тѣснится что и до судьи добраться маломочному не возможно.“ Посошковъ требуетъ чтобы было строжайше приказано подъячимъ „чтобы челобитчиковъ отнюдь долго не волочили“. И при этомъ у Посошкова экономическія соображенія стоятъ на первомъ планѣ. Если, говорить, вмѣсто празднаго шатанія челобитчики будутъ заниматься своимъ дѣломъ — купецкіе люди купечествомъ, мастеровые своимъ рукодѣліемъ — „отъ того въ народѣ поползненіе будетъ“. *

Посошковъ даетъ многіе совѣты какимъ образомъ можно избѣжать „волокиты“; сюда относится ежедневное пересматриваніе судьей всѣхъ колодниковъ, принужденіе подъячихъ оканчивать свои работы къ извѣстному сроку, нѣкоторая рѣшимость и расторопность судьи при употребленіи пытки и пр. Онъ требуетъ чтобы судья имѣлъ всегда росписи всѣмъ дѣламъ, и чтобы онъ всегда „помнилъ чтобы дѣло не лежало безъ дѣланія, чтобы даромъ и единого дни не пропуститъ чтобы дѣла какого изъ той росписи не вершити, и слушавъ чинить рѣшеніе немедленно, дабы люди Божіи въ излишнихъ волокитахъ напрасно не мучились.“

Правительство постоянно стремилось къ уничтоженію волокиты, но тщетно. Мѣстные жители постоянно жаловались на то что приказные люди „волочатъ ихъ безъ дѣла напрасно“ и что отъ этого народъ разоряется. При этомъ жалобщики ссылались на предписанія царя Алексѣя Михайловича, согласныя съ правилами требуемыми Посошковымъ. Правительство приказываетъ, грозитъ наказаніемъ, но все остается попрежнему. **

* Соч. Посошкова I. 65—66; *Отеч. Забл.*, 240 и слѣд.

** См. напр. П. С. З. № 1140.

Постоянно повторяются указы „вершить колодниковъ безъ замедленія чтобъ ихъ и впредь въ задержаніи не множили“. * Далѣе мы встрѣчаемъ разныя предписанія правительства объ обязанностяхъ служащихъ, о числѣ рабочихъ часовъ въ присутственныхъ мѣстахъ. ** Особеннаго вниманія достоинъ указъ изъ юстицъ-коллегіи о безволокитномъ и правомъ вершеніи дѣлъ. Тутъ сказано: „наипаче же смотрѣть судьямъ того всемірно чтобъ безвластные бѣдные люди и вдовы и сироты безъ меньшей самой волокиты, по безотступнымъ своимъ доукамамъ, на дѣла свои самыя скорыя вершенія отъ судей впредь получали и отъ обидящихъ ихъ защищены были, несмотря ни на какое лицо“. ** Въ другомъ указѣ также говорится что „наипаче должно призирать бѣдныхъ людей, вдовъ и сиротъ безгласныхъ и безпомощныхъ, которымъ самое его царское величество всемілосерднымъ защитителемъ есть и зыскателемъ обидъ ихъ напрасныхъ отъ насильствующихъ“. ***

Совершенно согласно съ этими взглядами правительства на высокое значеніе суда, на тяжелую отвѣтственность судей, Посошковъ въ своемъ *Отечеств. Запѣцаніи* говоритъ объ обязанностяхъ приказныхъ людей. Подъячій долженъ „живьемъ жить въ канцеляріи“; если у него мало дѣла, онъ долженъ у другихъ подъячихъ взять работы „чтобы отнюдь даромъ не сидѣть“. Онъ совѣтуетъ сыну: „Аще твоя братья подьячіе лобдуть куды логудать или чѣмъ забавиться, а ты забавляяся своею письменною работою и недвижимымъ приказнымъ сидѣньемъ.“ Затѣмъ слѣдуютъ подробныя правила объ окончаніи къ положенному сроку, о неоткладываніи дѣлъ, о веденіи памятной книжки, объ исполненіи данныхъ челоукичкамъ обѣщаній. Все это, по мнѣнію Посошкова, связано и съ матеріальною выгодой подъячихъ, которые, приобрѣвъ репутацію людей прилежныхъ, будутъ имѣть „много прибытку“. **** На этотъ счетъ взглядъ Посошкова вполне согласовался со взглядами Курбатова и Татищева. Посошковъ считаетъ позволительнымъ принимать подарки за чрезвычайныя труды. Онъ пишетъ: „Буде кто тебя чѣмъ пода-

* П. С. З. №№ 237, 462, 777, 839.

** П. С. З. № 3.290.

*** П. С. З. №№ 3.298, 3.608.

**** *Отеч. Зап.*, стр. 208 и слѣд.

рить, дабы ты принадлежнѣе потрудиася, то сна у себя убавь и тщиася чтобы не тувѣ былъ ево тебѣ подарокъ: велики бо грѣшно челоуѣку тунеядцемъ быти“ *.

Татищева Демидовъ обвинялъ во взяточничествѣ. На вопросъ Петра, справедливо ли обвиненіе, Татищевъ отвѣчалъ: „Я беру; но въ этомъ ни предъ Богомъ, ни предъ вашимъ величествомъ не погрѣшаю“, и началъ разсуждать что судья не виноватъ, если рѣшить дѣло какъ слѣдуетъ и получить за это благодарность, что вооружаться противъ этой благодарности вредно, потому что въ судьяхъ уничтожится побужденіе посвѣщать дѣламъ время сверхъ узаконеннаго и произойдетъ медленность тяжкая для судящихся. Петръ отвѣчалъ: „Правда; но позволить этого нельзя, потому что безсовѣстные судьи подъ видомъ добротныхъ подарковъ станутъ насильно вымогать.“ Другіе современники передавали отвѣтъ Петра такъ: „Ты забылъ что для добраго судьи служба есть священный долгъ, причемъ ему и въ мыслъ не приходитъ временная корысть, и что ты дѣлаешь изъ мзды, то онъ дѣлаетъ изъ добродѣтели“. **

Петръ считалъ подарки дѣломъ опаснымъ; Посомковъ и Татищевъ въ подаркахъ видѣли средство для ускоренія судопроизводства. При этомъ оба имѣли высокое понятіе о священномъ долгѣ судьи, какъ видно изъ завѣщанія писаннаго Татищевымъ для сына Евграфа и изъ *Отеческаго Завѣщанія* Посомкова.

Говоря объ обязанностяхъ „старога“ подъячаго Посомковъ замѣчаетъ, что онъ долженъ смотрѣть за молодыми подъячими чтобы они „сидя приказныя дѣла дѣлали, а не кощунство бы какое творили, но яко пригвождени бы къ мѣсту своему были.“ Въ какой мѣрѣ Посомковъ старался вникнуть въ самыя подробности техники дѣла видно изъ слѣдующаго совѣта сыну: „Аще судья дастъ тебѣ дѣло какое высмотрѣть и подписать, кто чѣмъ правъ и кто чѣмъ виноватъ, то ты, взявъ то дѣло, упряднись отъ всякихъ дѣлъ и отойди въ особое мѣсто: дабы тебѣ никто ничѣмъ не прешкодилъ и читай ево съ самымъ опаснымъ вниманіемъ, дабы тебѣ вырази мѣти самую въ томъ дѣлѣ правду и выписати

* Тамъ же, стр. 211.

** Соловьевъ, XVIII, стр. 189. Сравн. завѣщаніе Татищева сыну Евграфу.

бы тебѣ на особую харитѣицу самую есенцію того дѣла. А въ подлинномъ дѣлѣ на краешкахъ поль противъ причинныхъ всѣхъ рѣчей ставь численныя слова, цыфирныя или азбучныя, и на выметку тѣ причинныя рѣчи выметавъ, приписывай тѣ же численныя слова противъ всякія рѣчи, кои написаны у тебя будутъ въ подлинномъ дѣлѣ, и выметавъ тѣ всѣ рѣчи сланичъ противъ всѣхъ отмѣтокъ, и сицѣвымъ образомъ удобнѣ познать можешь чья правда и чья неправда и пр.“*.

Въ главѣ „о суждѣствѣ“ Посошковъ обращаетъ особенное вниманіе на внутреннюю религіозную жизнь судьи и говоритъ весьма подробно о молитвѣ которая ежедневно должна служить для судьи приготовленіемъ къ исполненію своихъ обязанностей. Далѣе Посошковъ указываетъ на разныя правила которыми сѣдуетъ руководствоваться при допросахъ преступниковъ, при вопросахъ гражданскаго судопроизводства и проч. Тутъ между прочимъ судья вѣнчается въ обязанность склонять тяжущіяся партіи къ полюбовной сдѣлкѣ. Судья хотя и убавитъ пошлины въ казнѣ государевой чрезъ приведеніе истцовъ и отвѣтчиковъ въ миръ, все-таки оказываетъ государству большую услугу, „пожеже отъ тяжбы истецъ и отвѣтчикъ разоряются, а въ миру живучи всячески самѣ будутъ въ полности и государю прибыли отъ нихъ болши сойдется, потому кулецкой человекъ съ торгу своего болши приказныхъ пошлинъ прибыли привесеть, а мастеровой болши сработаетъ, а въ приказной тяжбѣ и большой волокитѣ всѣхъ своихъ пожитковъ лишаются.“

III.

Посошковъ не ограничивается жалобами на нравственную порчу въ сословіи приказныхъ людей и судей. Онъ сѣтуетъ также на отсутствіе сознанія о правѣ въ массѣ народа, съ негодованіемъ указываетъ на множество случаевъ обмана въ торговлѣ и на нечестность кулцовъ** и столь же рѣзко осуждаетъ въ низшемъ классѣ народа склонность къ праздности и лѣни, къ праздничеству, къ разбоямъ и грабежамъ.***

* *Отечественное Завѣщаніе*, 216.

** *Посошковъ какъ экономистъ*, стр. 223 и слѣд.

*** Тамъ же, стр. 264 и слѣд.

Вопросу о разбойникахъ посвящена цѣлая глава въ сочиненіи *О скудости и богатствѣ*. О нихъ говорится довольно подробно и въ главахъ о подъячихъ и судьяхъ въ *Отечественскомъ завѣщаніи*. Тутъ Посолковъ является отчаяннымъ ригористомъ, предлагаетъ самыя строгія мѣры и надѣется главнымъ образомъ на предостерегательную систему наказаній.

Правительство не переставало бороться съ этимъ зломъ. Палачи работали неуспѣшно. Въ тюрьмахъ находилось постоянно множество „дикихъ людей“. Пока однако не измѣнились главные основанія общественнаго и государственнаго строя въ Россіи, пока посадскіе люди и крестьяне „брели врознь“, спاسаясь бѣгствомъ въ лѣса и степь, на украины государства, — зло не уменьшалось.

При Іоаннѣ Грозномъ жалобы мѣстныхъ жителей на разбойническія шайки вызвали созданіе такъ-называемыхъ „губныхъ“ учрежденій. На мѣстныхъ жителей была возложена обязанность преслѣдовать разбойниковъ, ловить, судить и наказывать ихъ. Во время междуцарствія и самозванцевъ зло развилось хуже прежняго. На прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ отвѣтомъ было сильнѣйшее размноженіе „гулащихъ“ людей, усиленіе казачества, появленіе безчисленныхъ шайкъ разбойниковъ, развитіе противогосударственныхъ и противобщественныхъ элементовъ. И въ городахъ, и въ деревняхъ постоянно повторялись случаи грабежа и разбоя. Всѣмъ иностранцамъ бывшимъ въ Россіи бросалась въ глаза эта распущенность въ низшемъ классѣ населенія, отсутствіе безопасности, множество случаевъ убійства, грабежа и зажигательства среди бѣла дня даже въ большихъ городахъ, не исключая и самой столицы. Таковы отзывы Маржере, Коллинса, Невилля, Корба и пр. Не даромъ, какъ мы знаемъ изъ сочиненій Котошихина, въ „разбойномъ“ приказѣ было не менѣе пятидесяти залочныхъ мастеровъ и разбойниковъ подвергали страшнымъ пыткамъ.

Въ архивныхъ дѣлахъ того времени постоянно повторяются жалобы разныхъ селъ и городовъ что разбойники ихъ мучать, огнемъ жгутъ и вымучиваютъ у нихъ денегъ и что многіе разорившіеся такимъ образомъ „бредутъ врознь“.

Дѣла насиія совершавшіяся въ обширныхъ размѣрахъ оказывали вредное дѣйствіе на все общество. „Человѣкъ, замѣчаетъ г. Соловьевъ, рисуя печальную картину государственнаго и общественнаго быта Россіи наканунѣ реформы

Петра Великаго, привыкалъ къ случаямъ насила, грабежа, смертоубійства; привычка лагубная, ибо ужасное становилось для него болѣе не ужаснымъ, и при этомъ относительно своей безопасности онъ привыкалъ полагаться или на собственную силу, или на случай, а не на силу общественную, правительственную, и легко повѣять какъ вслѣдствіе этого ослаблялось въ немъ сознаніе общественной связи: онъ привыкалъ жить въ лѣсу, а не въ обществѣ, и вести себя сообразно этому. На Западѣ въ Средніе Вѣка завидитъ лутвикъ замокъ возвышающійся на скалѣ и трелещеть: это разбойничье гнѣздо; въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ чѣмъ выше и обширнѣе былъ домъ тѣмъ опаснѣе онъ былъ для прохожаго, не потому чтобы самъ владѣлецъ дома, бояринъ или окольниковичій, напалъ на прохожаго и ограбилъ его, но у этого знатнаго боярина или окольниковича нѣсколько сотъ двори, праздною и дурно содержимой, привыкшей кормиться насчетъ каждаго встрѣчнаго, будь это проситель къ боярину или просто прохожіи“ *

Множество было случаевъ разграбленія монастырей, нападенія на богомольцевъ. Постоянно приходилось отправлять военныя команды противъ разбойниковъ. Въ перепискѣ сановниковъ при Петрѣ вопросъ о разбойникахъ игралъ весьма важную роль. По донесенію голландскаго резидента, въ концѣ 1722 года въ Петербургѣ въ одинъ день казнили 24 разбойника, вѣшали, колесовали, вѣшали за ребра. Жестокія казни помогали лишь отчасти. Самымъ строгимъ преслѣдователемъ разбойниковъ былъ князь Федоръ Юрьевичъ Ромодановскій: какъ только не стало этого страшнаго „Пресбургскаго короля“ „обливавшагося кровью въ Преображенскомъ“, разбой успались въ столицѣ. Въ іюлѣ 1718 года фельдмаршалъ Шереметевъ писалъ изъ Москвы къ Макарову: „О здѣшнемъ московскомъ поведеніи не могу ничего полезнаго доносить: Москва такъ состоитъ какъ вертелъ разбойничій; все пусто, только воровъ множится и безпреставно казнятъ“ **.

Въ какой мѣрѣ правительство обращало вниманіе на разбойниковъ, видно между прочимъ изъ множества указовъ о наказаніи ихъ. Замѣчательно нѣкоторое колебаніе уголов-

* Соч. XIII, стр. 165.

** Соловьевъ, XIV, 150; XV, 17 и 275; XVIII, 158 и 183.

ныхъ законовъ въ этомъ отношеніи. То встрѣчается самая крайняя строгость и жестокость въ наказаніяхъ такихъ преступниковъ, то нѣкоторая мягкость, нѣкоторое снисхожденіе. Въ 1653 году смертная казнь замѣнена наказаніемъ кнутомъ, съ отсѣченіемъ у лѣвой руки одного пальца и отправленіемъ въ Сибирь. Только при повтореніи преступленія было велѣно казнить разбойниковъ. Въ 1654 году было приказано вѣшать зажигателей. Въ 1655 году правительство объявляетъ чтобы „тати, разбойники и убійцы и всакіе воровскіе люди приносили покааніе и государь ихъ пожалуетъ и велитъ имъ вмѣсто смерти дать животь“. Въ 1659 году разбойниковъ приказано „и за первый разбой“ казнить смертию. Въ 1663 году опять смертная казнь замѣнена отсѣченіемъ ногъ и лѣвой руки, причемъ было приказано „тѣ отсѣченныя ноги и руки на большихъ дорогахъ прибывать къ деревьямъ“ съ надлежащею надписью. Въ 1666 опять указъ о замѣнѣ отсѣченія рукъ и ногъ смертною казнью* . Особенно подробно о наказаніи разбойниковъ говорится въ „новоуказныхъ статьяхъ о татевныхъ разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ,“ въ 1669 году. Тутъ опредѣляется мѣра наказанія для каждаго преступленія не только самого разбойника, но и тѣхъ которые знали о преступленіи, но не довели о немъ куда слѣдуетъ. ** При этомъ сказано что такихъ злочинцевъ и въ праздники можно пытать и мучить безъ милосердія, потому что они сами не разбирая дней воровства свои и убійства дѣлають. *** Въ 1669 говорится объ отсѣченіи рукъ, ногъ и пр. Въ 1679 году все это замѣнено простою ссылкой въ Сибирь на лашю на вѣчное житье. Въ 1682 году вновь говорится объ отрѣзаніи ушей, объ отсѣченіи пальцевъ и пр. **** Во многихъ указахъ говорится о мѣрахъ поимки разбойниковъ и отобранія у нихъ награбленныхъ вещей. Такъ-называемые „сыщики“ начинаютъ свою дѣятельность въ разныхъ краяхъ государства. При Петрѣ прежнія наказанія замѣнены отправленіемъ разбойниковъ въ Азовъ. О поимкѣ воровъ и разбойниковъ и объ изслѣдованіи ихъ преступленій говорится весьма подробно въ указѣ 1710 года. Въ 1711 году приказано

* П. С. З. №№ 105, 126, 165, 255, 256, 334, 383.

** П. С. З. № 441 (т. I, стр. 774—880).

*** Срав. Котошихина, стр. 90.

**** П. С. З. №№ 772 и 876, 970; см. также 1265, 1413, 1510, 1570, 1924.

вѣшать разбойниковъ въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ они будутъ пойманы. Всесторонне обсуждается вопросъ о наказаніи разбойниковъ въ Военномъ Регламентѣ, вообще богатомъ источникѣ для исторіи уголовного права въ Россіи (1716 годъ) * и пр.

Словомъ, правительство въ то время когда писалъ Посошковъ всевозможными средствами старалось помочь ему, однако безуспѣшно, какъ видно между прочимъ и изъ сочиненій Посошкова. Посошковъ сваливаетъ главнымъ образомъ вину на недостаточно энергическія дѣйствія полиціи, и находитъ что искорененіе этого зла требуетъ большей бдительности, болѣе строгаго контроля надъ всѣмъ населеніемъ и болѣе строгости.

Въ *Отеческомъ Заблужденіи* Посошковъ даетъ разные совѣты какимъ образомъ должно допрашивать пойманныхъ разбойниковъ и тѣхъ людей которые могли дѣйствовать съ ними заодно. Сажать „новоприводныхъ“ воровъ „къ старымъ“, то есть къ разбойникамъ уже сидящимъ въ тюрьмѣ, онъ находитъ нецѣлесообразнымъ, потому что тогда всѣ вмѣстѣ придумываютъ цѣлую систему лжи. Нужно, по мянію Посошкова, „не давъ имъ надуматца“, пытать тотчасъ же „новоприводныхъ“ разбойниковъ. ** И въ этомъ отношеніи Посошковъ недоволенъ судьями, медленность, нерадѣніе и продажность которыхъ даетъ просторъ разбойникамъ.

Въ статьѣ „О разбойникахъ“ *** онъ пишетъ: „О истребленіи разбойниковъ много взысканія чинится изъ давнихъ лѣтъ, и многіе сыщики жестокіе посылаемы бывали: якоже Артемій Огубаловъ, Евсигней Нѣловъ и прочіе подобные тѣмъ. Обаче тѣмъ ничтоже успѣша; но всегда ихъ множество и пр.“ Объясненіе тому что за границей меньше разбойниковъ Посошковъ находитъ въ томъ обстоятельстве что „тамъ имъ лютачки ни малыя нѣтъ: въ тюрьмахъ долго не держать... А у насъ, посаждать въ тюрьму да кормить его будто добраго человека, и держать въ тюрьмѣ лѣтъ десять и двадцать, и въ такомъ долгомъ сидѣньи много ихъ уходятъ, а ушедъ, уже лучше стараго воровать стануть, и такого ради порядка надежно уже и воруютъ“.

Значитъ Посошковъ ожидалъ успѣха главнымъ образомъ отъ сокращеннаго судопроизводства. Въ доказательство

* П. С. З. №№ 2310, 2373, 2439, 2823, 3.008, и пр.

** *Отеч. Заб.*, 237 и слѣд.

*** Соч. Посошкова, стр. 151.

справедливости этого мѣня оны приводятъ слѣдующій примѣръ. Замѣчая что за границей нѣтъ столько воровъ и разбойниковъ, потому что тамъ не только за разбойно и за кражу вѣшаютъ и что поэтому никто воровать не смѣетъ, оны продолжаютъ: „Намъ нечего дивиться иноземцамъ что у нихъ воровства мало; се бо и у насъ въ Россіи и самыя безхлѣбныя мѣста и Поморскія и Заонежыя и у тамошнихъ жителей ни разбоевъ, ни татей нѣтъ: буде кто въ лѣсъ пойдетъ, буде станетъ ему тепло, то оны шубу или кафтанъ верхій снѣвъ съ себя повѣситъ на дерево, и назадъ идучи и возьметъ; наки лошадей молодыхъ спустятъ въ лѣсъ весною, а сыскиваютъ уже послѣ Покрова по заморозью. Чего жь ради такъ тамъ дѣется? авѣ есть въсѣмъ что потаенія ворами нѣтъ. Буде кто въ воровствѣ явится, то вмѣсто тюрьмы посадятъ его въ воду; и того ради и крѣпко у нихъ и никто чужаго ина и лѣсу лежащаго взять не смѣетъ.“ * Очевидно тутъ говорится о собственной расправѣ населенія съ мошенниками, помимо регулярнаго судопроизводства. И въ настоящее время конокрадство иногда наказывается самимъ населеніемъ строже чѣмъ обыкновеннымъ судомъ. Посопковъ, повидимому, не усматриваетъ незаконности такого образа дѣйствій. „А у насъ“, говоритъ оны, „указы на воровъ весьма учивены милостиво ворами, а кого ограбить, тѣмъ уже весьма не милостиво: не точію за малую кражу повѣсится, но и за тысячу рублей не повѣсятъ и того ради и поимки весьма не боятся.“ **

Не даромъ Посопковъ утверждаетъ что „никогда тѣмъ разбойникамъ конца не будетъ еще вывѣшняго судейскаго правленія не измѣнять, и отъ чего они родятся, если не пресѣчь.“ *** Оны указываетъ на разныя злоупотребленія, напр. на слѣдующее: „Воровъ и разбойниковъ“, лишеть оны, „и вывѣ не весьма бы много было еще бы имъ отъ судей потачки не было: тѣ бо егда увѣдаютъ что пойманъ воръ или разбойникъ, то и спросятъ, чей оны крестьянинъ? и егда услышатъ что оны снѣжнаго лица или несильнаго, да лѣбождатаго или свойственнаго себѣ, или хлѣбосольца, то дождавъ помѣщикамъ тѣмъ отлускаютъ и безо мзды на волю, и тѣмъ

* I, 154—167.

** I, 165—166.

*** I, 154.

крестьяне или дворовые люди надѣвочись на тѣхъ своихъ ломѣщиковъ, смѣло воруютъ. А у коихъ разбойниковъ денегъ довольно, то тѣ деньгами откупаются. Въ прошломъ году былъ я въ приказѣ провинціального суда: при сидѣньѣ Ивана Макивина приведенъ былъ нѣкто дворянинъ Скрыплевъ, а на шеѣ у него цѣль, а по ногамъ желѣза, и я вида его спросилъ: въ какомъ дѣлѣ сидитъ? И сказали про него: дѣло де до него великое и живу де ему не чаемъ быть. Ажно и ничего ему не доспѣвалось; молитва денежная помогла ему. Господинъ судья сдѣлалъ его права и здрава. И вѣдучи я къ себѣ на заводъ спросилъ про того Скрыплева; и тамошніе жители сказали про него что великой де азарникъ и губитель, человекъ де лять-шесть пошло отъ его рукъ; однако судьи милостивые помиловали его.“ При такихъ обстоятельствахъ нельзя удивляться тому что Посомковъ прежде всего желалъ „паче воровъ и разбойниковъ дать страхъ судьямъ и подъячимъ.“ *

Что же касается „престѣченія“ причины или корня разбойничества, то исходною точкой для соображеній Посомкова служить то убѣжденіе что довольно значительная часть сельскаго населенія дѣйствуетъ заодно съ разбойниками, что бываетъ солидарность между цѣлыми деревнями и преступниками. Поэтому онъ предлагаетъ устроить строжайшій контроль надъ всѣми жителями деревень и городовъ, самую строгую паспортную систему. Сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе должны были бы имѣть надзоръ „чтобы никто и изъ высокихъ персонъ безъ вѣдома своихъ сотскихъ или пятидесятскихъ выкуды не отѣзжали, а куда кому случится ѣхать, чтобы у сотскихъ или у пятидесятскихъ своихъ брали за ихъ печатными отпусковыми письма и въ тѣхъ письмахъ описывали именно, куды кто поѣхалъ и за какимъ дѣломъ, и на какое время поѣхалъ и людей съ собою koliko взялъ и кого имяны.“ Посомковъ желаетъ чтобы люди всѣхъ сословій наблюдали другъ за другомъ и доносили на тѣхъ которые безъ вѣдома своихъ пятидесятскихъ ѣздить куда-либо или оставляютъ свои дома ночью порой. ** Онъ предлагаетъ цѣлый рядъ мѣръ для наказанія недобросовѣстныхъ пятидесятскихъ и сотскихъ, надѣется на контроль надъ контролемъ

* I, 163.

* I, 155.

и на разныя мѣры поддержанія авторитета этихъ сотскихъ и проч.

Во всемъ этомъ обнаруживается значительная близорукость. Не говоря уже о томъ что столь ужасное стѣсненіе свободнаго движенія населенія не могло не вредить экономической дѣятельности и вообще подобная регламентація и множество формальностей были бы весьма опаснымъ ограниченіемъ личныхъ правъ каждаго гражданина, Посошковъ забываетъ что новые чиновники, то-есть сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе, принадлежали бы къ тѣмъ элементамъ общества къ которымъ принадлежали подъячіе и судьи. Не было никакого основанія ожидать болѣе добросовѣстнаго исполненія обязанностей со стороны этихъ новыхъ надзирателей чѣмъ отношеніе къ своимъ обязанностямъ прочихъ приказныхъ людей.

Результатовъ Посошковъ надѣется достигнуть помощью мѣръ необычайной строгости. Онъ говоритъ: „Какая казнь будетъ ворѹ, такая жъ казнь будетъ и солдатамъ кои вѣдали да молчали. А буде изъ большаго дому изъ боярскаго кто своруетъ что, то того дому всемъ дворовымъ, кои вѣдали да молчали, такая же казнь, и кои и не вѣдали, а того жъ дому, и тѣхъ кнутаомъ битъ колико указано будетъ. А буде кой сотской или пятидесятской, увѣдавъ за кѣмъ воровство, да умоличтъ, то горше вора прииметъ муку и казнь лютойшую и пр.... буде кто вѣдая о разбойникахъ да утаитъ, тому будетъ смертная казнь.“ Посошковъ предлагаетъ всѣхъ „съ великимъ притяжаніемъ спрашивать чтобъ паче огня боялись таковыхъ прикрывать, каковыхъ указъ требуетъ.“ Помѣщичьи люди, по его мнѣнію, не должны прикрывать своихъ помѣщиковъ уже потому „что имъ уже конецъ будетъ, а свободы попрежнему уже не будетъ, но что попалъ, то и пропалъ. И буде кто и лотаитъ и тому конецъ невозвратный же будетъ. И аще и свой братъ скажетъ про сосѣда своего что онъ вѣдалъ, а не сказалъ, то тому кто скажетъ будетъ пожалованъ, а кто лотаитъ, тому неотложная смерть“ и пр.

Далѣе Посошковъ предлагаетъ разныя мѣры ополченія крестьянъ противъ разбойническихъ шаекъ. И тутъ однако онъ ожидаетъ сопротивленія или по крайней мѣрѣ нерадѣнія со стороны крестьянъ, такъ что и при этомъ случаѣ оказывается необходимымъ цѣлый рядъ наказаній. Если на примѣръ посылаютъ въ какую-либо деревню за помощью противъ раз-

бойниковъ налавшихъ на другую деревню и мужики не пойдутъ, то всѣхъ до послѣдняго нужно „бить кнутомъ“, особлаво же сотскихъ или старость.

Посошковъ знаетъ что крестьяне неохотно помогали другъ другу противъ разбойниковъ; поэтому онъ требуетъ кромѣ наказанія кнутомъ всѣхъ тѣхъ которые не пойдутъ на помощь, заставить вознаграждать жертвъ разбоя за понесенную потерю. „А буде за ихъ невыручкою до смерти кого замучать, то за голову пятьдесятъ рублевъ или и больше, колико уложено будетъ, доправить на всѣхъ тѣхъ кои на выручку не пошли“. *

Впрочемъ Посошковъ сознаетъ что придуманная имъ паспортная система можетъ оказаться неудобною. Онъ замѣчаетъ: „И сіе новое о всековечномъ (истребленіи) воровъ и бѣглыхъ людей изложеніе трудно токмо сперва будетъ что безъ письменнаго отпуску разбойниковъ, и изъ дому своего далье десяти верстѣ отнюдь не ѣздить и въ ночи и въ другую деревню хотя и въ верстѣ, не исходить, а въ городѣхъ ночью бѣ и въ другую слободу отнюдь неисходно жѣ. И аще сіе установленіе годъ мѣста исполвится, а егда обыкнутъ, тогда и легко будетъ.“ Вообще же вся эта мѣра должна была, по мнѣнію Посошкова, быть лишь временною. По достиженіи желанной цѣли, то-есть по пресѣченіи разбоевъ и грабежей, онъ считалъ бы возможнымъ отмѣнить эту систему надзора и наказанія. „И егда“, говоритъ онъ, „дѣтъ десятокъ мѣста въ таковой крѣпости побудутъ, то уже и безъ писемъ ходить и ѣздить будетъ мочно; только бы судьи въ дѣлахъ своихъ были бы крѣпки, и его императорскаго величества новаго изложенія не нарушили; понеже всякое дѣло крѣпко постоянствомъ“. **

Обычный оптимизмъ Посошкова заставляетъ его выразить-ся слѣдующимъ образомъ о значеніи предлагаемыхъ имъ реформъ: „И противъ вышесказаннаго предложенія аще тако состоится, то я чаю разбой однимъ годомъ потухнуть, а другимъ что и слуху про нихъ не будетъ. Токмо надобно судьямъ положеніе то хранить чтобъ ничего изъ него изрочить. А аще не нарушится тотъ указъ, то чаю что во вѣки разбоевъ у насъ въ Руси не будетъ“. ***

* Соч. Посошкова I, 160—175.

** I, 166 и 167.

*** I, 162.

IV.

Петръ Великій старался постоянно новыми учрежденіями, наказами и предписаніями ограничить произволь приказныхъ людей, защитить населеніе отъ своевольства и самовласти чиновниковъ и судей. И администрація, и судопроизводство нуждались въ болѣе точномъ опредѣленіи въ отношеніи веденія всѣхъ дѣлъ. Недостатокъ въ нормахъ по которымъ должны были дѣйствовать органы правительства вызывалъ множество случаевъ несправедливыхъ рѣшеній судей и произвольныхъ дѣйствій приказныхъ людей. Петръ Великій старался помочь этому недостатку введеніемъ коллегіальнаго порядка при управленіи дѣлами, учрежденіемъ Сената, устройствомъ разныхъ должностей для наблюденія за правильнымъ ходомъ дѣлъ, назначеніемъ контролеровъ общарущихъ всѣ случаи нарушенія какихъ-либо законовъ или недобросовѣстнаго исполненія обязанности. Петръ сознавалъ что для государя, хотя бы онъ обладалъ такою же колоссальною рабочею силой какъ онъ самъ, невозможно заботиться обо всемъ, входить въ всѣ подробности управленія и судопроизводства, рѣшать всѣ вопросы. Весьма характеристически онъ однажды въ 1718 году жаловался на установившійся обычай во всѣхъ дѣлахъ обращаться лично къ государю, онъ говоритъ: „Понеже челобитчики непрестанно его царское величество докучаютъ о своихъ обидахъ, вездѣ во всякомъ мѣстѣ, не даа покою; и хотя съ ихъ стороны легко разсудить можно, что всякому своя обида горька есть и несносна; но при томъ каждому разсудить же подлежитъ что какое ихъ множество, а кому бьютъ челомъ—одна персона есть, и та коликими воинскими и прочими несносными трудами объята, то всѣмъ извѣстно есть. И хотя бы у нихъ трудовъ не было, возможно ли одному языку за такими многими усмотрѣть?“ Руководствуясь такими соображеніями, Петръ старался создавать такіа судебныя мѣста на которыя не можно было приносить жалобы императору. * Такимъ учрежденіемъ былъ Сенатъ, высшій авторитетъ въ судебныхъ и административныхъ дѣлахъ, занимавшій мѣсто возлѣ царя.

Какъ кажется, въ глазахъ народа Сенатъ не имѣлъ такого значенія какое желалъ придать ему Петръ Великій. Посом-

* Сергѣевичъ, I. с., 721—722.

ковъ, иногда упоминаая о Сенатѣ, не обращаетъ достаточнаго вниманія на авторитетъ Сената. За то онъ предлагаетъ учрежденіе высшаго присутственнаго мѣста, въ которомъ, по его мнѣнію, должны были сосредоточиваться отправленія бывшія обязанностью Сената. Онъ пишетъ: „И ради самая твердости въ судахъ и во всякомъ правленіи, чтобъ отъ правосудія ни много ни мало судьи не колебались, надлежитъ учинить особливую канцелярію, въ которой бы правитель былъ самый ближній и вѣрный царю. Яже бы онъ былъ око царю, вѣрное око, яже бы надъ всеми судьями и правителями былъ ващій, и за всякими правителями смотрѣлъ властительно, и никого онъ кромѣ Бога, да его императорскаго величества не боялся. А къ той канцеляріи приходъ былъ бы самый свободный, а самъ бы тотъ правитель былъ высокъ и ко всякимъ людямъ былъ низходителевъ, и не тяжель бы онъ былъ, аще и не по вся дни, обаче, улуча время, по коллегіямъ ходилъ бы и смотрѣлъ, каково кто дѣло свое управляетъ, и нѣтъ ли каковыя въ дѣлахъ неисправности, и нѣтъ ли какихъ жалобщиковъ. Такжеде, обходя судебныя мѣста, и челобитчиковъ бы спрашивалъ, не чинятъ ли кому какова наладка и изаишней волокиты и пр. И у всѣхъ коллегій и канцелярій прибить печатные листы съ объявленіемъ такимъ: буде судья или подъячій какую учинить въ дѣлѣ несправду, то приходилъ бы въ ту канцелярію, то всякому лицу тамъ будетъ управа. Такжеде, буде кто изъ сильныхъ лицъ изобидитъ кого убогаго, или судья гражданскій или военный офицеръ чѣмъ солдатъ или драгуна изобидитъ, а онъ суда на него не сыщеть, то тутъ бы изобиденный искалъ бы обороны.“ *

Значить Посомковъ требовалъ учрежденія чего-то въ родѣ высшей апелляціонной инстанціи, учрежденія присутственнаго мѣста для административнаго судопроизводства. Петръ Великій самъ постоянно оознавалъ необходимость такого учрежденія. „Кабинетъ“, Сенатъ, генералъ-прокуроры были попытками создать что-то похожее на то чего требовалъ Посомковъ.

Въ „кабинетъ“ царскаго величества, учрежденный въ самомъ началѣ XVIII вѣка, поступали всѣ бумаги. Сюда обращались съ донесеніями, вопросами, просьбами и

* Соч. Пос. I, 80—81.

жалобами. Подлѣ царя, въ качествѣ кабинетъ-секретаря находился Макаровъ, человекъ пользовавшійся довѣріемъ царя, человекъ безъ голоса и безъ мнѣнія, но человекъ могущественный по своему приближенію къ царю. Другимъ такимъ лицомъ пользовавшимся довѣріемъ царя былъ Курбатовъ, инспекторъ ратуши, то-есть поставленный въ чинъ финансового управленія цѣлой Россіи. Онъ былъ наблюдателемъ за правильнымъ ходомъ дѣлъ, доносилъ на людей дѣйствовавшихъ незаконно, на казнокрадовъ, на обидчиковъ.* Сенатъ былъ учрежденъ, какъ говорилъ Петръ, „для всегдашнихъ нашихъ въ сихъ войнахъ отлучекъ“. Сенату „всякъ и ихъ указамъ да будетъ послушенъ такъ какъ намъ самому“, сказано въ указѣ о власти и отвѣтственности Сената. Жаловаться на Сенатъ было лишь условно дозволено, какъ видно изъ слѣдующаго изложенія въ указѣ: „И ежели оный Сенатъ, чрезъ свое мнѣ предъ Богомъ принесенное обѣщаніе, несправедно что поступать въ какомъ партикулярномъ дѣлѣ, и кто про то увѣдаетъ, то однакожь да молчитъ до нашего возвращенія, дабы тѣмъ не помѣшать настоящихъ прочихъ дѣлъ, и тогда да возвѣститъ намъ, однакожь справясь съ подлиннымъ документомъ, повеже то будетъ предъ нами суждено и виноватый жестоко будетъ наказанъ.“ Дѣятельность новаго учрежденія опредѣлена была въ слѣдующемъ наказѣ: „Судъ имѣть нелицемѣрный и несправедныхъ судей наказывать отягченіемъ части и всего имѣнія и пр.“** Но и Сенатъ не удовлетворялъ потребностямъ относительно наблюденія за законностью дѣйствій всѣхъ и каждаго. Въ началѣ 1722 года Петръ учредилъ при Сенатѣ „генераль-прокурора, то-есть стряпчаго отъ государя и отъ государства“. Онъ долженъ былъ „смотреть накрѣпко, дабы Сенатъ свою должность хранилъ и въ своемъ званіи праведно и нелицемѣрно поступалъ и надъ всѣми прокуроры, дабы въ своемъ званіи истинно и ревностно поступали и за фискалами смотрѣть и пр.“ Какъ кажется, должность генераль-прокурора ближе всего соотвѣтствовала тому лицу которое Посошковъ желалъ видѣть во главѣ предлагаемой имъ высшей канцеляріи. Петръ говорить о должности генераль-прокурора: „И понеже сей чинъ, яко око наше и стряпчей о дѣлахъ государственныхъ, того

* Соловьевъ, XVI, 2 и 6.

** Соловьевъ, XVI 45.

ради подлежить вѣрно поступать, ибо перво на немъ взыскано будетъ.“ Генераль-прокуроръ ничьему суду не подлежалъ кромѣ суда самого государя. *

Какъ видно, желанія Посошкова были исполнены, новыя учрежденія созданы. Однако оказывается необходимость контроля надъ лицами пользовавшимися довѣріемъ царя и стоявшими во главѣ учреждений соответствовавшихъ вѣкоторымъ образомъ соображеніямъ Посошкова, какъ видно между прочимъ изъ подметнаго письма 1724 года: „Въ 1723 году, сказано въ этомъ документѣ, уставить изволилъ государь канцелярію, которая пишется вышнимъ судомъ. Вышняго суда господа, по согласію съ Макаровымъ, чинили, желая себѣ, чрезъ его, Макарова, стараніе у вашего величества описныхъ деревень, повеже по всѣмъ о деревняхъ прошеніямъ докладываетъ вашему величеству оный Макаровъ, а именно: Дмитріевъ-Мамоновъ, полковникъ Блеклый, Егоръ Пашковъ, Алексѣй Баскаковъ, Иванъ Бахметевъ, которымъ уже и дано не мало, токмо еже аѣобы недовольны; графъ Мусинъ-Пушкинъ да графъ Матвѣевъ отъ него Макарова весьма одолжены, ибо что до нихъ касалось напредъ сего и вышѣ по доношеніямъ фискальскимъ важныхъ интересныхъ дѣлъ, то все имъ, Макаровымъ, закрыто; генераль Бутурлинъ и Головинъ только въ то время пріѣзжали, когда имъ они повѣстать, и что оные господа предложить, къ тому они и подписывались, а капитанъ Бредихинъ хотя и всегда съ ними въ канцеляріи бывалъ, только однимъ голосомъ противъ ихъ дѣлать ему было нечего.“ **

Изъ такихъ слухаевъ видно что неудобства заключались не столько въ недостатокъ учреждений сколько въ недостатокъ нравственности. Посошковъ въ особенности возстаетъ противъ производа „великородныхъ судей“. Онъ пишетъ: „И аще великородныхъ судей побережь отъ жестокихъ казней, то лучше изъ начала ради уставленія правды въ судьи посадить изъ нижнихъ чиновъ, а паче изъ приказныхъ людей, кои въ дѣлахъ искусны и страхъ Божій въ себѣ имутъ.“

* Соловьевъ, XVIII, стр. 137.

** Государств. Архивъ, у Соловьева, XVIII, 356, къ сожалѣнію безо всякаго объясненія или толкованія этого замѣчательнаго документа. Хотя это лишь подметное письмо, самые факты въ немъ показанные правдоподобны.

И съ ними посадить, гдѣ пристойно, и изъ военнаго чина, кѣмъ отъ службы отставлены, и изъ кулечества, въ которыхъ острота умная есть. И за таковыхъ низкородныхъ, еще кто и согрѣшитъ, стоять за нихъ и упрашивать никто не будетъ, да и сами они лаче высокородныхъ боятся будутъ. А высокородные на уложенные уставы мало смотрятъ: но какъ кто восхоцетъ, такъ и дѣлать будетъ по своей природной лыхѣ. И тѣмъ низкороднымъ судьямъ надлежитъ дать такое величество чтобъ они никакихъ лицъ не боялись, кромѣ Бога да царя, и дѣла бѣ всѣ свои дѣлали по новосочиненному его императорскаго величества указу неизмѣнно, и отъ своего ума не мудрствовали бы, и ни одну черту сверхъ указу не прибавляли бы и не убавляли бы. И еще что потребное усмотритъ кто, то доносили бѣ до царскаго величества, доলেখе то новое изложеніе еще не напечатано. А буде изъ приказныхъ людей въ судьи выбрать некого, то бы изъ дворянъ мелкихъ, кои остроумны и въ дѣлахъ искусны, и боящіеся Бога. А за нарушение новоизложеннаго указа извѣстно и смерть имъ объявить, дабы они судили, а о смерти своей помнили.“ *

Посошкова оскорбляла безнаказанность высшихъ слоевъ общества. Знатные люди, какъ мы видимъ и изъ вышеприведеннаго подметнаго письма, прикрывали другъ друга. Не даромъ поэтому Посошковъ требовалъ равнаго суда для всѣхъ. Во главѣ „о воинскихъ дѣлахъ“ онъ говоритъ: „И ради общежительства любовнаго еще великій нашъ монархъ повелитъ судъ устроить единъ каковъ земледѣльцу, таковъ и кулецкому человѣку, убогому и богатому, таковъ и солдату, таковъ и офицеру, ничимъ же отгнѣненъ, и полковнику и генералу,—и чтобъ и судъ учинить близостный, чтобъ всякому и низкочинному человѣку легко бы его доступать, како на простомудина, тако и на служиваго,—то по таковому уставу не то что офицеровъ, солдатъ изобижать, но и земледѣльцевъ не будутъ обидить. Еще увидать прямой правый судъ, то всю прежнюю свою гордость и озарничество и обиды всѣ отложить и будутъ со всѣми чинами любовно обходиться, и на квартирахъ будутъ стоять смирно, и чего имъ не указано, не стануть того дѣять, и указы его императорскаго величества не стануть ничтожить; ибо тѣмъ люди, да вси

* Соч. Посошкова, I, 86.

измѣняются. И за то всякому чину будутъ милы, и въ квартирномъ стояніи вси будутъ имъ рады, яко свойственникамъ. Сей же судъ, мнѣ мнится, не весьма правъ, еже простолюдину о обидѣ своей на солдата у солдата жь милости просить, а на офицера у офицера жь. Старая пословица есть: еже воронъ ворогу глаза не выкаюветъ! Сіе бо есть явное дѣло, что солдатъ на солдата никогда не почнетъ, а офицеры и давно не промѣняютъ своего брата и на солдата, а не то что на простолюдина; всегда бо свой своему по неволѣ другъ, и вельзя имъ другъ другу и не наровитъ: потому нынѣ тотъ виненъ, а на иной день будетъ и онъ виненъ. И потому не можно имъ праваго суда на своего брата извести и пр.* * Также и въ другомъ мѣстѣ Посожковъ требуетъ равнаго суда для всѣхъ. Онъ пишетъ во главѣ „о правосудіи“: „То бы указъ прямъ былъ, елибы написанъ былъ какъ богатому, такъ и убогому единоравенъ.“ **

При столь ревностномъ желаніи исправить судопроизводство въ Россіи Посожковъ не могъ не коснуться вопроса о необходимости составленія новаго уложенія, вопроса, который постоянно занималъ и правительство. Исправить и дополнить *Уложеніе* царя Алексѣя Михайловича считалось и Петромъ Великимъ дѣломъ крайней необходимости. Постоянно мечтали о томъ какъ бы оставивъ *Уложеніе* дѣйствующимъ сводомъ, согласить съ нимъ такъ-называемыя новоуказныя статьи, именныя указы и боярскіе приговоры и составить новое уложеніе.

Первый рѣшительный шагъ по этому предмету сдѣланъ указомъ Петра Великаго 18 февраля 1700 года, которымъ предписано свести *Уложеніе* съ послѣдующими законами. На основаніи этого указа была составлена въ 1700 году палата объ уложеніи изъ бояръ, думныхъ дворянъ, стольниковъ и дьяковъ. До 1703 года она услѣла „свести“ только три главы *Уложенія*, и была закрыта. Въ 1714 году учреждена новая коммиссія, дѣйствовавшая по 1718 годъ. Она составила до десяти главъ своднаго уложенія, которое не имѣло никакихъ послѣдствій.

Въ 1718 году Петръ рѣшился оставить прежній путь и прямо сочинить новое уложеніе, на основаніи законовъ

* Соч. Посожкова, I, 42 -43.

** Соч. Посожкова, I, 97.

русскихъ, шведскихъ и датскихъ. Въ 1720 году составлена для этой цѣли коммиссія изъ русскихъ и иностранцевъ. Какъ и должно было ожидать, эта коммиссія ничего не сдѣлала и не могла сдѣлать. Номинально она просуществовала до кончины Екатерины I, но отъ работъ ея не осталось никакихъ слѣдовъ.*

Дѣло было трудное: съ Петра I до Николая I такихъ коммиссій было 10; затрачено нѣсколько милліоновъ рублей; но всѣ эти коммиссіи были не въ состояніи исполнить своей задачи. Главное затрудненіе, какъ кажется, заключалось въ двойственности задачи: коммиссія эти должны были не только собрать дѣйствующее право въ одно цѣлое, но и улучшить и дополнить его на основаніи представленія о лучшемъ государственномъ управленіи и тѣхъ образцовъ которые имѣлись на Западѣ. Во всякомъ случаѣ для исполненія такой задачи были нужны юристы, многосторонне образованные люди, между тѣмъ какъ юридическое образованіе того времени не могло быть высокимъ. Такимъ образомъ до Сперанскаго все это дѣло, несмотря на разныя усилія, оставалось нерѣшеннымъ.

Посошковъ, самоучка, дилеттантъ, разумѣется не могъ имѣть точнаго понятія о всѣхъ трудностяхъ при кодификаціи. Однако онъ много думалъ объ этомъ предметѣ и представляетъ въ своей *Книжѣ о скудости и богатствѣ* достойныя вниманія разсужденія на этотъ счетъ. Онъ мечталъ о созваніи законодательной коммиссіи въ родѣ той какая состоялась при Екатеринѣ II. Сознывая всю сложность вопроса, Посошковъ для рѣшенія столь трудной задачи требуетъ и довольно сложнаго прибора. Если уже попытка Екатерины поражаетъ шириною замысла, то тѣмъ болѣе достойно удивленія появленіе той же мысли нѣсколько десятилѣтій до Екатерины, появленіе ея въ „мизерномъ“ крестьяннѣ села Покровскаго.

Посошковъ пишетъ: „И того ради надлежитъ сочинить правосудную книгу съ подлиннымъ разсужденіемъ на всякія дѣла. А буде не сочинить на рѣшеніе всякихъ дѣлъ новаго изложенія, то и правому суду быть невозможно; понеже у всякаго судьи свой умъ, и какъ кому понравится, то такъ и судить. А надобно такъ его усудить чтобъ и не весьма

* Градовскій, *Начала р. госуд. права*, I, 41.

смышленный судья могъ право судить. И правосуднаго ради уставу надлежитъ древняго суда уложеніе и новоустроенныя гражданскія и военныя, печатныя и письменныя, новосостоявшіяся и древнія указныя статьи собрать и по приказамъ изъ прежнихъ вершенныхъ дѣлъ выписать такіе приговоры на которыя дѣла ни въ уложенъи, ни въ новонаказныхъ статьяхъ рѣшенія не положено. И къ таковымъ вершеніямъ примѣняясь надлежитъ учинить пункты новые, дабы впредь такія дѣла не наизусть вершить, и въ Сенатъ бы не вносить, но на всякія дѣла были указныя статьи ясныя, съ совершеннымъ расположеніемъ. И къ тѣмъ русскимъ разсужденіямъ прежнимъ и нынѣшнимъ приложить изъ нѣмецкихъ судебниковъ, и кои статьи изъ иностранныхъ уставовъ будутъ къ нашему правленію пригодны, то тѣ статьи взять и присовокулить къ нашему судебнику. И лучшаго ради исправленія надлежитъ и турецкій судебникъ перевести на славянскій языкъ и прочіе ихъ судебныя и гражданского устава порядки управительныя переписать, а кои саичны намъ, то бы тые и отъ нихъ принять; слышно бо о нихъ, яко всякому правленію расположено у нихъ ясно и праведно лаче нѣмецкаго правленія.... И къ сочиненію тоя судебныя книги избрать челоуѣка два или три изъ духовнаго чина самыхъ разумныхъ и ученыхъ людей и въ божественномъ Писаніи искусныхъ, и отъ гражданства, кои въ судебныхъ и воиныхъ правительныхъ дѣлахъ искусны, и высокаго чина, кои не горды и ко всякимъ дѣламъ нисходительны, и отъ приказныхъ людей, кои въ дѣлахъ разумны, и отъ дворянства, кои разумны и правдолюбны, и отъ кулечества, кои во всякихъ дѣлахъ перебыли бѣ, кои и отъ солдатъ смышлены и въ службахъ и въ нуждахъ натерлися и правдолюбивые; изъ людей боярскихъ, кои за дѣлы ходять, и изъ фискаловъ. А мнитя мнѣ: не худо бы выбрать и изъ крестьянъ, кои въ старостахъ и въ сотскихъ бывали, и во всякихъ нуждахъ перебывали бѣ и въ разумѣ смысленные. Я видалъ что и въ Моравѣ разумные люди есть, то како во крестьянахъ не быть людемъ разумнымъ“*.

Не ограничиваясь этимъ, онъ требуетъ еще гораздо больше. Онъ пишетъ: „И написавъ тыи новосочиненные пункты всѣмъ народамъ освидѣтельствовать самымъ вольнымъ

* Соч. Пос. I, 76.

голосомъ, а не подъ принужденіемъ, дабы въ томъ изложеніи какъ высокороднымъ, такъ и низкороднымъ, и какъ богатымъ, такъ и убогимъ, и какъ высокочинцамъ такъ и низкочинцамъ, и самымъ земледѣльцамъ, обиды бы и утѣшенія отъ недознанія коегождо ихъ бытія въ томъ новоисправленномъ изложеніи не было. И написавъ совершеннымъ общесовѣтіемъ, предложить его императорскому величеству, да разсмотритъ его умная острота. И кѣи статьи его величеству угодны, то тѣ тако да и будутъ, а кѣи непотребны, ты да извергнутся или исправитъ по пристойности надлежащему. И сіе мое реченіе многіе возмеллищуютъ, ако бы азъ его императорскаго величества самодержавную власть народосовѣтіемъ снижаю, азъ не снижаю его величества самодержавія, но ради самыя истинныя правды, дабы всякой человѣкъ осмотрѣлъ въ своей бытности, нѣтъ ли кому въ твоихъ новоизложенныхъ статьяхъ каковыя непотребныя противности, иже правости противна. И аще кто узритъ какую неправостную статью, то бы безо всякаго сомнѣнія написалъ что въ ней неправость и ничего не оласаяся додалъ бы ко исправленію тоя книги; понеже всякъ рау свою въ себѣ лучше чуетъ, нежели во иномъ комъ. И того ради надобно всякимъ людемъ свои бытности выстеречи, дождеже книга не совершится; а егда она совершится, то уже никто не можетъ помочь; того бо ради и дана свобода дабы послѣди не жаловались на сочинителей тоя новосочиненныя книги, того-то ради надлежитъ ю вольнымъ голосомъ освидѣтельствовать, дабы всякая статья ни отъ кого порочена не была, но всякъ бы себѣ выстерегъ и чтобы впредь никому спорить было не мочно, но во вѣки вѣковъ было бы неварушимо оно. Правосудное установленіе самое есть дѣло высокое, и надлежитъ его такъ разсмотрительно состроити чтобы оно ни отъ какого чина не зыблемо было. И того ради безъ многосовѣтія и безъ вольнаго голоса нѣкоими дѣлы не возможно; понеже Богъ никому во всякомъ дѣлѣ одному совершеннаго разумія не далъ, но раздѣлилъ въ малыя дробинки, комуждо по силѣ его: овому далъ много, овому жъ менѣе. Обаче нѣсть такого человѣка, ему же бы не далъ Богъ ничего; и того ради и самому премудрому человѣку не надлежитъ гордиться и умомъ своимъ возноситься и малосмысленныхъ ничтожать не под-

лежить, коихъ въ совѣтъ призывать надобно; понеже мало-смысленными челоѣки многаци Богъ вѣщаемъ, и того ради наипаче ничтожить ихъ душевредно есть и того ради во установленіи правосудія весьма пристойно изслѣдовать многороднымъ совѣтомъ.“ *

Разумѣется, нельзя не признать нѣкоторыя изъ соображеній Посомкова въ высшей степени наивными, доказывающими что онъ не постигалъ всѣхъ затрудненій въ дѣлѣ законодательства. Но такія же ошибки встрѣчаются въ проектѣ Екатерины создать новое уложеніе при помощи комиссіи представителей.

„И аще, продолжаетъ развивать свой планъ Посомковъ и съ самымъ многотруднымъ многосовѣтіемъ учивена она (книга законовъ) будетъ, вскорѣ печатать ихъ не подлежитъ, но первѣе попробить на дѣлахъ; и буде никакой вредности въ правленіи томъ не будетъ, то быть ему тако, а буде въ какой статьѣ явится нѣкая неисправность, то о ней надлежитъ поразсудить и поправить ее; и того ради не худо бы года два три посудить по письменнымъ или по печатнымъ маленькимъ тетрадкамъ. И доколеже тоя новая книга строится, многія бы статьи опробовались.“ Затѣмъ уже послѣ такого опыта, Посомковъ предлагаетъ „напечатать ихъ великое множество, дабы не токмо въ городѣхъ, но и въ селѣхъ безъ того бы судьбука не было бѣ, чтобы всакъ его читалъ и волю его императорскаго величества вѣдалъ, и ничего бы противно его величества волѣ не дѣлалъ, и ото всякихъ неправыхъ дѣлъ отдалидся бы. И впереди тоя книги надлежитъ сдѣлать всѣмъ дѣламъ изъясненіе и разобрать ихъ по азбукѣ и по чину дѣлъ разнородныхъ, чтобы всякой челоѣкъ безъ труда на всякое дѣло указъ и совершенное рѣшеніе могъ во едину минуту обрѣсти....“ „И аще въ таковой твердости неподвижно правосудіе годовъ лять-шесть постоитъ неизмѣнно безъ нарушенія, то всѣ яко малочинцы и худородные, тако и величочинцы и великородные и заслуженные люди будутъ страшны, и не токмо полпрежнему обиды чинить, но и неправдъ будутъ остерегаться, и со всякимъ тицаніемъ будутъ дѣлать правду.“

Весьма любознательно еще слѣдующее предложеніе Посомкова: „И аще таковыхъ указовъ нанечатать множество и разо-

* Соч. Пос. I, 76—78.

слать не то что по городамъ токмо, но и по селамъ и по всѣмъ пегостамъ, и велѣть дьячкамъ въ недѣльные дни по отпѣвнѣи литургиі днѣ по три и по четыре ярочитать всѣмъ въ слухъ, чтобъ всѣ въ слухъ тотъ его императорскаго величества указъ вѣдали.“ *

Таковы были предложенія Посошкова, въ одно и то же время достойныя и улыбки, и удивленія.

Посошковъ не представлялъ себѣ съ какими громадными затрудненіями было сопряжено составленіе новаго уложенія путемъ который казался ему легко осуществимымъ. Очень скоро послѣ кончины Посошкова, уже во время царствованія Петра II, правительстве рѣшилось попытаться составить новое уложеніе и для этой цѣли созвать собраніе, по своему составу нѣсколько сходное съ предложеніемъ Посошкова. Тутъ-то обнаружилась вся разница между теоріей и практикой, между идеалами Посошкова и сущностью тогдашняго положенія Россіи.

14го мая 1728 года верховный тайный совѣтъ далъ Сенату указъ въ которомъ повелѣно было дополнить прежнее Уложеніе, а далѣе повелѣвалось „выслать къ Москвѣ изъ офицеровъ и изъ дворянъ добрыхъ и знающихъ людей изъ каждой губерніи по пяти человекъ, за выборомъ отъ шляхетства, и конечно ихъ выслать сентября къ 1 числу вышшняго 1728 года безо всякаго отлагательства.“ Были сдѣланы надежачія распоряженія, причемъ напримѣръ Московская губернская канцелярія предписала воеводствамъ „выбрать людей самыхъ добрыхъ и которые могли бы означенное дѣло править.“

Наступило 1е сентября, и ни одного изъ дворянъ и офицеровъ въ Москву не прибыло. Въ продолженіе сентября явились весьма немногіе депутаты. Одинъ изъ нихъ явился безо всякой бумаги. Сдѣлали справку и оказалось что онъ явился „самъ собою“. Онъ былъ исключенъ. Въ Новгородской губерніи былъ выбранъ помѣщикъ Скобельцынъ: за нимъ были посланы въ уѣздъ солдаты три раза, но онъ упорно отказывался ѣхать въ Москву. Ему грозили что ежели онъ укроется, то возьмутъ жену его и приведутъ въ Новгородъ подъ карауломъ, а если и она тоже будетъ укрываться, то за преслушаніе движимое и недвижимое ихъ имѣніе отписать на государя и людямъ ихъ и крестьянамъ ни въ чемъ

* Соч. Пос. I, 78 и 95.

ихъ не слушать. Это распоряженіе имѣло свое дѣйствіе: Скобелевынъ явился и въ тотъ же день отправленъ въ Москву съ солдатомъ. Съ нѣкоторыми другими депутатами происходили подобные же эпизоды. Нѣкоторые не хотѣли ѣхать и укрывались; другихъ нельзя было отыскать. Въ Бѣгородской губерніи выборы къ сроку не состоялись. Наконецъ было приславо нѣсколько лицъ, но они были неспособны къ предполагаемому дѣлу, потому что на осмотру однихъ оказались глухія и хромые, а другіе стары и дряхлы. Всѣ они были отправлены обратно и къ воеводамъ посланы нарочные разсыльщики съ приказаніемъ выслать новыхъ выборныхъ въ самомъ скоромъ времени. Имѣніе одного депутата не явившагося вовремя было конфисковано. Многіе искали разныхъ предлоговъ отдѣлаться отъ участія въ дѣлѣ *Уложенья*. Нѣкоторые воеводы наказаны денежною пеней за недоставленіе въ срокъ депутатовъ. Постоянно повторяются угрозы власти что неявишіеся „всекогдашнѣ штрафованы будутъ, яко преступники указа“ и что никакія отговорки ихъ не будутъ приняты въ уваженіе. Съ тѣхъ которые изъявляли готовность ѣхать брали подписки „подъ штрафомъ въ скоромъ прибытіи ихъ въ Москву“. Несмотря на всѣ эти мѣры въ концѣ ноября вмѣсто ожидаемыхъ 40 депутатовъ прибыло не болѣе 24. Еще разъ повторились предписанія и угрозы конфискованія имѣній неявишихся. Наконецъ къ началу 1729 года собрались всѣ депутаты. Подробности произведеннаго въ верховномъ тайномъ совѣтѣ осмотра означеннымъ лицамъ неизвѣстны. Только изъ указа 16 мая 1729 года, объявленнаго Сенату верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, видно что всѣхъ этихъ офицеровъ и дворянъ велѣно отлустить по домамъ, а на мѣсто ихъ приказано губернаторамъ выбрать другихъ знатныхъ и добрыхъ людей изъ каждой губерніи по два человека, которые къ тому дѣлу, то-есть къ сочиненію *Уложенья*, были бы достойны. Изъ этого распоряженія можно по крайней мѣрѣ заключить что высланные въ вышній разъ оказались къ дѣлу неспособными. О дальнѣйшемъ послѣдствіи исполненія по сему послѣднему указу свидѣній не найдено*.

Также неудачною была попытка созванія законодательнаго собранія въ концѣ царствованія императрицы Елиса-

* См. статью Полѣнова, „Законодательная коммиссія при Петрѣ II“, въ *Сборникѣ Русскаго Историч. Общества*. 1868 т. II, стр. 394—406.

веты, собранія состоявшаго изъ депутатовъ дворянства, духовенства и кулечества, а также и знаменитая Екатерининская коммиссія 1767 года. При всемъ напряженіи силъ нельзя было достигнуть той цѣли которую имѣлъ въ виду Посошковъ.

Таковы были мысли и воззрѣнія Посошкова относительно самыхъ важныхъ вопросовъ подлежащихъ рѣшенію въ эпоху преобразования.

Нельзя считать вѣроятнымъ чтобы въ Россіи во время Петра было много людей столь ясно понимавшихъ нужды Россіи и столь горячо относившихся къ ея интересамъ. Не бывъ гениальнымъ человекомъ, Посошковъ можетъ считаться чрезвычайно слобнымъ представителемъ понятій, болѣе или менѣе сознательно развивавшихся въ народѣ, понятій объ обществѣ и государствѣ, о религіи и хозяйствѣ, о юридическомъ и нравственномъ бытѣ, о педагогикѣ и о войскѣ и пр. Многие, безъ сомнѣнія, раздѣляли его мысли, не бывъ однако въ состояніи высказать оныя въ болѣе или менѣе опредѣленной формѣ. То обстоятельство что Посошковъ былъ отголоскомъ мнѣній существовавшихъ въ массѣ народа придаетъ ему громадное значеніе. Его сочиненія, свидѣтельствующія о значительной степенн умственного развитія, а также о чрезвычайно сильной нравственной энергіи, могутъ служить самымъ важнымъ матеріаломъ для исторіи общества, общественнаго мнѣнія во время Петра. Изъ другихъ источниковъ мы мало узнаемъ о томъ что происходило въ тѣхъ милліонахъ людей которыми распоряжался Петръ по своему гениальному усмотрѣнію. Сочиненія Посошкова могутъ считаться единственнымъ въ своемъ родѣ доказательствомъ что толпа, долженствовавшая молча сдѣлать за колоссальными переворотами той эпохи и повиноваться волѣ царя-преобразователя, умѣла хотя бы отчасти цѣнить значеніе затронутыхъ администраціей и законодательствомъ вопросовъ. Сочиненія Посошкова знакомятъ насъ какова была въ то время умственная и нравственная жизнь въ массахъ.

Смѣлость заставлявшая его писать, писать съ цѣлью этимъ самымъ содѣйствовать кореннымъ реформамъ, съ цѣлью по-двинуть впередъ Россію, чтобы она „яко бы отъ себя пробудилась“, объясняется и чувствомъ собственного достоинства, сознаниемъ слобности помочь власти въ великомъ дѣлѣ

преобразованія и безграницною привязанностью къ Петру, желаніемъ добра, любовью къ правдѣ, истинною нравственностью. Не даромъ онъ писалъ: „За благодатіею Божіею у великаго государя есть всякихъ людей разумныхъ. Много Нѣмцы насъ умнѣе наукою, а наши остроуміемъ по благодати Божіею не хуже ихъ.“

Достоинно вниманія убѣжденіе Посошкова что Петръ нуждается въ дѣлѣ преобразованія въ содѣйствіи всѣхъ и каждаго. Онъ пишетъ въ посланіи къ Головину: „Аще бо великій государь и великое прилежаніе о ратныхъ дѣлахъ имѣеть, обаче безъ извѣстія примѣрныхъ статей трудно въ тонкость все познать, понеже человекъ есть и сего ради потребно ему, государю, помощь подавать елико кто можетъ, и всякіе примѣры на разсудокъ предъ очи его, государскія, предлагать и о всякомъ дѣлѣ самую истину доносить; а безъ вѣрныхъ помощниковъ трудно ратное дѣло упредить.“

Цѣль Посошкова не была достигнута. Онъ не могъ помочь великому государю. Петръ, встрѣтившись однажды, какъ мы знаемъ, съ Посошковымъ, двадцать лѣтъ до составленія послѣднимъ *Книги о скудости и богатствѣ*, вѣроятно никогда и не узналъ объ обращенной къ нему литературной дѣятельности „мизернаго крестьянина“. Трагическій исходъ несчастнаго идеалиста показалъ что такія явленія какъ онъ были преждевременными. Быть-можетъ Петръ самъ, еслибы обстоятельства свели его съ Посошковымъ, умѣлъ бы цѣнить его заслуги. Государственные люди послаъ Петра погубили его, считая *Книгу о скудости и богатствѣ* преступленіемъ, между тѣмъ какъ литературная дѣятельность Посошкова была высшею добродѣтелью. Чѣмъ менѣе современники знали о Посошковѣ, чѣмъ менѣе они умѣли цѣнить заслуги его, тѣмъ болѣе потомство обязано сознательно цѣнить значеніе публициста-простолюдина который стремился къ тому чтобы быть посредникомъ между царемъ и народомъ. Указать именно на эту историческую роль мало извѣстнаго, остававшагося и въ глазахъ современниковъ, и даже въ историографіи позднѣйшаго времени на заднемъ планѣ Ивана Посошкова было цѣлью нашего труда.

А. БРИКНЕРЪ.

КРИТИКА ОТВЛЕЧЕННЫХЪ НАЧАЛЪ*

XXIII. Значеніе истиннаго религіознаго начала въ нормальномъ обществѣ.

Идеаль свободной общинности, то-есть положительнаго равновѣсія и внутренняго единства между всѣми и каждымъ, между общественнымъ и личнымъ элементомъ—этотъ идеаль, какъ мы видѣли, не можетъ быть осуществленъ если мы ограничимся одною матеріальною стороною человѣка, опредѣляющею общество какъ союзъ экономической; матеріальныя влеченія и интересы господствующіе въ этой области не даютъ по существу своему никакого основанія ни настоящему единству, ибо матеріальный интересъ самъ по себѣ эгоистиченъ и исключителенъ, ни свободѣ, ибо человѣкъ является здѣсь какъ только одна изъ природныхъ силъ, вслѣдствіе же естественнаго неравенства этихъ силъ и борьбы ихъ необходимо происходитъ подчиненіе однихъ другимъ и слѣдовательно свобода личности ничѣмъ не обезпечивается. Правда, социализмъ, ограничиваясь исключительно природнымъ элементомъ человѣка, пытается тѣмъ не менѣе (въ нѣкоторыхъ изъ своихъ ученій) въ самой эмпирической природѣ человѣка найти нѣкоторое основаніе для истинной общинности, именно

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 11 и 12ї 1877 года; №№ 1 и 10ї 1878 года, и № 1ї 1879 года.

въ такъ-называемыхъ симпатическихъ чувствахъ или социальномъ инстинктѣ (инстинктѣ альтруизма). Но помимо того что инстинкты или бессознательныя побужденія по мѣрѣ развитія человечества вообще слабѣютъ, уступая мѣсто сознательнымъ мотивамъ, такъ что еслибъ общественность могла основываться только на инстинктѣ, то умственный прогрессъ былъ бы для общества роковымъ путемъ къ разложенію, а также и помимо того что социальный инстинктъ всегда имѣетъ очень тѣсные предѣлы и вообще, какъ было показано въ одной изъ первыхъ главъ, представляетъ интенсивность обратно пропорціональную экстенсивности,—помимо всего этого, симпатическое чувство рассматриваемое какъ только фактическое и слѣдовательно *случайное* свойство человеческой природы (случайное въ томъ смыслѣ что у однихъ фактически преобладаютъ чувства симпатическія, а у другихъ эгоистическія), очевидно, не можетъ служить *общимъ и необходимымъ* основаніемъ человеческого союза, а съ другой стороны это симпатическое чувство не можетъ здѣсь предаваться и какъ идеальная норма, ибо съ точки зрѣнія природы оба противоположные инстинкта, и альтруизмъ и эгоизмъ, будучи несомнѣнно одинаковы присущими человеческой природѣ, имѣютъ совершенно одинаковыя права (какъ это было также показано выше, когда мы говорили о границахъ эмпирической или природной морали вообще). Но не только въ природномъ или матеріальномъ элементѣ челоуѣка, а также и въ его рациональномъ или формальномъ характерѣ, который объективируется въ правовыхъ и гражданскихъ отношеніяхъ и создаетъ правомѣрный государственный порядокъ, нравственно-общественный идеаль—идеаль свободной общности, не находитъ своего настоящаго основанія. Хотя здѣсь и является нѣкоторое равновѣсіе личнаго и общественнаго начала въ видѣ юридическаго равенства, въ силу котораго всѣ равны предъ общимъ правымъ закономъ, но это равновѣсіе есть чисто внѣшнее и отрицательное. Всѣ равны предъ закономъ, это значитъ всѣ одинаково *ограничиваются* закономъ или всѣ въ равной мѣрѣ ограничиваютъ другъ друга; такимъ образомъ здѣсь нѣтъ никакого внутренняго и положительнаго единства между всѣми, а только правильное ихъ раздѣленіе или разграниченіе. Внутри общей границы каждый предоставляется самому себѣ, и хотя этимъ утверждается индивидуальная свобода, но совершенно неопредѣленная и без-

содержательная, за то внутреннее единство и общинность совершенно теряются. Самое опредѣленіе челоѵка какъ существа разумно свободнаго, откуда вытекаютъ всѣ правовыя понятія, не представляетъ собою само по себѣ еще никакого положительнаго нравственнаго идеала. Понятіе нравственнаго вообще относится прежде всего къ цѣли (или намѣренію), а потомъ уже къ средствамъ или способу дѣйствія, ибо если мы не назовемъ нравственнымъ челоѵка который, слѣдуя знаменитому правилу, употребляетъ дурныя средства для хорошей цѣли, то еще менѣе можно назвать нравственнымъ такого челоѵка который хорошими средствами стремится достигнуть дурной цѣли. Между тѣмъ понятіе разумности и свободы съ вытекающимъ изъ нихъ понятіемъ формальной справедливости или права нисколько не опредѣляютъ цѣли, а только способъ дѣйствія и слѣдовательно относятся къ области средствъ. Въ самомъ дѣлѣ, если я свободно поставлю себѣ безнравственную цѣль и буду достигать ея благоразумными и легальными, то-есть формально-справедливыми средствами, то я буду вполне удовлетворять формальному качеству существа свободно-разумнаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ, очевидно, буду въ прямомъ противорѣчій съ нравственнымъ идеаломъ.

Такимъ образомъ ни элементъ матеріальнаго интереса, присущій челоѵку какъ существу природному, ни элементъ права, присущій ему какъ челоѵку, то-есть какъ существу разумно-свободному, не соответствуютъ сами по себѣ нравственному началу, и слѣдовательно и реализація этихъ двухъ элементовъ въ видѣ общества экономическаго (земства) и общества гражданскаго или политическаго (государства) * еще не есть осуществленіе нравственнаго или нормальнаго общества, не удовлетворяетъ еще общественному идеалу.

Согласно этому послѣднему, каждый челоѵкъ не долженъ быть ни средствомъ чужой дѣятельности (какъ въ обществѣ исключительно экономическомъ), ни границей ея (какъ въ

* Обыкновенно различаютъ гражданское общество (bürgerliche Gesellschaft) отъ государства, но въ такомъ случаѣ подъ гражданскимъ обществомъ разумѣютъ то что я называю обществомъ экономическимъ или земствомъ; принятая мною терминологія болѣе соответствуетъ собственному смыслу слова „гражданскій“, которое этимологически вполне однозначно со словомъ „политическій“ (політεια—гражданство).

обществѣ исключительно гражданскомъ или правовомъ),—онъ долженъ быть ея *цѣлью* въ собственномъ смыслѣ этого слова, то-есть не случайнымъ и условнымъ предметомъ дѣятельности (каковымъ каждый является для другихъ въ естественномъ порядкѣ), а предметомъ постояннымъ и *безусловнымъ*,—вѣчною идеей. Но значеніе безусловнаго предмета или цѣли очевидно не можетъ принадлежать бытію частичному и случайному,—на такое значеніе имѣетъ право только абсолютная полнота бытія, то-есть *все* или *всѣ въ одномъ* (*всеединое* или абсолютное), и слѣдовательно каждый можетъ быть безусловною цѣлью или предметомъ для другаго лишь въ томъ случаѣ если онъ (каждый) извѣстнымъ образомъ содержитъ или носитъ въ себѣ это все, извѣстнымъ образомъ выражаетъ собою это всеединое, или иными словами если каждый по самой своей сущности или идеѣ есть необходимый и незамѣнимый членъ въ составѣ всеединаго организма, такъ что ставя себѣ цѣлью (или любя въ истинномъ смыслѣ этого слова) *каждаго*, я ео ipso, въ силу внутренней неразрывной связи, имѣю цѣлью и *всѣхъ*, и точно такъ же наоборотъ—ставя себѣ цѣлью *всѣхъ* я ео ipso имѣю предметомъ и *каждаго* въ частности, поскольку дѣйствительное все, то-есть совершенное цѣлое, немислимо безъ какой-либо изъ своихъ составныхъ единицъ. Только въ такомъ абсолютномъ порядкѣ любовь является не случайнымъ состояніемъ субъекта (какова она въ порядкѣ естественномъ), а необходимымъ закономъ его бытія, безъ котораго онъ самъ не можетъ имѣть безусловнаго значенія (быть тѣмъ чѣмъ онъ долженъ и хочетъ быть), ибо это значеніе дается ему только внутренней связью со *всѣми*, какъ носителю всеединаго, а любовь есть именно выраженіе этой связи, этой внутренней существенной солидарности *всѣхъ*.

Любовь какъ частный и случайный фактъ несомнѣнно существуетъ и въ естественномъ порядкѣ,—но какъ всеобщій и необходимый законъ, то-есть въ формѣ нравственнаго принципа, она не можетъ утверждаться ни на матеріальной, ни на рациональной почвѣ, ни съ точки зрѣнія опыта, ни съ точки зрѣнія разума. Въ самомъ дѣлѣ, на матеріальной или эмпирической почвѣ мы видимъ въ людяхъ только отдѣльныя, случайныя, то-есть лишь фактически существующія и также фактически исчезающія существа съ различными случайными стремленіями и инстинктами; въ примѣненіи къ такимъ существамъ любовь какъ всеобщій законъ, то-есть требованіе

любить всѣхъ и cadaго, или ставить всѣхъ и cadaго свою дѣйствительною и положительною цѣлью, является и физическою и логическою невозможностью; физическою потому что наши непосредственныя личныя отношенія, въ которыхъ только и можетъ выражаться дѣйствительная любовь къ людямъ какъ отдѣльнымъ физическимъ существамъ, по необходимости ограничиваются очень узкимъ кругомъ; логическою потому что дѣйствительная любовь требуетъ полного отождествленія себя съ любимымъ, то-есть съ его цѣлями, а такъ какъ эмпирическія или матеріальныя цѣли людей безконечно разнообразны и между собою противоположны, то отождествляя себя съ ними всѣми я долженъ былъ бы ставить для своей дѣятельности множество другъ друга уничтожающихъ цѣлей и следовательно моя дѣятельность, заключая въ себѣ внутреннее противорѣчіе, была бы логически невозможна. Съ другой стороны, въ порядкѣ рациональномъ съ точки зрѣнія чистаго разума для меня имѣетъ значеніе только то что есть общаго во всѣхъ людяхъ, то-есть ихъ свободная личность, опредѣляемая равенствомъ,—съ этой точки зрѣнія мы имѣемъ предъ собою не живыхъ людей, а только отвѣченныя юридическія лица, составляющія предметъ формальной справедливости, а не любви. Съ этой точки зрѣнія я хоть и имѣю свою цѣлью все человечество, но лишь какъ общее понятіе, безо всякаго прямого отношенія къ жизни дѣйствительныхъ людей,—съ этой точки зрѣнія важна только идея человечества вообще, благо же и даже жизнь дѣйствительныхъ людей не имѣютъ никакого значенія; это безразличный матеріалъ, на которомъ должна проявляться сила справедливости. Если тамъ въ натуральномъ порядкѣ нравственное начало гибнетъ въ *противорѣчій частностей*, то здѣсь въ порядкѣ рационально-правовомъ оно исчезаетъ въ *безразличіи общаго*. Любовь, какъ нравственное начало, по необходимости есть *вмѣстѣ и живая личная сила, и универсальный законъ*, а потому предметомъ и содержаниемъ такой любви не можетъ быть человекъ какъ эмпирическое явленіе, ни же какъ понятіе разума: первое (эмпирическое явленіе) не удовлетворяетъ любви какъ всеобщему безусловному закону, второе (понятіе разума) не соответствуетъ любви какъ живой личной силѣ: не возможно любить истинною, то-есть совершенною любовью ни человека вообще, ни cadaго человека въ его вѣшной исчезающей дѣйствительности.

Если такимъ образомъ нравственное начало не находитъ себя мѣста ни въ натуральномъ, ни въ рациональномъ порядкѣ, то очевидно имъ предполагается высшій, абсолютный порядокъ, соответствующій третьему высшему элементу въ существѣ человѣческомъ—элементу мистическому или божественному; если человѣкъ какъ существо природно-материальное, а равно и человѣкъ какъ существо свободно-разумное не можетъ быть безусловною цѣлью или предметомъ безусловной любви, то таковою цѣлью и предметомъ можетъ быть лишь человѣкъ какъ существо божественное, человѣкъ въ Богѣ или человѣкъ какъ богъ—такой человѣкъ который „имѣетъ область чадомъ Божиимъ быти“. И если очевидно такое божественное значеніе можетъ принадлежать каждому существу не въ его отдѣльности, а лишь въ связи со всѣми, то самая связь эта очевидно не есть та которую мы знаемъ изъ естественнаго порядка—механическая связь интересовъ и правъ, а нѣкоторая другая внутренняя связь любви и свободного единства,—иными словами мы должны предположить что человѣческія существа находятся между собою не только въ извѣстныхъ натуральныхъ и рациональныхъ отношеніяхъ, изъ которыхъ вытекаютъ союзы экономическіе и политическіе, но что они также связаны болѣе тѣсною связью со стороны своей внутренней сущности, образуя единый божественный организмъ или живое тѣло Божіе.

Но въ этомъ божественномъ порядкѣ человѣкъ (каждый) какъ извѣстное выраженіе всего или нѣкоторая божественная идея (человѣкъ въ своемъ идеалѣ) является лишь предметомъ созерцанія, а не дѣятельности, и любовь здѣсь можетъ быть только какъ внутреннее пассивное состояніе, а не какъ дѣятельное отношеніе; повтому и мистическій порядокъ самъ по себѣ хотя и содержитъ въ себѣ безусловное основаніе нравственнаго закона, но не даетъ мѣста для его практическаго осуществленія, ибо въ области вѣчныхъ идей или сущностей все неизмѣнно пребываетъ въ абсолютной полнотѣ бытія, чѣмъ совершенно исключается дѣятельный практический элементъ. Но такъ какъ божественное или мистическое начало хотя и есть высшее центральное въ человѣкѣ, но не единственное, такъ какъ человѣкъ не ограничивается и этимъ началомъ, такъ какъ онъ не есть *только* божественная идея или сущность, а вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно есть и свободный

разумъ и природная сила, то такимъ образомъ рациональный и природный (матеріальный) элементъ, несомнѣнно необходимые для полноты существа человеческого, представляютъ собою мѣсто для реализаціи того нравственнаго закона, внутреннее существенное основаніе котораго заключается въ элементѣ мистическомъ. Человѣкъ есть божественная идея, но такъ какъ онъ сверхъ того есть свободное я (самоопредѣляющійся субъектъ) и еще природное животное существо, и такъ какъ единство человеческой индивидуальности очевидно требуетъ чтобъ эти три элемента были согласены между собою сообразно собственному значенію каждаго изъ нихъ, то отсюда и является для человѣка задача: осуществить свою божественную идею (или себя какъ божественную идею) въ своемъ естественномъ бытіи, то-есть въ своемъ человеческомъ (раціональномъ) и своемъ природномъ (матеріальномъ) элементѣ. А такъ какъ человѣкъ есть божественная идея только во внутреннемъ единствѣ со всѣми, въ единствѣ всечеловѣчества, или въ безусловной любви, то и осуществленіе человекомъ его божественнаго начала въ низшихъ элементахъ есть не что иное какъ осуществленіе всеединства или реализація абсолютной любви въ относительномъ мірѣ разума и природы.

Если въ мистическомъ элементѣ человѣка дается ему всеединство какъ абсолютное состояніе, какъ неподвижная цѣль жизни, то въ своемъ чисто-человѣческомъ (раціональномъ) и своемъ природномъ (матеріальномъ) элементахъ онъ находитъ необходимыя средства для дѣятельнаго, практическаго осуществленія или обнаруженія этой вѣчной цѣли, которая сама по себѣ, въ своей особенноти, выше всякой дѣятельности и пребываетъ въ вѣчномъ неизмѣнномъ покоѣ. *

Легко видѣть что если два низшіе элемента въ существѣ человѣка относятся къ высшему какъ средства къ цѣли, то

* Исключительное погруженіе человеческого духа въ его вѣчную, неподвижную цѣль, безъ стремленія осуществить, реализовать эту цѣль въ относительной области средствъ, въ измѣняемомъ мірѣ дѣйствительности,—такое одностороннее направленіе духа къ вѣчному выражается какъ отвлеченное начало *квиезма*, въ силу котораго человѣкъ стремится, хотя конечно безуспѣшно, быть всегда причастнымъ того невозмутимаго покоя вѣчности который присущъ бытію абсолютному.

при этомъ ихъ общему относительному значенію они однако представляютъ существенное различіе между собою, а именно: элементъ чисто человѣческой или рациональной, выражающійся въ формахъ разумности и свободы, служитъ *формальнымъ* средствомъ или представляетъ тотъ способъ посредствомъ котораго или чрезъ который осуществляется божественная идея въ человѣчествѣ, природный же или эмпирической элементъ служитъ *материальнымъ* средствомъ для этого осуществленія, даетъ тотъ матеріалъ въ которомъ, или ту вещественную основу на которой, осуществляется божественная цѣль.

Признаніе рациональнаго начала какъ формальнаго средства для осуществленія божественной идеи означаетъ что эта идея, составляющая вѣчную сущность человѣка, вмѣстѣ съ тѣмъ должна быть имъ свободно усвоена и разумно осуществлена во внѣшнихъ явленіяхъ. Свободно усвоена,—то есть будучи въ немъ, она должна стать также для него и *отъ* него, онъ долженъ отъ себя, своею собственною дѣятельностію, овладѣть этою идеей, то-есть *сознать* ее. Божественная идея пребывающая сама по себѣ въ мистическомъ порядкѣ должна войти въ *процессъ* разумнаго сознанія, должна быть признана человѣческимъ разумомъ. Это требованіе за разъ утверждаетъ божественное начало въ его безусловномъ достоинствѣ какъ не ограничивающееся темною областью непосредственнаго чувства и вѣры, и вмѣстѣ съ тѣмъ устраняетъ односторонность отвлеченнаго мистицизма, а съ практической стороны признаніемъ *свободы* въ усвоеніи божественнаго начала отнимаетъ основаніе у отвлеченнаго клерикализма и ложной теократіи; съ другой же стороны само рациональное или чисто-человѣческое начало съ признаніемъ его законныхъ правъ (какъ формальнаго средства необходимаго для реализаціи божественной идеи) теряетъ основаніе для своихъ незаконныхъ притязаній; ибо очевидно что если только высшая цѣль дѣйствительно признана какъ такая во всей своей безусловности, то разумъ и свобода человѣческіе могутъ имѣть притязаніе лишь на значеніе средствъ или орудій для осуществленія этой признанной высшей цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, и логически ясно, и исторически несомнѣнно что одностороннее самоутвержденіе человѣческаго, рациональнаго начала, его исключительность и отрицательное отношеніе къ началу божественному или мистическому является лишь

неизбѣжнымъ слѣдствіемъ исключительности съ которою утверждается это послѣднее, когда въ одно и то же время это начало признается безусловно недоступнымъ для разума, то-есть ирраціональнымъ не по существу только, но и по формѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ требуется чтобы разумъ безусловно подчинился во всемъ, то-есть и въ своей собственной, раціональной сферѣ, этому чуждому началу; когда же мистическое начало само вводится въ форму разума и дѣлается предметомъ свободнаго усвоенія, тогда потребности человѣческаго элемента находятъ нормальное удовлетвореніе, и отрицаніе теряетъ объективную почву.

Если такимъ образомъ форма свободы и разумности въ осуществленіи божественной идеи дается началомъ человѣческимъ, то матеріальная основа этого осуществленія есть данная природа и прежде всего данная природа **каждаго** человѣка, то-есть совокупность натуральныхъ свойствъ, влеченій, инстинктовъ и интересовъ, составляющихъ его вѣншній эмпирической характеръ, который такимъ образомъ служитъ необходимою подкладкой для реальнаго бытія или проявленія вѣчной сущности человѣка. Какъ *источникъ реальной силы для идеи*, наше матеріальное существо не должно быть подавляемо; оно должно быть развито и обработано какъ необходимое орудіе высшей цѣли. Цѣль же эта есть реализація, то-есть полное воплощеніе божественнаго начала, то-есть совместное одухотвореніе матеріи и матеріализація духа, или внутреннее согласіе и равновѣсіе обоихъ началъ.

Резюмируя сказанное мы получаемъ полное опредѣленіе человѣка или человечества съ точки зрѣнія религіознаго начала,—я говорю **человѣка** или **человѣчества**, ибо съ религіозной точки зрѣнія истинный, нормальный **человѣкъ** безусловно солидаренъ со **всеми** или мыслимъ только во **всеми** и точно такъ же **все** немислимы безъ него: **человѣкъ** или **человѣчество** есть *существо содержащее въ себѣ* (въ абсолютномъ порядкѣ) *божественную идею*, то-есть *всеединство*, или безусловную полноту бытія, и *осуществляющее* эту идею (въ естественномъ порядкѣ) *посредствомъ разумной свободы въ матеріальной природѣ*.

Этимъ прямо опредѣляется значеніе истиннаго религіознаго начала въ жизни человѣческаго общества: оно есть тотъ абсолютный предметъ, та неподвижная цѣль которая должна двигать естественныя силы человечества, реализуясь въ

вихъ такъ чтобы воля Божія, то-есть безусловная любовь или всеединство, совершалась на землѣ (въ естественномъ порядкѣ) какъ она есть на небесахъ (въ порядкѣ абсолютномъ или мистическомъ).

Примѣняя это общее понятіе къ конкретнымъ формамъ земныхъ человѣческихъ союзовъ легко уже вывести нормальное отношеніе мистическаго общества (церкви) къ союзамъ естественнымъ—гражданскому и экономическому.

XXIV. Внутренняя связь общественныхъ сферъ въ свободной теократіи.

Противорѣчіе во взаимномъ отношеніи религіознаго начала въ человѣческомъ обществѣ (представляемаго церковью) и начала мірскаго (представляемаго гражданскимъ и экономическимъ обществомъ)—противорѣчіе выражающееся въ томъ что эти два начала не могутъ ни упразднить одно другое, ни существовать рядомъ какъ двѣ независимыя сферы жизни—это противорѣчіе совершенно устраняется признаніемъ естественнаго порядка какъ порядка *необходимыхъ средствъ*, а порядка религіознаго или мистическаго какъ порядка *безусловныхъ цѣлей*, которыя могутъ быть реализованы только тѣми естественными средствами; этимъ признаніемъ за разъ полагается и совершенная самостоятельность этихъ двухъ порядковъ, такъ какъ они существуютъ съ одинаковою необходимостью, и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ полное внутреннее единство, такъ какъ естественный порядокъ, будучи реально самостоятельнымъ, получаетъ однако все свое идеальное содержаніе (цѣль) отъ порядка мистическаго, которому такимъ образомъ и принадлежитъ идеальное первенство, вѣсколько не нарушающее реальной самостоятельности порядка естественнаго, такъ какъ превосходство цѣли самой по себѣ не мѣшаетъ ей нуждаться въ формальныхъ и материальныхъ средствахъ для ея осуществленія и съ этой стороны зависѣть отъ нихъ. Такъ единство организма осуществляется лишь въ различіи его формъ и множественности его элементовъ и въ этомъ смыслѣ зависѣть отъ нихъ.

Въ абсолютномъ порядкѣ или въ области мистической господствуетъ полное единство всѣхъ въ безусловной любви. Но еслибы между всѣми не было никакого различія, то и

любви не на чемъ или не въ чемъ было бы проявляться; единство было бы пустымъ и мертвымъ безразличіемъ. Уже въ самомъ абсолютномъ порядкѣ должно быть различіе, ибо хотя каждый носить или выражаетъ собою одну и ту же абсолютную идею (всеединство), но каждый особеннымъ образомъ или по-своему, что и дѣлаетъ его необходимымъ, даетъ ему основаніе бытія въ абсолютномъ организмѣ, такъ какъ если бы всѣ одинаковымъ образомъ воспринимали и выражали абсолютную идею, тогда не было бы надобности во многихъ, — довольно было бы одного, въ такомъ случаѣ не было бы и всеединства, то-есть не было бы и абсолютной идеи, а было бы только пустое безразличіе или чистое ничто.

Религіозное начало требуетъ чтобы каждое существо, каждый членъ общества имѣлъ безусловное значеніе въ положительномъ смыслѣ, то-есть чтобы онъ былъ безусловно необходимъ для бытія всѣхъ, для всеединого (универсальнаго) организма, но это возможно только при томъ условіи что каждый имѣетъ въ некоторую коренную особенность, отличающую его ото всѣхъ другихъ и дающую ему опредѣленное и вѣкъмъ другимъ незамѣнимое мѣсто и значеніе въ составѣ абсолютнаго цѣлаго. Такимъ образомъ, хотя всѣ равно участвуютъ въ абсолютной идеѣ или входятъ въ составъ всеединства, но каждый, въ силу своего собственнаго качества представляя эту идею особеннымъ образомъ, самъ является какъ въ некоторая особенная, спеціальная идея необходимая для полноты всеединого; другими словами, хотя всѣ они по отношенію къ цѣлому или въ абсолютномъ (*sub specie aeternitatis*) тождественны между собою, какъ всѣ конечныя величины равны между собою по отношенію къ величинѣ безконечной, но взаимное ихъ отношеніе другъ къ другу въ силу особенности или спеціальной идеи каждаго необходимо является различнымъ. Такъ и въ вещественномъ организмѣ, хотя всѣ его элементы и органы равно участвуютъ въ жизни цѣлаго и въ этомъ смыслѣ равны между собою, но вмѣстѣ съ тѣмъ они необходимо различаются другъ отъ друга по ихъ относительнымъ положеніямъ и функціямъ въ организмѣ: нервныя кліточки и волокна, напримѣръ, тѣснѣе связаны, болѣе солидарны между собою нежели съ волокнами мускульными или съ кліточками эпителия. Точно также и въ организмѣ духовномъ: тѣ лица особенности или идеи которыхъ представляютъ болѣе тѣсную и прямую связь между собою долж-

мы и сами находиться болѣе въ тѣсныхъ и прямихъ отношеніяхъ другъ къ другу нежели къ другимъ лицамъ, то-есть, иными словами, они должны составлять нѣкоторое особенное общество или братство, основанное на внутреннемъ сродствѣ ихъ идей и на вытекающей отсюда общности ближайшей цѣли. Такимъ образомъ, кромѣ общей связи всеединства, является въ духовномъ организмѣ множество частныхъ связей расчленяющихъ его на особенныя общества или братства, подобно тому какъ и всякій вещественный организмъ представляетъ собою сложеніе многихъ системъ и органовъ, изъ которыхъ каждый можетъ разсматриваться какъ особый частный организмъ входящій въ составъ организма болѣе общаго.

Итакъ, идеальное духовное общество (церковь) представляетъ собою сложную филиацію частныхъ обществъ или братствъ, опредѣляющуюся свободнымъ выборомъ по внутреннему сродству индивидуальныхъ идей или назначеній. Здѣсь осуществляется такимъ образомъ принципъ свободы частныхъ союзовъ. Но это не есть пустая отвѣченная свобода, такъ какъ здѣсь предполагается нѣкоторое опредѣленное содержаніе или идея осуществляемая частнымъ союзомъ, дающая ему *raison d'être*, и вмѣстѣ съ тѣмъ входящая въ составъ или образующая нѣкоторую внутреннюю часть идеи всеобщей или всеединой. Здѣсь такимъ образомъ свобода частныхъ союзовъ безусловно оправдывается тѣмъ что цѣль этихъ союзовъ есть дѣйствительно идеальная, то-есть входитъ въ содержаніе всеобщей или абсолютной цѣли общества. Эта послѣдняя (всеединство) является общимъ безусловнымъ центромъ, къ которому свободно (по собственному назначенію или идеѣ) тяготеютъ всѣ частныя братства, такъ что здѣсь *неограниченный федерализмъ совпадаетъ съ безусловною централизацией*.

Таково идеальное духовное общество (церковь), представляющее собою абсолютный порядокъ челоѣчества, основанный всецѣло на идеальной общности и идеальныхъ различіяхъ. Но челоѣчество существуетъ не въ абсолютномъ только, но и въ естественномъ порядкѣ; челоѣкъ есть не идея только, но и самоутверждающаяся сила или реальное лицо. Челоѣкъ не *есть* идея,—онъ долженъ еще сдѣлаться или *стать* идеей, то-есть осуществить ее въ себѣ какъ и все челоѣчество должно осуществить въ себѣ свою идею, то-есть всеединство; и если бытіе идей въ абсолютномъ порядкѣ есть

вѣчное и неизмѣнное, то усвоеніе и осуществленіе ихъ человекомъ и человечествомъ въ естественномъ порядкѣ (подлежащемъ формѣ времени) является вообще какъ процессъ, какъ постулательное движеніе, а въ частности для отдѣльных индивидуальностей это усвоеніе является не только постепеннымъ для каждой изъ нихъ, но и неодновременнымъ по отношенію къ другимъ.

Такимъ образомъ, кромѣ вѣчнаго и неизмѣннаго различія между лицами, — различія по ихъ спеціальной идеѣ или по той части или сторонѣ всеобщей идеи которую выражаетъ каждый, — необходимо является еще различіе въ *степени* усвоенія каждымъ самаго идеальнаго начала вообще, то-есть различіе въ степени нравственнаго совершенства. Если въ абсолютномъ порядкѣ каждый такъ-сказать вполнѣ покрывается своею идеей или адекватенъ ей, то въ порядкѣ естественномъ (и въ этомъ его характеристическій признакъ) лицо не покрывается еще вполнѣ своимъ идеальнымъ содержаніемъ или назначеніемъ, и слѣдовательно здѣсь важно не только *какая* идея у даннаго лица (различіе качественное), но и *насколько* онъ ею проникнутъ, другими словами насколько онъ близокъ или далекъ отъ нравственнаго совершенства (различіе количественное). Здѣсь является великое множество степеней, и само собою ясно что въ нормальномъ порядкѣ общественное положеніе каждаго должно опредѣляться не только свойствомъ той идеи которой онъ есть выразитель, но и степенью его проникновенія этою идеей, то-есть степенью его идеальности или нравственнаго достоинства. Чѣмъ болѣе усвоилъ человекъ идею тѣмъ болѣе онъ долженъ имѣть вліянія на другихъ, то-есть тѣмъ на обширѣйшую сферу должно распространяться его дѣйствіе, тѣмъ высшее положеніе долженъ онъ занимать въ обществѣ. Иными словами: степенью идеальности должна опредѣляться степень *значенія и власти* (авторитета) лица. *Объемъ правъ долженъ соответствовать высотѣ внутренняго достоинства.* Этимъ дается праву положительное содержаніе, изъ котораго прямо вытекаетъ реальный принципъ правильнаго гражданскаго (политическаго) строя—*принципъ іерархическій, начало власти.*

Это начало не можетъ имѣть мѣста въ абсолютномъ порядкѣ какъ такомъ (въ области мистическаго союза или царства Божія), но оно является совершенно необходимымъ при осуществленіи божественной цѣли въ порядкѣ естественномъ.

Въ абсолютной сферѣ самой по себѣ каждое существо какъ необходимая и незамѣнимая часть или элементъ абсолютнаго цѣлаго имѣетъ значеніе безусловное, и притомъ, такъ какъ здѣсь, въ области вѣчнаго и неизмѣннаго, не можетъ быть никакого развитія или процесса, то каждое существо здѣсь уже есть безусловное, а не становится только таковымъ, слѣдовательно здѣсь не можетъ быть степеней достоинства, и хотя каждый имѣетъ здѣсь свою собственную идею (основное качество) или вѣчную особенность, но различіе этихъ особенностей не есть различіе совершенства. Въ порядкѣ же естественномъ, который и есть не что иное какъ *постепенное* осуществленіе или расчлененіе того что за разъ и сразу даю въ порядкѣ абсолютномъ,—вслѣдствіе необходимаго при этомъ временнаго процесса является различіе въ относительномъ положеніи отдѣльныхъ существъ, то-есть въ большей или меньшей близости ихъ къ осуществленію абсолютной цѣли, и слѣдовательно различіе въ степеняхъ совершенства, откуда естественно вытекаетъ различіе въ значеніи и власти.

Это различіе не касается безусловнаго значенія лица какъ такого,—въ этомъ все равны,—а только его временнаго и относительнаго положенія или состоянія. Именно потому что каждый признается безусловнымъ и притомъ въ *положительномъ* смыслѣ, то-есть съ требованіемъ *осуществленія* этой безусловности,—а не такъ какъ въ отвлеченно-правовомъ порядкѣ, гдѣ за лицомъ хотя и признается безусловное право, но дѣйствительное осуществленіе его, то-есть пополненіе безусловной формы безусловнымъ содержаніемъ, предоставляется произволу и случайности, или даже дѣлается совсѣмъ невозможнымъ,—именно потому, говорю я, что въ нормальномъ обществѣ безусловное значеніе cadaго понимается въ положительномъ смыслѣ, такъ что дѣлается задача *осуществить* это значеніе именно въ силу этой задачи, если данное лицо въ данное время, то-есть при данной степеніи своего развитія, не заключаетъ въ себѣ самомъ или не обладаетъ само по себѣ необходимыми средствами для разрѣшенія этой безусловной задачи, оно свободно и естественно подчиняется тѣмъ кто, находясь на высшей степеніи духовнаго совершенства, можетъ дать ему эти средства,—подчиняется *свободно*, потому что цѣль этого подчиненія, то-есть осуществленіе своего безусловнаго значенія, или

достиженія идеальной полноты бытія, эта цѣль есть *собственная* цѣль каждаго, и кто хочетъ цѣли естественно хочетъ и средствъ.

Такимъ образомъ, если религіозное общество (церковь), соотвѣтствуя порядку безусловному, представляетъ собою вѣчное божественное начало, начало внутренняго единства или любви, въ которой и для которой всѣ равны безусловно, то задачей же общества гражданскаго (государства) является послѣдовательное примѣненіе этого высшаго начала къ порядку естественному, то-есть къ относительнымъ различіямъ, какія представляются человечествомъ какъ развивающимся во времени или находящимся въ естественномъ процессѣ. Одно и то же начало любви, примѣняясь къ существамъ стоящимъ на различныхъ степеняхъ развитія, по необходимости становится различнымъ. Любовь, сохраняя свое существенное тождество, тѣмъ не менѣе въ своемъ дѣйствительномъ проявленіи должна принимать тотъ или другой видъ соотвѣтствующій относительному состоянію того къ кому она примѣняется. Другими словами: хотя абсолютное благо (въ абсолютномъ порядкѣ) для всѣхъ одно и то же, но относительное благо, то-есть проявленіе абсолютнаго въ порядкѣ естественномъ или временномъ процессѣ, различно для каждаго, именно: оно соотвѣтствуетъ степени развитія каждаго. Это соотвѣтствіе есть справедливость въ положительномъ ея выраженіи: *summi cuique tribuere*. Въ этомъ положительномъ выраженіи справедливость „очевидно есть не что иное какъ форма любви и форма совершенно необходимая. Въ самомъ дѣлѣ, внутреннее основаніе и безусловное начало нравственной дѣятельности, то-есть начало и основаніе въ силу которыхъ должно дѣлать добро другимъ, есть безъ сомнѣнія любовь; но способъ и видъ нравственной дѣятельности, опредѣляющій *какъ* и *какое* добро должно дѣлать тому или другому, очевидно не вытекаетъ изъ одной безусловной любви (въ которой нѣтъ различій), а обуславливается относительнымъ положеніемъ или степенью развитія того или другаго, такъ что неравные неравное и получаютъ; но неравенство воздѣйствія обуславленное неравенствомъ дѣйствія есть возстановленное равенство или справедливость. Такимъ образомъ распредѣленіе добра (въ силу любви) между всѣми по необходимости сообразуется (въ силу справедливости) съ относительнымъ качествомъ каждаго, а это зна-

читать что *справедливость есть необходимая форма любви*; и если, какъ мы знаемъ, любовь есть нравственный принципъ церкви, а справедливость—нравственный принципъ государства, то мы легко поймемъ внутреннюю органическую связь въ которой находится государство какъ область формальныхъ средствъ съ церковью какъ областью существенныхъ цѣлей. Ибо цѣль—благо всѣхъ и каждаго полагается только любовью, въ которой всѣ одинаково имѣютъ другъ для друга значеніе безусловной цѣли, но при осуществленіи этой цѣли въ естественномъ порядкѣ каждый является не только цѣлью, но и средствомъ, значеніе же средства или ближайшей, относительной, цѣли определяется его отношеніемъ къ цѣли безусловной, и такъ какъ въ естественномъ порядкѣ въ силу существа ему неравенства всѣ существа неодинаково близки къ безусловной цѣли, то они не могутъ имѣть и одинаковаго значенія, но значеніе ихъ здѣсь всецѣло определяется ихъ относительною близостью къ безусловной цѣли (всеединству), такъ что справедливое неравенство въ этой сферѣ служитъ выраженіемъ тому же самому принципу который въ сферѣ религиозной выражается какъ безусловное равенство.

Каждый, будучи въ божественномъ порядкѣ (церкви), безусловною цѣлью равною со всѣми другими (ибо въ безусловномъ нѣтъ неравенства), является вмѣстѣ съ тѣмъ при постепенномъ осуществленіи этого порядка въ порядкѣ естественномъ (государствѣ) какъ средство неравное, но равномерное со всѣми другими.

Божественный порядокъ имѣетъ дѣло съ вѣчною сущностью человѣка, съ его умопостигаемымъ характеромъ или идеей; съ этой стороны всѣ равны (ибо различіе идей не есть неравенство), и эта существенная одинаковость или равенство всѣхъ выражается какъ любовь всѣхъ соединяющая; но человѣкъ существо разумно-свободное, осуществляя свою вѣчную идею во времени, можетъ давать ей то или другое болѣе или менѣе адекватное выраженіе, проявлять ее съ болѣею или меньшею полнотою. Способъ этого временнаго проявленія и составляетъ такъ-называемый эмпирической характеръ человѣка, дѣлающій его членомъ порядка естественнаго (относительнаго). Здѣсь уже теряется простое непосредственное равенство всѣхъ,—ибо эмпирическимъ характеромъ именно выражается *различная* степенъ осуществленія идеи,—здѣсь можетъ быть равенство только относительное, а именно: всѣ

различаясь между собою или имѣя разное положеніе и значеніе въ цѣломъ сохраняютъ равенство относительно того *общаго* къ которому они одинаково относятся или которое служить для нихъ всѣхъ равною мѣрой, такъ что здѣсь простое единство любви превращается въ сложное и относительное единство равномѣрности или справедливости, причемъ такъ какъ естественный порядокъ вообще есть лишь необходимое средство для осуществленія порядка абсолютнаго, и следовательно для каждаго отдѣльнаго существа его эмпирической характеръ служить лишь средствомъ и средою для осуществленія его характера умолостигаемаго или безусловной идеи, то очевидно что общемою мѣрою опредѣляющею значеніе каждаго въ естественномъ порядкѣ должно служить соответствие его даннаго эмпирическаго характера съ его вѣчнымъ назначеніемъ въ порядкѣ абсолютномъ, или съ его умолостигаемымъ характеромъ. Разумѣется, и въ этомъ относительномъ порядкѣ, въ естественныхъ отношеніяхъ людей опредѣляемыхъ ихъ производомъ, можетъ существовать и дѣйствовать начало любви; но такъ какъ здѣсь это начало является какъ возможность, какъ нечто случайное, что можетъ быть и не быть, и при дѣйствительномъ проявленіи степенъ силы его для каждаго даннаго случая различна и зависитъ отъ чисто эмпирическихъ условій, то любовь и не можетъ имѣть въ этой сферѣ значенія общаго, всеединящаго начала, каковымъ здѣсь является справедливость, по существу своему могущая имѣть обязательный характеръ и въ порядкѣ естественномъ, такъ какъ ею опредѣляется не столько внутреннее состояніе существа (какъ въ любви) сколько способъ его дѣятельности или его внѣшнихъ отношеній, могущихъ подчиняться опредѣленному внѣшнему закону, такъ что если нельзя обязать человѣка имѣть любовь, то можно и должно требовать отъ него чтобъ онъ дѣйствовалъ справедливо: это требованіе человѣкъ можетъ исполнить какъ существо свободно-разумное, тогда какъ для того чтобъ имѣть любовь (безусловную или универсальную) этого одного качества разумной свободы еще не достаточно.

Но человѣкъ не есть только существо религіозное, движимое любовью и вмѣстѣ съ тѣмъ существо рациональное (свободно-разумное), управляемое справедливостью, онъ имѣетъ еще прежде опредѣленіе, по которому онъ есть существо матеріальное (природное), стремящееся къ наслажденію;

и въ истинномъ поматіи человѣка и человѣческаго общества это третье опредѣленіе также внутренне связано съ двумя первыми какъ и они между собою. Въ самомъ дѣлѣ, если движущимъ началомъ дѣятельности въ нормальномъ обществѣ должна быть признана любовь, способомъ же ея осуществленія или формальнымъ средствомъ — справедливость, то матеріей этого осуществленія, матеріальнымъ средствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ окончательнымъ результатомъ дѣятельности несомнѣнно является наслажденіе или польза какъ совокупность наслажденій. Любовь посредствомъ справедливости должна быть реализована въ пользу. Дѣятельность исходящая изъ любви и принимающая форму справедливости воплощается въ матеріальной пользѣ. Если весь естественный порядокъ или что то же міровой процессъ имѣетъ своею цѣлью осуществленіе абсолютной идеи (всеединства), то очевидно это осуществленіе не должно оставаться на полдорогѣ, не должно ограничиваться волею и разумомъ человѣка, но должно распространяться и на чувственную, матеріальную природу и она должна быть воспринята въ сферу всеединства, должна сдѣлаться основою и вмѣстѣ съ тѣмъ крайнимъ выраженіемъ абсолютной идеи. Если, какъ мы видѣли, начало матеріальной пользы само по себѣ или въ своей исключительности не можетъ имѣть опредѣленнаго значенія въ обществѣ, то какъ основа и крайняя реализація другаго, высшаго начала оно является необходимымъ, и та сфера общества которая имѣетъ матеріальный интересъ или пользу своею спеціальною задачею, должна быть признава какъ необходимая составная часть въ цѣльномъ организмѣ нормальнаго общества и въ этомъ смыслѣ общество какъ союзъ экономической (земство) имѣетъ опредѣленное самостоятельное значеніе, не можетъ быть упразднено или поглощено никакою другою общественною сферой.

Но какъ формальное начало справедливости, которымъ опредѣляется гражданскій (политическій) строй нормальнаго общества при всей своей самостоятельности не есть однако верховное безусловное начало общества, а служитъ необходимымъ средствомъ и формой для осуществленія абсолютной идеи (всеединства, морально выражающейся какъ любовь) и только отъ нея получаетъ свое высшее освященіе, точно такъ же и матеріальное начало пользы, которымъ опредѣляется

дѣятельность человѣка направленная на внѣшнюю природу и обнимающій эту дѣятельность экономическій строй общества, также имѣя независимое значеніе въ этой сферѣ, не можетъ быть высшимъ началомъ всего общественнаго организма, а есть лишь крайняя реализація той же безусловной идеи чрезъ посредство идеи формальной; только отъ этихъ идей получаетъ свое истинное нормальное значеніе и идея пользы, это значитъ что истинно полезнымъ или нормально-экономическимъ можетъ быть признано только такое распредѣленіе труда и богатства которое удовлетворяетъ, во-первыхъ, абсолютному требованію любви и во-вторыхъ формальному требованію справедливости.

Какъ только признано что матеріальное благосостояніе не есть само по себѣ цѣль, а только условіе и средство, то очевидно идея любви не требуетъ въ этомъ отношеніи чтобы каждому доставлялось возможно наибольшее экономическое благосостояніе. Очевидно, общество очень плохо удовлетворяло бы требованію любви еслибы предоставляло большія матеріальныя средства тѣмъ своимъ членамъ которые способны по степени своего развитія находить въ этихъ средствахъ высшее благо и послѣднюю цѣль жизни и употребляютъ ихъ только для удовлетворенія низшихъ инстинктовъ. Также очевидно что и справедливость вовсе не требуетъ равенства матеріальнаго богатства, ибо если существуетъ неравенство личнаго достоинства и значенія, то равенство богатства было бы при этомъ несправедливо, такъ какъ богатство есть необходимое средство для полной реализаціи личнаго достоинства и значенія. Очевидно не можетъ быть никакого справедливаго основанія къ тому чтобы лицо стоящее на низкой степеніи внутренняго достоинства, а потому и значенія, въ нормальномъ обществѣ обладало большимъ богатствомъ, которымъ оно могло бы только злоупотреблять; также несправедливо было бы еслибы лицо обладающее высшимъ внутреннимъ достоинствомъ, а потому и высшимъ значеніемъ, въ нормальномъ обществѣ принуждено было заниматься физическимъ трудомъ наравнѣ съ другими. Очевидно справедливость требуетъ чтобы трудъ и богатство были распредѣлены въ обществѣ соотвѣтственно внутреннему достоинству и гражданскому значенію его членовъ. Этимъ вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ удовлетворено и требованіе любви; въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ степень внутренняго достоинства опредѣляется

мѣрою преобладанія идеи всеединства надъ личною исключительностью или эгоизмомъ, то лица стоящія на высокой степени достоинства и соответственно этому по праву обладающія и обширнѣйшими матеріальными средствами очевидно будутъ пользоваться этими средствами лишь на благо другимъ и слѣдовательно, владѣя богатствомъ на основаніи справедливости будутъ употреблять его на служеніе любви, такъ что и здѣсь какъ вездѣ формальное начало справедливости будетъ являться лишь какъ средство или условіе абсолютнаго начала любви.

На указанныхъ основаніяхъ и хозяйственная область общества является осуществленіемъ свободной общности (то есть идеи всеединства въ ея социальномъ выраженіи), и въ ней находятъ свое примиреніе, соединяются въ высшемъ синтезѣ противоположныя въ своей отвѣченности начала общности и индивидуализма; ибо первое изъ этихъ началъ получаетъ свое полное удовлетвореніе въ единствѣ цѣли, которой служить здѣсь вся экономическая дѣятельность въ общемъ мотивѣ любви отдающей свое другимъ и исключаящей всякую насильственную борьбу, всякую истребительную конкуренцію; второе же начало—начало индивидуальности получаетъ свое справедливое примѣненіе въ томъ что юридическое обладаніе матеріальнымъ богатствомъ, право употреблять его на пользу всѣхъ, обуславливается степенью индивидуальнаго развитія. Если такимъ образомъ неограниченная конкуренція, со всѣми вытекающими изъ нея бѣдствіями, устраняется здѣсь единствомъ цѣли общей для всѣхъ, то возможность эксплуатаціи труда капиталомъ также устраняется благодаря тому что обладателями капитала являются въ нормальномъ обществѣ лучшіе люди, опредѣляющіе свою дѣятельность нравственнымъ началомъ и слѣдовательно не могущіе злоупотреблять своими преимуществами. Такимъ образомъ хотя цивилизованныя формы производства и экономической дѣятельности, вообще именно раздѣленіе труда, свободная конкуренція и раздвоеніе труда и капитала, сохраняются и въ нормальномъ экономическомъ строѣ, но здѣсь благодаря тому что вся экономическая дѣятельность и результатъ ея—богатство являются не какъ цѣль въ самомъ себѣ, а лишь какъ средство или матеріалъ для полнѣйшей реализаціи высшаго религіознаго начала, всѣ эти формы утрачиваютъ свой острый исключительный характеръ, перестаютъ

служить эгоизму въ некоторыхъ и быть источникомъ бѣдъ для большинства; ибо здѣсь—въ нормальномъ обществѣ, управляемомъ религіознымъ началомъ или въ свободной теократіи, всѣ солидарны въ одной общей цѣли и то что идетъ на благо однимъ служитъ благу всѣхъ.

Итакъ, въ нормальномъ обществѣ (свободной теократіи) всѣ различныя элементы общества, всѣ стороны и сферы общественныхъ отношеній сохраняются и существуютъ, но не какъ обособленныя въ себѣ замкнутыя области, равнодушныя другъ къ другу или же стремящіяся къ исключительному преобладанію, а какъ необходимыя составныя части одного и того же сложнаго существа, совершенно между собою солидарныя, не механически другъ друга ограничивающія, а органически другъ друга проникающія и внутренне взаимодействующія, подобно тому какъ проникаютъ другъ друга и внутренне взаимодействуютъ между собою различныя части организма физическаго, на примѣръ система кровеносная съ системой мускульною и нервною. Здѣсь невозможно противрѣчіе и исключительность этихъ элементовъ, потому что если всѣ другъ для друга необходимы, то слѣдовательно всѣ въ одно и то же время и самостоятельны и вмѣстѣ съ тѣмъ зависимы отъ другихъ. Такъ, ограничиваясь тремя главными или основными сферами общества, мы видимъ что союзъ религіозный или церковъ, представляя собою абсолютный порядокъ и утверждая безусловное начало любви какъ всеобщую цѣль, въ этомъ смыслѣ совершенно самостоятельна (то есть какъ царство безусловныхъ цѣлей); но это абсолютное начало любви должно быть реализовано въ естественномъ порядкѣ независимо отъ церкви существующемъ, безусловная цѣль должна быть осуществлена въ области относительныхъ средствъ и съ этой стороны, то-есть со стороны средствъ для своего осуществленія, религіозное начало и церковъ зависятъ отъ области гражданской (государства), дающей ему формальныя средства (справедливый порядокъ) и отъ области экономической (земства), дающей ему матеріальныя средства для его осуществленія. Далѣе, государство имѣетъ совершенно самостоятельное значеніе какъ область формальныхъ отношеній опредѣляемыхъ справедливостью, какъ особая формальная связь соединяющая людей однимъ общимъ закономъ въ относительномъ порядкѣ; но именно въ силу формальнаго характера справедливости необходимо

требуется для нея какое-нибудь содержаніе, и съ этой стороны государство является зависимымъ какъ отъ церкви, дающей ему абсолютное содержаніе или высшую цѣль, такъ равно и отъ общества экономическаго, въ которомъ оно находитъ матеріальное содержаніе или почву для своей формальной дѣятельности. Наконецъ и общество экономическое, имѣя независимое значеніе въ своей матеріальной сферѣ, должно однако подчиниться и примиряющему началу любви, которое оно получаетъ отъ церкви, и регулирующему началу справедливости, которое дается государствомъ. Такимъ образомъ эти три области, будучи самостоятельны въ одномъ смыслѣ или въ одномъ отношеніи, зависятъ другъ отъ друга въ другомъ смыслѣ и другихъ отношеніяхъ, такъ что противодѣйствіе и борьба между ними является здѣсь совершенно невозможною, какъ невозможно противодѣйствіе и борьба между кровеносною и нервною системами одного и того же организма.

Такое общій характеръ нормальнаго человѣческаго общества или свободной теократіи. *

XXV. Общій обзоръ предыдущаго. Вопросъ о возможности осуществить нравственный идеалъ какъ неизбежная граница всякой этики.

Мы получили общій отвѣтъ на поставленный въ началѣ вопросъ: что есть благо или чѣмъ должна опредѣляться нравственная (нормальная) воля и дѣятельность человѣка.

Мы рассмотрѣли тѣ отвѣты на этотъ вопросъ которые имѣютъ общее философское значеніе. Ни одинъ изъ этихъ отвѣтовъ не былъ нами отвергнутъ, но каждый оказался въ своей отвлеченности недостаточнымъ и требующимъ себѣ дополненія въ другомъ. Прежде всего мы встрѣтились съ тѣмъ элементарнымъ возрѣніемъ которое находитъ практическую норму въ наслажденіи, счастьѣ, пользѣ (идонизмъ, эвдемонизмъ, утилитаризмъ); указавъ на неопредѣленность

* Считаю нужнымъ ограничиться пока этими общими указаніями на идеальный строй общества, такъ какъ болѣе обстоятельное развитіе этой темы привело бы къ вопросамъ собственно политическимъ, которые не входятъ въ задачу настоящаго разсужденія.

этихъ понятій самихъ по себѣ, мы нашли что они получаютъ нравственный смыслъ и могутъ служить дѣйствительнымъ этическимъ принципомъ лишь въ томъ случаѣ если дѣйствующій субъектъ обуславливаетъ свое наслажденіе (счастье, пользу) наслажденіемъ (счастьемъ, пользою) другихъ, то-есть иными словами если началомъ дѣйствія является симпатическое чувство или любовь. Но ближайшій анализъ нравственнаго значенія этой послѣдней показалъ намъ что и она какъ эмпирическое явленіе въ человѣческой природѣ не можетъ служить безусловною нормой нравственной дѣятельности, такъ какъ въ эмпирическомъ своемъ явленіи, какъ фактъ человѣческой природы, любовь есть нѣчто случайное и исключительное; для нравственнаго же начала какъ такого, то-есть въ его безусловномъ нормальномъ значеніи, оказалась необходимою форма всеобщности и необходимости, въ силу которой оно было бы не явленіемъ только, но и закономъ; это требованіе перевело насъ изъ области матеріальныхъ началъ этики въ область начала формальнаго (раціональнаго), развитаго до высочайшей степени въ нравственномъ ученіи Канта. Разсмотрѣвъ съ нѣкоторою подробностью это послѣднее, мы пришли къ заключенію что и *форма долга* (*das Sollen*), опредѣляющая способъ нравственнаго дѣйствія, не составляетъ еще (вопреки одностороннему утвержденію самого Канта) полного опредѣленія для безусловнаго начала нравственности, что въ это опредѣленіе необходимо должно войти и указаніе нормальнаго предмета или цѣли нравственнаго хотѣнія и дѣйствія; этотъ предметъ мы нашли въ нормальномъ обществѣ и такимъ образомъ перешли изъ области этики субъективной или индивидуальной въ область этики объективной или общественной. Здѣсь разсмотрѣвъ различныя соціальныя теоріи, придающія исключительное значеніе той или другой изъ основныхъ сферъ дѣйствительнаго общества (каковыя общественныя сферы служатъ лишь объективнымъ выраженіемъ или реализаціей для того или другаго элемента въ существѣ человѣка, на чемъ и основывается соотвѣтствіе между частями этики субъективной и этики объективной), мы пришли къ истинному, то-есть полному опредѣленію нормальнаго общества какъ такого, въ которомъ всѣ эти сферы, сохраняя свою относительную самостоятельность, не находятся однако во внѣшнемъ механическомъ раздѣленіи, а взаимно проникаютъ

другъ друга какъ составныя части одного органическаго существа, необходимы другъ для друга и соединены въ одной общей цѣли и общей жизни.

Но такое внутреннее соединеніе оказалось возможнымъ только въ томъ случаѣ если въ основу будетъ положена та сфера общества которая служить выраженіемъ абсолютнаго божественнаго начала въ человѣкѣ, ибо только это начало по самому существу своему какъ абсолютное (всеединное) не можетъ исключать или находиться во вѣдѣвшемъ отношеніи ни къ какому другому началу или элементу, а даетъ имъ всемімъ мѣсто и назначеніе, имѣя въ каждомъ особое средство или орудіе для своего осуществленія,—въ каковомъ отношеніи сохраняется и свобода отдѣльныхъ элементовъ и ихъ внутреннее единство въ началѣ божественномъ, такъ что согласно этому нормальное общество опредѣлилось какъ свободная теократія, осуществленіе которой и является такимъ образомъ конечною цѣлью дѣятельности; присоединяя же къ этому этическому опредѣленію прежнія мы получаемъ полное опредѣленіе нравственной нормы, а именно: нравственно-нормальною должна быть признана такая дѣятельность которая исходя изъ чувства любви (*causa materialis* нравственности) принимаетъ форму долга (*causa formalis* нравственности) и имѣетъ своимъ предметомъ или цѣлю осуществленіе всеединнаго богочеловѣческаго общества (*causa finalis* нравственности). Это опредѣленіе безъ сомнѣнія достаточно широко чтобы объять и совмѣстить въ себѣ все содержаніе нравственности какъ индивидуальной, такъ и общественной; но рѣшеніемъ вопроса о содержаніи нравственности нисколько еще не рѣшается вопросъ о возможности осуществить это содержаніе. Конечно, важно знать нравственный идеалъ, важно имѣть опредѣленное понятіе о такомъ предметѣ дѣятельности который удовлетворялъ бы вполнѣ нравственнымъ требованіямъ, но именно потому что это долженъ быть предметъ *дѣятельности*, недостаточно знать о немъ, знать въ чемъ состоитъ нравственный идеалъ, должно имѣть возможность осуществить его, а эта возможность не содержится ни въ какомъ этическомъ опредѣленіи. Безъ сомнѣнія, всякій согласится что свободная теократія, какъ мы ее опредѣлили, то-есть основанный на любви и правдѣ общественный строй всеобъемлющій и всеединый, есть нѣчто въ высшей степени желательное. Но

есть ли это идеальное-желательное вмѣстѣ съ тѣмъ и реально-возможное? Существуютъ ли на самомъ дѣлѣ воистину тѣ условия которыя необходимы для осуществленія этого нравственнаго идеала? Не есть ли все это этическое построеніе, одинъ изъ тѣхъ воздушныхъ замковъ или по-просту мыльныхъ пузырей, изъ-за которыхъ практическіе люди, а равно и люди точной науки привыкли презирать умозрительную философію? Правда, и въ этотъ этическомъ построеніи мы имѣли дѣло съ дѣйствительными элементами человѣческаго духа и съ дѣйствительными формами человѣческаго общества; но то взаимное отношеніе этихъ элементовъ и формъ которое признано нами за единственно нормальное и которое только и составляетъ нравственный идеалъ—это взаимное отношеніе не существуетъ, оно выведено нами единственно изъ высшаго нравственнаго требованія, а потому вопросъ о возможности осуществить это требованіе въ дѣйствительности, то-есть привести существующіе въ человѣчествѣ элементы къ опредѣленному нами идеальному синтезу, — этотъ вопросъ остается вполнѣ открытымъ, и очевидно онъ выводитъ насъ изъ предѣловъ нравственной философіи, ибо всѣ принципы и понятія этическаго характера по существу своему выражаютъ лишь желательное и должное, а этотъ новый вопросъ относится къ возможному и дѣйствительному. Ближайшій анализъ этого вопроса долженъ указать намъ ту область въ которой мы можемъ найти путь къ его разрѣшенію.

XXVI. Зависимость этики отъ метафизики. Несостоятельность отвлеченнаго морализма. Переходъ къ вопросу объ истинномъ знаніи.

Наше опредѣленіе высшаго нравственнаго идеала основано на понятіи человѣка какъ существа религіознаго, на признаніи божественнаго начала въ человѣкѣ и человѣчествѣ. Мы должны были признать существованіе этого начала въ человѣкѣ какъ фактъ, но какъ фактъ оно есть только стремленіе: фактически несомнѣнно что человѣкъ имѣетъ религіозное стремленіе, то-есть стремленіе утверждать себя не какъ условное явленіе только, но и какъ безусловное существо стремится утверждать себя въ Богѣ или Бога въ себѣ; но

вѣдь предметъ этого стремленія можетъ быть иллюзіей, субъективнымъ призракомъ. Психологическое значеніе религіознаго начала въ человѣкѣ и историческое значеніе его въ человечествѣ не подлежатъ сомнѣнію, но вѣдь такое же психологическое и историческое значеніе принадлежитъ и всякому заблужденію, всякой умственной и нравственной аберраціи. Поэтому для того чтобы признать за религіознымъ началомъ то безусловное значеніе которое принадлежитъ ему въ идеалѣ свободной теократіи нельзя ограничиться однимъ указаніемъ на его психологическое и историческое значеніе (всегда условное), а необходимо рѣшить вопросъ о подлинности или истинности его предмета.

Религіозное значеніе человѣка состоитъ, какъ мы видѣли, въ томъ что онъ не есть только членъ естественнаго порядка явленій, внѣшнимъ образомъ существующихъ въ послѣдующихъ формахъ пространства, времени и механической причинности, но что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и первѣе того есть членъ порядка абсолютнаго или божественнаго, въ силу котораго всѣ и каждый внутренно и существенно солидарны между собою въ абсолютномъ или всеединомъ (въ Богѣ); это есть основа религіи, но для полноты религіознаго опредѣленія необходимо еще, какъ мы видѣли, чтобы эта основа была развита, то-есть чтобы человѣкъ не только былъ въ абсолютномъ порядкѣ (въ Богѣ), но чтобы онъ своею собственною дѣятельностью осуществлялъ этотъ абсолютный порядокъ въ порядкѣ естественномъ, ибо только такое осуществленіе и образуетъ свободную теократію. Но очевидно бытіе человѣка въ Богѣ и осуществленіе имъ божественнаго начала необходимо предполагаютъ подлинное бытіе этого начала, его собственную дѣятельность. Такимъ образомъ вопросъ о предметной истинности религіознаго начала разлагается на слѣдующіе три вопроса: 1) о подлинномъ бытіи всеединаго существа или Бога, 2) о подлинномъ бытіи человѣка какъ существеннаго члена во всеединомъ, то-есть о вѣчности человѣка или съ отрицательной стороны о независимости его по бытію отъ естественнаго порядка, то-есть о его безсмертіи и наконецъ 3) вопросъ о самостоятельности человѣка въ его дѣятельности, то-есть о его свободѣ *.

* Въ послѣдствіи мы будемъ имѣть случай показать что два послѣдніе вопроса уже заключаются *implicite* въ первомъ, то-есть
т. схи. 18*

Итакъ, лишь при утвердительномъ рѣшеніи вопросовъ о бытіи Божіемъ, безсмертіи и свободѣ человѣка можемъ мы признать возможность осуществленія нравственнаго начала. Полагая такимъ образомъ прямую зависимость этического вопроса отъ вопроса метафизическаго, мы становимся на точку зрѣнія диаметрально противоположную съ точкою зрѣнія Канта, который, какъ извѣстно, утверждая безусловную обязательность нравственнаго начала, изъ нея выводилъ и необходимость бытія Божія, безсмертія и свободы, ограничивая достовѣрность этихъ метафизическихъ положеній ихъ нравственнымъ значеніемъ. Но если Кантъ, для котораго и нравственное начало сводилось лишь къ субъективному сознанію долга, могъ ограничиться признаніемъ этихъ метафизическихъ положеній какъ только нравственныхъ постулатовъ, то при объективномъ пониманіи нравственнаго начала какъ выражающагося въ извѣстномъ общественномъ идеалѣ—именно свободной теократіи, которая можетъ имѣть положительный смыслъ только при дѣйствительности Бога, безсмертія и свободы,—является необходимымъ убѣжденіе въ этихъ метафизическихъ истинахъ какъ такихъ, то-есть въ ихъ собственной теоретической достовѣрности независимо отъ ихъ практической желательности.

Такимъ образомъ по самому существу дѣла мы должны устранить то весьма впрочемъ распространенное воззрѣніе которое обособляетъ нравственную область, придаетъ ей безусловное значеніе, отрицая всякую зависимость должнаго отъ сущаго, этики отъ метафизики. Это воззрѣніе, которое можетъ быть названо отвлеченнымъ морализмомъ, утверждаетъ, опираясь на фактъ совѣсти, что при какихъ бы то ни было метафизическихъ убѣжденіяхъ или при совершенномъ отсутствіи таковыхъ человѣкъ можетъ дѣйствовать нравственно, такъ какъ онъ имѣетъ для этого вполне достаточную норму и руководителя въ своемъ внутреннемъ нравственномъ сознаніи или совѣсти и достаточный мотивъ въ своихъ нравственныхъ чувствахъ симпатіи и справедливости. Границы нравственнаго чувства были нами уже неразъ указаны, что же касается совѣсти, то при всемъ огромномъ значеніи этого нравственнаго фактора онъ имѣетъ

что бытіе Бога какъ всеединого необходимо предполагаетъ вѣчность и свободу человѣка.

одинъ коренной недостатокъ. Дѣло въ томъ что совѣсть, какъ было уже къмъ-то замѣчено, совершенно подобна тому демону котораго внушеніями руководился Сократъ. Какъ этотъ демонъ, такъ и совѣсть говоритъ намъ, чего мы не должны дѣлать, но не указываетъ намъ того что мы дѣлать должны, не даетъ никакой положительной цѣли нашей дѣятельности. Если же мы не ограничиваясь этою отрицательною нравственностью примемъ выведенное нами полное опредѣленіе нравственнаго начала, въ которое входитъ и указаніе положительной цѣли дѣятельности, въ такомъ случаѣ мы очевидно должны допустить что съ признаніемъ этой цѣли какъ дѣйствительной необходимо связано убѣжденіе въ ея осуществимости. Но осуществимость этой цѣли зависитъ очевидно не отъ ея внутреннего достоинства или желательности, а отъ объективныхъ законовъ сущаго, которые составляютъ предметъ не этики или практической философіи, а философіи чисто теоретической, принадлежать къ области чистаго знанія. Въ этой области долженъ быть рѣшенъ вопросъ о подлинномъ бытіи истиннаго абсолютнаго лорядка, на которомъ единственно можетъ основаться дѣйствительная сила нравственнаго начала. Но рѣшить вопросъ объ истинѣ какого-либо предмета мы можемъ лишь въ томъ случаѣ, если мы знаемъ въ чемъ состоитъ истинность вообще, то-есть если мы имѣемъ *критерій истинны*, — вопросъ объ истинѣ предмета предполагаетъ вопросъ объ истинности познанія, задача метафизическая требуетъ предварительнаго рѣшенія задачи гносеологической, къ которой мы теперь и должны перейти.

(Продолженіе будетъ.)

ВЛ. СОЛОВЬЕВЪ.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ *

XIII.

Для давно минувшихъ дней.

Послѣ долгаго перерыва, употребленнаго для архивныхъ изысканій, приступаю къ продолженію военно-историческихъ очерковъ.

Я остановился на томъ какъ русская армія графа Румянцева, послѣ блистательно оконченной кампаніи 1769—75 годовъ и заключенія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, двинулась обратно за Дунай. Корпусъ генерала Каменскаго, въ составѣ коего былъ Кабардинскій полкъ, 30го іюля 1774 года прибылъ въ Измаилъ. Войска оставались до начала 1775 года въ Княжествахъ и Бессарабіи, до исполненія Турціей всѣхъ условій трактата. Между тѣмъ еще 2го августа 1774 года предсѣдатель военной коллегіи, графъ Захаръ Чернышевъ, препроводилъ ко графу Румянцеву утвержденное императрицей новое расписаніе арміи, въ коемъ значилось что Кабардинскій полкъ зачисленъ полпрежнему въ составъ 5й Финляндской дивизіи генераль-аншефа графа Брюса и штабъ-квартира ему назначена въ Выборгъ. Какъ образчикъ тогдашнихъ отношеній высшихъ сановниковъ другъ къ другу, привожу здѣсь изъ письма графа Чернышева къ Румянцеву

* См. *Русскій Вѣстникъ* 1877, №№ 4, 7 и 8.

нѣсколько словъ: „теперь остается мнѣ достигнуть еще того счастливаго времени въ которое удостоится современникъ вашъ обнять здѣсь милостиваго своего графа и къ неописанному удовольствію видѣть въ немъ того великаго мужа которому общество должно (т.е. обязано) и славою побѣдъ, и полезностью мира, и перемѣною привосимую 10мъ двумъ іюля прискорбнаго напоминанія въ торжественную радость.“ Прискорбное напоминаніе 10го іюля это—увизительный трактатъ на Прутѣ Петра съ визиремъ. (1711).

Дѣйствительно, лучше отмстить за Прутъ, чѣмъ это сдѣлалъ Румянцевъ при Кагулѣ, трудно было и придумать. Побѣды Миниха все-таки далеко не въ такой степени поразили въ корень могущество имперіи Османовъ. Только со времени ударовъ Румянцева можно считать судьбу ея рѣшеною: толчокъ былъ такой что сотрясеніе, не останавливаясь, дошло до нашихъ дней...

Зиму 1774—75 Кабардинскій полкъ провель сначала въ селеніяхъ Гулешти и Бретуаени, близъ Кипшинева, затѣмъ близъ Каменца-Подольскаго въ мѣстечкѣ Маковѣ, наконецъ выступилъ по маршруту изъ Хотина, вмѣстѣ съ 1мъ Московскимъ полкомъ, чрезъ Овручь, Мозырь, Оршу, Великіе Луки и Порховъ въ Выборгъ.

Пока полкъ совершаетъ свой длинный, трудный походъ по тогдашнимъ ужаснымъ дорогамъ, въ распутицу, необходимо бросить взглядъ на политическое положеніе дѣлъ, какъ оно обрисовалось вскорѣ по заключеніи мира. Безъ этого не будутъ ясны послѣдующія событія, приведшія полкъ къ совершенно неожиданнымъ новымъ дѣламъ. Кучукъ - Кайнарджійскій миръ, закончивъ въ 1774 году многолѣтнюю войну Россіи съ Турціей, ясно показалъ Европѣ что Турція уже не то могущественное государство какимъ она была во времена Селима и Салимана.

Извѣженная, гаремная жизнь ея правителей, развивая роскошь, вызывала вмѣстѣ съ тѣмъ предосудительныя средства для ея удовлетворенія. Воздержность и чисто боевая жизнь прежнихъ Османовъ мало-по-малу замѣнилась разлагающею всякій здоровый организмъ жизнью въ сералѣ. Народная сила Порты стала блѣднымъ призракомъ угасшаго величія, хотя Турки и не сознавали этого. Такъ человекъ пораженный чахоткой, каждый день идя быстро къ могилѣ, не вѣрить своему безсилію и улорно отвергаетъ самое свойство страшной болѣзни...

Ревностно исповѣдуя Коранъ, поклонники Магомета свято вѣрятъ въ предопредѣленіе и, несмотря на всѣ испытанія которымъ подвергалась Порты за все время ея политическаго существованія, Турки до послѣдняго времени покоились на словахъ Корана, признавая себя тѣмъ избраннымъ народомъ которому будто бы предназначено покорить всѣ прочіе народы міра, и что поэтому Турція есть государство существованіе котораго вѣчно и несокруσιμο. Если дѣйствительные факты указываютъ на частыя пораженія Турціи, то магометане объясняли ихъ не своею слабостію, но гнѣвомъ Магомета, и смотрѣли на нихъ какъ на временныя лишь бѣдствія. Бѣдствія эти оны сравнивали съ облакомъ которое хотя и закрываетъ лучи солнца, но никогда не уменьшитъ ни его свѣта, ни благотной теплоты. „Придетъ время, облако разсѣется, и на ясномъ небѣ снова заблеститъ неугасаемое солнце!“ Это религиозное вѣрованіе, примѣняемое къ политикѣ, порождало въ Туркахъ убѣжденіе что если всѣ европейскіе „князьки и корольки“, какъ они ихъ презрительно называли, соединятся вмѣстѣ и пойдутъ противъ Порты, то послѣдняя, если только захочетъ Магометъ, непременно останется побѣдительницей.

Въ доказательство несомнѣнности такого предопредѣленія обыкновенно указывается на печальный для христіанъ исходъ Крестовыхъ Походовъ. Да наконецъ тотъ мусульманинъ который сомнѣвается въ этой истинѣ совершаетъ страшное преступленіе, заявляетъ себя дурнымъ магометаниномъ и не избѣгнуть должнаго наказанія.

Этимъ религиознымъ фанатизмомъ объясняется почему предъ началомъ всякой войны Турки всегда принимаютъ ее съ энтузіазмомъ. Оттоманы не сомнѣваются въ томъ что, находясь подъ защитой Магометова знамени, они сокрушатъ въ прахъ своихъ враговъ и что при видѣ этого знамени христіане должны или ослѣпнуть, или же по крайней мѣрѣ лишиться возможности вредить правовѣрнымъ.

Религиозный элементъ управляетъ всѣми личными и общественными дѣйствіями Турокъ. При такой же безавѣтной вѣрѣ въ предопредѣленія судьбы подчиняющейся однако велѣніямъ ихъ Пророка, при такомъ религиозномъ фанатизмѣ, не удивительно если Турки остаются въ горделивомъ убѣжденіи своего превосходства и въ надеждѣ на лучшіе дни, не взирая на всѣ наносимые имъ жестокіе удары. Нужны были

послѣднія событія 1877—78 годовъ, нужно было русскимъ войскамъ появиться у стѣвъ Стамбула чтобы сильно подорвать всѣ эти убѣжденія даже въ темной массѣ турецкаго народа. Но уже занесенный надъ головой рѣшительный ударъ былъ остановленъ, и толпу можно удержать опять увѣрить въ силу покровительства Магомета избранному народу....

Турокъ бываетъ храбръ не потому что онъ любитъ свое отечество или считаетъ обязанностью свято исполнить свой долгъ, но потому что по обѣщанію Магомета всякъ, убитый подъ его знаменемъ наслѣдуетъ седьмое небо, причемъ каждому правовѣрному, соразмѣрно его подвигамъ и заслугамъ, предназначено будетъ большое число красивѣйшихъ гурій. Подъ вліяніемъ ожиданія седьмаго неба Турокъ нерѣдко готовъ выносить чрезвычайныя труды и лишения военного времени, нося въ себѣ прежде всего убѣжденіе что онъ исполняетъ волю Пророка.

Благотворительность Турка относительно единовѣрца и вѣчная ненависть противъ гяура, желаніе вредить ему всѣми возможными средствами, опять - таки не обуславливаются личными качествами мусульманина, но являются какъ результатъ поученія Корана, какъ желаніе исполнить завѣтъ Магомета и получить право обитать въ его раю, который онъ обставилъ всѣми картинами чувственнаго соблазна.

Поятны поэтому слова сказанныя Ибрагимомъ - эфенди Мутеферикъ, однимъ изъ умнѣйшихъ Турокъ XVIII вѣка: *„Вѣра и имперія есть два близнеца которые не могутъ жить одинъ безъ другаго. Вѣра Магомета продлится до страшнаго суда Божія, святыя законы ея несокрушимы до конца вселенной.“* Опредѣленіе вполнѣ вѣрное, только заключеніе несбыточное въ отношеніи имперіи: именно потому что вѣра такъ - сказать синонимъ Турецкаго государства, единственный фундаментъ на которомъ все зданіе зиждется, эта имперія въ Европѣ съ христіанскими подданными существовать не можетъ, и съ той минуты какъ матеріальная сила Османовъ стала слабѣть, имперія уже была обречена на гибель. Кто понималъ духовный міръ Турокъ и ихъ упорное, фаталистическое вѣрованіе въ судьбу руководимую Магометомъ, тотъ никогда и не сомнѣвался въ этомъ, никогда не придавалъ никакого значенія всѣмъ пустымъ фразамъ о реформахъ, либеральныхъ учрежденіяхъ въ пользу христіанъ

и пр. Последнія сто лѣтъ подгнившее зданіе Порты держалось искусственно подпорками подставляемыми соперничающими между собою христіанскими державами. Теперь однако настала критическій моментъ: отъ вѣры отказаться нельзя, приходится отказаться отъ имперіи... Въ Азіи господство можетъ длиться еще долго, хотя и тамъ христіане Сиріи и Армяне Малой Азіи могутъ возбудить современемъ рѣшительное вниманіе европейскихъ державъ и въ послѣдствіи стать причиной совершеннаго исчезновенія оттоманскаго владычества, которому протекторатъ Англіи дастъ послѣдній толчокъ....

По ученію Корана, вся жизнь мусульманина должна быть направлена къ тому чтобы доставить торжество религіи Магомета и искоренить враговъ его, христіанъ. Понятно что ничего кромѣ закланной вражды къ христіанскому міру Турокъ питать не можетъ. Вынуждаемый къ другому образу дѣйствій въ отношеніи христіанскихъ подданныхъ, Турокъ чувствуетъ двойное оскорбленіе: и какъ мусульманинъ, и какъ господинъ рабовъ своихъ; злѣрства надъ ними совершаемыя оправдываются религіей и всѣмъ его мировоззрѣніемъ. Такимъ онъ былъ, такимъ и останется навсегда, съ тою разницей что съ упраздненіемъ Османской имперіи, съ исчезновеніемъ съ европейской почвы пашей, визамовъ, заптіевъ и прочихъ атрибутовъ государственной власти, атрибутовъ турецкаго первенства надъ гяурами,—всякій Турокъ не ушедшій въ Азію покорится волѣ судьбы и, затаивъ въ душѣ ненависть, обратится въ покорнаго, мирнаго подданнаго христіанскаго правительства.

Сохраняя вѣчную вражду къ христіанамъ, Турки тѣмъ не менѣе всегда старались перенять у нихъ все пригодное къ военному дѣлу. Это подражаніе пораждало въ нихъ мысль что они всегда идутъ въ уровень съ современнымъ состояніемъ военнаго искусства въ Европѣ и даже стоятъ во главѣ его. Но фактическое паденіе Порты начало обнаруживаться уже съ конца XVII столѣтія. Побѣды Собѣскаго и Монтекукули доказали что счастье измѣнило оружію страшныхъ до того Османовъ. Затѣмъ послѣдовали частыя пораженія Турокъ Евгениемъ Савойскимъ и Минихомъ.

Наконецъ, по словамъ Вольфея, война Россіи въ 1769—1774 обнаружила окончательно слабость Порты. При видѣ

безчисленныхъ турецкихъ полчищъ уничтожаемыхъ горстью Русскихъ, при видѣ цѣлыхъ флотовъ обращенныхъ въ пепель, провинцій занятыхъ и покоренныхъ Русскими, при видѣ общаго страха и тревога распространившихся до самаго Константинополя, вся Европа пошла что съ этого времени Турецкая имперія стала не болѣе какъ призракомъ, и что этотъ колоссъ, распавшійся во всѣхъ своихъ связкахъ, ожидаетъ только толчка чтобы развалиться въ дребезги...

Трактатъ 1774 года былъ предвѣстникомъ такого толчка. Напрасно Порты возмущалась дерзостью *невырннхъ*; она должна была испытать тяжесть насилія, которое такъ часто сама на другихъ налагала. Она должна была уступить значительное пространство между Днѣстромъ и Бугомъ, равно какъ и порты въ Крыму и на Кубани; она принуждена была признать независимость Крымскихъ Татаръ, своихъ союзниковъ по религіи и крови; она должна была открыть своему врагу воды Чернаго Моря, съ котораго видны константинопольскіе минареты и, къ довершенію оскорбленія, видѣть русскіе корабли плывущими мимо воротъ Серая, чтобы, пройдя въ Средиземное море, обогащаться произведеніями Порты, знакомиться съ ея владѣніями для болѣе легкаго на нихъ нападенія современемъ и пріобрѣтать силы которыя направятся потомъ на пораженіе Порты. Чего же можно было ожидать отъ такого положенія вещей при которомъ такъ сильно страдали интересы Турціи? Того что не замедлило обнаружиться: что Турки, съ сожалѣніемъ уступая необходимости, исполнять свои обязательства только на половину; что Русскіе, упираясь на свои пріобрѣтенныя побѣдами права, будутъ настойчиво требовать ихъ исполненія; Турки станутъ прибѣгать къ разнымъ уверткамъ и объясненіямъ, что неминуемо приведетъ къ новой войнѣ.

Россія дѣйствительно не разчитывала что Кучукъ-Кайнарджійскій миръ будетъ добросовѣстно исполненъ Турціей. Князь Репнинъ, въ качествѣ русскаго чрезвычайнаго посла прибывшій въ Константинополь въ 1774 году для обмѣна ратификацій, былъ принятъ тамъ съ особеннымъ вниманіемъ и ему оказывалось явное предпочтеніе предъ послами другихъ державъ. Но когда всѣ церемоніи закончились и князь Рѣпинъ уѣзжалъ изъ Константинополя, то великій визирь, прощаясь съ нимъ какъ съ частнымъ человѣкомъ, прямо сказалъ ему что если Крымъ будетъ независимъ, а

Керчь и Эвикале останутся во власти Русскихъ, то *онъ не ручается что Кайнарджійскій миръ, вынужденный у Порты силой, будетъ продолжителенъ.*

Само собою, Россіи не оставалось ничего болѣе какъ за-благовременно принять мѣры къ обезпеченію приобретаемыхъ нѣскольколѣтнею, дорого стоившею войной успѣховъ и стать въ такое положеніе чтобы при возобновленіи враждебныхъ дѣйствій имѣть какъ можно меньше слабыхъ мѣстъ, защита коихъ парализуетъ энергію и рѣшительность дѣйствій на главномъ театрѣ войны, гдѣ рѣшается судьба дѣла.

Къ числу самыхъ ненавистныхъ пунктовъ мирнаго трактата Турки причисляли тотъ которымъ Крымскій полуостровъ объявлялся независимымъ отъ Порты, а обѣ Кабарды оставались подъ влияніемъ Крымскаго хана и подъ его влияніемъ должны были опредѣлять свои отношенія къ Россіи. Турецкіе дипломаты участвовавшіе въ переговорахъ о мирѣ употребляли величайшія усилія отстоять это положеніе, доказывая что отдѣлить Крымъ и все татарское владѣніе отъ состава Порты значитъ нанести смертельный ударъ ея политическому состоянію, потому что самая религія мусульманская тому противится. Султанъ—глава всего магометанскаго міра, и уже по этому всѣ Татары должны признавать его господство надъ собою. Весь мусульманскій міръ въ Азію и Египтъ не допуститъ такого отдѣленія и оплочится на поддержку своего владыки, изнурительная война станетъ безконечною. Подъ всѣми этими фразами скрывалась впрочемъ болѣе практическая мысль: Блистательная Порта вполнѣ сознавала что неорганизованныя орды татарскія не представляли элементовъ для самостоятельнаго политическаго существованія и, выведенныя изъ-подъ непосредственной власти султана, рано или поздно должны будутъ покориться Россіи. Этому-то и силились Турки воспротивиться. Но когда никакое краснорѣчіе и угрозы на Румянцева не подѣйствовали и онъ „военною хваткой“, т.-е. рѣшительнымъ движеніемъ войскъ къ Шумахъ, заставилъ турецкихъ дипломатовъ подписать предложенныя условія, тогда Порта прибѣгла къ излюбленному образу дѣйствій: къ хитростямъ, интригамъ, всевозможнымъ уверткамъ, фальшивымъ заявленіямъ и пр., чтобы данныя обязательства остались на бумагѣ. Выгадывать время до послѣдней крайности въ надеждѣ что авось великій Пророкъ предложитъ гнѣвъ на милость и дѣло кончится не такъ какъ

началось было всегда главною задачею османскихъ политиковъ, которые, подписывая договоръ, въ то же время думали о томъ какъ бы его не исполнить.

Турки не выводили своихъ войскъ изъ Крыма, хотя наши уже были выведены; они содѣйствовали враждебному намъ Девлетъ-Гирею возвратиться въ Бахчисарай и свергнуть своего предшественника, казнить всѣхъ его приверженцевъ за расположеніе къ Россіи; улоблялись всѣ средства возбуждать противъ насъ Кабарду и закубанскія племена, которыя своими набѣгами должны были тревожить занятые нами еще въ 1736 году пункты отъ берега Каспія до Моздока. Девлетъ-Гирей напрямикъ объявилъ что Кабарда должна остаться попрежнему подъ его властью, а самъ онъ будетъ считать себя вассаломъ султана.

Такимъ образомъ, не взирая на заключенный миръ, приходилось продолжать военныя предосторожности, и большая часть войскъ была расположена вблизи Крыма и по юго-западной границѣ, а также двинуты были на Кубань и къ сторонѣ Терека для образованія укрѣпленной линіи и обезпеченія спокойствія какъ въ отошедшихъ по трактату къ Россіи земляхъ, такъ и на помянутой Моздокской линіи.

Кабардинскій полкъ, не получившій еще послѣ полковника Клички командира, подъ командой старшаго штабъ-офицера майора фонъ-Гартонга, успѣлъ дойти до города Быхова (Могилевской губерніи), какъ вдругъ получено было новое расписаніе арміи, по коему полкъ вмѣсто Финляндской дивизіи, назначенъ въ Астраханскій корпусъ, подчинявшійся астраханскому губернатору генераль-поручику Якоби. Составъ этого корпуса былъ слѣдующій: Владимірскій драгунскій, Кабардинскій пѣхотный полки, Моздокскіи шесть вновь сформированныхъ гарнизонныхъ баталіоновъ, а равно Астраханскіе, Моздокскіе, Терскіе, Гребенскіе, Волжскіе и Семейные казаки,

Получивъ наконецъ новаго командира въ лицѣ полковника Ладыженскаго, Кабардинскій полкъ выступилъ чрезъ Алексинъ, Данковъ, Козловъ, Холерскъ, Царицынъ въ Астрахань и, оставивъ здѣсь часть тяжестей при небольшой командѣ, двинулся дальше на такъ-называвшуюся Моздокскую линію, подчинявшуюся астраханскому губернатору. Это было въ 1776 году, и вотъ уже болѣе ста лѣтъ полкъ какъ бы соответственно своему кавказскому имени не выходилъ изъ Кавказа, проведя большую часть своей боевой жизни въ ближайшей окрестности Кабарды.

Первое расположеніе полка было въ крѣпости Новогеоргиевской, которую самъ онъ и устраивалъ, отдѣляя баталіоны на постройку другихъ сосѣднихъ укрѣпленій: Павловскаго, Маріевскаго и др. Время проходило въ работахъ, изрѣдка въ мелкихъ стычкахъ съ хищническими шаиками, для преслѣдованія коихъ высылались роты и т. п. Нерѣдко горцы пытались взять самый Георгіевскъ, штурмовали его и всякій разъ были отражаемы съ большимъ урономъ. Подполковникъ нашего полка Германъ былъ строителемъ какъ этого, такъ и вообще всѣхъ укрѣпленій между Азовомъ и Моздокомъ, а комендантомъ Георгіевска при нападеніи Черкесовъ, особенно усилившихся въ 1779 году, былъ нашего же полка секундъ-майоръ Карлъ Рикъ. Никакихъ особенно выдающихся военныхъ эпизодовъ за это время не встрѣчается. Но съ окончательнымъ занятіемъ нашимъ въ 1783 году Крыма и переходомъ въ наше владѣніе всей части Кавказа между Кубанью и Терекомъ, а равно заключеннаго съ Грузинскимъ царемъ Иракліемъ договора о защитѣ его отъ Турокъ и Персіянъ, недовольные Крымскіе Татары, особенно изъ духовныхъ, въ связи съ турецкими эмиссарами проникаютъ на Кавказъ, усиливаютъ враждебность тамошнихъ племенъ противъ Русскихъ, возбуждаютъ религиозный фанатизмъ, умелаютъ ихъ въ наступательныя дѣйствія на наши посты и поселенія, вызываютъ тѣмъ и съ нашей стороны соответственныя военныя дѣйствія и движенія за Кубань, внутрь ихъ населеній. Начинается рядъ стычекъ и кровопролитныхъ встрѣчъ родоначальниковъ Кавказской войны, давшей до 1864 года, цѣлыхъ восемьдесятъ лѣтъ!...

До 1785 года впрочемъ все это происходило въ весьма незначительныхъ размѣрахъ и носило характеръ мелкой войны. Въ этомъ же году появилась личность давшая разомъ сильный толчокъ враждебнымъ дѣйствіямъ кавказскаго населенія противъ насъ. Это былъ извѣстный Шихъ-Мансуръ, Чеченецъ-пастухъ, воспитанникъ одного изъ ученыхъ муллъ, но не въ Бухарѣ, какъ до сихъ поръ полагаютъ, а въ одномъ изъ сосѣднихъ дагестанскихъ ауловъ, фанатикъ, возвѣстившій гибель Россіи и славу кавказскихъ народовъ. Его страстныя рѣчи льстившія тщеславію привыкшихъ къ необузданной свободѣ туземцевъ начали привлекать къ нему толпы приверженцевъ.

Для захвата Шихъ-Мансура былъ отправленъ небольшой отрядъ подъ командой полковника Астраханскаго пѣхотнаго

полка Піери. Впрочемъ совершенно неопытный, или уже слишкомъ презрительно относившійся ко врагу, этотъ полковникъ былъ наголову разбитъ Шихъ-Мансуромъ съ Чеченцами, и небольшой отрядъ почти истребленъ. Вотъ что доносилъ по этому поводу 19 іюля 1785 года изъ Наура генераль-поручикъ Леонтьевъ командовавшему Кавказскимъ корпусомъ генераль-поручику Павлу Сергѣевичу Потемкину: „Подвошу вашему превосходительству колю съ ордера давшаго отъ меня полковнику Піери объ отрядѣ за Сунжу части войскъ для *снизеруженія* *лечтающагося тамъ лжелпророка*, который находился тогда въ своемъ домѣ, не имѣя при себѣ никакихъ скопищъ, а предавшіеся ему въ послушаніе были всѣ заняты домашними упражненіями въ снати на поляхъ своего хлѣба, о чемъ будучи я больше мѣсяца на линіи пользовался одинокими свидѣніями чрезъ надежнѣйшихъ и вами испытанныхъ *конфидентовъ*. Отрядъ его составляемъ былъ изъ Астраханскаго полка, Кабардинскаго егерскаго баталіона, двухъ гренадерскихъ ротъ Тамбовскаго полка и ста человекъ казаковъ Семейнаго войска, переправленъ же за Терекъ у Калиновской ставицы, съ которой стороны отнюдь не ожидалъ лжелпророкъ движенія, и предписано было слѣдовать къ Сунжѣ всецѣло скрытно, располагая временемъ такъ чтобы по предмету *развратнической безопасности* (sic) и какъ онъ дѣлая токмо примѣчаніе за detachementомъ бригадира Апраксина поставленнымъ въ его виду, со времени когда приготавлился онъ устремиться на Владикавказскую крѣпость, въ ночь на 7е число (іюля) отправить за Сунжу Кабардинскій баталіонъ, который бы на разстояніи менѣе пяти верстъ отъ берега до Алаы, прибывъ въ деревню атаковалъ домъ лжелпророка и, захвата его со всѣми при немъ бывшими, доставили ночью же къ нему на переправу, а до того долженъ былъ самъ Піери съ прочими войсками прикрывать оную, развѣ бы отъ какой неосторожности произошло чтоъ противное услѣху, тогда маршировать самому къ исполненію предписаннаго; но сіе едва ли бы могло быть, поелику: 1) провозать было велѣно отъ переправы чрезъ лѣсъ въ деревню совершенно знающимъ путь и вѣрнѣйшимъ людямъ; 2) домъ лжелпророка въ некоторомъ отдаленіи отъ деревни, а тѣмъ паче, 3) жители не вѣдая сего намѣренія были безо всякаго помышленія о сопротивленіи. 7е число и для того предопредѣлилъ я что

въ тотъ день на случай потребности обузданія вѣроломныхъ вѣдѣно было отъ меня бригадиру Апраксину съ его detachmentомъ приблизиться къ Амиржанову броду, ближе коего переправаясь полковникъ Пiere. Противное коего поступленіе есть причиною потери людей, каковую усмотрѣть изволите.

„Я сверхъ моего чаянія получаю число среди самаго дня свидѣніе что Пiere перешелъ самъ за Сунжу, другое затѣмъ вѣдѣно что возвращаясь изъ-за оной въ лѣсу отрядъ его отрѣзанъ злодѣями и дѣлается ужасная драка, что убитъ уже самъ Пiere и отбиты двѣ полковыя пушки, знавъ оное происшествіе туда еще detachmentа бригадира Апраксина, хотя тотъ часъ послалъ полковника Савельева съ Моздокскимъ казачьимъ полкомъ и двумя орудіями, но услѣть ему помощію было уже поздно. Свидѣтельствуютъ объясненія полковника Томары, находившагося при отрядѣ Пiere съ моего дозволенія и по своей доброй волѣ, равно оберъ-офицеровъ тамъ же бывшихъ, до чего пренебрегъ покойный Пiere злодѣйствомъ преисполненными тамошними народами что и переправу, не слѣдуя данному отъ меня наставленію, оставилъ безъ надлежащаго закрытія; прохода лѣсъ по дорогѣ въ деревню не сдѣлалъ никакого учрежденія къ безпечному своему обращенію служащаго, давъ при томъ пушечными выстрѣлами и барабаннымъ боемъ время собраться Чеченцамъ изъ окрестныхъ деревень и засѣсть въ лѣсу на дорогѣ ему лежащей; нижнихъ чиновъ отряда своего между тѣмъ допустилъ до четырехъ часовъ пользоваться не дозволенною добычей скота и скілажа (имущества?), брошеннаго адидскими жителями, кои отъ внезапнаго нашествія войска скрылись стремглавъ въ лѣсъ окружающій ихъ деревню. Такимъ образомъ наши, будучи встрѣчены непріятелемъ на обратномъ пути въ густотѣ лѣса, какъ ни храбро *побѣждали ихъ* (?!), но подвергнули и себя чрезвычайной потерѣ. Со стороны Чеченцевъ, по вѣрнымъ извѣстіямъ, убито болѣе трехсотъ человекъ, въ томъ числѣ родной братъ Ахмед-паша и сорокъ человекъ почетныхъ, вѣдѣно же наказаны они на другой и третій день послѣ происшествія detachmentомъ бригадира Апраксина.“

Изъ приложенной къ этому рапорту вѣдомости видно что потеря отряда заключалась въ полковникъ Пiere, одномъ капитанѣ и ста десяти человекъ убитыхъ Астраханскаго

полка, одномъ штабъ-офицерѣ (майорѣ Сергѣи Комарской), четырехъ оберъ-офицерахъ и четырехстахъ двухъ нижнихъ чиновъ Кабардинскаго баталіона и одномъ офицерѣ и 65 человекъ Томскаго полка, всего двухъ штабъ-и шести оберъ-офицерахъ и 576 нижнихъ чинахъ. О казакахъ ничего не упомянуто, но безъ сомнѣнія и у нихъ погибло не мало, такъ что можно смѣло считать потерю болѣе 600 человекъ и два орудія, * не говоря о раненыхъ, о которыхъ свидѣній нѣтъ; а впрочемъ очень быть можетъ что спаслись отъ гибели только одни нераненые. По позднѣйшимъ извѣстіямъ, генералъ Леонтьевъ полагалъ что изъ числа показанныхъ убитыми нѣкоторые офицеры и до двухсотъ солдатъ находились въ плѣну. Такъ или иначе, потеря ужасная и особенно пострадалъ нашъ Кабардинскій баталіонъ.

Сунжа, Аалы, Чеченцы, бѣгство при появленіи отряда, отчаянное нападеніе при отступленіи въ лѣсу, — какъ все это наломываетъ мнѣ болѣе близкое намъ время сороковыхъ и начала пятидесятыхъ годовъ! Оказывается что 65ю годами ранѣе тѣ же Аалы, въ которые столько разъ дѣлались изъ Грозной набѣги въ наше время, уже были объектомъ притяженія для русскихъ войскъ и дорого Чеченцы съ нихъ взяли за первый урокъ... Полковникъ Пьері очевидно не только не исполнилъ въ точности полученнаго приказанія, но и двигался безо всякихъ предосторожностей, полагая что имѣеть дѣло съ аравой бѣгущей при первомъ появленіи штыковъ. Пораженіе отряда Пьері слѣдуетъ такимъ образомъ считать первымъ въ ряду немногихъ, выпавшихъ на долю русскихъ войскъ на Кавказѣ. Понятно какъ онъ должно было подвѣять фонды Шихъ-Мансура!

Это вскорѣ и обнаружилось. Вѣсть о печальной участи русскаго отряда мигомъ разнеслась по горамъ и ото всѣхъ кавказскихъ племенъ подъ знамя проловѣдника устремились толпы новыхъ приверженцевъ. Съ этими силами онъ кинулся на Кизляръ, на мелкія наши укрѣпленія, и затѣмъ къ Большой Кабардѣ, съ тѣмъ чтобы соединясь здѣсь со всѣми Кабардинцами общими силами устремиться на русскія войска. Генералъ-поручикъ Потемкинъ, начальствовавшій тогда всѣми войсками такъ - называемаго Кавказскаго корпуса

* Въ послѣдствіи обѣ пушки были выкуплены у Чеченцевъ за сто рублей

(прочія же войска расположенныя по низовьямъ Кубани до Тамани составляли Кубанскій корпусъ или „часть“ по тогдашнему именованію, а также и входившими въ составъ Астраханскаго), отправилъ противъ надвигавшагося непріятеля нашего полковаго командира полковника Нагеля * съ четырьмя баталіонами, двумя эскадронами драгунъ и нѣсколькими сотнями казаковъ. Отрядъ достигъ хвостъ непріятельскихъ скопищъ въ лѣсахъ, на гребняхъ высотъ противъ Моздока, и нанесъ ему сильное пораженіе. Бывшій уже далеко впереди Шихъ-Мансуръ повернулъ назадъ, окружилъ нашу колонну со всѣхъ сторонъ и затрудилъ всѣ ручьи изъ коихъ наши войска доставали воду. 1го ноября къ нему присоединились новыя толпы изъ Малой, частью и изъ Большой Кабарды, и овъ рѣшился на другой день атаковать отрядъ полковника Нагеля.

2го ноября 1785 года, въ 7 часовъ утра, огромныя толпы окружили нашихъ со всѣхъ сторонъ. Правое крыло окружили Кабардинцы (то-есть жители Кабарды), лѣвое—Таванцы, то-есть горцы-Лезгины, самъ Мансуръ съ Кумыками дѣйствовалъ въ тылу, а спереди Чеченцы занимали лѣвистую долину. Наступающіе везли предъ собою подвижныя щиты изъ фашинника въ два ряда, между коими была насыпана земля, и вели атаку съ отчаянною отвагой. Нѣсколько разъ отбиваемые штыками, они опять собирались и Шихъ-Мансуръ бросалъ ихъ на наши каре. Болѣе семи часовъ длился бой, но всѣ отчаянныя отважныя попытки непріятеля не могли сломить стойкости нашихъ рядовъ и наконецъ, когда полковникъ Нагель въ свою очередь перешелъ въ наступленіе, горцы были штыками прогнаны и разсѣяны. Здѣсь особенно отличились обѣ гренадерскія роты Кабардинскаго полка, получившія въ награду по два рубля на человѣка. Дѣло было славное,—отместка за пораженіе Пьері, предвѣстникъ многихъ славныхъ дѣлъ и пораженій воинственныхъ горцевъ. Кабардинскій полкъ проходилъ первые уроки въ той школѣ въ которой суждено ему было приобрести свою огромную славу, уже зародившуюся на Дунаѣ. Имя полковника Нагеля, связанное со славнымъ дѣломъ пораженія Шихъ-Мансура, принадлежитъ нашему полку такъ же какъ имя

* Назначенъ изъ драгунъ на мѣсто Ладыженскаго, произведеннаго въ бригадиры и назначеннаго комендантомъ въ Оренбургъ.

Игельштрома и Ключки, столь отличаемыхъ графомъ Румянцевымъ.

Дѣло это побудило кавказскимъ джигитамъ слѣси, но не заставило ихъ отказаться отъ продолженія враждебныхъ предпріятій. Предпримчивый Шихъ-Мансуръ ушелъ за Кубань и перенесъ дѣйствія въ вершины рѣки Урула и Зеленчуковъ, гдѣ онъ удобно могъ быть поддержанъ всеми закубанскими племенами (Черкесами) и турецкими лапами занимавшими приморскія крѣпости. Я не буду останавливаться на подробностяхъ дѣлаго ряда болѣе или менѣе горячихъ стычекъ съ неприятелемъ, потому что онъ почти всегда кончался пораженіями его и доказывали очевидное преимущество регулярнаго, дисциплинованнаго войска надъ безпорядочными, хоть и весьма воинственными, храбрыми толпами; а еще болѣе потому что положительныхъ данныхъ для опредѣленія въ этихъ стычкахъ степени участія нашего полка я нигдѣ найти не могъ. Есть глухія указанія на участіе въ дѣйствіяхъ противъ враждебныхъ Закубанцевъ, но гдѣ, когда, какой части полка — подробностей нѣтъ. Видно только что полкъ былъ въ бригадѣ съ Тифлисскимъ, подъ командой генералъ-майора Карла Селемана.

Въ тогдашнее время не было такого строгаго порядка въ военномъ дѣлопроизводствѣ какой введенъ теперь. Правильнаго представленія журналовъ о военныхъ происшествіяхъ незамѣтно; по крайней мѣрѣ въ архивахъ при всемъ стараніи я ихъ не нахожу; попадаются только отрывочныя не періодически представлявшіяся свѣдѣнія; весьма быть-можетъ что и крайнее несовершенство тогдашнихъ почтовыхъ сообщеній тому причиной. Въ донесеніяхъ же о болѣе крупныхъ военныхъ дѣйствіяхъ начальники отрядовъ весьма рѣдко поименовывали тѣ части войскъ которыя составляли отряды; они ограничивались большею частью общими цифрами, столько-то человекъ пѣхоты, драгунъ и казаковъ. Особенно бѣдны архивы именно матеріаловъ для эпохи кавказскихъ дѣйствій съ 1776 годъ по 1800 годъ. Все это въ высшей степени затрудняетъ изысканія для подробнаго и вѣрнаго опредѣленія участія извѣстнаго полка въ тѣхъ или другихъ дѣйствіяхъ противъ неприятеля. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду съ 1777 года, то-есть съ прибытія чрезъ Астрахань на Кавказъ, Кабардинскій полкъ стоялъ въ крѣпости Новогеоргиевской и какъ уже выше сказано, нѣсколько разъ отбивалъ атаки

на нее Кабардинцевъ и другихъ горцевъ, участвовалъ и въ крѣпости въ кратковременныхъ движеніяхъ противъ сколицъ дѣлавшихъ набѣги на Моздокскую линію; одинъ батаalionъ подъ командой подполковника Германа, переведеннаго въ 1777 году изъ генеральнаго штаба въ нашъ полкъ, постоянно находился для работъ по возведенію укрѣпленій на всей линіи до Азова. Къ этому же почти времени относится и командированіе подполковника Германа, пользовавшагося вѣроятю извѣстностью хорошаго инженера, въ Херсонъ, гдѣ онъ по распоряженію свѣтаѣйшаго Потемкина производилъ всѣ главныя постройки этого новозаложеннаго города и порта.

XIV.

Такъ продолжалось до знаменитаго пораженія Шихъ-Маусура въ 1785 году, послѣ чего враждебныя столкновенія участились, но все еще не принимали явно наступательнаго съ нашей стороны характера. Совсѣмъ новый характеръ приняла кавказская борьба только съ 1787 года, то-есть съ объявленія Россіи второй Турецкой войны. Послѣдующія событія связанныя съ судьбой Кабардинскаго лѣхотнаго полка находятся въ такой зависимости отъ этой войны что я долженъ прежде сказать нѣсколько словъ объ ея возникновеніи.

Успѣхи русскаго оружія, присоединеніе Крыма и признаніе Грузіей протектората Россіи возбуждали въ Турціи вражду, въ Европѣ зависть и опасеніе за „равновѣсіе“.

Къ тому же 6го августа 1786 года послѣдовала смерть Прусскаго короля Фридриха Великаго, который, отдыхая на лаврахъ прежнихъ побѣдъ, смотрѣлъ спокойно на русскую политику на Востокъ, желая только сохранить дружественныя отношенія къ Россіи.

Преемникъ же Фридриха Великаго выказывалъ менѣе политической сдержанности и готовъ былъ открыто возбудить противъ Россіи враговъ ея.

Война съ Турціей представлялась только вопросомъ времени. Франція и Англія употребляли усилія возбуждать Порту ко враждебнымъ дѣйствіямъ противъ Россіи. Но современныя политическія событія въ Европѣ не позволяли державамъ проявлять болѣе существеннымъ образомъ ихъ зависть и недоброжелательство къ императрицѣ Екатерицѣ,

что и было причиною почему Порта, готовясь къ войнѣ, не рѣшалась еще объявить ее. Со своей стороны тоже непрерывно готовясь къ новой войнѣ съ Турціей, Екатерина старалась насколько могла сохранить дружескія отношенія ко Швеціи и потому просила короля Густава пріѣхать къ ней на свиданіе въ Фридрихсгамъ. Это было въ 1783 году.

Побуждаемый Франціей, снабдившею его деньгами, Густавъ устроилъ къ лѣту 1783 года при Тавастгусѣ лагерь, въ которомъ расположились шесть полковъ, какъ бы желая показать свои военныя силы и сдѣлать Фридрихсгамское свиданіе внушительнымъ. Но дѣлая смотръ войскамъ при Тавастгусѣ, король упалъ съ лошади, услужавшейся лущечнаго выстрѣла, и сломалъ себѣ лѣвую руку, такъ что поднятъ былъ безъ чувствъ.

Это обстоятельство отсрочило предполагаемое свиданіе.

Искренно сожалѣя о несчастномъ случаѣ постигшемъ короля, императрица Екатерина въ частномъ письмѣ своемъ къ Потемкину не могла удержаться отъ замѣчанія что Александръ Македонскій предъ войскомъ отъ своей олашности не падалъ съ коня *.

Этимъ конечно императрица хотѣла сказать что не считаетъ Шведскаго короля со всѣми его странностями за Александра Македонскаго и потому не боится его воинственныхъ демонстрацій.

Состоявшееся послѣ свиданіе въ Фридрихсгамѣ еще болѣе обрисовало эксцентричную личность Густава. „Я наша, писала императрица Потемкину отъ 29го іюня 1783 года, что онъ чрезвычайно занятъ своимъ уборомъ и охотно держался предъ зеркаломъ и не позволялъ ни одному офицеру являться ко двору иначе какъ въ черномъ и лунцовомъ платьѣ; это мнѣ бросилось въ глаза, потому что по моему мнѣнію вѣтъ платья почтѣе и дороже военнаго мундира.“ Напрасно императрица старалась разсѣять подозрѣнія Густава на счетъ враждебныхъ видовъ ея на Швецію. Продолжавшееся четыре дня свиданіе не привело ни къ чему и король уѣхалъ болѣе чѣмъ прежде недовольный Екатериной, видя въ назначеніи свиданія во Фридрихсгамѣ, принадлежавшемъ еще недавно его предкамъ, новое для себя оскорбленіе. Этимъ-то нерасположеніемъ Шведскаго короля къ Екатеринѣ

* Письмо отъ 13го іюля 1783 года.

намѣревалась воспользоваться Пруссія чтобы побудить Турцію объявить немедленно войну Россіи.

Дѣйствительно, едва императрица Екатерина возвратилась изъ своего извѣстнаго путешествія въ Южную Россію, прибывъ 11го июля 1787 года въ Царское Село, какъ въ Константинополь явво обнаружилось намѣреніе начать враждебныя дѣйствія противъ Россіи.

Безо всякаго опредѣленнаго повода, русскій посланникъ Булгаковъ былъ призванъ 15го июля на конференцію къ рейсъ-эфенди (министру иностранныхъ дѣлъ), и отъ него потребовали: 1) чтобы Россія отказалась отъ покровительства принятаго ею надъ Грузіей и царемъ Карталинскимъ, не вытѣшавалась бы въ дѣла тамошнія и вывела бы оттуда свои войска (которыхъ тогда впрочемъ тамъ вовсе не было); 2) чтобы Россія выдала Молдавскаго господаря Маврокордато, которому она даа убѣжище за его преданность русскимъ интересамъ; 3) чтобы русскій вице-консулъ въ Яссахъ Селуевскій былъ смѣненъ, обвиняя его въ томъ будто бы онъ епособствовалъ любѣгу господаря Маврокордато и высылая въ Россію турецкихъ подданныхъ; 4) чтобы въ пользу Турціи предоставлено было 39 соленыхъ озеръ въ Кинбурнскомъ уѣздѣ, принадлежавшемъ Россіи; 5) чтобы Россія признала пребываніе турецкихъ консуловъ въ Крыму и вообще въ предѣлахъ Имперіи; 6) Турція требовала права осматривать всѣ русскія торговыя суда плавающія на принадлежащихъ ей моряхъ, воспрещая имъ имѣть турецкихъ матросовъ и вывозить кофе, масло, сарачинское лшѣно и другіе товары, что равнялось запрещенію самаго права торговли выговоренному трактатами; 7) пошлина съ турецкихъ товаровъ ввозимыхъ въ Россію не должна превышать 3% ихъ стоимости.

Къ этимъ неумовѣрнымъ требованіямъ рейсъ-эфенди прибавилъ что Россія должна дать положительный отвѣтъ не позже 15 или 20го августа, что въ виду дальняго разстоянія столицъ обѣихъ имперій представлялось физически невозможнымъ.

Всѣмъ затѣмъ 5го августа 1787 года Булгаковъ вторично былъ призванъ въ засѣданіе Дивана, причемъ къ прежнимъ требованіямъ Порты присоединила новое, совершенно уже ни съ чѣмъ несообразное, чтобы Россія возвратила Турціи Крымъ и признала недействительными всѣ заключенныя съ нею трактаты, начиная съ Каттарджитскаго. Булгаковъ,

конечно, отказавъ наотрѣзъ и тотчасъ же былъ заключенъ въ Семибашенный замокъ.

Напрасно французскій посланникъ Шуазель и австрійскій интервунцій Губертъ старались объ освобожденіи Булакова. Порта осталась непреклонною и манифестомъ 13/24го августа объявила войну Россіи. Но Турція плохо разчитала, думая упредить союзъ между Россіей и Австріей. Въ ноябрѣ Марія-Терезія скончалась, а преемникъ ея Иосифъ II писалъ императрицѣ Екатеринѣ: „Получивъ извѣстіе что одинъ изъ слугъ вашихъ въ Константинополѣ посаженъ въ Семибашенный замокъ, я, другой слуга вашъ, посылаю противъ жусудманъ всю мою армію...“ Впрочемъ союзъ этотъ никакой пользы Россіи не принесъ и бить Турокъ пришлось однимъ русскимъ войскамъ; а въ концѣ явились обычныя австрійскія дипломатическія интриги, съ коими труднѣе справляться чѣмъ съ турецкими войсками.

Со своей стороны Екатерина 9го сентября 1787 года издала манифестъ, въ которомъ между прочимъ объявлялось: „Оттоманская Порта, утвердивъ торжественными договорами предъ лицомъ свѣта *вѣчный* миръ съ Россіей, опять и вѣроломно нарушила всю святость онаго, а въ доказательство объявленія войны Имперіи нашей въ 5й день августа арестовавъ нашего полномочнаго министра и посланника действительнаго статскаго совѣтника Булакова посадила его въ Семибашенный замокъ (Эдди-Кале).

„Кому неизвѣстно противъ Порты наше поведеніе? По сему приключенію мы еще вновь принуждаемы предложить оное предъ очи цѣлаго свѣта.

„Послѣднюю войну въ 1768 году объявила намъ Порта столь нагао и также несправедливо какъ настоящую. Измеченный мечъ принужденіемъ сколько нанесъ пагубъ врагу, весь міръ о томъ знаетъ. Оружіе наше овладѣло Молдавіею, Валахіею и Бессарабіею, а отъ оныхъ, лерейда Дунай, господствовало равнымъ образомъ, поражая войска Турціи въ Болгаріи. Морскія наши силы въ Средиземномъ морѣ, низложивъ всякое себѣ сопротивленіе отъ флага оттоманскаго, владѣли многими островами въ Архипелагѣ.

„Среди побѣдъ и толликихъ приобрѣтеній, когда уже силы турецкія по своему истощенію не могли противустоять побѣдоносному оружію нашему, и воспретить ввести пламя военное во внутръlauchувствительнѣйшей ихъ державы, лишь

Порта сими побѣдами потрясенная взыскала отъ насъ мира, мы хотя знали всю нужду и изнуреніе въ которыя она себя ввергнула, но онаго не отринувши и рукою побѣдительною приняли договоры для насъ умѣреннѣйшіе, а побѣжденнымъ и спасительныя и прелюбезныя, ибо уступили всѣ наши странныя завоеванія, оставивъ только за собою замокъ Кибурязъ съ его округомъ и съ угломъ земли между Бугомъ и Днѣпромъ, да двѣ крѣпости: Керчь и Эникале, пожертвовавъ впрочемъ изъ челоуѣколюбія, всѣми выгодами и знатными убытками въ войнѣ понесенными общему покою взаимныхъ имперій, высказывая чрезъ то что и въ счастливой войнѣ не приобрѣтенія, а спокойствіе государства нашимъ было предметомъ. Таковъ былъ мирный трактатъ заключенный графомъ Румянцевымъ Задунайскимъ въ Каинараджи.

„Отъ первыхъ дней мира встрѣчая часто худую вѣру и стѣсненіе нашихъ выгодъ въ торговлѣ, которую симъ трактатомъ безпредѣльно дозволяла намъ Порта на сушѣ и на водахъ, по примѣру государствъ коимъ она въ томъ еще благоприятствуетъ, думали мы заключа съ оною особливый торговый трактатъ ко взаимнымъ пользамъ государствъ, связать оными безпрерывное согласіе между подданныхъ и отдать навсегда ясными постановленіями до того бывшія распри. Теперь скажемъ какими ностулками воздавала Порта незазорному нашему расположенію пребывать съ нею въ вѣчной дружбѣ.“

Приведа цѣлый рядъ нарушеній Каинараджійскаго трактата и коварный луть турецкой политики устремившейся къ прежнему порабощенію Крыма изгнаніемъ хана Сагибъ-Гирея, неочищеніе Тамани, подстрекательства закубанскихъ племенъ къ нападеніямъ на наши поселенія, безпрерывная тревога на русскихъ границахъ вынуждавшія держать тамъ значительныя военныя силы, вѣроломное убіеніе покровительствуемаго нами Молдавскаго господаря Гики, варварства въ христіанскихъ провинціяхъ Придунайскихъ, нападенія посредствомъ Лезгинъ на покровительствуемую Россіей Грузію, наконецъ послѣднія наглые требованія предъявленныя нашему послу и арестъ его, — Екатерина заключаетъ манифестъ свой слѣдующими словами: „Всякъ безпристрастный да судить о положеніи дѣлъ которыя изображаемъ мы во всей ихъ истинѣ. Видима тутъ наша непрерывная любовь къ истинѣ и покою объемающимъ блаженство рода челоуѣческаго; видима снис-

ходительство и средства что употребляли мы въ туѣ къ удержанію съ Турками мира. Въ другой уже разъ среди миролюбивыхъ нашихъ намѣреній врагъ имени христіанства вызываетъ насъ на брань противъ нашей воли. Новое върлодство, вновь поправные союзы мира, неуваженіе къ правамъ народнымъ дерзновенно оскорбленное достоинство короны нашей употребилъ онъ яко способы движущіе противуборство, ололчаясь потому оружіемъ ко брани не в'лею нашу, полохотвнѣемъ и злобою враждующихъ на насъ воздвигнутой, указали мы теперь собрать наши арміи и предводителямъ оныхъ фельдмаршаламъ графу Румянцеву и князю Потемкину дѣйствовать противу непріятеля.“

Началась вторая Турецкая война, не менѣ роковая для Турціи чѣмъ первая. Судьба толкала имперію Оттомановъ въ ту бездну надъ которою она очутилась въ наше время въ одномъ шагѣ отъ окончателнаго ладенія...

Европа должна была желать измѣненія политико-экономическихъ условій Турціи. Она должна была желать чтобы все населеніе этой богатой страны получило возможность правильно развивать свои промышленныя силы. Предоставленные сами себѣ, Турки всегда оставались Турками, что неизбежно должно было привести самую Турцію къ разложенію.

„Можно ли, спрашивалъ Вольней, чтобы государство постоянно опустошалось и не пришло къ разрушенію? и можно ли вести богатую торговлю со страной которая идетъ къ разоренію?“

Обращаясь къ тѣмъ которые еще въ XVII столѣтіи доказывали что сохраненіе Турецкой имперіи въ томъ видѣ въ какомъ она существуетъ важно для равновѣсія въ Европѣ и что поэтому Турцію нужно поддерживать даже матеріально, Вольней говоритъ: „когда должникъ разорется, то немислимо чтобы это было выгодно его кредитору“.

Далѣе на вопросъ, дѣйствительно ли выгодно существованіе Турціи въ ея настоящемъ положеніи? Вольней возражалъ: „Хорошо ли понимаютъ смыслъ которымъ прикрытъ этотъ вопросъ. Понимаютъ ли что подвергнутый анализу вопросъ этотъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: выгодно ли чтобы многочисленный народъ остался подчиненъ правительству которое *на носитъ на себѣ даже образа чловѣческаго?* Выгодно ли чтобы миліоны людей были отданы на мученіе двухъ или трехъ сотъ разбойниковъ, именующихъ себя

властителями? Выгодно ли чтобы лучшая въ мірѣ почва оставалась невоздѣланною или не приносила и одной десятой части продуктовъ которые она можетъ дать, или можетъ ли быть выгодно чтобы черное населеніе въ Гвинеѣ оставалось дикимъ и глулымъ, потому что изъ него можно было набирать рабовъ? И развѣ то что считается преступленіемъ и убійствомъ въ частномъ человѣкѣ считается добродѣтельно въ правительствѣ? Развѣ справедливость общества къ обществу не та же какая бываетъ въ отношеніяхъ одного человѣка къ другому? Но между народами какъ и между частными лицами, когда дѣйствуетъ одинъ матеріальный интересъ, напрасно обращаться къ доводамъ разсудка!

Къ такимъ справедливымъ словамъ Европа оставалась глуха. Эгоистическіе разчеты, затаенныя цѣли, общес недоброжелательство, ошибочныя взгляды, все это было и осталось причиною того положенія дѣлъ которое превратилось въ такъ-называемый „Восточный вопросъ“, вотъ уже почти два столѣтія тяготящій надъ слокойствіемъ всей Европы, ожидающій своего окончательнаго разрѣшенія, съ неизбѣжными лвидимому новыми потоками крови.

Князь Потемкинъ, главнокомандующій Екатеринбургской арміей, распредѣлилъ кругъ дѣйствія своей арміи,* давъ личнымъ ему войскамъ Кавказскаго и Кубанскаго корпусовъ слѣдующее назначеніе: прикрытіе пространства между Чернымъ и Каспійскимъ морями, гдѣ Турки съ помощью горцевъ приготовляли сильное развлеченіе нашихъ силъ. Наилучшимъ способомъ достигнуть этого сочтено было дѣйствовать наступательно въ Закубанскомъ краѣ, по направленію къ прибрежной турецкой крѣпости Анапѣ. Этимъ наказывались черкесскія племена за нападенія на наши поселенія по новой Кавказской линіи и удерживались страхомъ за свои собственныя жилища, а также парализовалась предпріимчивость Турокъ, разчитывавшихъ на содѣйствіе закубанскаго населенія въ наступательныхъ дѣйствіяхъ противъ насъ.

Назначенному главнымъ начальникомъ войскъ на Кавказѣ генералъ-аншефу Текелли было повѣрено предписанно двинуться за Кубань, соображая свои дѣйствія съ генералъ-

* Кабардинскій полкъ входилъ въ бригаду генералъ-майора Степана Апраксина, вмѣстѣ съ Тифлисскимъ и Троицкимъ полками.

поручикомъ Потемкинымъ, командовавшимъ частью войскъ расположенныхъ на низовьяхъ Кубани.

Была уже осень. Генералы Текелли и Потемкинъ собирались дать войскамъ отдыхъ и прекратить всякія военныя дѣйствія, соображаясь съ приостановленіемъ таковыхъ на главномъ театрѣ войны подъ Очаковымъ. Но предприимчивый Шихъ-Мансуръ продолжалъ возмущать закубанскія племена и въ первыхъ числахъ сентября собралъ значительныя силы при вершинахъ рѣкъ Большаго и Малаго Зеленчуковъ и Урупа. Нѣсколько Турокъ изъ Суджукъ-Кале, разглашая объявленіе Турціей войны Россіи, подстрекали Закубанцевъ ворваться въ наши границы. Генералъ Потемкинъ * чтобы предупредить ихъ набѣги, переправился 20го сентября тремя колоннами за Кубань. Первая находилась подъ личнымъ его предводительствомъ, второю начальствовалъ генералъ-майоръ Ратіевъ, третью полковникъ Ребиндеръ, а генералъ-майору Елагину предписано съ четвертою колонной, перешедъ также Кубань, занять удобную позицію и прикрывать дѣйствія прочихъ колоннъ отъ непріятельскихъ покушеній съ тыла.

Полковникъ Ребиндеръ, направленный кратчайшимъ путемъ, дошелъ первый со своею колонною до Чильхова-коша, ** гдѣ находилось до 60ти арбъ устроенныхъ обозомъ. При приближеніи передовыхъ войскъ Татары, составлявшіе прикрытіе табора, произнося данную имъ отъ Шихъ-Мансура молитву, дрались съ ослабленіемъ отчаянія, но принуждены были наконецъ отступить, оставивъ до четырехсотъ тѣлъ на мѣстѣ. Наши солдаты поражали ихъ безплодно и овладѣли обозомъ.

Между тѣмъ Шихъ-Мансуръ собралъ свои толпы и на разсвѣтъ 21го сентября ударилъ на колонну полковника Ребиндера; завязалось жаркое дѣло: Ростовскій карабинерный (?) полкъ понесся на передовую толпу Закубанцевъ, но другія толпы ихъ, выскочивъ изъ боковыхъ ущелій, кинулись на его лѣвый флангъ, смяли два эскадрона карабинеръ и подкрѣплявшихъ казаковъ; тогда подошлѣвъ Астраханскій драгунскій полкъ съ баталіономъ пѣхоты и сильнымъ натискомъ опрокинулъ горцевъ обратилъ ихъ въ бѣгство.

Съ первымъ звукомъ пушекъ генералъ Потемкинъ направилъ колонну генералъ-майора князя Ратіева на подкрѣпле-

* Павелъ Сергѣевичъ, двоюродный братъ свѣтаѣйшаго.

** Кошъ здѣсь значитъ кочевье или таборъ.

нѣ Ребиндера, но дѣло было уже рѣшено: Шихъ-Мансуръ отступилъ и остановился въ десяти верстахъ отъ боеваго поля.

На другой день присоединились къ нему свѣжія толпы Темиргоевцевъ, Бесленейцевъ, Килчаковъ и Абазинцевъ (Абазехи).

Ободренный Шихъ-Мансуръ двинулся вновь противъ русскихъ войскъ: генераль-майоръ Ратіевъ встрѣтилъ толпы своими кареами, и жестокій и ужасный огонь разсыпалъ ихъ вскорѣ; раздѣлаясь по ламенамъ, онѣ удерживались въ лощинахъ и рощахъ, но вытѣсненные отовсюду луснулись наконецъ въ бѣгство, спасаясь въ ущелья и горы.

На зорѣ слѣдующаго дня преданы ламенн всѣ окрестныя селенія и домъ жезлпророка: ни одинъ Закубанецъ уже не являлся на защиту; оробѣвшія толпы ихъ смотрѣли на плачевное зрѣлище съ вершинъ ближайшихъ къ свѣжнымъ горамъ уступовъ.

25 сентября отрядъ началъ обратное движеніе за Кубань и проходя тѣсныя ущелья, не встрѣтилъ нигдѣ препятствія.

Нестройныя, хотя и отчаянныя наладенія Закубанцевъ стоили имъ важныхъ потерь. Въ русскихъ же войскахъ потери ограничилиась 54 человеками, въ числѣ коихъ были походный атаманъ казацкій Яновъ, раненый двумя стрѣлами въ голову.

Въ продолженіе дѣйствій этой части отряда генераль-майоръ Елагинъ, перейдя 22 сентября за Кубань, двинулся вверхъ по рѣкѣ Урулу и верстахъ въ пятидесяти 25го числа достигъ толпы кочующихъ Татаръ, которыхъ и разсыпалъ. На другой день передовыя войска его достигли ауловъ и поразили все что не успѣло спастись бѣгствомъ. Послѣ этого перваго успѣха Елагинъ, распространяя кругъ своихъ дѣйствій, отрядилъ бригадира Булакова и полковника Деллерадовича, давъ каждому по баталіону лѣхоты и по четыре эскадрона конницы при нѣсколькихъ казакахъ.

Булаковъ, отойдя влѣво 7 верствъ, выдержалъ наладеніе двухъ тысячъ горцевъ и разсыпалъ ихъ послѣ двухчасовой битвы; отраженный непріятель старался утвердиться на ближайшихъ высотахъ, но сбитый вторично скрылся въ окрестныя лѣса съ потерей нѣсколькихъ сотъ человекъ.

Полковникъ Деллерадовичъ, направляясь вправо къ ауламъ Закубанцевъ и проходя трудныя мѣста, сражался непрерывно

26, 27 и 28 чиселъ; въ послѣдній день непріятель встрѣтилъ его отчаянно и дрался болѣе семи часовъ.

Генералъ-майоръ Елагинъ послѣдовалъ подкрѣпить его; но горцы были уже сломлены и бѣжали къ горамъ. Уронъ ихъ убитыми въ сшибкахъ и при истребленіи деревень простирался до двухъ тысячъ человѣкъ; въ отрядѣ Елагина убилъ въ продолженіе этого поиска состояла убитыми 1 оберъ-офицеръ и 34 нижнихъ чиновъ; ранеными: 2 оберъ-офицера и 105 нижнихъ чиновъ. Добыча состояла во множествѣ скота, который разданъ войску.

Вскорѣ по возвращеніи войскъ изъ-за Кубани генералъ-амшевъ Текелли принялъ надъ ними общее начальство и рѣшился вторично перенести дѣйствія въ самыя нѣдра непріятельской земли, чтобы нанести горцамъ рѣшительный ударъ обезпечить свои зимовыя квартиры. 13 октября направленъ генералъ-лейтенантъ Иловайскій съ Донскими полками и тремя баталіонами, а генералъ-майоръ Розень съ двумя лѣхотными и столькими же драгунскими полками за Кубань при урочищѣ Телижбегѣ; въ тотъ же день и генералъ - амшевъ Текелли съ 12 тысячами войскъ перешелъ рѣку въ трехъ мѣстахъ при Кубанскомъ редутѣ, имѣя съ собою на мѣсцѣ продовольствія.

Однообразныя дѣйствія его корпуса не представляютъ ничего любезнаго; повсемѣстное пораженіе горцевъ и очищеніе всего Кубанскаго берега отъ устья Лабы до самыхъ вершинъ сѣвѣныхъ горъ были плодомъ трехнедѣльнаго пребыванія его за Кубанью. Аулы горцевъ подвергались огню и мечу, значительная часть ихъ переселилась въ Кавказскую губернію.

Дѣйствія генераловъ Иловайскаго и Розена были не менѣе опустошительны. Обезпечивъ такимъ образомъ свои границы, войска дѣйствовавшія за Кубанью возвратились 5го ноября на правый берегъ рѣки и разошлись на зимовыя квартиры.

Что походъ генерала Текелли въ 1787 году произвелъ большее впечатлѣніе на кавказское населеніе видно изъ того что посланный княземъ Потемкинымъ генералъ-майоръ Горичъ младшій (изъ Кабардинцевъ) проѣхалъ отъ Кизляра чрезъ Костекъ, Андрееву и Брагуны всю Чечню, сопровождаемый почетнѣйшими жителями; всѣ аулы изъявляли покорность Русскому правительству, раскаивались въ содѣйствіи Шихъ-Мансуру, давали клятвы и подписки жить мирно и пр.

Дербентскій ханъ тоже присылалъ къ Горичу своего родственника заявить о полной готовности служить Россіи.

На слѣдующій 1788 годъ, при выступленіи арміи для осады Очакова, князь Потемкинъ предписалъ генералу Текеали, соединясь съ кубанскою частью войска, двинуться общими силами къ Аналѣ, чтобы уничтожить замыслы Турокъ, угрожавшихъ съ этой стороны нашествіями. Большое разлитіе рѣкъ и позднее доставленіе рекрутъ на пополненіе Кавказскаго корпуса замедлило выступленіе Текеали до половины сентября.

При открытіи дѣйствій, Кавказскій корпусъ въ числѣ 8.000 пѣхоты, 1.000 драгунъ, 400 карабинеръ и 2.300 казаковъ, при 17ти орудіяхъ, сосредоточился 5го сентября на сборномъ пунктѣ при Телижбегѣ на Кубани; здѣсь для охраненія ливні оставлены казачьи отряды, а войска выступили правымъ берегомъ рѣки и прибыли 14го числа къ переправѣ выше устья Шекулса; связь Кавказскаго корпуса съ ливніею и Григоріополисомъ была обезпечена шестью редутами возведенными между этимъ пунктомъ и переправой. Въ каждомъ изъ нихъ оставлены команды пѣхоты и казаковъ, въ нѣкоторыхъ съ пушками; на самой переправѣ возведено укрѣпленіе прикрывающее окрестность съ обѣихъ сторонъ; въ немъ помѣщены главные запасы продовольствія войскъ.

Генералъ-лейтенантъ Иловайскій съ 5.000 человекъ Донскихъ казаковъ расположился противъ Романовскаго брода на рѣкѣ Бейсугѣ для поддержанія прикубанскихъ постовъ и остался въ этомъ положеніи до конца похода.

14го сентября непріятельскій берегъ занятъ авангардомъ корпуса, подъ начальствомъ генералъ-майора князя Ратіева. Непріятель покусился воспрепятствовать переправѣ, но скоро рѣ отбитъ и авангардъ переправился на лодкахъ доставленныхъ изъ Черкаска; 18го числа весь корпусъ посаждовалъ за авангардомъ по мосту наведенному изъ лодокъ; для прикрытія переправы и магазина оставленъ въ укрѣпленіи 2й Кубанскій егерскій баталіонъ и нѣсколько казаковъ при 4хъ орудіяхъ.

По переходѣ черезъ Кубань, войска двигались вверхъ по Шекулсу, а 21го числа, перейдя эту рѣку, направились черезъ Ушибать, Суль, Каракубань на Убийль, гдѣ весь корпусъ двинулся. Въ продолженіе послѣдняго перехода произошла

сшибка съ Черкесами, въ которой убитъ казачій полковникъ Барабанщиковъ. Между тѣмъ густой дымъ поднимавшійся въ разныхъ мѣстахъ по горамъ и раздающіеся условные знаки обнаруживали значительное скопленіе непріятельскихъ силъ. Для открытія ихъ и обзорѣнія дороги до горъ отражень отъ Убина подполковникъ Мансуровъ съ двумя баталіонами (одинъ изъ нихъ Кабардинскаго полка), столькими же эскадронами и 300 казаковъ; въ восьми верстахъ отъ корпуса открылся непріятель и сраженіе началось. Завѣса горъ и лѣсовъ скрывала силы Закубанцевъ; въ подкрѣпленіе ихъ подосѣла часть Турокъ стоявшая вблизи съ восьмью пушками, а вскорѣ придвинулись и главныя черкесскія толпы, стремительный валоръ коихъ показывалъ несоразмѣрное превосходство непріятельскихъ силъ надъ нашею колонной и побуждалъ начальника отряда отступить къ главному корпусу. Между тѣмъ Черкесы усилились до десяти тысячъ и, пользуясь лѣсами и оврагами, повторили сильныя нападены на русскія войска до 4го часа пополудни. По отраженіи подполковника Мансурова, авангардъ съ генералъ-майоромъ Ратіевымъ и резервъ съ полковникомъ Германомъ (здѣсь былъ другой Кабардинскій баталіонъ) были отправлены впередъ для занятія мѣста подъ лагерь, но продолжительный гулъ пушекъ привлекъ ихъ къ полю сраженія. Появленіе свѣжихъ войскъ рѣшило дѣло: Черкесы, не взирая на свое численное превосходство и отчаянную стремительность атакъ длившихся болѣе семи часовъ, не имѣли нигдѣ явнаго успѣха и, потерявъ наконецъ надежду разстроить русскія каре, отступили въ горы. Уронъ ихъ простирался до 1500 человекъ; Русскіе потеряли убитыми и ранеными до 235. Въ этомъ дѣлѣ опять отличились обѣ наши гренадерскія роты, вездѣ выдвигавшыя впередъ. Въ этомъ же сраженіи участвовалъ и Шихъ-Мансуръ, хотя и потерявшій уже значительную долю довѣрія, но фанатическими нагѣвами возбуждвшій многихъ къ бою. Подъ нимъ была убитая лошадь и овъ едва спаясь, бѣжавъ въ лѣсъ лѣпшій.

По разбитіи непріятеля, всѣ больные и раненые отправлены въ вагенбургъ, помѣщенный на правомъ берегу Кубани, а отрядъ продолжалъ свое движеніе до рукава сей рѣки называемаго Эмансу, для удобнѣйшаго движенія къ берегу Чернаго Моря. По совершенной неизвѣстности мѣстъ чрезъ которыя пришлось проходить, были приняты слѣдующія общія

мѣры Кубанской части (то-есть корпуса) положено пройти къ Закаатъ по большой Зивинской дорогѣ; Кавказскому же корпусу, держась между горами и Кубанью, подавать видъ направленія къ тому же мѣсту, сквозь Абивскія дефиле. Это соображеніе разрушило замыслы непріятели, который, ожидая съ другой стороны Кубанскую часть, занялъ большіе и Малые Ераы, гдѣ переправы представляютъ Большія затрудненія, и началъ укрѣплять берегъ. Оба корпуса продолжали движеніе: Кубанскій надъ Кубанью къ Закаатъ, куда ему назначено прибыть въ пять сутокъ, а Кавказскій внизъ по Емансу. Соединеніе корпусовъ произошло 9го октября при Зивинскихъ селахъ, гдѣ войска расположились общими лагеремъ по рѣчкѣ Кудакъ. Все время Черкесы показывались только легкими развѣздами издалека, но по расположеніи войскъ у подошвы горъ толпы ихъ стали появляться чаще и схватывались съ русскими фуражирами. Для удаленія ихъ отраженъ полковникъ Германъ съ двумя баталіонами и казаками вверхъ по рѣчкѣ Кудакъ; отрядъ его сошелся случайно съ партией Адыль-Гирей-султана, который съ 500 Татаръ послѣдствовалъ на подкрѣпленіе Турокъ въ Аналу. Началась перестрѣлка: толпы Абазинцевъ (Абазели), сбѣгая съ горъ, поддерживали Татаръ, но всѣ ихъ уцѣлы были тщетны; полковникъ Финкъ съ баталіономъ егерей ударилъ на лѣвое, а казаки на правое крыло непріятели, и выбивъ его изъ дефиле очистили отряду путь къ абазинскимъ селеніямъ, которыя большею частию и истреблены. Въ семь дѣлъ взято 22 человекъ въ плѣны; уронъ же отряда былъ самый незначительный. 10го числа соединенный корпусъ двинулся дальше; общій порядокъ марша былъ слѣдующій: авангардъ и резервъ шли впереди въ трехъ колоннахъ, приготовляя переправы и дороги, за ними Кубанская часть, послѣ Кавказскій корпусъ; въ арріергардѣ находился подвижной магазинъ, подъ прикрытіемъ отряда изъ 1.500 человекъ конницы и пѣхоты.

Такимъ порядкомъ отрядъ продолжалъ движеніе черезъ Султанскую деревню и рѣку Калсу до урочища Чучуде, близъ Чернаго Моря. 14го октября отраженъ полковникъ Германъ съ резервною колонной изъ двухъ баталіоновъ и до 300 человекъ конницы для обозрѣнія Аналы. Для поддержанія его посланъ генераль-майоръ Шевичъ съ двумя драгунскими полками отъ Кубанской части и съ Волжскимъ

казацкимъ полкомъ. Турки, замѣтивъ приближеніе войскъ, притаились въ городскихъ стѣнахъ; не болѣе 300 шаговъ находились въ дефилеяхъ предъ крѣпостью. Полковникъ Германъ, отдавъ впередъ два эскадрона драгунъ отъ Кубанской части, сѣдвовалъ съ пѣхотой позади; по сближеніи драгунъ турецкая конница послѣдно собралась къ рѣчкѣ Бугуръ, подъ пушечные выстрѣлы крѣпости, и тогда внезапно открылись ея батареи, а турецкая пѣхота высыпала на валъ и выставила множество знаменъ и буаучуковъ; огонь съ крѣпости подавъ условный знакъ горцамъ, которые скрывались по дѣсамъ въ семи верстахъ отъ крѣпости; съ невѣроятною быстротой набѣжали густыя толпы ихъ, имѣя одиннадцать орудій трехъ-и шестифунтовыхъ. Сраженіе съ обѣихъ сторонъ усилилось; ворота крѣпости отворились и множество алычаръ вышли чтобъ отрѣзывать русскіе эскадроны со стороны моря; тогда подоспѣла резервная пѣхота и одинъ егерскій баталіонъ сближенъ въ подкрѣпленіе конницы къ морскому берегу въ село Кочугуры противъ алычаръ. Въ это время другой баталіонъ, очищая выстрѣлами лѣвый флангъ егерей, открылъ луть сражающейся съ неровными силами конницѣ выйти изъ-подъ выстрѣловъ горцевъ. По отступленіи драгунскихъ эскадроновъ, предоставляемо одной пѣхотѣ ослабивать поле сраженія у всей черкесской оаисы. Между тѣмъ и вылазка изъ города увеличилась и сраженіе завязалось упорное со всѣхъ сторонъ, особенно въ деревнѣ Кочугурахъ, гдѣ егеря, засѣвъ между кустами и камнями, положили на мѣстѣ многихъ алычаръ, успѣвая нѣсколько разъ отражать и гнать ихъ толпы до самаго протока Бугура. Не взирая на успѣшныя усилія егерей, отступленіе ихъ было затруднено Черкесами, покрывшими равнину, черезъ которую баталіону сѣдвовало проходить; наконецъ подоспѣвъ авангардъ съ генералъ-майоромъ Ратіевымъ, и полковникъ Германъ съ латю эскадронами Владимірскаго драгунскаго полка, которые подведены немедленно сквозь самыя Кочугуры къ морю. Неожиданное появленіе свѣжихъ войскъ въ тылу непріятеля побудило его разстутаться и оставить проходъ егерямъ; тогда резервная колонна, отстрѣливаясь, успѣла подняться на гору, подъ прикрытіе артиллерійскаго огня авангарда.

Вскорѣ за авангардомъ подоспѣла и Кубанская часть и построилась въ боевой порядокъ между моремъ и высотой,

завела перестрѣлку съ непріятелемъ, который не осмѣливаясь вывести на равнину своихъ орудій, держалъ ихъ за болотѣмъ и стрѣлая навѣсными выстрѣлами перебрасывалъ большую часть ядеръ чрезъ войска. Между тѣмъ смерклося и наступленіе ночи прекратило дѣло, продолжавшееся болѣе семи часовъ. Уронъ Турокъ и горцевъ простирался до 700 человекъ; потеря же соединеннаго корпуса была относительно незначительна.

По окончаніи дѣла войска заняли лагерь между Кубанскимъ лиманомъ и моремъ.

Число Турокъ и горцевъ защищавшихъ Аналу простиралось до 12 тысячъ человекъ; естественное положеніе крѣпости не обѣщало удачи при легкомъ покушеніи, а для правильной осады не доставало ни времени, ни тяжелыхъ орудій, ни продовольствія, которымъ войска снабжены были только до 1го ноября; оставалось бы взять ее внезапнымъ штурмомъ съ пожертвованіемъ многихъ людей; но потеря ихъ для одной славы казалась предосудительною генералу Текели, тѣмъ болѣе что удержать крѣпость въ своихъ рукахъ было еще невозможно.

По этимъ соображеніямъ генералъ назначилъ войскамъ обратный походъ на правый берегъ Кубани, съ тѣмъ чтобы на пути разорить всѣ обитаемыя мѣста, особенно селенія Ногайцевъ откочевавшихъ изъ нашихъ предѣловъ въ 1788 году по лиману и Черному Морю. Для внушенія ващаго страха непріятелю, соединенный корпусъ оставался подъ Аналой до 17 октября; ни одинъ Черкесъ не показался для обороны своихъ опустошаемыхъ жилищъ. Означеннаго числа корпусъ выступилъ въ обратный походъ: резервъ составлялъ авангардъ, за нимъ слѣдовала Кубанская часть и наконецъ Кавказскій корпусъ, а въ авангардѣ двигались два гренадерскіе и два егерскіе баталіоны, 4 эскадрона драгунъ и 400 казаковъ.

Направленіе войскъ было къ Куркинской переправѣ, гдѣ начальствующій корпусомъ намѣренъ былъ перейти Кубань. 18го числа произошла послѣдняя стычка съ Черкесами, которые пытались отрѣзать фуражировавшихъ драгунъ и убили у насъ 10 человекъ, но подослѣвшимъ арріергардомъ, двумя драгунскими полками и баталіономъ егерей отражены съ урономъ.

Генералъ - аншефъ Текели, встрѣтивъ неудобство при Куркинской переправѣ, направилъ отрядъ преѣзнимъ путемъ на лѣсной станъ, Кудако и Залъ; отъ послѣдняго лагера посланы съ отдѣльными колоннами бригадиръ Берхманъ

и полковникъ Германъ для истребленія сселеній въ горахъ, чтобы лишить Закубанцевъ охоты вторгнуться въ предѣлы Россіи. Отряды эти, исполнивъ свое порученіе, возвратились къ соединенному корпусу, который 28го октября прибылъ къ переправѣ при Завѣ; 29го перекинуты повтовы и поправлена пристань, а слѣдующіе два дня употреблены для переправы войскъ; 3го ноября Кавказскій корпусъ отдѣлился отъ Кубанской части и продолжалъ движеніе вверхъ по Кубани на Терновскій редутъ до Григоріополиса, откуда войска разошлись по зимовымъ квартирамъ въ Ставрополь, Александровскъ, Георгіевскъ, Екатериноградъ и Кизляръ.

Весь этотъ двухмѣсячный походъ, первый изъ продолжительныхъ, серьезныхъ наступательныхъ въ непріятельскія земли, сколько можно судить по краткому донесенію князя Потемкина императрицѣ, былъ веденъ генераломъ Текели чрезвычайно осторожно, въ предѣлахъ благоразумной осмотрительности, вызывавшейся совершеннымъ незнакомствомъ съ мѣстностью театра дѣйствій, съ отсутствіемъ маломальски удобныхъ сообщеній съ точками опоры и заласовъ. Генералъ былъ человекъ очевидно опытный, предусмотрительный, не увлекавшійся желаніемъ громкихъ дѣлъ и довольствовавшійся достиженіемъ главной назначенной ему цѣли: безопасность линіи и всего пространства между Кубанью и Каспіемъ была обезпечена, враждебное Закубанское населеніе потревожено и наказано въ собственныхъ своихъ жилищахъ, намѣреніе Турокъ отвлечь въ эту сторону наши заботы парализовано, наконецъ пути къ ихъ важной прибрежной крѣпости Анапѣ изслѣдованы. Въ добавокъ къ этому генералъ Текели во время своего движенія успѣлъ собрать достаточно свѣдѣній о мѣстномъ населеніи, его силахъ, отношеніяхъ разныхъ обществъ другъ къ другу, ихъ бытѣ и проч., изложивъ все въ подробной запискѣ князю Потемкину, не лишенной интереса даже и теперь еще, послѣ девяноста лѣтъ нашего болѣе близкаго знакомства съ племенами Кавказа.

Послѣ этого похода многие Закубанцы изъявляли покорность и готовы были выселиться на ласковость, съ обещаніемъ воевать со всякимъ кто вздумаетъ двгаться враждебно въ русскіе предѣлы.

(Продолженіе слѣдуетъ)

А. ЗИССЕРМАНЪ.

ПРОРОКЪ*

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Монахия.

Грохоть тяжелыхъ колесъ развозимыхъ по улицамъ лу-
шекъ

Въ ночь до зари раздается по городу. Гдѣ не хватаетъ
Силъ лошадиныхъ, тамъ люди — мужчины и женщины
вмѣстѣ—

Имъ помогаютъ. Ужь вотъ на валу городскомъ размѣсти-
лись

Плумль, Сатана, Бурлебасъ, Василискъ и Орелъ и другія

Разныхъ названій орудія; только Лѣвивая Грета

На площади остается: она на подъемъ тяжеленька,

А потому и дано ей въ народѣ названье *лѣвивой*.

Тутъ она будетъ стоять, чтобъ сигналъ подавать къ нала-
денью.

Но не одинъ только валъ былъ уставленъ рядами орудій,—

Крыши ближайшихъ домовъ обратились теперь въ бастіоны,

Между рубцами стѣны и во всѣхъ ея люкахъ зѣяютъ

Черныя жерла лицалей. Повсюду устроены были

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 4 и 5 1879.

Кузницы и мастерскія, гдѣ люди покрыты сажею
 По наковальнямъ стучать при свѣтѣ пылавшаго горна...
 Граждане Мюнстера всѣ стремленьемъ однимъ вдохнови-
 лись;

Всѣ суетятся, слѣшать; одинъ Маттисонъ одинокій
 Въ кельѣ своей залерса и сидитъ погруженный въ раздумье.
 Онъ безъ лѣтъ и безъ лица, уставивши взоръ неподви-
 жный

Въ отъѣзду, стоитъ какъ статуя. Иль силы его подломилась
 Послѣ тревоги минувшаго дня? Или онъ помѣшался?

Вечера тѣни спустились; для охраненія вала,
 Башенъ и стѣнъ городскихъ собираются гражданъ отряды
 На площадь чтобъ получивши пароль разойтись куда нужно.
 Явѣ же повелѣ свой отрядъ къ Серватинскимъ воротамъ,
 Гдѣ у стѣны одиноко стоялъ монастырь опустѣвшій,
 Нацѣпъ, обитель монаховъ, ушедшихъ во время тревоги.

Ночь наступила и вотъ изъ кельи своей величаво
 Вышелъ сѣдой Маттисонъ и, тяжелымъ мечомъ опоясавъ
 Ставъ свой, сѣлъ на колы окруженный восторженныхъ
 свитой,

Вооруженныхъ какъ онъ. Но какъ странно разбросаны
 пряди

Бѣлыхъ волосъ проповѣдника; какъ неподвижно и дико,
 Будто стеклянные смотрятъ глаза его. Онъ помѣшался!
 Молнія грознаго рока сразила сѣдаго гиганта.
 И погасила огонь его мощнаго духа! Но гордо
 Ѣдетъ онъ впереди и никто изъ его окружавшихъ
 Не замѣчаетъ безумія взоровъ его и движеній:
 Въ Мюнстерѣ трудно теперь отащить гдѣ восторгъ, гдѣ
 безумство!

Предъ сумашедшимъ пророкомъ одинъ изъ восторжен-
 ныхъ скачетъ,

Радостно всѣхъ увѣряя что видитъ онъ ангеловъ въ небѣ,
 Видитъ ихъ сонмъ лучезарный летящимъ на помощь къ
 Сіону.

Вздвѣ запрокинувши голову, смотритъ онъ въ высь непо-
 движно,

Выпучивъ страшно глаза и въ конвульсіяхъ съ лѣвою у рта
 Падаеть навзничь. Другіе впередъ послѣдуютъ, сзывая
 Вѣрныхъ Сіону къ себѣ, и толпа все растеть и, волнуясь,

Съ воллемъ и воємъ несется вслѣдъ за безумнымъ пророкомъ.

Но между тѣмъ какъ она предводимая имъ направляетъ Путь свой на сѣверъ къ Крестовымъ воротамъ, отрядъ предводимый

Яномъ стоялъ, охраняя твердыню воротъ Сервативскихъ. Каждому мѣсто назначивъ, онъ стражею занялъ и Ниццанъ, И на дворѣ монастырскомъ поставилъ онъ часть гарнизона.

Стѣну и валъ обхода увидалъ предъ собой онъ Дивару: Смѣло къ отряду пристава она и при немъ оставалась, Чтобъ только ближе быть къ Яну. Но холодно онъ отвернулся

Отъ соблазнительной женщины и удалился въ раздумьѣ.

Вотъ онъ вступилъ въ монастырь и пошелъ по его галлереймъ;

Страшно звучалъ его шагъ подъ сводами мрачнаго зданья; Въ мракѣ ночномъ тутъ и тамъ представлялись ему привидѣнья,—

Блѣдые образы инокинь, спящихъ давно ужъ въ могилахъ, Юную жизнь загубившихъ въ безмолвіи келій печальныхъ...

То ему чудится вдругъ что онъ ледяными устами Будто вампиры вливаются въ щеки его, чтобъ насытить Страсти желанье, которое было имъ чуждо при жизни...

Въ думы свои погруженный мечтатель по каменнымъ лаитамъ

Дальше идетъ окруженный ночной тѣнью. Но что тамъ Свѣтитъ въ концѣ коридора какъ звѣздочка слабо мерцая? Юноша свѣтомъ манящимъ идетъ на него мимо келій Къ самой послѣдней изъ нихъ; но вдругъ его слухъ поражаетъ

Вздохъ сокрушенья глухой и тяжелой. Рукой осторожной Келій дверь отворивъ, увидѣлъ вдругъ Янъ изумленный Дѣву простертую ницъ при тускломъ мерцаньи лампы Передъ иконой Спасителя. Пряди волосъ золотистыхъ Пали волной на одежду ея и на каменный помостъ.

Янъ приближается къ ней; но она угабась въ созерцанье

Не замѣчаетъ его: ея взоръ устремленъ на икону Изображавшую ликъ Искупителя въ сомнѣ воздушномъ

Ангеловъ свѣтъмъ. Съ горячей молитвой въ святомъ уми-
леньи

Смотритъ она на него, позабывъ все земное. Ужели
Грѣшница это въ раскаяньи сердца прибѣгшая къ Богу,
Или невинная жертва людскаго гоненья? Вотъ ближе
Янъ подошелъ и она увидавъ его встала послѣшивъ:
Вспыхнули блѣдныя щеки и взоръ устремленный на Яна,
Выразилъ гнѣвъ и смущенье. Выпрямивъ станъ свой вы-
сокій,

Стала она передъ нимъ. И какъ измѣнился внезапно
Весь ея образъ прелестный: глаза утомленные бдѣньемъ
Вдругъ загорѣлись и строга важность смѣнила смиренность;
Но въ изможденныхъ чертахъ сѣды утомленья остались.
Янъ, побѣдивши въ себѣ изумленья, спросилъ незна-
комку:

„Дѣва! скажи отчего ты одна въ этихъ стѣнахъ осталась
И не покинула ихъ, когда сестры твои удалились,
Чтобъ избѣжать отъ бѣды нарушеніемъ воли пророка?“

Дѣва спокойно ему отвѣчаетъ: „Хотя изъ монастыря
Здѣсь ни одной не осталось; послѣднія нынѣшнимъ утромъ
Бросилась въ новую жизнь; но я здѣсь останусь, покуда
Силою меня не изгонять, и мнѣ для продолженія жизни
Будетъ лишь кружка воды съ залежавшей коркою хлѣба!“

Юноши сердце забилось нежданнымъ сладостнымъ чув-
ствомъ,

Какъ у того кто скитался во мракѣ ущелья внезапно
Пышный цвѣтокъ увидалъ, озаряемый солнечнымъ свѣ-
томъ.

Сердца волненья не могъ заглушить изумленный мечта-
тель

И съ увлеченьемъ воскликнулъ: „Зачѣмъ, о прелестная
дѣва,

Мрачная келья скрываетъ такой красоты совершенство!“
Гнѣвно взглянула она; но онъ продолжалъ, не смущаясь:
„Ахъ, если маѣ иногда рисовала мечта очертанье
Женщины, образъ которой достоинъ бы былъ обожанья,
Женщины съ мыслящимъ, гордымъ челомъ и чарующимъ
взоромъ,

Женщины, въ сердцѣ которой блаженство нашель бы му-
щина

Избранный ею въ супруги, то мнѣ этотъ образъ являлся

Точно такимъ какъ теперь мнѣ представилась ты; ужь
давно я
Сердцемъ сроднился съ тобой, и нынѣ встрѣчаю знако-
мый

Милый мнѣ образъ и думаю что и тебѣ, дорогая,
Такъ же доступно какъ мнѣ это родственныхъ душъ со-
четанье!“

Такъ изаагалъ свои чувства объятый восторгомъ меч-
татель

И какъ ребенокъ доверчивый, чуждый преступнаго чув-
ства,

Онъ безсознательно взявъ золотистую прядь ея лышнихъ
Свѣтлыхъ волосъ и качая на рукѣ ихъ, любуюся ими.

Негодоваиёмъ вспыхнули взоры монахини юной,

Съ гнѣвомъ она оттолкнула мечтателя дерзкаго руку

И съ повелительнымъ видомъ на двери ему указала.

Въ ту же минуту и въ немъ пробудилось сознание чести,

И на движеніе дѣвы отвѣтилъ овъ пламеннымъ взоромъ,

Такъ поразившимъ ее, что она содрогнулась невольно

И опустила глаза. Тогда снова мгновенной улыбкой

Юноши губы подернулись, будто въ умѣ промелькнула

Радостно-гордая мысль.... Но она въ тотъ же мигъ замѣ-
вилась

Нѣжною кротостью взора и снова овъ къ ней обратился:

„Но для чего же, скажи, ты рѣшилась отъ свѣта отречься?“

„Я ненавижу его!“ отвѣтила съ горькою усмѣшкой

Дѣва на этотъ вопросъ,—„ненавижу за то что овъ половъ

Грязи и мерзости всякой, что даже и ангелъ не можетъ

Въ немъ избѣжать посрамленья! За то что въ немъ дьяво-
ловъ руку

Спятся все запятнать что прекрасно и чисто на свѣтѣ!“

„Не отчуждайся отъ свѣта, отвѣтилъ ей юноша,—скоро

Новая жизнь въ немъ воскреснетъ и новаго свѣта сиян-
емъ

Онъ озарится, стремяся къ возвышеннымъ цѣлямъ! Да,
скоро

Все благородное, чистое въ немъ водворится. Пойдемъ же
Вмѣстѣ со мною, позволь мнѣ назвать тебя дочерью Си-
она!“

Съ кроткимъ наспіиёмъ хочетъ овъ взять ея руку; но
вздвргнувъ

Вновь отшатнулась она какъ будто чего испугалась.

„Не прикасайся ко мнѣ!“ закричала ему, „удалися!“

И помолчавши прибавила тихо: „ты страшень маѣ, стра-
шенъ!“

Явз съ изумленьемъ глядитъ: онъ не можетъ постиг-
нуть причины
Этого страха. „Ужели тебѣ я такъ страшень?“ спросилъ
онъ.

„Страшень!“ она повторила, и какъ оглушенная дико
Яву смотрѣла въ лицо большими глазами... „Мнѣ страшны
Взглядъ и улыбка твои: такъ смотрѣлъ на меня улыбаясь
Тотъ кто первый заставилъ меня трепетать предъ собою,
Тотъ отъ кого я, спасаясь, укрывалась въ тиши монастыр-
ской.“

Явз съ сострадаеньемъ глубокимъ взглянулъ на лицо
незнакомки.
„Бѣдная дѣва!“ сказалъ онъ, — „довѣрься, откройся какъ
другу

Маѣ, кто заставилъ тебя трепетать передъ взоромъ му-
щины?“

Съ горькой улыбкой она отвѣчала: „Тебѣ ль, незнако-
мецъ,

Я разказать то рѣшусь чего даже и матери просьбы
Вызвать во мнѣ не могли?“ — „О, нѣтъ, разкажи мнѣ, до-
вѣрься!“

Онъ повторилъ и въ его умоляющемъ голосѣ было
Столько чарующей силы что сердце ея содрогнулось.

Молча потупилась дѣва; но онъ продолжалъ, убѣждая:
„Да, ты должна мнѣ открыться вполне: тебѣ нуженъ за-
щитникъ!“

Знаешь ли что со вчерашняго дня этимъ городомъ только
Анабалтисты владѣютъ? Что изъ него всѣ монахи
Какъ и монахини изгнаны и всѣ отправилась въ лагерь
Бывшаго графа фонъ-Вальдека, нынѣ епископа-князя?“

Какъ содрогнулась при имени Вальдека гордая дѣва
И на скамью олустившись, какъ будто лишенная силы,
Скрыла руками лицо; но вдругъ приподнявшись послѣшню
къ Яву она подошла и сказала: „Анабалтисты! ты узна-
ешь

Гиллы несчастной судьбу! Да, ты долженъ узнать что за-
гнало

Въ мрачную келью меня: непонятная сила велить мнѣ
Все предъ тобою открыть; а потомъ ты мнѣ скажешь на-
вѣрно

Стало ли лучше на свѣтѣ съ тѣхъ поръ какъ я съ нимъ
разлучилась.“

Съ теплымъ участіемъ Янъ приготовился выслушать
Гилау.

„Я возросла въ тишинѣ, начала она,—своеобразно
Духъ мой во мнѣ развивался: то бурно и дико-свободно
Онъ проявлялся порой, то мечтательно тихо смотрѣла
Я на безвѣстный мнѣ міръ, который пустынь и ничтож-
нымъ

Мнѣ представлялася всегда, и я въ даль улетаю мечтою.
Но ужъ въ народѣ молва о моей красотѣ разносилась.
Рыцарь высокаго рода явился тогда предо мною,
И признаваясь въ любви домогался взаимнаго чувства
Скромной и гордой красавицы. Сердце мое встреленулось;
Чувство любви начало пробуждаться въ немъ; но отъ при-
роды

Дикая въ людяхъ, я гордо отвергла его предложеніе.
Дерскій и страстный искатель тогда прибѣгаетъ къ на-
силью:

Тайно похитивъ меня, онъ увезъ въ отдаленный свой за-
мокъ,

Гдѣ на свободѣ хотѣлъ своей цѣли преступной достиг-
нуть.

Но оскорбленная имъ такъ глубоко съ двойнымъ отвра-
щеніемъ

Я оттолкнула его. Надѣленная силою чаровъ,
Долго боролась я съ нимъ, обращая въ ничто его ковы.
Адское средство придумалъ тогда злодѣй дерзновенный:
Онъ «дуряющимъ зельемъ меня отравилъ, и глубокій
Сонъ вдругъ меня охватилъ, я бессильно на ложе улапа.
Но, пробудившись потомъ, увидала со страхомъ злодѣя
Спящаго рядомъ со мной, и рука обоистителя крѣпко
Шею мою обвила. Онъ во смѣхъ улыбался довольный
Гнуснымъ поступкомъ своимъ. Я вскочила и дико стоакнула
На полъ съ постели его, и стремительно бросилась въ
двери...

Ночь помогла мнѣ бѣжать; я покинула замокъ ужасный
И углубилась въ лѣса, гдѣ, скитаясь съ утра и до ночи,

Наша земная любовь? Головою качаешь ты, Гилла?
 Но вѣдь она, какъ небесная, тоже ведетъ насъ къ блаженству.

Кто такъ пламенно можетъ молиться, какъ ты здѣсь молилась,
 Тотъ и любить можетъ пламенно! Да, ты знакома съ любовью!

Вѣрь мнѣ что всѣ эти люди, всѣ дѣти грѣховнаго міра,
 Употребляютъ во зло и грязнятъ это чувство святое.
 Но ты, монахиня, знаешь его! Твое сердце хранило
 Свято его; но никто еще не былъ достоинъ донынѣ
 Эту святыню принять отъ тебя какъ сокровище жизни.
 Гилла! кто поступилъ такъ преступно и низко съ тобою,
 Чувства любви никогда не знавалъ! И много подобныхъ
 Этому звѣрю живутъ и висхоятъ въ могилу, не зная
 Сладкаго чувства любви какъ и чувства святаго восторга
 Чистой, невинной души, возносящейся мыслями къ небу!
 Вѣчно стремился я сердцемъ къ вѣдцу постоянного счастья,
 Царство устроить мечталъ, гдѣ слилось бы земное съ небеснымъ:

Но безъ блаженства любви это царство лишь было обмечтою!

Вѣрь мнѣ, подобно тебѣ, я людей убѣгалъ какъ мечтатель!
 Но мое сердце всегда представляло мнѣ образъ прелестный,
 Передъ которымъ я могъ бы склониться въ нѣмомъ обожаньи.

Много я женщинъ знавалъ и многимъ я нравился въ жизни;
 Но, равнодушный и скромный, чуждался ихъ ласкъ и прельщеній:

Я между ними искалъ не вакханку себѣ, а богиню!
 Какъ мореходецъ, носимый по волнамъ соленымъ, порою
 Жаждетъ напиться воды, такъ на волнахъ любви колыхался

Жаждалъ я сердцемъ любви, но чувствовалъ только презрѣнныя

Къ женщинамъ и устранялся отъ ихъ обольщеній любовныхъ.

Но вотъ недавно явилась мнѣ женщина—демонъ прелестный,

Полный соблазна; она, будто мстя мнѣ за это презрѣнье,
 Тайною силою чаръ мое сердце опутать старалась;

Въ этомъ она не успѣла; но звонъ ея цѣли опасной
Мнѣ и донынѣ грозитъ. И вотъ я съ тобой повстрѣчался
И отыскалъ наконецъ что донынѣ въ мечтахъ лишь ле-
дѣвалъ!

Ты уничтожила чары волшебницы этой опасной,
И я тобою спасенъ! О Гилла! послѣдуй за мною!“

Съ жаромъ сказавъ это, юноша хочетъ схватить ея
руку.

Слова она оттолкнула его; но дрожать ея члены:
Видно что рѣчь его срастная въ сердце ей пала глубоко
И потрясла, и смутила ея непорочную душу.

Холодеетъ, строгъ ея взоръ, но огнемъ ея щеки пылаютъ,
Ей и самой неизвестно какія въ ней борются чувства.

Сердце въ ней бьется тревожно; со страхомъ она, озираясь,
Ищетъ какъ будто защиты и вдругъ говорить торопливо:
„Чу! мнѣ слышится звонъ къ полунощной молитвѣ! Мнѣ
нужно

Въ храмъ послѣшить, какъ всегда, и хотя я одна тутъ
осталась,

Но я исполнить должна что назначено нашимъ уставомъ.“
Янъ отвѣчалъ ей на это съ улыбкою кроткой: „О Гилла!
Нынче твой слухъ не услышитъ обычнаго звона къ мо-
литвѣ:

Колоколъ снятъ и на башнѣ стоятъ лишь мортиры и
пушки.

Звуки другіе теперь ты услышишь: чу! тамъ подаѣ келіи
Въ тихомъ саду соловей свою лѣсню ночную заводитъ!“

Дѣва тревожно внимаетъ лѣвнительнымъ звукамъ, и будто
Вдругъ испугавшись чего-то, стремительно бросилась въ
уголъ

Къ лuku Спасителя, пала предъ Нимъ и со вздохомъ мо-
ленья

Руки воздѣла къ Нему...

Но вдругъ предъ иконой лампада
Съ тихимъ трещаньемъ погасла и мѣсяца лучъ серебри-
стый

Келіи мракъ освѣтилъ и яркимъ сіяніемъ обилъ

Юноши ставъ величавый, межъ тѣмъ какъ Спасителя об-
разъ

Скрылся во мракѣ ночномъ...

„О, Гилла!“ сказалъ вдохновенно

Юноша дѣвъ,—„смотри: вотъ пламя лампы земное,
 Пищу утративъ, угасло, за то просіялъ предъ тобою
 Свѣта небеснаго лучъ! О, довьрься ему, дорогая!
 Слѣдуй за мною!“ Но дѣва ему говоритъ, умолая:
 „Ахъ, удались отъ меня! не тома мою душу моленьемъ!
 Кроткія рѣчи твои мнѣ болѣзненно сердце сжимають!
 Будто удушавый чадъ эту келью наполнялъ и голосъ
 Мой замираетъ съ дыханьемъ!“ Вдругъ вѣтромъ окно от-
 ворилось

И освѣжающій воздуха токъ съ ароматами сада
 Въ тихую келью проникъ. Какая-то тайная сила
 Яна и Гилла къ окну привлекала: они оба въ молчаньи
 Въ садъ монастырскій глядятъ и на чистое звѣздное небо;
 Бьются сильнѣй ихъ сердца вдругъ объята чувствомъ
 отрады.

„Вотъ, посмотри, какъ прекрасенъ міръ Божій и какъ
 онъ обширенъ!“

Янъ говоритъ съ восхищеньемъ: „смотри, какъ тѣсна эта
 келья!

Гилла! послѣдуй за мной въ эту свѣтлую жизнь! Неужели
 Страшенъ тебѣ этотъ міръ? Ты молчишь? Ты боишься по-
 кинуть

Душную келью свою? Ну такъ знай же, моя дорогая,
 Что противъ воли твоей я исторгну тебя изъ темницы!
 И, увлеченный, онъ съ жаромъ обнять ее хочетъ; но дѣва
 Съ ужасомъ вдругъ отшатнулась, мертвая блѣдность по-
 крыла

Щеки ея чело, и холодъ объялъ ея члены.

Молча она отступаетъ; онъ слѣдуетъ взоромъ за нею...
 Негодованье и гордость проснулись въ душѣ его снова;
 Но подавивъ ихъ въ себѣ онъ сказалъ ей спокойно: „Про-
 щай же,

Гилла! прощай и будь счастлива! Если не могъ пробу-
 дить я

Нѣжнаго чувства въ тебѣ,—въ томъ одинъ только я и ви-
 ровень;

Смѣю ль тебя я винить? Доколѣ ты будешь грѣховнымъ
 Чувство любви находить, доколѣ любви поцѣлуи
 Будутъ казаться тебѣ лобзаньями адскаго духа.

Гилла! бѣги отъ меня пока тебѣ сердце не скажетъ
 Что ничего нѣтъ на свѣтѣ святѣ любви передъ небомъ!

То ужъ не будетъ любовь что считаетъ за грѣхъ твое
сердце,

И не хочу ко грѣху соблазнять я монахини душу,
Если не могъ пробудить я въ ней чувство любви непо-
рочной!“

Такъ онъ сказалъ, отвернулася и къ двери пошелъ уда-
ляясь;

Вдругъ у порога до слуха его долетѣло стenanье,
Точно подавляемый крикъ пораженнаго лулей смертельной.
Янъ оглянулся и видитъ—на пластахъ, луной освѣщенныхъ,
Гилла лежить безъ движенья какъ трулъ охладѣвшій и
бѣдный.

Янъ подошелъ и съ тревогою въ сердцѣ склонился надъ
нею,

Страстно ее охвативъ и цѣлуя прижавъ ее къ груди
Нѣжно ее призывалъ и она пробудилась, взглянула;
Но какая внезапная съ ней перемѣна свершилась!
Преобразилась она и восторгомъ лицо просіяло.
Голову юноши къ груди прижавъ, она говорила:
„Другъ мой! ты любишь меня? о, скажи, повтори мнѣ при-
знание!“

Юноша полный восторга сказалъ ей съ улыбкою нѣжною:
„Видишь ли, милая, какъ среди гула военной тревоги,
Средь осажденнаго города, небо благое послало
Намъ благодатный пріютъ въ этой кельѣ! Какъ въ немъ
укрѣпились

Бодрость и силы мои! О, теперь я вдвойнѣ убѣждаюсь
Въ правдѣ Сіона, вдвойнѣ предаюсь моей цѣли высокой!
Нынѣ со мною вдвоемъ къ этой цѣли пойдешь ты, о Гилла,
Ты окрещенная снова любовью какъ дочь Сіона!“

Такъ наслаждались они, улыбаясь сердечнымъ востор-
гомъ.

Много и пламенно Янъ говорилъ ей о царствѣ Сіона,
Дѣва внимала ему съ увлеченьемъ, и юноши рѣчи
Полныя мыслей высокихъ лѣтѣли невнимное сердце,
Нѣтъ въ ней ужъ больше упрековъ себѣ, все прошитое ею
Стало теперь для нея свидѣньемъ болазненно - смут-
нымъ.

Но вотъ внезапно лицо ея тѣнью тоски омрачилось.
Быстро она поднялася и, схвативъ руку Яна, сказала:
„О, я теперь ненавижу вдвойнѣ негодяя, который

Жизнь отравилъ мнѣ навѣкъ подъ предлогомъ любви такъ
безбожно!

Стою ль съ позоромъ моимъ я любви твоей, другъ благо-
родный?

Дикія силы кокачутъ въ груди, надрывая мнѣ сердце!
Выслушай клятву мою: я представу достойной Сіона,
Но лишь тогда какъ настанетъ для этого часъ мнѣ уроч-
ный!

Ты же мнѣ дай обѣщанье оставить меня въ этой кельѣ,
Нѣсколько дней лишь, пока я исполню мной данную
клятву

И все бывшее навѣки изъ ламати сердца изглажу.
Не узнавай обо мнѣ! Часъ настанетъ, сама предъ тобою
Снова явлюсь я достойной тебя и навѣки твоею!"

Гордо стояла она предъ нимъ; изъ монахини скромной
Стала она героиней предестной, съ пылающимъ взоромъ.
Юноша смотритъ на дѣву съ восторгомъ любви, съ удив-
леньемъ...

Вдругъ будто громъ прокатился вдали огаушительный
грохотъ;

Дрогнули стѣны обители. Янъ встреленулся, внимая:
Да, это выстрѣлъ изъ пушки сигнальной на площади
главной,

Что помѣтили недавно предъ ратушей анабалитасты,
Чтобы сигналомъ она для начатія боя служила.
Радостно въ сердцѣ у Яна тотъ гулъ отозвался призыв-
ный.

„Чу!“ онъ сказалъ, „то рыканье сіонскаго льва раздается!
О, на душѣ у меня такъ отрадно, такъ весело стало!
Юношей былъ я донынѣ, теперь же я сдѣлался мужемъ!
Я изъ объятій любви полечу на сраженье, счастливецъ!
О, сколько силы и мужества дастъ мнѣ такое сознанье!
Кровь моя въ жилахъ кипитъ! Прощай, дорогая невѣста!
Жди своего жениха, когда послѣ боя съ любовью
Онъ возвратится къ тебѣ чтобъ навѣки съ тобой соче-
таться!“

Тутъ изъ вѣвка бѣлѣжъ розъ украшавшаго ликъ Иисуса,
Почку одну онъ сорвалъ и сказалъ: „Эту почку, о Гала!
Я сохраню при себѣ на память божественной ночи,
Мнѣ даровавшей здѣсь первую почку любви и блаженства!
Да развернется она и да станетъ роскошною розой!“

Такъ онъ сказалъ и послѣшво къ дружинѣ своей возвра-
тился;

Тутъ услышалъ онъ что въ ночь Маттисонъ сумашедшій
съ толпою

Избранныхъ вышелъ изъ города въ станъ непріятелей спя-
щихъ,

Многихъ, напавъ, перерѣзалъ, но вскорѣ, подавленный
силой,

Былъ окруженъ и погибъ и никто изъ отряда не спасся.
Вѣсть эта, въ городъ проникнувъ, вездѣ возбудила вол-
нение.

Площадь народомъ кипитъ; всѣ ждутъ отъ вождей прика-
заній;

А между тѣмъ ужъ враги открыли огонь изъ орудій;
Ядра со свистомъ завоющимъ летать черезъ городъ, вон-
задъ

Въ крыши и стѣны домовъ, и обломки ихъ сыплются гра-
домъ;

Въ колоколъ церкви Ламберта ударила бомба, и глухо
Онъ загудѣлъ, негодуя; но бодро со стѣнь посылають
Анабалтисты врагамъ смертоносный отвѣтъ изъ орудій...

Всѣ пламенѣютъ желаньемъ за новый Сіонъ побороться:
Но ужъ навѣки замолкло могучее слово пророка!

На площадь всѣ собрались, привлеченные пушкой сигналь-
ной,

И, совѣщаясь тревожно, не знаютъ остаться ль въ стѣ-
нахъ,

Или при вылазкѣ смѣлой сразиться съ врагомъ за стѣною.
Долго идетъ совѣщанье вождей; какъ вдругъ раздается
Топотъ коны прискакавшаго безъ сѣдока; весь покрытъ
онъ

Пылью и лѣтомъ, раскинулась грива, и кровью мѣстами
Бѣлая шерсть обагрилась; и всѣ его тотчасъ узнали.

„Вотъ, посмотрите!—кричатъ голоса,—это конь Маттисона!
Безъ сѣдока онъ, одинъ, возвратился домой со сраженья!“

Гибель вождя и пророка исторгла стѣнаныя и волли
Въ сонмъ Сіона сыновъ. Повикъ головой знаменосецъ,
Коему самъ Маттисонъ съ посвященьемъ вручилъ нака-
вунъ

Новое знамя Сіона съ гербомъ: на пурпуровомъ полѣ
Глобусъ земной лучезарный, пронзенный крестъ-на-крестъ
мечами.

Анабалтистовъ сердцама сматенье и скорбь онадѣла.

Вдругъ предъ нами явилася съ пылающимъ взоромъ пре-
красный

Юноша Явъ и проворно, какъ бедуины въ пустыни
Ловять порою коней на бѣгу, оны могучей рукою
Бѣлую лошадь пророка схватилъ за узду и мгновенно
Прыгнувъ съ размаха въ сѣдло какъ искусный и ловкй
наѣздникъ.

„Дѣти Сіона!—сказалъ оны представъ предъ толпой изум-
ленной,—

Живъ еще новый Сіонъ! не лады его стягъ лучезарный,
Къ бою вести насъ готовый! Зачѣмъ ты его опускаешь,
Знаменщикъ! дай мнѣ его: оны будетъ звѣздой путеводной!“

Знамя Сіона схвативъ, оны развилъ его гербъ предъ
толпою,

Глобусъ въ лучахъ золотыхъ, прозенный крестъ-на-крестъ
мечами,

И огласилась вся площадь мгновенно восторженнымъ кри-
комъ.

„Дѣти Сіона! за мной!“ — продолжалъ оны, — „зачѣмъ за
стѣною

Ждать нападенья врага? Лучше выйдемъ въ открытое поле!
Пусть осаждаетъ оны стѣны, борясь съ осажденною силою
Съ тыла ударимъ въ него и двойною одержимъ побѣду!“

Такъ оны сказалъ, и толпа фанатическимъ жаромъ
пылая,

Крикнула: „Явъ! мы готовы идти за тобою! веди насъ!“

И вслѣдъ за нимъ какъ потокъ летекали ея волны по
стогамъ:

Красное знамя Сіона вело ихъ къ Лудгерскимъ воротамъ.

Но ужъ ераженье межъ тѣмъ передъ валомъ у стѣны за-
кипѣло:

Врагъ, подстрекаемый первымъ услѣхомъ и смертью про-
рока,

Бросился къ стѣнамъ градскимъ и началъ осаду ихъ смѣло.

Груды соломы и хвороста валяютъ во рвы городскіе,

Строятъ мосты черезъ нихъ, разрушаютъ мечами заборы,

Лѣстницы съ крючьями ставятъ, стараясь взобраться на
стѣну.

Но осажденные бодро готовятъ отпоръ имъ повсюду:

Лѣстницы ихъ подцѣпавъ рычагами, во рвы низвергаютъ

Вмѣстѣ съ людьми и со стѣнъ обливаютъ ихъ масломъ
горячимъ,

Сърой кипящей, смолою, пль сдѣлавъ вѣяки изъ соломы
И окунувъ ихъ въ смолу, зажигаютъ и точно арканы
Ловко бросаютъ на шею противника,—въ этомъ фигулары,
Были искуснѣе всѣхъ, и несчастный въ шейникѣ этомъ,
Корчась отъ боли ужасной, вопиалъ призывая на помощь.
Тщетно старался сорвать онъ съ себя этотъ огненный
обручъ:

Пальцы его прилипали къ горячей смолѣ, что ручьями,
Платье и тѣло его прожигая, струилась по членамъ!
Бой передъ стѣнами Мюнстера все разгорался сильнѣе:
Ратники князя - епископа сидились въ городъ ворваться,
Храбро держались Сионцы, грома изъ лищалаей и лушекъ.
Вдругъ распахнулись ворота святаго Лудгера и бодро
Хлынулъ изъ нихъ на враговъ отрядъ многочисленный
Яна.

Онъ впереди его мчится со знаменемъ краснымъ Сиона
И съ обнаженнымъ мечомъ, поощряя примѣромъ и словомъ
Анабалтистовъ рады. Ураганомъ бушуетъ сраженье;
Пули и стрѣлы свистятъ, грохочутъ мортиры и пушки;
Тучею дыма и дыма покрылось все поле, и глухо
Стонетъ земля и дрожитъ подъ копытами скачущихъ
коней.

Но оглушительный грохотъ орудій сталъ рѣже и тише:
Слѣдомъ за Яномъ примчался и Берякъ Книллердоллингъ
съ отрядомъ,

Бросился на пушкарей и внезапнымъ напоромъ разсѣвалъ
Многихъ изъ нихъ, а другихъ изрубилъ или равилъ, а
пушки

Легкія взялъ какъ добычу, забивъ остальные гвоздами.
Страхъ и смятенье объяли сердца осаждающей рати;
Но вотъ изъ лагеря къ ней на подмогу идетъ подкрѣ-
пленье:

Вновь барабаны гремятъ, вновь трубы звучатъ, призывая
Войско епископа къ бою; отрядъ за отрядомъ несется.
Съ длинными ликами тамъ копейщики мчатся, за ними
Алебардисты съ сѣкирами, тамъ мушктеры, сверкая
Дулами длинныхъ лищалаей, драгуны въ блестящихъ до-
слѣхахъ;

Въ пламахъ украшенныхъ перьями мчатся и рыцари
храма,

Июки-воины, съ знаменемъ ордена ихъ—лучезарнымъ
Осьмиконечнымъ крестомъ, и отряды изъ Кельна и Клеве;—
Лютерцы вмѣстѣ съ палистами въ единодушномъ союзѣ,—
Идутъ пылая желаньемъ съ врагами ихъ вѣры сразиться.

Но и Сионцевъ рады укрѣпились теперь и готовы
Встрѣтить отлоромъ врага.

„Посмотрите, друзья! восклицаетъ
Бернтъ Книппердоллингъ,—какъ тамъ будто черви въ сырѣ
голландскомъ

Эта наемная сволочь кишитъ и клубится! Но страшны
Только для трусовъ они! Мы ужъ гаотки ихъ лушекъ за-
ткнули,

Такъ и до нихъ доберемся! А эта копейщиковъ шайка
Съ длинными ликами ихъ,—ну кого же они испугаютъ?
Ловкій боецъ всегда отъ удара легко увернется:
Стоить лишь только нагнуться. А эти стрѣлки изъ пи-
щалаей

Меньше копейщиковъ страшны; пока-то они устанавливаютъ
Дуло пищали на вилкѣ для выстрѣла въ насъ, мы услѣдемъ
Десять разъ выстрѣлить въ нихъ навѣрняка изъ ручныхъ
своихъ ружей

Или стрѣлой ихъ сразить. А латники эти въ дослѣхахъ
Чисто посмѣшище: стоитъ лишь только такому уроду
На земь свалиться, какъ тутъ и лежи какъ колода доколатъ
Люди не придутъ къ нему чтобъ подвять его на ноги
снова.

Такъ-то, друзья дорогие, граждане и пришлые гости!
Смѣло впередъ! намъ съ епископомъ нужно еще посчи-
таться!“

Гражданамъ Мюнстера по сердцу все что имъ скажетъ
веселый

Бернтъ Книппердоллингъ: во дѣти Сиона, анабаптисты,
Въ думы свои погруженные больше сочувствуютъ Яну.
Бодро повсюду за нимъ они устремляются въ битву,
Знамя ихъ вѣетъ какъ парусъ и врагъ отступаетъ предъ
ними.

Окровавленной сѣкирой махая по полю ораженья
Рыцетъ какъ левъ Книппердоллингъ. „Смотрите! кри-
чать онъ съ восторгомъ,—

Сколько ихъ тутъ полегло! Только жаль что не вижу
 межъ ними
 Вильке фонъ-Штедингга, главнаго изъ полководца. Не да-
 ромъ
 Мы упражнялись въ стрѣляньи: теперь это намъ приго-
 дилось!"

Такъ онъ шутя и смѣясь, вавоса, отражая удары,
 Ходить съ сѣкирой своей и противника мѣтъ ему въ
 битвѣ.

Молча, но вдвое ужаснѣй чѣмъ онъ расправляется Ти-
 ланъ,

Мощный гигантъ. Его плечи покрыты ослиною шкурой,
 Въ старомъ заржавленномъ шлемѣ его голова и огромный
 Молотъ въ рукахъ какъ у Тора. Съ какимъ-то звѣриннымъ
 рычаньемъ

Онъ устремляется въ бой, выбирая гдѣ свалка сильнѣе.
 Молотомъ все онъ дробить; отражая проворно удары,
 Копья хватаетъ рукой и всадниковъ ими срываетъ
 На земь съ коней ихъ, и все визвергается передъ гиган-
 томъ.

Что за валкирія мчится на черномъ конѣ черезъ поле?
 Волосы вокругъ головы ея вьются какъ черныя змѣи!
 Это Дивара: она неотлучно преслѣдуетъ Яна,
 Пламеннымъ взоромъ повсюду за нимъ наблюдаетъ средь
 боя,

Смѣло несется туда гдѣ опасность ему угрожаетъ,
 Тамъ она сильнымъ ударомъ копья поражаетъ внезапно
 Латника, тамъ визвергаетъ другаго ударомъ кивжала,
 Третьяго мѣткою лулей сражаетъ, и съ каждымъ ударомъ
 Голосомъ страшно и дико звучащимъ она поощряетъ
 Къ бою дружину свою—чернокудрое, смуглое племя
 Преданныхъ ей дикарей. Какъ прекрасна и вмѣстѣ ужасна
 Женица эта была, когда расплавленная битвой
 Вдругъ становилась она на сѣдло и, сверкая глазами,
 Дико неслась на конѣ, разсылая удары! Порою
 Грозной богиней войны казалась она, а порою
 Фуріей алчущей крови! Она, какъ и Тиланъ свирѣлый,
 И Квишпердолливгъ могучій равно были грозны и страшны!
 Но какъ предъ сонмомъ титановъ исчезаеиъ мрачнаго
 ада

Нѣкогда богъ лучезарный Олимпа сіялъ красотою,

Такъ передъ этой валкирей, передъ гигантомъ Тилавомъ
И Квилпердоллингомъ мощнымъ бойцомъ, отличался пре-
красный

Лейденскій юноша Явъ на конѣ боевомъ Маттисона.
Съ знаменемъ въ лѣвой рукѣ и съ мечомъ окровавленнымъ
въ правой

Онъ величавый и грозный носился повсюду гдѣ нуженъ
Былъ его мечъ и примѣръ, и его появленіе внушало
Бодрость и мужество воинамъ: одушевленные свѣтлымъ,
Полнымъ величія видомъ вождя ихъ, они устремлялись
Бодро впередъ и повсюду за ними летѣла побѣда.

Какъ упоенье любви, такъ теперь упоеніе боя
Пылаю душу мечтателя вдругъ охватило, и новымъ
Сладостнымъ чувствомъ объятый, онъ жаждетъ все новыхъ
волненій,

Новой борьбы; онъ въ рукахъ своихъ чувствуетъ силы ги-
ганта

И беззаботно, безстрашно какъ будто на пирѣ вожде-
лѣнный,

Въ битву бросается. Вдругъ его взорамъ предсталъ зна-
менитый

Доблестью рыцарь и вождь всей епископской рати, мо-
гучій

Вильке фонъ-Штедингъ, одинъ изъ всѣхъ полководцевъ
державій

Грознаго боя судьбу. Она увидали другъ друга

И поскакали пылая взаимнымъ желаньемъ сразиться.

Вильке фонъ-Штедингъ направилъ на Ява копье, и смер-
теленъ

Былъ бы могучій ударъ, еслибы Явъ не успѣлъ увернуться:

Ловкимъ движеніемъ онъ отъ копья уклонился и быстро

Сильнымъ ударомъ меча разсѣкъ его шлема забралю;

Рана прошла черезъ глазъ и, навѣки лишивъ его свѣта,

Кровью лицо залила... Вдругъ латниковъ сильнымъ отрядомъ

Явъ окруженъ и стѣсненъ и самъ Вильке, забывъ свою рану,

Мечъ на него ужъ занесъ, и въ ужасѣ анабалтисты

Видятъ ужъ гибель вождя; но въ эту минуту явилася

Молотъ ужасный Тилава: какъ молнія вдругъ онъ ударилъ,

И пораженный имъ въ черепъ конь рыцаря рухнулъ со
стономъ

На земь и за собою увлекъ своего господина.

Съ крикомъ восторга на латниковъ бросились анабаптисты
И все сильнѣй напирая принудили ихъ къ отступленью;
Только съ трудомъ удалось имъ спасти своего полководца;

Но пораженье его рѣшило и участь сраженья:
Страхъ и смятенье объяло разбитое войско палистовъ
И въ безпорядкѣ они любѣжали укрыться въ свой лагерь,
Гдѣ находились шатры ихъ епископа. Анабаптисты,
Съ жаромъ преслѣдуя ихъ, покрывали ихъ трупами поле.
Много досталось оружія анабаптистамъ въ добычу;
Полемя сраженья они овладѣвъ, лаги все на колѣна
Вкругъ лучезарнаго знамени и огласили окрестность
Тысячегласнымъ торжественнымъ хоромъ Сіонскаго гимна.

Громко привѣтствуетъ войско вождя своего и героя,
Юношу Яна изъ Лейдена, радуясь славной побѣдѣ.
Въ Мюнстерѣ теперь съ торжествомъ ѣдетъ онъ во главѣ
своей рати,

Рядомъ съ нимъ Берягъ Квиллердоллингъ съ сіяющимъ
радостью взоромъ,
Тутъ и Дивара верхомъ, тутъ и Тиланъ, дикарь исполинскій,

Съ ними и Крехтингъ лукавый, и Роттманъ суровый и
мрачный.

Трубы и флейты звучать передъ строемъ, гремятъ барабаны,

Смокнувъ лишь только они,—какъ раздастся торжественно
стройный

Гимна Сіонскаго хоръ. Изъ воротъ городскихъ для привѣта
Храброй дружины выходятъ и старцы, и дѣти, и дѣвы,
И посылаютъ цвѣтами ей путь и бросаютъ букеты.

Но увидавши прелестнаго Яна, ея полководца,
Съ знаменемъ въ лѣвой рукѣ и съ мечомъ окровавленнымъ
въ правой,

Бросились съ кликомъ восторга на встрѣчу къ нему и
вѣнками

Стали его украшать.

Но вдругъ изъ толпы выбѣгаетъ
Старецъ нѣмой, сумашедшій Дузентшуръ и вдругъ восклицаетъ:

„Слава тебѣ побѣдитель, князь лучезарный Сіона!“

Всѣхъ поразилъ этотъ возгласъ: весь Мюнхенъ знаетъ
старца вѣмага

Многіе годы—и вотъ предъ всѣми теперь онъ внезапно
Сталъ говорить какъ въ народѣ ходило о томъ предска-
завь!

Взоры толпы устремились на Яна; внезапно молчанье
Въ ней водарилось; но вдругъ всѣхъ потрясъ лихорадоч-
ный трепеть

Будто бы всѣми почуялось вѣянье новаго рока,
И, электрической искрой по всѣмъ пробѣжавъ, охватило
Духъ ихъ желаньемъ однимъ, и привѣтствіе старца вѣ-
мага

Въ тысячу отзывовъ вдругъ повторилось толпою по стог-
намъ:

„Слава тебѣ побѣдитель, князь лучезарный Сиона!“

(До слѣдующаго №)

Ө. МИЛЛЕРЪ.

КАРУСЕЛЬ ВЪ СЕНЪ-ЛУИ

РАЗКАЗЪ ИЗЪ АМЕРИКАНСКАГО БЫТА

I.

Пароходъ давно, давно уже отчалилъ отъ пристани города Мемфисъ и несется на всѣхъ парахъ вверхъ по теченію рѣки, а я все еще не могу оторваться отъ развертывающейся предъ моими глазами чудной картины.

Плавучіе острова съ цѣлымъ населеніемъ звѣрей, ревущіе пороги и бьющіеся водопады, необозримые камыши съ крокодилами и аллигаторами; дѣвственные лѣса, населенные бизонами, тиграми и пантерами; звѣрскіе Индійцы на челнокахъ, блокгаузы поселенцевъ, яркое солнце, теплота—мы на Миссисиппи!

Я плыву въ городъ Сенъ-Луи, съ цѣлью присутствовать на тамошней ярмаркѣ.

Достаточно насладившись разнообразнымъ зрѣлищемъ, я задумалъ спуститься на нижнюю палубу и рассмотреть въ подробности спутниковъ, осужденныхъ на совместное со мною жителство въ теченіе сутокъ.

Я такъ и сдѣлалъ, но долженъ былъ остановиться на полпути. На встрѣчу ко мнѣ шла толпа дамъ и кавалеровъ весело щебетавшихъ на всевозможныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ; между дамами были и очень хорошенькія. Но каково было

мое изумленіе когда я замѣтилъ что дамы, какъ и кавалеры всѣ были разодѣты, точно на модномъ гуляньи, тогда какъ я все еще красовался въ сѣромъ дорожномъ лиджакѣ и съ сумкою черезъ плечо! Меня могли принять за пароходнаго кассира или коммиссіонера... Скорѣе за переодѣванье!

Я быстро достигъ своей каюты № 15, раскрылъ сундукъ, перебросалъ всѣ вещи изъ него и принялся наскоро переодѣваться. Подгоняемый самыми розовыми мечтами, я не далъ себѣ труда ничего убрать и переодѣвшись послѣдовалъ выйти изъ каюты. Съ живостью распахнулъ я двери настежь и ринулся впередъ въ узкій проходъ между каютами. Въ это же самое мгновеніе противоположная дверь растворилась и я внезапно очутился въ объятіяхъ особы которая съ немалымъ стремительностью вылетала изъ своей каюты.

Впрочемъ жаловаться мнѣ было бы не справедливо: объятія принявшія меня были чудесно мягки и нѣжны; но не успѣвъ я опомниться какъ особа которой они принадлежали съ крикомъ испуга и негодованія оттолкнула меня самымъ безсердечнымъ образомъ, однако такъ неловко для самой себя что, задѣвъ за порогъ дверей, зашаталась и при сѣбѣ опустилась на полъ.

Растерянный, сконфуженный я кинулся ее подымать; но она еще раньше вскочила на ноги и стояла предо мной задыхаясь отъ волненія которое не давало ей выговорить слова.

Свѣтъ изъ круглаго окна каюты принадлежащей моей жертвѣ падалъ ей въ спину и мнѣ нельзя было хорошо различить черты ея лица, однако онѣ показались мнѣ очень и очень красивыми, а тѣмъ болѣе выдѣляющійся въ полутемнотѣ изящный абрисъ женской фигуры, съ безукоризненнымъ станомъ и лебединою шеей.

— Excusez moi, pardonnez moi, madame, чуть не перешептывая отъ смущенія, сталъ я заискивать себѣ прощеніе, снимая шапку и усердно кланяясь.

— Laissez moi! съ трудомъ проговорила моя жертва прерывистымъ шепотомъ.

— Мнѣ такъ совѣстно; я право не виноватъ, продолжалъ я по-французски, заминаясь и не находя достаточно краснорѣчивыхъ словъ для объясненія столь краснорѣчиваго происшествія. Но напрасно я трудился: моимъ причитываніямъ суждено было остаться при мнѣ, потому что они были превраны самымъ печальнымъ для меня образомъ.

Обиженная дама рѣшительнымъ движеніемъ схватилась за дверь и изо всѣхъ силъ толкнула ее. Я только успѣлъ отскочить какъ дверь съ трескомъ захлопнулась у самого моего носа и я остался въ темномъ проходѣ одинъ противъ заололучныхъ дверей, одинъ со своими угроженіями совѣсти.

Опустя голову и проклиная свою неловкость, я вернулся на верхнюю палубу и принялся обдумывать что слѣдовало бы сдѣлать для поправленія столь неудачнаго дебюта въ дамскомъ обществѣ парохода, и чѣмъ умилостивить хорошенькую леди, такъ какъ не было сомнѣнія что то была кровная американская леди, судя по ея произношенію. Надумавшись вдоволь, я наконецъ рѣшилъ что мнѣ оставалось только отыскать ее, подойти къ ней, извиниться въ самыхъ изящныхъ выраженіяхъ и своею почтительною услужливостью, вниманіемъ и любезностью постараться загладить въ ней печальное впечатлѣніе нашей первой встрѣчи. Съ этою цѣлью и зная что она собиралась идти наверхъ я полчаса спустя принялся ее искать по палубамъ.

II.

Выванные хорошою погодой и прекраснымъ зрѣлищемъ роскошныхъ береговъ путешественники разсыпались по пароходу и соединились въ разнохарактерныя группы сидящихъ, стоящихъ и полулежащихъ. Изящество и чистота нарядовъ, веселыя лица, оживленные разговоры и смѣхъ придавали палубамъ парохода праздничный видъ, громко протестовавшій противъ предвзятаго понятія объ американскихъ рѣчныхъ путешествіяхъ какъ о чемъ-то скучномъ, грязномъ и опасномъ.

Мнѣ чувствовалось хорошо въ такой средѣ общающей мнѣ нѣсколько часовъ наслажденія взаимнѣ всѣхъ близорукихъ опасеній моихъ и я развязно расказывалъ мимо группъ путешественниковъ, разглядывая ихъ физиономіи и разбирая ихъ наряды, какъ бы могъ это дѣлать самый бонговый „сгевѣ“ на парижскомъ бульварѣ.

Проходя между группами я замѣтилъ весьма хорошенькую блондинку лѣтъ восемнадцати, сидѣвшую въ обществѣ двухъ кавалеровъ. Я остановился еще колеблясь: мнѣ казалось что эта блондинка была та дама которой я представился въ темномъ

корридоръ такимъ неприматымъ образомъ. Глаза наши встрѣтились, блондинка вслыхнула и ея гладкій высокій лобъ наморщился самымъ грознымъ образомъ. Она быстро повернулась къ своимъ кавалерамъ и что-то сказала имъ, указывая на меня глазами; тѣ принялись тотчасъ оглядывать мою особу негодующими взглядами.... не было сомнѣнiя, то была она—жертва моей стремительности.

Приходилось дѣйствовать. Я немного пріободрился и медленно направился къ блондинкѣ.

Хорошенькая леди оглядѣла меня съ ногъ до головы и совершенно неожиданно граціознымъ, но внушительнымъ движеніемъ указательнаго перста поманила меня къ себѣ. Моя рѣшимость вдругъ пропала; я остановился, вслыхнулъ до ушей и такъ растерялся что даже осмотрѣлся вѣтъ ли кого сзади къ кому относилось бы это несомнѣнно любезное, но слышкомъ уже фамилярное приглашеніе. Но сзади меня никто не оказалось и на повторенное дамой приглашеніе такого же указательнаго свойства, я рѣшился наконецъ подойти къ ней и дебютировалъ прелючительнымъ поклономъ.

— Ваша каюта № 15, противъ моей? сурово спросила меня по-французски блондинка, легкимъ движеніемъ головки отвѣчая на мой глубокій поклонъ.

Мнѣ пріятно было найти въ амазонкѣ, такъ дерзко защелкнувшей мнѣ двери предъ носомъ и подзывавшей меня теперь къ себѣ, точно городского за справкой, бѣденское и вѣжное существо, невыразимо женственное, съ голубыми глазками самаго предательски-хитраго свойства, немного вздернутымъ носомъ и свѣжимъ, адымъ ротикомъ, созданнымъ единственно для улыбки и смѣха.

— Я боюсь сознаться, отвѣчалъ я съ почтительною нерѣшимостью;—предчувствуя вашъ гнѣвъ и...

— Значить это вы, я васъ узнала! живо перебила меня хорошенькая амазонка, пристально вглядываясь въ меня негодующимъ взоромъ.

— Увы, то былъ я, злополучный! въ томъ глубокаго раскаянія и покорности рѣшился я сознаться;—и я бѣжалъ къ вамъ вымолить прощеніе...

— Я затѣмъ васъ и позвала, прервала она слова,—чтобы попросить васъ, хоть впредь, меня съ ногъ не сшибать.

Мнѣ стало досадно за такое рѣзкое внушеніе и еще въ

присутствіи ея кавалеровъ, и я отвѣчалъ не безъ оттѣнка холодности:

— Къ чему такъ относиться къ нечаянному случаю; я къ вамъ явился съ ловивною головою, разчитывая на ваше великодушіе, а не на злопамятность.

— Вамъ это легко говорить, ввернулъ свое слово на домашнемъ французскомъ языкѣ одинъ изъ кавалеровъ амазонки, который все хмурился, видимо недовольный нашимъ разговоромъ;—вы вѣдь могли такую неосмотрительностью искалѣчить даму.

Я взглянулъ на говорившаго весьма недоброжелательно, хотя наружность его была мнѣ симпатична, и отвѣчалъ хладнокровно, пожимая плечами:

— А вамъ это говорить еще легче, такъ какъ вы вовсе ни съ кѣмъ не сталкивались.

Блондинка чуть улыбнулась, и глаза ея повеселѣли.

— Пожалуста не смѣшивайтесь, мистеръ Грантъ съ кокетливою гримаской замѣтила она по-англійски своему защитнику,—я сама сумѣю постоять за себя.

— Тѣмъ болѣе, подхватилъ я тоже по-англійски,—что я сознаю себя совершенно беззащитнымъ предъ вашимъ могуществомъ.

Услыхавъ родной языкъ, хорошенькое личико блондинки окончателно прояснилось.

— Вы говорите по-англійски! какъ-то радостно вырвалось у нея.

— Я знаю и люблю этотъ языкъ, отвѣчалъ я,—однако позвольте мнѣ имѣть честь вамъ представиться.

Я сказалъ свое имя и національность.

— Очень рада что вы Русскій, замѣтила амазонка, одобрительно улыбаясь мнѣ;—это большое право на нашу симпатію. Позвольте и мнѣ откомендоваться. Я Джорджетта Туидель (Georgetta Twidel), не замужемъ, хотя далеко не въ моихъ намѣреніяхъ навсегда такъ оставаться. А вотъ мои кавалеры. Мистеръ Генри Грантъ, чистокровный Янки изъ Нью-Йорка, занимающійся инженернымъ, механическимъ и желѣзнодорожнымъ искусствами, но всего болѣе, кажется, ухаживаніемъ за дамамъ.

— О, миссъ Джорджетта, воскликнулъ мистеръ Грантъ голухмуро, полудлачевно (онъ видимо лобавался ея),—развѣ можно такъ опредѣлять характеръ человека; вы мнѣ составите невозможную репутацію.

— Nonsense! (пустяки), весело перебила его дѣвица—улыбаясь всѣмъ лицомъ,—вамъ, такому видному джентльмену, слава дамскаго кавалера совсѣмъ къ лицу; не такъ ли мистеръ... мистеръ... вотъ я и не заломила вашего имени.

— Москвитинъ, миссъ Туидель, подсказалъ я ей ввуси-теально.

Дѣйствительно, внѣшность миссера Гранта могла удовлетворить самому взыскательному вкусу. Онъ былъ брюнетъ лѣтъ тридцати, высокаго роста, стройной и мужественной осанки; темные глаза его свѣтились умомъ и добротою; правильный носъ, отлично очерченныя губы и высокій лобъ строго гармонировали въ общемъ съ благороднымъ складомъ его лица, а маленькіе усики и американская бородка придавали совершенно характеристическую тиличность Янку его физиономіи. Во всѣхъ его движеніяхъ, во взглядѣ и въ словахъ сказывалась какая-то широкая, беззаветная размашистость щедро одаренной природы, неспособной ни къ мелочности, ни къ дурному или низкому. Но рядомъ съ этимъ въ немъ видимо не доставало присущей свѣтскому человѣку нашего времени сдержанности и мягкости въ приемахъ и выраженіяхъ.

Я съ большимъ удовольствіемъ пожалъ руку мистеру Гранту.

— А другой мой кавалеръ, продолжала миссъ Джорджетта съ чуть слышною пренебрежительною ноткой въ голосъ и указывая на рыжеватаго господничка, который все время предыдущаго разговора горделиво молчалъ,—мистеръ Джордж Баксонъ, адвокатъ по профессіи и по вкусу, то-есть защитникъ вдовъ и сиротъ и всякаго угнетеннаго люда; впрочемъ въ сущности, я думаю, всего болѣе защитникъ собственнаго, туго набитаго кармана. И востроглазая дѣвица насмѣшливо взглянула на представляемаго ею такимъ образомъ кавалера.

Мистеръ Грантъ разсмѣялся, видимо довольный что не ему одному досталось, а мистеръ Баксонъ только пожалъ плечами и важно протянулъ мнѣ руку.

Самодовольствіе и тщеславіе были ярко отлечены на всей фигурѣ мистера Баксона, отъ дерзко-самоувѣренныхъ, пытливыхъ глазъ бутылочнаго цвѣта и кисло-пренебрежительной улыбки на губахъ, до самой мелочной части его наряда, имѣвшаго большое, но не достигнутое притязаніе на изящество и хорошій вкусъ. Субъектъ этотъ видимо любовался и собою, и своимъ платьемъ, и канизанными и нацѣпленными

на него драгоценными перстнями, цѣлочками, пуговицами, булавкой, и т. д., все изъ благороднѣйшаго металла съ благороднѣйшими камнями.

— Еслибы молодые люди, отвѣчалъ мистеръ Баксонъ лживо на представленіе миссъ Джорджетты,—занимались единственно идеальными цѣлами, а не своими интересами, то не было бы богатыхъ жениховъ, и вы первая, миссъ Туидель, нашли бы это весьма неудобнымъ.

Смѣлая дѣвушка весело приняла вызовъ своего тщеславнаго кавалера.

— Вы забываете, провинцательный мистеръ Баксонъ, сказала она,—что не деньги характеризуютъ человѣка, а его внутреннія достоинства.

— На которая однако никто изъ миссъ не промѣняетъ театроваго платья или коляски, ѣдко возразилъ адвокатъ въ неизмѣнномъ тонѣ пренебрежительнаго самодовольствія.

— Какъ не промѣняетъ и своей свободы на кабалу съ самодовольнымъ уродомъ, будь онъ покрытъ золотомъ и драгоценными камнями, былъ ему насмѣшливый отвѣтъ отъ миссъ Джорджетты.

Намекъ былъ видимо повать, потому что лицо мистера Баксона приняло кислое выраженіе и губы его искривились въ слѣзливую улыбку, грозившую соединить оконечности его носа и подбородка.

— Очень рада что познакомилась съ вами, обратилась затѣмъ ко мнѣ бойкая дѣвица, вставая со стула и протягивая мнѣ руку,—надѣюсь, мы сойдемся ближе за время нашего путешествія; только помните мою просьбу, больше съ ногъ меня не сшибать! И мило улынувшись мнѣ злопаметная блондинка выпорхнула съ палубы.

Въ эту самую минуту внизу послышались учащенные удары гонга звавшіе къ обѣду и путешественники поднялись съ мѣста и потянулись внизъ.

III.

Обѣдъ былъ какъ обѣдъ. Болѣе сотни путешественниковъ возсѣдали у двухъ длинныхъ столовъ столовой; прислуга суетилась и подавала; своеобразная американская лица приносилась на широкихъ и длинныхъ блюдахъ; всевозможнѣйшіе

напитки въ бутылкахъ всевозможныхъ видовъ разносились по столамъ и обѣдавшіе все поглощали, пересылая лицу громкими разговорами и смѣхомъ и невыносимо стуча приборами.

Обѣдъ состоялъ... но вѣтъ, описаніе этого длиннаго и скучнаго обѣда, разлучившаго меня съ прелестною амазонкой, было бы равносильно трактату о постройкѣ новой Вавилонской башни.

Довольно если я скажу что мы пообедали и что послѣ обѣда я любѣжалъ на палубу за миссъ Джорджеттой Туидель и ея двумя кавалерами и присоединился къ нимъ.

Признаюсь, я самъ искалъ ихъ общества: очаровательная амазонка меня сильно заинтересовала своими оригинальными и непривычными для меня приемами, а также помято и своею въ высшей степени симпатичною внѣшностью, и я былъ очень радъ случаю продолжать свои изученія американской женщины надъ такимъ богатымъ субъектомъ.

Къ намъ присоединились еще трое молодыхъ Американцевъ, отрекомендованныхъ мнѣ миссъ Джорджеттой: мистеры Гробсонъ, Тиндерлей и Старвей, и въ нашемъ кружкѣ завязался оживленный разговоръ обо всемъ и обо всѣхъ, въ которомъ всего болѣе отличалась своею веселостью и эксцентричностью единственная наша дама. Въ этой истой американской средѣ говорили откровеннѣе, смѣялись громче, жестикулировали оживленнѣе чѣмъ какъ предписано правилами высшего европейскаго общежитія, но именно эта необычная для меня размахистость и придавала отбѣнокъ оригинальности и интереса нашей бесѣдѣ. И хотя меня нерѣдко корбило, больше отъ непривычки, когда эта размахистость переступала въ своемъ разбѣгѣ поставленную свѣтомъ границы, однако я находилъ необыкновенную прелесть наблюдать за проявленіями этихъ характеровъ вскормленныхъ въ своеобразной почвѣ и развитыхъ подъ совершенно исключительными условіями Новаго Свѣта.

— Увѣряю васъ, миссъ Туидель,—воскликнулъ смѣясь мистеръ Тиндерлей, весьма безлокийный и вертлявый джентльменъ маленькаго роста, на весьма тщедушныхъ ногахъ, съ гладко-выбритымъ лицомъ американскаго тѣла и съ парой острыхъ глазъ которые непрестанно щурились, какъ у коты

глядящаго на солнце,—увѣряю васъ, не желаніе перечить вамъ заставляетъ меня вѣрить въ нашъ современный приездъ въ Сень-Луи, напротивъ того...

— А я готова биться о закладъ, перебила его двѣица настойчиво, — что мы не достигнемъ Сень-Луи вовремя, по расписанію.

— Держу! отрываая своимъ басомъ мистеръ Гробсонъ, протягивая двѣицѣ свою широкую и мускулистую длань.

— И я, и я, и я! наперерывъ кричали другіе кавалеры.

— Нѣтъ, нѣтъ, остановила ихъ смѣясь миссъ Джорджетта, отмахиваясь отъ протянутыхъ рукъ своимъ вѣромъ; — я держу пари только съ первымъ, съ мистеромъ Гробсонъ; и нѣжная ручка двѣицы весело ударилась въ необъятную ладошь счастливицы.

— На что однако? обратилась она затѣмъ къ великану, кокетливо взглядывая на него.

Я и позабылъ сказать что мистеръ Гробсонъ былъ дѣйствительно великанъ какъ по росту, такъ и по тѣлосложенію, почему и не звалъ, какъ это всегда бываетъ съ такими людьми, куда дѣвать свои руки и ноги. Лицо у него было пріятное и борода черная и густая, только ротъ уже слишкомъ стремился къ широкимъ ушамъ, а носъ оказывался со-всѣмъ нескромныхъ размѣровъ и освѣщался двумя большими круглыми глазами, точно каретными фонарями. Онъ безъ сомнѣнія долженъ былъ быть весьма добродушный джентльменъ и врядъ ли когда-либо злоупотреблялъ своею физическою силой, о которой возможно было судить не безъ содраганія по его коренастой осанкѣ, широчайшимъ плечамъ, необъятной груди и мохнатой бугорчатой длани.

— A discretion! прогремѣлъ наконецъ мистеръ Гробсонъ послѣ нѣкотораго молчанія, въ теченіе котораго онъ трогательно нѣжно взиралъ на хорошенькую миссъ Джорджетту, все не выпуская ея руки.

— Вотъ это вы не глауло выдумали! вырвалось у мистера Гранта, все время досадовавшаго на происходящее.

— Я иначе не держу пари, гранулъ великанъ, улыбаясь во весь широкій ротъ на одобрительный взглядъ двѣицы.

— Да, ужъ биться о закладъ, такъ на что-нибудь необыкновенное, поддержалъ великана мигающій мистеръ Тандрей.

— Я увѣренъ что миссъ Туидель не того мнѣнія, многозначительно замѣтилъ мистеръ Грантъ, вставая съ своего мѣста.

— Почему же? вызывающе спросила миссъ Джорджетта, и ея голубые глазки загорѣлись подъ сдвинутыми бровями;— и откуда у васъ, мистеръ Гравтъ, появилась такая увѣренность?

— Весьма просто, возразилъ тотъ съ поддѣльнымъ сложокствомъ:— мнѣ кажется, вы слишкомъ мало знаете мистера Гробсова чтобы настолько довѣряться ему.

— Совершенно справедливо, авторитетно вставилъ мистеръ Баксовъ;— держать такое пари можно развѣ съ очень близкимъ человѣкомъ.

Эти увѣщанія произвели совершенно обратное дѣйствіе на своеправную миссъ Джорджетту: она досадливо надула губки и, встряхнувъ головой съ видомъ понаваго непокорства, проговорила протяжнымъ голосомъ и съ чуть насмѣшливою гримаской:

— Ваши поученія совершенно не къ мѣсту; я лучше васъ знаю что дѣлаю, а потому позволю себѣ не послушаться ихъ.

— Я держу съ вами пари à discrétion, мистеръ Гробсовъ, сложокно отчеканила эксцентричная дѣвица. И она оглядѣла насъ своими хитрыми глазами, какъ бы приглашая присутствующихъ восторгаться ея смѣлостью.

— О, зачѣмъ то не я, зачѣмъ не мнѣ суждено выиграть такое чудесное пари! вскочивъ со стула, заговорилъ краснощекій юноша, мистеръ Старвей, у котораго отъ избытка здоровья кажется щеки хотѣли лопнуть, а круглые довѣрчивые глаза готовы были выскочить изъ лунообразнаго, добродушнаго лица, кое-гдѣ обросшаго растительностью въ видѣ тонкаго лущка:— о, зачѣмъ это не я, повторилъ онъ своимъ дѣтски надтреснутымъ голоскомъ, патетически вытягивая руку и выставляя изящно обутую ногу, которою онъ видимо самъ любовался.

— Чего же бы вы потребовали отъ меня? улыбаясь его порыву, спросилъ предметъ его увлеченія.

— Чего? повторилъ юноша патетически и стараясь поскорѣе найти разрѣшеніе задачи, — я попросилъ бы, я потребовалъ бы...

Присутствующіе, исключая мистера Гравта и меня, разсылались насмѣшливыми предположеніями:

— Бавтикъ на ламать?

— Прогулку по мачтамъ?

— Старую перчатку?

— Объясненіе въ любви?

— Банку помады для отсутствующихъ усомъ.

Мистеръ Старвей краснѣлъ, кипѣлъ и наконецъ рѣшился показать себя.

— Нѣтъ, джентльмены, не то! воскликнулъ онъ ловко вкладывая въ правый глазъ блестящую одноглазку:—я потребовалъ бы поцѣлуя, да по-цѣ-луя! отчеканилъ онъ молодяжки.

Всѣ глаза устремились на миссъ Джорджетту, всѣ хотѣли знать какъ приметъ она такой неожиданный и дерзкій вызовъ самодовольнаго юноши, потому что всѣ сознавали себя болѣе или менѣе затронутыми этимъ вызовомъ.

Миссъ Джорджетта при послѣднихъ словахъ юноши вслыхнула и закусила губы. Она однако беззаботно пожала плечами и проговорила такъ мягко, такъ спокойно какъ будто относилась къ притязанію юноши совершенно равнодушно:

— Только-то, мистеръ Старвей? Я думала вы пожелаете гораздо большаго! и презрительно улыбувшись, она продолжала необыкновенно живо:—да это вовсе не такъ трудно исполнить, мистеръ Старвей. Не хотите ли хоть сейчасъ, безо всякаго пари? Съ этими словами бойкая амазонка поднялась со стула и, повернувшись къ юношѣ, протянула ему свою щеку.

Всѣ были до того поражены что ловскакали съ мѣстъ. Мистеръ Гробсонъ что-то угрозаиво промышчалъ, стиснувъ кулаки, а мистеръ Грантъ до того поблѣднѣлъ и глаза его освѣтились такими свирѣпыми отблесками что я невольно схватился за его рукавъ, опасаясь что онъ бросится на противника. Мистеръ Старвей едва ли не больше всѣхъ насъ былъ пораженъ случившимся, совершенно ошѣшилъ, опустил одноглазку, и только преглуно улыбался и почтительно лаялся предъ лихою миссъ, которая наступала на него съ протянутою, лылающею щекой и сверкающими глазками.

Трудно сказать на что разчитывала миссъ Джорджетта въ своей эксцентрической выходкѣ: на конфузливость ли юноши и боязнь возмездія отъ присутствующихъ поклонниковъ ея, или на безусловное уваженіе каждаго Американца къ женщинамъ, или наконецъ просто это было произведено ею необходимо, очертя голову. Я съ своей стороны могу только

замѣтить что вся эта рискованная выходка вышла весьма картинною, смѣшною и оригинальною, къ чести и славѣ красоты, граціи и энергіи миссъ Джорджетты, если не къ чести и славѣ ея воспитателей.

— Вотъ видите ли, внушительно и строго замѣтила юность торжествующая амазонка,—какъ опасно злоупотреблять довѣріемъ! Повѣрьте мнѣ, чѣмъ великодушнѣе относится мужчина къ женщинамъ тѣмъ ему выгодыѣ. Поцѣлуй дерзко вытребованный какъ выигрышъ никогда не замѣнитъ поцѣлуя добровольно уступленнаго изъ благодарности за великодушіе. Послѣ этого весьма оригинальнаго въ устахъ дѣвицы внушенія, миссъ Джорджетта вернулась на свое мѣсто.

Она не могла однако не замѣтить тяжелаго впечатлѣнія произведеннаго на всѣхъ насъ ея выходкой и тутъ же весело обратилась къ мистеру Гробсону:

— Я и для васъ это говорю, любезнѣйшій сэръ, и надѣюсь, вы меня пощадите если выиграете наше пари.

Мистеръ Гробсонъ поклонился и чуть замѣтная усмѣшка пробѣжала по его губамъ.

— Не вамъ, а мнѣ приходится умолять васъ пощадить меня при случаѣ,—сказалъ онъ.

— Полноте явить, мистеръ Гробсонъ, вы знаете я вѣдь не злая. И вы, мистеръ Старвей, не сердитесь на меня за легкій урокъ вами влолѣвъ заслуженный. Вотъ вамъ въ знакъ примиренія, можете поцѣловать; и миссъ Джорджетта, снова принявшись за кокетство, протянула свою ручку юности, который совсѣмъ скофуженный и раздосадованный, но очень тронутый неожиданною лаской, почтительно прикоснулся къ ней губами.

IV.

Я все наблюдалъ за мистеромъ Грантомъ. Онъ стоялъ понурившись и неподдѣльная горестъ глубокими змѣнками отпечаталась на его высокомъ лбу и выразительныхъ, чуть дрожащихъ отъ волненія губахъ. Ему видимо было тяжело и обидно за поведеніе своей избранницы.

Онъ тихонько высвободилъ свой рукавъ изъ моей руки, печально улыбуясь и пошелъ отъ насъ.

— Мистеръ Грантъ, мистеръ Генри! окликнула его миссъ

Джорджетта и въ ея голосъ, показалось мнѣ, прозвучали примирительныя переливы.

Онъ остановился и повернулся къ ней.

— Да подойдите же, я не могу вамъ кричать.

Онъ послушно подошелъ и остановился предъ нею, а она оглядывала его пылающимъ и нѣсколько встревоженнымъ взоромъ.

— Куда вы шли?

— Я шелъ внизъ, серьезно и избѣгая ея глазъ отвѣчалъ молодой инженеръ.

— Оставайтесь, мнѣ хочется еще съ вами поговорить.

— Извините, миссъ Туидель, но я не могу остаться.

— Какъ, даже когда я васъ прошу объ этомъ?

— Я не могу сочувствовать вашему поведенію и потому лучше мнѣ удалиться.

— Вы капризничаете точно влюбленный! подстрекнулъ насмѣшливо самодовольный адвокатъ.

— Я влюбленный! обратился къ нему мистеръ Грантъ и глаза его сверкнули:— да еслибы это такъ и было, сэръ, то повѣрьте, я вырвалъ бы всякое чувство изъ своего сердца послѣ происшедшихъ сценъ. Нѣтъ, я не влюбленъ, твердо присовокупилъ онъ, прямо и рѣзко взглянувъ на миссъ Джорджетту.

— Чтò же я такое сдѣлала? съ усиліемъ проговорила наконецъ дѣвица.

— Я вамъ не судья, сказалъ мистеръ Грантъ и пошелъ.

— Полноте, мистеръ Грантъ, крикнулъ ему вслѣдъ мистеръ Старвей:— изъ-за чего вы сердитесь? Миссъ Джорджетта, правда, протянула мнѣ свою прелестную щеку, но вѣдь я не цѣловалъ ея, даже не прикоснулся!...

Мистеръ Грантъ обернулся точно ужаленный. Молнія озарила выразительныя глаза его, онъ весь задрожалъ, и стиснувъ кулаки, сталъ тихо подходить къ злополучному юношѣ.

— Поцѣловать! ее поцѣловать! процѣдилъ онъ сквозь зубы.— Несчастный! Благодарите Бога что вы еще живы... поцѣловать! повторялъ онъ все бѣшеннѣе, наступая на юношу:— какъ смѣли вы даже подумать объ этомъ?!...

— Мистеръ Генри, Бога ради! вскричала миссъ Джорджетта умоляюще, вскакивая со своего мѣста и удерживая своего лыскаго обожателя за руку.

Мистеръ Грантъ остановился, взглянувъ на нее, и видно

краснорѣчивъ былъ взглядъ которымъ она подарила его въ эту минуту, потому что онъ преодолѣлъ себя, замолчалъ и опустилъ голову.

— Пойдемте со мною, я васъ услокою прогулкой, продолжала укротительница мягко и вѣжливо, почти насильно увещая разгорячившагося инженера. Она кивнула намъ головой въ видѣ извиненія и парочка скрылась.

Мистеръ Старвей, оправившись отъ испуга, откашлялся и принялся тараторить съ необычайною ходкостью:

— Этотъ Грантъ совсѣмъ съума сошелъ; зазнался до дерзости, совсѣмъ сдѣлался невыносимымъ. Не будь я съ нимъ въ такихъ хорошихъ отношеніяхъ, я бы ему показалъ!

— Полноте, мистеръ Старвей, хорохориться, внушительно замѣтилъ ему адвокатъ мистеръ Баксонъ:—вы, во первыхъ, не въ хорошихъ отношеніяхъ съ нимъ; нѣтъ мѣсяца, кажется, что вы съ нимъ знакомы...

— А вонторыхъ, присовокупилъ мистеръ Тиндераей,—развѣ можно обижаться на такого сумашедше-влюбленнаго чело-вѣка какъ онъ.

— Притомъ вы его сами задѣли вашими выходками, безапелляціонно рѣшилъ адвокатъ.

— Какое намъ дѣло до его чувствъ, досадливо вскричалъ великанъ мистеръ Гробсонъ, давно уже бѣсившійся на происходящее.

— А то дѣло, любезнѣйшій сэръ, послѣднѣйшій подстрекнуть ядовитый адвокатъ,—что онъ пожалуй болѣе насъ всѣхъ успѣлъ въ своемъ ухаживаніи за нашею прекрасною и богатою миссъ.

— Это еще не доказано, мрачно усомнился тотъ, миссъ Туидель кокетлива до страсти и просто-на-просто занимается легкимъ flirtation съ Грантомъ; но еслибъ ей приходилось рѣшаться на серіозный шагъ, то Богъ знаетъ имѣеть ли Грантъ больше шансовъ чѣмъ другіе.

— Вѣрно, вѣрно, одобрительно подтвердилъ адвокатъ:—у Гранта, кромѣ смазливой рожицы, вѣроятно нѣтъ ничего за душой; а вы, примѣрно, почтенный мистеръ Гробсонъ, вы всѣмъ извѣстное лицо по своему большому состоянію и по крупнымъ спекуляціямъ на биржѣ. Вы чтѣ называется чело-вѣкъ респектабельный и не какому-нибудь инженерчику Гранту тагаться съ вами....

— А-а, будьте вы прокляты съ вашими вѣчными разчета-

ми и деньгами, досадливо воскликнул великанъ,—развѣ я объ этихъ преимуществахъ говорю!

— О какихъ же! съ злобною ироніей спросилъ мистеръ Баксонъ задѣтый за живое.

Мистеръ Гробсонъ только пренебрежительно махнулъ рукою и удалился. Юноша и мистеръ Тиндерлей послѣдовали за нимъ.

— Тоже нравиться желаетъ, желчно засмѣялся ко мнѣ адвокатъ, поправляя дорогія кольца на пальцахъ,—со своею бревенчатою наружностью, медвѣжьей осанкой, толстовосою физиономіей....

Онъ собирался было излить мнѣ свое негодованіе, но, усмотрѣвъ на моемъ лицѣ выраженіе весьма похожее на насмѣшку, раздумавъ, рѣзко отвернулся отъ меня и пустился шагать на своихъ тщедушныхъ ногахъ.

Не долго оставался я одинъ: откуда-то появилась мистеръ Грантъ и задумчиво присѣлъ ко мнѣ.

Наступило молчаніе. Я не зналъ что ему сказать, ибо не зналъ на чемъ остановилось у него все дѣло: помирился ли онъ или не помирился со своею кокетливою богиней.

— Вотъ вамъ образецъ нашего воспитанія, рѣшился наконецъ заговорить мистеръ Грантъ угрюмо и раздраженно;—хорошее понятіе должны вы были вывести о миссъ Джорджеттъ Туидель.

— Полноте, что же тутъ особеннаго, постарался я успокоить его.

— Э-э, не говорите, запальчиво остановилъ онъ меня,—я достаточно повздилъ по Европѣ чтобъ имѣть право такъ судить.

— Только не слишкомъ ли вы строго судите....

— Помилуйте, что же это за поведеніе, пылко продолжалъ мистеръ Грантъ, слѣдуя теченію своихъ мыслей,—подозвала къ себѣ самымъ дерзкимъ образомъ на объясненіе совершенно незнакомаго ей человѣка, —хорошо еще что полала на джентльмена который отвесилъ снисходительно къ ея выходкѣ,—затѣмъ держитъ гаульѣе ларѣ съ этимъ словомъ который за нею ухаживаетъ и безъ сомнѣнія воспользуется своимъ выигрышемъ; лотомъ предлагаетъ этому болвану лубячно лощаовать ее и наконецъ предобродушно увѣряетъ всѣхъ что она готова цѣловаться съ каждымъ изъ-за какой-то благодарности. Что же это за поведеніе!

Лицо мистера Гранта совсѣмъ показалось отъ напыва тяжелаго чувства: онъ еще больше понурился и принялся ожесточенно стучать палкой по палубѣ. Мнѣ стало его жаль и я постарался умиротворить его уязвленное самолюбіе.

— Во всѣхъ поступкахъ миссъ Туидель, понятно, много эцентричности, сказалъ я,—но прискорбнаго тутъ ничего нѣтъ. Миссъ Туидель шаловливый ребенокъ; но затѣмъ нельзя не отдать ей справедливости что она дѣйствуетъ въ своихъ шалостяхъ навѣрняка, отлично зная какъ съ кѣмъ слѣдуетъ обращаться, и это дѣлаетъ честь ея провидательности.

— Но она не имѣетъ права такъ дѣйствовать въ своемъ положеніи порядочной дѣвушки, все также залпальчиво возразилъ мистеръ Грантъ,—и это меня глубоко затрогиваетъ.

— Если вы такого мнѣнія, любезнѣйшій сэръ, то вотъ вамъ мой совѣтъ: обратите какъ можно скорѣе шаловливую дѣвцу въ прелестнѣйшую даму, въ мистрисъ Грантъ, и тогда все пойдетъ хорошо.

Эта мысль была въ высшей степени пріятна моему собесѣднику и лицо его немного прояснилось.

— Тѣмъ болѣе, продолжалъ я тихонько улыбаясь,—что вы въ ней пріобрѣтете отличную жену. Вѣдь нельзя не отдать ей справедливости что она прекрасна, изящна, умна и видимо обладаетъ добрымъ и честнымъ сердцемъ.

Загорѣлись глаза у влюбленнаго, онъ весь оживился, губы у него сложились въ мягкую и нѣжную улыбку и онъ восторженно вскричалъ:

— Не правда ли, какое она прелестное созданіе, сколько въ ней лѣтнательной, очаровательной граціи... И пошли горячія похвалы и восторженныя превозношенія.

Вообще ничто такъ не сближаетъ людей какъ одинаковыя симпатіи, но ничто такъ не дружитъ съ любовникомъ какъ превозношенія и похвалы его кумиру. Мы на этомъ основаніи разговорились точно старые пріятель, и чего только мнѣ не пересказалъ горячо влюбленный юный инженеръ про качества и характеръ, капризы и шалости дамы своего сердца. Изъ его разказовъ выяснилось что миссъ Туидель имѣла хорошее состояніе, но и претензіи на высоту этого состоянія: онъ же жилъ своимъ трудомъ и потому не могъ себя считать ларомъ для такой богатой невесты. Это различіе въ состояніяхъ и являлось камнемъ преткновенія для законной

развязки начатаго между ними flirtation, тѣмъ болѣе что претендентовъ на руку хорошенькой миссъ было весьма много и нѣкоторые изъ нихъ даже поддерживались въ своихъ исканіяхъ матерью миссъ Джорджетты. Однако кокетливая дѣвица оставалась непроницаемою и держала съ большимъ умѣньемъ всѣхъ искателей своей руки на приличной дистанціи, но всегда въ большой надеждѣ. Такая игра сводила съ ума бѣднаго инженера, который судилъ о своемъ положеніи для влюбленнаго весьма здраво, за то дѣйствовала какъ влюбленный весьма глупо. Бѣгалъ за нею всюду, пренебрегая своими занятіями; ревновалъ, ссорился и ухаживалъ за нею до изступленія, даже потерялъ сонъ и аппетитъ и сталъ худѣть. Я принялъ горячее участіе въ судьбѣ этого симпатичнаго и искренне-любящаго аборигена Нового Свѣта и постарался насколько могъ помочь ему советомъ и умозаключеніями для скорѣйшаго достиженія имъ „обътованной земли“, какъ онъ выражался о своемъ бракѣ съ миссъ Туидель.

VI

На другое утро мы были въ Севъ-Луи.

Миссъ Джорджетта проиграла свое пари мистеру Гробсову: мы достигли этого города своевременно не расписавію.

Переодѣвшись и позавтракавъ, я отправился съ визитомъ къ Туиделямъ, какъ получилъ на то приглашеніе отъ миссъ Джорджетты и захватилъ по пути мистера Гранта, съ которымъ мое знакомство обратилось въ совершенную дружбу.

У Туиделей уже сидѣлъ мистеръ Баксовъ. Миссъ Джорджетта привала насъ какъ нельзя лучше и тутъ же представила меня своей „милой матушкѣ“, какъ она выразилась, которая еще за нѣсколько дней до насъ пріѣхала въ Севъ-Луи по дѣламъ.

Значитъ дочь путешествуетъ одна окруженная молодежью? спроситъ читатель. Понятно, мы въ Америкѣ.

Мистрисъ Туидель, мать миссъ Джорджетты, дама круглая, маленькая и мягкая. Миловидное и лухлое личико ея, на которомъ напрасно силлись утвердиться морщины, всегда свѣтлѣетъ довольствомъ. Оно обрамлено съдыми и длинными локонами, соперничающими своею блестящею близ-

ной съ прекраснымъ цвѣтомъ лица этой добродушной леди. Добрые и нѣсколько маслянистые глаза ея, математически круглые, никогда не остаются спокойными. Они какъ бдительные аванпосты, перебѣгаютъ съ предмета на предметъ, всюду шарятъ, все допытываютъ, разглядываютъ, разсмѣряютъ, цѣнятъ, разбираютъ. И успокоиваются эти глаза только когда отяжелѣвшія отъ такой постоянной бѣготы большія полупявшія вѣки замыкаются надъ ними, какъ бы выражая съ неудовольствиемъ: довольно! Тогда на выручку является языкъ, и трудно сказать кто у этой почтенной леди, глаза или языкъ, лучше исполняетъ свое назначеніе: языкъ оказывается также неустаннымъ въ своихъ изысканіяхъ какъ и глаза. Притомъ у мистрисъ Гудель безо всякаго сомнѣнія въ жилахъ переливается нѣкоторая доля ртути, потому что вся ея маленькая фигурка такъ подвижна, такъ безлокайна что устаетъ на нее глядѣть. Она постоянно то поправляетъ чепчикъ, то вытираетъ губы, то смахиваетъ лычку съ платья, то обтягиваетъ шаль, и если уже въ концѣ концовъ не остается ничего поправлять, вытирать, смахивать и обтягивать, она переноситъ свою заботливость на близъ находящуюся особу или на близъ лежащій предметъ и также добросовѣстно исполняетъ для нихъ программу движеній какъ и для себя.

Мы не просидѣли десяти минутъ какъ явились трое новыхъ гостей, наши вчерашніе спутники: мистеры Гробсонъ, Старвей и Тиндерлей. Всѣ трое расфранченые, всѣ трое съ букетами. Букеты были поставлены въ вазы, гости были приглашены сѣсть и начался общій разговоръ.

Въ этотъ день всѣ какъ-то были очень въ духѣ. Даже мистеръ Баксонъ не азвилъ. Всѣ наперерывъ старались быть любезными, находчивыми, милыми. Бесѣда разгоралась и становилась все жарче—ставка была вѣдь такъ заманчива: поправиться красивой миссъ хорошей семьи, богатой и совершенно свободной въ выборѣ мужа.

— А пари съ мистеромъ Гробсономъ вы вѣдь проиграли, миссъ Гудель, замѣтилъ вдругъ мистеръ Старвей,—и еще *à discrétion*.

— Я и забыла, дѣйствительно, весело вскричала молодая дѣвушка.

— Я-то навѣрно не забыла, промывчалъ внушительно мистеръ Гробсонъ.

— Что же вы отъ меня потребуете? посадовалъ вопросъ съ кокетливою ужимкой.

— Объ этомъ послѣ, если позволите, возразилъ великанъ и беспокойно задвигался на своемъ стулѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы должны требовать сейчасъ или никогда; иначе не хочу, засмѣялась миссъ Туидель.

— Но однако такого условія не было.

— Это разумнется само собою.

— Но зачѣмъ же мнѣ въ такомъ случаѣ говорить при всѣхъ! и великанъ вздохнулъ во всю ширину груди. Ему было почему-то неловко, его что-то мучило.

— И при всѣхъ, и сейчасъ! Развѣ у меня есть съ вами тайны? Или вы тоже, по примѣру мистера Старвей, собираетесь просить у меня что-нибудь такое.... Миссъ Джорджетта остановилась и во всѣ глаза взглянула на великана. Тотъ всталъ отдуваясь и пошелъ по комнать. У него лобъ былъ мокрый и лицо покраснѣлось. Бойкая амазонка звонко разсмѣялась.

— Я вамъ даю десять минутъ чтобы выразить ваше требование, сказала она шуточно и торжественно:—видите часы, когда стрѣлка будетъ на двѣнадцати, вы потеряете право на вашъ выигрышъ.

— Вотъ это отлично! подтвердила мистрисъ Туидель:—и вамъ всѣмъ будетъ интереснѣе услышать чего онъ потребуетъ. Хотя я замѣчу эти лари à discrétion мнѣ вовсе не по вкусу. Я нахожу.... И многорѣчивая старушка пустилась снова тараторить.

За то всѣ молчали. Странное поведеніе и слова мистера Гробсона заставляли думать что онъ дѣйствительно въ своей обширной головѣ задумалъ спросить у богатой невѣсты что-нибудь такое важное. У мистера Гранта пошли даже тѣни по лицу. Великанъ провелъ мощною дланью по волосамъ пожалъ плечами и остановился предъ миссъ Джорджеттой. Онъ видимо рѣшился сказать чего ему отъ нея хотѣлось.

— Если вы хотите, пожалуй, съ замѣтною неувѣренностью сказалъ онъ;—хотя, увѣряю васъ, лучше бы было какъ я просилъ. Но меня вѣдь не сконфузите этимъ, уже твердо продолжалъ онъ, повышая голосъ:—и что я рѣшилъ, то и скажу, даже готовъ прокричать на площади!

— Великолѣпно! одобрила кокетка:—только здѣсь не площадь и потому не кричите.

Мистеръ Гробсонъ немного помолчалъ.

— Миссъ Туидель, началъ онъ снова,—я того мнѣнія, какъ и было вчера говорено, что биться о заказъ à discrétion

леди съ джентльменомъ есть большой знакъ довѣрія съ ея стороны и, безъ сомнѣнiя, доказываетъ ея совершенное расположенiе къ нему. Я такъ это понялъ, и потому, выигравъ такое пари у васъ, могу только просить васъ еще яснѣе доказать мнѣ ваше расположенiе и довѣрiе. Я давно за вами ухаживаю; вы это знаете,—и голосъ великана дрогнулъ,—мое состоянiе не хуже вашего, мое общественное положенiе прекрасное, объ остальномъ вамъ самой судить, и я имѣю честь просить вашей руки.... ставя ваше согласiе цѣною выиграннаго мною пари, если вы это позволите!

Трудно описать эффектъ произведенный этою рѣчью на присутствующихъ. Мистеръ Грантъ привскочилъ, мистеръ Тиндерлей такъ замигалъ глазами что у него закапали слезы. Мистеръ Старвей раскрылъ ротъ настежь и только напелся провозгласить: А... а... а! Мистеръ Баксонъ зашипѣлъ и желчно захихикалъ, дергая за цѣлочку часовъ. А мистрисъ Туидель нестово задвигалась всѣмъ тѣломъ на диванѣ и однимъ махомъ перетрогала свой челець, волосы, галстукъ и лавтье! Миссъ Джорджетта вспыхнула и даже привскочила на своемъ мѣстѣ. Одинъ мистеръ Гробсонъ оставался спокоенъ и его фигура если не выражала большой увѣренности, за то сіяла внушительною рѣшимостью человѣка готоваго принять всѣ послѣдствiя сдѣланной имъ гаупости.

— И это серьезно? гаухо спросила миссъ Джорджетта, не подымая глазъ.

— Да, болѣе чѣмъ серьезно, неминуемо, если только вамъ угодно будетъ честно исполнить условiе пари, отвѣчалъ мистеръ Гробсонъ заискивающе мягко.

Тутъ поднялась цѣлая буря.

— Я его убью! гаухо произнесъ мистеръ Грантъ.

— Если говорить про богатство, я богаче его, еще посмотримъ! бормоталъ мистеръ Баксонъ.

— Чортъ знаетъ что выдумалъ! Точно онъ одинъ можетъ нравиться! говорилъ мистеръ Тиндерлей, у котораго отъ волненiя нервное передергиванiе отъ глазъ перешло на лѣвую сторону физиономiи и пресмѣшно кривило ее.

— Нѣтъ, я не согласенъ, ни за что не соглашусь! взвизнулъ мистеръ Старвей самымъ отчаянно-лаксивымъ голосомъ.

— Молчите всѣ, повелительно вскрикнула молодая Американка и затѣмъ обратилась къ мистеру Гробсону въ насмѣшливо-пренебрежительномъ тонѣ:

— Вы очень ловко придумали, любезный сэръ, только одного не сообразили: если я васъ люблю, то вамъ не зачѣмъ было выигрывать пари чтобы получить мою руку; если же вы мнѣ не милы, то вѣдь я васъ не люблю отъ того что вы выиграли у меня это пошлое пари. Вы видите, такъ ли, иначе ли, а пари тутъ ровно ни при чемъ, развѣ вы рѣшились воспользоваться этою непозволительною уловкою чтобы жениться на мнѣ, даже помимо моего желанья! О, въ такомъ случаѣ мнѣ стыдно за васъ. Такъ джентльменъ не поступаетъ.

Ропотъ одобренія прошея между заинтересованною молодежью. Великанъ весь заколыхался.

— Нѣтъ, нѣтъ, миссъ Туидель, но я думалъ... я надѣялся... вѣдь вы мнѣ дали преимущество... заговорилъ онъ съ усиленнымъ и сдавленнымъ голосомъ. Однимъ словомъ, заключилъ онъ рѣшительно:—я вѣрилъ что вы будете довольны выйти за меня замужъ.

— А чѣмъ вы это заслужили? вскинулась на него кокетка.—Вѣдь вотъ вы сами сознаете себя неспособнымъ достигъ успѣха настоящимъ способомъ и ищете уловки. Развѣ это хорошо? Заслужите меня, и я ваша. И всѣмъ вамъ я говорю, джентльмены, заслужите чтобы получить меня!

— Но какъ, но чѣмъ, какимъ способомъ, мы не знаемъ! дружно отозвалась вся команда горячихъ поклонниковъ.

— Джорджетта, не пора ли кончить всю эту неприятную сцену? вмѣшалась тутъ мать:—вѣдь это ни на что не похоже! Еще при иностранцѣ! Я не могу сочувствовать твоему поведенію, потому что...

— О, dear mother, воскликнула досадливо дочь:—позвольте мнѣ дѣйствовать по-своему... Это мое дѣло, это мое право... а мистеръ Москвавъ не осудить, я его знаю.

— Вы правы, миссъ Джорджетта, послѣдшилъ я замѣтить, очень заинтересованный всѣмъ происходящимъ:—мнѣ въ высшей степени интересно видѣть какъ вы отлично управляетесь съ вашимъ полкомъ непокорныхъ.

Миссъ Джорджетта граціозно улыбулась мнѣ и хитро прищурила глазки.

— Вы хотите узнать, джентльмены, продолжала она,—чѣмъ можно меня заслужить? Хорошо, я согласна выдать свою тайну. Только пусть это будетъ считаться улавою выигрыша мистеру Гробсону. Согласны вы?

Мистеръ Гробсонъ замаялся.

— Вѣдь вы хотите непременно на мнѣ жениться. Вотъ я вамъ и укажу дорогу какъ этого достичь.

— Да, но мнѣ одному, зачѣмъ же другимъ? Не они, а я выигралъ пари!

— Нѣтъ, нѣтъ, всѣмъ! кричали остальные.

— Молчите! сказала миссъ Джорджетта:—мистеръ Гробсовъ, вся заслуга въ достиженіи моей руки и состоитъ именно въ соревнованіи и соперничествѣ. Если вы одни только и будете знать, вамъ не съ кѣмъ будетъ соперничать.

— Какое же я буду имѣть преимущество за выигранное пари?

— Вотъ скучный человекъ! Торгуется точно на биржѣ! вскричала миссъ Джорджетта, премола надуть губки:— а то преимущество что я васъ не буду считать за гаульца и невѣжу!

Не выдержалъ наконецъ великанъ.

— Ну, будь по-вашему! сказалъ онъ и отходя, добавилъ ворчливо:

— Съ нею не справишься, что хочешь дѣлай!

Всѣ лица прояснились, мистеръ Старвей хихикнулъ и потеръ себѣ руки, а мистеръ Баксовъ произнесъ докторально:

— Вотъ это хорошо, это справедливо!

— Такъ слушайте же, мои вѣрные поклонники! воскликнула хорошенькая миссъ полупута, полусерьезно:— я рѣшила и свято буду держаться этого рѣшенія— быть женою только того кто похититъ меня!

Всеобщее молчаніе и лица пораженныхъ удивленіемъ встрѣтили этотъ вызовъ. Одна старушка завозилась на диванѣ, причитывая: *What nonsense! O, what nonsense!* (Глулости, о, какія глулости!)

— Только объяснимся, продолжала уже всѣмъ серьезно миссъ Джорджетта:—похищеніе не чрезъ посредство насилія или употребленія понужденій, о, нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ, а единственно посредствомъ хитрости или чрезъ стеченіе такихъ обстоятельствъ что похищеніе выйдетъ какъ бы естественнымъ...

— Вѣдь придетъ же вамъ такая мысль! съ сердечнымъ упрямомъ вырвалось у мистера Гравта.

— Да это легко, очень легко! вскричалъ мистеръ Старвей.

— Вамъ все легко! взвѣся на него мистеръ Тивдерлей,— только ничего у васъ никогда не выходитъ!

— Это можно, задумчиво произнесъ мистеръ Баксонъ:— попробуемъ. Средства есть!

— Какъ же безъ насилия, замѣтилъ великанъ:— вѣдь вы добровольно не дадите себя похитить?

— Слушайте дальше, остановила ихъ молодая дѣвушка:— я вамъ даю мѣсяць срока на это похищеніе, — тотъ мѣсяць который я проживу здѣсь. При этомъ вамъ дозволяются всякаго рода хитрости: ложныя приглашенія, шпіонство и обманъ всякаго рода, только не насиліе, въ какомъ бы оно видѣ ни представлялось. Съ своей стороны я даю клятву никому изъ васъ не потворствовать и не помогать чѣмъ бы то ни было и такъ же добросовѣстно не поддаваться хитростямъ одного какъ и другаго. Наконецъ, предупреждаю васъ, я ни съ кѣмъ изъ васъ наединѣ не останусь ни подъ какимъ предлогомъ, а потому всякаго рода встрѣчи и прогулки съ глазу на глазъ на этотъ мѣсяць прекращаются. Кто изъ васъ меня похититъ при этихъ условіяхъ тотъ будетъ моимъ мужемъ.

И этими словами торжествующая амазонка заключила свой полусмѣшливый, полусерьезный вызовъ влюбленнымъ джентльменамъ.

Много пошло толковъ по этому поводу, однако въ заключеніе всѣ остались довольны: каждый думалъ про себя что онъ непременно разрѣшитъ задачу, какъ похитить эту своеобразную и эксцентричную дѣвушку которая точно кладъ все въ руки не давалась. И даже мистрисъ Туидель была довольна хитроумною выдумкой.

— Такимъ образомъ, повѣрила она мнѣ, — они всѣ будутъ другъ другу мѣшать и другъ противъ друга дѣйствовать. Изъ этого ничего не выйдетъ, а Джорджетта позабавится.

VII.

Я встрѣтилъ мистера Гранта на улицѣ. Онъ глядѣлъ озачебно и чуть не сблизъ меня съ ногъ.

— Не легкую задачу вамъ дала миссъ Джорджетта, замѣтилъ я ему послѣ первыхъ привѣтствій.

— О, не говорите! горячо вскричалъ онъ:— у нея какой-то бѣсъ сидитъ въ головѣ. Выдумала же! И не разберешь шутить или серьезно.

— Во всякомъ случаѣ надо выработать планъ похищенія. Американецъ мотнулъ головой.

— О, да.... надѣюсь.... Тутъ онъ остановился и продолжаетъ съ улыбкой: Нѣтъ, любезнѣйшій сэръ, я далъ себѣ слово никому про это не говорить и даже вамъ.

— Но не могу ли я въ чемъ вамъ помочь? Я готовъ всею душой...

Мистеръ Грантъ немного призадумался.

— Да, можетъ-быть, сказалъ онъ,—потомъ, когда придетъ минута. Я вѣдь могу на васъ вполне положиться? И онъ взглянулъ мнѣ пытливо въ глаза.

— Вполне и во всемъ, сказалъ я, отвѣчая смѣло на его взглядъ;—даю вамъ честное слово.

— Отлично, вскричалъ онъ, пожимая мнѣ руку:—вы еще какъ мнѣ пригодитесь.

— А что если кому-либо изъ вашихъ противниковъ удастся раньше васъ?

У мистера Гранта лицо судорожно искривилось.

— Нѣтъ, не говорите такъ! сказалъ онъ глухо.—Я боюсь объ этомъ и думать. Я никому ее не отдамъ или самъ погибну!

И нельзя было сомнѣваться, глядя на него въ эту минуту, что онъ такъ и сдѣлаетъ, какъ говоритъ.

Мы пошли по улицѣ.

— Куда вы это торопитесь, мистеръ Грантъ?

— А вотъ въ скверъ, отвѣчалъ онъ озабоченно:—тамъ вѣдь гулянье.

Мы повернули за уголъ и очутились въ прекрасномъ скверѣ. Погода была дивная, народа гуляло много.

Не успѣли мы сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ какъ встрѣтились совершенно неожиданно для меня съ мистрисъ Туддель и миссъ Джорджеттой, съ ея фалангой вѣрныхъ поклонниковъ. Пошли поклонны, рукопожатія.

— Вы, слава Богу, еще не похищены, какъ я вижу, сказалъ я миссъ Джорджеттѣ.

— Нѣтъ, покуда, возразила она смѣясь и оглядывая своихъ кавалеровъ;—хотя непріязненные дѣйствія уже начались и я имѣю нѣкоторыя свѣдѣнія. Вотъ мистеръ Баксонъ намеренъ совратить мою прислугу, окружить меня шпіонами. Мистеръ Тидерлей хочетъ подкупить капитана парохода, на которомъ я буду переѣзжать рѣку, и не только одну меня, но и всѣхъ пассажировъ этого парохода похи-

тять. А мистеръ Старвей даже нарядился моимъ кучеромъ и подвѣхалъ въ моей коляскѣ. Но вышло неудачно. Я отправила гулять въ ней моего выезднаго лакея и мистеръ Старвей вынужденъ былъ цѣлый часъ возить его по городу. Бѣдный мистеръ Старвей!

— А вы, мистеръ Грантъ, ничего еще не предприняли?

— Я жду случая, отвѣчалъ инженеръ, — чтобы дѣйствовать навѣрняка.

— Я и забыла! внезапно вскричала мистрисъ Туидель, — вы вѣдь не знаете! Джорджетта сегодня получила отъ одного джентльмена очень любезное и почтительное письмо, въ которомъ этотъ вѣрный потомокъ древнихъ рыцарей проситъ у Джорджетты позволенія выступить завтра на турниръ бойцомъ въ ея честь...

Вся молодежь остановилась.

— Кто такой, какъ его зовутъ? въ одинъ голосъ спросили они.

— Вотъ это-то совершенно неизвѣстно! отвѣчала старушка, онъ подписался „черный рыцарь“ и на турниръ будетъ со слухеннымъ забраломъ...

— Какой-нибудь интриганъ! сердито рѣшился мистеръ Гробсовъ.

— Или саложникъ, усмѣхнулся мистеръ Тиндерлей.

Старушка мистрисъ Туидель обидѣлась.

— Позвольте, джентльмены, такъ говорить не прилично! Джорджетта дала свое согласіе этому неизвѣстному джентльмену и даже послала ему великолѣпный голубой шарфъ, весь вышитый золотомъ и...

Мистеръ Грантъ не давъ кончить мистрисъ Туидель. Глаза его разгорѣлись, лицо побѣдѣло и стиснувъ кулаки онъ остановился противъ миссъ Джорджетты.

— Какъ! вы согласились! нервно проговорилъ онъ, — да этого быть не можетъ!

Миссъ Джорджетта разсердилась.

— Почему же! Никто изъ васъ не предложилъ себя раньше! Не оставаться же мнѣ было изъ-за васъ безъ рыцаря на турниръ?

— Зачѣмъ же вы насъ не предупредили! чуть не плача, взвизгнувъ мистеръ Старвей: — я бы могъ!... Я бы приготовился...

— И я тоже! зарычалъ мистеръ Гробсовъ, — но кто же зналъ о вашемъ желаніи.

— Можно было бы это всегда устроить между собою, заключилъ безпокойно адвокатъ.

— Все это фантазія, сердито возразила амазонка, — никто изъ васъ и на ослѣ не умѣетъ ѣздить. Только осрамили бы меня....

— А такъ лучше? гнѣвно упрекнулъ ее мистеръ Грантъ, — принимать услуги незнакомца, чортъ знаетъ кого!

— Вамъ-то какое дѣло?

— Какое? Вы себя компрометируете! Богъ знаетъ какъ онъ можетъ оказаться, этотъ господиновъ. И вы, дѣвушка порядочная, рѣшились на такой шагъ!

— Однако, позвольте, позвольте, вмѣшалась тутъ мистрисъ Туидель: — Джорджетта поступила такъ съ моего согласія, и ничего тутъ нѣтъ дурнаго!

— Вы бы хоть не научали ее! въ сердцахъ вскричалъ мистеръ Грантъ, — ваша дочь и такъ славится эксцентричностями, а вы ее подбиваете еще!..

Мистрисъ Туидель ужасно расклятилась.

— Да кто вы наконецъ чтобы такъ говорить? Джорджетта съ вами помолвлена что ли? Я удивляюсь ея терпѣнію! Дойти до такой дерзости! Давать мнѣ совѣты!

— Не обращайтесь вниманія, dear mother, остановила ее дочь, ложимаая плечами, — мистеръ Грантъ по обыкновенію горячится. Погорячится и усложнится.

— А-а, я горячусь! подхватилъ съ новымъ жаромъ мистеръ Грантъ, — такъ нѣтъ же, я спокойнѣе, совершенно спокойнѣе и говорю вамъ, миссъ Джорджетта, твердо и серьезно. Вы должны отказаться отъ услугъ этого незнакомца, вы обязаны это сдѣлать изъ уваженія къ намъ всѣмъ, изъ уваженія наконецъ къ себѣ, или....

— Или? переспросила миссъ Джорджетта, у которой розовыя ноздри раздувались отъ гнѣва.

— Или отказаться навсегда отъ нашихъ услугъ! твердо заключилъ молодой инженеръ, отдавая ее блестящимъ взоромъ. — Не такъ ли, джентльмены! обратился онъ къ остальнымъ.

Всѣ джентльмены молчали.

— Что это значить? сказала молодая Американка, всплывъ и закусивъ губы.

— Это значить, продолжалъ мистеръ Грантъ сильно и одушевленно, — что я усталъ, измучился отъ вашихъ эксцентричностей; это значить что пора же вамъ и положить

другихъ; это значитъ наконецъ что вы не имѣете права дѣйствовать противъ нашихъ условій, ставить новое лицо между нами и отнимать у насъ шансы успѣха. Вы намъ сдѣлали вызовъ и кинули намъ перчатку. Мы подняли вашу перчатку и локуда не кончится срокъ вызова, вы какъ бы принадлежите намъ и не можете допускать другихъ въ нашъ кружокъ. Въдь не такъ ли, джентльмены? снова обратился онъ къ своимъ солерникамъ. На этотъ разъ джентльменамъ шумно изъявили свое сочувствіе рвчамъ мистера Гранта.

— Вотъ это мило! послышался наконецъ гнѣвный отвѣтъ миссъ Джорджетты,—точно я потеряла свою волю и не могу дѣйствовать какъ мнѣ заблагоразсудится, въ нашихъ условій. Да вы съума сошли и я смѣюсь надъ такими претензіями!

Мать поддержала дочь, молодежь поддерживала другъ друга и возникъ споръ, въ которомъ каждый имѣлъ что сказать, каждый хотѣлъ что-то доказать, каждый требовалъ вниманія, но никто ни выслушать, ни уступить не захотѣлъ.

— А если такъ, вскричалъ наконецъ инженеръ, выведенный изъ себя,—то мнѣ все равно, дѣлайте вы всё что хотите, но я не стану присутствовать при такомъ безобразіи. И не отступаю я отъ своего слова: или онъ, или я! Я уѣду, сегодня, сейчасъ уѣду изъ Сень-Луи....

— Счастливой дороги! пожелала ему миссъ Джорджетта, тоже выведенная изъ себя.

— Теперь четыре часа, лихорадочно продолжалъ мистеръ Грантъ, порывисто взглядывая на свои часы,—въ пять часовъ я сажусь на поѣздъ въ Чикаго.... Но вы меня пожалѣйте, вы вспомните мои слова, когда произойдетъ скандалъ, запальчиво прибавилъ онъ,—и поймете тогда что преданному вамъ человѣку лучше бѣжать отъ такого срама!

— И поѣжайте, и прощайте, мнѣ все равно, твердила миссъ Джорджетта раздраженнымъ голосомъ.

— А вы, джентльмены, неужели вы не поддержите меня и останетесь? обратился расходившійся инженеръ къ своимъ товарищамъ. Никто однако не заявилъ желанія сдѣдовать за нимъ.

— Бабы вы! разбранилъ ихъ мистеръ Грантъ:—а еще хотите лѣнрваться такой женщиной! Только твердостью и можно съ нею брать, и я докажу это. Честное слово, я больше

выиграю уѣзжая чѣмъ вы оставаясь здѣсь. Я поѣду въ Чикаго на праздникъ. Повеселюсь тамъ и когда вернусь, приду смотрѣть на ваши вытянутыя физиономіи. Хоть проводить-то идите! Вѣдь товарищъ вамъ по несчастью!

Молодые люди переглянулись; одинъ лишь добродушный мистеръ Старвей рѣшился соллутствовать добровольному изгнаннику, но и тѣ только до вокзала желѣзной дороги.

Послѣ холодныхъ поклоновъ дамамъ мистеръ Грантъ, казалось, все еще надѣявшійся что его остановать, скрылся съ мистеромъ Старвеемъ.

— Хоть однимъ меньше! прошилѣлъ про себя мистеръ Баксонъ и принялся было за разговоръ съ причудливою дѣвицей, но та отмалчивалась. За то мистрисъ Туудель со всѣмъ разошлась.

— Видаю ли, слыхано ли, принялась она тараторить: какая увѣренность, какая наглость! Мнѣ это валомиваетъ точно такой же случай съ моимъ покойнымъ мужемъ. Надо вамъ сказать, онъ былъ приглашенъ на вечеръ. Замѣьте, мой мужъ былъ видный и красивый мущина и очень любилъ общество. Онъ поѣхалъ на этотъ вечеръ — большой вечеръ, почти балъ, съ музыкой и ужиномъ (мы вѣдь вели большое знакомство въ то время и насъ очень цѣнили въ обществѣ). Отправился на этотъ вечеръ мистеръ Туудель, повятно, во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, — онъ былъ очень строгъ насчетъ туалета и всегда славился изяществомъ своей одежды. Впрочемъ не удивительно: онъ былъ настоящей коренной джентльменъ, воспитывался въ университетѣ; отецъ его былъ изъ Англіи, младшій сынъ лорда, а вы знаете какое незавидное положеніе младшихъ дѣтей у англійской аристократіи. Вотъ почему онъ поѣхалъ попытать счастья въ Америку, и ему это очень удалось, хотя отецъ его не былъ того же мнѣнія и сказалъ ему, когда узналъ его рѣшеніе ѣхать въ Америку: „Сынъ мой, мой отецъ всегда говорилъ: держись старинныхъ преданій, въ нихъ всегда найдешь точныя указанія какъ себя вести. Вотъ почему я всегда слѣдую правилу моего отца: „гдѣ родился тамъ и живи!“ То-есть, понимаете, это говорилъ не отецъ моего мужа... то-есть говорилъ отецъ только ему, отцу моего мужа, говорилъ это раньше его отецъ. Не смѣшивайте пожалуйста. Однако о чемъ это я стала разказывать?.. Да, вспомнила....

Но я такъ и не узналъ въ этотъ день что случилось на базѣ съ мистеромъ Туадель, который былъ во фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ и вослѣдствіемъ въ университетѣ: мы дошли до конца сквера и я здѣсь распростился со всѣмъ обществомъ.

VIII.

Въ день каруселя солнце улыбалось во всю ширину своей горячей улыбки и золотистые лучи его съ какою-то особою привѣтливостью озарили строенія, улицы и жителей благословеннаго города Сень-Луи. Небо своею прозрачностью напоминало удивительный небосводъ Италіи, а теплота и какое-то освѣжающее спокойствіе въ воздухѣ навѣвали ощущение весны. Отъ такой погоды жилось весело и легко. Забывались всякаго рода заботы и печали и только чувствовалась потребность дышать полною грудью, насладиться чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ...

И при такой праздничной погодѣ въ Сень-Луи день былъ праздничный. Можно себя вообразить что дѣлалось на улицахъ. Весь городъ казался приварядился въ новые уборы, пестрые и яркіе, подобно свѣжему сарафану нашей деревенской щеголихи. По улицамъ постоянное движеніе толпы за толпою, непрерывное триумфальное шествіе молодости, красоты и здоровья. На всѣхъ лицахъ выражалось самое лучшее расположеніе духа, всѣ глаза блестяли одушевленіемъ, не было рта который не улыбался и даже руки,—это наступательное орудіе Американца,—не сжимались для бокса, но дружелюбно ударялись въ искреннѣйшихъ *шэксэндзалъ*. Смѣхъ, говоръ, шумъ движущейся толпы и непрерывный стукъ катящихся экипажей сливались въ одинъ нестройный гулъ, который какимъ-то смѣющимся ролотомъ проносился надъ городомъ, подгоняемый изъ улицы въ улицу чрезъ прозрачный эфиръ легкимъ, веселымъ вѣтеркомъ. Откуда-то доносился пароходный гулъ, а еще дальше рѣзкій свистъ паровоза. Или вдругъ пронзительно выкрикивалъ, совершенно неожиданно для всѣхъ, свою добродушную лѣснь горлавиный лѣтухъ. Онъ взгромоздился на какую-то недосагаемую высь и выражалъ оттуда свое удовольствіе по случаю такого необыкновеннаго праздника природы и людей. И внезапно является у наблюдателя

этой праздничной сумятицы непреодолимое желаніе скорѣе выскочить на улицу, бѣжать за толпой, принять дѣятельное участіе въ этомъ братскомъ пиршествѣ природы и челоуѣчества. А очень можетъ-быть дѣйти этого крикуна-лѣтуха, взобраться на его вышину и оттуда въ такой же лѣснѣ передать всѣму свѣту свой восторгъ и блаженство.

Я послѣднимъ одѣться и скорѣе покончить съ утреннею трапезой. На подносі съ чаемъ я нашелъ записку на мое имя. Вотъ что было въ ней сказано:

„Когда объявится побѣдитель на турнирѣ, сейчасъ бѣгите къ судейской башнѣ.

„Гравтъ.“

„Лаконично и опредѣленно, но весьма непонятно“, подумалось мнѣ и я вспомнилъ принятыя мистеромъ Грамтомъ предложенія моихъ услугъ въ дѣлѣ увоза прекрасной амазонки. Вѣроятно онъ рѣшилъ что-нибудь предпринять по этому поводу на турнирѣ и предупреждаетъ меня. Очень радъ помочь такому достойному джентльмену.

Карусель начинался ровно въ полдень и къ 11^{1/2} часамъ я уже выходилъ на подъездъ чтобы садиться въ экипажъ. А мой выѣздъ въ тотъ день былъ особенно изященъ, благодаря заинтересованной заботливости хозяина гостиницы. Прекрасная новаго фасона коляска, обитая шелкомъ кофейнаго цвѣта, пара породистыхъ лошадей въ изысканной англійской сбруѣ съ зеркальцами, кучеръ-Негръ, самой важной осанки въ кофейнаго цвѣта дивреѣ, въ черной шляпѣ съ кокардой и въ цвѣтныхъ перчаткахъ—вотъ каковъ былъ въ этотъ день триумфальный выѣздъ русскаго джентльмена въ Севъ-Луи.

Коляска катилась съ бонтоннымъ громоуханіемъ, присутіемъ патентованнымъ осамъ. Рессоры мягко и плавно осѣдали на каждой мостовой неровности. Пара бѣжала ровно и съ сознаниемъ своего достоинства хорошо дрессированныхъ коней. Наконецъ кучеръ олицетворялъ по своей неподвижности художественную статую служительскаго приличія и дисциплины. Онъ не курилъ, не мурлыкалъ, не сморкался и не зѣвалъ, даже не бранился съ прохожими, а былъ всецѣло проникнутъ торжественностью минуты.

Прохожіе останавливались посморгѣть на насъ. Но Американецъ демократъ и не можетъ находить справедливымъ чтобы кто-нибудь ѣздилъ когда онъ идетъ лѣш-

комъ. Прохожіе останавливались, но вмѣстѣ съ тѣмъ не преминули отлускать на нашъ счетъ серію весьма нелюбительныхъ для нашей пышности остротъ и шутокъ.

Одни говорили что я женихъ вѣдущій на смотрины; другіе называли меня сіамскимъ посланникомъ отправляющимся на конференцію; третьи рѣшили что я каретный мастеръ выставляющій свое новое произведеніе. Одинъ замѣтилъ съ юморомъ что еслибы господину помѣняться мѣстомъ съ кучеромъ, то вышло бы еще красивѣе. Наконецъ нѣкоторые шутники дошли до того что предлагали долларъ кучеру, если онъ чихнетъ; кучеръ однако не чихнулъ.

Я очень смѣялся этимъ рѣчамъ, въ которыхъ было больше простодушной зависти чѣмъ злобы, и продолжалъ преимущественно взирать на пѣшеходовъ изъ глубины своего удобнаго и спокойнаго убѣжища.

IX.

„The fair grounds“ или ярмарочная площадь находилась на окраинѣ города и представляла собою большое пространство, обнесенное заборомъ и застроенное множествомъ временныхъ домиковъ и навѣсовъ, а также сплошь заставленное палатками, шатрами и лотками, впереди которыхъ высилось кругообразное деревянное строеніе амфитеатра предназначенное для карусели. Нѣсколько группъ тѣнистыхъ деревьевъ, множество цвѣтовъ и растений, наконецъ гирлянды, букеты, вензеля, флаги, ленты, ковры, шали, вывѣски, транспаранты, декорации, картины украшали строенія и палатки и придавали изящный и веселый видъ этой площади на которой пестрѣли своими разноцвѣтными уборами густыя толпы посѣтителей.

Но какъ передать то безостановочное движеніе, въ родѣ какого-то тревожнаго безпокойства, то колебаніе, то волненіе которыя владѣли этими толпами. Только зная Американца можно себя представить хотя сколько-нибудь ясно какъ кишилъ, извивался, разливался, чтобы снова слиться, этотъ океанъ людей съ горячею кровью, съ необузданною страстью повеселиться, съ непремѣннымъ стремленіемъ поспѣть туда гдѣ ихъ нѣтъ.

Движенія толпы были какія-то судорожныя, спазматическія. Теченіе массъ въ своихъ безчисленныхъ и противо-

скачущихъ струяхъ путалось, стаакивало, производило сумятицу и наконецъ отливало, оставляя за собою поматые наряды и бока, продавленные шляпы и отдаленныя мозоли. Но это всемъ нравилось, все были веселы и довольны,—вѣдь не напрасно же сегодня гулянье и какое еще гулянье! Постоянно прибывали все новые и новые посѣтители и все съ такою же яростною беззаботностью кидались въ водоворотъ толпы какъ кидается безстрашный пловецъ въ волны бурнаго моря. И все въ этой толпѣ считали непрѣмнымъ долгомъ засвидѣтельствовать о своемъ присутствіи какимъ-либо звукомъ, криками или восклицаніями, звонкимъ ли хохотомъ, или раздрающимъ визгомъ армарочной дудки, если не отчаяннымъ гудѣніемъ въ дѣтскую трубу. А тутъ и тамъ заливаются шарманки и органы, хоры и арфисты, гремятъ оркестры...

Предоставляется судить что изъ всего этого выходило. Впрочемъ и веселіе было далеко необыкновенное. Ярмарка была устроена въ пользу вдовъ и сиротъ послѣдней ввтренней войны, безъ различія лагерей, и все штаты Союза приняли въ ней участіе. Увеселительныя, торговыя и подкрѣпительныя заведенія на этой ярмаркѣ были открыты частными лицами, они же были и продавцами.

Между тѣмъ американскій простолюдинъ если на словахъ и относится весьма презрительно ко всему выше его стоящему, на дѣлѣ никогда не упуститъ случая хотя невозможно потереться около счастливыхъ мира сего. Тѣмъ болѣе же не откажется онъ отъ случая потолковать и поторговаться съ какою-нибудь хорошенькою миссъ, о которой онъ пожалуй станетъ и мечтать потомъ нѣсколько дней сразу. Нельзя только при этомъ не пожалѣть о бѣдныхъ миссъ, обреченныхъ на выслушваніе разговоровъ, а главное, остротъ этихъ дѣтей природы. Ибо Американецъ не можетъ не острить, будь онъ водовозомъ или членомъ конгресса, все равно, онъ прежде всего скептикъ и насмѣшливо относится ко всему и ко всемъ.

Я не успѣлъ войти какъ былъ охваченъ потокомъ толпы и увлеченъ куда-то въ глубь ярмарки. Я оломился только подъ прикрытіемъ лавочки, изъ глубины которой выгадывало рябое лицо полной леди, съ наисладчайшею улыбкой приглашенія. Чувство признательности къ этому балагану пріотившему мою слабость отъ тиранства толпы заставило меня рѣшиться сдѣлать покулку у рябой леди.

За рябою леди тотчасъ появились два джентльмена, вѣроятно тѣлохранители леди или скорѣе ея кассы. Они втроемъ принялись перечислять мнѣ всѣ драгоценности своей лавочки. Я скорѣе бѣжалъ отъ этихъ услужливыхъ купцовъ, готовыхъ навьючить на меня весь свой товаръ лишь бы выручить деньги; я отдѣлаюсь отъ нихъ покупкой нѣсколькихъ бездѣлушекъ, которыя тутъ же раздарилъ собравшимся мальчишкамъ. Тѣ пришли отъ моей щедрости въ такой восторгъ что чуть не сдѣлали мнѣ оваціи. Послѣ немалыхъ усилій я добрался до входа въ амфитеатръ.

Внутренній видъ амфитеатра былъ великолѣпенъ. Кругомъ тянулись эстрады въ нѣсколько ярусовъ съ десятью тысячами мѣстъ для зрителей, раскрашенныя очень удачно въ американскіе цвѣта съ золотыми звѣздочками и отдѣланныя сплошь гирляндами, вѣнками и вѣнками изъ листьевъ и цвѣтовъ, перевитыхъ разноцвѣтными лентами. Красивыя арматуры съ группами флаговъ и флажеровъ по угламъ, ковры и куски матеріи яркихъ цвѣтовъ на перилахъ довершали картинность общаго вида амфитеатра, наломившаго своими крупными размѣрами и своимъ изяществомъ цирки древнихъ римскихъ игрищъ. Арена была посыпана красноватымъ пескомъ и вычищена на славу. Посреди ея красовалась судейская двухъярусная бесѣдка убранныя съ большимъ вкусомъ.

Мѣста на трибунахъ кишели народомъ самаго разнообразнаго свойства и въ самыхъ разнообразныхъ одеждахъ. Здѣсь собрались, по выраженію Американцевъ: „the fashion, the wealth and the refinement“ (все модное, зажиточное и образованное). Одна трибуна въ особенности обратила мое вниманіе. Она была разукрашена богаче другихъ, отдѣлена перилами и ее занимали сверху до низу исключительно одѣтъ дамы, и какія дамы! Онѣ всѣ были на выборъ молоденькія и одна другой красивѣе. Въ этомъ цвѣтникѣ живыхъ розъ смѣшивались въ одно граціозное цѣлое всевозможные оттѣнки волосъ, всевозможные колориты лицъ, всевозможные типы и абрисы. Самъ Парижъ, пресловутый знатокъ женской красоты, растерялся бы предъ такою дивною, безпримѣрною „exhibition“, предъ этими группами счастливыхъ головокъ освѣщающихъ арену своими лучезарными улыбками и веселымъ блескомъ хорошенькихъ глазъ.

Сосѣдній джентльменъ пояснилъ мнѣ что эта трибуна носитъ названіе „reserved seats“ (отборныя мѣста) и предва-

значена исключительно для тѣхъ дѣвицъ въ честь которыхъ рыцари имѣли сражаться на турнирѣ; причѣмъ каждый изъ рыцарей носилъ на перевязи черезъ плечо дѣвѣ своей дамы сердца, своей sweetheart. Совершенно древне-рыцарскіе обычаи!

Х.

Послѣ немалыхъ поисковъ я наконецъ достигъ на центральной эстрадѣ обитованной дожи мистрисъ Туидель. Она пригласила меня еще ранѣе придти раздѣлать съ нею впечатлѣнія турнира.

Почтенная старушка была окружена поклонниками ея прелестной дочери, которые глядѣли недовольно и уныло. Ихъ богиня отсутствовала! Она получила свое мѣсто на почетной трибунѣ избранницъ рыцарскихъ, и получила его, увы, отъ какого-то неизвѣстнаго! Тогда какъ они, вѣрные поклонники ея, смѣшаны съ строю толпой на общей трибунѣ и пошлымъ образомъ заплативъ за входъ пять долларовъ, угрюмо взираютъ изподлобья на недосигаемую трибуну героинь дв...

За то мистрисъ Туидель носилась въ облакахъ. Съ первыхъ же словъ она привалась мнѣ повѣрять съ блаженною улыбкой на лицѣ и съ краснорѣчивою слезой въ глазахъ какъ все это приятно ея материнскому сердцу и насколько дѣлаетъ честь самой Джорджеттѣ. Въ заключеніе она искренно рѣшила что анонимный рыцарь навѣрное возьметъ первый призъ, ибо онъ джентльменъ какихъ нѣтъ на свѣтѣ. А главное, потому что Джорджетта не только достойна всѣхъ быть королевой турнира, но даже и настоящею королевой!...

Но вотъ оркестръ играетъ воинственный маршъ. Публика суетится и разсаживается по мѣстамъ. Судьи и городское начальство тянутся по лѣстницѣмъ вверхъ на свою башню. Широкія ворота арены растворяются настежь. Начинается шествіе рыцарей.

Впереди ѣдетъ герольдъ съ двумя трубачами, за нимъ великій маршалъ со штандартомъ—всѣ въ средневѣковыхъ нарядахъ и на коняхъ убранныхъ съ копыть до ушей. Затѣмъ появляются сами рыцари, человекъ до двадцати, поларно, съ кольями у стремени и съ многозначительною перевязью черезъ плечо. Въ заключеніе лажи и конюхи.

Шествіе встрѣчается криками восторга и взрывомъ рукоплесканій до того безумными что они потрясаютъ всѣ осно-

ванія амфитеатра и совершенно заглушаютъ могучія ругады цѣлаго духоваго оркестра.

Всѣ рыцари одѣты чрезвычайно изысканно до мельчайшихъ подробностей. Породистые коки ихъ разукрашены пышно и эффектно. И бравые волки, съ молодцоватою осанкой, красиво гарцуютъ на своихъ буцефалахъ, подгибая имъ шею до невозможности и заставляя ихъ выкидывать ногами разнаго рода кунштштюки.

Наряды у состязающихся всевозможныхъ временъ и народностей. Мнѣ тотчасъ кидаются въ глаза: казакъ въ безконечной лалахѣ, Индеецъ въ перьяхъ, Галлъ въ крылатомъ козлакъ, Азіятецъ въ чапмѣ, Арабъ въ бураусѣ; но большая часть рыцарей одѣта въ латы и въ шлемахъ съ перьями.

Освѣщенное лучами полуденнаго солнца, это шествіе производитъ не малый эффектъ. Глазъ съ удовольствіемъ ложится на эту неподготовленную группировку лереализующихся и яркихъ цвѣтовъ дорожныхъ тканей съ ослабительнымъ блескомъ золота и серебра и съ матовыми отсвѣтами желѣза и стали.

Оживленная сторона этой картины тоже весьма эффектна. Волнующійся лѣсъ колій съ блестящими наконечниками, развѣивающіеся на шлемахъ султаны и перья, бряцаніе оружія, лошадиный топотъ и фырканы, гремящая музыка и виваты толпы, все это въ вышеописанной обстановкѣ—развѣ этимъ не дорисовывается картина рыцарскихъ, средневѣковыхъ празднествъ, на которыхъ пышность и ширина обстановки соперничала съ красотой и поэзіей прекраснаго пола, съ силой и храбростью рыцарскою!

Кортежъ, объѣхавъ арену, останавливается у судейской бѣсѣдки и выстраивается какъ умѣтъ въ нѣсколько рядовъ.

Публика умолкаетъ. Возаряется гробовое молчаніе. Съ высоты башни джентльментъ во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ витѣйствуетъ нижеслѣдующимъ образомъ:

— О, благородные рыцари, воины и воители, прибывшіе со всѣхъ концовъ нашего славнаго отечества выказать здѣсь свою ловкость и искусство, привѣтствую васъ! Имена ваши славны, колья остры, кони бодры и всѣ вы одушевлены надеждою побѣдить! И побѣдить на глазахъ вашихъ дамъ сердца, цвѣта которыхъ украшаютъ ваши мужественныя груди. Будьте же достойны громкихъ именъ вами носимыхъ, историческихъ героевъ вами представляемыхъ и помните

что мы ждемъ отъ васъ подвиговъ! Герольдъ, читайте имена составляющихъ рыцарей.

Начинается переключка. Вызванный всадникъ выходитъ изъ рядовъ, проскакиваетъ предъ судьейскою башней и ставится на противоположенную сторону арены.

Такая одиночная проѣздка даетъ возможность судить о ловкости и искусствѣ каждаго ѣздока въ отдельности. Этотъ судъ оказывается теперь не совсѣмъ въ пользу многихъ. Что въ строю не замѣчается, въ одиночной проѣздкѣ бросается въ глаза. Мало устойчивости въ корпусѣ, фальшивая посадка, неумѣнье управлять лошадыю—вотъ недостатки появившіеся въ нашихъ рыцаряхъ, хотя эти недостатки замѣняются избыткомъ американской лихости и тѣлодвиженіями.

— Что сказалъ бы на такую ѣзду нашъ учитель-береторъ, подумалось мнѣ? Я отсюда слышу съ какимъ горько-язвительнымъ негодованіемъ вскричалъ бы онъ рѣзкимъ голосомъ и съ своимъ особымъ акцентомъ: „Отставить, отставить! Такъ можно ѣздить развѣ на коровѣ, а не на благородномъ животномъ!“

Но ѣздоки турнира вѣроятно такихъ учителей не имѣли.

Герольдъ выкрикиваетъ имена на весь амфитеатръ. Я невольно улыбаюсь на такое разнохарактерное сочетаніе громкихъ именъ.

№ 1. Баяръ, рыцарь безъ страха и упрека (въ блестящемъ вооруженіи).

№ 2. Шамиль, рыцарь Кавказа (линеецъ казакъ).

№ 3. Поугаттанъ, рыцарь вольныхъ степей (Индіецъ).

№ 4. Незнакомецъ, Черный рыцарь (со слущеннымъ забраломъ).

№ 5. Абделькадеръ, рыцарь Африки (въ бѣломъ плащѣ).

№ 6. Тамерланъ, рыцарь рогатаго мѣсяца (въ чалмѣ) и т. д., и т. д., всѣхъ не перечестъ.

Переключка кончилась. Музыка снова играетъ. Зрители снова восторгаются. Рыцари оправляются. Судьи раскрываютъ свои книги и тетради....

Затѣмъ, доигравъ свой маршъ, музыка умокаетъ. Трубачи герольдмейстера трубятъ какой-то невѣроятный сигналъ. Все замираетъ въ тревожномъ ожиданіи.

Начинается турниръ!

Моему воображенію представляется что вотъ-вотъ бѣшено ринутся рыцари съ разныхъ сторонъ, столкнутся и станутъ биться какъ мифологическіе Титаны, приподнимая другъ друга съ сѣделъ и выказывая чудеса силы, ловкости и безстрашія. А тамъ груды ломанныхъ колій, сорванныхъ шлемовъ, сбитыхъ щодковъ.... Увы, содержаніе турнира совсѣмъ не отвѣчаетъ столь рыцарской и воинственной обстановкѣ.

Судите сами. Турниръ, назовемъ его лучше каруселемъ, есть не что иное какъ простое гимнастическое состязаніе. Задача каруселя — на всемъ карьерѣ снять кольемъ кольцо, вѣтое въ перекладиву, высунутую сбоку надъ самою головою скачущаго. Такихъ перекладивъ три, на разстояніи трехъ или четырехъ саженъ другъ отъ друга. Отъ рыцаря требуется снять такихъ колець три въ одинъ бѣгъ и въ извѣстный промежутокъ времени, выслѣживаемый по хронометрамъ судьями. И такихъ три бѣга. Кто больше снялъ колець тотъ и побѣдитель и получаетъ отъ судей пару золотыхъ шпоръ для себя и вѣнокъ для избранницы своего сердца, которая вѣчается имъ и наименовывается: „королевой любви и красоты“ (queen of love and beauty).

Затѣмъ изъ остальныхъ рыцарей шестеро снявшихъ большее количество колець удостоиваются по заслугамъ: шпорамъ серебряными, позолоченными, ладъ и каждый еще вѣнкомъ, которымъ вѣчается свою sweetheart, получающую наименованіе первой, второй и т. д. фрейлины (maid of honour).

И вотъ какую забаву наша практичная и республиканская молодежь Соединенныхъ Штатовъ!

Впрочемъ честь выдумки этого рода каруселя не принадлежитъ всецѣло Американцамъ. Еще въ прошломъ столѣтіи были въ Испаніи „Courses de bague“, и потому всего вѣроятнѣе что такого рода состязанія перешли изъ Испаніи чрезъ Мексику въ Соединенные Штаты.

XI.

Но вниманіе. Турниръ начинается и вслѣдъ за призывнымъ сигналомъ трубача выѣзжаетъ № 1 по списку, сень Баяръ, рыцарь безъ страха и упрека.

Сидитъ онъ важно, выступаетъ лавно. Достигнувъ флага, съ котораго слѣдуетъ скакать, начинаетъ торопить коня.

Конь сбивается и скачетъ, мѣняя ноги на скаку, но съдоку не до того. Онъ несется во весь духъ приподнявшись на сѣдлѣ и весь обратясь въ зрѣніе. Перья на его шлемѣ исполняютъ фантастическій танецъ, богатая полуба бьетъ по ногамъ лошади, латы звенятъ, но копые достославнаго рыцаря твердо упирается подъ мышку и лезвіе направленное вѣрною рукою со звономъ ударяетъ три раза сряду въ соблазнительныя металлическія кольца. Онъ пролетѣлъ и ни одного кольца уже не видать.

Всѣ ему рукоплещутъ, тысячи платковъ восторженно машутъ во всѣхъ направленіяхъ, и нашъ рыцарь съ гордою осанкой поворачиваетъ своего буцефала, рысцою подѣзжаетъ къ судейской башнѣ и спускаетъ съ наконечника копыя въ отверстія дзаны судей плоды своей ловкости. Но напрасно встряхиваетъ рыцарь нетерпѣливою рукою копые свое: на судейскихъ ладоняхъ оказывается только два кольца. Третье лежитъ въ песокъ, только задѣтое, но не нанизанное славнымъ копыемъ. Досадливо машетъ рукою злополучный рыцарь и скрывается.

Новыя кольца вдѣты, труба вновь заиграла и выѣзжаетъ рыцарь № 2, Шамиль.

Но не успѣлъ конь пуститься вскачь какъ Шамиль, отъ непривычки носить башню на головѣ, теряетъ свою палаху, которая скатывается подъ ноги лошади. Конь даетъ козла, сѣдокъ слетаетъ и самымъ прозаичнымъ образомъ распластывается по землѣ. Зрители ахаютъ и содрагаются. Но Шамиль тотчасъ вскакиваетъ на ноги и прихрамывая спѣшитъ спрятать свое опозоренное чело за судейскую башню. Его провожаютъ насмѣшки и свистки толпы, которая вообще никогда не умѣетъ сочувствовать несчастнымъ.

За то № 3, Индіецъ, поправляетъ дѣло!

Пуставъ копыя во весь карьеръ раньше флага, онъ точно бѣсъ вертится на пантеровой шкурѣ замѣняющей ему сѣдло. Своею джигитовкой приводитъ зрителей въ восторгъ. И нельзя, право, не восхищаться этимъ дикаремъ, когда онъ, закинувъ свою бизонью шкуру за плечи, весь покрытый разноцвѣтными камнями и стеклярусами, со своимъ ужаснымъ лицомъ, мастерски загримированнымъ боевыми рисунками Индійцевъ, принимается выдѣлывать ногами, руками, головой и туловищемъ цѣлый рядъ эквилибристическихъ и гимнастическихъ кунштюковъ высшей

школы и притомъ съ такою удивительною быстротою что рябить въ глазахъ.

Но услыхъ увидкъ краснокожаго!

Индеецъ не успѣвъ приготовиться къ снатию колець и пролетѣвъ подъ перекладинами, даже не тронувъ ихъ своимъ копьемъ. Зрителя хохочуть, насмѣшливо хлопаютъ ему въ ладоши; раздаются свистки.

Вотъ очередь за незнакомцемъ, Чернымъ рыцаремъ со спущеннымъ забраломъ.

Этотъ незнакомецъ очень интригуетъ зрителей и насъ тоже.

Зрителей онъ интригуетъ потому что никто, даже участвующие въ состязаніи не знаютъ его имени и не видѣли его лица, скрытаго непроницаемымъ забраломъ съ самаго начала турнира. Насъ же онъ заинтересовываетъ тѣмъ что онъ оказывается рыцаремъ миссъ Джорджетты.

Когда выкрикнули имя Чернаго рыцаря, мистрисъ Туидель вскочила со своею мѣста и такъ наклонилась надъ оградой ложи дабы разсмотрѣть незнакомца что я невольно схватила ея за руку, желая предупредить ея паданіе головой внизъ.

— Шарфъ голубой, вышитый золотомъ шарфъ Джорджетты, раздавленнымъ отъ волненія голосомъ проговорила она, указывая дрожащею рукою на вызывающаго рыцаря.

Дѣйствительно, на незнакомцѣ надѣтъ шарфъ миссъ Джорджетты.

Таинственный рыцарь вызъезжаетъ изъ-за башни при глубокомъ молчаніи зрителей. А они молчатъ, потому что ничто такъ не заставляетъ молчать какъ сильно возбужденное неизвѣстностью любопытство. И я не могу не замѣтить здѣсь что Черный рыцарь играетъ немало рискованную роль, заставляя зрителей своими таинственными приемами интересоваться имъ и ожидать отъ него чего-то необыкновеннаго. Вѣдь толпа даже и не Американцевъ всегда немилосердно бичуетъ тѣхъ которые обманываютъ ея ожиданія, хотя это еще не значитъ чтобъ она всегда благодарилла оправдавшихъ ея надежды...

Какъ-то лѣнливо отдаваясь движеніямъ своей лошади, онъ начинаетъ проѣзжать шагомъ мимо эстрады. Поравнявшись съ трибуной избранницъ, кланяется изящнымъ движеніемъ головы, и цвѣта вороваго крыла широкія длинныя лерья его темнаго плаща привѣтливо волнуются по его плечамъ, одѣтымъ въ платье того же мрачнаго цвѣта, какъ и весь

его нарядъ и даже уборъ его вороного коня. Лишь голубая шелковая перевязь вышитая аркумъ золотомъ пріятно выдѣляется на его груди своими веселыми переливами.

За нѣсколько десятковъ шаговъ отъ флага Черный рыцарь чуть замѣтнымъ движеніемъ шенкеля поднимаетъ своего коня въ галопъ и мы не можемъ не полюбоваться молодцоватою выправкой статнаго сѣдока, красотѣ и правильности движенія его породистой лошади.

Дойдя до флага, конь однимъ прыжкомъ переходитъ въ карьеръ и вытянувшись въ струнку летитъ смѣло, лихо, безъ заливки. Рыцарь даже не шелохнулся на сѣдлѣ, только приподнявшись на сильныхъ шенкеляхъ и наклонившись на самую шею коня, готовится къ рѣшительной минутѣ. Густыя перья его шишака взвѣваются и кружатся, точно увосимыя вѣтромъ; голубая перевязь судорожно цѣпляется по сѣдлу, мечъ бьется по ногамъ и звенитъ, встрѣчая шпору или стремя. Ноги лошади взрываютъ песокъ и далеко вскидываютъ его назадъ, и слышится отъ его копытъ равномерный, жесткій стукъ, разносящійся гуломъ среди мертваго молчанія замершихъ въ страстномъ ожиданіи зрителей. А Черный рыцарь недвижимъ, какъ бы слившись въ одно со своимъ конемъ, и не дрожитъ копые въ его спокойной длани, а все также твердо и неуклонно вызываетъ оно на бой своимъ блестящимъ, острымъ лезвиемъ.

— Дзинь! дзинь! дзинь! слышатся три отчетливые металлическихъ удара—удара копыа о копыа, и борзый конь, рѣзко остановленный опытною рукой, подымается на дыбки, повертывается на заднихъ ногахъ и легкимъ галопомъ подлетаетъ къ судейской башнѣ...

— Разъ, два три — да, три кольца спускаетъ Черный рыцарь со своего копыа въ судейскія руки. Зрители гогочутъ отъ восторга. Подымается оглушающій взрывъ рукопашеканій, одурающій стукъ мебелию, ладками и ногами. Тысячи леди машутъ платками, шальями, вѣерами; тысячи джентльменовъ машутъ шляпами, ладками, зонтиками. Многие изъ послѣднихъ, движимые стремленьемъ посылить въ свой восторгъ, перелезаютъ черезъ ограду и барабанятъ ногами по доскамъ, держась за перила. Одинъ изъ этихъ джентльменовъ даже не удерживается и летитъ въ нижній ярусъ, за что немедленно выводится полицменами. Между

зрителями, однимъ словомъ, разыгрывается совершенная буря и безпорядочная сумятица царствуетъ на всѣхъ вѣстрадахъ.

О вы, славные герои средневѣковой Франціи, Германіи, Византіи, представители которыхъ мы и здѣсь видимъ въ такой пародіи, удостоивались ли вы когда-либо за свои несомнѣнные подвиги такого единодушнаго, страстнаго одобренія толпы? А вы вѣдь билась не изъ-за колець и не съ кольцами вы билась!

Таинственный рыцарь былъ вынужденъ проѣхать нѣсколько разъ вокругъ арены, отклониваясь рукой и головой чтобы усложнить лубайку.

Но всему на этомъ свѣтѣ бываетъ конецъ. Кончились и восторги публики. Одна мистрисъ Туидель еще долго не могла придти въ себя и все машинально рукоплескала, хотя и беззвучно, своими старческими руками и причитывала какія-то безсвязныя слова. Впрочемъ какъ было старушкѣ и не торжествовать? Развѣ рыцарь не ратовалъ въ честь и славу фамиліи Туидель, въ ящее торжество ея обожаемой дочери? А эта обожаемая дочь, я воображаю что должно было происходить въ ея пылкомъ умѣ такъ склонномъ къ романтизму. Нѣтъ сомнѣнія, она начинала уже пылать сильною страстью къ этому увлекательному волшебнику и создала въ своемъ воображеніи цѣлая серія воздушныхъ замковъ...

Гдѣ былъ въ эту минуту доверчивый инженеръ мистеръ Грантъ? Предчувствовалъ ли онъ какіе жестокіе удары наносилъ его воздушнымъ замкамъ этотъ роковой Черный рыцарь?

И мнѣ стало больно за своего отсутствующаго друга, такъ больно что я рѣшился замолвить за него слово.

— Знаете ли, мистрисъ Туидель, прервалъ я нащелтыванія старушки:—я много бы далъ чтобы преобразить этого Черного рыцаря въ мистера Гранта.

— Вы вѣрно шутите, возразила она съ неудовольствіемъ;— развѣ Грантъ способенъ быть такимъ, развѣ хватить его на такое дѣло! И старушка презрительно пожала плечами.

— Однако мнѣ всегда казалось что миссъ Джорджетта была не совсѣмъ равнодушна къ нему, вернулъ я ехидно.

Мистрисъ Туидель покосилась на меня и возразила съ достоинствомъ.

— Нонсенс (глупости)! Джорджетта шалитъ, забавляется, но ничего въ этомъ нѣтъ серьезнаго, я ручаюсь вамъ! Вѣдь не

можетъ же порядочная и хорошенькая дѣвушка не имѣть „sweethearts“ (возлюбленныхъ).

— Если такъ, очень жаль. Они видимо созданы другъ для друга...

— Кто вамъ это сказалъ? разсердилась старушка. — Онъ ей во все не пара! Кто такой мистеръ Грантъ? Богатъ онъ, знатенъ, вліятельнъ что ли? Право, досадно слушать какъ безтолково относятся люди къ такимъ серьезнымъ вопросамъ—и еще кто же? Такой порядочный джентльменъ какъ вы, хорошо знакомый съ моею дочерью!... и старушка спокойно двигалась на стулѣ, пожимала плечами, трясла головой, однимъ словомъ выказывала сильнѣйшую степень негодованія.

XII.

А турниръ продолжается.

Рыцарь за рыцаремъ несутся снимать кольца и возвращаются съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, провожаемые поощреніями или порицаніями зрителей, но никто трехъ колецъ подобно неизвѣстному рыцарю снять не можетъ.

Вторая очередь рыцаря № 1 Баяра. Онъ продѣваетъ всѣ три кольца и удостоивается шумныхъ одобреній восторженной толпы. За то незнакомецъ Черный рыцарь, также славно начавшій свой бѣгъ какъ и въ первую очередь, только сбиваетъ кольемъ третье кольцо съ перекладины и возвращается къ судьямъ лишь съ двумя кольцами.

Къ концу второй очереди у Баяра и Чернаго рыцаря по пяти колецъ, у остальныхъ рыцарей меньше.

Наступаетъ третья и послѣдняя очередь, долженствующая рѣшить кому быть побѣдителемъ.

Большинство рыцарей, за неуспѣхомъ своихъ усилій, заранее признаютъ себя побѣжденными и выходятъ изъ состязанія. Съ десятокъ имѣющихъ отъ двухъ до четырехъ колецъ еще идутъ на третью очередь, въ надеждѣ заслужить послѣдующіе призы. На званіе же побѣдителя являются только два соперника: Баяръ и незнакомецъ.

Зрители волнуются. Симпатіи ихъ видимо на сторонѣ незнакомца. Они начинаютъ биться о закладъ и держатъ за незнакомца въ пропорціи трехъ и пяти противъ одного за Баяра. Объемистые бумажки выползаютъ на свѣтъ Божій изъ

глубокихъ кармановъ и билеты различной стоимости начинаютъ ходить по рукамъ. Появляются присяжные завсегда-такихъ лари и посредничаютъ, сохраняя у себя ставки, ибо Американецъ никогда не бьется о закладъ въ кредитъ пди на слово.

Но вотъ герольдъ снова трубить: начинается третье состязаніе.

Вызываетъ рыцарь Баяръ и, какъ описать уныніе сторонниковъ Чернаго рыцаря, онъ навизываетъ самымъ положительнымъ образомъ всѣ три кольца: нѣтъ сомнѣнія онъ побѣдитъ!

Страшный шумъ подымается въ амфитеатръ. Одни хлопаютъ, другіе свистятъ, дѣло почти доходитъ до вызововъ, до драки. И напрасно бьются послѣдующіе рыцари, никто не обращаетъ на нихъ вниманія, они тутъ уже ни при чемъ.

Но вотъ труба вызываетъ рыцаря № 4, неизвѣстнаго, и какъ бы по всеобщему соглашенію внезапно воцаряется глубочайшее молчаніе. Можно даже разслышать невыносимый визгъ дудки внѣ амфитеатра.

Черный рыцарь вызываетъ, какъ всегда, спокойно и лѣнливо покачиваясь на сѣдлѣ. А съ высоты трибуны тысячи пытливыхъ глазъ оглаживаютъ его, какъ бы силась заранѣе убѣдиться сколько сниметъ онъ колець. Вотъ онъ поравнялся съ трибунами, и дѣлая буря поднимается надъ его доблестною главой. Сотни голосовъ сыплютъ ему поощренія, молебны, даже угрозы.

— Молодецъ Черный рыцарь, дай вамъ Богъ побѣду!

— Выручите, не уступайте, мы за васъ!

— Смотрите, черномазый, если я на васъ проиграю, то будьте вы прокляты!...

А съ трибуны избранницъ машетъ ему платкомъ дама его сердца. Она вся замираетъ отъ волненія и шлетъ ему долгій, краснорѣчивый взглядъ. Она вѣдь была такъ увѣрена въ побѣдѣ, всѣ даже поздравляли ее... А теперь — теперь рядомъ съ нею красуется торжествующая избранница молодца Баяра.... Неужели этотъ обольстительный вѣнокъ царицы слегить съ ея головки на дерзкое чело ненавистной соперницы!...

О, лучше не видать такого стыда!

Но Черный рыцарь ничѣмъ своего волненія не выказы-

ваетъ, и все также невозмутимо спокойно подвигается мимо эстрады его темная фигура вся скованная въ желѣзо.

Понесся Черный рыцарь и три раза звонко ударяется его колье о металлическія кольца....

— Всѣ три, только два, нѣтъ одно! несутся возгласы съ трибуны. Судейскія длани простираются и всѣ три колья сползаютъ на нихъ съ доблестнаго колья Чернаго рыцаря.

О, тогда бѣснованію зрителей нѣтъ конца. И дрожитъ амфитеатръ отъ этихъ могучихъ изліяній американской толпы. Скорѣе доскакивайте свою очередь, остальные рыцари, всѣ ждутъ съ бѣшенымъ нетерпѣніемъ послѣдняго соперничества между Баяромъ и Чернымъ рыцаремъ. Вѣдь у каждаго по восьми колець. Толпѣ ихъ нужно, молодцовъ, а не васъ.... Кто изъ нихъ будетъ побѣдителемъ: Баяръ или незнакомецъ, незнакомецъ или Баяръ!

Начинаются новыя пари, всѣ бьются о закладъ съ какою-то яростью, послѣднія деньги вытряхиваются изъ кармановъ и появляются цѣлыя груды „greenbacks“ (зеленыхъ кредитокъ), неистово сложенныхъ комьями въ ялаткахъ, картузахъ и шарфахъ посредниковъ.

Играетъ труба и выступаетъ Баяръ. Баяръ замѣтно возбужденъ. Онъ напрасно такъ усердно подкрѣплялъ себя изъ бутылки передаваемой ему изъ судейской башни услуживою рукой. А это подкрѣпленіе куда какъ не хорошо на него дѣйствуетъ. Онъ лозируетъ, ухарствуетъ, горячитъ взмыленнаго коня—смотри, Баяръ, не осрамись!

Вотъ онъ поскакалъ, испутивъ воинственный кликъ, и восторженно машетъ кольемъ. Напрасно. Это придаетъ весьма мало картинности его бѣгу, а между тѣмъ, смотрите, онъ потерялъ стремя и неуклюже пошатнулась его статная фигура на сѣдлѣ. Онъ ловитъ стремя, наклоняется, а первая перекаладина съ кольцомъ уже близка. Еще секунда — и разгоряченный Баяръ проскакиваетъ подъ перекаладинами, даже не успѣвъ направить своего колья, даже не тронувъ колья.

Разсвирѣпѣвъ Баяръ, принялся бить лошадь кольемъ и колье уронило. А зрители задиваются хохотомъ. Оглушительныя свистки разрѣзаютъ воздухъ и сыплются остроты и насмѣшки на опозоренную голову злополучнаго Баяра. Его почти силой уводятъ, а не то онъ еще надѣлаетъ бѣды.

Побѣда Чернаго рыцаря несомнѣнна. Но онъ не увлекается ею. Все съ такимъ же достоинствомъ, съ такою же сдержан-

ностью въ приѣмахъ выступаетъ овъ на состязаніе, приветствуемый рукоплесканіями толпы, которая дальновидно избрала его своимъ героемъ.

И отчетаиво одинъ за другимъ снимаетъ овъ всѣ три кольца. Но этого для него мало. Овъ быстро перекидываетъ кольцо изъ правой руки въ лѣвую и съ ловкостью Индѣйца, на всемъ скаку нагибается къ самымъ ногамъ лошади. Стремительнымъ движеніемъ поднимаетъ овъ рукой съ земли уровеньное его соперникомъ кольцо, и вручаетъ его судьбамъ, вмѣстѣ съ тремя снятыми имъ кольцами.

Да, мастерски выигралъ свои золотыя шпоры и свой вѣнокъ побѣдный неизвѣстный Черный рыцарь со слущеннымъ забраломъ!

— Hip, hip, hurrah, for the Black Knight, for the valiant victor! (Ура, Червому рыцарю, доблестному побѣдителю!) гремитъ со всѣхъ концовъ амфитеатра. И несутся гуломъ иступленные крики, восторженные рукоплесканія, громъ побѣднаго марша оркестра.... Всѣ вскакиваютъ со своихъ мѣстъ, всѣ машутъ чѣмъ могутъ, всѣ кричатъ что умѣютъ.... Сотни джентльменовъ, забывъ всякія преграды, спрыгиваютъ на арену, окружаютъ героя два, кричатъ ему въ уши, жмутъ ему руки и ноги и ласкаютъ его слухъ самыми вѣжными и задушевными словами. Точно для нихъ побѣда Чернаго рыцаря представляетъ что-то такое свое, родное и семейное.

Но что сталося со старушкой мистрисъ Туидель — трудно описать. Она просто корчилась въ какихъ-то судорогахъ восторга, что-то пришептывая непомятое. Она то кидалась на ограду, то ладала въ изнеможеніи на свое мѣсто или на колѣни сосѣдей, жала всѣмъ руки, наступала всѣмъ на ноги и казалось готова была расцѣловать всѣхъ—даже и уничтоженныхъ претендентовъ ея дочери, уныло сознающихъ свое поражение въ ея торжествѣ.

О, бѣдные претенденты! Какъ тяжело вамъ въ эту минуту!...

„Къ счастью, овъ въ нашемъ условіи съ миссъ Джорджеттой не состоитъ“, думается каждому изъ сконфуженныхъ поклонниковъ.

XIII.

Но снова послышалась труба. Оркестръ замолкъ. Все стало утихать. Всѣ принялись усаживаться. Выскочившіе на арену джентльмены высвободили побѣдителя изъ своихъ объятий и вернулись вспять на свои мѣста. Рыцари заскакали по аренѣ и стали выстраиваться предъ судейскою башней, Черный рыцарь впереди. Зрители совсѣмъ наконецъ успокоились, замолчали и принялись слушать и смотрѣть.

Съ высоты судейской башни снова заговорилъ тотъ же джентльменъ въ парадной формѣ, только куда торжественнѣе: — Незнакомецъ, Черный рыцарь, вы побѣдили всѣхъ вашихъ соперниковъ. И побѣдили лихо, благородно, по-рыцарски! Честь вамъ и слава! (Взрывъ рукоплесканій между зрителями.) Я объявляю васъ отъ имени всего синкаита судей побѣдителемъ и королемъ турнира и вручаю вамъ сіи шпоры изъ чистаго золота, какъ эмблему вашего рыцарскаго званія. (Единодушные виваты со всѣхъ сторонъ. Двое лажей прицѣпляютъ шпоры къ кобалукамъ Чернаго рыцаря.) Вы оказали себя достойнымъ этихъ шпоръ, достойнымъ той благородной дѣвицы цвѣта которой вы носите на себѣ.... И какъ должна быть она, избравшая васъ, счастлива имѣть у ногъ своихъ такого доблестнаго и искуснаго рыцаря! И какъ много чести дѣлаетъ ей такой выборъ! (Сильныя одобренія съ трибуны.) Маѣ потому пріятно вручить вамъ еще сей вѣнокъ, эмблему королевства, что вы имъ увѣнчиваете главу дамы вашего сердца, дабы и она возсіяла торжествомъ своего избранника.....

Тутъ оркестръ заигралъ тушь и въ рукахъ оратора появился прелестный вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ. Онъ насадилъ вѣнокъ на лезвіе колья Чернаго рыцаря... А съ трибуны безостановочно неслись крики, вой, гоготаніе, стукъ, визги, рукоплесканія и неумолкаемое: *hip, hip, hurrah!*

Все снова затихло и ораторъ продолжалъ еще торжественнѣе, самодовольно крикнувъ:

— Теперь, Черный рыцарь, лодыните ваше забрало и скажите намъ ваше имя, которое мы увѣнчавшимъ въ числѣ имемъ...

Но Черный рыцарь его больше не слушалъ. Онъ круто повернулъ своего коня и съ вѣнкомъ на кольцѣ помчался къ трибунѣ избранныхъ. Лихо осадивъ своего коня предъ трибуной, онъ глубоко поклонился сидящимъ тамъ дѣвицамъ и не подымая забрала со своего шлема, звонкимъ и приятнымъ голосомъ сталъ говорить:

— Миссъ Джорджетта Туидель! сказалъ рыцарь, и при этомъ имени прелестная амазонка чуть не упала въ обморокъ:—вы позволили мнѣ стать вашимъ рыцаремъ на турнирѣ. Довольны ли вы мной?

И какъ бы увлеченный затаеннымъ, глубокимъ чувствомъ рыцарь заговорилъ горячо, увлекательно:

— Тебѣ, о прекраснѣйшая изъ прекрасныхъ, тебѣ принесъ я этотъ королевскій вѣнокъ! Твое дѣвственное ясное чело давно достойно его носить! давно достойно! И для тебя, во славу твоихъ божественныхъ прелестей, дерзнулъ я стать соперникомъ прославленнѣйшихъ копій нашего отечества! Но могъ ли я быть побѣжденъ, когда твои свѣтлыя очи путеводили меня, когда твоя райская улыбка озаряла меня? Когда эта перевязь, вышитая твоими нѣжными ручками, воспламеняла въ моей груди невѣдомая дотоѣ силы? Нѣтъ, не я, бѣдный незнакомецъ, Черный рыцарь—побѣдитель, а ты, лучезарная звѣзда! И тебѣ по праву принадлежить этотъ горделивый вѣнецъ славы, подносимый мною, смиреннымъ твоимъ поклонникомъ, вѣрнымъ твоимъ рыцаремъ, на этомъ побѣдоносномъ кольцѣ моемъ! Да здравствуетъ миссъ Джорджетта Туидель, королева турнира!

Привычный Чернымъ рыцаремъ стихотворный стиль (въ немъ единственно допускается на англійскомъ языкѣ обращаться во второмъ лицѣ единственнаго числа) придавалъ его словамъ какую-то непривычную уху гармонию, полную возвышеннаго лаэоса и ласкающей лоззю. Притомъ мужественный голосъ его, пробивающійся чрезъ широкія скважины забрала, какъ-то таинственно-сильно проносился по амфитеатру, въ которомъ царствовало въ эту минуту самое мертвое молчаніе. Наконецъ статная фигура самого рыцаря въ одушевленной позѣ на великолѣпномъ конѣ,— все это давало несомнѣнный, увлекательный отпечатокъ величія развернувшейся картинѣ.

Рыцарь замолкъ. Оркестръ заигралъ новый тушь. Публика забѣсовалась. А миссъ Джорджетта встала, дрожащими руками сняла заманчивый вѣнокъ съ кольца рыцаря и надѣла его

себѣ на голову. Она смотрѣла въ эту минуту настоящее „дарицей любви и красоты“.

Рукоплесканія и шумъ поднятые между зрителями словами рыцаря умолкли; умолкла и музыка и всѣ присутствующіе принялись слушать съ напряженнымъ вниманіемъ что отвѣтитъ королева на привѣтствіе своего рыцаря.

А королева видимо позабыла подготовленную ею заранѣе рѣчь и стояла задумавшись. Но это было мгновеніе! Не напрасно же она родилась Американкой...

Она встряхнула головкой самымъ кокетливо-досадивымъ образомъ, какъ бы въ упрекъ растерявшейся лампаты своей. И все зардѣвшись отъ стыдливости, стала говорить своимъ мелодичнымъ, какъ аккорды Бетховена, голосомъ нѣсколько дрожащимъ отъ волненія:

— Незнакомецъ, Черный Рыцарь, мы глубоко благодарны вамъ за этотъ вѣнокъ. И не можемъ мы не чувствовать себя особенно тронутою тою истинно-рыцарскою любовью съ которою вы поднесли намъ его, приписывая нашей слабой особѣ несомнѣнный успѣхъ вашего оружія. Вы этимъ успѣхомъ обязаны самому себѣ, своей силѣ, ловкости и искусству! И мы совсѣмъ не хотимъ отнимать у васъ то чѣмъ мы гордимся въ васъ. Мы, напротивъ, пользуясь своимъ правомъ королевы, объявляемъ васъ самымъ удачнымъ и любезнымъ джентльменомъ-рыцаремъ въ свѣтѣ! Мало того, злоупотребляя давною намъ властью, рѣшаемся присвоить себѣ вашу доблестную личность и назначаемъ васъ, съ гордостью и удовольствіемъ, своимъ исключительнымъ рыцаремъ!

(Самыя бѣшенныя рукоплесканія съ трибуны.)

Миссъ Джорджетта продолжала совершенно ободрившись и съ маленькимъ отгѣнкомъ насмѣшливости въ голосѣ:

— Но согласитесь тоже, лихой рыцарь, что намъ нельзя не желать поглядѣть на черты лица того кто такъ славно добылъ намъ корону. Вѣдь наше королевское положеніе сдѣлается крайне незавиднымъ если вмѣсто лица нашего преданнаго рыцаря намъ суждено будетъ всегда видѣть около себя желѣзную маску, какъ бы художественно она ни была выдѣлана... (Омѣхъ, крики браво и рукоплесканія зрителей.)

— Снимите же вашъ плащъ, рыцарь, договорилась королева ласково: — или подымите забрало и покажавъ намъ ваши черты, скажите намъ ваше имя. Ни одно, ни другое намъ до сихъ поръ неизвѣстны.

— Если я действительно заслужилъ вниманіе ваше, королева, отвѣчалъ тотчасъ рыцарь, почтительно поклонившись:— то я просилъ бы позволенія не поднимать забрала и не говорить своего имени...

Молчаніе не прерывалось—всѣ ждали. Никогда еще не приходилось никому видѣть такого страннаго побѣдителя, отказывающагося воспользоваться своимъ торжествомъ. Никогда еще стереотипныя рѣчи турнировъ не замѣнялись такими удачными экспромтами. Все это было ново и въ высшей степени занимательно.

Королева посмотрѣла на своего рыцаря съ большимъ недоумѣніемъ и какъ бы ища совѣта обернулась къ своимъ подругамъ. Тѣ улыбались и находили что Черный рыцарь великолѣпный мистификаторъ и стоить всякой похвалы за необыкновенность своихъ приемовъ.

— Но если я самъ не объявляю своего имени, продолжалъ Черный рыцарь съ видимымъ волненіемъ,—мнѣ нельзя запретить другимъ его отгадать. Тогда я подыму свое забрало. И не вамъ ли, королева, не вамъ ли отгадать это имя и тѣмъ осчастливить меня еще болѣе?...

Королева была въ неописанномъ смятеніи. Ей хотѣлось и сердиться, и плакать, и смѣяться... Она совсѣмъ не знала что сказать.

Рыцарь глубоко вздохнулъ и печальнымъ голосомъ продолжалъ:

— Неужели вы не отгадаете, королева, и тѣмъ обречете меня на вѣчную роль незнакомца? Развѣ въ вашей свѣтлой и мудрой головкѣ погибъ всякій слѣдъ воспоминанія о преданнѣйшемъ рыцарѣ вашемъ?...

И безнадежно поникнулъ доблестною главою непризнаваемый незнакомецъ, Черный рыцарь.

Королева пытливо и съ удивленіемъ оглядѣла своего рыцаря. Еще минуту боролась въ ней сомнѣніе. Но внезапно она изящнымъ движеніемъ подняла рѣшительно голову, ярко блеснули ея краснорѣчивыя очи, отражая солнечные лучи, и ея дѣтское личико, озаренное счастливо-торжествующимъ выраженіемъ, разгорѣлось отъ волненія. И какъ лѣтительно хороша была она въ эту минуту, эта кокетливая обаятельница въ своемъ цвѣточномъ вѣнкѣ на горделивомъ челѣ, окаймленномъ волнами золотистыхъ кудрей, казалось, то была вдохновенная Юнона, царица боговъ!

Счастливая улыбка пробѣжала по ея лицу, вызванная горячимъ чувствомъ изъ глубокаго тайника ея дѣтственнаго сердца... Торжественнымъ голосомъ, полнымъ радостныхъ переживовъ, она проговорила во всеуслышаніе:

— Объявляемъ побѣдителемъ турнира и своимъ вторымъ рыцаремъ мистера Генри Гранта!

Преклонитесь, читательница, предъ силой любви: она оттадала!

Черный рыцарь вздрогнулъ, выпрямился, однимъ движеніемъ руки поднявъ забрало своего шлема, и предъ глазами восхищенной публики представилъ правильныя и симпатичныя черты лица моего друга мистера Гранта!

О, я въ этотъ разъ ото всей полноты душевной необузданно, по-американски похлопалъ и покричалъ въ честь этого джентльмена-рыцаря. И находишь онъ въ окружности моихъ рукъ, навѣрное задушилъ бы его въ своихъ объятіяхъ...

Похвалы и одобренія сыплются со всѣхъ сторонъ, столько же на долю находчивой королевы сколько и на долю остроумнаго рыцаря. Музыка гремитъ въ веселыхъ перебивкахъ. Всѣ оживлены, довольны и турниромъ, и собою. Но два сердца бьются сильнѣе другихъ и трепещутъ отъ ощущенія новаго чувства возвысившаго нашихъ героевъ въ ихъ собственныхъ глазахъ. То было сознаніе той героической роли которую каждый изъ нихъ такъ блестяще исполнялъ на этой аренѣ, въ такой романтичной и торжественной обстановкѣ.

Мишура это или чеканное золото?

Но только, вѣрьте, американскіе турниры далеко не дѣтская забава. И кровь горитъ, если еще въ лѣтахъ она горитъ, когда присутствуешь на такой пародіи рыцарскихъ временъ.

— Что же вы теперь скажете? лорывисто обратилась я къ мистрисъ Туцель, негодуя въ свою очередь:—мистеръ Грантъ неспособенъ быть такимъ; развѣ хватить его на такое дѣло!...

Но старушка въ пароксизмѣ восхищенія была готова все простить.

— А выходить, продолжалъ я горячо,—что мистеръ Грантъ молодецъ! Дай Богъ всѣмъ быть такими!...

Мистрисъ Туцель только качала утвердительно головой и почти не слушала меня. У нея глаза разбѣгались отъ счастья.

— И миссъ Джорджетта молодецъ! все продолжалъ я:—

узнала мистера Гранта. Значить я и правду говорилъ что они созданы другъ для друга!...

Старушка покосилась на меня.

— И дай Богъ чтобъ это такъ было! И я гаубоко вѣрю что этому такъ быть!

Она нѣтерпѣливо задвигалась на своемъ стулѣ.

— А если вы добрая мать, то вы должны содѣйствовать законному исходу всего этого дѣла!...

— Что вы меня учите! вскинулась на меня наконецъ мистрисъ Туидель.—Вы ей отецъ или братъ? Она знаетъ что ей нужно дѣлать и я тоже знаю, и ваши совѣты намъ совсѣмъ не нужны! Хорошо бы еще за себя хлопотали, а то за другаго!...

Старушка совсѣмъ расходилась...

И дѣйствительно, какое мнѣ было дѣло до миссъ Джорджетты!

Я замолкъ, полагая что вѣроятно слишкомъ увлекся интересами своего друга. Я замолкъ и обернулся. Меня вдругъ поразило молчаніе нашихъ спутниковъ. Ихъ уже не было въ ложѣ. Тутъ только я вспомнилъ о запискѣ мистера Гранта и, забывъ всякія приличія, безъ слова извиненія мистрисъ Туидель, стремглавъ кинулся на арену внизъ.

XIV.

У судейской башни, которой я достигъ почти бѣгомъ, толпились зрители и гадѣли, какъ только умѣютъ гадѣть Американцы. Я принялся пробиваться сквозь толлу стараясь найти мистера Гранта, чтобъ отдаться въ его распоряженіе. Теперь не могло быть сомнѣнія: герой турнира задумалъ въ своей головѣ дѣлать лавъ лохищенія дорогой ему особы, и я сознавалъ что могъ ему быть полезенъ.

Шли приготовленія къ триумфальной процессіи. Рыцари и избранницы ихъ сердце съходились попарно и равнялись, весело щелбеча между собою.

Я не успѣлъ вступить въ кругъ, какъ увидалъ меня мистеръ Грантъ. Онъ громко и радостно возопилъ, указывая на меня какимъ-то джентльменамъ во фракахъ, выползавшимъ изъ башни:

— Вотъ мой ассистентъ! вотъ онъ!

— Наконецъ-то! въ одишь голосъ отвѣчали фраки.—Что же вы, помилуйте, всѣхъ задерживаете, такъ нельзя!

Я превѣжливо приваялся извиняться, хотя ничего не помнилъ, но мнѣ даже не дали договорить. Фраки стремительно схватились за меня и повлекли въ башню.

Тамъ, о ужасъ, у меня отняли шляпу и пальто, надѣли на меня какую-то тяжелую хламиду въ видѣ чехла изъ бархата съ позументами и нахлобучили на голову круглую бархатную же шляпку невиданнаго фасона. Въ заключеніе мнѣ всували въ руку жезлъ усыпанный блестками съ чѣмъ-то въ родѣ лѣтушка на кончикѣ.

Затѣмъ фраки меня выпроводили изъ башни со словами:

— Ну, теперь вы готовы. Ваше мѣсто впереди королевской четы. Идите же!

Я побрелъ совсѣмъ сконфуженный и растерянно вертѣлъ своимъ жезломъ, взглядывая съ отчаяніемъ изъ - подъ своей шляпки на лѣтушка, какъ бы приглашая его объяснить мнѣ что со мною сдѣлали.

Шествіе выстроилось. Впереди музыка съ герольдами, а затѣмъ рыцари поларно со своими дамами—каждый побѣдитель предшествуемый церемоніймейстеромъ. Черные фраки все суетились, выкрикивали имена, строили, равняли, обмахивали, объясняли, и все это съ весьма похвальной энергіей и распорядительностью. Шествіе наконецъ тронулось при громѣ музыки и кликахъ сопровождающей толпы.

Я примирился съ моею загаданною судьбой и рѣшился исполнить возложенную на меня роль со всевозможнымъ рвеніемъ и достоюльнѣйшимъ достоинствомъ.

— Now, take care! (Теперь остерегайся!) гдѣ то-въ толпѣ прогудѣло глухое предостереженіе и мистеръ Гробсонъ съ товарищемъ зашагали впереди двинувшейся съ шествіемъ толпы.

Мистеръ Грантъ на эту угрозу блеснулъ глазами и гордо приосанился. Миловидное личико миссъ Джорджетты поблѣднѣло, и тревожно взглянула она на своего рыцаря...

Какъ же мнѣ оставить ихъ въ такую минуту!

И я величаво полаялъ впереди королевской четы, изащю поднявъ своего золоченаго лѣтушка, полаялъ съ торжественнымъ сіяніемъ на лицѣ, съ гордою улыбкой на устахъ.

Мы шли черезъ всю ярмарку, между двухъ желтоватыхъ стѣнъ люда, сдерживаемаго полиціею. Высокотор-

жественное шествіе достигло наконецъ лавальбона у самыхъ уличныхъ воротъ и здѣсь остановилось въ ожиданіи экипажей.

— Вы помните ваше слово? быстро и шепотомъ сказалъ мнѣ мистеръ Грантъ:—теперь сдержите его! Отстаньте отъ насъ когда сядете верхомъ. Вы найдете вашу коляску въ хвостѣ шествія. При ней негръ; онъ вамъ все объяснитъ...

Фраки тутъ снова засуетились и повели насъ на улицу.

Тамъ ожидали шествіе расфранченные экипажи и цѣлая грулла всадниковъ-любителей для почетнаго эскорта.

Герольды сѣли верхомъ. Музыкантовъ усадили со всеми ихъ тромбонами въ необъятныхъ размѣровъ шарабанъ, запряженный четверкой. Наконецъ подъѣхало первое ландо для королевской четы.

Тутъ неожиданно произошло маленькое замѣшательство. Часть верховыхъ изъ почетной эскорты выскочили изъ рядовъ и тѣсно окружили коляску. Я узналъ между ними гг. Тиндерлея и Старвея. Въ то же время изъ окружающей толпы, неистово раздвинутой, вынырнули великанъ мистеръ Гробсонъ и его слутвикъ мистеръ Баксонъ. Они безо всякихъ околичностей принялись садиться на подведенныхъ имъ коней и остановили этимъ размѣщеніе въ коляску. Пошла крупная перебранка между этими джентльменами и фраками. Однако все тотчасъ уладилось. Великанъ и адвокатъ вѣзли на коней и присоединились къ груллѣ у коляски и королевскую чету усадили въ ландо, которое немного отъѣхало чтобы дать мѣсто слѣдующимъ экипажамъ. Меня же заставили взобраться на высокую клячу и приказали слѣдовать за ландо. Я такъ и сѣдалъ. За все это время королевская чета не проронила ни слова, только у мистера Гранта появилось какое-то недоброе выраженіе на лицѣ, а миссъ Джорджетта нервно кусала себѣ губы. Меня начинала бить лихорадка, я чуялъ приближеніе развязки.

Прискакалъ фракъ и командовалъ впередъ. грянула музыка и торжественный поѣздъ двинулся шагомъ по улицамъ Сень-Луи, окруженный всадниками и постоянно увеличивающею толпой народа.

Однако торжество этого шествія меня не занимало. Я зорко слѣдилъ за солдериками моего друга и поемному отставалъ отъ нихъ, какъ было мнѣ сказано мистеромъ Грантомъ. Впрочемъ этимъ солдерикамъ было не до меня. Сыщиками бродили они вокругъ коляски, пытливо оглядывали и ее, и

лошадей, и кучера, и сидящихъ въ ней, какъ-будто ожидали что вотъ-вотъ ландо обратится въ воздушный шаръ и унесетъ съ собою богатую невѣсту съ ненавистнымъ соперникомъ.

Когда шествіе завернуло за уголъ, я уже находилася рядомъ съ моею коляскою, которая слѣдовала шагомъ за послѣднимъ ландо съ рыцарями.

На козлахъ рядомъ съ кучеромъ сидѣлъ какой-то черномазый. Онъ переважно поклонился мнѣ и тутъ же подмигнулъ. Мой кучеръ круто повернулъ въ сосѣдній переулокъ, куда и я послѣдовалъ.

— Скорѣе слѣзайте и переодѣвайтесь, сказалъ мнѣ негръ, останавливая коляску.

Я къ великому своему удовольствію нашелъ въ коляскѣ свое пальто и шляпу. Съ нескрываемымъ восторгомъ скинулъ я свой шутовской нарядъ и снова вернулся къ модѣ XIX столѣтія.

Негръ вскочилъ на моего церемоніймейстерскаго коня, я въ коляску и мы помчались по неизвѣстнымъ мнѣ переулкамъ города.

— Stop! крикнулъ наконецъ негръ. Мы остановились на углу двухъ переулковъ.

— Скорѣе, скорѣе! торопилъ негръ, привязывая своего коня къ коляскѣ.

Онъ махнулъ затѣмъ кучеру. Коляска повернула и помчалась назадъ. А мы быстрыми шагами двинулись по улицѣ.

— Однако, къ чему все это? Въ чемъ дѣло? спросилъ я не безъ нетерпѣнія, напругая всѣ силы чтобы не отстать отъ шагавшаго на славу негра.

— Сейчасъ все узнаете, сэръ, сейчасъ, сейчасъ! возразилъ негръ и шмыгнулъ въ ворота дома. Я за нимъ.

На дворѣ стояла трехмѣстная американка, запряженная парой кровныхъ англійскихъ лошадей, за которыми наблюдалъ маленькій грумъ-негрителокъ. Мы прошагали дворъ, вошли въ домъ и коридоромъ достигли маленькой двери съ оконцемъ. Негръ быстро взглянулъ въ окошко и проговорилъ со вздохомъ облегченія:

— Слава Богу, мы вовремя. Еще шествіе не показалось.

Я посмотрѣлъ въ свою очередь. Домъ въ которомъ я находилася былъ угловой и дверь выходила на широкую улицу, какъ разъ у перекрестка. На улицѣ толпился народъ и съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣлъ въ сторону откуда дол-

жель былъ слѣдовать кортежъ рыцарей, какъ объяснилъ мнѣ мой слугникъ.

— Затѣмъ, сэръ, заключилъ негръ внушительно:—вотъ что мнѣ приказалъ передать вамъ мистеръ Грантъ. Онъ проситъ васъ присутствовать при всемъ томъ что тутъ произойдетъ и вскочить въ шарабанъ, который вы видите здѣсь на дворѣ, какъ только онъ появится....

Я сталъ требовать объясненій, но негръ замолчалъ, растворилъ немного дверь и весь обратился въ зрѣніе.

Вдали послышались приближающіеся звуки оркестра. Подходилъ триумфальный кортежъ рыцарей.

XV.

Вотъ появились герольды въ своихъ пестрыхъ одѣяніяхъ на разукрашенныхъ коняхъ. Затѣмъ необъятннй шарабанъ съ оркестромъ, гремѣвшимъ воинственный маршъ. Вотъ наконецъ королевское ландо, окруженное верховыми и злолучными локлоуниками миссъ Джорджетты. Они какъ бы пригнули къ обѣимъ сторонамъ триумфальной колесницы. Однако сидящіе въ ней герои дня не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на нихъ и только приветливо раскланивались со встрѣчающимся людемъ торжествующимъ ихъ побѣду.

У меня сердце сжалось. Что-то будетъ!

Триумфальное шествіе должно было повернуть въ другую улицу, на углу которой стоялъ пріотившій меня домъ. Звѣзди густою толлою заняли этотъ перекрестокъ и, двинувшись на встрѣчу шествію, нѣсколько прижали его къ панели углаваго дома. Такимъ образомъ герольды прошли всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ полурастворенной двери, за которою стоялъ мой слугникъ негръ. За герольдами мѣрно проплывалъ шарабанъ съ гремѣвшимъ оркестромъ; за шарабаномъ нѣсколько всадниковъ и рой подпрыгивающихъ мальчишекъ, голосащихъ на всѣ лады; затѣмъ и ландо съ мистеромъ Грантомъ и миссъ Джорджеттой.

Бѣжавшіе со стороны панели мистеры Тиндерлей и Старвей должны были придержать на этомъ мѣстѣ своихъ коней чтобы пропустить впередъ ландо заворачивавшее у самой панели.

Мистеръ Грантъ все сидѣлъ невозмутимо, какъ-то небреж-

во опираясь рукой на подушку и выставив ногу на ступеньку коляски. Онъ казался благодумствовалъ, наслаждался своимъ торжествомъ, и любезно и весело перекидывался словами со своею прелестною королевою, которая внимала ему, изящно наклонивъ въ его сторону головку...

Вдругъ мистеръ Гравтъ выпрямился. Быстро окинувъ окружающихъ. Еще мгновение, и сильныя его руки порывисто схватили гибкую талию миссъ Джорджетты. Онъ приподнял ее какъ перышко и однимъ прыжкомъ очутился на павелу противъ дверей. Дверь растворилась настежь. Мистеръ Гравтъ рванулся впередъ, и дверь съ трескомъ затворилась за лхтимъ Американцемъ съ его драгоценною ношей. Послышалось лязганье затворяемыхъ негромъ засововъ. За дверью прогремѣли проклятья и крики, громъ лошадиныхъ копытъ по павелу, удары въ дверь, ладенье оконной рамы, гоготанье и смѣхъ толпы... Будьте здоровы, мистеръ Гробсонъ и К^о!

Я любилъ за мистеромъ Гравтомъ по корридору, помогъ ему подняться на шарабанъ и усадить на немъ миссъ Джорджетту и самъ вскочилъ сзади. Мистеръ Гравтъ накинулъ на себя плащъ, скинулъ шапелъ, надѣвъ шляпу и взялся за вожжи. Груммъ-негритенокъ отошелъ отъ лошадей. Ворота раскрыли свой широкій зѣвъ. Весело хлопнулъ бичъ и лихо, во весь духъ покотилъ легкій американскій экипажъ по улицамъ Севъ-Луи!...

Весело, прелестно, увлекательно—вотъ это молодецкое лохщенье!

Первымъ, во веселымъ и бархатнымъ смѣхомъ засмѣлась вдругъ миссъ Джорджетта.

— Мистеръ Генри, сказала она тихонько:—а вѣдь вы меня похитили! и свѣтлокудрая головка такъ нѣжно, такъ мягко наклонилась къ богатырскому плечу побѣдителя и такъ краснорѣчиво взглянули ему въ смуглое лицо выразительныя голубыя глаза...

— Да, миссъ Джорджетта, съ волненіемъ отвѣчалъ мистеръ Гравтъ, сдерживая коней и луская ихъ рысью,—я васъ похитилъ! И мистеръ Москвинъ свидѣтель тому что я сдѣлалъ согласно условіямъ. Извините меня, мистеръ Москвинъ, обратилъ онъ затѣмъ ко мнѣ:—я злоупотреблялъ вашимъ терпѣніемъ въ этотъ день. Но мнѣ необходимъ былъ безпристрастный свидѣтель всѣхъ моихъ дѣйствій, который могъ

бы подтвердить моимъ соперникамъ ихъ поражение и мою побѣду. И я васъ выбралъ.

— Благодарю васъ, мистеръ Грантъ, за этотъ выборъ, отъ началъ я:—мнѣ было пріятно содѣйствовать вашему счастью. О, я никогда не былъ на такомъ праздникѣ!

— И я васъ благодарю ото всей души за ваше участіе, мило выговорила миссъ Джорджетта, взглянувъ на меня черезъ плечо.

А шарабанъ все несея по мостовой, заворачивая изъ улицы въ улицу, пока не достигъ предмѣстья города.

Около какого-то заброшеннаго садика мистеръ Грантъ рѣзко остановилъ лошадей.

— Тутъ насъ никто не найдетъ, сказалъ онъ,—мы можемъ поговорить.

И какою-то странною суровостью отзывались слова молодого человѣка.

Миссъ Джорджетта съ удивленіемъ взглянула на него.

— Я попрошу васъ, мистеръ Москвинъ, присутствовать и при этомъ разговорѣ, продолжалъ мистеръ Грантъ. — Намъ такой свидѣтель необходимъ.

Онъ немного остановился. Я не зналъ что думать и ждалъ. Миссъ Джорджетта нахмурилась подъ давленіемъ тревожнаго чувства.

— Миссъ Джорджетта, началъ молодой инженеръ какъ-то глухо и съ усміемъ,—я счастливъ и гордъ доказательствомъ того что могъ заслужить васъ, что оказался сильнѣе всѣхъ моихъ соперниковъ, что достоинъ васъ однимъ словомъ. Но никогда по совѣсти и по чести я не увижался до отвратительной мысли воспользоваться этою уловкой: похищеніемъ васъ для достиженія другой цѣли. Нѣтъ, вы можете мнѣ принадлежать только по чувству! Даю вамъ честное слово, вы теперь такъ же свободны какъ и до турнира. Все это происшествіе съ похищеніемъ я обрацу въ шутку. Это будетъ очень не трудно. Мистеръ Москвинъ вѣдь все время находился съ нами и его присутствіе отстраняетъ возможность всякихъ пересудъ.

Прелестная миссъ Джорджетта ужасно заволновалась. Лицо у нея то вслыхивало, то блѣднѣло. Она какъ-то растерянно взглядывала на этого несноснаго человѣка, все выдумывающаго совсѣмъ для нея неожиданное и еще при постороннемъ. Она не знала какъ что понять. Лихая амазонка

наконѣцъ опустила голову и чуть дрожащимъ голосомъ сказала:

— Вы значить отъ меня отказываетесь?

— Я отказываюсь не отъ васъ, поправилъ ее мистеръ Грантъ мягко,—а только отъ моего права добытаго похищеніемъ...

— Почему же... я не понимаю... вѣдь я добровольно...

У молодого инженера сверкнули глаза и какая-то затаянная тоска сказала въ его голосъ, когда онъ проговорилъ:

— Если вы могли поставить себя и свою будущность въ зависимость отъ ловкости одного изъ насъ, то вѣтъ сомнѣній ваше сердце свободно. Я оказался ловчѣе другихъ—и только!

Молодая дѣвушка такъ покраснѣла что мнѣ стало жаль ее. Но мое положеніе было слишкомъ деликатное, и я не посмѣлъ вмѣшаться.

— Теперь вы поймете, продолжалъ мистеръ Грантъ съ полудержавнымъ вздохомъ,—почему я далъ знать чрезъ своего грума всѣмъ нашимъ знакомымъ джентльменамъ, а также вашей почтенной матушкѣ чтобъ они ждали насъ въ нашемъ отелѣ спустя часъ послѣ похищенія. Онъ поглядывалъ на часы.—Остается какъ разъ двадцать минутъ чтобы намъ дойти до дому.

Онъ щелкнулъ бичомъ, круто повернулъ коней назадъ и мы снова помчались.

Мистеръ Грантъ былъ угрюмъ и молчалъ, миссъ Джорджетта тоже молчала, отвернувшись отъ него. А я притаился чтобы забыли обо мнѣ. И думалъ я про себя, когда взглядывалъ на мистера Гранта: „какое благородство, какая возвышенность чувствъ! Настоящій рыцарь!“ Когда же я взглядывалъ потомъ на оборотительную миссъ Джорджетту; на эту лебединую шейку отъѣвенную курчавымъ лущкомъ; на эти мягкія плечи округленные рѣзцомъ амура; на этотъ хрупкій стая, подобный стеблю пышной розы; наконецъ, на эти густыя свѣтлыя кудри, которыя такъ и хотѣлось бы приласкать поцѣлуемъ, — тогда... тогда я думалъ про себя совсѣмъ иное...

XVI.

Когда шараванъ подкатилъ къ подъѣзду гостиницы гдѣ жила мистрисъ Туидель съ дочерью, насъ встрѣтилъ грумъ мистера Гранта, а съ нимъ цѣлая толпа жильцовъ и прислуга гостиницы. Эта толпа насъ встрѣтила оваціей. Въ честь ли лихаго побѣдителя турнира, или ловкаго похитителя королевы—неизвѣстно! Только эти услужливые демонстраторы накричали намъ уши и отдавили намъ ноги, когда мы, соскочивъ съ шаравана, торопливыми шагами пробирались черезъ переднюю гостиницы. У дѣвственныя ови оставили насъ въ локоѣ и мы вбѣжали молча по ней и пошли корридоромъ.

— Матушка дома? спросила миссъ Джорджетта встрѣтившую свою горничную.

— Давно ждутъ васъ, миссъ! затараторила горничная съ жаромъ.— У нихъ сидятъ джентльмены и что-то много шуму и разговору!..

— Хорошо, это не интересно, сухо замѣтила молодая дѣвушка и вступила въ переднюю своей квартиры. Мы за ней.

Изъ гостиной дѣйствительно доносились чьи-то громкія и раздраженныя рѣчи. Мы вошли.

Мистрисъ Туидель полулежала на диванѣ съ платкомъ въ одной рукѣ и съ флакономъ въ другой. Она видимо всплакнула и находилась въ состояніи духа расслабленномъ и томномъ. Мистеръ Старвей сидѣлъ на кончикѣ стула вопросительнымъ знакомъ, и выраженіе полнѣйшаго недоумѣнія читалось въ его круглыхъ безцвѣтныхъ глазахъ и на его наивномъ личикѣ. Мистеръ Тиндерлей, олутившись на креслѣ точно плакучая ива, усиленно внималъ, качая печально головой, рѣчамъ мистера Баксона, который былъ желтѣе желтаго и злобно шилѣлъ, перебирая дрожащими отъ волненія руками, свою измятую шляпу. А мистеръ Гробсонъ, тотъ неистово шагалъ по комнатѣ со сжатыми кулаками, и словообразная взерошенная фигура его, вся залышенная и помятая, трепетала отъ волненія. Онъ говорилъ громко и безостановочно, и судорожно размахивалъ руками, точно вѣтряная мельница. Появленіе миссъ Джорджетты произвело эффектъ неопысанный. Сидѣвшіе повскакали. Мистеръ Гробсонъ точно

приросъ къ землѣ. И все замолкло. Прекрасная амазонка подошла къ своей матери, вѣжно, вѣжно обняла ее и поцѣловала.

— О, мое милое дитя! воскликнула сквозь слезы расчувствовавшаяся старушка:—сколько тревогъ ты надѣлала твоей бѣдной матери!.

— Тревогъ? мягкимъ укоромъ попрекнула ее дочь.—Малая матушка, точно вы меня не знаете и можете за меня бояться...

— Не за васъ лично, миссъ Туидель, вѣщала мистеръ Гробсонъ со сдержаннымъ гнѣвомъ,—но это дерзкое посягательство человека злоупотребившаго своею силою...

— Вы это обо мнѣ говорите? спросилъ мистеръ Грантъ, отходя отъ дверей, гдѣ остановился со мною при входѣ.

— Да, сэръ, о васъ! прогремѣлъ мистеръ Гробсонъ, резко оборачиваясь къ своему сопернику и сжимая кулаки. Лицо его потемнѣло и какъ-то сжеглось, бѣдные губы сжались и глаза подъ васупившимися бровями мерцали злобыми искрами. Онъ былъ очень некрасивъ въ эту минуту. Грубые инстинкты видимо побороли въ немъ присущее ему добродушіе и онъ сразу дѣлался несимпатичнымъ.

— И я добавлю что вы не имѣли права такъ поступить! вслышавчиво замѣтилъ мистеръ Тиндерлей, становясь рядомъ съ великаномъ.

— И что вы насъ всѣхъ оскорбили! подхватилъ горячо мистеръ Старвей, слѣдуя за мистеромъ Тиндерлей.

— И вамъ это даромъ не пройдетъ, любезный сэръ!—съ подленькою, злобною ужимкой прошилъ мистеръ Баксонъ по другой сторонѣ великана. И онъ съ глубокою ненавистью взглянулъ на молодого инженера.

Мистеръ Грантъ остановился предъ своими обвинителями и грозное выраженіе проскользнуло по его лицу. Онъ какъ-то выросъ, выпрямился.... лицо его поблѣднѣло, глаза засверкали и въ изгибахъ выразительнаго полураскрытаго рта съжалась какая-то высокомерная улыбка, полная вызововъ и презрѣнія.... Онъ заговорилъ вполголоса, но ясно, отчетливо, какъ звукъ маятника:

— Я не знаю въ чемъ вы меня обвиняете, джентльмены, но вы опять становитесь на мою дорогу! Берегитесь! Я вамъ доказалъ и докажу еще что ваши угрозы меня не исполнятся. Если же вамъ угодно считаться со мною за что-нибудь, то здѣсь не мѣсто и вы знаете какъ и гдѣ это дѣлается!

— Да, считаться, и считаться кровью! съ иступленною ненавистью выговорилъ мистеръ Гробсонъ, злобно взглянувъ въ глаза мистеру Гранту:—и я васъ вызываю на чемъ хотите и когда хотите!..

Миссъ Джорджетта только тутъ успѣла вмѣшаться, и гнѣвнымъ голосомъ ея прозвучалъ заключительнымъ аккордомъ разыгравшейся было сцены:

— Мистеръ Гробсонъ, вы забываетесь! Здѣсь дамы! Прилично ли такъ поступать джентльмену! И вы, господа, тоже хороши! Моя гостиная не улица! Мистеръ Грантъ, прошу и васъ усюкоиться.—Мнѣ одной быть здѣсь судьей и никому другому! И смѣлая амазонка оглядѣла своихъ поклонниковъ.

— Боже мой, Боже мой! вскричала съ тоской старушка-мать въ совершенномъ отчаяніи:—что это такое происходитъ и когда же будетъ конецъ всѣмъ этимъ скандаламъ!

— Сейчасъ мы все кончимъ, серьезно и рѣзко возразила миссъ Джорджетта:—джентльмены, прошу васъ садиться.

Джентльмены очень сконфуженные гнѣвомъ и серьезною своею богини послушно заняли мѣста. Мистеръ Грантъ подсылъ ко мнѣ около старушки, а миссъ Джорджетта помѣстилась на диванѣ между обоими лагерями.

— Теперь прошу васъ объясните мнѣ, сказала холодно молодая дѣвушка:—что имѣете вы, мистеръ Гробсонъ и компанія, противъ мистера Гранта и въ чемъ вы его обвиняете?

Мистеръ Баксонъ взялся отвѣчать за всѣхъ своихъ товарищей по несчастью; вѣдь онъ же былъ адвокатъ.

— Миссъ Туидель, началъ онъ внушительно:—вы поставили намъ главнымъ условіемъ при похищеніи васъ отсутствіе всякаго насиія и понудительныхъ мѣръ. Мы всѣ старались достигъ цѣли при исполненіи этого условія. Но наши усилія не увѣнчались успѣхомъ и потому именно что въ этомъ самомъ условіи и существуетъ вся трудность нашей задачи. Какъ же намъ отнестись теперь къ поступку мистера Гранта, который, злоупотребляя своею силой, выхватилъ васъ изъ коляски и насильно похитилъ васъ...

— И еще на нашихъ глазахъ! прибавилъ мистеръ Старвей, видимо восхищенный рѣчью адвоката.

— Мы потому считаемъ поступокъ мистера Гранта въ сферѣ нашего условія съ вами, продолжалъ авторитетно

мистеръ Баксонъ,—и относимся къ нему единственно какъ къ грубому посягательству посторонняго человѣка на вашу личность!..

— Которое должно быть наказано! добавилъ мистеръ Тандерлей свирѣло.

— И будетъ наказано! угрожающе промывчалъ мистеръ Гробсонъ.

Мистеръ Грантъ пожалъ плечами.

Адвокатъ продолжалъ все болѣе авторитетно:

— Вотъ почему мы всѣ рѣшили, миссъ Туидель, исключить мистера Гранта изъ своей среды и лишить его, за его дерзкій поступокъ, права соисканія нашей общей цѣли. И вы, безъ сомнѣнія, миссъ Туидель, посодѣствуете нашему рѣшенію, запретивъ мистеру Гранту даже являться на ваши глаза!

Миссъ Джорджетта вдругъ разсмѣялась.

— Вотъ нашли способъ отстранить опаснаго соперника, насмѣшливо проговорила она:—но, любезнѣйшіе мои поклонники, вы видимо забываете что вы именно мистеру Гранту обязаны моимъ и вашимъ присутствіемъ здѣсь. Не найти бы вамъ ни меня, ни его, еслибъ онъ того захотѣлъ. Такъ хоть изъ благодарности къ его великодушію относительно васъ отмѣните вашъ строгій приговоръ. Умоляю васъ! И молодая дѣвушка снова засмѣялась.

— Напрасно вы глумитесь, пригрозилъ мистеръ Гробсонъ;—мы сумѣемъ его заставить, если онъ добровольно..

— Нѣтъ позвольте, строго перебила его хорошенькая amazonка:—я тоже умѣю витѣйствовать не хуже адвоката и скажу вамъ: похищеніе изъ коляски не было насиліемъ, такъ какъ никто не защищался и никакого столкновенія не произошло. Оно было дѣломъ хитрости, ловкости и неожиданности. Наконецъ, самый фактъ похищенія изъ коляски есть дѣло второстепенное и только послѣдствіе права добытаго лихимъ мистеромъ Грантомъ на турнирѣ быть моимъ исключительнымъ кавалеромъ и оставаться со мною наединѣ. Увезти меня при такихъ условіяхъ было уже не трудно. Чтò представляло трудность, это было добиться такого права. Въ немъ и заключается вся сущность похищенія. Наконецъ вотъ мистеръ Москвинъ, присутствовавшій при похищеніи, вамъ засвидѣтельствуетъ что никакого насилія не было. Мистеръ Грантъ меня просто перенесъ

на рукахъ изъ экипажа въ экипажъ и такъ быстро, и такъ ловко что я даже не успѣла опомниться.... И хорошенькая дѣвушка вспыхнула при этомъ воспоминаніи и мило качнула головкой.

Мистеръ Гробсонъ вскопчилъ со своего мѣста и глухо спросилъ:

— Вы такъ защищаете это дѣло.... значить вы того мнѣнія что мистеръ Грантъ похитилъ васъ правильно.... исполнилъ ваши условія?...

Миссъ Джорджетта взглянула ему прямо въ глаза и отчетливо отвѣчала:

— Да, по совѣсти, я того мнѣнія!

Тутъ заволновался и мистеръ Старвей.

— Какъ! вскричалъ онъ пораженный:—значить вы теперь... онъ того... онъ на васъ женится! И онъ заключилъ пренаивнымъ восклицаніемъ:—А мы!!

— Понятно, слабо возразила миссъ Джорджетта, опуская голову,—я сдержу свое слово и моя рука принадлежит мистеру Гранту, если онъ этого хочет!

— Онъ-то не захочетъ! воплемъ вырвалось у юнаго мистера Старвей. Остальные молчали, но въ нихъ видимо кипѣло бѣшенство.

— Вы ошибаетесь, мистеръ Старвей, рѣшился наконецъ заговорить мистеръ Грантъ:—я не поспѣлъ воспользоваться своимъ правомъ и вернуть слово миссъ Туидель. Она такъ же свободна теперь какъ и прежде.

Всѣ встрепнулись и съ глубокимъ удивленіемъ взглянули на мистера Гранта. Но никто ему не повѣрилъ.

Я не въ силахъ былъ долѣе молчать.

— Какіе же вы непроницаемые, джентльмены! сказалъ я прощески.—Неужели вы думаете что если мистеръ Грантъ требовалъ бы исполненія слова у миссъ Джорджетты; онъ привезъ бы ее сюда черезъ часъ послѣ похищенія, да еще предупредивъ васъ о своемъ намѣреніи. Наконецъ сталъ ли бы онъ утруждать себя свидѣтелемъ, то-есть мною. А между тѣмъ мистеръ Грантъ похитилъ церемоніймейстера вмѣстѣ съ королевой и привезъ ихъ обоихъ сюда въ своемъ экипажѣ. Я вамъ объясню почему, и я передаю въ подробности весь разговоръ мистера Гранта съ миссъ Джорджеттой въ шарабанѣ.

— О, да вѣдь это отлично! догадался мистеръ Старвей.

— Не ждалъ, никакъ не ждалъ! добродушно покачался мистеръ Тиндерлей.

А мистеръ Гробсовъ задумался и какое-то добродушное выраженіе пробѣжало по его лицу. Онъ вдругъ поднялъ голову и подошелъ къ мистеру Гранту.

— Я виноватъ предъ вами, мистеръ Грантъ, не безъ достоинства сказалъ онъ ему, — и напрасно негодовалъ на васъ. Вы поступили такъ благородно и великодушно какъ, сознаюсь, врядъ ли бы я рѣшился поступить. Забудьте же мои глупые вызовы и позвольте вамъ ложать руку.

Мистеръ Грантъ протянулъ ему свою руку.

— По истинѣ, какой природный джентльменъ! точно про себя выразила старушка мистрисъ Туидель.

Одинъ мистеръ Баксовъ безучастно отнесся ко всему и только сомнительно покачивалъ головой, скорчивъ губы въ заую улыбку.

Лицо миссъ Джорджетты немного просвѣтѣло, и хитрое выраженіе промелькнуло въ ея глазахъ.

— Я надѣюсь что теперь дѣло о лохищеніи покончено навсегда, обратилась она ко всѣмъ. — Наше условіе болѣе не можетъ существовать. Я должна освободиться отъ послѣдствій своей легкомысленной выдумки. Не такъ ли?

Послѣ нѣкоторыхъ возраженій поклонники рѣшили единымъ гласомъ отказаться отъ лохищенія своей строптивой богачи, и уничтоживъ всякія между собою обязательства по этому поводу, вернуться къ своимъ прежнимъ отношеніямъ къ ней.

И они поступили благоразумно. Имъ не по силамъ было тягаться съ мистеромъ Грантомъ, который въ другой разъ пожалуй и не сталъ бы такъ великодушничать.

Благоріятное окончаніе этой распри отлично повліяло на расположеніе духа присутствующихъ. Усердные поклонники миссъ Джорджетты логично рѣшили про себя что самый опасный соперникъ ихъ, мистеръ Грантъ, самого себя разбилъ этимъ лохищеніемъ, — вѣдь онъ громко сознался что не пользуется расположеніемъ молодой дѣвушки, — она же своимъ молчаливымъ подтвержденіемъ возвысила это сознаніе въ торжественную истину. И поклонники ликовали. Никогда еще сердечныя дѣла ихъ не находились въ такомъ блестящемъ положеніи. Ликовала и старушка мистрисъ Туидель, больше изъ простодушія, что вотъ все теперь отлично устроилось и жизнь потечетъ по-старому. Хотя ей очень было жаль мистера Гранта, этого хорошаго и приличнаго молодого человѣка, доставившаго ей самолюбію столько

приятныхъ ощущеній и вдобавокъ такъ благородно, такъ деликатно относящагося къ ея Джорджеттѣ. Онъ ей уже казался чѣмъ-то своимъ, роднымъ. Она его вдругъ счелъ любила и, безъ сомнѣнія, рѣшила про себя позвать его обѣдать и сдѣлать ему какой-нибудь подарокъ собственнаго вышиванія.

XVII.

Мистеръ Грантъ во все предшествовавшее время велъ себя спокойно и невозмутимо, и только хорошо знавшій его могъ бы догадаться сколько страданій и горя скрывало это вѣдшее равнодушіе и напускная невозмутимость. Онъ избѣгалъ встрѣчаться глазами съ миссъ Джорджеттой и она ему въ этомъ помогала.

Но дольше выносить такое фальшивое положеніе онъ былъ уже не въ состояннн. Когда все усложнилось и усталъ, а мистеръ Старвей принялся даже разказывать что-то весьма смѣшное, если не просто гаулое, мистеръ Грантъ всталъ съ своего мѣста и подошелъ прощаться къ дамамъ.

— Вы знаете, миссъ Джорджетта, сказалъ онъ ей почти-теально, — сегодня вечеромъ балъ въ честь побѣдителей туркира и мы должны появиться на немъ въ нашихъ нарядахъ. Если позволите, я заѣду за вами въ семь часовъ.

— А вамъ не жаль такъ уходить отъ меня? тихонько спросила кокетка мистера Гранта, удерживая его за руку и глядя ему въ глаза. Бѣдный инженеръ вслыхнулъ и губы его задрожали.

— И вы думаете я васъ такъ отлучу? продолжала еще выразительнѣе молодая дѣвушка, указывая ему на кресло рядомъ съ нею. — Нѣтъ, мы съ вами еще не кончили!

Мистеръ Грантъ послушно сѣлъ.

Остальныхъ поклонниковъ корабла отъ этой сцены и они угрюмо молчали. Одна мистрисъ Туидель одобрительно качала головой, въ совершенномъ убѣжденнн что вотъ милая дочка примется благодарить своего лихаго кавалера, и тогда она, почтенная матушка ея, присоединится къ ней, тоже похвалить его и пригласить отобѣдать.

Миссъ Джорджетта однако замаялась. Она находилась почему-то въ ужасномъ волненнн, то блѣднѣла, то краснѣла и какое-то сконфуженное выраженіе скользило по ея лицу.

Она вся съѣжилась и подобралась въ уголокъ дивана, сложила руки на колѣни, граціозно откинулась головой на спинку дивана и пристально устремила свои прелестныя голубыя глазки въ потолокъ.

Вдругъ она начала говорить какимъ-то дѣтски-надрескутымъ, за душу захватывающимъ голосомъ:

— Я вамъ разкажу сказку. Въ одномъ государствѣ жила молодая дѣвушка съ матерью. Дѣвушка эта была красивая, не гаулая и богатая. Весьма, повѣтливо что она имѣла цѣлую толпу ухаживателей. Кто изъ этой толпы ухаживалъ именно за нею, а кто за ея деньгами — осталось неизвѣстнымъ. Только между этими молодыми людьми находилась одинъ котораго она невольно отличила. Онъ для нея покинулъ свою семью и свои дѣла, предалъ забвенію свои вкусы и привычки и слѣдовалъ за нею всюду въ теченіе двухъ лѣтъ. Тутъ собственно ничего нѣтъ удивительнаго, вѣдь такъ и слѣдуетъ дѣлать когда любишь! А молодая дѣвушка была достойна любви, потому что и сама умѣла любить, а главное — умѣла цѣнить людей по достоинству. Ее всего больше поражала въ этомъ молодомъ человѣкѣ его прямота и честность по отношенію къ ней. Онъ никогда не потворствовалъ ея слабостямъ, никогда не унижалъ онъ ее везаслуженными похвалами. А прямодушно и безбоязненно, даже иногда рѣзко караалъ ее за ея недостатки и дурныя наклонности и негодовалъ на ея легкомысліе. Затѣмъ всегда умѣла прощать и дать добрый совѣтъ, усложнить и углубить.... Да, молодая дѣвушка не могла не сознать силы въ этомъ человѣкѣ, не могла не сознать его вліянія надъ нею! Но странно, она тогда испугалась этого сознанія, и ни за что не хотѣла признать надъ собою его власти. Вѣдь она была очень балованная и своевольная и привыкла только то дѣлать и признавать что ей нравилось. Вотъ она и принялась дѣлать все ему наперекоръ. Нарочно выдумывала всевозможныя эксцентричности чтобы сердить его и доказать какъ мало будто бы цѣнить она его мнѣніе... Бѣдный молодой человѣкъ, какъ онъ мучился, сколько горя принялъ!... Наконецъ, въ одинъ день ей взбрела на умъ страшная глупость, — мнѣ даже совѣстно за нее, за эту бѣдную, ослабленную дѣвушку. Она объявила своимъ поклонникамъ что будетъ женою того кто похититъ ее! Выдумка ужасная! Что сдѣлала бъ она если кому-либо изъ ея поклонниковъ удалось

бы ее увезти? Въдѣ лучше наложить на себя руки чѣмъ отдаться немилу! Но судьба пожадѣла безумную дѣвушку и подумала за нее. Ее дѣйствительно похитили, но похитилъ тотъ кто ей всѣхъ былъ милѣ!...

Тутъ обворожительная миссъ Джорджетта приподнялась и выпрямилась. Она вся трепетала отъ одушевленія, глаза у нея горѣли огнемъ внутренняго глубокаго чувства, сіяющая улыбка разилась по зардѣвшимся чертамъ прелестнаго лица и золотистые локоны на лбу зашевелились точно зарадовались, засмѣялись этому засвѣтившему имъ лучу счастья.

— Да, джентльмены, продолжала увлекательная красавица звонко и восторженно,—онъ не только лихо и смѣло похитилъ ее, побѣдивъ ее два раза къ ряду и предъ лицомъ всей толпы своихъ соперниковъ, онъ еще великодушно, по-царски, отказался отъ своего права на ея руку! Онъ вернулъ ей свободу—она могла ему принадлежать только по чувству! Понимаете ли вы? Этотъ человѣкъ, который любилъ ее больше себя, годами сдѣлавшій за нею и жившій ея жизнью и для котораго ея любовь сдѣлалась цѣлью всего его существованія,—этотъ человѣкъ отказывается отъ нея, отвергаетъ ея руку скромно и безъ упрека! И въ какую же минуту, когда она совершенно въ его власти, когда онъ заслужилъ ее торжественно предъ лицомъ всей вселенной, когда одного его слова было достаточно чтобы связать ее на вѣки съ нимъ!...

Миссъ Джорджетта тихр поднялась на ноги и гордо оглядѣла присутствующихъ.

— Такіе люди рѣдки! сказала она глубоко взволнованнымъ голосомъ.—Относиться къ нимъ нельзя обыкновеннымъ образомъ. Какъ должна поступить дѣвушка когда Богъ направилъ ее на луть такого человѣка?... Она должна подойти къ нему и сказать ему при всѣхъ...

Миссъ Джорджетта повернулась къ мистеру Гранту. Лицо и шея у нея зардѣлись отъ стыдливости, и олутивъ очи, вся проникнутая замѣшательствомъ и робостью, она проговорила прерывисто и трогательно:

— Мистеръ Генри, вы мнѣ доказали какъ любите меня.... Съ своей стороны я не имѣю другаго доказательства какъ забывъ свою стыдливость дѣвушки сказать вамъ здѣсь при всѣхъ: возьмите меня себѣ въ жены, мистеръ Генри, я составляю ваше счастье и этимъ себя осчастливаю!...

Молодой инженеръ, весь блѣдный и съ судорожнымъ трепетомъ въ лицѣ какъ сидѣлъ на креслѣ, такъ и опустился къ ея ногамъ... Краснорѣчивая слеза блеснула въ его глазахъ и тихо покатилась по щекѣ... Онъ порывисто схватилъ миссъ Джорджетту за руку, опустивъ голову и точно истерическія рыданія вырвались изъ глубины его взволнованной груди... Миссъ Джорджетта глядѣла на него съ какимъ-то восторженнымъ, торжествующимъ выраженіемъ на лицѣ, положивъ ему руку на голову... Свѣтлый ангелъ любви, лѣззіи и счастья пролетѣлъ по комнатѣ и прикрылъ, приголубилъ ихъ своимъ чудеснымъ, бѣлоснѣжнымъ крыломъ!..

Между тѣмъ при первыхъ словахъ обращенныхъ миссъ Джорджеттой уже лично къ мистеру Гранту въ гостиной всѣ повскакали со своихъ мѣстъ. Мистеръ Гробсонъ схватился за голову и глубокая горестъ выразилась на его лицѣ. Онъ испустилъ какой-то стонъ, хотѣлъ что-то сказать... Тихими шагами направился блѣдный великанъ къ выходу и скрылся за дверью.

Мистеръ Баксонъ, тотъ попробовалъ позвизать и повагивничать. Но онъ остался гласомъ волюющимъ въ пустынѣ. Въ сердцахъ махнувъ рукой, прошилѣлъ онъ ядовито своимъ оставшимся товарищамъ по несчастью:

— Вы чего еще тутъ ждете? Мало вамъ? Вотъ гауное и смѣшное положеніе! Сумашедшая! Идите же, а то еще въ шаферы позовутъ!

— А, да, да, правда, лучше потомъ придемъ, засуетился мистеръ Тиндерлей, увлекая за рукавъ чуть не плачущаго мистера Старвея.

Но я остался и подошелъ къ мистрисъ Туидель. Старушка сидѣла съ открытымъ отъ удивленія ртомъ и съ выраженіемъ почти ужаса въ глазахъ.

Я принялся ее поздравлять. Она машинально дала мнѣ поцѣловать руку, послушала меня какъ слушаютъ люди на которыхъ нашель столбнякъ и вдругъ совершенно неожиданно разрыдалась.

Миссъ Джорджетта кинулась къ ней.

— Mother, dear mother, что съ вами? Неужели вы не одобрите моего выбора?... И она горячо цѣловала ея сѣдые волосы...

Мистеръ Грантъ пріѣхалъ къ старушкѣ съ другой стороны и наклонился надъ нею.

— О, милая, дорогая мать наша! сказалъ онъ такъ мягко, такъ вѣжливо.— Не огорчайте же насъ вашими слезами... Можете ли вы опечаливать такой великій, торжественный день... Сегодня вѣдь наша любовь наконецъ увѣнчалась счастьемъ, сегодня вы имѣете уже двоихъ дѣтей чтобы любить и охранять насъ... Не плачьте же, матушка, а порадитесь нашему счастью...

Старушка отерла слезы, взглянула на эту сіяющую торжествомъ красоты и счастья ларочку и ея доброе старческое сердце всколыхнулось въ груди отъ радости. Она доверчиво, счастливо улыbnулась и соединила на вѣки въ своихъ любящихъ объятіяхъ эти двѣ юныя головы, эти два горячія сердца, въ которыхъ загоралась пышная заря новой, яркой жизни...

А я, я стоялъ надъ ними радугой послѣ грозы и давалъ себѣ слово передать когда-нибудь въ печати всѣ фазы этого романа прекрасной амазонки на рѣкѣ Миссисилли, преобразившейся изъ стропливой миссъ въ очаровательную и любящую леди.

Вотъ и сдержалъ слово!

КНЯЗЬ Н. УРУСОВЪ.

ВСТРѢЧА СЪ ПЛЕМЯННИКОМЪ НАНА-САИБА

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

РАЗКАЗЪ

Въ рождественскій сочельникъ я не придумалъ ничего лучшаго какъ провести вечеръ у моихъ пріятелей-Ялонцевъ.

Мнѣ хотѣлось уйти куда-нибудь отъ предпраздничной суеты присущей сочельнику. Я вспомнилъ что Ялонцамъ нечего суетиться въ этотъ день, что у нихъ это простой заурядный день и направился къ нимъ къ Исаакіевскому скверу.

Старый Нѣмецъ слуга отперъ мнѣ дверь ихъ квартиры, и по его апатичному лицу видно было уже что онъ не готовился ни къ какому празднику. Всѣ трое моихъ пріятелей сидѣли въ столовой и пили чай по-русски, за самоваромъ.

Они радушно встрѣтили меня, протянули мнѣ свои маленькія руки, усадили около себя и поставили предо мною стаканы чаю. Смуглая улыбавшіяся ихъ лица смотрѣли на меня съ такою дѣтскою радостью и, вѣроятно, подъ ощущеніемъ той суетливости, озабоченности и толкотни вездѣ въ домахъ и на улицахъ, на которыя я вдоволь насмотрѣлся въ тотъ день, эти обыкновенно ясныя и спокойныя восточныя лица показались мнѣ еще яснѣе и спокойнѣе. Въ ихъ сто-

ловой было такъ уютно и тихо въ сравненіи съ шумомъ и движеніемъ происходившими подъ окнами ихъ квартиры на Большой Морской.

Пусть однакожь читатель не думаетъ что вступая въ квартиру Японцевъ я вступалъ въ другой міръ быта, одежды, костюмовъ и домашней обстановки. Мои пріатели-Японцы, живущіе въ Петербургѣ, носятъ европейское платье, усвоили себѣ европейскія манеры, говорятъ хорошо по-русски, знаютъ европейскіе языки, нѣкоторые изъ нихъ посѣщаютъ лекціи въ университетѣ, однимъ словомъ, по наружности и по развитію это Европейцы, однѣ лишь черты лицъ указываютъ на ихъ восточное происхожденіе. Въ квартирѣ ихъ тоже не замѣтно отступленія отъ общепринятой у насъ мебелировки. И только нѣсколько прекрасныхъ фарфоровыхъ вазъ, лакированныхъ вещицъ, да фотографическое изображеніе нынѣ царствующаго микадо напоминаютъ собою далекую Японию.

Но кромѣ привѣтливо смотрѣвшихъ на меня физиономій моихъ друзей-Японцевъ, я замѣтилъ, усаживаясь къ столу, еще одну смуглую физиономію въ тѣни за самоваромъ и два черные блестящіе глаза, какъ мнѣ показалось, съ любопытствомъ направленные на меня.

Японцы посѣщали представить мнѣ эту личность.

— Рамчандръ Баладжи, изъ Битура въ Индіи, произвѣсь старшій изъ Японцевъ, указывая рукой на смуглаго гостя.

Тотъ приподнялся изъ-за самовара и мы пожали другъ другу руки.

Я попросилъ другаго Японца, моего сосѣда, повторить мудреное имя ихъ гостя. Но смуглый гость самъ съ разстановкой произвѣсь его и прибавилъ на довольно чистомъ французскомъ языкѣ:

— Вамъ трудно будетъ запомнить эти чуждыя для вашего уха созвучія, а потому не хотите ли взять мою карточку?

Онъ досталъ изъ маленькаго портфеля свою визитную карточку и передалъ ее мнѣ. Я прочелъ на ней по-английски „Ramchandre Balagie of Bithour“.

— Индійскій принцъ, родной племянникъ Нана-Сауба, шелкулъ мнѣ сосѣдъ Японцевъ.—Помните, того самаго Нана-Сауба который руководилъ возстаніемъ въ Индіи въ 1857 году.

Тонкій слухъ Индійца не пропустилъ однакожь имени Нана-Сауба, два раза, но весьма тихо произнесеннаго моимъ

сосѣдомъ. Для него впрочемъ только и могло быть повадно это имя, такъ какъ по-русски онъ не говорилъ, а свое замѣчаніе сосѣдъ-Японецъ сдѣлалъ по-русски.

Индіецъ устремилъ на меня глаза, которые еще больше заблестѣли подъ черными нависшими его бровями какъ только онъ услышалъ родное имя и тихимъ, медленнымъ, мелодичнымъ голосомъ проговорилъ опять по-французски:

— Да, я сынъ третьяго изъ братьевъ Нана-Сауба. Самъ Нана-Саубъ былъ старшій въ семьѣ. Но родство мое съ этимъ человѣкомъ, составляя мою гордость, было въ то же время и причиной всѣхъ моихъ несчастій, моего принужденнаго отчужденія отъ отечества, лишенія имущества, моего одиночества и почти безцѣльныхъ, безнадежныхъ скитаній по землѣ.

Онъ опустился на стулъ, оперся локтями на столъ, сложилъ по восточному обычаю свои смуглыя, почти черныя руки одна къ другой и преклонилъ на нихъ курчавую съ массой волосъ голову.

И Японцы, и я самъ нѣсколько минутъ безмолвно смотрѣли на маленькую, худенькую, со владою грудью, бѣдно одѣтую фигуру индійскаго принца согнувшуюся надъ столомъ. Но въ то время какъ мои пріатели Японцы проникнулись сочувствіемъ къ бѣдственному и безотрадному положенію ихъ гостя, что ясно выразилось на ихъ лицахъ, я къ стыду своему, признаюсь, былъ настолько эгоистиченъ что началъ уже соображать сколько новыхъ свѣдѣній объ Индіи можно пріобрѣсть отъ этого злополучнаго принца, какой богатый матеріалъ представлять для моихъ изученій впечатлѣнія произведенныя на него Европой. Да простится мнѣ этотъ эгоизмъ,—вѣдь я въ первый разъ сталкивался съ Индійцемъ образованнымъ по-европейски и говорившимъ на европейскомъ языкѣ.

Я всегда любилъ встрѣчи съ дѣтми Востока лобывавшими въ Европѣ или даже въ тѣхъ частяхъ міра на которыя Европа уже наложила свою мощную руку; я считалъ всегда поучительнымъ выслушивать ихъ отзывы о нашихъ европейскихъ порядкахъ, обо всемъ томъ чѣмъ гордился мы предъ свѣтомъ. Изъ моихъ наблюденій однакожь оказывается что блага европейской жизни не слишкомъ заманчивы для восточныхъ людей. Мнѣ приходилось встрѣчаться съ даровитыми Японцами, хитрыми и всегда себѣ на умѣ Китайцами, лат-

діархальными Монголами, торгашами Сартами, болтаивыми и мизолоклонными Персіянами, гордыми Узбеками, приходилось толковать съ представителями азіатской учености и духовными лицами, съ буддійскими монахами и почитателями Конфуція, съ мусульманскими муллами и дервишами,—но до сихъ поръ я не могу указать примѣра безусловнаго поклоненія Европѣ и отреченія отъ всего своего. Самые ярые новаторы изъ нихъ, отдавая должное европейской наукѣ, изобрѣтеніямъ, искусствамъ, роскоши и комфорту нашихъ жилищъ, уточненному вкусу увеселеній и удовольствій, изяществу дамскихъ туалетовъ, преклоняясь предъ грозною силою европейскихъ армій, оберегающихъ спокойствіе Европы во всѣхъ концахъ ея, обыкновенно высказываютъ такое мнѣніе:

— Конечно, у васъ много великаго, поражающаго, подавляющаго насъ, но и у насъ есть не мало хорошаго, почтеннаго...

Однѣ буддійскій монахъ, побывавшій въ Европѣ и въ Америкѣ, говорилъ мнѣ:

— Вы побѣдили силы природы и заставили ихъ служить себѣ. Вы теперь сильны и поэтому только уничтожили рабство людей какъ уже болѣе не нужное вамъ.... Но, побѣждая природу, вы въ то же время давали просторъ страстямъ человѣка и плодами побѣдъ надъ природой начали пользоваться; ваши страсти.... вотъ гдѣ кроется причина всѣхъ вашихъ несчастій! У насъ же, наоборотъ, человѣкъ постоянно боролся самъ съ собою, со своими дурными страстями.... И, извините, нашъ восточный человѣкъ сильнѣе волею и духомъ европейскаго человѣка.... Поэтому Азія была колыбелью религій и лучшихъ идей человѣчества...

Глядя на сидѣвшаго противъ меня удрученнаго своимъ горемъ Индійца я вспомнилъ мудраго буддійскаго монаха и подумалъ: А чтò занесло въ Европу его, этого темнокожаго принца, какъ не тѣ же страсти, какъ не желаніе добиться какихъ-нибудь честолюбивыхъ цѣлей...

Индіецъ поднялъ голову и такъ же тихо, какъ и прежде, заговорилъ:

— У насъ въ Индіи нѣкоторыя фамиліи несутъ извѣстныя обязанности предъ народомъ, даже и теперь еще при английскомъ владычествѣ. Онѣ отвѣтственны за притѣсненія со стороны Англичанъ, за эпидемическія болѣзни и голодь, которые часто посѣщаютъ наши страны, и вообще за всѣ

народныя бѣдствія. Нашъ родъ принадлежитъ къ числу такихъ немногихъ фамилій. Мы—*пейшва*, то-есть изъ императорскаго семейства.

Онъ попросилъ карандашъ, бумагу и написалъ по-англійски „*reshwah*“.

— Вотъ какъ лишутъ Англичане нашъ титулъ. Мой дѣдъ еще, по имени Сримантъ Баджекъ Равъ, былъ послѣднимъ императоромъ Маратовъ или страны Магарастра—по-санскритски, столица которой былъ городъ Пуна.

Какъ имя дѣда, такъ и названіе его царства и столицы онъ опять написалъ и далъ намъ всѣмъ поочереду прочесть.

— Около восьмидесяти лѣтъ тому назадъ родъ нашъ въ лицѣ моего дѣда потерялъ корону, а англійская Остъ-Индская компанія овладѣвшая землями и богатствами его, стала съ тѣхъ поръ могущественною. Къ какимъ способамъ прибѣгали Англичане Робертъ Клейвъ и Варренъ Гастингсъ для овладанія этою богатою добычей—Европа знаетъ. Знаетъ она и о томъ что эти злодѣйства ихъ были потомъ оправданы англійскимъ судомъ. Дѣдъ мой, потерявъ послѣднее сраженіе, сдался полковнику Веллелею, ставшему въ послѣдствіи знаменитымъ герцогомъ Веллингтономъ. Для жительства дѣду, его семейству, родственникамъ и приближеннымъ Англичане назначили небольшую крѣпость, занятую англійскимъ гарнизономъ,—Битуръ, около города Кантура на Гангъ, гдѣ родъ нашъ и жилъ съ первыхъ годовъ XIX столѣтія по европейскому календарю. У насъ въ родѣ сохранилось преданіе что дѣдъ искалъ защиты своихъ правъ противъ Англичанъ у Наполеона I и переписывался съ нимъ по этому поводу. Но могъ ли Наполеонъ, самъ совершившій столько насилія, сочувственно относиться къ пострадавшему отъ насилія другихъ.... Если не ошибаюсь, сила и теперь еще часто и во многомъ считается правомъ въ Европѣ.. Я страдаю въ ней съ семилѣтняго возраста, а теперь мнѣ уже двадцать семь лѣтъ. Взгляните на мое тѣло, какъ оно истощено и болѣзненно,—не отъ избытка радостей и удовольствій стало оно такимъ. Взгляните на мою правую изуродованную щеку. Ее изуродовала рана, нанесенная мнѣ оружіемъ подаятымъ въ защиту англійской власти въ мое отечествѣ, и когда мнѣ было всего шесть лѣтъ....

Онъ всталъ, выпрямилъ свою маленькую фигуру и повернулся правою щекой къ лампѣ.

Въ томъ маленькомъ обществѣ я только одинъ былъ Европейецъ, и вѣроятно именно поэтому Индеецъ оставилъ на мнѣ при послѣднихъ словахъ глаза, такъ рѣзко выдѣлавшіеся на темномъ его лицѣ близкою своихъ яблокъ. Съ минутой онъ какъ бы выжидалъ моего отвѣта на нихъ.

Я взглянулъ по очереди на троихъ Японцевъ и увидѣлъ что они тоже пристально смотрѣли на меня и ждали какъ отнесусь я къ замѣчаніямъ ихъ гостя, но ихъ мнѣнію совсемъ не лестному для Европейца. Положеніе мое становилось неловкимъ. Для сохраненія своего достоинства въ глазахъ Азіатцевъ я долженъ былъ волей-неволей защищать Европу и ея порядки.

— Вы развѣ такъ хорошо знаете Европу? спросилъ я прежде всего Индійца.

— Посмотрите на мое изношенное платье и скажите похоже ли я на одного изъ наслѣдниковъ громадныхъ сокровищъ моего рода собранныхъ вѣками. Скажите, куда дѣвались эти сокровища и какъ называется то право которое позволило отнять ихъ у насъ?... Въ Индіи это право неизвѣстно было до появленія Англичанъ. Думаю что и теперь оно неизвѣстно въ Китаѣ и у насъ въ Японіи...

Индеецъ повернулъ голову къ Японцамъ. Лампа освѣтила его лѣвую щеку и тутъ только я рассмотрѣлъ что эта сторона его лица была очень красива, хотя красота эта была и не въ европейскомъ вкусѣ, начиная съ маленькаго не совсемъ прямого носа и кончая нависшимъ надъ глазами лбомъ и слишкомъ густыми бровями. Но однакожь выраженіе лица у него было такое мягкое, особенно выраженіе глазъ и очертаніе рта, сверху котораго танулась черная полоска небольшихъ усовъ. И какая противоположность была между этимъ кроткимъ взглядомъ и горечью которая слышалась въ его словахъ!

Японцы не сводили съ него своихъ узенькихъ глазъ и только безпрестанно мигали вѣками. А въ моемъ воображеніи вдругъ предстали ужасныя картины разграбленія и разоренія Индіи войсками знаменитой Остъ-Индской Компаніи, тѣ картины которыя съ такою наивностью увѣковѣчены въ англійской книгѣ *Memoirs of the early life and service of a field officer etc*, написанной Прайсомъ, офицеромъ остъ-инд-

ской арміи, очевидцемъ этого разоренія и даже участникомъ въ немъ. Этотъ Прайсъ былъ официальнымъ цѣновщикомъ добычи при разграбленіи Серингалатама въ 1799 году. Предъ моими глазами предстали картины этой безчеловѣчной охоты Англичавъ на богатые индійскіе города и дворцы ихъ владѣтелей; и мнѣ почему-то показалось что время возмездія за эти страшныя дѣла приходитъ, что вотъ уже стоитъ предо мною одинъ изъ обвинителей, тотъ самый мальчикъ котораго рука чужеземца безжалостно поразила въ его дѣтское личико... „Если являются обвинители, не замедлять выступить и мстителю“, подумалъ я.

Индіецъ сѣлъ и попросилъ себя чаю. Чтобы нѣсколько сгладить тяжелое впечатлѣніе произведенное на всѣхъ насъ его протестомъ противъ Европы, я попытался было переменить тему разговора и обратился къ старшему изъ Японцевъ съ такимъ вопросомъ:

— А у васъ, любезнѣйшій Андо Кенске, ваши историки говорятъ что-нибудь о пришествіи первыхъ Европейцевъ въ Азію? Надѣюсь не вездѣ они показали себя въ такомъ видѣ какъ англійская кулеческая компанія въ Индіи?

— О, да. У васъ есть много повѣствованій объ основаніи европейскихъ колоній на островахъ Индійскаго океана и въ самомъ Индостанѣ. Вѣдь мы, какъ буддисты, не прерывали сношеній съ Индіей, пояснилъ мнѣ мой пріятель Андо Кенске.

— Позвольте, вмѣшался въ разговоръ Индеецъ, — вы не только имѣли съ давнихъ поръ сношенія съ Индіей, но даже ваша династія вышла изъ Индіи.

— Наши ученые указываютъ только на тотъ фактъ что императорская наша фамилія дѣйствительно иностраннаго происхожденія. Основатели династій завоевали сначала островъ Кіусіу, а потомъ и Нипонъ. Но откуда пришли эти иностранцы—мы не знаемъ, отвѣтилъ ему мой сосѣдъ Яловецъ, членъ японской миссіи въ Петербургѣ.

— Такъ чтобы разрѣшить ваше сомнѣніе⁴ вы обратитесь къ самому имени которымъ называются ваши высшіе классы. Они называются, кажется, *самураи*. Слово это несомнѣнно санскритскаго происхожденія... Надѣюсь вы вспомните ваше родство съ индійскими Аріями когда придетъ время освобожденія нашего отъ чужеземнаго ига...

Индеецъ обвелъ фанатическимъ взглядомъ троихъ Япон-

цевъ. Я послѣдшилъ сдѣлать новую попытку перемѣнить разговоръ.

— А отъ чего вы сами не допускали къ себѣ Европейцевъ? спросилъ я своего соотѣда.

— Видите ли, спокойнымъ и медленнымъ тономъ отвѣчалъ тотъ,—мы считали всѣхъ Европейцевъ являвшихся у береговъ Азіи не честными людьми, а пиратами. Вѣсти доходившія къ намъ изъ Индіи о разграбленіи ими священныхъ городовъ, о неуваженіи къ чужой религіи и обычаямъ, не могли намъ дать лучшаго понятія. Вотъ почему и въ Китаѣ, и у насъ Европейцы получили названіе варваровъ... но правду нужно сказать, особеннымъ неуваженіемъ на всемъ востокѣ Азіи пользовались всегда Англичане...

Какъ звѣрь вскопчалъ вдругъ тщедушный Индіецъ со своего мѣста. Въ одно мгновеніе очутился онъ въ глубинѣ комнаты, куда не достигалъ свѣтъ лампы. Глаза у него сверкали въ темнотѣ, а красный свѣтъ отъ горѣвшихъ въ каминѣ углей, падавшій на его лицо, придавалъ ему болѣе ожесточенный видъ.

— Вы сказали что они пользовались неуваженіемъ на всемъ востокѣ Азіи, но вы не знаете и малой доли того что дѣлали эти люди въ Индіи... заговорилъ онъ дрожащимъ и громкимъ голосомъ.

И, казалось, это не былъ уже голосъ этого маленькаго человека, а голосъ какого-то невидимаго гиганта.

— Вы послушали бы нашихъ народныхъ преданій о вторженіи къ намъ первыхъ европейскихъ колонистовъ...

Его глаза метнули искры въ мою сторону.

— Европейцы называли и называютъ варварами Турокъ... Но вторженіе въ Европу Турокъ было мирнымъ шествіемъ въ сравненіи со вторженіемъ Англичанъ въ нашу исконно мирную, трудолюбивую страну... Они увидѣли что имѣютъ дѣло съ самымъ кроткимъ, незлобивымъ народомъ въ мірѣ и тогда уже ничто не могло сдерживать ихъ алчности.... Тогда совершилось невиданное до тѣхъ поръ людьми порабощеніе: горсть пришлыхъ кулцовъ поработила страну съ населеніемъ въ двѣсти пятьдесятъ милліоновъ! Знаете ли вы, снова обратилъ онъ ко мнѣ,—что такое теперь эти двѣсти пятьдесятъ милліоновъ Индусовъ, моихъ соотечественниковъ? Это рабы Англіи, одной изъ великихъ вашихъ державъ. Индія—это страна новѣйшаго рабства, созданнаго взаимъ

старого рабства и торго людьми тою свободолюбивою Англійскою націей которая противъ нихъ такъ сильно ратовала... Ни одна страна съ тѣхъ поръ какъ помнитъ себя человѣчество не была такъ обездичена какъ моя родина... Рано или поздно судъ надъ Англійскимъ народомъ за это насиліе совершится. Но не европейскій ареопагъ произнесетъ приговоръ на этомъ судѣ... его произнесутъ азіятскіе народы, свободные, соединенные въ тѣсный союзъ противъ Европы... А это будетъ страшная, еще невиданная въ мірѣ сила...

Послѣднія слова онъ произнесъ тихо, но торжественно и замолчалъ.

Огонь сильно разгорѣлся въ каминѣ. Трескъ углей какъ бы старался заглушить это ужасное пророчество. Фигура Индіица ярко освѣщенная казалась мнѣ гораздо выше, лучные мускулы его вытянулись, пряди волосъ прилипли ко лбу, на которомъ образовались крупная капли пота.

Японцы въ глубокомъ молчаніи созерцали возбужденнаго фанатика, но видно было что рѣчь его и на нихъ произвела сильное впечатлѣніе. Въ щелкахъ ихъ глазъ тоже свѣтилось что-то зловѣщее и тоненькіе пальцы ихъ рукъ судорожно подергивались.

Въ комнатѣ нѣсколько минутъ была такая тишина что сквозь двойныя рамы доросился явственно уличный шумъ и слышенъ былъ скрилъ сѣтга подъ колесами тяжелыхъ экипажей.

Старшій Японецъ хлопнулъ въ ладоши и приказалъ явившемуся на зовъ старику-слугѣ подать фрукты и вино. Затѣмъ онъ пригласилъ всѣхъ перейти въ другую комнату. Я подумалъ что Японецъ находчивѣе меня. Перемена мѣста и обстановки, при которой происходила разказанная сцена, дѣйствительно много могла способствовать тому чтобы произведенное ею впечатлѣніе смягчилось и разговоръ принялъ наконецъ другое направленіе.

— Скажите, у васъ дѣлаютъ изъ винограда вино? спросилъ я Японцевъ, усаживаясь около большаго круглаго стола, покрытаго зеленою шелковою затканною золотыми аистьями японскою салфеткой, и наливая себѣ краснаго вина.

— Нѣтъ, мы не имѣли о немъ понятія до послѣдняго времени. Теперь пробуютъ его дѣлать, но вино выходитъ плохое. Вѣроятно виноградъ нашъ негоденъ для вина. Впрочемъ

ово и лучше: чѣмъ меньше въ странѣ вина тѣмъ трезвѣе будетъ народъ, отвѣчалъ мнѣ одинъ изъ Японцевъ.

— Но за то у васъ на Востокѣ есть зло которое гораздо болѣе губить народъ чѣмъ вино. Я говорю объ употребленіи опиума въ Китаѣ и гашиша въ Индіи.

При послѣднихъ моихъ словахъ я взглянулъ на Индійца, все еще сумрачнаго. Онъ тотчасъ приблизился къ столу, сѣлъ рядомъ со мною, взялъ нѣсколько ягодъ винограда и сказалъ:

— Не вино, не опиумъ и не гашишъ страшны для Востока. Страсть къ опьяненію и самоудрученію всегда была удѣломъ поддочковъ общества у всѣхъ народовъ и отъ нея не погибли народы. Азія должна страшиться чтобы къ ней не проникла европейская роскошь, широкія вседневныя потребности европейскаго человѣка и, какъ слѣдствіе ихъ, дороговизна жизни.... Вспомните что роскошь распатывала могущественнѣйшія царства и стирала съ лица земли великіе народы. Она погубила нашъ азіятскій Вавилонъ и вашъ Римъ.... Дурные предвѣстники появляются уже и на европейскомъ горизонтѣ.... И наоборотъ, благодаря только умѣренности жизненныхъ требованій Китайца и Японца, благодаря тому что эта умѣренность возведена у нихъ въ принципъ, государства ихъ просуществовали такъ долго....

— И прибавьте, возвысилъ съ одушевленіемъ голосъ одинъ изъ Японцевъ,—что у насъ царствуетъ безъ перерыва одна и та же династія вотъ уже 2538 лѣтъ.

— Значить вашъ микадо по даниѣ своей родословной первый аристократъ въ мірѣ, замѣтилъ я шутя.

— Ну, нѣтъ, возразилъ Индеецъ.—Въ Индіи найдутся фамиліи съ болѣе длинною родословной, хотя теперь онѣ уже и не царствуютъ.

— Но вы не можете сказать о вашихъ старинныхъ династіяхъ что онѣ оставили по себѣ хорошую память въ народѣ, что онѣ умѣли создавать такіа прочныя государства какъ Китай и Японія. Напротивъ, та же роскошь съ которою они жили, эта вполнѣ уже безобразная роскошь вашихъ радѣ и магарадѣ не могла не обезсилить народъ. А обезсиленіе народа, по моему мнѣнію, и было главною причиною что Англичане такъ легко овладѣли Индіей, довольно рѣзко сказалъ я наконецъ этому фанатику.

Онъ долго и пристально смотрѣлъ на меня.

— Вы правы, отвѣтилъ онъ сверхъ ожиданія безо всякаго раздраженія.—Всякое зло, какъ и дерево, безъ корня не растетъ.

— Почему же вы не хотите вмѣшать въ заслугу Европейцамъ что они, искореняя въ Индіи власть мелкихъ мѣстныхъ деспотовъ, дѣлали тѣмъ самымъ услугу народу? Я никакъ не могу допустить чтобы владычество Англичанъ было тяжелѣе для вашего народа чѣмъ владычество браминовъ и всевозможныхъ раджъ. Оно можетъ-быть только ненавистно ему какъ владычество чужеземцевъ....

Все это я проговорилъ самымъ успокоительнымъ тономъ. Но по мѣрѣ того какъ я высказывался въ пользу европейской власти въ Индіи, въ глазахъ Индійца снова начали мелькать искры негодованія и подъ конецъ моей рѣчи съ ожесточенно замотала свою курчавую голову.

— Въ основаніи всякой туземной власти лежитъ благо родной страны. А власть Англичанъ въ Индіи стремится далеко не ко благу ея народовъ.... Поэтому эта власть равносильна рабству. Всѣ установленія и законы Англичанъ въ Индіи эгоистичны. Каждый отдѣльно взятый Англичанинъ смотритъ на Индію какъ на источникъ для легкаго и скорого обогащенія, и сколько ихъ стремится туда для этой цѣли! Вѣдь вы знаете что страсть къ наживѣ—общеевропейская болѣзнь....

— Да, вдругъ громко прервалъ Индійца мой пріятель Андо Кенске, — насъ пугаетъ это настоящее настроеніе европейскаго общества. Мы серьезно опасаемся чтобы къ намъ не проникли разные искусственные способы обогащенія и тотъ уточненный и дорогой комфортъ которымъ старается окружить себя всякій Европеецъ. У насъ въ Японіи составляетъ даже противъ нихъ энергическая оппозиція, и притомъ изъ высшихъ и болѣе достаточныхъ лицъ въ государствѣ. Во главѣ этой оппозиціи стоитъ бывший морской министръ Ава Кацу. Онъ ограничилъ свой мѣсячный бюджетъ приблизительно сотней долларовъ и громкогласно объявляетъ что его особа не нуждается въ большихъ средствахъ.

— А у васъ въ Индіи существуетъ оппозиція противъ вторженія европейскихъ правовъ? спросилъ я Индійца.

— Я многого не знаю что дѣлается теперь въ моемъ стечествѣ, отвѣчалъ онъ съ замѣтною печалью.—До меня доходятъ слухи что уже пятьдесятъ милліоновъ Индусовъ гово-

рать по-англійски, и наоборотъ, другіе слухи утверждаютъ что національная партія сильно растеть и осмысленно проявляетъ свое существованіе. Какимъ изъ этихъ слуховъ вѣрять — могу ли рѣшить я, съ дѣтства отторгнутой отъ родины и видѣвшей ее потомъ только урывками...

— Но, скажите, что же мѣшаетъ вамъ возвратиться въ отечество?

— Какъ что? Неужели вы думаете что я добровольно остаюсь въ Европѣ и такимъ убогимъ чужеземцемъ предстою здѣсь предъ вашими глазами? Я лишь правъ жить въ Индіи.

— Къмъ и за что?

— Англійскимъ правительствомъ и за то что я имѣю несчастіе принадлежать къ семейству которое осмѣлилось подвѣять знамя возстанія противъ его власти.

— Но вѣдь вы не участвовали же въ возстаніи? за что же собственно вы несете такое тяжелое лишеніе?

— Я уломивалъ уже вамъ что въ Индіи право предводительства народомъ по старой памяти сохраняется за потомками нѣкоторыхъ прежнихъ династій. Поэтому Индійское правительство считаетъ неудобнымъ чтобы кто-нибудь изъ членовъ нашего семейства находился вблизи народа.

— И только поэтому оно держитъ васъ въ Европѣ?

— Да, послѣ того какъ я, раненый въ эту щеку, онъ показалъ на глубокую впадину на правой щекѣ, — взять былъ въ лѣвъ и отданъ на воспитаніе одному англійскому офицеру, по фамиліи Предеку (Praden), меня немедленно перевезли въ Европу.

Онъ облокотился на столъ и опустилъ голову на свои смуглыя руки, сложенныя одна съ другою. Должно-быть это была его привычная поза въ минуты сильнаго горя или тяжелыхъ воспоминаній.

— Скажите, вы хорошо помните вашего дядю Нана-Сауба? спросилъ я его, когда онъ чрезъ нѣсколько минутъ быстро выпрямился, какъ бы желая прогнать непріятныя мысли, и оправилъ волосы слустившіеся на лобъ.

— Я помню его какъ можетъ только помнить ребенокъ, то-есть смутно представляю себѣ его фигуру, платье, голосъ. Но, странно, я гораздо лучше помню ожесточенныя лица англійскихъ солдатъ убивавшихъ моего дядю и мать, которую я хотѣлъ было защитить отъ ихъ ударовъ своимъ дѣтскимъ тѣломъ.... Одинъ изъ нихъ отбросилъ меня въ сторону..

Когда я прилодьялся и сталъ искать глазами мать, то увидѣлъ ее и дядю уже мертвыми и облитыми кровью, а солдаты срывали съ тѣла матери ея браслеты и другія украшенія.... Маленькая моя сестра жалась ко мнѣ и кричала.... Мы вмѣстѣ съ нею бросились къ матери, но тутъ нанесенъ былъ мнѣ ударъ въ голову и что было потомъ я не помню....

Онъ тяжело вздохнулъ и снова опустилъ голову.

Японцы впились въ него своими узенькими глазками и притаили дыханіе. Потомъ они перебросились между собою нѣсколькими фразами на родномъ языкѣ и затѣмъ старшій изъ нихъ обратился къ Индійцу со слѣдующими словами:

— Разкажите намъ, пожалуйста, какъ васъ перевезли въ Европу, гдѣ вы воспитывались и вообще какъ вы жили до сихъ поръ, до нашей встрѣчи? Намъ очень интересуетъ ваша необыкновенная судьба, связанная къ тому же съ любопытнымъ историческимъ эпизодомъ, съ возстаніемъ въ Индіи, о которомъ, къ сожалѣнію, мы знаемъ весьма мало.

Индіецъ бросилъ благодарный взглядъ Японцу и сказалъ ему:

— Да, еще не пришло время отдать должное возстанію 1857 года, этой первой вспышкѣ народнаго чувства въ Индіи. Англичане всегда старались превратно объяснять это возстаніе: они говорятъ что это была только революція солдатъ. Но еслибъ это было такъ, то какъ же связать съ этою революціей участіе въ ней Нана-Саиба, который ни въ какомъ случаѣ не вмѣшался бы въ дразги солдатъ и въ претензіи ихъ къ Индійскому правительству.

Онъ замолкъ, отпилъ изъ своего стакана глотокъ вина и только послѣ нѣкоторой паузы отвѣчалъ на просьбу Японцевъ, обводя ихъ всѣхъ троихъ глазами:

— Я готовъ разказать вамъ мою незамысловатую исторію. Но какой интересъ могутъ представить для васъ испытанная мною несчастія, лишенія, преслѣдованія и неправды? Развѣ только тотъ что вы будете имѣть понятіе какъ велики могутъ быть неправды среди людей имѣющихъ претензію исповѣдывать религію всеобщей братской любви.

Вотъ что разказывалъ въ тотъ вечеръ предъ Рождествомъ горемычный племянникъ Нана-Саиба.

— Я сказалъ уже вамъ что весь родъ нашъ жилъ въ большомъ укрѣпленномъ городкѣ Битуръ. Хотя мы не были

племянниками въ тѣсномъ значеніи этого слова, но англійскій комендантъ Битуръ зорко слѣдилъ за всею нашею семьей, особенно же за старшимъ въ родѣ Нана-Саубомъ, и уже тѣмъ самымъ какъ бы указывалъ на его значеніе народу. Всѣ братья Нана-Сауба и ихъ многочисленныя семейства жили между собою дружно, но по индійскому обычаю были въ подчиненіи у него, какъ главы рода. Я началъ помнить себя во дворцѣ наполненномъ множествомъ слугъ и дорогихъ предметовъ. Отецъ мой слылъ въ семьѣ за ученаго. Къ нему часто собирались мои дяди послушать его разказовъ о старинѣ. Я помню какъ мать моя не позволяла мнѣ развлекаться во время этихъ разказовъ, а убѣждала слушать ихъ и заломивать. Конечно, почти ничего изъ того что разказывалъ отецъ у меня не осталось въ памяти, да и самого отца, и дядей я помню мало и теперь трудно себя ихъ представляю. Впрочемъ оно иначе и быть не могло: я росъ и находился больше среди женщинъ и былъ особенно привязанъ къ матери, съ которою никогда не разлучался... Она учила меня лѣтъ веселыя лѣсны и произносить нараслѣвъ молитвы къ стариннымъ божествамъ моей родины...

Мнѣ было около шести лѣтъ, когда началось возстаніе въ Канлурѣ. Небольшой англійскій гарнизонъ тотчасъ оставилъ Битуръ, когда дошли до него вѣсти что возстаніе быстро разрастается въ окрестныхъ мѣстностяхъ. Я узналъ потомъ уже что предводители первыхъ инсургентовъ явились въ Битуръ къ Нана-Саубу и требовали чтобъ онъ сталъ во главѣ народнаго движенія или, другими словами, чтобъ онъ принесъ себя вмѣстѣ съ ними въ жертву народной идеѣ, въ осуществленіе которой онъ не вѣрилъ. Отказаться отъ этого требованія онъ не могъ. Его непремѣнно сочли бы приверженцемъ Англичанъ и онъ былъ бы убитъ. Дядя предпочелъ лучше умереть во имя родины и отправился въ лагерь инсургентовъ. За нимъ послѣдовали всѣ взрослые мужчины нашей семьи и даже нѣкоторыя женщины. Одна изъ моихъ тетокъ, двоюродная сестра Нана-Сауба, принцесса Рапи изъ Джамсы приобрѣла даже большую извѣстность во время возстанія своею храбростью и военною распорядительностью; она командовала значительнымъ отрядомъ и была убита въ одной стычкѣ съ Англичанами. Въ Битурѣ остались только дѣти и женщины. Охраненіе ихъ и защита Битуръ поручена была младшему изъ братьевъ Нана-Сауба.

Я не помню какое впечатлѣніе производили въ Битурѣ вѣсти объ успѣхахъ восстанія, но у меня сохранилось въ памяти то уныніе которое объяло всю нашу семью, когда начали доходить слухи о томъ что восстаніе города одиакъ за другимъ сдавались Англичанамъ. Наконецъ пришла и самая ужасная вѣсть что Нана-Саибъ былъ отрѣзанъ отъ Битура, разбитъ и погибъ въ сраженіи. Однакожь скорѣ явился къ намъ отъ него слуга и сообщалъ что убитъ въ сраженіи мой отецъ, а Нана-Саибъ пробирается въ Непала. Слуга получалъ отъ него приказаніе и насъ всѣхъ перевезти туда, но не вдругъ и по разнымъ дорогамъ. Дядя наскоро сварадилъ первую партію изъ нашей семьи. Она состояла изъ трехъ моихъ братьевъ, которые всѣ были старше меня, — я поэтому и называюсь Баладжи, то-есть младшій, — и старшей же моей сестры, подъ надзоромъ дочери Нана-Саиба, дѣвочки совсѣмъ уже взрослой. Всѣ они переодѣты въ слугъ благополучно достигли Непала, гдѣ, какъ я узналъ уже въ Европѣ, и до сихъ поръ живутъ у родныхъ. Но на долю оставшихся въ Битурѣ членовъ нашей семьи выпала другая, менѣе счастливая судьба. Дядя нашелъ было возможность отправить и другую партію, вмѣстѣ съ богомольцами и подъ охраной вѣрнаго и опытнаго проводника, какъ вдругъ совершенно неожиданно получено было извѣстіе что отряды Англичанъ заняли всѣ дороги и подступаютъ къ Битуру. На другой день дѣйствительно Англичане атаквали городъ. Я помню до мельчайшихъ подробностей все что происходило въ тотъ роковой для меня день. Я помню какъ дядя велѣлъ двумъ слугамъ вырыть подъ старымъ кіоскомъ въ саду яму, куда мать и ея служанки начали сносить серебряные сосуды, дорогія одежды и ящики съ золотыми и драгоценными вещами. Потомъ послышались выстрѣлы. Дядя бросился къ сражающимся, а насъ всѣхъ обуялъ такой страхъ что слуги оставили яму открытою и убѣжала, а мать прижалась къ темному углу кіоска и старалась закрыть меня и сестру своею кисеей. Выстрѣлы становились все громче. Довосиался до насъ и отчаянные крики народа бѣгавшаго по улицамъ. Отискалъ насъ въ кіоскѣ старикъ слуга, сообщалъ что весь городъ горитъ, и совѣтовалъ матери броситься съ нами скорѣ въ огонь чтобы не достаться въ руки враговъ. Старикъ взял уже было мать за руку, но она еще сильнѣе прижалась къ намъ... Въ эту минуту явился дядя, наскоро сказалъ намъ

что остатки его вооруженныхъ людей разбѣжались и Англичане грабятъ уже городъ. Онъ повлекъ насъ куда-то за собой, но вдругъ при выходѣ изъ сада насъ остановила толпа англійскихъ солдатъ. Одинъ изъ нихъ что-то закричалъ, указывая рукой на дядю, и они набросились на него... Тутъ произошла рѣзня о которой я разказалъ уже вамъ, и я въ первый разъ увидѣлъ какъ люди убиваютъ другъ друга... въ первый разъ увидѣлъ въ лицо смерть и человѣческую кровь... и то была кровь и смерть моей матери...

Припоминаю я себя лотомъ лежащимъ въ солдатскомъ фургоны со страшною болью въ правой сторонѣ лица. Меня томила жажда и я попросилъ пить. Вдругъ на мою просьбу откликнулась двоюродная сестра, дочь дяди, погибшаго въ Битурѣ,—онъ былъ вдовъ и эта дочь была его единственное дитя. Ей было тогда тринадцать лѣтъ, а у насъ въ Индіи женщина въ эти годы считается почти взрослою. Она поднесла мнѣ воду къ губамъ и сказала что насъ въ фургоны трое,—я, она и моя маленькая сестра, и что насъ куда-то везутъ. Какъ только я увидѣлъ сидѣвшую спереди фургона фигуру солдата, то въ то же мгновеніе предстали предъ моими глазами лица солдатъ убивавшихъ дядю и мать, я закричалъ и должно-быть впалъ опять въ безпамятство. Мы очень долго ѣхали, часто останавливались, во время остановокъ къ намъ подходили какіе-то люди и осматривали насъ. То были доктора. Они перевязывали мнѣ рану и предлагали намъ ѣсть. Но рана мѣшала мнѣ ѣсть, а сестры стоворились не принимать пищи. Мы бросали все что намъ давали. Всѣ трое мы рѣшились умереть. Однакоже нашъ умыселъ скоро былъ замѣченъ и насъ начали насильно кормить жидкою пищею.

Какъ оказалось, насъ везли въ Калькутту. Я помню какъ мы вышли совсѣмъ изъ фургона въ этомъ городѣ и перестали видѣть ненавистныхъ солдатъ, чѣмъ особенно былъ доволенъ я. Въмѣсто солдатъ къ намъ пришли какія-то иностранныя женщины, обмыли насъ и одѣли въ чистыя платья. Потомъ приходили смотрѣть на насъ тоже по большей части женщины. Онѣ ласкали насъ и чрезъ Индусовъ передавали намъ свои сожалѣнія о нашей участи. По мѣрѣ того какъ я выздоравливалъ, сестры мои становились все-скупчѣе и задумчивѣе. Двоюродная сестра какъ-то сказала:

что скоро умереть. Дѣйствительно, вскорѣ она до того ослабѣла что перестала вставать. Ее перевели въ особую комнату и чрезъ три мѣсяца послѣ нашего прѣзда въ Калькутту она не стало. Маленькая моя сестра, бывшая годомъ моложе меня, пережила ее только однимъ мѣсяцемъ. И такимъ образомъ я остался одинъ. До сихъ поръ я не знаю какъ объяснить почему изъ насъ троихъ остался живъ именно я. Нѣтъ сомнѣнiя что сестры умерли вслѣдствiе сильнаго нервнаго и нравственнаго потрясенiя. У меня же должно-быть нравственное потрясенiе ослаблено было физическою болью моей раны и моимъ безпамятствомъ.

Въ числѣ англiйскихъ женщинъ посѣщавшихъ меня и сестеръ одна выказывала къ намъ особенное участiе. Я помню какъ она плакала у постели умирающей двоюродной сестры, которую особенно полюбила, помню какъ въ минуту смерти маленькой сестры она опустила на колѣна, подняла глаза вверхъ и что-то проговорила... Въ тотъ же день она увезла меня въ другой домъ. Эта женщина была мистрисъ Преденъ, жена англiйскаго капитана Предена, котораго Индiйское правительство назначило моимъ опекуномъ, поручило ему мое воспитанiе и распоряженiе опредѣленнымъ мнѣ пожизненнымъ пенсiономъ. Семейство Преденъ было бездѣтное, и вѣроятно это была одна изъ причинъ побудившая мистрисъ Преденъ принять меня къ себѣ въ домъ. Но какъ бы то ни было, она была очень добрая дама, до конца жизни своей не перестававшая относиться ко мнѣ съ материнскою вѣжностью. Я помню до сихъ поръ съ какимъ терпѣнiемъ и усердiемъ она учила меня еще въ Калькуттѣ первымъ англiйскимъ словамъ, какъ для развлеченiя тоски, въ которую я впалъ по смерти сестеръ, она придумала окружить меня живыми существами и какъ для этой цѣли были куплены обезьяна и полугай... Я сдружился съ этими первыми товарищами моего одиночества до такой степени что когда въ мартѣ 1858 года, вслѣдствiе новой попытки Нана Сауба, соединившагося въ Аудскомъ королевствѣ съ 70.000 армiей вдовствующей королевы Бегумы, продолжать борьбу, семейство Преденъ получило приказанiе перевести меня въ Европу, то, садясь на пароходъ, я заботился только объ одномъ, чтобы моихъ друзей не разлучили со мною. А во время переѣзда на пароходѣ я считалъ за

особенную гордость что моя обезьяна возбуждала общее любопытство и приобрѣла расположеніе какъ экипажа, такъ и пассажировъ.

По прибытіи въ Англію семейство Преденъ поселилось въ маленькомъ городкѣ Редингѣ, въ двадцати четырехъ миляхъ отъ Виндзора. Однакожь я не могъ выносить новаго климата и съ началомъ первой же зимы здоровье мое сдѣлалось такъ слабо что по совѣту докторовъ было рѣшено немедленно увезти меня во Флоренцію, гдѣ я и оставался съ моимъ олекуномъ до слѣдующей весны. Поѣздки въ Италію повторялись потомъ каждую зиму до моего одинадцатилѣтняго возраста; но весну и лѣто я проводилъ вмѣстѣ съ доброю мистрисъ Преденъ въ ея маленькомъ домикѣ въ Редингѣ, уютномъ и окруженномъ со всѣхъ сторонъ зеленью. Въ этомъ домикѣ явилось у меня впервые пониманіе собственнаго „я“ и обстоятельствъ которыя перенесли меня въ Европу въ среду англійскаго семейства. На это пониманіе навели меня разказы мистрисъ Преденъ о ея жизни въ Индіи, гдѣ она провела лучшіе свои годы, а потому нѣтъ ничего удивительнаго что воспоминаніе о нихъ было любимой темой ея разговоровъ. Часто въ этихъ разказахъ фигурировала безчеловѣчное, по ея словамъ, возстаніе 1857 года, причемъ обыкновенно упоминалось имя моего дяди Нана-Сауба съ увѣреніемъ что онъ былъ главною причиною всѣхъ несчастій нашего семейства. Съ помощію всего слышаннаго отъ мистрисъ Преденъ я восстановилъ въ памяти и свои собственные воспоминанія и пополнилъ ихъ многими фактами которые передаю вамъ теперь, но которые, разумѣется, не были доступны моему дѣтскому пониманію во время битурской катастрофы и слѣдовавшихъ за нею событій. Къ мужу моей воспитательницы я никогда не чувствовалъ особой привязанности, напротивъ, онъ всегда внушалъ мнѣ нѣкоторое отвращеніе къ себѣ, сначала своимъ мундиромъ, а потомъ своею молчаливостью и суровостью. Однакожь это былъ человѣкъ безусловно честный, и принятыя имъ на себя обязанности въ отношеніи меня онъ исполнялъ въ высшей степени добросовѣстно, что сказалось прежде всего на его заботахъ о моемъ образованіи.

На одиннадцатомъ году меня помѣстили въ хорошій частный пансіонъ въ Лозаннѣ. Но и изъ Швейцаріи я дол-

женъ былъ ѣздить на зиму во Флоренцію, такъ какъ съ наступленіемъ холоднаго времени я обыкновенно начиналъ кашлять и безпрестанно болѣлъ. Каникулярное же лѣтнее время я постоянно проводилъ въ Англіи. Такой образъ моей жизни продолжался до 1864 года. Пріѣхавъ въ этомъ году на каникулы въ Англію, я не засталъ въ живыхъ мистрисъ Преденъ. Смерть этой доброй женщины измѣнила совершенно мое положеніе въ домѣ ея мужа. Я сразу почувствовалъ въ этомъ домѣ лустоту и отсутствіе въ немъ прежней притягательной для меня силы. Къ тому же и самъ мистеръ Преденъ началъ жить иначе послѣ смерти жены. Цѣлые дни и вечера проводилъ онъ въ своемъ клубѣ, такъ что я иногда не видѣлъ его по недѣлямъ и болѣе. Ближайшихъ товарищей по возрасту въ Редингѣ у меня не было и я въ то скучное для меня время не находилъ ничего лучшаго какъ ѣздить въ Лондонъ. Сначала я ѣздилъ туда со знакомымъ мистеромъ Предена, а потомъ и одинъ. Засматривался я на большой городъ, безцѣльно бродилъ по длиннымъ улицамъ и ѣздилъ по разнымъ его окрестностямъ. Разъ на одномъ загородномъ гуляньѣ я стоялъ въ толпѣ зрителей предъ помостками на которыхъ трулла гимнастеровъ выдѣлывала свои замысловатыя упражненія, какъ вдругъ до слуха моего долетѣлъ говоръ на индостанскомъ языкѣ. Сначала я подумалъ что эти звуки мнѣ только вообразились, но потомъ я снова услышалъ ихъ въ толпѣ впереди меня. Я пробрался немного по тому направленію откуда шли эти звуки и убѣдился что три темнолицыя человека дѣйствительно говорятъ между собою на моемъ родномъ языкѣ. Я быстро проскользнулъ въ толпѣ отдѣлявшей меня отъ нихъ, встрѣтился глазами съ говорившими и уста мои въ первый разъ съ тѣхъ поръ какъ перевезли меня въ Европу произнесли пріѣзствіе которое научила произносить меня моя мать... Три пары черныкъ глазъ осматривали меня со всѣхъ сторонъ и какъ бы дивились моему появленію. Я тоже съ сердечнымъ трепетомъ смотрѣлъ на нихъ. Они были одѣты въ какое-то полувоенное платье и оказались слугами одного англійскаго полковника пріѣхавшаго въ отлускъ изъ Индіи. Кто я? съ какихъ мѣстъ Индіи? и какъ попалъ въ Англію? были первые ихъ вопросы. Какъ только я назвалъ свой родъ и дядю Нана-Саиба, то одинъ изъ нихъ тутъ же въ толпѣ бросился на землю и сталъ цѣловать мой ногу. Это былъ уже поже-

лой Индусъ изъ Канлура, который слѣдовательно не могъ не знать имени дяди и что онъ значилъ для народа. Но онъ зналъ и болѣе: ему извѣстны были нѣкоторыя обстоятельства гибели нашего семейства въ Битурѣ. Мы всѣ четверо тотчасъ вышли изъ толпы зрителей, которые съ любопытствомъ провожали насъ глазами, и удалились въ уединенное мѣсто парка, гдѣ мой соотечественникъ, продолжая цѣловать мое платье и руки, началъ меня спрашивать о моей жизни на чужой сторонѣ. Товарищи его съ участіемъ и съ умиленіемъ выслушивали мое повѣствованіе. Наконецъ поздно вечеромъ они всѣ проводили меня въ городъ до самой квартиры моей которую я имѣлъ у одной родственницы семейства Предель, и обѣщали непременно навѣстить меня на слѣдующій день. Дѣйствительно, на другой день около полудня явился ко мнѣ мой соотечественникъ изъ Канлура, въ сопровожденіи еще новаго Индуса, молодого человѣка весьма прилично одѣтаго въ европейское платье. Этотъ послѣдній объявилъ мнѣ что онъ живетъ съ отцомъ уже два года въ Лондонѣ по торговымъ дѣламъ и что они считаютъ обязанностью предложить мнѣ свои услуги. Въ короткое время я сблизился съ молодымъ моимъ соотечественникомъ. Онъ пріѣзжалъ ко мнѣ въ Редиагъ, а когда я бывалъ въ Лондонѣ, то мы почти не разлучались съ нимъ. Первый вопросъ предложенный мнѣ его отцомъ былъ: сохранилъ ли я привязанность къ роднѣ и къ вѣрованіямъ своей семьи? Но что могъ я отвѣчать на этотъ вопросъ? Онъ замѣтилъ мое смущеніе и только посоветовалъ изыскать возможность возвратиться въ Индію и не забывать обязанностей своихъ въ отношеніи народа... Онъ былъ родомъ изъ священнаго Бенареса, принадлежалъ къ кастѣ браминовъ, какъ и нашъ родъ, и изъ разговоровъ съ нимъ мнѣ показалось что онъ былъ человѣкъ свѣдущій и даже ученый. У него собиралось много Индусовъ проживавшихъ въ Лондонѣ. Я не могъ не замѣтить что всѣ они интересовались мною и оказывали мнѣ какое-то непонятное для меня въ то время почтеніе, но въ словахъ ихъ слышалось и сожалѣніе что я въ угоду *Ингризи* (Англичанъ), какъ нѣкоторые изъ нихъ выражались, живу въ ихъ странѣ. Разказы ихъ о священныхъ мѣстахъ, о подвигахъ святости старинныхъ мужей и о величій прежнихъ государей Индійскихъ странъ, въ числѣ которыхъ не были

забыты и мои предки, сразу получили особую прелесть въ моихъ глазахъ.... Съ тѣхъ поръ не переставали въ моемъ воображеніи рисоваться разныя фантастическія картины, которыми я старался представить себѣ свою родину.

Въ сентябрѣ 1864 года случилось со мною происшествіе которое окончательно направило мои помыслы къ родинѣ. Какъ-то гуляя по Лондону съ моимъ пріателемъ молодымъ Индусомъ мы зашли изъ любопытства въ кабинетъ восковыхъ фигуръ. Переходя изъ комнаты въ комнату, мы подошли къ двери, сверху которой прочли надпись: *злѣднѣ члвчства*. Войдя въ комнату, куда вела эта дверь, мы увидѣли множество фигуръ во весь ростъ челоѣка въ костюмахъ и въ вооруженіи разныхъ временъ и народовъ. Фигура въ римской тогѣ и увѣнчанная лавровымъ вѣнкомъ изображала Нерова. Подъ другою фигурой съ тюрбаномъ на головѣ и съ кривою саблей было написано имя Магомета II, подъ третьею, въ монашеской мантии со звѣрскими глазами—инквизитора Торквемады, а подъ четвертою, въ болѣе современномъ европейскомъ костюмѣ съ мрачнымъ лицомъ и со сжатыми губами—Робеспьера. Въ короткое время мы ознакомились съ цѣлою массою именъ знаменитыхъ разбойниковъ, убійцъ, отравителей. Но вдругъ спутникъ мой обратилъ мое вниманіе на стоявшую вдали въ углу комнаты фигуру въ костюмѣ Индуса. Мы послѣдили подойти къ ней и я прочелъ подъ нею: „Нана-Саубъ, варварски истребившій болѣе тысячи англійскихъ семействъ въ Индіи въ 1857 и 1858 годахъ.“ Не припомню я теперь всѣхъ подробностей что произошло когда я прочелъ эти слова. Но помню что я рѣшился сорвать эту возмущившую меня надпись, помню какъ меня схватили за руки и какъ я должно-быть вырываясь опрокинулъ и разбилъ вѣсколько соседнихъ фигуръ. Меня арестовали и потомъ присудили вознаградить причиненные моему хозяину кабинета убытки. Старый Индусъ, отецъ моего пріателя, послѣдиль заплатить за меня всю сумму убытковъ и наложенный на меня судьей штрафъ.... Случай этотъ со всѣми его послѣдствіями—арестомъ и процедурой суда, — произвелъ на меня самое тягостное впечатлѣніе. Онъ разказъ былъ въ преувеличенномъ видѣ во многихъ газетахъ. Это обстоятельство особенно было непріятно моему олекуву и подало ему поводъ къ крайне суровому обращенію со мною и частымъ напоминаніямъ чтобъ я выбросилъ изъ

годовы свое происхожденіе и родство съ Нана-Саубомъ. „Быть хорошо воспитаннымъ Англичаниномъ, на что вамъ дано право и возможность, гораздо почетнѣе чѣмъ носить вашъ индійскій титулъ“, началъ онъ повторять мнѣ довольно часто и особенно подъ вліяніемъ нѣсколькихъ рюмокъ хереса, выливаемыхъ имъ за завтракомъ, число которыхъ со смертію жены онъ замѣтно увеличилъ. Пребываніе въ Редингѣ сдѣлалось для меня невыносимымъ. Мною овладѣла страшная тоска. Помню какъ я уѣхалъ изъ Рединга съ твердымъ намѣреніемъ болѣе не возвращаться туда. Въ Лондонѣ я со слезами сталъ просить своихъ соотечественниковъ найти возможность отправить меня въ Индію. Послѣ долгихъ ихъ совѣщаній между собою, меня сдали на руки двумъ пожилымъ Индусамъ возвращавшимся на родину, и я никогда не забуду какъ свободно вздохнулъ я когда пароходъ, на которомъ мы заняли мѣста, снялся съ якоря и покинулъ берега Англіи. Нечего и говорить что мой олекувъ и не подозревалъ о моемъ внезапномъ отъѣздѣ или, пожалуй, бѣгствѣ изъ-подъ его наблюденія.

Я не въ силахъ передать вамъ теперь словами тѣхъ восторженныхъ чувствъ которыя наполнили все мое существо когда я ступилъ на родную землю, когда я увидѣлъ тѣ костюмы и физіономіи какіе окружали меня въ дѣтствѣ. Я не знаю, быть-можетъ виною моего восторженнаго состоянія въ то время было отчасти и сашкомъ утомительное морское путешествіе,—тогда еще не ѣздили черезъ Суэзскій каналъ,—быть-можетъ и сознаніе что я силой былъ оторванъ отъ родной страны и могъ увидѣть ее не иначе какъ украдкой... Какъ бы то ни было, во въ теченіе своей жизни я истинно радовался, я былъ счастливъ только тогда, въ тѣ первые дни и мѣсяцы моего пребыванія въ Индіи. Мои спутники привезли меня въ свой родной городъ Самбулуръ, —они занимались торговлей алмазами, —гдѣ я и гостилъ у одного изъ нихъ, пока полученъ былъ отвѣтъ отъ брамина магада * изъ Пури на письмо стараго лондонскаго Индуса, которое переславо было ему тотчасъ по прибытіи нашемъ въ Индію. Магадъ распорядился чтобъ я немедленно отправленъ былъ къ нему въ Пури. Меня переодѣли въ туземное платье и дали олятъ новаго спутника. Подъѣзжая къ

* Главный жрецъ.

Пури, мы встрѣчали цѣлыя массы богомольцевъ, и наконецъ спутникъ мой съ благоговѣніемъ указалъ мнѣ на возвышавшійся вдали величественный храмъ Джаганнатха (міра владыки). Магандъ принялъ меня очень радушно и общалъ разыскать моихъ родныхъ, изъ которыхъ зналъ нѣкоторыхъ въ молодости, а до тѣхъ поръ увѣщевалъ научиться говорить на родномъ языкѣ хинді * и читать старинныя священныя писмена. Онъ былъ человекъ кроткій и пользовался большимъ почетомъ во всей странѣ за свою учевость и набожность. Ему я обязанъ всѣмъ что знаю о своей родинѣ и о своихъ предкахъ, о покореніи Индіи Англичанами и о тяжедомъ положеніи народа подъ ихъ властью... Я помню, онъ говорилъ что англійское иго надъ страной есть божественная, но временная кара...

Вѣроятно магандъ скрывалъ отъ жителей города и мое званіе, и настоящее имя. Я заключаю объ этомъ изъ того что онъ далъ мнѣ строгое наставленіе, о чемъ я могъ говорить и о чемъ долженъ былъ молчать. Спустя мѣсяцевъ семь съ того времени какъ я поселился у него въ домѣ онъ общалъ мнѣ что всѣ трое моихъ братьевъ и сестра, жившіе въ Непалѣ, живы, что они очень желаютъ чтобъ я ѣхалъ къ нимъ, но это желаніе ихъ пока еще исполнить невозможно. Одна изъ моихъ тетокъ по матери, жившая въ окрестностяхъ Канпура, тоже выразила желаніе видѣть меня, и на этотъ разъ магандъ не препятствовалъ моей поѣздкѣ къ ней. Мнѣ тяжело было расставаться съ патриархальнымъ семействомъ маганда, съ сыновьями и дочерьми котораго я успѣлъ уже подружиться, но въ то же время мнѣ хотѣлось также видѣть и своихъ родныхъ, услышать отъ нихъ что-нибудь о матери, объ отцѣ, чтобъ они наломнили мнѣ мое дѣтство и рассказали подробнѣе тѣ страшныя событія которыя я едва помнилъ. И я отправился къ теткѣ. Дорога была не близкая. Я углублялся внутрь страны, проѣзжалъ большіе города, видѣлъ вездѣ множество громадныхъ старинныхъ построекъ, возбуждавшихъ мое удивленіе, любовался прекрасною и богатою природою моея родины, соприкасался съ добродушнымъ ея населеніемъ, которое все болѣе и болѣе привлекало меня

* *Хинді*—современный языкъ, на которомъ говорятъ въ сѣверо-западныхъ частяхъ Индіи. Въ Бенгаліи же употребляется другое нарѣчіе—*орія*.

къ себѣ... Тетка моя была вдова. Двѣ замужнія ея дочери умерли и она совершенно одинокая жила, какъ мнѣ показалось, въ богатомъ домѣ. Первые дни нашего свиданія прошли въ ея неумолкаемой болтовнѣ о дѣвической жизни ея и моей матери, о томъ какъ онѣ обѣ вышли замужъ и наконецъ о страшной битурской катастрофѣ, о которой она знала всѣ подробности отъ бѣжавшаго къ ней изъ Битура старика-слуги, послѣ того какъ онъ сжегъ трупы матери и другихъ погибшихъ тамъ членовъ нашей семьи. Когда она разказала все что знала, пришла моя очередь разказать какъ я жилъ у Ингризи. Но во время моего повѣствованія тетка поминутно останавливала меня: то того она не могла понять, то въ другое 'не вслушалась, и наконецъ съ удивленіемъ замѣтила что я совсѣмъ плохо говорю на родномъ языкѣ.... Замѣчаніе это кольнуло меня въ самое сердце. Я далъ себѣ слово какъ можно скорѣе достигнуть того чтобы не слышать подобныхъ замѣчаній. Къ теткѣ пріѣзжали смотрѣть на меня ея родные и старинные друзья нашего семейства. И они тоже высказывали сожалѣніе что бандара-Ингризи (обезьяна-Англичанинъ) совсѣмъ превратили меня въ иностранца. Все это побуждало меня скорѣе возвратиться въ Пури къ маганду и заняться дальнѣйшимъ изученіемъ роднаго языка и религіи. Тетка одарила меня драгоценными вещами и объявила предъ моимъ отъѣздомъ что будетъ дѣлаться со мною своими средствами пока я не уѣду къ братьямъ въ Нелаль, и просила отъ времени до времени навѣщать ее.

Магандъ видимо обрадованъ былъ моимъ намѣреніемъ серьезно приступить къ изученію какъ разговорнаго, такъ и санскритскаго языковъ. Съ тѣхъ поръ жизнь моя потекла совсѣмъ однообразно. Я весь отдался своимъ занятіямъ и только два раза въ годъ и то по настоянію маганда ѣздилъ къ теткѣ. Странно однакожь что при усиленныхъ моихъ занятіяхъ здоровье мое не только не страдало тогда, но, напротивъ, значительно поправилось. Я началъ было уже по временамъ задумываться о своемъ будущемъ и даже совѣтовался по этому предмету съ магандомъ. Онъ вздыхалъ, произносилъ священныя изреченія и обыкновенно говорилъ мнѣ что при настоящемъ положеніи Індіи немислима никакая дѣятельность которая хотя сколько-нибудь соответствовала бы моему наследственному званію, что поэтому мнѣ остается только поддержать чистоту своихъ помысловъ

и имѣи до лучшихъ временъ, и что чистоту эту я могу соблюсти единственно подъ сѣнью священныя храмовъ и въ средѣ ихъ служителей. Я вполнѣ согласился съ нимъ и все болѣе и болѣе углублялся въ занятія.

Въ 1867 году въ обычное время отправился я къ теткѣ. Какъ вдругъ къ удивленію моему и даже къ страху является къ ней въ домъ мой олекунь, мистеръ Преденъ. Онъ увирилъ меня и тетку что пріѣхалъ единственно съ тою цѣлю чтобы меня видѣть, и въ первое свое посѣщеніе не проронилъ ни одного слова о моемъ бѣгствѣ изъ его дома. Въ другое посѣщеніе онъ разказалъ теткѣ о своихъ заботахъ обо мнѣ, причемъ выразилъ сожалѣніе что я не докончилъ образованія, а повтому и не могу въ посѣдствіи играть въ своемъ отечествѣ видной роли. Свое появленіе въ Индіи онъ объяснялъ дѣлами которыя имѣлъ въ Канпурѣ и въ Калькуттѣ. Въ концѣ концовъ онъ успѣлъ какъ самъ лично, такъ и особенно чрезъ знакомыхъ и родныхъ тетку убѣдить ее что я сдѣлалъ непростительную ошибку, возставая противъ распоряженій правительства, и что эта ошибка неминуемо отразится на всей моей жизни. Въ результатѣ хитрыхъ его дѣйствій вышло то что сама же тетка стала совѣтовать мнѣ лучше подчиниться требованіямъ Ингрити и послѣ быть свободнымъ, чѣмъ идти наперекоръ имъ и мучиться всю жизнь. Я заявилъ желаніе посоветоваться съ магандомъ. Мистеръ Преденъ вызвался сопровождать меня въ Пури, такъ чтобы въ случаѣ согласія маганда на мой отъѣздъ ѣхать потомъ вмѣстѣ въ Калькутту. Къ величайшему удивленію моему маганда не только не былъ противъ моего отъѣзда, но замѣтилъ что на родинѣ я уже научился всему что должно было мнѣ изучить, и что къ дальнѣйшему совершенствованію въ знаніяхъ долженъ стремиться всякій человѣкъ.... Помню я что когда онъ произносилъ эти слова глаза у него какъ-то особенно горѣли, но отчего они такъ горѣли я повялъ уже потомъ.... Семья его разсталась со мною съ самымъ трогательнымъ выраженіемъ своего сожалѣнія. Я никогда не забуду слезъ его дочерей и какъ онъ хмурился смотря на ихъ слезы. Въ Калькуттѣ вдругъ совершенно по неизвѣстнымъ для меня и для моего олекуна причинамъ возбуждася вопросъ о томъ, позволяетъ ли мое здоровье ѣхать мнѣ въ Англію? И доктора рѣшили было что грудь моя не въ состояніи выносить ея сыраго и холоднаго для меня климата.

Но, несмотря на такой приговоръ медицины, самъ лордъ Лауренсъ распорядился чтобы меня немедленно увезли въ Европу. Я долго и часто потому разсуждалъ, кто могъ возбудить вопросъ о слабости моего здоровья? И всякій разъ я останавливался на томъ заключеніи что въ возбужденіи этого вопроса принималъ таинственное участіе магавдъ изъ Пури.

Я ѣхалъ вновь въ Европу съ горячимъ желаніемъ поглотить всю европейскую премудрость. Я былъ уже въ такомъ возрастѣ что понималъ силу науки, понималъ на какой высотѣ стоитъ она въ Европѣ и жаждалъ воспользоваться знаніями для блага родины.... Не буду разказывать вамъ какъ я опять поступилъ въ швейцарскій пансіонъ и какъ дѣломъ уже обязательно ѣздивъ на два мѣсяца въ Лондонъ чтобы показываться въ министерствѣ и именно въ India Office. Въ 1870 году, во время Франко-Прусской войны, я считалъ дѣломъ довольно труднымъ проѣхать въ Англію чрезъ Парижъ, какъ обыкновенно до того ѣздивъ, а потому и остался на все то дѣло въ Швейцаріи, тѣмъ болѣе что и занятій тогда у меня было много, такъ какъ въ слѣдующемъ году я долженъ былъ окончить курсъ въ своемъ пансіонѣ. Но въ Англіи тотчасъ поняли что я вновь убѣжалъ въ Индію и немедленно прислали узнать обо мнѣ. Замѣчу вамъ что къ тому времени опекунскія обязанности мистера Предена въ отношеніи меня окончились, такъ какъ я считался уже совершеннолѣтнимъ. На слѣдующій годъ по окончаніи курса я явился въ Англію и заявилъ намѣреніе поступить въ одинъ изъ германскихъ университетовъ. Но официальными лица, къ которымъ я обязанъ былъ являться, къ крайнему моему удивленію приняли меня очень холодно. Спустя нѣсколько времени я былъ приглашаемъ въ India Office и мнѣ предложили.... что бы вы думали?... поселиться на островѣ Ямаикѣ, гдѣ, какъ мнѣ сказали, я найду и каимать болѣе соответствующій моему здоровью, и дѣлаю колонію моихъ соотечественниковъ-Индусовъ! вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ сдѣлали намекъ что правительство, въ случаѣ согласія моего на это предложеніе, намѣрено обезлечить меня значительною пожизненною пенсіей. Я вышелъ изъ India Office какъ ошеломленный. Я хорошо понималъ значеніе сдѣланнаго мнѣ предложенія. Прежде всего мнѣ хотѣли преградить доступъ въ университетъ, лишили меня возможности докончить образованіе, то-есть именно

того зачѣмъ вторично привезли меня въ Европу.... Я уви-
дѣлъ что меня обманули.... Я сразу понялъ что Англичане
уже никогда не дадутъ мнѣ свободы, что они хотятъ изгнать
меня не только изъ отечества, но и изъ Англiи... Сначала
въ первыя минуты этого тяжелаго сознанiя закипѣла во мнѣ
ужасная злоба, я лорывался возвратиться въ India Office и
высказать всѣмъ тѣмъ лицамъ съ которыми имѣлъ дѣло что
они наглые обманщики, что они не логнушались обмануть
мальчика.... Но потомъ оломилась и началъ создавать планъ
какъ залапать имъ обманомъ за обманъ. Черезъ нѣсколько
дней я отправился въ India Office и объявилъ что такъ какъ
отъ рѣшенiя которое я выскажу на сдѣланное мнѣ предло-
женiе будетъ зависѣть вся моя судьба, то я прошу дать мнѣ
нѣкоторый срокъ чтобы хорошенько обдумать предложенiе.
Мнѣ отвѣчали что меня вовсе и не думаютъ торопить рѣ-
шенiемъ, что я могу обдумывать его въ теченiе дѣлаго года...
И я дѣйствительно занялся обдумыванiемъ, какъ разъ на-
всегда освободиться отъ ненавистной англiйской олеки, какъ
сдѣлаться свободнымъ, совершенно свободнымъ.... Но, увы!
я ловималъ очень хорошо что ни въ Англiи, ни въ Индiи
мнѣ не видать желанной свободы.... я ловималъ что служить
моему отечеству я могу только въѣ его.... А чтобы достой-
но служить ему, я считалъ необходимымъ прежде всего за-
ластись знанiями....

Я забылъ сказать вамъ еще объ одномъ обстоятельстве:
Я на чужбинѣ все думалъ о родной землѣ, а вы спросите
меня,—думалъ ли кто тамъ обо мнѣ послѣ моего вторичнаго
отъѣзда въ Европу? Что вамъ отвѣчать на такой вопросъ?
Пусть лучше отвѣчаютъ на него сами факты. Отъ тетки
съ самой минуты какъ я расстался съ нею я не получалъ
ровно никакихъ извѣстiй. Магандъ самъ мнѣ не писалъ,—вы
замѣтили что онъ велъ себя съ Англичанами какъ хорошiй
дипломатъ,—но старшiй сынъ его писалъ иногда; интересо-
вался гдѣ я и что дѣлаю, но потомъ письма отъ него стали
получаться рѣже, рѣже и наконецъ всѣ сношенiя мои съ
Индiей прекратились... Я зналъ что тамъ на моей родинѣ
не бьется для меня ни одно живое сердце и, странно, тѣмъ
болѣе льдальъ любовiю къ ней, къ моей родинѣ...

Вотъ когда пригодились мнѣ драгоценныя вещи до-
доставшияся мнѣ въ наследство послѣ сестеръ моихъ и тща-
тельно .сбереженныя мистрисъ Предекомъ, а также и тѣ кото-

рыя подарила мнѣ тетка. Въ вѣхъ, какъ оказалось, было вѣсколько цѣнныхъ бриллиантовъ и другихъ камней, за которые мнѣ предложили довольно крупную сумму денегъ, когда я задумалъ продать ихъ. Помню, какъ я радовался полученнымъ за вещи деньгамъ, да и какъ было не радоваться? онѣ обезлечивали мое пребываніе въ университетѣ и исполненіе задуманнаго мною плана. Въ ноябрѣ 1871 года я переѣхалъ на континентъ Европы съ тѣмъ чтобъ уже никогда не видѣть Англіи, прибылъ въ Берлинъ, сталъ посѣщать университетъ и въ началѣ 1872 года отправилъ въ India Office уведомленіе что отказываюсь навсегда отъ англійской пенсіи, а также и отъ предложенія ѣхать жить на островъ Ямайку.

Въ Берлинѣ началась для меня спокойная труженническая жизнь, которая продолжалась безмятежно цѣлые три года. Ничто не возмущало моихъ научныхъ занятій. Казалось, въ Англіи рѣшились оставить меня въ покоѣ и я вошелъ въ колею обыкновенныхъ мирно живущихъ людей. Въ 1875 году прибыло въ Берлинскій университетъ вѣскольکو молодыхъ Японцевъ. Я съ большимъ любопытствомъ познакомился съ представителями даровитой азіятской націи и въ числѣ ихъ, какъ вамъ уже извѣстно, съ императорскимъ японскимъ принцемъ Кита-Шира-Кана-Номья. Принцъ очень заинтересовался мною и въ самое короткое время все берлинское общество, среди котораго я жилъ три года одинокимъ и незамѣченнымъ, вдругъ заговорило обо мнѣ и пожелало меня видѣть. Но именно эти толки обо мнѣ въ высшемъ берлинскомъ обществѣ и нарушили вновь мой покой. Они привлекли вниманіе Англичанъ. Вдругъ англійское посольство въ Берлинѣ передаетъ мнѣ приглашеніе солутствовать принцу Вельскому въ его путешествіи по Индіи. Сначала я обрадовался было этому предложенію. Я радовался тому что увижу отечество во всѣхъ концахъ его, и полагалъ что вліяніе наследника англійской короны можетъ предоставить мнѣ не только свободное пребываніе въ Индіи, но и полезную тамъ дѣятельность. Потомъ однакожь мнѣ почему-то показалось что это предложеніе—новая ловушка, въ которую хотятъ меня заманить мои пріятель изъ India Office. Я началъ обдумывать, къ кому обратиться въ Лондонѣ чтобъ узнать истинную цѣль сдѣланнаго мнѣ предложенія? Какъ только явилась у меня эта мысль, то тотчасъ же предстала въ моемъ воображеніи

личность Искандеръ-хана, съ которымъ я познакомился въ Лондонѣ не задолго до своего отъезда оттуда и который переписывался потомъ со мною отъ времени до времени. Вамъ вѣроятно извѣстно кто этотъ Искандеръ-ханъ? Это племянникъ Афганскаго эмира Ширъ-Али, не поладившій съ дядей и полковникъ русской службы не ужившійся съ Русскими. Какъ и зачѣмъ онъ очутился въ Англіи—я не знаю, но тамъ немедленно предложена была ему хорошая пенсія. Подобные люди всегда нужны для Англіискаго правительства. Я былъ увѣренъ что этотъ ловкій авантюристъ сумеетъ разузнать кое-что изъ намѣреній джентльменовъ изъ India Office относительно моей личности и не ошибся въ своемъ предположеніи. Искандеръ-ханъ извѣстилъ меня что мое появленіе въ высшемъ берлинскомъ обществѣ рука объ руку съ японскимъ принцемъ сильно встревожило ихъ. Они рѣшили во что бы ни стало заманить меня въ Англію и потомъ силой отправить на Ямаку. Между тѣмъ и англійское посольство въ Берлинѣ начало уже саишкомъ старательно настаивать чтобы я непременно ѣхалъ въ Индію въ свитѣ принца Вельскаго. Услужливый Искандеръ-ханъ, видѣвшій во мнѣ болѣе или менѣе своего соотечественника, сдѣлалъ для меня болѣе чѣмъ я ожидалъ. Новымъ письмомъ онъ уведомилъ меня что и въ самомъ Берлинѣ угрожаетъ мнѣ опасность, а потому совѣтовалъ, не теряя времени, пробраться къ роднымъ въ Непаль чрезъ Персію и Афганистанъ. Выстъ съ тѣмъ онъ предлагалъ написать обо мнѣ своему родному брату въ Тегеранъ чтобы тотъ способствовалъ мнѣ совершить переездъ чрезъ Персію на Герать и Кабуль.

Я уже привыкъ къ настойчивости Англичанъ. Я зналъ что они не оставятъ меня въ покоѣ. Хотя мнѣ тяжело было расставаться съ университетомъ, гдѣ я еще не кончилъ курса, тяжело было расстаться и съ нѣкоторыми сердечными привязанностями, но выбора для меня не было... и я рѣшился лучше добровольно пуститься въ далекое странствіе чѣмъ насильно ѣхать на островъ Ямаку. Почти безо всякихъ затрудненій достигъ я Тегерана, гдѣ, благодаря письму Искандеръ-хана, былъ принятъ очень радушно и съ нѣкоторымъ почетомъ. Братъ Искандеръ-хана, имѣвшій хорошее положеніе при дворѣ шаха, началъ весьма старательно устраивать мое дальнѣйшее путешествіе. Отъ Тегерана далѣе на востокъ, какъ извѣстно, уже идутъ совсѣмъ прими-

тивныя дороги. Для переѣзда по нимъ нужно было застаться вьючными лошадьми, нужно было для безопасности надѣть туземное платье, вооружиться, взять надежныхъ слугъ. Все это устроилъ для меня гостепріимный братъ Искандеръ-хана и въ довершеніе своихъ заботъ обо мнѣ онъ снабдилъ меня охраннымъ листомъ отъ правительства и отыскалъ олытваго и вѣрнаго проводника до самаго Непала. Я присоединился къ торговому каравану отправлявшемуся въ Кабуль и двинулся въ путь. Новыя страны, новая обстановка и новый родъ путешествія занимали меня. Я весь отдался еще неиспытаннымъ мною ощущеніямъ. Въ караванѣ находилось нѣсколько Индусовъ. И странно: какъ только звуки роднаго языка коснулись до моего слуха, то опять радостно затрепетало мое сердце и мнѣ стали неотступно грезиться то сцены моего свиданія съ родными, то уже совсѣмъ свободная жизнь въ той части родной земли откуда я могъ посылать угрозы ненавистному англійскому владычеству въ другой ея части...

Караванъ нашъ прибылъ въ Гератъ, гдѣ должемъ былъ сдѣлать остановку на нѣсколько дней. Я давно пересталъ считать дни своего путешествія и убѣдился что при путешествіяхъ съ караванами на время менѣе всего слѣдуетъ обращать вниманіе, а потому равнодушно лежалъ въ караванъ-сарай на своемъ коврѣ, пилъ кофе и выжидалъ когда караванъ снова двинется въ путь. Вдругъ какъ-то утромъ я вижу приближается къ тому мѣсту гдѣ я лежалъ Европеецъ, окруженный по восточному обычаю вооруженными людьми и слугами. Онъ какъ будто искалъ кого-то и, увидѣвъ меня, кивнулъ мнѣ головой, приблизился и сѣлъ около меня. Это былъ капитанъ Неларъ, англійскій консулъ въ Гератѣ, который такъ сильно хлопоталъ о занятіи Кветты. Онъ назвалъ меня по имени. Я сначала притворился что не понимаю англійскаго языка, но онъ съ улыбкой показалъ на мою правую щеку и я увидѣлъ что ни мое притворство, ни скрытность ни къ чему не поведутъ. „Я зналъ что вы ѣдете съ караваномъ, меня извѣстили объ этомъ письмомъ, и пришелъ предложить вамъ свои услуги“, сказалъ онъ мнѣ весьма любезно. Я благодарилъ и отвѣчалъ что мнѣ ничего не нужно. „Я знаю также что вы хотите пробраться чрезъ Кабуль въ Индію, продолжалъ онъ, — „но смѣю васъ увѣрить что это невозможно“. — „Почему

же?" спросилъ я съ нѣкоторымъ безпокойствомъ. „Дороги за Кабуломъ весьма опасны и особенно въ томъ направленіи по которому вы намѣрены ѣхать“. — „Откуда вы знаете, въ какомъ направленіи и куда я имѣю намѣреніе ѣхать?“ — „Я многое знаю, о чемъ считаю излишнимъ говорить, но предупреждаю васъ что вы будете непременно убиты, если рѣшитесь продолжать свое путешествіе.“ — „Это вздоръ! Вы хотите только налугать меня, вы получили инструкцію такъ дѣйствовать. Но знайте, ваши угрозы меня не останавливать, вы не удержите меня даже силой, потому что я ѣду подъ охраной Персидскаго правительства.“ И я показавъ ему охранный листъ полученный мной въ Тегеранѣ. Онъ опять унынулъ и даже не посмотрѣвъ на бумагу которую я держалъ предъ его глазами. „Не останавливать и не лугать васъ пришелъ я сюда, а только предупредить о серьезной и неминуемой опасности которой вы подвергаетесь“, сказалъ онъ, рѣзко выговаривая каждое слово. Угодно вамъ будетъ послушаться добраго совѣта—я буду радъ, не угодно, дѣлайте что хотите. Но повторяю что дорогой вы будете непременно убиты.“ — „Кѣмъ? разбойниками или англійскими агентами?“ Онъ строго взглянулъ на меня и съ самымъ невозмутимымъ хладнокровіемъ проговорилъ: „Исполняйте мое предостереженіе какъ хотите, я исполнилъ свой долгъ, и затѣмъ прощайте.“ Онъ всталъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, но остановился и, поауоборотясь ко мнѣ, сказалъ: „Если вы вздумаете воротиться и если я въ чемъ-нибудь могу быть вамъ полезнымъ, располагайте мной.“ И онъ ушелъ.

На третій день послѣ этого разговора на разсвѣтѣ караванъ трогался съ мѣста въ дальнѣйшій путь. Я сдѣлавъ всѣ необходимые запасы по указанію проводника, слуги начали вьючить моихъ лошадей, весь караванъ былъ уже въ сборѣ, только мой проводникъ куда-то исчезъ. Караванъ начинаетъ двигаться, а проводника нѣтъ. Бросились искать его, спрашивать о немъ — никто не видѣлъ его и не знаетъ, куда онъ дѣвался. Продолжать путь безъ этого проводника было для меня невысказимо. Вы можете представить мое отчаяніе. Караванъ ушелъ, а я остался разыскивать проводника и выжидать другаго каравана. Прошло нѣсколько дней, недѣля, другая—нѣтъ и слѣдовъ моего проводника. Я давно уже заподозрѣвъ въ исчезновеніи его участіе англійскаго капитана Непира, но какъ было заявить ему о моемъ

подозрѣній? Вдругъ узнаю что и онъ уѣхалъ куда-то поспѣшно изъ Герата. Иные говорили что онъ уѣхалъ на охоту, другіе—что онъ отправился по дѣламъ на персидскую границу.

Собравъ справки о времени когда дождемъ былъ придти въ Гератъ другой караванъ, я разчиталъ что мнѣ лучше не выжидать каравана, а возвратиться въ Тегеранъ и тамъ присоединиться къ нему. Такой планъ давалъ мнѣ возможность посоветоваться съ моими тегеранскими друзьями, какъ избавиться отъ угрозъ и вмѣшательства въ мои дѣла калитана Нелира. Однакожъ новыя неожиданныя обстоятельства измѣнили отчасти этотъ планъ. Во время пребыванія моего въ Гератъ я совершенно случайно получилъ самыя подробныя свѣдѣнія о враждебномъ настроеніи Афганскаго эмира противъ Англичанъ, которое все болѣе и болѣе усиливалось со времени завятія ими Кветты, а также и о нѣкоторыхъ тайныхъ его замыслахъ противъ нихъ. Сближеніе Персіи съ эмиромъ могло быть во всѣхъ отношеніяхъ выгодно для обоихъ сосѣдей, но въ то же время было бы чрезвычайно непріятно для Англичанъ. Я рѣшился послѣзшитъ въ Тегеранъ и тамъ дать идею воспользоваться моментомъ и отправить посольство въ Кабулъ съ цѣлю сближенія съ эмиромъ. При этомъ я не забывалъ и себя: путешествіе съ посольствомъ уже во всякомъ случаѣ гарантировало меня отъ преградъ и опасностей, которыя могъ мнѣ устроить калитанъ Нелиръ, и самымъ вѣрнымъ путемъ вело меня къ цѣли. Предлагая Персіи сближеніе съ эмиромъ, я зналъ что уже открыто выступлю врагомъ Англичанъ; но непреодолимая сила танула меня на борьбу съ ними, хотя и далеко неравную борьбу... Въ Гератъ же мнѣ подана была слабая надежда что дядя мой Нана-Саубъ живъ и находится въ Тибетѣ.

Въ Тегеранѣ Персидское правительство схватилось очень горячо за мою идею и осыпало меня любезностями и комплиментами. Но проходили дни за днями, а посольство въ Кабулъ не назначалось. На вопросы мои я получалъ постоянно одинъ и тотъ же отвѣтъ: „теперь уже скоро, очень скоро отправитесь и вы, и посольство“. Въ такихъ обѣщаніяхъ прошелъ ни болѣе, ни менѣе какъ цѣлый годъ. Разумѣется, я пересталъ уже окончательно вѣрить словамъ персидскихъ министровъ и сталъ хлопотать чтобы хотя уже одному по-прежнему отправиться съ караваномъ, и чтобы меня обезпе-

чили по крайней мѣрѣ нѣкоторою охраной во время пути. Но мнѣ говорили: „Чѣмъ мы можемъ оградить васъ отъ опасностей? Въ такой полудикой странѣ, по которой вамъ придется ѣхать, все можетъ случиться.“ Въ вознѣ съ персидскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ я и даже братъ Искандеръ-хана измучились и потеряли всякое терпѣніе. Какъ теперь я вижу брата Искандеръ-хана въ раздумьѣ и въ смущеніи: что планы наши не удаются. Разказывая вамъ теперь о томъ участіи которое онъ принималъ во мнѣ, я вспоминаю съ особенною благодарностью и съ самыми теплыми чувствами его искреннее желаніе устроить мои дѣла такъ чтобъ я достигнулъ наконецъ родины и освободился отъ гнета Англичанъ.... Оторванный какъ и я отъ родной земли, онъ понималъ лучше другихъ всю горечь моихъ скитаній по чужимъ землямъ.... Видя что отъ персидскихъ министровъ трудно чего-нибудь добиться, онъ направилъ меня къ турецкому посланнику въ Тегеранѣ Мунифъ-эфенди съ предложеніемъ искать Турціи сближенія съ эмиромъ Ширъ-Али и немедленно отправить къ нему посольство. Мунифъ-эфенди нашелъ мысль мою блестящею, просилъ держать въ секретѣ все что я разказалъ ему о положеніи дѣлъ въ Афганистанѣ, и совѣтовалъ ѣхать скорѣе въ Константинополь, заранѣе обѣщая полный успѣхъ у великаго визиря. Обстоятельства, казалось, начали складываться такимъ образомъ чтобъ идея моя наконецъ осуществилась. Мунифъ-эфенди назначенъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія и я съ нимъ вмѣстѣ поѣхалъ въ Константинополь. Я прибылъ туда когда тамъ праздновались побѣды надъ Сербами, но въ то же время и усиденно готовились къ войнѣ съ Россіей.

Въ Константинополь дѣло двинулось гораздо скорѣе чѣмъ въ Тегеранѣ. Тотчасъ же послѣ свиданія моего съ великимъ визиремъ назначенъ былъ посланникомъ въ Кабулъ Магомедъ-Шулизи-эфенди. Начавшаяся война съ Россіей однакожь остановила его отъѣздъ: Турки боялись отправленіемъ этого посольства навлечь неудовольствіе Англичанъ. И, если не ошибаюсь, англійскій посланникъ въ Константинополь, Деярдъ, не примкнулъ сдѣлать великому визирю нѣсколько намековъ по поводу назначенія Магомеда-Шулизи-эфенди. Я не знаю что отвѣчалъ великій визирь Деярду, но знаю то что Магомедъ-Шулизи-эфенди сказанъ большимъ и вопросъ объ отъѣздѣ посольства въ Кабулъ затянулся на неопредѣленное время.

Такимъ образомъ судьба закинула меня на берега Босфора и заставила волей-неволей выжидать событій. Благодаря льстивымъ обѣщаніямъ въ Тегеранѣ, которымъ я имѣлъ неосторожность вѣрить, и неудачной повѣздкѣ въ Константинополь, средства мои истощились до такой степени что я уже не смѣлъ и думать о повѣздкѣ чрезъ Персію и Афганистанъ съ караваномъ. Всѣ надежды свои я возлагалъ на то что Турки очень ладки вообще выказывать свое могущество предъ мусульманскими землями Азіи и дарить ихъ при случаѣ своимъ покровительствомъ: а повѣтку союзъ съ Афганскимъ эмиромъ Ширъ-Али, по моему мнѣнію, непременно долженъ былъ выступить на сцену. Въ этой надеждѣ укрѣпляли меня и начавшіе распространяться въ Константинополь слухи и газетныя извѣстія о турецкихъ побѣдахъ надъ Русскими. Услѣхи турецкаго оружія должны были умалить значеніе Англичанъ въ Константинополь и Магомедъ-Шулизи - эфенди могъ безпрепятственно выздоровѣть и ѣхать въ Кабуль. Такимъ мыслямъ предавался я, сидя на берегу Босфора и любясь прекраснѣйшею окружавшею меня со всѣхъ сторонъ панорамой. А между тѣмъ салюты турецкихъ пушекъ возвѣщали новыя побѣды надъ Русскими, и слышая раздававшійся надъ водами Босфора грохотъ этихъ салютовъ, я думалъ: „Вотъ тутъ тоже совершается неправда. Каждая изъ турецкихъ побѣдъ закрѣпляетъ цѣли покоренныхъ и такихъ же угнетенныхъ какъ въ Индіи народовъ. Свинцомъ и желѣзомъ создается здѣсь право господства надъ побѣжденными. Право это потомъ признается цѣлымъ свѣтомъ и, наоборотъ, цѣлый свѣтъ осудить благородную попытку угнетенныхъ народовъ освободиться изъ-подъ ига пришельцевъ.“ Чувство справедливости заставляло меня не слишкомъ радоваться турецкимъ побѣдамъ, хотя именно онѣ и могли привести меня скорѣе къ цѣли...

Итакъ, въ ожиданіи того что дастъ мнѣ война, я проводилъ время въ константинопольскихъ кофейняхъ и прислушивался къ толкамъ объ извѣстіяхъ получаемыхъ съ театра военныхъ дѣйствій... Вдругъ въ одной изъ кофеенъ встрѣчаю я груллу молодыхъ людей Индусовъ. Разумѣется, я послѣдшилъ съ ними познакомиться и узналъ что одинъ изъ нихъ корреспондентъ извѣстной туземной газеты въ Индіи, пріѣхавшій слѣдить за ходомъ военныхъ событій, а трое

остальныхъ—агенты магараджи Сциндія, * присланные съ цѣлю точно разузнавать и секретно сообщать ему всѣ свѣдѣнія о войнѣ. Индусъ-корреспондентъ намекнулъ мнѣ что въ Индіи не слишкомъ довѣряютъ извѣстіямъ о турецкихъ побѣдахъ, которыя доставляются туда Англичанами и что именно невѣроятность этихъ извѣстій вынудила редакцію газеты отправить его въ Константинополь. Я выразилъ своимъ соотечественникамъ готовность помочь имъ въ собраніи вѣрныхъ свѣдѣній о войнѣ, надѣясь получить ихъ отъ персидскаго посланника, который былъ со мною въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, благодаря наставленіямъ изъ Тегерана, гдѣ все еще должно-быть разчитывали что я пригожусь когда-нибудь въ афганскихъ дѣлахъ. И вотъ отправился я за этими свѣдѣніями къ персидскому посланнику Мирзѣ-Мошенъ-хану. На вопросъ мой что слышно о войнѣ, не одержали ли Турки новыхъ побѣдъ, онъ отвѣчалъ:

— О, да, говорятъ дѣла ихъ идутъ недурно.

При этомъ хитрая улыбка мелькнула у него на лицѣ. Я рѣшился сразу сдѣлать приступъ и вызвать его на откровенность.

— Послушайте, сказалъ я ему съ прибавленіемъ всѣхъ дружескихъ эпитетовъ, безъ которыхъ Персіане не ведутъ разговоръ,—намъ обоимъ нѣтъ надобности представлять другъ другу дѣла Турокъ не въ томъ свѣтѣ въ какомъ они дѣйствительно находятся, и мнѣ кажется какъ для васъ, такъ и для меня было бы полезнѣе не скрывать того что мы знаемъ о дѣшскихъ дѣлахъ. Вотъ я на первый разъ сообщу вамъ что даже въ Индіи не вѣрятъ турецкимъ побѣдамъ.... Мирза-Мошенъ-ханъ захохоталъ.—„Къ чему же вы спрашивали меня, не одержали ли Турки новыхъ побѣдъ? Вы ощущали меня, а я васъ, зная что вы строите какіе-то планы съ великимъ визиремъ.“ И онъ сообщалъ мнѣ что Русскіе взяли Плевну и двигаются черезъ Балканы. Я послѣднимъ передать эти извѣстія Индусамъ и былъ удивленъ радости съ какою они приняли ихъ. Они рассказали мнѣ что въ Индіи сильно сочувствуютъ идеѣ за которую поднята Русскими война, и народъ тамъ надѣется что торжество Русскихъ надъ Турками должно поколебать и могущество Англичанъ на Востоку. Отъ нихъ же въ первый разъ узналъ я о существованіи въ Индіи повѣрья что Русскимъ суждено освобо-

* Владѣтель Гвадіорскихъ земель въ Индіи.

дять страну отъ власти Англичанъ. Съ тѣхъ поръ почти ежедневно заходилъ я въ персидское посольство, а оттуда обыкновенно привосилъ моимъ новымъ пріателямъ Индусамъ все болѣе и болѣе пріятныя для нихъ вѣсти: о лавненіи Шилкинской арміи, о разсѣяніи арміи Сулейманъ-паша, о взятіи Софіи, Филлиполола, Адрианолола и наконецъ о движеніи Русскихъ къ Константинололю. Они лихорадочно записывали что я имъ передавалъ и слѣшили отправлять свои замѣтки въ Индію.

Наконецъ и самъ я въ очію убѣдился что гроза приближается къ Константинололю. Я видѣлъ волненіе на улицахъ, видѣлъ вновь нахлынувшія въ городъ толпы народа, бѣжавшія предъ русскою арміею, слышалъ о сборахъ султанскаго двора въ Брюссу и мнѣ какъ-то указали на англійскій флотъ, маневрировавшій около азіатскаго берега Босфора. Мои пріатели Индусы радовались какъ дѣти, вѣсмъ этимъ событіямъ и съ нетерпѣніемъ ждали вступленія Русскихъ въ городъ. Я тоже радовался торжеству праваго дѣла, хотя это торжество портило, какъ я тогда думалъ, мои собственныя дѣла... но уже таково свойство правды что она вездѣ и всегда, даже въ самомъ большемъ несчастіи человека заставляетъ радостно биться его сердце и забывать хотя не надолго свое собственное горе... „Ну, поздравляю васъ съ перемиріемъ“, сказалъ мнѣ Мирза-Мошенъ-ханъ именно въ то время когда я съ минуты на минуту ждалъ появленія Русскихъ въ Константинололь. „Какъ? Развѣ Русскіе не войдутъ въ Константинололь?“ спросилъ я его совершенно озадаченный не тѣмъ исходомъ войны который уже заранѣе полагали. „Пока еще нѣтъ. Но не все ли равно? Главная квартира ихъ будетъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ города, въ Санъ-Стефано. Они и оттуда могутъ диктовать Туркамъ такія же условія мира какъ и изъ Константинололя. Взятіе Константинололя можетъ только усложнить дѣло.“ — „Мнѣ казалось бы наоборотъ, только бластательно закончить его.“ Мирза-Мошенъ-ханъ пристально посмотрѣлъ на меня и потомъ указалъ пальцемъ къ выходу въ Мраморное Море. — „Вы видите тамъ эти постоянно дымящіяся трубы англійскихъ броненосцевъ? Какъ же вы говорите что дѣло не усложнилось бы, еслибы Русскіе вздумали атаковать Константинололь? Впрочемъ что намъ съ вами за дѣло—прідутъ ли сюда Русскіе или нѣтъ? Мы лучше вотъ о чемъ потолкуемъ. Я получилъ порученіе изъ

Тегеранъ пригласить васъ немедленно ѣхать съ нашимъ посольствомъ къ эмиру въ Кабуль; что вы на это скажете?" Я въ свою очередь внимательно посмотрѣлъ на Персіанина и медлилъ отвѣчать на его вопросъ.—„Такъ что же вы скажете? снова спросилъ онъ меня.—„А если въ Тегеранѣ опять найдутся причины затянуть отъѣздъ посольства?"—„О, теперь уже не будетъ остановокъ. Теперь уже все выяснилось," сказалъ, смѣясь, Мирза-Мошенъ-ханъ. Повязка съ моихъ глазъ спаала. Такъ вотъ почему всѣ они медлили и тамъ въ Тегеранѣ, и тутъ. Вотъ почему заболѣлъ вдругъ Магометъ-Шулизи-эфенди и болѣветъ безъ конца.... Грозныя тучи поднимались на горизонтѣ и всѣ выжидали куда направится гроза. Теперь гроза проходить и каждому видно что ему нужно дѣлать. Для меня тогда вдругъ стало ясно великое міровое значеніе войны предпринятой Россіей. Не даромъ вся Европа съ лихорадочнымъ трепетомъ слѣдила за каждымъ ея фазисомъ, а мусульманская Азія, Персія, Индія и вся сѣверная Африка замерли въ ожиданіи—къ какимъ событіямъ поведетъ она.... „О чемъ же вы задумались еще? прервалъ мои мысли Мирза-Мошенъ-ханъ,—разумѣется вы побѣдете; вѣдь Туркамъ теперь не до эмира, да и за Англичанами они теперь еще болѣе будутъ ухаживать..."

Дѣйствительно въ скоромъ времени послѣ этого разговора перемиріе было заключено. Въ Константинополѣ на улицахъ показались мундиры русскихъ офицеровъ, а въ кофейняхъ посыпалось русское золото, къ великой радости ачынскихъ Грековъ, Армянъ и Евреевъ. Одни Турки сурово смотрѣли на своихъ недавнихъ враговъ. Между тѣмъ судьба подарила меня неожиданнымъ сюрпризомъ. Какъ только русская глазная квартира перемѣщена была въ Самъ-Стефано, константинопольскія газеты на европейскіихъ языкахъ, на перерывъ другъ предъ другомъ, начали наполняться списками состоявшихъ при ней лицъ и иностранныхъ военныхъ агентовъ. Вдругъ въ числѣ послѣднихъ читаю я имя японскаго полковника Яма-Савы, моего большаго пріятеля съ которымъ я познакомился у принца Кита-Шира-Кавы въ Берлинѣ. Въ тотъ же день отправился я отыскивать его въ Самъ-Стефано. Но оказалось что пробраться къ Русскимъ было еще не легко. Несмотря на перемиріе, ихъ все еще считали за непріятелей и турецкія войска стояли вездѣ на позиціяхъ кругомъ Константинополя. Однакожь, благодаря

любезности одного русскаго полковника, возвращавшагося изъ Константинополя въ Савъ-Стефано и предложившаго мнѣ проѣхать съ нимъ чрезъ турецкіе аванпосты, я въ тотъ же день имѣлъ удовольствіе положить руку моему берлинскому пріятелю и вашему соотечественнику Яма-Савъ. Онъ представилъ меня въ главной квартирѣ, гдѣ вскорѣ я сталъ общимъ предметомъ любопытства. Съ своей стороны и я съ величайшимъ любопытствомъ засматривался на кроткія, добродушныя лица русскіхъ солдатъ, этихъ героевъ, совершившихъ столько славныхъ подвиговъ.... Съ тѣхъ поръ я началъ часто ѣздить въ Савъ-Стефано, познакомился со многими дѣйствительными героями войны и съ наслажденіемъ вслушивался въ разказы о выдающихся ея эпизодахъ. Но тутъ со мною самимъ случился неприятный эпизодъ. Агенты англійскаго посланника Лейярда развѣдали что въ Константинополѣ находятся тайные агенты магараджи Сциндія Гвалиорскаго, который не задолго предъ тѣмъ навлекъ на себя неудовольствіе Индійскаго правительства по поводу такого обстоятельства. Онъ выписалъ себѣ изъ Америки партію ружей новой системы, чтобы вооружить ими своихъ солдатъ. Этого было довольно чтобы заподозрить въ магараджѣ тайный замыселъ. Какъ только ружья были доставлены въ Бомбей, магараджа былъ немедленно извѣщенъ объ ихъ прибытіи, его заставили заплатить за нихъ, а потомъ объявили что онъ можетъ получить ихъ и вооружить ими своихъ солдатъ только въ томъ случаѣ, если представится надобность защищаться, надобность защищать страну отъ вѣншихъ непріятелей. Такъ какъ мои друзья Индусы ѣздили со мною иногда къ Русскимъ въ Савъ-Стефано, то агенты Лейярда начали слѣдить за ними; вскорѣ они были узнаны и выслааны изъ Константинополя. Вотъ какъ безцеремонно распоряжаются свободолюбивые Англичане со своими подвластными Азіятцами! Но вмѣстѣ съ тѣмъ и я обратилъ на себя вниманіе Лейярда. Тотчасъ же послѣ этого Турки начали коситься на меня, а въ визиратѣ даже перестали принимать меня. А какъ я жилъ въ Константинополѣ съ персидскимъ паспортомъ, то Мирза-Мошеяъ-ханъ получилъ запросъ изъ англійскаго посольства,—знаетъ ли онъ что я за личность? Мой пріятель персидскій посланникъ въ этомъ случаѣ поступилъ дѣйствительно по-пріятельски: онъ отвѣчалъ что я извѣстенъ хорошо въ Тегеранѣ и нахожусь подъ особымъ покровитель-

ствомъ его величества шаха. Послѣ такого поведенія Лейярда я уже имѣлъ прямой поводъ думать что онъ на одномъ запросѣ въ персидское посольство не остановится и что мнѣ нужно искать болѣе надежной защиты чѣмъ покровительство его величества шаха въ Константинополѣ. Я разказалъ обо всемъ Яма-Савѣ и тотъ предложилъ мнѣ поскорѣе переселиться къ нему въ Савъ-Стефано.

Савъ-Стефанскій миръ уже былъ подписанъ, а британскій флотъ все стоялъ въ виду Константинополя и русскія войска тоже не думали возвращаться въ отечество. Въ главной квартирѣ въ Савъ-Стефано всѣ проникнулись ненавистью къ Англичянамъ; туда дошла слухи что они хотятъ разрушить зданіе выстроенное подвигами русской арміи, стоившее столько крови и жертвъ. Офицеры и солдаты жаждали войны съ Англіей.

„Вотъ наконецъ-то, думалъ я,—драма должна разыгратъся. Но здѣсь подъ стѣнами Константинополя должно быть только начало этой великой драмы, настоящая же ея сцена будетъ Азія....“ И я не смотрѣлъ уже на мое прибытіе въ Константинополь какъ на случайное, я видѣлъ въ немъ волю Провидѣнія, высшее повелѣніе указать Рускому народу на Индію, разказать ему о сочувствіи ея народовъ къ ея дѣламъ, объ ихъ вѣрѣ въ его великое призваніе въ Азію и о начинающемся броженіи въ Афганистанѣ.... Въ отвѣтъ на мою проповѣдь русскаго похода въ Индію мнѣ указывали на Берлинъ, гдѣ Европа уже перестраивала зданіе завершенное Савъ-Стефанскимъ миромъ.... Я видѣлъ что мнѣ необходимо слѣзти въ Петербургъ. Предъ самымъ моимъ отъѣздомъ въ Одессу отыскалъ меня Мирза-Мошенъ-ханъ. Онъ былъ серіозенъ и озбоченъ.

„Помилуйте, что вы дѣлаете?“ сказалъ онъ мнѣ. — „А что?“ — „Васъ ждутъ не дождутся въ Тегерамѣ. Отъѣздъ посольства въ Кабулъ останавливается единственно за вами.“ И онъ показавъ мнѣ только что полученную имъ шифрованную делешу отъ своего правительства. Какимъ лигнеемъ показался мнѣ въ ту минуту Мирза-Мошенъ-ханъ и какъ ничтожна стала въ моихъ глазахъ самая идея моя о персидскомъ посольствѣ къ Афганскому эмиру въ сравненіи съ тѣми широкими, полными мирового значенія планами которые я везъ въ Петербургъ! Еще дорогой чрезъ Россію узналъ я о дружескомъ приѣмѣ оказанномъ русскому посольству эмиромъ

Ширъ-Али, и о томъ волненіи которое произведено было этимъ событіемъ въ Англіи.... Сердце мое трепетало отъ избытка волновавшихъ меня чувствъ и губы мои инстинктивно произносили: „Наступаетъ торжественный моментъ въ исторіи человечества: шестіе великаго европейскаго народа въ Азію не для порабощенія ея мирныхъ, трудолюбивыхъ народовъ, а чтобы принять ихъ въ широко-распростертыя братскія объятія...“ Но, пріѣхавъ въ Петербургъ, я увидѣлъ что уже было поздно.... И на этотъ разъ корыстный эгоизмъ восторжествовалъ....

Принцъ Рамчандръ тяжело вздохнулъ, отшатнулся на спинку кресла, судорожно схватился рукой за лобъ и замолчалъ.

Японцы съ дрожащими отъ волненія губами и съ какимъ-то благоговѣніемъ смотрѣли на грустное, страдальческое лицо его, любящѣе отъ продолжительнаго напряженнаго состоянія, въ которомъ онъ находился во время своего разказа.

Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ вся наша маленькая группа какъ бы замерла и представляла много выражавшую живую картину.

Вдругъ въ Исаакіевскомъ соборѣ раздался ударъ большого колокола. Это былъ благовѣстъ къ рождественской заутренѣ.

Индіецъ подвѣлъ глаза.

— Что значить этотъ колоколъ ночью? спросилъ онъ меня съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— У насъ, у Русскихъ, два большихъ христіанскихъ праздниковъ встрѣчаются богослуженіемъ на самомъ разсвѣтѣ, отвѣчалъ я ему. — Сегодня праздникъ Рождества Христа Спасителя. Вы, конечно, знакомы съ догматами нашей религіи?

— О, да. Когда я былъ ребенкомъ, набожная мистрисъ Преденъ часто объясняла мнѣ Евангеліе и высокое ученіе Христа; но потомъ когда я вторично пріѣхалъ въ Европу, я уже не старался изучать христіанскую религію, чему главною причиною послужилъ религіозный индифферентизмъ, который я встрѣтилъ повсемѣстно въ европейскомъ обществѣ. Намъ, Азіятцамъ, сильно бросается въ глаза контрастъ между настоящимъ настроеніемъ умовъ въ Европѣ и ея религіей. Мы видимъ въ ней большую вражду людей между собою, громадыя арміи во всѣхъ государствахъ ея стоятъ подъ

ружьемъ уже десятки лѣтъ и ведутъ частыя войны,—и тѣ и другія поглощаютъ силы у производительнаго труда и обременяютъ народы налогами.... Мы видимъ въ ней социальный разладъ, всеобщее недовольство, царство эгоизма, попирающаго право собственности и семейныя связи, прихотливую роскошь богатыхъ и борьбу бѣдныхъ съ дороговизной жизни, презрѣнiе къ обязанностямъ гражданина, презрѣнiе къ чужой и даже къ собственной жизни.... И все это мы видимъ рядомъ съ идеальнымъ учениемъ любви къ ближнему, любви ко врагамъ.... Мы поражаемся этимъ явленiемъ и объясняемъ его по-своему.

— Вотъ какъ. Вы объясняете то чего мы сами себя объяснить не можемъ, замѣтилъ я съ нѣкоторою провѣй.

— Да, и объясняемъ очень просто. Европейскiй умъ не въ силахъ выработать удовлетворительной формулы государственнаго и общественнаго строя.... Вотъ почему Европѣ теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь нужно сближенiе съ Азiей... Быть-можетъ она найдетъ въ невѣдомыхъ пока для нея тайникахъ ея ключъ къ рѣшенiю неподдающейся ея усилиямъ задачи.... Повѣрьте, ваше изреченiе „Ex oriente lux“ какъ нельзя болѣе справедливо....

Звонъ колокола въ Исакиевскомъ соборѣ повторился. Я простился со своимъ новымъ интереснымъ знакомымъ и съ Японцами, глубоко потрясенными выслушаннымъ ими разказомъ.

Разказъ мой — не вымыселъ. Принца Рамчандра многiе знаютъ въ Петербургѣ. Смуглое его лицо съ глубокимъ шрамомъ на правой щекѣ и маленькую, исхудалую, болѣзненную, бѣдно одѣтую фигурку часто можно встрѣтить на улицахъ, въ Публичной Библиотекѣ, въ редакцiяхъ нѣкоторыхъ газетъ и журналовъ. Онъ очень любознателенъ, уменъ, начитанъ, хорошо говоритъ на главныхъ европейскихъ языкахъ, всѣмъ нравятся его мягкiя манеры, а многiе признаютъ въ немъ и изрядную долю политическаго смысла, несмотря на то что онъ не перестаетъ строить фантастическiе планы относительно освобожденiя Индiи и сближенiя Европы съ Азiей для счастья народовъ обѣихъ частей свѣта.

С. ПЕТРОВЪ-БАТУРИЧЪ.

22 марта 1879 года.
С.-Петербургъ.

ТРЕВОЖНЫЙ ВОПРОСЪ РУССКОЙ ПЕДАГОГИИ

Изъ кожи лѣзутъ вонъ, а возу все нѣтъ ходу!
Крыловъ.

Вопросъ этотъ—преподаваніе русскаго языка и словесности. На разрѣшеніе этого вопроса, вотъ уже много лѣтъ устремляются значительныя усилія нашихъ разнородныхъ учебныхъ вѣдомствъ; о немъ чаще и охотнѣе чѣмъ о другихъ вопросахъ педагогіи говоритъ наша журналистика, трактуютъ наши педагоги всѣхъ видовъ и наименованій; едва ли не большее вниманіе удѣляется ему сравнительно съ другими педагогическими вопросами и со стороны образованной публики. Академики, профессора университетовъ, преподаватели среднихъ учебныхъ заведеній, литераторы-спеціалисты и неспеціалисты, словомъ цѣлая фаланга лицъ не перестаютъ посвящать труды свои разработкѣ этого вопроса не только въ частностяхъ, но и въ мелочахъ. Что же получилось въ результатъ отъ такихъ трудовъ, практикующихся болѣе двадцати лѣтъ и уже составляющихъ цѣлую литературу? Прежде чѣмъ отвѣчать на вопросъ, считаемъ нужнымъ указать что мы идемъ отъ тѣхъ же положеній которыя высказаны г. Павловымъ въ статьѣ его *О преподаваніи русскаго языка и словесности*,

налечтатною въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (1877 годъ, январь, стр. 427—441). Указаніе это избавить насъ отъ нѣкоторыхъ повтореній того что уже извѣстно читателямъ *Русскаго Вѣстника*.

Итакъ, какую же пользу дѣла преподаванія отечественнаго языка и словесности принесла обширная литература по этому предмету? Никакой!... Въ преподавателяхъ, конечно словесныхъ, чувствуется огромный недостатокъ; лучшіе учителя нашихъ школъ относятся къ этому предмету съ равнодушіемъ, нерѣдко почти съ презрѣніемъ (см. статью г. Павлова, стр. 428), не находятъ въ немъ пользы, не выносятъ изъ школы любви къ литературѣ. Министерство Народнаго Просвѣщенія давно обратило вниманіе на этотъ предметъ и, чтобы помочь бѣдѣ, предложило самимъ учителямъ „выработать одну общую обязательную для всѣхъ программу“ (стр. 430). Съ этою цѣлью, „московскіе учителя собирались еженедѣльно цѣлую зиму подъ предсѣдательствомъ ученаго, опытнаго профессора, толковали, спорили другъ съ другомъ по цѣлымъ часамъ и наконецъ признали для себя невозможнымъ составить требуемую однообразную программу. Программа установленная затѣмъ самимъ Министерствомъ не измѣнила въ сущности положенія дѣла.“ (Ibid.) То же самое, то же недовольство высказалось почти тотчасъ же послѣ того какъ новыя идеи о преподаваніи отечественнаго языка получили практическое примѣненіе. То же недовольство высказывается и теперь. Можетъ-быть, реформа въ преподаваніи отечественнаго языка и словесности имѣла бы иную судьбу, еслибы дѣло было предоставлено самоому себѣ, еслибы шло оно путемъ чисто-педагогическимъ, то-есть ровно и спокойно. Но на бѣду она подпала вліянію бурныхъ теченій. Особенная тревога поднялась съ конца шестидесятыхъ годовъ, именно съ того времени когда началась агитация противъ классическаго образованія. Защищая реальныя школы, наши реалисты прежде всего стояли якобы за интересы отечественнаго языка, которымъ будто бы мѣшаютъ древніе языки. Они увѣряли что успѣхи въ русскомъ языкѣ обратятъ пропорціональны успѣхности въ преподаваніи языковъ греческаго и латинскаго, а потому, между прочимъ, и возложили всѣ свои улованія на военныя гимназіи, въ которыхъ русскій языкъ преподавался (въ двухъ старшихъ классахъ) по 6—5 часовъ въ недѣлю; по этой причинѣ военныя гимназіи

составляли и составляютъ предметъ обожанiя нашихъ русскихъ реалистовъ. Но, увы! въ статьѣ о *Военно-учебномъ реализмѣ* (*Русскій Вѣстникъ* 1877 года, апрѣль) мы привели фактическiя доказательства всей ничтожности результатовъ преподаванiя русскаго языка какiе получались въ военныхъ гимназiяхъ до 1875 года: само военно-учебное вѣдомство совмѣвалось (въ 1874) что военные гимназисты окончившiе курсъ пишутъ безграмотно и притомъ въ „дурномъ фелъетонномъ тонѣ“ (см. нашу статью стр. 498). Наши реалисты и теперь, конечно, остаются при своихъ симпатiяхъ, но позволительно думать что послѣ нашей статьи ихъ улованiя вѣскольکو лоблакау: идеалъ приходится искать въ другомъ мѣстѣ, но такого учебнаго мѣста гдѣ процвѣталъ бы отечественный языкъ въ Русской землѣ не обрѣтается. Горькое сознанiе не для однихъ реалистовъ, но для всѣхъ и каждаго!

Итакъ, пользы отъ 20лѣтнихъ толковъ о преподаванiи языка и словесности не вышло никакой; пишутъ, говорятъ и никакъ не сталкиются. Не сталкиются умные, образованные люди; почему? Потому, очевидно, что не понимаютъ другъ друга, не знаютъ сами чего хотятъ! А если такъ, значить толки мало что не привели ни къ чему хорошему, а ухудшили дѣло: и дѣйствительно, едва ли не стало оно хуже чѣмъ было до толковъ. Въ старые годы отъ преподаванiя русскаго языка и словесности получались лучшiе результаты чѣмъ теперь; въ старые годы и преподаватели этого предмета выходили лучше, то-есть компетентнѣе теперешнихъ. Постараемся доказать эти повидимому парадоксальныя мысли.

До половины сороковыхъ годовъ русскiя провинции знали только однѣ гимназiи вѣдомства просвѣщенiя и не знали кадетскихъ корпусовъ. Духовныя семинарiи по отношенiю къ занимающему насъ вопросу не представляли рѣзкой разницы сравнительно съ гимназiями. Это однообразiе тѣла имѣло значительныя выгоды. Формальное преподаванiе грамматики (по учебникамъ Востокова или Греча), въ связи съ очень хорошими успѣхами по латинскому языку, чѣмъ могли похвалиться наши гимназiи 30—40хъ годовъ, давало очень хорошiе результаты: ученики гимназiй окончивая курсъ, писали орографически правильно, а что главное, орографiя у всѣхъ была однообразная, твердая, а не рас-

штанная, какъ въ послѣдствіи въ эпоху толковъ, когда каждый молодецъ сталъ писать на свой образецъ. Словесность состояла изъ преподаванія риторики, лѣтики и исторіи русской литературы. Все это преподавалось формально, по учебникамъ весьма плохимъ, преподавателями конечно всякими, соглашаемся, даже больше плохими. Но всѣ эти старые преподаватели словесности имѣли одно большое преимущество предъ позднѣйшими: они скорѣе послѣднихъ ориентировались въ своемъ предметѣ, они не терялись въ его частностяхъ и знали свое дѣло, задачи *тогдашней* словесности, съ тою же опредѣленностію какъ знали и знаютъ свои задачи преподаватели другихъ учебныхъ предметовъ: математики, историки, географы и т. л. Такому положенію старинныхъ словесниковъ, конечно; много помогала тогдашній теоретическій способъ преподаванія предмета, то-есть учебники. То-есть, скажутъ, куда негодная методика и дидактика. Пусть такъ; но у учителей былъ устой дававшій имъ возможность крѣпко стоять на ногахъ и сообщать учащимся извѣстную сумму систематическихъ знаній, между тѣмъ какъ позднѣйшій способъ преподаванія не сообщаетъ даже отрывочныхъ свѣдѣній. Но и кромѣ учебниковъ была причина дававшая силу и авторитетъ прежнимъ словесникамъ и привлекавшая къ нимъ симпатіи учащейся молодежи. Сила эта заключалась въ тогдашнемъ взглядѣ на литературный языкъ, на печатное слово вообще. Не считаемъ нужнымъ распространяться о томъ что до половины сороковыхъ годовъ нашъ литературный языкъ (тѣмъ болѣе стихотворный), печатное слово, авторство вообще, пользовались величайшимъ уваженіемъ и считались предметами достойными изученія, а самое изученіе—необходимымъ условіемъ истиннаго образованія. Многие изъ старыхъ словесниковъ, если не большинство, авторствовали (хотя не всегда печатно), писали чаще стихами чѣмъ прозой, и всѣ славою считали себя и еще болѣе считались другими знатоками авторства, людьми компетентными въ литературѣ. Все это вмѣстѣ взятое дѣлало словесность весьма серьезнымъ учебнымъ предметомъ. Мы забыли сказать что преподаваніе логики также входило въ кругъ обязанностей прежнихъ словесниковъ. Преподаваніе языка отдѣлялось отъ преподаванія словесности, но раздѣленіе было только формальное, на самомъ же дѣлѣ между преподаваніемъ языка и словесности было полное единство. Учениковъ младшихъ

классовъ гимназій (даже увѣданныхъ учащихся) знакомили не съ языкомъ дѣтскихъ книгъ и хрестоматій на сей конецъ сочиняемыхъ (въ которыхъ учащіеся предполагаются маленькими идіотами), а съ языкомъ образцовыхъ писателей, прозаиковъ и поэтовъ. Правда, теоретическій способъ преподаванія оставлялъ немного времени для такого знакомства; но непосредственное чтеніе образцоваго писателя (а не педагогической статьи), частый диктантъ изъ него же и въ особенности ученіе наизусть дѣлали свое дѣло,—въ большинствѣ случаевъ помимо желанія и хотѣнія самого преподавателя, то-есть непосредственно, само собою. Выставляя на видъ лучшія стороны прежняго преподаванія русскаго языка и словесности, мы не думаемъ впрочемъ ни вздыхать о томъ что было да прошло, ни отрицать что въ томъ быломъ и давнопрошедшемъ много было темнаго, если угодно—безобразнаго, преимущественно по дидактикѣ и методикѣ. Пусть прежніе словесники были менѣе учены чѣмъ позднѣйшіе; но, повторяемъ, они сильнѣе были этихъ послѣднихъ въ своемъ дѣлѣ, не терялись въ немъ. Ихъ, старыхъ преподавателей, ничто не тревожило: имъ въ этомъ своемъ дѣлѣ было все ясно какъ Божій день.

Тревоги въ дѣлѣ преподаванія русскаго языка и словесности находятся въ связи не съ одними педагогическими, безконечными толками, ни къ чему не приведшими. Омъ въ связи съ другими еще толками, совсѣмъ не педагогическими, которые однако же до настоящей минуты не смолкаютъ и не перестаютъ вредить дѣлу преподаванія словесности.

Не знаемъ, представляетъ ли какая-либо изъ европейскихъ литературъ такое странное явленіе какое представляетъ наша литература во взглядахъ на собственный языкъ. До половины сороковыхъ годовъ примѣрно, мы, какъ и всѣ, очень дорожили своимъ литературнымъ языкомъ, считали его живымъ организмомъ имѣющимъ свою исторію, свой прогрессивный ростъ,—и еще бы не дорожить литературой имѣвшею Карамзина, Жуковскаго, Батюшкова и такого гиганта какъ Пушкинъ! Но мало по малу, отчасти съ легкой руки славянофиловъ, подъ вліяніемъ сентиментальныхъ взглядовъ на народность и на все простонародное, первичное, такой взглядъ измѣняется: литературный языкъ начинаютъ считать какою-то мертвечиной, трупомъ, который только и можно оживить

сильною струей народнаго говора. Не только языкъ Ломоносова и писателей XVIII вѣка, не только Карамзинъ, но и Пушкинъ, Лермонтовъ и позднѣйшіе талантаивые писатели являются въ числѣ такихъ мертвецовъ. Нашъ литературный культурный языкъ, вмѣсто охраненія и уваженія, начинаетъ подвергаться маладкамъ съ разныхъ сторонъ. Одновременно съ такими взглядами возникаетъ малорусская литература, малорусскій литературный языкъ, — возникновеніе совершенно искусственное, подогрѣтое. Не только во Львовѣ или Кіевѣ, вообще по правую сторону Днѣпра, но и на берегахъ Невы въ Петербургѣ, начинается дѣятельная агитація въ пользу *малорусской* литературы, въ пользу отдѣленія ея, какъ совсѣмъ особой, если не враждебной, отъ какой-то литературы *великорусской*. Забыто что если и можно еще говорить о литературныхъ языкахъ великорусскомъ и малорусскомъ, то развѣ до XVIII столѣтія, пока двѣ родныя народности не слились въ одну великую націю. Телерешай русскій литературный языкъ, возникнувшій въ началѣ XVIII вѣка, — не мертвечина, не трупъ, а живой организмъ, продуктъ національнаго гения и національнаго творчества. Онъ одинъ и нераздѣляемъ, какъ одна и нераздѣльна русская гражданственность, русская культура. Онъ принадлежитъ всему Русскому народу. Онъ создавался одновременно настолько же великорусскими насколько и малорусскими писателями, а въ нѣкоторыя эпохи послѣдніе вносили въ него даже большіе вклады. Его создала не одна общая государственная жизнь, но единая общая гражданственность, — церковь, учрежденія, школы и т. п. Если въ немъ преобладаетъ великорусскій элементъ, такъ это сдѣлалось само собою, а не по какому-либо вѣншему давленію. Нашъ литературный языкъ имѣетъ, какъ извѣстно, церковно-славянскую основу; она есть мѣрило его прочности и силы. Достаточно сравнить литературный языкъ старой до-Петровской Россіи съ языкомъ юго-западнаго края принадлежащаго Польшѣ чтобы понять, какому изъ этихъ двухъ литературныхъ нарѣчій должна была принадлежать будущность. Въ первомъ мы видимъ церковно-славянскій элементъ во всей его чистотѣ, и такую же является въ немъ великорусская стихія; во второмъ почти незамѣтна церковно-славянская основа, густо покрытая польскимъ элементомъ, который крѣпко просочился въ самую народную стихію. На подобной основѣ не

могъ возникнуть языкъ самостоятельно развивающейся націи, которую ожидала великая историческая роль. Для Гоголя и его современниковъ и солаемельниковъ все это было азбучною истиной, не подлежащею сомнѣнію и спорамъ; но затѣмъ подъ вліяніемъ разныхъ причинъ все это измѣнилось и до такой степени что крайніе украинофилы, боготворящіе Шевченку, Гоголя считаютъ какимъ-то измѣнникомъ малорусской народности,—Гоголя столько едѣлавшаго для оповѣщиванія послѣдней, столько внесшаго малороссійскихъ элементовъ не только въ общую русскую литературную, но и въ обиходную рѣчь!

Итакъ, народолюбцы и украинофилы сходятся: они почти одинаково проповѣдуютъ о непригодности русской литературной рѣчи. Если ее еще бережетъ второе отдѣленіе Академіи Наукъ, хотя и нельзя сказать чтобы очень ревниво, то съ нею не церемонятся университеты, но крайней мѣрѣ ихъ филологическіе факультеты. Здѣсь „успѣхи въ славянской филологіи“ почему-то нерѣдко выражаются оживленіемъ узкихъ тенденцій въ родѣ украинофильства; этнографическіе взгляды и филологическія соображенія нерѣдко вредятъ языку вмѣсто того чтобы приносить пользу. Просимъ читателя представить себѣ учителемъ русскаго языка и словесности украинофила или одного изъ тѣхъ народолюбцевъ, имъ же има легионы, кои пренебрежительное отношеніе къ литературному языку чуть не считаютъ своимъ долгомъ,— и тогда педагогическій сумбуръ въ занимающемъ насъ вопросѣ будетъ понятенъ. Удивляться ли что изученіе роднаго языка въ нашей школѣ даетъ жалкіе результаты, и что вопросъ о причинахъ этого возбуждаетъ лишь ни къ чему не ведущую тревогу. Удивляться ли съ другой стороны что въ нашихъ южныхъ городахъ нѣкоторые ученики гимназій, идя по улицѣ, говорятъ между собой „по-малороссійски“, что вообще въ нашихъ южныхъ среднихъ школахъ учащіеся хуже говорятъ по-русски чѣмъ въ школахъ западныхъ, малоленныхъ Поляками?

Между тѣмъ литературный языкъ не замеръ, не окаменѣлъ, идетъ своимъ путемъ естественнаго развитія и лодъ леромъ лучшихъ представителей нашей литературы достигъ высокаго совершенства. Но наша педагогія не знаетъ литературнаго языка въ послѣдней фазѣ его развитія, не знакомитъ съ нимъ учащихся, а между тѣмъ на знакомство съ послѣд-

ними дѣлаетъ самъ собою другой языкъ, языкъ другой литературы,—ежедневной печати, фельетона, мало имѣющей общаго съ языкомъ литературно-художественнымъ и литературно-научнымъ и часто враждующій съ этимъ послѣднимъ. У насъ нерѣдко указываютъ на теперешнее расширеніе литературной дѣятельности, на задачи современной печати и на потребность въ литературномъ языкѣ для такихъ сферъ жизни и дѣятельности о какихъ прежде де и на умъ не приходило,—указываютъ какъ на явленіе въ силу котораго и новые таланты будто бы не появляются, и литературное образованіе въ школахъ быстро падаетъ. Но спрашивается: кто же виноватъ въ этомъ явленіи какъ не наша педагогія, ея безсиліе, ея неумѣніе сдѣлать выборъ, отдѣлать шпивицу отъ плевалъ? Кто виноватъ, какъ не эта педагогія, забывшая о художественномъ значеніи языка и исповѣдующая одну его ремесленную полезность? Увы! русская педагогическая автономія оказалась столь же несостоятельною какъ и всякая другая, когда въ ней бездѣлье и болтовня называются дѣломъ, а хаосъ и шатавіе—разумнымъ порядкомъ.

Обращаемся къ результатамъ педагогическихъ толковъ о языкѣ и литературѣ, до сихъ поръ неумолкаемыхъ, до сихъ поръ тревожныхъ. Реформа въ преподаваніи языка и словесности, начавшаяся, какъ замѣчено, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, отличается крайностями если не всѣхъ, то въ которыхъ нашихъ реформъ: она задалась мыслію не улучшить или оживить старое, а разрушить его безъ остатка, создавъ на мѣсто этого стараго, на его мусорѣ и щебнѣ совсѣмъ новое зданіе. Главный недостатокъ прежней системы преподаванія заключался въ крайней теоретичности и отвлеченности; начали уничтожать эти крайности,—и уничтожили!... Въмѣсто грамматики явилась на сцену мнимая логика; вмѣсто частей рѣчи начинающимъ стали толковать о понятіяхъ, сужденіяхъ и умозаключеніяхъ; вмѣсто синтаксиса по нѣскольку лѣтъ разбирали предложенія. Въ результатѣ вышло то что русская грамматика сдѣлалась притчею во языцѣхъ, посмѣшищемъ для преподавателей иностранныхъ языковъ, которые увидѣли себя въ необходимости обучать русскихъ мальчиковъ русскимъ склоненіямъ и спряженіямъ. Уничтоживъ *формальную* грамматику, понятво вельзя было и думать о правописаніи; тутъ не помогли ни историческая грамматика Буслаева (къ которой обратились, впрочемъ, слишкомъ поздно), ни формы церковно-славянскаго

языка, изучение которых имѣетъ смыслъ лишь въ связи съ формами русскими: тутъ, въ дѣлѣ правописанія, пришлось пожалѣть не только о прежней системѣ преподаванія, но и о писарскихъ школахъ, научавшихъ грамотному письму. * Риторикѣ, лиитикѣ и исторію литературы не просто разрушили, но и растоптали ихъ обломки. Новыя облюбленныя хрестоматіи, въ родѣ Ушинскаго, преслѣдовали всякія цѣли, несомнѣнно прелоплезныя, кромѣ главной цѣли подобнаго рода сборниковъ, — знакомства съ изящными образцами литературнаго языка и развитія въ ученикахъ, начиная съ дѣтскихъ лѣтъ, эстетическаго чувства. Классъ русскаго языка обращался въ естественно-научный, физическій, этнографическій и т. д., — и такъ шло по всемъ классамъ школы и притомъ одновременно! Задумаетъ учитель словесности познакомить своихъ учениковъ, напимѣръ, съ русскими былинами, и сидитъ онъ надъ ними нѣсколько мѣсяцевъ, и продѣлываетъ то же самое во всехъ классахъ. Точно такъ же недождали ученикамъ (и стороннему посетителю) поэмами или драматическими сочиненіями Пушкина, фонъ-Визинымъ, Грибоѣдовымъ, Гоголемъ, ибо съ перваго до послѣдняго класса жевали и мяклили, то-есть *разбирали*, все то же и все такъ же. Нѣкоторый порядокъ въ этотъ хаосъ практикующей словесности былъ внесенъ *теоріей* образцовъ: мы подчеркнули слово теоріей, потому что оно въ данномъ случаѣ то же что риторика или лиитика Кошанскаго, то-есть требованіе разбирать образцы только извѣстные, указываемые, но отнюдь не по выбору преподающихъ. Созданіе этой теоріи, улраздлившей по крайней мѣрѣ прежній хаосъ, составляетъ въ нѣкоторомъ родѣ заслугу вѣдомства военно-учебныхъ заведеній, устроившаго въ Петербургѣ *Педагогическіе курсы*, то-есть учительскую семинарію. Объ этихъ курсахъ, собственно подготовляющихъ преподавателей русскаго языка и словесности, о самомъ преподаваніи и о его результатахъ, мы достаточно говорили въ другомъ мѣстѣ (см. *Русскій Вѣстникъ* 1877

* Принимая во вниманіе большія трудности правописанія французскаго и англійскаго, нельзя не подивиться нашей лѣности, отказывающейся справиться съ отечественною орфографіей. Забавно то что, проповѣдуя необходимость изученія исторической грамматики, мы не прочь отдѣаться отъ я, не прочь писать по разговорному.

№ IV, стр. 491—498); къ оказанному остается прибавить немногое. Въ курсы набирались студенты не-филологи университетовъ * и студенты духовныхъ академій, то-есть богословы, математики, натуралисты и юристы, которые, не удовлетворившись избранною спеціальностью, или не совладавъ съ нею, бросались на педагогическое поприще, заманчивое для юношей уже по идеѣ — развивать и обучать дѣтей и темныя массы. Юные педагоги эти были безо всякой филологической подготовки и безъ малѣйшаго эстетическаго образованія. Крайне бѣдные въ научномъ отношеніи, они нашли иной источникъ силы: поставивъ на первомъ планѣ дѣло якобы *развитія* (вмѣсто знанія), они сошлись во взглядахъ съ органами „реализма“ въ нашей журналистикѣ, придавшими ихъ подъ свою защиту. Но какого литературнаго образованія и ознакомленія съ нимъ другихъ можно ожидать отъ молодыхъ людей которые могли бы быть полезными дѣятелями на педагогическомъ поприщѣ, наконецъ учителями начальныхъ школъ, но уже никакъ не могутъ бить словесниками, преподавателями русскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ языкъ этотъ долженъ преподаваться не въ интересахъ реальности или развитія (пусть на это идутъ гг. Ушинскій, Водовозовъ и пр. авторитеты), а въ интересѣ чисто и строго-литературномъ. Дѣйствительно, для *реальныхъ умовъ*, для установленія ремесленнаго отношенія къ отечественной литературѣ, трудно было бы и придумать болѣе подходящихъ педагоговъ чѣмъ тѣ какими явились питомцы курсовъ, такъ-называемые „кандидаты-педагога“. Ихъ способъ преподаванія „по образцамъ“ именно таковъ что не найдешь другаго который возбуждалъ бы такое отвращеніе къ литературѣ, который не доказывалъ бы положительную ея безпольность. Бываютъ очень плохіе учителя музыки и живописи, но не бываетъ такихъ чтобы не умѣли играть ни на какомъ инструментѣ, чтобы не умѣли рисовать хоть карандашомъ. Русскій реализмъ породилъ чудо,—словесниковъ не знающихъ словесности и гордящихся этимъ невѣжествомъ Прогрессивный постъ на которомъ стали педагогическіе курсы, какъ благодѣтели будто бы *последняго слова нѣмецкой педагогикѣ и реализма*, былъ причиной что вліяніе ихъ, благодаря жур-

* Такъ было до 1876; не знаемъ такъ ли теперь; но до того времени ни одного студента-филолога не было на этихъ курсахъ.

нальной агитаціи, далеко распространилось за предѣлы вѣдомства военно-учебныхъ заведеній. Удивляться ли этому, если мы вспомнимъ о силѣ реалистической агитаціи и о нашей педагогической хилости, по которой мы преклоняемся предъ всякимъ вздоромъ, лишь бы онъ выдавался за *последнее слово европейской педагогіи*, въ сущности къ этому непричастной. Очень часто наши *новыя* или *последнія слова* европейской науки на мѣстѣ ветшаютъ и совсѣмъ вымираютъ когда транспортъ нагруженный ими только что перешагалъ къ намъ черезъ прусскую границу. *Последнія слова* удивительно соблазнительны для русскаго человѣка; поэтому нечего удивляться что тиль военно-учебныхъ словесниковъ распространился повсюду и что „изученіе образцовъ“ даетъ вездѣ тѣ же самые результаты о которыхъ мы подробно говорили въ нашей статьѣ о *Военно-учебномъ реализмѣ*. Это, между прочимъ, доказываетъ въ своей статьѣ и г. Павловъ, наблюдавшій за занимающимъ насъ вопросомъ въ другихъ школахъ (стр. 433—434, 436—437). А между тѣмъ въ Германіи, въ *европейской школѣ* нѣтъ и подобія *нашему* нечлѣпому реализму, низводящему литературу до ремесла: тамъ языкъ и словесность изучаются литературно, эстетически; тамъ старое не все поломано; тамъ не боятся говорить о теоріи, о необходимости учебниковъ; тамъ изучаютъ метрику, лишутъ стихи; тамъ всякій педагогическій абсурдъ умираетъ при рожденіи, такъ какъ европейскіе педагоги не знаютъ никакихъ *последнихъ словъ* и очень крѣпко знаютъ и здравымъ смысломъ. Помимо указанныхъ причинъ, распространенію теоріи *изученія образцовъ* очень много способствовала и способствуетъ ея крайняя слодручность, возможность обходиться безо всякихъ литературныхъ и эстетическихъ свѣдѣній, чуть не возможность чуда — стать словесникомъ въ нѣсколько часовъ!

Въ чемъ состоитъ пресловутый *разборъ*? Стихи разбираютъ какъ прозу, якобы логически, анатомически раздѣляя на части и указывая причинную ихъ связь. Прозаическіе куски подвергаются той же самой операціи. Выходитъ стилистическій разборъ безтоаковѣйшій, такъ какъ онъ въ прилѣженіи къ лирическимъ (вообще стихотворнымъ) произведеніямъ, не имѣетъ никакого смысла; вообще ровно ни съ чѣмъ не знакомитъ, ни со слогомъ, ни съ видами словесныхъ произведеній; онъ, наконецъ, не реальный, а просто *ремесленный*

въ самомъ низшемъ значеніи этого слова, ибо смотритъ на языкъ точно такъ же какъ ремесленникъ смотритъ на товаръ который употребляется въ его производствѣ. Если при преподаваніи отечественнаго языка имѣть въ виду одну алгебраическую точность, логичность и не обращать вниманія на музыкальность и картинность; тогда зачѣмъ тратить время на стихи, на поэзію? Зачѣмъ тогда и словесность? И въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ предметъ ничему равно не обучающій и только поощряющій лѣность? Необходимо или отказаться отъ него, или *совсѣмъ иначе* поставить дѣло: такова предстоить намъ дилемма послѣ двадцатилѣтнихъ печальныхъ опытовъ! Попытки помочь бѣдѣ другимъ способомъ ни къ чему не привели: не помогли ни литературный обмѣнъ мыслей, ни совѣщанія и сѣзды, даже совѣты, весьма внушительнаго свойства. Нельзя же однако въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ уничтожить преподаваніе русскаго языка и словесности! Нужно же какъ-нибудь двинуть это дѣло впередъ. „Когда въ товарищяхъ согласія нѣтъ, и дѣло не пойдетъ на ладъ“, говоритъ старикъ Крыловъ въ своей баснѣ *Лебедь, Щука и Ракъ*. Это мудрое изреченіе вполне прилагается и къ нашему *тревожному вопросу*: при однихъ разсужденіяхъ онъ навѣки останется тамъ же гдѣ пребываетъ и Крыловскій возъ съ поклажей, котораго не могли сдвинуть съ мѣста герои названной басни.

Итакъ, что же нужно сдѣлать? Чѣмъ и какъ положить конецъ педагогическимъ тревогамъ, поражающимъ раслуцность и бездѣлье? Попробуемъ отвѣтить на эти вопросы хотя въ самыхъ общихъ чертахъ. Разъ ясно поставленные они не замедлили бы вызвать дальнѣйшую разработку, которая наконецъ и привела бы къ стройной системѣ.

Необходимо, по нашему мнѣнію, серьезное участіе университетовъ, филологическихъ факультетовъ. Педагогія (дидактика и методика) не наука, а искусство, точно такъ же какъ и медицина. Сумма дидактическихъ истинъ такъ ничтожна что, отказавшись отъ тѣхъ которыя теперь въ ходу, поневолѣ придется обратиться къ старымъ, подойти къ нимъ поближе. Вотъ почему ни въ одной области знанія нѣтъ такого широкаго поприща для болтовни и шарлатанства какъ въ педагогической. Если педагогъ не имѣетъ достаточныхъ свѣдѣній по своему предмету и считаетъ невужнымъ ихъ приобретеніе,

то оны никогда не будутъ хорошими учителями, хотя и могутъ быть хорошими болтунами, подобно тѣмъ врачамъ которые умѣютъ говорить о гигиенѣ, но не могутъ справиться съ обыкновенною лихорадкой. Мы вообще лѣнны, и сумма нашихъ педагогическихъ свѣдѣнiй для европейскаго глаза поразительна своею ничтожностью. Что же сказать о ней когда нѣтъ внутренней потребности ее увеличить и есть множество соблазновъ забыть даже то что выносится изъ университетовъ? Необходимо поэтому чтобы университеты давали серьезное филологическое образованiе, а вмѣстѣ и тѣ дополнительные знанiя которыя необходимы для учительскаго обихода. Словомъ, для образованiя хорошихъ преподавателей русскаго языка и словесности при филологическихъ факультетахъ необходимо устроить *учительскiе курсы* или *seminarii* (дѣло не въ названiи, а въ дѣлѣ). На первый разъ такiе курсы дадутъ немного преподавателей, но ихъ будетъ достаточно для гимназiй, по крайней мѣрѣ для старшихъ классовъ. Важнѣе починѣ; важнѣе хотя и небольшой кадръ *знающихъ дѣло преподавателей, которыхъ теперь почти нѣтъ*; съ каждымъ годомъ число такихъ подготовленныхъ преподавателей будетъ возрастать, и тогда явится возможность занять ими не только всѣ мѣста учителей русскаго языка въ гимназiяхъ, но и въ реальныхъ училищахъ: когда это случится, Крыловскiй „возъ съ локажей“ двинется съ мѣста, *тревожный вопросъ русской педагогiи* отойдетъ въ область сказанiй о дѣлахъ давно минувшихъ. Для низшихъ городскихъ и сельскихъ школъ нѣтъ никакой надобности въ такихъ преподавателяхъ, такъ какъ въ нихъ изученiе отечественнаго языка имѣетъ совсѣмъ другiя задачи, чисто-практическiя—пониманiе печатной книги и грамотность въ писанiи, конечно относительную, кака я на примѣръ получалась прежде въ уездныхъ училищахъ. Ученики хорошо подготовленныхъ преподавателей какъ гимназисты, такъ и ученики реальныхъ училищъ въ свою очередь могли бы быть хорошими преподавателями для городскихъ четырехъ-и двухклассныхъ школъ.

Учительскiе курсы для высшихъ университетовъ—учрежденiе не новое: они были еще въ то время когда были такъ-называемые казенные студенты, жившiе въ университетскомъ зданiи. И хотя такiе курсы были болѣе для виду и большаго вниманiя на себя не обращали, тѣмъ не менѣе связь гимназиче-

скихъ педагоговъ съ университетомъ была тѣснѣе чѣмъ нынѣ. Педагоги эти всегда считали не лишнимъ чему-нибудь поучиться у профессора, тогда какъ словесники новѣйшіе, отыскавшіе себѣ идеалъ въ другомъ мѣстѣ, естественно не нуждаются въ совѣтѣ профессора.

Исторія русскаго литературнаго языка должна быть въ числѣ главнѣйшихъ предметовъ учительскихъ курсовъ или семинарій. Языкъ церковно-славянскій, языкъ древне-русскій (письменность до-Петровская); языкъ Ломоносова и писателей XVIII вѣка, его стихи и неологизмы, его уродливости; лингвистическія муки Державина, повредившія его поэзіи; и блестящій языкъ Карамзина, его поэтическія свойства и стихи; языкъ *Илиады* Гнѣдича, Крыловъ и народная рѣчь; вліяніе литературнаго языка на устную рѣчь образованныхъ классовъ; потребность въ неологизмахъ и лучшій способъ ихъ образованія (церковно-славянскій языкъ и латинизація); языкъ Пушкина; языкъ Гоголя и его провинціализмы; языкъ новѣйшихъ авторовъ; отношеніе языка прозаическаго, научнаго къ языку поэтическому. Вотъ для примѣра рубрика на которыхъ долженъ остановиться со вниманіемъ профессоръ излагающій исторію русскаго литературнаго языка.

Хорошо подготовленные и литературно образованные преподаватели сами найдутся что имъ дѣлать въ школѣ, а потому и не стоитъ надобности въ строгой регламентаціи и точныхъ программахъ. Они сами оцѣнятъ по достоинству телерешнѣй ремесленный способъ преподаванія, — а въ этомъ вся суть дѣла; остальное неважно. Такіе преподаватели не возвратятся къ старому способу обученія — къ заучиванію учебниковъ, но и не расплывутся въ „изученіи образцовъ“; они не бросятъ и такого изученія, то-есть практическаго знакомства съ произведеніями образцовыхъ писателей, но будутъ вести это дѣло умѣючи, съ толкомъ, не крошить, не разрубать на куски лирическія піесы, но непосредственно, цѣльно дать почувствовать ученикамъ ихъ музыкальность и картинность; они найдутся что сказать и о прозаическихъ, научныхъ сочиненіяхъ и чему научить при ихъ разборѣ, — свѣдѣнія незнакомыя бывшимъ и сущимъ студентамъ. Они не побоятся и учебниковъ, ибо убѣдятся на дѣлѣ что хорошій, грамотный учебникъ двойнѣ полезенъ: и для систематизаціи и повторенія пройденнаго, и въ интересѣ самаго языка. Въ прежнее время вотъ что

было педагогическою аксіомой: чѣмъ даровитѣе ученикъ, чѣмъ сильнѣе его память, тѣмъ отвѣты его были ближе къ книгѣ; чѣмъ лучше (по языку) учебникъ, тѣмъ отвѣты эти бывали буквальнѣе. И неудивительно: музыкальность рѣчи всегда находить себѣ отзвучіе въ природѣ учащагося, дѣтей и юношей. Чѣмъ бездарнѣе мальчикъ, чѣмъ слабѣе его память, а можетъ и слухъ, тѣмъ больше обнаруживаетъ онъ склонности отдаляться отъ учебника, говорить „своими словами“. Старые педагоги ошибались только, *требуя* долбни: этимъ насыщается природа учащагося. Но старый способъ преподаванія языка и словесности при всѣхъ своихъ недостаткахъ имѣлъ одно великое преимущество предъ новѣйшимъ: онъ не оставалъ никакой пустоты; онъ давалъ дѣло внѣ класса, заставлялъ думать, заботиться о предметѣ, а не считать его праздною забавой. Классное заучиваніе грамматики со словъ учителя записываемыхъ въ тетрадку, а еще болѣе пресловутый „разборъ образцовъ“ и такъ-называемыя „сочиненія“, то-есть пережевыванія того же „образца“ со словъ учителя, избавляютъ теперь учениковъ по выходѣ изъ класса отъ всякой заботливости. Когда дома внѣ классовъ дѣлать нечего, тогда учебный предметъ становится даже вреднымъ, и тѣмъ вреднѣе чѣмъ больше назначается на него учебныхъ часовъ. Дѣльнымъ, литературно-образовательнымъ преподавателемъ сумѣетъ заполнить эту пустоту,—онъ укажетъ дѣло, дастъ трудъ не легкій, но живой, симпатію къ которому таятся въ каждой молодой отзывчивой натурѣ.

Преподаваніе языка и словесности мы точно такъ же какъ и г. Павловъ (стр. 441) не отдѣляемъ, и всякое отдѣленіе въ этомъ смыслѣ считаемъ положительно вреднымъ; подобно ему, мы утверждаемъ „что предметомъ изученія въ школѣ, отъ низшихъ классовъ до высшихъ, можетъ и долженъ быть только языкъ“ (Ibid.) Но какой языкъ?... въ этомъ весь вопросъ, то-есть вся тревога занимающаго насъ вопроса, объясненію которой посвящается настоящая статья. Неоспоримо, языку учить не одни преподаватели этого предмета, но и всѣ учителя, даже старшіе товарищи и уже во всякомъ случаѣ общество или семейство образованныхъ людей. Правильно и точно выражаться на родномъ языкѣ отлично научить математикъ, натуралиста, географъ, могутъ научить и Ушинскій съ Водовозовымъ; но среднія учебныя

заведенія должны обучать не *такому только* языку. *Такому* языку обучаетъ высшая школа,—и благо ей, если она научитъ орфографически и толково писать! Среднія школы обучаютъ языку иной формации, иной высшей природы,—языку *литературному*. Но какому? опять можно спросить и вѣроятно насъ спросать, Конечно не языку всей „печати“, журнальнички, фельетона; но языку образцовыхъ писателей (художниковъ и ученыхъ), начиная съ Карамзина. Тамъ гдѣ такому языку не учатъ, гдѣ на языкъ смотрятъ ремесленно а не литературно, тамъ ученики безъ разбора сами бросаются на всякое печатное слово и естественно прежде всего научаются „дурному фельетонному тону“. Ясно и повятно: анатомическій, ремесленный способъ изученія никакого удовлетворить не можетъ; весьма естественно, ученики сами ищутъ гдѣ подручье удовлетворенія своимъ художественнымъ потребностямъ. „Нѣтъ лучшаго, болѣе образовательнаго предмета для изученія въ школахъ, нѣтъ лучшаго орудія для постепеннаго гармоническаго развитія духовныхъ силъ какъ самъ языкъ,“ говоритъ г. Панаовъ.... Довести до такого (полнаго) обладанія языкомъ и должно быть цѣлю школы (стр. 438). Тутъ позволимъ себѣ замѣчаніе. Легко сказать: „полное обладаніе языкомъ“. Оно не дается не только въ среднихъ школахъ, но и въ университетахъ, не дается вообще въ юности, а приходитъ въ зрѣлые годы, да и то не ко всѣмъ и каждому, а къ тѣмъ лишь которые не перестаютъ заниматься литературой. Полнаго обладанія языкомъ мы не видимъ ни у Карамзина, ни у Пушкина въ ихъ юшескіе годы. А между тѣмъ вопросъ о такомъ „обладаніи“ имѣетъ очень важное практическое значеніе, такъ какъ онъ самымъ рѣшающимъ образомъ вліяетъ на степень умственной зрѣлости учащихся. Никакъ нельзя сказать чтобъ у насъ по этой части все было ясно и не производило бы путаницы. Всѣ бѣды по занимающему насъ предмету происходятъ именно отъ того что мы забыли объ органическихъ и художественныхъ свойствахъ литературнаго языка. Если послѣдній есть дѣйствительно художественное произведеніе, то и изученіе его должно идти тѣмъ же путемъ какъ и другихъ изящныхъ искусствъ,—то-есть овладѣть имъ, да еще вполнѣ въ школахъ немислимо. Овладѣть техникой языка (грамотно и толково писать),—это такъ; но одного этого мало.... За техникой уже идетъ элементъ худо-

жественный, который въ человѣческомъ словѣ проявляется въ гармоніи звуковъ и въ образности представленій; а эти два качества возбуждаютъ въ иной душѣ любовь къ литературѣ, къ авторству. Внушить эту любовь, привлечь сердца учащихся къ словесному искусству, какъ они въ другихъ случаяхъ привлекаются къ живописи, музыкѣ и т. л.—вотъ задача среднихъ учебныхъ заведеній: остальное, то-есть „полное обладаніе языкомъ“ (конечно прозаическимъ и въ сочиненіяхъ тоже прозаическихъ: *poetae nascuntur*) предоставимъ времени. Гдѣ оканчивается техника и гдѣ начинается художественный элементъ, различить это вовсе не трудно людямъ знающимъ дѣло. „Всякое дѣло мастера боится“, говоритъ по-словуца. Если желаемъ упразднить *тревожный вопросъ* нашей педагогіи, надобно чтобы преподаватели русскаго языка и словесности были хорошими мастерами своего дѣла.

М. ДЕ-ПУЛЕ.

Тамбовъ.
Февраль 1879

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ

КНИГА ПЯТАЯ

PRO ■ CONTRA

V.

Великій инквизиторъ.

Вѣдь вотъ и тутъ безъ предисловія невозможно, то - есть безъ литературнаго предисловія, тфу! засмѣялся Иванъ, — а какой ужъ я сочинитель! Видишь, дѣйствіе у меня происходитъ въ шестнадцатомъ столѣтіи, а тогда, — тебѣ, впрочемъ, это должно быть извѣстно еще изъ классовъ, — тогда какъ разъ было въ обычаѣ сводить въ повѣстическихъ произведеніяхъ на землю горнія силы. Я ужъ про Данта не говорю. Во Франціи судейскіе клерки, а тоже и по монастырямъ монахи давали цѣлая представленія въ которыхъ выводили на сцену Мадонну, ангеловъ, святыхъ, Христа и самого Бога. Тогда все это было очень престодушво. Въ *Notre Dame de Paris* у Виктора Гюго въ честь рожденія французскаго Дюфина, въ Парижѣ, при Лудовикѣ XI, въ залѣ ратуши дается назидательное и даровое представленіе народу подъ названіемъ: *Le bon jugement de la très sainte et gracieuse Vierge Marie*, гдѣ и является Она сама лично и произноситъ свой bon

judgement. У насъ въ Москвѣ, въ до-Петровскую старину, такія же почти драматическія представленія, изъ Ветхаго Завета особенно, тоже совершались по временамъ; но кромѣ драматическихъ представленій по всему міру ходило тогда много повѣстей и „стиховъ“, въ которыхъ дѣйствовали по надобности святые, ангелы и вся сила небесная. У насъ по монастырямъ занимались тоже переводами, списываніемъ и даже сочиненіемъ такихъ поэмъ, да еще когда—въ татарщину. Есть, напримѣръ, одна монастырская поэмка (конечно съ греческаго): *Хожденіе Богородицы по мукамъ*, съ картинами и со смысломъ не хуже Дантовскихъ. Богоматерь посѣщаетъ адъ и руководить ее „по мукамъ“ архангелъ Михаилъ. Она видитъ грѣшниковъ и мученія ихъ. Тамъ есть между прочимъ одинъ презанятельный разрядъ грѣшниковъ въ горящемъ озерѣ: которые изъ нихъ погружаются въ это озеро такъ что ужъ и выплыть болѣе не могутъ, то „тѣхъ уже забываетъ Богъ“—выраженіе чрезвычайной глубины и силы. И вотъ, пораженная и плачущая Богоматерь падаетъ предъ престоломъ Божиимъ и проситъ всѣмъ во адѣ помилованія, всѣмъ которыхъ Она видѣла тамъ, безъ различія. Разговоръ Ея съ Богомъ колоссально интересенъ. Она умоляетъ, Она не отходитъ, и когда Богъ указываетъ Ей на прогвожденныя руки и ноги Ея Сына и спрашиваетъ: какъ Я прощу Его мучителей, то Она велитъ всѣмъ святымъ, всѣмъ мученикамъ, всѣмъ ангеламъ и архангеламъ ласть вмѣстѣ съ Нею и молить о помилованіи всѣхъ безъ разбора. Кончается тѣмъ что Она вымаливаетъ у Бога оставку мукъ на всякій годъ отъ великой лятацы до Троицына дня, а грѣшники изъ ада тутъ же благодарятъ Господа и волютъ къ Нему: „Правъ Ты, Господи, что такъ судилъ.“ Ну вотъ и моя поэмка была бы въ томъ же родѣ еслибъ явилась въ то время. У меня на сценѣ является Онъ; правда, Онъ ничего и не говоритъ въ поэмѣ, а только появляется и проходитъ. Пятнадцать вѣковъ уже минуло тому какъ Онъ далъ обѣтованіе придти во царствіи своемъ, лятнадцать вѣковъ какъ пророкъ Его написалъ: „Се гряду скоро“. „О днѣ же семъ и часѣ не знаетъ даже и Сынъ, токмо лишь Отецъ мой небесный“, какъ изрекъ Онъ и самъ еще на землѣ. Но человечество ждетъ Его съ прежнему вѣрой и съ прежнимъ умиленіемъ. О, съ большею даже

вѣрой, ибо пятнадцать вѣковъ уже минуло съ тѣхъ поръ какъ прекратились залоги съ небесъ человѣку:

Вѣрь тому что сердце скажетъ
Нѣтъ залоговъ отъ небесъ.

И только одна лишь вѣра въ сказанное сердцемъ! Правда, было тогда и много чудесъ. Были святые производившіе чудесныя исцѣленія; къ цыгымъ праведникамъ, по жизнеописаніямъ ихъ, сходила сама Царица Небесная. Но дьяволъ не дремлетъ, и въ человѣчествѣ началось уже сомнѣніе въ правдивость этихъ чудесъ. Какъ разъ явилась тогда на сѣверѣ, въ Германіи, страшная новая ересь. Огромная звѣзда, „подобная свѣтильнику“ (то-есть церкви) „пала на источники водъ и стали они горьки“. Эти ереси стали богохульно отрицать чудеса. Но тѣмъ пламеннѣе вѣрять оставшіеся вѣрными. Слезы человѣчества восходятъ къ Нему попрежнему, ждуть Его, любятъ Его, надѣются на Него, жаждутъ пострадать и умереть за Него какъ и прежде.... И вотъ столько вѣковъ молило человѣчество съ вѣрой и пламенемъ: „Бо Господи явися намъ,“ столько вѣковъ зывало къ Нему что Онъ, въ неизмѣримомъ состраданіи своемъ, возжелалъ свизойти къ молящимъ. Снисходилъ, посѣщалъ Онъ и до этого цыгыхъ праведниковъ, мучениковъ и святыхъ отшельниковъ еще на землѣ, какъ и записано въ ихъ „житіяхъ“. У насъ Тютчевъ, глубоко вѣровавшій въ правду словъ своихъ, возвѣстилъ что

Удрученный крестомъ крестной
Всю тебя земля родная
Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный
Исходилъ благословляя.

Что непременно и было такъ, это я тебѣ скажу. И вотъ Онъ возжелалъ появиться хоть на мгновенье къ народу,—къ мучающемуся, страдающему, сирадно-грѣшному, но младенчески любящему Его народу. Дѣйствіе у меня въ Исламіи, въ Севильѣ, въ самое страшное время инквизиціи, когда во славу Божію въ странѣ ежедневно горѣли костры и

Въ великолѣпныхъ автодафе
Сжигали злыхъ еретиковъ.

О, это конечно было не то сошествіе въ которомъ явится Онъ по обѣщанію своему въ концѣ временъ во всей славіи небесной и которое будетъ внезапно „какъ молнія блистаю-

щая отъ востока до запада". Нѣтъ, Онъ возжелалъ хоть на мгновеніе посѣтить дѣтей своихъ и именно тамъ гдѣ какъ-разъ затрепала костры еретиковъ. По безмѣрному милосердію своему Онъ проходитъ еще разъ между людей въ томъ самомъ образѣ человѣческомъ, въ которомъ ходилъ три года между людьми ятнадцатъ вѣковъ назадъ. Онъ спускается на „стогны жаркіе“ южнаго города, какъ разъ въ которомъ всего лишь наканунѣ въ „великолѣпномъ автодафе“, въ присутствіи короля, двора, рыцарей, кардиналовъ и прелестнѣйшихъ придворныхъ дамъ, при многочисленномъ населеніи всей Севильи, была сожжена кардиналомъ великимъ инквизиторомъ разомъ чуть не цѣлая сотня еретиковъ ad majorem gloriam Dei. Онъ появился тихо, незамѣтно, и вотъ всѣ—странно это—узнають Его. Это могло бы быть однимъ изъ лучшихъ мѣстъ ловмы,—то-есть почему именно узнають Его. Народъ непобѣдимой силой стремится къ Нему, окружаетъ Его, нарастаетъ кругомъ Него, слѣдуетъ за Нимъ. Онъ молча проходитъ среди ихъ съ тихою улыбкой безконечнаго состраданія. Солнце любви горитъ въ Его сердцѣ, лучи Свѣта, Просвѣщенія и Силы текутъ изъ очей Его и, изливаясь на людей, сотрясають ихъ сердца отвѣтною любовью. Онъ простираетъ къ нимъ руки, благословляетъ ихъ, и отъ прикосновенія къ Нему даже лишь къ одеждѣ Его исходитъ цѣлящая сила. Вотъ изъ толпы восклицаетъ старикъ, слѣпой съ дѣтскихъ лѣтъ: „Господи, исцѣли меня, да и я Тебя узрю“, и вотъ какъ бы чешуя сходитъ съ глазъ его и слѣпой Его видитъ. Народъ плачетъ и цѣлуетъ землю, по которой идетъ Онъ. Дѣти бросаютъ предъ Нимъ цвѣты, поютъ и вопіють Ему: „Осанна!“ „Это Онъ, это самъ Онъ, повторяють всѣ, это долженъ быть Онъ, это никто какъ Онъ. Онъ останавливается на паперти Севильскаго собора въ ту самую минуту когда во храмъ вносятъ съ плачемъ дѣтскій открытый бѣлый гробикъ: въ немъ семилѣтняя дѣвочка, единственная дочь одного знатнаго гражданина. Мертвый ребенокъ лежитъ весь въ цвѣтахъ. „Онъ воскреситъ твое дитя“, кричатъ изъ толпы плачущей матери. Вышедшій на встрѣчу гроба соборный папѣрь смотритъ въ недоумѣніи и хмуритъ брови. Но вотъ раздается воля матери умершаго ребенка. Она повергается къ ногамъ Его: „Если это Ты, то воскреси дитя мое!“ восклицаетъ она простирая къ Нему руки. Процессія останавливается, гробикъ олуускають на папѣрь къ

ногамъ Его. Онъ глядитъ съ состраданьемъ и уста Его тихо и еще разъ произносятъ: „Тамифа куми“ — „и возста дѣвица“. Дѣвочка подымается въ гробъ, садится и смотритъ улыбаясь удивленными раскрытыми глазами кругомъ. Въ рукахъ ея букетъ бѣлыхъ розъ съ которыми она лежала во гробу. Въ народѣ смятеніе, крики, рыданія, и вотъ, въ эту самую минуту вдругъ проходитъ мимо собора по площади самъ кардиналъ великій инквизиторъ. Это девяностолѣтній почти старикъ, высокій и прямой, съ иссохшимъ лицомъ, со влажными глазами, но изъ которыхъ еще свѣтится какъ огненная искорка блескъ. О, онъ же въ великолѣпныхъ кардинальскихъ одеждахъ своихъ, въ какихъ красовался вчера предъ народомъ когда сжигали враговъ Римской вѣры,—нѣтъ, въ эту минуту онъ лишь въ старой, грубой монашеской своей рясы. За нимъ въ известномъ разстояніи слѣдуютъ мрачные помощники и рабы его и „священная“ стража. Онъ останавливается предъ толпой и наблюдаетъ издали. Онъ все видѣлъ, онъ видѣлъ какъ поставили гробъ у ногъ Его, видѣлъ какъ воскресла дѣвица, и лицо его омрачилось. Онъ хмуритъ сѣдые густыя брови свои и взглядъ его сверкаетъ злобѣющимъ огнемъ. Онъ простираетъ персть свой и велитъ стражамъ взять Его. И вотъ, такая его сила и до того уже приученъ, локорень и трепетно послушенъ ему народъ что толпа немедленно раздвигается предъ стражами и тѣ, среди гробоваго молчанія, вдругъ наступившаго, налагаютъ на Него руки и уводятъ Его. Толпа моментально вся какъ одинъ человѣкъ склоняется головами до земли предъ старцемъ-инквизиторомъ, тотъ молча благословляетъ народъ и проходитъ мимо. Стража приводитъ Пѣвнича въ тѣсную и мрачную сводчатую тюрьму въ древнемъ зданіи Святаго Судилища и запираетъ въ нее. Проходить день, настаетъ темная, горячая и „бездыханная“ севильская ночь. Воздухъ „лавромъ и лимономъ пахнетъ“. Среди глубокаго мрака вдругъ отворяется желѣзная дверь тюрьмы и самъ старикъ великій инквизиторъ со свѣтальникомъ въ рукѣ медленно входитъ въ тюрьму. Онъ одинъ, дверь за нимъ тотчасъ же запирается. Онъ останавливается при входѣ и долго, минуту или двѣ, всматривается въ лицо Его. Наконецъ тихо подходит, ставитъ свѣтальникъ на столъ и говоритъ Ему:

— Это Ты? Ты? Но не получая отвѣта быстро прибавляетъ: Не отвѣчай, молчи. Да и что бы Ты могъ сказать? Я слышномъ знаю что Ты скажешь. Да Ты и права не имѣешь ничего прибавлять къ тому что уже сказано Тобой прежде. Зачѣмъ же Ты пришелъ намъ мѣшать? Ибо Ты пришелъ намъ мѣшать и самъ это знаешь. Но знаешь ли что будетъ завтра? Я не знаю кто Ты и знать не хочу: Ты ли это или только подобіе Его, но завтра же я осужу и сожгу Тебя на кострь какъ заѣдшаго изъ еретиковъ, и тотъ самый народъ, который сегодня цѣловалъ Твои ноги, завтра же, по одному моему мановенію бросится подгребать къ Твоему костру угли, знаешь Ты это? Да, Ты можетъ-быть это знаешь, прибавилъ онъ въ провакновенномъ раздумьи, ни на мгновеніе не отрываясь взглядомъ отъ своего Пѣвника.

— Я не совсѣмъ понимаю, Иванъ, что это такое? улыбулася все время молча слушавшій Алеша, — прямо ли безбрежная фантазія или какая-нибудь ошибка старика, какое-нибудь невозможное *qui pro quo*?

— Прими хоть послѣднее, разсмѣялся Иванъ, — если ужъ тебя такъ разбаловалъ современный реализмъ, и ты не можешь вынести ничего фантастическаго—хочешь *qui pro quo*, то пусть такъ и будетъ. Оно правда, разсмѣялся онъ опять, — старику девяносто лѣтъ, и онъ давно могъ сойти съума на своей идеѣ. Пѣвникъ же могъ поразить его своею наружностью. Это могъ быть наконецъ просто бредъ, видѣніе девяностолѣтняго старика предъ смертью, да еще разгоряченнаго вчерашнимъ автодафе во сто сожженныхъ еретиковъ. Но не все ли равно намъ съ тобою, что *qui pro quo*, что безбрежная фантазія? Тутъ дѣло въ томъ только что старику надо высказаться, что наконецъ за всѣ девяносто лѣтъ онъ высказывается и говорить вслухъ то о чемъ всѣ девяносто лѣтъ молчалъ.

— А Пѣвникъ тоже молчитъ? Глядитъ на него и не говорить ни слова?

— Да такъ и должно быть во всѣхъ даже случаяхъ, опять засмѣялся Иванъ.—Самъ старикъ замѣчаетъ Ему что Онъ и права не имѣетъ ничего прибавлять къ тому что уже прежде сказано. Если хочешь, такъ въ этомъ и есть самая основная черта римскаго католичества, по моему мнѣнію по крайней мѣрѣ: „все дескать передано Тобой лалѣ и все стало-быть

теперь у насъ, а Ты хотъ и не приходи теперь вовсе, не ждмай до времени по крайней мѣрѣ“. Въ этомъ смыслѣ они не только говорятъ, но и пишутъ, іезуиты по крайней мѣрѣ. Это я самъ читалъ у ихъ богослововъ. „Имѣешь ли Ты право возвѣстити намъ хотъ одну изъ тайвъ того міра изъ котораго Ты пришелъ?“—спрашиваетъ его мой старикъ и самъ отвѣчаетъ Ему за Него,—„нѣтъ, не имѣешь, чтобы не прибавлять къ тому что уже было прежде сказано и чтобы не отнять у людей свободы, за которую Ты такъ стоялъ когда былъ на землѣ. Все что Ты вновь возвѣстишь посягнетъ на свободу вѣры людей, ибо явится какъ чудо, а свобода ихъ вѣры Тебѣ была дороже всего еще тогда, полторы тысячи лѣтъ назадъ. Не Ты ли такъ часто тогда говорилъ: „Хочу сдѣлать васъ свободными.“ Но вотъ Ты теперь увидѣлъ этихъ „свободныхъ“ людей, прибавляетъ вдругъ старикъ со вдумчивою усмѣшкой.—„Да, это дѣло намъ дорого стоило, продолжаетъ онъ строго смотря на него,—но мы докончили наконецъ это дѣло, во имя Твое. Пятнадцать вѣковъ мучились мы съ этою свободою, но теперь это кончено и кончено крѣпко. Ты не вѣришь что кончено крѣпко? Ты смотришь на меня кротко и не удостоиваешь меня даже негодованія? Но знай что теперь и именно мыѣ эти люди увѣрены болѣе чѣмъ когда-нибудь что свободны вполнѣ, а между тѣмъ сами же они привели насъ свободу свою и покорно положили ее къ ногамъ нашимъ. Но это сдѣлали мы, а того ль Ты желалъ, такой ли свободы?“

— Я опять не понимаю, прервалъ Алеша,—онъ произноситъ, смѣется?

— Ни мало. Онъ именно ставитъ въ заслугу себѣ и своимъ что наконецъ-то они лобороли свободу, и сдѣлали такъ для того чтобы сдѣлать людей счастливыми. „Ибо теперь только (то-есть онъ конечно говоритъ про инквизицію) стало возможнымъ помыслить въ первый разъ о счастья людей. Человѣкъ былъ устроенъ бунтовщикомъ; развѣ бунтовщики могутъ быть счастливыми? Тебя предупреждали, говорить онъ Ему,— Ты не имѣлъ недостатка въ предупрежденіяхъ и указаніяхъ, но Ты не послушалъ предупрежденій, Ты отвергъ единственный путь которымъ можно было устроить людей счастливыми, но къ счастью, уходя, Ты передалъ дѣло намъ. Ты общалъ, Ты утверждалъ своимъ словомъ, Ты далъ намъ право

связывать и развязывать, и ужь конечно не можешь и думать отнять у насъ это право телерь. Зачѣмъ же Ты пришелъ намъ мѣшать?“

— А что значитъ: не имѣлъ недостатка въ предупрежденіи и указаніи? спросилъ Алеша.

— А въ этомъ-то и состоитъ главное что старику надо высказать.

— „Страшный и умный духъ, духъ самоуничтоженія и небытія, продолжаетъ старикъ,—великій духъ говорилъ съ Тобой въ пустынѣ и намъ передано въ книгахъ что онъ будто бы „искушалъ“ Тебя. Такъ ли это? И можно ли было сказать хоть что-нибудь истиннѣе того что онъ возвѣстивъ Тебѣ въ трехъ вопросахъ, и что Ты отвергъ, и что въ книгахъ названо „искушеніями“? А между тѣмъ если было когда-нибудь на землѣ совершенно настоящее, громовое чудо, то это въ тотъ день, въ день этихъ трехъ искушеній. Именно въ появленіи этихъ трехъ вопросовъ и заключалось чудо. Еслибы возможно было помыслить, лишь для пробы и для примѣра, что три эти вопроса страшнаго духа безслѣдно утрачены въ книгахъ и что ихъ надо возстановить, вновь придумать и сочинить чтобъ ввести опять въ книги, и для этого собрать всѣхъ мудрецовъ земныхъ—правителей, первосвященниковъ, ученыхъ, философовъ, поэтовъ, и задать имъ задачу: придумайте, сочините три вопроса, но такіе которые мало того что соответствовали бы размѣру событія, но и выражали бы сверхъ того, въ трехъ словахъ, въ трехъ только фразахъ человѣческихъ, всю будущую исторію міра и человечества—то думаешь ли Ты что вся премудрость земли, вмѣстѣ соединившаяся, могла бы придумать хоть что-нибудь подобное по силѣ и по глубинѣ тѣмъ тремъ вопросамъ которые дѣйствительно были предложены Тебѣ тогда могучимъ и умнымъ духомъ въ пустынѣ? Ужь по однимъ вопросамъ этимъ, лишь по чуду ихъ появленія можно понимать что имѣешь дѣло не съ человѣческимъ текущимъ умомъ, а съ вѣковѣчнымъ и абсолютнымъ. Ибо въ этихъ трехъ вопросахъ какъ бы совокуплена въ одно цѣлое и предсказана вся дальнѣйшая исторія человѣческая и явлены три образа въ которыхъ сойдутся всѣ неразрѣшимыя историческія противорѣчія человѣческой природы на всей землѣ. Тогда это не могло быть еще такъ видно, ибо будущее было невѣдомо, но телерь, когда прошли

пятнадцать вѣковъ, мы видимъ что все въ этихъ трехъ вопросахъ до того угадано и предсказано и до того оправдалось, что прибавить къ нимъ или убавить отъ нихъ ничего нельзя болѣе.

Рѣши же Самъ кто былъ правъ: Ты или тотъ который тогда вопрошалъ Тебя? Вспомни первый вопросъ; хоть и не буквально, но смыслъ его тотъ: „Ты хочешь идти въ мѣръ и идти съ голыми руками, съ какимъ-то обѣтомъ свободы, котораго они, въ простотѣ своей и въ прирожденномъ безчинствѣ своемъ, не могутъ и осмыслить, котораго боятся они и страшатся,—ибо ничего и никогда не было для человѣка и для человѣческаго общества невыносимѣе свободы! А видишь ли сіи камни въ этой вагой раскаленной пустынѣ? Обрати ихъ въ хлѣбы, и за Тобой побѣдитъ человечество какъ стадо, благодарное и послушное, хотя и вѣчно трепещущее что Ты отынешь руку свою и прекратятся имъ хлѣбы Твои. Но Ты не захотѣлъ лишить человѣка свободы и отвергъ предложеніе, ибо какая же свобода, разсудилъ Ты, если послушаніе куллево хлѣбами? Ты возразилъ что человѣкъ живъ не единымъ хлѣбомъ, но знаешь ли что во имя этого самаго хлѣба земнаго и возстанетъ на Тебя духъ земли и сразится съ Тобой и побѣдитъ Тебя и всѣ пойдутъ за нимъ восклицающа: „Кто подобенъ звѣрю сему, онъ далъ намъ огонь съ небесъ!“ Знаешь ли Ты что пройдутъ вѣка и человечество провозгласитъ устами своей премудрости и науки что преступленія нѣтъ, а стало-быть нѣтъ и грѣха, а есть лишь только голодные. „Накорми, тогда и спрашивай съ нихъ добродѣтели!“ вотъ что напишутъ на знамени, которое воздвигнуть противъ Тебя и которымъ разрушится храмъ Твой. На мѣстѣ храма Твоего воздвигнется новое зданіе, воздвигнется вновь страшная Вавилонская башня, и хотя и эта не достроится какъ и прежняя, но все же Ты бы могъ избѣжать этой новой башни и на тысячу лѣтъ сократить страданія людей,—ибо къ намъ же вѣдь придутъ они промучившись тысячу лѣтъ со своею башней! Они отыщутъ насъ тогда опять подъ землей, въ катакомбахъ, скрывающихся (ибо мы будемъ вновь гонимы и мучимы), найдутъ насъ и возопіютъ къ намъ: „Накормите насъ, ибо тѣ которые обѣщали намъ огонь съ небесъ его не дали.“ И тогда уже мы и достроимъ ихъ башню, ибо достроитъ тотъ кто накормитъ, а накормимъ лишь мы, во имя Твое, и

скажемъ что во имя Твое. О, никогда, никогда безъ насъ они не накормятъ себя! Никакая наука не дастъ имъ хлѣба пока они будутъ оставаться свободными, но кончится тѣмъ что они принесутъ свою свободу къ ногамъ нашимъ и скажутъ вамъ: „лучше поработите насъ, но накормите насъ“. Поймутъ наконецъ сами что свобода и хлѣбъ земной вдоволь для всякаго вмѣстѣ немислимы, ибо никогда, никогда не сумѣютъ они раздѣлиться между собою! Убѣдятся тоже что не могутъ быть никогда и свободными, потому что малосильны, порочны, ничтожны и бунтовщики. Ты обѣщаль имъ хлѣбъ небесный, но повторяю опять, можетъ ли онъ сравниться въ глазахъ слабого, вѣчно порочнаго и вѣчно неблагогодушнаго людскаго племени съ земнымъ? И если за Тобою, во имя хлѣба небеснаго, пойдутъ тысячи и десятки тысячъ, то что станется съ милліонами и съ десятками тысячъ милліоновъ существъ, которыя не въ силахъ будутъ пренебречь хлѣбомъ земнымъ для небеснаго? Или Тебѣ дороги лишь десятки тысячъ великихъ и сильныхъ, а остальные милліоны многочисленныя какъ песокъ морской, слабыхъ, но любящихъ Тебя, должны лишь послужить матеріаломъ для великихъ и сильныхъ? Нѣтъ, намъ дороги и слабые. Они порочны и бунтовщики, но подъ конецъ они-то станутъ и послушными. Они будутъ удивляться на насъ и будутъ считать насъ за боговъ за то что мы, ставъ во главѣ ихъ, согласились выносить свободу и надъ ними господствовать,—такъ ужасно имъ станетъ подъ конецъ быть свободными! Но мы скажемъ что послушны Тебѣ и господствуемъ во имя Твое. Мы ихъ обманемъ опять, ибо Тебя мы ужь не лустимъ къ себѣ. Въ обманѣ этомъ и будетъ заключаться наше страданіе, ибо мы должны будемъ лгать. Вотъ что значилъ этотъ первый вопросъ въ лустынь, и вотъ что Ты отвергъ во имя свободы, которую поставилъ выше всего. А между тѣмъ въ вопросѣ этомъ заключалась великая тайна міра сего. Привявъ „хлѣбы“ Ты бы отвѣтилъ на всеобщую и вѣковѣчную тоску человѣческую какъ единичнаго существа, такъ и цѣлаго человѣчества вмѣстѣ—это: „предъ кѣмъ преклониться?“ Нѣтъ заботы непрерывнае и мучительнае для человѣка, какъ оставшійся свободнымъ смыскалъ поскорѣе того предъ кѣмъ преклониться. Но ищетъ человѣкъ преклониться предъ тѣмъ что уже безспорно, столь безспорно, чтобы всѣ люди разомъ согласились на все-

общее предъ нимъ преклоненіе. Ибо забота этихъ жалкихъ созданій не въ томъ только состоитъ чтобы сыскать то предъ чѣмъ мнѣ или другому преклониться, но чтобы сыскать такое чтобы и всѣ увѣровали въ него и преклонились предъ нимъ, и чтобы непременно *есть влѣсть*. Вотъ эта потребность *общности* преклоненія и есть главнѣйшее мученіе каждаго человѣка единолично и какъ цѣлаго человечества съ начала вѣковъ. Изъ-за всеобщаго преклоненія они истребляли другъ друга мечомъ. Они создали боговъ и зывали другъ къ другу: „Бросьте вашихъ боговъ и придите поклониться нашимъ, не то смерть вамъ и богамъ вашимъ!“ И такъ будетъ до скончанія міра, даже и тогда когда исчезнутъ въ мірѣ и боги: все равно падутъ предъ идолами. Ты зналъ, Ты не могъ не знать эту основную тайну природы человѣческой, но Ты отвергъ единственное абсолютное знамя которое предлагалось Тебѣ, чтобы заставить всѣхъ преклониться предъ Тобою безспорно, — знамя хлѣба земнаго, и отвергъ во имя свободы и хлѣба небеснаго. Взгляни же что сдѣлалъ Ты даѣе. И все опять во имя свободы! Говорю Тебѣ что нѣтъ у человѣка заботы мучительнѣе какъ найти того кому бы передать поскорѣ тотъ даръ свободы, съ которымъ это несчастное существо рождается. Но овладѣваетъ свободой людей лишь тотъ кто усложнитъ ихъ совѣсть. Съ хлѣбомъ Тебѣ давалось безспорное знамя: дашь хлѣбъ, и человѣкъ преклонится, ибо ничего нѣтъ безспорнѣе хлѣба, но если въ то же время кто-нибудь овладѣетъ его совѣстью помимо Тебя,—о, тогда онъ даже броситъ хлѣбъ Твой и пойдетъ за тѣмъ которымъ обольститъ его совѣсть. Въ этомъ Ты былъ правъ. Ибо тайна бытія человѣческаго не въ томъ чтобы только жить, а въ томъ для чего жить. Безъ твердаго представленія себѣ для чего ему жить человѣкъ не согласится жить и скорѣй истребитъ себя чѣмъ останется на землѣ, хотя бы кругомъ его все были хлѣбы. Это такъ, но что же вышло: вмѣсто того чтобы овладѣть свободой людей, Ты увеличилъ имъ ее еще больше! Или Ты забылъ что спокойствіе и даже смерть человѣку дороже свободаго выбора въ познаніи добра и зла? Нѣтъ ничего обольстительнѣе для человѣка какъ свобода его совѣсти, но нѣтъ ничего и мучительнѣе. И вотъ вмѣсто твердыхъ основъ для успокоенія совѣсти человѣческой разъ навсегда—Ты взялъ все что есть

необычайнаго, гадательнаго и неопредѣленнаго, взявъ все что было не по силамъ людей, а потому поступилъ какъ бы и не любя ихъ вовсе,—и это кто же: Тотъ который пришелъ отдать за нихъ жизнь свою! Въмѣсто того чтобы овладѣть людскою свободою Ты умножилъ ее и обременилъ ея мученіями душевное царство человѣка во вѣки. Ты възжелалъ свободной любви человѣка чтобы свободно пошелъ онъ за Тобою, прельщенный и лавнейный Тобою. Въмѣсто твердаго древняго закона,—свободнымъ сердцемъ долженъ былъ человѣкъ рѣшать впредь самъ что добро и что зло, имѣя лишь въ руководствѣ Твоей образъ предъ собою,—но неужели Ты не подумалъ что онъ отвергнетъ же наконецъ и оспоритъ даже и Твоей образъ и Твою правду, если его угнетутъ такими страшнымъ бременемъ какъ свобода выбора? Они воскликнутъ наконецъ что правда не въ Тебѣ, ибо невозможно было оставить ихъ въ смятеніи и мученіи болѣе чѣмъ сдѣлалъ Ты, оставивъ имъ столько заботъ и неразрѣшимыхъ задачъ. Такимъ образомъ самъ Ты и положилъ основаніе къ разрушенію своего же царства и не вини никого въ этомъ болѣе. А между тѣмъ то ли предлагалось Тебѣ? Есть три силы, единственныя три силы на землѣ, могущія на вѣки побѣдить и лавнать совѣсть этихъ слабосильныхъ бунтовщиковъ, для ихъ счастья,—эти силы: чудо, тайна и авторитетъ. Ты отвергъ и то и другое и третье и самъ подаль примѣръ тому. Когда страшный и премудрый духъ оставилъ Тебя на вершинѣ храма и сказалъ Тебѣ: „Если хочешь узнать Сынъ ли Ты Божій, то верзись внизъ, ибо сказано про Того что ангелы подхватятъ и повесутъ Его, и не упадетъ и не расшибется, и узнаешь тогда Сынъ ли Ты Божій и докажешь тогда какова вѣра Твоя въ Отца Твоего“, но Ты выслушавъ, отвергъ предложеніе, и не поддался и не бросился внизъ. О, конечно Ты поступилъ тутъ гордо и великолѣпно какъ Богъ, но люди-то, но слабое бунтующее племя это—они-то боги ли? О, Ты покаялъ тогда что сдѣлавъ лишь шагъ, лишь движеніе броситься внизъ Ты тотчасъ бы и искусилъ Господа, и вѣру въ Него всю потерялъ, и разбился бы о землю, которую спасать пришелъ, и возрадовался бы умный духъ искушавшій Тебя. Но, повторяю, много ли такихъ какъ Ты? И неужели Ты въ самомъ дѣлѣ могъ допустить хоть минуту что и людямъ будетъ подъ силу подобное искушеніе? Такъ ли создана природа человѣческая чтобы отвергнуть чудо и

въ такіе страшные моменты жизни, моменты самых страшных основных и мучительныхъ душевныхъ вопросовъ своихъ оставаться лишь со свободнымъ рѣшеніемъ сердца? О; Ты зналъ что подвигъ Твой сохранится въ книгахъ, достигнетъ глубины времени и послѣднихъ предѣловъ земли, и надеялся что слѣдуя Тебѣ и человекъ останется съ Богомъ не нуждаясь въ чудѣ. Но Ты не зналъ что чуть лишь человекъ отвергнетъ чудо, то тотчасъ отвергнетъ и Бога, ибо человекъ ищетъ не столько Бога сколько чудеса. И такъ какъ человекъ оставаться безъ чуда не въ силахъ, то назождаетъ себя новыхъ чудесъ, уже собственныхъ, и поклонится уже знахарскому чуду, бабьему колдовству, хотя бы онъ сто разъ былъ бунтовщикомъ, еретикомъ и безбожникомъ. Ты не сошелъ со креста когда кричали Тебѣ, издѣваясь и дразня Тебя: „Сойди со креста и увидимъ что это Ты“. Ты не сошелъ потому что, опять таки, не захотѣлъ поработить человека чудомъ, и жаждалъ свободной вѣры, а не чудесной. Жаждалъ свободной любви, а не рабскихъ восторговъ невольника предъ могуществомъ разъ навсегда его ужасавшимъ. Но и тутъ Ты судилъ о людяхъ слишкомъ высоко, ибо конечно они невольники, хотя и созданы бунтовщиками. Озрись и суди, вотъ прошло пятнадцать вѣковъ, поди посмотри на нихъ: кого Ты вознесъ до себя? Клянусь, человекъ слабѣе и ниже созданъ чѣмъ Ты о немъ думалъ! Можетъ ли онъ исполнить то что и Ты? Столь уважая его Ты поступилъ какъ бы переставъ ему сострадать, потому что слишкомъ много отъ него и потребовалъ,—и это кто же. Тотъ который возлюбилъ его болѣе самого себя! Уважая его менѣе, менѣе бы отъ него и потребовалъ, а это было бы ближе къ любви, ибо легче была бы ноша его. Онъ слабъ и подаль. Что въ томъ что онъ теперь повсемѣстно бунтуетъ противъ нашей власти и гордится что онъ бунтуетъ? Это гордость ребенка и школьника. Это маленькія дѣти взбунтовались въ классѣ и выгнали учителя. Но придетъ конецъ и восторгу ребятишекъ, онъ будетъ дорого стоить имъ. Они испровергнутъ храмы и зальютъ кровью землю. Но догадываются наконецъ глупыя дѣти что хоть они и бунтовщики, но бунтовщики слабосильные, собственного бунта своего не выдерживающіе. Обливаясь глупыми слезами своими они сознаются наконецъ что создавшій ихъ бунтовщиками безъ сомнѣнія хотѣлъ посмѣяться надъ ними. Скажутъ это

они въ отчаяніи и сказанное ими будетъ богоухальствомъ, отъ котораго они стануть еще несчастіе, ибо природа человѣческая не выноситъ богоухальства, и въ концѣ концовъ сама же себѣ всегда и отмститъ за него. И такъ неспокойство, смутеніе и несчастіе — вотъ телерешній удѣлъ людей послѣ того какъ Ты столь претерпѣвъ за свободу ихъ! Великій пророкъ Твой въ видѣніи и въ иносказаніи говорить что видѣлъ всѣхъ участниковъ перваго воскресенія и что было ихъ изъ каждаго колѣна по двѣнадцати тысячъ. Но если было ихъ столько, то были и они какъ бы не люди, а боги. Они вытерпѣли крестъ Твой, они вытерпѣли десятки лѣтъ голодной и нагой лустыни, питаея акридами и кореньями, — и ужь конечно Ты можешь съ гордостью указать на этихъ дѣтей свободы, свободной любви, свободной и великокоштной жертвы ихъ во имя Твое. Но вспомни что ихъ было всего только вѣсколько тысячъ, да и то боговъ, а остальные? И чѣмъ виноваты остальные слабые люди что не могли вытерпѣть того что могучіе? Чѣмъ виновата слабая душа что не въ силахъ вмѣстить столь страшныхъ даровъ? Да неужто же и впрямь приходилъ Ты лишь къ избраннымъ и для избранныхъ? Но если такъ, то тутъ тайна, и намъ не понять ея. А если тайна, то и мы въ правѣ были проловѣдывать тайну и учить ихъ что не свободное рѣшеніе сердець ихъ важно и не любовь, а тайна, которой они повинуются должны сѣло даже мимо ихъ совѣсти. Такъ мы и сдѣлали. Мы исправили подвигъ Твой и основали его на *чудѣ, тайнѣ и авторитетѣ*. И люди обрадовались что ихъ вновь повели какъ стадо и что съ сердець ихъ снятъ наконецъ столь отравный даръ, принесшіи имъ столько муки. Правы мы были уча и дѣлая такъ, скажи? Неужели мы не любили человечества столь смиренно сознавъ его безсиліе, съ любовью облегчивъ его ношу и разрѣшивъ слабосильной природѣ его хотя бы и грѣхъ, но съ нашего позволенія? Къ чему же теперь пришелъ намъ мѣшать? И что Ты молча и провикновенно глядишь на меня кроткими глазами своими? Разсердись, я не хочу любви Твоей, потому что самъ не люблю Тебя. И что мнѣ скрывать отъ Тебя? Или я не знаю съ кѣмъ говорю? То что имѣю сказать Тебѣ, все Тебѣ уже извѣстно, я читаю это въ глазахъ Твоихъ. И я ли скрою отъ Тебя тайну нашу? Можетъ-быть Ты именно хочешь услышать ее

изъ устъ моихъ, слушай же: Мы не съ Тобой, а съ *нимъ*, вотъ наша тайна! Мы давно уже не съ Тобой, а съ *нимъ*, уже восемь вѣковъ. Ровно восемь вѣковъ назадъ какъ мы взяли отъ него то что Ты съ негодованіемъ отвергъ, тотъ послѣдній даръ который онъ предлагалъ Тебѣ показавъ Тебѣ всѣ царства земныя: мы взяли отъ него Римъ и мечъ Кесаря и объявили лишь себя царями земными, царями единаыми, хотя и донынѣ не успѣли еще привести наше дѣло къ полному окончанію. Но кто виноватъ? О, дѣло это до сихъ поръ лишь въ началѣ, но оно началось. Долго еще ждать завершения его и еще много выстрадаетъ земля, но мы достигнемъ и будемъ кесарями, и тогда уже подумаемъ о всемірномъ счастьи людей. А между тѣмъ Ты бы могъ еще и тогда взять мечъ Кесаря. Зачѣмъ ты отвергъ этотъ послѣдній даръ? Принявъ этотъ третій совѣтъ могучаго духа Ты восполнилъ бы все чего ищетъ человѣкъ на землѣ, то есть: предъ кѣмъ преклониться, кому вручить совѣсть и какимъ образомъ соединиться наконецъ всѣмъ въ безслорный общій и согласный муравейникъ, ибо потребность всемірнаго соединенія есть третье и послѣднее мученіе людей. Всегда человѣчество въ цѣломъ своемъ стремилось устроиться непремѣнно всемірно. Много было великихъ народовъ съ великою исторіей, но чѣмъ выше были эти народы, тѣмъ были и несчастнѣе, ибо сильнѣе другихъ сознавали потребность всемірности соединенія людей. Великіе завоеватели, Тимуры и Чингисханы, пролетѣли какъ вихрь по землѣ, стремясь завоевать вселенную, но и тѣ, хотя и безознательно, выразили ту же самую великую потребность человечества ко всемірному и всеобщему единенію. Принявъ мѣръ и порфиру Кесаря основалъ бы всемірное царство и далъ всемірный покой. Ибо кому же владѣть людьми какъ не тѣмъ которые владѣютъ ихъ совѣстью и въ чьихъ рукахъ хлѣбъ ихъ. Мы и взяли мечъ Кесаря, а взявъ его конечно отвергли Тебя и пошли за *нимъ*. О, пройдутъ еще вѣка безчинства свободнаго ума, ихъ науки и антролофагіи, потому что начавъ возводить свою Вавилонскую башню безъ насъ они кончатъ антролофагіей. Но тогда-то и прилѣзетъ къ намъ звѣрь и будетъ лизать ноги наши и обрызжетъ ихъ кровавыми слезами изъ глазъ своихъ. И мы сядемъ на звѣря и воздвигнемъ чашу и на ней будетъ написано: „Тайна!“ Но тогда лишь и тогда настанетъ для людей царство покоя

и счастья. Ты гордишься своими избравниками, но у Тебя лишь избравники, а мы успокоимъ всѣхъ. Да и такъ ли еще: сколь многіе изъ этихъ избравниковъ, изъ могучихъ, которые могли бы стать избравниками, устали наконецъ ожидая Тебя, и понесли и еще понесутъ силы духа своего и жаръ сердца своего на иную виву и кончатъ тѣмъ что на Тебя же и воздвигнутъ свободное знамя свое. Но Ты самъ воздвигъ это знамя. У насъ же всѣ будутъ счастливы и не будутъ болѣе ни бунтовать, ни истреблять другъ друга, какъ въ свободѣ Твоей, повсемѣстно. О, мы убѣдимъ ихъ что они тогда только и станутъ свободными когда откажутся отъ свободы своей для насъ и намъ покорятся. И что же, правы мы будемъ или сождемъ? Они сами убѣдятся что правы, ибо вспомнить до какихъ ужасовъ рабства и смятенія доводила ихъ свобода Твоя. Свобода, свободный умъ и наука заведутъ ихъ въ такіа дебри и поставятъ предъ такими чудами и неразрѣшимыми тайнами что одни изъ нихъ, влекокорные и свирѣлые, истребятъ себя самихъ, другіе влекокорные, но малосильные, истребятъ другъ друга, а третьи оставшіеся, слабосильные и несчастные, приползутъ къ ногамъ нашимъ и возопіютъ къ намъ: „Да, вы были правы, вы одни владѣли тайной Его, и мы возвращаемся къ вамъ, спасите насъ отъ себя самихъ.“ Получая отъ насъ хлѣбы конечно они ясно будутъ видѣть что мы ихъ же хлѣбы, ихъ же руками добытые, беремъ у нихъ чтобы имъ же раздать, безо всякаго чуда, увидать что не обратили мы камней въ хлѣбы, но во истину болѣе чѣмъ самому хлѣбу рады они будутъ тому что получаютъ его изъ рукъ нашихъ! Ибо слишкомъ будутъ помнить что прежде, безъ насъ, самые хлѣбы, добытые ими, обращались въ рукахъ ихъ лишь въ камни, а когда они воротились къ намъ, то самые камни обратились въ рукахъ ихъ въ хлѣбы. Слишкомъ, слишкомъ оцѣнять они что значитъ разъ навсегда подчиниться! И пока люди не поймутъ сего они будутъ несчастны. Кто болѣе всего способствовалъ этому непониманію, скажи? Кто раздробилъ стадо и рассыпалъ его по путямъ невѣдомымъ? Но стадо вновь соберется и вновь покорится, и уже разъ навсегда. Тогда мы дадимъ имъ тихое, смиренное счастье, счастье слабосильныхъ существъ, какими они и созданы. О, мы убѣдимъ ихъ наконецъ не гордиться, ибо Ты вознесъ ихъ и тѣмъ научилъ гордиться; докажемъ имъ что они слабосильны, что они только жалкія дѣти, но что дѣт-

ское счастье слаще всякаго. Они станут робки и станут смотрѣть на насъ и прижиматься къ намъ въ страхъ какъ птенцы къ насѣдкѣ. Они будутъ дивиться и ужасаться на насъ и гордиться тѣмъ что мы такъ могучи и такъ умны что могли усмирить такое буйное тысячемилліонное стадо. Они будутъ разслабленно трелетать гнѣва нашего, умы ихъ оробѣютъ, глаза ихъ станутъ слезоточивы какъ у дѣтей и жевщия, но столь же легко будутъ переходить они по нашему мановенію къ веселью и къ смѣху, свѣтлой радости и счастливой дѣтской лѣсенкѣ. Да, мы заставимъ ихъ работать, но въ свободные отъ труда часы мы устроимъ имъ жизнь какъ дѣтскую игру, съ дѣтками лѣсями, хоромъ, съ невидными лаясками. О, мы разрешимъ имъ и грѣхъ, они слабы и безсильны, и они будутъ любить насъ какъ дѣтя, за то что мы имъ позволимъ грѣшить. Мы скажемъ имъ что всякій грѣхъ будетъ искупленъ если сдѣланъ будетъ съ нашего позволенія; позволяемъ же имъ грѣшить потому что ихъ любимъ, наказаніе же за эти грѣхи, такъ и быть, возьмемъ на себя. И возьмемъ на себя, а насъ они будутъ обожать какъ благодѣтелей помесшавъ на себѣ ихъ грѣхи предъ Богомъ. И не будетъ у нихъ никакихъ отъ насъ тайнъ. Мы будемъ позволять или запрещать имъ жить съ ихъ женами и любовницами, имѣть или не имѣть дѣтей,—все судя по ихъ послушанію,—и они будутъ намъ покоряться съ весельемъ и радостью. Самыя мучительныя тайны ихъ совѣсти,—все, все понесутъ они намъ и мы все разрешимъ и они поверятъ рѣшенію нашему съ радостію, потому что оно избавитъ ихъ отъ великой заботы и страшныхъ телерешныхъ мукъ рѣшенія личнаго и свободнаго. И все будутъ счастливы, всѣ милліоны существъ, кромѣ сотни тысячъ упреждающихъ имъ. Ибо лишь мы, мы хранящіе тайну, только мы будемъ несчастны. Будетъ тысячи милліоновъ счастливыхъ младенцевъ и сто тысячъ страдальцевъ взявшихъ на себя проклетіе познанія добра и зла. Тихо умрутъ они, тихо угаснутъ во имъ Твое и за гробомъ обрящутъ лишь смерть. Но мы сохранимъ секретъ и для ихъ же счастья будемъ мавить ихъ наградою небесною и вѣчною. Ибо еслибъ и было что на томъ свѣтѣ, то ужъ конечно не для такихъ какъ они. Говорятъ и пророчествуютъ что Ты придешь и вновь побѣдишь, придешь со своими избранныками, со своими гордыми и могучими, но мы скажемъ что они спасли лишь самихъ себя, а мы спасли всехъ. Говорятъ

что олозорена будетъ блудница сидящая на звѣрѣ и держащая въ рукахъ своихъ *тайну*, что взбунтуются вновь малосильные, что разорвутъ порфиру ея и обнажатъ ея „гадкое“ тѣло. Но я тогда встану и укажу Тебѣ на тысячи милліоновъ счастливыхъ младенцевъ не знавшихъ грѣха. И мы, взявшіе грѣхи ихъ для счастья ихъ на себя, мы станемъ предъ Тобой и скажемъ: „Суди насъ если можешь и смѣешь“. Знай что я не боюсь Тебя. Знай что и я былъ въ пустынѣ, что, и я питался акридами и кореньями, что и я благославлялъ свободу которую Ты благословилъ людей, и я готовилася стать въ число избранныхъ Твоихъ, въ число могучихъ и сильныхъ съ жаждой „восполнить число“. Но я очнулся и не захотѣлъ служить безумію. Я воротился и примкнулъ къ евангелію которые *исправили подвигъ Твой*. Я ушелъ отъ гордыхъ и воротился къ смиреннымъ для счастья этихъ смиренныхъ. То что я говорю Тебѣ сбудется и царство наше созиждется. Повторяю Тебѣ, завтра же Ты увидишь это послушное стадо которое по первому мановенію моему бросится подгребать горячіе угли къ костру Твоему, на которомъ сожгу Тебя за то что пришелъ намъ мѣшать. Ибо если былъ кто всѣхъ болѣе заслужилъ нашъ костеръ, то это Ты. Завтра сожгу тебя. Dixi.“

Иванъ оставилъся. Онъ разгорячился говоря и говорилъ съ увлеченіемъ; когда же кончилъ, то вдругъ улыбнулся.

Алеша, все слушавшій его молча, подъ конецъ же, въ чрезвычайномъ волненіи, много разъ пытавшійся перебить рѣчь брата, но видимо себя сдерживавшій, вдругъ заговорилъ, точно сорвался съ мѣста.

— Но... это неслѣдность! вскричалъ онъ краснѣя.—Поэма твоя есть хвала Іисусу, а не хула... какъ ты хотѣлъ того. И кто тебѣ повѣритъ о свободѣ? Такъ ли, такъ ли надо ее понимать! То ли понятіе въ православіи... Это Римъ, да и Римъ не весь, это неправда,—это худшіе изъ католичества, инквизиторы, іезуиты!... Да и совсѣмъ не можетъ быть такого фантастическаго лица какъ твой инквизиторъ. Какіе это грѣхи людей взятые на себя? Какіе это носители тайны взявшіе на себя какое-то проклятіе для счастья людей? Когда они виданы? Мы знаемъ іезуитовъ, про нихъ говорятъ дурно, но то ли они что у тебя? Совсѣмъ они не то, вовсе не то... Они просто римская армія для будущаго всемірнаго

земнаго царства, с. императоромъ—римскимъ первосвященникомъ во главѣ... вотъ ихъ идеалъ, но безо всякихъ тайнъ и возвышенной грусти... Самое простое желаніе власти, земныхъ грязныхъ благъ, порабощенія... въ родѣ будущаго крѣпостнаго права, съ тѣмъ что они станутъ помѣщиками... вотъ и все у нихъ. Они и въ Бога не вѣруютъ можетъ-быть. Твой страдающій инквизиторъ одна фантазія...

— Да стой, стой, смѣялся Ивавъ,—какъ ты разгорячилась. Фантазія, говоришь ты, лусть! Конечно фантазія. Но позволь однако: неужели ты въ самомъ дѣлѣ думаешь что все это католическое движеніе послѣднихъ вѣковъ есть и въ самомъ дѣлѣ одно лишь желаніе власти для однихъ только грязныхъ благъ. Ужъ не отецъ ли Паусій такъ тебя учить?

— Нѣтъ, нѣтъ, напротивъ отецъ Паусій говорилъ однажды что-то въ родѣ даже твоего... но конечно не то, совсѣмъ не то, спохватился вдругъ Алеша.

— Драгоценное однако же свидѣніе, несмотря на твое: „совсѣмъ не то“. Я именно спрашиваю тебя, почему твои іезуиты и инквизиторы совокупились для однихъ только матеріальныхъ скверныхъ благъ? Почему среди нихъ не можетъ случиться ни одного страдальца мучимаго великою скорбью и любящаго человѣчество? Видишь: предположи что нашедся хотя одинъ изъ всѣхъ этихъ желающихъ однихъ только матеріальныхъ и грязныхъ благъ—хоть одинъ только такой какъ мой старикъ инквизиторъ, который самъ ѣлъ коренья въ пустынѣ, и бѣсновался побѣждая плоть свою, чтобы сдѣлать себя свободнымъ и совершеннымъ, но однако же всю жизнь свою любившій человѣчество и вдругъ прозрѣвшій и увидавшій что невелико нравственное блаженство достигнуть совершенства воли съ тѣмъ чтобы въ то же время убѣдиться что милліоны остальныхъ существъ Божіихъ остались устроенными лишь въ насмѣшку, что никогда не въ силахъ они будутъ справиться со своею свободой, что изъ жадныхъ бунтовщиковъ никогда не выйдетъ великановъ для завершенія башни, что не для такихъ гусей великій идеалистъ мечталъ о своей гармоніи. Понявъ все это, онъ воротился и примкнулъ... къ умнымъ людямъ. Неужели этого не могло случиться?

— Къ кому примкнулъ, къ какимъ умнымъ людямъ? почти въ азартѣ воскликнулъ Алеша.—Никакого у нихъ нѣтъ такого ума, и никакихъ такихъ тайнъ и секретовъ... Одно

только развѣ безбожіе, вотъ и весь ихъ секретъ. Инквизиторъ твой не вѣруеть въ Бога, вотъ и весь его секретъ!

— Хотя бы и такъ! Наконецъ-то ты догадался. И дѣйствительно такъ, дѣйствительно только въ этомъ и весь секретъ, но развѣ это не страданіе, хотя бы для такого какъ онъ человека, который всю жизнь свою убилъ на подвигъ въ пустынѣ и не извѣчался отъ любви къ человѣчеству? На закатѣ дней своихъ онъ убѣждается ясно что лишь совѣты великаго страшнаго духа могли бы хоть сколько-нибудь устроить въ сноскомъ порядкѣ малосильныхъ бунтовщиковъ, „неодѣланныя пробныя существа созданныя въ насмѣшку“. И вотъ, убѣдясь въ этомъ, онъ видитъ что надо идти по указанію умнаго духа, страшнаго духа смерти и разрушенія, а для того принять ложь и обманъ, и вести людей уже сознательно къ смерти и разрушенію и притомъ обманывать ихъ всю дорогу чтобы они какъ-нибудь не замѣтили куда ихъ ведутъ, для того чтобы хоть въ дорогѣ-то жалкіе эти слѣпцы считали себя счастливыми. И замѣть себя, обманъ во имя Того въ идеалъ котораго столь страстно вѣровалъ старикъ во всю свою жизнь! Развѣ это не несчастье? И еслибы хоть одинъ такой очутился во главѣ всей этой арміи, „жаждущей власти для однихъ только грязныхъ благъ“,—то неужели же не довольно хоть одного такого чтобы вышла трагедія? Мало того: довольно и одного такого, стоящаго во главѣ, чтобы наплась наконецъ настоящая руководящая идея всего римскаго дѣла со всѣми его арміями и иезуитами, высшая идея этого дѣла. Я тебѣ прямо говорю, что я твердо вѣрую что этотъ единый человекъ и не оскудѣвалъ никогда между стоящими во главѣ, движенія. Кто знаетъ, можетъ-быть случалась и между римскими первосвященниками эти единые. Кто знаетъ, можетъ-быть этотъ проклятый старикъ, столь упорно и столь по-своему любящій человѣчество, существуетъ и теперь въ видѣ цѣлаго сомна многихъ таковыхъ единыхъ стариковъ и не случайно вовсе, а существуетъ какъ согласіе; какъ тайный союзъ, давно уже устроенный для храненія тайны, для храненія ея отъ несчастныхъ и малосильныхъ людей, съ тѣмъ чтобы сдѣлать ихъ счастливыми. Это непременно есть, да и должно такъ быть. Мнѣ мерещится что даже у масоновъ есть что-нибудь въ родѣ этой же тайны въ основѣ ихъ, и что потому католики такъ и ненавидятъ масоновъ что видятъ въ нихъ конкурентовъ, раздробленіе единства идеи, тогда

какъ должно быть едино стадо и единый пастырь... Впрочемъ защищая мою мысль я имѣю видъ сочинителя, не выдержавшаго твоей критики. Довольно объ этомъ.

— Ты можешь-быть самъ масонъ! вырвалось вдругъ у Алеши.—Ты не вѣришь въ Бога, прибавилъ онъ, но уже съ чрезвычайною скорбью. Ему показалось къ тому же что братъ смотритъ на него съ насмѣшкой.—Чѣмъ же кончается твоя поэма? спросилъ онъ вдругъ, смотря въ землю, — или ужъ она кончена?

— Я хотѣлъ ее кончить такъ: когда инквизиторъ умолялъ, то въ некоторое время ждетъ что Пльвиникъ ему отвѣтитъ. Ему тяжело Его молчаніе. Онъ видѣлъ какъ Узникъ все время слушалъ его проникновенно и тихо смотря ему прямо въ глаза, и видимо не жедая ничего возражать. Старикъ хотѣлось бы чтобы тотъ сказалъ ему что-нибудь хотя бы и горькое, страшное. Но Онъ вдругъ молча приближается къ старику и тихо цѣлуетъ его въ его безкровныя девностолѣтнія уста. Вотъ и весь отвѣтъ. Старикъ вздрагиваетъ. Что-то шевельнулось въ концахъ губъ его; онъ идетъ къ двери, открываетъ ее и говоритъ Ему: Стулай и не приходи болѣе... не приходи вовсе... никогда, никогда! И выпускаетъ его на „темныя стогна града“. Пльвиникъ уходитъ.

— А старикъ?

— Подълау горитъ на его сердцѣ, но старикъ остается въ прежней идѣ.

— И ты вмѣстѣ съ нимъ, и ты? горестно воскликнулъ Алеша. Иванъ засмѣялся.

— Да вѣдь это же вздоръ, Алеша, вѣдь это только безтолковая поэма безтолковаго студента, который никогда двухъ стиховъ не написалъ. Къ чему ты въ такой серіозъ берешь? Ужъ не думаешь ли ты что я прямо поѣду теперь туда, къ іезуитамъ, чтобы стать въ сомнѣ людей поправляющихъ Его подвигъ? О Господи, какое мнѣ дѣло! Я вѣдь тебѣ сказалъ: мнѣ бы только до тридцати лѣтъ дотянуть, а тамъ,—кубокъ объ лодѣ!

— А клейкіе листочки, а дорогія могилы, а голубое небо, а любимая женщина! Какъ же жить-то будешь, чѣмъ ты любить-то ихъ будешь? горестно восклицалъ Алеша.—Съ такимъ адомъ въ груди и въ головѣ развѣ это возможно? Нѣтъ, именно ты ѣдешь чтобы къ нимъ примкнуть... а если нѣтъ, то убьешь себя самъ, а не выдержишь!

— Есть такая сила что все выдержать! съ холодною уже усмѣшкой проговорилъ Иванъ.

— Какая сила?

— Карамазовская... сила низости Карамазовской.

— Это потонуть въ развратъ, задавить душу въ раставни, да, да?

— Пожалуй и это.... только до тридцати лѣтъ можетъ-быть и избѣгну, а тамъ....

— Какъ же избѣгнешь? Чѣмъ избѣгнешь? Это невозможно съ твоими мыслями.

— Опять-таки по-Карамазовски.

— Это чтобы „все позволено“? Все позволено, такъ-ли, такъ-ли?

Иванъ нахмурился и вдругъ странно какъ-то лобѣднѣлъ.

— А, это ты подхватилъ вчерашнее слово, которымъ такъ обидѣлся Миусовъ... и что такъ наивно выскочилъ и переговорилъ братъ Дмитрій? криво усмѣхнулся онъ. — Да, пожалуй: „все позволено“, если ужъ слово произнесено. Не отрекаюсь. Да и редакція Митенькина не дура.

Алеша молча глядѣлъ на него.

— Я, братъ, увѣжая думалъ что имѣю на всемъ свѣтѣ хоть тебя, съ неожиданнымъ чувствомъ проговорилъ вдругъ Иванъ, — а теперь вижу что и въ твоемъ сердцѣ мнѣ нѣтъ мѣста, мой милый отшельникъ. Отъ формулы: „все позволено“ я не отрекись, ну и что же, за это ты отъ меня отречешься, да, да?

Алеша всталъ, подошелъ къ нему, и молча, тихо поцѣловалъ его въ губы.

— Литературное воровство! вскричалъ Иванъ, переходя вдругъ въ какой-то восторгъ, — это ты укралъ изъ моей поэмы! Спасибо однако. Вставай Алеша, идемъ, пора и мнѣ и тебѣ.

Они вышли, но остановились у крыльца трактира.

— Вотъ что, Алеша, проговорилъ Иванъ твердымъ голосомъ, — если въ самомъ дѣлѣ хватить меня на клейкіе листочки, то любить ихъ буду лишь тебя вспоминая. Довольно мнѣ того что ты тутъ гдѣ-то есть, и жить еще не разхочу. Довольно этого тебѣ? Если хочешь прими хоть за объясненіе въ любви. А теперь ты направо, я направо — и довольно, слышишь, довольно. То-есть если я бы завтра и не увѣхалъ (кажется увѣду навѣрно) и мы бы еще олять какъ-нибудь встрѣтились, то уже на всѣ эти темы ты больше со мной

ни слова. Настоятельно прошу. И насчетъ брата Дмитрія тоже, особенно прошу тебя, даже и не заговаривай со мной никогда больше, прибавилъ онъ вдругъ раздражительно,—все исчерпано, все переговорено, такъ ли? А я тебѣ съ своей стороны за это тоже одно обѣщаніе дамъ: Когда къ тридцати годамъ я захочу „бросить кубокъ объ полъ“, то, гдѣ бы ты ни былъ, я таки приду еще разъ переговорить съ тобою... хотя бы даже изъ Америки, это ты знай. Нарочно прѣйду. Очень интересно будетъ и на тебя поглядѣть къ тому времени: каковъ-то ты тогда будешь? Видишь, довольно торжественное обѣщаніе. А въ самомъ дѣлѣ мы можетъ-быть лѣтъ на семь, на десять прощаемся. Ну иди теперь къ твоему Pater Seraphicus, вѣдь онъ умираетъ; умретъ безъ тебя, такъ еще пожалуй на меня разсердишься что я тебя задержалъ. До свиданія, цѣлуй меня еще разъ, вотъ такъ, и ступай...

Иванъ вдругъ повернулся и пошелъ своею дорогой уже не оборачиваясь. Похоже было на то какъ вчера ушелъ отъ Алеши братъ Дмитрій, хотя вчера было совсѣмъ въ другомъ родѣ. Странное это замѣчаніе промелькнуло какъ стрѣла въ печальномъ умѣ Алеши, печальномъ и скорбномъ въ эту минуту. Онъ немного подождалъ глядя вслѣдъ брату. Почему-то залпимѣтилъ вдругъ что братъ Иванъ идетъ какъ-то раскачиваясь и что у него правое плечо, если сзади глядѣть, кажется ниже лѣваго. Никогда онъ этого не замѣчалъ прежде. Но вдругъ онъ тоже повернулся и почти побѣжалъ къ монастырю. Уже сильно смеркалось и ему было почти страшно; что-то нарастало въ немъ новое на что онъ не могъ бы дать отвѣта. Поднялся опять какъ вчера вѣтеръ и вѣковыми сосны мрачно зашумѣли кругомъ него когда онъ вошелъ въ скитскій лѣсокъ. Онъ почти бѣжалъ. „Pater Seraphicus“—это имя онъ откуда-то взялъ—откуда? промелькнуло у Алеши. Иванъ, бѣдный Иванъ, и когда же я теперь тебя увижу... Вотъ и скитъ, Господи! Да, да, это онъ, это Pater Seraphicus, онъ спасетъ меня... отъ него и на вѣки!“

Потомъ онъ съ великимъ недоумѣніемъ припоминалъ вѣсколько разъ въ своей жизни какъ могъ онъ вдругъ, послѣ того какъ расстался съ Иваномъ, такъ совсѣмъ забыть о братѣ Дмитрія, котораго утромъ, всего только нѣскольکو часовъ назадъ, положилъ непремѣнно разыскать и не уходить безъ того, хотя бы пришлось даже не воротиться на эту ночь въ монастырь.

VI.

Пока еще очень не ясная.

А Иванъ Федоровичъ, разставшись съ Алешей, пошелъ домой, въ домъ Федора Павловича. Но страшное дѣло, на него напала вдругъ тоска нестерпимая и, главное, съ каждымъ шагомъ, по мѣрѣ приближенія къ дому, все болѣе и болѣе нарастающая. Не въ тоскѣ была странность, а въ томъ что Иванъ Федоровичъ никакъ не могъ опредѣлить въ чемъ тоска состояла. Тосковать ему случалось часто и прежде и не диво бы что пришла она въ такую минуту, когда онъ завтра же, порвавъ вдругъ со всѣмъ что его сюда привлекло, готовился вновь повернуть круто въ сторону и вступить на новый, совершенно невѣдомый путь, и опять совсѣмъ одинокимъ какъ прежде, много надѣясь, но не зная на что, много, слишкомъ многого ожидая отъ жизни, но ничего не умѣя самъ опредѣлить ни въ ожиданіяхъ, ни даже въ желаніяхъ своихъ. И все-таки въ эту минуту хотя тоска новаго и невѣдомаго дѣйствительно была въ душѣ его, мучило его вовсе не то. Ужь не отвращеніе ли къ родительскому дому? подумалъ онъ про себя,— „похоже на то, до того опротивѣлъ, и хоть сегодня я въ послѣдній разъ войду за этотъ скверный порогъ, а все-таки противно....“ Но нѣтъ, и это не то. Ужь не прощаніе ли съ Алешей и бывшій съ нимъ разговоръ: „Столько дѣтъ молчалъ со всѣмъ свѣтомъ и не удостоивалъ говорить, и вдругъ нагородилъ столько ахинеи.“ Въ самомъ дѣлѣ, это могла быть молодая досада молодой неопытности и молодого тщеславія, досада на то что не сумѣлъ высказаться, да еще съ такимъ существомъ какъ Алеша, на котораго, въ сердцѣ его, несомнѣнно существовали большіе расчеты. Конечно и это было, то-есть эта досада, даже непремѣнно должна была быть, но и это было не то, все не то. „Тоска до тошноты, а опредѣлить не въ силахъ чего хочу. Не думать развѣ“....

Иванъ Федоровичъ попробовалъ было „не думать“, но и тѣмъ не могъ пособить. Главное, тѣмъ она была досадна, эта тоска, и тѣмъ раздражала что имѣла какой-то случайный, совершенно внѣшній видъ; это чувствовалось. Стояло и

торчало гдѣ-то какое-то существо или предметъ, въ родѣ какъ торчить что-нибудь иногда предъ глазомъ, и долго, за дѣломъ или въ горячемъ разговорѣ, не замѣчаешь его, а между тѣмъ видимо раздражаешься, почти мучаешься, и наконецъ-то догадаешься отстранить негодный предметъ, часто очень пустой и смѣшной, какую-нибудь вещь забытую не на своемъ мѣстѣ, платокъ упавшій на полъ, книгу не убранную въ шкафъ и пр. и пр. Наконецъ Иванъ Федоровичъ въ самомъ скверномъ и раздраженномъ состояннн духа достигъ родительскаго дома, и вдругъ примѣрно шаговъ за лятнадцать отъ калитки, взглянувъ на ворота, разомъ догадался о томъ что его такъ мучило и тревожило.

На скамейкѣ у воротъ сидѣлъ и прохлаждался вечернимъ воздухомъ лакей Смердаковъ, и Иванъ Федоровичъ съ перваго взгляда на него понялъ что и въ душѣ его сидѣлъ лакей Смердаковъ и что именно этого-то человѣка и не можетъ вынести его душа. Все вдругъ озарилось и стало ясно. Давеча, еще съ разказа Алеши о его встрѣчѣ со Смердаковымъ, что-то мрачное и противное вдругъ вонзилось въ сердце его и вызвало въ немъ тотчасъ же отвѣтную злобу. Потомъ, за разговоромъ, Смердаковъ на время позабылся, но однакоже остался въ его душѣ, и только что Иванъ Федоровичъ расстался съ Алешей и пошелъ одинъ къ дому, какъ тотчасъ же забытое ощущеннн вдругъ быстро стало опять выходить наружу. „Да неужели же этотъ дрянной негодяй до такой степени можетъ меня безлокоить!“ подумалось ему съ нестерпимю злобой.

Дѣло въ томъ что Иванъ Федоровичъ дѣйствительно очень не взлюбилъ этого человѣка въ послѣднее время и особенно въ самые послѣднн дни. Онъ даже началъ самъ замѣчать эту нарастающую почти ненависть къ этому существу. Можетъ-быть процессъ ненависти такъ обострился именно потому что въ началѣ, когда только что прнѣхалъ къ намъ Иванъ Федоровичъ, происходило совсѣмъ другое. Тогда Иванъ Федоровичъ прннмалъ было въ Смердаковѣ какое-то особенное вдругъ участнн, нашелъ его даже очень оригинальнымъ. Самъ прнучилъ его говорить съ собою, всегда однако дивясь нѣкоторой безтолковости или лучше сказать нѣкоторому безлокоитству его ума и не понимая что такое „этого созерцателя“ могло бы такъ постоянно и неотвязно безлокоить. Они говорили и о философскихъ вопросахъ и даже о томъ

почему свѣтилъ свѣтъ въ первый день когда солнце, луна и звѣзды устроены были лишь на четвертый день и какъ это понимать слѣдуетъ; но Иванъ Федоровичъ скоро убѣдился что дѣло вовсе не въ солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ, что солнце, луна и звѣзды предметъ хотя и любопытный, но для Смердякова совершенно третьестепенный и что ему надо чего-то совсѣмъ другаго. Такъ или этакъ, но во всякомъ случаѣ начало выказываться и обличаться самолюбіе необъятное и притомъ самолюбіе оскорбленное. Ивану Федоровичу это очень не понравилось. Съ этого и началось его отвращеніе. Въ послѣдствіи начались въ домѣ неурядицы, явилась Грушенька, начались исторіи съ братомъ Дмитриемъ, пошли хлопоты,—говорили они и объ этомъ, но хотя Смердяковъ велъ всегда объ этомъ разговоръ съ большимъ волненіемъ, а опять-таки никакъ нельзя было добиться чего-самого-то ему тутъ желается. Даже подивиться можно было нелогичности и беспорядку чьихъ желаній его, поневоля выходявшихъ наружу и всегда однако неясныхъ. Смердяковъ все выспрашивалъ, задавалъ какіе-то косвенные, очевидно надуманные вопросы, но для чего — не объяснялъ того, и обыкновенно въ самую горячую минуту своихъ же разспросовъ вдругъ умолкалъ или переходилъ совсѣмъ на иное. Но главное что раздражило наконецъ Ивана Федоровича окончательно и вселило въ него такое отвращеніе—была какая-то отвратительная и особая фамиллярность, которую сильно сталъ выказывать къ нему Смердяковъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Не то чтобы онъ позволялъ себѣ быть невѣжливымъ, напротивъ, говорилъ онъ всегда чрезвычайно почтительно, но такъ поставилось однакожъ дѣло что Смердяковъ видимо сталъ считать себя Богъ знаетъ почему въ чемъ-то наконецъ съ Иваномъ Федоровичемъ какъ бы солидарнымъ, говорилъ всегда въ такомъ тонѣ будто между ними давноежъ было уже что-то условленное и какъ бы секретное, что-то когда-то произнесенное съ обѣихъ сторонъ, лишь имъ обоимъ только извѣстное, а другимъ около нихъ колошавшимся смертнымъ такъ даже и непонятное. Иванъ Федоровичъ однако и тутъ долго не понималъ этой настоящей причины своего нараставащаго отвращенія и наконецъ, только лишь въ самое послѣднее время успѣлъ догадаться въ чемъ дѣло. Съ брезгливымъ и раздражительнымъ ощущеніемъ хотѣлъ было онъ пройти теперь молча и не глядя на Смердякова въ

капитку, но Смердяковъ всталъ со скамейки и уже по одному этому жесту Иванъ Федоровичъ въ мигъ догадался что тотъ желаетъ имѣть съ нимъ особенный разговоръ. Иванъ Федоровичъ поглядѣлъ на него и остановился, и то что онъ такъ вдругъ остановился и не прошелъ мимо, какъ желалъ того еще минуточку назадъ, озлило его до сотрясенія. Съ гнѣвомъ и отвращеніемъ глядѣлъ онъ на скопческую испитую физиономію Смердякова съ зачесанными гребешкомъ височками и со взбитымъ маленькимъ хохолкомъ. Левый чуть прищуренный глазокъ его мигалъ и усмѣхался, точно выговаривая: „чего идешь, не пройдешь, видишь что обоимъ намъ умнымъ людямъ переговорить есть чего“. Иванъ Федоровичъ затрясся:

„Прочь, негодяй, какая я тебѣ компанія, дуракъ!“ полетѣло было съ языка его, но къ величайшему его удивленію слетѣло съ языка совсѣмъ другое:

— Что батюшка слить или проснулся? тихо и смиренно проговорилъ онъ, себѣ самому неожиданно, и вдругъ, тоже совсѣмъ неожиданно сѣлъ на скамейку. На мгновеніе ему стало чуть не страшно, онъ вспомнилъ это потомъ. Смердяковъ стоялъ противъ него закинувъ руки за спину и глядѣлъ съ увѣренностью, почти строго.

— Еще почиваютъ-съ, выговаривалъ онъ не торопливо. („Самъ дескать первый заговорилъ, а не я.“) Удивляюсь я на васъ, сударь, прибавилъ онъ помолчавъ, какъ-то жеманно опустивъ глаза, выставивъ правую ножку впередъ и поигрывая носочкомъ лакированной ботинки.

— Съ чего ты на меня удивляешься? отрывисто и сурово произнесъ Иванъ Федоровичъ, изо всѣхъ силъ себя сдерживая, и вдругъ съ отвращеніемъ понялъ что чувствуетъ сильнѣйшее люболытство и что ни за что не уйдетъ отсюда не удовлетворивъ его.

— Зачѣмъ вы, сударь, въ Чермашню не ѣдете-съ? вдругъ вскинулъ глазками Смердяковъ и фамильярно улыбуясь. „А чему я улыбулся самъ дескать долженъ понять если умный человекъ“,—какъ бы говорилъ его прищуренный левый глазокъ.

— Зачѣмъ я въ Чермашню поѣду? удивился Иванъ Федоровичъ.

Смердяковъ опять помолчалъ.

— Сами даже Федоръ Павловичъ такъ васъ объ томъ умоляли-сь, проговорилъ онъ наконецъ не слѣша и какъ бы самъ не цѣля своего отвѣта: третъестепенною дескать причиною отдалываюсь только чтобы что-нибудь сказать.

— Э, чортъ, говори яснѣй, чего тебѣ надобно? вскричалъ наконецъ гнѣваиво Иванъ Федоровичъ, со смиренія переходя на грубость.

Смердяковъ приставилъ правую ножку къ лѣвой, выткнулся прамтѣй, но продолжалъ глядѣть съ тѣмъ же спокойствіемъ и съ тою же улыбкой.

— Существеннаго ничего нѣтъ-сь.... а такъ-сь, къ разговору...

Настулило опять молчаніе. Промолчали чуть не съ минутой. Иванъ Федоровичъ зналъ что онъ долженъ былъ сейчасъ встать и разсердиться, а Смердяковъ стоялъ предъ нимъ и какъ бы ждалъ: „А вотъ посмотрю я, разсердишься ты или нѣтъ?“ Такъ по крайней мѣрѣ представлялось Ивану Федоровичу. Наконецъ онъ качнулся чтобы встать. Смердяковъ точно поймалъ мгновенье.

— Ужасное мое положеніе-сь, Иванъ Федоровичъ, не знаю даже какъ и помочь себѣ, проговорилъ онъ вдругъ твердо и раздѣльно и съ послѣднимъ словомъ своимъ вздохнулъ. Иванъ Федоровичъ тотчасъ же опять усѣлся.

— Оба совсѣмъ блажыне-сь, оба дошли до самаго малаго ребячества-сь, продолжалъ Смердяковъ.—Я про вашего родителя и про вашего брата-сь Дмитрія Федоровича. Вотъ они встанутъ теперь, Федоръ Павловичъ, и начнутъ сейчасъ приставать ко мнѣ каждую минуту: „Что не пришла? Зачѣмъ не пришла?“—и такъ вплоть до полуночи, даже и за полночь. А коль Аграфена Александровна не прійдетъ (потому что онъ пожадуи совсѣмъ и не намѣрены вовсе никогда прійти-сь), то накопятся на меня опять завтра по утру: „Зачѣмъ не пришла? Отчего не пришла, когда прійдетъ?“—точно я въ этомъ въ чемъ предъ ними выхожу виноватъ. Съ другой стороны такая статья-сь, какъ только сейчасъ смеркнется; да и раньше того, братецъ вашъ съ оружіемъ въ рукахъ явится по сосѣдству: „Смотри дескать шельма, бульбонщикъ: проглядишь ее у меня и не дашь мнѣ знать что пришла,—убью тебя прежде всякаго.“ Пройдетъ ночь, на утро и они тоже какъ и Федоръ Павловичъ мучительно мучить меня начнутъ: „зачѣмъ не пришла, скоро-ль покажется,“ — и точно я опять-таки и предъ ними виноватъ выхо-

жу-сь въ томъ что иная госпожа не являлась. И до того съ каждымъ днемъ и съ каждымъ часомъ все даьше сердчатъ оба-сь что, думаю, иной часъ, отъ страху самъ жизни себя лишить-сь. Я, сударь, на нихъ не надѣюсь-сь.

— А зачѣмъ ввязался? Зачѣмъ Дмитрію Федоровичу сталъ перемосить? раздражительно проговорилъ Иванъ Федоровичъ.

— А какъ бы я не ввязался-сь? Да я и не ввязывался во все, если хотите знать въ полной точности-сь. Я съ самаго начала все молчалъ, возражать не смѣя, а они сами опредѣлили мнѣ своимъ саугой—Личардой при нихъ состоять. Только и знаютъ съ тѣхъ поръ одно слово: „Убью тебя, шельму, если пропустишь!“ Навѣрно полагаю, сударь, что со мной завтра длинная ладучая прикаючится.

— Какая такая длинная ладучая?

— Длинный приладокъ такой-сь, чрезвычайно длинный-сь. Нѣсколько часовъ-сь али пожалуй день и другой продолжается-сь. Разъ со мной продолжалось это дня три, упалъ я съ чердака тогда. Перестанетъ бить, а потомъ зачнетъ олять, и я всѣ три дня не могъ въ разумъ войти. За Герценштубе, за здѣшнимъ докторомъ тогда Федоръ Павловичъ послали-сь, такъ тотъ льду къ темени прикладывалъ, да еще одно средство употребилъ... Помереть бы могъ-сь.

— Да вѣдь, говорятъ, ладучую нельзя заранѣе предузвать что вотъ въ такой-то часъ будетъ. Какъ же ты говоришь что завтра придетъ? съ особеннымъ и раздражительнымъ любопытствомъ освѣдомился Иванъ Федоровичъ.

— Это точно что нельзя предузвать-сь.

— Къ тому же ты тогда упалъ съ чердака.

— На чердакъ каждый день лазею-сь, могу и завтра уласть съ чердака. А не съ чердака, такъ въ погребъ уладу-сь, въ погребъ тоже каждый день хожу-сь, по своей надобности-сь.

Иванъ Федоровичъ длинно посмотрѣлъ на него.

— Плетешь ты я вижу, и я тебя что-то не ловимаю, тихо, но какъ-то грозно проговорилъ онъ:—притвориться что ли ты хочешь завтра на три дня въ ладучей? а?

Смердаковъ, смотрѣвшій въ землю и игравшій олять лосочкомъ правой ноги, поставилъ правую ногу на мѣсто, вмѣсто нея выставилъ впередъ лѣвую, поднялъ голову и усмѣхнувшись произнесъ:

— Еслибы я даже эту самую штуку и могъ-съ, то-есть чтобы притвориться-съ, и такъ какъ ее сдѣлать совсѣмъ не трудно опытному человѣку, то и тутъ я въ полномъ правѣ моемъ это средство употребить для спасенія жизни моей отъ смерти; ибо когда я въ болѣзни лежу, то хотя бы Аграфена Александровна пришла къ ихнему родителю, не могутъ онѣ тогда съ больного человѣка спросить: „зачѣмъ не донесъ“. Самы постыдятся.

— Э, чортъ! вскинулся вдругъ Иванъ Федоровичъ съ перекосившимся отъ злобы лицомъ. — Что ты все объ своей жизни трусилъ! Всѣ эти угрозы брата Дмитрія только азартныя слова и больше ничего. Не убьетъ онъ тебя; убьетъ да не тебя!

— Убьетъ какъ муху-съ, и прежде всего меня-съ. А лучше того я другаго боюсь: чтобы меня въ ихъ сообществѣ не сочли когда что неаппое надъ родителемъ своимъ учинять.

— Почему тебя сочтутъ сообщникомъ?

— Потому сочтутъ сообщникомъ что я имъ эти самые знаки въ секретѣ большомъ сообщалъ-съ.

— Какіе знаки? Кому сообщалъ? Чортъ тебя побери, говори яснѣе!

— Долженъ совершенно признаться, съ ледантскимъ сложокіемъ тянулъ Смердаковъ,—что тутъ есть одинъ секретъ у меня съ Федоромъ Павловичемъ. Они, какъ сами изволите знать (если только изволите это знать), уже нѣсколько дней, какъ то-есть ночь или даже вечеръ, такъ тотчасъ сънутри и запираются. Вы каждый разъ стали подъ конецъ возвращаться рано къ себѣ наверхъ, а вчера такъ и совсѣмъ нигуда не выходили-съ, а потому можетъ и не знаете какъ они старательно начали теперь запираются на ночь. И приди хоть самъ Григорій Васильевичъ, такъ они развѣ что по голосу убѣдись ему отолпрутъ-съ. Но Григорій Васильевичъ не приходитъ-съ, потому служу имъ теперь въ комнатахъ одинъ я-съ,—такъ они сами опредѣлили съ той самой минуты какъ начали эту затѣю съ Аграфеной Александровной, а на ночь такъ и я теперь, по ихнему распорядкю, удаляюсь и ночью во флигель, съ тѣмъ чтобы до полночи мнѣ не спать, а дежурить, вставать и дворъ обходить, и ждать когда Аграфена Александровна придуть-съ, такъ какъ онѣ вотъ уже нѣсколько дней ея ждутъ словно какъ ломѣшаные. Разсуждаютъ же они такъ-съ: она, говорятъ, его боится,

Дмитрія-то Федоровича (они его Митькой зовуть-сь), а потому ночью полозже задами ко мнѣ пройдетъ; ты же, говоритъ, ее сторожи до самой полночи и больше. И если она придетъ, то ты къ дверямъ подбѣги и постучи мнѣ въ дверь ааъ въ окно изъ саду рукой два первые раза потише, этакъ: разъ-два, а потомъ сейчасъ три раза поскорѣе: тукъ-тукъ-тукъ. Вотъ, говорятъ, я и пойму сейчасъ что это она пришла и отопру тебѣ дверь потихоньку. Другой знакъ сообщили мнѣ на тотъ случай если что экстренное произойдетъ: сначала два раза скоро: тукъ-тукъ, а потомъ обождавъ еще одинъ разъ гораздо крѣпче. Вотъ они и поймутъ что вѣчто случилось внезапное и что очень надо мнѣ ихъ видѣть, и тоже мнѣ отопрутъ, а я войду и доложу. Все на тотъ случай что Аграфена Александровна можетъ сама не придти, а приходится о чемъ-нибудь извѣстить; окромя того Дмитрій Федоровичъ тоже могутъ придти, такъ и о немъ извѣстить что онъ близко. Очень боятся они Дмитрія Федоровича, такъ что есабы даже Аграфена Александровна уже пришла и они бы съ ней заперлись, а Дмитрій Федоровичъ тѣмъ временемъ гдѣ появится близко, такъ и тутъ безпретѣвно обзавъ я имъ тотчасъ о томъ доложить постучавши три раза, такъ что первый-то знакъ въ лать стуконъ означаетъ: „Аграфена Александровна пришла“, а второй знакъ въ три стука— „оченьо дескать надоть“; такъ сами по вѣскольку разъ на примѣрѣ меня учили и разъясняли. А такъ какъ во всей вселенной о знакахъ этихъ знаютъ всего лишь я да они-сь, такъ они безо всякаго уже сумленія и нисколько не окликаа (вслухъ окликать они очень боятся) и отопрутъ. Вотъ эти самые знаки Дмитрію Федоровичу теперь и стали извѣстны.

— Почему извѣстны? Передалъ ты? Какъ же ты смѣлъ передать?

— Отъ этого самаго страху-сь. И какъ же бы я посмѣлъ умолчать предъ ними-сь? Дмитрій Федоровичъ каждый день напирала: „Ты меня обманываешь, ты отъ меня что скрываешь? Я тебѣ объ ноги сломаю!“ Тутъ я имъ эти самые секретные знаки и сообщилъ, чтобы видѣли по крайности мое работаніе и тѣмъ самымъ удостовѣрились что ихъ не обманываю, а всячески имъ доношу.

— Если думаешь что онъ этими знаками воспользуется и захочетъ войти, то ты его не лускай.

— А коли я самъ въ припадкѣ буду лежать-сь, какъ же я тогда не пушчу-сь, есаубъ я даже и могъ осмѣлиться ихъ не пустить-сь, зная ихъ столь отчаянными-сь.

— Э, чортъ возьми! Почему ты такъ увѣренъ что придетъ ладучая, чортъ тебя побери? Смѣешься ты надо мной или вѣтъ?

— Какъ же бы я посмѣлъ надъ вами смѣяться и до смѣху ли когда такой страхъ? Предчувствую что будетъ ладучая, предчувствіе такое имѣю, отъ страху отъ одного и придетъ-сь.

— Э, чортъ! Коли ты будешь лежать, то сторожить будетъ Григорій. Предупреди заравѣ Григорія, ужь онъ-то его не пустить.

— Про знаки я Григорію Васильевичу безъ приказанія барина не смѣю никоимъ образомъ сообщить-сь. А касательно того что Григорій Васильевичъ ихъ услышитъ и не пуститъ, такъ они какъ разъ сегодня со вчерашняго расхворались, а Марѳа Игнатьевна ихъ завтра лѣчить намѣреваются. Такъ давеча и условились. А лѣченіе это у нихъ весьма любопытное-сь: настойку такую Марѳа Игнатьевна знаютъ-сь и постоянно держутъ, крѣпкую, на какой-то травѣ—секретомъ такимъ обладаютъ-сь. А лѣчатъ они этимъ секретнымъ лѣкарствомъ Григорія Васильевича раза по три въ годъ-сь, когда у того поясница отнимается вся-сь, въ родѣ какъ бы съ нимъ парализъ-сь, раза по три въ годъ-сь. Тогда онъ берутъ подотенце-сь, мочатъ въ этотъ настой и всю-то ему спину Марѳа Игнатьевна треть полчаса-сь, до суха-сь, совсѣмъ даже покрасѣветъ и вслушаетъ-сь, а затѣмъ остальное что въ стклянкѣ дають ему вылить-сь съ нѣкоторою молитвою-сь, не все однакожь, потому что часть малую при семъ рѣдкомъ случаѣ и себѣ оставляютъ-сь и тоже выпиваютъ-сь. И оба, я вамъ скажу, какъ не льющіе, такъ тутъ и свалятся-сь и спать очень долгое время крѣпко-сь; и какъ проснется Григорій Васильевичъ, то всегда почти послѣ того здоровъ-сь, а Марѳа Игнатьевна проснется и у нея всегда послѣ того голова болитъ-сь. Такъ вотъ, если завтра Марѳа Игнатьевна свое это намѣреніе исполнять-сь, такъ врядъ ли имъ что услышать-сь и Дмитрія Федоровича не допустить-сь. Спать будутъ-сь.

— Что за ахинея! И это все какъ нарочно такъ сразу и сойдется: и у тебя ладучая, и тѣ оба безъ памяти! прокричалъ Иванъ Федоровичъ; — да ты самъ ужь не хочешь ли

такъ подвести чтобы сошлось? вырвалось у него вдругъ и онъ грозно нахмурилъ брови.

— Какъ же бы я такъ подвелъ-съ... и для чего подводить когда все тутъ отъ Дмитрія Федоровича одного и зависитъ-съ, и отъ однихъ его мыслей-съ... Захотятъ они что учинить — учивать-съ, а вѣтъ, такъ не я же нарочно ихъ приведу чтобы къ родителю ихъ втолкнуть.

— А зачѣмъ ему къ отцу проходить, да еще потихоньку, если, какъ ты самъ говоришь, Аграфена Александровна и совсѣмъ не придетъ, продажалъ Иванъ Федоровичъ, бѣднѣя отъ злобы;—самъ же ты это говоришь, да и я все время тутъ живя былъ увѣренъ что старикъ только фантазируетъ и что не придетъ къ нему эта тварь. Зачѣмъ же Дмитрію врываться къ старику, если та не придетъ? Говори! Я хочу твои мысли знать.

— Сами изволите знать зачѣмъ придуть, къ чему же тутъ мои мысли? Придуть по единой ихней злобѣ, али по своей мнительности въ случаѣ примѣрно моей болѣзни, усомнятся и пойдутъ съ нетерпѣніемъ искать въ комнаты, какъ вчерашній разъ: не проша ли дескать она какъ-нибудь отъ нихъ потихоньку. Имъ совершенно тоже извѣстно что у Федора Павловича конвертъ большой приготовленъ, а въ немъ три тысячи залечтаны, подъ тремя печатами-съ, обвязано ленточкою и надписано собственною ихъ рукой: „ангелу моему Грушенкѣ, если захочетъ прийти“, а потомъ два три спустя подписалъ еще: „и цыленочку“. Такъ вотъ это-то и сомнительно-съ.

— Вздоръ! крикнулъ Иванъ Федоровичъ почти въ изступленіи.—Дмитрій не пойдетъ грабить деньги, да еще убивать при этомъ отца. Онъ могъ вчера убить его за Грушенку, какъ изступленный злобный дуракъ, но грабить не пойдетъ!

— Имъ очевидно теперь нужны деньги-съ, до послѣдней крайности нужны, Иванъ Федоровичъ. Вы даже не знаете сколько нужны, чрезвычайно спокойно и съ замѣчательною отчетливостью изъяснилъ Смердяковъ. Эти самыя три тысячи-съ они къ тому же считаютъ какъ бы за свои собственныя и такъ сами мнѣ объяснили: „мнѣ, говорятъ, родитель остается еще три тысячи ровно долженъ“. А ко всему тому расудите, Иванъ Федоровичъ, и вѣкоторую чистую правду-съ: вѣдь это почти что навѣрно такъ, надо сказать-съ, что Аграфена Александровна, если только захотятъ онѣ того сами, то непременно заставятъ ихъ на себѣ жениться, самого барина

то-есть, Федора Павловича-сь, если только захотят-сь,—ну, а вѣдь они можетъ-быть и захотятъ-сь. Вѣдь я только такъ говорю что она не придетъ, а она можетъ-быть и болѣе того захочетъ-сь, то-есть прямо барыней сдѣлаться. Я самъ знаю что ихъ кунецъ Самсоновъ говорилъ ей самой со всею откровенностью что это дѣло будетъ весьма негуманное, и притомъ сѣбялицей. А онѣ сами умомъ очень негуманны-сь. Имъ за голыша каковъ есть Дмитрій Федоровичъ выходить не стать-сь. Такъ вотъ теперь это взявши разсудите сами Иванъ Федоровичъ что тогда ни Дмитрію Федоровичу, ни даже вамъ-сь съ братцемъ вашимъ Алексѣемъ Федоровичемъ ужъ ничего-то ровню послѣ смерти родителя не останется, ни рубля-сь, потому что Аграфена Александровна для того и выйдутъ за нихъ чтобы все на себя отписать и какіе ни на есть капиталы на себя перевести-сь. А помри вашъ родитель теперь, лека еще этого вѣтъ ничего-сь, то всякому изъ васъ по сорока тысячъ вѣрныхъ придется тотчасъ-сь, даже и Дмитрію Федоровичу, котораго они такъ ненавидятъ-сь, такъ какъ завѣщанія у нихъ вѣдь не сдѣлано-сь... Это все отъиано Дмитрію Федоровичу извѣстно...

Что-то какъ бы перекошилось и дрогнуло въ лицѣ Ивана Федоровича. Онъ вдругъ покраснѣлъ.

— Такъ зачѣмъ же ты, перебилъ онъ вдругъ Смердякова,— послѣ всего этого въ Чермашню мнѣ совѣтуешь ѣхать? Что ты этимъ хотѣлъ сказать? Я уѣду, и у васъ вотъ что произойдетъ. Иванъ Федоровичъ съ трудомъ переводилъ духъ!

— Совершенно вѣрно-сь, тихо и разсудительно проговорилъ Смердяковъ, пристально однакоже слѣдя за Иваномъ Федоровичемъ.

— Какъ совершенно вѣрно? переспросилъ Иванъ Федоровичъ съ усиленіемъ сдерживая себя и грозно сверкая глазами.

— Я говорилъ васъ жалѣючи. На вашемъ мѣстѣ, еслибѣмъ только тутъ я, такъ все бы это тутъ же бросилъ... чѣмъ у такого дѣла сидѣть-сь... отвѣтилъ Смердяковъ съ самымъ открытымъ видомъ смотря на сверкающіе глаза Ивана Федоровича. Оба помолчали.

— Ты кажется большой идиотъ и ужъ конечно... страшный мерзавецъ! всталъ вдругъ со скамейки Иванъ Федоровичъ. Затѣмъ тотчасъ же хотѣлъ было пройти въ каютку, но вдругъ остановился и повернулся къ Смердякову. Произошло что-то странное: Иванъ Федоровичъ внезапно, какъ бы

въ судорогѣ закусилъ губу, сжалъ кулаки и—еще мгновение, конечно, бросился бы на Смердакова. Тотъ по крайней мѣрѣ это замѣтилъ въ тотъ же мигъ, вздрогнулъ и отдернулся вслѣдъ тѣломъ назадъ. Но мгновение прошло для Смердакова благополучно и Иванъ Федоровичъ молча, но какъ бы въ какомъ-то недоумѣннн повернулъ въ каютку.

— Я завтра въ Москву уѣзжаю, если хочешь это знать,—завтра рано утромъ—вотъ и все! со злобою, раздѣльно и громко вдругъ проговорилъ онъ, самъ себя потому удивляясь, какимъ образомъ понадобилось ему тогда это сказать Смердакову.

— Самое это лучшее-съ, подхватилъ тотъ, точно и жалея того,—только развѣ то что изъ Москвы васъ могутъ по телеграфу отсюда обезлокоить - съ въ какомъ-либо такомъ случаѣ-съ.

Иванъ Федоровичъ опять остановился и опять быстро повернулся къ Смердакову. Но и съ тѣмъ точно что случилось. Вся фамильярность и небрежность его оскочили мгновенно; все лицо его выразило чрезвычайное вниманіе и ожиданіе, но уже робкое и подобострастное: „Не скажешь ли еще чего, не прибавишь ли“, такъ и читалось въ его пристальномъ, такъ и влившемся въ Ивана Федоровича взглядѣ.

— А изъ Чермашни развѣ не вызвали бы тоже... въ какомъ-нибудь такомъ случаѣ? завопилъ вдругъ Иванъ Федоровичъ, неизвестно для чего вдругъ ужасно возвысивъ голосъ.

— Тоже-съ и изъ Чермашни-съ... обезлокоить-съ... пробормоталъ Смердаковъ почти шепотомъ, точно какъ бы потерявшись, но пристально, пристально продолжая смотреть Ивану Федоровичу прямо въ глаза.

— Только Москва дальше, а Чермашня ближе, такъ ты о прогованныхъ деньгахъ жалѣешь что ли, настаивая въ Чермашню, ая меня жалѣешь что я крюкъ большой сдѣламъ?

— Совершенно вѣрно-съ... пробормоталъ уже пресѣкшимся голосомъ Смердаковъ, гнусно улыбаясь и опять судорожно приготовившись вѣвремя отпрыгнуть назадъ. Но Иванъ Федоровичъ вдругъ къ удивленію Смердакова засмѣялся и быстро прошелъ въ каютку продолжая смѣяться. Кто взглянулъ бы на его лицо, тотъ навѣрно заключилъ бы что засмѣялся онъ вовсе не оттого что было такъ весело. Да и самъ онъ ли за что не объяснилъ бы что было тогда съ нимъ въ ту минуту. Двигался и шелъ онъ точно судорогой.

VII.

„Съ умнымъ человѣкомъ и поговорить
любопытво.“

Да и говорилъ тоже. Встрѣтивъ Федора Павловича въ залѣ только что войдя, онъ вдругъ закричалъ ему махая руками: „Я къ себѣ наверхъ, а не къ вамъ, до свиданія,“ и прошелъ мимо, даже старался не взглянуть на отца. Очень можетъ быть что старикъ слишкомъ былъ ему въ эту минуту неаппетитенъ, но такое безцеремонное проявленіе враждебнаго чувства даже и для Федора Павловича было неожиданнымъ. А старикъ и впрямь видно хотѣлъ ему что-то поскорѣй сообщить, для чего нарочно и вышелъ встрѣтить его въ залу; услышавъ же такую любезность, остановился молча и съ насмѣшливымъ видомъ прослѣдилъ сынка глазами на лестницу въ мезонинъ, до тѣхъ поръ пока тотъ скрылся изъ виду.

— Чего это онъ? быстро спросилъ онъ вошедшаго вслѣдъ за Иваномъ Федоровичемъ Смердакова.

— Сердятся на что-то-съ, кто ихъ разбереть, пробормоталъ тотъ уклончиво.

— А и чортъ! Пусть сердятся! Подавай самоваръ и скорѣй самъ убирайся, живо. Нѣтъ ли чего новаго?

Тутъ начались разспросы именно изъ такихъ на которые Смердаковъ сейчасъ жаловался Ивану Федоровичу, то-есть все насчетъ ожидаемой посѣтительницы, и имъ эти разспросы здѣсь опустимъ. Черезъ полчаса домъ былъ запертъ и помѣшанный старикашка лохаживалъ одинъ по комнатамъ, въ трелетномъ ожиданіи что вотъ-вотъ раздадутся явля условныхъ стуковъ, изрядка заглядывая въ темныя окна и ничего въ нихъ не видя кромѣ ночи.

Было уже очень поздно, а Иванъ Федоровичъ все не спалъ и соображалъ. Поздно онъ легъ въ эту ночь, часа въ два. Но мы не станемъ передавать все теченіе его мыслей, да и не время намъ входить въ эту душу: этой душѣ свой чередъ. И даже еслибъ и попробовали что передать, то было бы очень мудро это сдѣлать, потому что были не мысли, а было что-то очень неопредѣленное, а главное—слишкомъ

взвѣдывавшее. Самъ онъ чувствовалъ что потерялъ всѣ свои концы. Мучили его тоже разныя страшныя и почти неожиданныя совѣтъ желанія, напиримѣръ: ужь послѣ полночи ему вдругъ настоятельно и нестерпимо захотѣлось сойти внизъ, отпереть дверь, пройти во фангаль и избить Смердякова, но спросили бы вы, за что, и самъ онъ рѣшительно не сумѣлъ бы изложить ни одной причины въ точности, кромѣ той развѣ что сталъ ему этотъ лакей ненавистенъ какъ самый тяжкій обидчикъ, какого только можно приискать на свѣтѣ. Съ другой стороны не разъ охватывала въ эту ночь его душу какаа-то необъяснимая и унизительная робость, отъ которой онъ, — онъ это чувствовалъ, — даже какъ бы терялъ вдругъ физическія силы. Голова его болѣла и кружилась. Что-то ненавистное щемило его душу, точно онъ собирался метить кому. Ненавидѣлъ онъ даже Алешу, вспоминая давешній съ нимъ разговоръ, ненавидѣлъ очень минутами и себя. О Катеринѣ Ивановнѣ онъ почти что и думать забывалъ, и много этому потомъ удивлялся, тѣмъ болѣе что самъ твердо помнилъ какъ еще вчера утромъ, когда онъ такъ размахисто похвалялся у Катерины Ивановны что завтра уѣдетъ въ Москву, — въ душѣ своей тогда же шепталъ про себя: „а вѣдь вздоръ, не поѣдешь, и не такъ тебѣ будетъ легко оторваться какъ ты теперь фанфаронишь“. Припоминая потомъ долго спустя эту ночь Иванъ Федоровичъ съ особеннымъ отвращеніемъ вспоминалъ какъ онъ вдругъ, бывало, вставалъ съ дивана и тихонько, какъ бы страшно боясь чтобы не подглядѣли за нимъ, отворялъ двери, выходилъ на лѣстницу и слушалъ внизъ, въ нижнія комнаты, какъ шевелится и похаживаетъ тамъ внизу Федоръ Павловичъ, слушалъ — подолгу, минутъ по лѣта, со страшнымъ какимъ-то любопытствомъ, затаивъ духъ, и съ биеніемъ сердца, а для чего онъ все это предѣлывалъ, для чего слушалъ — конечно и самъ не зналъ. Этотъ „поступокъ“ онъ всю жизнь свою потомъ называлъ „меракимъ“ и всю жизнь свою считалъ, глубоко про себя, въ тайникахъ души своей — самымъ подлымъ поступкомъ изъ всей своей жизни. Къ самому же Федору Павловичу онъ не чувствовалъ въ тѣ минуты никакой даже ненависти, а лишь любопытствовалъ почему-то изъ всѣхъ силъ: какъ онъ тамъ внизу ходитъ, что онъ примѣрно тамъ у себя телерь долженъ дѣлать, предугадывалъ и соображалъ какъ онъ долженъ былъ тамъ внизу

заглядывать въ темныя окна и вдруг останавливаться среди комнаты и ждать, ждать — не стучитъ ли кто. Выходилъ Иванъ Федоровичъ для этого заматія на дѣйствиду раза два. Когда все затихло и уже улегся и Федоръ Павловичъ, часовъ около двухъ, улегся и Иванъ Федоровичъ съ твердымъ желаніемъ поскорѣ заснуть, такъ какъ чувствовалъ себя страшно измученнымъ. И впрямь: заснулъ онъ вдругъ крѣпко и спалъ безъ сновъ, но проснулась рано, часовъ въ семь, когда уже разсвѣло. Раскрывъ глаза, къ изумленію своему онъ вдругъ почувствовалъ въ себѣ приливъ какой-то необычайной энергіи, быстро вскочилъ и быстро одѣлся, затѣмъ вынулъ свой чемоданъ и не медля, послѣднью началъ его укладывать. Бѣлье какъ разъ еще вчера утромъ получилось все отъ прачки. Иванъ Федоровичъ даже усмѣхнулся при мысли что такъ все оно сошло что нѣтъ никакой задержки внезапному отъѣзду. А отъѣздъ выходилъ дѣйствительно внезапный. Хотя Иванъ Федоровичъ и говорилъ вчера (Катеринѣ Ивановнѣ, Алешѣ и потомъ Смердакову) что завтра уѣдетъ, но, ложась вчера спать, онъ очень хорошо помнилъ что въ ту минуту и не думалъ объ отъѣздѣ, по крайней мѣрѣ совсѣмъ не мыслалъ что поутру проснувшись первымъ движеніемъ бросится укладывать чемоданъ. Наконецъ чемоданъ и сакъ были готовы: было уже около девяти часовъ, когда Марья Игнатьевна взяла къ нему съ обычнымъ ежедневнымъ вопросомъ: „Гдѣ изволите чай кушать, у себя аль сойдете внизъ?“ Иванъ Федоровичъ сошелъ внизъ, видъ имѣлъ почти что веселый, хотя было въ немъ, въ словахъ и въ жестахъ его, нѣчто какъ бы раскидывающееся и торопливое. Приветливо поздоровавшись съ отцомъ, и даже особенно навѣдавшись о здоровьи, онъ, не дождавшись впрочемъ окончанія отвѣта родителя, разомъ объявилъ что чрезъ часъ уѣзжаетъ въ Москву, совсѣмъ, и проситъ послать за лошадьми. Старикъ выслушалъ сообщеніе безъ малѣйшаго удивленія, пренебрежительно позабывъ поскорѣть объ отъѣздѣ сына; вмѣсто того вдругъ чрезвычайно захолопталъ, вспоминая какъ разъ кстати одно насущное собственное дѣло.

— Ахъ ты! Экой! Не сказалъ вчера... ну да все равно и сейчасъ уладимъ. Сдѣлай ты мнѣ милость великую, отецъ ты мой родной, заѣзжай въ Чермашню. Вдѣль тебѣ съ Воловьей станицы всего только двѣво свернуть, всего двѣнадцать какихъ-нибудь версточекъ, и вотъ она, Чермашня.

— Помните, не могу: до желѣзной дороги восемьдесятъ верстъ, а машина уходитъ со станціи въ Москву въ семь часовъ вечера—ровно только чтобъ послѣть.

— Послѣешь завтра, не то послѣзавтра, а сегодня сверга въ Чермашню. Чего тебѣ стоить родителя успокоить! Еслибы здѣсь не дѣла, я самъ давно слеталъ бы, потому что штука-то тамъ слѣшная и чрезвычайная, а здѣсь у меня время теперь не такое... Видишь, тамъ эта роца моя, въ двухъ участкахъ въ Бегичевѣ, да въ Дячкинѣ, въ пустошахъ Масловы, старикъ съ сыномъ, кулцы, всего восемь тысячъ даютъ на срубъ, а всего только прошлаго года покупщикъ нарывался, такъ двѣнадцать давалъ, да не здѣшній, вотъ гдѣ черта. Потому у здѣшнихъ теперь сбыту нѣтъ: кулачатъ Масловы отецъ съ сыномъ стотысячники: что положить, то и бери, а изъ здѣшнихъ никто и не смѣетъ противъ нихъ тягаться. А Ильинскій батюшка вдругъ отписалъ сюда въ прошлый четвергъ что прѣхалъ Гореткинъ, тоже кулчишка, знаю я его, только драгоцѣнность-то въ томъ что не здѣшній, а изъ Погребова, значитъ не боится онъ Масловыхъ, потому не здѣшній. Одинадцать тысячъ, говорить, за роцу дамъ, слышишь? А пробудетъ онъ здѣсь, пишетъ батюшка, еще-то всего лишь недѣлю. Такъ вотъ бы ты поѣхалъ, да съ нимъ и сговорился...

— Такъ вы наложите батюшкѣ, тотъ и сговорится.

— Не умѣетъ онъ, тутъ штука. Этотъ батюшка смотрѣть не умѣетъ. Золото человекъ, я ему сейчасъ двадцать тысячъ вручу безъ расписки на сохраненіе, а смотрѣть ничего не умѣетъ, какъ бы и не человекъ вовсе, ворона обманетъ. А вѣдь ученый человекъ, представь себѣ это. Этотъ Гореткинъ на видъ мужикъ, въ синей поддежкѣ, только характеромъ онъ совершенный подлецъ, въ этомъ-то и бѣда наша обща: онъ ажетъ, вотъ черта. Иной разъ такъ наажетъ что только дивнисься зачѣмъ это онъ. Налгалъ третьяго года что жена у него умерла и что онъ уже женатъ на другой, и ничего этого не было, представь себѣ: никогда жена его не умерла, живетъ и теперь и его бьетъ каждыя три дня по разу. Такъ вотъ и теперь надо узмать: ажетъ аль вправду говорить что хочетъ купить и одинадцать тысячъ дать?

— Такъ вѣдь и я тутъ ничего не сдѣлаю, у меня тоже глаза нѣтъ.

— Стой, подожди, годишься и ты, потому я тебя всё примѣты его сообщу, Горсткима-то, а съ нимъ дѣла уже давно имѣю. Видишь: ему на бороду надо глядѣть; бородавка у него рыженькая, гаденькая, тоненькая. Коли бородавка трясется, а самъ онъ говорить да сердится — значитъ ладно, правду говорить, хочетъ дѣло дѣлать; а коли бороду глядитъ лѣвою рукой, а самъ посмѣивается,—ну, значитъ надуть хочетъ, лаутуетъ. Въ глаза ему никогда не гляди, по глазамъ ничего не разберешь, темна вода, лаутъ,—гляди на бороду. Я тебя къ нему записку дамъ, а ты покажи. Онъ Горсткимъ, только онъ не Горсткимъ, а Лагавымъ, такъ ты ему не говори что онъ Лагавымъ, обидится. Коли сговоришься съ нимъ и увидишь что ладно, тотчасъ и отлиши сюда. Только это и напиши: „не ажетъ дескать“. Стой на одиннадцати, одну тысячку можешь слустить, больше не слускай. Подумай: восемь и одиннадцать—три тысячи разницы. Эта я три тысячи ровно какъ нашель, скоро ли покущика достанешь, а деньги до зарѣзу нужны. Дашь знать что серіозно, тогда я самъ ужь отсюда слетаю и кончу, какъ-нибудь урву время. А теперь чего я туда поскачу есаи все это батька выдумалъ? Ну ѣдешь или нѣтъ?

— Э, некогда, избавьте.

— Эхъ, одожи отца, припомню! Безъ сердца вы всё, вотъ что! Чего тебя день или два? Куда ты теперь, въ Венецію? Не развалится твоя Венеція въ два-то дня. Я Алешку послалъ бы, да вѣдь что Алешка въ этихъ дѣлахъ? Я вѣдь единственно потому что ты умный человекъ, развѣ я не вижу. Лѣсомъ не торгуешь, а глазъ имѣешь. Тутъ только чтобы видѣть: въ серіозъ или нѣтъ человекъ говорить. Говорю гляди на бороду: трясется бородавка—значитъ въ серіозъ.

— Сами жь вы меня въ Чермашню эту проклятую толкаете, а? вскричалъ Иванъ Федоровичъ злобно усмѣхнувшись. Федоръ Павловичъ злобы не разглядѣлъ или не хотѣлъ разглядѣть, а усмѣшку подхватилъ:

— Значитъ ѣдешь, ѣдешь? Сейчасъ тебя записку настрочу.

— Не знаю, поѣду ли, не знаю, дорогой рѣшу.

— Что дорогой, рѣши сейчасъ. Голубчикъ, рѣши! Сговоришься, напиши мнѣ двѣ строчки, вручи батюшкѣ и онъ мнѣ мигомъ твою цидулку пришлетъ. А затѣмъ и не держу тебя, ступай въ Венецію. Тебя обратно на Воловью станцію батюшка на своихъ доставитъ...

Старикъ былъ просто въ восторгѣ, записку настрочилъ, послали за лошадьми, подали закуску, коньякъ. Когда старикъ бывалъ радъ, то всегда начиналъ экзальсироваться, но на этотъ разъ онъ какъ бы сдерживался. Про Дмитрія Федоровича напимѣръ не произнесъ ни единого словечка. Разукой же совсѣмъ не былъ тронуть. Даже какъ бы и не находилъ о чемъ говорить; и Иванъ Федоровичъ это очень замѣтилъ. „Надоѣлъ же я ему однако“, подумалъ онъ про себя. Только провожая сына уже съ крыльца старикъ немного какъ бы заметался, подѣвъ было лобызаться. Но Иванъ Федоровичъ поскорѣе протянулъ ему для пожатія руку, видимо отстраняя лобзанія. Старикъ тотчасъ понялъ и въ миг осадилъ себя.

— Ну, съ Богомъ, съ Богомъ! повторялъ онъ съ крыльца.— Вѣдь прїѣдешь еще когда въ жизни-то? Ну и прїѣзжай, всегда буду радъ. Ну, Христось съ тобою!

Иванъ Федоровичъ вѣзъ въ тарантасъ.

— Прощай Иванъ, очень-то не брани! крикнулъ въ послѣдній разъ отецъ.

Провожать вышли всѣ домашніе: Смердаковъ, Марья и Григорій. Иванъ Федоровичъ подарилъ всѣмъ по десять рублей. Когда уже онъ усѣлся въ тарантасъ, Смердаковъ подскочилъ поправить коверъ.

— Видишь... въ Чермашню ѣду... какъ-то вдругъ вырвалось у Ивана Федоровича, опять какъ вчера, такъ само собою светѣло, да еще съ какимъ-то нервнымъ смѣшкомъ. Долго онъ это вспоминалъ потомъ.

— Значитъ правду говорятъ люди что съ умнымъ человекомъ и поговорить любопытно, твердо отвѣтилъ Смердаковъ, проникновенно глянувъ на Ивана Федоровича.

Тарантасъ тронулся и помчался. Въ душѣ путешественника было смутно, но онъ жадно глядѣлъ кругомъ на поля, на холмы, на деревья, на стаю гусей пролетающую надъ нимъ высоко по ясному небу. И вдругъ ему стало такъ хорошо. Онъ попробовалъ заговорить съ извозчикомъ и его ужасно что-то заинтересовало изъ того что отвѣтилъ ему мужикъ, но чрезъ минуту сообразилъ что все мимо ушей пролетѣло и что онъ, по правдѣ, и не понималъ того что мужикъ отвѣтилъ. Онъ замочалъ, хорошо было и такъ: воздухъ чистый, свѣжій, холодноватый, небо ясное. Медькнули было въ умъ его образы Алеши и Катерины Ивановны, но онъ тихо усмѣх-

дулся и тихо дунул на мимые призраки и они отлетели: „Будет еще ихъ время“, подумалъ онъ. Станцію отмахали быстро, перемѣнили лошадей и помчались на Воловьё. „Почему съ умнымъ человѣкомъ поговорить любопытно, что онъ этимъ хотѣлъ сказать?“ вдругъ такъ и захватило ему духъ. „А я зачѣмъ доложилъ ему что въ Чермашню ѣду?“ Доскакали до Воловьей станціи. Иванъ Федоровичъ вышелъ изъ тарантаса и ямщики его обступили. Рядились въ Чермашню, двѣнадцать верстъ проселкомъ, на вольныхъ. Онъ велѣлъ впрягать. Вошелъ было въ станціонный дѣмъ, оглядѣлся кругомъ, взглянулъ было на смотрительшу и вдругъ вышелъ обратно на крыльцо.

— Не надо въ Чермашню. Не опоздаю, братцы, къ семи часамъ на желѣзную дорогу?

— Какъ разъ потрафимъ. Запрягать что ли?

— Впрягай мигомъ. Не будетъ ли кто завтра изъ васъ въ городъ?

— Какъ не быть, вотъ Митрій будетъ.

— Не можешь ли, Митрій, услугу оказать? Заѣди ты къ отцу моему, Федору Павловичу Карамазову, и скажи ты ему что я въ Чермашню не поѣхалъ. Можешь али нѣтъ?

— Почему не зайти, заѣдемъ; Федора Павловича очень давно знаемъ.

— А вотъ тебѣ и на чай, потому онъ тебѣ пожалуй не дастъ.... весело засмѣялся Иванъ Федоровичъ.

— А и впрямь не дадутъ, засмѣялся и Митрій.—Спасибо, сударь, непременно выполнимъ....

Въ семь часовъ вечера Иванъ Федоровичъ вошелъ въ вагонъ и полетѣлъ въ Москву. „Прочь все прежнее, конечно съ прежнимъ міромъ на вѣки, и чтобы не было изъ него ни вѣсти, ни отзыва; въ новый міръ, въ новыя мѣста, и безъ оглядки!“ Но вмѣсто восторга на душу его сошелъ вдругъ такой мракъ, а въ сердцѣ заняла такая скорбь какой никогда онъ не ощущалъ прежде во всю свою жизнь. Онъ продумалъ всю ночь; вагомъ летѣлъ, и только на разсвѣтъ, уже вѣзжая въ Москву, онъ вдругъ какъ бы очулся:

— Я подлець! прошепталъ онъ про себя.

А Федоръ Павловичъ, проводивъ сына, остался очень доколенъ. Цѣлые два часа чувствовалъ онъ себя почти счастливымъ и поливалъ коньячокъ; но вдругъ въ домѣ произошло одно предосадное и пренепріятное для всѣхъ обстоятельство,

мигомъ повергшее Ѳедора Павловича въ большое сматеніе: Смердяковъ пошелъ зачѣмъ-то въ погребъ и улазъ внизъ съ верхней ступеньки. Хорошо еще что на дворѣ случилась въ то время Марѳа Игнатьевна и вовремя услышала. Паденія она не видѣла, но за то услышала крикъ, крикъ особенный, страшный, но ей уже давно известный,—крикъ эпилептика падающаго въ припадкѣ. Приключился ли съ нимъ припадокъ въ ту минуту когда онъ сходилъ по ступенькамъ внизъ, такъ что онъ конечно тотчасъ же и долженъ былъ слетѣть внизъ въ безчувствіи, или, напротивъ, уже отъ паденія и отъ сотрясенія произошелъ у Смердякова, известнаго эпилептика, его припадокъ,—разобрать нельзя было, но махавъ его уже на днѣ погреба, въ корчахъ и судорогахъ, бьющимся и съ пѣной у рта. Думали сначала что онъ навѣрно сломалъ себѣ что-нибудь, руку или ногу, и расшѣлся, но однако „сберегъ Господь“, какъ выразилась Марѳа Игнатьевна: ничего такого не случилось, а только трудно было достать его и вынести изъ погреба на свѣтъ Божій. Но попросили у сосѣдей помощи и кое-какъ это совершили. Находилась при всей этой церемоніи и самъ Ѳедоръ Павловичъ, самъ помогавъ, видимо перепуганный и какъ бы потерявшійся. Больной однако въ чувство не входилъ: припадки хоть и прекращались на время, но за то возобновлялись опять, и всѣ заключили что произойдетъ то же самое что и въ прошломъ году, когда онъ тоже улазъ нечаянно съ чердака. Вспомнилъ что тогда прикладывали ему къ теменю льду. Ледокъ въ погребѣ еще нашелся и Марѳа Игнатьевна распорядилась, а Ѳедоръ Павловичъ подъ вечеръ послалъ за докторомъ Герцештубе, который и прибылъ немедленно. Осмотрѣвъ больного тщательно (это былъ самый-тщательный и внимательный докторъ во всей губерніи, пожилой и почтеннѣйшій старичокъ), онъ заключилъ что припадокъ чрезвычайный и „можетъ грозить опасностью“, что покаместъ онъ, Герцештубе, еще не понимаетъ всего, но что завтра утромъ, если не помогутъ телерешнія средства, онъ рѣшится принять другія. Больного уложили во флагелъ, въ комнаткѣ рядомъ съ помещеніемъ Григорія и Марѳы Игнатьевны. Затѣмъ Ѳедоръ Павловичъ уже весь день претерпѣвалъ лишь несчастье за несчастьемъ: обѣдъ сготовила Марѳа Игнатьевна и супъ сравнительно съ приготовленіемъ Смердякова вышелъ „словно помой“, а курица оказалась до того пересушеною что и

прожевать ее не было никакой возможности. Марья Игнатьевна на горькіе, хотя и справедливые, упреки барина возражала что курица и безъ того была уже очень старая, а что сама она въ ловажахъ не училась. Къ вечеру вышла другая забота: доложили Федору Павловичу что Григорій, который съ третьяго дня расхворался, какъ разъ совсѣмъ почти слегъ, отнялась поясница. Федоръ Павловичъ окончилъ свой чай какъ можно пораньше и заперся одинъ въ домѣ. Былъ онъ въ страшномъ и тревожномъ ожиданіи. Дѣло въ томъ что какъ разъ въ этотъ вечеръ ждалъ онъ прибытія Грушеньки уже почти навѣрно; до крайней мѣрѣ получилъ онъ отъ Смердякова, еще рано поутру, почти завѣреніе что „онъ ужъ несомнѣнно обѣщали прибыть-съ“. Сердце неутомимаго старичка билось тревожно, онъ ходилъ по пустымъ своимъ комнатамъ и прислушивался. Надо было держать ухо востро: могъ гдѣ-нибудь сторожить ее Дмитрій Федоровичъ, а какъ она постучится въ окно (Смердяковъ еще третьяго дня увѣрилъ Федора Павловича что передалъ ей гдѣ и куда постучаться), то надо было отпереть двери какъ можно скорѣе и отнюдь не задерживать ее ни секунды напрасно въ сѣняхъ, чтобы чего, Боже сохрани, не испугалась и не убѣжала. Хлопотливо было Федору Павловичу, но никогда еще сердце его не купалось въ болѣе сладкой надеждѣ: почти вѣдь навѣрно можно было сказать что въ этотъ разъ она уже непременно придетъ!..

Ф. ДОСТОЕВСКИЙ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

МОГАРЬ МЛАДШИЙ

РОМАНЪ АНДРЕЯ ТЭРИЕ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I.

Быль конецъ юля 1851 года. Небольшой городокъ Севъ-Клемантеъ мирно покоился залитый яркими лучами солнца которые пронизывали во всю ея длину улицу Людовика XIII. Пробыло три часа пополудни. Жители предавались бездѣйствию и отдыху, какъ приличествуетъ добрымъ людямъ въ юльскіе жары. Ставни были плотно закрыты чтобы сохранить въ комнатахъ нѣсколько прохлады. За исключеніемъ щебетанія ласточекъ въ воздухѣ и глухаго жужжанія кузнециковъ, ни одинъ звукъ не нарушалъ тишины спокойно дремлющей улицы. Нигдѣ не было видно живой души. Только на одномъ изъ пороговъ сонливо жмурился почтенный сѣрый котъ.

Между всеми этими заснувшими жилищами, самымъ молчаливымъ и тщательнѣе другихъ залертымъ былъ старинный домъ, въ которомъ, по мѣстному преданію, будто бы ноче-

залъ Лудовикъ XIII послѣ своего вѣнчанія съ Анной Австрійскою. Онъ состоялъ изъ двухъ каменныхъ корпусовъ образовавшихъ собою колѣно, и былъ отдѣленъ отъ улицы узкимъ дворомъ и деревянною рѣшеткой, по которой висѣла и раскидывался дикій виноградъ, никогда не подстригаемый. Въ одномъ углѣ двора высилась башенка съ остроконечною крышею; она служила входомъ и помѣщеніемъ для лѣстницы. Несмотря на солнце сжигавшее улицу, эта винтовая лѣстница съ ея истертыми каменными ступенями была прохладна и темна какъ колодезь. Тотъ же сумракъ и та же прохлада царилъ въ главной комнатѣ перваго этажа, стѣны которой сплошь были покрыты дубовыми лодками, гнавшимися подъ тяжестью сотенъ томовъ. Начиная съ пола и вплоть до потолка поднимались этажами глубокія массы книгъ; тутъ были фоліанты въ темныхъ переплетахъ съ краснымъ обрѣзомъ, *in-quarto* въ рыжеватыхъ кожаныхъ переплетахъ, книги въ двѣнадцатую долю листа съ пергаментными сликками. Всѣ они казалось хотѣли подавить человѣка авторитетомъ науки, выстроенной точно въ боевомъ порядкѣ вдоль стѣнъ. Особая, тонкая и затхлая пыль, исключительно встрѣчающаяся среди старыхъ и большихъ библиотекъ, поднималась изъ глубины этихъ высокихъ и угрюмыхъ полокъ, и острый запахъ ея смѣшивался съ запахомъ аптеки, который выдѣляла изъ себя лѣкарственные вещества заключенныя въ отдѣльной этажеркѣ со стеклами.

Большіе зеленые занавѣсы, падавшіе прямыми складками, закрывали окно и умиртали яркій свѣтъ проникавшій съ улицы. Въ полусвѣтѣ, господствовавшемъ вслѣдствіе этого въ комнатѣ, можно было различить холодныя и голыя наиты пола, только подъ рабочимъ столомъ прикрытыя небольшимъ веревочнымъ коврикомъ; каминъ изъ розоваго гранита, украшенный бюстомъ Биша; заколчанное зеркало, на подзеркальничкѣ котораго столовые часы времени Лудовика XVI однообразно качали своимъ маятникомъ между „Деклараціей правъ человѣка“ вставленною въ рамку изъ чернаго дерева, и гравюрой изображавшею „Клятву въ залѣ *jeu de paume*“; вѣсколко соломенныхъ стульевъ съ рѣзными сликками, и единственное кожаное кресло. На немъ сидѣлъ хозяинъ дома, докторъ Жакъ Дерошъ.

Доктору минуло пятьдесятъ пять лѣтъ, но онъ казался старѣ своего возраста. Это былъ высокій и худощавый чело-

вѣкъ, постоянно державшійся прямо; черты его лица были строга, голова почти уже лишена волосъ. Немногія оставшіяся пряди ихъ совершенно посѣдѣли, также какъ и его борода. Маленькіе глаза сине-стальнаго цвѣта, прикрытыя покрасѣвшими и ватруженными вѣками, освѣщали его ледяное лицо, не придавая ему оживленія. По желтоватому оттѣнку бровей, по цвѣту его щекъ и черепа можно было догадаться что человекъ этотъ былъ рыжимъ прежде нежели трудъ или огорченія заставили его бороду побѣлѣть, а волосы исчезнуть съ головы. Положивъ ноги одну на другую, откинувшись туловищемъ на спинку кресла, докторъ читалъ газету *Le National*. Неподвижность его чертъ исчезла только по временамъ, когда какой-то глухой шумъ доносившійся изъ владыны окна, вызывалъ на его грустныхъ устахъ гримасу нетерпѣнія.

Шумъ этотъ былъ перемежающійся. Онъ состоялъ изъ какого-то неяснаго шепота, прерываемаго молчаніемъ и сопровождаемаго каждый разъ глухимъ тавканьемъ. Всѣ занимающіеся кабинетнымъ трудомъ знаютъ какъ раздражительно дѣйствуетъ на нервы робкій шепотъ врывающійся съ неправильными промежутками въ тишину рабочей комнаты; ясный и громкій шумъ былъ бы уже гораздо лучше въ этомъ случаѣ. Подъ конецъ докторъ не могъ болѣе сдерживаться. Онъ описалъ полуоборотъ своимъ кресломъ, мгновенно выпрямился во весь ростъ, и приподнял одну изъ завѣсѣй:

— Тереза, сказалъ онъ строгимъ голосомъ. Цѣлый потокъ свѣта ворвался въ комнату и позволилъ увидать виновныхъ. Это были: дѣвушка шестнадцати лѣтъ и собака.

Молодая дѣвушка сидѣла въ глубокой владынѣ окна на низенькомъ стулѣ. Поднявъ сверху одну руку, она махала въ воздухъ старою перчаткой. Прекрасная датская собака, присѣвъ на заднія лапы и положивъ голову на переднія, внимательно сторожила перчатку, испуская время отъ времени сдержанный лай.

— Неужели ты не можешь спокойно пробыть ни одной минуты? продолжалъ докторъ Дерошъ раздраженнымъ тономъ.—Ты выводишь меня изъ терпѣнія!

При его внезапномъ появленіи оба виновные въ смущеніи присмирѣли. Молодая дѣвушка уронила свою перчатку и вышла изъ владыны окна.

— Прости меня, отецъ, отвѣтила она,—я думала что тебѣ ничего не слышно.... сидѣть тамъ и не двигаться—такая

скука! Въ ожиданіи прогулки мы рѣшили немного развлечься, а и Дашь.

И въ то же время, какъ бы прося прощенія, она порывисто бросилась къ доктору и хотѣла его поцѣловать. Но онъ рѣзко остановилъ этотъ порывъ, схвативъ молодую дѣвушку за кисти обѣихъ рукъ. Глаза его съ выраженіемъ какого-то подозрѣнія остановились на ея лицѣ; въ складкахъ рта обнаружилось еще болѣе горечи; онъ сухо отстранилъ отъ себя дочь:

— Довольно! сдвоеннымъ голосомъ сказалъ онъ.— Неужели ты никогда не отставишь отъ этихъ шумныхъ манеръ?... Ты все воображаешь себя еще въ деревнѣ, среди твоихъ крестьянъ.

Глаза Терезы заискрились влажнымъ блескомъ.

— Въ моихъ крестьянахъ много хорошаго, возразила она, задѣтая живое несправедливою строгостію отца, — они меня любили, и мнѣ у нихъ время никогда не казалось долгимъ.

— Время никогда не кажется долгимъ тому кто умѣетъ заняться, холодно возразилъ докторъ.— Возьми книгу и держи себя спокойно... Я ненавижу праздныхъ людей.

Молодая дѣвушка направилась къ одной изъ полокъ библіотеки, взяла тамъ книгу, и надувшись сѣла съ нею въ уголъ. Щеки ея покраснѣлись; двѣ продольныя морщины прорѣзались между бровей на ея широкомъ и умномъ лбу. Какъ будто желая ее утѣшить, собака также покинула впадину окна и легла у ногъ дѣвушки. Докторъ опять сѣлъ въ свое кресло и принялся снова за чтеніе газеты. Но онъ тщетно старался сосредоточить свое вниманіе на печатныхъ столбцахъ; глаза его машинально пробѣгали по строкамъ, а мысль была занята другимъ. Лицо его стало еще сумрачнѣе, какъ будто бы происшедшая сейчасъ сцена вызвала въ немъ непріятное и тягостное воспоминаніе.

И въ самомъ дѣлѣ, на сердцѣ доктора Дерошъ была старая рана; она плохо залѣчилась, и каждое малѣйшее событіе заставляло ее опять раскрываться. Тридцати семи лѣтъ онъ женился на женщинѣ гораздо моложе себя, и она его обманула. Чтобъ избѣгнуть оцѣлки, онъ сначала сносилъ все молчаливо, стараясь по крайней мѣрѣ спасти внѣшность. Но въ одно утро, — съ этого дня прошло уже лѣтъ семь, — господа Дерошъ, которой надоѣло это фальшивое положеніе,

бѣжала изъ дома съ небогатымъ дворяниномъ, ихъ соудомъ. Съ той поры она жила въ Парижѣ, неизвѣстно какъ, и неизвѣстно съ кѣмъ. Имя ея не произносилось болѣе; весь городъ изрекъ ей осужденіе, и она считалась какъ бы умершею. Докторъ могъ бы подумать что все это былъ тяжелый сонъ, еслибы виновная, покидая супружескій кровъ, не оставила здѣсь дочь, которая напоминала обманутому мужу всѣ разочарованія и горести прошедшаго. На первое время видъ ребенка былъ ему до такой степени невыносимъ что онъ отправилъ дочь въ деревню, гдѣ она еще прежде, груднымъ ребенкомъ, находилась у кормилицы. Кормилица Терезы и ея мужъ были лютые мызники; они сохранили большую привязанность къ своему выкормышу, и съ восторгомъ приняли Терезу опять къ себѣ. Она жила у нихъ какъ настоящая крестьянка, и съ сожалѣніемъ рассталась съ мызой, когда ей пришлось провести три года въ монастырскомъ институтѣ. Терезѣ должно было минуть шестнадцать лѣтъ, и отецъ счелъ нужнымъ вызвать ее въ Сенъ - Клемантенъ.

Это была уступка сдѣланная приличіямъ. Но съ каждымъ днемъ докторъ Дерошъ находилъ принесенную имъ жертву все болѣе тяжкою, а испытаніе все болѣе невыносимымъ. Пренее впечатлѣніе, которое производилъ на него видъ Терезы, все усиливалось теперь, становилась все несноснѣе, все болѣе раздражало его. Когда родилась Тереза, поведеніе госпожи Дерошъ казалось еще совершенно безупречнымъ; но докторъ не могъ воспрепятствовать тому чтобы сомнѣніе предательски не закрадось къ нему въ душу. Въ первые годы дѣтства Терезы, въ ту пору когда фizioномія ребенка еще не опредѣлилась, онъ старался убѣдить себя что дочь будетъ похожа на него. По мѣрѣ того какъ юность заступала мѣсто дѣтства, онъ чувствовалъ что мечты его исчезаютъ, а подозрѣнія становятся все сильнѣе. Теперь молодая дѣвушка вполнѣ развилась; черты ея не должны были болѣе мѣняться; а между тѣмъ онъ только сейчасъ былъ опять пораженъ увидавъ насколько разнятся эти черты отъ семейныхъ чертъ семейства Дерошъ. Въ продолженіе цѣлаго полугода онъ непрерывно возобновлялъ это столь грустное для него изученіе лица Терезы, и каждый разъ оно оставляло въ немъ страданіе все болѣе острое, все болѣе горькую досаду.

Въ эту самую минуту докторъ опять тайкомъ разглядывалъ молодую дѣвушку склонившуюся надъ книгой. Онъ разби-

раза одну за другою всѣ мелкія подробности ея вѣщности: обильные каштановые волосы, глаза, свѣтлые и блестящіе какъ двѣ черныя вишни, ротъ съ добрыми, алыми и полными губами, ея подвижную физиономію, рѣзкіе жесты, граціозныя линіи ея гибкой талии. Сомнѣній не могло быть: подъ этою матовою кожей текла кровь не Дерошей. Ребенокъ этотъ былъ не его. Докторъ мѣлъ въ рукахъ газету, его саркастическія губы судорожно искривлялись. Онъ жестоко страдалъ въ своей гордости, въ своихъ разлетѣвшихся мечтаніяхъ отца. Ему хотѣлось возвратиться къ своей прежней невѣрности; онъ сожалѣлъ о ней, и снова съ жадностію разглядывалъ Терезу, подстерегая взглядъ или жестъ которые могли бы внести сомнѣніе въ его разочарованное сердце. Онъ желалъ подмѣтить хотя бы одну изъ тѣхъ семейныхъ особенностей въ которыхъ можно найти слѣдъ общаго происхожденія, одну изъ тѣхъ ничтожныхъ чертъ которыя бы еще позволили ему вѣрить что Тереза была дѣйствительно плоть отъ плоти его, а не чужая, обманомъ вошедшая въ домъ, не дочь другаго..

Тереза между тѣмъ медленно перевертывала листы своей книги, не подозревая какая буря кипѣла подъ обнаженнымъ черепомъ доктора. Книга которую она читала называлась *Исторія европейскихъ чешуйчатокрылыхъ*, и заключала въ себѣ раскрашенные рисунки. Между учеными сочиненіями бібліотеки, эта книга была единственная которую она любила. Ей нравилось встрѣчать здѣсь изображенія бабочекъ, свободно летающихъ по лѣсамъ и полямъ. Она привѣтствовала ихъ какъ знакомыхъ, и со вздохомъ думала про то время когда она сама, свободная какъ бабочка, бѣгала, живя у крестьянъ, по узкимъ тропинкамъ вдоль зеленыхъ береговъ рѣки. Предъ ея глазами вставала та мѣстность гдѣ она провела свое дѣтство. Она опять видѣла добрые свѣтлые глаза Байларжовны, своей кормилицы, видѣла загорѣлое лицо ея мужа. Ей слышалось лѣніе лѣтучковъ на мызѣ. Ей казалось что она находится тамъ въ тѣ лѣтніе часы, когда все отдыхаетъ, все залерто, двери и ставни, и только одинъ яркій лучъ солнца падаетъ среди прохладнаго мрака комнаты сквозь широкую трубу камина на его каменный подъ...

Воспоминанія о деревенской жизни давнюю вереницей тянулись одни за другими. Пребываніе на мызѣ было единственнымъ счастливымъ временемъ въ жизни Терезы; кормилица

и ея мужъ были единственныя существа которыя вѣжно ее любили, и въ свою очередь она сохраняла къ нимъ привязанность какой никогда не имѣла ни къ отцу, ни къ матери. Непрязнь существовавшая между господиномъ и госпожой Дерошъ рано остановила и парализовала въ ней тѣ сердечныя порывы которые обыкновенно сближаютъ ребенка съ его родителями. У птицъ дѣтскій инстинктъ исчезаетъ послѣ того какъ птенцы достаточно окрѣпнуть чтобы пользоваться собственными крыльями; для сохраненія этого инстинкта необходимо теплое и мягкое гнѣздо, согревающее прикосновеніе материнскихъ крыльевъ. Намъ, людямъ, также необходимо тѣсное общеніе съ родителями, сердечная жизнь подъ однимъ общимъ и теплымъ кровомъ для того чтобы дѣтская любовь сохранилась въ нашихъ сердцахъ. У дѣтей родители которыхъ живутъ врознь саишкомъ скоро являеся дума, а съ нею и сомнѣніе, сковывающее точно льдомъ всякую дѣтскую вѣжность. Слыша поочередно жалобы своей матери на господина Дерошъ и презрительныя отзывы доктора о своей женѣ, Тереза утратила среди этого столкновенія страстныхъ взаимныхъ обвиненій ту свѣлую вѣру, безъ которой не можетъ существовать любовь. Она не знала кого изъ двухъ считать правымъ или виноватымъ; говоря точнѣе, она обвиняла ихъ обоихъ въ томъ что они лишили ее тѣхъ добрыхъ ласкъ которыми пользовались другія дѣти. Вѣжность ея, отклоненная съ своего естественнаго пути, обратилась на добрую крестьянскую семью которая воспитала ее, ухаживала за ней, баловала ее, которая одна дала ей понять что значитъ имѣть любящую семью и родительскій кровъ.

Пока она предавалась своимъ мечтамъ, вокругъ нея все опять погрузилось въ прежнее молчаніе. Съ высоты карнизовъ, покрытыхъ сѣтями паутины, казалось слускалось что-то тяжелое и усыпляющее, какъ будто вся скука заключающаяся въ старинныхъ книгахъ библіотеки внезапно превратилась подъ вліяніемъ июльскаго жара въ испаренія, и усыпляющимъ туманомъ ложилась на холодныя плиты комнаты. Ничто не мѣшало болѣе размышленіямъ доктора кромѣ обычныхъ легкихъ шумовъ которые постоянно слышатея лѣтомъ въ послѣполуденное время и убаюкиваютъ дремлющія чувства: жужжанія большой синей мухи о стекло, легкаго треска дерева, сухаго шороха методически переворачиваемыхъ страницъ книги.

Такимъ образомъ прошелъ цѣлая часть. Потомъ на улицѣ гдѣ-то далеко, далеко, со стороны большой дороги, внезапно раздались въ тишинѣ тихое звяканье колокольчиковъ и глухой звукъ тяжелыхъ колесъ. Тереза подняла голову и начала прислушиваться.

— Ахъ! прошептала она, — это почта...

Въ 1851 году желѣзная дорога доходила только до Пуатье. Дальнѣйшее сообщеніе совершалось отсюда при помощи дидажанса, который употреблялъ семь часовъ чтобы доставить въ Семъ-Клемантенъ пассажировъ и корреспонденцію. Прибытіе почты составляло въ городкѣ главное событіе и главное развлеченіе дня. Тереза не обманулась. Дидажансъ дѣйствительно приближался, и на мостовой главной улицы уже явственно слышалась рысь четверки лошадей. Видѣствъ съ прибытіемъ дидажанса въ заснувшій городокъ возвращалось оживленіе. Слышно было какъ съ шумомъ растворялись запертыя ставни и весело перекликались между собою обыватели, выбѣжавшіе за двери.

— Вотъ дидажансъ! повторила молодая дѣвушка, бросая на полъ свою книгу. Она порывисто встала, не заботясь о томъ что подумаетъ отецъ, распахнула занавѣсъ, открыла окно, и съ любопытствомъ выставилась изъ него на улицу. Самъ докторъ, ловиуясь не столько любопытству сколько машинальной и старой привычкѣ которая сдѣлала для жителей улицы Людовика XIII ежедневное развлеченіе изъ проѣзда дидажанса, поднялся въ свою очередь и, вслѣдъ за дочерью, подошелъ къ окну.

Въ это мгновеніе дидажансъ показался изъ-за угла. Кондукторъ заигралъ на своей трубѣ; тяжелый экипажъ началъ осторожно подвигаться по узкой улицѣ. Лошади были всѣ въ мылѣ; желтый кузовъ дидажанса былъ весь покрытъ пылью; пылью же были покрыты и головы пассажировъ которые въ просомѣ выглядывали сквозь дверцы. Трое мальчишекъ въ видѣ конвоя бѣжали за дидажансомъ, придерживаясь за его откидныя ступеньки. Вниманіе горожанъ и служаковъ, выставившихся за окна, въ особенности привлекалъ молодой человекъ лѣтъ двадцати двухъ, сидѣвшій рядомъ съ кондукторомъ, багровымъ отъ усердной игры на трубѣ. На этого молодаго человека указывали другъ другу пальцами, ему кивали, и онъ въ свою очередь весело отвѣчалъ на эти привѣтствія, приподнимая свою шляпу. Его нельзя было на-

звать красавцемъ, но онъ имѣлъ пріятное лицо, съ живыми маленькими глазами и вьющимися бѣлокурыми усиками. Тереза, заинтересованная всеобщими знаками пріветствія этому молодому человѣку, съ вопросительнымъ видомъ обратилась къ своему отцу.

Молодой путешественникъ не укрылся отъ наблюдательнаго взора доктора. Дерошъ слегка пожалъ плечами, на губахъ его показалась саркастическая улыбка, и онъ сказалъ своимъ язвительнымъ голосомъ:

— А! А! Могаръ младшій возвращается какъ голубокъ на свою голубятню... хороша голубятня, гдѣ сидитъ такая хитрая птица какъ его почтенный батюшка!

— Въ самомъ дѣлѣ, замѣтила Тереза, — вотъ Могары стоятъ у подъезда гостиницы. Они вышли его встрѣчать.

На самомъ концѣ улицы, подлѣ воротъ почтовой станціи, рядомъ съ конюхами и двумя служанками въ высокихъ бѣлыхъ челчикахъ, дѣйствительно стояла чета обывателей и дѣлала различные знаки по направаенію къ дилижансу. Жена махала платкомъ, а мужъ производилъ съ своей стороны манифестацію размахивая ладкой на уровнѣ съ своею головою.

Тяжело покачиваясь, дилижансъ остановился наконецъ у воротъ гостиницы. Молодой человѣкъ, быстро спустившись съ возвышенія на которомъ онъ сидѣлъ, бросился на шею матери, потомъ обнялся съ отцомъ. Последній, казалось, былъ особенно радъ увидѣть олятъ своего насажденника; онъ держалъ его за руки и съ довольнымъ видомъ осматривалъ его съ головы до ногъ.

— Ого! иронически заговорилъ олятъ докторъ Дерошъ, — какъ Могаръ осматриваетъ свое порожденіе! Онъ ощупываетъ руки своего голубка чтобъ убѣдиться выросли ли у него когти... Будь покоенъ, соколикъ, твоя кровь скажется... и клювъ, и когти, все будетъ какъ у тебя!

— Эти Могары, сказала Тереза обращаясь олятъ къ отцу, — богаты и очень учтивы со всѣми, а между тѣмъ ихъ не любить. Почему это? Развѣ они не хорошіе люди?

Докторъ Дерошъ пожалъ плечами.

— Хорошіе! Какъ же имъ не быть хорошими? воскликнулъ онъ, злобно смѣясь. — Человѣкъ всегда хорошъ когда онъ занимается тѣмъ дѣломъ къ которому онъ способенъ. На свѣтѣ нужно или обманывать или самому быть обманываемъ.

мымъ, пожирать другихъ или быть пожравнымъ ими. Могаръ изъ породы пожирателей, вотъ и все.... Пойдемъ прочь отъ окна, мнѣ противно видѣть ихъ!

II.

— Отецъ, на этотъ вечеръ мы достаточно поговорили. Я гадаю отъ сна.

Обѣдъ Могаровъ очень затянулся. Настала уже ночь, и свѣчи были зажжены. Слегка колеблющееся пламя ихъ освѣщало остатки обильнаго угощенія приготовляемаго чтобъ отпраздновать прибытіе единственнаго сына. Значительно початый лаштеть испускалъ тонкій аромать дичи и трюфелей, смѣшивавшійся съ запахомъ *chabichou*, мѣстнаго сыра изъ козьего молока. Пирамиды сливъ и абрикосовъ на половину уже разрушились въ компотникахъ, и плоды рассыпались по бѣлой скатерти. Этьенъ Могаръ, въ честь котораго все это было подано на столъ, дѣйствительно казался нѣсколько отуманеннымъ и утомленнымъ качаніемъ дичжанса, обильнымъ обѣдомъ, старымъ виномъ. Онъ отвѣчалъ лишь односложными словами на вопросы своего отца, и только улыбался, между тѣмъ какъ глаза его, слегка слезавшіяся, съ мягкимъ выраженіемъ спокойнаго блаженства глядѣли на внимательныя лица его родителей, на столъ покрытый разными прекрасными вещами, на давно знакомую мебель столовой. Черезъ открытыя окна лилась освѣжающая прохлада вѣтки, протекавшей не подалеку отъ дома, и доносилась ея однообразный, убаюкивающий плескъ; изъ сада поднималось благоуханіе цвѣтовъ; ночныя бабочки видѣлись вокругъ свѣчей. По временамъ вѣтки молодого человека на мгновеніе смыкались, но онъ все продолжалъ улыбаться, чувствуя однако что имъ овладѣваетъ полусонъ.

— Онъ почти совсѣмъ не спалъ отъ самого Парижа, сказала гослжа Могаръ, — ему нуженъ отдыхъ. Завтра вы услѣдете наговориться вдоволь.

Могаръ пожалъ плечами.

— Что это за усталость если не поспать одну ночь и семь часовъ просидѣть въ дичжансѣ? Въ его лѣтахъ я дѣлалъ лѣшкомъ по десяти лѣ въ день, а потомъ еще работалъ до полуночи. Нѣтъ, вынѣвшему поколѣнію не потягаться съ

нашимъ.... Ну, господинъ адвокатъ, стулаи ложиться спать, прощай! Пока мать будетъ тебя укладывать, я пойду посмотрю заперты ли вездѣ двери и не оставили ли чего конторщики небрежнымъ.

Онъ зажегъ свѣчу, и спустившись въ нижній этажъ вошелъ въ контору. Здѣсь Могаръ открылъ окна чтобъ убѣдиться хорошо ли заперты ставни и твердо ли вставлены залоры. Потомъ онъ осматривалъ люлитры конторщиковъ, ворча убралъ самъ перья и лачки лисемъ не положенныя на мѣсто, наконецъ отворилъ желѣзную рѣшетчатую дверь ведущую въ комнату кассера, щелкнувъ замкомъ несгораемаго сундука, просмотрѣлъ счета и перечиталъ въ копировальной книгѣ корреспонденцію за истекшій день. Все это взяло добрый часъ времени. Когда онъ возвратился наверхъ и вошелъ въ спальню, госпожа Могаръ уже лежала въ постелѣ, но еще не спала. Ея маленькая, тонкая и бѣлокурая головка, обрамленная кружевами кокетливаго ночнаго чепчика, ясно выдѣлялась на бѣлыхъ подушкахъ. При свѣтѣ лампы можно было различить главныя черты ея хитраго лица, узкій и прямой лобъ, блестящія глаза, дѣловые и безлокайные какъ у мыши, тонкій носъ, какъ бы постоянно влѣвающій воздухъ, узкія и сжатыя губы, короткій и отлогій подбородокъ.

— Ну что? спросилъ Могаръ, задувая свѣчу и выкалывая все что заключалось въ его карманахъ на почной столикъ, — ну что? легъ онъ?

— Онъ уже спитъ. Дорога его очень утомила.

— Вздоръ! Къ завтрашнему дню все это утомленіе какъ рукой сниметь. Онъ не надѣлалъ въ Парижѣ долговъ и вернулся здоровымъ, вотъ что главное. Я нахожу что у него прекрасный видъ.

— Да, возразила госпожа Могаръ довольнымъ голосомъ, — онъ въ Парижѣ сложился и сдѣлался почти красавцемъ.

— У кого есть деньги въ карманѣ, тотъ всегда красавецъ, внушительно сказалъ мужъ, — а у меня денегъ довольно чтобы сдѣлать его не только красавцемъ, но даже херувимомъ. Не говоря уже про то что я еще сколаю ему въ будущемъ, продолжалъ онъ, весело хрустя своими короткими и волосатыми пальцами. — Игра моя еще не кончена, у меня еще есть на рукахъ козыри.

Продолжая разговаривать, онъ разстегивалъ свой жилетъ, развязывалъ предъ зеркаломъ свой галстукъ. Его управа и

жесткая физиономія энергично отражалась въ стеклѣ. У Могара былъ низкій лобъ, увѣчавный цѣлымъ лѣсомъ едва посѣдѣвшихъ волосъ, коротко обстриженныхъ щеткой, густыя брови, сѣрые ястребиные глаза, произительно и въ то же время кутро сверкашіе изъ-подъ морщинистыхъ вѣкъ. Челюсти выдавались впередъ: на нихъ росли плохо засѣвшія бакенбарды; тонкія ноздри и гладко выбритый ротъ, прорѣзанный поперекъ шрамомъ, придавали лицу злое выраженіе. Могаръ началъ съ того что былъ каменьщикомъ, потомъ подрядчикомъ; мало-по-малу дѣла его пошли все лучше, онъ расширилъ кругъ своихъ предпріятій, и теперь считался однимъ изъ самыхъ ловкихъ денежныхъ воротилъ въ цѣломъ департаментѣ. На двери его прекраснаго дома, расположеннаго въ концѣ главной улицы, красовалась теперь на мѣдной доскѣ сдѣланная большими буквами надпись: *Симонъ Могаръ. Банкъ. Платежи и полученія*. У него были земли во всѣхъ общинахъ кантона, самъ онъ считался однимъ изъ почетныхъ лицъ Семъ-Клемантена. Но сквозь буржуазный лоскъ все еще проглядывала первоначальная грубость каменьщика. Его рано сторбившася спина и плоскія уши, изъ которыхъ торчали лучки волосъ, рассказывали повѣсть о его плебейскомъ происхожденіи и терпистой юности.

— Да, повторилъ онъ, снимая сюртукъ и тщательно перевѣшивая его чрезъ спинку кресла,—да, я еще не окончилъ своихъ дѣлъ. Твой сынъ, Лауретта, можетъ пожалуй каждый день покушать себѣ новыя перчатки, даже держать метрессъ, если ему это пріятно.

— Фу! воскликнула госпожа Могаръ, лопулая глаза. Она быстро облокотилась на подушку и, бросивъ укоризненный взглядъ на мужа, прибавила:—Развѣ ты сдѣлалъ его адвокатомъ для того чтобъ онъ велъ такую жизнь?

— На все есть время, возразилъ Могаръ,—я не вижу вреда въ томъ чтобъ онъ сначала повеселился; пусть онъ перебѣситя.

— Ты лучше бы познакомилъ его съ твоими дѣлами... Онъ могъ бы помогать тебѣ въ дѣлахъ банка, пока самъ не начнетъ имъ управлять.

Могаръ, который въ это время сѣлъ чтобы начать разуваться, быстро всталъ опять.

— Мои дѣла касаются меня одного! воскликнулъ онъ съ неудовольствіемъ.—Я еще не въ такихъ дѣлахъ чтобы скла-

дѣвать руки, я хочу вести мое дѣло какъ мнѣ хочется. Я кажется не дураю вѣдь его до этой лоры! Твой сынъ ничего не пойметъ въ моихъ операціяхъ; онъ еще слишкомъ молодъ, да и повятія у него еще молодыя... Когда онъ узнаетъ собственнымъ опытомъ что значить жизнь, тогда мы посмотримъ.

— А если до того времени онъ начнетъ дѣлать глупости?

— Тѣмъ лучше, онъ станетъ отъ нихъ умнѣе. Я знавалъ людей твердыхъ какъ желѣзо, настоящихъ Донъ-Кихотовъ насчетъ разныхъ принциповъ. Стоило имъ только пройти чрезъ руки женщинъ и судебныхъ приставовъ, и они возвращались ко мнѣ мягкими какъ перчатки и хитрыми какъ старые прокуроры... Когда Этьенъ поватрется, я позволю ему сунуть носъ въ мои дѣла. Не равнѣе.

Госпожа Могаръ покачала своею маленькою головкой:—

— Что ты тамъ ни говори, Симонъ, все это не очень нравственно.

Могаръ ходилъ по комнатѣ, безъ жилета, положивъ руки въ карманы паяталонъ. Онъ повернулся на коблукѣхъ, остановился предъ изголовьемъ кровати, и возразилъ тономъ не допускавшимъ возраженій:

— Это практично.

Но жена его не считала себя любящею. Она предпочла бы чтобъ Этьенъ женился на дѣвушкѣ изъ хорошей семьи, родство съ которою придадо бы дому Могаровъ уваженіе и вышнее обаяніе. Почему бы ему не жениться на дѣвицѣ де-Пюжиро или на одной изъ дѣвицъ де-Буасегьемъ?

— На дѣвушкахъ безъ приданого! воскликнулъ банкиръ.

— Онъ принадлежать къ самой старинной аристократіи въ Пуату... Это что-нибудь да значить.

Симонъ Могаръ презрительно засвисталъ.

— Куда какъ у нихъ въ карманахъ жидко! Въ положеніи Этьена вымѣнивать свои деньги на имя—плохая операція. Я говорю это не на твой счетъ, Лауретта, послѣдшій онъ прибавить, замѣтивъ негодующій взоръ своей жены,—когда я бралъ тебя, я находился въ иномъ положеніи, для меня дѣвица Лаура де-Шателль была хорошею партіей... Кромѣ того у тебя была смѣтка, ты умѣла себя вести и помогать мнѣ въ моемъ дѣлѣ.

— Если мои совѣты были тебѣ иногда полезными, сказала госпожа Могаръ оскорбленнымъ тономъ,—будь такъ добръ выслушать ихъ и сегодня.

И она повторила ему мягкимъ и заискивающимъ голосомъ что ихъ дому теперь въ особенноти нужны почетъ и выдающееся положеніе. Она смотритъ на вещи прямо, и знаетъ что въ Севъ-Клемантенѣ не любятъ Могара. Его упрекаютъ въ томъ что онъ слишкомъ крутъ, что онъ слишкомъ жметъ своихъ должниковъ. Необходимо зажать ротъ завистникамъ и сплетникамъ. Въ самомъ Севъ-Клемантенѣ и въ окрестностяхъ его живутъ семьи одно имя и принципы которыхъ уже сами по себѣ составляютъ ручательство.

— Объ насъ стали бы отзываться менѣе легкомысленно, сказала она въ заключеніе, — еслибы мы породнились съ однимъ изъ такихъ набожныхъ и уважаемыхъ семействъ.

— Что же, и мнѣ ханжой нужно будетъ сдѣлаться? промически спросилъ бывшій каменьщикъ.

— Твоя слабая сторона въ томъ что ты не имѣешь религіи. Ты не правъ въ этомъ. Повѣрь мнѣ, безбожники теперь не въ модѣ. Недалеко время когда ихъ не будутъ различать отъ анархистовъ.

— Говори ужъ прямо что я проповѣдую необходимость подѣлать всѣ имущества! воскликнулъ банкиръ, и громко захохоталъ.

— Ты смѣешься, а между тѣмъ я гораздо болѣе права нежели ты, и я предвижу многое.

Съ терпѣніемъ муравья и съ тѣмъ упорствомъ которое составляетъ отличительное свойство женскаго ума, она слова начала искусно настаивать на своей идеѣ, чтобы заставить послѣднюю медленна и вѣрно, какъ буравъ, проникнуть въ умъ своего мужа. Она по-своему объяснила ему что волненія 1848 года встревожили очень многихъ. Всѣ люди владѣющіе состояніемъ хотятъ мирно пользоваться своими доходами и питаютъ отвращеніе ко всякимъ переворотамъ. Естественно что они должны будутъ просить защиты и помощи у тѣхъ кастъ которыя сохранили уваженіе къ принципамъ порядка и авторитета, у дворянства и у духовенства, а не у безбожниковъ. Чѣмъ далѣе будутъ подвигаться событія, тѣмъ шире будетъ становиться пропасть между двумя партіями. Скоро нужно будетъ рѣшиться на выборъ: или броситься въ лагерь якобинцевъ въ родѣ доктора Дерошъ, или же открыто стать на сторону благомыслящаго общества, то-есть принять его вѣрованія, и даже его предразсудки.

Маленькая женщина, облокотившись на подушку, объясняла все это въ подробности, очень тонко и очень ясно. По мѣрѣ

того какъ она развивала свои мысли одну за другою, Симонъ Могаръ слушалъ ее все внимательнѣе. Онъ сидѣлъ въ креслѣ, расставивъ локти, твердо опершись ладонями на колѣна; Могаръ удивлялся провинцальности своей жены.

— Да! да! въ твоихъ словахъ есть доля правды, проговорилъ онъ задумчиво.

— Ты видишь самъ! сказала госпожа Могаръ съ торжествомъ.— Я вѣдь не совѣтую тебѣ вдругъ порвать съ твоими старинными привычками, и съ завтрашняго же дня начать ходить въ церковь....

— Да, уже это-то было бы нѣсколько трудновато!

— Я только предлагаю тебѣ мало-по-малу измѣнить твое поведеніе, щадить аристократическія фамиліи и духовенство, искусно раздѣлаться со связями которыя тебя компрометируютъ.... Знаешь что, воскликнула она, и приподнялась такъ быстро что весь бюстъ ея вывырнулъ изъ-подъ простынь,—знаешь что? Хочешь предоставить мнѣ полную свободу дѣйствовать? Если ты не станешь мнѣ мѣшать, ты будешь черезъ два года меромъ, и весь округъ будетъ въ твоихъ рукахъ!

Симонъ Могаръ смотрѣлъ на нее съ восторгомъ и изумленіемъ.

— Я принимаю твое предсказаніе, Лауретта, сказалъ онъ.— Ты настоящій дипломатъ въ кружевномъ чепцѣ! Очевидно что власть останется за партіей порядка, и на этомъ нужно строить весь расчетъ. Да, прибавилъ онъ вставая, — нужно будетъ совлечь ветхаго человѣка!

Онъ проворно легъ въ постель.

— Ты у меня умица, прошелталъ онъ;—рука у меня была очень счастлива въ тотъ день когда я бралъ тебя изъ твоего гнѣзда въ Сень-Савіола.

А между тѣмъ ночь любовалась въ рѣкѣ отраженіемъ своихъ звѣздъ и подавала знакъ своимъ обычнымъ музыкантамъ, кузнечикамъ разсыпаннымъ въ поляхъ и по окраинамъ дорогъ. Со всѣхъ сторонъ раздавался ихъ концертъ, и тысячи звѣздъ какъ будто въ ритмическомъ движеніи сверкали подъ смутные и дрожащіе звуки этой музыки. Умолкнувшій городъ весь былъ охваченъ этимъ стрекотаніемъ; умиротворяющая сельская лѣсна, тихо и незамѣтно убаюкивая, погружала въ сонъ молодыхъ и старыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ. Подъ звуки ея видѣлись честолюбивыя грезы бакиру,

душилъ кошмаръ доктора Дерошъ, смились деревенскія воспоминанія Терезъ, и глубоко спалъ Этьенъ Могаръ.

Съ разсвѣтомъ его разбудила пѣсня мальчугана ведшаго на водолой своихъ лошадей. Этьенъ вскочилъ съ постели, быстро одѣлся и весело началъ разбирать свои чемоданы. Прежде всего онъ ловѣсилъ на стѣнѣ нѣсколько эскизовъ нарисованныхъ имъ въ окрестностяхъ Парижа въ свободные часы. Онъ добросовѣстно готовился къ экзаменамъ чтобъ исполнить желаніе отца; но на самомъ дѣлѣ Этьенъ предпочиталъ живопись юриспруденціи, и отдавалъ лучшую часть своего сердца и своего времени любимому имъ искусству. Когда онъ окончилъ свою разборку, домъ еще спалъ. Молодой человѣкъ облокотился на окно и устремилъ долгій взоръ на спокойный и мирный ландшафтъ знакомый ему уже въ теченіе многихъ лѣтъ. У оконечности сада рѣка молчаливо разстлала свою водную скатерть, темную тамъ гдѣ надъ нею склонялись деревья, блестящую и сверкающую гдѣ падали на нее первые лучи солнца. Въ колосившихся хлѣбныхъ поляхъ которыя тянулись по обѣимъ сторонамъ дороги, громко звучали крики перелетовъ. Этьенъ чувствовалъ себя счастливымъ. Онъ выдержалъ экзаменъ и, вздымая полною грудью, думалъ о томъ что теперь онъ хозяинъ своего времени. Онъ говорилъ себѣ что состояніе его отца позволить ему отдаться своимъ любимымъ занятіямъ, безъ какихъ-либо матеріальныхъ къ тому прелятствій. Глубокая радость входила въ его душу въ то же самое время какъ свѣтлыя лучи солнца проникали въ его удобно меблированную комнату.

Благовѣсть колоколовъ напомнилъ ему что было воскресенье и что онъ обѣщалъ своей матери сопровождать ее къ обѣднѣ. Онъ окончательно одѣлся, и ровно въ десять часовъ вышелъ изъ дома подъ руку съ госпожой Могаръ, которая на этотъ разъ нарядилась съ особою тщательностью. Она гордилась тѣмъ что благодаря своимъ блѣдымъ волосамъ и стройной талии сохраняла видъ молодости, позволявшій ей казаться какъ бы старшею сестрой своего сына. Когда они вмѣстѣ вошли подъ темные и низкіе своды церкви, обѣднѣ уже началась и церковь была наполнена молящимися. Колѣнопреклоненныя женщины, закрывъ губы молитвенниками, перешептывались между собою при проходѣ Могара млад-

шаго, и показывали на него глазами, между тѣмъ какъ онъ садился на свою фамильную скамью.

Эта дубовая скамья, источенная рѣзьба которой стала блестящею отъ прикосновенія одеждъ цѣлаго ряда поколѣній, была хорошо знакома Этьеву. Въ своемъ дѣтствѣ онъ каждое воскресенье саживалъ на ней. Онъ слышалъ здѣсь монотонное псалмопѣніе вечерни, прерываемое трескучими аккордами органа; онъ не разъ съ замираніемъ сердца дожидался на этой скамьѣ скоро ли дойдетъ до него очередь отвѣчать урокъ изъ катехизиса. Съ одиннадцати лѣтъ Этьевъ поступилъ въ лицей, и затѣмъ ему лишь съ длинными промежутками приходилось посѣщать маленькую, построенную въ романскомъ стилѣ церковь Сень-Клемантена. Едва успѣвъ олустьиться на скамью, онъ бросилъ взглядъ направо и надѣво. Его изумляло какъ мало перемѣнъ произошло здѣсь въ теченіе двѣнадцати лѣтъ. Все совершалось съ тою же правильною какъ и въ то время когда онъ еще былъ школьникомъ. Тѣ же городскія дамы методически садились на мѣста которыя онѣ занимали прежде; тѣ же головы крестьянъ и саужавокъ тѣснились около толстыхъ и низкихъ столбовъ. Сквозь голубоватый туманъ ладона Этьевъ различалъ фигуры дѣтей совершенно схожія съ тѣми которыя и прежде прислуживали въ церкви; они точно также падали исподташка, а изъ-подъ ихъ короткихъ красныхъ подрясниковъ все попрежнему видѣлись панталоны изъ небѣленаго холста.

Измѣнились только лица молодыхъ дѣвушекъ. Тѣ которыя Этьевъ зазналъ еще дѣвочками на урокахъ катехизиса, стали теперь большими дѣвушками со сдержаннымъ и строгимъ видомъ. Онѣ держались возлѣ своихъ матерей, сидѣли выпрямившись и потуливъ глаза въ свои молитвенники; лишь изрѣдка то одна, то другая изъ нихъ бросала лукавый взоръ на новоприбывшаго. Этьевъ старался узнать ихъ и подобрать имена ко всѣмъ этимъ молодымъ личикамъ. Среди этого обзора, вызывавшаго въ немъ столько старыхъ воспоминаній, глаза его остановились на физиономіи совершенно ему неизвѣстной. Недалеко отъ рѣшетки клироса стояла на кофѣняхъ молодая дѣвушка, нѣсколько склонившая свою голову. Поза ея позволяла видѣть изящную линію ея шеи, мягкій изгибъ талии, красивую волну платья, скромно приподнятого въ самомъ низу коричневою ботинкой.

Время отъ времени молодая дѣвушка поднимала голову, и Этьевъ могъ мелькомъ различить матовый цвѣтъ ея лица, уг-

локъ чернаго глаза и полныхъ алымъ губъ. Эта незнакомая фигура возбудила его любопытство. Въ ней было что-то прямое, энергическое и открытое, что-то рѣзко отличающееся отъ разчитаннаго и размѣреннаго вида дѣвицы Сень-Клемантенской буржуазіи. Но молодой человекъ тщетно справлялся въ своихъ воспоминаніяхъ; онъ не находилъ ни одного имени которое бы онъ могъ связать съ этимъ молодымъ и симпатичнымъ лицомъ.

Когда обѣдя кончилась и одинъ изъ священнослужителей, обратившись къ вѣрующимъ, произнесъ: *ite, missa est*, молодая дѣвушка еще нѣсколько времени осталась колѣно-преклоненною, потомъ закрыла свою книгу, сдѣлала знакъ служанкѣ стоявшей подлѣ нея и подаялась въ то время какъ органъ громко игралъ заключительные аккорды. Этьенъ, также вставшій со своего мѣста и слѣдовавшій за госпожой Могаръ, не терялъ изъ виду незнакомку и старался уменьшить разстояніе отдѣлявшее ее отъ него. Подойдя къ кропильницѣ со святою водою, онъ украдкой взглянулъ назадъ и увидалъ молодую дѣвушку въ двухъ шагахъ отъ себя. Тогда онъ обмочилъ свои пальцы въ чашѣ, прикоснулся къ пальцамъ своей матери, потомъ обернулся и съ поклономъ предложилъ святой воды незнакомкѣ, находившейся непосредственно позади его.

Бъ его величайшему изумленію, молодая дѣвушка посторожилась; брови ея сдвинулись, ротъ принялъ презрительное выраженіе; не обращая вниманія на учтивое предложеніе молодого человека, она лорывисто прошла мимо него, опустила концы пальцевъ въ чашу со святою водою, перекрестилась, и быстро поднялась по ступенямъ лѣстницы.

Это маленькое событіе не ускользнуло отъ внимательнаго взора госпожи Могаръ, которая слегка покрасѣла и закусила губы. Когда она вышла, Этьенъ, порядочно обиженный, спросилъ у своей матери, указывая глазами на незнакомку, удаляющуюся по направленію къ улицѣ Лудовика XIII:

— Кто это молодая дикарка, отказавшаяся принять отъ меня святую воду?

— Маленькая дурочка! отвѣтила госпожа Могаръ; — дочь доктора Дерошъ. Этотъ Дерошъ экальтированный человекъ. Онъ не можетъ простить намъ, что мы взяли другаго доктора, а дочь его, какъ я вижу, также раздѣляетъ чувства отца.

— Это жаль. Она хорошенькая.

— Мнѣ этого не кажется, презрительно замѣтила госпожа Могаръ.— Это красота въ деревенскомъ вкусѣ... Отецъ отправилъ ее въ деревню послѣ несчастнаго приключенія съ ея матерью, и она научилась тамъ грубымъ манерамъ тѣхъ людей съ которыми ей пришлось жить.

Они повернули за уголъ улицы, когда къ нимъ подошелъ высокій молодой человѣкъ, одѣтый весь въ черномъ. Онъ поклонился госпожѣ Могаръ и попросилъ у нея позволенія засвидѣтельствовать почтеніе ея сыну.

— Ахъ, воскликнулъ Этьенъ, узнавъ одного изъ главныхъ конторщиковъ своего отца,— да вѣдь это Целестинъ Тиффендъ... Какъ выживаете, старый пріятель?

— Все помаленьку, господинъ Этьенъ, все помаленьку отвѣтилъ конторщикъ, стоя съ открытою головою предъ сыномъ своего хозяина.

Этьенъ протянулъ ему руку и принудилъ его надѣть шляпу. Целестинъ повиновался, но не безъ труда. Онъ былъ формалистъ и оказывалъ всему семейству Могаровъ поклоненіе имѣвшее какое-то сходство съ фетишизмомъ. Есть люди рожденные для того чтобы повелѣвать; ихъ поглощающая личность какъ бы превращаетъ въ ничто все растущее подъ ихъ тѣнью. Есть другіе люди которые повидимому созданы для того чтобы ими пользовались; къ числу ихъ принадлежалъ Целестинъ Тиффендъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно было взглянуть на него. Худощавая и высокая фигура Целестина не ловко и неповоротливо двигалась въ широкихъ складкахъ чернаго сюртука, какъ будто висѣвшаго на узкихъ плечахъ; взглядъ былъ разуменъ и робокъ, выраженіе лица напоминало честность и преданность собаки; но отлогій лобъ, заостренный черель, орлиный носъ, костистыя челюсти и острая борода давали ему сходство съ Донъ-Кихотомъ, придавали ему выраженіе какого-то энтузіазма. Могаръ, хорошо знавшій толкъ въ людяхъ, рано взялъ его изъ деревенской школы и опредѣлилъ въ свой банкъ. Целестинъ являлся въ контору въ восемь часовъ, едва урывалъ себѣ нѣсколько минутъ на завтракъ, работалъ въ теченіе дня за двухъ, зимой возвращался еще разъ чтобы сидѣть за дѣломъ до десяти часовъ вечера, и получалъ за все это двѣ тысячи четыреста франковъ въ годъ. Онъ имѣлъ къ своему хозяину совершенно слѣпую преданность и довѣріе. Банкиръ былъ для него божествомъ, каждое слово его—оракуломъ. Уже по одному

тому какъ произносилъ конторщикъ имя Могара, можно было угадать его привязанность къ нему, вѣчто въ родѣ суевѣрнаго обожанія.

— Я счастливъ, господинъ Этьенъ, заговорилъ онъ, почти-тельно слѣдуя шагахъ въ двухъ позади молодого человѣка,—я очень счастливъ что вы возвратились въ добромъ здоровьѣ. Господинъ Могаръ знаетъ съ какимъ нетерпѣніемъ я васъ ожидалъ.

— Почему же вы ожидали меня съ нетерпѣніемъ, мой добрый Целестинъ?

— Почему? воскликнулъ конторщикъ.—Развѣ вашъ батюшка вичего вамъ не говорилъ?

Этьенъ сдѣлалъ отрицательный жестъ.

— Значить онъ счелъ болѣе приличествующимъ чтобъ я самъ объявилъ вамъ въ чемъ дѣло. Я жемюсь, господинъ Этьенъ, прибавилъ онъ съ такою широкою улыбкой что почти обмяклись всѣ его зубы,—я вступаю въ бракъ съ дѣвицей Барденъ, дочерью Брейльскаго мызника. Оглашеніе сдѣлано уже было три мѣсяца тому назадъ, но мы всѣ хотѣли съ точностію узнать время вашего возвращенія чтобы назначить день свадьбы... Позвольте мнѣ по этому случаю представить вамъ мою покорнѣйшую просьбу.

— Представляйте, Целестинъ, вы можете быть увѣрены что она напередъ принята.

— Я уже говорилъ о моемъ желаніи съ господиномъ Могаръ и съ вашею матушкой... Вотъ въ чемъ дѣло, господинъ Этьенъ. Вы завершили бы милостивое ко мнѣ расположеніе вашего батюшки еслибъ изволили согласиться быть моимъ шаферомъ. Я знаю что честь эта очень велика, но намъ всѣмъ это доставило бы такое большое удовольствіе... Моя невѣста и ея родители были бы такъ польщены... Я осмѣливаюсь надѣяться что вы не откажете мнѣ въ мой просьбѣ.

— Что вы? Помилуйте! Напротивъ, я очень радъ! Когда будетъ свадьба?

— Насъ будутъ вѣнчать послѣзавтра, во вторникъ, въ одиннадцатъ часовъ. Если вамъ можно пожаловать къ десяти часамъ въ Брейль, я выйду къ вамъ на встрѣчу на большую дорогу.

Этьенъ обѣщалъ явиться ровно къ десяти часамъ. Целестинъ разсыпался въ благодарностяхъ, раскламылся и удалился въ восторгѣ. Казалось онъ еще выросъ. Его длинный чер-

вый силуеть гордо вырѣзывался на бѣлыхъ стѣнахъ улицы освѣщенной солнцемъ.

— Какой добрый малый! сказалъ Этьенъ своей матери.

— Да... онъ немного наивенъ, но преданъ... А это главное.

III.

Во вторникъ, въ восемь часовъ утра, Этьенъ весело шелъ по дорогѣ въ Брейль. Въ поляхъ громко гудѣли насоскомы; маленькія вертлявыя ящерицы обращались въ бѣгство, слышавъ стукъ производимый тростью молодого Могара о каменистую почву дороги. Брейль находится всего въ двухъ дѣ отъ Сень-Клементена, и Этьенъ, выбравъ самый дальній путь, медленно шелъ и любовался извилистымъ теченіемъ Шаранты, которая катилась вдоль зеленого берега свои темныя воды, подернутыя серебристымъ отливомъ. Маленькія подробности забавляли его и заставляли останавливаться. Вотъ мельница, залпятавшись между ольхами, отражаетъ въ черной водѣ желоба свою крышу, побѣлѣвшую отъ мучной пылиц; вотъ сидитъ подъ каштановымъ деревомъ дѣвочка стерегущая гусей: поля большого бѣлаго челчика опущены на голову; въ рукахъ пруть; а сама она неподвижна точно сѣрая статуя ломѣщанная среди зеленеющаго луга...

Молодой человекъ чувствовалъ какъ просыпаются его артистическія инстинкты при видѣ этой природы, этой зелени, этого мира и тишины. Онъ желалъ имѣть когда-нибудь достаточно таланта чтобы передать всю ихъ прелесть. Дошедшій до него окликъ вывелъ Этьена изъ его созерцательнаго настроенія. Онъ подвинулъ голову и увидалъ художавшій силуеть Целестина Тиффендъ, вырѣзывавшійся на зеленомъ фонѣ кустовъ.

Будущій сулругъ дѣвцы Барденъ былъ весь одѣтъ въ новое черное платье. На головѣ у него была шелковая шляпа цилиндромъ; чтобы не испортить свои панталоны утреннею росой, онъ тщательно подвернулъ ихъ края. Этотъ торжественный костюмъ еще рѣзче обнаруживалъ художавость и угловатость его фигуры.

— Я опоздалъ? спросилъ Этьенъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, господинъ Этьенъ.—Невѣста одѣвается, а музыканты только-что явились. Видите ли, мнѣ не сидѣлось

на мѣстѣ, и я пошелъ къ вамъ на встрѣчу. У меня была впрочемъ еще особая причина, я хочу сдѣлать сюрпризъ гостямъ. О! какой сюрпризъ! повторилъ Целестинъ и улыбнулся своею широкою улыбкой.—Никто еще не знаетъ про честь которую вы намъ оказываете. Они васъ тамъ совсѣмъ и не ждутъ, и вы можете себя представить въ какой они придутъ восторгъ, когда я представлю имъ сына господина Могара моимъ шаферомъ. Да! Это можно будетъ считать за событие!

Этьенъ былъ не особенно доволенъ тѣмъ что изъ него собирались сдѣлать что-то въ родѣ официального лица. Онъ предпочелъ бы меньшую таинственность и менѣе церемоній; но женихъ казался до такой степени восхищеннымъ своею выдумкой что молодой Могаръ не рѣшился показать ему своего неудовольствія. Они начали взбираться на косогоръ по которому раскинулась деревушка Брейль среди вишневыхъ и каштановыхъ деревьевъ, когда Целестинъ, остановившись среди дороги и хватая молодого Могара за луговицу сюртука, воскликнулъ со своимъ наивнымъ смѣхомъ:

— А вѣдь я и вамъ также приготовилъ сюрпризъ, господинъ Этьенъ!

— Какъ? еще сюрпризъ? воскликнулъ Этьенъ.

— Да! да еще какой! продолжалъ Целестинъ, перерывая свои слова взрывами хохота, походившими на какое-то глухое клохтанье.—У васъ будетъ такая Валентина какихъ въ Брейль рѣдко увидишь... Это не крестьянка, а хорошенькая барышня которая обучалась въ лавсіонѣ, и не затруднится какъ съ вами нужно разговаривать... Ха! ха! ужъ я вамъ говорю... Да вотъ вы увидите, вы увидите!

— Какъ зовутъ эту барышню?

— Не скажу! И она вѣдь тоже ничего не знаетъ... Это я все придумалъ потихоньку. Вы увидите что станете меня благодарить.

— Мой добрый Целестинъ, я боюсь что вы слишкомъ много видѣли себя безлокойствъ изъ-за меня.

— Безлокойствъ! Вы смѣтаетесь! Для меня праздникъ что на моей свадьбѣ присутствуетъ сынъ человека которому я всѣмъ обязана, представитель такого дома каковы Могары. Я проживу сто лѣтъ, господинъ Этьенъ, и не позабуду того дня когда вашъ батюшка опредѣлилъ меня въ свою контору. Чѣмъ бы я теперь былъ безъ него? Деревенскимъ писаремъ гдѣ-нибудь! Господинъ Могаръ подыалъ меня изъ ничтоже-

ства и вывелъ въ люди... Ахъ! что за человекъ, что за великій человекъ вашъ батюшка, господинъ Этьевъ!

— Да, отвѣтилъ Этьевъ, тронутый исполненнымъ энтузиазма прекломеніемъ Целестина,—да, мой отецъ замѣчательно умный человекъ.

— Необыкновенный человекъ, господинъ Этьевъ! А какая у него сила воли, какая удивительная способность къ труду! Слова нѣтъ: онъ крутъ къ лентяямъ и къ лалхимъ лаательщикамъ, но даже и тутъ у него сказывается чувство справедливости предъ которымъ я преклоняюсь.... Да вотъ на примѣръ, недавно: кассиръ вашъ все мучился болѣзнію своего ребенка, да на грѣхъ и просчиталъ двѣсти франковъ. Ужъ какъ онъ дрожалъ, бѣднякъ! Такъ и думалъ что его прогонять.... Что жъ бы вы думали, какъ поступилъ вашъ батюшка?

— Списалъ эти деньги въ счетъ потерь и убытковъ? подсказалъ Этьевъ.

— Не совсѣмъ. Но вмѣсто того чтобы прогнать кассира, какъ всѣ у насъ думали, онъ удовольствовался тѣмъ что вычитаетъ у него теперь изъ жалованья по пятидесяти франковъ въ мѣсяцъ. Вотъ что я называю справедливостію соединенною съ человеклюбіемъ!

— Да, да! пробормоталъ Этьевъ, которому этотъ примѣръ милосердія показался не весьма убѣдительнымъ.

Они подошли къ мызѣ. Слышались уже глухие звуки воюнки и пискливые товы скрилокъ. Время отъ времени раздавался ружейный выстрѣлъ, и голубой дымокъ поднимался надъ вишневыми деревьями огорода. Целестинъ провелъ своего гостя чрезъ дворъ, гдѣ вокругъ музыкантовъ толпились молодые люди изукрашенные лентами, и ввелъ его въ главную комнату дома.

Комната эта была наполнена приглашенными. Разбившись на кучки подвое и лотрое, они жались между стѣной и столами накрытыми во всю длину комнаты. Чрезъ открытыя окна видѣлся дворъ съ его хозяйственными постройками и двумя развѣсистыми фиговыми деревьями, высившимся по обѣ стороны воротъ. Хозяйка дома, въ бѣломъ челчикѣ, суетилась вокругъ столовъ, держа въ рукахъ груду тарелокъ; платье ее было заботливо подобрано. Въ глубинѣ комнаты стояла невѣста, хорошенькая дѣвушка съ голубыми глазами и розовымъ цвѣтомъ лица; ее окружали пять или

шесть дѣвиць, прикалывавшія вѣнокъ изъ флеръ-д'оранжа къ ея высокому кружевному челчику. Подлѣ камина стоялъ „дядюшка“ Барденъ и важно разговаривалъ съ наиболее почетными гостями. Въ комнатѣ слышался глухой говоръ голосовъ и звонкій стукъ посуды; когда на мгновение смолкало то и другое, издалека, изъ-за деревьевъ, доносился звонъ колоколовъ который несся со стороны Сель-Савіоля.

— Целестинъ! пріятель! воскликнулъ „дядюшка“ Барденъ, за тобой только и остановка!

И въ самомъ дѣлѣ, невѣста и ея подруги уже проскользнули изъ комнаты на дворъ, а вольтыжникъ, надувъ свои мѣхи, подавалъ уже знакъ къ открытію шествія.

— Одна минута! сказалъ женихъ весь сіяя,—я привелъ вамъ моего шафера. Вы спрашивали меня, кто будетъ моимъ вторымъ свидѣтелемъ? Вотъ онъ: господинъ Этьенъ Могаръ, сынъ моего хозяина!

Пока „дядюшка“ Барденъ льстивымъ голосомъ благодарилъ Этьена, Целестинъ выбралъ бантъ изъ голубыхъ и розовыхъ лентъ и приколотъ его булавками къ летающъ молодого человека. Потомъ онъ взялъ его за руку и увлекъ за собою на дворъ.

— Теперь, сказалъ онъ,—я хочу представить васъ вашей Валентинъ... мадемуазель Тереза, гдѣ вы? закричалъ онъ, отыскивая глазами дѣвицу о которой шла рѣчь,—вотъ вы увидите, господинъ Этьенъ, вы увидите!

— Я здѣсь! откликнулся звонкій голосъ.

Этьенъ взглянулъ въ томъ направленіи откуда онъ послышался, и вздрогнулъ увидавъ дѣвицу Дерошъ.

Она также узнала его. Лицо ея вдругъ омрачилось, и она схватила руку молодого деревенскаго парня который стоялъ подлѣ нея.

— Вы ошибаетесь, мадемуазель Тереза, воскликнулъ Целестинъ,—васъ поведетъ въ церковь совсѣмъ не Жюзе. Вотъ вашъ провожатый, господинъ Этьенъ Могаръ!

Слова эти совсѣмъ не произвели того дѣйствія на которое рассчитывалъ Тиффенъ, Молодая дѣвушка лошелтала нѣсколько словъ на ухо Жюзе, и продолжала держать его за руку.

— Благодарю васъ, господинъ Тиффенъ, возразила она рѣшительнымъ голосомъ,—у меня уже есть провожатый. Я пойду съ Жюзе.

— Да вѣдь это ошибка! это недоразумѣніе! жалобно проговорилъ Целестинъ, оборачиваясь къ Этьену, который,

нѣсколько сконфузившись, кусая свои усы. Слова его были покрыты громомъ выстрѣловъ, скрилачь и воюющихъ заиграли маршь, пары стади въ рядъ, и Целестинъ, повинуясь указаніямъ тества, любѣжалъ занимать свое мѣсто. Подъ громкіе звуки воюнки, среди весело развѣвавшихся по воздуху голубыхъ и розовыхъ лентъ, длинный кортежъ потанулся къ Сень-Савіолю по извилистой тропинкѣ, между густыхъ изгородей изъ цвѣтущихъ кустарниковъ.

Этьенъ остался позади и чувствовалъ себя нѣсколько одинокимъ среди стариковъ, не слыша двигавшихся вслѣдъ за кортежемъ. На поворотахъ дороги онъ видѣлъ иногда голову дѣвицы Дерошъ, соломенная шляпа которой рѣзко выдѣлялась между бѣлыми челчиками женщннъ и темными войлочными шляпами муцинъ. Молодой Могаръ чувствовалъ что его хорошее расположеніе духа начинаетъ исчезать; онъ не могъ не думать самъ про себя что двойной сюрпризъ, такъ искусно подготовленный Целестиномъ, оказался совершенно неудавшимся. Дочь доктора во второй разъ выказала свое нерасположеніе къ нему. Самые крестьяне казались гораздо болѣе стѣсненными нежели обрадованными его присутствіемъ на свадьбѣ. Этьенъ, бывшій до этой минуты убѣжденнымъ что весь округъ раздѣляетъ съ Тиффендъ уваженіе къ фамиліи Могаръ, чувствовалъ себя особенно обиженнымъ холодною похолодностью которую ему оказывали.

Когда двойная церемонія брака, гражданская и церковная, была окончена, снова затрещали ружейные выстрѣлы, и кортежъ, все предшествуемый музыкой, возвратился въ Брель, гдѣ всѣхъ этихъ людей, дышавшихъ здоровьемъ и сильно проголодавшихся отъ утренней прогулки по свѣжему воздуху, ожидалъ уже свадебный обѣдъ. Всѣ собрались вокругъ длиннаго стола; Целестинъ Тиффендъ снова разсыпался въ извиненіяхъ относительно капризнаго поведенія дѣвицы Дерошъ которую счастливецъ Жюзе торжественно привезъ обратно съ собою.

— Садитесь вотъ тутъ, рядомъ съ моею женой, сказалъ Целестинъ (въ голосъ его слышалось сокрушеніе),—и простите мнѣ неудачу которая случилась сегодня утромъ. Это была моя вина. Мадемуазель Дерошъ не знала моихъ намѣреній и уже выбрала себѣ *Валентина*, котораго ей не хотѣлось такъ бросить... но мы все поправимъ уже, во время бала...

Между тѣмъ усѣлся за столъ. Именитые люди деревни и ближайшіе родственники сѣли въ среднѣхъ лѣдѣхъ новобрач-

ныхъ; дѣвушки и холостые парни забрались на конецъ стола и были очень счастливы избавиться отъ стѣсненія которое налагаю бы на нихъ близость пожилыхъ людей; вокругъ другаго, нижняго конца стола сѣли лестрою и тѣсною кучей бѣдные родственники, дѣти, и кто былъ попроче между приглашенными. Работницы, въ фартукахъ и косынкахъ украшенныхъ бантами изъ голубыхъ и розовыхъ лентъ, вытянувъ руки несли большія блюда съ мясомъ. Варенныя ножки козлятъ чередовались съ цѣлыми пирамидами зайцевъ и большими мясками въ которыхъ лаялаи въ винномъ соусѣ угри изъ Шаранты. Запахъ жаренаго мяса смѣшивался съ острымъ запахомъ лука. Красное вино нацѣживалось въ стаканы въ такомъ обиліи что переливалось черезъ край; гости аппетитно смаковали его съ блаженнымъ выраженіемъ удовольствія. За первымъ блюдомъ всѣ соблюдали торжественное молчаніе; потомъ языки развязались мало-по-малу, и каждый кусокъ началъ сопровождаться веселыми шутками. Но веселье было мирное, безъ громкихъ взрывовъ хохота и безъ крѣпкихъ словъ. Крестьянинъ-луатевинецъ веселится скромно и тихо; менѣе привыкшій къ пирамъ нежели крестьянинъ сѣвера и юга Франціи, онъ наслаждается хорошо ѣдой съ сосредоточеннымъ блаженствомъ, и для выраженія своего удовольствія ограничивается сладкимъ прищечиваніемъ языка или лукавымъ подмигиваніемъ глазъ. Даже когда вино разгорячить ему голову, онъ всегда сохраняетъ извѣстную сдержанность и никогда не предается неумѣренной боатавности.

Этьенъ на собственномъ опытѣ пробѣрялъ вѣрность этихъ наблюденій. Между тѣмъ какъ новобрачные шептали себѣ на ухо разныя вѣжкости, молодой Могаръ попытался вступитъ въ разговоръ съ богатыми земледѣльцами сидѣвшими вонѣ и противъ него; онъ скоро замѣтилъ что ему отвѣчали тономъ въ которомъ было столько же принужденія, сколько почтительности. Крестьяне облакали для него свои слова тысячью предосторожностей. Когда онъ предлагалъ имъ вопросы, взглядъ ихъ выражалъ какую-то робость, и они не смотрѣли ему прямо въ глаза; лица ихъ нѣсколько напоминали въ этомъ случаѣ то выраженіе которое имѣютъ кошки, когда онѣ, лукаво потулившись, закладываютъ уши и косятся стороной на уголъ куда можно было бы уйти, лишь только къ нимъ повернуть спину. Едва заговаривалъ Этьенъ съ новобрачными, и сосѣди его сейчасъ же начинали совер-

шенно свободно бесѣдовать между собой и горячиться по поводу жатвы и посѣвовъ; но если молодой человекъ, прислушавшись къ разговору, пытался вставить въ него свое слово, разговоръ прерывался, собесѣдники обмѣнивались быстрымъ перемигиваніемъ глазъ, на губахъ появлялось выраженіе недоувѣрчивости, и отвѣты становились уклончивыми.

Утомившись тщетными попытками показать себя любезнымъ, Этьенъ наконецъ рѣшился ограничиться ролью молчаливаго наблюдателя. Онъ находилъ дѣйствительный интересъ въ изученіи физиономіи этихъ людей, главная забота которыхъ состояла въ томъ чтобы ловко ловить и еще лучше выпить. Лица начинали краснѣть, челюсти медленно пережевывали жареную козлятину. Внутреннее одушевленіе и жаркій лѣтній воздухъ, врывавшійся въ комнату чрезъ открытыя окна, покрыли абы пирующихъ мелкими капелками пота. Женщины приколади салфетки булавками къ своимъ корсажамъ, и подымаи платья чтобы какъ-нибудь ихъ не замарать. На концѣ стола Этьенъ различалъ сквозь легкій туманъ наполнявшій комнату болѣе оживленную и веселую групу молодыхъ парней и подругъ невѣсты. Среди посаѣднихъ видѣлась непокрытая голова Терезы Дерошъ. Казалось, она смѣялась отъ чистаго сердца; матовый цвѣтъ ея лица слегка заалѣлъ; ея большіе черные глаза улыбались; алды губы время отъ времени раскрывались чтобы отвѣтить звонкимъ смѣхомъ на деревенскія шутки ея сосѣда Жюзе. Этьенъ находилъ ее дѣйствительно хорошенькою, и это сознаніе удвоивало досаду которую причиняло ему столь явное отвращеніе молодой дѣвушки.

За жаркимъ посаѣдовалъ десертъ. Работницы, всѣ покраснѣвшіяся и уже немного утомленныя, привесли круглые сладкіе пироги съ творогомъ и лаодами, и полныя верхомъ корзины фіолетовыхъ сливъ. Двѣ старухи только что пролѣли дребезжащимъ голосомъ *пѣсню новобрачной*, и молодые люди, уставъ сидѣть такъ долго, начинали уже пошевеливаться на своихъ скамьяхъ, какъ вдругъ на дворѣ раздались звуки волынки и скрипки. Въ то же мгновеніе молодежь бросилась изъ комнаты, и вокругъ стола, усѣяннаго остатками обѣда, остались только старики, у которыхъ головы и ноги отяжелѣли отъ вина.

— Да здравствуетъ веселье! Пойдемте теперь танцовать, воскликнулъ Целестинъ, и потащилъ Этьена въ сарай, гдѣ музыканты играли взобравшись на бочки.

Сарай не вмѣщалъ въ себя всѣхъ гостей; часть танцующихъ разсыпалась по двору и отлясывала здѣсь прямо на солнцѣ. Волюйка и скрипка играли старинную *bourrée*; молодыя дѣвушки, раскрасившись какъ цвѣтъ гвоздики подъ своими бѣлыми челчиками, медленно вертѣлись съ ларями. Изъ-подъ челчиковъ выставлялась небольшая часть кося; чрезъ вырѣзъ косынокъ, приколотыхъ очень низко на слитѣ, видѣлись линіи затылка и шеи. Чтобы предохранить платья отъ прикосновенія влажныхъ рукъ танцоровъ, дѣвицы обвязали вокругъ талій свои носовые платки. Рябиновыя и фиговыя деревья, росшія вдоль стѣны двора, бросали вырѣзную и мелькающую тѣнь своихъ листьевъ на молодыя лица.

Тереза Дерошъ была одною изъ самыхъ неутомимыхъ между танцующими. Она не отдыхала ни на минуту, и вознаграждала себя за долгое заточеніе въ старинномъ домѣ на улицѣ Лудовика XIII, не пропуская теперь ни одного танца. Гибкая, легкая, эластичная, она казалось совсѣмъ не дотрогивалась ногами до земли; открытый воздухъ приводилъ ее въ ослѣпленіе; глаза и губы ея смѣялись. Въ нѣсколько дикой граціи, съ которою она прыгала въ тактъ музыки, было еще замѣтно присутствіе дѣтской рѣзвости. Вся отдаваясь удовольствію, она не отказывала ни одному танцору, и въ одинаковой степени была привѣтлива и ласкова со всякимъ кто приглашалъ ее на танецъ. Молодая дѣвушка, повидимому, избѣгала только одного Этьена. Нѣсколько разъ онъ пытался подойти къ ней; но она то ускользала отъ него, то подзывала къ себѣ въ видѣ тѣлохранителя неизбежнаго Жузе. Раздосадованный неуспѣхомъ своихъ попытокъ, молодой человекъ рѣшился веселиться самъ, не обращая болѣе вниманія на эту злопамятную маленькую особу. Онъ любилъ танцы, и танцевалъ хорошо. Немудрено что молодыя дѣвушки Брейля и Сень-Савіоля оказались къ нему менѣе жестокими нежели дѣвица Дерошъ. Онъ забылъ свой неуспѣхъ, съ увлеченіемъ отдавшись въ свою очередь танцамъ.

Одинъ только разъ случай свелъ его опять съ Терезой. Было уже поздно вечеромъ; дневной свѣтъ давно уже пересталъ свѣтить танцующимъ, но они все еще не утомились. Волюйка все продолжала гудѣть, и пары весело прыгали по двору, гдѣ луна явилась уже на смѣну солнцу. Дѣвица Дерошъ осталась чтобы перевести духъ и, прислонивъ

шла съ сливой къ косяку двери, обмакиваясь букетомъ изъ фиговыхъ листьевъ.

— Я не имѣлъ еще удовольствія танцевать съ вами, везлавно сказалъ Этьенъ, выходя изъ тѣни сарая.

Она обернула къ нему свои черные глаза, блестящiе при свѣтѣ луны, и брови ея сдвинулись.

— Въ самомъ дѣлѣ? сказала она отрывисто, съ намѣреною небрежностью.

— Сейчасъ начинается новый танецъ. Позвольте вы мнѣ танцевать съ вами?

— Благодарю васъ. Я танцую съ Жюзе.

— Слѣдовательно постоянно съ нимъ? сказалъ Этьенъ съ иронiей.

— Постоянно, повторила она тѣмъ же тономъ.

— Ему удача.

— Чтѣ вы хотите, мсье Могаръ? нельзя же имѣть все.

— Я бы съ нимъ охотно помѣнялся.

Молодая дѣвушка нетерпѣливо покачала головой и сдѣлала презрительную гримаску:

— Можетъ-быть онъ не согласился бы на мѣну.

— И вы, разумѣется, не посоветовали бы ему мѣняться? возразилъ молодой человѣкъ, задѣтый за живое.

Она посмотрѣла ему прямо въ лицо своимъ прямымъ и свѣтлымъ взглядомъ:

— Я?... Навѣрное не посоветовала бы, мсье Могаръ! — И она отошла.

На этотъ разъ намѣренiе оскорбить его было саишкомъ ясно выражено чтобъ Этьенъ могъ имѣть еще какiя-либо сомнѣнiя относительно чувствъ своей собесѣдницы. Неприятный и дурно воспитанный ребенокъ! подумалъ онъ про себя, и оставилъ свое мѣсто. Новая неудача раздражила его. Балъ потерялъ для него свою привлекательность. Онъ попросилъ указать ему комнату приготовленную для него Целестивою, и легъ спать.

Спалось ему плохо. Каждое мгновенiе совъ Этьена прерывался звуками волюмки, криками и пѣнiемъ ларвѣй, съ большимъ шумомъ старавшихся найти комнату новобрачныхъ которымъ они несли обычное угощенiе, *la soupe blanche*. Онъ проснулся съ зарей и рѣшился сейчасъ же возвратиться въ Севъ-Клемантьенъ, несмотря на то что въ довольно неопредѣленныхъ выраженiяхъ общалъ Целестиву

отпраздновать у него также день слѣдующій за свадьбой. Сказавъ работницѣ чтобъ она передала жовлевамъ его извиненія; онъ быстро спустился съ косогора, переправился черезъ Шаравту, и взобрался на противоположную возвышенность берега.

Солнце только-что поднималось надъ окраиной поля покрытаго розовыми цвѣтами вереска. Пѣла жаворонки. Этьенъ, голова котораго была нѣсколько пуста какъ у человека плохо славшаго, шелъ скучный, волоча шагу. Онъ думалъ противъ собственной воли о пріемѣ сдѣланномъ ему дѣвицей Дерошъ; полузакрывъ глаза, онъ видѣлъ предъ собою эту странную дѣвушку съ ея дѣтскимъ ртомъ, прямымъ и смѣлымъ взоромъ, съ выраженіемъ воли и упрямства на челѣ. Это была несомнѣнно самая оригинальная и самая привлекательная фигура между всѣми видѣнными имъ до этой минуты въ Сень-Клемантевѣ. По какому случаю именно она обнаруживала такое странное отвращеніе къ семейству Могаровъ? Что докторъ могъ быть въ холодныхъ отношеніяхъ съ его отцомъ — въ этомъ не заключалось ничего особенно удивительнаго для маленькаго городка. Но что его дочь, шестнадцатилѣтній ребенокъ, такъ страстно раздѣяла его непріязнь, что она переносила ее такъ рѣзко на Этьена, только что услышшаго еще пріѣхать, совершенно чуждаго всѣмъ городскимъ ссорамъ и сплетнямъ, это, — это было непозволительно.

Погруженный въ свои думы, Этьенъ уже приближался къ городу, когда на поворотѣ дороги онъ встрѣтился лицомъ къ лицу со своимъ отцомъ. Могаръ старшій, одѣтый по-утреннему, въ сѣрой шляпѣ и въ толстыхъ охотничьихъ башмакахъ, казался настолько же бодрымъ и веселымъ, насколько сынъ его былъ сонливъ и угрюмъ.

— О! о! сказалъ онъ, и взялъ его подъ руку, — ты уже возвратился? Судя по твоему вытянутому лицу, ты должно-быть не спалъ цѣлую ночь напролетъ, мой милый другъ?

— Нѣтъ, я легъ въ одиннадцать часовъ и только что всталъ.

— Скажите, какая солидность! Такъ значитъ на этой свадьбѣ не было хорошенькихъ дѣвушекъ?... Ну, если ты выспался, такъ я поведу тебя съ собою. Я хочу показать тебѣ пріобрѣтеніе которое я сдѣлалъ въ твое отсутствіе.

Они направились поперекъ поля по направленію къ плоской возвышенности господствующей надъ Сень-Клемантевомъ.

— Да, заговорилъ опять Могаръ,—я купилъ помѣстье ла-Феникардьеръ. Оно уже давно было у меня на примѣтѣ. У прежняго владѣльца поразстроились дѣла, я воспользовался этимъ случаемъ чтобы пріобрѣсти его землю на выгодныхъ условіяхъ.

Они вступили на просектѣ, на концѣ котораго видѣлись жилыя строенія. Могаръ, какъ настоящій хозяинъ, не пощадилъ сына ни малѣйшею подробностью; онъ таскалъ его съ собою по огородамъ, по полямъ, по покосамъ.

— Видишь, говорилъ онъ Этьену, показывая своею палкой на всѣ четыре стороны,—тутъ все есть: луга, хлѣба, насажденія каштановъ, даже лустыри, и это все благодаря нашей несчастной системѣ отдавать землю въ аренду музыкамъ. Я все это измѣню. Я прогоню четырехъ музыковъ, которые только приносятъ намъ убытки, и замѣню ихъ однимъ фермеромъ Бельгійцемъ, дѣятельнымъ, ловкимъ, который придастъ цѣну всему помѣстью и не оставитъ необработаннымъ ни одного клочка земли. Въ банковомъ дѣлѣ каждая копѣйка должна приносить свой процентъ; точно также и въ сельскомъ хозяйствѣ: каждая горсть земли должна давать пользу. Да, сказалъ онъ, и сбиль энергическимъ ударомъ лапки головку релейника,—все это скоро приметъ другой видъ!

Этьенъ слушалъ и смотрѣлъ на мужественную фигуру своего отца, освѣщенную солнцемъ. Онъ не вполнѣ раздѣлялъ его положительныя вкусы, но не могъ не удивляться уму и мощной организаціи человѣка который, начавъ съ самаго низа, дошелъ до такого значительнаго финансоваго положенія исключительно силой своего труда и своей воли. Въ это мгновеніе; въ это сіяющее лѣтнее утро, предъ лицомъ этой роскошной природы, онъ гордился своимъ отцомъ. Онъ забылъ неудачи прошедшаго вечера и сдѣлался въ свою очередь сообщительнымъ и откровеннымъ. Онъ старался дать своему отцу доказательство своего интереса къ новому его пріобрѣтенію, и замѣтивъ на краю луга хижину которая среди окружавшихъ ее деревьевъ живописно смотрѣлась въ воды Шаранты, воскликнулъ:

— Какой прелестный уголокъ! Я въ восторгѣ отъ твоей новой покупки, отецъ. Я буду ходить сюда рисовать.

Банкиръ пожалъ своими широкими плечами.

— Дая твоихъ лѣтъ ты еще дитя, возразилъ онъ.—Стоитъ ли приходить въ восторгъ отъ клочка луга и развалившейся

живы! Единственное что нравится тебѣ здѣсь, это возможность приходить сюда лацкаться красками... Ты не практиченъ!

— Нѣтъ. Я живописецъ, и смотрю на твое помѣстье съ точки зрѣнія артиста.

— Артиста! повторилъ Могаръ съ гримасой.—Ты значить еще не отказался отъ этой мысли? Ну что же! забавляйся, а достаточно богатъ чтобы открыть тебѣ кредитъ на нѣсколько лѣтъ которыя ты отдашь твоему удовольствію. Потомъ ты самъ возвратишься къ серьезнымъ предметамъ.

— Но, милый отецъ, въ Парижѣ есть множество людей которые смотрятъ на живопись какъ на серьезное занятіе.

— Въ Парижѣ можетъ-быть, сухо возразилъ банкиръ,—но здѣсь, въ глазахъ всѣхъ благоразумныхъ людей и въ особености въ моихъ глазахъ это самое послѣднее занятіе и стоитъ на одномъ уровнѣ съ ремесломъ лапца...

Эта выходка подѣйствовала на настроеніе Этьена какъ ведро холодной воды. Они молча взобрались на пригорокъ, гдѣ солнце начинало уже прилекать, и подошли къ двумъ крестьянамъ которые складывали хлѣбъ въ скирды.

— А! вотъ дядя Жакѣ убираетъ свой хлѣбъ. Нужно спросить какъ поживаетъ теперь его жена которая была больна.

Могаръ любилъ разыгрывать изъ себя обходительнаго и не гордаго хозяина. Ему хотѣлось похвастаться предъ сыномъ своею популярностью, и онъ добродушнымъ тономъ заговорилъ со старшимъ изъ двухъ крестьянъ.

— Добраго утра, дядя Жакѣ. Какъ поживаетъ ваша жена?

Къ великому изумленію Этьена, оба крестьянина едва подняли головы чтобы поклониться *хозяину*, и не прервали своей работы.

— Ни лучше ей нѣтъ, ни хуже не стало, коротко отвѣтилъ старикъ, продолжая методически складывать свои снопы.

Нѣсколько смущенный этимъ приемомъ, Могаръ отошелъ отъ крестьянъ.

— Богъ дастъ она скоро поправится, сказалъ онъ направляясь къ воротамъ двора,—я пришлю вамъ своего доктора, дядя Жакѣ!

Оба крестьянина переглянулись другъ съ другомъ. Сначала во взглядѣ ихъ замѣтна была робость, но потомъ, по мѣрѣ того какъ банкиръ удалялся, они становились все смѣлѣе.

Наконецъ они выпрямились во весь ростъ, и старикъ вдругъ закричалъ:

— Вы очень добры, господинъ Могарь, но лучше бы вамъ быть не такимъ учтивымъ на словахъ, да посправедливѣе въ дѣлѣ!

Могарь, казалось, ничего не слышалъ. Но когда Этьенъ оставовилса и съ удивленнымъ видомъ посмотрѣлъ на отца, банкиръ обернулся къ крестьянамъ:

— Что вы говорите? Я васъ не понимаю.

— Да я-то понимаю что я говорю, возразилъ дядя Жакъ, утирая рукавомъ потъ со своего лба.—И вы бы поняли меня, хозяинъ, еслибы только захотѣли понять. Какъ вамъ не знать что судебный приставъ приходилъ вчера васъ описывать. Знаете, чай, кто и подослалъ-то его.

— Вы ошибаетесь, мой другъ, отвѣтилъ Могарь,—я тутъ ни при чемъ.

— Я все вижу, продолжалъ крестьянинъ, разгораясь мало-малу. Вамъ хочется меня выжить, вотъ вы и дѣлаете подъ меня подводы чрезъ эту дыню, Берлокева, который будто меня преслѣдуетъ... Да кто же во всей округѣ не знаетъ что Берлокенъ по вашей дудочкѣ пляшетъ, господинъ Могарь.

— Вы невѣжа и наглець! воскликнулъ банкиръ. Онъ начиналъ краснѣть отъ гнѣва.

— Ворочайте глазами-то сколько хотите, продолжалъ мизикъ, выпрямая свою старую впадую грудь,—а я все-таки вижу что у васъ творится, дядя Могарь. Вы гладите людей по сливѣ, а вашъ Жанъ Берлокенъ деретъ съ нихъ шкуру. Ахъ, Господи, Боже ты мой! да вѣдь вы кругомъ-то сотни людей по міру пустили! Не я первый, не я послѣдній. Я говорю только что это скверное дѣло, вотъ и весь сказъ.

Могарь быстро вышелъ со двора и пошелъ далѣе, но Этьенъ не проронилъ ни одного слова дяди Жака.

— Что это значить? спросилъ онъ слегка измѣнившимся голосомъ.—Неужели въ самомъ дѣлѣ этотъ Берлокенъ...

— Ужъ не вздумалъ ли ты теперь дѣлать мнѣ допросъ? съ неудовольствиемъ возразилъ Могарь.—Ты не переслушаешь никогда всѣхъ этихъ клявчавій. Ныть и полпрошайничать, вотъ ихъ дѣло! Всѣ они такіе! Ну, да ужъ я сумѣю зажать имъ рты!

Онъ далеко отбросилъ палкой камешекъ лежавшій на дорогѣ и замолчалъ. Этьенъ былъ блѣденъ, въ горлѣ у него пер-

сохло, губы похолодѣли. Возвращаясь въ Сенъ-Клемантенъ онъ чувствовалъ въ своей душѣ болѣзненное потрясеніе. Величественная фигура отца какъ будто была внезапно столкнута съ пьедестала на который мысленно помѣстилъ ее молодой человѣкъ; съ пьедестала свергнуть былъ тотъ на кого онъ нѣсколько мгновеній назадъ взиралъ съ такою гордостью.

IV.

Послѣ завтрака Этьенъ сосался на то что почти совсѣмъ не спалъ ночью, и подъ предлогомъ утомленія залерся въ своей комнатѣ. Онъ не раздѣваясь кинулся на постель и съ наслажденіемъ чувствовалъ какъ сонъ смыкаетъ ему глаза и отгоняетъ отъ него несносную думу которая уже часа два терзала его голову. Сонъ продолжался не долго. Молодой человѣкъ былъ слишкомъ болѣзненно потрясенъ чтобъ успокоиться на продолжительное время. Незамѣтно глаза его полуоткрылись. Сквозь отверстія залертыхъ ставень солнце наложило два золотистыя пятна на коричневый бархатный коверъ; въ саду слышалось глухое жужжаніе насекомыхъ; издали съ неправильными промежутками доносились изъ кузницы удары молота. Первое ощущеніе Этьена было чувство гнета лежавшаго у него на сердцѣ. Сначала онъ не могъ отдать себѣ отчета въ причину этого; внезапное воспоминаніе о словахъ дяди Жакѣ дало толчокъ его мозгу и опять пробудило мысль не дававшую ему покоя съ самаго утра: возможно ли чтобъ отецъ его былъ несчастный человѣкъ?

Съ ранняго дѣтства Этьенъ былъ воспитанъ въ чувствахъ уваженія и удивленія къ Могару старшему. Мать не только не уменьшала авторитета отца какими бы то ни было возраженіями ему въ присутствіи ребенка, но напротивъ находила удовольствіе доводить это чувство до экзальтациі. Такимъ образомъ въ домѣ сложилась почти героическая легенда о Симонѣ Могарѣ, составившемъ себѣ состояніе силой ума и воли. Когда Этьенъ прогуливался въ деревнѣ со своею нянькой, ему показывали поля засѣяныя хлѣбами, луга покрытые цвѣтами, огороды и сады полные плодовъ, и говорили:— все это заработалъ себѣ твой отецъ. Этьенъ выросъ съ мыслию о томъ что все благосостояніе дома происходило отъ трудовъ его отца, и самъ Могаръ не щадилъ ничего чтобъ уве-

личить высокое мнѣніе которое имѣли о немъ. Слуги дрожали предъ своимъ хозяиномъ; его воля никогда не встрѣчала возраженій, каждое слово его считалось за непреложную истину. Позднѣе, когда Этьена послали учиться сначала въ Пуатье, потомъ въ Парижъ, молодой человекъ слишкомъ мало жила въ Сенъ-Клемантеѣ чтобы дать себѣ отчетъ въ томъ какъ отзывалось о Симонѣ Могарѣ общественное мнѣніе. Въ его глазахъ отецъ все остался непогрѣшимымъ человекомъ, богатымъ и умнымъ банкиромъ, котораго онъ привыкъ уважать, которому онъ привыкъ удивляться съ самаго рѣзнаго возраста. Онъ только позволялъ себѣ находить иногда что отецъ слишкомъ положительъ, и что его пристрастіе къ богатству и власти заставляетъ его слишкомъ презирать все что не относится къ чисто матеріальнымъ интересамъ. Но даже и это отсутствіе возвышенности въ стремленіяхъ онъ ставилъ насчетъ цѣлой жизни полной трудовъ и лишеній, жизни въ которой все приходилось брать съ бою. Что касается всего остальнаго: чувства правды, высокаго ума, непоколебимой честности, то Могаръ старшій сохранялъ въ глазахъ своего сына все свое обаяніе.

Упреки старика мызника въ ла-Феникардьеръ были первымъ ударомъ нанесеннымъ этому чувству удивленія сына нравственному превосходству отца. Ударъ этотъ былъ столько же жестокъ сколько неожиданъ. Въ ушахъ Этьена скорбно звучали слова: „вы пустили по міру сотни людей“. И отецъ его ничего не возразилъ. Что было истиннаго въ этомъ обвиненіи? Ужели благосостояніе которымъ онъ пользовался съ дѣтства сложилось изъ грошей несправедливо вырванныхъ у этихъ бѣдняковъ? Всѣ эти мызы, аѣса и дуга раскиданные по всѣмъ угламъ кантона, ужели они представляли собою плодъ подобныхъ же операций какъ та про которую говорилъ старшій мызникъ? Подозрѣніе было ужасно и Этьенъ чувствовалъ что не можетъ быть покоенъ пока не разъяснитъ его.

У кого просить объясненія? У отца? Объ этомъ нечего было и думать. При первомъ же словѣ банкиръ зажалъ бы ротъ своему сыну. Что касается госпожи Могаръ, то она безъ сомнѣнія вѣрила, подобно Этьену, въ строгую честность главы семейства, и молодой человекъ ни за что не рѣшился бы поколебать эту увѣренность. Достаточно было уже и того что сомнѣніе закрадось въ его душу и смутило ее. А

между тѣмъ онъ хотѣлъ знать все, и ему было бы невозможно долѣе носить въ своей груди тяжелое бремя сомнѣнїя.

Стараясь найти разрѣшеніе этой тяжелой загадки, Этьенъ припоминалъ нѣкоторыя неприятыя подробности на свадьбѣ Целестина. Онъ вспоминалъ недоувѣрчивое выраженіе лицъ своихъ сосѣдей за столомъ, врезанные перерывы разговоръ при первой его попыткѣ принять въ нихъ участіе, подмигиваніе украдкой, какъ бы имѣвшее цѣлю предупредить другъ друга о присутствїи среди гостей сына Могара. Онъ приводилъ всѣ эти мелочи въ связь со страннымъ отвращеніемъ обнаруженнымъ Терезой Дерошъ, и съ горькимъ сознаніемъ униженїя спрашивалъ себя не извѣстны ли были уже молодой дѣвушкѣ тѣ слухи на которые намекалъ старикъ Жакѣ.

Жители Брейля навѣрное должны были что-нибудь знать; самъ Целестинъ, несмотря на все свое преклоненіе предъ бавкиромъ, долженъ былъ имѣть свѣдѣнїя о клеветѣ которую распускали про послѣдняго. Этьенъ еще надѣялся что это была только клевета; отцу слѣдовало принять мѣры къ ея уничтоженію. Въ головѣ Этьена быстро созрѣла мысль выпытать что-нибудь у Целестина и подвергнуть его серьезному допросу. Молодой человѣкъ рѣшился въ тотъ же день привести эту мысль въ исполненіе. Онъ всталъ и взглянулъ на часы. Было три часа. Всѣ гости должны были пировать еще весь этотъ день и вечеръ въ Брейлѣ, и онъ имѣлъ еще время опять возвратиться туда. Этьенъ обмылъ себѣ голову холодною водою, переодѣлся, предупредилъ мать что онъ считаетъ обязанностію довести до конца свою роль шафера, и вышелъ изъ дома въ то время когда жаръ начиналъ уже спадать.

Этьену показалося затруднительною и долгою дорога по которой онъ такъ весело шелъ наканунѣ. Онъ двигался съ такою медленностію что часы въ Сенъ-Савиолѣ пробили уже восемь, когда молодой человѣкъ добрался наконецъ до Брейля. Солнце садилось и золотистыми лучами заката обливало густую зелень каштановыхъ деревьевъ. Стекла въ домѣ Барденовъ пламенѣли, точно въ пожарѣ. Онъ отворилъ входную дверь и былъ пораженъ тишиной господствовавшюю въ домѣ, вчера еще столь людномъ и шумномъ. Главная комната была совершенно пуста, но диванный столъ еще оставался по-прежнему накрытымъ и хозяйка съ помощію работницы разставляла на немъ посуду.

— Батюшки свѣты! воскликнула она, увидавъ Этьена, — вотъ вы когда пожаловали, господинъ Могаръ! Целестинъ уже потерялъ на васъ всякую надежду. Онъ пошелъ съ нашею дочкой и со всею молодежью ловить раковъ на рѣкѣ и наказывалъ непременно присылать васъ если вы придете..
Постойте, я вамъ сейчасъ покажу дорогу.

Она нѣсколько минутъ веда его по огородамъ и затѣмъ указала ему тропинку бѣжавшую внизъ съ косогора.

— Вотъ, сказала она, — ступайте по этой тропинкѣ. Она прямо выведетъ васъ къ рѣкѣ; наши тамъ, на берегу.

Этьенъ быстро спустился по крутой тропинкѣ. Сбѣда внизъ, онъ увидалъ предъ собой дугъ по которому извивалась Шаранта, совсѣмъ алая подъ лучами заката. Молодому человѣку не трудно было отыскать ловцовъ, веселые голоса которыхъ неслись къ нему по вечернему воздуху. Скоро онъ увидалъ ихъ промежъ ольховыхъ деревьевъ. Они танцевали на травѣ подъ звуки народной ляссовой лѣски; названья слова ея отрывками долетали до него:

Au printemps la mère ageasse
Fit son nid dans un buisson,
La pibole,
Fit son nid dans un buisson,
Pibolons!

Въ кружкѣ танцовавшихъ онъ различилъ латые дѣвцы Дерошъ; его бѣлая кисея рѣзко выдѣлялась на зелени дуга среди пестрыхъ латевъ другихъ дѣвушекъ. Этьенъ на мгновеніе остановился и прижался къ изгороди замыкавшей дугъ. Теперь онъ боялся подойти къ Целестину и вступить съ нимъ въ объясненіе, которое быть-можетъ должно было замѣнить его сомнѣнія еще болѣе ужасною увѣренностью. Какое-то смутное предчувствіе заставляло его еще выждать въ самую рѣшительную минуту. Онъ испытывалъ грустное наслажденіе, прислушиваясь къ отголоскамъ этого беззаботнаго деревенскаго веселья. Онъ завидовалъ радости этихъ крестьянъ и въ это мгновеніе охотно согласился бы самъ сдѣлаться крестьяниномъ, вмѣсто того чтобы оставаться сыномъ банкира Могара. Убаюкиваемый приливомъ лѣски, Этьенъ незамѣтно забывался и началъ мечтать о простой и рабочей жизни, гдѣ-нибудь въ глуши одной изъ этихъ хижинъ разбросанныхъ подъ тѣнью каштановъ. Жизнь его потекла бы ровною чередой, все разнообразіе которой заключалось бы

только въ сѣнѣ работъ: посѣвовъ, сѣнокоса, жатвы. Трудные дни перемежались бы время отъ времени веселыми и шумными вечерами посвященными танцамъ; въ одинъ изъ такихъ вечеровъ онъ возвратился бы по этимъ узкимъ тропинкамъ въ сопровожденіи своей невесты, простой, здоровой, любящей дѣвушки съ нѣскольکو дикою красотою.

Взрывъ криковъ пробудилъ замечтавшагося. Танецъ кончился; танцовавшіе разбѣжались въ разные стороны по берегу рѣки, отыскивая свои снаряды и очевидно собираясь возвращаться домой.

Было время показаться Целестину. Этьенъ съ замираніемъ сердца переступилъ за изгородь и пошелъ по лугу. Когда онъ подошелъ къ гостямъ, всѣ уже встали поларно подъ руки, съ новобрачными во главѣ. Увидавъ сына своего хозяина, Целестинъ испустилъ громкій крикъ радости:

— Браво! господинъ Этьенъ, воскликнулъ онъ,—вотъ это вы хорошо одѣлали что вернулись сегодня вечеромъ... Вы подошли какъ разъ къ ужину и мы угостимъ васъ отличными раками.—Онъ обернулся къ гостямъ.—Дѣти! Всѣ ли въ сборѣ? Всѣ ли корзины вы забрали?

— Не достаетъ еще одной плетушки, отвѣтилъ молодой парень, въ которомъ Этьенъ узналъ неизбѣжнаго Жюзэ.—Ее оставила мамзель Дерошъ, и теперь пошла ее искать. Я побѣгу ей помогать.

— Оставайся здѣсь, Жюзэ! съ достоинствомъ возразилъ Целестинъ,—ты только и знаешь что вертись вокругъ мадемуазель Терезы. Кончится тѣмъ что это замѣтять и ты сдѣлаешь ей непріятность. Я пойду самъ... или вотъ что продолжалъ онъ, отводя Этьена въ сторону,—замѣните меня господинъ Этьенъ, покажите ей что вы не заоламяты. Я ужь ее отчиталъ сегодня утромъ, и она жалѣетъ о своемъ вчерашнемъ поведеніи. Въ дорогу, дѣти! Господинъ Могаръ и мадемуазель Дерошъ нагонятъ насъ на косогорѣ.

Пары удалились, и Этьенъ пошелъ одинъ по берегу рѣки въ направленіи указанномъ Целестиномъ. Шаранта, чрезвычайно извилистая въ этомъ мѣстѣ, то подтачивалась излучинами подъ берегъ, то стремительно неслась по направленію къ островку видѣвшемуся между деревьевъ. Разгибая на своемъ пути кустарники, Этьенъ увидалъ наконецъ бѣлое платье дѣвицы Дерошъ. Молодая дѣвушка, повидимому не увѣренная въ мѣстѣ гдѣ она поставила свою корзину, время отъ

времени наклонялась надъ рѣкой, потомъ съ легкимъ движеніемъ досады поднималась опять. Вдругъ она обернулась и старалась различить въ сумеркахъ кто былъ человекъ посланный ей въ слугаки. Вѣроятно она узнала непринужденную походку и фигуру Могера младшаго; потому что пустилась бѣжать и какъ тѣнь исчезла за деревьями. Не жала уступать, Этьенъ въ свою очередь ускорилъ шагъ, пересѣкъ дугъ по прямому направленію и наконецъ нагналъ молодую дѣвушку, которая стояла неподвижно на бугоркѣ выдававшемся надъ рѣкою.

— Mademoiselle! воскликнулъ онъ.

Тереза быстро обернулась.

— Monsieur? отвѣтила она нетерпѣливымъ и раздраженнымъ тономъ.

— Извините что я вамъ надоѣдаю, продолжалъ Этьенъ, — голосъ его принялъ саркастическій оттѣнокъ, — но Целестинъ просилъ меня помочь вамъ въ вашихъ поискахъ и проводить васъ потомъ въ Брейль.

— Не безпокойтесь, возразила она, — я вломилась теперь куда я поставила мою корзину. Она на островкѣ, и я отправлюсь туда за нею.

— На островкѣ!.. Но вѣдь у васъ нѣтъ лодки!

— Нѣтъ. Тутъ проложень мостокъ. Не безпокойтесь обо мнѣ.

Этьенъ подошелъ ближе и увидалъ что островокъ действительно былъ соединенъ съ берегомъ посредствомъ дерева перекинутого поперекъ воды. Дерево это, въ толщину ноги, лежало почти на самомъ уровнѣ теченія, которое въ этомъ мѣстѣ было быстро и довольно глубоко. Гибкая жердь, прикрѣпленная къ двумъ вилообразнымъ подставкамъ, служила перилами для этого первобытнѣйшаго вида висячаго моста.

— Надѣюсь вы не рискнете идти по этому переходу? воскликнулъ молодой человекъ. — Берегитесь! вы поскользнетесь и упадете въ воду!

Она собрала платье вокругъ ногъ и, не слушая, рѣшительнымъ шагомъ уже шла по гнущемуся мостику.

Этьенъ не былъ въ особенно благосклонномъ настроеніи духа. Въ виду этого упрямства онъ ложаля плечами и удовольствовался тѣмъ что молча сталъ слѣдить за необдуманнымъ подвигомъ дѣвицы Дерошъ. Она уже почти коснулась противоположнаго берега, какъ вдругъ раздался плескъ лад-

міа въ воду. Въ одно мгновеніе Этьевъ очутился на концѣ мостика, гдѣ онъ напалъ молодую дѣвушку сидящую на деревѣ; она хватилась руками за жердь служившую перилами, а ноги и платье ея висѣли въ водѣ. Тереза нервно засмѣялась. Молодой человекъ схватилъ ее за руку, помогъ ей встать и поставилъ ее на берегъ островка. Вода лила съ нея ручьями.

— Вы ушиблись? спросилъ онъ.

— Нѣтъ. У меня подвернулась нога. Вотъ и все.

— Я вамъ предсказывалъ это.

— Это все ваша вина! воскликнула она.— Еслибы васъ здѣсь не было, я не поскользнулась бы... Я сегодня уже разъ десять благополучно переходила по этому мостку.

— Извините, сказала онъ съ ироніей,—но что же дѣлать, я тутъ и долженъ теперь довести васъ до Брейла. Не можете же вы оставаться здѣсь цѣлую ночь, какъ Робинзонъ на своемъ островѣ... Чувствуете ли вы достаточно силъ чтобы перейти навадъ по мостику, опираясь на мою руку?

— Я попытаюсь, прошептала молодая дѣвушка. Она казалась на половину сконфуженной, на половину разсерженной.

Кисейное платье ея было вся промочено, и лило вокругъ ногъ. Вода такъ и катилась съ него на траву. Этьевъ взялъ руку дѣвицы Дерошъ и первый сталъ на мостикъ; потомъ они оба, опираясь на жердь и подвигаясь мелкими шагами, медленно перешли черезъ рукавъ рѣки, вода которой казалось подтрунивала своимъ ироническимъ журчаніемъ надъ неудачей Терезы.

Нѣсколько времени молодые люди шли по дугу, не говоря ни слова другъ съ другомъ. Тереза, ставшая болѣе обидительною послѣ печальнаго результата своей продѣлки, смиренно позволила молодому Могару вести себя. Свѣжесть вечера проникала сквозь мокрую кисею; ботинки всѣ налитались водой; мокрое платье било ее по ногамъ и затрудняло ходьбу. Она была очень раздосадована, и не смѣла однако жаловаться. Только легкое дрожаніе подбородка и губъ показывали что она начинаетъ сильно зябнуть. Ей трудно было идти. Этьевъ замѣтилъ это, и остановился.

— Вамъ опасно будетъ идти въ вашемъ мокромъ платьѣ до Брейла, сказалъ онъ.— До него еще остается четверть льѣ. Нужно будетъ поискать въ сосѣдствѣ жилья въ которомъ вы могли бы обсушиться.

Она подумала минуту, потомъ заговорила кроткимъ, почти робкимъ голосомъ:

— Да, это было бы лучше. Здѣсь подлѣ моста есть докъ въ которомъ живетъ хорошая семья. Они знаютъ моего отца и разведутъ для меня огонь. Хотите проводить меня къ нимъ?

Этьель склонилъ голову въ знакъ согласія и подаль ей руку. Черезъ десять минутъ она была возлѣ крестьянскаго домика, освѣщенное окно котораго сіяло въ темнотѣ. Этьель постучался въ дверь. Ее отперла довольно пожилая уже женщина, которой молодой человекъ разказалъ происшествіе случившееся съ дѣвницей Дерошъ. При имени Дерошъ, недобрѣчивое лицо крестьянки смягчилось:

— Ахъ! сказала она, — вы доктору дочкой будете! Голубушка вы моя, да какъ вы замокли-то! Входите скорѣе, а вамъ живо разведу огня.

Она вошла въ кухню, слабо освѣщенную смоляною свѣчей. Женщина бросила на тагалъ связку сухихъ лозъ и привалась искать въ сундукѣ платье которое Тереза могла бы надѣть пока станетъ сушиться ея собственное. Этьель, чтобы не мѣшать молодой дѣвушкѣ, скромно ускользнулъ изъ комнаты.

Онъ началъ медленно ходить по огороду примыкавшему къ дому, и разсѣянно разсматривалъ при свѣтѣ подымавшейся луны гряды съ овощами, цвѣты, зелень. Въ воздухѣ было совершенно тихо; едва слышалось журчаніе рѣки; время отъ времени вдалекѣ раздавались голоса ластуховъ. Все улеглось, все успокоивалось. Не такъ было съ тяжелою тоской давившею сердце Этьеля. Она проснулась вновь въ тишинѣ этой ночи и наломнила ему причину по которой онъ пришелъ въ Брейль. Дѣвица Дерошъ дала ему новое доказательство своего отвращенія; очевидно было что молодая дѣвушка пыталась укрыться на островокъ только чтобы избѣгнуть его общества. Онъ раздумывалъ про это, когда легкій шумъ заставилъ его обернуть голову. Между зеленыхъ стволовъ маиса искрились два черные глаза; стройная фигура выступила изъ тѣни, и онъ увидалъ Терезу Дерошъ. Молодая дѣвушка замѣнила свое платье юлкой и казакиномъ изъ синей фланели, взятыми изъ сундука хозяйки дома; на шею была надѣта ситцевая косынка, приколотая на спинѣ булавкой и скрещенная на груди.

— Это я! сказала она, улыбаясь. — Потерпите еще нѣскольکو минутъ. Платье мое сохнетъ, а я пока надѣва воть что.

Этьевъ молча смотрѣлъ на прямое и открытое лицо Терезы. Ея темные волосы нѣсколько спутались; свѣжія и круглая руки, открытыя по локоть короткими рукавами, сверкали и бѣлались при луиномъ свѣтѣ.

— Этотъ костюмъ очень къ вамъ идетъ, отвѣтилъ онъ.— Еще бы высокій бѣлый челчикъ, и вы были бы похожи на настоящую крестьянку.

— Я была крестьянкой четыре года. Неудивительно если еще во мнѣ осталось много крестьянскаго.

— Вы воспитывались въ деревнѣ?

— Даже и не въ деревнѣ, а на совершенно уединенной мызѣ которая стоитъ одна одишешенька среди поля. Я до тринадцати лѣтъ жила у моей кормилицы.—Она вздохнула.— Я была очень счастлива, мнѣ нравилось тамъ гораздо болѣе нежели въ городѣ... Я люблю крестьянъ!

— Вотъ почему вы и предпочли вчера идти подъ руку съ господиномъ Жузѣ, а не со мной.

— Нѣтъ! необдуманно воскликнула она.

— Ахъ! воскликнулъ Этьевъ,—слѣдовательно у васъ была другая причина!

Она замѣтила что слишкомъ поторопилась въ своихъ рѣчахъ, сконфузилась и, скатывая между пальцевъ длинный листокъ маиса, тихо заговорила:

— Нѣтъ... то-есть я уже ранѣе согласилась идти съ нимъ, и вы понимаете что мнѣ не хотѣлось конфузить его...

Они замолчали стоя лицомъ другъ къ другу. Ихъ раздѣлялъ деревенскій колодезь. Нѣсколько капель воды еще падали съ желоба и время отъ времени скатывались съ меланхолическимъ шумомъ въ круглый каменный чайъ который въ Пуату служитъ для стирки бѣлья. Этьевъ облокотился на коромысло. Внесално онъ подвѣлъ глаза на молодую дѣвушку и сказалъ ей серьезнымъ тономъ:

— Мадемуазель Дерошъ, мнѣ кажется что вы очень откровенны. Покаянтесь ли вы мнѣ, что вы вчера только чтобы не обидѣть Жузѣ отказались подать мнѣ руку и танцевать со мной?

Она не отвѣтила. Темнота ночи не позволила молодому человѣку увидеть какъ молодая дѣвушка внесално вспыхнула и зардѣлась.

— У васъ была другая причина, продолжалъ онъ печально,—причина касающаяся лично меня, сознайтесь въ этомъ!

Онъ прямо смотрѣлъ ей въ глаза. Она все болѣе и болѣе чувствовала себя стѣсненною этимъ взглядомъ стремившимся проникнуть въ глубину ея сердца.

— Это правда! прошептала она.

— Какая же эта причина?

— Къ чему говорить вамъ про нее?

— Вы опасаетесь меня оскорбить.... какъ не хотѣли обидѣть Жюзе! съ горечью воскликнулъ онъ.— Будьте покойны. Я имѣю силы выслушивать истины, даже и неприятныя... Сознайтесь, вы имѣете ко мнѣ отвращеніе и хотѣли дать мнѣ это понять?

— Вы ошибаетесь... Я не имѣла основанія сердиться на васъ; я васъ не знала.

— Вы кажетесь мнѣ слишкомъ благородною чтобы дѣлать по капризу; два раза, въ воскресенье при выходѣ изъ церкви, и вчера на свадьбѣ вы обращались со мной какъ съ человѣкомъ котораго ненавидятъ и которому хотятъ это показать... Между тѣмъ вы сами сознаетесь что вы меня совершенно не знали.

— Это правда.

— Если ваше нерасположеніе и относилось лично ко мнѣ, къ человѣку только-что пріѣхавшему сюда, оно касается, слѣдовательно, моего семейства... Что вы имѣете противъ насъ?

Она покачала головой.

— Не мнѣ говорить про эти вещи, особенно съ вами.

— О! говорите, воскликнулъ онъ съ горячностью,—я хочу этого, это нужно... Я прошу васъ объ этомъ! Я чувствую со вчерашняго дня что встрѣчаю на своемъ пути какую-то таинственную ненависть которая пугаетъ меня... Я испытываю невыразимое мученіе, и хочу ясно видѣть свою дорогу... Моего отца обвиняютъ, не такъ ли?

Она потушила глаза и не отвѣчала.

— Говорятъ что онъ жестокосердъ, что онъ не отступаетъ предъ самыми строгими мѣрами чтобы получать деньги со своихъ должниковъ? Это недостатокъ его характера, но можно быть-жесткимъ, и не нарушать требованій чести. А мой отецъ честный человѣкъ, составившій себѣ состояніе трудомъ и честными средствами.

Тереза покачала головой.

— Вы сомнѣваетесь въ этомъ! воскликнулъ съ горячностью Этьенъ.—Вы сомнѣваетесь въ его честности? Но какія же у васъ доказательства? Кто изъ вашихъ знакомыхъ могъ пожаловаться на его нечестность?

— Мой отецъ. Онъ разоренъ вашимъ отцомъ, и разоренъ нечестнымъ образомъ, въ этомъ я могу васъ увѣрить.

— Это клевета! воскликнулъ молодой человекъ, весь задрожавъ.

— Мой отецъ никогда не лжетъ, сказала Тереза, отчеканивая каждое слово;—вы спрашивали у меня правду, и я повторяю вамъ то что узнала въ самый вечеръ вашего прибытія въ Сень-Клемантевъ. Я понимаю что мнѣ не слѣдовало говорить то что я вамъ сказала. Но зачѣмъ вы принудили меня это сдѣлать?

— Мой отецъ разорилъ вашего отца, прошепталъ Этьенъ измѣнившимся голосомъ,—когда.... какъ?

— Пять лѣтъ тому назадъ моему отцу нужны были деньги, и нужны были сейчасъ же. Сумма была большая, кажется тысячь тридцать франковъ. Онъ сначала обратился къ господину Могару, который отказался дать въ заемъ деньги, но предложилъ тутъ же купить за эту же самую сумму помѣстье сто лѣтъ уже бывшее въ нашей семьѣ и стоившее по крайней мѣрѣ восемьдесятъ тысячъ. Само по себѣ было уже не совсѣмъ честно пользоваться минутой стѣсненія чтобы дѣлать такое предложеніе, не правда ли? Отецъ мой пытался обращаться къ другимъ, но время не терпѣло, и наконецъ онъ обратился къ какому-то ростовщику, Жану Берлокену—который досталъ ему капиталъ на очень короткій срокъ и за огромные проценты. Когда нужно было платить, у моего отца не оказалось денегъ. Пришлось возобновить векселя на условіяхъ еще болѣе тяжкихъ, и наконецъ, когда отецъ мой все-таки не могъ уплатить, Берлокенъ обратился въ судъ. Онъ продалъ съ торговъ наше имѣніе ла-Феникардьеръ и,—знаете кто его купилъ? Господинъ Могаръ, у котораго Берлокенъ подставное лицо, какъ теперь каждому извѣстно въ Сень-Клемантевъ. Вотъ истинная правда, и только вы одни здѣсь ее не знаете.

Этьенъ, ошеломленный, сѣлъ на край каменнаго чана и опустилъ голову. Онъ былъ подавленъ тѣмъ что раскрыла ему молодая дѣвушка. Объясненія ея слишкомъ совладали со словами мывника Жакѣ чтобы онъ могъ еще позволить

себѣ дальнѣйшія сомнѣнія. Тереза молчала, сконфуженная и испуганная тѣмъ что сказала слишкомъ много. Въ маленькомъ саду царилла глубокая тишина. Слышалось только медленное капаніе воды изъ желоба колодца. Но капли эти падали теперь не одиѣ. Изъ глазъ молодого Могара катились слезы стыда и также падали на звонкое зеркало воды. При свѣтѣ луны Тереза увидала это искаженное лицо и влажные глаза. Глубокое сожалѣніе взволновало ея сердце. Она поняла что Этьенъ ничего не зналъ, и что она нанесла ему жестокой ударъ. При видѣ молодого человѣка, на каунтъ еще столь веселаго и живаго, а теперь плакавшаго предъ нею подобно ребенку, гнѣвъ ея исчезъ и уступилъ мѣсто состраданію и симпатіи. Глаза ея въ свою очередь увлажнились, и дружеская нѣжность смутно заговорила въ глубинѣ ея души.

— Я огорчила васъ, кротко сказала она,—простите меня. Мнѣ это болѣе неприятно нежели вы думаете. Какъ я сожалѣю теперь о моемъ вчерашнемъ поведеніи! Еслибъ я не была такъ... сурова съ вами, все что произошло сегодня вечеромъ не случилось бы.

Этьенъ сдѣлалъ скорбное движеніе.

— Напротивъ, я благодаренъ вамъ, прошепталъ онъ.—Вы одиѣ имѣли твердость говорить со мной откровенно.

Въ эту минуту хозяйка дома появилась въ саду.

— Ваше платье высохло, моя миленькая, воскликнула она,—и вы можете надѣть его когда захотите.

Она не успѣла еще договорить, какъ на лугу послышались голоса. Со стороны моста неслись громкіе оклики.

— Это голосъ Целестина, сказала Тереза,—я увѣрена что онъ насъ ищетъ.

Она вбѣжала на порогъ дома и окликнула въ свою очередь. Она не ошиблась. Черезъ нѣсколько мгновеній Целестинъ и Жюзе вошли въ огородъ, и Тереза въ нѣсколькихъ словахъ объяснила имъ все происшедшее.

— Ну, сказалъ Жюзе,—надѣлаи вы намъ страховъ, нечего ужъ сказать. Мы боимся чтобы вы не провалялись куда-нибудь въ яму.

При входѣ молодыхъ людей Этьенъ сдѣлалъ надъ собой усилие и, принуждая себя казаться спокойнымъ, подошелъ къ Целестину.

— Такъ какъ вы теперь здѣсь, сказалъ онъ, — то я могу поручить вамъ mademoiselle Дерошъ и проститься съ вами.

— Какъ? воскликнулъ Целестинъ, — развѣ вы не останетесь съ нами ужинать? Ну ужъ неудача мнѣ сегодня!

— Извините меня, отрывисто отвѣтилъ Этьенъ, — мнѣ нужно быть сегодня вечеромъ въ Сень-Клементъ.

Онъ уже удалялся, когда кто-то лобызалъ за нимъ. Чья-то маленькая рука крѣпко пожала его руку.

— Прощайте, господинъ Этьенъ, прошепталъ голосъ Терезы, — прощайте и простите меня!

(Продолженіе слѣдуетъ.)

НАША УЧЕБНАЯ РЕФОРМА

Въ виду вновь открывшагося похода противъ русскаго образованія, считаемъ своевременнымъ выбрать изъ *Московскихъ Вѣдомостей* и соединить здѣсь нѣкоторыя изъ передовыхъ статьи относящихся къ разнымъ фазамъ нашей учебной реформы начиная съ 1864 по 1871 годъ.

1. Изъ статьи № 172 *Московскихъ Вѣдомостей* 1864 года.

„Народы, говорилъ недавно архіепископъ Парижскій на праздникъ лицея (гимназіи) *Louis le Grand*, становятся тѣмъ чѣмъ дѣлаетъ ихъ воспитаніе, и будущій гражданинъ обличиваетъ или заявляетъ себя уже въ ученикѣ. Что вы теперь, продолжалъ онъ, обращаясь къ воспитанникамъ лицея, тѣмъ же будете вы, съ небольшими перемѣнами, и въ послѣдствіи, по достиженіи вами зрѣлаго возраста, то-есть) вы будете или людьми способными къ самообладанію, къ самопожертвованію, къ дѣятельному и любвеобильному участію въ общихъ дѣлахъ, или наоборотъ, и во всякомъ случаѣ почти всегда творцами собственнаго благополучія или виновниками собственнаго несчастія.“ Если, читая эти слова, вспомнить о нынѣшнемъ состояніи нашихъ воспитательныхъ и образовательныхъ заведеній, то поистинѣ станетъ и страшно, и больно за Россію, и за воспитывающееся въ нихъ теперь

поколѣміе. Духъ дисциплины, такъ необходимый для пріученія къ самообладанію, исчезъ изъ нихъ почти совершенно; о серьезныхъ занятіяхъ наукою вѣтъ почти и помину; благодаря господствующей системѣ поверхностнаго и безплоднаго многоученія и сообщенія взглядовъ и идей вмѣсто положительнаго знанія, молодые умы пріучаются къ верхоглядству и къ самой пагубной заносчивости; безпрерывныя колебанія въ образѣ дѣйствій и въ правилахъ, которыми должны руководствоваться начальствующія лица и въ то же время искать популярности въ ученикахъ, совершенно подрываютъ и разрушаютъ въ самомъ зародышѣ дѣло воспитанія. Твердыхъ преданій по учебной и воспитательной части у насъ не выработалось, а общія теоретическія начала, не говоря уже о ихъ шаткости у насъ, безпрерывно отступаютъ назадъ предъ требованіями такъ-называемаго общественнаго мнѣнія, за которое принимаются обыкновенно случайныя заявленія отдѣльных лицъ.

Между тѣмъ какъ противники классическаго образованія у насъ старались увѣрить публику что это образованіе уже отжило свой вѣкъ и что оно еще держится въ видѣ исключенія изъ общаго правила, заодно со многими средневѣковыми предразсудками и учрежденіями, посмотрите какъ разсуждаютъ объ этомъ предметѣ въ Европѣ. 8 августа, въ старомъ парижскомъ дворцѣ Сорбонны, подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія и въ присутствіи архіепископа Парижскаго, маршала Маньяна и членовъ всѣхъ парижскихъ факультетовъ, Французской академіи и всего высшаго управленія народнаго просвѣщенія во Франціи, происходило ежегодное торжество раздачи наградъ за лучшія сочиненія ученикамъ столичныхъ и департаментскихъ гимназій (лицеевъ). На выѣшній разъ торжество было торжествомъ классическаго образованія, благодаря прекрасной рѣчи, произнесенной министромъ народнаго просвѣщенія г. Дюрюи, столь извѣстнымъ многими сочиненіями и учебными руководствами по части исторіи. Эта рѣчь имѣетъ тѣмъ большее значеніе что, по словамъ министра, она представляетъ собою „отчетъ странъ въ тѣхъ усиліяхъ которыя сдѣланы, и въ тѣхъ которыя сдѣдуетъ сдѣлать чтобъ оправдать довѣріе верховной власти и всей Франціи“.

Что же говоритъ французскій министръ народнаго просвѣщенія въ этомъ своемъ отчетѣ предъ лицомъ великой страны,

которая вмѣстѣ съ Англіей и Германіей стоитъ во главѣ европейской цивилизаціи? Временный уладокъ классическаго образованія, бывшій слѣдствіемъ системы извѣстной подъ именемъ *бифуркаціи*, по словамъ его, „грозилъ преобразить великія классическія школы Франціи,—въ которыхъ дѣтя ставовится человѣкомъ, въ которыхъ умъ развѣрывается и возвышается вслѣдствіе своего солрикосновенія съ лучшими произведеніями человѣческой мысли и искусства,—преобразить во что-то безвѣстное, во что-то безъ чести и безъ имени“. Вотъ какъ назвалъ бы французскій министръ народнаго просвѣщенія то что мы величали до сихъ поръ гимназіями,—не реальными, а классическими гимназіями! Эти наши гимназіи, безъ греческаго языка и съ самыми жалкими остатками языка латинскаго, по его энергическому выраженію—школы безъ чести и безъ имени. Теперь намъ не такъ больно отнести эту обидную квалификацію къ нашимъ гимназіямъ, потому что уже рѣшено ихъ преобразование, которое дастъ имъ честь и имя.

Во Франціи эта *бифуркація*, которою такъ еще недавно лѣблялись нѣкоторые педагоги у насъ, которая, по словамъ французскаго министра, „поставляла юношей еще колеблющихся и малосвѣдущихъ въ необходимость дѣлать безвозвратный выборъ между науками внѣшняго и науками внутренняго міра и которая осуждала саишкомъ молодые умы на безплодность въ этомъ незрѣломъ возрастѣ занятія естественными науками“,—во Франціи эта система имѣла самыя пагубныя послѣдствія. Въ своей рѣчи г. Дюрюи говорить что онъ полюболытствовалъ сравнить сочиненія заслужившія награды въ Сорбоннѣ, начиная съ 1830 года. Эти сочиненія распредѣлены были, по своему содержанію, между различными комиссіями, и что же оказалось? Всѣ комиссіи сошались въ слѣдующемъ заключеніи: съ 1830 по 1840 годъ происходили колебанія то вверхъ, то внизъ; съ 1841 по 1851 годъ замѣтно значительное повышение успѣховъ гимназическаго образованія по всемъ отраслямъ знанія; но съ 1852 по 1859 годъ, въ періодъ *бифуркаціи*, проявился общій уладокъ и не только по предметамъ имѣющимъ прямое отношеніе къ древнимъ языкамъ, но и по естественнымъ наукамъ, которыя думали особенно развить стѣсненіемъ классическаго образованія. Такъ справедливо что для процвѣтанія самихъ естественныхъ наукъ необходима та умственная зрѣлость которую даетъ серіозное классическое образованіе въ гимназіяхъ.

Эта система *бифуркаціи*, введенная въ 1852 году, окончатѣльно и безвозвратно осуждена во Франціи: она пала, какъ выразился министръ, при всеобщихъ рукопожатіяхъ. Въ прошломъ году она была уничтожена уже въ шестомъ (считая снизу) классѣ гимназій и осталась только для трехъ высшихъ; въ нынѣшнемъ году ожидаются свидѣнія отъ генеральныхъ инспекторовъ о томъ, не слѣдуетъ ли уничтожить ее и для втораго класса, а министръ народнаго просвѣщенія самымъ энергическимъ образомъ высказался вообще противъ нея и въ пользу возможно большаго упрощенія гимназическаго ученія и экзаменовъ на степенъ бакалавра (соотвѣствующихъ нашимъ выпускнымъ изъ гимназій экзаменамъ). „Что касается меня, сказалъ г. Дюрюи, я желаю бы свести всѣ установленныя испытанія на эту степенъ къ одному: ученики должны удостовѣрить экзаменаторовъ только въ томъ что они съ успѣхомъ изучали древніе языки. Декретъ 1808 года ничего болѣе и не требовалъ. Можетъ-быть, продолжалъ министръ, у насъ было бы меньше бакалавровъ, что вовсе не было бы зломъ; но за то они были бы гораздо лучше, что было бы великимъ благомъ, и различныя управленія, для поступленія въ которыя требуется этотъ дипломъ, имѣли бы въ немъ полное для себя обезпеченіе. Каждый такой дипломъ свидѣтельствовалъ бы что училищное вѣдомство даровало обществу умъ широко развернувшійся, который будетъ для него новою силой и новымъ богатствомъ.“

Насчетъ многоученія, которымъ такъ страдаютъ и наши гимназій, г. Дюрюи высказался такъ: „Нѣкоторые умы, добросовѣстно изыскивавшіе истину, желали бы чтобы воспитанникамъ нашихъ лицеевъ (гимназій) преподавали все что въ природѣ или мѣрѣ промышленности представляется интереснаго, начиная съ привлекательныхъ подробностей нѣкоторыхъ наукъ и кончая любопытными приѣмами нѣкоторыхъ отраслей производства. Но это требованіе обнаруживаетъ непониманіе возвышеннаго характера гимназическаго образованія. Въ дѣлѣ общечеловѣческаго образованія слѣдуетъ избѣгать безплоднаго многоученія и идти гораздо болѣе въ глубину чѣмъ въ ширину. Будемъ тщательно устраниать отъ нашихъ лицеевъ (гимназій) тѣ занятія которыя имѣютъ дѣло только съ памятью или удовлетворяютъ только любопытству, оставляя умъ въ томъ же положеніи въ какомъ они наши его.“

Наша Франція, сказалъ г. Дюрюи, не хочетъ проикнуть долу какъ Китай, гдѣ матеріальная цивилизація получила высокое развитіе, но гдѣ нѣтъ духа чистаго знанія. „Она хочетъ смотреть вверхъ, а потому мы сохранимъ за нашимъ *классическимъ* лицею духъ чистаго знанія, служащій къ образованію возвышенныхъ и могущественныхъ умовъ, въ которыхъ нуждается наша страна чтобъ идти впередъ, а прикладныя свѣдѣнія мы предоставимъ особымъ школамъ, въ которыхъ будутъ получать образованіе промышленники, земледѣльцы и торговцы.“

Будемъ твердо надѣяться что и для нашихъ дѣтей наступитъ, наконецъ, пора серіознаго классическаго образованія, которое несомнѣнно окажетъ на нихъ благотворное вліяніе и въ нравственномъ отношеніи.

2. Изъ статьи № 205 *Московскихъ Вѣдомостей* 1864 года.

Назадъ тому нѣсколько недѣль одна изъ петербургскихъ газетъ съ какимъ-то страннымъ торжествомъ объявляла намъ что мы ошались, сказавъ въ одномъ изъ нумеровъ нашей газеты что правительство наше совершило весьма важный и рѣшительный шагъ впередъ, принявъ въ принципѣ классическую систему для русскихъ гимназій. Эта газета сообщила намъ что только одна часть русскихъ гимназій приметъ классическій характеръ, и не безъ нѣкотораго, неломатнаго намъ, злорадства давала намъ чувствовать горечь будто бы повсѣннаго нами такимъ образомъ пораженія. Можно подумать что эти почтенные господа играютъ въ дѣтскія игры, и воображаютъ насъ въ качествѣ заинтересованныхъ лицъ которымъ отказано въ ихъ прошеніи. Смѣемъ увѣрить ихъ что съ судьбою нашихъ гимназій не соединяется для насъ никакого личнаго интереса; отъ правильнаго устройства нашихъ учебныхъ заведеній у насъ лично ничего не прибудеть, точно такъ же какъ отъ неправильнаго ничего не убудеть. Съ другой стороны, этотъ вопросъ не можетъ ни въ какой степени быть вопросомъ нашего самолюбія: мы не участвуемъ ни въ администраціи, ни въ законодательствѣ, ни по какимъ вопросамъ; мы не несемъ на себѣ отвѣтственности, ни предъ людьми, ни предъ своею совѣстью, за мѣры отъ которыхъ

может зависеть будущность великой страны; точно также мы не можем претерпевать ни на какую долю чести въ рѣшеніи подобныхъ вопросовъ. Не мы поднимаемъ, не мы рѣшаемъ ихъ. Мы только пользуемся общимъ, всякому предоставленнымъ правомъ сказать свое слово въ разъясненіе дѣла, насколько мы понимаемъ его, сознаемъ его важность и можемъ сообразить благопріятныя и неблагопріятныя условія, среди которыхъ оно рѣшается или приводится къ исполненію. Никакой посторонній человѣкъ, имѣющій совѣсть, не можетъ оставаться равнодушнымъ въ присутствіи очевидной ему ошибки, грозящей роковыми послѣдствіями для другихъ людей или для цѣлаго общества,—не можетъ тѣмъ болѣе чѣмъ явнѣ видны тѣ печальныя недоразумѣнія отъ которыхъ ошибка происходитъ. Если мы, смотря на сцену или читая вымыселъ, принимаемъ живое участіе въ раскрывающейся предъ нами интригѣ, не безъ волненія слѣдимъ за переплетеніемъ ея витей и невольно порываемся указать дѣйствующимъ лицамъ оласность, которой они подвергаются и которая имъ не видна, то еще естественнѣе и глубже должно быть то чувство съ какимъ всякій, хотя бы и совершенно посторонній человѣкъ, слѣдитъ за развитіемъ дѣйствительныхъ событій, которыхъ смыслъ, по разнымъ случайностямъ, можетъ быть не ясенъ для лицъ наиболѣе заинтересованныхъ въ ихъ благопріятномъ исходѣ. Не кто-либо потеряетъ или выиграетъ что-либо отъ устройства нашихъ учебныхъ заведеній, потеряетъ или выиграетъ Россія, Русское правительство, русское общество, Русскій народъ. Не имѣя никакого прикосновенія къ дѣлу, мы не могли бы говорить о немъ съ такою настойчивостью и съ такою можетъ-быть излишнею горячностью въ которой упрекаютъ насъ, еслибы мы не были убѣждены въ важности этого дѣла, еслибы не видѣли какъ много зависитъ для русской народности отъ его благого рѣшенія. Окажется ли какой-либо недостатокъ въ той или другой финансовой мѣрѣ, окажется ли олошность въ предпринимаемомъ устройствѣ судовъ или другихъ какихъ-либо государственныхъ учрежденій, жизнь отзовется въ ту же минуту, повѣрка не замедлитъ послѣдовать за рѣшеніемъ задачи, и какъ бы ни былъ великъ вредъ причиненный ошибкой, оный ограничится настоящимъ; оный можетъ быть взвѣшенъ, оцѣненъ, возмѣщенъ; но ошибка которая вкрадется въ рѣшеніе педагогическаго вопроса не

такого свойства; она не такъ очевидна, и сущность причиненнаго ею вреда не такъ легко разыскать и оцѣнить. Педагогическое дѣло есть сѣмя, и жатва его всходитъ лишь по прошествіи многихъ лѣтъ. Время и силы погибшія вслѣдствіе какой-либо ошибки, вкравшейся въ основанія педагогическаго дѣла, ничѣмъ не вознаградимы. Съ другой стороны, чѣмъ менѣе представляется серьезныхъ затрудненій и препятствій для правильнаго рѣшенія дѣла, чѣмъ повидимому благопріятнѣе минута для истиннаго удовлетворенія великой національной потребности, чѣмъ благопріятнѣе обстоятельства, чѣмъ расположеннѣе власть къ дарованію необходимыхъ льготъ для развитія внутреннихъ силъ народа, во главѣ котораго она поставлена, тѣмъ тяжелѣе и прискорбнѣе видѣть какъ разныя случайности и недоразумѣнія препятствуютъ дѣлу выйти на прямой путь.

Намъ говорятъ что мы лоторолились заявить о преобразованіи нашихъ гимназій въ классическомъ смыслѣ. Намъ говорятъ что гимназій классическихъ, то-есть такихъ какія существуютъ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ Европы для приготоваенія молодыхъ людей къ высшему университетскому ученію, будетъ лишь самое ограниченное число, а все остальное, какъ и теперь, будетъ соответствовать тѣмъ низшаго разряда школамъ которыя въ Германіи носятъ названіе реальныхъ и которыя лишены университетскихъ правъ. Мы не знаемъ что будетъ, но сколько намъ извѣстно изъ достовѣрныхъ источниковъ, у насъ, какъ и вездѣ, правительствомъ приняты вполнѣ принципы классическаго образованія, основаннаго на обоихъ древнихъ языкахъ. Сколько намъ извѣстно, правительство наше признало классическую систему не только за лучшую, но за единственно-возможную систему для гимназій. Наши оппоненты не отрицаютъ этого, но они присовокулаютъ что несмотря на то наши гимназій все-таки будутъ устроены на иныхъ основаніяхъ. Мы рѣшительно не понимаемъ что можетъ это значить. Если существуетъ только одна система для гимназій, принятая вездѣ, и если эта система принята также и нашимъ правительствомъ, то что же можетъ воспрепятствовать осуществленію ея на дѣлѣ? Что можетъ явиться между словомъ и дѣломъ? Въ силу чего устройство нашихъ учебныхъ заведеній не будетъ на дѣлѣ соответствовать тому что въ принципѣ признаемо правительствомъ за лучшее? Какимъ же образомъ русское

образование будет лишено классических основаній именно потому что эти основанія признаны за лучшія Русскимъ правительствомъ?

Въ европейской системѣ образованія университетъ занимаетъ центральное мѣсто; но подѣ университетскою системою слѣдуетъ разумѣть не только тѣ спеціальныя факультеты въ которые принимаются молодые люди достаточно зрѣлые и достаточно приготовленные, а также и тѣ учебныя заведенія гдѣ эти молодые люди, съ дѣтскихъ лѣтъ, приготовляются къ высшимъ спеціальнымъ факультетскимъ занятіямъ. Эти учебныя заведенія называются у насъ, какъ и въ Германіи, гимназіями; во Франціи они называются лицеями, въ Англіи — грамматическими школами. Въ цѣломъ образованномъ мірѣ, вездѣ гдѣ только существуетъ система университетская, гимназіи имѣютъ одинаковый, общій имъ всѣмъ типъ. Знанія развѣтвляются въ факультетахъ университета, а въ гимназіи совершается то воспитаніе ума которое равно необходимо для всѣхъ спеціальностей знанія. Предполагается что ребенокъ девяти или десяти лѣтъ не можетъ избрать себѣ спеціальность; предполагается также что прежде всякой спеціальности требуется воспитать умъ и развить въ немъ тѣ основныя стихіи которыя служатъ существеннымъ условіемъ для всякаго умственного дѣла. Это предуготовительное умственное воспитаніе, начинающееся съ девяти или десятилѣтняго возраста и постепенно вмѣстѣ съ его физическимъ развитіемъ вводящее ребенка въ силу юности, имѣетъ вездѣ одинъ и тотъ характеръ; вездѣ оно основано на обоихъ древнихъ языкахъ. И будущій филологъ, и будущій юристъ, и будущій математикъ, и будущій естествоиспытатель, и будущій богословъ, и будущій государственный человѣкъ, получаютъ вездѣ одно и то же предварительное умственное воспитаніе, соответствующее какъ естественнымъ, такъ и исторически установившимся условіямъ педагогическаго дѣла.

У насъ многіе совершенно неправильно понимаютъ вопросъ о такъ-называемомъ классическомъ образованіи, полагая что тутъ идетъ рѣчь о преимуществахъ однихъ наукъ предъ другими. Нѣтъ, это вовсе не споръ между факультетами, вовсе не споръ между филологическими науками и науками естественными. Реальныя школы вовсе не значать школы которыя способствуютъ развитію естественныхъ наукъ, точно

такъ же какъ классическія гимназіи вовсе не значатъ такія учебныя заведенія гдѣ воспитываются только будущіе филологи. Хотя и желательно чтобы филологическій факультетъ, преимущественно поставляющій дѣятелей по педагогической части, вышелъ и у насъ изъ того жалкаго состоянія въ которомъ онъ теперь находится,—но не въ этомъ сила. Требуется не того чтобы у насъ расплодилось много ученыхъ филологовъ; требуется того чтобы поднялся уровень нашего умственного образованія и чтобы вообще наука лустала корня въ нашей почвѣ. Умственное воспитаніе, которое дается въ классическихъ учебныхъ заведеніяхъ Европы, важно не только для полприца дѣятеля политическаго, или юриста, или ученаго врача, или естествоиспытателя; оно признается необходимымъ условіемъ и для высшаго развитія технической дѣятельности. Приведемъ отзывъ столь извѣстнаго своимъ заслугами по дѣлу технического образованія, во Франціи, генерала Морена, нынѣшняго президента Парижской Академіи Наукъ и директора Консерваторіи Искусствъ и Ремеселъ.

„Тѣ изъ молодыхъ людей, обрекающихъ себя промышленному образованію, которые имѣютъ средства и не стѣснены временемъ, сдѣлаютъ всего лучше если начнутъ съ университетской школы (съ классической гимназіи) и не ранее 18 или 20 лѣтъ поступятъ въ Центральную Школу Искусствъ и Мануфактуръ или въ какое-нибудь другое подобное заведеніе. Молодые люди которые терпѣливо подчинятся рязчитанной медленности университетской системы, составляющей гордость Франціи, всегда будутъ имѣть великое преимущество предъ другими. Они, одни они, будутъ находиться въ полномъ обладаніи наукой. Имъ будетъ принадлежать первенство во всѣхъ положеніяхъ, и чувство умственного удовольствія будетъ сопровождать ихъ на всемъ ихъ поприщѣ. Это путь самый вѣрный, и потому всякій долженъ избирать его, если только не воспрелятствуютъ тому какія-либо обстоятельства. Какъ бы ни была заманчива быстрота всякаго другаго пути, не должно уклоняться съ этой большой дороги, если только она не преграждена какою-нибудь непреодолимою причиною.

„Классическое ученіе, образующее умъ и душу, науки физико-математическія, укрѣпляющія судительную силу и приготавлиющія къ практическимъ примѣненіямъ, наконецъ

техническое учение, открывающее предѣлы дѣйствительнаго могущества человѣка и снабжающее его новыми средствами къ изслѣдованію: что можетъ быть пользе этого преемства учений, не только нужныхъ, но необходимыхъ для инженера, какъ для врача, какъ, наконецъ, для всѣхъ кто въ общественной жизни призванъ способствовать вещественному или нравственному прогрессу человечества?*"

3. Изъ статьи № 233 1864 года.

Дѣло о преобразованіи гимназій близится къ рѣшенію. Классическое начало, какъ извѣстно, признано краеугольнымъ камнемъ предполагаемаго устройства этихъ заведеній, въ настоящее время лишенныхъ всякой жизненной силы, основанныхъ на мнимомъ реальномъ началѣ, но въ сущности безконечно далекихъ отъ всего реального и серьезнаго. Остается послѣдній и труднѣйшій шагъ—окончательное обсужденіе проекта устава въ нашемъ высшемъ законодательномъ учрежденіи. Отъ этого шага будетъ зависеть судьба русскаго образованія; имъ разрѣшится тревожный вопросъ, суждено ли на дѣлѣ осуществиться у насъ тому что кажется торжественно признаннымъ въ принципѣ.

„Высоко и важно призваніе тѣхъ въ чьихъ рукахъ находится заботы о преобразованіи учебныхъ заведеній, говорилъ знаменитый англійскій писатель Юэуэлъ (Whewell) по поводу вопроса о преобразованіи англійскихъ университетовъ:—это великое, можно сказать, святое дѣло. Тѣ отъ кого оно зависитъ должны дѣйствовать какъ люди которые строятъ для вѣчности.“

Что значитъ признать въ принципѣ классическое образованіе? Это значитъ требовать такого устройства гимназій при которомъ классическіе языки получили бы первенствующее мѣсто въ ряду преподаваемыхъ предметовъ, какое они имѣютъ повсюду, гдѣ ученіе зиждется на классической основѣ, то-есть во всѣхъ странахъ образованнаго міра, и какое необходимо для того чтобъ они могли приносить истинную пользу. Еслибы на долю древнихъ языковъ выпало недоста-

* *Exposition universelle de Londres de 1862. Rapports des membres de la section française du jury international. Tome VI, p. 226.*

точное число уроковъ, такъ что основательное изученіе ихъ сдѣлалось бы невозможнымъ, то указанная и признаваемая цѣль не была бы достигнута, и вмѣсто серьезныхъ школъ мы вновь имѣли бы притоны поверхостнаго ученія, ослабляющіе юность вмѣсто того чтобъ укрѣплять ея свѣжія силы: признанное въ принципѣ оказалось бы отвергнутымъ на дѣлѣ.

Признать классическую систему значитъ положить ее въ основу того общаго образованія которое необходимо для всякаго желающаго продолжать ученіе въ университетѣ по какой бы то ни было спеціальной отрасли. Совершенно ошибочно думать будто бы система классическаго образованія остается безплодною для той области знанія благодаря которой силы природы покорены воли челоука. Основа и сила естествовѣдѣнія есть математика, а математика входитъ какъ одинъ изъ основныхъ предметовъ въ систему ученія классическихъ гимназій достойныхъ этого почетнаго имени. Только тогда будемъ мы имѣть истинно классическое образованіе и серьезную школу, когда въ нашихъ заведеніяхъ, рядомъ съ серьезнымъ изученіемъ древнихъ языковъ, будетъ идти серьезное изученіе математики. Математика есть великое орудіе изученія природы, истинный ключъ естествовѣдѣнія. Математикѣ должно быть дано почетное мѣсто въ учебномъ планѣ гимназій. За то было бы полезно сократить время назначенное нынѣ на такіе предметы которыхъ преподаваніе, какъ показалъ опытъ, не приноситъ въ гимназіяхъ существенной пользы, а напротивъ вервѣдко причиняетъ большой вредъ. Въ ряду этихъ предметовъ самое видное мѣсто занимаетъ такъ-называемая *русская словесность*, то-есть тотъ сборъ жалкихъ отрывковъ изъ эстетики, исторіи литературы и изъ журнальныхъ критическихъ статей, который есть истинный крестъ для всякаго порядочнаго учителя, а молодыхъ людей приучаетъ только ко фразерству и верхоглядству. Имѣя въ виду что во многихъ гимназіяхъ учителя исторіи пользуются предоставляемыми имъ часами для того чтобъ *читать* свой предметъ по-университетски, мы считаемъ себя въ правѣ утверждать что и преподаваніе исторіи, по крайней мѣрѣ въ среднихъ гимназическихъ классахъ, можетъ быть сокращено съ большою пользою для учениковъ. Вотъ сподручныя средства для того чтобы доставить необходимый просторъ преподаванію древнихъ языковъ и математики.

4. Статья изъ № 238го 1864 года.

По поводу вопроса о преобразованіи нашихъ гимназій въ смыслъ классической системы, который такъ много обсуждался въ нашей газетѣ, мы получили не такъ давно письмо, въ которомъ просятъ насъ разъяснить по возможности, въ силу чего изученіе древнихъ языковъ можетъ имѣть столь важное приписываемое ему дѣйствіе на развитіе и образованіе ума. Эти лица, пожелавшія остаться неизвѣстными, лишуть что бѣольшая часть аргументовъ въ пользу классической системы основывается на примѣрѣ другихъ странъ и на авторитетѣ иностранныхъ ученыхъ и педагоговъ; а имъ хотѣлось бы получить болѣе внутреннее убѣжденіе въ пользу классической системы, имъ хотѣлось бы заглянуть въ тайну того процесса какимъ она дѣйствуетъ въ воспитаніи умственныхъ силъ. Мы понимаемъ и цѣнимъ потребность такого убѣжденія; но здѣсь, какъ и во всякомъ дѣлѣ, приобрѣсти вполнѣ отчетливое, сознательное, внутреннее убѣжденіе можно не вслѣдствіе нѣсколькихъ строкъ прочтенныхъ въ журналѣ, какъ бы ни были онѣ убѣдительны, и даже не вслѣдствіе прочтенія цѣлой книги по этому предмету, а изъ живаго опыта или по крайней мѣрѣ изъ внимательнаго и серьезнаго изученія всѣхъ условій педагогическаго дѣла. Въ числѣ людей совершенно убѣжденныхъ и готовыхъ поклясться въ томъ что не солнце обращается вокругъ земли, а земля вокругъ солнца, многіе ли дѣйствительно имѣютъ такое совершенно отчетливое, опредѣленное и ясное понятіе объ этомъ предметѣ какое желали бы получить наши неизвѣстные корреспонденты о педагогическомъ дѣйствиіи классическихъ языковъ? Физическіе законы и всякаго рода аксіомы, на которыхъ мы смѣло основываемъ наши сужденія и умозаключенія, суть дѣйствительное умственное достоинство только тѣхъ кто знаетъ путь какимъ они найдены въ наукѣ, и можетъ шагъ за шагомъ прослѣдить этотъ путь. Точно то же слѣдуетъ разумѣть и относительно аксіомъ нравственнаго міра. Вопросы педагогическіе принадлежатъ къ области высшаго умозрѣнія и даются не легко. Никто не можетъ требовать ни отъ себя, ни отъ другихъ вполнѣ удовлетвори-

тельныхъ, совершенно опредѣляемыхъ и ясныхъ, специальныхъ ловагій обо всѣхъ предметахъ входящихъ тѣмъ же мѣтѣ въ кругозоръ всякаго образованнаго человѣка. Въ оцѣнкѣ многихъ вещей люди довольствуются общими ссображеніями и руководствуются просвѣщеннымъ тактомъ, смѣтливостію и прозорливостію, уловляя различныя признаки, хотя и не характеризующіе дѣло въ его внутренней сущности, но болѣе или мѣтѣ наводящіе на его истинный слѣдъ.

Примѣръ цѣлыхъ странъ и авторитетъ умовъ, посвятившихъ себя специальному изученію дѣла и извѣдавшихъ всѣ глубины его—это немаловажно. Это не можетъ не послужить сильнымъ средствомъ убѣжденія для людей дѣйствительно желающихъ убѣдиться, дѣйствительно ищущихъ истины и дѣйствительно понимающихъ важность вопроса. Не формулы, не голословныя аргументаціи могутъ научать людей какъ въ частной жизни, такъ и во всякомъ общественномъ дѣлѣ, а живой примѣръ и могущественное краснорѣчіе фактовъ. Примѣръ другихъ странъ: но какихъ странъ? и въ чемъ примѣръ? Примѣръ въ дѣлѣ образованія и науки, подаваемый странами, гдѣ по преимуществу процвѣтаетъ наука во всѣхъ своихъ развѣтленіяхъ, откуда она распространяетъ свой свѣтъ повсюду и откуда мы сами заимствуемъ все что у насъ имѣется по этой части. Если мы завели у себя университеты и гимназіи, если мы изучаемъ и передаемъ на свой языкъ иностранныя руководства по всѣмъ наукамъ, если мы выписываемъ къ себѣ иностранныхъ педагоговъ, если мы отправляемъ нашихъ ученыхъ для усовершенствованія въ заграничныя университеты, если мы со справедливою скромностію сознаемъ себя по всѣмъ частямъ лишь робкими учениками или подражателями иностранцевъ, если мы съ несправедливымъ и бессмысленнымъ зоррадствомъ объявляемъ себя вслѣдствіе того неспособными къ умственной самостоятельности и производительности и попрекаемъ себя незначительностію оказанныхъ нами успѣховъ въ теченіе болѣе нежели полутораста лѣтъ со времени нашего возвращенія въ Европу: то слѣдуетъ подумать серьезно, въ чемъ существенно заключаются условія того образованія которое мы именуемъ европейскимъ и къ которому находимся въ столь странныхъ и двусмысленныхъ отношеніяхъ. Возвращеніе въ Европу стоило намъ страшно дорого:

оно было куплено цѣною величайшихъ усилій какія когда-либо совершалъ историческій народъ въ борьбѣ со внутренними затрудненіями и вѣшними препятствіями; оно было сопряжено съ величайшими пожертвованіями, какія когда-либо приносились народами по призыву историческихъ судьбъ. Если же возвращеніе въ Европу стоило намъ такъ дорого и имѣеть столь важное значеніе въ нашей исторіи, то не за тѣмъ же оно совершилось чтобы мы навѣки остались учениками чуждой намъ науки и подражателями чуждой намъ цивилизаціи; если возвращеніе на европейскую почву стоило намъ такъ дорого, то весьма естественно желать чтобы мы твердо стали на этой почвѣ, крѣпко овладѣли ею, чтобы мы жили, дѣйствовали и чувствовали себя на ней не переряженными варварами, не каррикатурными подобіями Французовъ и Нѣмцевъ, а самими собою, и чтобы дѣло цивилизаціи, образованія, науки не было у насъ дѣломъ заимствованнымъ, пришлымъ, чуждымъ, а нашимъ собственнымъ; чтобы европейское значеніе, котораго мы добивались, было для насъ не иноземною стихіей, а живою производительною силой нашего собственнаго народнаго существованія; чтобы мы чувствовали себя Европейцами не въ качествѣ фальшивыхъ и потому нигуда негодныхъ Французовъ или Нѣмцевъ, а въ качествѣ Русскихъ. Что такое эта европейская почва, на которой мы неизбежно хотѣли, неизбежно хотимъ, неизбежно должны стоять,—объ этомъ стоить подумать. Но прежде чѣмъ пускаться въ глубь, не худо повнимательнѣе осмотрѣть явленія которыя представляются намъ на поверхности.

Въ продолженіе полутораста лѣтъ насъ загомяютъ въ европейскія школы, насъ заставляютъ учиться у европейскихъ наставниковъ: весьма естественно спросить каковы тѣ европейскія школы гдѣ мы учимся, и дѣйствительно ли мы учимся въ европейскихъ школахъ. Мы видимъ, мы откровенно сознаемся что отъ нашего ученія въ такъ-называемыхъ европейскихъ школахъ выходитъ мало толку. Наше образованіе подвергается общему сомнѣнію; мы положительно не довольны состояніемъ искусствъ и наукъ въ нашемъ любезномъ отечествѣ; мы съ прискорбіемъ чувствуемъ во всемъ нашу безпомощность, наше ученичество; мы съ горестію видимъ что и въ нашихъ собственныхъ дѣлахъ мы не обходимся безъ чужой помощи,

безъ посторонняго руководства. Что же этому причиной, естественно спрашиваемъ мы самихъ себя. Неужели въ самомъ дѣлѣ мы какая-то обиженная порода людей что, несмотря на всѣ наши старанія и усилія овладѣть наукой и образованіемъ, мы должны оставаться только учениками, безо всякихъ видовъ стать мастерами? Учатся не для того чтобы оставаться навѣкъ учениками, а для того чтобы сравняться съ учителями и, если можно, превзойти ихъ. Только при такомъ взглядѣ на ученіе можетъ имѣть оно смыслъ; только при такой увѣренности могли мы лѣзти въ науку къ чужимъ людямъ; только въ такихъ видахъ могли мы такъ дорого заплатить за возможность и право учиться въ европейскіхъ школахъ. Лишь злонамѣрность или круглая гаупость могутъ утверждать что вина неудовлетворительныхъ результатовъ нашего ученія заключается въ какихъ-либо недостаткахъ или недочетахъ русской природы. Самые недоброжелательные наблюдатели Русскаго народа должны сознаваться что по своимъ природнымъ свойствамъ онъ ни въ чемъ не уступаетъ ни одной изъ самыхъ богатыхъ образованіемъ и наукой народностей европейскіхъ. Нѣтъ, напротивъ, при всей скудости результатовъ нашего ученія въ европейскіхъ школахъ, мы видимъ въ нашемъ народѣ самыя несомнѣныя проявленія могущественныхъ природныхъ силъ, которыя общають блистательное развитіе всякаго умственнаго дѣла при благопріятныхъ условіяхъ. Во всякомъ случаѣ было бы неглупо думать чтобы люди изъ вашей среды, воспитанные, образованные и развитые умственно при одинаковыхъ условіяхъ, въ одной и той же школѣ съ людьми какихъ бы то ни было другихъ народностей, могли отличиться отъ нихъ чѣмъ-либо существенно. А потому самъ собою возникаетъ вопросъ: нѣтъ ли какого существеннаго различія въ способѣ образованія, въ устройствѣ школы? Насъ загоняли въ европейскія школы,—но точно ли въ европейскія? Насъ отдавали въ науку иностранцамъ,—но точно ли иностранцы учили насъ такъ какъ учились сами и какъ вообще люди призываемые къ высшимъ умственнымъ сферамъ учатся въ Европѣ? Пользуемся ли мы всею подмогою тѣхъ условій, благопріятствующихъ воспитанію умственныхъ способностей, безъ которыхъ невозможно живое, плодотворное, самостоятельное развитіе науки? У насъ есть гимназій, у насъ есть университеты и академіи;

но, въ сущности, не учатся ли наши дѣти въ тѣхъ самыхъ школахъ которыя въ Европѣ не считаются годными для цѣлей высшаго образованія,—въ тѣхъ школахъ гдѣ сообщается похвалка людямъ не предвѣщающимъ себя для высшихъ умственныхъ сферъ, кулеческимъ прикащикамъ и аптекарскимъ гезедамъ? Считаая себя на европейской почвѣ и въ обладаніи способами европейскаго образованія, не воспитываемъ ли мы своихъ дѣтей въ тѣхъ школахъ которыя хотя и европейскою цивилизаціей устраиваются, но устраиваются ею для варваровъ ищущихъ только наружнаго лоска цивилизаціи? Не окажется ли что та мнимая европейская школа гдѣ мы воспитываемъ цвѣтъ своего юношества принадлежитъ въ сущности къ одной категоріи со школой турецкою или японскою, гдѣ чуждымъ Европѣ дѣтямъ сообщаютъ нѣкоторые полезные результаты ея цивилизаціи, но не сообщаютъ той силы которою эти результаты добыты? Въ самомъ дѣлѣ, и Турки, и Японцы тоже учатся въ европейской школѣ, приобрѣтая свѣдѣнія по части разныхъ наукъ развивающихся въ Европѣ; извѣстно что Японцы уже давно и очень успѣшно обучались у Голландцевъ и математикѣ, и физикѣ, и астрономіи, но никому неизвѣстно чтобъ эти и вообще какія бы то ни было знанія плодотворно процвѣтали въ Японіи, и чтобъ японскіе ученые, хотя бы и образовавшіеся подъ руководствомъ европейскихъ ученыхъ, могли что-нибудь значить въ сравненіи съ ними.

Итакъ, возникаетъ вопросъ, нѣтъ ли какихъ существенныхъ отличій въ устройствѣ нашей школы и устройствѣ той гдѣ Европа воспитываетъ и приготавливаетъ къ наукѣ и жизни свои лучшія умственныя силы? Сличая, мы находимъ дѣйствительно большую разницу между истинною европейскою школою и тою въ которой воспитывается цвѣтъ нашего юношества. Мы находимъ что именно въ тѣхъ странахъ Европы которыя стоятъ во главѣ цивилизаціи и отличаются преимущественно предъ всѣми плодотворнымъ развитіемъ искусствъ и знаній есть одинъ надъ всѣми господствующій предметъ, котораго нѣтъ, или почти нѣтъ, въ нашей школѣ. Только въ глазахъ людей предзанятыхъ или не чувствующихъ живаго побужденія выкинуть въ дѣло, обстоятельство это не представится существенно важнымъ. Но всякій кто ищетъ убѣжденія, кто ищетъ истины, невольно останется

предъ этимъ фактомъ и подумаетъ о немъ серьезно. Вотъ три страны, три народности, равно европейскія, равно развивающіяся цивилизаціей, наукой, искусствами, плодотворною техническою дѣятельностью, развитіемъ торговли и промышленности и въ то же время рѣзко и глубоко отличающіяся одна отъ другой своимъ гениемъ, своимъ характеромъ бытомъ, религіей, учрежденіями, отличающіяся до мельчайшихъ подробностей во всѣхъ родахъ своей дѣятельности и своихъ произведеній, во многихъ крайне атлантичeskія одна другой и несмотря на то полагающія въ основаніе своего высшаго умственнаго образованія, почти въ одинаковой степени и силѣ, одно и то же ученіе, котораго именно не достаетъ нашей школѣ. Неужели это обстоятельство не заслуживаетъ серьезнаго вниманія? Неужели оно не даетъ основанія для заключенія? Неужели оно не наводитъ насъ ни на какія соображенія? Мы видимъ что у этихъ народовъ дѣло высшаго образованія и науки спорится; мы видимъ что оно у насъ, напротивъ, не спорится; мы находимъ что при всей противоположности въ характерѣ и развитіи этихъ народовъ, при всемъ различіи въ ихъ умственномъ складѣ, при всей характеристической особенноти умственнаго творчества и способовъ разработки знанія у каждаго изъ нихъ,—наконецъ, при всемъ разнообразіи ихъ педагогическихъ системъ, есть одинъ равно общій имъ признакъ, который бросается въ глаза и который не можетъ быть простою случайностью. Съ другой стороны, мы находимъ что наша школа, во всемъ повидимому сходная съ европейскою, лишена именно этого признака; мы видимъ что въ нашей школѣ есть все, за исключеніемъ только того въ чемъ почти исключительно сходятся, при всемъ ихъ разнообразіи, школы всѣхъ европейскихъ народовъ, въ чемъ состоятъ главная характеристическая черта европейской школы.

Какая же это характеристическая черта европейской школы, не находимая нами у себя? Что это за элементъ, который почти въ равной силѣ господствуетъ вездѣ въ истинно-европейской школѣ, а нами отмечается какъ ненужный, бесполезный и бессмысленный? Характеристическая черта истинно-европейской школы есть то что на педагогическомъ языкѣ называется *концентрація*, сосредоточеніе, собраніе умственныхъ силъ; а тотъ элементъ, посредствомъ котораго

совершается это дѣло концентраціи,—элементъ нами отвергаемый въ качествѣ безплоднаго и бессмысленнаго, суть древніе классическіе языки, греческій и латинскій. Истинно-европейская школа, какъ мы видимъ, и видимъ не въ теоріи, а на дѣлѣ, есть школа по преимуществу греко-римская; вотъ единственное характеристическое отличие европейской школы отъ той которая заведена у насъ подъ этимъ именемъ.

Оставимъ пока въ сторонѣ вопросъ о свойствахъ того предмета посредствомъ котораго совершается въ школѣ самое существенное педагогическое дѣло,—дѣло сосредоточенія; посмотримъ прежде въ чемъ оно состоитъ, для чего оно нужно; уяснивъ себѣ этотъ вопросъ, мы лучше потомъ можемъ судить о томъ какими способами и на какомъ предметѣ оно можетъ всего успѣшнѣе совершаться.

Школа имѣетъ цѣлю воспитаніе ума; она имѣетъ дѣло съ первыми начатками умственной организациі, и ея призваніе состоитъ въ томъ чтобы воспитать и возрѣтвить эти начатки. Она беретъ человѣческое существо тотчасъ по выходѣ его изъ младенчества и возводитъ его, шагъ за шагомъ, параллельно съ его физическимъ возрастаніемъ, въ силу и зрѣлость готоваго къ самостоятельной жизни ума. Въ школѣ не науки разрабатываются, не изслѣдованія совершаются, не открытія творятся, также не лекціи читаются,—въ школѣ воспитываются дѣти, для того чтобы они вмѣстѣ со своимъ физическимъ возрастаніемъ созрѣвали и умственно, и могли стать способными какъ для науки, такъ и для всякой серьезной умственной дѣятельности. Но для такого воспитанія необходимо сосредоточеніе всѣхъ умственныхъ способностей и развитіе ихъ на одномъ трудѣ, который зрѣлъ бы изъ года въ годъ въ продолженіе всего отрочества. Воспитывать не значитъ развлекать, раздроблять, расслаблять; воспитывать значитъ собирать, сосредоточивать, усиливать и вводить въ зрѣлость. Школа дѣйствуетъ противно цѣлямъ воспитанія, если она ставитъ себѣ задачей поровну раздѣлять предоставленное ей время между многими разнообразными науками, съ тѣмъ чтобы сообщать младенческимъ, только что народившимся умамъ разныя свѣдѣнія, которыя покажутся ей интересными и важными. Вмѣсто знаній, она внесетъ въ эти юные умы, ввѣренныя ея попеченію, лишь неудобосваримый хаосъ словъ и формулъ; вмѣсто пригетовленія ихъ къ серьезной дѣятельности, она сдѣлаетъ ихъ не-

способными къ ней; она не разовьетъ, не возбудитъ умственныхъ силъ, но замутитъ, разстроитъ и ослабитъ тѣ вѣчатки умственной организаціи которые постулаютъ къ ней прямо изъ рукъ матери. Оттого-то и выходитъ что если добрая школа приноситъ великую пользу, то школа дурная не только не приноситъ пользы, но и причиняетъ положительный вредъ. Оттого-то такъ часто бываетъ что простой человекъ, не прошедшій чрезъ педагогическую школу, оказывается зрѣлѣе, здравомысленнѣе, тверже умомъ и во всѣхъ отношеніяхъ почтеннѣе воспитанниковъ школы не ловящей своего призванія и дѣйствующей вопреки ему.

Умственное воспитаніе требуетъ чтобы надо всѣми предметами, которые входятъ въ составъ школьнаго ученія, непремѣнно господствовалъ одинъ предметъ, или группа однородныхъ предметовъ, которой была бы посвящена бѣольшая часть школьнаго времени и къ которой воспитанники возвращались бы ежедневно, въ продолженіе цѣлаго ряда лѣтъ, до конца своего воспитанія, то-есть во весь періодъ своего отрочества. Если такого предмета или такой группы однородныхъ предметовъ не окажется въ школѣ,—если все школьное время будетъ раздроблено поровну или почти поровну между многими разнородными предметами, то воспитанія не будетъ, а будетъ порча. Что же мы видимъ въ дѣйствительной европейской школѣ? Мы видимъ что тамъ надо всѣми предметами ученія господствуетъ одинъ предметъ, которому посвящается гораздо болѣе учебнаго времени чѣмъ всѣмъ остальнымъ въ совокупности, и къ которому юные зрѣющіе умы возвращаются ежедневно, въ продолженіе цѣлыхъ восьми и девяти лѣтъ. Какой бы ни былъ этотъ предметъ, дѣло въ томъ что въ европейской школѣ есть одинъ господствующій предметъ, которому посвящается до шестнадцати часовъ изъ двадцати четырехъ и даже двадцати двухъ всего учебнаго времени въ недѣлю. Вотъ поразительный фактъ, которому мы не находимъ ни малѣйшаго соответствія въ нашей школѣ. Чего не преподается въ нашей школѣ? Загляните въ программу нашихъ гимназій, нашихъ кадетскихъ корпусовъ, нашихъ вышнихъ семинарій: чего въ нихъ нѣтъ, какихъ наукъ въ нихъ не преподается, и какая безобидная равномерность въ распредѣленіи занятій! Какой пантеонъ знаній! И естественнѣдвѣніе, и законнѣдвѣніе, и географія, и исторія отъ сотворенія міра по сіе число, и русская словесность, въ

которой отражается земля и небо, и упоминается обо всемъ, начиная отъ санскритскаго языка до послѣдней модной повѣсти, до послѣдней журнальной рецензіи включительно; есть и математика, и физика съ космографіей, есть и латынь по три часа въ недѣлю; есть въ высшихъ духовныхъ семинаріяхъ еще и химія, и медицина, и сельское хозяйство съ геодезіей; наконецъ, всего не перечесть что преподается въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ! И все это сообщается юнымъ умамъ въ продолженіе какихъ-либо семи лѣтъ, съ девятилѣтняго до шестнадцатилѣтняго возраста! Сколько знанія должны были бы, кажется, разливать наши столь богатые учебныя заведенія въ нашемъ обществѣ! Какое сравненіе, на примѣръ, съ тѣми скудными школами гдѣ воспитывается цвѣтъ Англійскаго народа, почти исключительно на латинской и греческой грамматикѣ и на разборѣ классическихъ писателей!

Нельзя ли объяснять плохіе результаты нашихъ школъ не столько ихъ устройствомъ сколько тѣмъ что программа положенная въ основаніе этого устройства плохо исполняется, тѣмъ что у насъ нѣтъ хорошихъ учителей, которые понимали бы свое дѣло и вели бы его какъ слѣдуетъ? Положимъ что такъ; но отчего же нѣтъ у насъ хорошихъ учителей, которые понимали бы свое дѣло и умѣли бы вести его какъ слѣдуетъ? Отчего же мы послѣ нашихъ полугорасталѣтнихъ занятій по части всѣхъ наукъ, составляющихъ европейскую мудрость, остаемся только въ ученикахъ и не можемъ образовывать изъ среды своей хорошихъ учителей? Во всякомъ случаѣ, если мы не имѣемъ въ достаточной мѣрѣ хорошихъ учителей при томъ множествѣ разнообразныхъ наукъ которыя преподаются въ нашихъ школахъ, зачѣмъ же мы вводимъ столько предметовъ въ наши школы, зачѣмъ не ограничимъ ихъ числа, зачѣмъ мы не послѣдуемъ правилу, поматному и безъ помощи науки для всякаго здраваго смысла, что лучше пріобрѣсти нѣмногое нежели хвататься за многое и не схватить ничего?

Прямая и главная цѣль школы, повторимъ, есть воспитаніе ума, и сосредоточеніе занятій есть необходимое средство для этой цѣли. Школа отрочества должна хлопотать не о томъ чтобы сообщить своимъ воспитанникамъ побольше разнообразныхъ свѣдѣній, которыхъ сущность неизбѣжно ускользаетъ отъ юныхъ субъектовъ, оставляя имъ на долю только шелуху и хаамъ; нѣтъ, ея забота пріучить юныя силы мало-

по-малу, безъ напряженія и надрыва, къ серіозному и сосредоточенному труду, вызвать всѣ способности необходимыя для полной умственной организаціи, развить ихъ по возможности равномерно, укрѣпить и умножить ихъ, утвердить въ умѣ лучшіе навыки, которые должны стать для него второю природою, поселить въ немъ здоровыя инстинкты, ознакомить его со всѣми процессами и приѣмами человѣческой мысли не на словахъ, а на дѣлѣ, на собственномъ трудѣ, вкоренить въ молодомъ умѣ чувство истины, чувство положительнаго знанія, чувство яснаго понятія, такъ чтобъ онъ во всемъ могъ явственно и живо различать познанное отъ недознаннаго, понятое отъ непонятаго, усвоенное отъ неусвоеннаго. Понимая такимъ образомъ свою задачу, школа сама становится дѣломъ жизни; она не толчетъ воду, но дѣлаетъ дѣло, и если дѣлаетъ хорошо, то получить хорошіе результаты, которыхъ она никогда не достигаетъ, если будетъ заниматься *полигисторствомъ*. Умъ воспитанный и окрѣпшій, самъ, безъ помощи учителей, легко приобрѣтетъ всѣ разнообразныя свѣдѣнія, какія ему понадобятся. Поэтому-то въ европейской школѣ, поставляющей свою главную цѣль въ воспитаніи ума, сообщеніе разныхъ свѣдѣній, полигисторство, есть дѣло второстепенное, на которое отводится лишь столько времени сколько остается его отъ главнаго дѣла.

Но почему европейская школа беретъ для цѣли умственного воспитанія именно древніе языки и на нихъ сосредоточиваетъ учебныя занятія? Отчего непременно древніе языки, отчего не другой какой предметъ котораго польза была бы болѣе очевидна, который ближе былъ бы къ потребностямъ текущей жизни? Греческій и латинскій языки—для чего они нужны, какая надобность сосредоточивать воспитаніе на этомъ отжившемъ мірѣ, отъ котораго осталось только воспоминаніе и который не находится ни въ какихъ практическихъ связяхъ съ живою современною дѣйствительностію? Не лучше ли было бы взять что-либо изъ современной дѣйствительности и на такомъ предметѣ сосредоточить занятія школы для воспитанія юныхъ умственныхъ силъ?

Но прежде чѣмъ лускаться въ поиски за какимъ-либо другимъ предметомъ, не худо однакожь отдать себѣ отчетъ почему въ тѣхъ самыхъ странахъ которыя по преимуществу отличаются живымъ развитіемъ всѣхъ интересовъ современной дѣйствительности, почему въ тѣхъ странахъ гдѣ про-

цвѣтають всѣ отрасли человѣческаго вѣдѣнія, гдѣ одерживаются всѣ тѣ побѣды человѣческаго ума надъ природой которыми гордится наша современная цивилизація, почему въ этихъ образованныхъ и по преимуществу практическихъ странахъ избранъ для умственного воспитанія именно тотъ самый предметъ на который, по нашему мнѣнію, было бы неразумно и бесполезно тратить золотое время школы? Чѣмъ безплоднѣе и бесполезнѣе кажутся намъ занятія древними языками, тѣмъ поразительнѣе выдается тотъ фактъ что въ европейскихъ школахъ на этотъ предметъ тратятъ такую гибель времени въ ущербъ всѣмъ другимъ предметамъ ученія. Разсуждая такимъ образомъ, мы должны убѣдиться что европейскія школы хуже всевозможныхъ школъ на свѣтѣ. Разсуждая такимъ образомъ, не придетъ ли мы весьма естественно къ необходимости воскликнуть: ахъ, въ какомъ жалкомъ положеніи находится дѣло науки въ Европѣ, гдѣ школа употребляетъ на безплодный предметъ девять и десять лѣтъ невозвратимаго времени въ жизни своихъ дѣтей, приготовляемыхъ ею къ сферамъ высшей умственной дѣятельности! Но мы, безъ сомнѣнія, согласимся что нѣтъ серьезнѣе основаній скорбѣть такимъ образомъ объ участи науки въ Европѣ, по крайней мѣрѣ сравнительно съ другими частями свѣта. Мы должны будемъ согласиться и въ томъ что какимъ бы безплоднымъ предметомъ ни казались намъ древніе языки, они тѣмъ не менѣе приносятъ великую неоспоримую пользу, служа въ европейскихъ школахъ для педагогической концентраціи умственного труда.

Теперь спрашивается: какому иному предмету могли бы мы дать предпочтеніе предъ древними языками для той цѣли которой они служатъ въ европейскихъ школахъ? На какомъ другомъ предметѣ могли бы мы сосредоточить учебныя занятія въ той степени и силѣ въ какой это оказывается необходимымъ въ интересѣ надлежащаго умственного воспитанія? Можемъ ли мы призвать для этой цѣли, на примѣръ, математику, которая прежде всего представляется нашему вниманію? Математика есть бесспорно необходимый элементъ въ дѣлѣ умственного воспитанія; математикѣ бесспорно должно принадлежать почетное мѣсто въ программѣ школы. Математика не есть сумма свѣдѣній; математика есть способность, органъ, сила; безъ надлежащаго развитія этой способности воспитаніе не достигнетъ

своей цѣли, а потому не можетъ быть и вопроса о томъ: слѣдуетъ ли математикѣ предоставить столько учебнаго времени въ школѣ сколько необходимо для правильнаго и полнаго развитія этой великой умственной силы. Но возможно ли хотя на минуту поддерживать мысль что математика можетъ исполнить то самое назначеніе какое древніе языки исполняютъ въ европейской школѣ? Есть ли возможность сосредоточить умственный трудъ дѣтей въ продолженіе цѣлаго ряда лѣтъ, отъ десятилѣтняго до семнадцатилѣтняго возраста, преимущественно на математикѣ, такъ чтобы они каждый день возвращались къ ней и употребляли на нее отъ десяти до шестнадцати часовъ въ недѣлю? Было ли бы желательно это, еслибы это и оказалось возможнымъ? Получили ли бы мы при такого рода концентраціи учебнаго времени тѣ результаты которые должны составлять цѣль умственнаго воспитанія? Математика есть необходимый предметъ, но она не соответствуетъ всей умственной организаціи челоука. Сосредоточивая преимущественно на ней учебныя занятія, мы оставимъ въ небреженіи самыя существенныя силы, нарушимъ психическое равновѣсіе и сообщимъ развитію молодыхъ умовъ ввѣренныя по леченіямъ школы одностороннее, уродливое, неестественное направленіе. Мы обезсилимъ и изуримъ нашихъ воспитанниковъ, и въ концѣ концовъ, за немногими исключеніями, сдѣлаемъ ихъ неспособными къ самой математикѣ. Не естественнѣе ли взять для этой цѣли, ботанику, зоологію, физиологію, химію? Не превратить ли намъ наши гимназій въ химическія лабораторіи и въ анатомическіе театры? Оставляя въ сторонѣ вопросъ полезно или бесполезно вводить до какойто степени въ программу школы назначенной для отроческаго возраста преподаваніе естественныхъ наукъ, мы не можемъ въ здоровомъ умѣ допустить мысль о томъ чтобы концентрировать на этомъ предметѣ учебное устройство школы. Естественныя науки тѣсно связаны между собою; серьезное занятіе ими требуетъ болѣе или менѣе зрѣлаго ума. Для дѣтей отъ десяти до семнадцатилѣтняго возраста свидѣнія изъ естественныхъ наукъ могутъ быть предметомъ лишь самаго поверхностнаго занятія; но могутъ ли занятія поверхностныя служить главною сосредоточивающею силой въ дѣлѣ воспитанія и соответствовать его цѣлямъ? Исторія почти вездѣ болѣе или менѣе вводится въ учебный планъ школы; но можно ли вообразить себѣ чтобы

этотъ предметъ когда-нибудь занялъ то мѣсто какое въ европейскихъ школахъ предоставлено древнимъ языкамъ? Можно ли серьезно допустить мысль чтобы дѣти, въ продолженіе семи, восьми или девяти лѣтъ своего школьнаго времени, возвращались ежедневно къ этому предмету и сосредоточивали на немъ свои занятія? Что стали бы они дѣлать съ исторіей, употребляя на нее не только шестнадцать или десять, но даже до три часа въ недѣлю въ продолженіе восьми или девяти лѣтъ? Въ какіе источники будутъ погружаться эти двѣнадцатилѣтніе исследователи жизни народовъ и каузальной связи событій, эти юные и уже столь глубокомысленные цѣнители политическихъ учрежденій, историческихъ движеній и двигателей? Но не дать ли господствующую роль изученію новѣйшихъ языковъ, знаніе которыхъ можетъ оказать практическую пользу для жизни? Не пожелать ли намъ чтобы, въ продолженіе шестнадцати часовъ въ недѣлю, воспитанники нашихъ школъ, въ видахъ сосредоточенія учебныхъ занятій, тараторили со своимъ учителемъ по-французски, по-нѣмецки или по-англійски? Пусть кто хочетъ представить себѣ такую школу и спроситъ себя что вынесутъ изъ нея ея воспитанники. При хорошемъ успѣхѣ они приобрѣтутъ навыкъ объясняться на иностранныхъ языкахъ, и при наилучшемъ— превратятся нравственно въ иностранцевъ. Наконецъ, не пожелать ли намъ чтобы педагогическое сосредоточеніе умственного труда совершалось на изученіи роднаго языка? Родной языкъ, какъ пріятно звучитъ это! Но кто серьезно ищетъ истины, тотъ легко пойметъ что отечественный языкъ отнюдь не можетъ служить тѣмъ педагогическимъ орудіемъ какимъ служатъ древніе языки въ европейскихъ школахъ. Вездѣ есть отечественный языкъ, вездѣ учатъ дѣтей правильному употребленію ихъ отечественнаго языка, но нигдѣ не помышляютъ о томъ чтобы посвящать ему для высшихъ педагогическихъ цѣлей то количество времени которое считается для этихъ цѣлей необходимымъ. Нигдѣ не помышляютъ о томъ чтобы сдѣлать отечественный языкъ предметомъ такого изученія и анализа какіе возможны лишь по отношенію къ языкамъ мертвымъ. Нѣтъ ничего труднѣе какъ изучать и анализовать живой предметъ, и притомъ такой который есть одно съ нами. Дѣти могутъ учиться своему природному языку только для того чтобы регулировать его практическое употребленіе; но никогда не удастся возвести его

для ихъ разумѣнія въ предметъ плодотворнаго теоретическаго изученія. Можно ли вынуть изъ устъ дѣтей живое слово, непосредственно понятное имъ и неразрывно связанное съ ихъ жизнью, и представить имъ оное какъ нѣчто для нихъ вѣднѣе, чуждое, требующее постояннаго ежедневнаго ученія? Чтò вынесутъ они изъ такого труда? Умѣнье правильно и хорошо писать на своемъ языкѣ? Но они могутъ достигнуть этого результата и безъ такого труда. Напротивъ, можно утвердительно сказать что еслибъ они стали посвящать на изученіе своего языка излишнее количество времени и труда, то они всего менѣе достигли бы желаемаго результата. Своему языку учиться имъ нечего; они всосали его съ молокомъ матери, его грамоту они усвоили себѣ прежде чѣмъ поступили въ ту школу которая должна воспитать ихъ умственные силы. Правильному употребленію отечественной рѣчи они могутъ выучиться полагая на этотъ предметъ въ продолженіе школьнаго времени весьма ограниченное число часовъ, въ которые учитель будетъ занимать ихъ практическими упражненіями и чтеніемъ образцовыхъ писателей. На какую же сторону повернетъ школа отечественный языкъ, дабы сосредоточить на немъ умственный трудъ своихъ воспитанниковъ? Будетъ ли она на формахъ отечественнаго языка раскрывать законы человѣческаго разума, насколько они отпечатѣлись въ строеніи языка? Будетъ ли она водить дѣтскіе умы по лабиринту сравнительнаго языкознанія, которое, какъ наука, родилось на свѣтъ только вчерашняго числа, и какъ предметъ серіозныхъ занятій доступно только для спеціальныхъ ученыхъ? Будетъ ли она слѣдить со своими воспитанниками за историческими измѣненіями ихъ отечественнаго языка, посвящать ихъ въ спеціальности которыя не представляютъ для дѣтей ни интереса, ни смысла?

Не даромъ лишь европейская школа могла успѣшно примѣнить то великое педагогическое начало которое требуетъ сосредоточенія учебныхъ занятій; не даромъ лишь въ европейской школѣ оказался удобный для этого предметъ. Европейская школа не есть школа нѣмецкая или французская, или англійская; европейская школа есть греко-римская. Европейская почва не значить та или другая изъ вѣднѣхъ европейскихъ народностей, или всѣ въ совокупности; европейская почва, это—почва нейтральная, общая для всѣхъ

народностей, это тотъ міръ который называется классическою древностью, міръ который на вѣки вѣковъ и всецѣло совершилъ циклъ своего развитія, міръ съ началомъ и концомъ. Только европейская цивилизація имѣетъ прошедшее; только она владѣетъ завѣщаннымъ ей капиталомъ, только она получила наслѣдство. Отказываясь отъ древнихъ языковъ, наша школа не только отказалась бы отъ наилучшаго, вѣрнѣе сказать, отъ единственнаго средства для полнаго умственнаго воспитанія, но и отказалась бы за нашу народность отъ прямаго участія въ этомъ великомъ наслѣдствѣ. Устраняясь отъ прямаго участія въ завѣщанномъ классическою древностью капиталѣ, мы тѣмъ самымъ лишили бы себя той европейской почвы на которой желаемъ основаться и на которую имѣемъ не меньшее чѣмъ другіе право.

Не какая-либо случайность положила классическіе языки въ основу европейской школы, Напрасно иные хотятъ объяснить этотъ многозначительный фактъ тѣмъ будто народы центральной и западной Европы находятъ практическіе поводы къ изученію древнихъ языковъ; напрасно указываютъ на употребленіе латинскаго языка въ римско-католической церкви; напрасно также указываютъ на римское право, вошедшее въ жизнь нѣкоторыхъ европейскихъ народовъ. Въ Англіи римское право почти не дѣйствовало; ни въ Англіи, ни въ протестантской Германіи латинскій языкъ не имѣетъ богослужебнаго значенія. Наконецъ, ни одинъ изъ европейскихъ народовъ не имѣетъ историческихъ преданій которыя сближали бы его съ Греціей, по крайней мѣрѣ ни одинъ болѣе нашего. Древніе классическіе языки положены въ основу европейской школы силою вещей и тѣмъ разумомъ который господствуетъ въ исторіи. Только эти языки, въ ихъ неразрывномъ единствѣ, обладаютъ всѣми тѣми свойствами которыя позволяютъ сосредоточить на нихъ трудъ юныхъ зрѣющихъ умовъ и щедро вознаграждаютъ ихъ за этотъ трудъ. Эти языки не только соединяютъ въ себѣ всѣ необходимыя условія для правильнаго и здороваго упражненія умственныхъ силъ, но и вносятъ въ нихъ съ тѣмъ вмѣстѣ богатое содержаніе. Усвоивъ себѣ логику отпечатлѣвшуюся въ организаціи этихъ языковъ, юные умы шагъ за шагомъ овлаживаютъ сверхъ того цѣлымъ историческимъ міромъ, исполненнымъ неистощимыхъ богатствъ, тѣмъ

міромъ который лежитъ въ основѣ современной цивилизаціи. Изучая эти языки, и все то къ чему они даютъ ключъ, юная мысль зрѣетъ, знакомясь на практикѣ со всеми приемами серьезной умственной дѣятельности, со всеми способами борьбы съ фактомъ, со всеми методами изслѣдованія и познанія. Здѣсь невозможно поверхностное обращеніе съ дѣломъ, здѣсь невозможна никакая неопредѣленность и неточность, никакое двусмысліе; здѣсь, узнаваемое съ рѣзкою ясностью отличается отъ неузнаваемаго, понятное отъ непонятаго, усвоенное отъ неувоеннаго. Здѣсь юный умъ, трудомъ собственной жизни, знакомится со всеми родовыми отбѣтками человѣческой мысли, со всеми видами человѣческаго творчества въ ихъ первоначальныхъ, простыхъ и чистыхъ линіяхъ. Здѣсь вызываются и приводятся въ игру всѣ способности духовной организаціи человѣка, и всѣ равномерно воспитываются, усиливаются и развиваются. Наконецъ, благодаря этимъ занятіямъ, юные умы приобрѣтаютъ то историческое чувство, тотъ смыслъ дѣйствительности въ которыхъ состоитъ главное отличіе умственной благовоспитанности. Учебники исторіи никогда не сообщаютъ имъ этого чувства исторіи; учебники исторіи дадутъ имъ только рамъ словъ и чужихъ воззрѣній которыя коснутся ихъ лишь поверхностно. Но усвоив шагъ за шагомъ букву и духъ древнихъ языковъ, учащіеся самолично входятъ въ міръ исторіи и овладѣваютъ первоначальными источниками историческаго вѣдѣнія. Они усваиваютъ себѣ исторію на самомъ дѣлѣ, всеми своими способностями и инстинктами. Они овладѣваютъ дѣйствительно бывшимъ, а не заучиваютъ чужіе разказы и разсужденія въ учебникѣ переложенномъ съ немецкаго.

Но мы никогда бы не кончили еслибы стали развивать эту тему. Въ заключеніе мы припомнимъ одинъ многозначительный фактъ изъ исторіи нашего собственнаго народнаго образованія. Съ чего началась исторія нашей новой литературы, съ чего начался нашъ нынѣшній литературный языкъ? Кто далъ намъ грамматику нашего языка? Кто вышколил нашъ языкъ въ строгомъ періодѣ? Кто далъ намъ русскую прозу и русскій стихъ? Кто первый внесъ въ нашу народность духъ науки и коснулся рукою мастера почти всѣхъ спеціальныхъ знаній своего времени, и физико-математиче-

скихъ, и естественныхъ, и филологическихъ? Архангельскій рыбакъ, воспитавшійся въ греко-латинской школѣ. Вотъ съ чего началась исторія русскаго образованія на европейской почвѣ; вотъ откуда пошла наша литература, наша наука! Мальчикъ выхваченный судьбой изъ самой глубины Русскаго народа и приведенный ею въ греко-латинское училище, вотъ кто первый у насъ сталъ на почву европейской науки! Вотъ многозначительный символъ и примѣръ взятый изъ нашей собственной исторіи! Ломоносова одушевляла мысль:

Что будетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля раждать.

Увы, эта надежда, одушевлявшая Ломоносова, до сихъ поръ сбывается плохо! Не потому ли это что мы, погнавшись за европейскою цивилизаціей, потеряли ту почву на которой только и возможно сравняться съ Европой и на которой стоялъ нашъ крестьянинъ изъ Архангельска?

5. Изъ статьи № 286го 1834 года.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, со вступленіемъ на престолъ императора Александра, началось обширное преобразовательное движеніе въ нашемъ отечествѣ, коснувшееся, между прочимъ, и важнаго дѣла народнаго образованія. Учреждено министерство просвѣщенія, учебное управленіе раздѣлено на округа, основаны новые университеты, начертаны уставы среднихъ и низшихъ заведеній. Плодами преобразовательныхъ заботъ правительства прежде всего воспользовались западныя окраины нашего отечества. Въ декабрѣ 1802 года вышло постановленіе объ учрежденіи университета въ Дерптѣ, а въ апрѣлѣ слѣдующаго года подписанъ „актъ утвержденія для Императорскаго Университета въ Вильнѣ“. Уставы этихъ двухъ университетовъ послужили оригиналомъ для болѣе слабыхъ копій, какими явились, въ концѣ слѣдующаго года, уставы университетовъ: Московскаго и двухъ новыхъ—Казанскаго и Харьковскаго. Въ матеріальномъ отношеніи, самымъ богатымъ былъ въ то время Виленскій университетъ, имѣвшій на свое содержаніе болѣе ста тысячъ

рублей серебромъ. На Дерптскій университетъ отлускалась приблизительно та же сумма какаа опредѣлялась для внутреннихъ русскихъ университетовъ (130.000 рублей ассигнаціями); но дерптскіе профессора были сравнительно въ лучшемъ положеніи, такъ какъ пользовались платой отъ слушателей (содержаніе Дерптскаго университета было значительно усилено въ 1817 году, когда жалованье профессоровъ было повышено до той цифры до какой въ остальныхъ университетахъ оно достигало только съ уставомъ 1835 года).

Отъ университетовъ зависѣли гимназіи. Если сравнить устройство какое было дано гимназіямъ Дерптскаго округа, вопервыхъ, съ устройствомъ гимназій Виленскаго округа, а потомъ съ гимназіями прочихъ округовъ, то легко замѣтить въ высшей степени любопытную градацію. Гимназіи Дерптскаго округа были устроены на общевропейскихъ началахъ. Классическое образованіе полагалось въ основу ихъ устройства. „Языки и творенія классической древности (такъ сказано въ уставѣ этихъ гимназій, во главѣ объ учебномъ планѣ) всегда признаваемы были за истинное основаніе всякой учености, за лучшее средство не только къ изощренію и укрѣпленію душевныхъ силъ юноши, но и къ приготовленію его ко всякому другому ученію и къ открытію ему хода къ каждой наукѣ. Посему основательное и соответственное цѣли ученіе симъ языкамъ, вмѣстѣ съ математикою, составляетъ самую первую и существенную часть учебнаго плана гимназій.“ Въ пяти классахъ, изъ которыхъ состояли тогдашнія гимназіи Дерптскаго округа, на преподаваніе латинскаго языка было назначено 38 часовъ, на преподаваніе греческаго—24 часа въ недѣлю, 19 на математику и только 12 на нѣмецкій языкъ; французскому языку обучались внѣ обычнаго класснаго времени. Это рациональное устройство принесло свои плоды: всѣмъ извѣстно насколько нынѣ гимназіи Дерптскаго округа превосходятъ гимназіи остальныхъ частей нашего отечества. Переходя къ уставу заведеній Виленскаго округа, мы видимъ что онъ значительно различается отъ Дерптскаго, и уже много отступаетъ отъ обще-европейскаго образца Греческій языкъ, — за исключеніемъ заведеній которыя, какъ Волынская гимназія (переименованная потомъ въ лицей) и Полоцкая іезуитская академія, должны быть причислены къ высшимъ, — не преподавался въ гимназіяхъ обширнаго Ви-

ленскаго округа, обнимавшаго тогда весь Западный край, съ высшими девятью его губерніями; но латинскій языкъ изучался серіозно по тридцати восьми часова въ семи классахъ гимназій (онъ преподавался также и въ уѣздныхъ училищахъ, тогда какъ въ Дерптскомъ округѣ эти заведенія имѣли болѣе реальный характеръ). Выстъ съ тѣмъ въ учебномъ планѣ гимназій Виленскаго округа было замѣтно стремленіе ко многоученію. Въ числѣ учебныхъ предметовъ встрѣчаемъ и законовѣдѣніе, и политическую экономію, и пятиклассный курсъ естественной исторіи; преподаваніе новыхъ языковъ выдвинуто на болѣе видный планъ. Наконецъ, еще несравненно далѣе отъ простоты плана классическаго ученія отступалъ учебный планъ остальныхъ русскихъ гимназій. Въ отрасли человѣческаго знанія нашли мѣсто въ этомъ широкомъ планѣ. Здѣсь мы встрѣчаемъ и эстетику, и всеобщую грамматику, и политическую экономію, и технологию, естественныя и коммерческія науки, и право естественное, и право народное,—и все въ четыре года ученья. Реальное направленіе стоитъ, повидимому, на первомъ планѣ; о греческомъ языкѣ нѣтъ помину, латинскій преподается повсюду лишь въ трехъ классахъ, за то учитель математики „показываетъ на прогулкахъ различные роды мельницъ, гидравлическихъ машинъ и другихъ механическихъ предметовъ; учитель естественной исторіи и технологіи собираетъ травы, различные роды земель, камней; въ зимнее время осматриваетъ въ городѣ фабрики, мануфактуры и мастерскія художниковъ“. Программа, какъ видимъ, обширная, шестьдесятю годами опередившая фантазіи нашихъ новѣйшихъ педагоговъ, но привнесшая лишь жалкіе плоды. Въ 1819 году, полечитель Московскаго учебнаго округа, князь Оболенскій, доносилъ министру о состояніи своего управленія, писалъ, „что во всѣхъ почти гимназіяхъ число учащихся весьма не велико, а высшіе классы въ нѣкоторыхъ и вовсе пусты, отчего и число студентовъ въ университетѣ значительно быть не можетъ; въ гимназіяхъ обучаются дѣти или однихъ бѣдныхъ губернскихъ чиновниковъ, или кулцовъ и мѣщанъ: ни тѣ, ни другіе не оканчиваютъ всего курса наукъ“. Полечитель предлагалъ имѣть въ каждой гимназій по десяти казенныхъ воспитанниковъ, обязавъ ихъ службою въ вѣдомствѣ училищнаго начальства.

6. Изъ статьи № 273го 1865 года.

Новый уставъ гимназій впервые съ полною рѣшимостію полагаетъ рациональныя основанія высшему образованію въ Россіи, безъ котораго она не можетъ ступить шагу въ своихъ дальнѣйшихъ судьбахъ и даже удерживать свое положеніе въ цивилизованномъ мірѣ. Этотъ уставъ, заслуживающій понагаа сочувствія за педагогическія начала которыя положены ему въ основаніе, не можетъ, къ сожалѣнію, похвалиться тѣмъ чтобъ эти начала выразидись въ его учебной программѣ съ должною послѣдовательностію и вѣрностію. Заслуживая понагаа сочувствія въ своихъ началахъ, онъ неудовлетворителен въ подробностяхъ своей программы, и этими подробностями обезсиливаются и роняются его начала. А вотъ и доказательство: не успѣлъ еще новый уставъ придти въ дѣйствіе, какъ уже потребовалось сдѣлать въ немъ существенное измѣненіе. Оказалось что учащіеся будутъ слишкомъ обременены занятіями, и потому потребовалось сокращеніе учебнаго времени вопреки установленной программѣ. По уставу, на каждый урокъ полагается одинъ часъ съ четвертью; но едва уставъ, былъ обнародованъ какъ уже послѣдовало распоряженіе которымъ отмѣняется это положеніе и отъ каждаго урока отнимается по четверти часа въ видахъ облегченія учащихся. Это перемѣна коренная; она касается самыхъ основній учебнаго плана, и такая перемѣна настигаетъ законъ на пути къ примѣненію, прежде чѣмъ онъ вступилъ въ дѣйствіе. Кто не согласится что вопросъ о размѣрахъ учебнаго времени принадлежитъ къ самымъ существеннымъ въ устройствѣ школы? И вотъ законъ постановилъ такъ, а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ распоряженіе постановило иначе.

Нельзя не отдать справедливости побужденіямъ заставившимъ администрацію прибѣгнуть къ сокращенію учебнаго времени. Что касается насъ, то мы всею душой сочувствуемъ этимъ побужденіямъ. Мы всегда высказывались противъ тѣхъ педагогическихъ системъ которыя основаны на многоученіи. Ничего не можетъ быть хуже какъ эта неразумная ревность набивать учебный курсъ множествомъ предметовъ и обременять учащихся чрезмѣрными занятіями. Лучше нѣсколько менѣе чѣмъ нѣсколько болѣе, лучше не

доложить чѣмъ переложить; вотъ одно изъ самыхъ главныхъ педагогическихъ правилъ. Кто воображаетъ себѣ что въ дѣлѣ ученія чѣмъ больше тѣмъ лучше, тотъ жестоко ошибается. Многоученіе вредно во всѣхъ отношеніяхъ, и прежде всего многоученіе есть врагъ ученію. Вредъ его не только въ томъ что оно можетъ изнувать силы и вредить здоровью; вредъ его еще болѣе, еще несомнѣннѣе заключается въ томъ, что оно прелятствуетъ дѣйствительно научиться чему-нибудь. Нѣтъ ошибочнѣе мысли и нѣтъ печальнѣе ошибки какъ полагать всю силу ученія только въ преподаваніи, между тѣмъ какъ вся сила ученія, вся цѣнность его заключается въ принятіи, въ усвоеніи преподаваемого, въ развитіи, которое совершается въ учащемся. Всякая наука имѣетъ свое достоинство и приноситъ свою пользу; но изъ этого не слѣдуетъ чтобы всякая наука могла быть преподаваема всякому и во всякомъ возрастѣ. На свѣтѣ есть много наиболѣе полезныхъ наукъ, но едва ли было бы полезно преподавать грудному младенцу что-нибудь инае кромѣ груди. На свѣтѣ есть много отличныхъ книгъ, но едва ли самая лучшая изъ нихъ въ рукахъ трехлѣтняго шалуна была бы чѣмъ-либо инымъ кромѣ какъ плохою игрушкой, которая несравненно съ большею пользою могла бы быть замѣнена настоящею, болѣе занимательною игрушкой. На свѣтѣ есть много превосходныхъ оперъ и симфоній, но какъ бы хорошо и какъ бы часто ни разыгрывать ихъ въ собраніи гаукихъ, никакого музыкальнаго дѣйствія отъ этого не состоится. На свѣтѣ есть много знаменитыхъ ученыхъ превосходно преподающихъ въ разныхъ университетахъ разныя науки; но едва ли было бы здравомысленно наполнить ихъ аудиторію двѣнадцатилѣтними мальчиками. Всякому свое, и грудному младенцу, и двѣнадцатилѣтнему мальчику. Для того чтобы человѣкъ могъ съ успѣхомъ и пользою заниматься дѣлами людей взрослыхъ и притомъ дѣлами требующими значительной умственной зрѣлости, надобно прежде всего чтобы человѣкъ выросъ и чтобы время дѣтства и отрочества было употреблено возможно лучшимъ образомъ для его воспитанія. Педагогическія цѣли требуютъ не того чтобы учебная программа представляла собою энциклопедію наукъ, а чтобы принести пользу учащимся, и вмѣстѣ съ ихъ физическимъ возрастаніемъ возрастить ихъ умственныя силы для жизни и науки. Одинъ вопросъ—достоинство и польза

разныхъ наукъ составляющихъ область человѣческаго вѣдѣнія; другой вопросъ—достоинство и польза преподаванія. Еслибы во второмъ или третьемъ классѣ гимназіи, гдѣ воспитанники еще не научились порядочно считать, вдругъ вздумалъ кто-нибудь начать преподаваніе высшаго анализа,—не назовете ли вы этого безуміемъ? Дифференціальная исчисленія—наука, безъ сомнѣнія, превосходная и великая, но преподаваемая двѣнадцатилѣтнимъ мальчикамъ не будетъ ли она еще большею неаппетитною чѣмъ симфонія разыгранная для глухихъ? Мы сказали *большею*, потому что музыка не произведетъ на глухихъ никакого впечатлѣнія и ничего не родитъ въ ихъ душѣ, между тѣмъ какъ непонятныя рѣчи могутъ произвести въ головѣ слушающихъ плачевный сумбуръ, который при частомъ повтореніи не обойдется безъ дурныхъ хроническихъ послѣдствій. Поставьте вмѣсто дифференціальныхъ исчисленій всякую другую науку, непримѣненную къ возрасту и къ умственному развитію учащихся, и вы получите то же самое, или получите нѣчто еще гораздо худшее. Дифференціалы и интегралы для молодыхъ умовъ еще не освоившихся съ ариеметикой будутъ просто абракадабромъ, въ которой ничего не будетъ имъ понятно и которая дѣйствительно будетъ отчасти походить на музыку разыгранную предъ глухими. Но возьмите вмѣсто нихъ, на примѣръ, то что преподается у насъ для того же возраста подъ именемъ исторіи или подъ именемъ русской словесности, или что вводится новою программой подъ видомъ естественной исторіи для преподаванія въ первыхъ трехъ классахъ,—и въ головѣ учащихся будетъ происходить не просто сочетаніе непонятныхъ словъ, а бессмысленнѣйшій хаосъ понятій и образовъ, который мало того что погубитъ ихъ время, но погубитъ и ихъ голову, мало того что не научитъ ихъ ничему, но и сдѣлаетъ ихъ неспособными въ послѣдствіи ни къ какому серьезному дѣлу. Поступать такимъ образомъ значитъ не учить, а портить, не воспитывать, не развивать, а ослаблять и развращать. И вотъ такіе-то педагогическіе пути предлагались бѣдному русскому юношеству; такими-то путями ходило и еще ходитъ у насъ дѣло образованія. Роковое заблужденіе! Какую отвѣтственность принимаютъ на свою душу люди упорствующие въ этомъ заблужденіи, не желающіе сдѣлать надъ собою хотя минутное усиліе чтобы выикнуть въ вопросъ имѣющій столь скромную наружность и столь громадную важность!

Простой нуль лучше чѣмъ отрицательная величина: это аксіома, о которой нельзя спорить, а мы безъ пощады наполняемъ минусами голову и душу нашихъ дѣтей. Грустно сознаваться въ улуценіи дорогаго времени и въ безплодной растратѣ силъ, но грустнѣе сознаваться въ дурномъ употребленіи того и другаго. Новый уставъ нашихъ гимназій не избавляетъ насъ отъ такихъ растратъ, потому что его учебная программа съ первыхъ же шаговъ отстугаетъ отъ здравыхъ началъ положительныхъ въ его основу. Она недостаточно сосредоточиваетъ учебныя занятія, стѣсняетъ предметы образовательные и полагаетъ слишкомъ много времени на предметы которые при изаишкѣ не только ведутъ къ обремененію учащихся, но обращаются въ положительный для нихъ вредъ. Теперь, пока уставъ еще не вступилъ въ дѣйствіе, было бы очень легко сдѣлать въ новой учебной программѣ тѣ исправленія которыя рѣшительно необходимы для того чтобъ она могла приносить ожидаемую пользу. Когда уставъ будетъ окончательно введенъ, тогда сокращеніе учебнаго времени по нѣкоторымъ предметамъ и расширеніе по нѣкоторымъ другимъ (что окажется совершенно необходимымъ) будетъ сопряжено съ большими неудобствами и поведетъ къ ломкѣ и потрясеніямъ.

Мы говоримъ объ учебной программѣ только классическихъ гимназій, въ которыхъ собственно и заключается все значеніе предпринятой реформы. Классическая система основана на концентраціи, сосредоточеніи учебныхъ занятій. Напрасно думаютъ что требованія классической системы исполнены, если въ учебный курсъ введены древніе языки. Сила этой системы заключается въ томъ что древніе языки употребляются ею какъ средство для сосредоточенія занятій, для укрѣпленія и развитія умственныхъ силъ соответственно возрасту учащихся и для подготовленія ихъ къ высшимъ изученіямъ по какой бы то ни было части. Въ томъ возрастѣ которому соответствуютъ гимназій, только на двухъ элементахъ могутъ серьезно и плодотворно сосредоточиваться учебныя занятія: на словесности, или грамматикѣ, въ обширномъ смыслѣ этого слова, и на математикѣ. Въ Англій учебныя заведенія соответствующія нашимъ гимназіямъ носятъ названіе *грамматическихъ школъ*, по преобладающему въ нихъ характеру учебныхъ занятій. Этотъ же характеръ господствуетъ въ учебныхъ заведеніяхъ цѣлой цивилизован-

ной Европы соответствующихъ нашимъ гимназіямъ. Древніе языки служатъ лишь наилучшимъ средствомъ для этой цѣли, раскрывая сверхъ того учащимся богатый матеріалъ для мысли и знанія, сообщая имъ полное право гражданства въ мірѣ науки и давая имъ то воспитаніе безъ котораго невозможна истинная ученость по какой бы то ни было части. Изученіе древнихъ языковъ въ отроческомъ возрастѣ соединяетъ въ себѣ множество преимуществъ для умственного воспитанія; но главная сила ихъ заключается въ томъ что они даютъ возможность концентрировать учебныя занятія воспитанниковъ, къ чему не оказывается способнымъ никакой другой предметъ. Затѣмъ, польза классической системы заключается въ томъ что она, устраняя многопредметность, даетъ возможность сократить учебное время не только безъ вреда, но и съ пользой для умственного развитія воспитанниковъ и съ очевидною пользой для ихъ физическаго здоровья.

Но возвратимся къ перемѣнѣ произведенной недавнимъ административнымъ распоряженіемъ въ учебной программѣ новаго устава, который такъ долго и съ такимъ трудомъ выработывался законодательнымъ порядкомъ. Сокращеніе учебного времени отнятіемъ четверти часа отъ каждаго урока, смѣемъ думать, не совсѣмъ достигаетъ предполагаемой при этомъ цѣли, и въ то же время значительно ослабляетъ силу всей учебной системы. Учащіеся не получаютъ достаточнаго облегченія; число уроковъ у нихъ не сократится; они будутъ все также развлечены и подавлены многопредметностію; имъ придется все также высидывать по пяти уроковъ въ день и приготовляться къ пяти различнымъ предметамъ. А между тѣмъ четверть часа отнятая отъ каждаго урока ослабитъ въ значительной степени преподаваніе тѣхъ предметовъ на которыхъ должны сосредоточиваться учебныя занятія и въ которыхъ заключается вся сила новой системы. Древніе языки, какъ сказано выше, могутъ приносить ожидаемую отъ нихъ педагогическую пользу только подъ условіемъ чтобъ имъ было дано надлежащее развитіе въ учебномъ курсѣ; а въ программѣ новаго устава имъ отведено minimum времени какое необходимо для того чтобъ они могли приносить ожидаемую пользу. Менѣе удѣлить для нихъ времени невозможно не рѣвая всей педагогической системы. Смѣемъ утверждать что цѣль вызвавшая новое распоряженіе была бы

достигнута вѣрнѣе, а въ то же время, заодно, были бы исправлены и существенныя погрѣшности вкравшіяся въ новую программу, еслибы преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ было приведено къ рациональнымъ размѣрамъ какіе представляются имѣ во всѣхъ благоустроенныхъ европейскихъ школахъ. Спрашиваемъ всякаго серьезнаго челоуѣка, кто только заблагоразсудитъ выикнуть въ этотъ вопросъ, заслуживающій подлагаго вниманія, имѣетъ ли смыслъ преподаваніе естественной исторіи въ трехъ младшихъ классахъ гимназическаго курса, какъ того требуетъ новая учебная программа. Представьте себѣ дѣтей, отъ 10 до 12лѣтняго возраста, занимающихся естественными науками по два часа въ недѣлю: не жалкая ли это трата времени? Введеніе естественной исторіи въ первыхъ трехъ классахъ есть очевидно подражаніе прусскимъ гимназіямъ, но къ сожалѣнію, какъ всегда бываетъ при поверхностномъ подражаніи, не принято въ расчетъ что въ прусскихъ гимназіяхъ этотъ предметъ введенъ необязательно, и болѣе въ видахъ занимательной рекреаціи нежели серьезнаго ученія. Уставомъ прусскихъ гимназій предоставлено имѣ право занимать воспитанниковъ двухъ низшихъ классовъ приспособленнымъ къ ихъ возрасту описаніемъ царствъ природы, въ случаѣ если окажется годный преподаватель. Нѣтъ ничего труднѣе, даже въ Германіи, найти людей, которые были бы способны занимать малыхъ дѣтей увеселительными разказами о природѣ, и потому этотъ предметъ не поставленъ тамъ въ число обязательныхъ, и во всемъ девятигодичномъ прусскомъ гимназическомъ курсѣ всего-на-все только два часа отведено на обязательное занятіе естественною исторіей: именно въ четвертомъ, считая по-нашему, классѣ. А у насъ поставленъ этотъ предметъ обязательнымъ въ трехъ младшихъ классахъ, полагая на него въ каждомъ по два часа времени, итого въ совокупности шесть часовъ. Вотъ совершенно напрасно убиваемое время; вотъ шесть уроковъ которые могли бы быть упразднены съ очевидною пользой какъ для физическаго здоровья, такъ и для умственнаго развитія воспитанниковъ. Физикѣ предоставлено у насъ шесть часовъ; было бы совершенно достаточно еслибы мы за физикою оставили четыре часа, а два остальные урока либо упразднили вовсе, либо замѣнили общимъ обзорѣніемъ царствъ природы въ одномъ изъ высшихъ клас-

совѣ, вмѣсто совершенно напрасно полагаемыхъ на этотъ предметъ шести часовъ въ трехъ младшихъ классахъ. Еще болѣе пользы оказали бы мы дѣлу еслибы сократили преподаваніе русской словесности, которая, въ тѣхъ размѣрахъ какіе отведена ей въ нашемъ учебномъ планѣ, есть сущее зло. Дабы учебная программа соответствовала своей цѣли, дабы она не веда не только къ растратѣ времени и силъ, но и къ дурному употребленію ихъ, рѣшительно необходимо ввести этотъ предметъ въ его рациональные предѣлы, необходимо сократить его на одинъ урокъ въ каждомъ классѣ. Благодаря этому, мы сдѣлали бы экономію на семь часовъ времени, и это не только не ослабило бы, а напротивъ, усилило бы дѣло ученія.

Всякій излишекъ времени для преподаванія своего языка ведетъ только къ самому губительному празднословію. Живою языкъ никогда не можетъ быть предметомъ серьезныхъ грамматическихъ изученій. Преподаваніе своего отечественнаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ вполнѣ достигаетъ своей цѣли, если только регулируетъ практическое употребленіе его, не пускаясь ни въ какія теоріи и умозрѣнія, а для этого 24хъ часовъ полагаемыхъ нашею программой, немнѣрно много, и было бы совершенно достаточно 17. Въ прусскихъ гимназіяхъ на отечественный языкъ полагается только по два часа въ недѣлю въ каждомъ классѣ, за исключеніемъ старшаго; къ тому же въ двухъ младшихъ классахъ нѣмецкій языкъ преподается, заодно съ латинскимъ, тѣмъ же самымъ учителемъ. Во французскихъ и англійскихъ школахъ то же самое. Дѣйствительно, дѣлать свой родной живою языкъ предметомъ подробнаго ученаго анализа, въ дѣтскомъ возрастѣ совершенно невозможно. Въ томъ что древніе языки могутъ быть предметомъ такого анализа и заключается ихъ педагогическая сила. Представляя собою самую богатую организацию человѣческаго слова, храня на себѣ отпечатки высокой цивилизаціи, самаго разнообразнаго творчества и утонченнаго развитія человѣческой мысли, они остановились въ своемъ жизненномъ развитіи и потому были предметомъ ученой разработки въ продолженіе столькихъ вѣковъ, сосредоточившихъ на нихъ труды столькихъ поколѣній, столькихъ умовъ. На нихъ воспитывалось и воспитывается все чѣмъ гордится всемірное образованіе и наука. Въ нихъ все взвѣшено, измѣрено и разчи-

тано; ихъ грамматика состоитъ изъ строгихъ и неизмѣнимыхъ правилъ какихъ не можетъ и не долженъ имѣть живой языкъ. Одно изъ главнѣйшихъ преимуществъ изученія древнихъ языковъ въ томъ и состоитъ что чрезъ нихъ учащися овладѣваютъ всего вѣрнѣе средствами своего собственнаго языка. Изученіе древнихъ языковъ есть въ то же время и изученіе своего роднаго языка. Изучая ихъ, что иное дѣлаетъ учащійся какъ не сравниваетъ съ ними непрерывно, шагъ за шагомъ, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ отбѣнкѣ выраженія, свой родной языкъ? Нашъ нынѣшній литературный языкъ получилъ свою грамматику и свое первое благоустройство изъ рукъ человѣка который вошелъ въ его силу посредствомъ изученія языковъ древнихъ. Хомагорскій рыбакъ чрезъ латинскій языкъ уловилъ правило своего роднаго слова и сталъ творцомъ и законодателемъ нашего нынѣшняго литературнаго языка.

Итакъ, семь лишнихъ и вмѣстѣ положительно вредныхъ часовъ, взятыхъ у преподаванія русскаго языка и словесности, въ соединеніи съ шестью упрядченными уроками естественной исторіи на трехъ младшихъ классахъ, составляютъ экономію тринадцати часовъ учебнаго времени.

Но этого мало: предметъ не менѣе вредный при издѣшнемъ распространеніи въ учебномъ курсѣ есть еще исторія. На исторію и географію полагается у насъ 22 часа времени. Это слишкомъ много. Въ прусскихъ гимназіяхъ курсъ ученія продолжается не семь, какъ у насъ, а девять лѣтъ, но и тамъ на этотъ предметъ полагается не болѣе. При семигодичномъ курсѣ нашихъ гимназій на исторію вмѣстѣ съ географіей достаточно двадцати часовъ. Еслибы лица которымъ близки интересы нашего народнаго просвѣщенія знали во всей силѣ что преподается въ нашихъ гимназіяхъ подъ видомъ исторіи и русскои словесности или, лучше сказать, какой бессмысленный хаосъ творится излишними уроками этихъ предметовъ въ головѣ учащихся, которые кончаютъ тѣмъ что не умѣютъ десяти словъ связать правильно и букву ѣ поставить на надлежащемъ мѣстѣ,—то они ужаснулись бы и поняли бы мудрое правило которое предписываетъ лучше совсѣмъ не учить нежели учить вздору. Все что ни сказали бы мы для характеристики этого болѣзненнаго явленія нашей школы было бы слишкомъ слабо въ сравненіи съ дѣйствительностью.

Предметы вводимые обязательно для преподаванія въ школахъ должны быть таковы чтобы сущность преподаванія какъ можно менѣ зависѣла отъ произвола или личности преподавателя. Такова математика, таковы древніе языки. Какъ математика, такъ и латинская или греческая грамматика изучаются совершенно въ одинаковомъ родѣ какъ человѣкомъ взрослымъ, такъ и малолѣтнимъ. Эти предметы не измѣняются въ своей сущности, приравниваясь къ возрасту. Дѣти занимаются ими такъ же серьезно, такъ же научно, какъ и взрослые люди, и претворяютъ изучаемое въ свое состояніе точно такими умственными процессами.

Въ этомъ-то и заключается преимущество этихъ предметовъ, ихъ неоспоримая годность для концентраціи учебныхъ занятій. Другіе предметы могутъ быть допускаемы для преподаванія дѣтямъ лишь въ тѣсной рамкѣ, лишь въ строго ограниченныхъ размѣрахъ, въ противномъ же случаѣ неизбежно унизится достоинство науки, и она превратится либо въ игрушку, либо въ празднословіе. Преподаваніе исторіи можетъ сопровождаться въ нашихъ школахъ полезными результатами только при условіи чтобы оно ограничилось самыми общими, но твердыми очерками главныхъ фактовъ. Школа исполнить свою обязанность, если крѣпко залечатъ въ памяти учащихся остова исторіи съ ея главнѣйшими событіями, числами и именами, безъ фальшивыхъ и игрушечныхъ прикрасъ, и приучитъ учащихся къ ловѣстивательному складу мысли и рѣчи. Это было бы результатомъ несомнѣнно полезнымъ, потому что въ зрѣломъ возрастѣ человѣку труднѣе восполнить то чего въ этомъ отношеніи не сдѣлано въ дѣтствѣ. Но этимъ и должна ограничиться гимназія. Ближайшее ознакомленіе съ историческимъ матеріаломъ должно быть предоставлено позднѣйшему возрасту. Молодому человѣку прошедшему порядочную классическую школу не только открыты всевозможныя сочиненія по исторической части, но онъ владѣетъ ключомъ къ самостоятельнымъ занятіямъ предметами историческаго вѣдѣнія, для него раскрыты самые источники; онъ уже стоитъ на почвѣ исторіи. Изученіе древнихъ языковъ не есть ли въ то же время и самое непосредственное, самое живое изученіе исторіи? Основывая учебную систему на преподаваніи древнихъ историческихъ языковъ, къ чему же еще будемъ обременять нашихъ мододыхъ людей, при семъ-

годицномъ курсѣ нашихъ гимназій, излишними уроками по части исторіи какъ особаго предмета? Эти излишніе уроки, въ которыхъ преподаватель будетъ возносить нашихъ бѣдныхъ дѣтей на высоту идей своихъ плохо записанныхъ университетскихъ тетрадекъ или вчера прочитанной журнальной статьи,—эти излишніе уроки, въ которыхъ онъ будетъ рисоваться предъ нашими юношами и раскрывать имъ тайны жизни и смерти, духъ вѣковъ и народовъ, законы прогресса, и будетъ изрекать приговоры надъ историческими дѣятелями, надъ политическими учрежденіями и религіями, — эти излишніе уроки суть такая же вредная трата времени какъ и излишніе уроки русской словесности. Эти излишніе уроки будутъ раскрывать для созерцанія учащихся не какой-либо предметъ, а собственную личность преподавателя, которая безъ сомнѣнія не входитъ въ планъ гимназическаго ученія. Мы полагаемъ что при семигодичномъ курсѣ гимназій, для географіи совершенно достаточно 6 или много-много 7 часовъ, вмѣсто 8 полагаемыхъ программой, а для исторіи—10 или 11 часовъ, вмѣсто 14.

7. Изъ статьи № 278го 1865 года.

Какъ нельзя кстати получили мы сегодня изъ южныхъ предѣловъ нашего Русскаго царства преинтересную брошюрку. На этихъ дняхъ довелось намъ заговорить о печальномъ неразуміи господствующихъ у насъ возрѣвѣій на педагогическое дѣло. Мы говорили объ этомъ варварскомъ мнѣніи что будто можно учить всему во всякую пору жизни, и будто цѣль школы назначаемой для отроческаго возраста должна состоять въ томъ чтобы преподавать весь кругъ человѣческихъ знаній и выпустить на свѣтъ Божій семнадцатилѣтнихъ мудрецовъ, стоящихъ на высотѣ современныхъ идей и достигшихъ всѣ тайны природы и человечества. Мы говорили о лагубной тратѣ времени и силъ подъ видомъ преподаванія исторіи и русской словесности. Мы очень рады что полученная нами книжка даетъ намъ возможность представить на видъ документальный фактъ. Эта книжка — *Планъ преподаванія учебнаго предмета исторіи въ гимназіяхъ Одесскаго учебнаго округа*, изданъ въ Одессѣ въ журналь № 9 тамшняго полечителнаго комитета.

Ученый Комитетъ состоящій при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, по обнародованіи новаго устава гимназій и прогимназій, не замедлилъ издать въ свѣтъ инструкцію для преподавателей. Въ этой инструкціи опредѣляются размѣры и направленіе преподаванія различныхъ наукъ входящихъ въ учебный планъ означенныхъ заведеній. Это первый чертежъ того умственного міра который долженъ твориться въ этихъ заведеніяхъ. Чертежъ этотъ получаетъ свои краски въ подробныхъ программахъ составляемыхъ по учебнымъ округамъ. И вотъ простая разграфленная табличка, представляющая число уроковъ въ день по каждому предмету и въ каждомъ классѣ, эта нѣмая табличка которою снабженъ уставъ о гимназіяхъ и прогимназіяхъ, мало вразумительная для людей неспеціальныхъ, тутъ блестятъ красками и звонко говоритъ о себѣ. Вамъ, быть-можетъ, кажется обстоятельствомъ неважнымъ, цифра ли 2, или 3, или 4 стоитъ напримѣръ въ графѣ русской словесности. Къ тому же: русская словесность! Это звучитъ такъ пріятно и привычно для вашего слуха; вы любите русскую словесность, и вы ничего не имѣете возразить противъ трехъ и даже четырехъ уроковъ въ недѣлю, которыми будутъ угощать вашихъ дѣтей въ гимназіи, и вамъ, быть-можетъ, покажется страннымъ желаніе чтобы цифра эта была уменьшена. Но вы будете сами виноваты, если, заглянувъ въ вышеказанныя программы, не поймете какую пагубную тратой времени, какимъ зловреднымъ отягощеніемъ будетъ для вашихъ дѣтей каждый *излишній*, сверхъ должнаго числа урокъ этого предмета въ гимназіяхъ.

Учебный планъ нашихъ гимназій есть переложеніе прусскаго на наши педагогическія нравы. Прусскія гимназіи обнимаютъ девятигодичный курсъ, и для всѣхъ девяти курсовъ полагается тамъ на исторію и географію 22 часа въ недѣлю. Въ нашемъ учебномъ планѣ, удержанъ точь-въ-точь эта самая цифра уроковъ, у насъ полагается тоже 22 урока на исторію и географію; но наши гимназіи обнимаютъ только семь лѣтъ. Въ Пруссіи цифра 22 распределяется на девять курсовъ, у насъ только на семь. И тамъ при девятигодичномъ курсѣ, цифра эта еще слѣшкомъ велика въ сравненіи съ учебнымъ планомъ соответственныхъ французскихъ и англійскихъ школъ, и считается многими опытными педагогами слѣшкомъ обременительною, а потому вредною для уча-

щихся. Спрашивается, во сколько же кратъ цифра эта должна быть обременительнѣе и вреднѣе у насъ, гдѣ она разчитана всего только на семь лѣтъ. Въ *примѣ* (то-есть старшемъ классѣ) прусскихъ гимназій, учатся юноши девятнадцати и двадцати лѣтъ, которые, по своему возрасту, равносильны студентамъ нашихъ университетовъ, а по умственной зрѣлости и подготовкѣ далеко превосходятъ ихъ. И что же? наши дѣти должны выносить то же самое число уроковъ по части исторіи не только въ меньшее время, но и въ болѣе нѣжный возрастъ, когда силы ихъ, по законамъ природы, необходимо слабѣе и требуютъ пощады. Хотите ли вы знать какой премудрости будутъ обучаться ваши дѣти, на примѣръ, въ третьемъ классѣ? Представьте же себѣ этихъ двѣнадцатилѣтнихъ искателей мудрости, которымъ съ высоты кафедры будетъ провозглашаться многое такое чего отчетливо не понимаетъ самъ преподаватель, что далеко еще не получило опредѣленной формулы знанія въ умахъ людей не только совершенно взрослыхъ, но и вполне образованныхъ и ученыхъ; представьте себѣ какъ эти бѣдные мальчики, вмѣсто того чтобы заниматься серьезнымъ ученіемъ или бѣгать на вольномъ воздухѣ, будутъ внимать о томъ какъ человекъ находился въ первобытномъ состояніи и какая тогда была его лица, жилище, одежда и занятія, какъ у него составилось семейство и какъ семейство есть „первая ступень общественной жизни“, какъ „родъ“ есть „вторая ступень общественной жизни“, а гражданское общество „третья ступень“ той же жизни. Предстанетъ предъ нимъ Киръ въ качествѣ „представителя государственной жизни“, причемъ они ознакомятся съ „устройствомъ и правленіемъ Персидской монархіи“, и имъ будетъ изложено „понятіе о государствѣ какъ четвертой ступени общественной жизни“. Далѣе предъ ними выступятъ—но мы вылишемъ нѣсколько строкъ изъ программы:

„Ликуръ и Соловъ, ихъ законы (понятіе о властяхъ законодательной, судебной, административной и исполнительной; понятіе о верховной власти и различныхъ формахъ правленія). Сравненіе между собою государственнаго устройства Афинъ и Спарты (понятіе объ аристократіи и демократіи; о сословіяхъ и отличіе ихъ отъ кастъ: понятіе о гражданствѣ). Пизистратъ (понятіе о тираниі въ смыслѣ древне-греческомъ). и Навуходоносоръ (представитель восточной деспотіи)

Амфиктіоніи (понятіе о междунарономъ союзѣ, лятю ступени общественной жизни).“

Затѣмъ, нашимъ двѣнадцатилѣтнимъ студентамъ, все на томъ же третьемъ прогимназическомъ классѣ, будетъ изложена, по случаю персидскихъ войнъ, теорія войны. Предъ нами будутъ раскрыты памятники искусства ивдійскаго, египетскаго и греческаго. По поводу Финикіявъ, Карфагенявъ и Грековъ, имъ будетъ изложена теорія коммерціи и колоній. Затѣмъ они будутъ посвящены въ религіозныя вѣрованія восточныхъ народовъ и Грековъ. Пуническая война дастъ поводъ преподавателю изложить понятіе „объ осадѣ городовъ“. Исполнившись всей этой мудрости, стажавъ столько понятій и познаній, дѣти ваши приступятъ къ эпохѣ Граковъ и узнаютъ „жизнь римскаго общества въ это время, понятіе о пролетаріатѣ и рабскомъ трудѣ“. Вскорѣ затѣмъ появится Цезарь, и подъ его великою тѣнію будетъ изложено „понятіе о диктатурѣ и междуусобной войнѣ“. И сколько потомъ много другихъ прекрасныхъ и великихъ вещей узнаютъ они! И Карлъ Великій, и представители папства, и представители аскетизма, и Альфредъ Великій и съ нимъ вмѣстѣ „мировыя его учрежденія и развитіе его основныхъ началъ англійской конституціи“; и Юстиніанъ съ состояніемъ Византіи, и Лютеръ съ реформаціоннымъ движеніемъ, и Лудовикъ XIV съ неограниченною монархіей, и Наполеонъ Бонапарте, со „стремленіемъ къ восстановленію всесвѣтной монархіи“. И весь этотъ міръ знанія, который въ одинъ годъ сдѣлаетъ нашихъ малютокъ годными не только для продолженія ученія въ четвертомъ классѣ той же гимназіи или прогимназіи, но и для занятія каѳедры въ университетѣ, вся эта великодушная картина замыкается характеристикой значенія пара съ пароходами, желѣзными дорогами, паровыми машинами и телеграфами.

Съ пользою ли будетъ употреблено время двѣнадцатилѣтнихъ дѣтей въ третьемъ классѣ, которые такимъ образомъ пройдутъ въ одинъ годъ чрезъ всѣ фазы исторіи, ознакомятся, по требованію инструкціи Ученаго Комитета, съ духомъ всѣхъ народовъ и внутренними сторонами ихъ жизни, узнаютъ и въ теоріи, и въ историческомъ развитіи государственное право, и предвосхитятъ всевозможныя „понятія“ о какихъ только можетъ быть рѣчь и въ наукѣ, и въ высшихъ сферахъ общественной дѣятельности? Будетъ ли чего-нибудь стоить

весь тотъ хламъ который соберется у нихъ въ головѣ, вся эта путаница дѣтскихъ представленій приведенныхъ въ самыя неестественныя и нецѣлыя комбинаціи? И еслибъ еще весь вредъ ограничивался только напрасною тратой времени! Но этотъ хламъ подавить юныя, едва пробудившіяся мыслительныя способности дѣтей, оны пріучить ихъ къ употребленію словъ безъ понятій, и разовѣсть въ ихъ умахъ, вмѣсто мыслей и знанія, фальшивое подобіе ихъ. Забудьте что тутъ все будетъ зависѣть отъ произвола и личности учителей, изъ которыхъ даже самыя лучшія навѣрное не владѣютъ и не могутъ владѣть, въ той силѣ какъ требуется серіозною наукою, тѣми понятіями которыя они будутъ слагать въ умахъ своихъ учениковъ.

Составитель программы которой мы коснулись руководствовался требованіями инструкціи Ученаго Комитета и всѣчески старался угодить ему. „Преподаваніе исторіи въ III классѣ, по требованію инструкціи, говорить оны, должно имѣть въ виду ознакомленіе учащихся съ тѣми сторонами жизни великихъ народовъ и ихъ представителями которыя должны быть извѣстны всякому сколько-нибудь образованному человѣку, съ цѣлю развить въ ученикахъ, при помощи отдѣльныхъ разказовъ, понятіе объ основныхъ *элементахъ исторіи*.“ Программа самымъ куріознымъ образомъ различаетъ преподаваніе исторіи въ классическихъ гимназіяхъ отъ ея преподаванія въ реальныхъ. „Преподаватели, говорить она, въ классическихъ гимназіяхъ должны удѣлать значительное время на ознакомленіе учениковъ съ литературой и наукой Грековъ и Римлянъ (зачѣмъ же это, когда они будутъ сами читать Грековъ и Римлянъ?), а въ реальной съ экономическимъ состояніемъ этихъ народовъ.“ Вотъ еще интересное мѣсто: „Учитель долженъ представить учащимся всестороннюю бытовую и духовную жизнь Русскаго народа, важнѣйшія дѣла и стремленія его, государственныя и социальныя учрежденія, долженъ показать имъ великія народныя личности и ихъ богатую послѣдствіями дѣятельность.“ Какъ все это хорошо! Но невольно рождается вопросъ: что же еще останется изучать и узнавать нашимъ дѣтямъ которыя до шестнадцати лѣтъ изучать и узнаютъ все надъ чѣмъ въ другихъ странахъ трудятся люди взрослые и ученые?

Но программа русской словесности еще интереснѣе. Труднѣе ли русскій языкъ для Русскаго чѣмъ нѣмецкій для Нѣмца,

или быть-можетъ русская словесность вдвое богаче нѣмецкой, и потому требуетъ вдвое болѣе времени для того чтобы учащіеся могли обозрѣть ее? Нѣтъ, русскій языкъ не труднѣе для Русскаго чѣмъ нѣмецкій для Нѣмца, французскій для Француза и англійскій для Англичанина, а во многихъ отношеніяхъ легче, особенно если взять въ расчетъ что русскія слова выговариваются почти такъ же какъ и пишутся, тогда какъ на примѣръ въ англійскомъ надобно познакомиться съ каждымъ реченіемъ лично, для того чтобы умѣть правильно складывать его. Что же касается русской литературы, то хотя она обладаетъ поэтомъ Некрасовымъ, драматургомъ Островскимъ и ученымъ Пылинымъ, однако все же она не богаче литературы того или другаго изъ поименованныхъ языковъ. Еслибы, на примѣръ, въ прусскихъ гимназіяхъ былъ назначенъ въ томъ или другомъ классѣ излишній урокъ на преподаваніе нѣмецкаго языка, то тамъ можно было бы извинить это увлеченіе въ виду дѣйствительно громаднаго богатства литературы. Но мы видимъ совершенно наоборотъ: мы видимъ что на нѣмецкую словесность употребляется въ нѣмецкихъ школахъ минимумъ времени, а наша словесность, у которой такъ мало повади или, лучше сказать, у которой почти все впереди, дѣлается однимъ изъ главныхъ образовательныхъ предметовъ и беретъ вдвое болѣе времени чѣмъ нѣмецкая въ Германіи. Разгадка въ томъ что школа вездѣ назначается служить къ дѣйствительному образованію и укрѣпленію умственныхъ силъ, а у насъ она, къ прискорбію, служить къ тому чтобы по возможности расслаблять и портить ихъ. Разгадка въ томъ что въ прусскихъ гимназіяхъ, которыя взяты нашимъ учебнымъ устройствомъ въ образецъ, не допускается, какъ язва, празднословіе, тогда какъ у насъ въ празднословіи и фразерствѣ полагается главная образовательная сила школы. Разгадка въ томъ что тамъ дѣти учатся правильному употребленію своего языка, а у насъ они изучаютъ личность своего учителя.

Вотъ предъ нами одесская программа. Составитель ея, и по русской словесности, какъ по исторіи, проникся духомъ инструкціи Ученаго Комитета. Ему недостаточно сообщить учащимся умѣнье правильно употреблять русскій языкъ устно и письменно, чего до сихъ поръ не достигаютъ наши гимназіи, и на что однако потребовалось бы въ половину менѣе времени нежели сколько назначено у

насть для этого предмета. Одесскій педагог сомыслетъ на инструкцію которая предписываетъ „сообщать ученикамъ матеріалъ для изученія словесности“. Омъ предполагаетъ на III (sic!) классѣ читать со своими воспитанниками *Записки Охотника* г. Тургенева, *Повѣсти и разказы* Вовчка, *Картины изъ русскаго быта* г. Дала и сочиненія Пушкина. На IV классѣ омъ имѣеть въ виду: логическое и эстетическое чтеніе, грамматическіе выводы, объясненіе корней (что, конечно, не обойдется безъ обращенія къ санскритскому языку и ссыаки на Болла и Потта), приставокъ и окончаній. Чтеніе, разборъ и переводъ Остромирова Евангелія и Несторовой лѣтолиси, краткій курсъ логики. И все это завершится заучиваніемъ наизусть стихотвореній г. Некрасова въ соединеніи съ Киршемъ Давиловымъ.

Но предъ нами еще три старшіе класса. Казалось бы, чего еще больше? Нѣтъ, говоритъ одесскій педагогъ, что касается преподаванія русской словесности въ трехъ высшихъ классахъ, сѣдуетъ имѣть въ виду указаніе инструкціи что „результатомъ занятій въ этихъ классахъ должно быть непосредственное и положительное знакомство съ важнѣйшими произведеніями русской литературы, такое знакомство при которомъ учащимся было бы передано существенное содержаніе предметовъ входящихъ въ кругъ словесности“. Въ силу этого, въ V классѣ предполагается чтеніе памятникъ русской словесности въ хронологическомъ порядкѣ. Сюда, по программѣ, войдутъ быяны, лѣсни, сказки, пословицы, духовные стихи, въ связи съ легендарными и апокрифическими сочиненіями; *Горе Злочастіе*, лѣтолиси Нестора, Кирилл Туровскій, *Слово о поаку Игоревѣ* и пр. „Для вывода данныхъ по теоріи словесности“ (sic), предлагаются: Пушкинъ, Гоголь, Крыловъ, Аксаковъ (С. Т.), Тургеневъ, Гончаровъ, Гомеръ, Данте, Шекспиръ. Въ VI классѣ: Домострой, Стоглавъ, Перелюбка Грознаго съ Курбскимъ и его же посланіе къ Бѣлозерскимъ монахамъ. Котошихинъ и Крижаничъ (!), Теофанъ Проколовичъ, Ломоносовъ, Фомъ-Визинъ, Карамзинъ, Жуковский. Для вывода данныхъ по теоріи, чтеніе произведеній Пушкина, Аксакова, графа Толстаго, Тургенева, Некрасова и др.“ VII классъ: Крыловъ, Грибоедовъ, Пушкинъ, Инокентій и Филаретъ, Лермонтовъ, Коальцовъ, Гоголь, Островскій. Чтеніе критическихъ статей Бѣлинскаго и Добролюбова. Въ числѣ главныхъ пособій для преподава-

телей поставаются опять критическія статьи Бѣлинскаго и Добролюбова и *Исторія славянскихъ литературъ* гг. Пылина и Сласовича.

Не есть ли все это наругательство надъ здравымъ смысломъ и надъ бѣдными дѣтьми! И такъ, вотъ на что будетъ отвѣщаться у ихъ серіозныхъ учебныхъ занятій, такъ же какъ и у ихъ отдыха, 24 часа въ недѣлю! Какая смѣсь: Алеша Половичъ, Соловей Будиміровичъ, Домострой, переписка Иоанна Грознаго съ Курбскимъ, Котошихинъ и Крижаничъ, Крыловъ и Пушкинъ, гг. Гомчаровъ и Тургеневъ, и роуг соignonnement de l'édifice, гг. Островскій и Некрасовъ, Пылинъ и Сласовичъ, Бѣлинскій и Добролюбовъ—весь свѣклить *Современника*. Не достасть еще гг. Писарева и Зайцева.

Не жалуйтесь же на недостатокъ людей серіозныхъ и дѣльныхъ въ нашемъ обществѣ, на ничтожество нашей науки, на наше скудоуміе, на нашу несостоятельность, на нашъ нигилизмъ. Что иное можетъ выходить изъ школы построенной на такихъ основаніяхъ?

8. Статья № 209 1867 года.

Намъ суждено было, по силамъ, способствовать разъясненію нѣкоторыхъ педагогическихъ началъ, имѣющихъ великую важность вообще, а особенно для нашего отечества въ настоящую пору. Дѣло шло не просто о теоріи учебнаго дѣла, но о разрѣшеніи вопросовъ о которыхъ впервые предлежало высказаться нашему законодательству, и о направленіи реформы отъ которой зависѣла судьба русскаго образованія и стало-быть будущее развитіе нашей народности. Надобно было не только разъяснять, но и бороться. Въ эту борьбу положили мы свою душу; мы слѣдили за ея перипетіями съ трепетомъ и сердечною болью. Чѣмъ яснѣе представлялось намъ дѣло, чѣмъ глубже были убѣждены мы въ жизненной важности вопроса подлежащаго рѣшенію, тѣмъ воспріимчивѣе были мы ко всему что могло возбуждать опасеніе за благополучный исходъ его. То была истинная мука Сизифа. Сколько разъ дѣло казалось выиграннымъ, и сколько разъ снова подвергалось сомнѣнію и замѣшательству! Вскорѣ увидѣли мы себя въ положеніи людей которые, приложивъ плечо къ общему дѣлу, вдругъ почувствовали на себѣ чужь

не всю его тяжесть. Само собою развилось въ насъ чувство какъ бы нравственной отвѣтственности предъ этимъ дѣломъ, loadъ тяжести котораго мы не разъ изнемогади. Оно стало для насъ какъ бы фактомъ нашей жизни, и мы не вольны не принимать сердечнаго участія въ судьбахъ его.

Слава Богу, борьба была не безплодна. Наше законодательство признало, къ вѣчной славѣ вышшняго царствования, тѣ педагогическія начала въ которыхъ заключается тайна самостоятельнаго, сильнаго и плодотворнаго развитія умственной жизни великихъ историческихъ народовъ современнаго міра.

Но отъ признанія началъ еще далеко до развитія ихъ въ соотвѣтственной системѣ. Всякій разумѣющій дѣло и принимающій его къ сердцу не могъ не вздохнуть свободно, когда наконецъ появился, прошедшій столько трудностей, новый уставъ нашихъ гимназій. Это было истиннымъ торжествомъ русской народности. Но отсюда не слѣдуетъ что бы новый уставъ представлялъ собою вполне удовлетворительное развитіе признанныхъ нашимъ законодательствомъ педагогическихъ началъ. Новый уставъ слишкомъ отзывается борьбой, изъ которой онъ вышелъ; въ немъ слишкомъ замѣтны слѣды противодѣйствія тому что должно быть его основой и въ чемъ должна состоять его сила; въ немъ есть нѣчто какъ бы двусмысленное и нерѣшительное. Онъ какъ бы не увѣренъ въ дѣйствительности принятыхъ имъ началъ, или какъ будто начала эти приняты имъ неохотно, и онъ какъ будто удержалъ за собою возможность отбросить ихъ въ удобную для того минуту и вывести дѣло на противный путь. Кто изучалъ этотъ новый уставъ, тотъ не могъ не вывести убѣжденія что въ немъ все дѣло реформы виситъ какъ бы на волоскѣ, и что нѣтъ ничего легче какъ направить его при исполненіи въ противоположную сторону, особенно если не церемониться, какъ это нерѣдко бываетъ, съ закономъ. Стоить только обойти одинъ какой-нибудь маленькій параграфъ, едва замѣтный въ цѣломъ уставѣ; стоитъ только ослабить обязательную силу одного какого-нибудь пункта; стоитъ только при введеніи устава сдѣлать какое-нибудь косвенное распоряженіе которое можетъ прокрасться въ дѣло путемъ канцелярскихъ извѣщаній, почти безъ вѣдома вышнихъ правительственныхъ лицъ на которыхъ лежитъ отвѣтственность за ходъ дѣла, и оно можетъ быть

поражено въ самое сердце, реформа можетъ быть совершенно уронена, и тѣ начала которыя въ ней, повидимому, восторжествовали могутъ въ результатъ понести окончательное поражение. Уставъ гимназій, дабы соответствовать своему назначенію, долженъ быть пересмотрѣнъ тщательно и добросовѣстно, съ ясною руководящею мыслию, съ глубокимъ убѣжденіемъ въ истинѣ положенныхъ въ основаніе ему началъ, съ рѣшимостію дать имъ надлежащее развитіе и устроить все что придаетъ этому уставу характеръ полумѣры, ставить его въ зависимость отъ всякой случайности и подвергаетъ опасности отъ малѣйшаго дуновенія вѣтра. Есть основаніе надѣяться что такой пересмотръ будетъ предпринятъ правительствомъ вскорѣ, пока новый уставъ не успѣлъ еще войти въ полную силу, такъ что всякая перемена въ немъ можетъ быть сдѣлана безъ потрясеній и ломки установившагося порядка, что всегда сопровождается бѣльшимъ или меньшимъ нарушеніемъ разныхъ уважительныхъ интересовъ.

Сейчасъ говоримъ мы о разстояніи, которымъ отдѣляется признаніе началъ отъ развитія ихъ въ опредѣленной системѣ. Еще большее разстояніе бываетъ между системой, какъ бы хорошо ни была она выработана, и ея исполненіемъ на практикѣ. Мы можемъ ожидать всего лучшаго отъ предстоящаго пересмотра новаго устава гимназій; но вполнѣ обезпеченнымъ дѣло русскаго образованія и русской науки можно признать только тогда когда оно съ бумаги перейдетъ въ жизнь и установится въ дѣйствительности, когда вмѣсто параграфовъ устава будутъ предъ нами многочисленныя процвѣтающія заведенія, гдѣ будетъ жить духъ новой системы, ежедневно оказывая свое дѣйствіе на многихъ тысячахъ учащагося отрочества. Чтобы придти къ такому результату, нужно много времени, усилій и заботъ. Тутъ только понестись начнетъ дѣло реформы, тутъ только покажетъ она свою силу и заслужитъ благословеніе Россіи какъ въ ея живущихъ, такъ и будущихъ поколѣніяхъ. Великая и славная задача для правительственныхъ лицъ которымъ суждено блюсти за исполненіемъ этой реформы, касающейся самыхъ высшихъ и вмѣстѣ самыхъ настоятельныхъ потребностей нашего народа въ эту критическую пору! Но ихъ ожидаютъ и большія трудности, неизбѣжныя при всякомъ новомъ дѣлѣ, особенно при дѣлѣ такого свойства какъ учебная реформа, гдѣ почти незамѣтная и ускользающая отъ оцѣнки причина

может породить неисчислимые послѣдствія. Если во всякомъ дѣлѣ, одно дѣйствіе правительства, даже при самыхъ лучшихъ условіяхъ, при всевозможной добросовѣстности, усердіи и просвѣщенности дѣлателей, оказывается недостаточнымъ, то тѣмъ паче должны оказаться недостаточными одни бюрократическіе способы при водвореніи новой учебной системы.

Если желательно чтобы новая учебная система не просто только накрыла наши школы, какъ общая мѣра, но выработалась на опытѣ, какъ плодъ данный самою почвой, въ которую брошено семя, то для этого недостаточно однихъ казенныхъ заведеній. Требуется чтобы въ общественной средѣ оказалось энергическое движеніе на встрѣчу благотворной реформы. Это требуется и по свойству самаго дѣла, и по особеннымъ обстоятельствамъ среди которыхъ оно начинается у насъ. Преобразование нашего учебнаго дѣла не есть частное улучшеніе въ условіяхъ дѣйствующей системы; у насъ все должно начаться снизу, потому что существовавшій доселѣ порядокъ вещей по этой части былъ не чѣмъ инымъ какъ систематическимъ отрицаніемъ тѣхъ началъ которыя теперь впервые должны вступить въ силу. Учебная реформа у насъ имѣетъ свою цѣлю не просто, какъ бываетъ въ другихъ странахъ, дать лучшее или болѣе полное развитіе началамъ господствующимъ и беспорядкомъ, доказавшимъ свою силу въ продолженіе многолѣтняго плодотворнаго развитія, создавшимъ могущественную организацію, волюнтарившимся въ многочисленныхъ учрежденіяхъ и людяхъ, преемственно изъ поколѣнія въ поколѣніе служащихъ дѣлу на нихъ основанному,—у насъ реформа должна впервые положить эти начала, не имѣя ни преданій, ни образцовъ.

Еще въ то время, когда только шла рѣчь объ этой реформѣ, когда еще самыя основанія ея подвергались спору, мы рѣшились способствовать ея успѣху до конца. Чувство нравственной отвѣтственности не только не утратило теперь своей обязательной силы, но еще болѣе даетъ чувствовать себя, когда споръ о началахъ конченъ и когда предстоитъ ихъ осуществленіе на практикѣ. Всею душой были бы мы рады, еслибъ оказались другіе болѣе достойные и способные дѣлатели, которые раздѣляли бы съ нами эту отвѣтственность или вовсе сняли бы ее съ нашихъ плечъ. Но слѣдуетъ ли отступать и увольняться вслѣдствіе сознанія нашей не-

достаточности и слабости? Скропность есть дѣло похваляемое; но она становится дѣломъ постыднымъ, когда служить только личиной, которою прикрываются малодушіе и нерадѣніе.

Давно уже задумали мы положить основаніе учебному заведенію, которое по своей организаціи давало бы полную возможность выработать на опытѣ всѣ условія необходимыя для обезпеченія правильнаго и плодотворнаго развитія признанныхъ нашимъ законодательствомъ педагогическихъ началъ. Казенныя заведенія, какъ замѣтили мы выше, не могутъ съ полнымъ успѣхомъ послужить для этой цѣли. По самой натурѣ своей, они лишены той свободы движенія которая необходима для того чтобы новое дѣло могло создать для себя удовлетворительную организацію, воспользоваться всеми средствами какія только могутъ оказаться для него пригодными и примѣниться ко всемъ условіямъ и потребностямъ окружающей среды. Казенное управленіе связано неизбѣжными формальностями. Оно можетъ дѣйствовать только посредствомъ общихъ мѣръ, а подробности, индивидуальности, особенности, болѣе или менѣе ускользаютъ отъ него, между тѣмъ какъ въ нихъ-то вся сила, когда требуется ввести въ жизнь новыя начала. Оно подчинено общимъ условіямъ государственной службы при опредѣленіи и увольненіи лицъ, а равно при распредѣленіи обязанностей между ними, что затрудняетъ сформированіе вполнѣ удовлетворительнаго личнаго состава и употребленіе каждой способности съ наибольшею пользою для дѣла. Именно потому что у насъ еще нѣтъ педагогической опытности, опирающейся на вѣковыя преданія, нѣтъ педагогическаго сословія которое могло бы давать направленіе общественному мнѣнію и освѣщать пути для правительственныхъ мѣръ, именно потому что это еще впереди и что этому требуется подготовить почву и положить первое начало, нужно что-нибудь еще кромѣ системы казенныхъ заведеній, гдѣ никто не можетъ дѣйствовать какъ хозяинъ. Требуется такое управленіе которое именно чувствовало бы себя хозяиномъ въ своемъ дѣлѣ. Съ другой стороны, частное учебное заведеніе также не могло бы соответствовать предполагаемой цѣли. Частное заведеніе имѣетъ характеръ случайности; оно есть собственность своего содержателя и слишкомъ тѣсно связано съ его личностію. При самыхъ лучшихъ условіяхъ, оно все-таки

есть болѣе или менѣе промышленное предпріятіе. Требуется такой типъ педагогическаго заведенія, который отличалъ бы его и отъ казенныхъ, и отъ частныхъ заведеній, но соединялъ бы въ себѣ нѣкоторыя выгоды тѣхъ и другихъ. Оно не должно быть частною собственностью, оно должно имѣть характеръ общественный; но оно должно быть такъ организовано чтобъ управленіе его имѣло полную свободу дѣйствій. Требуется заведеніе которое имѣло бы свой особый уставъ, получившій законодательную санкцію, твердый въ своихъ главныхъ чертахъ, но оставляющій просторъ для личной инициативы и обладающій достаточною подвижностью въ развитіи подробностей, въ примѣненіяхъ и приварованіяхъ.

Уставъ подобнаго заведенія, проектированный нами, находится теперь, съ Высочайшаго соизволенія, на разсмотрѣніи въ законодательномъ порядкѣ. Если проектъ удостоится утвержденія, то, не теряя времени, можно будетъ сдѣлать первый шагъ къ его осуществленію съ января 1868 года.

Предполагаемое заведеніе задумано въ размѣрахъ лица и должно обнимать какъ гимназическій, такъ и университетскій курсъ ученія. Ожидаемая отъ этого заведенія услуга должна состоять именно въ томъ чтобы провести новую у насъ систему воспитанія отъ начала до конца и взявъ дѣтей съ первыхъ лѣтъ отрочества, выпустить зрѣлыхъ и готовыхъ къ жизни юношей. Педагогическая задача, полагаемая въ основаніе предпріятію, не была бы вполне разрѣшена, еслибъ ограничиться только гимназическимъ курсомъ. При тѣхъ условіяхъ въ какихъ находится у насъ наука, ощутительная польза окажется только въ томъ случаѣ если то же заведеніе возьметъ на себя обязанность руководить своими воспитанниками въ ихъ факультетскихъ занятіяхъ, причемъ они могутъ отчасти посѣщать общія лекціи университета, отчасти слушать курсы спеціально для нихъ устроенные. Но всѣ эти подробности будутъ сообщены въ послѣдствіи: теперь, въ виду возможности открыть первые классы въ январѣ будущаго года, мы сочли нужнымъ заявить о нашемъ предположеніи лишь въ общихъ чертахъ.

Въ какихъ отношеніяхъ будемъ находиться къ этому заведенію мы, его учредители? Если правительство утвердитъ наши предположенія, то мы будемъ имѣть въ немъ право распоряженія, подлежащее правильному контролю на основаніяхъ установленныхъ закономъ. Но заведеніе не будетъ на-

шею собственностью, и съ намъ не должны соединяться никакія для насъ матеріальныя выгоды, такъ что оно ни въ какомъ отношеніи не будетъ имѣть характера промышленнаго предпріятія. Мы вносимъ въ его капиталъ свой личный вкладъ, отказываясь ото всякаго участія въ доходѣ, равно какъ и ото всякаго вознагражденія за трудъ который отъ насъ потребуется. Мы беремъ на себя ответственность въ направленіи дѣла по плану давно нами обдуманному и въ выборѣ лицъ достойныхъ и способныхъ нести педагогическія обязанности. Публичная дѣятельность наша по изданію *Московскихъ Вѣдомостей* будетъ много способствовать намъ при устройствѣ этого новаго общественнаго дѣла.

Мы были бы счастливы, еслибы Богъ судилъ намъ дождаться первыхъ плодовъ задуманнаго нами посѣва. Предполагаемое заведеніе должно, вмѣсто теоріи, представить опытъ полного примѣненія классической системы на русской народной почвѣ; оно послужитъ къ выработкѣ учебнаго плана и соответствующихъ ему учебниковъ, къ согласованію обученія съ воспитаніемъ, къ систематическому выбору педагогическихъ приемовъ, наконецъ, вообще къ самостоятельной постановкѣ русскаго педагогическаго дѣла; вмѣстѣ съ тѣмъ оно будетъ готовить къ жизни людей въ которыхъ особенно нуждается наше отечество, людей прошедшихъ крѣпкую и добрую школу, людей которые, въ своемъ званіи Русскихъ, были бы въ полной силѣ дѣтьми Европы. Европа есть то историческое человѣчество которое имѣетъ за собою богатое прошлое. Дальнѣйшее развитіе человѣчества совершается на основаніи этого великаго прошедшаго: высшее образованіе каждаго отдѣльнаго лица есть какъ бы повтореніе этого общаго процесса. Европейская школа есть классическая школа, основанная на изученіи обоихъ языковъ древней Европы, школа, которая, служа могущественнымъ средствомъ къ развитію и укрѣпленію умственныхъ силъ, параллельно съ физическимъ возрастаніемъ, въ то же время ставитъ своихъ воспитанниковъ на почву исторіи и вводитъ ихъ въ общее наследіе человѣчества.

9. Изъ статьи № 188 *Московскихъ Вѣдомостей* 1869 года.

Въ виду реформы предпринятой правительствомъ въ учебномъ планѣ нашихъ гимназій раздавались крики о гоненіи будто бы воздвигнутомъ противъ естествознанія.... Слѣшимъ поставить на видъ фактъ ясно говорящій что въ намѣреніяхъ правительства не только нѣтъ ничего непріязненнаго противъ наукъ столь полезныхъ и необходимыхъ (это было бы совершенно необъяснимою странностью), но напротивъ есть полная и усердная готовность пособять ихъ развитію и процвѣтанію. Въ на Московскомъ сѣздѣ естествоиспытателей отъ души рукоплескали рѣчи оказанной г. министромъ народнаго просвѣщенія, который нарочно прибылъ сюда для того чтобы присутствовать открытію сѣзда и мы не сомнѣваемся что она и въ обширной лублнкѣ прочтена съ такимъ же сочувствіемъ съ какимъ была встрѣчена слушателями. Министръ стоящій во главѣ учебнаго дѣла былъ поборникомъ мысли о сѣздахъ естествоиспытателей, взялся за ея осуществленіе и изыскалъ для этого денежное пособіе. Въ рѣчи своей онъ выражаетъ столь же просвѣщенное сколько горячее сочувствіе успѣхамъ естествовѣдѣнія, радуется добродѣи которае имѣлъ прошлагодній сѣздъ естествоиспытателей въ Петербургѣ, и заявляетъ о заботахъ правительства чтобъ эта отрасль знанія пользовалась у насъ всѣми благоприятными для своего развитія условіями.

Да и требуются ли увѣренія что правительство дѣйствиательно озабочено этимъ столь важнымъ предметомъ? Предъ нами факты говорящіе самымъ убѣдительнымъ образомъ. Въ одной Москвѣ, кромѣ состоящаго при университетѣ физико-математическаго факультета, который отъ полноты предметовъ преподаванія и отъ многочисленности преподавателей долженъ былъ распасться съ перваго курса до послѣдняго (чего впрочемъ нельзя одобрить) на два какъ бы особые факультета, математическій и естественный, — кромѣ медицинскаго факультета гдѣ также господствуютъ науки естественныя, — въ послѣднія лять, шесть лѣтъ, повторимъ, въ одной Москвѣ открыты правительствомъ два высшія учебныя заведенія, посвященныя исключительно тѣмъ же

наукамъ въ ихъ самыхъ спеціальныхъ примѣненіяхъ: Петровская Академія сельскаго хозяйства, пользующаяся всѣми правами университетовъ и обнимающая весь кругъ естественныхъ наукъ вмѣстѣ съ прикладными познаніями относящимися ко всѣмъ предметамъ сельскаго хозяйства, и Техническое Училище, пользующееся также правами высшего учебнаго заведенія и примѣняющее науки физико-математическія къ разнообразнымъ промышленнымъ производствамъ. Москва, какъ видимъ, снабжена высшими учебными заведениями посвященными разработкѣ и приложенію физико-математическихъ и естественныхъ наукъ не только изобильно, но быть-можетъ изобильнѣе чѣмъ нѣмцы изъ наиболѣе значительныхъ центровъ просвѣщенія въ Европѣ. Даже въ Берлинѣ нѣтъ столько высшихъ учебныхъ заведеній посвященныхъ этой области знанія.

Точно также правительство способствуетъ размноженію техническихъ школъ низшаго разряда, которыя во множествѣ потребуютъ учителей изъ людей занимающихся науками физико-математическими, что не можетъ остаться безъ вліянія на ихъ процвѣтаніе. Сколько извѣстно, Министерство Народнаго Просвѣщенія имѣетъ въ виду учрежденіе особаго рода школъ подъ именемъ городскихъ или реальныхъ, которыя также должны имѣть болѣе или менѣе техническое направленіе.

Что же касается реформы гимназій, то въ ней не только нельзя видѣть чего-либо неблагопріятнаго для наукъ физико-математическихъ, но напротивъ надобно признать что реформа эта клонится именно къ тому чтобы поставить ихъ развитіе въ наилучшія условія.

Мы всего лучше почтимъ теперь естественныя науки если при обсужденіи этого вопроса будемъ въ точности слѣдовать ихъ методу. Мы будемъ держаться исключительно факта, будемъ строго отличать доказанное фактомъ отъ недоказаннаго, не будемъ пускаться въ отвѣченныя разсужденія, воздержимся отъ гипотезъ и отъ заключеній не вытекающихъ непосредственно изъ положительныхъ данныхъ.

Положительный фактъ, вопервыхъ, есть то что естественныя науки разрабатываются въ Европѣ, именно въ Германіи, Франціи, Англіи и другихъ странахъ, которыя примыкаютъ къ этимъ по своему образованію. Тутъ началось развитіе естествознанія, тутъ достигло ондъ своей современной

вместы, тут вошло оно въ силу которая каждый день дѣлаетъ новыя завоеванія и покоряетъ разуму и чувствамъ человека новыя области. Математика, механика, астрономія, физика, химія, естественная исторія, физиологія, медицина, затѣмъ прикладныя техническія науки всѣхъ специальностей, имѣютъ въ этихъ странахъ главные центры свои и самыхъ многочисленныхъ, равно какъ и самыхъ сильныхъ дѣятелей. Это неоспоримо. Нѣтъ такой специальности физико-математическаго знанія, нѣтъ такой вѣтви приложенія естественныхъ наукъ къ промышленности которая не имѣла бы тамъ своихъ главныхъ двигателей и руководителей. Нельзя учиться этимъ наукамъ, не только достигнуть въ нихъ мастерства, безъ помощи свѣта который оттуда проливается, и все что дѣлается по этой части на всѣхъ другихъ пунктахъ земнаго шара отнюдь не составляетъ какой-либо своей особой системы, а ощущается и получаетъ значеніе лишь въ связи общей системы которой средоточіе находится тамъ и которая во всѣхъ своихъ частяхъ только тамъ имѣетъ полное и самостоятельное развитіе. Впрочемъ мы напрасно настаиваемъ на этомъ фактѣ: онъ такъ положительнъ, такъ бросается въ глаза всякому, хотя немного знакомому съ вопросомъ, что распространяться о немъ значило бы пустословить. Пусть, кому угодно, разсуждаютъ о томъ гнѣетъ или не гнѣетъ Заладъ, какова его философія, сколько дней остнется прожить его культуру, — относительно физико-математическихъ и естественныхъ наукъ подобныя разсужденія вовсе не могутъ имѣть мѣста. Нельзя сказать что гдѣ-нибудь имѣется своего рода математика или физика созданная особыми мѣстными обстоятельствами или обусловленная особымъ характеромъ той или другой народности. Если можно желать чтобы у насъ была на примѣръ своя политическая экономія или чтобы финансы наши управлялись иными законами чѣмъ въ другихъ странахъ міра, или что общественныя науки должны разрабатываться у насъ на основаніяхъ только намъ свойственныхъ, — то относительно математическихъ и естественныхъ наукъ всѣ подобныя толки были бы слышкомъ очевидною нелѣпостью. Правда, науки эти имѣютъ предъ собою неопредѣляемую перспективу совершенствованія; но онѣ могутъ развиваться только на основаніи того что сдѣлано, онѣ могутъ совершенствоваться только

продолжалась, а не прерывалась. Прерывъ въ ихъ развитіи былъ бы упадкомъ. Еслибы какая-нибудь непредусмотримая здравымъ разумомъ катастрофа уничтожила міръ этихъ наукъ въ ихъ современномъ состояніи, стерла бы съ лица земли все нынѣ живущее поколѣніе мастеровъ и работниковъ этого дѣла, истребила бы всю его литературу и всѣ его орудія, то людямъ которые бы послѣ того народились пришлось бы изъ поколѣнія въ поколѣніе, вѣками трудовъ, добывать опять ту же самую математику, физику, и пр., или остаться по этой части ни при чемъ.

До преобразованій Петра Великаго, которыя ввели наше отечество въ систему европейскихъ государствъ, у насъ никакихъ наукъ не было, и едва-едва поддерживалась, да и то только въ высшихъ слояхъ общества, простая грамотность. Прежде чѣмъ могла сказаться въ отдѣльныхъ умахъ потребность знанія, необходимость новаго государственнаго положенія, которое заняла Россія, побудила правительство слѣшить всячески пользоваться плодами европейской науки. Надобно было имѣть флотъ, правильно организованную армію, болѣе сложный и искусственный механизмъ управленія, многія техническія производства. О томъ чтобы самимъ производить науку не могло быть еще и рѣчи; но требовалось настоятельно чтобы мы были въ состояніи пользоваться ея указаніями. Во что бы то ни стало нужно было заводить у себя порядки въ которыхъ ея содѣйствіе было неизбѣжно. Некогда было разбирать своими ли, чужими ли руками оказывалось намъ это содѣйствіе. Вопросъ о просвѣщеніи, о наукѣ, былъ впереди; ближайшею заботой правительства были настоятельныя надобности государства. Выискивались иностранные ученые и мастера, отправлялись за границу молодые люди, учреждались учебныя заведенія, но при этомъ руководящею цѣлью было поскорѣе и какъ-нибудь готовить людей годныхъ къ тому или другому дѣлу требующему нѣкоторыхъ спеціальныхъ свѣдѣній. Правительство расходовало значительныя суммы на учебное дѣло, и такъ какъ физико-математическія науки требовались болѣе чѣмъ всякія другія для непосредственнаго примѣненія, то для обученія этимъ наукамъ и для пособія имъ были главнымъ образомъ употребляемы средства казны опредѣленныя на дѣло просвѣщенія. Наша казна расходуетъ на учебное дѣло и преимуще-

ственно на высшее образованіе отнюдь не менѣе чѣмъ на тотъ же предметъ расходуется въ той или другой странѣ Европы. Наши университеты и другія наши высшія училища, равно какъ и приготовительныя къ нимъ школы, пользуются всѣми удобствами хорошаго и нерѣдко великозалазнаго помѣщенія. Профессора и учителя получаютъ весьма удовлетворительное содержаніе; ученые корпораціи пользуются весьма цѣнными преимуществами; у насъ есть превосходныя обсерваторіи и лабораторіи, богатые музеи и кабинеты. Во всемъ этомъ мы сравнялись съ передовыми странами Европы; но можно ли сказать чтобы состояніе наукъ въ нашемъ отечествѣ было на одномъ уровнѣ съ состояніемъ ихъ въ Англіи, Франціи и Германіи? У насъ, славу Богу, есть уже не мало людей которые посвящаютъ имъ свой трудъ: есть люди высоко даровитые, пользующіеся всеобщимъ и заслуженнымъ уваженіемъ по той или другой спеціальности. Но одна ласточка, какъ говорится, весны не дѣлаетъ; весны не дѣлаютъ и нѣсколько ласточекъ. Общее состояніе наукъ у насъ даже приблизительно не подходитъ къ той силѣ какую обнаруживаютъ онѣ въ остальной Европѣ. Это также неоспоримо. За нѣкоторыми исключеніями, которыя въ расчетъ не идутъ, мы въ дѣлѣ науки находимся къ западной Европѣ въ отношеніяхъ ученическихъ. Говоря вообще, наши ученые всѣхъ спеціальностей не болѣе какъ ученики чужихъ ученыхъ. Мы учимся по ихъ книгамъ, которыя не всегда и переложить на свой языкъ умѣемъ вполнѣ отчетливо и удовлетворительно; отъ нихъ получаемъ всѣ наши ученые пособія; въ ихъ школахъ ищемъ усовершенствованія себя по разнымъ спеціальностямъ; а еще не было примѣра чтобы изъ Германіи, Франціи или Англіи пріѣзжали къ намъ ученые доучиваться той или другой спеціальности. Мы не овладѣли ни одною отраслью знанія такъ чтобы чувствовать себя полными въ ней хозяевами и мастерами, чтобы стоять во главѣ ея и собственнымъ трудомъ двигать ее впередъ. Вообще мы не можемъ похвалиться чтобы страна наша отличалась количествомъ и качествомъ умственного труда, къ сферѣ котораго принадлежатъ всѣ науки. Труда у насъ, какъ и вездѣ, дѣлается много, только не того какимъ вырабатывается знаніе. Умственного труда у насъ крайне мало, да и тотъ какой есть, говоря вообще, не только посредственной,

но весьма низкой пробы. До сихъ поръ мы не идемъ даже того чтобы только быть въ состояніи житьяся трудами чужаго труда, мало-мальски сѣдять за уроками иностранцевъ, и съ грѣхомъ пополамъ примѣнять къ своимъ надобностямъ результаты ихъ изслѣдованій, ихъ изобрѣтенія и открытія.

Что же намъ дѣлать чтобы выйти изъ этого состоянія умственной подчиненности? Что дѣлать для того чтобы самимъ стать мастерами и учителями? Вызывать иностранныхъ ученыхъ? Но мы уже это дѣлали и продолжаемъ дѣлать это въ большихъ размѣрахъ. Посылать нашихъ ученыхъ доучиваться въ иностранные университеты? Но мы и это дѣлали и дѣлаемъ. Размножать учебныя заведенія и разныя удобства для занятія наукой? И это также мы дѣлали и дѣлаемъ. Нѣтъ сомнѣнія что дальнѣйшее размноженіе, говоря высокимъ слогомъ, храмовъ посвященныхъ наукѣ есть дѣло весьма желательное; но всякій пойметъ что въ вопросъ который насъ занимаетъ рѣшающее значеніе не въ количествѣ, а въ качествѣ.

Возникаетъ вопросъ: не слѣдуетъ ли намъ озаботиться не только увеличеніемъ количества, но и улучшеніемъ самаго качества своихъ заведеній посвященныхъ дѣлу науки?

Найдутся люди которые быть-можетъ екажутъ что мы самою природою обречены на вѣчное ученичество, и что мы никоимъ способомъ не можемъ подняться на высоту ответственнаго труда. Не будемъ спорить съ этими господами, но не будемъ же и такъ глупы чтобы принимать мнѣніе за доказанную истину. Во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ мы рѣшились бы произнести такой приговоръ надъ собой, мы не должны оставлять ни одного пункта въ вопросѣ неразъясненнымъ и никакого средства неиспытаннымъ.

Мы все съ бѣльшимъ усердіемъ старались заимствовать у иностранцевъ, но до сихъ поръ не достаточно озаботились тѣмъ чтобы поставить себя въ равныя съ ними условія для приготовления себя къ занятію наукой. Наука не въ воздухѣ носится; она дѣлается въ людяхъ. Люди суть ея органы и сосуды. Какъ и всякое дѣло, она требуетъ возможно лучше приспособленныхъ органовъ. Какъ и вездѣ, у насъ есть люди болѣе или менѣе способные отъ природы; но можемъ ли мы сказать чтобы наши будущіе ученые, наши будущіе умственные дѣятели, были также приготовлены къ своему назначенію какъ въ тѣхъ странахъ откуда мы получаемъ пособия

наукъ и съ которыми желали бы поравняться въ умственномъ дѣлѣ? Предметъ этотъ заслуживаетъ не только вниманія, но и изученія, точно такого же какое натуралистъ посвящаетъ предмету своихъ изслѣдованій.

Не всякій тотчасъ же можетъ приступить къ занятію наукой. Берется въ расчетъ и возрастъ, и постепенность умственного развитія. Есть возрастъ когда еще рано учиться грамотѣ. Точно также и взрослому надобно прежде выучиться грамотѣ для того чтобы потомъ учиться еще чему-нибудь въ школѣ. Все это само собой очевидно. Если мы введемъ въ наши факультеты воспитанниковъ уѣзднаго училища, безо всякаго дальнѣйшаго приготовленія ихъ, то мы весьма естественно уронимъ уровень науки въ факультетахъ, или невольно будемъ набивать головы нашихъ импровизованныхъ студентовъ сумбуромъ. Сказанное служить какъ бы увеличительнымъ стекломъ для того чтобъ яснѣе рассмотреть дѣло. Въмѣсто уѣзднаго училища мы можемъ поставить плохую гимназію: недѣлю не будетъ такъ рѣзко бросаться въ глаза, но останется въ силѣ тотъ фактъ что плохо приготовленные студенты выйдутъ плохими учеными и въ совокупности страшно уронятъ уровень науки.

Если потребность самостоятельнаго умственного труда становится у насъ дѣйствительною потребностью, то надобно прежде всего озаботиться средствами удовлетворительнаго приготовленія къ этому дѣлу. Приготовленіе къ высшей наукѣ есть своего рода специальность. Если для всякаго дѣла желательно имѣть свою особую подготовку, то для развитія способности къ умственному труду не можетъ не быть особаго способа. Не всякія учебныя заведенія могутъ вести къ этой цѣли, но именно такія которыя исключительно къ ней приспособлены. Это мы видимъ у тѣхъ народовъ которые стоятъ во главѣ умственного движенія, и у которыхъ дѣло науки достигаетъ своего наивысшаго современнаго развитія. Тамъ именно есть школы специально назначаемыя къ тому чтобы готовить людей по преимуществу къ умственному труду. Силой этихъ школъ опредѣляется высота и достоинство труда, для котораго онѣ вырабатываютъ элементы. Прежде всего берется въ расчетъ время. Школа имѣющая своимъ назначеніемъ готовить умственные способности должна имѣть достаточное для этого время. Такое приготовленіе не можетъ быть скороспѣлымъ. Мы видимъ что въ

странахъ гдѣ процвѣтаетъ наука существуютъ долговременныя школы для приготовленія къ ней. Но одного времени недостаточно. Необходимо чтобы время было употреблено съ пользой. Требуется чтобы эти приготовительныя школы, постепенно, выѣсть съ физическимъ возрастаніемъ, воспитывали, укрѣпляли и развивали умственныя силы учащихся. Къ занятію науками въ факультетахъ требуется не только зрѣлый возрастъ, но и достаточная умственная зрѣлость. Первоначальное ученіе можетъ начинаться съ шестилѣтняго возраста. Но это первоначальное ученіе не входитъ въ систему спеціальнаго приготовленія къ дѣлу науки. Приготовленіе къ этому начинается съ того пункта гдѣ кончается первоначальное ученіе. Оно начинается отнюдь не ранѣе десятилѣтняго возраста и продолжается десять, девять, никакъ не менѣе восьми лѣтъ. Школы эти въ разныхъ странахъ Европы носятъ разные названія; въ Германіи онѣ называются гимназіями. Названіе это усвоено и нами, хотя у насъ оно было отнесено къ учебнымъ заведеніямъ не имѣющимъ по своему учебному плану ничего общаго съ европейскими гимназіями.

Итакъ, въ тѣхъ странахъ образованнаго міра гдѣ науки вообще, а науки математическія и естественныя въ особенности, представляютъ наивысшую степенъ развитія, требуется, сверхъ первоначальнаго обученія, еще не менѣе девяти или по крайней мѣрѣ восьми лѣтъ особаго рода ученія имѣющаго своею цѣлю готовить людей достаточно зрѣлыхъ къ факультетскимъ занятіямъ. Въ факультеты не допускается никто не кончившій курса именно въ этихъ школахъ.

Теперь спрашивается, какой въ этихъ школахъ принять учебный планъ? Въ чемъ заключается ихъ учебная организація? Въ разныхъ странахъ, одинаково достигающихъ наивысшаго современнаго уровня въ дѣлѣ наукъ, есть нѣкоторыя разности въ педагогическихъ воззрѣніяхъ, нѣкоторыя отличія въ устройствѣ учебныхъ заведеній, нѣкоторыя особенности въ самомъ учебномъ планѣ принятомъ въ школахъ соответствующихъ гимназіямъ; но какъ въ Англіи, такъ во Франціи и Германіи школы эти имѣютъ одну общую особенность. Учебныя занятія въ нихъ сосредоточены на обоихъ древнихъ языкахъ, къ которымъ, въ большей или меньшей степені, присоединяется математика. Прочихъ учебныхъ предметовъ допускается не много, и преподаются они

въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ. На древніе языки посвящается въ этихъ школахъ до 16 уроковъ въ недѣлю. Воспитанники, начиная отъ десятилѣтняго возраста, въ продолженіе цѣлаго ряда годовъ, до 18, 19 и 20 лѣтъ, изо дня въ день, непрерывно возвращаются къ главнымъ предметамъ школы. Прочіе предметы, кромѣ математики, вовсе не считаются удобными для того чтобы на нихъ сосредоточивать учебныя занятія, а потому никакой силы приготвленія и умственнаго воспитанія въ нихъ не полагается. Они служатъ только дополненіемъ общаго образованія и не идутъ выше поверхностныхъ свѣдѣній для общежитейскаго обихода.

Итакъ, вотъ фактъ и притомъ самый положительный. Воздержимся отъ разсужденій и возьмемъ этотъ фактъ во всей его положительности, dans toute sa brutalité. Въ тѣхъ странахъ гдѣ математическія и естественныя науки достигаютъ наивысшей стелени своего современнаго развитія, къ занятію оными въ факультетахъ допускаются только воспитанники той школы которая въ основаніи своего учебнаго плана имѣетъ древніе языки и сосредоточиваетъ на нихъ ежедневныя занятія въ продолженіе 9 или до крайней мѣрѣ 8 лѣтъ. Школа съ болѣе сокращеннымъ курсомъ считается для этого негодною; также считается негодною для этой цѣли, хотя и столь же долговременная и даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ подходящая къ типу классической школы, но не вполне соответствующая ея требованіямъ (напримѣръ ограничивающаяся только однимъ латинскимъ языкомъ). Итакъ, воспитанники никакой другой школы кромѣ строго-классической вовсе не допускаются къ университетскимъ занятіямъ. Всякій можетъ имѣть объ этомъ какое угодно сужденіе; инымъ, пожалуй, это можетъ казаться странною или неаппетитною; но совершенно положительный фактъ заключается въ томъ что классическая школа *не препятствуетъ* тѣмъ народамъ у которыхъ она господствуетъ держаться на высотѣ умственнаго развитія и превосходить предъ всеми именно въ наукахъ математическихъ и естественныхъ. Мы держимся правила обязательнаго для людей занимающихся науками математическими и естественными; мы хотимъ быть крайне воздержны въ выраженіяхъ; мы не хотимъ позволять себѣ никакого сужденія которое не покрывалось бы совершенно фактомъ. Мы говоримъ: классическая школа *не препятствуетъ* наивысшему развитію математическихъ и есте-

ственныхъ знаній, то-есть: классическая школа совмѣстна съ онымъ. Противъ этого еще менѣе можно спорить чѣмъ противъ того факта что земля обращается вокругъ солнца. Затѣмъ мы считаемъ себя въ правѣ сдѣлать заключеніе въ той же силѣ какъ дѣлаются заключенія натуралистами: весьма вѣроятно, скажемъ мы, что классическая школа и есть именно причина того высокаго развитія наукъ вообще, а математическихъ и естественныхъ въ особенности, какое мы усматриваемъ тамъ гдѣ эта школа господствуетъ. Заключеніе это получаетъ наивысшую степень вѣроятности, если сообразимъ что именно въ этихъ странахъ означенныя науки производятся, между тѣмъ какъ въ другихъ, гдѣ такой школы не имѣется или гдѣ она организована слабѣе, науки эти или вовсе не разрабатываются, или стоятъ на низкомъ и ученическомъ уровнѣ. Замѣчательнѣе еще слѣдующій фактъ: когда въ тѣхъ странахъ гдѣ господствуетъ классическая школа дѣлались попытки замѣнить ее иною учебною системою, попытки эти кончались жалкою неудачей, и классическая школа возстановлялась самою силой вещей. Это бывало во Франціи, странѣ революцій. Первая революція разрушила школу, какъ и многое другое; но классическая школа не замедлила возвратиться во всей своей силѣ. Другая революція, въ той же странѣ, имѣла также своимъ послѣдствіемъ учебную реформу которая клонилась къ ослабленію классической системы. Въ 1862 году министръ императора Наполеона III, послѣ *супр д'ѣтат*, г. Фортуль, старый сенъ-симонистъ, возымѣлъ мысль сократить срокъ классическаго ученія для тѣхъ воспитанниковъ лицеевъ (гимназій) которые предызбрали бы себѣ физико-математическій или медицинскій факультетъ. Г. Фортуль ввелъ во французскихъ лицеехъ такъ-называемую *бифуркацію*: въ трехъ высшихъ классахъ воспитанники раздѣлялись, и одни продолжали заниматься попрежнему древними языками, а другіе, будущіе спеціалисты по математическимъ и естественнымъ наукамъ, увольнялись отъ сосредоточенныхъ занятій древними языками и обращались на занятія естественными науками, такъ что они безъ аттестата классической школы (то-есть безъ экзамена на *бакалавра ès lettres*) могли поступать въ высшее учебное заведеніе, предызбранное ими еще въ дѣтствѣ. Система эта держалась во Франціи съ небольшимъ девять лѣтъ. Послѣдствіемъ ея, по общему сознанію, было пониженіе не только общаго со-

отдѣлія наукъ, но именно наукъ естественныхъ. Прежде всего формально протестовали противъ этого нововведенія медицинскіе факультеты. Попытка признанная вредною была брошена, и французское законодательство восстановило въ 1864 году во всей силѣ классическую школу. Сію минуту во Франціи идетъ рѣчь о томъ чтобъ еще болѣе сосредоточить учебный планъ лицеевъ (гимназій) на древнихъ языкахъ, и отчасти исключитъ вовсе или сократить до minimum преподаваніе другихъ предметовъ, которые и безъ того занимаютъ весьма малое мѣсто въ учебномъ планѣ французскихъ лицеевъ (см. свѣдѣнія сообщенныя объ учебномъ планѣ французскихъ лицеевъ въ Лицейскомъ Календарѣ на 1869—70 годъ).

Наконецъ, при анализѣ болѣе подробномъ, предположеніе имѣющее высшую степень вѣроятности превращается въ доказанную истину. Мы не имѣемъ возможности лускаться теперь въ такой анализъ и ограничимся только указаніемъ еще на одно обстоятельство, которое хотя и косвенно, но вполнѣ убѣждаетъ въ этомъ. Мы знаемъ что весь цвѣтъ науки въ передовыхъ странахъ Европы выходитъ исключительно изъ классической школы: можно ли допустить что эти двигатели науки потратили дорогую пору своего отрочества на занятія безплодные, которыя ежедневно поглощали почти все учебное время ихъ въ продолженіе 8—10 лѣтъ? Либо сосредоточеніе учебныхъ занятій на древнихъ языкахъ имѣетъ въ себѣ дѣйствительную воспитательную силу, какая требуется для науки, либо надобно допустить что цвѣтъ европейской науки есть пустоцвѣтъ, и что ея двигатели суть величайшія въ мірѣ неспособности. Надобно взять при этомъ въ соображеніе что другіе учебные предметы, кромѣ математики, преподаются въ тѣхъ школахъ гдѣ эти ученые готовились, какъ выше сказано, въ самой незначительной силѣ и степени, и даже не вездѣ обязательно.

Кто-нибудь спроситъ: неужели нельзя найти другаго способа, кромѣ такъ-называемой классической системы, для того чтобы возводить молодые умы къ той зрѣлости которая требуется наукой въ ея высшемъ развитіи? Можно ли найти другой способъ или нѣтъ, мы предоставляемъ всякому рѣшить по-своему; но вѣрно то что на дѣлѣ нѣтъ другаго способа, а относительно очевиднаго факта никакой споръ невозможенъ.

Возвращаемся, въ заключеніе, къ нашей учебной реформѣ. Правительство предположило устроить приготовительныя къ университету школы, и законодательство наше признало тѣ самыя учебныя начала какія господствуютъ у народовъ наиболѣе отличающихся въ разработкѣ наукъ математическихъ и естественныхъ, равно какъ и всякаго технического дѣла черпающаго свою силу въ этихъ наукахъ. Наши гимназій до своему учебному плану были училищами какія ни въ одной изъ образованныхъ странъ Европы не считаются годными для приготовленія къ университету, и принадлежали къ разряду тѣхъ какія тамъ назначаются для образованія людей не предназначающихъ себя къ умственной или научной дѣятельности, а къ профессіямъ болѣе скромнымъ, и приспосаблиются именно для этого назначенія подъ именемъ реальныхъ и т. п. училищъ. Нынѣшняя учебная реформа нашихъ гимназій ставитъ ихъ въ одну категорію съ тѣми учебными заведеніями въ Европѣ которыя готовятъ тамъ будущихъ математиковъ, натуралистовъ, медиковъ, точно такъ же какъ будущихъ юристовъ, администраторовъ, богослововъ, и т. п. Учебная реформа нѣсколько приблизитъ учебный планъ нашихъ гимназій къ типу общеевропейской классической школы. Кто же изъ людей добросовѣстныхъ и сколько-нибудь смыслящихъ дѣло можетъ видѣть въ этой реформѣ мѣру неблагопріятную для наукъ вообще и для наукъ естественныхъ въ особенности? Напротивъ, эта реформа имѣетъ своею цѣлью положить у насъ начало ихъ самостоятельному развитію. До сихъ поръ мы только подражали, заимствовали, находились подъ флагомъ иностранныхъ учителей и литаались крутицами отъ чужой трапезы; теперь живо чувствуется нами потребность попытаться стать на свои ноги. Для этого необходимо было, по указаніямъ педагогическаго опыта, обратиться къ корню дѣла и выкинуть въ условія воспитанія приготовляющаго умы къ наукъ. Выпускной изъ-за границы учителей и ученыхъ пособій потребность эта не можетъ быть удовлетворена; необходимо было преобразовать наши среднеучебныя заведенія принадлежація къ университетской системѣ, и создать школу равносильную той въ которой иностранцые учителя сами готовятся къ своему призванію. Необходимо чтобы тѣ силы которыя мы у себя подготавливаемъ для науки были такъ же крѣпки и способны къ умственному труду какъ тамъ

гдѣ наука дѣлается. Дабы не оставаться въ постоянной зависимости отъ иностранныхъ учителей, надобно самимъ учиться такъ же крѣпко какъ они. Прежде чѣмъ обречь себя на вѣчное ученичество, попытаемся воспитывать нашихъ дѣтей, назначаемыхъ къ высшему образованію, такъ же вѣторопливо, постепенно и серьезно какъ это дѣлается въ другихъ странахъ,—и вотъ тогда посмотримъ далеко ли мы будемъ отставать отъ нашихъ учителей...

10. Изъ статьи № 99 *Московскихъ Вѣдомостей* 1871 года.

Въ настоящее время у насъ нѣтъ вопроса равнаго по важности учебной реформѣ, которая предпринята правительствомъ за десять лѣтъ предъ симъ, но только теперь близится къ совершенію. Есть люди, и ихъ не мало, которые не вѣрятъ въ будущность русскаго народа и видятъ въ государствѣ созданномъ его исторіей мимоидущую случайность. Глумятся надъ нашимъ прогрессомъ, не вѣрятъ въ прочность нашихъ новыхъ порядковъ, говорятъ что они созидаются на пескѣ, что они не выдержатъ завтрашняго дня и исчезнутъ какъ призракъ. Какой отвѣтъ дадимъ мы на это? Отвѣтъ на это должна дать наша учебная реформа.

Къ счастью, вопросъ о которомъ идетъ рѣчь можетъ быть ясенъ для всякаго здраваго ума какъ скоро онъ ищетъ только истины и, понимая важность вопроса, серьезно захочетъ войти въ него. Для этого не нужно ни обширной учености, ни уточненныхъ умозрѣній; нужно только чувство истины, нужно только дѣйствительное желаніе убѣдиться, нужно только выпутаться изъ хитросплетенія словъ которыя окружили этотъ вопросъ тьмою софизмовъ, обмановъ, лжепредставленій; нужно только прямо и честно взглянуть ему въ лицо. Слова служатъ человѣку для выраженія мыслей, но они же употребляются на то чтобы затемнять и скрывать ихъ. Нужна критика, нужны нѣкоторыя усилія чтобы выпутаться изъ словъ и добраться до дѣла.

Наука стала въ наше время господствующею силою; все ищетъ ея содѣйствія, ея союза, и все вынуждено считаться съ нею. Если никакое государство не можетъ отставать отъ другихъ въ военномъ отношеніи, то еще менѣе позволительно отсталость въ наукѣ. Народъ не дѣлающій усилій срав-

няться съ другими въ умственномъ отношеніи, народъ обрекающій себя на вѣчныя ученическія отношенія къ другимъ народамъ, тѣмъ самымъ отрекается отъ права на самостоятельное существованіе. Никакая народность не можетъ заслуживать уваженія и услѣвать въ какомъ бы то ни было дѣлѣ, если она не находитъ въ самой себѣ высшей мѣры умственныхъ требованій и не обладаетъ достаточнымъ запасомъ силъ для самостоятельной производительности въ дѣлѣ мыслі, разумѣнія, знанія. Въ прежнее время мы боялись ума и видѣли въ наукѣ опасность; мы считали нужнымъ не возвышать, а понижать ея уровень: теперь наступила иная пора. Послѣ тѣхъ великихъ преобразованій которыя совершились въ нашемъ отечествѣ въ эти немногіе послѣдніе годы, невозможно оставаться при прежнемъ возрѣваніи на науку. Теперь требуется употребить всѣ усилія чтобы возвысить уровень нашего образованія и дать интересу науки полное удовлетвореніе. Вотъ почему при самомъ началѣ нашихъ реформъ возникла мысль и объ учебной реформѣ. Эта реформа есть государственная мѣра въ высшей степени либеральная, ибо она имѣетъ своею цѣлью возвысить дѣло науки въ нашей средѣ, а наука есть принципъ и сила всякаго прогресса въ наше время. Но она точно также есть мѣра въ высшей степени консервативная, ибо какъ для человека, такъ и для обществъ человѣческихъ нѣтъ ничего вреднѣе и опаснѣе какъ господство полуобразованія, поверхностнаго знанія и незрѣлой науки. Только наука можетъ возвысить наши матеріальныя средства; только она же, въ своей зрѣлости, можетъ въ наше тревожное и исполненное движеній время защитить насъ отъ всякихъ лжеученій.

Забота о наукѣ есть одна изъ самыхъ священныя обязанностей государства. Кто говоритъ что государство должно сложить съ себя эту заботу и предоставить дѣло науки случайностямъ жизни и игрѣ общественныхъ интересовъ, тотъ самъ не знаетъ что говорить. Государство можетъ предоставить частнымъ людямъ и обществамъ всякую свободу въ дѣлѣ науки, но оно должно узаконять и возводить въ силу только то что признаетъ согласнымъ съ высшими требованіями самой науки и съ дѣйствительною пользою страны. Тамъ гдѣ дѣло идетъ объ интересѣ науки, государство не должно дѣлать никакихъ, въ ущербъ ей, уступокъ чему бы то ни было, иначе оно погубитъ себя, а вмѣстѣ и всѣ великіе интересы вѣрныя его охранѣ.

Но что такое высшія требованія науки? Въ чемъ они заключаются? Гдѣ видимый признакъ науки въ высшемъ значеніи этого слова? Приведемъ дѣло къ самому простому представленію. Наука въ высшемъ значеніи этого слова есть та которая служить предметомъ занятій не для дѣтей, а для людей зрѣлыхъ. А потому государство въ интересѣ науки и собственнаго благосостоянія должно лаче всего заботиться о томъ чтобы подрастающія поколѣнія которыя готовятся къ занятію науками въ зрѣломъ возрастѣ становились и въ умственномъ отношеніи достаточно къ тому зрѣлыми. Оно не вторгается въ вѣдра семействъ и не обязываетъ родителей непременно воспитывать дѣтей своихъ такъ или иначе, но оно устанавливаетъ нормы и указываетъ тотъ или другой путь общественнаго воспитанія; оно, и только оно, можетъ опредѣлять степень умственной зрѣлости согласной съ высшими требованіями науки.

Чѣмъ можетъ руководствоваться правительство для установленія нормы умственнаго воспитанія необходимаго для зрѣлаго занятія спеціальными науками? Произволь здѣсь не умѣстень; слѣдовать чѣмъ-нибудь мнѣніямъ, какъ бы ни казались они остроумны, основательны и убѣдительны,—опасно. Всякая ошибка въ этомъ дѣлѣ можетъ сопровождаться пагубными послѣдствіями, и всякій экспериментъ надъ цѣлою страной въ этомъ отношеніи былъ бы дѣломъ невольнымъ, скажемъ болѣе—преступнымъ. Чѣмъ же въ этомъ отношеніи должно руководиться правительство той страны гдѣ дѣло науки есть дѣло новое, гдѣ она только что вводится въ свои права? Ничѣмъ инымъ какъ несомнѣнно дознаннымъ фактомъ, какъ опытомъ тѣхъ странъ гдѣ наука достигаетъ своего наивысшаго уровня. Все имѣетъ свою причину; состояніе науки имѣетъ свою причину въ состояніи той школы которая приготавливаетъ къ ней молодые умы. Науку дѣлаетъ умъ, и какова зрѣлость посвященныхъ ей умственныхъ силъ, такова и сила развитія науки. Наука не въ воздухѣ носится; она не въ книгахъ содержится: написанное въ книгѣ есть только символъ мысли, а не самая мысль. Наука живетъ и развивается въ умахъ людей которые ею занимаются; надобно отложить всякое предвзятое мнѣніе, всякіе предубѣжденія и предразсудки, и согласно законамъ самой науки прежде всего ознакомиться съ усло-

віями ея развитія посредствомъ правильнаго и всесторонняго изученія дѣйствительнаго положенія дѣла.

Оказывается что вездѣ гдѣ наука достигаетъ наивысшей силы она имѣетъ одну и ту же подготовительную къ ней школу. Присматриваясь ближе, мы открываемъ что несмотря на всѣ различія и противоположности между цивилизованными народами міра, повсюду господствуетъ одинъ и тотъ же типъ школы приготовляющей умственные силы съ дѣтскаго возраста до зрѣлаго юношества къ занятію всѣми спеціальностями знанія. Только одинъ типъ средней школы считается повсюду лолоправнымъ, только онъ есть корень всѣхъ спеціальностей безъ исключенія, только онъ признается общеобразовательною въ научномъ отношеніи школы. Школа эта носитъ въ разныхъ странахъ разные названія, а у насъ она извѣстна главнымъ образомъ подъ именемъ гимназіи. Имя это усвоено ей въ Германіи и оттуда перешло къ намъ. Но, къ сожалѣнію, перешло только имя и, какъ всегда бываетъ съ пустымъ словомъ, имя это распространилось у насъ на многое разнородное и утратило опредѣленное значеніе.

Теперь слѣдуетъ обратить вниманіе на учебный курсъ этой школы которую мы будемъ называть гимназіей, въ томъ опредѣленномъ значеніи этого слова какое оно имѣетъ въ Германіи. Гимназія беретъ мальчика изъ элементарной школы и ведетъ его, въ продолженіе восьми, девяти даже десяти лѣтъ, до зрѣлаго юношества, и затѣмъ отпускаетъ какъ зрѣлаго, какъ слособнаго къ занятію тою или другою изъ всѣхъ возможныхъ спеціальностей знанія какую онъ самъ пожелаетъ избрать себѣ. На чемъ же школа эта сосредоточиваетъ учебныя занятія своихъ воспитанниковъ во все продолженіе своего продолжительнаго курса? Главнымъ образомъ на двухъ языкахъ принадлежавшихъ двумъ исчезнувшимъ съ лица земли народамъ, съ которыхъ началась исторія Европы и которыхъ культура легла въ основу всему послѣдующему развитію образованнаго человѣчества. Къ этимъ двумъ языкамъ и ихъ литературамъ присоединяется общая или начальная математика, и эти предметы составляютъ существенную и неотъемлемую принадлежность учебнаго плана общеобразовательной школы съ научнымъ характеромъ. Всѣ прочіе предметы преподаются въ ограниченныхъ размѣрахъ: отечественный языкъ преподается лишь съ цѣлію регулировать

его употреблеиіе, такъ какъ учащіеся всего лучше овладѣвають имъ въ борьбѣ съ древними языками; преподаваніе другихъ предметовъ, невозможное въ этомъ возрастѣ, не допускается, а берутся изъ нихъ элементарныя, популяризованныя познанія, служащія дополненіемъ курса и составляющія подвижной и измѣнчивый элементъ учебнаго плана этой школы. Древнимъ языкамъ и ихъ литературамъ посвящается приблизительно половина, и даже болѣе, всего учебнаго времени воспитанниковъ этой школы; ими занимаются они непрерывно, изо дня въ день, во все продолженіе ея курса.

Мы изложили не чье-либо мнѣніе, не теорію, не проектъ какого-либо мудреца. Это фактъ и притомъ не отдѣльный и случайный, а всеобщій. Этотъ фактъ надобно признать во всей его силѣ, и отъ него нельзя отвергнуться никакими доводами. Еслибы древніе языки входили въ учебный планъ европейскихъ гимназій въ незначительныхъ размѣрахъ, то нельзя было бы сдѣлать никакого положительнаго вывода. Но, какъ сказано, на этотъ предметъ употребляется приблизительно половина или болѣе всего учебнаго времени школы, и мы имѣемъ возможность придти къ несомнѣнному убѣжденію. Еслибы школа о которой идетъ рѣчь при такомъ употребленіи учебнаго времени не была причиною процвѣтанія наукъ, то она неизбѣжно была бы причиною ихъ упадка. Это очевидно. Безполезная трата такой массы времени въ той самой школѣ которая служитъ приготовленіемъ къ занятію спеціальными науками, должна была бы сопровождаться самыми печальными послѣдствіями какъ для общей культуры, такъ и для всѣхъ отраслей знанія. Очевидно что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ случайнымъ, а съ существеннымъ отношеніемъ. Очевидно что вышеописанный учебный планъ гимназій, господствующій въ наиболѣе прогрессивныхъ странахъ міра, дѣйствительно условливаетъ развитіе науки. Такъ какъ всеми услѣхами наукъ и усѣхами всѣхъ наукъ въ наше время мы обязаны по преимуществу людямъ этой школы, такъ какъ только эти люди стоятъ во главѣ всѣхъ спеціальностей знанія тамъ гдѣ онѣ достигаютъ своего наивысшаго уровня, такъ какъ тамъ эти люди и производятъ, и преподаютъ, и распространяютъ науку, такъ какъ имъ по преимуществу достаются тамъ всѣ такъ-называемыя либеральныя профессіи и вѣряются всѣ важнѣйшія

дѣла которыя требуютъ знанія, разумѣнія и критической осмотрительности, то стало-быть школа, въ которой эти люди созрѣвали съ дѣтства, достигаетъ своего назначенія и исполняетъ свое дѣло, значить высшимъ требованіямъ науки и умственного развитія въ современномъ мірѣ соответствуетъ именно этотъ типъ средней учебной школы. Отсюда слѣдуетъ что если мы хотимъ возвысить уровень нашей культуры, то должны прежде всего озаботиться установленіемъ у себя подобной школы. Безъ этого всѣ щедроты наши въ пользу наукъ будутъ безплодны. Напрасно будемъ мы размножать университеты и кафедры въ нихъ. Отъ этого и впредь не будетъ проку, какъ не было доселѣ.

Но неужели только изученіе древнихъ языковъ, въ соединеніи съ общею математикой, можетъ способствовать воспитанію подрастающихъ поколѣній до такой степени умственной зрѣлости какая необходима для занятія наукою въ ея высшемъ значеніи? Неужели нельзя обойтись безъ этого элемента въ учебномъ курсѣ пригготовительной школы называемой гимназіей? Неужели нѣтъ другаго, и быть-можетъ болѣе вѣрнаго пути къ той же цѣли, другаго болѣе дѣйствительнаго средства для пріобрѣтенія тѣхъ же результатовъ? Задавая себѣ эти вопросы, мы отдаляемся отъ дѣйствительности и вступаемъ въ область мнѣній, предположеній, догадокъ. Рѣчь идетъ не о томъ что возможно, а о томъ что дѣйствительно. Чтобы судить правильно о томъ что возможно или невозможно, надобно прежде всего ознакомиться съ фактомъ, а фактъ несомнѣнно состоитъ въ томъ что вышесказанная школа есть повсюду условіе наивысшаго уровня умственной культуры и развитія всѣхъ специальностей разумѣнія и знанія. Свѣтъ наукъ въ наше время распространяется повсюду, даже на страны варварскія и полудикія, но несомнѣнный фактъ есть тотъ что страны которыя не обладаютъ этою школою, не обладаютъ и самостоятельною наукою, пользуются заимствованнымъ свѣтомъ и находятся въ умственномъ подчиненіи другимъ странамъ. Гдѣ школа эта слабѣетъ и падаетъ, тамъ слабѣетъ наука, тамъ падаетъ и уровень всякаго умственного дѣла. Все это положительные факты и нельзя перескочить черезъ нихъ, если мы хотимъ разъяснить вопросъ, а не затемнить или запутать его. Почему уровень науки въ нашемъ отечествѣ несравненно ниже чѣмъ въ сосѣдней Германіи? Денегъ на учебное дѣло тра-

тять наша казна гораздо болѣе чѣмъ когда-либо тратила всѣ германскія правительства. У насъ имѣются шесть университетовъ кромѣ Дерптскаго и Варшавскаго; у насъ казна содержитъ множество высшихъ специальныхъ учебныхъ заведеній и даже такія о коихъ нигдѣ не слышано, на примѣръ военно-юридическую академію. Въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ преподаются всѣ возможныя науки; мы посылаемъ нашихъ будущихъ профессоровъ для довершенія ихъ образованія въ германскіе университеты. Почему же мы до сихъ поръ такъ безмѣрно далеки отъ Германіи въ дѣлѣ науки? У насъ есть все, но у насъ нѣтъ такой приготовительной школы какою обладаетъ Германія. Наши будущіе умственные дѣятели лишены предварительнаго воспитанія какое даетъ германская гимназія. Вотъ вся разница между нами и сосѣднею страной относительно науки, и вотъ ближайшая причина нашей въ сравненіи съ нею безмѣрной отсталости въ дѣлѣ науки. У насъ есть болѣе или менѣе талантливые люди, но общая масса нашего умственного труда низкопробна и не заслуживаетъ вниманія. Мы лишены самостоятельности во всякомъ умственномъ дѣлѣ и часто собственныя нужды обсуживаемъ чужими лоятіями. Наша народность не внушаетъ къ себѣ уваженія, и презирается нами самими. Мы во всемъ чувствуемъ себя учениками и притомъ плохими. Причиной тому можетъ быть только то что мы съ дѣтства не приготовляемъ должнымъ образомъ наши умственные силы для высшихъ цѣлей науки. Наука наша стоитъ низко, потому что въ общей сложности мы даемъ низкое или даже превратное воспитаніе тѣмъ умственнымъ силамъ нашимъ которыя къ ней готовятся. Мы остаемся учениками другихъ народовъ, потому что не хотимъ воспитывать изъ своей среды людей равносильныхъ нашимъ учителямъ. Даровитость отдельныхъ людей можетъ совершать чудеса, но ничто не можетъ замѣнить для страны неправильно употребленнаго времени въ которое человекъ изъ дѣтства вырастаетъ въ мужа. Если, вмѣсто укрѣпленія и развитія, наша школа, напротивъ, расслабляетъ и портитъ молодыя силы которыя готовятся къ высшимъ призваніямъ жизни, то мы весьма естественно держимъ нашу народность на низкомъ уровнѣ и даемъ у себя просторъ явленіямъ которыя не только не способствуютъ дѣлу разумнѣнія и знанія, но и искажаютъ и извращаютъ его. Мы не имѣ-

емъ корня науки, а потому всѣ искусственныя насажденія ея на нашей почвѣ даютъ пустоцвѣтъ или принадлежать къ сферѣ тяготивія чужой культуры и исчезаютъ между ея явленіями.

Мы заговорили о Германіи. Тамъ устройство гимназій въ нынѣшнее столѣтіе постоянно усиливалось и улучшалось. Учебный курсъ тамъ не только не колебался въ своихъ основаніяхъ, но постоянно все болѣе утверждался на нихъ. Выработывались все лучшіе методы преподаванія и лучшіе способы извлекать наибольшую воспитательную пользу изъ занятій обоими древними языками. Не то во Франціи. Страна эта прежде стояла во главѣ прогресса; но ея приготовительная ученая школа не только не улучшалась, но подверглась безпре-
станнымъ колебаніямъ въ самихъ основаніяхъ своихъ. Она была разрушена бурями первой революціи; греческій языкъ, существенный элементъ этой школы, былъ изгнанъ изъ нея. Лишь въ двадцатыхъ годахъ классическая или гуманистическая школа была кое-какъ восстановлена во Франціи; но ея принципъ соблюдался не строго, и она далеко не достигла той высоты и правильности организаціи какою уже въ то время отличалась германская гимназія. Оставались въ силѣ прежніе схоластическіе приемы, и вмѣсто того чтобъ идти даль-
ше и развиваться на своихъ основаніяхъ, французская школа должна была заботиться только о томъ чтобы какъ-нибудь поддержать принципъ своего устройства. Наконецъ, послѣ февральской революціи, при самомъ началѣ Второй Имперіи, въ 1852 году, французская школа была снова разрушена. Въ ней былъ узаконенъ разрывъ между обоими существенными элементами воспитательной научной школы. Съ половины курса воспитанники разводились на два отдѣленія: одни, говоря терминологіей французской школы, продолжали курсъ словесности (lettres), другіе оставали занятія греческимъ языкомъ, и продолжая вмѣстѣ со словесниками заниматься только латинскимъ, переходили въ отдѣленіе des sciences, съ тѣмъ чтобы, по окончаніи курса, поступать на медицинскіе и физико-математическіе факультеты. Вредъ этого узаконенія оказался немедленно, и прежде всего съ особенною энергіей протестовали противъ этого закона медицинскіе факультеты гдѣ уровень ученія сразу повзился. Въ 1864 году законъ этотъ былъ отмѣненъ; восстановлена связь между существенными элементами школы, но зло было уже

сдѣлано и послѣдствія его не скоро могутъ быть исправлены. Кто скажетъ что Франція находится теперь во главѣ культуры, и чтобы по какимъ бы то ни было отраслямъ знанія ей принадлежало первенство надъ соотвѣдною страной?

Изученіе исторіи цивилизаціи народовъ приводитъ къ убѣжденію что основною и глубокою причиною тѣхъ явленій которыя раскрываются на поверхности не что иное какъ состояніе той школы которая воспитываетъ умственные силы съ дѣтства до зрѣлаго возраста для занятія науками. Въ этой школѣ заключается тайна возвышенія и пониженія умственнаго уровня народовъ. Упадокъ, разстройство и ослабленіе этой школы обнаруживаются въ жизни съ удивительною быстротою, гораздо быстрее и глубже чѣмъ можно себя представить.

Однако въ чемъ же заключается тайна воспитанія доставляемаго школою которая готовитъ къ высшему образованію? Почему именно древніе языки, а не какой-либо другой предметъ, служатъ главнымъ средоточіемъ занятій въ этой школѣ? Вопросъ этотъ имѣетъ интересъ болѣе теоретическій нежели практическій. Законодательство можетъ предоставить разсмотрѣніе этого вопроса философамъ и педагогамъ, но для практическихъ цѣлей достаточно убѣдиться въ существованіи факта который состоитъ въ томъ что школа основанная на обоихъ древнихъ языкахъ, при математикѣ, ведетъ къ высшему образованію и приготавливаетъ къ занятію всѣми спеціальными науками. Считаемо однако не лишнимъ сказать нѣсколько словъ въ разъясненіе этого факта, который остался бы въ силѣ и безо всякаго разъясненія.

Первое условіе школы ведущей къ наукѣ есть то что называется концентраціей. Развивать умъ значитъ собирать и сосредоточивать его. Если бы не было предмета которымъ можно было бы, въ продолженіе цѣлаго ряда лѣтъ, ежедневно занимать учащихся серіознымъ образомъ, то не могло бы быть и рѣчи о подобной школѣ. Надобно чтобы предметъ этотъ могъ стать предметомъ такихъ же серіозныхъ научныхъ занятій для дѣтей, какъ для взрослыхъ; надобно чтобы предметъ этотъ былъ способенъ возрастать по мѣрѣ возрастанія учащихся, чтобы въ занятіи имъ вызывались въ естественной послѣдовательности всѣ душевныя способности человѣка, чтобы въ ходѣ занятій имъ была строгая постепенность отъ низшаго къ высшему, отъ внѣшняго ко внутрен-

вему, и чтобы развивая умъ оны въ то же время изучаютъ и обогащались. Почему для этой цѣли не можетъ быть употреблена какая-либо другая наука или цѣлая группа наукъ? Потому что въ школѣ о которой идетъ рѣчь никакая наука въ спеціальномъ смыслѣ этого слова не можетъ быть предметомъ преподаванія. Назначеніе этой школы въ томъ и состоитъ чтобы готовить учащихся къ занятію спеціальными науками. Еслибы науки могли преподаваться въ этой школѣ, то зачѣмъ нужны были бы потомъ университеты? Науки могутъ входить въ эту школу, которая имѣетъ дѣло съ мальчиками, только въ качествѣ дополнительнаго элемента, только нѣкоторыми изъ своихъ результатовъ, а отнюдь не какъ предметъ серьезнаго, постояннаго и сосредоточеннаго занятія. Исключеніе составляетъ только математика, но именно общою или элементарною своею частію. Можно знакомить учащихся съ результатами наукъ по нѣкоторымъ отраслямъ вѣдѣнія, можно бесѣдовать съ ними о разныхъ предметахъ при свѣтѣ науки, но было бы безуміемъ думать чтобы какая бы то ни была наука, въ спеціальномъ значеніи этого слова, могла стать предметомъ преподаванія въ той школѣ гдѣ мальчикъ только готовится быть человекомъ, гдѣ умственные силы находятся только въ зачаткѣ изъ котораго нужно вызвать ихъ. Вотъ почему, предметомъ на которомъ сосредоточиваются учебныя занятія воспитательной школы служатъ не какія-либо науки, а языки. Систематическое изученіе языка, вотъ единственный предметъ для серьезнаго научнаго занятія въ томъ возрастѣ о которомъ идетъ рѣчь. Не вслѣдствіе какихъ-либо теорій, а по самой силѣ вещей, основаніемъ учебнаго плана этой школы стали именно оба древніе языка. Древніе языки не науки, но они могутъ стать предметомъ серьезнаго ученія во всякомъ возрастѣ, и въ этомъ смыслѣ они приняты въ основу обще-европейской образовательной школы. Гимназія занимается своихъ воспитанниковъ не филологіей, не лингвистикой, а методическимъ изученіемъ двухъ историческихъ языковъ отличающихся богатствомъ своей организаціи и своихъ литературъ, обработанныхъ вѣками для педагогическихъ цѣлей. Восходя отъ элементовъ, школа постепенно вводитъ своихъ воспитанниковъ въ литературу этихъ языковъ и занимается съ ними чтеніемъ ихъ произведеній. Грамматика и чтеніе писателей, вотъ все что дѣлаетъ школа, употребляя древніе

языки орудіемъ для воспитанія юныхъ внутреннихъ ея умовъ. Тутъ нѣтъ ничего трансцендентнаго, ничего чрезвычайнаго, ничего неестественнаго для возраста учащихся но въ предѣлахъ этого изученія они развиваютъ всѣ способности, усваиваютъ себѣ всѣ приемы мысли какіе требуются для самостоятельнаго занятія наукой и приучаются къ умственному труду. Въ этомъ отношеніи изученіе древнихъ языковъ называется обыкновенно умственною гимнастикой, но этимъ недостаточно опредѣляется ихъ значеніе при воспитаніи. Они не только формально развиваютъ умственныя силы учащихся, но и оплодотворяютъ и обогащаютъ ихъ. Посредствомъ изученія этихъ языковъ учащіеся знакомятся не чрезъ чужіе пересказы, а собственнымъ чувствомъ и собственною мыслию, съ великими основными фактами умственной жизни всего образованнаго человѣчества. Каждое слово этихъ языковъ есть уже фактъ историческій. Но оправдываясь языкомъ учащіеся вступаютъ въ самый міръ котораго языкъ эти были выраженіемъ. Они усваиваютъ себѣ содержаніе великихъ произведеній составляющихъ наследіе всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, родно ихъ между собой. Учащіеся собственнымъ живымъ изученіемъ знакомятся со всеми формами умственной дѣятельности человѣка въ ихъ самыхъ простыхъ, чистыхъ и ясныхъ очертаніяхъ. Приучаясь къ труду мысли, развиваясь всеми духовными способностями, они изо дня въ день, изъ года въ годъ, вживаются въ исторію всемірной цивилизаціи. Читая со своими воспитанниками древнихъ авторовъ, гимназія не пускается въ неумѣстныя научныя изслѣдованія историческаго, филологическаго, философскаго и тому подобнаго свойства; она не претендуетъ разрабатывать этотъ матеріалъ въ смыслѣ какой-либо науки, и довольствуется разъясненіями необходимыми для ближайшаго уразумѣнія читаемаго; но это чтеніе есть занятіе одного качества съ занятіями наукой въ высшемъ значеніи этого слова. Все здѣсь слѣдуетъ одно за другимъ въ естественной и строго логической постепенности, соответственно смѣняющимся возрастамъ воспитанниковъ и раскрытію сторонъ предмета ихъ изученія. Грамматическое ученіе классическихъ языковъ есть фактическая логика, которая не налагается на учащихся, но сама собой вырабатывается въ ихъ умѣ. Чтеніе авторовъ производится въ системѣ выработанной наукой и педагогиче-

скимъ олытомъ. Самое свойство чтенія таково что учащiеся не скользятъ посверхъ читаемаго, какъ это бываетъ при чтенiи писателей отечественнаго языка, но по необходимости вникають отчетливо въ читаемое, добываясь уразумѣнiя полнаго смысла борьбой со всѣми подробностями выраженiя. Тутъ нѣтъ простора никакой неопредѣленности; ежедневно въ умахъ учащихся проводится явственная черта между знанiемъ и незнанiемъ, и въ нихъ вырабатывается драгоценнѣйшее для науки чувство различiя между ясно и неясно понятымъ.

Въ образовательномъ дѣйствии обоихъ древнихъ языковъ есть та разница что латинскому принадлежитъ преимущественно формальная сторона воспитанiя, между тѣмъ какъ греческiй наиболѣе способствуетъ внутреннему обогащенiю учащихся, оплодотворенiю духовныхъ силъ и возбужденiю ихъ къ производительности. Вотъ почему общезвропейская гимназiя начинаетъ свое воспитательное дѣйствiе съ латинскаго языка, и только съ третьяго года курса, когда уже пройдено элементарное грамматическое ученiе на латинскомъ матеріалѣ, приступаетъ къ языку греческому. При этомъ посаждаемъ рациональная школа не имѣетъ надобности останавливаться долго на грамматическомъ ученiи, но пользуясь относительною зрѣлостью воспитанниковъ, скорѣе чѣмъ при латинскомъ языкѣ обращаетъ ихъ къ чтенiю авторовъ и быстро вводитъ своихъ воспитанниковъ въ литературу, которая не имѣетъ себѣ подобной какъ по оригинальности и самородности, такъ по богатству идей, по изяществу формъ, по полнотѣ проявленiи человеческого духа, — литературу въ которой нѣтъ ничего условнаго и заимствованнаго, но которая имѣла самое обширное и глубокое мiяне, прямое или косвенное, на всѣ послѣдующiя движенiя и развитiя человеческой мысли. Она присутствуетъ какъ основная стихiя во всѣхъ залутованныхъ и многосложныхъ комбинацiяхъ современной мысли, такъ что безъ ближайшаго знакомства съ греческою литературой не можетъ быть основательно объяснено и раскрыто никакое значительное направленiе въ области современной мысли.

Элементарная или народная школа есть начало всякаго образованiя. Грамота своего языка есть первая необходимость всякаго ученiя. Гимназiя есть начало высшаго образованiя; она есть школа грамотности научнаго образованiя.

Къ древнимъ языкамъ существенно присоединяется въ ней элементарная математика, и эти двѣ стихіи составляютъ общій корень всѣхъ умственныхъ спеціальностей. Кроме этихъ существенныхъ элементовъ воспитательной школы, въ нее, какъ сказано, входятъ, по мѣрѣ продолженія курса, разныя дополнительныя науки. Но это не науки въ собственномъ значеніи этого слова, а только популяризованныя результаты ихъ. Въ сообщеніи этихъ познаній, не имѣющихъ научнаго характера, должна быть соблюдаема строгая мѣра; они не должны обременять учебный курсъ гимназій, и всякій свыше должной мѣры назначенный для этихъ предметовъ часъ можетъ обращаться во вредъ учащимся, не способствуя, а мѣшая воспитательному дѣйствию школы. Куча заученныхъ энциклопедическихъ свѣдѣній исчезнетъ безъ слѣда не перерабатываясь мыслию и ни къ чему не приурочиваясь. Душа науки есть доказательство, и никакое познаніе не имѣетъ научной цѣнности безъ раскрытія пути какимъ оно достигнуто. Такого рода познанія могутъ имѣть для приобрѣтателей лишь условную цѣнность и годиться лишь для житейскаго обихода. Это то что называется лоскомъ образованія, который хорошъ только въ томъ случаѣ если служить дополненіемъ существеннаго, и никуда не годится если замѣняетъ его.

Сущность воспитательнаго дѣйствія этой школы заключается именно въ томъ что ея воспитанники занимаются такъ же серьезно какъ стали бы заниматься тѣми же предметами взрослые и развитые люди. Предметъ занятій не приспособляется къ дѣтскому разумѣнію въ ущербъ своей истинѣ; съ другой стороны юныя силы не напрягаются въ безплодныхъ и противоестественныхъ усиліяхъ слѣдить за тѣмъ что не соотвѣтствуетъ ихъ возрасту и развитію. Они не преданы произволу своего учителя; они изучаютъ дѣйствительный предметъ, а не субъективность своего наставника, его идеи и вкусы, его вчерашнія чтенія. Былъ когда-то человекъ который оказывалъ магическое и оплодотворяющее дѣйствіе на молодыхъ людей своими бесѣдами. Има этому человеку Сократъ; но другаго Сократа не знаетъ исторія. Отъ нашихъ Сократовъ-развивателей да избавить Богъ нашихъ бѣдныхъ дѣтей!

Противники реформы пугаютъ родителей трудностію классической школы; это обманъ: нѣтъ школы которая была бы

меньше отяготительна для учащихся. Она приучаетъ къ труду и, развивая способности къ нему, дѣлаетъ его напротивъ легкимъ. Напрягаетъ и изнураетъ силы только многопредметная школа, или неправильно-односторонняя, при сосредоточеніи занятій, напримеръ, исключительно на математическомъ элементѣ.

11. Изъ статьи № 144 *Московскихъ Вѣдомостей* (4 іюля) 1871 года.

Будущій историкъ нашего времени съ особенною признательностію остановится на самой, повидимому, скромной изъ всѣхъ реформъ совершившихся въ наши дни,—самой скромной именно потому что она ускользаетъ отъ вѣдѣній оцѣнки и открывается во всемъ своемъ значеніи только для разумящей мысли. Мы говоримъ объ учебной реформѣ которой послѣдніе акты воспроизведены во вчерашнемъ и сегодняшнемъ нумерахъ нашей газеты. Впрочемъ, послѣдствія этой реформы не замедлятъ обнаружиться въ скоромъ времени: не пройдетъ и десятилѣтія какъ наше отечество уже почувствуетъ его благодѣянія, и еще нынѣ живущія поколѣнія благословятъ за него нынѣшнее царствованіе.

Учебная реформа не есть случайный придатокъ къ другимъ реформамъ, такъ глубоко измѣнившимъ всѣ условія нашего быта. Она тѣсно связана съ ними какъ душа съ тѣломъ. По успѣшномъ совершеніи она послужитъ самымъ вѣрнымъ ручательствомъ за прочность всѣхъ нынѣшнихъ созиданій въ нашемъ отечествѣ; она послужитъ живымъ свидѣтельствомъ что нынѣшнее преобразованіе Россіи не ограничивается поверхностію, но касается сущности и идетъ въ глубину.

Недостаточно свять луты, надобно чтобы тѣло могло держаться на своихъ ногахъ; недостаточно создать искусный механизмъ, нужна живая сила которая направляла бы и возобновляла бы его дѣйствія; недостаточно улучшить условія гражданскаго быта народа, необходимо очистить засоренные или заглохшіе источники его внутренней жизни, внести въ нее высшіе интересы и вызвать въ ней силы духовнаго свойства, которыя только и могутъ дать истинную цѣну какъ человѣку, такъ и народу, и безъ которыхъ никакое дѣло не

может ни процвѣтать, ни развиваться. Величайшая потребность нашей народной жизни есть просвѣщеніе; нравственное начало въ которомъ мы особенно нуждаемся есть наука въ ея высшемъ и благороднѣйшемъ значеніи. Когда за сто лѣтъ предъ симъ первый преобразователь Россіи, могущественною рукою двинувшій ее въ Европу, задумалъ свое дѣло, онъ былъ одушевленъ мыслию о просвѣщеніи своего народа, о насажденіи въ немъ науки. Но въ тѣ отдаленныя времена этотъ великій интересъ не могъ быть предметомъ яснаго и раздѣльнаго представленія. Интересъ просвѣщенія, образованія, науки, дѣйствовалъ въ Петрѣ Великомъ какъ страсть, смутно и смѣшанно. Одушевляемый имъ, преобразователь совершилъ великія дѣла, но не достигъ своей высшей цѣли. Онъ ввинулъ Россію въ Европу, но онъ поработилъ Русскій народъ чужому просвѣщенію. Онъ хотѣлъ насадить у насъ науку какъ начало всякаго улучшенія, какъ подспорье всякому полезному дѣлу; но онъ научилъ насъ только пользоваться ладами чужаго труда. Мы до сихъ поръ остаемся двинниками чужой мысли, и наша народность ничѣмъ не ознаменовала себя во всемирномъ трудѣ разумнѣя, знанія, изобрѣтенія. Подражательность, склонность къ наружному усвоенію, вѣчное ученичество, умственное несовершенство, вотъ характеристическія черты которыя отмѣтили нашу народность въ новомъ положеніи созданномъ для нея первымъ преобразователемъ. Въ новомъ мірѣ который ее приняла, она казалась ненужнымъ пришельцемъ, тунеядцемъ за чужою трапезой. И вотъ она раздвоилась въ самой себѣ. Въ темномъ инстинктѣ она чувствовала въ себѣ силу высшаго призванія и обнаруживала ее въ торжественныя минуты великихъ народныхъ событій; но въ своемъ образованіи она сознавала только свою слабость, свое безплодіе, свое ничтожество, и мало-по-малу научилась презирать себя, что не преминуло выразиться во всѣхъ дѣлахъ нашего отечества. Образованіе которое могло сознать себя только жалкимъ пустоцвѣтомъ весьма естественно перенесло это самопрезрѣніе на весь народъ которому служило органомъ.

Только новое всеобъемлющее преобразование Россіи, происходящее въ наши дни, возбудило во всей силѣ вопросъ о великомъ недостаткѣ которымъ страдаетъ ея образованіе со времени Петра Великаго. Задача состоитъ въ томъ чтобы дѣйствительно насадить науку въ нашемъ народѣ. Для этого

прежде всего необходимо подвѣять интересъ науки, и сообщить ему самостоятельное значеніе посреди другихъ интересовъ общественной жизни. Надобно чтобы наука стала предметомъ заботъ не ради только тѣхъ выгодъ которыя она приноситъ, но по своей внутренней цѣнности; надобно убѣдиться что до тѣхъ поръ мы не можемъ пользоваться самостоятельно и успѣшно результатами науки, необходимость которыхъ все болѣе и болѣе чувствуемъ, пока не будемъ въ обладаніи самою сущностью науки. Надобно чтобы мы посвящали рядъ систематическихъ усилій не къ тому только чтобы кое-какъ пользоваться примѣненіями науки вырабатываемой чужимъ трудомъ, но чтобы насадить у себя самихъ ея корни и дать ей у себя всѣ благопріятныя для ея развитія условія. Цѣны плоды науки, мы должны признать что причина цѣннѣе своихъ дѣйствій, и что заботы наши объ улучшеніи разныхъ сторонъ жизни могутъ быть успѣшны только по мѣрѣ возвышенія нашей умственной культуры. Если мы желаемъ чтобы наука была у насъ не призракомъ, а реальностью, и чтобы она давала плоды, то мы должны направлять воспитаніе нашего юношества, которое къ ней готовится, соответственно ея высшимъ требованіямъ. Вотъ задача которая предстояла Преобразователю въ наше время. Задача родилась вмѣстѣ съ мыслию рѣшившею освободить Русскій народъ отъ давнихъ цѣпей и открыть для него новую эру историческаго существованія. Вопросъ о преобразованіи былъ подвѣять еще въ то время когда обсуждалась отмѣна крѣпостнаго права. Но вотъ, давно уже совершилось это великое событіе, совершился рядъ и другихъ обширныхъ реформъ въ Россіи, а вопросъ о преобразованіи гимназій колебался до сего дня, и несмотря на законодательный актъ 1864 года дѣло учебной реформы отнюдь не могло считаться обезпеченнымъ. Десять лѣтъ были необходимы чтобы вопросъ этотъ созрѣлъ и чтобы принципъ этой реформы восторжествовалъ надъ встрѣченными ей противодѣйствіемъ. Кто затруднится оцѣнить важность этой реформы прозрѣніемъ въ ея внутреннюю сущность, тотъ можетъ заключить о ней по той борьбѣ которую ей пришлось выдержать. Великодушная мысль Державнаго Преобразователя выразилась слишкомъ рѣшительно, и невозможно было открыто воспротивиться ей. Въ 1864 году учебная реформа совершилась, и законодательство наше впервые при-

ладо принципъ на которомъ основана европейская школа ведущая къ наукѣ. Но реакція успѣла внести внутреннее противорѣчiе въ самыя основанiя реформы. Она не дала надлежащаго развитiя признаванному принципу, и въ то же время поставила рядомъ съ нимъ другое начало, которое есть не иное что какъ отрицанiе реформы въ ея основанiяхъ. Еслибы мы не знали всѣхъ обстоятельствъ при которыхъ родился уставъ 1864 года, то видя въ его распоряженiи мы не могли бы не убѣдиться что при его происхожденiи присутствовала мысль которая не вѣрила въ прочность дѣла и не желала ему успѣха. Рядомъ съ университетскими гимназiями имѣющими своимъ назначенiемъ готовить юношество къ высшей наукѣ всестороннимъ воспитанiемъ умственныхъ силъ и постепеннымъ приученiемъ ихъ къ самостоятельному труду, уставъ 1864 года создалъ другаго рода учебныя заведенiя и далъ имъ то же самое имя. Были такимъ образомъ установлены два разряда общеобразовательныхъ учебныхъ заведенiй: классическiя гимназiи и гимназiи реальныя, основанныя на совершенно различныхъ и взаимно другъ друга исключаютелныхъ началахъ, причемъ министру предоставлялось право преобразовывать существующiя гимназiи по усмотрѣнiю, отчасти въ реальныя, отчасти въ классическiя.

Что означала эта двойственность общеобразовательныхъ учебныхъ заведенiй относящихся къ одному и тому же возрасту? Въ какомъ смыслѣ тѣ и другiя гимназiи признавались уставомъ 1864 года равно общеобразовательными?

Главная цѣль гимназiй воспитывать дѣтей чрезъ все время отрочества къ занятiямъ наукой въ зрѣломъ возрастѣ. Гимназiи не имѣютъ своимъ предметомъ ту или другую научную специальность, которая невозможна въ дѣтскомъ возрастѣ, а потому образованiе доставляемое гимназическимъ курсомъ называется общимъ. Оно есть общая почва, общiй корень всѣхъ специальностей знанiя, которыя развѣтвляются для зрѣлаго возраста въ университетскихъ факультетахъ. Образованiе доставляемое гимназiей признается равно необходимымъ какъ для будущаго математика, такъ и для будущаго филолога, какъ для врача, такъ и для юриста, какъ для богослова, такъ и для естествоиспытателя, ибо для всѣхъ специальностей знанiя прежде всего необходимо умъ созрѣв-

шій въ систематическихъ серьезныхъ занятіяхъ, приученный къ самостоятельному труду, обогащенный имъ, всесторонне развитый и цивилизованный.

Если по мысли составителей устава 1864 года классическія и реальныя гимназія суть равно общеобразовательныя заведенія, то почему же оны не имѣютъ одинаковыхъ правъ? Почему же курсы классическихъ гимназій признавъ достаточнымъ для приготовления къ университетамъ, и отчего такъ-называемымъ реальнымъ гимназіямъ не предоставлено такого права? Право предоставленное министру превращать существовавшія гимназіи въ реальныя не означало ли право лишать науку и тѣхъ немногихъ разсадниковъ которые она у насъ имѣла? Большею частію на каждую губернію у насъ имѣется лишь по одной гимназіи; превращеніе ея въ реальное учебное заведеніе по уставу 1864 года означало отнятіе у цѣлой губерніи возможности приготовить свое юношество къ университетской наукѣ.

Однако уставъ 1864 года предоставилъ реальнымъ гимназіямъ аттестовать своихъ воспитанниковъ къ высшимъ спеціальнымъ училищамъ технического свойства. Отсюда слѣдовало бы заключать что эти учебныя заведенія, вопреки приписанному имъ въ уставѣ свойству общеобразовательности, суть болѣе или менѣе школы спеціальнаго свойства, именно приспособленныя къ техническимъ профессіямъ. Но учебный планъ ихъ не заключаетъ въ себѣ приспособленія ни къ какому техническому дѣлу. Самая математика представлена въ нихъ слабо. Что же значать эти учебныя заведенія поставленныя уставомъ на ряду съ гимназіями и признанныя общеобразовательными, но лишенныя права на аттестацію въ университетъ,—приуроченныя къ высшимъ техническимъ училищамъ, но не заключающія въ себѣ ничего технического? Для какой надобности были они созданы уставомъ 1864 года, и для какой надобности подъ видомъ преобразованія, должно было совершиться превращеніе половины русскихъ гимназій въ эти странныя учебныя заведенія?

Реальныя гимназіи устава 1864 года представляютъ собою нѣсколько поновленный и прикрашенный типъ нашихъ прежнихъ гимназій, отъ которыхъ преобразование должно было насъ избавить. Это та же многопредметная школа которая не укрѣпляетъ, а расслабляетъ умы, и сообщаетъ имъ только доскъ наружнаго образованія. Реакція надѣла на себя

личину прогресса и разчитывала прельстить как законодательство, такъ и общественное мнѣніе стремленіями которыя будто бы идуть далѣе по пути улучшеній чѣмъ предложенная реформа. Выговоренное уставомъ 1864 года право превращать существующія гимназіи въ реальныя обезпечивало виды реакціи. У нея былъ вѣрный разчетъ. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы въ одно прекрасное утро треть или половина Россіи очутилась лишенною учебныхъ заведеній съ университетскимъ правомъ, то весьма естественно возникли бы усиленныя ходатайства о предоставленіи имъ этого права, и правительство, по справедливости, не могло бы оставить эти ходатайства безъ вниманія.

Операция превращенія началась тотчасъ же по вступленіи устава въ силу. Но такъ какъ мѣстныя общества не находились въ заговорѣ, то многія рѣшительно протестовали противъ этой операціи которой цѣли были для нихъ не понятны, а невыгоды совершенно очевидны. Пришлось ограничиться превращеніемъ только девяти гимназій. Но реакція не унывала. Она смотрѣла на реформу какъ на мимолетный капризъ и была увѣрена что съ теченіемъ времени основной смыслъ ея затемнится и забудется, а дѣло между тѣмъ не только возвратится въ прежнее состояніе, но и двинется нѣсколько шаговъ далѣе въ противномъ смыслѣ. Но, слава Богу, этимъ надеждамъ не суждено было исполниться.

Въ 1866 году, съ небольшимъ черезъ годъ по введеніи новаго устава гимназій, послѣдовало назначеніе новаго министра народнаго просвѣщенія. Попытки превращенія существующихъ гимназій въ реальныя прекратились; за то полуклассическія гимназіи начали одна за другою переходить въ полныя классическія. Въ настоящее время бѣольшая часть нашихъ гимназій уже получили полный классическій курсъ, а въ Московскомъ учебномъ округѣ уже всѣ правительственныя гимназіи преобразованы въ этомъ смыслѣ. Но чѣмъ рѣшительнѣе дѣйствовало Министерство руководствуясь волею Преобразователя, тѣмъ сильнѣе разыгрывалась реакція которая не пренебрегала никакими союзами и не брезговала никакими способами. Въ то время когда министръ боролся со всевозможными трудностями которыя противопоставлялись на каждомъ шагу исполненію реформы, повсюду распускались слухи что положеніе его не прочно, что правительство недовольно его дѣйствіями, и

что оно вовсе не намѣрено водворять въ Россіи такъ-называемую классическую систему образованія. Вотъ случай весьма характеристическій, который намъ извѣстенъ во всѣхъ подробностяхъ: Въ одномъ промышленномъ уѣздномъ городѣ одной изъ самыхъ промышленныхъ губерній Россіи, земство постановило ходатайствовать о преобразованіи тамшняго уѣзднаго училища въ классическую прогимназію, принимая на себя дополнительные издержки по содержанію оной. Ходатайство это достигло Министерства Народнаго Просвѣщенія которое и не замедлило дать ему дальнѣйшій ходъ. Но тутъ встрѣтилось препятствіе, и дѣло остановилось. Земская управа недоумѣвала, а между тѣмъ одинъ изъ петербургскихъ чиновниковъ со звѣздой, помѣщикъ уѣзда о которомъ идетъ рѣчь и членъ его земскаго собранія, прибывъ туда, счелъ своимъ долгомъ растолковать земскимъ людямъ неосновательность ихъ ходатайства. Петербургскій чиновникъ объяснилъ своимъ сочленамъ по земству что высшее правительство не желаетъ учрежденія классическихъ учебныхъ заведеній, что оно не согласно на преобразованіе мѣстнаго уѣзднаго училища въ классическую прогимназію, хотя земство и вызывается оплачивать это преобразованіе своими деньгами, и что земству слѣдуетъ ходатайствовать не о классической, а о реальной прогимназіи, ибо только это соотвѣтствуетъ видамъ высшаго правительства. Дальнѣйшія свѣдѣнія полученныя земствомъ изъ Петербурга удостоверили его что его ходатайство встрѣтило задержку въ Департаментѣ Экономіи Государственнаго Совѣта, и что оттуда дѣйствительно предлагается земству ходатайствовать о реальной прогимназіи. Вотъ при какихъ условіяхъ должно было совершаться дѣло реформы! Намъ говорятъ о негижествѣ русскаго общества; нѣтъ, надобно удивляться его природному здравому смыслу.

Толкуютъ о вредномъ дѣйстви печатн агитирующей въ анти-правительственномъ смыслѣ: но дѣйствіе печати, еслибы оно было у насъ во сто разъ сильнѣе, ничево бы не значило безъ тѣхъ возбужденій которыя нерѣдко получаетъ она если не прямо, то косвенно, изъ весьма вліятельныхъ сферъ, и на которыя отчасти было указано въ Высочайшемъ рескриптѣ 13 мая 1866 года на имя князя Гагарина. Безъ этихъ возбужденій не могла бы такъ разыграться и продолжаться съ такимъ упорствомъ агитація противъ учебной реформы

и Министерства Народнаго Просвѣщенія, которое виновато только въ томъ что слышѣомъ вѣрно исполняетъ волю Преобразователя. Въ самомъ дѣлѣ, никогда никакая отрасль управленія не была предметомъ столь озлобленныхъ и не сдержанныхъ никакимъ причіемъ выходокъ какъ администрація народнаго просвѣщенія; никакой законъ не подвергался такому поруганію какъ уставы школы; ни въ какой части общества не подрывалось такъ изступленно уваженіе и довѣріе къ установленному порядку какъ въ малолѣтнихъ гражданахъ учебнаго міра.

Правое дѣло не боится испытаній; истина только выигрываетъ въ спорѣ. Но споръ долженъ быть честный, борьба должна быть открытая. Опасно и вредно злоупотребленіе не столько свободой пустаго слова, сколько авторитетомъ и вліяніемъ.

Впрочемъ, споръ происходившій по учебному дѣлу въ печати, какого бы онъ ни былъ свойства, не повредилъ этому дѣлу, а принесъ ему пользу. Для здравомысленной части нашей публки разъяснился трудный и сложный вопросъ философскаго свойства,—разъяснился быть-можетъ лучше чѣмъ въ массѣ публки болѣе образованныхъ странъ.

Доказательствомъ того что агитація не успѣла повредить учебной реформѣ во мнѣніи русскаго общества служить воспроизводимое въ сегодняшнемъ номерѣ нашей газеты ходатайство Бердянскаго городского общества и земства объ учрежденіи въ этомъ городѣ полной классической гимназіи. Вотъ городъ гдѣ господствуютъ торговые и промышленные интересы и который однако требуетъ полной классической гимназіи, и не просто требуетъ, ради демонстраціи, но беретъ на себя почти сплозна значительные расходы потребныя на ея содержаніе. Текстъ самаго ходатайства заслуживаетъ полнаго вниманія по высотѣ и основательности воззрѣній въ немъ выраженныхъ.

Уставъ 1864 года нуждался въ пересмотрѣ. Необходимо было съ одной стороны освободить его отъ тѣхъ элементовъ которые внесены въ него реакціей и дѣлали основанія реформы сомнительными, съ другой стороны было необходимо дать лучшее и болѣе правильное развитіе самой реформѣ. Классическая система была признана уставомъ 1864 года, но она не имѣетъ силы при той организаціи какая дана ей этимъ уставомъ. Требовалось продлить курсъ

гимназій, усилить концентрацію учебнаго плана и дать болѣе развитіе основнымъ предметамъ курса, наконецъ сдѣлать нѣкоторыя указанныя опытомъ перемѣны въ управленіи гимназій и въ положеніи ихъ учебныхъ силъ. Кроме того, требовалось составить особый прѣсектъ реальныхъ училищъ взимая реальныхъ гимназій. Прежде чѣмъ Министерство внесло свои проекты на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, по Высочайшему повелѣнію была назначена коммиссія изъ нѣсколькихъ членовъ Государственнаго Совѣта для предварительнаго разсмотрѣнія этихъ проектовъ. До внесенія проектовъ въ Общее Собраніе Государственнаго Совѣта, они разсматривались въ Особомъ Присутствіи котораго членомъ былъ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ. Засѣданія Государственнаго Совѣта, его департаментовъ, его присутствій и коммиссій не подлежатъ гласности. Но для учебной реформы дѣлалось нѣкоторое исключеніе. Пренія происходившія по этому предмету какъ въ Особомъ Присутствіи Государственнаго Совѣта, такъ и въ его Общемъ Собраніи, не были обнародованы въ правильныхъ отчетахъ; но петербургскія газеты сѣдлали за ними, и на другой же день сообщали извѣстія о происходившемъ. Публикѣ стало извѣстно что проекты министра народнаго просвѣщенія встрѣтили въ Государственномъ Совѣтѣ горячую оппозицію, что въ Особомъ Присутствіи большинство осталось за ними, но что въ Общемъ Собраніи противъ самаго существеннаго пункта реформы оказалось большинство десяти членовъ. Изъ бюлетеней которые сообщались въ петербургскихъ газетахъ, публика могла заключить что оппозиція въ Государственномъ Совѣтѣ улобляла тѣ же самыя аргументы которые развивались въ статьяхъ и *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, и *Голоса*.

Чего требовали противники реформы которые высказывались шумно и въ печати и не въ печати? Превращенія ровно половины русскихъ гимназій въ реальные учебныя заведенія гдѣ преподавались бы главнымъ образомъ естественныя науки въ качествѣ предмета общеобразовательнаго, безъ всякаго пракческаго приспособленія, и съ правомъ для воспитанниковъ этихъ заведеній поступать на математическій и медицинскій факультеты университетовъ. Россія раздѣлялась такимъ образомъ на двѣ половины, изъ коихъ одна, обладая дѣйствительно общеобразовательными заведеніями,

могла бы готовить свое юношество ко всемъ специальностямъ науки и стало-быть ко всемъ призваніямъ определяемымъ научными специальностями, а другая была бы приурочена къ специальностямъ математической и медицинской.

Для того чтобъ обезпечить воспитанникамъ реальныхъ гимназій поступленіе въ университетъ, дѣлалась мнимая уступка, допускалось преподаваніе латинскаго языка для желающихъ, и такимъ образомъ латинскій языкъ обращался въ орудіе реакціи противъ классической системы. Факультативное преподаваніе латинскаго языка не можетъ имѣть никакой образовательной силы. Предметъ преподаваемый только для желающихъ не имѣетъ значенія въ учебномъ планѣ школы, и на преподаваніе его можетъ быть употребляема лишь ничтожная доля времени остающаяся отъ занятія обязательными предметами курса. И вотъ, предметъ вмѣненный ни во что, лишенный всякаго значенія въ учебномъ планѣ школы, долженъ тѣмъ не менѣе сообщать учащимся главнѣйшее право какое только можетъ быть предоставлено воспитанникамъ среднихъ учебныхъ заведеній, — право поступления въ университеты!

Требованія эти не выдерживаютъ никакой критики, и могли имѣть смыслъ только какъ попытка испортить реформу. Сдѣлать хотя бы одинъ шагъ въ смыслѣ этихъ требованій значило бы повергнуть наше учебное дѣло въ состояніе безнадежное, въ совершеннѣйшій хаосъ. Тѣмъ не менѣе агитація, происходившая въ Петербургѣ во время обсужденія проектовъ министра народнаго просвѣщенія въ Государственномъ Совѣтѣ, была такъ сильна что многіе защитники реформы чувствовали себя вынужденными помышлять о разныхъ сдѣлкахъ съ ея противниками.

Но то что было направлено во вредъ дѣлу, обратилось въ пользу ему. Враждебная реформѣ агитація успѣла произвести разногласіе между членами Государственнаго Совѣта, но именно этимъ самымъ повела она къ торжественному изъявленію непоколебимой воли Державнаго Преобразователя. Какъ отъзна крѣпостнаго права была по преимуществу личнымъ дѣломъ Государя Императора, такъ становится Его личнымъ дѣломъ этотъ актъ возрожденія русской народности, имѣющій въ будущемъ поставить ее въ условія образованія равнаго съ самыми цивилизованными народами міра.

Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* обнаружено (см. вечернее изданіе № 142 и утреннее № 143 *Московскихъ Вѣдомостей*):

„Государь Императоръ, удостоивъ Собственноручного „утвержденія проекты измѣненій и дополненій въ уставѣ гимназій и прогимназій, Высочайше утвержденномъ 19го ноября 1864 года, а также штатовъ сихъ заведеній, въ разрѣшеніе возникшаго при обсужденіи сихъ проектовъ въ Общемъ „Собраніи Государственнаго Совѣта разногласія, Высочайше „повелѣть соизволимъ:

„1. Не допускать, согласно съ нынѣ дѣйствующими постановленіями, окончившихъ курсъ въ реальныхъ училищахъ „ни въ одинъ изъ факультетовъ университетовъ.

„2. Не превращать существующихъ классическихъ гимназій въ реальные училища.“

Этими немногими словами рѣшены судьбы русскаго просвѣщенія. Сомнѣніямъ, вопросамъ и колебаніямъ положенъ предѣлъ.

Благимъ знаменіемъ для реформы было то что въ обсужденіи ея отъ начала до конца принималъ постоянное участіе Наслѣдникъ Престола, и что ходомъ дѣла заботливо руководилъ Августѣйшій Предсѣдатель Государственнаго Совѣта. Участіе Ихъ Высочествъ могущественно оградило это святое дѣло отъ всякихъ уступокъ и сдѣлокъ, и соблюло во всей чистотѣ его начала; оно же становится залогомъ прочности и дальнѣйшаго развитія реформы, отъ успѣха которой зависятъ судьбы нашего народа.

Не намъ воздавать хвалу за это великое дѣло обновленія и созиданія: ее воздастъ исторія, ее воздастъ каждый успѣхъ русской мысли, ее воздадутъ благословенія потомства.

12. Изъ статьи № 156 *Московскихъ Вѣдомостей* (18го іюля) 1871 года.

Реформа, въ которой такъ настоятельно нуждалось дѣло науки въ нашемъ отечествѣ, главнымъ образомъ относится къ учебному плану гимназій. Характеръ учебныхъ занятій и количество времени имъ посвящаемаго въ совокупности и порознь, вотъ сущность дѣла; все прочее служить лишь средствомъ исполненія. Администрація школы цѣнится по мѣрѣ того какъ она способствуетъ воспитательнымъ задачамъ ея

учебнаго плана. Если въ основаніе школы принять планъ не соотвѣтствующій ея цѣли или превратный, то достоинства ея преподавателей и установленныя въ ней порядковъ все-таки не сдѣлаютъ хорошаго изъ дурнаго, а развѣ только уменьшать или ограничить вредное дѣйствіе которымъ неизбежно сопровождается исполненіе превратнаго плана.

Въ чемъ заключается цѣль реформы нашихъ гимназій касательно учебнаго плана? Надобно было привести его въ соотвѣтствіе съ требованіями науки. При устройствѣ учебнаго плана, какъ и всякаго другаго, могутъ имѣться въ виду разнаго рода интересы. Могутъ быть учебныя заведенія имѣющія своимъ предметомъ не науку, а какія-либо иныя цѣли, уважительныя или неуважительныя, для которыхъ наука употребляется средствомъ. Что же касается гимназій, то ея главное назначеніе готовить молодыя силы отъ дѣтскаго до зрѣлаго юношескаго возраста для занятія наукой; слѣдовательно, руководящимъ началомъ при составленіи учебнаго плана должны быть требованія науки въ томъ высшемъ ея значеніи какое она должна имѣть становясь дѣломъ людей зрѣлыхъ. Вслѣдствіе этого, гимназическое ученіе должно имѣть главнымъ образомъ воспитательную цѣль и характеръ болѣе субъективный нежели объективный. Гимназическое ученіе должно быть разчитано на то чтобы, соотвѣтственно возрасту учащихся, постепенно развивать въ нихъ тѣ способности которыя необходимы для самостоятельнаго и основательнаго занятія всякимъ умственнымъ дѣломъ. Научно-воспитательная школа должна постепенно выводить вѣрными ей молодыя умственныя силы изъ состоянія простой возможности въ дѣйствительность. Она должна осуществлять ихъ, и для этой цѣли предлагать учащимся матеріалъ, на которомъ могли бы они, въ здоровой правильной послѣдовательности, испытывать свои силы и овладѣвать ими вмѣстѣ съ усвоеннымъ ими содержаніемъ. Различныя свѣдѣнія, сверху налагаемыя на умъ учащихся, а не выработанныя посредствомъ собственной дѣятельности, или не имѣютъ воспитательнаго значенія, или же имѣютъ значеніе прямо противное воспитательнымъ цѣлямъ.

Вся сила научно-воспитательной школы заключается въ *концентраціи* учебныхъ занятій. Что такое концентрація? Какъ въ продолженіе цѣлаго курса, такъ и въ каждомъ особомъ классѣ, преподается большее или меньшее число пред-

метовъ. Вредная многопредметность школы заключается не въ томъ что въ ея курсѣ можно насчитать много предметовъ. Педагогическій законъ требуетъ только чтобы множественность уравнивалась единствомъ. Количество учебного времени есть величина опредѣленная. Сколько бы ни входило предметовъ въ составъ преподаванія, требуется только чтобы приблизительно половина учебного времени употреблялась на воспитательное сосредоточеніе занятій учащихся. Коля скоро это условіе исполнено, то школа считается одинаково сильною, будетъ ли оставшая половина учебного времени занята бѣльшимъ или меньшимъ числомъ предметовъ. Она будетъ многопредметна при меньшемъ числѣ предметовъ, если надъ ними не выдвигается однородная группа занятій; она будетъ сосредоточенная и сильная школа если, даже при большемъ числѣ предметовъ, приблизительно половина ея учебного времени будетъ посвящена дѣлу концентрации. Такова школа въ тѣхъ странахъ гдѣ наука достигаетъ своего наивысшаго уровня, гдѣ она производится, гдѣ она есть единственное могущество. Черезъ весь учебный курсъ школы, отъ перваго класса до послѣдняго, идетъ одна и та же группа предметовъ на которыхъ сосредоточиваются занятія учащихся, постоянно углубляясь и расширяясь. Сосредоточивать учебныя занятія въ данномъ возрастѣ нельзя произвольно на томъ или другомъ предметѣ. Обозначилась и выработалась для педагогической концентрации только одинъ предметъ способный служить и дѣйствительно служащій для этой цѣли.

Предметъ этотъ есть общее наследіе всего цивилизованнаго человечества: это два историческіе языка въ которыхъ сохранились сокровища высокой и богатой культуры, самородно начавшейся и достигшей своего полнаго развитія, своего истиннаго конца,—два языка, два народа, составлявшие при жизни одну формацию и точно также тѣсно связанные въ своемъ вліяніи на послѣдующія эпохи, — два языка какъ бы предназначенные именно къ тому чтобы служить могущественнымъ педагогическимъ орудіемъ. Они предназначены къ тому и своею природой, и своимъ историческимъ значеніемъ, и тою удивительною разработкой для педагогическихъ цѣлей, которой въ продолженіе вѣковъ посвящено было столько гевія, ума и труда. Эти языки, при жизни своей, были органомъ великой исторической жизни

которая представляет всѣ фазы человѣческаго развитія въ извѣстныхъ предѣлахъ, всѣ тѣлы человѣческаго творчества въ ихъ первоначальной чистотѣ и ясности; они же, по смерти, стали руководящимъ началомъ образованія новаго міра, который за ними послѣдовалъ, такъ что элементы ихъ вліянія встрѣчаются во всѣхъ формаціяхъ мысли и жизни образованнаго христіанскаго человечества; наконецъ, въ новѣйшее время, когда наука и разумныя стали первостепенными силами въ жизни народовъ, эти языки стали спеціальнымъ предметомъ учебной концентраціи, орудіемъ воспитанія дѣтскихъ умовъ къ высшимъ призваніямъ мысли и дѣятельности—и это послѣднее, ничѣмъ не замѣнимое значеніе обогатившихъ классическихъ языковъ, значеніе педагогическое, есть новая наступившая для нихъ историческая жизнь.

Какъ опредѣлить силу учебной концентраціи, на примѣръ, въ германской, именно въ прусской гимназіи? Сдѣлать это можно легко и съ совершенною точностью. Сила концентраціи прусской гимназіи выражается цифрою 128: это сумма учебныхъ часовъ въ недѣлю на оба древніе языка съ ихъ литературами, принимая въ расчетъ всѣ девять лѣтъ курса прусской гимназіи. Теперь спрашивается: какъ велико количество всего учебнаго времени въ этой школѣ? На основаніи того же расчета, оно выражается цифрою 252: это сумма всѣхъ учебныхъ часовъ въ недѣлю, за исключеніемъ назначенныхъ на рисованіе и чистописаніе. Раздѣлите 252 пополамъ, и вы получите 126: 128 больше половины. Въ другихъ мѣстахъ Германіи учебная концентрація еще сильнѣе. Въ продолженіе девяти лѣтъ учащіеся возвращаются ежедневно къ предметамъ на коихъ такимъ образомъ сосредоточено ихъ умственное воспитаніе.

У насъ были разнаго рода школы, но не было именно такой которая заслуживала бы названія воспитательной или общеобразовательной въ научномъ смыслѣ этого термина. У насъ не было школы которая имѣла бы своимъ нормальнымъ планомъ служить для цѣлей науки, возводя къ ней зрѣющіе умы, развивая изнутри, собирая, возвышая ихъ силы, облагораживая и цивилизуя ихъ. У насъ не было ничего соответственнаго европейскимъ гимназіямъ, хотя и были учебныя заведенія называвшіяся симъ именемъ. У насъ были гимназіи которыя вели молодыхъ людей къ университетамъ, но эти гимназіи, по своему учебному плану, были кон-

трастомъ научно-воспитательной школы. Въ учебномъ планѣ нашихъ гимназій было все, за исключеніемъ только того въ чемъ состоитъ сущность и сила воспитательной школы ведущей къ высшему образованію. Въ немъ фигурировало много разныхъ учебныхъ предметовъ, между которыми раздроблялось все учебное время. Наши гимназіи, именно въ томъ видѣ къ какому привелъ ихъ разгромъ 1849 и 1852 годовъ, были школою анти-педагогическою. Онѣ не только не воспитывали, но портили юные умы, не только не усиливали ихъ, но расслабляли, не только не приводили ихъ въ зрѣлость, но прелятствовали даже тому естественному созрѣванію которое совершается независимо отъ школы простою практикой жизни и наглядкой. Дѣйствіе этой школы было именно тѣмъ губительнѣе что она обманывалась въ своемъ назначеніи и тѣмъ же обманомъ заражала своихъ воспитанниковъ. Она выдавала себя за гимназію, и бралась готовить своихъ воспитанниковъ къ высшему образованію. Еслибы, при своемъ учебномъ планѣ, она служила только средствомъ для того, непритязательнаго и поверхностнаго образованія какое даютъ подобныя, но лучше устроенныя учебныя заведенія въ другихъ странахъ Европы будущимъ ремесленникамъ, то она не сопровождалась бы тѣми дурными послѣдствіями какія были неизбѣжны въ силу фальшиво даннаго ей назначенія. Это фальшивое назначеніе, испортивъ школу, не могло не отпечатлѣться какъ въ учащихся, такъ и въ учащихся. Расслабивъ и сдѣлавъ негодными своихъ воспитанниковъ для высшей науки, она приводила ихъ въ соприкосновеніе съ высшими задачами разумнаго и знанія. Массы этихъ жертвъ фальшивой школы выходили впередъ какъ представители высшего образованія своей страны, какъ цвѣтъ своего народа. Всякій понимающій дѣло человѣкъ, при одномъ взглядѣ на учебный планъ нашихъ бывшихъ гимназій, могъ бы безошибочно предсказать послѣдствія этой плачевной ошибки; но теперь когда послѣдствія раскрылись, чтобы видѣть ихъ нужно только не закрывать глазъ.

До 1849 года наши гимназіи были слабою и недостаточною школою; послѣ, онѣ стали превратною школою. Онѣ стали выпускать на свѣтъ не только малосильныхъ, но болѣзненно ослабленныхъ людей. Уничтожилась и та малая доля воспитательной силы которая еще была въ нашихъ гимназіяхъ; изъ ихъ учебнаго плана выброшенъ самый элементъ воспитатель-

ной концентрации. Въ ихъ учебномъ планѣ, какъ бы на смѣхъ, оставленъ латинскій языкъ для четырехъ высшихъ классовъ по 4 часа въ недѣлю, что въ сложности составляетъ 16 часовъ! Цифра эта не есть выраженіе какой-либо степени учебной концентрации, хотя бы ничтожной. Удержаніе латинскаго языка, въ этой силѣ и въ этомъ видѣ, вело только къ вѣщему извращенію воспитательнаго назначенія школы. Латинскій языкъ, такимъ образомъ поставленный въ учебномъ планѣ гимназій, дѣлался элементомъ вредной многопредметности и только усиливалъ расслабляющее дѣйствіе школы.

Недостатки нашей учебной системы, которыми объясняется малосиліе и скудость нашей науки, получили быстрое и энергическое развитіе послѣ этихъ своего рода реформъ которыми подвергались наши гимназіи въ уломянутые годы. Доступъ къ высшей наукѣ сталъ дѣломъ самымъ легкимъ. Ее выбросили на улицу; ее затоптали въ грязь. Это было поруганіемъ одного изъ самыхъ дорогихъ интересовъ чело-вѣчества. Приготовленіе къ высшимъ сферамъ чело-вѣческой мысли стало дѣломъ менѣе серіознымъ чѣмъ приготовленіе къ сложному или столярному мастерству, которое требуетъ цѣлаго ряда лѣтъ постоянной и своего рода систематической работы. Для поступления въ университетъ оказалось достаточнымъ нѣсколько мѣсяцевъ механической подготовки,—и вотъ университетскія аудиторіи наполнились массами полудикихъ, полуграмотныхъ мальчишекъ, неспособныхъ ни къ чему отвести съ осмотрительно и критически, неспособныхъ продержатъ двѣ минуты одну и ту же мысль въ своей головѣ или провести въ ней безъ перерыва коротенькій рядъ самыхъ элементарныхъ представленій. Можно вообразить какой чертополохъ долженъ разрастаться на дикой почвѣ этихъ головъ при слушаніи университетскихъ лекцій! И хорошо бы еще еслибъ это была только невоздѣланная и нетро-нутая почва; нѣтъ, къ наукѣ подводились головы порченныя, фальшиво возбужденныя, болѣзненно надменные мнимымъ образованіемъ.

„Я петербургскій нигилистъ“, сказалъ на дняхъ предъ судомъ одинъ изъ подсудимыхъ по политическому дѣлу которое разбирается теперь въ Петербургской судебной палатѣ. Слова эти были сказаны съ чувствомъ достоинства, и судья безъ затрудненія повѣлъ ихъ. Дѣйствительно, нигилистъ, какъ терминъ, такъ и самое явленіе—всѣмъ извѣстенъ и

признавъ официально. Откуда это явленіе? Сколько бы ни оказалось элементовъ участвующихъ въ его формациі, основной элементъ есть, конечно, общее положеніе нашего образованія. Условія въ какихъ находилось у насъ учебное дѣло не могли не породить нигилизма. Онъ быстро развился въ пятидесятыхъ годахъ, послѣ окончательнаго упадка нашей предъ-университетской школы. Надобно присовокупить что не однѣ гимназіи были превращены въ антипедагогическія фальшивыя школы которыя систематически разслабляли и портили цвѣтъ русской молодежи. Другой разрядъ учебныхъ заведеній, принадлежащихъ къ одной стелени съ гимназіями и сходственныхъ съ ними по своему назначенію,—духовныя семинаріи,—упалъ, если возможно, въ состояніе еще худшее. Учебный планъ ихъ подвергся невѣроятному извращенію еще въ началѣ сороковыхъ годовъ...

Нигилизмъ, какъ общественная язва губящая нашу молодежь, есть совершенно естественный продуктъ господствовавшей у насъ школы. Въ другія времена, при другихъ обстоятельствахъ, онъ выразился бы иначе; но въ нашу эпоху сильныхъ умственныхъ, политическихъ и социальныхъ движеній онъ получилъ тотъ опредѣленный видъ подъ какимъ извѣстенъ всѣмъ и каждому. Невниманіе къ духовнымъ потребностямъ общества никогда не остается безъ суроваго возмездія. Наука, которой требованія были поруганы, жестоко отомстила за себя. Къ ней привлекались массы молодежи, но отпускаясь отъ нея не бойцы мысли и знанія. Крѣпкіе и сильные, а несчастныя растрепанныя, полоумныя головы, которыя должна была исправлять и образумивать другая наука,—безплощадная наука жизни. Фальшивая школа прямо передавала несчастную молодежь нашу въ руки всякаго обманщика, всякаго негодая и пройдохи.

Истинными отцами нашего нигилизма были тѣ почетныя лица которыя поддерживали низкій уровень нашего образованія и споспосовствовали извращенію нашей школы. Одни дѣйствовали изъ побужденій ажиберальныхъ; другіе—же консервативныхъ. Одни выбрасывали изъ учебнаго плана школы воспитательные элементы, считая не нужнымъ климомъ то на чемъ воспитывается все образованное человѣчество и чѣмъ условливается развитіе тѣхъ самыхъ знаній которыхъ плодами было имъ желательно пользоваться; другіе, считая высокое развитіе науки опасностію для обществен-

наго спокойствія. Эти почтенныя лица могут порадоваться теперь на свое дѣтище которое возрасло съ удивительною быстротою.

Но мы отвлеклись въ сторону отъ ближайшаго предмета. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, вмѣстѣ съ другими реформами, рѣшено было вывести дѣло нашего образованія изъ того неестественнаго положенія въ которомъ оно находилось. Надобно было либо вовсе отказаться отъ высшаго образованія, либо открыть правильный путь къ нему. Требовалось возстановить научно-воспитательный характеръ школы ведущей къ университету. По духу всѣхъ начинаній нынѣшняго царствованія, по широтѣ мысли положенной въ основу всѣхъ реформъ его ознаменовавшихъ, слѣдовало ожидать что и учебная реформа наша совершится на основаніяхъ столь же широкихъ. Лица которымъ было ввѣрено измѣнить къ лучшему условія нашего учебнаго дѣла имѣли предъ собою простую и ясную задачу. Для науки на русской почвѣ слѣдовало установить приблизительно тѣ же высокія воспитательныя требованія какими условливается ея процвѣтаніе въ тѣхъ странахъ откуда мы заимствуемъ ея результаты. Слѣдовало усидить школу общепризнанными и во всѣхъ образованныхъ странахъ дѣйствующими способами воспитанія. Но лица въ чьихъ рукахъ находилось дѣло иначе поняли свою задачу. Они принялись разыскивать, нѣтъ ли какихъ другихъ способовъ для достиженія той же цѣли и пришли къ соображенію что естественныя науки могутъ заступить въ гимназіяхъ мѣсто классическихъ языковъ. Вопросъ состоялъ не въ томъ: вводить или не вводить и въ какой мѣрѣ вводить естественныя науки въ учебный планъ общеобразовательной школы; поставлена была неслышанная и невозможная задача сдѣлать естественныя науки предметомъ сосредоточеннаго изученія въ школѣ имѣющей дѣло съ возрастомъ отъ 10 до 17 лѣтъ, такъ чтобы эти науки исполняли функцію древнихъ языковъ. Естественныя науки преподаются вездѣ въ большей или меньшей степени; физикѣ отводится мѣсто весьма значительное въ учебномъ планѣ всѣхъ гимназій. Но нельзя и вообразить чтобы естественныя науки могли стать серіознымъ общеобразовательнымъ элементомъ равной силы съ древними языками; никому не могла бы придти въ голову мысль сосредоточить на естественныхъ наукахъ учебныя занятія въ гимназіи и улотреб-

лять на нихъ черезъ весь курсъ отъ 10 до 16 часовъ въ недѣлю. Это впрочемъ и не имѣлось въ виду при учрежденіи такъ-называемыхъ реальныхъ гимназій, гдѣ естественныя науки должны были заступитъ мѣсто классическихъ языковъ. Естественныя науки служили только предлогомъ уклониться отъ главной задачи реформы. Принципъ классическаго образованія былъ признавъ въ 1864 году, но не съ тѣмъ чтобы дать ему надлежащее развитіе и установить его какъ общую норму. Ему дано было слабое развитіе которое не только не подходитъ къ силѣ учебнаго плана европейскихъ гимназій, но не равняется даже тому порядку который господствовалъ въ нашихъ гимназіяхъ до 1849 года. Правда, въ курсъ *классическихъ* гимназій введенъ греческій языкъ какъ предметъ обязательный, чего прежде не было, но полными классическими гимназіями предназначалось быть лишь небольшому числу русскихъ гимназій. Учебная реформа 1864 года была попыткой уклониться отъ реформы, обойти ее и закрѣпить въ подвояженномъ видѣ прежнее положеніе учебнаго дѣла. Но вскорѣ дѣло реформы перешло въ другія руки. Потребовался пересмотръ сдѣланнаго въ 1864 году, и пересмотръ этотъ совершился. Реформа стала правдою. Всѣ наши гимназіи получили одинъ и тотъ же нормальный планъ, исчезло раздѣленіе гимназій на классическія и реальныя. Вопросъ былъ не въ томъ чтобы преобразовать часть гимназій на лучшихъ основаціяхъ; требовалось установить общую норму ученія ведущаго къ высшему образованію и направить согласно съ этою нормою курсъ всѣхъ учебныхъ заведеній назначенныхъ готовить юношество къ университетской наукѣ, равно какъ и домашнее воспитаніе имѣющее ту же цѣль. Еслибы законъ удержалъ хотя малое число гимназій основанныхъ на другихъ началахъ, но съ правомъ аттестаціи къ университетамъ, то нормальный учебный планъ не былъ бы обязательнымъ, интересъ высшаго образованія не былъ бы обезпеченъ и дѣло реформы было бы проиграно.

Сильная оппозиція встрѣченная проектомъ министра народнаго просвѣщенія отосилась, какъ извѣстно, только къ одному этому пункту, въ которомъ заключается принципъ дѣла.

Измѣненія сдѣланныя въ учебномъ планѣ гимназій значительны и важны, и нельзя не видѣть въ нихъ существеннаго шага къ развитію реформы. Отнынѣ наше отечество дѣя-

ствительно имѣть научно-воспитательную школу которая направлена къ удовлетворенію требованій высшаго образованія. Школа наша, благодаря послѣдней реформѣ, рѣшительно приняла характеръ научно-воспитательной школы и при услѣдующемъ ходѣ дѣла на практикѣ можетъ дать прекрасные плоды; но мы сказали бы неправду еслибы стали утверждать что нормальный учебный планъ установленный для нашихъ гимназій не уступаетъ въ высотѣ и силѣ нормальному плану той же школы въ другихъ странахъ. Сравненіе можетъ быть сдѣлано самымъ точнымъ образомъ, посредствомъ цифръ.

Какъ велико нормальное количество учебнаго времени въ прусскихъ гимназіяхъ? 252. Какъ сильна концентрація ихъ учебнаго плана? 128. Какъ велико количество учебнаго времени въ нашихъ гимназіяхъ соответственно новому нормальному плану? 206. Какъ сильна концентрація? 85.

Разница большая!

По новому положенію, курсъ нашихъ гимназій, до сихъ поръ семилѣтній, становится восьмилѣтнимъ. Это важная мѣра. Важно также то что гимназіи наши получаютъ отнынѣ приготовительный классъ который можетъ продолжаться два года. Къ сожалѣнію, нововведенія эти сопровождаются условіями которыя могутъ существенно повредить имъ и уменьшить ихъ значеніе.

Восьмилѣтній курсъ есть минимумъ продолжительности того рода ученія о которомъ идетъ рѣчь. Даже у насъ чувствовалась крайняя недостаточность семилѣтняго курса гимназическаго ученія. Но усиливъ однимъ, совершенно необходимымъ, годомъ курсъ гимназическаго ученія, новый уставъ допускаетъ исключеніе для отличныхъ учениковъ. Такою оговоркой законъ самъ какъ бы отнимаетъ существенное значеніе у этой части реформы. Установивъ восьмой годъ ученія, онъ подвергаетъ сомнѣнію его необходимость, допуская что отличные ученики могутъ обойтись и безъ восьмого года. Но плохіе ученики и безъ того остаются по два года въ одномъ и томъ же классѣ; все дѣло въ хорошихъ ученикахъ. Мы не думаемъ чтобы какое бы то ни было нововведеніе принималось лучше и устанавливалось тверже при мысли что безъ него можно обойтись, и что оно въ сущности излишне. Для отличныхъ-то учениковъ, думаемъ мы, и было бы особенно полезно совершать полный курсъ гимназическаго уче-

нѣя. Чѣмъ даровитѣе ученики, тѣмъ желательнѣе чтобъ они выходили влоднѣ зрѣлыми для высшей науки.

Законъ старается оградить въ некоторыми гарантіями изъятіе для отличныхъ учениковъ. Къ окончательному экзамену ученики допускаются послѣ семилѣтняго курса лишь по особому постановленію педагогическаго совѣта гимназіи и съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа. Но что значить въ подобномъ случаѣ разрѣшеніе попечителя? Педагогическій совѣтъ, то-есть попросту директоръ гимназіи, представить попечителю что такіе-то ученики заслуживаютъ допущенія къ выпускному экзамену: на какомъ же основаніи попечитель въ одномъ случаѣ дастъ разрѣшеніе, а въ другомъ нѣтъ? Долженъ ли онъ наряжать комиссію для повѣрки подобныхъ представлений?

Вообще оговорка допускающая сокращеніе восьмилѣтняго курса гимназіи можетъ только колебать дѣло, и чѣмъ скорѣе прекратится эта неопредѣленность, тѣмъ лучше. Сколько намъ извѣстно, было предположеніе установить восемь классовъ гимназическаго ученія, и только финансовыя соображенія заставили временно предпочесть введеніе двухлѣтняго курса въ высшемъ классѣ гимназіи. Нельзя не пожелать чтобъ упомянутое предположеніе не замедлило исполниться. Восьмиклассная организація привела бы дѣло къ ясному и чистому выраженію, и она болѣе соответствовала бы нашимъ педагогическимъ средствамъ. Въ Германіи, при высокомъ развитіи науки и учебнаго дѣла, при опытности и искусствѣ преподавателей, дѣйствуетъ съ полнымъ успѣхомъ система двухгодичныхъ классовъ гдѣ соединяются воспитанники неравной силы. У насъ же примѣненіе этой системы будетъ во всякомъ случаѣ гораздо затруднительнѣе чѣмъ въ Германіи.

Обращаемся къ другой мѣрѣ. Установленіе пригготовительнаго класса есть истинное благодѣяніе для множества семействъ, которыя затрудняются въ способахъ давать своимъ дѣтямъ даже первоначальную подготовку требуемую для поступления въ первый классъ гимназіи. Пригготовительный классъ есть почти то же что начальная народная школа, только присоединенная къ гимназіи. Удовлетворяя общественной потребности, мѣра эта въ то же время должна способствовать и лучшему удовлетворенію требованій науки. Пригготовительный классъ долженъ обезпечить первый классъ гимназіи хорошо подготовленными воспитанниками, что не можетъ не ото-

зваться выгоднымъ образомъ на всемъ курсѣ гимназіи. Чѣмъ приготовленнѣе будутъ мальчики въ началѣ, тѣмъ успѣшнѣе можетъ идти дѣло ученія далѣе.

Но здѣсь оказывается нѣкоторое несоотвѣтствіе. Нормальнымъ возрастомъ для поступленія въ первый классъ гимназіи полагается вездѣ возрастъ исполнившихся 9 лѣтъ. Предполагается что мальчикъ этого возраста могъ удовлетворительно пройти начальную школу грамотности. Дѣйствительно, закладывать первоначальнымъ обученіемъ не слѣдуетъ. Мальчику по седьмому году пора приняться за ученье, а двухъ съ половиной лѣтъ совершенно достаточно для того чтобъ онъ былъ готовъ къ поступленію въ первый классъ гимназіи. У насъ въ первый классъ гимназіи принимаются мальчики не ранѣе десяти лѣтъ. Слѣдовательно по возрасту учащихся, курсъ гимназическаго ученія поднимается на цѣлый годъ; но относительно программы ученія поступлено въ обратномъ смыслѣ. Мальчики десяти лѣтъ принимаются въ гимназіи при меньшей степени подготовки чѣмъ какая требуется, на примѣръ, въ Пруссіи отъ мальчиковъ девяти лѣтъ. Дѣти девяти лѣтъ, при правильномъ воспитаніи, могутъ быть готовы къ первому классу; имъ придется ждать цѣлый годъ ничего не дѣлая. Мы рѣшительно не понимаемъ какія могутъ быть къ тому основанія.

Впрочемъ эту неправильность можно поправить легко, и мы увѣрены что практика въ скоромъ времени приведетъ къ тому.

Что касается распредѣленія учебнаго времени въ гимназіи, то здѣсь замѣчается какъ бы нѣкоторое колебаніе. Нѣтъ сомнѣнія что въ мысли министра не было колебаній: за ручается общее направленіе принятое нашею учебною реформой и твердость съ какою министръ отстаивалъ ея основанія. Остается предположить что при составленіи проекта имѣлась въ виду оппозиція, и заранѣе дѣлались ей нѣкоторыя согласительныя уступки.

Къ чему, на примѣръ, эта масса учебнаго времени (4 урока въ недѣлю) предоставлена русскому языку въ первыхъ четырехъ классахъ, особенно послѣ подготовительнаго класса, гдѣ мальчики уже должны хорошо выучиться русской грамотѣ? Это безъ нужды обременяетъ учащихся и вредитъ дѣлу воспитанія. Неужели русскій языкъ труднѣе для русскихъ мальчиковъ чѣмъ нѣмецкій для нѣмецкихъ? А между

тѣмъ въ германскихъ гимназіяхъ, гдѣ принимаются девятилѣтніе мальчики, на нѣмецкій языкъ полагается совершенно достаточнымъ только по два часа во всѣхъ классахъ. Всякій *излишній* урокъ есть не только пропащее, но и вредно употребляемое время. Въ этомъ отношеніи русская словесность въ нашихъ гимназіяхъ была всегда однимъ изъ самыхъ вредныхъ предметовъ, на которомъ учащіеся пріучались къ точченію воды, къ праздномыслію и празднословію.

Колебанія въ нашемъ новомъ учебномъ планѣ особенно замѣтны на первыхъ четырехъ классахъ. Стоитъ сравнить волюобразныя движенія его по нѣкоторымъ предметамъ преподаванія въ этихъ классахъ съ ясными и твердыми линіями учебнаго плана германскихъ гимназій:

Прусскія гимназіи:

	Годы ученія:			
	I.	II.	III.	IV.
Нѣмецкій языкъ.....	2	2	2	2
Латинскій языкъ.....	10	10	10	10
Греческій языкъ.....	—	—	6	6

Наши гимназіи:

	Годы ученія:			
	I.	II.	III.	IV.
Русскій языкъ.....	4	4	4	3
Латинскій языкъ.....	8	7	5	5
Греческій языкъ.....	—	—	5	6

Противники реформы не могли удовольствоваться какими частными уступками. Какая имъ надобность входить въ частности учебнаго плана, который они не хотятъ признать нормальнымъ? Чтобы удовлетворить противниковъ реформы нужно было бы сдѣлать имъ уступку въ принципѣ, то-есть рядомъ съ нѣкоторымъ числомъ правильныхъ гимназій учредить школы основанныя на началѣхъ противоположныхъ, но съ тѣми же правами, и оставить двери университета отворенными настежь; другими словами, испровергнуть основанія реформы и направить дѣло въ противоположную сторону.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ

I

Алексей Васильевич Кольцовъ, въ его житейскихъ и литературныхъ дѣлахъ, и въ семейной обстановкѣ. Сочиненіе Михаила де-Пуа. Типографія и литографія Граціанскаго, Петерб. 1879.

Живо сочувствовать дарованію проявляющемуся въ неблагоприятныхъ условіяхъ, поддерживать, поощрять похвалою, выводить изъ невѣдѣнности талантъ еще не сознающій себя—не прекрасная ли это черта, не доброе ли это дѣло? Дѣло къ тому же очень пріятное. Часть похвалы падаетъ и на того кто хвалитъ. Усмотрѣть среди грубости и невѣжества, въ темной и грязной средѣ, подъ невзрачною внѣшностью выдающіяся рѣдкія способности, не значитъ ли самому обладать если не такими же способностями, то во всякомъ случаѣ тонкимъ эстетическимъ чувствомъ, высокимъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ? Знакомить общество съ непризнаннымъ еще поэтомъ или художникомъ, привѣтствовать и возвыщать будущую славу—роль благородная и благодарная. Легко увлечься ею искренно. А увлекшись, легко за поэтомъ, художникомъ забыть человѣка, не видѣть помимо таланта другихъ сторонъ и условій жизни, и вмѣсто желаемого добра причинить зло. Примѣровъ было не мало на нашихъ глазахъ. Одинъ, наиболѣе разитель-

ный, можетъ-быть еще памятенъ тѣмъ кто вращался въ литературныхъ кругахъ сороковыхъ годовъ. Молодой человекъ, ничего не умѣющій — имени называть не считаемъ нужнымъ — желая учиться, мечтающій о полезномъ, развивающемъ трудъ, о литературной дѣятельности и славѣ, добрался кое-какъ до Москвы изъ далекаго глухаго края. Отыскалъ онъ людей имена которыхъ манили его съ недосыгаемой высоты яркимъ въ его глазахъ ореоломъ извѣстности, и былъ привѣтливо, радушно принятъ ими. Его простая, просто разказанная исторія, его наивно выражаемыя мечты, его природная, не смягченная искусственнымъ воспитаніемъ, не умѣющая владѣть собою сила вызвали общее сочувствіе. Двери гостиныхъ и кабинетовъ отворились молодому дикарю. Онъ прочелъ два-три не совсѣмъ еще грамотно написанныя имъ стихотворенія и былъ осыпанъ громкими, восторженными похвалами. Онъ сдѣлался героемъ дня. Самъ не зная какъ очутился онъ внезапно на той высотѣ которой надѣялся, можетъ-быть, достигнуть годами напряженнаго труда; на одномъ уровнѣ съ людьми внушавшими ему издала смиренное, робкое уваженіе. Удивительно ли что у молодого человека закружилась голова? Для чего трудиться, когда цѣль побуждавшая къ труду уже достигнута? Приобрѣтать знанія, работать надъ собою долженъ лишь тотъ кому не дано таланта. Кому данъ талантъ, тотъ избавленъ отъ этой скучной необходимости, тотъ можетъ дать себѣ волю, тотъ по праву пользуется всѣмъ чего другіе добиваются долгими усиліями. Наслажденія жизни сами собою даются поэту въ награду за поэтическій даръ. Скоро однако оказалось что не достаетъ средствъ не только для наслажденій, но и для существованія. Новинка приглядѣлась обществу. Рѣзко ото всѣхъ отдѣляющаяся, всѣмъ чужая, сумрачная фигура стала казаться стѣснительною, неумѣстною въ изящныхъ гостиныхъ. Восторженныя рѣчи, странная выходка начала надобѣдать. Стихотворенія, произносимыя уже не съ робостью и едва преодоливаемымъ смущеніемъ, а съ самоуверенностью и явнымъ притязаніемъ на эффектъ, перестали нравиться. Теплое сочувствіе смѣнилось холодностью. А ничего между тѣмъ не было сдѣлано что сколько-нибудь обезлечило бы положеніе молодого пришельца, открыло бы ему какую-нибудь дорогу. Ни образованія, ни свѣдѣній, ни умѣнія взяться за какое бы то ни было дѣло не успѣлъ онъ

приобрѣсти. Талантъ не укрѣпляемый, не отрезвляемый трудомъ, отуманенный саишкомъ легкимъ успѣхомъ, слабѣлъ, искажался. Повту, ольвяенному похвалами, гордо возносившемуся надъ окружающимъ, пришлось свискивать пропитаніе переписываніемъ бумагъ. Плохо одѣтый, утомленный нуждой, съ горечью и злобой на сердцѣ, ждалъ онъ скудной платы за бессмысленную работу въ переднихъ богатыхъ домахъ, гостинья которыхъ думалъ удивлять и радовать своимъ появленіемъ. Чтò мудренаго если онъ предался вину, и стараясь искусственнымъ возбужденіемъ поддержать падающія силы, окончательно сокрушилъ ихъ? Жалкая, ни къ чему ненужная жизнь кончилась самоубійствомъ, и лампачикомъ погибшаго таланта осталось лишь слабое, немощимъ известное, грустно-проническое стихотвореніе, написанное одною изъ бывшихъ его покровительницъ.

.....
 Вносилась изъ сердца его полноты
 Нытвы, какъ дымъ изъ кадила:
 Мы пѣсни хвалили, но съ юной мечты
 Слать бремя недуга и гнетъ нищеты
 Намъ некогда было.

.....
 Веди мы бесѣду, о томъ говоря
 Что чувствъ христіанскихъ свѣтило
 Восходитъ, что блещетъ свѣтлая зоря:
 Возиться съ тоской и нуждой дикара
 Намъ некогда было.

Стоялъ той порой онъ въ своемъ чердакѣ,
 Души разбивалася сила:
 Стоялъ онъ, безумный, съ веревкой въ рукѣ:
 Въ тотъ вечеръ спросить о больномъ бѣднякѣ
 Намъ некогда было.

Стоялъ тяжкій пронесся во мракѣ ночномъ.
 Есть грѣшная гдѣ-то могила,
 Вдали отъ кладбища, на мѣстѣ какомъ
 Не знаю доселѣ—провѣдать о томъ
 Намъ некогда было.

Но грустить и негодовать не ведетъ ни къ чему. Надо вдуматься серьезно въ явленіе не разъ, къ несчастію, повторявшееся и грозящее еще много разъ повториться. Приве-

денный случай далеко не единственный. Не мало погибло у насъ талантовъ не созрѣвъ, не развившись, не сдѣлавъ своего дѣла. Мы привыкли слышать, читать въ статьяхъ и романахъ, видѣть на сценѣ что сгубила ихъ гнетущая среда, такая борьба со враждебными, роковыми обстоятельствами. Такъ ли это однако въ дѣйствительности? Вглядимся внимательно въ факты, откажемся отъ предвзятыхъ мыслей, отъ кодачичьихъ, избитыхъ фразъ и пустой декламации. Не знаетъ ли каждый изъ насъ по многимъ примѣрамъ, а нѣкоторые и по собственному опыту, что къ какой бы средѣ ни принадлежалъ человекъ, способности пріобрѣтеныя къ дѣлу возвышаютъ его, даютъ ему видное, уважаемое мѣсто въ обществѣ? Обстоятельства считающіяся враждебными едва ли напротивъ не благоприятны для развитія характера. Дѣйствительная сила крѣпнеть въ борьбѣ. Нужда и горе не мешаютъ проявиться истинному таланту, — можетъ-быть ускоряютъ, вызываютъ его проявленіе. Вспомнимъ дѣтство и первую молодость Диккенса: крайнюю нищету, отца въ долгой тюрьмѣ, службу въ лавкѣ, гдѣ приходилось съ утра до вечера завязывать и улаковывать банки съ ваксой за грошевое жалованье, среди рабочихъ взятыхъ изъ подонковъ лондонскаго населенія. Вспомнимъ цѣлый рядъ литераторовъ, художниковъ, ученыхъ, государственныхъ дѣятелей. Всѣ эти исторіи о великихъ людяхъ, умомъ, волей и дарованіями проложившихъ себѣ дорогу отъ бѣдности и ничтожества къ славѣ, богатству и власти, побѣдившихъ множество трудностей, прелестствій, опасностей, разказывались намъ въ дѣтствѣ въ одно время со сказками *Тысячи и одной ночи*. Тѣ и другія равно занимали насъ, мы одинаково горячо сочувствовали и историческимъ, и сказочнымъ лицамъ, участвовали мысленно въ ихъ приключеніяхъ, тревожились и радовались за нихъ. Колумбъ и Синдбадъ мореплаватели, Аладивъ и Франкаинъ жили одинаково въ нашемъ воображеніи, одинаково наглядно, реально представлялись намъ. И какъ нѣкогда сказочный, фантастическій міръ смѣшивался, сливалось съ міромъ дѣйствительнымъ, такъ мало-по-малу вѣсть съ ощущеніями и грезами дѣтства дѣйствительность ушла въ далекую туманную область фантазіи. Если прежде сказочныя событія имѣли для насъ реальное значеніе, то теперь утратили его вмѣстѣ съ вымысломъ и несомнѣнные дѣйствительные факты. Тотъ міръ въ которомъ добродѣтель

вознаграждается, правда торжествуетъ надъ ложью, трудъ и терпѣніе преодолеваютъ всѣ препятствія, истинное достоинство ведетъ къ успѣху, не представляется намъ тѣмъ міромъ въ которомъ мы живемъ. Все это намъ рассказывали, можетъ-быть такъ и было когда-то и гдѣ-то, но здѣсь, теперь всего этого нѣтъ. Здѣсь нравственною силой, трудомъ и дарованіями не положишь себѣ дорогу; здѣсь успѣхъ достигается ложью, притворствомъ, корыстными расчетомъ; здѣсь дурные, бездарные люди благоденствуютъ, а хорошие, талантливые страдаютъ и гибнутъ. Смѣясь надъ дѣтскими сказками, мы считаемъ признакомъ зрѣлости утверждать нелѣпость болѣе бессмысленную чѣмъ сказки. Если въ дѣтствѣ мы вѣрили существованію Синдбадовъ и Аладиновъ, то въ зрѣломъ возрастѣ мы не вѣримъ существованію Диккенсовъ, Франклиновъ, Ломоносовыхъ. Какъ нѣкогда казались намъ возможными похищенія прекрасныхъ царевичей, великаны, колдуны и богатыри, такъ теперь кажется намъ возможнымъ въ дѣйствительности такой порядокъ вещей гдѣ неумѣжество одерживаетъ верхъ надъ знаніемъ, глупость надъ умомъ, слабость надъ силой, порокъ надъ добродѣтелью. Какъ ни очевидно заблужденіе, какъ ни противорѣчитъ оно и здравому смыслу, и ежедневнымъ фактамъ, оно вкоренилось въ насъ, мы упорно держимся за него, не хотимъ съ нимъ разстаться. Нѣтъ однако болѣе печальнаго, болѣе пагубнаго заблужденія. Ставить человека въ безусловную зависимость отъ окружающихъ обстоятельствъ, видѣть въ судьбѣ его лишь продуктъ вѣшнихъ силъ, случайностей не подлежащихъ волѣ и разуму, считать недостатки, дурныя свойства полезными, а свойства хорошія, достоинства ненужными, даже вредными въ жизни—значитъ искоренить всякую надежду на улучшение, всякое стремленіе къ совершенствованію, всякое побужденіе къ серіозной дѣятельности, значитъ снять съ человека отвѣтственность за дѣла свои, сдѣлать его равнодушнымъ къ добру и злу, погрузить его навсегда въ тулугу, безысходную апатію. Хотимъ ли мы этого? Можемъ ли мы одобрить такое состояніе, считать его нормальнымъ, естественнымъ? Нѣтъ, конечно. Мы съ неудовольствіемъ отворачиваемся отъ послѣдствій того образа мыслей который сами поддерживаемъ и распространяемъ. Послѣдствія эти, однако, необходимы, неизбежны. Если мы дѣйствительно думаемъ что на землѣ злему, безобразному предназначено торжествовать, а

доброму и прекрасному гибнуть, что не разумъ, а слѣпая случайность управляетъ дѣлами человеческими,—жизнь теряетъ цѣну и смыслъ. Дѣйствуйте согласно съ такимъ убѣжденіемъ,—самое существованіе и цѣлаго общества, и отдѣльнаго человѣка станетъ невозможнымъ. Къ счастью, мы не думаемъ и не дѣйствуемъ такъ, не можемъ, по природѣ нашей, такъ думать и дѣйствовать. Мы только такъ говоримъ. Что же заставляетъ насъ такъ говорить? Привычка, жѣлая, желаніе произвести эффектъ, возбудить сочувствія, оправдать себя или другаго. Мы въ сущности все знаемъ очень хорошо что люди погибаютъ не отъ достоинствъ, а отъ недостатковъ своихъ, что недостатки ни на кого не налагаются принудительно, что сынъ и братъ вора вовсе не обязанъ по необходимости быть воромъ, а потомокъ благороднаго, честнаго рода—честнымъ и благороднымъ человѣкомъ, что можно жить между ляницами и не лянствовать, между людьми праздными и работать прилежно, или наоборотъ. Мы знаемъ очень хорошо что у насъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо способности, даже небольшія, легко даютъ успѣхъ. Слишкомъ легко. Вотъ въ этомъ-то и бѣда. Не отъ тяжелой борьбы съ прелятствіями, не отъ недостатка сочувствія погибаютъ у насъ таланты, а напротивъ, отъ отсутствія серьезныхъ, вызывающихъ на борьбу прелятствій, отъ неуверенно, безтолково, преждевременно выказываемаго сочувствія. На всѣхъ полприцахъ дѣятельности, едва человѣкъ сколько-нибудь выдвинется, заявитъ себя чѣмъ-нибудь, какъ мы уже готовы признать въ немъ замѣчательное, необыкновенное явленіе. На литературномъ въ особенности. Нѣсколько бойко написанныхъ журнальныхъ статей, нѣсколько болѣе или менѣе складныхъ стихотвореній, не скучная повѣсть, кака-нибудь кстати издаваемая брошюрка заставляютъ говорить о себѣ, даютъ извѣстность. И немедленно начинается ухаживаніе за новымъ талантомъ: величанія частныя и публичныя, заискиванія, зазыванія всякаго рода, выставленія на показъ, обѣды, вечера, хвалебныя рѣчи. Вотъ, поистинѣ, неблагоприятныя условія для развитія таланта. Ему нужна, и особенно въ началѣ полприца, основательная, строгая критика, сосредоточенность, трезвость жизни и мысли, прилежная работа надъ собой и надъ вѣдшимъ міромъ. Ничего этого мы не даемъ ему, а даемъ незаслуженную похвалу и незаслуженную брань, одурающій шумъ, развлекающія, утомляющія удоволь-

ствія. Противъ такихъ одновременно дѣйствующихъ вредныхъ вліяній трудно устоять таланту, гораздо труднѣе чѣмъ выдержать лишения, равнодушіе, даже преслѣдованія невѣжественной, грубой среды. Мы ошибаемся, приписывая бѣдности, домашнимъ огорченіямъ подавляющее, сокрушающее дѣйствіе. Факты доказываютъ что они дѣйствуютъ обратно. Въ нуждѣ и горѣ крѣпнеть и очищается духъ, пробуждается и развивается внутренняя жизнь. Вспомнимъ гётевскія слова: „Кто не вдалъ со слезами хлѣбъ свой, кто горюя не просиживалъ ночей на постели, тотъ не знаетъ васъ, небесныя силы.“ Рѣдко изъ безматежнаго благоденствія, чуждаго раздоровъ, тревогъ и невзгодъ, выходили великіе поэты, художники, люди обогатившіе, двинувшіе впередъ человѣчество. Въ разлукѣ, въ изгнаніи, въ вѣщети, среди опасностей и гоненій, зрѣла мысль, развивались способности открывшія новые пути наукѣ и искусству. Надо отрицать несомнѣнные факты, отнести къ области сказокъ жизнь Сервантеса, Данта, Мольера, Галилея, Слингозы, цѣлаго ряда гениальныхъ дѣятелей на разныхъ поприщахъ, или признать что страданія, бѣдствія не сокрушаютъ истинную силу, что среда не заѣдаетъ челоуѣка, въ самомъ дѣлѣ выше ея стоящаго умственно и нравственно, что непониманіе, равнодушіе, насиліе не губитъ таланта. Но губитъ его слишкомъ часто неразумное, безтолковое поощреніе. Успѣхъ опаснѣе для него чѣмъ невниманіе, въ особенности успѣхъ слишкомъ быстрый, неожиданный, незаслуженный по собственному внутреннему сознанію. Не удовлетворяются своими произведеніями, постоянно живо чувствовать недостаточность сдѣланнаго въ сравненіи съ тѣмъ что хотѣлось, что слѣдовало сдѣлать, не отводитъ глазъ отъ бесконечнаго пути и неуклонно шагъ за шагомъ идти по нему, видя ясно какъ еще ничтожно пройденное пространство, какъ далека еще недостижимая цѣль,— вотъ необходимое условіе для развитія таланта, для творческой художественной дѣятельности. Но если начинающаго, еще сомнѣвающагося въ себѣ художника, люди на которыхъ онъ смотритъ съ уваженіемъ, которымъ онъ вѣритъ невольно, принимаются увѣрять что цѣль уже достигнута или почти достигнута имъ, что онъ долженъ только дать просторъ и волю своему таланту и сами собой устранятся ничтожныя случайныя недостатки; если онъ видитъ что робкія попытки, его самого не удовлетворяющія, удовлетворяютъ тѣхъ кого

считаетъ онъ знатоками, возбуждаютъ удивленіе; если притомъ ему вдругъ открывается недоступный прежде, невѣдомый міръ, блестящій, привлекательный, обильный благами, о которыхъ быть-можетъ мечталъ онъ въ удивленіи; если все отвлекаетъ, отрываетъ его отъ работы, манитъ къ новымъ для него радостямъ, — много, постигши, надо силы чтобы не поддаваться соблазну, не повѣрить лестнымъ похваламъ, предпочесть напряженный, утомительный трудъ легко дающимся удовольствіямъ. А какъ только похвалы и удовольствія отуманили умъ художника, какъ только возлюбилъ онъ себя, возмечталъ о себѣ—судьба его рѣшена. Оскудѣетъ живая творческая сила, пропадетъ въ суетѣ и разсѣянности талантъ, измѣнитъ обманчивый, непрочный успѣхъ, привѣтливый міръ, внезапно открывшійся художнику, снова закроется для него, въ суровомъ видѣ опять предстанетъ ему дѣйствительность, противорѣчіе между ею и высокоумными мечтаніями внесетъ раздвоеніе, разладъ въ его душу, а внутренній разладъ повлечетъ за собою и разстройство внѣшнихъ обстоятельствъ, упадокъ духа, болѣзнь и гибель. Мы скорбимъ объ этой гибели, возмущаемся ею—и не хотимъ видѣть истинныхъ причинъ ея. Мы слишкомъ высоко цѣнимъ талантъ и въ то же время слишкомъ мало бережемъ его. Талантъ самъ по себѣ не составляетъ достоинства, такъ же какъ и физическая сила. Его, такъ же какъ и ее, можно употребить во зло, истощить безплодно, угасить въ лѣни и правдоу. Талантъ еще не заслуга, а только возможность дѣйствительныхъ, серіозныхъ, великихъ заслугъ. Это орудіе получающее цѣну лишь отъ дѣла къ которому прилагается, но орудіе тонкое, могучее, съ которымъ нужно обращаться осторожно, которымъ нужно научиться владѣть. Талантъ есть способность создавать форму, находить соответствующее, яркое, увлекательное выраженіе. Если нечего ему выражать, онъ бесполезенъ и пропадетъ даромъ. Таланту нужно содержаніе. Содержаніе дается жизненнымъ опытомъ, образованіемъ, нравственнымъ развитіемъ; дается не иначе какъ серіозною, долгою, напряженною работою ума и воли. Вотъ это-то именно мы и забываемъ. „Пѣть какъ птица живущая въ вѣтвяхъ“ человекъ не можетъ, а есаубъ и могъ, никто не сталъ бы его слушать. Слова и звуки свободно льющіеся—въ сущности плодъ сосредоточеннаго труда, можетъ быть задолго имъ предшествовавшаго. Этотъ

именно трудъ, а не талантъ самъ по себѣ, достоинъ похвалы, сочувствія; въ немъ необходимое условіе дѣйствительнаго успѣха; его нужно требовать, къ нему всѣми мѣрами нужно поощрять проявляющійся талантъ. Трудъ этотъ можетъ быть не книжный, а житейскій, можетъ состоять въ приобретеніи не научныхъ знаній, а опыта. Школа жизни также образовательна для таланта какъ и ученая школа. Надо дать ему пройти ее. Не надо въ даровитомъ молодомъ человѣкѣ поддерживать недовольство окружающимъ, полагая въ этомъ признакъ какого-то превосходства. Истинное превосходство предполагаетъ пониманіе, а пониманіе исключаетъ досаду и злобу. Жалобы безплодны и производятъ расслабляющее дѣйствіе: на нихъ тратятся даромъ время и силы, которыя могли бы быть приложены къ дѣлу. Не надо искусственно отрывать даровитаго человѣка отъ почвы на которой онъ выросъ, отъ среды къ которой принадлежитъ. Если онъ въ самомъ дѣлѣ хочетъ и можетъ, онъ самъ выйдетъ изъ нея и тогда уже не потеряется, не окажется чужимъ, пришлымъ въ новой средѣ, а займетъ въ ней свое мѣсто по праву. Слѣдуетъ постоянно поддерживать, укрѣплять, развивать сознаніе что выходъ возможенъ всегда, что дѣло не въ матеріальныхъ средствахъ, не во вѣншихъ случайныхъ условіяхъ, а во внутренней способности, готовности къ иной, лучшей жизни; что если въ самомъ дѣлѣ добыто нравственное право на лучшую жизнь—оно непремѣнно, по необходимости осуществится само собою, что каждому въ дѣйствительности дается то чего онъ заслуживаетъ, что жалобами на несправедливость судьбы, мы только стараемся обмануть себя, заглушить внутренний голосъ, говорящій намъ что не во вѣншихъ случайностяхъ, а въ насъ самихъ причина нашихъ успѣховъ и неудачъ. Нельзя достаточно настаивать на этой истинѣ, къ которой необходимо приводить насъ основательное изслѣдованіе фактовъ, серьезное мышленіе и жизненный опытъ. Нельзя достаточно повторять ее. Великимъ счастьемъ было бы для общества еслибы это убѣжденіе распространилось, вкоренилось въ немъ, возобладали бы наконецъ надъ живыми разглагольствіями о какой-то роковой власти обстоятельствъ, случайностей, о какой-то бессмысленной силѣ губящей, будто бы, добро и поощряющей зло. Эту вредную догму любятъ подкрѣплять примѣрами преждевременно погибшихъ даровитыхъ людей—литераторовъ,

ученыхъ, художниковъ, не успѣвшихъ сдѣлать то что могли, что должны были сдѣлать. Но именно эти примѣры, если только тщательно и добросовѣстно возстановить факты, убедительно доказываютъ что печальная развязка была неизбежнымъ слѣдствіемъ не вѣшнихъ, а внутреннихъ причинъ, что не въ окружающемъ мірѣ, а въ самомъ поэтѣ или художникѣ коренилось зло погубившее его. Всякая біографія написанная съ достаточнымъ знаніемъ фактовъ, безъ предвзятой мысли, безъ гнѣва и пристрастія, приводитъ неизбежно къ этому убѣжденію. Такія біографіи несомнѣнно полезны. Къ числу ихъ, небольшому у насъ, принадлежитъ недавно вышедшая біографія Кольцова М. де-Пуле. Такія біографіи рѣдко встрѣчаютъ сочувствіе въ обществѣ, рѣдко вызываютъ одобреніе критики. Указывать тѣни въ образѣ, который мы привыкли представлять себѣ не иначе какъ въ привлекательномъ свѣтѣ, обнаруживать слабости поэта, сила котораго львѣетъ насъ—дѣло не отрадное и неблагодарное. Дѣло, однако, нужное. Колеблется вѣра въ отдавааго человека, но укрѣпляется вѣра въ строй человѣческой жизни, въ силу нравственнаго закона. Мы выигрываемъ болѣе нежели теряемъ. Но мы болѣею частію не хотимъ въ этомъ сознаться. Лицо знакомое по даровитымъ, увлекавшимъ насъ произведеніямъ, по сочувственнымъ разказамъ друзей, можетъ-быть по воспоминаніямъ, дороже намъ отвлеченной истины. Мы досадуемъ на того кто портитъ усвоенныя нами впечатлѣнія, и слишкомъ часто готовы заподозрить его искренность, предположить въ немъ не любовь къ истинѣ, а ивыя, дурныя побужденія. Чтобы идти на подобныя нареканія, чтобы возстановить забытыя, перетолкованныя, неизвѣстные факты, противорѣчащія ходячимъ въ обществѣ понятіямъ, нужна значительная твердость. Нельзя не видѣть въ этомъ заслугу. И такую заслугу нельзя не признать за книгою г. де-Пуле. Вопросъ, конечно, въ достоверности приводимыхъ фактовъ. Рѣшить его задача историческаго изслѣдованія. Но полезно уже и то что поставлена задача, что указана необходимость такого изслѣдованія. Мы не имѣемъ никакого повода предположить что оно опровергнетъ результаты къ какимъ пришелъ г. де-Пуле. Напротивъ нѣкоторыя указанія, нѣкоторые отзывы современниковъ заставляютъ думать что эти результаты вполне подтвердятся серьезнымъ, безпристрастнымъ изслѣдованіемъ. То же застав-

яетъ думать и внутренняя истина представленной характеристики, естественный необходимый ходъ дѣла, какимъ является оно теперь. Поэтъ—мученикъ, чистая жертва, закланная грубымъ невѣжествомъ за нравственное превосходство, за горячія стремленія къ свѣту, добру и правдѣ, какимъ представилъ Кольцова Бѣлинскій, образъ привлекательный, но фантастическій. Кольцовъ лишь талантомъ своимъ, можетъ-быть и умомъ, отащався отъ среды къ которой принадлежалъ, но по образованію, по нравственному развитію, по привычкамъ и понятіямъ стоялъ на одномъ уровнѣ съ нею. Онъ былъ въ дѣйствительности такой же прасолоъ, такой же кулакъ какъ и отецъ его. Г. де-Пуле приводитъ разговоръ его съ Бѣлинскимъ, точнѣе передаваемый намъ однимъ изъ присутствовавшихъ. Кольцовъ разказывалъ о своихъ прасоловскихъ продѣлкахъ, о своемъ искусствѣ надуть неопытнаго покупщика, продать дороже, купить дешевле.

— Неужели вы бы и меня надули, Алексѣй Васильевичъ? спросилъ Бѣлинскій.

Кольцовъ на минуту задумался.

— Да, надулъ бы. Можетъ-быть потому я возвратилъ бы вамъ чтò взялъ лишняго, но непременно надулъ бы.

Можетъ-быть тутъ была нѣкоторая аффектація, нѣкоторое желаніе пощеголять, но была несомнѣнно и искренность.

Разсуждать о томъ могъ ли Кольцовъ или нѣтъ выйти изъ окружавшей его невѣжественной и грубой среды, и какой именно слѣдовало избрать для этого путь—увело бы насъ въ область предположеній, болѣе или менѣе произвольныхъ; но несомнѣнно что оторваться вдругъ отъ этой среды и насколько не подготовленнымъ перенестись въ другую, несравненно высшую, вовсе незнакомую и чуждую, очутиться внезапно изъ воронежскаго мѣщанскаго дома въ столичныхъ гостиныхъ и кабинетныхъ, вести вмѣсто торговыхъ переговоровъ философскія бесѣды, слушать нежданья, неумѣренныя похвалы себѣ—не было дѣйствительнымъ выходомъ. Книга М. де-Пуле убѣдительно доказываетъ что жизнь на минуту открывшаяся Кольцову въ Москвѣ и Петербургѣ и потомъ опять ушедшая отъ него въ недоступную даль, внесла въ его душу то раздвоеніе которое ускорило, если не причинило, его печальный конецъ. Вернувшись домой онъ съ презрѣніемъ, съ озабоченіемъ, на которое въ сущности не имѣлъ права и повода, сталъ смотрѣть на все окружающее.

„Въ Воронежѣ жить, лишаетъ оны, мнѣ противу прежняго вдвое хуже: скучно, грустно, бездомно въ немъ... Со своими знакомыми расхожусь помаленьку; наскучила мнѣ ихъ разговоры пошлые. Я хотѣлъ съ пріѣзда увѣрить ихъ что они криво смотрятъ на вещи, ошибочно понимаютъ, толкуютъ такъ и такъ. Они надо мною смѣются, думаютъ что я весу вздоръ. Я повернулъ себя отъ нихъ на другую дорогу. Хотѣлъ ихъ научить—да ба!... Чтò въ самомъ дѣлѣ наживать себѣ дураковъ—враговъ.“ Но враговъ, дураковъ или нѣтъ, оны не могъ нѣ нажить. Окружающее, по силѣ вещей, стало въ свою очередь удаляться отъ него, относиться къ нему съ недоверіемъ, съ раздраженіемъ. Внутренній и внѣшній разладъ неизбежно усиливался и заключился роковою развязкой. Не скорбѣтъ объ этой развязкѣ нельзя, но не злобу, не гнѣвъ и уныніе должна возбудить она въ насъ, а сознаніе великой и утѣшительной истины что не талантомъ вислопавшимъ человѣку, а лишь воспитаніемъ себя самаго, лишь силою воли, лишь терпѣливымъ трудомъ достигается успѣхъ и счастье. Къ этому воспитанію себя, необходимому для всякаго, слѣдуетъ направлять талантъ, въ этомъ трудѣ слѣдуетъ помогать ему, если желаешь ему добра. Не на то что дано ему природой, а на то чего можетъ оны достигнуть лишь собственными усиліями; не на то чѣмъ уже обладаетъ оны, а на то чего ему не достааетъ, нужно постоянно обращать его вниманіе. Не предоставлять талантъ безучастно судьбѣ его, не равнодушно смотрѣть на его борьбу съ лишеніями, съ горемъ, съ прелютствіями, совѣтуемъ мы. Странно было бы отрицать необходимость, благотворное вліяніе сочувствія, содѣйствія. Не факты доказываютъ что возбуждать въ поэтѣ, въ художникѣ высокое мнѣніе о себѣ, поселать и поддерживать въ немъ раздоръ съ окружающею средой, открыть ему преждевременно доступъ къ благамъ, которыми оны еще не научился пользоваться, опасно и вредно для него. Факты эти заслуживаютъ вниманія общества, людей образованныхъ, дѣящихъ искусство, поэзію. Благополучіе кажется намъ, слагалась бы жизнь поэтовъ и художниковъ, лодіе развивалась бы ихъ дѣятельность, еслибы въ нихъ самихъ и въ обществѣ утвердилось сознаніе что талантъ не права даетъ, а налагаетъ обязанности; что не вѣнъ, а внутри себя слѣдуетъ искать удовлетворенія, что не отъ случайныхъ обстоятельствъ, а лишь отъ собственной силы можно ждать успѣха. Мы считаемъ

полезнымъ все что наводитъ на эту мысль, поэтому мы считаемъ полезною и биографію Кольцова, изданную М. де-Пуле. Общее оставляемое ею впечатлѣніе искупаютъ съ избыткомъ въ нашихъ глазахъ нѣкоторыя неточности въ частностяхъ, нѣкоторые недостатки въ изложеніи.

И. И.

II

По поводу нѣкоторыхъ изданій *Горя отъ ума*.

Странную судьбу испытывало и испытываетъ у насъ *Горе отъ ума!* Когда-то оно распространялось на Руси во множествѣ списковъ, заучивалось наизусть, а въ печати являлось съ урѣзками и измѣненіями, вызванными требованіемъ тогдашней цензуры. Времена перемѣнились; явилась возможность издавать текстъ комедіи вполнѣ, безъ искаженій. Но тутъ обрушилась на произведеніе Грибоедова новая бѣда со стороны его „излишне усердныхъ“ почитателей. Въмѣсто прежнихъ урѣзочекъ, появилась масса прибавокъ, вариантовъ и дополненій къ тексту. Да и какихъ вариантовъ! какихъ прибавокъ! Можно воскликнуть вмѣстѣ съ Чацкимъ: „есть отъ чего въ отчаянье придти!“

Явленіе это, впрочемъ, не новое. Не одинъ Грибоедовъ, а многіе изъ нашихъ извѣстныхъ поэтовъ потерпѣли отъ своихъ почитателей. Желая по-своему почитать память поэта, они, эти почитатели, болѣе усердные чѣмъ толковые, откалываютъ и съ торжествомъ выносятъ на свѣтъ Божій всякій хламъ, нашедшійся въ рукописяхъ автора. Какой-нибудь черновой набросокъ, необработанный, записанный для памяти отрывокъ, всякая проба пера на клочкѣ бумаги—подхватываются усердными почитателями и издателями, печатаются, комментируются и трактуются какъ весьма важная для памяти поэта находка. И добро бы такія находки помѣщались въ дополненіяхъ, въ примѣчаніяхъ, онѣ могли бы еще иной разъ имѣть цѣну въ глазахъ людей изучающихъ произведенія поэта; но нѣтъ: издатели втискиваютъ ихъ въ текстъ, несмотря на то что эти новоявленные отрывки ни чуть не гармонируютъ со строемъ цѣлаго произведенія, что они явно выброшены и забракованы самимъ авторомъ. На чемъ основываютъ такіе издатели свое право—произвольно исказить

произведенія автора, оскорблять его память и вводить въ недоумѣніе публику?

Такія мысли невольно приходятъ въ голову, когда просматриваешь нѣкоторыя изъ послѣднихъ изданій *Горя отъ ума*. Посмотрите, напимѣръ, на изданіе редактированное г. Веселовскимъ (*Русская Библиотека*, томъ 5, Спб. 1875 года). Спрашиваешь себя: можетъ ли человекъ, понимающій достоинства *Горя отъ ума* и сколько-нибудь знакомый съ требованіями версификаціи, такъ исказить несчастную комедію вставками положительно нелѣпыми по фактурѣ стиха, не идущими къ дѣлу по своему содержанію?!

Стихъ Грибоѣдова, какъ стихъ всѣхъ *лучшихъ* нашихъ повтовъ, безукоризненъ съ технической стороны. Во всей комедіи нѣтъ ни одного промаха противъ правилъ стихосложенія: чередованіе мужскихъ и женскихъ рифмъ, цезура въ пятисложныхъ и шестисложныхъ стихахъ вездѣ строго соблюдаены. Отрывки же, вставляемые теперь нѣкоторыми усердными издателями, поражаютъ всякаго несоблюденіемъ этихъ, самыхъ элементарныхъ, правилъ версификаціи и ничѣмъ не валомничаютъ блестящаго стиха Грибоѣдова.

Въ доказательство нашихъ словъ приведемъ нѣкоторыя мѣста по изданію въ *Русской Библиотекѣ*.

Въ девятомъ явленіи третьяго дѣйствія, послѣ извѣстныхъ словъ Платова Михайловича о Загорѣцкомъ:

Человѣкъ окъ свѣтскій,
Отъявленный мошенникъ, лауць,
Антонъ Антомычъ Загорѣцкій—

вставлены слѣдующіе четыре стиха:

На дняхъ окъ банкъ по-шугерски сорвалъ,
Смигнулся съ шугеромъ такимъ же записнымъ
И обыгралъ меня. Богъ съ нимъ!
Вчера украмъ билеть, а слышалъ какъ совралъ?

Эти стихи, со слѣдующими за ними: „При немъ остерегись“ и т. д., составляютъ сряду шесть стиховъ съ мужскими рифмами.

Еще примѣръ: послѣ словъ Хлестовой: „Я за уши его дурала,—только мало“ вставлена цѣлая сцена въ 46 стиховъ которую очевидно выбросилъ самъ авторъ (если только окъ написалъ ее) безо всякой обработки. Она начинается уродливыми стихами:

Хлестова.

А это что за чучело? скажи, кто онъ?

Софья.

Наталиа Дмитриевна мужъ, Платонъ Михайловичъ.

Хлестова.

А! знаю. Здравствуйте! Супруга
Ужь вѣрно здѣсь: вы неразлучные два друга.

Такихъ уродливыхъ вставокъ очень много; но мы, боясь утомить читателей, приведемъ еще только одну. Знаменитое сужденіе Загорѣдкаго о книгахъ читается у новыхъ издатель такъ:

Нѣтъ-съ, книги книгамъ розь!

Романы?... Чтѣ за вредъ!

А вотъ гдѣ зло, причина бѣдъ:

Ученые.... вотъ ихъ-то брось!...

Какую-то ученую мораль

Вчера читалъ, потѣлъ, локать трудился,

А чтѣ молодъ ученый вралъ,

Никакъ я не добился.

Бѣднѣй Гривобѣдовъ!...

Въ нынѣшнемъ году вышло въ Тифлисѣ новое изданіе *Горе отъ ума*, редактированное княземъ Эристовымъ „по рукописи (какъ сказано въ заглавіи) 1831 года, найденной въ Тифлисѣ со 150 вариантами“. Прочитавъ предисловіе редактора, подумаешь что эта находка весьма цѣнное приобрѣтеніе для почитателей знаменитой комедіи. Но при дальнѣйшемъ чтеніи разочаруешься. Окажется что вариантовъ по-важнѣе и поинтереснѣе едва ли наберется десятокъ; остальные не представляютъ никакаго интереса. Попадается не мало просто-напросто описокъ лица, но издатель не хочетъ признать ихъ описками, а называетъ ихъ „вариантами“. Вотъ доказательства нашихъ словъ:

Фамусовъ.

Мать умерла — умѣлъ я *принять*

Въ мадамъ Розье вторую мать.

Издатель говоритъ при этомъ: „мы въ первый разъ встрѣчаемъ такой вариантъ“, не замѣчая того что *принять* вмѣсто *принимать*, дѣлаетъ стихъ неправильнымъ и слѣдовательно обличаетъ явную описку.

Еще забавнѣе слѣдующій „вариантъ“. Во всѣхъ прежнихъ издаваніяхъ Чацкій, ухаживая вмѣстѣ съ Лизой за ашавшеюся чувствъ Софьей (во второмъ дѣйствіи), говоритъ:

Гляди въ окно:

Молчаливъ на ногахъ давно.

Въ изданіи князя Эристова это мѣсто изпечатано такимъ образомъ:

Чацкій (глядя съ окна).

Молчаливъ на ногахъ давно.

Издатель не замѣтилъ что эта ошибка въ рукописи оставляетъ послѣдній стихъ безъ рифмующаго.

Въ словахъ Репетилова:

„Какъ будто зналъ, — сюда спѣшу...“

лисецъ тифлисской рукописи вмѣсто *зналъ* поставилъ *знавъ*. Хотя изъ смысла словъ Репетилова ясно можно увидѣть что здѣсь такая же опуска какъ и въ предыдущихъ примѣрахъ, но издатель ея не видитъ. Напротивъ, онъ считаетъ этотъ „вариантъ“ чуть ли не перломъ, придающимъ новый блескъ комедіи. Вотъ что онъ говоритъ по этому поводу:

„Одно незначительное слово, но какъ оно ярко обрисовываетъ личность Репетилова. Изъ этихъ словъ ясно что Репетиловъ вовсе не былъ приглашенъ на вечеръ у Фамусова, а что онъ самъ заѣхалъ. Съ Репетиловымъ не церемонились; его нечего было приглашать, онъ безъ зова являлся всюду, какъ домашній человекъ. Такъ маленькій незначительный штрихъ, сдѣланный рукою великаго художника, придаетъ картинѣ жизнь и полноту!“ (Предисл. стр. 5).

А. С.

III.

Новая Земля. Исторія ея открытія и описаніе. Dr. Hugo Töppera: *Die Doppelinsel Nowaja Semlja. Geschichte ihrer Entdeckung.* Leipzig, Druck und Verlag von Oswald Mutze, 1879.

Что такое Новая Земля, этотъ громадный двойной островъ, принадлежащій къ Архангельской губерніи? Когда и кѣмъ онъ былъ открытъ, изслѣдованъ, описанъ? Каковы условія его климата, его фауна и флора? Будемъ откровенны: рѣдкій изъ насъ могъ бы дать удовлетворительный отвѣтъ на всѣ эти вопросы. Тѣмъ болѣе интереса представляетъ, думается намъ, то нѣмецкое сочиненіе заглавіе котораго

мы приведем выше. Основываясь на обильномъ матеріалѣ разсѣянномъ въ различныхъ спеціальныхъ изданіяхъ и сочиненіяхъ,—между ними одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ *Bulletin Scientifique* нашей Академіи Наукъ,—постоянно ссылаясь не только на заглавія книгъ, но и на ихъ страницы, Тёлленъ собралъ въ одно цѣлое все что извѣстно въ настоящее время о Новой Землѣ. Исслѣдованіе его распадается на двѣ главныя части. Первая содержитъ *Исторію открытія Новой Земли*, вторая—ея описаніе. Читатель найдетъ здѣсь рядъ отдѣльныхъ главъ посвященныхъ топографіи острова, его климату, растительности, фаунѣ. Къ книгѣ приложена подробная литографированная карта. Мы постараемся передать здѣсь наиболѣе интересные факты и выводы представляемые авторомъ. Книга его пополняетъ значительный пробѣлъ въ нашихъ столь отрывочныхъ свѣдѣніяхъ о Новой Землѣ. Замѣтимъ что авторъ въ свою очередь имѣетъ въ виду указать своею монографіею на то что остается еще сдѣлать для полнаго географическаго исслѣдованія этой части Архангельской губерніи.

По мнѣнію Тёллена, невозможно опредѣлить когда впервые была открыта Новая Земля. Весьма вѣроятно что Самоѣды посѣщали ее еще ранѣе русскихъ промышленниковъ; какъ бы то ни было, но въ 1556 году, слѣдовательно въ половинѣ XVI столѣтія, русскіе охотники въ Колѣ разказывали уже про то что на сѣверѣ есть большой островъ, Новая Земля, и что на немъ самая высокая въ свѣтѣ гора, подъ которою они вѣроятно подразумѣвали Первусмотрѣнную гору. Въ Западную Европу первыя свѣдѣнія о Новой Землѣ проникли чрезъ мореплавателей поставившихъ себѣ задачей отыскать сѣверо-восточный путь въ Восточную Азію. Мысль о существованіи такого сѣверо-восточнаго пути была возбуждена въ Европѣ книгою барона Герберштейна о Россіи, появившеюся въ 1549 году. На картѣ приложенной къ этой книгѣ Герберштейнъ обозначалъ источникомъ рѣки Оби озеро Китайскъ и, руководствуясь именемъ этого озера, предположилъ что оно должно быть въ Китаѣ. По его мнѣнію, столица Китая, городъ Пекинъ, должна была находиться близъ источника Оби. Отсюда являлась надежда проникнуть чрезъ рѣку Обь въ дивное и невѣдомое Среднее Царство, въ Европѣ четыре года спустя послѣ появленія книги австрійскаго посланника при Русскомъ дворѣ и уже

началось снаряженіе экспедиціи для отысканія „сѣверо-восточнаго проѣзда“. Первыми явились Англичане. Одинадцатаго мая 1553 года три небольшіе корабли отплыли изъ Лондона съ этою цѣлю. Экипажъ двухъ изъ нихъ погибъ отъ холодовъ во время зимовки въ Колѣ; командиръ третьяго корабля, Chancellor, благополучно достигъ Двины и положилъ основаніе англійской торговой компаніи въ Россіи; компанія эта называлась „Московскою“, *Muscovy Company*. Цѣлью ея было расширеніе англійскихъ торговыхъ операцій въ Восточной Европѣ и отысканіе „сѣверо-восточнаго проѣзда“. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ экспедицій, Англичане отступились отъ этой послѣдней задачи: на мѣсто ихъ явились Голландцы, въ 1578 году появившіеся въ Архангельскѣ. „Филиппъ II, король Испанскій, преградилъ имъ доступъ къ торговлѣ въ Индіи, и они усердно старались обезпечить себѣ торговля операціи съ Россіей. Кроме того, въ 1581 году въ Амстердамѣ находился нѣкто Оливеръ Брунвель или Брунвель, посѣтившій съ Русскими рѣку Обь черезъ Карское море. Вѣроятно основываясь на ложно повѣстныхъ указаніяхъ жителей Сибири, онъ снова возобновилъ легенду о водномъ сообщеніи Китая съ Ледовитымъ Океаномъ посредствомъ рѣки Оби. Въ дѣло вступились знаменитѣйшіе голландскіе географы того времени, и на правительственныя средства была снаряжена цѣлая экспедиція отплывшая изъ Голландіи въ іюнь 1594 года.“ Какъ эта экспедиція,—въ ней участвовали четыре корабля,—такъ и снаряженная на слѣдующій 1595 годъ большая экспедиція въ составѣ семи кораблей, оказались неудачными. Правительство отказалось предпринимать дальнѣйшія попытки на свой собственный счетъ, но назначило однако награду въ 25.000 гульденовъ за отысканіе сѣверо-восточнаго проѣзда. Амстердамскіе купцы не покинули разъ взлѣтѣвшаго плана и въ 1596 году на собственные средства отправили изъ Амстердама два корабля. Одинъ изъ нихъ скоро возвратился назадъ; другой, подъ управленіемъ Геемскерка и Барента, совершилъ „одну изъ самыхъ любопытныхъ и важныхъ полярныхъ экспедицій“. Небольшому экипажу пришлось впервые перезимовать на Новой Землѣ. Вотъ какъ описывается эта первая зимовка:

„26го августа корабль былъ совершенно запертъ льдомъ въ Иставетъ (Ледяная бухта); съ него перенесли на землю все что только можно было взять. Нѣсколько человекъ экипажа

нашли на островѣ рѣку съ прѣсною водою и массу славаго лѣса; количества его было совершенно достаточно чтобы построить домъ и отоплять его цѣлую зиму. Домъ начали строить 16го сентября; постоянно усиливавшіеся холода и частыя посѣщенія бѣлыхъ медвѣдей (борьба съ ними оказывалась довольно затруднительною при фитильныхъ ружьяхъ и алебардахъ, составлявшихъ вооруженіе Голландцевъ) побудили слѣшить его окончаніемъ, и 24го октября весь экипажъ уже поселился въ немъ. Къ концу октября начали появляться лисицы; первая изъ нихъ была убита 27го числа; въ продолженіе всей зимы Голландцы весьма охотно ѣли мясо этихъ лисицъ, похожее вкусомъ на мясо кроликовъ, между тѣмъ какъ мясо бѣлыхъ медвѣдей совершенно не употреблялось въ пищу. 4го ноября солнце въ первый разъ не показалось болѣе на востокѣ; началась полярная ночь длившаяся 81 день. Въ продолженіе ея сѣверные медвѣди совершенно не показывались; напротивъ лисицы начали появляться чаще; ихъ ловили западнями, и кромѣ мяса пользовались также ихъ шкурами. Въ средствахъ для питанія не было особеннаго недостатка, за исключеніемъ напитковъ которые частію испортились. Для освѣщенія служила лампа наполняемая медвѣжьимъ саломъ; бочка отъ вина приспособлена была для мытья. Въ ноябрѣ холода были еще сносны; они значительно усилились въ декабрѣ мѣсяцѣ, и хотя у Голландцевъ не было свародовъ для измѣренія температуры, но о степени холода представлялось возможнымъ судить по его дѣйствию: спиртаме напитки замерзали, лостели покрылись слоемъ льда въ два пальца толщины, стѣнные часы остановились, песочные часы съ трудомъ поддерживались въ исправномъ видѣ. Въ первыхъ числахъ января холодъ, буря и снѣгъ все еще продолжали свирѣлствовать; 5го января Голландцы въ первый разъ могли опять выдти изъ дома чтобы заластись толпивою. Несмотря на все это они не теряли духа: по принятому обычаю они испекли подъ Крещеніе блины и разрѣшили себѣ вылить сбереженнаго на крайній случай вина. Согласно обычаю въ этотъ день былъ даже избранъ „король“: честь быть „королемъ“ Новой Земли досталась на долю фейерверкера (*constapel*). 24го января въ первый разъ показалось опять солнце; за нѣсколько времени предъ этимъ лисицы исчезли, а 25го января появился снова первый бѣлый медвѣдь. Въ продолженіе марта мѣсяца

господствовали по преимуществу восточные и сѣверо-восточные вѣтры; показывалось все болѣе и болѣе лавучихъ льдинъ; при западномъ и юго-западномъ вѣтрѣ море часто бывало совершенно свободно ото льда который вообще и зимою не покрывалъ морскую воду сплошною и неподвижною корою. Атмосфера часто была очень прозрачна; 9го марта Голландцамъ показалось даже что они видѣли на югѣ и юго-востокѣ холмистые берега Сибири. Въ срединѣ и концѣ марта снова появились страшные зимніе холода; съ концѣ апрѣля наступила прекрасная, пріятная погода, а съ 30го апрѣля солнце перестало заходить. 14го юня Голландцы покинули Новую Землю на выстроенныхъ ими лодкахъ. Предъ отплытіемъ Барентъ положилъ въ печную трубу избы краткій отчетъ о приключеніяхъ экспедиціи. Всѣ присутствовавшіе подписали, кромѣ того, особый актъ въ которомъ были изложены причины заставившія покинуть корабль. 1го ноября 1597 Барентъ и его товарищи возвратились въ Амстердамъ, гдѣ ихъ уже давно считали погибшими: изъ семнадцати человекъ вернулось только двѣнадцать.“

Зимовка Барента „въ Ледяной бухтѣ“ была первою совершенно Европейцами въ полярныхъ странахъ. Подвигъ этотъ особенно важенъ уже потому что экспедиція была къ нему совершенно не приготовлена. Противускорбутныя средства не были припасены; чай и кофе не были еще извѣстны. Одинъ изъ участниковъ экспедиціи, Герритъ-де-Вееръ, привезъ съ собою карту посѣщенныхъ мѣстностей. „Карта эта вѣрно передаетъ общія очертанія Новой Земли, хотя обозначеніе долготы сдѣлано частію неправильно. По этой картѣ въ теченіе столѣтій изображался восточный край Новой Земли; только нашему времени суждено было замѣнить ея указанія болѣе точными и подробными измѣреніями.“

Мы опускаемъ цѣлый рядъ экспедицій принадлежавшихъ Англичанамъ, Голландцамъ, „Гренландской Компаніи“, Датчанамъ; онѣ не представляютъ ничего важнаго для изслѣдованія Новой Земли которой касались болѣе или менѣе посредственно. Съ 1676 года западныя европейскія экспедиціи на сѣверо-востокъ и въ Новую Землю совершенно прекращаются. Въ XVIII столѣтіи и въ первой половинѣ нашего вѣка изслѣдованіе Новой Земли принадлежитъ исключительно Русскимъ. Въ правленіе императрицы Анны Иоанновны былъ предпринятъ съ 1734 по 1739 годъ цѣлый рядъ

экспедицій, имѣвшихъ цѣлю изслѣдовать и снять на карту все пространство къ востоку отъ Архангельской губерніи вплоть до Америки. Ни одна изъ этихъ экспедицій не достигала Новой Земли. „Со второй половины XVIII вѣка“, говоритъ Тѣлленъ, „мы вступаемъ въ періодъ экспедицій имѣвшихъ Новую Землю своею исключительною цѣлю; экспедиціи эти предпринимались изъ чувства любознательности и поддерживались какъ правительствомъ, такъ и частными лицами.“ Въ 1760 году Ложкинъ употребилъ почти три года на то чтобъ объѣхать весь островъ, но подробнаго описанія его путешествія, къ сожалѣнію, не сохранилось. Въ 1768 отставному лейтенанту Розмыслову поручено было правительствомъ отправиться на Новую Землю и снять на карту ея берега; въ то же время онъ имѣлъ еще частное порученіе отъ архангельскаго купца Бармина поискать на островѣ серебряной руды. Розмысловъ, подобно Баренту, зимовалъ на Новой Землѣ. Геодезическія и гидрографическія работы были его главнымъ занятіемъ, но онъ сдѣлалъ кромѣ того еще рядъ другихъ наблюденій. Холода были такъ сильны во время его зимовки что люди не могли выходить изъ двухъ построенныхъ ими избъ; всѣ переболѣли, нѣсколько человекъ умерло. Снѣгъ началъ таять лишь въ концѣ мая; въ концѣ іюня ледъ былъ еще такъ твердъ что Розмысловъ могъ по нему докончить съемку южнаго берега. По словамъ Розмылова, на Новой Землѣ *нѣтъ драгоценныхъ металловъ*; въ горахъ встрѣчается множество прѣсноводныхъ озеръ, въ которыхъ очень много мелкой рыбы; деревьевъ нѣтъ, даже травъ мало; изъ животныхъ онъ нашелъ бѣлыхъ медвѣдей, полярныхъ лисицъ, волковъ, сѣверныхъ оленей; изъ птицъ — дикихъ гусей, чаекъ, галокъ; изъ морскихъ животныхъ Розмысловъ упоминаетъ моржей, тюленей и бѣлугъ. „Розмысловъ значительно расширилъ кругъ свѣдѣній объ островѣ, первый снялъ на карту разделяющій его проливъ, измѣрилъ его длину и опредѣлилъ довольно вѣрно его положеніе.“ Онъ не сообщилъ, правда, купцу Бармину ничего утѣшительнаго о минеральныхъ богатствахъ Новой Земли, но надежды найти ихъ тамъ, по видимому, все-таки не были еще оставлены. Въ началѣ нашего столѣтія, въ 1807 году, графъ Румянцевъ на собственный счетъ снарядилъ экспедицію, главною задачей которой было изслѣдованіе Новой Земли съ горнозаводской точки зрѣнія. Начальникомъ экспедиціи былъ Поспѣловъ;

съ нимъ отправился уральскій горнозаводскій чиновникъ Лудловъ и двое горнозаводскихъ рабочихъ. Лудловъ изслѣдовалъ высокіе гористые берега губы Серебрянки вплоть до границы сѣвговъ, но не открылъ сѣвговъ серебряной руды; на сѣверномъ берегу Маточкина Шара Лудловъ нашелъ сѣру и мѣдь; онъ выразилъ мнѣніе что тамъ можно было бы вѣроятно найти и малахитъ.

Экспедиціи на Новую Землю сѣдуютъ теперь одна за другою въ такомъ изобиліи что мы должны ограничиться простымъ ихъ перечнемъ. Въ 1819 году состоялась экспедиція Лазарева, съ 1821 по 1825 годы рядъ экспедицій Литке, съ 1832 по 1838 вѣсколько частныхъ экспедицій снаряженныхъ купцомъ Брандтомъ и оберфорстмейстеромъ Клоковымъ. Эти послѣднія экспедиціи находились подъ начальствомъ Пахтузова и Живоки; результаты ихъ „весьма обильны и важны. Южный и восточный берега южнаго острова, Маточкинъ Шаръ и часть восточнаго берега сѣвернаго острова были сняты на карту было сдѣлаано множество магнетическихъ и метеорологическихъ наблюденій.“ Открытія сдѣланныя на Новой Землѣ и устные разказы Живоки возбудили въ извѣстномъ академикѣ Берѣ такой интересъ что въ засѣданіи Петербургской Академіи Наукъ, отъ 10 марта 1837 года, онъ предложилъ отправить его самого съ цѣлю ученаго изслѣдованія острова. Академія согласилась на это предложеніе „и на Новую Землю вступилъ въ первый разъ ученый естествоиспытатель, бывший авторитетомъ во многихъ отрасляхъ естественныхъ наукъ“. 6 июля того же 1837 года Беръ прибылъ въ Архангельскъ вмѣстѣ со своими слугами. Леманъ долженъ былъ производить геогностическія работы, рисовальщикомъ состоялъ Редеръ, прелараторомъ Филипповъ, лаборантъ зоологическаго музея, капитаномъ былъ Живоки. „Путешествіе Бера представляетъ величайшую важность для ботаническаго, зоологическаго и минералогическаго изслѣдованія Новой Земли. Беръ собралъ здѣсь 90 видовъ явнотныхъ растений и 70 видовъ безпозвоночныхъ животныхъ, то-есть большее количество представителей флоры и фауны нежели какое было извѣстно въ то время на Шлидбергенѣ. Геогностическое строеніе острова было основательно изслѣдовано во всѣхъ посѣщенныхъ мѣстностяхъ; вопросъ о томъ составляютъ ли горы Новой Земли продолженіе Уральскихъ горъ былъ окончательно

рѣшесть. Беръ обнародовалъ результаты своей экспедици въ *Бюллетень* Петербургской Академи и списалъ себѣ имъ полное право сказать что въ научномъ отношеніи онъ первый открылъ Новую Землю.“ Послѣ экспедици Бера была въ 1838 году послана правительствомъ еще новая экспедиція подъ начальствомъ Живоки и Моисеева; она должна была работать на Новой Землѣ два лѣта и одну зиму, и дала цѣлый рядъ важныхъ астрономическихъ опредѣленій широты и ежечасныхъ метеорологическихъ наблюденій. „Съ 1838 по 1869 годъ въ изслѣдованіи Новой Земли наступаетъ долгая пауза. 1869 годъ служитъ началомъ совершенно новой эры въ исторіи изслѣдованія тѣхъ мѣстностей для разоблаченія тайнъ которыхъ уже было потрачено столько средствъ, погублено столько жизней и кораблей. Начиная съ этого года свѣдѣнія наши о Новой Землѣ расширяются и обогащаются уже не правительственными экспедиціями и не на средства частныхъ лицъ изъ русскихъ богачей, но простыми норвежскими китоловами и моржеловами привлеченными надеждою богатой добычи свачала лишь до западнаго берега Новой Земли, затѣмъ далеко въ глубь страшнаго Карскаго моря.“ Не будемъ перечислять цѣлаго обширнаго ряда имевъ привидимаго Тѣлленомъ за послѣднее десятилѣтіе, и упомянемъ лишь нѣкоторые. Въ 1870 году Новой Земли у Костина Шара коснулся корветъ *Варягъ* на которомъ находился Великій Князь Алексѣй Александровичъ; съ 1872—74 годъ Новую Землю посѣтила австро-венгерская полярная экспедиція подъ начальствомъ Пайера, Випрехта и графа Виллечека; въ 1875 и 1876 годахъ на Новой Землѣ былъ извѣстный профессоръ Норденскюльдъ. Циклъ изслѣдованій Новой Земли завершается трогательною находкой сдѣланною въ 1876 году Англичаниномъ Гардинеромъ. Онъ посѣтилъ „Ледяную бухту“, мѣсто зимовки впервые совершенной на Новой Землѣ Барентомъ. „Зимній домъ Голландцевъ совершенно разрушился, но Гардинеръ нашелъ подъ его развалинами рогъ для пороха и въ немъ твердо смерзшіяся шарики изъ бумаги. Это былъ документъ оставленный Барентомъ въ ледной трубѣ, какъ уже извѣстно читателямъ. Сначала не надѣялись на возможность развернуть его и разобрать написанное; трудъ этотъ однако удался и съ документа снята теперь фотографическая копія. Онъ подписанъ Барентомъ и Геемскеркомъ и содержитъ въ себѣ описаніе экспедици и зимовки. Кромѣ того найдено

множество разныхъ вещей, отрывки рукописей и записныхъ книгъ, печатный молитвенникъ, карты, монеты, циркули, оружіе и т. д. Гардинеръ принесъ всѣ эти предметы въ даръ Голландіи и они выставлены теперь въ модельной комнатѣ морскаго департамента, въ Гаагѣ. Мы оканчиваемъ такимъ образомъ нашъ краткій очеркъ вѣковыхъ трудовъ пріятыхъ по изслѣдованію „части Архангельской губерніи“ воспоминаніемъ о тѣхъ же лицахъ которыя первыми явились на этотъ подвигъ. Къ какому выводу приводитъ автора исторія изслѣдованій Новой Земли? Вотъ его слова:

„Положеніе и очертаніе Новой Земли теперь достаточно извѣстны, хотя опредѣленія нѣкоторыхъ ея частей гораздо многочисленнѣе и точнѣе нежели описанія остальныхъ. Многія заблужденія и предразсудки, вызванныя прежними экспедиціями, теперь разсѣяны. Естественное устройство западнаго берега и въ особенности окрестностей Маточкина Шара изслѣдованы довольно подробно, даже приступлено уже къ измѣреніямъ высоты. *Но остается сдѣлать больше того что уже сдѣлано*; для самыхъ различныхъ отраслей науки было бы чрезвычайно полезно и желательно снаряженіе новой экспедиціи которая имѣла бы спеціальною цѣлію изслѣдованіе всѣхъ частей острова. *Внутренность Новой Земли почти совершенно неизвѣстна*“. Предстоитъ ли Новой Землѣ какая-либо будущность? Да. Основываясь на новѣйшихъ результатахъ экспедицій профессора Норденскіольда, Тѣлленъ утверждаетъ что, „если удастся установить правильное морское сообщеніе вдоль сѣвернаго берега Азіи, какъ оно установлено уже къ устьямъ Оби и Енисея, то для острова наступитъ новая эпоха, *ибо Новая Земля должна будетъ сдѣлаться важною станціей на этомъ пути*.“

Попытаемся теперь въ быстромъ обзорѣ представить по книгѣ Тѣллена главные фактическіе результаты добытые по настоящее время изслѣдователями Новой Земли. Какія свѣдѣнія далъ намъ этотъ громадный рядъ экспедицій, начиная съ XVI вѣка и кончая прошлымъ годомъ?

Какъ велика Новая Земля? Площадь ея равняется 1.667,330 квадратнымъ географическимъ милямъ. „Если перенести весь островъ въ центральную Европу и помѣстить самую сѣверную часть его въ Прагу, то южная оконечность его оказалась бы между Лиллемъ и Турнѣ, а самая западная его точка пришла бы около Амстердама. Маточкинъ Шаръ ока-

заяса бы въ Вестфалии и Рейнской провинціи“. Новая Земля имѣетъ форму серпа; она тянется длинною и узкою полосой съ югозалада на сѣверовостокъ, изгибааясь по направленію къ сѣверозаладу. На картахъ изданныхъ до 1870 года форма ея сѣверной части существенно разнится отъ той которую она имѣетъ на новѣйшихъ картахъ. Островъ омывается со всѣхъ сторонъ Сѣвернымъ Ледовитымъ Океаномъ, который почти вездѣ врѣзывается въ землю безчисленными и глубокими бухтами. Ни одинъ путешественникъ еще не прониклъ во внутренность Новой Земли; лишь изрѣдка нѣкоторые изъ нихъ дѣлали поверхностный обзоръ съ высоты какой-нибудь горы. Новая Земля вся состоитъ изъ скалъ. По мнѣнію профессора Гѣфера, сопровождавшаго въ качествѣ геолога экспедицію графа Видлечека въ 1872 году, островъ не представляетъ кучу хаотически слутанныхъ возвышенностей, но гребень горъ идущихъ отъ югозалада на сѣверовостокъ и достигающихъ наибольшей своей высоты близь Маточкина Шара. Отъ главнаго гребня идутъ поперечные гребни обуславливающіе собою безчисленныя фіордообразныя бухты острова. Самъ Маточкинъ Шаръ есть не что иное какъ внезапное паденіе главнаго хребта ниже морскаго уровня. Господствующая формація острова—силурская и девонская. Не будемъ входить въ дальнѣйшія геологическія подробности и отмѣтимъ только два факта указываемые Тѣллениомъ: Новая Земля въ теченіе вѣковъ подымается изъ моря; она есть продолженіе великой возвышенности, отдѣляющей Россію отъ Азіи. По словамъ Тѣллена, „ни на Новой Землѣ, ни на Уралѣ до настоящаго времени не открыты еще вторичныя и третичныя формаціи; это доказываетъ что возвышенности эти принадлежатъ къ древнѣйшимъ водораздѣламъ на всемъ земномъ шарѣ“.

Читатели могли уже составить себѣ понятіе о *климатѣ* Новой Земли изъ описанія двухъ зимовокъ приведеннаго нами выше. Вотъ еще нѣкоторыя подробности сообщаемыя по этому вопросу въ книгѣ Тѣллена. Средняя температура Новой Земли холоднѣе нежели на западномъ берегу Гренландіи, на большей части Шпицбергена и на высшей точкѣ Сень-Готарда, но теплѣе нежели въ Якутскѣ и въ довольно значительной части сѣверной Азіи и Америки. Почему необитаема Новая Земля, если еще болѣе холодныя сѣвѣжныя окраины Азіи и Америки имѣютъ сравнительно довольно

густое население? Причина заключается въ крайне невыгодномъ взаимномъ отношеніи времени года. Зима на Новой Землѣ (средняя ея температура составляетъ -18° по Цельсію) гораздо сноснѣе нежели въ Якутскѣ, въ значительной части Сибири и на сѣверѣ Америки, но за то лѣто, съ его среднею температурой въ три градуса тепла по Цельсію, представляетъ самую низкую температуру между всѣми которыми были наблюдаемы до настоящаго времени. Отъ теплоты лѣта зависитъ развитіе органической жизни; холодное лѣто Новой Земли объясняетъ не только отсутствіе на ней человѣческихъ поселеній, но также и многія особенности въ растительной и животной жизни. Какъ *maximum* холода на Новой Землѣ метеорологическія наблюденія показываютъ -40° по Цельсію: одиѣ только разъ (22го февраля, въ 11 часовъ вечера) записано -47° . Наибольшая степень тепла составляла $+10^{\circ}$ Цельсія на юговосточной оконечности острова и $+20^{\circ}$ Цельсія въ западномъ устьѣ Маточкина Шара; оба наблюденія относятся къ июню мѣсяцу. Изъ вѣтровъ всего чаще дуютъ сѣверовосточные и югозападные. Перемена въ погоду совершается чрезвычайно быстро; туманы встрѣчаются рѣдко, но бываютъ такъ густы что не позволяютъ различать предметы въ непосредственной близости. При хорошей погодѣ воздухъ представляетъ, наоборотъ, чрезвычайную прозрачность, совершенно уничтожающую точность глазомера даже у самыхъ опытныхъ наблюдателей. Любопытно вліяніе которое положеніе и горные хребты Новой Земли оказываютъ на вѣтры, а следовательно и на погоду. Весной 1835 года Пахтузовъ (*Pachtussow*) былъ около мѣсяца занятъ работами на западномъ берегу, между тѣмъ какъ Живолка оставался все это время на восточномъ. При сдѣланномъ сличеніи записныхъ книгъ оказалось что пока на западномъ берегу стояла хорошая погода, на восточномъ она была неблагоприятна, и наоборотъ. Къ концу мая свѣтъ обыкновенно исчезаетъ съ открытыхъ мѣстностей; рѣдки освобождаются ото льда въ концѣ іюня, заливы и проливы—къ концу іюля. Лѣтомъ и осенью идутъ сильныя и продолжительныя дожди. Сѣверныя сіянія очень часты.

Растительность на Новой Землѣ обильнѣе нежели въ другихъ полярныхъ странахъ, но тѣмъ не менѣе очень ограниченна. Траутфеттеръ, обработавшій въ 1871 году ботаническій матеріалъ русскихъ экспедицій на Новую Землю, при-

водитъ 105 видовъ найденныхъ здѣсь явнобрачныхъ растений. Гейгаинъ насчитываетъ на Новой Землѣ и на Вайгачѣ 146 явнобрачныхъ и 144 тайнобрачныхъ, что составляетъ 290 видовъ растений. По словамъ Бера, Новая Земля еще только подготавливаетъ растительный слой: за исключеніемъ трехъ или четырехъ мѣстъ, Беръ не нашелъ нигдѣ на всемъ островѣ сплошной травы, чего-либо заслуживающаго названія луга. Утесы Новой Земли стоятъ по большей части обнаженными, или же покрыты лишаями образующими какъ бы родъ коры. Къ болѣе обильному развитію растительности способны лишь такія мѣста въ которыхъ снѣговая вода превратила осыпавшіяся окрошки скалъ въ темную глину. Глина эта трескается подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей, въ трещинахъ скопляется мохъ служащій защитой другимъ растениямъ и т. д. Впрочемъ и на Новой Землѣ есть мѣстности обильныя цвѣтами. Беръ описываетъ одну такую мѣстность лежавшую на югѣ, у подошвы высокой горы. Болѣе 30 видовъ растений—въ числѣ ихъ была наша *незабудка*,—были расположены здѣсь „какъ бы искусною рукою садовника; между каждымъ отдѣльнымъ растеніемъ находились промежутки голой земли“. Чрезвычайно скудное, сравнительно съ цвѣтами, развитіе зелени увеличиваетъ на Новой Землѣ впечатлѣніе пестраго смѣшенія красокъ. Растенія общія Новой Землѣ и средней Европѣ развиты на первой гораздо слабѣе, даютъ сѣмена лишь при особо благоприятныхъ условіяхъ и то уже часто подъ снѣгомъ. Растительность Новой Земли зависитъ прежде всего отъ непосредственнаго вліянія солнечныхъ лучей которые оказываются гораздо дѣйствительнѣе химическаго состава почвы и влажности. Благоприятныя для растительности условія тепла ограничиваются самымъ нижнимъ слоемъ атмосферы и самымъ верхнимъ слоемъ земли; вслѣдствіе этого растенія стремятся какъ можно выше подниматься надъ землею и какъ можно менѣе углублять въ землю свои корни. Перпендикулярно опускаются лишь самые короткіе корни; каждый болѣе длинный корень принимаетъ подъ землею горизонтальное направленіе и развивается параллельно съ поверхностію почвы. Беръ считаетъ 2 или 3 дюйма за обычную вышину той части растенія которая поднимается надъ землею. На Новой Землѣ встрѣчается карликовая береза (*Betula nana*) и ползучая ель. Изъ древесныхъ растений самое высокое *Salix lanata*: оно дости-

гаетъ высоты одной четверти аршина (*eine Spanne*) между тѣмъ какъ его толстые корни, похожіе на подземные стволы, часто можно преслѣдовать подъ землею на протяженіи четырехъ метровъ и все еще не найти ихъ конца.

Торжественное молчаніе всюду и во всякое время года окружаетъ человѣка вступающаго на Новую Землю. Отсутствие людей, движенія и жизни вызывало какое-то особое чувство робости и смиренія не въ одномъ смѣльчакѣ провакавшемъ на островъ, и всѣ откровенно сознавались въ этомъ впечатлѣніи. Немногія животныя обитающія здѣсь по большей части лишь ночью выходятъ добывать себѣ пищу, птицы рѣдко подаютъ голосъ, насекомыя изрѣдка летаютъ надъ крохотными цвѣтками которые такъ низко поднимаются надъ землею что даже дыханіе вѣтра не можетъ коснуться ихъ и привести въ колебаніе. Первенствующее мѣсто въ животномъ царствѣ Новой Земли занимаетъ бѣлый медвѣдь, одинъ изъ самыхъ опасныхъ противниковъ человѣка. Бѣлые медвѣди стадами бродятъ по всему острову, но повидимому они въ наибольшемъ обиліи водятся на сѣверовосточномъ его концѣ. Бѣлый медвѣдь питается по преимуществу тѣлами животныхъ, выкидываемыми моремъ на берегъ; онъ отлично плаваетъ и часто пускается на ледъ чтобы отыскать себѣ пищу. На Новой Землѣ встрѣчаются также волки, но о нихъ рѣдко упоминается въ описаніяхъ путешественниковъ. Гейгливъ полагаетъ что какъ волкъ, такъ и обыкновенная лисица (*canis vulpes*) должны быть считаемы на Новой Землѣ только пришлыми гостями; вѣроятно они забредаютъ съ материка черезъ ледъ. Гораздо чаще встрѣчается полярная лисица (*canis lagopus*), мѣхъ которой темно-пепельнаго или грязно-бѣлаго цвѣта. Самоѣды иногда приручаютъ ее. Часто встрѣчаются также сѣверный олень который на Новой Землѣ менѣе ростомъ нежели на Шпицбергенѣ, равно какъ моржи и тюлени; въ наибольшемъ количествѣ водится Норвежская полевая мышь, такъ-называемая *пеструшка*. Близъ береговъ водится бѣлуга; на самомъ островѣ извѣстно до настоящаго времени десять породъ рыбъ, изъ которыхъ для рыболововъ имѣютъ значеніе только одни гольцы (*salmo alpinus*). Пресмыкающіяся совершенно неизвѣстны на Новой Землѣ; изъ птицъ Гейгливъ насчитываетъ сорокъ три вида; между ними встрѣчается совершенно бѣлая сова (*strix nyctea*).

Представивъ очеркъ животнаго царства въ Новой Землѣ и уломявувъ о томъ что надежда на хорошую охоту привлекаетъ сюда многихъ промышленниковъ, Тёплень въ печальныхъ краскахъ изображаетъ положеніе русскаго морскаго промысла на сѣверѣ Россіи. „За послѣдніе десятки лѣтъ русскій морской промыселъ чрезвычайно упалъ на сѣверѣ. Въ 1859 и 1860 годахъ въ Ледовитый Океанъ было выслано со всего берега не болѣе пяти, шести судовъ. Причина этому заключается частію въ конкуренціи Шпидбергена, частію же въ неудачныхъ годахъ имѣвшихъ своимъ послѣдствіемъ продолжительныя остановки въ промыслѣ, вымираніе старыхъ опытныхъ моряковъ и неудачныя поѣздки подъ руководствомъ недостаточно испытанныхъ рыбаковъ. Значительную помѣху представляютъ также устарѣвшая форма промысловъ и первобытные способы построенія судовъ. До двадцатыхъ годовъ нашего столѣтія, у лицъ управлявшихъ судами не было даже картъ и лота; они пользовались только простымъ маленькимъ компасомъ, *маточкою*. Можно было бы многое сдѣлать для поднятія и развитія архангельскаго морскаго промысла. Введеніе болѣе цѣлесообразныхъ и прочныхъ судовъ по англійскому и американскому образцу, замѣна или подкрѣпленіе парусовъ паровыми двигателями, болѣе тщательное устройство избѣ для зимовки, вотъ мѣры которыя привели бы огромную пользу и обезпечили бы значительный успѣхъ русскому морскому промыслу.“ Съ 1877 года на Новой Землѣ устроена постоянная станція для пользы мореплавателей и для спасенія погибающихъ. Въ ней живутъ шесть самоѣдскихъ семействъ.

IV.

Le Banquet. Papiers intimes de J. Michelet.

Покойнаго Мишле можно приравнять къ Виктору Гюго въ томъ отношеніи что оба они пользуются громкою репутаціей въ своемъ отечествѣ, но далеко не пользуются таковою за его предѣлами. Съ тѣхъ поръ какъ Гюго, не имѣющій ни малѣйшаго призванія къ политикѣ, вздумалъ превратиться въ политическаго дѣятеля, поэзія его сдѣлалась еще болѣе фразистою и калыщенною; точно также и Мишле, залисавшись въ ряды отчаянныхъ демократовъ, довелъ свою манеру до безобразной искусственности.

т. снх.

31

И несмотря на то во Франціи даже люди вовсе не разделяющіе его образа мыслей, продолжаютъ восхищаться имъ какъ писателемъ, — такъ прихотливъ и своеобразенъ вкусъ французской публики! Недостатки автора прогладывали и въ первыхъ его произведеніяхъ, особенно въ наиболѣе важномъ—въ *Исторіи Франціи*, но читатель охотно мирился съ ними ради многого что не могло не лѣзвать его: кто не помнитъ, напримѣръ, съ какимъ патріотическимъ одушевленіемъ описана была борьба, съ которою неразрывно связано имя Иоанны Даркъ или какимъ художественнымъ совершенствомъ отличалась характеристика короля Лудовика XI? Но Мишле вдругъ прервалъ свой трудъ на половинѣ и принялся изучать французскую революцію; онъ сдѣлалъ это потому что произошелъ рѣшительный переворотъ въ его образѣ мыслей; онъ узрѣлъ въ революціи прошлаго столѣтія своего рода откровеніе для человечества и не хотѣлъ дожидаться пока дойдетъ до нея въ своемъ изложеніи французской исторіи, а слышалъ поскорѣе возвеличить эту, какъ онъ называетъ ее, „всемирную эполею“. Въ послѣдствіи Мишле сталъ продолжать свой трудъ, но это уже былъ не тотъ Мишле. Историкъ какъ бы совсѣмъ утратилъ пониманіе историческихъ явленій: въ церкви, въ монархической власти видитъ онъ только враговъ, съ которыми поздиѣ свела свои страшные счеты революція, и преслѣдуетъ ихъ съ такою запальчивостію какъ будто пишетъ памфлетъ. Крайне непріятное и тяжелое впечатлѣніе производятъ тѣ томы его *Исторіи Франціи* которые обнимаютъ періодъ отъ начала XVI вѣка до 1789 года.

Еще менѣе достоинствъ въ цѣломъ рядѣ мелкихъ произведеній Мишле которыя относятся къ поздиѣшему періоду его дѣятельности, — въ его очеркахъ или брошюрахъ носящихъ заглавія: *Le peuple, Le prêtre, L'amour, L'oïseau, L'insecte* и т. п. (нѣкоторые изъ нихъ написаны имъ въ сотрудничествѣ съ его женой). На каждомъ шагу поражаетъ здѣсь революціонная фразеологія, изступленная ненависть къ духовенству, грубая лесть низшимъ классамъ и все это въ соединеніи съ весьма приторною сентиментальностію и съ крайнею вычурностію языка.

Послѣ Мишле осталось, кажется, очень много неоконченныхъ имъ рукописей, — замѣтки объ его путешествіяхъ, дневникъ, различные отдѣльные трактаты и т. д. Все это должно

теперь появиться въ печати. Для начала мы имѣемъ предъ собою небольшую книгу подъ страннымъ заглавіемъ: *Le Banquet*. Первая половина ея посвящена впечатлѣніямъ автора въ небольшомъ италіянскомъ городкѣ Нерви, около Генуи, куда онъ удалился послѣ государственнаго переворота 2 декабря 1851 года чтобы возстановить свои физическія и нравственныя силы. Здѣсь можно указать на нѣсколько страницъ которыя напоминаютъ прежняго Мишле, — напри- мѣръ хоть бы это мѣсто о Генуезской республикѣ:

„Генуя вовсе не помышляла о камятъ когда расположи- лась въ центрѣ залива. Торговля съ оружіемъ въ рукахъ, хищничество, тиранія на моряхъ — вотъ что исключительно ее озабочивало. Не обращая вниманія на землю которую она не знала и презирала, Генуя на узкомъ прибрежьи между моремъ и горой нагромоздила цѣлые ряды мраморныхъ двор- цевъ; издали кажется будто они стоятъ одинъ надъ другимъ. Эти великолѣпныя зданія отдѣляющіяся другъ отъ друга террасами и померанцевыми садами, изумляютъ, поражаютъ, но не очаровываютъ зрителя; сознаешь, какихъ громадныхъ усилий стоило все это, сознаешь что Генуезцы, вообще рав- нодушные къ красотамъ природы, совершили подобный под- вигъ отнюдь не для того только чтобы тѣшить имъ свои взоры. Генуезскіе дворцы это—настояція крѣпости съ рѣ- шетками на окнахъ, съ массивными желѣзными воротами чтобы вѣрнѣе уберечь накопленныя сокровища; воздушныя ихъ террасы старающіяся поднятись все выше и выше, за- глянуть впередъ одна черезъ другую, это—обсерваторію от- куда кулець слѣдитъ за своими судами и арматоръ за сво- ими корсарами. Прежде чѣмъ сдѣлаться городомъ Генуя уже была коммерческимъ банкомъ; страсть къ лотереѣ и теперь развита въ ней до невѣроятныхъ размѣровъ, а въ прежнее время любила она войну которая тоже была для нея лоте- реей. Два событія,—одно счастливое, а другое прискорбное для нея—играли огромную роль въ ея судьбахъ. Цѣлыя два столѣтія сряду не слускала она глазъ съ Корсики и съ Пизы; наконецъ наступила удобная минута, которую такъ долго подстерегала она и днемъ и ночью; хитростию достигла она невѣроятнаго успѣха — успѣла половить цѣлый народъ, за- хватить въ свои руки все населеніе Пизы которая остается съ тѣхъ поръ такою какъ мы видимъ ее нынѣ, заброшенною и унылою. И съ Венеціей Генуя готовилась поступить точно

также. Еслибы это удалось, то она едѣлась бы владычицею морей, но алчность погубила ее. Генуезцы держали Венецію въ осадѣ; осада затягивалась; чтобы разсѣять скуку, герои превратились въ торговцев, устроили на своемъ флотѣ лавочку и принялись продавать соль. Венеціанцы въ свою очередь блокировали ихъ и взяли въ лѣвнѣ: тутъ находилось едва ли не болѣе половины лучшаго населенія города который съ этой минуты уже не могъ оправиться отъ повеселеннаго имъ разгрома. Такова ужъ была его участь что въ ожесточенной погонѣ за мелкими интересами онъ нерѣдко упустилъ изъ виду великіе. Генуезцы не переставали мечтать о Корсику и отвернулись отъ Америки на которую указывалъ имъ соотечественникъ ихъ Колумбъ. Во всей исторіи Генуи есть что-то странное, непоследовательное, какая-то утомительная неровность, подобная неровности той мѣстности на которой расположенъ городъ: непрерывно нужно подниматься вверхъ и спускаться внизъ. Нельзя отказывать Генуезцамъ въ геройствѣ, но героизмъ уживалось въ нихъ съ поразительною мелочностью....“

Встрѣчаются у Мишле и весьма мѣткія описанія природы. „Контрасты дѣйствуютъ здѣсь раздражительно на непривычнаго человека, говоритъ онъ объ окрестностяхъ Генуи: природа какъ бы щеголяетъ излишествомъ (померанцами и лимонами) и лишена необходимаго; она предлагаетъ вамъ десертъ, но не даетъ обѣда. Вокругъ общество и какое-то театральное, разфранченное, щегольское (даже самыя бѣдныя лачужки раскрашены) и вмѣстѣ съ тѣмъ терпящее большую нужду; всѣ холмы покрыты оливковыми деревьями, а между тѣмъ нѣтъ своего оливковаго масла,—его привозятъ изъ Прованса.“ Но эти удачныя мѣста очень рѣдки въ разбираемой нами книгѣ. Мишле обращаетъ мало вниманія на то что происходитъ вокругъ него, онъ занятъ своими думами, непрерывно бесѣдуетъ, какъ выражается онъ самъ, „съ тремя рядами лицъ“ (*avec trois sortes de personnes*)—съ горами, моремъ и звѣздами. Онъ вопрошаетъ ихъ какъ бы улучшить судьбу всѣхъ неимущихъ и страдающихъ на землѣ, какими средствами можно было бы обезлечить имъ довольство (*la suffisante vie*)—довольство не только матеріальное, но и духовное. Мишле не допускаетъ чтобы социализмъ могъ достигнуть этой цѣли, ибо социализмъ не болѣе какъ утолія, да еще грубо матеріалистическая. Въ средніе вѣка церковь

утоляла жажду всѣхъ прибѣгавшихъ къ ней страждущихъ и обремененныхъ, но Мишле такъ глубоко ненавидитъ католицизмъ что отрицаетъ возможность всякаго благотворнаго вліянія католической церкви на народныя массы. Гдѣ же искать разрѣшенія задачи? Звѣзды и море, съ которыми бесѣдуетъ Мишле, не даютъ ему отвѣта, а самъ онъ еще менѣе способенъ придумать его. Грустное положеніе человека который понималъ очень вѣрно что какъ для высшихъ, такъ и для низшихъ классовъ общества мало одной матеріальной жизни, что самый бѣдный простолюдинъ нуждается еще въ жизни духовной, но не хотѣлъ чтобъ этотъ простолюдинъ искалъ ее именно тамъ, гдѣ можно безошибочно найти ее. И вотъ Мишле на ряду съ размышленіями о томъ какія жизни слѣдовало бы сочинять для народа и какими книгами развлекать его, предлагаетъ между прочимъ возстановить тѣ народныя празднества которыя устраивались во Франціи во время революціи прошлаго столѣтія,—празднества съ театральною обстановкой, съ гаульскими церемоніями и съ неизбежными рѣчами, наполненными калыщенною декламацией. Слѣдовало бы ему, историку революціи, знать что даже тогда, при совершенно ненормальномъ настроеніи общества, празднества эти потерпѣли полнѣйшее fiasco и привлекали лишь весьма немногочисленную сборища зѣвакъ, а онъ въ этомъ старомъ арсеналѣ приискиваетъ цѣлебныя средства для нашего времени. Въ могучее дѣйствіе церкви Мишле не вѣрилъ, а на шутовскія зрѣлища возлагалъ большія надежды. Вотъ о чемъ мечталъ онъ для народа, излагая свои помыслы такою свойственною лишь ему прозой которая не уступаетъ самымъ ухищреннѣйшимъ стихотвореніямъ Виктора Гюго.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

18 (30) іюля 1879 г.

Фесъ и коллакъ послужили въ послѣднее время темой на которую дипломаты, а еще больше журналисты всѣхъ странъ и отгѣлковъ, разыгрывали безчисленныя варіаціи. Большинство тѣхъ и другихъ старались придать дѣлу о фескѣ и болгарской шалкѣ румелійскаго генералъ-губернатора неважное значеніе, болѣе мелочной, забавный элизологъ чѣмъ нѣчто политическое силалось видѣть во всѣхъ этихъ происшествіяхъ сопровождавшихъ пріѣздъ князя Богориди въ Фидиллополь; но въ самыхъ этихъ усиліяхъ просвѣчивало совсѣмъ другое чувство: худо скрываемаый скрежетъ зубовой по поводу очевиднаго торжества болгарскихъ стремленій къ окончательной независимости отъ Блистательной Порты и, еще болѣе, по поводу неизбѣжнаго вліанія Россіи на всѣ дѣла Балканскаго полуострова.

Сами по себѣ—фесъ, барашковая шалка или каска—никакого значенія не имѣютъ, но точно также и знамя, флагъ, какъ вещь, ничего не значать: кусокъ матеріи извѣстнаго цвѣта прибитый къ куску дерева,—вотъ и все. А между тѣмъ за честь знамени или флага народы кровь свою проливаютъ; оскорбленіе куска красной, бѣлой или черной матеріи—равно оскорбленію цѣлаго государства, всей націи, избравшихъ

эту цвѣтную тралку эмблемой своей самостоятельности, своего матеріальнаго и нравственнаго могущества, своего бытія...

Въ давномъ случай, то-есть при прїѣздѣ князя Богориди на южно-болгарскую территорию, головной уборъ тоже игралъ въ некоторомъ образѣ роль знамени: съ какимъ знаменемъ въ рукахъ является новый правитель, имѣющій замѣнить годовое управленіе освободителей страны отъ лативѣковаго порабощенія? Съ турецкимъ, наломивающимъ недавно кровавое прошлое, намекающее на то что исторія еще не кончена, что давленіе силы угнетающей имѣеть еще продолжаться хотя и въ ослабленной степени, наконецъ что враждебное Болгаріи, Славянству, Россіи рѣшеніе Берлинскаго конгресса лишить населеніе южной Болгаріи всякой надежды на соединеніе со своими болѣе счастливыми братьями — будетъ руководящею нитью правителя,—или же онъ, какъ христіанинъ, какъ потомокъ болгарскаго рода, какъ просвѣщенный государственный человекъ, сознаеть безплодность борьбы съ историческою судьбой, безчеловѣчность напрасныхъ угнетеній и истязаній народа за то что онъ стремится къ избавленію отъ мусульманскаго ига и къ соединенію со своими братьями, за общее дѣло коихъ ему выпало на долю больше другихъ пострадать,—и надѣветъ барашковую шалку, то-есть явится съ болгарскимъ знаменемъ въ рукѣ?...

Князь Богориди, не взирая на подписку данную въ Стамбулѣ, надѣвъ „колакъ“, какъ враги Болгаріи насмѣшливо называютъ мѣховую шалку; мало того, при чтеніи султанскаго фирмана въ Фидиллополѣ не былъ поднятъ турецкій флагъ.... Друзья послѣдили науськать по этому поводу Порту и самого султана на румелійскаго генераль-губернатора; онъ уже забросанъ запросами и предостереженіями, его уже обвиняють въ слишкомъ привѣтственномъ пристрастіи къ Болгарамъ, въ ущербъ Грекамъ и мусульманамъ, что выразилось въ назначеніи на высшія должности исключительно Болгарь и т. д. Пока однако князь Богориди отдѣляется отъ всѣхъ этихъ придирокъ политичными отвѣтами, то ссылаясь на европейскую комиссію, то на отсутствіе среди Грековъ и Османовъ слобныхъ людей для занятія должностей и т. п.

Что будетъ дальше, предсказать трудно. Принимая въ соображеніе челоѣческія страсти, силу эгоистическихъ цѣлей

надъ проблесками гуманныхъ стремленій, наконецъ важныя вліянія коимъ подвергаются даже самыя видныя, характерныя государственныя люди, невольно является сомнѣніе въ возможности продолжительнаго, искренняго служенія князя Богориди стремленіямъ подчиненныхъ ему Болгаръ: содѣйствуя достиженію ихъ конечной цѣли — слякнію со свободнымъ Болгарскимъ княжествомъ, оны, слѣдовательно, самъ содѣйствовалъ бы уничтоженію той видной, болѣе или менѣе самостоятельной должности на которую оны избраны Европой; вѣдь не оспаривать же тронъ Болгарскаго княжества у князя Александра Баттенберга оны можетъ имѣть въ виду?... „Лучше быть первымъ въ Филипполовѣ чѣмъ вторымъ въ Софіи“, иначе едва ли можетъ разсуждать князь Богориди...

По теоріи вѣроятно слѣдуетъ полагать что все что можетъ содѣйствовать къ приобрѣтенію популярности среди болгарскаго населенія за Балканами, за исключеніемъ поощренія стремленій къ слитію со Княжествомъ, будетъ лучшею въ ходъ. И прекрасно: пусть населеніе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ отдохнетъ и оломится отъ ужасныхъ катастрофъ, пережитыхъ имъ въ 1876 году; пусть поправится экономически и окрѣпнетъ въ умѣнн пользоваться дарованными ему правами; такая постепенность можетъ только принести пользу, а затѣмъ уже сила обстоятельствъ возьметъ свое: или населеніе добьется цѣли и соединится съ Сѣверо-Болгарскимъ княжествомъ, или сбудутся предполагаемыя мечты князя Богориди и оны въ свою очередь назовется „Александромъ I княземъ южно-болгарскимъ“, или—какъ сострилъ одинъ нѣмецкій дипломатъ—*сѣверная* Болгарія постарается присоединиться *къ южной*...

Мы позволяемъ себѣ думать что вѣрнѣе всего сбудется первое и столица всей Болгаріи будетъ—Софія; но какъ бы тамъ ни было, а пока освобожденіе Болгаръ по обѣ стороны Балканъ русскою кровью, русскими жертвами—фактъ, и сколько ногъ ни подставляли намъ и противники, и друзья, наконецъ сколько сами мы, въ какомъ-то пароксизмѣ робости и уступчивости, не портили дѣла, а вышло оно почти вполне удовлетворительно, сверхъ ожиданія обѣихъ сторонъ, къ великому нашему удовольствію и къ разлитію желчи въ сферахъ на западѣ отъ насъ обрѣтающихся... Попстивъ при-

ходитъ воскликнуть: „Блаженніи кротцыи, яко тии наследятъ землю“!..

Пожелаемъ же обѣимъ половинамъ Болгаріи мирнаго преслѣванія и развитія; да не выдѣрится въ нихъ духъ междуусобной вражды и зависти и да не забудутъ онѣ кому обязаны своимъ настоящимъ и *будущимъ*. Хотя и говорятъ что въ политикѣ, въ международныхъ отношеніяхъ, неумѣстны чувства и сентиментальности, что надо *всѣмъ* преобладаетъ интересъ, что ожиданіе благодарности есть просто глупость; но едва ли это слѣдуетъ разумѣть буквально, во *всѣмъ*, такъ-сказать, учебическомъ значеніи: неумѣстны сентиментальниченья, неумѣстны проявленія чувствъ дружбы *до забвенія собственныхъ интересовъ*, но и грубое забвеніе оказанныхъ услугъ, явная неблагодарность „могущая удивить міръ“, яростное пользованіе случаемъ оказать *вмѣсто* благодарности вредъ, хотя бы и ради нѣкоторой своей пользы, не только далеко не похвальны съ нравственной точки зрѣнія, но несомнѣнно отомстятъ за себя и отзовутся рано или поздно? Какъ аукнется такъ и откликнется. Особенно теперь, когда не одни тѣсные правительственные кружки декретируютъ отношенія одного государства къ другому, когда народныя массы слѣдятъ за ходомъ политическихъ дѣлъ, за международными отношеніями, когда создаются симпатіи и антипатіи, проявляющіяся во всевозможныхъ формахъ, и распространяемыхъ печатью по *всѣмъ* артеріямъ народной жизни,—теперь еще болѣе важно не пренебрегать *чувствами* и не пренебрегать на мѣрой, на свойствами расположенія націи..

Греко-турецкій разладъ вступилъ въ фазисъ дипломатическихъ репаративствъ. Опять съѣхались уполномоченные и при участіи посланниковъ великихъ державъ въ Константинополѣ будутъ происходить переливанія изъ лустаговъ лорожнее, причемъ посредники обратятъ больше вниманіе на поступки другъ противъ друга чѣмъ на улаженіе самого дѣла. А изъ бряцанія греческихъ сабель, какъ мы и предполагали, ничего не вышло: три года постояннаго бряцанія уже достаточно приучили міръ къ спокойной оцѣнкѣ влиискской воинственности. Времена Леонидовъ канули въ вѣчность; герои двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія были послѣдними проблесками классической доблести; теперь вѣкъ разчета, нельзя ли де чтобы водки были сыты и овцы цѣлы,—вѣкъ балансирова-

нiя между *нашимъ* и *вашимъ*... За то и результаты такого же свойства. Кстати же Турки сосредоточили на границѣ пятидесятитысячную армию,—задуматься не мѣшаетъ.

Гораздо интереснѣе на почвѣ Восточнаго вопроса отношенiя между Турцiей и Австро-Венгriей. Этакой комедiи едва ли можно найти на страницахъ исторiи дѣланiй европейской дипломатiи, какъ извѣстно, не страдающей недостаткомъ самыхъ замысловатыхъ хитроеллетевiй и курioзовъ.

Вiенская газета *Neue Freie Presse* отъявленный врагъ Россiи; ни одинъ номеръ ея не обходится безъ самыхъ ядовитыхъ наладокъ на насъ, безъ самой крупной ругани всего русскаго, и я ото всей души ее ненавижу, но долженъ отдать ей справедливость что ея сарказмы, ея обвинительныя диатрибы противъ перехитрившаго руководителя австрiйской политики, желчь съ которою газета изо дня въ день съ искусствомъ и неотразимостiю разбираетъ пресловутую австро-турецкую конвенцию, лаодъ политики графа Андраши, вполнѣ справедливы, потому что всякому Австрiйцу, то-есть одному изъ *народовъ*, если мало-мальски сохранилъ онъ чувство патриотизма и *государственного* достоинства, должно быть невыносимо больно отъ сознанiя той роли какую взяла на себя Австро-Венгрия въ послѣднихъ событiяхъ на Востоку. Еслибъ я былъ подданнымъ этой монархiи, то не краснѣя не могъ бы подумать о такой оскорбительной траги-комической роли!

Читателямъ газетъ, безъ сомнѣнiя, извѣстны всѣ перипетiи заключенiя знаменитой конвенции между Австро-Венгriей и Турцiей. Началось дѣло съ Берлинскаго конгресса, въ рѣшенiяхъ коего сказано что Австрия должна временно занять Боснiю и Герцеговину, а въ случаѣ надобности и въ-которые пункты Новобазарскаго санджака, *съ согласiя его величества султана и по предварительному опредѣленiю подробностей съ Турецкимъ правительствомъ*, для водворенiя въ этихъ мѣстностяхъ порядка. Предоставимъ дипломатамъ объясняться на томъ языкѣ который долженъ служить для скрыванiя своихъ мыслей; мы, простые смертные, называемъ вещи своими именами и говоримъ такъ: предстоитъ раздѣлъ Османскаго царства; западнымъ державамъ нужно употребить всѣ возможныя и невозможныя средства чтобы на долю Россiи (и Славянъ) досталось при этомъ случаѣ какъ можно больше жертвъ, кровью и деньгами, особенно деньгами, что весьма важно въ смыслѣ ея истощенiя, ослабленiя, экономич-

ческой зависимости, дабы она, чего добраго, не ускользнула совсѣмъ изъ-подъ ихъ вліянія; вмѣстѣ съ тѣмъ нужно чтобы имъ, западнымъ цивилизаторамъ, досталось изъ наслѣдія умирающаго человѣка какъ можно больше и то что получше; затѣмъ у всякаго изъ нихъ сказываются еще свои спеціальныя вождѣнія,—тому нужно захватить все вліяющее на морскіе пути и торговлю, другому то что можетъ наступить на голову славянской гидрѣ, грозящей задуть мадыаро-нѣмецкую гегемонію, третьему—открыть при семъ случаѣ дорогу для шествія пріятели на Востокъ, съ тѣмъ чтобы самому занять его мѣсто,—словомъ, цѣлый рогъ изобилія разныхъ желаній, видовъ и надеждъ,—что ведетъ между прочимъ къ болѣе или менѣе затаенной между ними враждѣ и соперничеству... Никто прямо въ этомъ сознаться не хочетъ, и чтобы имѣть основаніе возстать общимъ хоромъ противъ *честолюбивой, завовавательной, коварной* политики Россіи изобрѣтается такая фраза: „цѣлостъ и независимость Оттоманской имперіи“; отъ этого зависитъ де спокойствіе, свобода и цивилизація Европы, это мы должны де защищать какъ святыню, завѣщанную намъ—Парижскимъ миромъ 1856 года. Но когда, не взирая ни на что, грудью русскаго солдата пробита брешь въ ограждавшей Турцію стѣнѣ, и сквозь эту брешь блеснулъ лучъ свободы балканскимъ христіанамъ, а побѣдитель сталъ надъ поверженнымъ во прахъ непріателемъ съ завесеннымъ надъ его головой мечомъ, то волею-неволею пришлось дать Славянамъ и Россіи хоть часть удовлетворенія, и при этомъ кстати уже захватить и себѣ „шерсти клокъ“,—однако такъ чтобы великій принципъ былъ не нарушенъ: *цѣлостъ и независимость* Оттоманской имперіи прежде всего... Поэтому островъ Кипръ мы, Англчане, возьмемъ себѣ, но не думайте что совсѣмъ, въ собственность,—нѣтъ, мы только временно, для благоустройства, мы даже излишки доходовъ надъ расходами будетъ отдавать султану; а вы, гг. Мадыары, на память интимной дружбы къ Туркамъ и тѣхъ овацій которыя вы имъ дѣлали, возьмите себѣ Боснію съ Герцеговиной,—тоже не совсѣмъ, нѣтъ, временно, безъ означенія срока, съ согласія самого султана, для водворенія тамъ порядка и спокойствія, къ чему у Турецкаго правительства въ данную минуту средствъ нѣтъ. Кстати, можете при этомъ

случаѣ вбить кливъ между Черногоріей и Сербіей, да усилить надъ ними ваше вліяніе, да быть ближе къ Болгаріи и орудовать тамъ въ подрывъ Россіи. И еще, совѣтуеть имъ честный маклеръ, можете оттуда двинуться къ Новому Базару, Митровицѣ, открыть себѣ путь къ Салоникамъ и исподоволь, какъ бы сказать, не то что завладѣть всею этою частью Балканскаго полуострова, итѣ, это вѣдь было бы нарушеніемъ „цѣлости и независимости“, а *расширить сферу своего могущества или вліянія...* Для соблюденія же приличій и чтобы показать какъ строго исполняются постановленія Берлинскаго конгресса, вы не заключите съ султаномъ конвенцію; затрудненій въ этомъ дѣлѣ встрѣтиться не можетъ, оазъ, несчастный, въ такомъ положеніи что подлишетъ все, чуть не смертный приговоръ себѣ...

Потирая руки отъ удовольствія послѣ одержанной столь блистательной побѣды на Вильгельмъ-штрассе и предвкушая не меньшее удовольствіе отъ предстоящаго лакомаго куска, достающагося безъ выстрѣла, безъ пролитія капли крови и съ затратой небольшой суммы гульденовъ, графъ Андраши, не дождавшись заключенія конвенціи, двинулъ свои побѣдоносные полки въ Боснію. Послѣдствія извѣстны. Но хоть и крови пришлось пролить не мало, и денегъ истратить даже очень не мало, однако Боснія и Герцоговина захвачены-успѣшны, австрійскіе порядки, то-есть преобладаніе католическихъ и неславянскихъ элементовъ, вводятся неукоснительно. Покончивъ слѣдовательно съ этою частью задуманнаго „охраненія цѣлости и независимости Оттоманской имперіи“, рѣшились не откладывать надолго и вторую часть, то-есть овладѣніе Новобазарскимъ санджакомъ; но „для соблюденія приличій“, а еще болѣе для задобренія султана и воздѣйствія чрезъ него же на мусульманское населеніе, которое готово пожалуй повторить боснійскую исторію, рѣшились заключить предварительную конвенцію, и только бы добиться таковой, только бы имѣть возможность показывать что дѣйствія происходятъ *въ сердечномъ согласіи съ султаномъ*, уступили всѣмъ требованіямъ турецкихъ дипломатовъ, понамавшихъ конечно хорошо въ чемъ суть дѣла, и такимъ образомъ явился тотъ пресловутый актъ который, признавая султана единственнымъ законнымъ сюзереномъ Босніи, Герцеговины и Новаго-Базара, гдѣ долженъ развиваться его флагъ, гдѣ должны молиться за него въ мечетяхъ и т. д.,

еще болѣе признавая занятіе этого края *временнымъ* только безъ означенія срока, поставилъ Австро-Венгерское правительство въ какую-то невозможную роль наемной политической силы—*de jure*, и полновластными распорядителями занятой уже страны, прочно устроивающимися, вводящими свои законы и проч.—*de facto*. Этого мало: и Турки, и другія иностранныя правительства, опираясь на конвенцію, считаютъ Босно-Герцеговину владѣніями султана и обращаются въ извѣстныхъ случаяхъ къ Цорту; а мѣстное мусульманское населеніе само собой тягетъ на сторону своего калифа. При такихъ неестественныхъ условіяхъ и движеніе къ Новому Базару очевидно грозитъ повтореніемъ прошлогодней боснійской исторіи, и поэтому приступить къ дѣлу можно не иначе какъ съ сильною арміею и сотнями милліоновъ гульденовъ, рискуя очутиться въ столкновеніи даже съ самимъ Турецкимъ правительствомъ.

Всѣмъ этимъ пользуется оппозиція для борьбы съ графомъ Андраши, и органъ ея, *Neue Freie Presse*, бичуетъ его, какъ сказано, съ большимъ искусствомъ.

Фальшь и обманъ, какими декораціями ихъ не обставляй, въ концѣ концовъ сами себя должны изобличить и казнить. Упрекать Россію въ завоевательныхъ дѣлахъ, становиться на дыбы за *улысть* (!!!) и *независимость* Турціи, а самому замышлять захватъ владѣній своего кліента, безо всякихъ жертвъ, безъ риска войны, вотъ вся сущность этой политики. И нужна традиціонная безграничная ненависть и вражда къ Россіи, коими одержаны органы западной журналистики, чтобъ этого не понимать, чтобы не сказать прямо: пусть у Россіи честолюбивыя завоевательныя дѣла, пусть она замышляетъ овладѣть Константинополемъ, Индіей, цѣлымъ свѣтомъ, но она по крайней мѣрѣ идетъ напроломъ, съ орудіемъ въ рукахъ, испытывая всю тягость войны, и только поборовъ противника забираетъ часть его владѣній, а вы выступая защитниками и оберегателями этого самаго противника Россіи, на словахъ, изъ-за угла наносите ему удары болѣе чувствительные чѣмъ явный непріятель Кипръ, Боснія, Герцеговина, Новый Базаръ, — все вѣдь это гораздо важнѣе для султана чѣмъ Батумъ и Карсъ!

Повторяемъ, положеніе вѣнскихъ политиковъ крайне некрасивое и щекотливое; имъ приходится непрерывно отдѣлываться отъ нападокъ: напримѣръ, русскій консулъ является

въ Сараево съ утверждающею его грамотой отъ султана, по дѣлу о католической еписколіи въ Босніи лапа ведетъ переговоры съ султаномъ... Обидно. Ну и не удивительно что даже *Neue Freie Presse* краснѣетъ.

А тѣмъ не менѣе, не подлежатъ сомнѣнію, время возьметъ свое: краснѣть перестанутъ, въ захваченныхъ провинціяхъ прочно утвердятся, подготовятъ войска и деньги, и въ одинъ прекрасный день двинутся и захватятъ Новый Базаръ, а тамъ олятъ послѣ нѣкотораго, промежутка сдѣлаютъ еще шагъ, другой и очутятся въ Салоникахъ и подобно древнимъ Грекамъ воскликнуть: море, море... Сама Турція воспротивиться такому исходу не можетъ; изъ другихъ державъ, развѣ Италия готова бы серьезно возстать противъ такого усилія Австріи, но безъ союзниковъ едва ли она рѣшится на войну, тѣмъ болѣе что въ этомъ случаѣ Берлинъ будетъ уже не на ея сторонѣ. Отношенія однако между Римомъ и Вѣной приняли характеръ видимо недружелюбный. Газетные застрѣльщики уже открыли дѣйствія. Сомнѣваемся чтобы что-нибудь серьезное возникло въ ближайшемъ будущемъ. Англія сумѣетъ олятъ воспользоваться такимъ случаемъ и загребетъ собѣ львиную долю; а Франція — та полыветъ на буксирѣ у Лондонскаго премьера, по крайней мѣрѣ, такъ приходится думать по ея послѣднимъ дѣйствіямъ.

Чтобы покончить на этотъ разъ съ Восточнымъ вопросомъ, нужно сказать еще нѣсколько словъ объ египетскихъ дѣлахъ. Возникшія между хедивомъ и англо-французскими агентами изъ-за денежныхъ дѣлъ столкновенія разрѣшили въ тѣмъ что наследнику Фараоновъ просто-на-просто предложили отказаться (добровольно!) отъ престола въ пользу своего сына Тевфикъ-лаши, въ противномъ случаѣ будетъ де султаномъ (?) отрѣшенъ. Какъ этотъ заматавшійся поклонникъ парижскихъ бульваровъ и кафе-шантановъ ни отвертывается, ссылаясь на своего верховнаго повелителя, султана, да на готовность расплатиться съ кредиторами, а все же ему ничего больше не остается какъ подчиниться неизбежному: благодаря „дѣлности и независимости Оттоманской имперіи“ (независимость здѣсь самое прелестное!) Французы съ Англичанами распоряжаются въ этой части имперіи также какъ Австрія въ Босніи. *

* Мы дописывали эти строки когда получилась депеша что Измаиль-паша уже смѣщенъ, а сынъ его Тевфикъ вступилъ въ

Для насъ впрочемъ гораздо интереснѣе вопросъ объ отношеніяхъ Англіи и Франціи другъ къ другу, а также къ Германіи выступившей совершенно неожиданно тоже съ весьма грозными категорическими требованіями въ Каирѣ и даже якобы двинувшей свою эскадру къ египетскимъ берегамъ. Въ этомъ отношеніи царствуетъ пока совершенная тьма и едва ли кто-либо изъ непосвященныхъ можетъ сказать кто здѣсь за, кто противъ, кто дурачить, кто одураченъ. Очевидно что у подножія пирамидъ открывается арена для дипломатическихъ борцовъ, могущая чего добраго принять болѣе серьезные размѣры. До сихъ поръ всѣ увѣряютъ что дѣйствуютъ въ полномъ единодушіи, но—грѣшный человѣкъ—именно эти настойчивыя увѣренія крайне подозрительны. Какое согласіе можетъ быть у Англіи съ Франціею на почвѣ Египта? Какое согласіе можетъ быть у князя Бисмарка съ Франціею на какой бы то ни было почвѣ? Остается ждать до дальнѣйшихъ извѣстій и готовиться къ неожиданностямъ—для лублики конечно, но не для главныхъ актеровъ, къ коимъ слѣдуетъ причислить Беконсфильда и Бисмарка, навѣрное, а г. Ваддингтона съ нѣкоторыми сомнѣніями... Что наши гаданія о неожиданностяхъ не пустошное выказывается новѣйшими газетными извѣстіями будто Россія устраиваетъ союзъ съ Франціею и Турціею для противодѣйствія въ Восточныхъ дѣлахъ Англіи, Австріи и даже Германіи. Есть ли въ этомъ хоть частица правды, или вовсе нѣтъ, этого мы пока разбирать не рѣшаемся, но достаточно что объ этомъ говорится въ такой серьезной газетѣ какъ *National-Zeitung* и что никто не называетъ такихъ извѣстій абсурдомъ. Положеніе дѣлъ не нормально, вотъ все что можно сказать.

Въ политическую хронику послѣдняго мѣсяца приходится внести трагическій конецъ сына Наполеона III. Дней десять тому назадъ телеграфъ извѣстилъ что молодой принцъ Лудовикъ-Наполеонъ, отправившійся принять участіе въ дѣйствіяхъ Англичанъ противъ чернаго короля Зулуевъ, на какой-то рекогносцировкѣ убитъ.

Подъ первымъ впечатлѣніемъ этого неожиданнаго извѣстія намъ представилась, волевыми, несчастная мать, одинокая, управленіе. Впрочемъ сверженный хедивъ получилъ 50.000 фунт. стерл. пенсіи (полмилліона рублей) въ годъ и скоро утѣшится, а Тевфикъ I, имѣя въ виду примѣръ отца, остережется прекословить агентамъ европейскихъ державъ.

вдовствующая эксъ-императрица Евгения. Какія слезы, какія муки душевныя выпали въ эту минуту на долю женщины, какъ матери единственнаго сына, погибшаго во цвѣтъ лѣтъ, вдали отъ нея, подъ знойными лучами африканскаго солнца, отъ ножей дикихъ варваровъ! Какія жгучія страданія для нея, бывшей императрицы, сидѣвшей на тронѣ Франціи, окруженной почетомъ, поклоненіями всеі Европы, роскошью и блескомъ, лишиться этого единственнаго сына, надежду на восстановленіе потеряннаго величія, на возможность загладить великія прегрѣшенія отца предъ Франціей, возстановить династію Наполеонидовъ, возобновить ореолъ окружавшій это имя!... Каковы бы ни были даже ея личные недостатки, каковы бы ни были ея вѣны въ судьбахъ достигшихъ Францію въ управленіе ея мужа, все же въ эту минуту мы видимъ предъ собою только мать, поверженную въ ужасныя страданія, и никакому другому чувству кромѣ сожалѣнія и участія не должно быть мѣста даже у враговъ ея, если въ нихъ не умерло все человѣческое. Мать, теряющая единственнаго сына, теряющая его такъ неожиданно, такимъ страшнымъ образомъ, всегда и во всякой средѣ есть олицетвореніе страданія, а тутъ еще гибнетъ цѣлая политическая идея, обрывается глава исторіи и исчезаетъ всякая надежда смыть лютно... И какая трагическая судьба толкаетъ этихъ Наполеоновъ въ объятія Англіи! Первый сдался имъ чтобъ очутиться лѣнникомъ бездушнаго губернатора на островѣ Св. Елены и умереть нравственно придавленнымъ, сознавая свою ошибку. Второй у нихъ же искалъ пріюта, у нихъ же заискивалъ расположенія, повидимому забылъ съ какимъ черствымъ равнодушіемъ и индифферентностью отнеслась Англія къ его разгрому, хотя онъ былъ ея искреннимъ союзникомъ въ Крымскую войну и своими руками вынулъ для нихъ горячіе каштаны изъ печи, хотя въ ущербъ интересамъ Франціи онъ заключилъ съ ними торговый трактатъ и постоянно вовемя угождалъ этой меркантильно-эгоистической державѣ. Умирая на англійской почвѣ, онъ какъ бы поручалъ поличеніямъ той же Англіи своего единственнаго сына, отдавъ его на воспитаніе въ Вудичскую военную школу. И вотъ этотъ юноша отправляется искать военной славы въ рядахъ *друзей* среди англійскихъ войскъ и гибнетъ трагическимъ образомъ, брошенный храбрыми друзьями въ минуту оласности!... Еслибы

намъ не была знакома логика британской политики, для которой погибшій Луи-Наполеонъ могъ быть полезнымъ орудіемъ, то почти могли бы явиться подозрѣнія въ предательствѣ. Никакой мало-мальски смыслящій военный человекъ не можетъ себя представить ни такой безпечности вблизи непріятеля, ни такого незнанія азбучныхъ правилъ аванпостной или вообще полевой службы. Какой офицеръ, не говоримъ опытный, уже участвовавшій въ кампаніяхъ, но хотя бы только разъ отбывшій лагерный сборъ, сдѣлаетъ такую глупость чтобъ остановиться на отдыхъ въ мѣстности окруженной такою высокою травой, что даетъ возможность скрытно приблизиться непріятелю, не выставить въ нѣкоторомъ разстояніи впереди часоваго, мало того *разсплать* лошадей?? А затѣмъ, какой порядочный офицеръ, въ комъ есть хоть капля военной чести, при первомъ непріятельскомъ выстрѣлѣ бросится улететь, оставивъ на жертву своего товарища, не успѣвшаго сѣсть на коня; ни офицеръ, ни порядочный солдатъ, не броситъ своего товарища, тѣмъ болѣе офицера въ такомъ положеніи, хотя бы это подвергало его самого крайней опасности. Скучились бы, старались бы пробиться или, порѣзавъ лошадей и устроивъ изъ нихъ брустверъ, стали бы отстрѣиваться въ ожиданіи выручки, погибать такъ ужъ всемъ вмѣстѣ, далодороже жизнь свою продать,—вотъ какъ разсуждали бы русскіе офицеры и солдаты, чему примѣры сплошь и рядомъ были во всѣхъ войнахъ до послѣдней включительно. Но постыдно бѣжать, да еще преравнодушно разказывать объ этомъ, какъ сообщаютъ газеты объ англійскомъ поручикѣ Керу, для насъ дико, непонятно; мы въ правѣ вывести весьма не лестныя заключенія о достоинствахъ британской арміи. Не удивительно послѣ этого что успѣхи въ Афганистанѣ были весьма сомнительнаго качества, хотя Афганцы почти и не защищались, а въ Африкѣ пораженія слѣдуютъ одно за другимъ, хотя дѣло идетъ съ какими-то дикарями Зулуями. И этою-то грозной англійскою силою угрожали намъ? Намъ—защитникамъ Баязета, покорителямъ Карса, защитникамъ Шилки, покорителямъ Турецкой имперіи? Намъ—мерзнувшимъ, голодавшимъ, тонувшимъ и не взирая ни на что любѣдившимъ грозную природу Балканъ и Саганлуга, храбрыя, превосходно вооруженныя полчища турецкихъ лашей и косвенныя поддержки разныхъ друзей?

Какія послѣдствія для судьбы Франціи будетъ имѣть смерть принца Луи-Наполеона? Всѣ почти газеты полагаютъ что съ нимъ угасла наполеоновская легенда, что бонапартистской партіи не остается ничего болѣе какъ распаденіе, и что такимъ образомъ ятаганы дикихъ Зулуевъ сами того не вѣдая оказали вывѣвшему Французскому правительству величайшую услугу.

Что бонапартистской партіи нанесенъ сильный ударъ, что она вынуждена будетъ умѣрить теперь свою оппозицію, свои нападки на республиканское правительство, это несомнѣнно; но чтобъ ей ничего болѣе не оставалось какъ распаться, сложить навсегда свое оружіе, чтобъ изсякла всякая возможность дальнѣйшей борьбы за наполеоновскую имперію, намъ кажется слишкомъ послѣднимъ выводомъ. Въ массѣ Французскаго народа, среди не малой части духовенства, для большей части военныхъ и чиновничества сохранилось еще много приверженцевъ имперіи; трагическая смерть юнаго Наполеона *на полѣ брани, какъ подобаетъ храброму солдату Французу* (это уже сумѣютъ распространить и въ стихахъ, и въ прозѣ, и въ картинахъ) вызоветъ сочувствіе въ пылкихъ и весьма неравнодушныхъ къ военнымъ подвигамъ Французахъ, а претендентъ въ лицѣ принца Наполеона (сына Жерома, брата Наполеона I) сумѣетъ извлечь изъ этого пользу. Что онъ до сихъ поръ корчилъ изъ себя краснаго республиканца, демагога, атеиста, былъ въ разладѣ съ Евгеніей и ея сыномъ и со всею бонапартистской партіей, это легко объяснить отсутствіемъ у него всякой надежды даже заявить претензію на императорскій тронъ, потому что смерть юноши и въ голову ему не приходила, а теперь когда воображенію рисуется тронъ, утвержденіе династіи, (у него вѣдь два сына отъ сестры короля Италіянскаго Гумберта) возможность загладить стыдъ причиненный бонапартовскому знамени въ Седанѣ и поднять его очищеннымъ, обновленнымъ,—въ виду такихъ возможностей позволительно вскружиться головѣ и весьма позволительно отказаться отъ налускаго демагогизма, атеизма и пр. Въ умѣ же не отказываютъ этому принцу и враги его, при всѣхъ насмѣшкахъ надъ его трусостью выказанною имъ въ Крымскую войну.

За будущее ручаться вельзя, особенно во Франціи. Вѣдь и первый Наполеонъ стоилъ Франціи милліоновъ людей, милліардовъ денегъ, и привелъ въ Парижъ непріятельскія арміи; а прошло двадцать лѣтъ и трулъ его былъ на торже-

ственной колесницѣ ввезенъ въ тотъ же Парижъ, украшенный его памятникомъ, встрѣчаемый ликующими толпами востолпившими величіе для славы Маренго, Иены, Аустерлицы и проч. И второй Наполеонъ довелъ Францію до Седана, до потери Альзаса и Лотаринги, а чрезъ семь, восемь лѣтъ это уже стало забываться, партія Бонапартовъ наша уже возможнымъ болѣе открыто и рѣшительно выступить на поле дѣйствій, и, какъ тамъ ни говорите, а она, эта партія, была уже силой съ которою ресубликѣ приходилось считаться. Теперь ей нанесенъ сильный ударъ, но едва ли можно сказать „*finis imperii*“. Можетъ-быть смерть сына послужитъ какъ бы искушеніемъ вины отца и еще болѣе прилучитъ приверженцевъ и колеблющихся съ мыслью о Бонапартахъ.... Все возможно на этомъ свѣтѣ!

Результаты добытые Англичанами въ войнѣ съ Афганистаномъ не особенно важны; всѣ эти *научныя* границы, занятіе и укрѣпленіе проходовъ Хайберскихъ, Болаевскихъ и иныхъ едва ли стоили сдѣланныхъ затратъ; но въ чемъ нельзя не сознаться, это въ томъ — что весь этотъ эпизодъ нанесъ нашему обаянію въ Средней Азии чувствительный ударъ. Было бы крайне ошибочно скрывать отъ себя это обстоятельство. Гораздо полезнѣе, сознавъ истину, подумать о мѣрахъ исправить дѣло. Въ этомъ отношеніи экспедиція генерала Лазарева можетъ-быть и скажетъ свое вѣское слово. Пока намъ неизвѣстны окончательныя предположенія о предстоящихъ тамъ дѣйствіяхъ и потому заранѣе трудно что-нибудь сказать; полагаемъ однако что занятіемъ Мерва и обезлеченіемъ Персіи отъ туркменскихъ вторженій (услуга за которую правительство шаха не могло бы не считать себя весьма обязаннымъ намъ), а равно устройствомъ прочнаго сообщенія отъ Каспія въ направленіи къ Герату съ одной и къ Хивѣ съ другой стороны, да еслибъ еще оказалось возможнымъ осуществить поворотъ теченія Аму-Дарьи къ Каспійскому морю,—Россія не только возстановила бы поколебленное послѣдними событіями значеніе свое въ Азии, но приобрѣла бы его въ большей степени чѣмъ прежде и затмила бы проблематическое торжество Англичанъ. А интересы наши въ тѣхъ странахъ такъ важны что игнорировать нашимъ тамъ вліяніемъ нельзя безнаказанно. Экспедиція передана въ умѣлыя, опытыя руки. И. Д. Лазаревъ оху-

ки на руку не положить: кромѣ личной храбрости и рѣшимости, кромѣ навыка къ военнымъ дѣйствіямъ противъ азіатскихъ полчищъ, онъ обладаетъ еще чрезвычайнымъ преимуществомъ—именно административною опытностью и полнѣйшимъ знаніемъ характера Азіатцевъ; все это приобрѣтено имъ сокорокалѣтнею службой въ Дагестанѣ, сначала подъ руководствомъ такого отличнаго учителя какъ князь М. З. Аргутинскій-Долгорукій, а затѣмъ уже и въ самостоятельныхъ должностяхъ. Можно быть вполнѣ увѣрену что все дѣло будетъ исполнено отлично, если не вмѣшается дипломатія со своими слишкомъ тонкими, давольно-видными соображеніями, и если какія-нибудь ораторскія фразы, произнесенныя за бѣкаломъ шамлапскаго, не наговяты робости и не затормозятъ хода операціи въ рѣшительную минуту....

Мы уже заранѣе слышатся возгласы: „вотъ неисправимые шовинисты, вотъ квасные патріоты,—мало имъ бѣдствій война, мало жертвъ кровью и деньгами принесено, нужно еще какую-то Мервъ, какихъ-то Туркменовъ покорять. Тутъ пожары, жучки, саранча, наводненія, градобитія, недавно чума утихла, завтра пожалуй холера явится, наконецъ „соціально-революціонный комитетъ“ свирѣпствуетъ, а они—вмѣсто того чтобы заваяться внутренними вопросами—новую войну проповѣдуютъ!

Что новаго можно отвѣчать на эти старые вопросы? Конечно, еслибы мы перешли въ ряды тѣхъ новѣйшихъ людей которые отвергаютъ государство, а тѣмъ самымъ всякіе его интересы политическіе и экономическіе, всякую идею о его чести и достоинствѣ, о стелени его значенія среди другихъ государствъ, то было бы абсурдомъ толковать вообще о политическихъ дѣлахъ, и всѣмъ органамъ печати слѣдовало бы упразднить эти отдѣлы; но мы не можемъ послѣдовать за новыми алостолами уже хотя бы ради того что намъ никакъ нельзя уединиться отъ всей остальной Европы, а тамъ, безъ различія формъ правленія, какъ въ монархическихъ, такъ и въ республиканскихъ, консервативныхъ архилиберальныхъ, рядомъ съ вопросами внутренними идутъ вопросы внѣшніе, и сіи послѣдніе, не взирая ни на что, стоятъ даже на первомъ планѣ. Англія, Германія, Франція, Італія, Австро-Венгерія все образцы коимъ искони намъ подражать велеть, завалены такъ-сказать заботой по вопросамъ внѣшней поли-

тики, не забудьте по вопросамъ, болѣе или менѣе, а циничъ даже и весьма близко касающимся Россіи, какъ государства конечно, а не федераціи мелкихъ свободныхъ общинъ... Если бы мы обратились исключительно ко внутреннимъ дѣламъ, да махнули рукой на какихъ-то Туркменъ, да на какія-то дѣянія Англіи въ Малой Азіи, да на какіе-то ходы иностранной дипломатіи въ славянскихъ земляхъ Балканскаго полуострова, вообще на все что заставляетъ не дремать, оглядываться на всѣ стороны, дѣйствуя гдѣ наступательно, гдѣ оборонительно, то играли бы въ руку всѣмъ прочимъ государствамъ преслѣдующимъ свои цѣли въ явный ущербъ Россіи. И кончилось бы тѣмъ что волей-неволей пришлось бы обратиться къ тѣмъ же туркменскимъ, болгаро-сербскимъ и проч. вопросамъ, да только уже въ послѣднюю минуту, влопыхахъ, когда пожаръ охватилъ все зданіе, когда нужны сверхестественныя усилія чтобы сласти хотя болѣе цѣнное..

Намъ уже много разъ приходилось говорить на эту тему, и какъ ни варируй, а все же сводится отвѣтъ къ тому что внутренніе вопросы сами по себѣ, а внѣшніе сами по себѣ. Ни жучокъ, ни пожары или наводненія, ни даже самъ „соціально-революціонный комитетъ“ не могутъ заставить государство заняться исключительно ими, бросивъ свои внѣшнія дѣла на волю судьбы. Никто не думаетъ отвергать великой важности внутреннихъ вопросовъ и необходимости посвящать имъ самое заботливое вниманіе; но для этого прежде всего требуется отсутствіе такихъ сумасбродныхъ явленій которыя вынуждаютъ прибѣгать къ чрезвычайнымъ мѣрамъ, которыя очевидно тормозятъ развитіе нормальнаго хода внутреннихъ вопросовъ. Пусть наши господа, съ такимъ комическимъ жеманствомъ и ужимками, и вздохами разыгрывающіе quasi-либеральныя, а еще болѣе оппозиционно-изобличительныя романсы, къ нимъ, къ этимъ сумасбродамъ обращаютъ свои укоры, а не къ тѣмъ которые говорятъ что ни изъ-за жучковъ, ни изъ-за „глада, мора и труса“, разсматриваемыхъ въ увеличительное стекло, нельзя оставлять безъ вниманія ни Средней, ни Малой Азіи, ни вообще всего что имѣетъ связь съ Восточнымъ вопросомъ и внѣшнею политикой государства...

А. ЗИССЕРМАНЪ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ТОМА СТО Сорокъ ПЕРВАГО.

М А Й.

	<i>Стр.</i>
Эмпиризмъ и догматизмъ въ области медиумизма. Окончаніе. <i>А. М. Бутлерова</i>	5
✓ Лѣсъ и значеніе его въ природѣ. Гл. XI—XIII. <i>Я. И. Вейнберга</i>	48
✓ Новая книга о Гуссахъ и Гусситскихъ войнахъ. <i>А. К—аго</i>	76
✓ Изъ воспоминаній о минувшей войнѣ. <i>В. В. Крестовскаго</i>	136
Мои воспоминанія о Фракіи. Гл. VI. <i>К. Н. Леонтьева</i>	206
✓ Андрей Товіанскій, его жизнь, ученіе и послѣдователи. (По новымъ источникамъ.) Гл. II. <i>В. В. Макушева</i>	215
✓ Грачевскій крокодилъ. Повѣсть. <i>И. А. Салова</i>	260
✓ Пророкъ. Поэма въ десяти лѣсахъ Роберта Гамерлингга. Пѣснь третья. Переводъ <i>Ф. Б. Миллера</i>	343
✓ Братья Карамазовы. Романъ. Часть вторая. Гл. I—IV. <i>Ф. М. Достоевскаго</i> ..	369
Новости литературы: I. <i>Этюды о Мольерѣ</i> . <i>Алексыя Веселовскаго</i> .—II. <i>Исторія Московской Духовной Академіи</i> . <i>С. Смирнова</i> .—III. <i>Бытъ итальянскихъ городовъ во времена Римской имперіи</i> . Проф. <i>Фридендера</i> .—IV. <i>Сцены и этюды изъ семейной жизни</i> . <i>Легуве</i> .—V. Второй выпускъ сочиненій <i>Готтевота</i> .—VI. <i>Изыщныя искусства на Всемирной Выставкѣ 1878 года</i> .—VII. <i>Библия въ картинахъ знаменитыхъ мастеровъ</i>	410
Политическое обозрѣніе. <i>А. Л. Зиссермана</i>	478

	<i>Стр.</i>
Мянія Посошкова о судопроизводствѣ и законодательствѣ. <i>А. Г. Брикнера</i>	411
Критика отвлеченныхъ началъ. Гл. XXIII—XXVI. <i>В. С. Соловьева</i>	530
Военно-историческіе очерки. Гл. XII—XIV. <i>А. Л. Зиссермана</i>	558
Пророкъ. Поэма въ десяти пѣсняхъ Роберта Гамерлинга. Пѣснь четвертая. Переводъ <i>Ө. Б. Миллера</i>	588 ✓
Карусель въ Сентъ-Луи. Разказъ изъ американскаго быта. <i>Князя Н. П. Урусова</i>	609 ✓
Встрѣча съ племянникомъ Нана-Сауба въ Петербургѣ. Разказъ <i>С. В. Петрова-Батурича</i>	678
Тревожный вопросъ русской педагогій. <i>М. Ө. Де-Пуле</i>	719
Братья Карамазовы. Романъ. Часть вторая. Гл. V—VII. <i>Ө. М. Достоевскаго</i>	736 ✓
Могаръ младшій. Романъ Андреа Тэриэ. Переводъ съ французскаго. Часть первая. Гл. I—IV.....	781 ✓
Къ лѣтописи нашей учебной реформы.	826
Новости литературы: I. <i>Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, съ его житейскихъ и литературныхъ дѣлъ и съ семейной обстановкы.</i> Сочиненіе <i>Михаила Де-Пуле</i> .—II. По поводу нѣкоторыхъ изданій <i>Горя отъ ума</i> .—III. <i>Новая Земля.</i> Исторія ея открытія и описаніе. Доктора <i>Теллена</i> .—IV. Посмертныя сочиненія <i>Мишле</i>	929
Политическое обозрѣніе. <i>А. Л. Зиссермана</i>	962

ВЪ КОНТОРЪ

ТИПОГРАФІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

СЪ ТЕАТРА ВОЙНЫ (1877—78). ДВА ПОХОДА ЗА БАЛКАНЫ. Соч. кн. Л. В. Шаховскаго. 1878. Ц. 2 р.

СТРАНИЦЫ ИЗЪ КНИГИ СТРАДАНІЙ БОЛГАРСКАГО ПЛЕМЕНИ. Повѣсти и разказы Любева Каравелова. 1878. Ц. 1 р. 50 к.

КЕНЕЛМЪ ЧИЛЛИНГЛИ, ЕГО ПРИКЛЮЧЕНІЯ И МНѢНІЯ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1874. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

ПАРИЖАНЕ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1875. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ЗАКОНЪ И ЖЕНЩИНА. Романъ Уилки Коллинза. 1875. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

НОВАЯ МАГДАЛИНА. Романъ Уилки Коллинза. 1873. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

БѢДНАЯ МИССЪ ФИНЧЪ. Семейная исторія. Соч. Уилки Коллинза. 1872. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ЛЕДИ АННА. Романъ Антони Троллопа. 1874. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ДО ГОРЬКАГО КОНЦА. Романъ миссъ Брайдовъ. 1873. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

МОЯ МАТЬ И Я. Романъ автора „Джона Галифакса“. 1874. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ВЪРА. Повѣсть автора романа „Гостиница Сентъ-Жанъ“. Переводъ съ англійскаго. 1872. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ПО ВОЛѢ СУДЬБЫ. Романъ Албани Фонтланка. Переводъ съ англійскаго. 1871. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА или жизнь негровъ въ невольничьихъ штатахъ Сѣверной Америки. Романъ гжи Бичеръ-Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1858. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ФОРМЫ ВОДЫ ВЪ ОБЛАКАХЪ И РѢКАХЪ, ВО ЛѢДѢ И ВЪ ЛЕДНИКАХЪ. Соч. Джона Тиндала. Переводъ съ англійскаго. Съ девятнадцатью рисунками въ текстѣ. М. 1873. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

ВЫШЛО НОВОЕ ИЗДАНИЕ:

ДВАДЦАТЬ МѢСЯЦЕВЪ ВЪ ДѢЙСТВУЮЩЕЙ АРМІИ

(1877—1878).

Письма въ редакцію газеты *Правительственный Вѣстникъ*, отъ ея офціального корреспондента, лейбъ-гвардіи, Уланскаго Его Величества полка штабъ-ротмистра

Всеволода Крестовскаго,

изданіе исправленное и значительно дополненное, въ двухъ томахъ (1.348 страницъ), съ планами, картами и справочнымъ указателемъ именъ и фамилій.

СОДЕРЖАНІЕ I ТОМА: Санитарная и хирургическая части въ арміи.—Гудевыя полки.—Военная жизнь въ Кишиневѣ.—Кавунъ и объявленіе войны.—Пребываніе Государя Императора въ Кишиневѣ.—Красный Крестъ.—Болгарское олоаченіе.—Занятіе Барбошскаго моста.—Дѣйствія въ Браиловѣ.—Отъ Унгеней до Плоештовъ.—Болгарское знамя.—Минныя загражденія.—Кавалерія на Дунаѣ.—Взрывъ турецкаго броненосца.—Пріѣздъ Государя Императора къ арміи.—Пребываніе Его въ Букурештѣ и Плоештахъ.—Переправа у Гадаца и занятіе Мачина.—Окончательныя загражденія Дуная.—Приготовленія къ главной переправѣ.—Переправа у Зимницы.—Дѣятельность врачей на переправѣ.—Пребываніе главныхъ квартиръ въ Зимницѣ.—Зимница и Систовъ.—Занятіе Тырнова.—Занятіе Сельви, Ловчи и Плевны.—Занятіе Шилкинскаго перевала.—Взятіе Никололя.—Первое сраженіе подъ Плевной.—Второе сраженіе подъ Плевной.—Выѣздъ главной квартиры изъ Тырнова.—Систово-зимницкая лавка.—Дѣйствія забалканскаго отряда генерала Гурко.

СОДЕРЖАНІЕ II ТОМА: Главная квартира въ Чаушкѣ-Махалѣ.—Пріѣздъ Государя Императора въ Горный-Студень.—Битвы на Шилкѣ.—Подробности о битвахъ первыхъ

трехъ дней на Шилкѣ.—Третья Плевна.—Подъ Плевной до
прѣзда генерала Тотлебена.—Дѣйствія кавалеріи за Видомъ.—
Дѣйствія сельви-ловчихскихъ партизановъ.—Преступленія въ
арміи.—День на Великокняжеской батарее.—Бой подъ Гор-
нымъ Дубякомъ и Телешемъ.—Сдача Телеша и лѣвныя въ
Боготѣ.—Дальнѣйшія дѣйствія на лутяхъ сообщенія Османа—
Взятіе перваго гребня Зеленыхъ Горъ и жизнь въ травше-
яхъ.—Взятіе Врацы.—Нижевдуцкій, рущукскій, елевен-
скій и шилкинскій отряды.—Подъ Плевной.—Дѣйствія от-
дѣльнаго западнаго отряда генерала Гурко.—Паденіе Плевны,
бой за Видомъ 28 ноября.—Сдача Османа.—Государь Импе-
раторъ въ Плевнѣ.—Османъ и лѣвныя паша въ Боготѣ.—
Отъездъ Государя Императора изъ арміи.—Переходъ черезъ
Троянъ.—Въ долину Розъ.—Отъ Карлова до Чирлана.—
Переправа черезъ Марицу у Іени-Магале.—Отъ Іени-Магале
до Адрианополя.—Адрианополь.—Отъ Адрианополя до моря
Эгейскаго.—Набѣгъ генерала Струкова.—Набѣгъ на Гюмур-
джиу.—Миръ.—Свиданіе Великаго Князя съ султаномъ.—
Прощальный смотръ Великаго Князя.

За два тома цѣна шесть рублей.

На пересылку предлагаются деньги по почтовому тарифу
за пять фунтовъ и сверхъ того 20 коп. за укупорку.

Книгопродавцамъ дѣлается обычная уступка.

Лица обращающіяся съ требованіями непосредственно въ
складъ изданія за пересылку и укупорку ничего не платятъ.

Складъ изданія въ конторѣ редакціи газеты *Правитель-
ственный Вѣстникъ*, въ С.-Петербургѣ. 5.245—2.

